опекуну малолѣтняго сына кн. Отара Амилохвари, Циціанову, поступила вопреки 758 ст. Уст. Гр. Суд. Руководствуясь изложенными соображеніями, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Тифлисской Судебной Палаты отмѣнить: по кассаціонной жалобѣ Степанова—по нарушенію 758 ст. Уст. Гр. Суд., а по кассаціонной жалобѣ Рейтера—по нарушенію 711 ст. Уст. Гр. Суд. и 612 и 634 Т. X ч. I, и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты.

66.—1882 г. марта 17 дня. *По прошеніямъ: 1) купца Карла Крога и 2) пов. торгов. дома „Анисимъ Тюляевъ съ сыновьями“, кандидата правъ Степанова, пов. Казанскаго отдѣленія Волжско-Камскаго коммерческаго банка, Московскаго общества коммерческаго кредита торговаго и промышленнаго товарищ. „П. Малютина сыновья“, торговаго дома „В. Третьякова вдова съ сыновьями“ (въ ликвидаціи) и купца Ивана Горюнова, кандидата правъ Токарева, пов. купца Балина, торговаго дома „Степана Борисова сыновья“, купца Андрея Гандурина и опекуновъ надъ имущ. и дѣтьми умершаго купца Николая Соколова, кандидата правъ Накарякова, пов. Казанскаго общ. банка, дворянина Буяльскаго, объ отмѣнѣ рѣшенія Казанской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Я. Голубевъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора Н. Е. Вельцинъ).

Казанскій Окружный Судъ объявилъ потомственнаго почетнаго гражданина Муртаза Мустафина Усманова должникомъ несостоятельнымъ. Во время конкурснаго производства было возбуждено слѣдствіе о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Ловейка, Зороастрова, Мусы Уразова Сайдашева, Арсаевой, Багаутдиновой, Ахметова, Рахменкухова, Шамсутдинова, Чукина и Зябирова по обвиненію въ мошенничествѣ, присвоеніи и растратѣ чужого имущества. Это слѣдствіе по опредѣленію уголовнаго департ. Казанской Судебной Палаты 11 августа 1878 г. пріостановлено впредь до разрѣшенія гражданскимъ судомъ свойства несостоятельности Усманова. Общее собраніе заимодавцевъ Усманова постановило признать его злонамѣреннымъ банкротомъ. Это постановленіе состоялось по большинству голосовъ, поданныхъ заимодавцами Зороастровымъ и Ловейко и повѣренными Казанскаго общества взаимнаго кредита, Гандурина, Морозова, Соколова, Бакирова, Мусы и Волея Уразовыхъ, Урсаевой, Багаутдиновой, Галея Усманова и Сайдашева. Меньшинство, а именно: Клыковскій и повѣренные Волжско Камскаго банка, Московскаго общества коммерческаго кредита, Горюнова, Казанскаго общественнаго банка, Балина, торговаго дома „Степана Борисова сыновья“, соглашаясь съ большинствомъ относительно признанія Усманова злостнымъ банкротомъ, выразили несогласіе съ мотивами большинства и находили, что Муса Уразовъ, Ловейко, Сайдашевъ, Зороастровъ, Арсаева, Багаутдинова, Чукинъ, Шамсутдиновъ и Зябировъ должны быть признаны пособниками Усманова и участниками его злонамѣреннаго банкротства. Засѣданіе Казанскаго Окружнаго Суда по вопросу о свойствѣ несостоятельности было назначено на 31 августа 1879 г. Между тѣмъ, поступили въ Окружный Судъ жалобы на постановленія общаго собранія заимодавцевъ, во-1-хъ, со стороны Ловейка на отнесеніе одной изъ его претензій къ 3 разряду, и, во-2-хъ, со стороны Казанскаго общественнаго банка, Волжско-Камскаго банка, Московскаго общества коммерческаго кредита, Балина, Горюнова, торговаго дома „Степана Борисова сыновья“ и торговаго дома „Анисимъ Тюляевъ съ сыновьями“; эти послѣднія жалобы принесены на причисленіе къ 2 разряду претензій Ловейка, Зороастрова, Арсаевой, Галея Усманова, Багаутдиновой, Сайдашева и Уразовыхъ и, между прочимъ, распространяются на претензіи, пріобрѣтенныя Уразовыми отъ Шамсутдинова, Чукина и Зябирова, причемъ заявлено ходатайство о признаніи означенныхъ претензій спорными и о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ предъявившихъ эти претензіи заимодавцевъ и противъ Чукина и Зябирова за соучастіе въ злонамѣренномъ банкротствѣ

Казанскій Окружный Судъ, истребовавъ отъ жалобщиковъ копіи жалобъ для Чукина и Зябирова, сообщилъ эти копіи симъ послѣднимъ. Всѣ означенныя жалобы выслушаны Окружнымъ Судомъ въ засѣданіи, назначенномъ для обсужденія свойства несостоятельности Усманова. Въ этомъ засѣданіи Леденцовъ, именуя себя повѣреннымъ заимодавца Крога, заявилъ, что присоединяется къ жалобамъ. Казанскій Окружный Судъ пришелъ къ заключенію, что Усмановъ долженъ быть признанъ злостнымъ банкротомъ; что сотрудниками его по устройству злостной несостоятельности были Ловейко, Уразовы, Сайдашевъ, Зороастровъ, Арсаева, Багаутдинова и Чукинъ, что въ способѣ пріобрѣтенія и въ предъявленіи въ конкурсъ этими лицами претензій, выданныхъ какъ непосредственно на ихъ имя, такъ и на имя Зябирова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ и банковъ, усматриваются признаки противозаконныхъ дѣйствій, требующихъ уголовнаго преслѣдованія; что поданныя Суду вышеупомянутыя жалобы подлежатъ разсмотрѣнію по существу, но разрѣшеніе вопроса о правильности причисленія претензій къ тому или другому роду и разряду зависитъ отъ разсмотрѣнія уголовныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе чего слѣдуетъ пріостановиться разрѣшеніемъ этихъ жалобъ. Посему Казанскій Окружный Судъ рѣшеніемъ 31 августа 1879 г. постановилъ: 1) признать Усманова должникомъ несостоятельнымъ злостнымъ и 2) признать, что въ способѣ пріобрѣтенія и въ предъявленіи въ конкурсъ обжалованныхъ претензій заключаются обстоятельства, требующія уголовнаго преслѣдованія, и съ передачею сего предмета чрезъ прокурора въ уголовный судъ пріостановиться разрѣшеніемъ всѣхъ принесенныхъ по этимъ претензіямъ жалобъ. На это рѣшеніе, объявленное въ окончательной формѣ 14 сентября, принесены 27 и 28 сентября апелляціонныя жалобы Уразовыми, Ловейкомъ, Арсаевою, опекунами намъ имѣніемъ Галея Усманова, Зороастровымъ, Сайдашевымъ, Багаутдиновою, Зябировымъ, Шамсутдиновымъ и Чукинымъ, причемъ въ жалобахъ Мусы Уразова и Ловейка изложено ходатайство о признаніи Усманова неосторожнымъ банкротомъ. Между тѣмъ, самъ несостоятельный должникъ Усмановъ заявилъ письменно Окружному Суду, что отказывается отъ принадлежащаго ему права обжаловать приведенное рѣшеніе. Повѣренные заимодавцевъ, оспаривавшихъ претензіи апелляторовъ въ жалобахъ, поданныхъ въ Окружный Судъ, Степановъ, Буяльскій, Токаревъ и Накоряковъ, въ объясненіи противъ апелляціи Ловейка указали, что домогательство Ловейка о признаніи Усманова неосторожнымъ банкротомъ не подлежитъ разсмотрѣнію, такъ какъ Ловейко лично въ общемъ собраніи кредиторовъ и чрезъ повѣреннаго въ Окружномъ Судѣ ходатайствовалъ о признаніи Усманова злостнымъ банкротомъ, и что жалоба Ловейко на пріостановленіе производства не подлежитъ разсмотрѣнію Палаты за силою 783 ст. Уст. Гр. Судопр. Казанская Судебная Палата нашла, что первый пунктъ резолюціи Окружнаго Суда представляетъ постановленное по существу дѣла судебное рѣшеніе о свойствѣ несостоятельности Усманова, а во второмъ пунктѣ содержится частное опредѣленіе суда, относящееся къ производству по жалобамъ на постановленія общаго собранія кредиторовъ по предмету распредѣленія долговъ на роды и разряды; что Окружный Судъ не имѣлъ законнаго основанія соединять и разрѣшать совокупно два различныхъ производства: одно объ опредѣленіи свойства несостоятельности Усманова, а другое по жалобамъ на упомянутыя постановленія общаго собранія и что ссылка противниковъ апелляторовъ на 783 ст. Уст. Гр. Судопр. не заслуживаетъ уваженія въ виду того, что жалобы на вторую часть постановленія Окружнаго Суда содержатся въ поданныхъ апелляціяхъ, поступившихъ до истеченія двухнедѣльнаго срока (Уст. Гр. Судопроиз. ст. 785). Переходя къ обсужденію вопроса о томъ, возможно ли по поданнымъ жалобамъ войти въ повѣрку рѣшенія Окружнаго Суда о свойствѣ несостоятельности Усманова, Судебная Палата нашла, что порядокъ производства дѣлъ о несостоятельности, какъ явствуетъ изъ 1863 и 2004 ст. Уст. Тор. и прилож. къ 223 ст. Уст. Гр. Судопр. и рѣш. Гр. Кас. Деп. 1875 г. № 860 по дѣлу Ліона, заключается въ томъ, что постановленіе общаго собранія кредиторовъ о свойствѣ несостоятельности поступаютъ

и помимо жалобы несостоятельнаго или заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ на ревизію Окружнаго Суда. Непризнаніе со стороны суда возможнымъ утвердить заключеніе общаго собранія о свойствѣ несостоятельности само собою обязываетъ судъ, войдя въ разсмотрѣніе сущности дѣла, постановить новое опредѣленіе. Такимъ образомъ, право суда на признаніе того или другого свойства несостоятельности поставлено по закону внѣ всякой зависимости отъ того или другого мнѣнія объ этомъ свойствѣ не только всѣхъ и каждаго изъ кредиторовъ, но даже и самого несостоятельнаго, если бы послѣдній по какимъ либо соображеніямъ и склонялся въ пользу свойства несостоятельности, болѣе тягостной, ибо рѣшенія ревизіоннаго суда по общему ихъ характеру, очерченному въ 532, 533 и послѣд. ст. Т. X ч. 2 (изд. 1857 г.), заключаются въ непосредственномъ установленіи истины, согласно требованіямъ подлежащаго закона и значенія имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ. Согласно съ симъ постановленіемъ общаго собранія кредиторовъ о злостной несостоятельности отнюдь не можетъ стѣснять Окружный Судъ въ признаніи такого несостоятельнаго не только неосторожнымъ, но даже несчастнымъ, и наоборотъ. Нѣтъ основаній полагать, что производство дѣлъ по опредѣленію свойства несостоятельности подчинялось какимъ либо инымъ правиламъ и въ Судебной Палатѣ, за исключеніемъ того только обстоятельства, что Судебная Палата, никогда не выходя изъ роли апелляціонной инстанціи, приступаетъ къ разсмотрѣнію этихъ дѣлъ не иначе, какъ вслѣдствіе жалобы на постановленіе, состоявшееся въ Окружномъ Судѣ. Заключеніе это имѣетъ безусловно вѣрное основаніе во временныхъ правилахъ о порядкѣ производства дѣлъ о несостоятельности, гдѣ прямо выражено (прилож. къ ст. 223 Уст. Граждан. Судопр. пунктъ 1 й), что судебныя мѣста, образованныя на основаніи Судебныхъ Уставовъ (а стало быть Окружный Судъ и Судебная Палата), руководствуясь при производствѣ дѣлъ о несостоятельности постановленіями, изложенными въ Уставѣ Торговомъ, съ указанными ниже измѣненіями и дополненіями, а, между тѣмъ, эти послѣднія по отношенію къ Судебной Палатѣ ограничиваются лишь указаніемъ на то, что жалобы на рѣшенія и опредѣленія Окружныхъ Судовъ приносятся порядкомъ, указанномъ въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства, въ мѣсячный срокъ, съ освобожденіемъ отъ взысканія судебныхъ пошлинъ (пунк. 18 и 19). Отсюда становится очевиднымъ, что Судебная Палата, получивъ жалобу на постановленіе Окружнаго Суда отъ кого либо изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, будь это самъ несостоятельный или его кредиторъ, или, наконецъ, лицо, привлеченное къ отвѣтственности по зависимости отъ свойства несостоятельности, обязана принять эту жалобу къ разсмотрѣнію, если она принесена въ установленномъ законномъ порядкѣ, и затѣмъ обсудить вопросъ о свойствѣ несостоятельности въ тѣхъ же предѣлахъ, въ коихъ онъ обсуживался въ Окружномъ Судѣ, т.-е. предѣлахъ всесторонняго изслѣдованія сего вопроса по имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ съ цѣлью установить истинное положеніе несостоятельности. Въ разсматриваемомъ дѣлѣ на постановленіе Казанскаго Окружнаго Суда отъ 31 августа 1879 г. вступило въ Судебную Палату одиннадцать апелляціонныхъ жалобъ. Изъ нихъ семь (Абдулъ Валея Уразова, Мусы Уразова, опеки Галея Усманова, Ловейко, Сайдашева, Шамсутдинова и Чукина) распространяются въ просительномъ пунктѣ на отмѣну обжалованнаго постановленія во всемъ его составѣ, т. е. и относительно свойства несостоятельности Муртазы Усманова, причемъ Муса Уразовъ и Ловейко прямо домогаются признанія его несостоятельнымъ должникомъ неосторожнымъ; остальныя же четыре жалобы (Зябирова, Арсаевой, Зороастрова и Багаутдиновой) ограничиваются прасьбою объ отмѣнѣ второй части обжалованнаго постановленія. Всѣ эти жалобщики суть кредиторы Усманова, а слѣдовательно, и заинтересованные въ томъ или другомъ отношеніи въ правильномъ опредѣленіи свойства его несостоятельности, особенно ж[illegible] виду того, что возбужденное по обвиненію этихъ лицъ уголовное д[illegible] пріостановлено въ дальнѣйшемъ его ходѣ уголовнымъ департаментомъ Судебной Палаты впредь до разрѣшенія гражданскимъ судомъ этого послѣдняго вопроса. Обязанность Палаты приступать къ разсмотрѣнію свойства несостоятельности по жалобѣ кого либо изъ заинтересованныхъ въ этомъ лицъ можетъ быть выводима и

изъ разъясненій Правительствующаго Сената по вышеупомянутому дѣлу Ліона, гдѣ допущена была апелляціонная жалоба Ляпиныхъ, признанныхъ Окружнымъ Судомъ участниками въ банкротствѣ Ліона. При такихъ обстоятельствахъ необжалованіе Усмановымъ, постановленія Окружнаго Суда 31 августа 1879 г. препятствовать Судебной Палатѣ приступить къ разсмотрѣнію вопроса о свойствѣ несостоятельности Усманова, не можетъ, а слѣдовательно, не можетъ и стѣснить Палату въ отмѣнѣ означеннаго постановленія по тѣмъ или инымъ истекающимъ изъ дѣла основаніямъ. Равнымъ образомъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ рѣшающаго въ дѣлѣ значенія и то обстоятельство, что Усмановъ даже ходатайствовалъ о скорѣйшемъ приведеніи рѣшенія Суда въ исполненіе, какъ бы признавая правильность онаго. Не въ порядкѣ вещей допустить, чтобы Усмановъ чистосердечно домогался скорѣйшаго примѣненія къ нему уголовной кары закона; тутъ, очевидно, кроется какая-либо иная цѣль, съ которою не всегда могутъ мириться интересы правосудія. Обращаясь, наконецъ, къ тому обстоятельству, что апелляторъ Ловейко въ общемъ собраніи кредиторовъ признавалъ Усманова банкротомъ злостнымъ, что повѣренный Ловейка, Хлопинъ, какъ увѣряютъ его противники, высказывалъ такое же мнѣніе при производствѣ дѣла въ Окружномъ Судѣ и что представители апелляторовъ Ловейка, Мусы Уразова и Сайдашева, заявляя о безразличіи для интересовъ ихъ довѣрителей того или другого свойства несостоятельности Усманова, тутъ же просятъ о признаніи его неосторожнымъ должникомъ, Судебная Палата ничего основательнаго въ этихъ доводахъ не усматриваетъ, ибо если и согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что противорѣчіе въ требованіяхъ однихъ и тѣхъ тяжущихся по одному и тому же предмету не должно быть допускаемо, то объясненныя противорѣчія никакого вліянія на рѣшеніе настоящаго дѣла оказать не могутъ, потому что хотя бы Ловейко и Муса Уразовъ и вовсе не обжаловали постановленія Окружнаго Суда, то Судебная Палата все-таки приступила бы къ разсмотрѣнію вопроса о свойствѣ несостоятельности Усманова, въ виду вышеприведенныхъ жалобъ прочихъ недовольныхъ рѣшеніемъ Суда по сему предмету лицъ, въ числѣ которыхъ есть и такія (Шамсутдиновъ и Чукинъ), которыя въ общемъ собраніи кредиторовъ при обсужденіи вопроса о свойствѣ несостоятельности Усманова не участвовали и въ пользу признанія его злостнымъ банкротомъ никогда не высказывались. Послѣ этихъ разсужденій Судебная Палата вошла въ разсмотрѣніе свойства несостоятельности Усманова и, оцѣнивъ значеніе обнаруженныхъ по дѣлу обстоятельствъ, показаній различныхъ лицъ и доводовъ, приведенныхъ въ рѣшеніи Окружнаго Суда и въ объясненіяхъ сторонъ, Судебная Палата пришла къ заключенію, что Усмановъ долженъ быть признанъ несостоятельнымъ должникомъ неосторожнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію Палаты, не можетъ имѣть мѣста и обвиненіе въ участіи въ подлогахъ несостоятельнаго тѣхъ лицъ, претензіи которыя опорачиваются Усмановымъ и меньшинствомъ членовъ общаго собранія кредиторовъ, почему постановленіе Окружнаго Суда о пріостановленіи разсмотрѣнія жалобъ кредиторовъ на постановленія общаго собранія подлежитъ отмѣнѣ. Вслѣдствіе сего Казанская Судебная Палата рѣшеніемъ, состоявшимся 28 января—4 февраля 1880 года и объявленнымъ въ окончательной формѣ 18-го февраля 1880 года, опредѣлила объявить Усманова несостоятельнымъ должникомъ неосторожнымъ съ послѣдствіями по 2001 ст. Устава Торгов. и отмѣнить обжалованное постановленіе Казанскаго Окружнаго Суда во всѣхъ частяхъ. О кассаціи этого рѣшенія Казанской Судебной Палаты поданы два прошенія: а) 16 іюня 1880 года купцомъ Крогомъ и б) 18-го іюня 1880 года повѣреннымъ торговаго дома „Анисимъ Тюляевъ съ сыновьями“, Степановымъ, повѣреннымъ Казанскаго отдѣленія Волжско-Камскаго банка, Московскаго общества коммерческаго кредита, торговаго и промышленнаго товарищества „П. Малютина сыновья“, торговаго дома „В. Третьякова вдова съ сыновьями“ (въ ликвидаціи) и купца Горюнова, Токаревымъ, повѣреннымъ Балина, торговаго дома „Степана Борисова с-ья“, Гандурина и опекуновъ надъ имуществомъ и дѣтьми Соколова, Накаряковымъ, и повѣреннымъ Казанскаго общественнаго банка, Буяльскимъ. Въ послѣднемъ изъ поименованныхъ двухъ прошеній приведены основанія, по ко-

торымъ просители усматриваютъ въ рѣшеніи Палаты нарушенія: 1, 8, 9, 11, 12, 331, 339, 366, 367, 374, 409, 411, 584, 663—665, 694, 706, 711, 743, 747, 771, 773, 774, 777, 783 ст. и п.п. 1, 18 и 19 прил. къ ст. 223 Уст. Гр. Суд., 366, 368 и 374 ст. Т. X ч. I, 532 и 533 ст. Т. X ч. 2, 1862, 1863, 1950, 1988, 2004 ст. Уст. Торг., 118 и 119 Уст, Врач., 1160, 1161, 1163 и 1166 ст. Улож. о нак., 297 и 310 ст. Уст. Угол. Суд. Въ кассаціонной жалобѣ Крога объяснено нарушеніе относительно его ст. 663, 758, 759, 762, 763, 764, 767 Уст. Гр. Суд., заявлено о неправильности опредѣленія свойства несостоятельности до разсмотрѣнія всѣхъ опротестованныхъ имъ, Крогомъ, постановленій общаго собранія и затѣмъ по перечисленіи законовъ, нарушеніе которыхъ подробно указано въ жалобѣ другихъ кредиторовъ, Крогъ, во избѣжаніе повторенія, излагаетъ, что присоединяется въ этомъ отношеніи къ ихъ жалобѣ. По вступленіи обѣихъ жалобъ въ Палату, Зороастровъ ходатайствовалъ о пріостановленіи производства вслѣдствіе смерти одного изъ довѣрителей Накарякова, купца Гандурина. Въ засѣданіи Палаты, назначенномъ для обсужденія этого ходатайства, представлена довѣренность, выданная Накарякову 22 августа 1880 г. опекунами надъ имѣніемъ умершаго Гандурина Имѣя въ виду, что производство пріостанавливается, дабы права по имуществу умершаго тяжущагося не оставались безъ законной защиты, что такая защита принадлежитъ учрежденному на законномъ основаніи опекунскому управленію, что опекунское управленіе надъ имѣніемъ умершаго Гандурина уже существовало во время наступленія срока на подачу кассаціонной жалобы и, слѣдовательно, тогда наличествовали и способы для огражденія правъ умершаго и что вопросъ о неправоспособности Накарякова на подачу кассаціонной жалобы относится къ сужденіямъ Правительствующаго Сената, Судебная Палата оставила прошеніе Зороастрова безъ послѣдствій. Въ Правительствующій Сенатъ поступили объясненія Сайдашева, Зороастрова, Уразова, Шамсутдиновой, Багаутдиновой и Чукина противъ кассаціонныхъ жалобъ.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго Волжско-Камскаго коммерческаго банка, присяжнаго повѣреннаго Герарда, а также заключеніе Товарища Оберъ Прокурора и останавливаясь прежде всего на попросѣ о правѣ Накарякова обжаловать рѣшеніе Палаты отъ имени Гандурина, Правительствующій Сенатъ находитъ, что изъ дѣла не видно, чтобы до подачи жалобы Накаряковъ получилъ извѣстіе о прекращеніи силы довѣренности Гандурина вслѣдствіе смерти сего послѣдняго, а затѣмъ въ виду 2334 ст. Т. X ч. 1 по прод. 1876 г., нельзя признать Накарякова неимѣвшимъ права подать кассаціонную жалобу отъ имени Гандурина. Переходя къ кассаціонной жалобѣ Крога, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что копія апелляцій и извѣщеніе о днѣ засѣданія Палаты были сообщены конкурсному по дѣламъ Усманова управленію, являющемуся представителемъ кредиторовъ, вслѣдствіе чего и при отсутствіи въ производствахъ Окружнаго Суда и Судебной Палаты заявленій Крога или его повѣреннаго о мѣстѣ жительства нельзя видѣть нарушенія указываемыхъ Крогомъ законовъ въ томъ, что ему не были посланы копіи апелляціи и объявленіе о днѣ засѣданія Палаты. Точно также не можетъ быть принято въ уваженіе и указаніе Крога въ кассаціонной жалобѣ о неправильности опредѣленія свойства несостоятельности Усманова до разсмотрѣнія всѣхъ опротестованныхъ имъ постановленій общаго собранія кредиторовъ, потому что изъ дѣла не видно, чтобы со стороны Крога о семъ было сдѣлано какое либо указаніе до разрѣшенія дѣла Судебною Палатою, которая вслѣдствіе сего не имѣла основанія обсуждать этотъ вопросъ и даже не установила, были ли и въ какомъ порядкѣ опротестованы Крогомъ тѣ или другія постановленія общаго собранія кредиторовъ Усманова. Что же касается прочихъ частей жалобы Крога, то въ нихъ онъ частью повторяетъ указанія, приведенныя въ кассаціонной жалобѣ другихъ кредиторовъ, частью присоединяется къ соображеніямъ, изложеннымъ подробно въ сей послѣдней. Хотя въ объясненіи противъ кассаціонной жалобы Крога Муса Уразовъ и заявляетъ, будто присоединеніе къ кассаціонной жалобѣ соучастниковъ не можетъ быть допущено въ виду рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1869 г. № 319, но это рѣшеніе вовсе не примѣнимо

къ жалобѣ Крога. Въ упомянутомъ рѣшеніи Гражданскій Кассаціонный Департаментъ разъяснилъ непримѣнимость къ кассаціонному производству 766 ст. Уст. Гражд. Судопроизвод., предоставляющей лицу, не приносившему апелляціи, присоединиться къ жалобѣ сооучастника послѣ ея подачи въ мѣсячный срокъ, по настоящему же дѣлу Крогъ принесъ кассаціонную жалобу до истеченія кассаціоннаго срока самостоятельно и независимо отъ другихъ лицъ, приведя въ ней объясненія, касающіяся только его одного, и сверхъ этихъ объясненій заявилъ о нарушеніи законовъ, указанныхъ въ жалобѣ прочихъ кредиторовъ, сославшись на эту жалобу лишь во избѣжаніе повторенія приведеннаго въ ней изложенія, въ чемъ именно усматривается нарушеніе этихъ законовъ. При такихъ условіяхъ ссылка Крога на жалобу другихъ кредиторовъ не можетъ быть разсматриваема въ качествѣ того присоединенія къ жалобѣ соучастника, которое предусмотрѣно въ 766 ст. Уст. Гр. Суд., не распространенной на кассаціонное производство, и Правительствующій Сенатъ не находитъ законнаго препятствія къ допущенію такой ссылки одного просителя на объясненія въ кассаціонной жалобѣ другого соучастника. Посему, признавая объясненія изложенныя повѣренными Степановымъ, Токаревымъ, Накаряковымъ и Буяльскимъ, подлежащими разсмотрѣнію въ отношеніи какъ довѣрителей ихъ, такъ и Крога, сославшагося на эти объясненія, Правительствующій Сенатъ обращается къ обсужденію вопроса, имѣла ли Казанская Судебная Палата право по поданнымъ ей апелляціямъ войти въ повѣрку рѣшенія Окружнаго Суда о свойствѣ несостоятельности и измѣнить это рѣшеніе. Заключеніе Судебной Палаты о предѣлахъ власти Окружнаго Суда при опредѣленіи свойства несостоятельности представляется согласнымъ съ 1863 и 2004 ст. Уст. Торг., а именно Окружный Судъ, разсматривающій вопросъ о свойствѣ несостоятельности въ порядкѣ ревизіи постановленія общаго собранія заимодавцевъ, разрѣшаетъ этотъ вопросъ внѣ зависимости отъ мнѣній или требованій заинтересованныхъ лицъ по сему предмету. Но нельзя признать, чтобы таковы были и предѣлы власти Судебной Палаты при разсмотрѣніи ею дѣла о свойствѣ несостоятельности, потому что Судебная Палата входитъ въ обсужденіе свойства несостоятельности не въ ревизіонномъ порядкѣ, а по приносимымъ на общемъ основаніи апелляціоннымъ жалобамъ (пун. 18 прил. къ 223 ст. Уст. Гр. Суд., Т. X ч. 2 изд. 1876 года) и, слѣдовательно, къ производству такого дѣла въ Палатѣ примѣнимы всѣ ограниченія, установленныя для апелляціонной инстанціи. Сопоставленіе стат. 4, 706, 743, 747 и 773 Устава Гр. Суд. показываетъ, что: 1) Судебная Палата разрѣшаетъ дѣло только по жалобѣ стороны, заинтересованной въ просимомъ ею измѣненіи рѣшенія Окружнаго Суда; 2) Судебная Палата ограничивается предѣлами заявленныхъ этою стороною требованій, не удовлетворенныхъ Окружнымъ Судомъ, почему рѣшеніе Окружнаго Суда, постановленное соотвѣтственно требованію стороны, не можетъ быть отмѣнено по жалобѣ этой же стороны, и 3) Судебная Палата можетъ измѣнить рѣшеніе Окружнаго Суда лишь въ пользу жалобщика, но не въ пользу противника, подчинившагося рѣшенію Окружнаго Суда. Относительно свойства несостоятельности законъ предоставляетъ прежде всего самимъ кредиторамъ высказать свое заключеніе по этому предмету (Уст. Торг. ст. 1999), которое поступаетъ на разсмотрѣніе суда (ст. 2004). Если рѣшеніе Окружнаго Суда утверждаетъ заключеніе общаго собранія заимодавцевъ объ отнесеніи несостоятельности къ высшему изъ трехъ родовъ ея (ст. 1859—1862), то такимъ рѣшеніемъ удовлетворяется требованіе заимодавцевъ, согласно мнѣнію которыхъ состоялось заключеніе общаго собранія, и допущеніе сихъ заимодавцевъ къ обжалованію такого рѣшенія было бы противно приведенному началу о невозможности измѣнять рѣшеніе по просьбѣ той стороны, соотвѣтственно требованію которой оно послѣдовало. Независимо отъ сего, Правительствующій Сенатъ находитъ, что при опредѣленіи свойства несостоятельности заинтересованными сторонами являются должникъ и его заимодавцы, т. е. лица, которымъ что либо причитается изъ его имущества. Интересы этихъ сторонъ взаимно противоположны. Различая послѣдствія несостоятельности по ея свойству, т.-е. смотря по тому, относится ли она къ роду несчастнаго, неосторожнаго или злостнаго банкротства, законъ (Уст. Торг.

ст. 2000—2003) установляетъ тѣмъ болѣе тягостныя для должника и слѣдствія, чѣмъ выше родъ, къ которому отнесена его несостоятельность, и, обратно, права кредиторовъ ограничиваются съ отнесеніемъ несостоятельности къ низшему роду. Въ виду сего въ пониженіи рода несостоятельности можетъ быть заинтересованъ только должникъ, интересы же заимодавцевъ могутъ вызывать лишь возвышеніе рода несостоятельности. Этими соображеніями опредѣляется, кто и въ какихъ предѣлахъ можетъ обжаловать рѣшенія Окружнаго Суда о свойствѣ несостоятельности. Требовать измѣненія рѣшенія суда по этому предмету могутъ только самъ должникъ и его заимодавцы, которымъ что либо причитается изъ его имущества, и притомъ должникъ можетъ ходатайствовать лишь объ отнесеніи его несостоятельности къ низшему роду, а заимодавцы въ правѣ въ апелляціи домогаться только возвышенія рода несостоятельности. Поэтому если Окружный Судъ призналъ несостоятельность злостною, то замѣнить это рѣшеніе признаніемъ несостоятельности неосторожною, т. е. измѣнить рѣшеніе Окружнаго Суда въ пользу должника, Судебная Палата въ правѣ не иначе, какъ по жалобѣ должника. Такое измѣненіе рѣшенія Окружнаго Суда не можетъ послѣдовать при отсутствіи жалобы должника, хотя бы рѣшеніе Окружнаго Суда указывало участниковъ злонамѣреннаго банкротства и было обжаловано ими или привлеченными къ уголовной отвѣтственности, зависящей отъ свойства несостоятельности, такъ какъ эти лица имѣютъ право защищаться единственно противъ привлеченія ихъ самихъ къ отвѣтственности, но ихъ жалобы, по смыслу приведенныхъ выше статей Уст. Гр. Суд., и Устава Торговаго, не могутъ служить основаніемъ къ измѣненію рѣшенія въ отношеніи необжаловавшаго этого рѣшенія несостоятельнаго должника. По настоящему дѣлу общее собраніе заимодавцевъ, единогласно признало Усманова должникомъ несостоятельнымъ злостнымъ, и Окружный Судъ утвердилъ такое заключеніе заимодавцевъ, но Судебная Палата постановила рѣшеніе о признаніи Усманова несостоятельнымъ должникомъ неосторожнымъ вслѣдствіе апелляцій, поданныхъ нѣкоторыми изъ участвовавшихъ въ общемъ собраніи заимодавцевъ и, сверхъ того, Шамсутдиновымъ и Чукинымъ. Это измѣненіе рѣшенія Окружнаго Суда на основаніи жалобъ сихъ лицъ нарушаетъ вышеуказанные законы, потому что: 1) кредиторы Усманова, требовавшіе въ общемъ собраніи признанія его несостоятельнымъ должникомъ злостнымъ, не въ правѣ жаловаться на рѣшеніе Окружнаго Суда, удовлетворившее такое требованіе ихъ; 2) хотя Судебная Палата и именуетъ Шамсутдинова и Чукина кредиторами Усманова, но не установила, чтобы они и во время опредѣленія свойства несостоятельности оставались еще кредиторами, т.-е. собственниками претензій, подлежащихъ удовлетворенію изъ имущества несостоятельнаго; если Шамсутдиновъ и Чукинъ, имѣвшіе первоначально претензіи, переуступили ихъ другимъ лицамъ, то, не будучи кредиторами во время опредѣленія свойства несостоятельности, не имѣютъ права домогаться отнесенія несостоятельности къ тому или другому роду; 3) привлеченіе лицъ, подавшихъ жалобы въ Палату, къ уголовной отвѣтственности, находящейся въ зависимости отъ свойства несостоятельности Усманова, не давало тѣмъ лицамъ права требовать измѣненія рѣшенія въ отношеніи Усманова, подчинившагося признанію его злостнымъ банкротомъ; 4) вообще отсутствіе жалобы самого Усманова на рѣшеніе Окружнаго Суда о признаніи его злостнымъ банкротомъ лишало Палату права измѣнять это рѣшеніе въ пользу Усманова и отнести несостоятельность его къ низшему роду. Ссылка Казанской Судебной Палаты на разъясненіе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента въ рѣшеніи 1875 г. № 860 по дѣлу Ліона не можетъ имѣть значенія по настоящему дѣлу, потому что по дѣлу Ліона рѣшеніе Окружнаго Суда о признаніи несостоятельности Ліона злостною было обжаловано и самимъ Ліономъ, а по разсматриваемому дѣлу не было жалобы должника. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ усматриваетъ нарушеніе 4, 747 и 773 ст. Уст. Граждан. Судопроизводства, въ рѣшеніи Казанской Судебной Палаты о признаніи Усманова несостоятельнымъ должникомъ неосторожнымъ. Постановляя такое рѣшеніе, Казанская Судебная Палата вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнила постановленіе Казанскаго Окружнаго Суда во всѣхъ

частяхъ, въ томъ числѣ и изложенное во 2 пун. резолюціи сего суда заключеніе о существованіи признаковъ преступленія въ способѣ пріобрѣтенія и предъявленія въ конкурсъ нѣкоторыхъ претензій, о сообщеніи о семъ уголовному суду и о пріостановленіи разрѣщенія жалобъ, принесенныхъ по означеннымъ претензіямъ къ Усманову. Обсужденіе Палатою этого заключенія Окружнаго Суда по поданнымъ жалобамъ при настоящемъ положеніи дѣла нарушаетъ 783 ст. Уст. Гр. Суд. Судебная Палата установила, что настоящее дѣло слагается изъ двухъ различныхъ производствъ: одного о свойствѣ несостоятельности и другого по жалобамъ на постановленія общаго собранія кредиторовъ по предмету распредѣленія долговъ на роды и разряды и что во 2 п. резолюціи Окружнаго Суда содержится частное опредѣленіе, относящееся ко второму изъ упомянутыхъ производствъ. При такомъ значеніи этого постановленія къ нему должна быть примѣнена 783 ст. Уст. Гр. Суд., по которой на частныя опредѣленія Окружнаго Суда, не заканчивающія производства дѣла въ семъ судѣ (рѣш. Гр. Кассац. Д—та 1872 г. № 542; 1876 г. № 202), жалобы, кромѣ положительно указанныхъ въ законѣ случаевъ, не допускаются до воспослѣдованія въ судѣ постановленія, разрѣшающаго существо дѣла. Опредѣленіе Окружнаго Суда о сообщеніи уголовному суду объ обнаруженныхъ признакахъ преступленія и о пріостановленіи гражданскаго производства (Уст. Гр. Суд. ст. 8) представляется такимъ распоряженіемъ по частному возникшему изъ дѣла вопросу (ст. 705), которымъ не заканчивается производство дѣла въ судѣ и за которымъ должно послѣдовать постановленіе Окружнаго Суда по существу дѣла. Такое опредѣленіе не отнесено закономъ и къ числу тѣхъ, на которыя допускаются частныя жалобы до постановленія суда по существу дѣла. Посему, согласно 783 ст. Уст. Гр. Суд., состоявшееся по жалобамъ кредиторовъ Усманова опредѣленіе Казанскаго Окружнаго Суда о сообщеніи уголовному суду объ обнаруженныхъ признакахъ преступленія и о пріостановленіи производства по этимъ жалобамъ не подлежало обжалованію Судебною Палаты впредь до воспослѣдованія постановленія Окружнаго Суда по существу жалобъ на распредѣленіе претензій по родамъ и разрядамъ или такого по этимъ жалобамъ постановленія, которымъ заканчивалось бы производство по нимъ въ Окружномъ Судѣ. За невоспослѣдованіемъ подобнаго постановленія Окружнаго Суда Судебная Палата не имѣла права, въ виду 783 ст. Уст. Гр. Суд., принять къ своему разсмотрѣнію жалобы на означенное опредѣленіе Окружнаго Суда и отмѣнять это опредѣленіе. Признавая рѣшеніе Казанской Судебной Палаты подлежащимъ отмѣнѣ по указаннымъ нарушеніямъ 4, 747, 773 и 783 ст. Уст. Гр. Суд. и находя, что съ отмѣною рѣшенія по приведеннымъ основаніямъ представляется излишнимъ входить въ обсужденіе прочихъ кассаціонныхъ поводовъ, приведенныхъ просителями, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Казанской Судебной Палаты отмѣнить по нарушенію 4, 747, 773 и 783 ст. Уст. Гр. Суд. и дѣло передать въ Московскую Судебную Палату.

67.—1882 года марта 17 го дня. *По прошенію несостоятельнаго должника потомствен. почетн. гражд. Муртазы Мустафина Усманова объ отмѣнѣ опредѣленія Казанской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Я. Голубевъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. Е. Вельцинъ).

Конкурсное управленіе по дѣламъ несостоятельнаго должника Муртазы Усманова, исполнивъ возложенныя на него обязанности, созвало общее собраніе заимодавцевъ, согласно 1985 стат. Уст. Торг. Общее собраніе, открывъ свои дѣйствія 25 ноября 1878 г., приступило первоначально къ разсмотрѣнію отчета конкурснаго управленія и претензій, предъявленныхъ на Усманова и распредѣленныхъ симъ управленіемъ по родамъ и разрядамъ. Къ 20 марта 1879 г. общее собраніе разсмотрѣло претензій на сумму, нѣсколько превышающую половину общей суммы претензій отнесенныхъ къ 1-му роду, и 20 марта 1879 г. постановило поручить конкурсному управленію продать движимое и недвижимое имущество Усманова въ маѣ мѣсяцѣ съ 15 до 20

числа, съ тѣмъ, чтобы были сдѣланы своевременно публикаціи и посланы объявленія о продажѣ имѣній въ сосѣднія полицейскія управленія и волостныя правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ общее собраніе установило, съ какой суммы должны быть начаты торги на каждое имѣніе. Публичная продажа состоялась 17 мая 1879 года, и конкурсное управленіе признало предложенныя цѣны выгодными для конкурсной массы и сообщило о совершеніи данныхъ, которыя и выданы. Между тѣмъ, 18 мая 1879 года поступила въ конкурсное управленіе адресованная въ Окружный Судъ жалоба Усманова, который, указывая на преждевременность постановленія общаго собранія о продажѣ имѣній и на назначеніе торга безъ соблюденія установленныхъ въ законѣ правилъ, просилъ отмѣнить означенное постановленіе со всѣми послѣдствіями, пріостановить продажу и предписать общему собранію до обсужденія порядка и способа продажи имуществъ разсмотрѣть правильность постановленій конкурса о всѣхъ заявленныхъ долгахъ и мнѣнія конкурса о причинахъ упадка и о свойствѣ несостоятельности его, Усманова. Казанскій Окружный Судъ оставилъ жалобу Усманова безъ уваженія. По принесенной на это опредѣленіе жалобѣ Усманова Казанская Судебная Палата нашла, что такъ какъ общее собраніе кредиторовъ несостоятельнаго Усманова, открывшее свои дѣйствія вслѣдствіе созыва онаго конкурснымъ управленіемъ, на основаніи 1985 ст. Уст. Торг., есть окончательное, въ которое допускаются только признанные конкурснымъ управленіемъ заимодавцы, то отъ сего окончательнаго собранія заимодавцевъ и зависитъ назначеніе продажи имущества, входящаго въ составъ массы несостоятельнаго. Хотя распоряженіе о продажѣ имущества и постановленіе объ удовлетвореніи долговъ относятся къ окончательнымъ дѣйствіямъ общаго собранія заимодавцевъ, предварительно же сихъ распоряженій предпосылается разсмотрѣніе всѣхъ дѣйствій конкурснаго управленія (1994 ст. Уст. Торг.), но несоблюденіе общимъ собраніемъ сего порядка не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ его распоряженій, ибо, во-1-хъ) въ законѣ не постановлено, чтобы дѣйствія и распоряженія окончательнаго общаго собранія признавались недѣйствительными въ томъ случаѣ, когда они происходили не въ томъ порядкѣ, какъ указано въ 1994 ст. Уст. Торг., и во-2-хъ) изъ дѣла усматривается, что общее собраніе заимодавцевъ, по открытіи своихъ дѣйствій, приступило первоначально къ разсмотрѣнію дѣйствій конкурснаго управленія и предъявленныхъ къ несостоятельному претензій, каковыхъ и было разсмотрѣно на 315 тыс. руб., наличныхъ же денегъ до продажи имущества въ конкурсномъ управленіи было только до 70 т. руб., т. е. далеко недостаточныхъ для удовлетворенія даже разсмотрѣнныхъ претензій. Посему общее собраніе заимодавцевъ по поводу видимой недостаточности суммы для удовлетворенія претензій и во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, необходимыхъ при управленіи имѣніемъ, не могло быть лишено права назначить имущество несостоятельнаго въ продажу и прежде разсмотрѣнія остальныхъ претензій, заявленныхъ къ несостоятельному. Что же касается заявленія Усманова о назначеніи продажи имущества фиктивными его кредиторами, то заявленіе это представляется совершенно голословнымъ и, кромѣ того, опровергается тѣмъ, что общее собраніе, постановившее продать имущество Усманова, состоялось по окончаніи дѣйствій конкурснаго управленія, когда всѣ претензіи были уже распредѣлены по родамъ и разрядамъ по удовлетворенію, а, слѣдовательно, собраніе состоялось, согласно 1988 ст. Уст. Торг., только изъ признанныхъ конкурсомъ заимодавцевъ; да и, кромѣ того, ни изъ жалобы Усманова, ни изъ постановленія общаго собранія не видно, чтобы въ немъ участвовалъ кто-либо изъ кредиторовъ, не признанныхъ конкурснымъ управленіемъ. Равнымъ образомъ не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія и указаніе Усманова на отступленіе конкурснымъ управленіемъ при продажѣ отъ установленнаго Уставомъ 20 ноября 1864 г. порядка для продажи недвижимыхъ имѣній съ публичнаго торга, такъ какъ конкурсное управленіе, являясь въ этомъ случаѣ въ качествѣ уполномоченнаго отъ всѣхъ заимодавцевъ несостоятельнаго, дѣйствовало по указанію общаго собранія, которому принадлежитъ право опредѣлить срокъ и порядокъ продажи. По симъ соображеніямъ, признавая опредѣленіе Казанскаго Окружнаго Суда правильнымъ, Судебная Палата оставила безъ послѣдствій

жалобу Усманова. О кассаціи этого опредѣленія Судебной Палаты ходатайствуетъ Усмановъ, объясняя: что 1) всякое распоряженіе, сдѣланное внѣ установленнаго закономъ порядка, должно быть признано недѣйствительнымъ, хотя бы такое послѣдствіе и не было указано въ законѣ: опредѣленный въ законѣ порядокъ для дѣйствій и распоряженій общаго собранія имѣетъ существенное значеніе для огражденія правъ кредиторовъ и несостоятельнаго должника; посему отказъ Палаты отмѣнить постановленіе общаго собранія нарушаетъ 1990—1994 ст. Уст. Торг.; 2) если общее собраніе опредѣлило продать имѣніе съ публичнаго торга, то это распоряженіе обязывало конкурсное управленіе произвести продажу не иначе, какъ порядкомъ, указаннымъ въ 1132—1160 ст. Уст. Гр. Суд.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго Усманова, присяжнаго повѣреннаго Михайлова, и заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по исполненіи конкурснымъ управленіемъ всѣхъ обязанностей, возложенныхъ на него 1930—1984 стат. Устава Торгов., созывается общее собраніе признанныхъ симъ управленіемъ заимодавцевъ (ст. 1985 и 1988); сему общему собранію конкурсное управленіе представляетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, общій счетъ имущества и долговъ, примѣрный расчетъ удовлетворенія и заключеніе о причинахъ упадка должника (ст. 1990); разсмотрѣвъ сіи представленія, общее собраніе постановляетъ свое о нихъ рѣшеніе (ст. 1991); по разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣйствій конкурснаго управленія, общее собраніе приступаетъ къ окончательнымъ распоряженіямъ и вслѣдствіе того назначаетъ сроки и порядокъ продажи остальнаго непроданнаго имущества и дѣлаетъ окончательное постановленіе о долгахъ и ихъ удовлетвореніи (ст. 1994). Соображеніе приведенныхъ правилъ показываетъ, что существенное ихъ значеніе, ограждающее интересы кредиторовъ и должника, заключается въ томъ, чтобы постановленія по исчисленнымъ предметамъ послѣдовали въ общемъ собраніи, созванномъ по окончаніи всѣхъ дѣйствій конкурснаго управленія относительно разысканія имущества, разсмотрѣнія дѣйствительности долговъ и разъясненія причинъ упадка должника, и исходили лишь отъ такихъ заимодавцевъ, которые признаны конкурснымъ управленіемъ (ст. 1988). Въ виду сего, хотя законъ и предусматриваетъ такую послѣдовательность въ дѣятельности общаго собранія, при которой сперва разсматриваются дѣйствія конкурснаго управленія, а потомъ дѣлаются распоряженія о продажѣ имущества, но одно несоблюденіе этой послѣдовательности не можетъ влечь за собою безусловное признаніе недѣйствительнымъ постановленія о продажѣ имущества, когда это постановленіе состоялось въ общемъ собраніи, созванномъ, согласно 1985 ст. Уст. Торгов., при участіи, по 1988 ст., однихъ лишь признанныхъ конкурснымъ управленіемъ заимодавцевъ. Посему и усматривая, что по настоящему дѣлу Казанская Судебная Палата установила фактъ соблюденія 1985 и 1988 ст. Уст. Тор., Правительствующій Сенатъ не находитъ нарушенія указанныхъ просителемъ 1990—1994 ст. сего Устава въ отказѣ Казанской Судебной Палаты отмѣнить постановленія общаго собранія заимодавцевъ Усманова о продажѣ его имущества. Не заслуживаетъ уваженія и объясненіе Усманова о нарушеніи 1132—1160 ст. Уст. Гр. Суд. Эти законы опредѣляютъ правила публичной продажи имѣній при понудительномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній о производствѣ денежныхъ взысканій. Уставъ о несостоятельности не распространяетъ этихъ правилъ на всѣ случаи продажи имѣній несостоятельнаго должника по распоряженію общаго собранія заимодавцевъ, а предоставляетъ самому общему собранію назначить сроки и порядокъ продажи (Уст. Торг. ст. 1994), возлагая на конкурсное управленіе приведеніе этого распоряженія въ исполненіе (ст. 1995). Хотя для такой продажи имущества несостоятельнаго и можетъ быть произведенъ публичный торгъ съ цѣлью возбужденія соревнованія между покупателями и возвышенія продажной цѣны имѣнія, но не представляется законнаго основанія къ обязательному примѣненію всѣхъ правилъ публичной продажи, изданныхъ для понудительнаго взысканія по судебному рѣшенію (рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1875 года № 179). По настоящему дѣлу, какъ оказывается изъ установленныхъ Казанскою Судебною Палатою фактовъ, общее собраніе заимодавцевъ Усманова опредѣлило

оцѣнку имѣній, назначило срокъ продажи ихъ и дало указанія относительно оглашенія продажи, но не постановило, чтобы при продажѣ были исполнены всѣ правила, изложенныя въ 1132—1160 ст. Уст. Гр. Суд. Вслѣдствіе сего конкурсное управленіе должно было произвести продажу съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя указаны общимъ собраніемъ, но не было обязано примѣнять безусловно весь порядокъ, опредѣленный въ приведенныхъ ст. Уст. Гр. Суд. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: кассаціонную жалобу Усманова оставить, на основаніи 793 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

68.—1882 г. апрѣля 21 дня. *По прошенію дворянина Анисима Ивницкаго объ отмѣнѣ рѣшенія Роменскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ П. О. Тизенгаузенъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Ф. Д. Бартъ).

Въ исковомъ прошеніи, поданномъ Мировому Судьѣ 16 ноября 1880 г., Ивницкій объяснилъ, что Долинка въ октябрѣ того же года „испортилъ“ принадлежащій ему, истцу, въ с. Коровинцахъ ровъ, отдѣляющій его усадьбу отъ улицы и проѣзда къ рѣкѣ, „разбросавъ“ этотъ ровъ на обѣ стороны, „набросалъ“ на ту усадьбу золы и срубилъ тамъ пограничную вербу; посему Ивницкій, ссылаясь въ подтвержденіе сего на свидѣтелей, просилъ воспретить Долинку нарушеніе владѣнія его, истца, и взыскать съ него на возстановленіе упомянутаго рва въ прежнемъ его видѣ 15 рублей и за самовольно срубленную и вывезенную отвѣтчикомъ вербу 5 руб., а равно и вознагражденіе за веденіе дѣла и судебныя издержки. Въ отвѣтъ на этотъ искъ Долинка заявилъ: 1) что означенный ровъ онъ только подновилъ, чтобы не ѣздили по мѣсту Ивницкаго, которое стоитъ уже нѣсколько лѣтъ запущеннымъ пустыремъ; 2) что приказанія выбрасывать на это мѣсто золу онъ не давалъ, но прислуга его дѣйствительно могла это сдѣлать, видя, что оно не воздѣлывается, и 3) что срубить вербу распорядился онъ потому, что она сухая и, какъ уже подгнившая, угрожаетъ при малѣйшемъ вѣтрѣ опасностью для проѣзжающихъ мимо нея, но что онъ не воспользовался ею, почему истецъ можетъ получить ее во всякое время. По выслушаніи указанныхъ истцомъ свидѣтелей, Мировой Судья нашелъ, что показаніями ихъ вполнѣ выяснилось, что нарушенія отвѣтчикомъ владѣнія истца не было, ибо Долинка только прорылъ на свой счетъ канаву, уже существовавшую изстари, но заравнявшуюся отъ времени, въ каковомъ дѣйствіи отвѣтчика никакого намѣренія присвоить себѣ землю истца не усматривается; за самоуправный же срубъ вербы Долинка могъ бы судиться только въ порядкѣ уголовномъ. Посему и принимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе доказанность факта означенной порубки, Мировой Судья опредѣлилъ: срубленную вербу, какъ сохраненную отвѣтчикомъ, предоставить Ивницкому, взыскавъ въ пользу послѣдняго съ отвѣтчика за веденіе дѣла и судебныя издержки 5 рублей. Разсмотрѣвъ настоящеее дѣло по апелляціи истца Ивницкаго, въ которой онъ, между прочимъ, просилъ о передопросѣ выслушанныхъ Мировымъ Судьею свидѣтелей, подъ присягою, Роменскій Мировой Съѣздъ нашелъ, что претензія, заявленная апеллятороmъ къ отвѣтчику Долинку, не можетъ быть признана искомъ за нарушеніе владѣнія, какъ таковой формулированъ въ исковомъ прошеніи Ивницкаго, а выражаетъ обвиненіе Долинки въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 150 и 152 ст. Устава о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями, и потому разсмотрѣніе ея въ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ о нарушеніи владѣнія, было бы существеннымъ нарушеніемъ правилъ судопроизводства, а возбужденіе уголовнаго обвиненія самимъ судомъ противорѣчило бы 18 ст. Устава о наказ., въ виду чего и свидѣтели, указанные Ивницкимъ, не подлежатъ передопросу. Признавая поэтому, что рѣшеніе Мирового Судьи не можетъ быть отмѣнено удовлетвореніемъ всѣхъ исковыхъ требованій Ивницкаго, а должно остаться безъ измѣненія, и то потому только, что отвѣтчикъ не подалъ на оное жалобы, Мировой Съѣздъ, на основаніи вышеприведенныхъ законовъ, а также 1 ст. и 4 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд., опредѣлилъ: апелляціонную жалобу Ивницкаго оставить безъ уваженія. На это

рѣшеніе истецъ Ивницкій принесъ Правительствующему Сенату кассаціонную жалобу.

Правительствующій Сенатъ находитъ, что основаніе, принятое Роменскимъ Мировымъ Съѣздомъ къ оставленію безъ разсмотрѣнія, по существу, иска Ивницкаго къ Долинку, составляющаго предметъ настоящаго дѣла, не можетъ быть признано правильнымъ: искъ этотъ содержитъ въ себѣ не только жалобу на то, что отвѣтчикъ испортилъ принадлежащій истцу ровъ, засорилъ усадьбу его золою и срубилъ на ней дерево, каковыя дѣйствія, признаваемыя Ивницкимъ нарушающими его владѣніе тою усадьбою, онъ проситъ воспретить Долинку, но еще и требованіе о вознагражденіи его, истца, за убытокъ, сими дѣйствіями ему причиненный, двадцатью рублями. Такимъ образомъ, къ какому бы заключенію ни пришелъ Съѣздъ по вопросу о томъ, могутъ ли подобныя дѣйствія служить поводомъ къ предъявленію противъ лица, которому они приписываются, иска по 4 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд., означенный искъ Ивницкаго къ Долинку подлежалъ во всякомъ случаѣ разсмотрѣнію Съѣзда по 2 п. этой же статьи, какъ имѣвшій предметомъ требованіе истца о вознагражденіи за ущербъ, нанесенный ему перечисленными въ исковомъ прошеніи поступками отвѣтчика. Что же касается указанія Съѣзда на то, что обвиненіе въ этихъ поступкахъ, какъ такихъ, которые предусмотрѣны въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 18,150 и 152 сего Устава), и могутъ быть преслѣдуемы лишь по жалобамъ потерпѣвшихъ, подлежитъ предъявленію предварительно въ порядкѣ уголовномъ, то въ рѣш. Гражд. Кас. Д—та Правительствующаго Сената, состоявшемся 24 февраля 1882 г. по дѣлу Иглицына съ крестьянами д. Селища, уже разъяснено, что, въ виду соображеній, подробно въ томъ рѣшеніи изложенныхъ, иски о вознагражденіи за убытки, причиненные такими преступными дѣяніями, въ томъ числѣ и лѣсопорубками (рѣш. Угол. Кассац. Д—та 1868 г. № 162), которыя преслѣдуются только по жалобамъ потерпѣвшихъ и преслѣдованіе которыхъ подлежитъ прекращенію за примиреніемъ, могутъ быть предъявляемы въ судѣ гражданскомъ непосредственно, безъ предварительнаго обращенія въ уголовный судъ. На этомъ осоованіи и то обстоятельство, что дѣйствія Долинки, признаваемыя Ивницкимъ нанесшимъ ему убытокъ, вознагражденія за который послѣдній требуетъ нынѣ съ перваго посредствомъ гражданскаго иска, не были имъ, Ивницкимъ, преслѣдуемы въ порядкѣ уголовномъ, хотя и принадлежатъ къ числу воспрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія, не предоставляло Съѣзду законной причины къ уклоненію отъ разсмотрѣнію означеннаго иска по существу. А потому Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе Роменскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію 29 стат. Устава Граждан. Судопроизв., отмѣнить и дѣло передать въ Лохвицкій Мировой Съѣздъ.

69.—1882 года апрѣля 21-го дня. *По прошенію повѣреннаго Меллеръ-Закомельской и Головниной, прис. пов. Ивана Бѣлоруссова, объ отмѣнѣ рѣшенія Екатеринбургскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. Г. Принтцъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Ф. Д. Бартъ).

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ изъ обжалованнаго рѣшенія усматриваетъ, что Екатеринбургскій Мировой Съѣздъ, признавъ фактъ владѣнія баронессы Меллеръ-Закомельской, Головниной и др. владѣльцевъ Кыштымскою заводскою дачею въ количествѣ 21750 дес. и нарушеніе сего владѣнія башкирами Иткульскаго сельскаго общества, отказалъ, однако, въ возстановленіи нарушеннаго этими послѣдними владѣнія заводовладѣлицъ, по невозможности опредѣлить мѣста нарушенія фактическаго владѣнія, причемъ Съѣздъ въ своихъ соображеніяхъ выразилъ, что, признавая нарушеннымъ чье-либо право, судъ можетъ такое нарушеніе признать въ принципѣ, но искъ о возстановленіи владѣнія недвижимою собственностью всецѣло зависитъ отъ точнаго опредѣленія мѣста нарушенія, и необозначеніе въ опредѣленіи суда времени, мѣста и

границъ нарушенія лишило бы это опредѣленіе силы судебнаго рѣшенія. Такое рѣшеніе Съѣзда не можетъ быть признано правильнымъ. Въ искахъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія требованія, имѣющія предметомъ прекращеніе завладѣнія, составляютъ только одинъ, и притомъ наиболѣе простой, видъ. Рядомъ съ ними къ категоріи сихъ исковъ принадлежатъ требованія о прекращеніи другихъ нарушеній права законнаго владѣнія. Различіе этихъ двухъ видовъ исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія заключается въ томъ, что въ искахъ о завладѣніи предметомъ, подлежащимъ обсужденію суда, являются такія насильственныя или самовольныя дѣйствія отвѣтчика, при посредствѣ которыхъ, по утвержденію истца, изъ владѣнія его отнято или все извѣстное недвижимое имущество, или нѣкоторая точно указывая имъ часть онаго. Въ искахъ о нарушеніи владѣнія предметомъ обсужденія суда служатъ дѣйствія, не выражающія этого нарушенія столь рѣзко, какъ предыдущія, но тѣмъ не менѣе такія, которыя нарушаютъ спокойное и безспорное владѣніе недвижимостью. Сюда относится скошеніе или снятіе хлѣба и травы, порубка деревьевъ, добываніе строительныхъ матеріаловъ, уничтоженіе изгородей, заравниваніе пограничныхъ канавъ, ловля рыбы и вообще всякія дѣйствія, которыя нарушаютъ спокойное и безспорное владѣніе, не сопровождаясь, однако, отнятіемъ недвижимаго имущества всецѣло. Что таковъ смыслъ 4 п. 29 ст., подтверждается какъ соображеніями, имѣвшимися въ виду при начертаніи этого закона, напечатанными въ изданіи Судебныхъ Уставовъ, сдѣланномъ государственною канцеляріею (ст. 44 Уст. Гр. Суд.), такъ и текстомъ 1310 ст. Уст. Гр. Суд., которая, относя иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія казенными имуществами къ вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій, въ самомъ текстѣ статьи причисляетъ къ этому разряду какъ иски о завладѣніи, такъ и иски о нарушеніи владѣнія. Соотвѣтственно такому подраздѣленію этихъ исковъ, и обязанности суда при разрѣшеніи ихъ не всегда могутъ заключаться только въ распоряженіи объ отобраніи имущества отъ нарушителя и возвращеніи его владѣльцу, но, сообразно съ фактами, въ которыхъ выразилось нарушеніе владѣнія, и съ обнаруженными при разбирательствѣ обстоятельствами, должны состоять въ принятіи соотвѣтствующихъ каждому данному случаю мѣръ къ огражденію спокойнаго владѣнія. Подобная обязанность суда вытекаетъ изъ 690 и 531 ст. X Т. ч. I, въ силу которыхъ всякое самоуправство по имуществамъ строго запрещается, и всякое, даже незаконное, владѣніе охраняется правительствомъ отъ насилія и самоуправства. Основываясь на этихъ соображеніяхъ и имѣя въ виду, что Екатеринбургскій Мировой Съѣздъ призналъ не только фактъ владѣнія истицъ, но и нарушенія онаго отвѣтчиками, что нарушеніе это, по установленію Съѣзда, выразилось въ отнятіи башкирами пашенъ, изгнаніи стражи и кабанщиковъ, въ самовольной добычѣ золотосодержащихъ песковъ и въ порубкахъ лѣса, а, между тѣмъ, Съѣздъ отказалъ въ искѣ о возстановленіи такихъ нарушеній владѣнія только по признанной имъ невозможности опредѣлить мѣста таковыхъ нарушеній, тогда какъ это обстоятельство не могло препятствовать Съѣзду оградить кыштымскіе заводы, въ предѣлахъ признаннаго Съѣздомъ фактическаго ихъ владѣнія иными соотвѣтствующими обнаруженнымъ нарушеніямъ мѣрами,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Екатеринбургскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію 4 п. 29 Уст. Гр. Суд., отмѣнить и дѣло передать въ Камышловскій Мировой Съѣздъ

70.—1882 года апрѣля 28 го дня. *По прошенію повѣреннаго коммерческаго банка въ Варшавѣ, присяжнаго повѣреннаго Флямма, объ отмѣнѣ опредѣленія Варшавскаго Городского Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Я. Голубевъ; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора І. И. Карницкій).

По распоряженію Мирового Судьи 8 участка г. Варшавы было опечатано имущество умершей Юстины Сохацкой и затѣмъ была составлена инвентарная опись. Послѣ сего повѣренный назначеннаго Сохацкою душеприказчика

Улановскаго, присяжный повѣренный Лукомскій, заявилъ Мировому Судьѣ, что къ составу имущества Сохацкой принадлежатъ закладные листы на 15 т. р., хранящіеся депозитомъ въ Варшавскомъ коммерческомъ банкѣ, и просилъ для охраны этого капитала предписать судебному приставу получить эти бумаги изъ депозита банка и внести ихъ въ Варшавское губернское казначейство. Мировой Судья нашелъ, что душеприказчикъ Улановскій, въ силу 1031 ст. Гр. Код., долженъ заботиться о сохраненіи цѣлости наслѣдственнаго имущества и о приведеніи въ исполненіе завѣщанія. Посему, признавая приведенную просьбу повѣреннаго Улановскаго подлежащею удовлетворенію, Мировой Судья 17 октября 1880 г. постановилъ предписать судебному приставу получить изъ депозита Варшавскаго коммерческаго банка закладные листы на 15000 р. въ присутствіи присяжнаго повѣреннаго Лукомскаго, для чего препроводить приставу депозитныя свидѣтельства того банка, выданныя въ 1877 и 1878 годахъ, а полученные закладные листы препроводить въ Варшавское губернское казначейство для зачисленія въ депозитъ Мирового Съѣзда. Въ поданной на это опредѣленіе жалобѣ повѣреннаго Варшавскаго коммерческаго банка указано, что законъ не представляетъ Мировому Судьѣ распоряжаться полученіемъ депозитовъ. Съѣздъ Мировыхъ Судей г. Варшавы, находя распоряженіе Мирового Судьи правильнымъ въ виду охраны имущества и заявленія заинтересованныхъ сторонъ, постановилъ: оставить означенную жалобу безъ послѣдствій. Повѣренный Варшавскаго коммерческаго банка, присяжный повѣренный Флямм, просить о кассаціи этого опредѣленія Мирового Съѣзда.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Высочайше утвержденнаго 19 го февраля 1875 г. уставъ объ особыхъ производствахъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ возлагаетъ на мировыхъ судей распоряженія по охраненію наслѣдствъ, а именно: производство публикацій объ открытіи наслѣдства (ст. 36), опечатаніе оставшагося послѣ умершихъ имущества (ст. 37—56), снятіе печатей (ст. 57—76), составленіе инвентарной описи (ст. 77—86) и сохраненіе опечатаннаго или описаннаго имущества (ст. 87—91); указывая, что опечатанное или описанное имущество сохраняется по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 1009—1020 Уст. Гр. Суд., ст. 87 тѣмъ самымъ опредѣляетъ, что распоряженіе о храненіи можетъ касаться того лишь имущества, которое подлежитъ опечатанію или описи, по предыдущимъ статьямъ. Изъ сопоставленія этихъ статей, въ томъ числѣ ст. 37, 43, п. 5 ст. 50, ст. 82, 84 и 85, ясно, что опечатанію и описи подвергается наличное имущество наслѣдодателя, а въ отношеніи долгового его имущества опечатаніе и опись распространяются только на документы, удостовѣряющіе права наслѣдодателя; но самое имущество, причитающееся по этимъ документамъ наслѣдодателю и находящееся у другихъ лицъ по договорамъ ихъ съ наслѣдодателемъ, не отбирается отъ контрагентовъ, у которыхъ оно находится для наложенія печатей и включенія въ опись. Если же такое имущество не отбирается отъ третьихъ лицъ для опечатанія и описи, то, въ силу 87 ст., это имущество не можетъ быть взято понудительнымъ способомъ и для принятія мѣръ къ его сохраненію. Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что законъ не предоставляетъ Мировому Судьѣ въ порядкѣ охраненія наслѣдства дѣлать распоряженія о прекращеніи договоровъ наслѣдодателя посредствомъ понудительнаго истребованія его имущества отъ его контрагентовъ. Понудительное отобраніе имущества, находящагося у кого-либо по договору съ наслѣдодателемъ, можетъ быть произведено, на основаніи ст. 1 и 4 пун. 1 го 933 ст. Уст. Гражд. Судопроизв., только по судебному рѣшенію, состоявшемуся въ исковомъ порядкѣ, по иску, предъявленному наслѣдникомъ или надлежащимъ представителемъ правъ наслѣдодателя къ лицу, которому по договору было передано имущество. Примѣняя приведенныя соображенія къ настоящему дѣлу и усматривая, что Мировой Судья распорядился въ порядкѣ охраненія наслѣдства истребовать отъ Варшавскаго коммерческаго банка закладные листы наслѣдодательницы Сохацкой, находившіеся въ семъ банкѣ по договору поклажи, Правительствующій Сенатъ признаетъ, что заключеніе Мирового Съѣзда о правильности сего распоряженія Мирового

Судьи нарушаетъ 87 статью Устава объ особыхъ производ. въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Посему Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: отмѣнить рѣшеніе Варшавскаго Городского Мирового Съѣзда, по нарушенію 87 статьи Устава объ особыхъ производствахъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, и передать дѣло въ Съѣздъ Мировыхъ Судей 1 округа Варшавской губерніи.

71.—1882 г. апрѣля 28 дня. *По прошенію повѣреннаго коллежскаго ассесора Петра Черниховскаго, присяжнаго повѣреннаго Владимира Самарскаго-Быховца, о пересмотрѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Ѳ. Ѳ. Штакельбергъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора І. И. Карницкій).

16 марта 1881 года инженеръ надворный совѣтникъ Бернацкій подалъ въ С. Петербургскій Окружный Судъ прошеніе объ уничтоженіи рѣшенія третейскаго суда 11 ноября 1880 года по дѣлу его, Бернацкаго, съ коллежскимъ ассесоромъ Черниховскимъ о взаимныхъ претензіяхъ, на томъ основаніи, что это рѣшеніе было постановлено безъ участія одного изъ означенныхъ въ третейской записи посредниковъ. Означенное рѣшеніе подписано двумя посредниками, Петровскимъ и Серебряковымъ, съ отмѣткою ихъ же о томъ, что третій посредникъ, Арнольдъ, уклонился отъ подписи. Окружный Судъ, принявъ во вниманіе, что въ третейской записи отъ 30 октября 1880 г. былъ назначенъ двухмѣсячный срокъ для постановленія рѣшенія; что рѣшеніе третейскаго суда означено состоявшимся 11 ноября 1880 года и что Бернацкій приглашался, какъ видно изъ дѣла, на 18 декабря того же года въ квартиру одного изъ посредниковъ для выслушанія состоявшагося рѣшенія, оставилъ прошеніе Бернацкаго, на основаніи 1392 и 1398 ст. Уст. Гр. Суд., безъ разсмотрѣнія, за пропускомъ срока. Бернацкій и его повѣренный въ жалобѣ на рѣшеніе Окружнаго Суда и на судоговореніи въ Палатѣ, указывали на то, что третій посредникъ, Арнольдъ, не принималъ никакого участія не только въ рѣшеніи, но и въ сужденіи дѣла, и рѣшеніе третейскаго суда составлено подложно двумя посредниками, и что Бернацкому не было извѣстно ни о постановленіи, ни о содержаніи рѣшенія, до полученія имъ повѣстки судебнаго пристава объ уплатѣ денегъ по исполнительному листу, выданному на основаніи того рѣшенія. Судебная Палата нашла, что констатировать неявку Бернацкаго или его повѣреннаго для выслушанія рѣшенія 11 ноября 1880 года не представляется никакого основанія, потому что Бернацкій категорически отрицаетъ извѣщеніе его о явкѣ въ судъ, или къ посреднику Серебрякову, для объявленія ему рѣшенія, и въ производствѣ третейскаго суда не имѣется ни расписки Бернацкаго или его повѣреннаго во врученіи тому или другому имѣющейся при дѣлѣ повѣстки двухъ посредниковъ отъ 15 декабря 1880 года о вызовѣ Бернацкаго къ слушанію рѣшенія, на срокъ 18 числа того же декабря, ни другого какого-либо письменнаго документа, который бы могъ подтверждать, что Бернацкій зналъ даже о существованіи рѣшенія, постановленнаго 11 ноября 1880 года, т.-е. того самаго числа, въ которое имъ были представлены въ третейскій судъ документы, служащіе доказательствами его претензій къ Черниховскому. Одна же повѣстка, за подписью только двухъ посредниковъ, Петровскаго и Серебрякова, отъ 15 декабря 1880 года, о приглашеніи Бернацкаго къ явкѣ его въ квартиру Серебрякова для объявленія рѣшенія, при неимѣніи въ виду расписки Бернацкаго въ полученіи этой повѣстки и при отрицаніи третьяго посредника, что онъ не только не принималъ участія въ рѣшеніи дѣла, но и въ сужденіи по оному, не можетъ нисколько убѣждать Палату, что повѣстка эта достигла своего назначенія въ дѣйствительности была получена Бернацкимъ. При невозможности [illegible] установить тѣ факты, что Бернацкій получилъ въ дѣйствительности повѣстку отъ 15 декабря и что затѣмъ не явился въ назначенный ему срокъ 18 декабря 1880 года, оказывается невозможнымъ опредѣлить и начало установленнаго для него въ 1392 ст. Уст. Гражд. Судопроизв. срока на принесеніе имъ жалобы въ

теченіе мѣсяца, считая оный съ послѣдняго дня срока, назначеннаго въ записи для постановленія третейскимъ судомъ рѣшенія. Признавъ посему, что Окружный Судъ неправильно оставилъ жалобу Бернацкаго безъ разсмотрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ принявъ во вниманіе, что Бернацкій и повѣренный его, независимо отъ необъявленія Бернацкому рѣшенія третейскаго суда, заявили о подложномъ составленіи двумя посредниками, Петровскимъ и Серебряковымъ, 11 ноября 1880 года рѣшенія, безъ дѣйствительнаго участія въ сужденіи и *рѣшеніи дѣла третьяго посредника, Арнольда,* Судебная Палата, руководствуясь 8 ст. Уст. Гр. Суд., опредѣлила: постановленіе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, состоявшееся 24 апрѣля 1881 г., отмѣнить, производство по вопросу, возбужденному Бернацкимъ о недѣйствительности рѣшенія третейскаго суда 11 ноября 1880 г., пріостановить, на основаніи 8 ст. Уст. Гр. Суд., передавъ дѣло прокурору Судебной Палаты. Въ поданной 30 ноября 1881 г. просьбѣ о пересмотрѣ этого рѣшенія повѣренный Черниховскаго, присяжный повѣренный Самарскій Быховецъ, объясняетъ, что Палата отмѣнила рѣшеніе Окружнаго Суда и признала Бернацкаго непропустившимъ срокъ на обжалованіе рѣшенія третейскаго суда на томъ исключительно основаніи, что изъ производства не видно, чтобы Бернацкій получилъ извѣщеніе о явкѣ для выслушанія рѣшенія и что при отрицаніи Бернацкимъ этого обстоятельства невозможно установить, чтобы самое рѣшеніе было ему извѣстно. Между тѣмъ, послѣ постановленія Палатою рѣшенія обнаружилось новое обстоятельство, доселѣ неизвѣстное Черниховскому, которое имѣетъ существенное для сего дѣла значеніе. Обстоятельство это заключается въ письмѣ Бернацкаго къ посреднику Петровскому, полученномъ отъ послѣдняго Черниховскимъ только 25 ноября 1881 г. и содержащемъ въ себѣ категорическое опроверженіе тѣхъ основаній, на которыхъ построено рѣшеніе Палаты. Представляя это письмо, а равно и письмо Петровскаго къ Черниховскому, въ доказательство того, что означенное обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ Черниховскому только послѣ 22 ноября 1881 г., присяжный повѣренный Самарскій Быховецъ проситъ объ отмѣнѣ рѣшенія Палаты на основаніи 794 ст. Уст. Гр. Суд. Повѣренный же Бернацкаго, присяжный повѣренный Берендсъ, въ объясненіи на просьбу присяжнаго повѣреннаго Самарскаго Быховца, ходатайствуетъ объ оставленіи сей просьбы безъ разсмотрѣнія на томъ основаніи, что обжалованное постановленіе Палаты составляетъ не рѣшеніе, а частное опредѣленіе, не пресѣкающее дальнѣйшаго хода сего дѣла.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора и обращаясь прежде всего къ возбужденному повѣреннымъ Бернацкаго вопросу о томъ, подлежитъ ли просьба повѣреннаго Черниховскаго разсмотрѣнію, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, всякое постановленіе суда, хотя-бы оно и не принадлежало къ числу рѣшеній въ строгомъ смыслѣ этого слова, можетъ быть обжаловано въ порядкѣ, указанномъ въ 185 и 792 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства, если этимъ постановленіемъ разрѣшается окончательно вопросъ о чьемъ-либо правѣ и тѣмъ заканчивается производство по данному предмету (рѣш. 1872 года № 1137; 1875 г. № 995; 1878 г. № 267; 1879 г. № 258; 1886 г. № 46 и друг.). Въ настоящемъ дѣлѣ Бернацкій ходатайствовалъ объ уничтоженіи рѣшенія третейскаго суда, повѣренный же противной стороны, Черниховскаго, указывалъ на то, что это ходатайство заявлено по истеченіи установленнаго закономъ срока. Судебная Палата разрѣшила этотъ споръ въ пользу Бернацкаго. Такимъ образомъ, опредѣленіемъ Палаты окончательно разрѣшенъ вопросъ о правѣ Бернацкаго на принесеніе просьбы объ уничтоженіи упомянутаго рѣшенія третейскаго суда, и другого постановленія по сему предмету уже послѣдовать не можетъ. А такъ какъ подобное опредѣленіе Палаты устранило для Черниховскаго возможность осуществленія тѣхъ правъ, которыя онъ пріобрѣлъ бы въ случаѣ разрѣшенія такого спора въ другомъ смыслѣ, то засимъ опредѣленіе Палаты, какъ заканчивающее судебное производство по сказанному предмету, могло быть обжаловано въ порядкѣ, установленно

для принесенія просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній, почему просьба повѣреннаго Черниховскаго подлежитъ разсмотрѣнію. Переходя къ обсужденію этой просьбы, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, на основаніи 187, 794 и 805 ст. Уст. Гр. Суд., пересмотръ рѣшеній по новымъ обстоятельствамъ допускается тогда, когда приводимое обстоятельство не было извѣстно тяжущемуся при производствѣ дѣла въ судѣ, когда оно было открыто по воспослѣдованіи рѣшенія, о пересмотрѣ коего тяжущійся ходатайствуетъ, и не могло быть предъявлено во время судебнаго производства дѣла по причинамъ, отъ просителя не зависѣвшимъ, и когда вновь открытое обстоятельство имѣетъ неоспоримое, дѣйствительное вліяніе на измѣненіе состоявшагося судебнаго рѣшенія. Въ предлежащемъ дѣлѣ Палата, отмѣнивъ рѣшеніе Окружнаго Суда, признала Бернацкаго непропустившимъ срокъ на обжалованіе рѣшенія третейскаго суда, на томъ исключительно основаніи, что изъ производства дѣла не видно, чтобы Бернацкій получилъ извѣщеніе о явкѣ для выслушанія рѣшенія третейскаго суда и вообще зналъ о состоявшемся рѣшеніи, и что посему и въ виду оспариванія имъ таковыхъ обстоятельствъ, невозможно установить, чтобы упомянутое рѣшеніе было ему извѣстно. Ходатайствуя о пересмотрѣ этого рѣшенія, повѣренный Черниховскаго представилъ письмо Бернацкаго къ посреднику Петровскому отъ 17 декабря 1880 г., изъ коего видно, что Бернацкій зналъ о состоявшемся рѣшеніи третейскаго суда и получилъ приглашеніе для выслушанія онаго. Такимъ образомъ, письмо это имѣетъ существенное вліяніе на измѣненіе постановленія Палаты. Принимая засимъ во вниманіе, что въ подтвержденіе того, что это письмо Бернацкаго открыто Черниховскимъ послѣ воспослѣдованія опредѣленія Палаты и что послѣдній не зналъ во время производства дѣла о существованіи такого документа, повѣренный Черниховскаго представилъ письмо Петровскаго къ Черниховскому отъ 22 ноября 1881 г., при коемъ было сообщено сему послѣднему означенное письмо Бернацкаго, и что противъ сихъ обстоятельствъ со стороны Бернацкаго никакихъ возраженій не заявлено,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе С.-Петербургской Судебной Палаты, на основаніи 794 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты.

72.—1882 г. апрѣля 28 дня. *По прошенію повѣреннаго и члена правленія Харьковскаго земельнаго банка, кандидата правъ Михаила Журавлева, объ отмѣнѣ опредѣленія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Ѳ. Ѳ. Штакельбергъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ Прокурора І. И. Карницкій).

Повѣренный Харьковскаго земельнаго банка жаловался на Орловскій Окружный Судъ за возвращеніе частной жалобы банка на опредѣленіе суда, состоявшееся 3 февраля 1881 года по предмету отказа суда принять отъ банка оставшіеся отъ продажи имѣнія князей Гагариныхъ, за удовлетвореніемъ долга банку, 3053 р. 81 коп. Сообразивъ обстоятельства дѣла и принявъ во вниманіе, что на упомянутое опредѣленіе Окружнаго Суда, изготовленное въ окончательной формѣ 17 февраля, жалоба повѣреннаго банка прислана въ Судъ по почтѣ 5 апрѣля, т. е. спустя двѣ недѣли, установленныя 785 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства; что объясненіе повѣреннаго банка о неизвѣщеніи судомъ правленія банка о днѣ доклада въ судѣ сообщенія банка объ остаткѣ денегъ послѣ продажи имѣнія князей Гагариныхъ не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ не видно изъ жалобы, чтобы правленіе банка, посылая въ судъ деньги, принадлежащія Гагаринымъ, прислало вмѣстѣ съ тѣмъ и деньги на издержки для доставленія правленію банка повѣстки о днѣ доклада сообщенія банка (305, 306 и 866 ст. Уст. Гр. Суд.); что исчисленіе повѣреннымъ банка срока на подачу жалобы со дня полученія увѣдомленія Суда о состоявшемся постановленіи не имѣетъ законнаго основанія, Палата нашла постановленіе Суда, признавшаго пропущеніе повѣреннымъ банка срока на обжалованіе постановленія Суда 3 февраля 1881 года, правильнымъ, а потому опредѣлила: частную жалобу повѣреннаго Харьковскаго земельнаго банка оставить безъ ~~послѣдствій~~. Въ ~~кассаціонной~~ жалобѣ по-

вѣренный и членъ правленія Харьковскаго земельнаго банка, Журавлевъ, проситъ объ отмѣнѣ этого опредѣленія Палаты, по неправильному примѣненію къ дѣлу ст. 305, 306 и 866 Уст. Гр. Суд.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 31 января 1874 г. по дѣлу Левашевыхъ (Сборн. рѣш. Гражд. Касс. Департ. 1874 г. № 98) было уже разъяснено, что по духу правилъ гражданскаго судопроизводства исчисленіе срока со дня изложенія постановленія Суда на письмѣ имѣетъ мѣсто въ случаяхъ, когда лицо, интересъ коего зависитъ отъ рѣшенія дѣла въ томъ или другомъ смыслѣ, было извѣщено о производствѣ дѣла, до него касающагося, и о назначенномъ по оному засѣданіи, а потому знало или могло знать о послѣдовавшемъ по дѣлу рѣшеніи, но что порядокъ этотъ не распространяется на тѣ случаи, когда лицо, не присутствовавшее при разсмотрѣніи дѣла на Судѣ, не было извѣщено о днѣ засѣданія Суда по тому дѣлу и, слѣдовательно, не имѣли возможности знать о послѣдовавшемъ судебномъ постановленіи, ибо распространять на послѣднихъ общія правила объ исчисленіи сроковъ со дня объявленія рѣшенія порядкомъ, въ ст. 714 Уст. Гр. Суд. указаннымъ, значило бы лишить ихъ права судебной защиты, а потому было бы не только не справедливо, но и не имѣло бы законнаго основанія. Принимая во вниманіе, что въ предлежащемъ дѣлѣ постановленіе Орловскаго Окружнаго Суда 3 го февраля 1881 г., на которое была подана банкомъ возвращенная затѣмъ ему частная жалоба, состоялось въ засѣданіи, въ которомъ со стороны банка никто не присутствовалъ и о назначеніи котораго банкъ извѣщенъ не былъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Судебная Палата не имѣла законнаго основанія примѣнять къ банку правило, установленное ст. 785 Устава Гражданскаго Судопроизводства, а должна была примѣнить другое, допускаемое Уставомъ Гражданскаго Судопроизводства, начало объ исчисленіи сроковъ съ того дня, когда постановленіе, на которое приносится жалоба, сдѣлалось извѣстно просителю. Исчисленіе Палатою срока на обжалованіе банкомъ означеннаго постановленія Суда со дня изложенія его въ окончательной формѣ тѣмъ болѣе неправильно, что это постановленіе Орловскаго Окружнаго Суда состоялось не по какому-либо прошенію банка въ качествѣ тяжущейся стороны, а по отношенію банка, въ указанной въ § 74 устава позем. банковъ формѣ, вслѣдствіе установленныхъ въ § 25 того же устава правилъ касательно суммы, вырученной чрезъ продажу имѣнія сверхъ числившагося на ономъ долга банку (рѣш. 1878 года № 100), а потому ни присутствовать въ засѣданіи, въ которомъ происходилъ докладъ такого отношеніе банка, ни представлять деньги на повѣстку банка о днѣ этого засѣданія банкъ не былъ обязанъ. По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: постановленіе Харьковской Судебной Палаты, по нарушенію 785 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты.

73.—1882 года апрѣля 28-го дня. *По прошенію повѣреннаго Болеслава и жены его Юліи Шмидтъ, прис. пов. Гликсберга, объ отмѣнѣ рѣшенія Варшавской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Р. Отмарштейнъ; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора І. И. Карницкій).

По выслушаніи словесныхъ объясненій повѣреннаго истцовъ, присяжнаго повѣреннаго Амвросія Заборовскаго, и заключенія Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ рѣшеніе Варшавской Судебной Палаты въ предѣлахъ кассаціонной жалобы, находитъ, что главный вопросъ, подлежащій въ настоящемъ дѣлѣ его обсужденію, состоитъ въ томъ, *правильно ли поступила Палата при опредѣленіи выкупной суммы*, подлежащей уплатѣ собственнику фольварка „Поломія“, Орденгу, отъ арендаторовъ супруговъ Шмидтъ, отказавъ имъ въ вычетѣ изъ капитализированной суммы годового чинша и лаудеміи какъ тѣхъ податей и сборовъ съ фольварка „Поломія“, взносъ которыхъ въ пользу казны и гминныхъ учрежденій лежалъ,

по безсрочно чиншевому договору, на обязанности собственника этого имѣнія Орденги. такъ и лѣсного сервитута, условленнаго тѣмъ же договоромъ въ пользу безсрочныхъ арендаторовъ. Изъ установленныхъ въ рѣшеніи Палаты обстоятельствъ дѣла видно, что супруги Шмидтъ по официальному акту 1859 года, содержали въ безсрочной арендѣ фольваркъ „Поломія“, состоящій изъ 240 морговъ 166 прентовъ земли, платя собственнику имѣнія, Орденгу, опредѣленный договоромъ арендный чиншъ. Въ договорѣ этомъ, между прочимъ, постановлено, что уплата податей и сборовъ, причитающихся съ фольварка „Поломія“ въ пользу казны и гминныхъ учрежденій, остается на обязанности собственника имѣнія и что арендаторамъ принадлежитъ право собирать во владѣльческихъ лѣсахъ валежникъ и подстилку. Пожелавъ, посредствомъ выкупа аренднаго чинша и лаудеміи, пріобрѣсти фольваркъ „Поломія“ въ свою собственность, супруги Шмидтъ предъявили объ этомъ искъ къ Орденгу въ Петроковскомъ Окружномъ Судѣ, объяснивъ въ исковомъ прошеніи, что Орденга на сдѣланный ему чрезъ нотаріуса вызовъ не явился въ назначенный срокъ для совершенія расчета и выкупной сдѣлки. Опредѣливъ капитализированную сумму чинша и лаудеміи въ 3798 руб. 50 копеекъ, истцы требовали зачесть въ оную цѣнность какъ тѣхъ податей сборовъ, уплата коихъ лежала на обязанности собственника имѣнія, такъ и принадлежавшаго арендаторамъ лѣсного сервитута, каковая цѣнность, по капитализаціи, исчислена истцами въ количествѣ 3567 рублей 40 копеекъ, и затѣмъ признать подлежащими уплатѣ собственнику выкупаемаго имѣнія, Орденгу, за полное прекращеніе его правъ, всего 231 рубль 10 коп. Судебная Палата, разсмотрѣвъ настоящее дѣло по апелляціоннымъ жалобамъ обѣихъ сторонъ на рѣшеніе Окружнаго Суда, признала подлежащими уплатѣ собственнику имѣнія Орденгу, за выкупъ чинша и лаудеміи упомянутые выше 3798 рублей 50 копеекъ, въ требованномъ же истцами зачетѣ отказала, руководствуясь правилами, изложенными въ постановленіи учредительнаго комитета 12—24 іюня 1870 г. (Дн. Зак. Т. LXX стр. 172). Обращаясь къ указаніямъ этого закона, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по 3 ст. онаго, безсрочный арендаторъ имѣетъ право выкупить чиншъ и пріобрѣсти поземельное имущество въ собственность, когда того пожелаетъ. При отсутствіи добровольнаго между сторонами соглашенія относительно условій выкупа (ст. 7), таковой производится на основаніи правилъ, изложенныхъ въ 9 ст. означеннаго постановленія, содержащей въ себѣ перечисленіе тѣхъ повинностей, платимыхъ безсрочными арендаторами собственнику имѣнія, кои подлежатъ выкупу; въ примѣчаніи же къ этой статьѣ постановлено, что, кромѣ означенныхъ повинностей, выкупу подлежатъ всѣ ограниченія въ пользованіи (право охоты, рыбной ловли и друг.), прекращеніе которыхъ, съ переходомъ права собственности къ вѣчному арендатору, причиняетъ ущербъ прежнему собственнику выкупаемаго имущества. Затѣмъ въ 19 ст. того же постановленія говорится, что выкупъ означенныхъ въ ст. 9 чиншей, сборовъ и всякаго рода ограниченій въ пользованіи, а равно опредѣленіе причитающагося за оные вознагражденія. на основаніи настоящаго постановленія, производится лишь по требованію лицъ, обязанныхъ платить таковые чинши и споры. Что же касается выкупа непрерывныхъ рентъ, установляемыхъ, по 830 ст. Гр. Код., то выкупъ, сей, по силѣ 30 ст. того же постановленія, производится на основаніи общихъ законовъ. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что законъ 12/24 іюня 1870 г., установляя при отсутствіи между сторонами добровольнаго соглашенія принудительный, по требованію лишь безсрочнаго арендатора, выкупъ платимыхъ имъ собственнику имѣнія чинша и повинностей. является постановленіемъ льготнымъ въ пользу безсрочныхъ арендаторовъ, изданнымъ въ видѣ изъятія изъ общихъ правилъ Гражданскаго Кодекса и потому подлежащимъ толкованію въ смыслѣ ограничительномъ. А такъ какъ въ постановленіи этомъ не содержится никакого указанія на возможность зачета въ выкупную сумму какихъ либо повинностей съ имѣнія, платимыхъ собственникомъ онаго, а не арендаторомъ, то и слѣдуетъ признать, что въ разсчетъ выкупной суммы при опредѣленіи оной не по добровольному соглашенію, а по суду, на основаніи приведеннаго спеціальнаго закона, могутъ входить лишь повинности, уплачиваемыя арендаторомъ собственни-

*

ку, а равно тѣ ограниченія арендатора въ пользованіи, прекращеніе коихъ, за переходомъ права собственности на выкупаемое имѣніе къ безсрочному арендатору, причиняетъ ущербъ прежнему собственнику. По настоящему дѣлу Судебная Палата, между прочимъ, установила, что условія выкупа ни въ безсрочно чиншевомъ договорѣ, ни особымъ добровольнымъ соглашеніемъ между супругами Шмитъ и Орденгомъ не опредѣлены. Посему, признавъ, что выкупъ, составлявшій предметъ иска Шмидтовъ, долженъ быть произведенъ исключительно на основаніи правилъ, изложенныхъ въ постановленіи учредительнаго комитета 12—24 іюня 1870 года, Палата правильно отказала истцамъ въ потребованномъ ими зачетѣ тѣхъ податей съ фольварка „Поломія“, взносъ которыхъ во время дѣйствія безсрочно-чиншевого договора лежалъ на обязанности собственника имѣнія, Орденги, такъ какъ послѣ совершенія выкупа они должны платить означенныя подати не за Орденгу, а сами за себя, какъ собственники выкупленнаго имѣнія. Равнымъ образомъ Судебная Палата поступила совершенно правильно, отказавъ истцамъ и въ зачетѣ условленнаго безсрочно чиншевымъ договоромъ лѣсного сервитута, ибо сервитутъ сей, какъ установлено Палатою, заключается въ правѣ арендаторовъ получать валежникъ и подстилку въ лѣсахъ Орденги, т. е. является повинностью, служащею въ пользу арендаторовъ, а не собственника выкупаемаго имущества. Относительно этого сервитута въ кассаціонной жалобѣ сдѣлано указаніе еще на то, что, съ устраненіемъ зачета онаго въ выкупную сумму, за истцами въ крайнемъ случаѣ должно оставаться право получать валежникъ и подстилку въ натурѣ и что Палата, признавъ это право прекратившимся, безъ заявленія сторонами какихъ-либо требованій по сему предмету, нарушила 706 ст. Уст. Гражданск. Судопроизв. Въ этомъ отношеніи изъ обжалованнаго рѣшенія оказывается, что Судебная Палата, признавъ лѣсной сервитутъ неподлежащимъ зачету по тѣмъ же основаніямъ, въ силу коихъ отказано ею истцамъ и въ зачетѣ податей и сборовъ, оставшихся по безсрочно чиншевому договору на бывшемъ собственникѣ имѣнія, Орденгѣ, высказала при этомъ то сужденіе, что съ прекращеніемъ договора вѣчной аренды уничтожится само собою и право арендаторовъ на полученіе валежника и подстилки, какъ обусловленное только этимъ договоромъ. Дѣйствительно, вопросъ о правѣ супруговъ Шмидтъ на пользованіе лѣснымъ сервитутомъ послѣ выкупа фольварка „Поломія“ не возбуждался на судѣ ни требованіями истцовъ, ни возраженіями отвѣтчика; но такъ какъ въ законную силу входятъ не сужденія, приводимыя въ рѣшеніи, а только резолютивная его часть (Сбор. рѣш. 1877 г. № 277 и друг.), состоявшаяся же по настоящему дѣлу резолюція Судебной Палаты, содержа въ себѣ лишь опредѣленіе размѣра выкупной суммы съ устраненіемъ требованнаго истцами зачета, нисколько не касается вопроса о правѣ супруговъ Шмидтъ на сохраненіе за собою лѣсного сервитута въ натурѣ, то Правительствующій Сенатъ, не входя съ своей стороны въ повѣрку правильности приведеннаго сужденія Палаты по существу, какъ непринадлежащаго къ числу тѣхъ соображеній, кои приняты были въ основаніе состоявшейся по настоящему дѣлу резолюціи, находитъ, что помѣщеніе Палатою объясненнаго излишняго разсужденія въ изложеніи соображеній своихъ, предшествующихъ резолюціи, не можетъ служить въ данномъ случаѣ достаточнымъ поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія по нарушенію указываемой просителемъ 706 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства. Основываясь на всѣхъ изложенныхъ соображеніяхъ и принимая во вниманіе: 1) что опредѣленіе выкупной суммы основано Палатою на правилахъ, изложенныхъ въ постановленіи учредительнаго комитета 12—24 іюня 1870 года, а не на безсрочно чиншевомъ договорѣ 1859 года, почему въ рѣшеніи Палаты и не могла быть нарушена приводимая просителемъ 1134 ст. Гражданск. Кодекса; 2) что вопросъ о размѣрѣ выкупной суммы, какъ выше объяснено, разрѣшенъ Палатою совершенно правильно, на основаніи спеціально изданнаго на сей предметъ закона; а потому заявленіе просителя о нарушеніи 9 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства непримѣненіемъ къ данному дѣлу общихъ правилъ Гражданскаго Кодекса представляется неосновательнымъ; 3) что такъ какъ предъявленная истцами въ подтвержденіе своего требова-

нія рѣшенія б.б. Кѣлецкаго гражданскаго трибунала и апелляціоннаго суда признаны Палатою неотносящимися къ предмету настоящаго иска, правильность же заключенія ея по сему предмету не подлежитъ, за силою 12 ст. Учр. Кас. Д въ, повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ (Сбор. рѣш. 1881 г. № 4 и др.), то жалоба просителя на нарушеніе 1351 ст. Гр. Код. и 39 ст. правилъ введенія въ дѣйствіе законоположеній 1875 г. объ устройствѣ судебной части въ Варшавскомъ округѣ непризнаніемъ за упомянутыми рѣшеніями объясняемой просителемъ доказательной силы, представляется незаслуживающею уваженія, и 4) что, разрѣшивъ вопросъ относительно зачета въ выкупную сумму податей и сборовъ, уплата коихъ лежала на обязанности собственника имѣнія, Судебная Палата ни въ чемъ не нарушила приводимой просителемъ 706 ст. Уст. Гр. Суд., ибо вопросъ сей прямо возникалъ изъ требованій истцовъ и возраженій отвѣтчика,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: просьбу повѣреннаго вѣчно чиншевыхъ арендаторовъ, Болеслава и Юліи Шмидтъ, присяжнаго повѣреннаго Гликсберга, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

74.—1882 года апрѣля 28 дня. *По прошенію Фишеля Папира объ отмѣнѣ опредѣленія Люблинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей 2 округа.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. В. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Р. Отмарштейнъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора І. И. Карницкій).

При Люблинскомъ 2 округа Мировомъ Съѣздѣ продавалась съ публичныхъ торговъ крестьянская усадьба Онуфрія и Маріанны Лящуковъ на удовлетвореніе долга ихъ Ицкѣ Сальману. На торгахъ усадьба эта осталась за евреемъ Фишелемъ Папиромъ. По частной жалобѣ Лящуковъ Съѣздъ опредѣленіемъ, состоявшимся 18 декабря 1880 г., призналъ торги недѣйствительными. Сущность принятыхъ Съѣздомъ въ основаніе этого опредѣленія соображеній состоитъ въ томъ: 1) что Высочайшимъ указомъ 19 февраля 1864 г. воспрещено лицамъ, непринадлежащимъ къ сельскому населенію пріобрѣтать въ собственность крестьянскія усадьбы, поступившія во владѣніе крестьянъ на основаніи помянутаго указа; 2) что хотя за евреемъ Папиромъ записана земельная усадьба по ликвидаціонной табели посада „Городло“, но такъ какъ правами крестьянъ могутъ пользоваться, по мнѣнію Съѣзда, только тѣ лица, за коими при составленіи ликвидаціонныхъ табелей были записаны земельныя усадьбы, принадлежащія къ деревнямъ, населеннымъ исключительно христіанами, то Фишель Папиръ, какъ незаписанный въ число сельскихъ обывателей при составленіи ликвидаціонныхъ табелей, не имѣетъ, по мнѣнію Съѣзда, права на пріобрѣтеніе въ собственность крестьянскихъ усадьбъ, и 3) что засимъ имѣніе Лящуковъ оказывается, по мнѣнію Съѣзда, проданнымъ такому лицу, которое не имѣло права принимать участіе въ торгѣ (3 п. 1180 ст. Уст. Гр. Суд.). При постановленіи означеннаго опредѣленія принято было къ разсмотрѣнію и свѣдѣніе, доставленное Съѣзду, по его требованію, Городловскимъ гминнымъ войтомъ, о владѣемыхъ уже евреемъ Папиромъ усадьбахъ въ селѣ „Стрижовѣ“ и посадѣ „Городло“. Въ принесенной Правительствующему Сенату кассаціонной жалобѣ Папиръ, называя себя мѣщаниномъ рольникомъ, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ приведеннаго опредѣленія Съѣзда, по нарушенію 82, 367, 105, 129 и 4 п. 142 ст. Уст. Гр. Суд. и постановленія учредительнаго комитета 26 іюня 1870 года (сб. постановлен. Т. XIX стр. 86).

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ: а) Высочайшимъ указомъ 19 го февраля—2 марта 1864 г. (Дн. Зак. Т. LXII стр. 4) и постановленіемъ учредительнаго комитета 30 декабря 1865 г.—11 января 1866 г. (Дн. Зак. Т. LXIV стр. 388), право пріобрѣтать покупкою усадьбы, поступившія въ собственность крестьянъ на основаніи упомянутаго Высочайшаго указа, предоставлено было только крестьянамъ. Это временное ограниченіе признано было нужнымъ въ ви-

дахъ предупрежденія разстройства хозяйственнаго быта крестьянъ. Затѣмъ состоялся Высочайшій указъ 28 октября—9 ноября 1866 г. (Дн. Зак. Т. LXVII ст. 26), вполнѣ распространяющій на мѣщанъ-рольниковъ (ст. 2) дѣйствіе приведеннаго закона 1864 года. Посему и въ виду буквальнаго смысла постановленія учредительнаго комитета 26 іюня 1870 года. (Т. XIX стр. 86) представляется несомнѣннымъ, что право на пріобрѣтеніе крестьянскихъ усадьбъ принадлежитъ и мѣщанамъ рольникамъ (мѣщанамъ хлѣбопашцамъ). Относительно же порядка совершенія на сей предметъ актовъ постановлено, между прочимъ, что при продажѣ крестьянской усадьбы мѣщанину-рольнику, имѣющему постоянное пребываніе въ посадѣ, регенты (нотаріусы) обязаны требовать отъ покупателей представленія какъ свидѣтельства гминнаго войта, основаннаго на приговорѣ частнаго схода посадскихъ мѣщанъ-рольниковъ, о томъ, что пріобрѣтатель усадьбы принадлежитъ къ сему разряду, такъ и самаго приговора схода (1 п. Пост. Учред. Комит. 26 іюня 1870 г.). Въ приведенныхъ выше законахъ никакого различія между крестьянами или мѣщанами-рольниками по вѣроисповѣданіямъ не установлено, а потому слѣдуетъ признать, что мѣщане рольники (мѣщане хлѣбопашцы), хотя бы они принадлежали къ еврейскому исповѣданію, имѣютъ право на пріобрѣтеніе крестьянскихъ усадьбъ. Изъ дѣла видно, что еврей Фишель Папиръ, защищая свое право на пріобрѣтеніе продававшейся съ торговъ усадьбы, въ качествѣ лица, принадлежащаго къ числу мѣщанъ-рольниковъ, представилъ Мировому Съѣзду, въ подтвержденіе сего приговоръ схода мѣщанъ рольниковъ посада „Городло“ и свидѣтельство гминнаго войта (см. л. 36—38); но Мировой Съѣздъ оставилъ эти документы, вопреки 129 ст. Уст. Гражд. Судопр., безъ обсужденія. Затѣмъ, признавъ произведенные на усадьбу Лящуковъ торги недѣйствительными и не установивъ при этомъ, что Папиръ не принадлежитъ къ числу мѣщанъ-рольниковъ (мѣщанъ хлѣбопашцевъ), и что представленные имъ въ защиту своего права документы не соотвѣтствуютъ требованію закона, Мировой Съѣздъ допустилъ прямое нарушеніе постановленія учредительнаго комитета 26 го іюня 1870 года; б) въ 3 ст. приведеннаго выше закона 30 декабря 1865 г.—11 января 1866 г., между прочимъ, постановлено, что актъ, коимъ крестьянская усадьба отчуждается лицу, не имѣющему права на пріобрѣтеніе ея, признается недѣйствительнымъ; регентъ же, совершившій подобный актъ, подвергается за это, по силѣ ст. 5 того же закона, отвѣтственности дисциплинарной или уголовной, смотря по степени и роду вины его, будучи обязанъ, кромѣ того, вознаградить договорившіяся стороны за всѣ понесенные ими, вслѣдствіе недѣйствительности акта, убытки, а 3 статья постановленія учр. комитета 26 іюня 1870 г. возлагаетъ на мѣстныя крестьянскія учрежденія постоянное наблюденіе за точнымъ исполненіемъ, при отчужденіи крестьянскихъ усадьбъ, закона 30 декабря 1865 г.—11 января 1866 г. Въ силу изложенныхъ постановленій, ограждающихъ точное исполненіе помянутаго закона прежде всего въ интересахъ правительственныхъ, Мировые Съѣзды Варшавскаго округа по дѣламъ о продажѣ съ торговъ крестьянскихъ усадьбъ могутъ, по собственному усмотрѣнію, независимо отъ заявленій сторонъ, собирать въ случаѣ надобности справки съ цѣлью удостовѣриться въ томъ, что покупатель крестьянской усадьбы съ публичнаго торга принадлежитъ въ дѣйствительности къ числу лицъ, коимъ право на пріобрѣтеніе подобныхъ усадьбъ продоставлено закономъ. Засимъ сдѣланное въ этихъ видахъ Люблинскимъ 2 го округа Мировымъ Съѣздомъ сношеніе по настоящему дѣлу съ гминными властями не можетъ быть признано нарушеніемъ 82 и 367 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства. Вслѣдствіе сего, признавая объясненіе просителя по сему предмету незаслуживающимъ уваженія и не входя въ обсужденіе остальныхъ содержащихся въ кассаціонной жалобѣ указаній, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Люблинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей 2-го округа отмѣнить, по нарушенію постановленія учредительнаго комитета 26 го іюня 1870 года (Томъ XIX стр. 86), и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ Люблинскій Мировой Съѣздъ 1-го округа.

75.—1882 г. апрѣля 28 дня. *По прошенію повѣреннаго Каэтана Пневскаго, присяжнаго повѣреннаго Познанскаго, объ отмѣнѣ рѣшенія Варшавской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; додывалъ дѣло Сенаторъ А. А. Кнримъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора І. И. Карницкій).

Временные синдики конкурсной массы несостоятельнаго купца Осипа Лемишевскаго, присяжный повѣренный Белза и Генрихъ Зильберлястъ, предъявляя въ Варшавскомъ коммерческомъ судѣ искъ къ Густаву Борувкѣ и Каэтану Пневскому, объяснили: Осипъ Лемишевскій, владѣлецъ двухъ магазиновъ мужскаго платья въ Варшавѣ, одного по улицѣ Новый Свѣтъ, другого по улицѣ Св. Кржиской, впалъ въ долги и въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцахъ 1880 года прекратилъ платежи и предлагалъ кредиторамъ заключить съ нимъ мировую сдѣлку. Впослѣдствіи выяснилось, что Лемишевскій желалъ только выиграть время, чтобы скрыть свое имущество, такъ какъ онъ актомъ отъ 24 іюля—5 августа 1880 года, совершоннымъ нотаріальнымъ порядкомъ, уступилъ оба свои магазина Густаву Борувкѣ, послѣдній же самъ впалъ въ долги, и тогда опасность стала угрожать Лемишевскому, что кредиторы Борувки приступятъ къ его магазинамъ. Они рѣшили закрыть одинъ магазинъ, на Новомъ Свѣтѣ, а товаръ перенести въ лавку по Св. Кржиской улицѣ, и актомъ отъ 30 сентября—12 октября 1880 г. Борувка уступилъ этотъ магазинъ Пневскому. Затѣмъ Лемишевскій выѣхалъ за границу. При такихъ обстоятельствахъ Варшавскій коммерческій судъ $^{7}/_{19}$ го ноября 1880 года открылъ несостоятельность Лемишевскаго, опредѣляя началомъ ея $^{18}/_{30}$ апрѣля 1880 года. Временные синдики считаютъ актъ отъ 24 іюля—5-го августа 1880 года, совершонный Лемишевскимъ съ Борувкою, неимѣющимъ никакого значенія, такъ какъ онъ былъ заключенъ во время несостоятельности Лемишевскаго. Борувка зналъ хорошо о несостоятельности Лемишевскаго, что доказываетъ счетъ отъ 3-го августа 1880 года, составленный Борувкою и представленный присяжному повѣренному Квасневскому, изъ коего видно, что долговъ было 22736 руб. 82 коп., а стоимость магазиновъ съ активами достигала 11627 рублей 40 копеекъ. Изъ содержанія акта вытекаетъ симулярность и недѣйствительность онаго, ибо въ немъ сказано, что Борувка купленные магазины съ товаромъ оставляетъ подъ фирмою и распоряженіемъ Лемишевскаго. Лемишевскій до своего выѣзда изъ Варшавы являлся исключительнымъ распорядителемъ магазиновъ, занимаясь покупкою и продажею товаровъ, принимая заказы, деньги, подмастерьевъ, рабочихъ людей, уплачивая имъ жалованье и вообще самъ покрывая всѣ расходы магазиновъ, доказательствомъ чего служатъ объявленіе въ „Варшавскомъ Курьерѣ“ отъ $^{1}/_{13}$-го сентября 1880 года № 202 и протоколы судебнаго пристава, отъ $^{1}/_{13}$—$^{9}/_{21}$ аггуста и 19 го сентября—1 го октября 1880 года, изъ коихъ видно, что Лемишевскій самъ находился въ магазинахъ, принималъ на себя храненіе описанныхъ въ нихъ товаровъ, и не было случая, чтобы Борувка былъ когда-нибудь въ магазинахъ и при описи товаровъ заявлялъ протестъ. Кромѣ того, Лемишевскій въ мировой сдѣлкѣ отъ $^{17}/_{29}$ го августа 1880 года, заключенной съ Клингсляндомъ, обязался за аккуратную уплату отвѣчать товаромъ и лавочнымъ устройствомъ, находящимся въ его магазинѣ по Св. Кржиской улицѣ, составляющими его, Лемишевскаго, исключительную собственность. Актъ отъ 30-го сентября—12 го октября 1880 года, заключенный Борувкою съ Пневскимъ, недѣйствителенъ, такъ какъ Пневскій былъ поставленъ Лемишевскимъ взамѣнъ Борувки. Свидѣтельство магистрата города Варшавы отъ 22-го ноября 1880 года, и канцеляріи оберъ-полицеймейстера города Варшавы отъ 15-го декабря 1880 года доказываютъ, что Пневскій никогда не былъ ни купцомъ, ни ремесленникомъ, а былъ владѣльцемъ дома № 1092—28 а, выѣхалъ въ деревню Хотомовъ 10 декабря 1879 года и пріѣхалъ въ Варшаву спустя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Изъ акта покупки дома № 2273 й въ Варшавѣ, совершоннаго Пневскимъ 28 іюля—9 го августа 1880 года, видно, что онъ, какъ житель д. Хотомова, пріѣхалъ въ Варшаву съ цѣлью покупки дома, въ виду чего нельзя до-

пустить, чтобы Пневскій внезапно сталъ купцомъ, пріобрѣтая магазины платья, не будучи никогда портнымъ. Борувка и Пневскій не въ состояніи доказать, что между ними были когда нибудь денежныя отношенія, а, между тѣмъ, въ вышепоименованномъ актѣ сказано, что за цѣну покупки магазина Пневскій возвратилъ Борувкѣ векселя на сумму 4000 рубл. Насколько извѣстно, Пневскій человѣкъ незажиточный, почти бѣдный, и вовсе не въ состояніи купить магазинъ, стоящій нѣсколько тысячъ рублей. Актъ покупки дома № 2273 доказываетъ, что Пневскому не хватило денегъ на уплату долга и во время покупки онъ занялъ подъ ипотеку 1390 р. Равнымъ образомъ изъ двухъ ипотечныхъ свидѣтельствъ отъ 27 ноября—9 декабря 1880 г. видно, что сейчасъ послѣ покупки дома Пневскимъ кредиторы его наложили на ипотеку аресты, а именно: Залускій—на сумму 3738 р., Наврочинскій же—на 150 р. Протоколъ судебнаго пристава Папроцкаго отъ 11/23 октября 1880 г. удостовѣряетъ, что храненіе арестованныхъ движимостей приняли на себя Пневскій и Борувка, а надъ магазиномъ была вывѣска „Осипъ Лемишевскій“. Актъ покупки Пневскимъ магазина 30 сентября—12 октября 1880 года былъ заключенъ за три недѣли до вышесказаннаго ареста; если бы онъ былъ дѣйствителенъ, то Пневскій, покупая магазинъ отъ Борувки, предпринялъ бы мѣры противъ Борувки о снятіи ареста. Изъ сего ясно оказывается, что актъ Борувки съ Пневскимъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и актъ, заключенный Лемишевскимъ съ Борувкою. Что Лемишевскій до выѣзда изъ Варшавы не переставалъ владѣть магазиномъ уборовъ; доказательствомъ того служитъ счетъ, данный Лемишевскимъ 21 октября 1880 года Моргенштерну. Все вышеприведенное, а равно протоколъ Судьи комиссара отъ 20 ноября—2 декабря 1880 года, вполнѣ убѣждаютъ въ недѣйствительности актовъ продажи магазиновъ. Изъ баланса и обжалованныхъ актовъ видно, что въ магазинахъ Лемишевскаго было товара на 6467 руб. 70 коп., готовой одежды на 2383 рубл. 55 коп., лавочныя устройства стоили 275 рубл. Въ виду вышеизложеннаго синдики просили коммерческій судъ: 1) признать актъ уступки и продажи магазиновъ мужскихъ уборовъ подъ фирмою „Осипъ Лемишевскій“, отъ 24 іюля—5 августа 1880 г., и актъ отъ 30 сентября—12 октября 1880 года недѣйствительными; 2) присудить отвѣтчиковъ солидарно къ выдачѣ временнымъ синдикамъ массы Лемишевскаго, въ натурѣ, товаровъ и движимаго имущества, поименованныхъ въ актѣ 24 іюля—5 августа 1880 года; 3) въ случаѣ невыдачи товара и имущества въ натурѣ, взыскать съ отвѣтчиковъ, солидарно, въ пользу временныхъ синдиковъ массы, 9126 рубл. 25 коп., съ 6 процентами. Варшавскій коммерческій судъ отказалъ временнымъ синдикамъ несостоятельнаго Лемишевскаго въ искѣ. Варшавская Судебная Палата, разсмотрѣвъ апелляціонную жалобу временныхъ синдиковъ, нашла: 1) изъ обстоятельствъ дѣла и приложенныхъ къ дѣлу документовъ видно, что Лемишевскій 24 іюля—5 августа 1880 года заключилъ съ Борувкою актъ о продажѣ сему послѣднему лавки. Актъ этотъ былъ совершонъ послѣ открытія несостоятельности Лемишевскаго, начало которой опредѣлено Варшавскимъ коммерческимъ судомъ 18|30 апрѣля 1880 года. Борувка не оспариваетъ счета Лемишевскаго, отъ 3 августа 1880 г., по которому долги Лемишевскаго значились въ 22736 рубл. 82 коп., а активы въ 11627 рубл. 40 коп.; затѣмъ, Борувкѣ извѣстно было имущественное состояніе Лемишевскаго. Борувка утверждаетъ, что лавку купилъ для того, чтобы спасти свои долги, но не представляетъ доказательствъ того, чтобы онъ состоялъ кредиторомъ Лемишевскаго, а выписи изъ неведенныхъ по закону купеческихъ книгъ не могутъ быть приняты какъ доказательство. Лемишевскій послѣ продажи лавки Борувкѣ самъ занимался продажею товаровъ; Борувка оставилъ прежнюю вывѣску съ фирмою Лемишевскаго и въ ежедневной газетѣ „Варшавскій Курьеръ“, отъ 1|13 сентября 1880 года, отъ имени самого Лемишевскаго было напечатано объявленіе, что онъ принимаетъ заказы на мужскія платья и въ немъ не упоминается, что лавка перешла въ собственность Борувки. Составленныя судебнымъ приставомъ Орловскимъ 1/13 августа, 9/21 августа и 19 сентября—1 октября 1880 года описи въ лавкѣ, будто бы проданной Борувкѣ, всѣхъ товаровъ доказываютъ, что Борувка не протестовалъ противъ описи, а находившійся въ то время

въ лавкѣ Лемишевскій самъ оцѣнилъ всѣ товары, принялъ оные на храненіе и ручался за ихъ цѣлость. Наконецъ, Лемишевскій, заключая 17/29 августа 1880 г. договоръ съ Клингсляндомъ, ручался сему послѣднему въ уплатѣ долга всѣмъ товаромъ, находящимся въ его, Лемишевскаго, собственной лавкѣ. Въ виду всего этого и выводимыхъ изъ вышеизложенныхъ фактовъ предположеній, слѣдуетъ актъ купли продажи отъ 24 іюля—5 августа 1880 г. признать недѣйствительнымъ, какъ составленный фиктивно, съ цѣлью обойти права кредиторовъ Лемишевскаго; 2) актъ отъ 30 сентября—12 октября 1880 г., по коему Борувка продалъ товары съ лавочнымъ устройствомъ Пневскому, также фиктивенъ, какъ то доказывается слѣдующими обстоятельствами: изъ приложенной къ дѣлу описи товарамъ Лемишевскаго, составленной 11/23 октября 1880 г. судебнымъ приставомъ Папроцкимъ, видно, что во время производимой описи надъ дверьми лавки находилась вывѣска съ фирмою Лемишевскаго. Несмотря на совершеніе акта продажи лавки Пневскому, Лемишевскій заключалъ отъ своего имени договоры съ лицами, заказывающими въ лавкѣ платья, какъ это доказываетъ счетъ, выданный 21 октября 1880 г. Моргенштерну, подписанный Лемишевскимъ, на бланкѣ съ фирмою Лемишевскаго. Изъ показаній свидѣтелей по конкурсному производству, допрошенныхъ Судьею комиссаромъ, а именно: Баумана, Колясинскаго и Зелинскаго, оказывается, что послѣ пріобрѣтенія лавки Пневскимъ Лемишевскій находился съ послѣднимъ въ ближайшихъ отношеніяхъ, платилъ по счетамъ, получалъ деньги и признавалъ, что онъ лишь симулярно переуступилъ лавку. Пневскій хорошо зналъ дѣла Лемишевскаго, что доказывается тѣмъ, что Лемишевскій, уѣзжая за-границу, далъ довѣренность Пневскому. Наконепъ, Пневскій не имѣлъ средствъ на покупку магазина и, не зная портняжскаго ремесла, не могъ имѣть свѣдѣній для завѣдыванія магазиномъ мужскихъ платьевъ. Въ виду этихъ документовъ и предположеній, актъ отъ 30 сентября—12 октября 1880 г. долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, какъ составленный фиктивно, для скрытія имущества Лемишевскаго; 3) за признаніемъ актовъ отъ 24 іюля—5 августа и 30 сентября—12 октября 1880 г., по ихъ фиктивности, недѣйствительными, слѣдуетъ Борувку и Пневскаго обязать къ выдачѣ временнымъ синдикамъ несостоятельной массы Лемишевскаго, въ натурѣ, товаровъ, мужскихъ платьевъ, лавочнаго устройства и движимаго имущества, стоимостью 9126 рубл. 25 коп.; на случай же невыдачи таковыхъ, присудить съ нихъ эту сумму съ процентами; 4) въ виду 1202 ст. Гр. Код., солидарность въ настоящемъ дѣлѣ не можетъ быть признана доказанною. По симъ основаніямъ, находя рѣшеніе Варшавскаго коммерческаго суда неправильнымъ, Варшавская Судебная Палата, руководствуясь 12 ст. Гр. Код., 1350, 1902 и 1904 ст. Гр. Код., опредѣлила: рѣшеніе Варшавскаго коммерческаго суда отмѣнить, нотаріальные акты купли продажи отъ 24 іюля—5 августа и 30 сентября—12 октября 1880 г. признать недѣйствительными и обязать отвѣтчиковъ Густава Борувку и Каэтана Пневскаго къ выдачѣ временнымъ синдикамъ несостоятельной массы Осипа Лемишевскаго, въ натурѣ, трико, драпа и сукна, стоимости 6467 р. 70 к., мужскихъ уборовъ стоимости 2383 р. 55 к., лавочнаго устройства и движимаго имущества стоимости 275 р. На случай невыдачи товаровъ, уборовъ лавочнаго устройства и движимостей въ натурѣ, взыскать съ отвѣтчиковъ Борувки и Пневскаго въ пользу временныхъ синдиковъ несостоятельной массы Лемишевскаго 9126 р. 25 к. съ 6% съ 30 декабря—11 января 1880/1 г. На это рѣшеніе повѣренный Пневскаго, присяжный повѣренный Познанскій, принесъ кассаціонную жалобу въ которой указываетъ на нарушеніе Судебною Палатою 1116, 1328 и 1350 ст. Гр. Код., 445 ст. Тор. Код. и 366, 369, 376, 385, 395, 410, 457, 472, 477 и 711 ст. Уст. Гр. Суд.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора и принимая во вниманіе: 1) что признаніе Судебною Палатою акта 24 іюля—5 августа 1880 г., состоявшагося между Лемишевскимъ и Борувкою, недѣйствительнымъ основано по отношенію къ несостоятельному Лемишевскому на законномъ предположеніи (ст. 1350 Гр. Код.), такъ какъ Палата установила, что актъ

этотъ совершонъ былъ послѣ открытія несостоятельности Лемишевскаго и, слѣдовательно, по отношенію къ нему актъ этотъ въ силу закона, считался недѣйствительнымъ (ст. 441, 442, 445, 447 Торг. Код.); по отношенію же къ другому контрагенту, Борувкѣ, заключеніе Палаты основано на предположеніяхъ, предоставленныхъ усмотрѣнію судей, которыя Судебная Палата (ст. 1353 Гр. Код.) вывела изъ обстоятельствъ дѣла и которыми, по мнѣнію Палаты, доказывается злой умыселъ со стороны Борувки при совершеніи акта, во вредъ кредиторамъ Лемишевскаго; 2) что посредствомъ выводовъ изъ обстоятельствъ дѣла Судебная Палата установила и злой умыселъ Пневскаго при совершеніи акта 30 сентября—2 октября 1880 года, коимъ товары и имущество Лемишевскаго, первоначально проданные Борувкѣ, симъ послѣднимъ были перепроданы Пневскому; 3) что Палата имѣла основаніе признать недѣйствительнымъ оба акта, вслѣдствіе злого умысла участвовавшихъ въ нихъ контрагентовъ, въ силу 1353 ст. Гр. Код., коею допускаются предположенія при оспариваніи акта по причинѣ обмана или злого умысла; 4) что Палата, основавъ свое рѣшеніе на предположеніяхъ, которыя могутъ быть выводимы изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, въ правѣ была принять во вниманіе и свѣдѣнія, добытыя судьею комиссаромъ посредствомъ допроса свидѣтелей; 5) что вообще допущеніе тѣхъ или другихъ предположеній, предоставленныхъ усмотрѣнію и благоразумію суда, не подлежитъ повѣркѣ Сената въ кассаціонномъ порядкѣ (р. 1879 года № 231); 6) что ст. 457 Уст. Гр. Суд. не могла быть нарушена Судебною Палатою, такъ какъ вопроса о доказательной силѣ нотаріальныхъ актовъ Палата не возбуждала, а акты эти признаны недѣйствительными вслѣдствіе злого умысла контрагентовъ; 7) что въ соображеніяхъ Палаты нѣтъ указываемаго просителемъ противорѣчія, такъ какъ изъ этихъ соображеній явствуетъ, что подъ словомъ фиктивность Палата понимала злой умыселъ, а потому и признаніе договоровъ фиктивными не лишало Палату права признать, что имущество Лемишевскаго поступило во владѣніе сперва Борувки, а потомъ и Пневскаго, и что затѣмъ они обязаны возвратить самое имущество или его цѣнность, и 8) что вопроса о недоказанности цѣнности товара и количества вреда, причиненнаго кредиторамъ Лемишевскаго, отвѣтчикъ Пневскій во время производства дѣла не возбуждалъ, а потому его заявленіе о нарушеніи 366 ст. Уст. Гр. Суд. не заслуживаетъ уваженія (рѣш. 1878 года №№ 103, 145),—Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: просьбу повѣреннаго Пневскаго, Познанскаго, на основаніи 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

76.—1881 г. октября 21 и 1882 г. мая 5 чиселъ. *По прошенію повѣреннаго вдовы статскаго совѣтника Дарьи Сидонской, присяжнаго повѣреннаго Стратановича, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ М В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. И. Ягнъ; заключеніе давалъ и. о. Товарища Оберъ-Прокурора И. Н. Николаевъ).

Вдова статскаго совѣтника Дарья Сидонская, отъ себя и въ качествѣ опекунши малолѣтнихъ дѣтей своихъ Дмитрія, Маріи, Зинаиды и Лидіи Сидонскихъ, предъявила чрезъ повѣреннаго своего въ С. Петербургскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ прусскому подданному Эйлеру въ суммѣ 4500 р. за изданіе историческаго атласа, составленнаго мужемъ ея, Сидонскимъ, съ соучастникомъ его, Іорданомъ. Въ исковомъ прошеніи, поданномъ 13 января 1879 года, повѣренный Сидонской, присяжный повѣренный Стратановичъ, объяснилъ, что историческій атласъ былъ выпущенъ при жизни Сидонскаго и Іордана пятью изданіями; послѣ смерти ихъ (въ 1871 г.) содержатель литографіи Эйлеръ, воспользовавшись оставшимися у него камнями, выпустилъ атласъ въ 1872 г. шестымъ изданіемъ, въ 1873 г. седьмымъ, въ 1874 г. девятымъ, которое повторилъ въ 1875 г., 1876 и 1877 г.г. Въ изданіяхъ 1876 и 1877 г.г. имя составителя атласа, Сидонскаго, уже не упомянуто. Въ виду того, что принадлежавшее Сидонскому исключительное право пользованія изданіемъ атласа перешло къ его наслѣдникамъ, что право это не было от-

чуждено или передано Эйлеру, который, такимъ, образомъ, является самовольнымъ издателемъ, подлежащимъ отвѣтственности по 304 ст. Уст. Ценз., и что Эйлеромъ получено прибыли 9060 руб., половина которой составитъ 4530 р., Стратановичъ просилъ взыскать означенную сумм„ въ пользу наслѣдниковъ Сидонскаго, предоставивъ имъ за послѣдующіе выпуски искать особо. Повѣренный Эйлера, присяжный повѣренный Кишенскій, отвѣтилъ, что историческій атласъ составлялъ собственность одного Іордана, уступленную имъ Эйлеру, и что во всякомъ случаѣ, за пропускомъ двухлѣтней давности, установленной 317 ст. Уст. Ценз., истцы потеряли право на искъ. Окружный Судъ нашелъ, что историческій атласъ, будучи составленъ Сидонскимъ и Іорданомъ, безъ обозначенія авторскихъ правъ каждаго изъ нихъ, предполагается общею собственностью обоихъ (282 ст. Уст. Ценз.), и что посему Іорданъ могъ уступить Эйлеру право на изданіе атласа только въ половинѣ, въ другой же половинѣ оно перешло къ наслѣдникамъ Сидонскаго. Относительно давности судъ пришелъ къ заключенію, что двухлѣтній срокъ (317 ст. Уст. Ценз. и 721 ст. Т. X ч. 2 изд. 1876 г.) примѣняется къ правонарушеніямъ уголовнаго свойства, каковы: самовольное изданіе, подлогъ и всякое присвоеніе произведеній наукъ и словесности, преслѣдуемые не иначе, какъ вслѣдствіе жалобы обиженнаго (ст. 316 Уст. Ценз.), и что срокъ этотъ не имѣетъ никакого примѣненія къ гражданскимъ послѣдствіямъ, вытекающимъ изъ означенныхъ преступленій. Что касается суммы иска, то судъ призналъ ее доказанною лишь въ размѣрѣ 2901 руб., которую и присудилъ истцамъ. Повѣренный Эйлера, присяжный повѣренный Кишенскій, опровергалъ въ апелляціонной жалобѣ правильность рѣшенія суда слѣдующими соображеніями: а) общее право собственности Сидонскаго и Іордана на историческій атласъ ничѣмъ не подтверждено; б) основанія, принятыя судомъ къ расчету присужденной Сидонскимъ суммы 2901 руб., представляются недостаточными, и в) судомъ неправильно истолковано значеніе 721 ст. X Тома 2 ч. изд. 1876 г. и 317 ст. Уст. Ценз., ибо, по точному смыслу этихъ статей, иски за самовольное изданіе могутъ быть вчинаемы только въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ изданія. Противъ апелляціонной жалобы повѣренный истцовъ, присяжный повѣренный Стратановичъ, возразилъ: а) Эйлеръ не представилъ никакого акта, требуемаго 288 ст. Уст. Ценз., который подтвердилъ бы отказъ Сидонскаго отъ своихъ авторскихъ правъ въ пользу Іордана или Эйлера; б) противъ правильности основаній, принятыхъ судомъ къ опредѣленію причитающагося истцамъ вознагражденія, отвѣтчикъ не даетъ удовлетворительныхъ объясненій; тѣмъ не менѣе, самая сумма опредѣлена судомъ невѣрно, и судъ неосновательно отказалъ въ искѣ остальныхъ 1629 руб.; поэтому рѣшеніе суда въ семъ отношеніи подлежитъ измѣненію, и в) мнѣніе отвѣтчика, относящееся къ вопросу о двухлѣтней давности, онъ, Стратановичъ, не раздѣляетъ, полагая, что иски объ убыткахъ, причиняемыхъ присвоеніемъ литературной собственности, пресѣкаются общею десятилѣтнею давностью. С. Петербургская Судебная Палата ограничилась разрѣшеніемъ спора о примѣненіи той или другой давности къ настоящему дѣлу. Выводы Палаты по этому предмету таковы: 1) согласно 2 примѣчанію къ 420 ст. Т. X ч. I Св. Закон. Граждан. по продолж. 1876 г., основанія права собственности на литературныя произведенія, сроки пользованія онымъ и порядокъ охраненія, въ случаѣ споровъ о нарушеніи соединенныхъ съ таковою собственностью правъ, опредѣляются въ Уставѣ Цензурномъ и въ законахъ судопроизводства; 2) за силою 693 ст. Т. X ч. I Св. Зак. Граж., разъясненной рѣшеніемъ Правительствующаго Сената 1871 г. № 425, иски вообще могутъ быть вчинаемы въ срокъ десятилѣтній общей земской давности и погашаются лишь съ истеченіемъ сего срока, когда для предъявленія ихъ закономъ особо не установленъ сокращенный срокъ вчинанія, по истеченіи котораго они признаются ничтожными; 3) хотя какъ въ означенномъ рѣшеніи Сената, такъ и въ приложеніи къ 694 ст. X Т. I ч. Св. Зак. Гражд. по прод. 1876 г. изложены многія исключенія изъ общаго давностнаго срока для начатія исковъ и въ числѣ сихъ исключеній не упомянуто о срокѣ для начатія исковъ, имѣющихъ предметомъ охраненіе литературной собственности, но это не можетъ служить препятствіемъ къ признанію особыхъ сроковъ и для раз-

ныхъ другихъ исковъ, какъ, напр., Т. X ч. I ст. 683 по продолж. 1879 г., Уст. Гражд. Суд. ст. 29 пун. 4, если сіи сроки установлены особыми законоположеніями, въ отмѣну общаго десятилѣтняго срока; 4) въ Уставѣ Цензурномъ и въ законахъ судопроизводства, на которые указываетъ 2 примѣч. къ 420 ст. Т. X Св. Зак. Гражд., содержатся правила: въ первомъ—ст. 317, по которой послѣдній срокъ для подачи жалобъ на подлогъ, самовольное изданіе и всякое присвоеніе ученой собственности назначается чрезъ два года, а для истцовъ, находящихся за границею—чрезъ четыре года послѣ появленія въ свѣтъ книги или иныхъ произведеній наукъ и словесности, составляющихъ предметъ жалобы, а въ послѣднихъ—Т. X ч. 2 въ ст. 1049 прежняго и ст. 721 новаго изданія это же правило повторено съ нѣкоторымъ только въ редакціи ея измѣненіемъ и съ пропускомъ слова „истцовъ“; 5) возраженіе истцовъ объ отнесеніи сего правила только къ преслѣдованіямъ уголовнымъ (1683—1685 ст. Улож. о наказ.), основанное главнѣе на томъ, что въ оном говорится о дѣлахъ, возникающихъ по жалобамъ, а не по исковымъ прошеніямъ, и что при помѣщеніи сего правила во вторую часть Т. X слово „истцовъ“ исключено, не имѣетъ достаточнаго основанія, такъ какъ при изданіи въ 1830 году Цензурнаго Устава исковое прошеніе называлось и жалобою (X Т 2 ч. изд. 1857 г. ст. 247), исключеніе же въ законахъ гражданскаго судопроизводства слова „истцовъ“ не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ въ этомъ судопроизводствѣ лица, отыскивающія какое либо гражданское право, сами собою представляются истцами, если таковыми и не поименованы; 6) отнесеніе правилъ Цензурнаго Устава не только къ уголовному, но и къ гражданскому преслѣдованію, кромѣ изложенныхъ выше соображеній, явствуетъ и изъ того, что въ нихъ говорится безразлично о спорахъ, о тяжбахъ и о тяжебныхъ дѣлахъ и что всѣ эти правила вошли цѣликомъ въ XII главу Т. X 2 ч., изд. 1857 года, о судопроизводствѣ гражданскомъ по дѣламъ, касающимся правъ собственности на произведенія литературы и музыкальныя; 7) хотя настоящее дѣло производится въ судѣ, дѣйствующемъ на основаніи Устава Гражданскаго Судопроизводства 1864 года, но примѣненіе правилъ сего Устава не исключаетъ примѣненія и законовъ Т. X ч. 2 о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ, насколько они касаются такихъ начертаній, которыя въ Уставъ 1864 года не вошли и которыя тѣмъ не менѣе нельзя считать отмѣненными (кассаціон. рѣш. 1874 года № 213); 8) невозможно допустить, чтобы въ одно и то же время, смотря по тому, въ прежнемъ ли или въ новомъ судебномъ мѣстѣ производится гражданское дѣло, существовали бы различныя для истцовъ коренныя обязанности, каковою представляется обязанность начатія иска въ опредѣленный закономъ срокъ; 9) если настоящее дѣло и представляетъ собою искъ объ убыткахъ, то основаніемъ сихъ убытковъ служитъ требованіе о признаніи изданій отвѣтчикомъ историческаго атласа самовольными; если же на предъявленіе подобнаго требованія пропущенъ установленный законами срокъ, то и самое основаніе къ убыткамъ должно быть признано уничтоженнымъ, и 10) послѣднее изданіе историческаго атласа, за которое истцы требуютъ съ отвѣтчика вознагражденія, послѣдовало 28 августа 1876 г., а искъ ихъ предъявленъ 13 января 1879 года, по пропущеніи установленнаго, какъ выше значится, двухгодичнаго срока. Посему, признавъ срокъ пропущеннымъ и не находя затѣмъ необходимымъ обсуждать остальныя взаимныя возраженія сторонъ, касающіяся существа дѣла. Судебная Палата въ искѣ Сидонскимъ отказала. Повѣренный Сидонскихъ, присяжный повѣренный Стратановичъ, принесъ на рѣшеніе Палаты кассаціонную жалобу, прося объ отмѣнѣ его по слѣдующимъ кассаціоннымъ поводамъ: 1) Палата примѣняетъ упоминаемый въ 317 ст. Устава Ценз. двухгодичный срокъ къ предъявленію гражданскихъ исковъ на томъ основаніи, что статья эта помѣщена въ законахъ о судопроизводствѣ гражданскомъ (721 ст. Т. X ч. 2), но а) сама Палата утверждаетъ, что законъ о двухлѣтней давности относится и къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія за самовольное изданіе; между тѣмъ, ни въ XV Т. изд. 1857, ни въ Улож. о наказ., ни въ Уст. Угол. Судопр. изд. 1864 года рѣшительно не упоминается о двухгодичномъ срокѣ для подачи жалобъ на подлогъ и самовольное изданіе, слѣдовательно, Палатѣ не представлялось

основаній пріурочивать содержаніе 317 ст. Уст. Ценз. и къ дѣламъ уголовнымъ; если же отсутствіе правила 317 ст. Уголовныхъ Законовъ не стѣсняетъ Палату усматривать примѣнимость его къ дѣламъ уголовнымъ, то и нахожденіе того правила между законами о судопроизводствѣ гражданскомъ не даетъ Палатѣ права утверждать примѣнимость его къ дѣламъ гражданскимъ; б) 316 и 317 ст. Уст. Ценз. помѣщены цѣликомъ въ 720 и 721 ст. Т. X ч. 2 изд. 1876 года (1048 и 1049 стат. Т. X ч. 2 изд. 1857 года). Въ статьяхъ 718, 719, 722, 723 Т. X ч. 2 говорится о спорахъ между сочинителями, издателями, книгопродавцами и проч., относительно собственности на книгу и о тяжбахъ по несоблюденію заключенныхъ условій; дѣла по спорамъ рѣшаются третейскимъ судомъ, а въ случаѣ несогласія на сіе—обыкновенными присутственными мѣстами, а дѣла по тяжбамъ, по несоблюденію условій, производятся обыкновеннымъ порядкомъ; въ судебныхъ мѣстахъ дѣла производятся по общимъ правиламъ, для тяжебныхъ дѣлъ установленнымъ. По 4 п. 828 ст. 2 ч. X Т. изд. 1876 г., третейскому суду не могутъ подлежать дѣла, соединенныя съ уголовными преступленіями. Изъ содержанія 305 ст. Уст. Ценз. и 1683—1685 ст. Улож. о нак. видно, что подлогъ, самовольное изданіе и всякое присвоеніе литературной собственности составляютъ преступленія. Какъ же допустить, исходя изъ того, что 316 и 317 ст. Уст. Ценз. помѣщены въ 2 ч. X Т., чтобы преслѣдованіе за подлогъ и самовольное изданіе, предусмотрѣнное въ 316 и 317 ст. Уст. Ценз. (720 и 721 ст. ч. 2 Т. X), подлежало вѣдѣнію третейскаго суда. Въ виду вышеизложеннаго, помѣщеніе приведенныхъ 316 и 317 ст. Уст. Ценз. между законами о судопроизводствѣ гражданскомъ вовсе не доказываетъ гражданскаго характера правилъ, въ нихъ изображенныхъ, и примѣнимости оныхъ къ гражданскому процессу, Палата, основавъ толкованіе смысла сихъ законовъ на помѣщеніи ихъ во 2 ч. X Т., нарушила 9 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства и 65 ст. I Т. Зак. Основныхъ; 2) обращаясь къ толкованію словеснаго смысла 316 и 317 ст. Уст. Ценз., повторенныхъ во 2 ч. Т. X изд. 1876 года, въ ст. 720 и 721, съ исключеніемъ въ послѣдней статьѣ лишь двухъ словъ „послѣдней“ и „истцовъ“, оказывается: гражданскіе дѣла никогда не именовались „преслѣдованіями“, и суды гражданскіе вѣдали тяжбы и иски (примѣч. къ ст. 155, ст. 161, 202, 203 и друг. 2 ч. X Т. издан. 1857 года) и нынѣ вѣдаютъ иски (2 ст. Устава Гражд. Судопроизводства), начинающіеся прошеніями, а не жалобами; жалобами же частными и апелляціонными гражданскія дѣла доводились до разсмотрѣнія послѣдующихъ инстанцій. Палата совершенно неосновательно утверждаетъ, ссылаясь на 247 ст. Т. X ч. 2 изд. 1857 года, что исковыя прошенія назывались и „жалобами“. Въ ст. 242—248 указана общая форма для написанія не только исковыхъ прошеній, но и жалобъ частныхъ и апелляціонныхъ, какъ это ясно видно изъ статей 497 и 525 X Тома 2 части; вотъ почему въ ст. 244, 246 и 247 послѣ словъ „прошеніе“ въ скобкахъ прописано „или жалоба“. Напротивъ, 34 ст. XV Т. ч. 2 издан. 1857 года и 297 и 303 Устава Уголовнаго Судопроизводства убѣждаютъ, что „жалобы“ служатъ однимъ изъ поводовъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія; такою жалобою могло и можетъ быть начато то именно преслѣдованіе, о коемъ говорится въ ст. 317 Уст. Ценз., т. е. уголовное. И дѣйствительно, всѣ преступленія и проступки, о коихъ упоминается въ законахъ о печати, раздѣляются на два рода: первый изъ нихъ сгруппированъ въ главѣ V, разд. 8 (1004—1048 стат.) Улож. и отнесенъ къ преступленіямъ и проступкамъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія; второй—въ 3 отдѣл., главѣ 4, разд. 12 и отнесенъ къ преступленіямъ и проступкамъ противъ собственности частныхъ лицъ. Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія за преступленія перваго рода возложено на должностныхъ лицъ, а за преступленія второго рода предоставлено токмо лицамъ потерпѣвшимъ, и всѣ дѣла сего послѣдняго рода производятся въ порядкѣ частнаго обвиненія (рѣш. Угол. Кас. Деп. 1877 года №№ 3 и 16). Помѣщенное въ 316 ст. Уст. Ценз. слово „токмо“ служитъ подтвержденіемъ, что въ 316 и 317 ст. Уст. Ценз. рѣчь идетъ о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія. Слѣдовательно, жалобы, о коихъ упоминается въ 316 и 317 стат. Устава Цензур., могутъ быть подаваемы только

суду уголовному. А двухгодичный срокъ (317 ст. Уст. Ценз.) установленъ именно для подачи жалобъ и установленъ только для возбужденія преслѣдованія уголовнаго; 3) двухгодичный срокъ не можетъ быть распространяемъ на гражданскія дѣла и по слѣдующимъ еще основаніямъ: а) 317 ст. Уст. Ценз., составляя исключеніе изъ 158 ст. Улож., погашающей преступленія, влекущія за собою наказанія, налагаемыя 1683—1685 ст. Улож., 5-ти лѣтнею давностью, подлежитъ ограничительному толкованію; а такъ какъ въ ней не выражено съ положительностью, что двухгодичный срокъ назначается не только для подачи жалобъ, но и для предъявленія исковъ объ убыткахъ, самовольнымъ изданіемъ причиняемыхъ, то и нѣтъ основанія предполагать, чтобы 317 ст. Уст. Ценз. отмѣнялись общія правила, для гражданскихъ исковъ установленныя; б) законодательство наше не устанавливаетъ неразрывной связи между отвѣтственностью уголовною и гражданскою, чему служатъ лучшимъ подтвержденіемъ 158 и 164 ст. Улож. (172 и 179 ст. XV Т. изд. 1857 г.); изъ нихъ первая узаконяетъ разные сроки давности, погашающей уголовную отвѣтственность, а вторая—право на вознагражденіе за вредъ и убытки подчиняетъ правиламъ о давности, опредѣленнымъ въ законахъ гражданскихъ; в) 692 и 694 ст. I ч. X Т. установляютъ общую 10 лѣтнюю исковую давность, въ томъ числѣ и для исковъ объ убыткахъ, причемъ ни въ приложеніи къ 694 ст. X Т. I ч., ни въ какой-либо другой статьѣ X Т. не сдѣлано исключенія для исковъ объ убыткахъ, подлогами и самовольнымъ изданіемъ причиняемыхъ, и г) хотя 2 примѣчаніе къ 420 ст. X Т. I ч. по прод. 1876 г. и ссылается на Уставъ Цензурный и законы о судопроизводствѣ, но Уставъ Цензурный, въ ст. 304, устанавливая спеціальный способъ для опредѣленія размѣра взысканія за самовольное изданіе, вовсе не говоритъ, чтобы взысканіе сіе могло быть присуждено только въ томъ случаѣ, когда искъ о немъ будетъ предъявленъ въ двухлѣтній срокъ; далѣе и законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ X Т. ч. 2 изд. 1876 г. (ст. 718, 719, 722, 723), устанавливая порядокъ разрѣшенія споровъ о правѣ собственности на произведенія литературныя, указываютъ лишь, что дѣла сего рода производятся въ общемъ порядкѣ, для тяжебныхъ дѣлъ установленномъ, но вовсе не полагаютъ какого либо особаго срока для начатія споровъ. Такимъ образомъ, хотя 316 и 317 ст. Уст. Ценз. (720 и 721 ст. X Т. ч. 2 изд. 1876 г.) узаконяютъ двухгодичный срокъ для начатія, подачею жалобы, преслѣдованія уголовнаго за подлогъ и самовольное изданіе, не ни изъ словеснаго ихъ смысла, ни изъ сопоставленія оныхъ съ относящимися къ данному вопросу законами (Т. X ч. I и 2, XV Тома части 1 и 2 изд. 1857 г., Улож. о наказ., Уставъ Ценз. и Суд. Гр.) нельзя вывести заключенія, чтобы двухгодичный срокъ могъ быть распространяемъ и на предъявленіе въ гражданскомъ судѣ самостоятельныхъ исковъ о вознагражденіи за убытки, самовольными изданіями причиняемые. Мало того, примѣненіе сокращеннаго срока къ искамъ такого рода было бы крайне несправедливо, ибо оказалось бы, что иски о правѣ литературной собственности, не сопровождавшемся нарушеніемъ уголовнаго характера, могутъ быть предъявлены въ теченіе 10 лѣтъ, а иски о томъ же правѣ, нарушенномъ путемъ преступленія (подлогомъ, контрафакціею), могутъ быть предъявлены въ теченіе лишь двухъ лѣтъ. Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что Судебная Палата, распространивъ примѣненіе двухлѣтняго срока на гражданскіе иски объ убыткахъ, самовольнымъ изданіемъ причиненныхъ, поступила въ нарушеніе ст. 304, 316, 317 Уст. Ценз., 718—723 Т. X ч. 2, изд. 1876 г., 692 и 694 и прил. къ оной Т. X ч. I, по прод. 1876 г., 158 и 164 ст. Улож. о нак., 6, 7, 18 и 19 Уст. Угол., 5 и 7 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства.

По выслушаніи словесныхъ объясненій повѣренныхъ тяжущихся, присяжныхъ повѣренныхъ Стратановича и Кичанскаго, и заключенія исполняющаго обязанности Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ: въ данномъ дѣлѣ подлежитъ разрѣшенію вопросъ о погашающей давности въ гражданскихъ искахъ за самовольное изданіе литературныхъ произведеній (контрафакцію). Повѣренный истцовъ, присяжный повѣренный Стратановичъ, полагаетъ, что въ такихъ искахъ погасающая давность долж-

на быть общая—десятилѣтняя. Но съ мнѣніемъ просителя Правительствующій Сенатъ согласиться не можетъ по слѣдующимъ соображеніямъ: въ контрафакціи элементъ гражданскій преобладаетъ надъ уголовнымъ. Эта мысль выражена въ Высочайше утвержденномъ 8 января 1830 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей, вошедшемъ въ Сводъ Законовъ, въ XIV Т. въ Уставъ Цензурный. Во всѣхъ стат. Устава, касающихся контрафакціи и послѣдствій ея, рѣчь идетъ лишь о вознагражденіи автора, права и интересы коего нарушены, и нѣтъ ни одного указанія на уголовную отвѣтственность Если 304 ст. Уст. Ценз. устанавливаетъ отобраніе наличныхъ экземпляровъ самовольнаго изданія, т. е. опредѣляетъ взысканіе въ смыслѣ наказанія, то такое наказаніе не есть чисто уголовное, а уголовно гражданское, такъ какъ экземпляры отбираются не въ казну, а въ пользу законнаго издателя. И въ самыхъ уголовныхъ законахъ, вышедшихъ до перваго изданія Уложенія о наказ. въ 1845 году, о наказаніяхъ за контрафакціи не было и помину. Въ первомъ изданіи Свода Уголовныхъ Законовъ 1833 г., XV Т., къ нарушеніямъ правъ литературной собственности съ уголовнымъ характеромъ отнесенъ только подлогъ въ изданіи чужихъ сочиненій (742 ст.). Источникомъ послужилъ Цезурный Уст. 8 января 1830 года § 24. Тоже повторилось въ Сводѣ Уголовныхъ Законовъ изд. 1842 года, въ ст. 858. Слѣдовательно, Цензурный Уставъ 1830 г. далъ матеріалъ для Уголовнаго Кодекса только по вопросу о подлогѣ. Соотвѣтственно мысли, приведенной въ Цензурномъ Уставѣ 1830 г., и гражданскіе законы пріурочили жалобы и преслѣдованія по нарушенію правъ литературной собственности, упоминаемыя въ 316 и 317 стат. Уст. Ценз., къ своей области. Въ первомъ изданіи Свода Законовъ Гражданскихъ и Межевыхъ (X Т.) въ 1832 году все третье отдѣленіе 7 главы Уст. Цензур., исключая 313 стат., говорящей о комитетахъ внутренней цензуры и о главномъ управленіи оной, вошло въ законы о гражданскомъ судопроизводствѣ (ч. 1, кн. 6., разд. 5, гл. 15), въ ст. 2339, 2335. Тоже повторилось при изданіяхъ 1842 г., ст. 3095—3101, 1857 г. Т. X ч. 2 ст. 1046—1052, 1876 г. Т. X ч. 2 Зак. о суд. и взыскан. гражд. ст. 718—724. Если же Цензурный Уставъ смотрѣлъ на самовольное изданіе, какъ на правонарушеніе гражданскаго свойства, какъ на нарушеніе имущественныхъ правъ законнаго издателя, то не возникаетъ никакого сомнѣнія, что установленная 316 и 317 ст. XIV Т. Устава Цензурнаго двухлѣтняя для находящихся въ предѣлахъ и 4 хъ лѣтняя для пребывающихъ за границей давность относится какъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, такъ и къ гражданскимъ искамъ за вредъ и убытки, причиненные самовольнымъ изданіемъ. Употребленное въ 316 ст. Уст. Ценз. выраженіе „жалоба“ не имѣетъ особаго значенія уже потому, что въ то время, когда составлялось законоположеніе о правахъ сочинителей (въ концѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія), когда не было еще издано свода законовъ, едва ли строго различались термины: „прошеніе“, „жалоба“, „искъ“ и т. д., на что указываетъ употребленное въ 317 ст., находящейся въ непосредственной связи съ 316 стат., выраженіе „истцовъ“. Кромѣ того, по дѣламъ гражданскимъ, начинавшимся въ полиціи, „жалоба и прошеніе“ имѣли равносильное значеніе (по Св. Зак. изд. 1857 г. ст. 8, 17, примѣчаніе къ сей ст., прим. къ 19 ст. Т. X ч. 2 изд. 1876 г. прим. къ 16 ст. Т. X ч. 2 Зак. о судопр. гр.). Наконецъ, въ послѣдующихъ послѣ 1830 г. узаконеніяхъ, объ огражденіи правъ сочинителей на музыкальныя произведенія (Высочайше утвержд. мнѣніе Государственнаго Совѣта 9 января 1845 года) и о правахъ художниковъ на свои произведенія (Высочайше утвержд. мнѣніе Государственнаго Совѣта 1 го января 1846 года), прямо указано на „жалобы“ какъ на поводъ возбужденія дѣлъ по нарушенію правъ на произведенія художествъ и искусствъ (337, 338, 339, 344 и 351 ст. Уст. Ценз.). Слѣдовательно, останавливаться на употребленномъ въ 316 стат. Уст. Ценз. выраженіи „жалоба“ и дѣлать изъ сего выводъ, что 2-хъ и 4 хъ годовая давность не относится къ гражданскимъ искамъ по нарушенію правъ литературной собственности нѣтъ достаточнаго основанія. Хотя въ общихъ законахъ о давности (694 ст. Т. X ч. I изд. 1858 г. и прил. къ ней по прод. 1876 г., 213—226 ст. X Т. ч. 2 изд. 1857 г., 683 стат. X Т. ч. I по прод. 1879 года) не постановлено

какого-либо исключенія изъ общей 10 лѣтней давности для исковъ за вредъ и убытки по литературнымъ дѣламъ, но постановленія 317 ст. Уст. Ценз. и составляютъ именно закономъ опредѣленное исключеніе, что подтверждается и 2 прим. 420 ст. Т. X ч. I по прод. 1876 г. Такимъ образомъ мнѣніе просителя о томъ, что иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные законному издателю самовольнымъ изданіемъ литературныхъ произведеній, погашаются десятилѣтнею давностью, не подтверждается обзоромъ законоположеній и контрафракціи, ни въ первоначальномъ ихъ происхожденіи и постепенномъ развитіи, ни въ дѣйствующей нынѣ силѣ. Слѣдовательно, окончательный выводъ Судебной Палаты, признавшей, что иски за контрафракцію могутъ быть вчинаемы въ теченіе двухъ лѣтъ, а для находящихся за границею въ теченіе четырехъ, представляется правильнымъ. Если въ соображеніяхъ Палаты и есть разсужденія такого рода, что въ законахъ гражданскаго судопроизводства исковыя прошенія называются и „жалобами“, причемъ сдѣлана ссылка на 247 ст. Т. X ч. 2 изд. 1857 г., разсужденія, очевидно, неправильныя, ибо въ ст. 242—248, какъ вполнѣ основательно объясняетъ проситель, указана общая форма для исковыхъ прошеній и жалобъ частныхъ и апелляціонныхъ; поэтому въ ст. 244, 246 и 247, послѣ слова „прошеніе“, прописано въ скобкахъ „или жалоба“; но подобныя невѣрныя соображенія, не имѣющія вліянія на правильный исходъ дѣла, не могутъ служить поводомъ кассаціи (рѣш. 1879 г. №№ 21, 60, 277 и др.). Принимая, наконецъ, во вниманіе, что проситель, исходя изъ положенія о 10 лѣтней давности считаетъ рѣшеніемъ Палаты нарушенными 304, 316, 317 ст. Уст. Ценз., 718—723 ст. Т. X ч. 2 Зак. о суд. и взыск. гражд. изд. 1876 г., 692 и 694 ст. и прил. къ ней Т. X ч. I по прод. 1876 г., 158 и 164 ст. Улож. о нак., 6, 7, 18 и 19 ст. Уст. Уг. Суд., 5, 7 и 9 ст. Уст. Гр. Суд.; что по настоящему разъясненію Правительствующаго Сената законы, послужившіе основаніемъ выводамъ просителя, получаютъ иное толкованіе, чѣмъ даваемое кассаторомъ, и что, за правильнымъ разрѣшеніемъ Судебною Палатою дѣла, означенные законы не могутъ быть признаны нарушенными,—Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго Сидонской, Стратановича, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

77.—1882 г. февраля 17 и мая 5 чиселъ. *По прошенію Андрея Езіорскаго объ отмѣнѣ рѣшенія Петроковскаго Съѣзда Мировыхъ Судей 1 округа.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ С. И. Лукьяновъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора I. И. Карницкій).

Повѣренный домовладѣльца Шафрана, частный повѣренный Магнускій просилъ Мирового Судью г. Лодзи обязать сосѣдняго владѣльца Езіорскаго открыть дорогу, существовавшую издавна между смежными недвижимостями сторонъ, а нынѣ закрытую самовольно отвѣтчикомъ, причемъ повѣренный истца въ подтвержденіе фактической стороны дѣла сослался на свидѣтелей и просилъ о мѣстномъ осмотрѣ. При разборѣ дѣла повѣренный отвѣтчика, присяжный повѣренный Соболевскій, просилъ въ искѣ отказать, объясняя, что предшественники правъ истца никогда не пользовались сервитутомъ свободнаго проѣзда по существовавшей дорогѣ; что если отвѣтчикъ и разрѣшилъ бывшему владѣльцу недвижимости истца ѣздить по устроенной отвѣтчикомъ на своей землѣ дорогѣ, то этимъ еще не установилъ сервитута; что Шафранъ можетъ самъ себѣ устроить выѣзды по своей землѣ на смежныя съ его недвижимостью улицы; что сервитутъ, возстановленія котораго домогается истецъ, не предусмотрѣнъ закономъ, въ виду чего таковой и не можетъ быть нарушаемъ. Независимо отъ сего, повѣренный отвѣтчика призналъ, что со времени закрытія довѣрителемъ дороги не прошло еще года, такъ какъ дорога закрыта Езіорскимъ въ августѣ мѣсяцѣ истекшаго 1879 г. Изъ показаній допрошенныхъ Мировымъ Судьей свидѣтелей обнаружилось, что дорога, о которой идетъ споръ, существуетъ уже болѣе 30 лѣтъ и что ею пользовались въ продолженіе того времени безпрепятственно всѣ преж-

ніе владѣльцы недвижимости истца; что отвѣтчикъ Езіорскій въ августѣ мѣсяцѣ 1879 года закрылъ Шафрану доступъ къ означенной дорогѣ устройствомъ забора между дорогою и границею Шафрана и запахалъ самую дорогу. Принявъ во вниманіе, что столь долговременное и безпрепятственное пользованіе истцомъ и прежними владѣльцами недвижимости истца дорогою, проходомъ и проѣздомъ чрезъ землю отвѣтчика имѣетъ всѣ признаки установленнаго, по волѣ сосѣднихъ владѣльцевъ, устнымъ соглашеніемъ, сервитута, а потому это фактическое пользованіе имѣетъ право на охрану и защиту отъ всякаго самовольнаго нарушенія впредь до разрѣшенія вопроса о законности или незаконности сего сервитута компетентнымъ судомъ, Мировой Судья, на основаніи Уст. Граждан. Судопр. ст. 29, 73, 81, 102, 129 и 133, Полож. о судеб. реформ. въ Царствѣ Польскомъ стат. 115 и Гражд. Код. ст. 686, 690 и 692, опредѣлилъ: 1) признавъ право Фишеля Шафрана на свободный проѣздъ вдоль его границы, по существовавшей до августа мѣсяца 1879 года дорогѣ, нарушеннымъ дѣйствіями отвѣтчика Андрея Езіорскаго, обязать сего послѣдняго снять построенные имъ заборы, отдѣляющіе упомянутую дорогу отъ границы Шафрана и предоставить Шафрану право свободной ѣзды по той землѣ, на которой до августа мѣсяца 1879 года, существовала дорога. На это рѣшеніе Андрей Езіорскій принесъ апелляціонную жалобу, въ которой старался толковать въ свою пользу теорію Кодекса о сервитутахъ, причемъ указывалъ и на то, что не существуетъ письменнаго акта, даровавшаго недвижимости истца сервитутное право на проходъ чрезъ недвижимость отвѣтчика. Апелляторъ тоже возбудилъ вопросъ о томъ, что обѣ недвижимости расположены въ городѣ и открытіе между ними прохода безъ согласія администраціи было бы равносильно самовольному учрежденію новой улицы, съ обязанностью таковую мостить и освѣщать. Въ виду сего просилъ рѣшеніе Мирового Судьи отмѣнить и Шафрану въ искѣ отказать. На Съѣздѣ повѣренный отвѣтчика представилъ планъ мѣстности, и стороны сбмѣнялись возраженіями. Принявъ во вниманіе, что Мировымъ Судьей разрѣшенъ лишь споръ о временномъ правѣ пользованія дорогой, безъ предрѣшенія вопроса о законности этого права со стороны истца, т. е. дѣйствительнаго существованія сервитута въ имѣніи отвѣтчика въ пользу имѣнія истца, Съѣздъ нашелъ, что Мировой Судья не вышелъ изъ предѣловъ, указанныхъ 29 ст. п. 5 Устава Граждан. Судопроизводства и 115 Полож. о судеб. реформѣ въ Царствѣ Польскомъ, возстановляя фактическое, признанное, долговременное пользованіе, прекращенное отвѣтчикомъ самовольно въ августѣ 1879 г., т. е. за 8 мѣсяцевъ до принесенія истцомъ жалобы Мировому Судьѣ; а потому Съѣздъ, соглашаясь съ рѣшеніемъ Мирового Судьи и находя, что планъ, представленный отвѣтчикомъ-апелляторомъ, менѣе разъясняетъ подлежащіе разрѣшенію вопросы, нежели мѣстный осмотръ, произведенный Мировымъ Судьей, на основаніи Уст. Гражд. Судопр. ст. 105, 112, 129, 133, 181 и 29 п. 5, опредѣлилъ: рѣшеніе Мирового Судьи 2-го участка гор. Лодзи по сему дѣлу утвердить. На это рѣшеніе Андрей Езіорскій принесъ Правительствующему Сенату кассаціонную жалобу, въ которой, признавая рѣшеніе Съѣзда неправильнымъ, приводитъ для его отмѣны слѣдующіе поводы: 1) въ апелляціонной жалобѣ въ Петроковскій Мировой Съѣздъ 1 го округа подробно изъяснено было, на основаніи 688, 691 и 647 ст. Гражд. Кодекса, что хотя бы свидѣтели и доказали, что предшественники Шафрана ѣздили по дорогѣ, то и тогда, даже временно, за Шафраномъ не могло быть признано право свободнаго проѣзда по вышесказанной мѣстности, потому что изъ содержанія 688 стат. Гражд. Кодекса видно, что сервитутъ прохода или проѣзда принадлежитъ къ сервитутамъ „непостояннымъ“, такъ какъ для пользованія этимъ сервитутомъ необходимо каждый разъ дѣйствіе человѣка, т. е. чтобы онъ или ходилъ, или ѣздилъ. Слѣдовательно, по существу вещи видно, что сервитутъ этотъ не могъ находиться въ безпрерывномъ пользованіи ни Шафрана, ни его предшественниковъ, не имѣвшихъ, равно какъ Шафранъ, никакого на оный право основанія или титула, а прерывное пользованіе, хотя бы съ незапамятныхъ временъ, на основаніи 691 ст. Гр. Кодекса, недостаточно для установленія сервитута „непостояннаго“ и не можетъ дать основанія просить о возстановленіи

пользованія онымъ (ст. 2229 и 2232 Гр. Код.); 2) изъ соображеній обжалованнаго рѣшенія Съѣзда, по мнѣнію просителя, видно, что Съѣздъ положительно не входилъ въ разсмотрѣніе дѣла по существу, т. е. въ обсужденіе вопроса, доказалъ ли истецъ свой искъ и чѣмъ именно, или не доказалъ, а рѣшилъ только формальную сторону дѣла, т. е., что Мировой Судья при постановленіи рѣшенія въ 1 ой инстанціи не вышелъ изъ предѣловъ власти, предоставленной ему ст. 29 Уст. Гр. Судопроизвод. и ст. 115 Положенія о судебн. реформѣ въ Варшавскомъ судебн. округѣ. Но рѣшеніемъ Граждан. Кассаціоннаго Департамента 1867 г. № 42 по дѣлу Денисова и Ѳеодорова уже разъяснено, что „судъ обязанъ каждый споръ о правѣ гражданскомъ разрѣшить силою того закона, которымъ право, подвергшееся спору, опредѣлено и ограждено". Слѣдовательно, по настоящему дѣлу Съѣздъ обязанъ былъ рѣшить дѣло на основаніи 2 й книги Гражд. Кодекса, несоблюденіе же сего со стороны Съѣзда составляетъ явное нарушеніе 129 ст. Уст. Гражд. Судопр., вмѣняющей въ обязанность принимать въ соображеніе всѣ приведенныя по дѣлу обстоятельства, значеніе и силу доказательствъ и постановлять рѣшеніе, которое не должно противорѣчить закону; 3) вмѣстѣ съ симъ Съѣздъ нарушилъ 4 пунктъ 142 ст. Уст. Гр. Суд., такъ какъ неприведеніе въ рѣшеніи соображеній законовъ, на которыхъ основано рѣшеніе дѣла Съѣздомъ по существу, а указаніе лишь на то, что Мировой Судья не вышелъ изъ предѣловъ, указанныхъ въ 29 ст. Уст. Гр. Суд. и 115 ст. Полож. о судеб. реформѣ, признано уже Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи Гражд. Кас. Департ. 1867 г. № 242 по дѣлу Скобкиной нарушеніемъ 142 ст. Уст. Гр. Суд. и поводомъ въ кассаціи. То же самое разрѣшилъ уже Правительствующій Сенатъ въ кассаціонномъ рѣшеніи отъ 8 февраля 1880 года № 1167 по дѣлу Райха и Кахеля, отмѣнивъ рѣшеніе Петроковскаго Мирового Съѣзда 1 го округа на томъ основаніи, что соображенія въ этомъ рѣшеніи не давали возможности судить о правильности заключенія Съѣзда и провѣрить указанные просителемъ кассаціонные поводы. Хотя въ обжалованномъ рѣшеніи Мирового Съѣзда сказано, что Мировой Судья по настоящему дѣлу не вышелъ изъ предѣловъ, указанныхъ въ 5 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд. и 115 ст. Полож. о судеб. реформѣ, но, однако жъ, на основаніи рѣшенія Гр. Кас. Департ. 1875 г. февраля 27—марта 19 дня по дѣлу Кононовича слѣдуетъ предполагать противное, т. е. что и Мировой Судья, и Съѣздъ нарушили эти законы. Въ рѣшеніи, на которое онъ ссылается, сказано: „при разрѣшеніи споровъ о правѣ участія частнаго въ пользованіи дорогою, проложенною на чужой землѣ, недостаточно еще, для признанія за тяжущимися подобнаго права, установленія того факта, что дорога дѣйствительно существуетъ болѣе года, а необходимо, чтобы судомъ было признано или что означенная дорога учреждена надлежащею властью и показана на планахъ генеральнаго или спеціальнаго межеванія, или что другой дороги нѣтъ, т. е. что безъ нея сосѣдній владѣлецъ лишенъ возможности проѣхать на свою землю (стат. 682 Гражд. Кодекса)". Между тѣмъ, какъ видно изъ протокола осмотра, недвижимость Шафрана № 807 съ одной стороны выходитъ на Вульчанскую, а съ другой на Длугую улицы, и съ обѣихъ сторонъ Шафранъ имѣетъ свободный проѣздъ. Дорога же, которой добивается Шафранъ, на городскомъ планѣ вовсе не существуетъ, и для разъясненія дѣла въ Съѣздѣ представленъ былъ спеціалный планъ обѣихъ недвижимостей. Съѣздъ не входилъ даже въ разсмотрѣніе того, что дорога соединила бы Вульчанскую и Длугую улицы, слѣдовательно, что она составила бы новую улицу, которую воспрещено открывать безъ разрѣшенія надлежащихъ административныхъ властей. Слѣдовательно, здѣсь является нарушеніе 29 ст. Уст. Гражд. Суд. и 115 ст. Полож. о судеб. реформѣ. Вслѣдствіе вышеизложеннаго проситель ходатайствуетъ объ отмѣнѣ рѣшенія Съѣзда, по нарушенію 4 п. стат. 142, ст. 129 и 5 п. ст. 29 Уст. Гр. Суд., а равно 115 ст. Полож. о судеб. реформѣ и ст. 688, 691, 2229, 2232, 647, 682 Гр. Код.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что вопросъ о допускаемости исковъ о возстановленіи пользованія сервитутами непостоянными, по 4 п. 115 ст. Положенія о при-

мѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Варшавскому судебному округу, доходилъ уже до разсмотрѣнія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента и въ рѣшеніи 1878 г. № 211 по дѣлу Смяровскаго рѣшенъ былъ въ смыслѣ утвердительномъ. Нынѣ, имѣя въ виду, что вопросъ этотъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ основными положеніями матеріальнаго права, опредѣляющими понятія и значеніе права собственности, владѣнія и сервитутовъ; что правилами судопроизводства о подсудности, изложенными въ Положеніи о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Варшавскому судебному округу, не отмѣняются постановленія матеріальнаго права, изложенныя въ Гражданскомъ Кодексѣ, дѣйствующемъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, насколько эта отмѣна не вытекаетъ положительно изъ новыхъ правилъ, какъ это явствуетъ изъ Высочайшаго указа 19 февраля 1875 года объ утвержденіи вышеприведеннаго Положенія, что посему разрѣшеніе вопроса о примѣняемости къ сервитутамъ неявнымъ и непостояннымъ исковъ о возстановленіи нарушеннаго пользованія необходимо требуетъ соображенія и согласованія съ соотвѣтственными постановленіями Гражданскаго Кодекса,—Правительствующій Сенатъ признаетъ нужнымъ, для всесторонняго и надлежащаго разъясненія этого вопроса, подвергнуть его новому обсужденію, не стѣсняясь рѣшеніемъ 1878 г. № 211. Обсуждая вышепредложенный вопросъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что пунктомъ 4 мъ статьи 115 и статьею 117 Положенія о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Варшавскому судебному округу, для защиты и охраненія сервитутовъ, прямо и положительно установлено два рода исковъ: а) иски о нарушеніи пользованія указанными въ книгѣ второй Гражданскаго Кодекса сервитутами, когда со времени нарушенія прошло не болѣе года (п. 4 ст. 115), т. е. иски владѣльческіе, и б) иски о самомъ правѣ на сервитутъ (ст. 117). Перваго рода иски подсудны мировымъ судебнымъ учрежденіямъ; иски второго рода, т. есть иски о самомъ правѣ на сервитуты, подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ. При разсмотрѣніи исковъ перваго рода, т. е. по дѣламъ о возстановленіи нарушеннаго пользованія сервитутами, мировыя учрежденія, согласно статьѣ 122 того же Положенія, не входятъ въ разсмотрѣніе документовъ, удостовѣряющихъ право на недвижимое имѣніе, но лишь возстановляютъ нарушенное пользованіе. Приведенными выше статьями Положенія опредѣляется подсудность исковъ о возстановленіи пользованія сервитутами и исковъ о правѣ на сервитуты; но самыя понятія какъ о сервитутахъ, такъ и о пользованіи находятъ свое опредѣленіе въ дѣйствующемъ въ губерніяхъ Царства Польскаго Гражданскомъ Кодексѣ. Гражданскій же Кодексъ ни въ одной изъ статей своихъ не дѣлаетъ различія между понятіемъ „владѣнія“ и понятіемъ „пользованія“, въ смыслѣ осуществленія права; поэтому всѣ правила Кодекса о владѣніи должны примѣняться и къ пользованію. Доказательствомъ тому служитъ статья 2228 Гражд. Код., по силѣ коей владѣніе есть обладаніе или пользованіе вещью, которую кто либо имѣетъ, или правомъ, которое кто либо осуществляетъ самъ, либо чрезъ посредство другого лица, обладающаго вещью или осуществляющаго право отъ его имени, изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ, что по терминологіи Кодекса владѣніе и пользованіе суть два понятія тождественныя; самое владѣніе опредѣляется словомъ обладаніе или пользованіе, въ виду чего выраженіе „пользованіе сервитутами“ должно быть признано равносильнымъ выраженію „владѣніе сервитутами“, какъ то вытекаетъ и изъ несомнѣннаго текста статьи 691 Гражд. Код., по которой владѣніе (т. е. пользованіе), даже незапамятное, недостаточно для установленія сервитутовъ непостоянныхъ. При такомъ положеніи терминологіи Гражданскаго Кодекса слѣдуетъ признать, что выраженіе „пользованіе“ въ п. 4 ст. 115 Полож. о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Варшавскому судебному округу, употреблено вмѣсто выраженія „владѣнія“, тѣмъ болѣе, что Положеніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ само никакого новаго понятія о пользованіи, въ противоположность понятію о владѣніи, не только не установило, но, напротивъ того, въ ст. 122 иски о возстановленіи нарушеннаго пользованія сервитутами приравниваетъ вполнѣ къ искамъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Въ связи съ главнымъ и основнымъ понятіемъ о владѣніи (или пользованіи), какъ объ осуществленіи какого-либо

*

права (ст. 2228) отъ своего имени для себя, самимъ или посредствомъ представителя, находится статья 2232 Гражд. Кодекса, установляющая, что дѣйствія, зависящія отъ одной лишь доброй воли, а равно и простого допущенія, не могутъ служить основаніемъ владѣнію. А такъ какъ, что выше уже указано, по статьѣ 2228 Гражд. Код. и ст. 122 Положенія о примѣненіи Суд. Уст. къ Варшавскому судебному округу, владѣніе есть пользованіе, то изъ сего несомнѣнно слѣдуетъ, что иски о нарушеніи пользованія (ст. 115 п. 4) могутъ имѣть въ виду защиту и охраненіе только такого пользованія, которое по Гражданскому Кодексу предполагается самостоятельнымъ осуществленіемъ права (ст. 2230 Гражд. Код.). При какихъ условіяхъ и относительно какихъ сервитутовъ осуществленіе ихъ предполагается самостоятельнымъ, опредѣляется также Гражданскимъ Кодексомъ, въ главѣ объ установленіи сервитутовъ (ст. 690—696). Гражданскій Кодексъ (ст. 688 и 689) раздѣляетъ сервитуты на постоянные и непостоянные, явные и не явные. Это раздѣленіе имѣетъ существенное вліяніе на опредѣленіе самыхъ способовъ ихъ пріобрѣтенія. Сервитуты постоянные и явные, по ст. 690 Гражд. Код., могутъ быть пріобрѣтаемы или посредствомъ правооснованій (актовъ, titres) или посредствомъ тридцатилѣтняго владѣнія (т. е. пользованія); сервитуты же постоянные неявные и сервитуты непостоянные, какъ явные, такъ и неявные, по ст. 691 Гражд. Код., могутъ быть установляемы не иначе какъ посредствомъ правооснованій (актовъ, titres) и для установленія ихъ недостаточно владѣнія (т. е. пользованія) даже незапамятнаго. Основаніе этого запрещенія пріобрѣтать сервитуты непостоянные и неявные посредствомъ владѣнія не только тридцатилѣтняго, но даже и незапамятнаго (ст. 691 Гражд. Код.), заключается въ предположеніи закона, который въ тѣхъ дѣйствіяхъ, въ коихъ внѣшнимъ образомъ, повидимому, выражается осуществленіе сервитута (т. е. владѣніе или пользованіе), по существу и свойству сихъ дѣйствій, не признаетъ въ нихъ пользованія сервитутомъ, а, напротивъ того, всегда предполагаетъ, что дѣйствія, въ коихъ внѣшнимъ образомъ выражается осуществленіе непостояннаго и неявнаго сервитута, совершаются не въ силу принадлежащаго на то права, а лишь въ силу простого одностороннягo дозволенія или допущенія собственника (хозяина) ради отношеній добраго сосѣдства, причемъ ни тотъ, кто сіи дѣйствія совершаетъ, ни тотъ, кто ихъ дозволяетъ или допускаетъ, не соединяютъ съ этимъ положеніемъ вещей никакой идеи о правѣ или объ обязанности, такъ что владѣніе или пользованіе этими сервитутами, по слову закона, по существу своему, всегда есть владѣніе прекарное (possession précaire), т. е зависимое отъ односторонней доброй воли собственника; а добрая воля исключаетъ всякую идею о правѣ. Тотъ, кто, по предположенію закона, пользуется чужимъ имуществомъ лишь по доброй волѣ и простому дозволенію или допущенію хозяина, не имѣетъ никакого другого основанія, кромѣ этой единосторонней воли собственника, кромѣ простого его дозволенія, которое можетъ быть во всякое время взято назадъ. Коль скоро простое дозволеніе исключаетъ всякую идею о правѣ, то оно и не можетъ служить основаніемъ тому самостоятельному владѣнію, которое, служа выраженіемъ предполагаемаго права, охраняется и защищается именно потому, что предполагается внѣшнимъ выраженіемъ и осуществленіемъ права. Такимъ образомъ, раздѣленіе сервитутовъ на роды имѣетъ рѣшительное вліяніе на способы ихъ пріобрѣтенія, а способы пріобрѣтенія въ свою очередь вліяютъ и на способъ ихъ судебной защиты. Если сервитуты постоянные и явные, независимо отъ правооснованій, могутъ быть пріобрѣтаемы и посредствомъ владѣнія (т. е. пользованія), то владѣніе при осуществленіи этихъ сервитутовъ будетъ внѣшнимъ выраженіемъ предполагаемаго сервитутнаго права, а потому и можетъ быть защищаемо и охраняемо посредствомъ исковъ, указанныхъ въ п. 4 ст. 115 Положенія, такъ какъ законъ предполагаетъ, что владѣніе сервитутами этого рода составляетъ осуществленіе права, а не основано лишь на простомъ одностороннемъ дозволеніи или допущеніи хозяина ради отношеній добраго сосѣдства. Но, конечно, предположеніе это при искахъ о возстановленіи нарушеннаго пользованія (т. е. владѣнія) сервитутами постоянными и явными (ст. 688, 689 и 690 Гражд. Код.) можетъ быть ослаблено и опровергнуто заинтересованною стороною.

т.-е. собственникомъ, хозяиномъ имѣнія, посредствомъ доказательства, что владѣніе сосѣда даже сервитутомъ постояннымъ и явнымъ было прекарное, т. е. основанное на доброй волѣ хозяина. Вотъ почему при защитѣ и охраненіи пользованія (владѣнія) сервитутами постоянными и явными судъ долженъ опредѣлить основаніе и свойство владѣнія, т. е. установить, выражалось ли въ немъ осуществленіе предполагаемаго сервитутнаго права, или-же владѣніе это зависѣло лишь отъ доброй воли и простого дозволенія (ст. 2232 Гражд. Код.), которыя по закону не служатъ основаніемъ владѣніе охраняемаго и защищаемаго закономъ (ст. 2232 Гражд. Код.). Но совсѣмъ въ иномъ положеніи находится вопросъ о защитѣ, посредствомъ владѣльческихъ исковъ, пользованія сервитутами непостоянными и неявными. Законъ положительно, безусловно и ни въ какомъ случаѣ не признаетъ владѣнія или пользованія этими сервитутами осуществленіемъ сервитута, а всѣ дѣйствія, въ которыхъ внѣшнимъ образомъ выражается пользованіе сервитутомъ, считаетъ лишь дѣйствіями, совершаемыми съ дозволенія или допущенія хозяина, по доброй его волѣ, по отношенію добраго сосѣдства, то есть законъ предполагаетъ, наприм., что если сосѣдъ ходитъ по землѣ сосѣда, то ходитъ не въ силу предполагаемаго сервитутнаго права, а потому только, что хозяинъ это позволяетъ. Такое одностороннее позволеніе хозяина—его добрую волю обращать для него въ обязанность и тѣ или другія дѣйствія, совершаемыя въ настоящемъ лишь по простому дозволенію, возводить на будущее время въ отношенія правовыя—противорѣчило бы тѣмъ способамъ пріобрѣтенія сервитутныхъ правъ, которыя указаны въ законѣ. Потому то именно Гражд. Код. за такими дѣйствіями и не признаетъ никакого значенія, не придаетъ имъ свойства и характера владѣнія, а вслѣдствіе сего для защиты и охраненія этихъ дѣйствій на будущее время не даетъ владѣльческихъ исковъ. Такимъ образомъ, владѣніе или пользованіе сервитутами неявными и непостоянными, въ силу самаго закона, по самому существу дѣйствій, въ коихъ это владѣніе выражается, не есть выраженіе или проявленіе права; напротивъ того, по слову закона, дѣйствія сіи суть лишь выраженіе простого односторонняго дозволенія и доброй воли хозяина, ни къ чему необязаннаго; поэтому, сколько бы времени эти дѣйствія ни продолжались, свойство и основаніе ихъ всегда остается одно и то же: они признаются дѣйствіями, основанными на простомъ дозволеніи, а не выражающими осуществленіе права. Если же законъ осуществленію, т.-е. владѣнію или пользованію непостоянными сервитутами, сколько бы это владѣніе или пользованіе ни продолжалось, не придаетъ никакого значенія, какъ способу пріобрѣтенія самаго права на сервитутъ, то нѣтъ уже никакого основанія допускать по отношенію къ этого рода сервитутамъ защиту фактическаго ихъ осуществленія, которое, согласно ст. 691 Гражд. Код., сколько бы ни продолжалось, никогда, въ силу самаго закона, не можетъ служить основаніемъ для пріобрѣтенія права. Поэтому мировыя судебныя установленія при обсужденіи, на основаніи п. 4 ст. 115, исковъ о возстановленіи пользованія сервитутами, должны прежде всего обсудить, къ какому роду принадлежатъ спорные сервитуты, дозволяетъ ли Гражданскій Кодексъ пріобрѣтеніе права на спорный сервитутъ посредствомъ владѣнія, и если не дозволяетъ, то въ искѣ о возстановленіи нарушеннаго пользованія прямо и положительно отказать по его недопускаемости въ силу самаго закона, причемъ заинтересованной сторонѣ остается возможность требовать признанія права ея на сервитутъ посредствомъ иска, установленнаго статьею 117 Положенія и доказывать это право тѣми способами, которые указаны въ Гражданскомъ Кодексѣ (ст. 691 Гражд. Код.). Примѣняя вышеозначенныя соображенія къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что Фишель Шафранъ предъявилъ противъ Андрея Езіорскаго искъ о возстановленіи нарушеннаго пользованія сервитутомъ дороги пролегающей между имѣніями истца и отвѣтчика, и Мировой Съѣздъ, установивъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, что Шафранъ и его праводатели спорною дорогою долговременно пользовались, искъ Шафрана призналъ правильнымъ и пользованіе спорною дорогою возстановилъ; 2) что сервитутъ дороги, согласно ст. 688 Гражд. Код., принадлежитъ къ числу сервитутовъ непостоянныхъ, которые, по ст. 691 то-

го же Кодекса, не могутъ быть пріобрѣтаемы посредствомъ владѣнія (т. е. пользованія), даже незапамятнаго; 3) что, коль скоро законъ не допускаетъ самостоятельнаго владѣнія непостоянными сервитутами и всѣ дѣйствія, въ которыхъ внѣшнимъ образомъ осуществленіе сихъ сервитутовъ выражается, считаетъ дѣйствіями, зависящими лишь отъ доброй воли, простого дозволенія или допущенія собственника, а не выраженіемъ предполагаемаго права на сервитуты, то и истецъ Шафранъ, по силѣ п. 4 ст. 115, не могъ защищаться искомъ о возстановленіи нарушеннаго пользованія, такъ какъ фактическое пользованіе проходомъ или дорогою по закону не составляетъ самостоятельнаго владѣнія сервитутомъ и не можетъ быть защищаемо и охраняемо посредствомъ владѣльческаго иска; 4) что для охраненія и защиты своего предполагаемаго права на сервитутъ дороги, т. е. на сервитутъ непостоянный, Шафрану, согласно вышеизложенному, слѣдовало предъявить искъ о самомъ правѣ на сервитутъ, по правиламъ, указаннымъ въ ст. 117 и 136 Полож. о прим. Судебн. Уставовъ къ Варшавскому судебному округу; 5) что посему и Мировой Съѣздъ, признавшій, вопреки ст. 691 Гражд. Код., возможность владѣнія (т. е. пользованія) сервитутомъ дороги (сервитутомъ непостояннымъ) и возстановившій это владѣніе (т. е. пользованіе) по неправильному толкованію п. 4 ст. 115 положенія и вопреки точному смыслу ст. 691 Гр. Код., не допускающей владѣнія (т. е. пользованія) непостоянными сервитутами, тѣмъ самымъ нарушилъ вышеупомянутую статью Гр. Код., въ связи съ п. 4 ст. 115 Положенія. По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Петроковскаго Съѣзда Мировыхъ Судей 1 округа отмѣнить, по нарушенію 691 ст. Гр. Код., и дѣло передать въ Петроковскій Мировой Съѣздъ 2 го округа.

78.—1882 года марта 17 го и мая 5 го чиселъ. *По прошенію повѣреннаго несовершеннолѣтней Вѣры Пушкевичъ и опекуна малолѣтней Елены Пушкевичъ, коллежскаго ассесора Михаила Ступишина, присяжнаго повѣреннаго Герке, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ В. Г. Коробьинъ; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора Н. Е. Вельцинъ).

Изъ дѣла видно, что маіоръ Николай Мусинъ-Пушкинъ домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ предоставилъ свое недвижимое имѣніе въ пожизненное владѣніе сестрѣ своей, женѣ генерала маіора Екатеринѣ фонъ Фридерихсъ, а послѣ ея смерти въ собственность племяннику штабъ ротмистру Николаю Пушкевичу. Послѣ смерти Мусина Пушкина сестра его фонъ Фридерихсъ представила 17 апрѣля 1868 г. духовное завѣщаніе къ явкѣ въ Московскую палату уголовнаго и гражданскаго суда, которая по постановленію 23 мая того же года подлинность завѣщанія явкою засвидѣтельствовала, о чемъ и произвела публикацію по Сенатскимъ объявленіямъ, 1 ю—27 іюня, а 3 ю—4-го іюля 1868 г. затѣмъ, по постановленію Владимирскаго Окружнаго Суда, 28 сентября 1868 года состоявшемуся по прошенію фонъ Фридерихсъ, передано въ ея пожизненное владѣніе по описямъ имѣніе завѣщателя, состоящее въ Юрьевскомъ уѣздѣ и въ городѣ Покровѣ, а 5 февраля 1869 года фонъ Фридерихсъ обратилась съ прошеніемъ въ Петровскій Уѣздный Судъ о вводѣ ея во владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ, въ томъ уѣздѣ находящимся, вслѣдствіе чего по постановленію Уѣзднаго Суда произведенъ 7-го февраля вводъ во владѣніе, и 8 мая того же 1869 года припечатано въ Сенатскихъ объявленіяхъ о явкѣ завѣщанія Мусина Пушкина, выданнаго фонъ Фридерихсъ на завѣщанное ей имѣніе Петровскаго уѣзда. Николай Пушкевичъ умеръ въ 1870 г., оставивъ послѣ себя двухъ дочерей: Вѣру и Елену, а въ 1871 г. скончалась и Екатерина фонъ Фридерихсъ; по распоряженію же Мирового Судьи припечатанъ 22 февраля 1868 года вызовъ наслѣдниковъ Николая Мусина Пушкина. Повѣренный сестры Мусина-Пушкина, Серафимы Янихенъ, и опекунши надъ дѣвицами Пушкевичъ, Задаево Кошанской, коллежскій ассесоръ Коломійцевъ, обратился во Владимирскій Окружный Судъ съ прошеніемъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ имѣнію, оставшемуся послѣ умершаго Николая Мусина-Пушкина, его довѣрительницъ—Яни-

хенъ и дѣвицъ Пушкевичъ; но Окружный Судъ, имѣя въ виду, что Мусинъ-Пушкинъ оставилъ духовное завѣщаніе, коимъ распорядился имѣніемъ, по отношенію къ которому Коломійцевъ проситъ допустить наслѣдство по закону, постановленіемъ 28 сентября 1872 года отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, а опредѣленіями, состоявшимися въ порядкѣ охранительнаго производства 26 апрѣля и 4 октября 1874 г., Нижегородскій Окружный Судъ утвердилъ въ правахъ наслѣдства къ имѣнію Мусина Пушкина, каждаго въ законныхъ частяхъ, Серафиму Янихенъ, вдову тайнаго совѣтника Лидію Хрущеву, дѣвицъ Вѣру и Елену Пушкевичъ, дворянъ: Владимира, Петра, Александра, Сергѣя, Надежду и Александра Богдановыхъ; а 12 го ноября 1876 года въ правахъ наслѣдства къ имѣнію Серафимы Янихенъ утвержденъ сынъ ея, коллежскій регистраторъ Александръ Янихенъ; всѣ эти наслѣдники по закону были введены во владѣніе въ 1877 году. Затѣмъ, при производствѣ о судебномъ раздѣлѣ имѣнія Мусина Пушкина между его наслѣдниками, опекунъ дѣвицъ Пушкевичъ, коллежскій ассесоръ Михаилъ Ступишинъ, заявилъ, что по духовному завѣщанію Мусина Пушкина все оставшееся послѣ него имѣніе принадлежитъ въ собственность Пушкевичъ, вслѣдствіе чего Московская Судебная Палата 2 октября 1870 г. признала, что между наслѣдниками происходилъ такой споръ, который можетъ быть разрѣшенъ только въ исковомъ порядкѣ и который исключаетъ возможность продолжать производство судебнаго раздѣла. Послѣдствіемъ сего было предъявленіе 3 января 1880 года со стороны Янихенъ, Хрущевой и Богдановыхъ иска о признаніи недѣйствительнымъ духовнаго завѣщанія Мусина Пушкина, такъ какъ завѣщатель распорядился родовыми имѣніями, а, между тѣмъ, завѣщаніе составлено домашнимъ порядкомъ и не было внесено на храненіе ни въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ, указанныхъ на сей случай въ законѣ; независимо сего, истцы просили признать завѣщаніе неимѣющимъ силы для дѣвицъ Пушкевичъ, по недоказанности перехода завѣщаннаго имѣнія къ Николаю Пушкевичу, а отъ него къ дочерямъ его, и вслѣдствіе существованія неоспоренныхъ и въ исковомъ порядкѣ неотмѣненныхъ правъ истцовъ какъ утвержденныхъ наслѣдниковъ по закону къ помянутому имуществу и введенныхъ во владѣніе онымъ. Возражая противъ этого иска, повѣренный опекуна Ступишина доказывалъ, что споръ (противу завѣщанія) предъявленъ единственно противъ силы завѣщательнаго акта, а таковой споръ, по силѣ 1098 стат. X Т. I ч., долженъ быть предъявленъ въ теченіе двухъ лѣтъ со дня публикаціи о засвидѣтельствованіи завѣщанія, которая послѣдовала въ 1868 году, публикація же Петровскаго Уѣзднаго Суда о явкѣ завѣщанія для ввода пожизненной владѣлицы во владѣніе послѣдовала въ 1869 г.; что для признанія сихъ публикацій обязательными все равно, кѣмъ представлено завѣщаніе къ явкѣ и для ввода во владѣніе—пожизненною владѣлицею или собственникомъ; что Николай Пушкевичъ и не могъ сего исполнить, ибо онъ умеръ ранѣе фонъ Фридерихсъ; что сія послѣдняя, по опредѣленію Окружнаго Суда 28 го сентября 1868 года была введена въ пожизненное владѣніе имѣніемъ; что посему все требуемое 1098 ст. X Тома I части было исполнено и вслѣдствіе того установленный симъ закономъ двухлѣтній срокъ пропущенъ истцами; истцы не могутъ отговариваться и незнаніемъ о духовномъ завѣщаніи, ибо изъ опредѣленія Окружнаго Суда 28 сентября 1872 года оно было имъ извѣстно, но и съ этого времени они пропустили двухлѣтній срокъ для предъявленія иска. Далѣе повѣренный отвѣтчиковъ доказывалъ, что дѣвицы Пушкевичъ, какъ наслѣдницы по завѣщанію, по праву представленія послѣ ихъ отца, вступили по владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ, которое поступило въ вѣдѣніе дворянской опеки, слѣдовательно, истцы неправильно утверждаютъ, что переходъ имѣнія къ Пушкевичу, а отъ него къ дочерямъ его, не доказанъ, утвержденіе же истцовъ въ правахъ наслѣдства достигнуто путемъ сокрытія предъ Нижегородскимъ судомъ отказа Владимирскаго Окружнаго Суда и злоупотребленіемъ повѣреннаго бывшей опекунши Задаево-Кошанской, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и повѣреннымъ Янихенъ; во всякомъ случаѣ, разрѣшеніе настоящаго спора укажетъ, правильно ли истцы признаны наслѣдниками къ имуществу, относительно котораго сдѣланы завѣщательныя распоряженія. Но, и незави-

симо пропуска двухлѣтняго срока, истцы, по мнѣнію повѣреннаго отвѣтчиковъ, пропустили и 10 ти лѣтнюю давность на начатіе иска противу духовнаго завѣщанія и въ доказательство правъ наслѣдства по закону на спорное имѣніе, такъ какъ публикація о засвидѣтельствованіи завѣщанія была въ 1868 году, а охранительное производство о наслѣдственныхъ правахъ давности не прерываетъ. Повѣренные истцовъ оспаривали возраженія отвѣтчика и указывали на то, что публикаціи, требуемой 1098 ст. Т. X ч. I, не было; что публикація должна быть о вводѣ собственника, а не пожизненнаго владѣльца; что для наслѣдниковъ по закону не было повода предъявлять споръ противу завѣщанія, такъ какъ Пушкевичи въ права по оному не вступили, а, напротивъ, предъявили свои права наслѣдства по закону къ $^1/_4$ части имущества, указаннаго въ завѣщаніи, и введены въ общее владѣніе имѣніемъ совмѣстно съ истцами; затѣмъ они доказывали, что имѣніе поступило въ опеку по малолѣтству Пушкевичъ, а не потому, что они наслѣдники въ ономъ по завѣщанію, и что истцы также владѣли и пользовались завѣщаннымъ имѣніемъ. Въ доказательство владѣнія имѣніемъ съ обѣихъ сторонъ были представлены разные документы. По апелляціи отвѣтчика дѣло поступило на разсмотрѣніе Московской Судебной Палаты, которая нашла, что разрѣшеніе настоящаго спора зависитъ отъ рѣшенія вопроса о срокѣ: пропущенъ ли истцами 10-ти лѣтній, или 2 хъ лѣтній срокъ на предъявленіе иска? Существованіе какого либо акта, коимъ предоставляется имущественное право, не можетъ быть признаваемо тождественнымъ съ фактическимъ осуществленіемъ самаго права; такъ и завѣщаніе Мусина-Пушкина, хотя и свидѣтельствуетъ о волѣ завѣщателя относительно предоставленія недвижимыхъ его имѣній Пушкевичу, но пока воля Пушкевича, или его законныхъ преемниковъ, воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ не проявилась на самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ противники ихъ, наслѣдники по закону, не имѣли повода обращаться къ содѣйствію суда для огражденія своихъ правъ на наслѣдственное послѣ Мусина Пушкина имущество. Такое заключеніе подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что, по смыслу 1242 ст. I ч. X Т., соучастники въ наслѣдствѣ общаго имѣнія, каковыми являются обѣ тяжущіяся стороны, въ такомъ только случаѣ утрачиваютъ свои права, когда они не заявятъ о нихъ въ теченіе десятилѣтняго срока со дня учиненнаго публичнаго вызова. Въ настоящемъ случаѣ истцы не только заявили о своихъ правахъ на имущество до истеченіи 10 ти лѣтняго срока, но заявили о семъ совмѣстно съ отвѣтчиками, и всѣ они были введены во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ въ законныхъ наслѣдственныхъ доляхъ. Такимъ образомъ, лица, являющіяся въ настоящемъ дѣлѣ истцами, не имѣли никакого повода предъявлять иска, ибо права ихъ на имущество не только не были оспариваемы со стороны представителей интересовъ малолѣтнихъ Пушкевичей, но были даже признаваемы. Объясненіе повѣреннаго отвѣтчика, будто утвержденіе истцовъ въ правахъ наслѣдства совмѣстно съ Пушкевичъ произошло вслѣдствіе злоупотребленія повѣреннаго опекунши послѣднихъ, не можетъ быть принято во вниманіе, потому что важность сихъ судебныхъ дѣйствій заключается въ томъ, что сонаслѣдники выразили свою волю воспользоваться своими правами на имущество, что это право было признано судомъ и было осуществлено вводомъ во владѣніе и что всѣ эти дѣйствія были совершены съ вѣдома повѣреннаго законнаго представителя малолѣтнихъ Пушкевичъ. Наконецъ, указаніе повѣреннаго отвѣтчиковъ на то обстоятельство, будто, несмотря на всѣ эти дѣйствія и акты, всѣ наслѣдственныя имущества были въ опекунскомъ завѣдываніи, какъ имущества, принадлежащія исключительно Пушкевичъ, ничѣмъ со стороны отвѣтчиковъ не доказано; хотя изъ просьбы Коломійцева опекунскому учрежденію и видно, что онъ признавалъ всѣ имѣнія Мусина Пушкина завѣщанными Пушкевичъ и принадлежащими наслѣдникамъ послѣдняго, но затѣмъ ничѣмъ не доказано, чтобы исключительное владѣніе Пушкевичъ имѣніями было осуществлено на самомъ дѣлѣ; напротивъ того, изъ удостовѣренія опекунскаго учрежденія видно, что часть доходовъ изъ общаго наслѣдственнаго имѣнія была выдана Янихенъ и другимъ сонаслѣдникамъ. Все это убѣждаетъ въ томъ, что теченіе земской давности на предъявленіе настоящаго иска

началось не со времени утвержденія духовнаго завѣщанія, а съ того времени, когда представитель малолѣтнихъ Пушкевичъ выразилъ свою волю воспользоваться означеннымъ завѣщаніемъ и началъ оспаривать наслѣдственныя по закону права истцовъ; эти же дѣйствія отвѣтчиковъ были совершены въ 1878 году и съ этого времени 10 лѣтъ не прошло; слѣдовательно, истцы не утратили права на предъявленіе иска о признаніи завѣщанія Мусина-Пушкина недѣйствительнымъ. Затѣмъ, по смыслу 1098 ст. Т. X ч. I, двухлѣтній срокъ на предъявленіе спора противъ духовнаго завѣщанія исчисляется не съ того только времени, когда припечатано объявленіе суда о принятіи завѣщанія къ явкѣ, а съ того, когда припечатано объявленіе о вводѣ во владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ тѣхъ лицъ, коимъ оно завѣщано въ собственность; ввода во владѣніе Николая Пушкевича, отца отвѣтчиковъ, произведено не было, слѣдовательно, теченіе двухлѣтняго срока не начиналось и истцы не пропустили и сего срока на предъявленіе настоящаго иска. Статья 35 закона 1869 года о духовныхъ завѣщаніяхъ не можетъ быть примѣнена, потому что завѣщаніе Мусина Пушкина было засвидѣтельствовано въ 1868 году, и притомъ гражданскою палатою, слѣдовательно, въ порядкѣ прежняго судопроизводства; законъ же 1869 года изданъ впослѣдствіи, и притомъ для новыхъ судебныхъ установленій. Принимая засимъ во вниманіе, что имѣнія, о коихъ Мусинъ Пушкинъ сдѣлалъ завѣщательныя распоряженія, суть родовыя, и при составленіи и храненіи завѣщанія не исполнены установленныя закономъ правила, Судебная Палата утвердила рѣшеніе Нижегородскаго Окружнаго Суда, которымъ духовное завѣщаніе Мусина-Пушкина признано недѣйствительнымъ въ отношеніи предоставленія завѣщателемъ своихъ родовыхъ имѣній въ собственность Николая Пушкевичъ и неимѣющимъ силы относительно наслѣдственныхъ послѣ Мусина Пушкина правъ Богдановыхъ, Хрущевой и Янихенъ на опредѣленныя имъ Судомъ доли въ тѣхъ же родовыхъ имѣніяхъ. На это рѣшеніе присяжный повѣренный Герке, по довѣренности Вѣры Пушкевичъ и опекуна надъ Еленою Пушкевичъ, Ступишина, принесъ въ Правительствующій Сенатъ кассаціонную жалобу, въ которой проситъ отмѣнить рѣшеніе Судебной Палаты по слѣдующимъ основаніямъ: 1) Палата нарушила 533, 692, 1098 ст. X Т. ч. I, 35 ст. Времен. Правилъ о духовн. завѣщ. и 339 ст. Устава Гражд. Судопр. тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы обсудить вопросъ объ исковой давности для спора противъ неформальности завѣщанія, безъ основанія ко владѣнію имѣніемъ, смѣшала вопросъ объ исковой давности съ вопросомъ о владѣніи имѣніемъ, несмотря на то, что истцы указанія о началѣ своего участія въ фактическомъ владѣніи находившихся въ опекѣ имѣній относятъ ко времени 1874 года, когда уже 2 хъ лѣтній срокъ для спора противъ неформальности завѣщанія истекъ, и при этомъ Палата не обсудила доводовъ повѣреннаго отвѣтчицъ о свойствѣ и началѣ указываемаго истцами участія во владѣніи имѣніями Мусина Пушкина; 2) Палата нарушила 1098 ст. I ч. X Т., 35 стат. Времен. Правилъ о духовн. завѣщ. и прилож. къ стат. 694 X Тома части I тѣмъ, что не опредѣлила точнаго, закономъ указаннаго, момента для начала исчисленія давности по иску, хотя и построенному на основаніяхъ шаткихъ и разнообразныхъ, но который сама Палата признала искомъ о признаніи завѣщанія на родовое имѣніе недѣйствительнымъ, по его неформальности; указанный закономъ срокъ для подобнаго рода исковъ Палата замѣнила срокомъ осуществленія права, основаннаго на завѣщаніи, тогда какъ, по 1098 ст. I ч. X Тома, одно предъявленіе завѣщанія къ утвержденію и вводу есть уже осуществленіе правъ, основанныхъ на завѣщаніи; будетъ ли завѣщаніе предъявлено однимъ изъ наслѣдниковъ по завѣщанію, или всѣми ими—это безразлично для начала исковой давности; нельзя утверждать, что завѣщаніе, предъявленное пожизненною владѣлицею, можетъ быть оспариваемо съ другого момента относительно наслѣдника, которому завѣщано право собственности; противу завѣщанія Мусина Пушкина слѣдовало, по 1098 ст., спорить не позже 8 го мая 1871 года, послѣ же сего числа давность должна считаться пропущенною; 3) Палата неправильно не придаетъ значенія акту, не оспоренному въ теченіе 10 ти лѣтъ, духовному завѣщанію только потому, что Пушкевичи не выражали желанія пользоваться этимъ актомъ; это

не согласно съ фактами, установленными самой Палатой (просьба о взятіи имѣнія въ опеку на основаніи завѣщанія), и неправильно, ибо при отсутствіи спора не было надобности удостовѣрять пользованіе своими правами; пользованіе это зависитъ отъ воли того, кому право принадлежитъ, и одно непользованіе не уменьшаетъ достоинства акта, на которомъ основаны права, ибо актъ не получаетъ своего начала отъ владѣнія; указаніе Палаты, что представитель малолѣтнихъ Пушкевичъ допустилъ уже въ 1874 года совмѣстное утвержденіе ихъ съ истцами въ правахъ наслѣдства, нисколько не уменьшаетъ значенія этого акта, ибо другой новый представитель замѣтилъ эту ошибку и продолжаетъ, въ силу этого акта, пользоваться завѣщаннымъ имѣніемъ, взятымъ въ опеку согласно этому духовному завѣщанію; неправильность заключенія Палаты относительно значенія актовъ, по мнѣнію Герке, вполнѣ разъясняется рѣшеніями Сената 1873 г. № 1471 и 1878 г. № 278; 4) примѣненіе 1242 ст. Т. X ч. I сдѣлано Палатою неправильно, ибо законъ этотъ относится до наслѣдства по закону; при существованіи же духовнаго завѣщанія права наслѣдниковъ по закону зависятъ отъ того, пропустили ли они срокъ или нѣтъ на оспариваніе завѣщанія (ст. 1104 X Т. I ч.); 5) заключеніе Палаты о томъ, что теченіе земской давности на предъявленіе настоящаго иска началось съ того времени, когда представитель малолѣтнихъ Пушкевичъ выразилъ свою волю воспользоваться духовнымъ завѣщаніемъ, не согласно съ 1098, 1222 ст. X Т. I ч. и 35 ст. Врем. Правилъ о духов. завѣщ., и едписывающими оное начало для исчисле ія земской давности; кромѣ того, этотъ выводъ грѣшитъ и противъ изложенныхъ въ рѣшеніи Палаты фактовъ, почему здѣсь нарушена 339 ст. Уст. Граж. Суд.; 6) Палата нашла, что для начала двухгодичной давности недостаточны публикаціи Московской гражданской палаты и Петровскаго Уѣзднаго Суда, а необходима публикація о совершеніи ввода во владѣніе по завѣщанію; такое заключеніе противорѣчитъ 925, 1098, 1523 и 1524 стат. X Тома 1 части и разъясненію ихъ Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1876 года № 539 и 1877 года № 79; 7) Палата не имѣла основанія устранять примѣненіе къ настоящему дѣлу 35 статьи Временныхъ Правилъ о духовн. зав., ибо со дня обнародованія этого закона до начатія настоящаго спора прошло болѣе 2 хъ лѣтъ, и Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1877 года № 79 й разъяснилъ, что законъ, изложенный въ 35 статьѣ, есть повтореніе закона, изложеннаго въ 1098 ст. Т. X ч. I. Въ объясненіяхъ противъ кассаціонной жалобы повѣренные: Хрущовой—присяжный повѣренный Куприяновъ, Янихенъ—присяжный повѣренный Дерюжинскій и Богдановыхъ—присяжный повѣренный Принтцъ, просятъ жалобу отвѣтчицъ оставить безъ послѣдствій, причемъ первые двое присовокупили ходатайство о возложеніи на Пушкевичъ издержекъ кассаціоннаго производства.

Выслушавъ словесныя объясненія: присяжныхъ повѣренныхъ Герке и Самарскаго Быховца по довѣренностямъ отвѣтчицъ, Принтца и Дерюжинскаго—по довѣренностямъ Богдановыхъ и Янихенъ и заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что главный и существенный къ разрѣшенію вопросъ по настоящему дѣлу заключается въ томъ, съ какого времени слѣдуетъ исчислять двухгодичный срокъ, установленный для предъявленія спора противу завѣщанія, и какими законами слѣдуетъ при этомъ руководствоваться. Устанавливая двухлѣтнюю давность для спора противу духовныхъ завѣщаній, въ изъятіе изъ общей земской давности, законъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, огражденіе правъ владѣнія имѣніемъ, пріобрѣтаемымъ по симъ актамъ, и предупрежденіе колебаній права собственности на открывшееся наслѣдство возможностью спора противу правъ наслѣдника по завѣщанію въ теченіе общей давности, съ другой же—не лишалъ наслѣдниковъ по закону права опровергать завѣщательный актъ, хотя бы и утвержденный подлежащею судебною властью, и симъ способомъ защищать свое наслѣдственное право на имѣніе; очевидно, слѣдовательно, что законъ о давности двухлѣтней, какъ и вообще законы о давности, какъ способѣ пріобѣтенія и прекращенія правъ, составляетъ правило матеріальнаго права, и потому въ отношеніи дѣйствія во времени подлежитъ общему пра-

вилу, изложенному въ 60 ст. I Т. Зак. Основн., по смыслу котораго законъ дѣйствуетъ только на будущее время и сила онаго не распространяется на дѣянія, совершившіяся прежде его обнародованія. Духовное завѣщаніе Мусина Пушкина воспріяло силу и дѣйствіе въ маѣ 1868 г., когда оно было утверждено засвидѣтельствованіемъ Московскою Палатою уголовнаго и гражданскаго суда и потому, при опредѣленіи срока на оспариваніе сего завѣщанія слѣдуетъ руководствоваться закономъ, дѣйствовавшимъ въ то время, а именно статьею 1098 X Т. I ч; временныя же правила о духовныхъ завѣщаніяхъ 5 апрѣля 1869 г., какъ законъ позднѣйшій, обратное дѣйствіе котораго законодательною властью не было установлено, не могутъ имѣть примѣненія къ настоящему дѣлу, вслѣдствіе чего и указаніе кассаціонной жалобы на то, что 35 ст. сихъ правилъ (прил. къ ст. 1012 X Т. I ч. по прод. 1876 г.) должна быть примѣнена при разрѣшеніи дѣла, оказывается неосновательнымъ; въ этомъ же смыслѣ разъясненъ этотъ вопросъ и въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената 1873 г. №№ 794, 1687 и въ рѣшеніи по аналогичному вопросу 1880 г. № 195, и хотя въ рѣшеніяхъ 1877 г. № 79 и 1878 г. № 278 Сенатомъ была принята къ руководству 35 ст. Врем. Прав. о дух. зав., но по дѣламъ, по которымъ рѣшенія эти состоялись, завѣщанія были утверждены послѣ изданія сихъ правилъ, и притомъ новыми судебными учрежденіями. На основаніи 1098 ст. Т. X ч. I, въ публичныхъ вѣдомостяхъ объявляется объ утвержденіи завѣщанія и о вводѣ во владѣніе, дабы почитающіе себя въ правѣ оспаривать духовное завѣщаніе могли въ теченіе двухъ лѣтъ отъ дня публикаціи предъявить споръ; но буде въ теченіе двухгодичнаго времени никто со споромъ не явится, то послѣ сего никакого уже спора не допускается, и имѣніе оставляется въ собственности того, кому оно было завѣщано и кто уже былъ введенъ во владѣніе онымъ. Сомнѣніе о томъ, устанавливаетъ ли этотъ законъ двѣ отдѣльныя публикаціи, одну—объ утвержденіи завѣщанія, а другую—о вводѣ по оному во владѣніе, и со времени которой изъ сихъ публикацій слѣдуетъ считать двухгодичный срокъ для предъявленія спора противу завѣщанія, разрѣшено въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1876 г. № 539, въ которомъ разъяснено, что, по 1098 ст. Т. X ч. I, надлежало производить одну публикацію какъ объ утвержденіи завѣщанія, такъ и о вводѣ во владѣніе; что эта публикація подлежала припечатанію въ вѣдомостяхъ послѣ постановленія судебнаго мѣста о вводѣ во владѣніе и что о самомъ совершеніи ввода не требовалось особой публикаціи. Такимъ образомъ, публикація, установленная 1098 ст., должна была заключать въ себѣ не только оглашеніе завѣщательнаго акта, принятаго къ явкѣ и засвидѣтельствованію, но и фактическое осуществленіе онаго посредствомъ ввода во владѣніе, и противъ пріобрѣтеннаго по духовному завѣщанію права на имѣніе не допускается послѣ указаннаго въ 1098 стат. двухгодичнаго срока никакой споръ лишь тогда, когда это право осуществлено вводомъ во владѣніе (рѣш. Сената 1873 года № 794; 1875 г. № 695), причемъ при дѣйствіи прежнихъ судебныхъ установленій, на обязанности которыхъ лежало и наблюденіе за приведеніемъ въ исполненіе своихъ постановленій, понятіе о значеніи фактическаго владѣнія не будетъ нарушено, если двухгодичный срокъ, указанный въ 1098 ст., исчислять со времени публикаціи, послѣдовавшей по воспослѣдованіи предписанія суда о вводѣ во владѣніе по завѣщанію (рѣш. Сен. 1876 г. № 539). Изложенное указаніе закона и разъясненіе смысла онаго въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что по истеченіи двухлѣтняго срока, не пріемлется спора противу духовнаго завѣщанія только въ томъ случаѣ, когда право на недвижимое имѣніе, на завѣщаніи основанное, осуществлено вводомъ во владѣніе, и что срокъ сей исчисляется со времени публикаціи объ утвержденіи завѣщанія и о состоявшемся постановленіи о вводѣ по оному во владѣніе, а слѣдовательно, если ни ввода во владѣніе, ни постановленія судебнаго мѣста объ оному не послѣдовало и публикація о вводѣ не упоминаетъ, то и срокъ на оспариваніе завѣщанія не можетъ считаться начавшимся. Въ настоящемъ дѣлѣ, какъ установлено рѣшеніемъ Судебной Палаты, ни Пушкевичъ, наслѣдникъ по завѣщанію, ни дочери его, отвѣтчицы по дѣлу, не были введены во владѣніе по завѣщанію

Мусина Пушкина, и недоказано того, чтобы исключительное владѣніе ихъ завѣщанными имѣніями было осуществлено на самомъ дѣлѣ; изъ публикаціи же 1868 г., произведенной Московскою Палатою Уголовнаго и Гражданскаго Суда, видно, что она содержитъ въ себѣ свѣдѣніе только объ утвержденіи завѣщанія и въ ней о вводѣ во владѣніе не упоминается, и самаго постановленія объ этомъ Палатою сдѣлано не было; слѣдовательно, наслѣдники по закону, истцы по дѣлу, не утратили за давностью права на предъявленіе спора противу завѣщанія Мусина Пушкина, такъ какъ установленный 1098 ст. двухлѣтній срокъ для нихъ еще не начинался. Вмѣстѣ съ симъ истцы не могли утратить этого права и истеченіемъ десятилѣтняго срока, такъ какъ съ одной стороны установленный закономъ спеціальный двухлѣтній срокъ устраняетъ примѣненіе общаго срока давности, а съ другой—если кратчайшій срокъ не пропущенъ, то и срокъ болѣе продолжительный не могъ быть пропущенъ, ибо начало сего срока должно быть исчисляемо со времени одного и того же событія. Доказывая примѣнимость срока, установленнаго 1098 ст., повѣренный Вѣры Пушкевичъ и опекуна надъ малолѣтнею Еленою Пушкевичъ указываетъ на публикацію Петровскаго уѣзднаго суда 1869 г. и объясняетъ, что она содержитъ въ себѣ и объявленіе о вводѣ во владѣніе по завѣщанію; но изъ публикаціи этой видно, что въ оной объявляется только о завѣщаніи Мусина-Пушкина въ пользу фонъ Фридерихсъ и о вводѣ во владѣніе сей послѣдней, но ни о переходѣ правъ собственности на имѣніе къ Пушкевичу, или его наслѣдникамъ, ни о вводѣ ихъ во владѣніе въ оной не упоминается. Между тѣмъ, срокъ 1098 ст. можетъ быть примѣненъ лишь въ томъ случаѣ, когда право по завѣщанію осуществлено вводомъ во владѣніе, и притомъ такого лица, которому имѣніе отказано въ собственность, фонъ Фридерихсъ же была пожизненная владѣлица (рѣш. Сен. 1875 г. № 695); одно составленіе духовнаго завѣщанія, и даже утвержденіе онаго, еще не нарушаетъ права того, кто считаетъ право на завѣщанное имѣніе ему принадлежащимъ; нарушеніе правъ сего лица тогда только послѣдуетъ, когда наслѣдникъ по завѣщанію выразитъ волю воспользоваться завѣщаннымъ ему правомъ, когда онъ осуществитъ свое право вступленіемъ во владѣніе имѣніемъ, тотъ, кто считаетъ за собою свое особое право на завѣщанное имѣніе, можетъ и не имѣть притязанія на пожизненное владѣніе, завѣщаніемъ установленное, какъ на временное ограниченіе его правъ, не отнимающее у него права собственности; но право это будетъ нарушено, когда наслѣдникъ по завѣщанію осуществитъ свое право собственности, исключающее право собственности другого лица; поэтому несомнѣнно, что 1098 ст. разумѣетъ публикацію или оглашеніе о вводѣ во владѣніе такого лица, которому имѣніе завѣщано въ собственность, тѣмъ болѣе, что вводъ во владѣніе пожизненнаго владѣльца закономъ не установленъ (рѣш. Сен. 1878 г. № 7); существованіе же пожизненнаго владѣнія не препятствуетъ собственнику по завѣщанію просить о вводѣ его во владѣніе (рѣш. Сен. 1878 г. № 8). Въ виду сего и публикація 1869 г. не можетъ служить основаніемъ для признанія срока 1098 ст. пропущеннымъ со стороны истцовъ; еще менѣе можно исчислять сей срокъ, какъ объясняется въ кассаціонной жалобѣ, со дня извѣстности истцамъ о духовномъ завѣщаніи изъ постановленія Окружнаго Суда 28 сентября 1872 г., такъ какъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1874 г. № 153 разъяснилъ, что срокъ для предъявленія спора противу духовнаго завѣщанія указанъ въ 1098 ст. X Т. 1 ч., и никакого другого срока для предъявленія подобнаго рода споровъ закономъ не установлено. Переходя засимъ къ обсужденію остальныхъ доводовъ присяжнаго повѣреннаго Герке, оказывается, что споръ о томъ, въ чьемъ владѣніи состояло и состоитъ завѣщанное имѣніе, возбуждался обѣими тяжущимися сторонами для доказательства того, пропущенъ-ли срокъ для оспариванія завѣщанія, или нѣтъ; слѣдовательно, Палата исполнила свою обязанность, не оставивъ спора этого безъ обсужденія, тѣмъ болѣе, что вопросъ о фактическомъ владѣніи имѣніемъ представлялся существеннымъ для разрѣшенія вопроса о срокѣ для оспариванія завѣщанія. Палата обсудила при этомъ всѣ доводы и доказательства сторонъ, и потому не нарушила и 339 ст. Уст. Гр. Суд.; другое же нарушеніе сего закона, усматриваемое просителемъ въ томъ, что заключеніе Па-

латы о времени, когда представитель малолѣтнихъ Пушкевичей выразилъ свою волю воспользоваться завѣщаніемъ, не согласно съ изложенными въ рѣшеніи Палаты фактами, не можетъ быть провѣрено и разсмотрѣно Правительствующимъ Сенатомъ, такъ какъ въ кассаціонной жалобѣ не объяснено, съ какими именно фактами несогласно заключеніе Палаты. Палата вовсе не лишала значенія завѣщаніе Мусина Пушкина, она только допустила споръ противу онаго, признавъ совершенно правильно, что срокъ для предъявленія такого спора не пропущенъ; 1242 ст. Т. X ч. I приведена Палатою потому, что обѣ спорящія стороны предъявили свои права наслѣдства по закону и были утверждены въ таковыхъ, и потому Палата не нарушила смысла сего закона; указаніе присяжнаго повѣреннаго Герке на нарушеніе 1222 ст. X Т. I ч., устанавливающей, будто, иное начало для исчисленія земской давности, лишено правильнаго основанія, такъ какъ законъ этотъ не устанавливаетъ никакого срока для оспариванія завѣщанія; затѣмъ всѣ остальныя объясненія просителя, приводимыя для доказательства неправильнаго признанія Палатою, что истцами не пропущенъ срокъ для оспариванія завѣщанія, и заключающія въ себѣ указанія на нарушеніе Палатою 533, 692, 694, 925, 1098, 1523, 1524 ст. Т. X ч. I и 35 ст. Врем. Прав. о дух. зав., не заслуживаютъ уваженія по основаніямъ, изложеннымъ выше, относительно того, что истцы не могутъ быть признаны пропустившими срокъ для предъявленія спора противу духовнаго завѣщанія Мусина Пушкина. По всѣмъ симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго Вѣры Пушкевичъ и опекуна малолѣтней Елены Пушкевичъ, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій, возложивъ на нихъ отвѣтственность въ издержкахъ кассаціоннаго производства въ пользу Хрущевой и Янихенъ.

79.—1882 г. мая 5 дня. *По прошенію повѣреннаго графа Тышкевича, коллежскаго ассесора Николая Абрамавскаго объ отмѣнѣ опредѣленія Ковенскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. К Фриде; заключеніе давалъ исп. об. Тов. Оберъ-Прокурора В. С. Лозино-Лозинскій).

Повѣренный графа Тышкевича, коллежскій секретарь Стамбровскій обратился 18 февраля 1881 года къ Мировому Судьѣ 3 участка Ковенскаго округа съ исковымъ прошеніемъ, въ коемъ объяснилъ, что крестьянинъ Юрій Кумпайтисъ, по контракту, заключенному 7 апрѣля 1877 г. на срокъ съ 11 же апрѣля по то же число 1880 года, содержалъ въ арендѣ принадлежащій Тышкевичу земельный участокъ въ дер. Борекъ, но по истеченіи сего срока новаго контракта на дальнѣйшую аренду этого участка не заключилъ, а между тѣмъ, продолжаетъ пользоваться этимъ участкомъ, не уплачивая никакой аренды. Въ виду этого Стамбровскій просилъ взыскать съ Кумпайтиса за за экономическій годъ 1880—81, за занимаемый имъ участокъ, считая по 5 руб. за десятину, 47 руб. 50 коп. и 3 рубля на застрахованіе строеній отъ огня, всего 50 рублей 50 копеекъ. При этомъ Стамбровскій представилъ копію съ контракта отъ 7 апрѣля 1877 г., въ которомъ сказано, между прочимъ: „въ виду истекающаго съ 23 сего апрѣля 12 ти лѣтняго срока аренды, предоставленной для вольныхъ людей, пользующійся оною крестьянинъ Красносельской волости Юрій Компайтисъ заявилъ, что для него выгоднѣе остаться напредь на арендѣ земельнаго участка въ деревнѣ Борекъ, чѣмъ воспользоваться 17 ст. Высочайше утвержденныхъ 24 іюля 1864 года правилъ о вольныхъ людяхъ, и, примѣнительно къ сему, я, Кумпайтисъ, съ одной, а повѣренный въ дѣлахъ гр. Венедикта Тышкевича, Алоизій Поплавскій, съ другой стороны заключили настоящій контрактъ на отдачу послѣднимъ первому въ арендное содержаніе срокомъ съ 11 апрѣля 1877 года, впредь на три года, земельнаго участка въ дер. Борекъ, заключающаго въ себѣ 9½ десятинъ, за плату 28 рублей 21½ коп. въ годъ". Контрактъ этотъ засвидѣтельствованъ въ Красносельскомъ волостномъ правленіи. При разборѣ сего дѣла 13 марта 1881 года у Мирового Судьи повѣренный отвѣтчика Кумпайтиса заявилъ, что дѣло это неподсудно мировымъ судеб-

нымъ установленіямъ, такъ какъ Кумпайтисъ происходитъ изъ вольныхъ людей и пользуется участкомъ на правахъ сихъ людей, безъ установленія кѣмъ-либо поискиваемой платы. Мировой Судья призналъ это дѣло неподсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, вслѣдствіе частной жалобы, принесенной повѣреннымъ гр. Тышкевича, Ковенскій Съѣздъ Мировыхъ Судей нашелъ, что, согласно съ Высочайше утвержденнымъ 5 сентября 1879 года Положеніемъ комитета министровъ о вольныхъ людяхъ, всѣ вообще споры землевладѣльцевъ съ вольными людьми, возникающіе изъ поземельныхъ между ними отношеній, не подлежатъ вѣдомству судебныхъ учрежденій, причемъ не оговорено, что исключеніе составляютъ вольные люди, уже вошедшіе въ договорныя отношенія съ землевладѣльцемъ, почему и указанія жалобщика, что между его вѣрителемъ и отвѣтчикомъ состоялось соглашеніе, не можетъ измѣнить подсудности этого дѣла судебнымъ установленіямъ. На этомъ основаніи Съѣздъ оставилъ частную жалобу повѣреннаго графа Тышкевича безъ послѣдствій. Въ кассаціонной жалобѣ на это опредѣленіе повѣренный графа Тышкевича, Абрамовскій, объясняетъ, что Кумпайтисъ, въ силу Высочайше утвержденныхъ 25-го іюля 1864 года правилъ, обязательно пользовался въ теченіе 12-ти лѣтъ, по 23 апрѣля 1877 г., участкомъ земли графа Тышкевича при дер. Борекъ, но послѣ того, вмѣсто полученія обратно двухгодичной платы, съ послѣдствіями, предусмотрѣнными въ ст. 17 тѣхъ же правилъ, добровольно заарендовалъ тотъ же участокъ еще на три года, на совершенно новыхъ условіяхъ, подробно выраженныхъ въ контрактѣ отъ 7 апрѣля 1877 г., и, такимъ образомъ, вошелъ съ графомъ Тышкевичемъ въ новыя по сему предмету юридическія отношенія; когда же онъ контракта сего не исполнилъ, то для графа Тышкевича открылось право иска, на основаніи 402 ст. Т. П ч. I, 1 и 1 п. 29 ст. Уст. Гражд. Суд., въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ. Затѣмъ, ссылаясь на ст. 1, 8, 9, 11, 12, 14, 17 и 20 Высочайше утвержденныхъ 25 іюля 1864 г. правилъ, Абрамовскій заявляетъ, что узаконенія эти, указывающія на подсудность дѣлъ крестьянскимъ учрежденіямъ, изданы и должны примѣняться къ дѣламъ тѣхъ лишь вольныхъ людей, права коихъ относительно предоставленныхъ имъ льготъ по арендованію земель почему либо еще не урегулированы и вызываютъ обоюдные съ землевладѣльцами споры, а Высочайше утвержденное 5 сентября 1879 г. Положеніе комитета министровъ не установляетъ какого либо особаго правила о подсудности сихъ дѣлъ, а разъясняетъ лишь и подтверждаетъ законъ 25 іюля 1861 г. По силѣ 20 ст. сего закона, дѣйствіе 8, 14 и 17 ст. его, исключительно установленныхъ о подсудности дѣлъ, возникающихъ изъ продолжающихся обязательныхъ поземельныхъ отношеній вольныхъ людей къ землевладѣльцамъ, не можетъ быть распространяемо на дѣла, въ которыхъ отсутствуютъ такія отношенія и къ категоріи которыхъ принадлежитъ и настоящее дѣло, основанное на добровольномъ договорномъ соглашеніи сторонъ. Общій смыслъ закона о вольныхъ людяхъ таковъ, что до тѣхъ поръ, пока они пользуются предоставленными имъ льготами по арендованію земель, всѣ споры съ землевладѣльцами вѣдаются исключительно крестьянскими учрежденіями, но съ окончаніемъ сихъ льготъ и вступленіемъ вольныхъ людей въ новыя юридическія отношенія по арендованію земель они перестаютъ пользоваться исключительнымъ положеніемъ и подчиняются общему правилу. По симъ соображеніямъ, находя, что Ковенскій Съѣздъ неправильно истолковалъ Высочайше утвержденное 5 сентября 1879 г. Положеніе комитета министровъ и тѣмъ нарушилъ какъ этотъ законъ, такъ и ст. 1, 9, 29 (п. 1) Уст. Гр. Суд., 402 ст. Т. П ч. I изд. 1876 г. и ст. 20 Высочайше утвержденныхъ 25 іюля правилъ, Абрамовскій проситъ объ отмѣнѣ опредѣленія сего Съѣзда.

Выслушавъ заключеніе исправляющаго должность Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что рѣшеніями Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента было неоднократно разъясняемо, что всѣ споры, возникающіе изъ поземельныхъ отношеній между землевладѣльцами и водворенными на ихъ землѣ вольными людьми, касаются ли они прекращенія этихъ отношеній, исполненія договора или размѣра платы, подлежатъ вѣ-

домству мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, и что впредь до окончательнаго по постановленіямъ крестьянскихъ учрежденій прекращенія всѣхъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между землевладѣльцемъ и вольнымъ человѣкомъ судебныя мѣста не въ правѣ принимать къ своему разсмотрѣнію какихъ-либо исковъ, изъ этихъ отношеній возникшихъ (рѣш. 1879 г. №№ 92, 97 и друг.). Такая подсудность этихъ дѣлъ не измѣнена и Высочайше утвержд. 5 сентября 1879 г. Положеніемъ комитета министр., которымъ, въ разъясненіе Высочайше утвержденныхъ 25 іюля 1864 года *правилъ объ устройствѣ вольныхъ людей въ западныхъ губерніяхъ, живущихъ* на владѣльческихъ земляхъ, постановлено, что иски землевладѣльцевъ о присужденіи съ водворенныхъ на ихъ землѣ бывшихъ вольныхъ людей 2 разряда наемной платы, или объ установленіи на будущее время извѣстнаго размѣра платы за землю, равно какъ и всѣ вообще споры землевладѣльцевъ съ помянутыми вольными людьми, возникающіе изъ поземельныхъ между ними отношеній, не подлежатъ вѣдомству судебныхъ установленій и могутъ быть предъявляемы только въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Какъ настоящее дѣло между гр. Тышкевичемъ и вольнымъ человѣкомъ Кумпайтисомъ возникло о наемной платѣ за землю, а, между тѣмъ, не доказано того, чтобы между спорящими сторонами были по постановленію крестьянскихъ учрежденій окончательно прекращены всѣ обязательныя поземельныя отношенія, то нельзя не признать, что опредѣленіе Ковенскаго Мирового Съѣзда о неподсудности сего дѣла мировымъ судебнымъ установленіямъ вполнѣ правильно и согласно какъ съ неоднократными указами Гражд. Кассац. Деп., такъ и съ Высочайше утвержд. Полож. комитета министровъ отъ 5 сентября 1879 г., а потому Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: просьповѣреннаго гр. Тышкевича, Абрамовскаго, за силою 186 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

80.—1882 года мая 5 дня. *По прошенію уполномоченнаго Самарской казенной палаты, коллежскаго совѣтника Аркадія Лукашевича, и повѣреннаго обществъ крестьянъ Богдановской волости, деревень: Башкировой, Мелюковой, Биккуловой и Имангуловой, коллежскаго совѣтника Василія Маркова, объ отмѣнѣ рѣшенія Казанской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ баронъ Б. Ѳ. Гойнингенъ-Гюне; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Повѣренный обществъ крестьянъ, изъ служилыхъ татаръ, Бузулукскаго уѣзда, Богдановской волости, деревень: „Башкировой“ („Усманово“ тожъ), „Мулюковой“ („Старобиккулово“-тожъ“), „Биккуловой“ („Ахмерово“ тожъ) и „Имангуловой“ („Абдулловой“ тожъ), коллежскій совѣтникъ Марковъ, 27 го сентября 1878 года предъявилъ въ Самарскомъ Окружномъ Судѣ къ Самарской казенной палатѣ, какъ къ представительницѣ казны, искъ, коимъ просилъ постановить рѣшеніе объ исключеніи отведенныхъ по владѣннымъ записямъ его довѣрителямъ земель изъ оклада государственной подати и о признаніи казны обязанною возвратить истцамъ всю сумму оброчной подати, которая будетъ дѣйствительно внесена ими по день вступленія въ законную силу рѣшенія; размѣръ требуемой къ возврату суммы предоставить истцамъ доказывать въ порядкѣ исполнительнаго судопроизводства. Окружный Судъ удовлетворилъ исковыя требованія объ исключеніи отведенной истцамъ по владѣннымъ записямъ земли изъ оклада государственной оброчной подати; что же касается требованія о возвратѣ всей уплаченной истцами оброчной подати, то Судъ призналъ за ними право на полученіе изъ казны оброка, внесеннаго ими за означенную землю, только со дня предъявленія иска, 27 сентября 1878 года, по день исключенія земли изъ оклада оброчной подати, предоставивъ имъ количество сего оброка доказывать исполнительнымъ порядкомъ. Разсмотрѣвъ это дѣло по апелляціоннымъ жалобамъ уполномоченнаго Самарской казенной палаты, коллежскаго совѣтника Аркадія Лукашевича, просившаго объ отмѣнѣ рѣшенія Окружнаго Суда и объ отказѣ въ искѣ повѣреннаго сельскихъ обществъ, присяжнаго повѣреннаго

Андрея Хардина, ходатайствовавшаго объ отмѣнѣ рѣшенія сего въ отношеніи части иска, въ которой довѣрителямъ его было отказано, и признаніи за ними права на возвратъ оброчной подати изъ казны со времени сдѣланнаго ими первоначальнаго заявленія о правѣ собственности на земли, т. е. со времени выдачи имъ владѣнныхъ записей, Казанская Судебная Палата 28 іюля 1880 года нашла: искъ повѣреннаго обществъ крестьянъ Бузулукскаго уѣзда, Богдановской волости, дер. Башкировой Усмановой тожъ, Мулюковой Старобиккуловой тожъ, Биккуловой Ахмеровсй и Имангуловой-Абдулловой, обращенный къ Самарской казенной палатѣ и заключающійся въ требованіяхъ: а) объ исключеніи изъ оклада оброчной государственной подати земли, неправильно вошедшей въ выданныя истцамъ въ 1868 году владѣнныя записи, и б) о признаніи казны обязанною возвратить истцамъ всю сумму оброчной подати, уплаченной ими со времени выдачи владѣнныхъ записей, основанъ на томъ, что спорная земля, какъ пріобрѣтенная истцами въ собственность отъ башкиръ вотчинниковъ Сынрянской волости, по купчей крѣпости, совершонной 31 марта 1802 года въ Оренбургской гражданской Палатѣ, не должна подлежать включенію во владѣнныя записи и обложенію оброчною податью, причемъ въ доказательство иска представлена засвидѣтельствованная копія означенной купчей крѣпости, совершонной Оренбургской губерніи въ Палатѣ гражданскаго суда 31 марта—1 апрѣля 1802 года, изъ которой видно, что уполномоченные отъ башкиръ Сынрянской волости, Бузулукскаго уѣзда, походный старшина Балдинъ и друг., поименованные въ купчей, въ числѣ 10 человѣкъ, продали безъ обозначенія мѣры служилымъ татарамъ Кильметьеву и Миндѣеву съ товарищами, всеге 35 ти дворамъ и пяти деревнямъ: Башкировой, Мулюковой, Биккуловой, Мангуловой и Абдулловой, въ вѣчное и потомственное владѣніе, собственную свою землю, состоящую Оренбургской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, въ указанныхъ купчею крѣпостью границахъ. Такимъ образомъ, означенный актъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ перехода къ истцамъ отъ башкиръ права собственности на проданную имъ землю. Опровергая настоящій искъ, уполномоченный казны, какъ во время производства дѣла въ судѣ, такъ и въ апелляціонной жалобѣ главнымъ образомъ утверждается на томъ, что купчая крѣпость истцовъ, на основаніи 671 ст. IX Т. Зак. о сост., не можетъ считаться дѣйствительною, такъ какъ проданная по оной земля признана рѣшеніемъ Правительствующаго Сената по межевому Департаменту 1828 г. собственностью казны, въ подтвержденіе чего и представилъ указъ Оренбургской межевой канцеляріи отъ 19 февраля 1836 года (послѣдовавшій въ Оренбургскую межевую контору), въ которомъ изложено и рѣшеніе Правительствующаго Сената 1828 года. Этотъ доводъ апеллятора не можетъ быть признанъ заслуживающимъ уваженія по нижеслѣдующимъ даннымъ: рѣшеніемъ Правительствующаго Сената 1828 г. башкирцамъ Сынрянской, Бушмацъ Кипчатской и Курпечъ Табынской волости отказано въ присвоеніи земель, значащихся по плану генеральнаго межеванія подъ знаками З—203,880 десят. и Ѳ—319,469 десят., такъ какъ земли сіи составляютъ собственность казны, и только эти двѣ дачи были предметомъ спора казны съ башкирцами означенныхъ выше волостей; между тѣмъ, какъ это видно изъ представленнаго истцами удостовѣренія губернскаго землемѣра отъ 12 декабря 1878 года за № 1008, по планамъ генеральнаго межеванія, кромѣ означенныхъ двухъ казенныхъ дачъ, значащихся подъ № 55 и 116, первая Сынрянской и Бушмацъ Кипчатской волостей въ количествѣ 319,469 дес. и другая Курпечъ-Табынской волости, въ 203,880 дес. числится еще третья дача, подъ названіемъ деревни Башкировой, съ дер. Мулюковой, Биккуловой, Усмановой, Абдулловой, Емангуловой и Бузулукъ вершины подъ № 166, владѣнія служилыхъ татаръ и поселившихся двумя деревнями Селихово и Сороко башкирцевъ Кипчатской волости, съ количествомъ удобной земли 92,568 десят. 1401 саж. и неудобной 1460 десят. 560 саж., каковая дача какъ видно изъ содержанія указа межевой канцеляріи 1836 года, вовсе не входила въ составъ спорныхъ между казною и башкирцами земель. Слѣдовательно, заявленіе уполномоченнаго казны, что земля, входившая въ составъ третьей подъ № 166 дачи, подъ названіемъ дер. Башкировой

съ дер., признана Правительствующимъ Сенатомъ казенною, не подтверждается содержаніемъ вышеизложеннаго указа межевой канцеляріи. Въ виду же доказаннаго истцами того положенія, что ихъ селенія лежатъ въ общей генеральнаго межеванія дачѣ, подъ названіемъ дачи дер. Башкировой съ деревнями (2 п. влад. записей), не представляется сомнѣнія въ томъ, что предоставленная истцамъ по владѣннымъ записямъ земля, находившаяся и до выдачи записей въ ихъ фактическомъ владѣніи, составляетъ собственность истцовъ, пріобрѣтенную ими по купчей крѣпости 1802 года, а потому, на основаніи Высочайшаго указа 5 марта 1861 года и правилъ о поземельномъ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ (особ. приложен. къ Т. IX изд. 1876 года), оспариваемая истцами земля включенію въ записи и обложенію оброчной податью не подлежала. Доводы уполномоченнаго казны, заключающіеся въ томъ, что истцамъ въ 1830 году была нарѣзана землемѣромъ Додоновымъ земля въ 15 десятинной пропорціи на душу, а впослѣдствіи произведена дополнительная прирѣзка, и что, по силѣ 10 ст. Уст. о благ. въ каз. сел., только казенныя земли надѣлялись отъ правительства въ опредѣленной на душу пропорціи, не могутъ имѣть рѣшающаго значенія, ибо распоряженіе правительства о нарѣзкѣ земли въ той или другой пропорціи, хотя бы таковая и была утверждена, при отсутствіи доказательствъ, что надѣленіе это послѣдовало изъ казеннаго участка, не можетъ парализировать права собственности истцовъ, основаннаго на крѣпостномъ актѣ, и казна, не доказавъ съ своей стороны, что нарѣзка земли какъ въ 1830 году, такъ и дополнительная въ 1858 году, произведена изъ казеннаго участка, не можетъ выводить своего права собственности на спорную землю изъ административныхъ распоряженій правительства; а засимъ, имѣя въ виду что надѣлъ крестьянамъ, истцамъ по настоящему дѣлу, произведенъ изъ дачи подъ № 166, не входившей въ составъ дачъ спорныхъ у башкиръ съ казною, каковой споръ разрѣшенъ въ 1828 году Правительствующимъ Сенатомъ, возраженіе апеллятора о нарѣзкѣ земли изъ казенныхъ дачъ оказывается неосновательнымъ, а представленное имъ при апелляціи отношеніе межевой канцеляріи за № 3180 ничего не говоритъ по этому вопросу въ пользу отвѣтчика. Равнымъ образомъ платежъ истцами оброчной за землю подати съ 1851 г. не можетъ установить за казною права собственности на землю, ибо, какъ разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ (рѣш. 1871 года № 1080 и 1874 г. № 146), платежемъ оброка государственные крестьяне не теряютъ своего права собственности на обложенныя оброкомъ земли. Въ виду сихъ соображеній, признавая всѣ доводы уполномоченнаго казны незаслуживающими уваженія, требованіе истцовъ, доказавшихъ свое право собственности на спорную землю, объ исключеніи оной изъ оклада оброчной подати оказывается правильнымъ. Что касается засимъ требованія истцовъ о возвращеніи отъ казны всей уплаченной ими, со времени выдачи владѣнныхъ записей, подати, то, въ виду прямого указанія закона (прилож. къ ст. 15 прим. 2 Полож. госуд. крестьянъ изд. 1876 года), предоставляющаго крестьянамъ право предварительно начатія дѣла судомъ заявить мѣстной казенной палатѣ о неправильномъ включеніи земли во владѣнныя записи, Окружный Судъ совершенно правильно установилъ, что компетентною властію, къ которой крестьяне должны обратиться съ заявленіемъ о своихъ правахъ на землю, слѣдуетъ считать казенную палату, а не лицъ, занимавшихся составленіемъ и выдачею владѣнныхъ записей; а такъ какъ истцами не представлено данныхъ, подтверждающихъ, что они до предъявленія еще иска обращались въ казенную палату съ требованіемъ объ исключеніи земли изъ оклада оброчной подати, то, какъ правильно присудилъ Окружный Судъ, уплаченная крестьянами оброчная подать должна подлежать возвращенію, согласно Высочайше утвержден. мнѣнію Государственнаго Совѣта, изложенному въ указѣ Сената отъ 12 го декабря 1878 года за № 43938, со дня предъявленія иска. Посему всѣ возраженія повѣреннаго истцовъ, обжаловавшаго рѣшенія Окружнаго Суда въ отношеніи неприсужденія истцамъ оброчной подати за предшествовавшее предъявленію иска время, не заслуживаютъ уваженія. По симъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что судебныя издержки апелляціоннаго производ.

ства должны быть возложены на апеллятора въ обжалованныхъ ими частяхъ рѣшенія Окружнаго Суда, Судебная Палата, при руководствѣ 366, 772—774, 870 и 1292 ст. Уст. Гр. Суд., постановила, апелляціонныя жалобы повѣренныхъ какъ истца, такъ и отвѣтчика оставить безъ уваженія, а рѣшеніе Самарскаго Окружнаго Суда утвердить, судебныя издержки апелляціоннаго производства возложить на обѣ стороны, по соразмѣрности. На это рѣшеніе въ установленный срокъ принесли кассаціонныя жалобы какъ уполномоченный Самарской казенной палаты, коллежскій совѣтникъ Лукашевичъ, такъ и повѣренный обществъ крестьян. деревень: Башкирской, Мулюковой, Биккуловой и Имангуловой, коллежскій совѣтникъ Марковъ. Но Судебная Палата кассаціонную жалобу Маркова возвратила ему, по неимѣнію у него отъ Судебной Палаты свидѣтельства, установленнаго правилами 25 мая—6 іюня 1874 г, на веденіе въ оной чужихъ дѣлъ. На это распоряженіе Марковъ принесъ Правительствующему Сенату частную жалобу, вслѣдствіе чего Правительствующій Сенатъ при указѣ отъ 18 февраля 1881 г. кассаціонную жалобу Маркова препроводилъ въ Казанскую Судебную Палату, предписавъ ей въ принятіи и представленіи оной въ Правительствующій Сенатъ поступить по установленному въ законѣ порядку. Затѣмъ Палата представила кассаціонную жалобу Маркова въ Сенатъ при рапортѣ отъ 6 іюня 1881 г. Въ кассаціонныхъ жалобахъ этихъ просители ходатайствуютъ: Лукашевичъ—объ отмѣнѣ рѣшенія Судебной Палаты, по нарушенію 10 ст. Уст. о благоустр. въ казен. сел., 533 ст. Т. X ч. I, 366 и 456 ст. Уст. Гр. Суд., а Марковъ—объ отмѣнѣ этого рѣшенія въ той части, которою довѣрителямъ его отказано въ возвратѣ оброчной подати за время со дня повѣрки владѣнныхъ записей до дня предъявленія судебнаго иска, т. е. съ 12 октября 1868 г. по 27 сентября 1878 г., по неправильному толкованію Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, распубликованнаго при указѣ Правительствующаго Сената 12 декабря 1878 г. Противъ означенныхъ кассаціонныхъ жалобъ поданы объясненія: противъ жалобы Лукашевича, по передовѣрію отъ Маркова, другимъ повѣреннымъ сельскихъ обществъ, присяжнымъ повѣреннымъ Андреемъ Хардинымъ, а противъ жалобы Маркова—Лукашевичемъ; въ объясненіяхъ этихъ они опровергаютъ доводы кассаціонныхъ жалобъ, но, кромѣ того, Хардинъ въ своемъ объясненіи, поданномъ послѣ подачи Марковымъ вышеупомянутой частной жалобы, получившей разрѣшеніе независимо отъ настоящаго дѣла, по праву, предоставленному 761 и 801 ст. Уст. Гр. Суд., и чтобы избѣгнуть проволочки дѣла, проситъ отмѣнить рѣшеніе Судебной Палаты по тѣмъ же основаніямъ и въ той же части онаго, какъ и Марковъ въ своей кассаціонной жалобѣ, оставивъ частную жалобу Маркова на возвращеніе сей послѣдней безъ разсмотрѣнія, а представленные Марковымъ при упомянутой частной жалобѣ, вмѣстѣ съ возвращенною ему кассаціонною жалобою, въ залогъ кассаціи 100 р.—зачислить залогомъ настоящаго кассаціоннаго ходатайства его, Хардина. Наконецъ, 3 января 1882 г. получено по почтѣ въ С. Петербургѣ дополнительное въ кассаціонной жалобѣ прошеніе Маркова.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго сельскихъ обществъ, по передовѣрію отъ коллежскаго совѣтника Маркова, присяжнаго повѣреннаго Василія Шостака, и заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что поданное повѣреннымъ сельскихъ обществъ деревень: Башкировой, Мулюковой, Биккуловой и Имангуловой, присяжнымъ повѣреннымъ Хардинымъ, противъ кассаціонной жалобы уполномоченнаго Самарской казенной палаты объясненіе, кромѣ возраженій противъ этой жалобы, заключаетъ въ себѣ еще самостоятельное требованіе объ отмѣнѣ рѣшенія Судебной Палаты въ той части, которою довѣрителямъ его отказано въ возвратѣ оброчной подати со дня повѣрки владѣнныхъ записей до дня предъявленія иска, но установленнаго 800 ст. Уст. Гражд. Судопроизвод. залога при объясненіи этомъ не приложено; хотя же Хардинъ проситъ зачесть залогомъ настоящаго его кассаціоннаго требованія 100 р., представленные Марковымъ при частной его жалобѣ на возвращеніе ему его кассаціонной жалобы, оставивъ частную жалобу эту, для избѣжанія проволочки вре-

мени, безъ разсмотрѣнія; но, за разрѣшеніемъ уже этой частной жалобы Правительствующимъ Сенатомъ и сообщеніемъ вслѣдствіе сего Палатою кассаціонной жалобѣ самого Маркова установленнаго хода, каковая Палатою и представлена въ Сенатъ, просьба Хардина о зачетѣ 100 руб. въ залогъ по его кассаціонному требованію не можетъ подлежать удовлетворенію, а самое изложенное въ объясненіи его кассаціонное требованіе—разсмотрѣнію (рѣш. Гражд. Кассац. Департ. 1880 г. №№ 83 и 152); точно также не можетъ подлежать разсмотрѣнію Правительствующаго Сената и дополнительное къ кассаціонной жалобѣ прошеніе, поданное повѣреннымъ сельскихъ обществъ, Марковымъ, уже послѣ истеченія установленнаго закономъ 4 мѣсячнаго срока, такъ какъ подача дополнительныхъ къ кассаціоннымъ жалобамъ объясненій, по неоднократнымъ разъясненіямъ Прав. Сената, вообще не допускается, а тѣмъ болѣе, если прошеніе подано по истеченіи срока, опредѣленнаго на подачу кассаціонной жалобы (рѣшеніе 1867 г. №№ 352, 437; 1868 г. № 426; 1870 г. № 18; 1874 г. № 272; 1879 г. № 253 и др.). Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію сего дѣла въ предѣлахъ кассаціонныхъ жалобъ уполномоченнаго Самарской казенной палаты, коллежскаго совѣтника Лукашевича, и повѣреннаго сельскихъ обществъ, коллежскаго совѣтника Маркова, Правительствующій Сенатъ находитъ: I) По кассаціонной жалобѣ Лукашевича: 1) проситель усматриваетъ нарушеніе Судебною Палатою 10 ст. Уст. о благоустр. въ каз. селеніяхъ и 533 ст. X Т. I ч.—въ томъ, что доводы его о нарѣзкѣ сельскимъ обществамъ въ 1830 году земли, по расчету 15 ти-десятинной пропорціи на душу, и произведеніи имъ впослѣдствіи еще дополнительной нарѣзки, какъ о доказательствѣ принадлежности земли казнѣ, Палата отвергла, по непредставленію казною данныхъ, удостовѣряющихъ, что такое надѣленіе послѣдовало изъ казенныхъ участковъ, упустивъ изъ вида, что это не имѣетъ для дѣла существеннаго значенія и что здѣсь важенъ лишь самый фактъ отвода земли; что если даже предположить, что земля была когда-то собственностью истцовъ, то и при этомъ условіи они съ теченіемъ времени утратили всякое право на нее, такъ какъ съ одной стороны казна, надѣляя общество и, слѣдовательно, распоряжаясь землею, какъ собственностью, тѣмъ самымъ заявила свое право на землю, а съ другой—общества, не протестуя противъ дѣйствій казны и подчинившись ея распоряженію, пользовались уже землею, какъ полученною въ надѣлъ отъ правительства, и что законъ не входитъ въ разсмотрѣніе того, на чемъ основывалось и изъ какого источника вытекало первоначальное владѣніе, превратившееся потомъ въ право собственности по давности. Поэтому для даннаго дѣла совершенно безразлично основаніе начала владѣнія казны; достаточно, что такое владѣніе имѣло мѣсто съ 1830 г. и что фактъ этотъ не оспаривается. Объясненія эти не могутъ быть признаны уважительными: Палата въ примѣненіи къ настоящему дѣлу, которое не представляетъ собою случая конфискаціи имѣнія, или экспропріаціи, или тому подобнаго понудительнаго отчужденія, совершенно правильно признала, что распоряженіе правительства о нарѣзкѣ земли въ той или другой пропорціи, хотя бы таковая и была утверждена, при отсутствіи доказательствъ, что надѣленіе это послѣдовало изъ казеннаго участка, не можетъ парализировать право собственности истцовъ, основанное на крѣпостномъ актѣ, и казна не можетъ выводить свое право собственности на спорную землю изъ административныхъ распоряженій правительства; указаніе просителя на то, что общества, если даже предположить, что земля была когда то ихъ собственностью, утратили свое право потому, что они подчинились распоряженію казны, ихъ надѣлившей и тѣмъ заявившей свое право на землю, опровергается самымъ фактомъ предъявленія сельскими обществами настоящаго иска, доказывающаго, что они такому взгляду казны на ихъ землю и ея распоряженію не подчинились; что же касается вывода просителя о превращеніи первоначальнаго владѣнія казны, совершенно независимо отъ его основанія или источника, въ право собственности по давности, то возраженія въ такой именно формѣ и на такомъ основаніи, т. е. о пріобрѣтеніи казною земли по давности владѣнія оною со времени надѣленія обществъ 15 ю десятинною пропорціею, отвѣтчикомъ судебнымъ мѣстамъ заявляемо не было, а посему оно не можетъ подлежать разсмотрѣ-

*

нію и Правительствующаго Сената. Не заслуживаетъ уваженія и возраженіе просителя о нарушеніи Палатою 366 ст. Уст. Граждан. Суд. возложеніемъ на казну обязанности доказывать, что общества надѣлялись землею изъ казенныхъ участковъ, тогда какъ, по его мнѣнію, истцы обязаны были доказать, что до выдачи владѣнныхъ записей ихъ вотчинныя права на землю не были нарушены и что они пользовались ими непрерывно со времени пріобрѣтенія земли ихъ предками, ибо истцы свое вотчинное право доказали крѣпостнымъ актомъ, купчею крѣпостью 1802 года, составляющею, по смыслу 707 ст. I ч. X Т. и 457 ст. Уст. Гражд. Судопроизв., полное и самостоятельное доказательство; затѣмъ уже на обязанности отвѣтчика, въ силу той же 457 ст., а также 366 ст. Уст. Гр. Суд., лежало опровергнуть этотъ актъ или доказать, что онъ потерялъ силу; 2) заключеніе Палаты о томъ, что казна не доказала съ своей стороны, что нарѣзка земли какъ въ 1830 г., такъ и дополнительная въ 1858 году, произведена изъ казеннаго участка и что возраженіе апеллятора о нарѣзкѣ ея изъ казенныхъ дачъ неосновательно, относится къ существу дѣла и оцѣнкѣ доказательствъ, не подлежащихъ, за силою 12 ст. Учр. Кас. Деп., повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, равно какъ и по той-же причинѣ не подлежитъ такой повѣркѣ заключеніе ея о томъ, что представленное апелляторомъ отношеніе межевой канцеляріи за № 3188 (въ рѣшеніи Палаты ошибочно проставленъ № 3180) ничего не говоритъ по этому вопросу въ пользу отвѣтчика, причемъ указаніе просителя на неразсмотрѣніе, будто бы, Палатою этого документа, вопреки 456 ст. Устава Гражд. Суд., вполнѣ опровергается вышеупомянутою его оцѣнкою, и 3) проситель объясняетъ, что истцы, заявляя право на все количество земли, включенное во владѣнныя записи, представили въ доказательство такой документъ, купчую крѣпость 1802 года, въ которомъ сказано только, что предки истцовъ пріобрѣли отъ башкиръ земельную дачу, и обозначены ея урочища, но размѣръ этой дачи не опредѣленъ, почему Судебной Палатѣ не было данныхъ заключить, что площадь земли, отведенная истцамъ по владѣннымъ записямъ, соотвѣтствуетъ пространству той дачи, на которую представлена упомянутая купчая крѣпость; удовлетворивъ же исковыя требованія въ заявленномъ обществами размѣрѣ, при полномъ отсутствіи доказательствъ ихъ правильности, Судебная Палата и здѣсь нарушила 366 ст. Уст. Гр. Суд. Но оцѣнка доказательной силы представленныхъ тяжущимися сторонами документовъ, а слѣдовательно, и купчей крѣпости 1802 года, по ихъ содержанію, а также и заключеніе Суда по вопросу о доказанности исковыхъ требованій, относятся также къ фактической сторонѣ дѣла, не подлежащей кассаціонной повѣркѣ: притомъ и это возраженіе заявлено впервые въ кассаціонной жалобѣ и въ виду судебныхъ мѣстъ не было, почему самимъ имъ возбуждать вопросъ о пространствѣ земли, заключающейся въ указанныхъ въ купчей крѣпости границахъ, и о сравненіи его съ пространствомъ, показаннымъ во владѣнныхъ записяхъ, не было никакого повода. Вслѣдствіе сего и въ этомъ отношеніи не оказывается нарушенія 366 ст. Уст. Гр Суд. II) по кассаціонной жалобѣ Маркова. Жалуясь на неправильное толкованіе Палатою Высочайше утвержд. мнѣнія Государств. Совѣта, вошедшаго въ 394 ст. 2 ч. VШ Тома Общ. Счет. Устава по продолж. 1879 года и распубликованнаго Правительствующимъ Сенатомъ въ указѣ 12 декабря 1878 г. (Собр. Узак. 1878 г. № 2 ст. 869), о возвратѣ изъ казны неправильно или излишне поступившихъ сборовъ, въ пунктѣ 2 котораго говорится, что „оброчная подать за утверждаемыя крестьянамъ въ собственность земли возвращается со времени первоначально сдѣланнаго ими заявленія подлежащей власти о правѣ собственности ихъ на тѣ земли“, Марковъ указываетъ на установленіе законодательствомъ трехъ моментовъ заявленій подобнаго рода: перваго—при повѣркѣ владѣнныхъ записей (32 § прил. къ 17 ст. Полож. о госуд. крест.), второго—предварительно начатія дѣла судомъ, когда крестьянамъ предоставляется право заявлять казенной палатѣ требованіе объ исключеніи земли изъ оклада (3 § прил. къ 15 ст. 2 прим. того же Полож.), и третьяго—предъявленіе формѣльнего иска суду (3 и 5 §§ прил. къ 15 ст. 2 прим. того же Полож.). Въ апелляціонной жалобѣ его довѣрителей положительно выражено требованіе возвратить оброчную подать со дня повѣрки владѣнныхъ записей, на

томъ основаніи, что первоначальное заявленіе сдѣлано ими тогда, что и удостовѣрено надписью на владѣнныхъ записяхъ. Между тѣмъ, Палата признала, что подлежащею властью и моментомъ первоначальнаго заявленія можетъ быть только заявленіе казенной палатѣ или суду, тогда какъ агенты правительственной власти, на которыхъ возлагается составленіе и повѣрка владѣнныхъ записей по 32 § прилож. къ 17 ст. Полож. о госуд. крест., и составляютъ эту подлежащую власть, предъ которой первоначально оглашается право собственности на земли, и такое оглашеніе заносится въ запись, какъ фактъ заявленнаго уже спора о вотчинномъ правѣ. Если же это правило было исполнено, съ указаніемъ даже на крѣпостной актъ владѣнія, то именно это заявленіе, а не заявленіе казенной палатѣ или суду, должно быть признано тѣмъ первоначальнымъ заявленіемъ, о которомъ говорится въ мнѣніи Государственнаго Совѣта 1878 года, Правительствующій Сенатъ признаетъ, что подъ упомянутымъ во 2 мъ пунктѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта первоначальнымъ заявленіемъ подлежащей власти о правѣ собственности должно быть понимаемо не одно только заявленіе, сдѣланное съ цѣлью оглашенія крестьянами этого права, а заявленіе, сдѣланное съ цѣлью получить по оному и удовлетвореніе, а слѣдовательно, сдѣланное такой власти, отъ которой непосредственно зависитъ или зависѣло и самое осуществленіе права собственности крестьянъ и возвращеніе имъ оброка. Таковое заявленіе могло быть сдѣлано вѣдомству государственныхъ имуществъ въ то время, когда ему были подчинены государственные крестьяне и когда отъ него зависѣло удовлетвореніе подобныхъ ходатайствъ, въ случаѣ признанія ихъ основательными; но на таковое заявленіе со стороны сельскихъ обществъ въ кассаціонной жалобѣ не указывается; что же касается заявленія, сдѣланнаго крестьянами лишь чиновникамъ министерства государственныхъ имуществъ, составляющимъ владѣнныя записи, для оглашенія своего права, то оно не можетъ считаться упомянутымъ въ мнѣніи Государственнаго Совѣта заявленіемъ подлежащей власти, такъ какъ эти лица могли, подобно власти нотаріальной, ограничиться только принятіемъ такихъ заявленій и оговоркою о заявленномъ спорѣ въ приложеніи къ владѣнной записи (§ 32 Прилож. къ ст. 17 Полож. о госуд. крест.); послѣ сего же заявленіе такое не требовало никакого дальнѣйшаго разрѣшенія, такъ какъ владѣнная запись подлежала въ одномъ экземплярѣ выдачѣ самимъ же крестьянамъ, а въ другомъ передачѣ для храненія въ архивъ губернскаго правленія (§ 35), а затѣмъ прекращалось уже всякое участіе управленія государственныхъ имуществъ въ завѣдываніи землями и дѣлами государственныхъ крестьянъ, въ разсмотрѣніи касающихся земель, показанныхъ въ записи, спорныхъ и судебныхъ дѣлъ и въ исчисленіи причитающихся за эти земли оброчной подати (§ 38). Такимъ образомъ, при отсутствій заявленій, сдѣланныхъ крестьянами управленію государственныхъ имуществъ, въ прежнее время, съ цѣлью получить удовлетвореніе, первоначальнымъ заявленіемъ подлежащей власти, о которомъ говорится въ мнѣніи Государственнаго Совѣта 1878 года, можетъ быть понимаемо только предъявленіе къ казнѣ иска въ судебномъ порядкѣ, или же заявленія, предварительно начатія дѣлъ судомъ. мѣстной казенной палатѣ требованія объ исключеніи земли изъ оклада оброчной подати, каковое право послѣ выдачи имъ владѣнныхъ записей предоставлено крестьянамъ приложеніемъ къ ст. 15 (прим. 2) Полож. о государ. крест. въ пунктахъ 1—3. Такой взглядъ подтверждается вполнѣ и смысломъ законовъ о добросовѣстномъ владѣніи, безъ сомнѣнія лежащимъ въ основѣ мнѣнія Государственнаго Совѣта 1878 года, а особенно 626 ст. Т. X ч. I, въ силу коей добросовѣстный владѣлецъ, каковымъ предполагается казна въ этихъ случаяхъ, при возвращеніи имущества законному владѣльцу, не обязанъ возвращать ему доходовъ съ онаго уже полученныхъ, или законно ему слѣдующихъ по день объявленія ему установленнымъ порядкомъ объ открытіи спора противъ его владѣнія или же, если сіе будетъ доказано до времени, когда неправость его владѣнія сдѣлалась ему съ достовѣрностію извѣстна. Если же въ мнѣніи Государственнаго Совѣта, вмѣсто выраженія „открытіе спора“, приведено выраженіе „заявленіе подлежащей власти“, то при этомъ, очевидно, имѣлось только въ виду не ограничивать права крестьянъ поста-

вленіемъ его въ зависимость отъ предъявленія ими именно судебнаго иска, но вовсе не имѣлось въ виду придавать рѣшающее значеніе всякому сдѣланному ими по начальству или въ административномъ порядкѣ заявленію, хотя бы незаключающему въ себѣ никакого внѣ судебнаго ходатайства о его удовлетвореніи и необращенному даже къ такому лицу или мѣсту, отъ котораго бы зависѣло такое удовлетвореніе, либо сообщеніе заявленію дальнѣйшаго хода. Не имѣлось, конечно, и въ виду подобному заявленію придавать значеніе неопровержимаго доказательства того, что со времени онаго казнѣ уже съ достовѣрность сдѣлалось извѣстнымъ о неправости ея владѣнія. Посему Палата, не усмотрѣвъ въ заявленіи, сдѣланномъ крестьянами присоставленіи владѣнныхъ записей, того заявленія подлежащей власти, о которомъ говорится въ мнѣніи Государственнаго Совѣта, не допустила неправильнаго толкованія сего законоположенія. По всѣмъ симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: кассаціонныя жалобы уполномоченнаго Самамской казенной палаты, Лукашевича, и повѣреннаго крестьянскихъ обществъ деревень: Башкировой, Мулюковой и др., Маркова, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій, а кассаціонныя требованія въ объясненіи повѣреннаго тѣхъ же крестьянскихъ обществъ, Хардина, и дополнительное прошеніе Маркова безъ разсмотрѣнія.

81.—1882 года мая 5 го дня. *По прошенію опекуна надъ имуществомъ и личностью малолѣтняго Леонида Булгакова, отца его, крестьянина Никифора Булгакова, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. В. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. И. Ягнъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Мѣщанка Страхова назначила по духовному завѣщанію 2 лѣтнему правнуку своему Леониду Булгакову 1000 руб., съ тѣмъ, чтобы онъ получилъ ихъ когда исполнится ему 20 лѣтъ, исполненіе духовнаго завѣщанія Страхова возложила на цехового Капустина и мѣщанку Егорову. Отецъ Леонида Булгакова, Никифоръ Булгаковъ, въ іюлѣ 1880 г. предъявилъ искъ къ Капустину и Егоровой въ Московскомъ Окружномъ Судѣ о признаніи ихъ обязанными передать въ завѣдываніе его 1000 руб., какъ природнаго опекуна Леонида Булгакова, и о взысканіи съ нихъ процентовъ за пользованіе собственностью сына, съ 28 агуста 1879 года (со дня утвержденія завѣщанія къ исполненію) по день передачи истцу капитала, и судебныхъ и заведеніе дѣла издержекъ. Въ исковомъ прошеніи истецъ, сдѣлавъ ссылку на 226, 230 и 542 ст. Т. X ч. I, доказывалъ, что по смыслу двухъ первыхъ статей ему принадлежитъ опека, какъ отцу, а по послѣдней передача по духовному завѣщанію одного и того же имущества одному лицу въ собственность, а другому въ распоряженіе—немыслима. Отвѣтчики явившись въ Судъ къ засѣданію, на искъ Булгакова никакихъ возраженій не сдѣлали. Окружный Судъ, принявъ во вниманіе, что въ силу права собственности завѣщанный Булгакову капиталъ не можетъ оставаться въ рукахъ стороннихъ лицъ, каковы душеприказчики, и что отецъ малолѣтняго является естественнымъ его опекуномъ, опредѣлилъ: взыскать въ пользу имущества Леонида Булгакова съ Егора Капустина и Анны Егоровой тысячу руб., съ процентами съ 28 августа 1879 года по день удовлетворенія, и судебныя и за веденіе дѣла издержки. На рѣшеніе Суда повѣренный Капустина и Егоровой, присяжный повѣренный Смирновъ, принесъ апелляціонную жалобу, въ которой изложилъ, что оно противно послѣдней волѣ завѣщательницы Страховой и равносильно уничтоженію ея завѣщанія, и что интересы малолѣтняго уже вполнѣ обезпечены обращеніемъ завѣщаннаго ему капитала въ процентныя бумаги и помѣщеніемъ ихъ на храненіе въ Московскій купеческій банкъ, въ доказательство чего представилъ свидѣтельство банка отъ 28 іюня 1880 года за № 16043 въ принятіи на храненіе на имя малолѣтняго Левонда Никифорова двухъ облигацій 3 го восточнаго займа на 1100 руб. Въ письменномъ объясненіи на апелляціонную жалобу Никифоръ Булгаковъ возразилъ: а) что, по осутствію въ завѣщаніи Страховой распоряженій о томъ, въ чьемъ владѣніи и пользованіи должно находится имущество малолѣтняго Булга-

кова до достиженія имъ 20 ти лѣтняго возраста, вступаетъ въ силу законъ (180 ст. Т. X ч. I), по которому во время несовершеннолѣтія дѣтей имуществомъ имъ управляютъ родители на правѣ опекуновъ, душеприказчики же не преемники правъ завѣщателей, а обязаны исполнить волю ихъ передачею завѣщаннаго имущества по принадлежности, и б) что внесеніе вклада на храненіе въ кредитное установленіе не обезпечиваетъ интереса малолѣтняго отъ произвола отвѣтчиковъ, которые могутъ отрѣзать купоны и даже вынуть самыя бумаги. Въ засѣданіи Палаты 17 марта 1871 года повѣренный истца представилъ свидѣтельство Мытищинскаго волостного правленія отъ 16 го сентября 1880 года № 713 о назначеніи Никифора Булгакова опекуномъ къ Леониду Булгакову. Судебная Палата нашла, что въ завѣщаніи Страховой не указано, гдѣ долженъ храниться капиталъ до достиженія малолѣтнимъ 20 лѣтняго возраста; но въ виду порученія Страховою исполненія завѣщанія Капустину и Егоровой, не представляется законнаго основанія къ изъятію капитала изъ рукъ душеприказчиковъ и къ передачѣ такового представителю правъ Леонида Булгакова, который и самъ не можетъ требовать денегъ до достиженія 20 лѣтъ. Посему и въ виду того, что капиталъ помѣщенъ уже на храненіе въ Московскій купеческій банкъ и что отъ опеки зависитъ надзоръ за сохраненіемъ его, Московская Судебная Палата рѣшеніе Окружнаго Суда отмѣнила и въ искѣ Булгакова отказала. На рѣшеніе Судебной Палаты Никифоръ Булгаковъ подалъ кассаціонную жалобу, прося объ отмѣнѣ его по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) по мнѣнію просителя, нарушена 180 стат. Т. X ч. I признаніемъ, что нѣтъ законнаго основанія къ изъятію капитала изъ рукъ душеприказчиковъ въ завѣдываніе опекуна, тогда какъ таковое основаніе есть: 180 ст. X Т. ч. I прямо указываетъ, что имуществомъ малолѣтнихъ до ихъ совершеннолѣтія завѣдуютъ ихъ родители; 2) нарушена, какъ заявляетъ проситель, и 339 ст. Уст. Гр. Судопр., ибо онъ во время производства дѣла въ Палатѣ объяснялъ, что душеприказчики не только могутъ отрѣзывать въ теченіе 18 лѣтъ купоны съ процентныхъ бумагъ въ свою собственность, но и вынуть самый вкладъ (по прим. къ ст. 27 Норм. Полож. гор. общ. банк. и на основаніи § 10 инстр. о вклад. Московскаго купеческаго банка), но Палата, вопреки 339 ст. Уст. Гр. Судопр., объясненія эти оставила безъ обсужденія. Нарушеніе 339 ст. Уст. Гр. Судопроизв. не выкупается соображеніемъ Палаты, что опекѣ предоставлено право охранять вкладъ, такъ какъ при нахожденіи свидѣтельства на вкладъ въ рукахъ душеприказчиковъ такое охраненіе немыслимо. На кассаціонную жалобу Булгакова подано объясненіе со стороны Капустина и Егоровой. Они объясняютъ, что права ихъ распоряжаться завѣщаннымъ имуществомъ ограничиваются единственно волею завѣщательницы (рѣшен. 1871 г. № 863), а право наблюдать за дѣйствіями душеприказчиковъ принадлежитъ исключительно наслѣдникамъ завѣщательницы со дня достиженія совершеннолѣтія (рѣш. 1871 г. № 873); поэтому никакія другія учрежденія, ни лица вмѣшиваться въ распоряженія ихъ не могутъ. Опасенія Булгакова за цѣлость купоновъ и самыхъ процентныхъ бумагъ не имѣютъ юридическаго основанія, ибо идутъ въ разрѣзъ съ довѣріемъ, оказаннымъ завѣщательницею; притомъ 7 § правилъ о процентныхъ вкладахъ Московскаго купеческаго банка говоритъ, что по именнымъ билетамъ капиталъ съ процентами выдается только тѣмъ лицамъ, на чье имя билеты выданы. Вслѣдствіе сего просить жалобу Булгакова оставить безъ послѣдствій.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) душеприказчикъ, въ силу возлагаемаго на него завѣщателемъ, согласно 1084 ст. X Т. I ч., порученія, имѣющаго цѣлью передачу завѣщаннаго имущества указаннымъ въ завѣщаніи лицамъ, являясь уполномоченнымъ исполнителемъ воли завѣщателя, въ правѣ, какъ разъяснилъ это Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1879 г. № 205 и др., временно управлять и распоряжаться имуществомъ, оставшимся послѣ завѣщателя, до передачи его наслѣдникамъ. Слѣдовательно, если завѣщатель, поручая душеприказчику выдать наслѣднику извѣстную сумму, назначаетъ срокъ, ранѣе котораго выдача не можетъ послѣдовать, то до истеченія этого срока завѣщанная сумма должна оставаться въ завѣдываніи душеприказчика, ко-

который иначе лишенъ былъ бы возможности исполнить возложенную на него обязанность. Посему Судебная Палата совершенно правильно заключила, что въ виду порученія Страховою исполненія завѣщанія Капустину и Егоровой и въ виду того, что капиталъ помѣщенъ уже въ Московскій купеческій банкъ и что отъ опеки зависитъ надзоръ за сохраненіемъ его, не представляется законнаго основанія къ изъятію капитала изъ рукъ душеприказчиковъ и къ передачѣ такового представителю правъ Леонида Булгакова, который и самъ не можетъ требовать денегъ до 20 лѣтняго возраста; 2) указаніе просителя на право свое, какъ опекуна, въ силу 180 ст. Т. X части I, вступить въ управленіе завѣщаннымъ малолѣтнему сыну его капиталомъ и на возможность, ко вреду наслѣдника, неправильныхъ распоряженій душеприказчиковъ, не имѣетъ значенія, съ одной стороны, потому что право опекуна завѣдывать во время несовершеннолѣтія дѣтей принадлежащимъ имъ имуществомъ (180 ст. X Т. ч I), вступаетъ въ силу лишь въ томъ случаѣ, когда оно не ограничено другимъ вытекающимъ изъ закона правомъ, которое въ настоящемъ случаѣ присвоено душеприказчикамъ, а съ другой—потому, что одна возможность неправильныхъ дѣйствій душеприказчиковъ, наблюденіе за которыми зависитъ отъ самаго просителя, какъ опекуна, не можетъ служить правильнымъ основаніемъ къ отнятію у душеприказчиковъ права, предоставленнаго имъ волею завѣщательницы и освященнаго силою закона, и 3) Палата имѣла въ виду всѣ объясненія и возраженія, заявленныя просителемъ при производствѣ дѣла; посему ссылку просителя на нарушеніе Палатою 339 ст. Уст. Гр. Суд. нельзя признать уважительною. По изложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: просьбу опекуна надъ имуществомъ и личностью Леонида Булгакова, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

82.—1882 г. мая 5 дня. *По прошенію повѣреннаго германскаго подданнаго Александра Рейнеке, присяжнаго повѣреннаго Изенталя, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ В. И. Бартеневъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что первый поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія Судебной Палаты повѣренный Рейнеке находитъ въ томъ, что Судебная Палата, въ нарушеніе 1 статьи Уст. Гр. Судопроизв., приняла къ обсужденію такое исковое требованіе Матвѣева, которое направлено было лишь къ установленію факта, не заключая въ себѣ спора о правѣ. Обсуживая этотъ поводъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, на основаніи 693 ст. I ч X Т., каждый имѣетъ право, въ случаѣ неисполненія по договорамъ и обязательствамъ, а также въ случаѣ ущербовъ и убытковъ, искать удовлетворенія и вознагражденія. По 1 ст. Уст. Гр. Суд., всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій. Въ основаніе спора о правѣ гражданскомъ полагаются: а) факты, служащіе основаніемъ правоотношеній или имѣющіе на оныя вліяніе; б) разномысліе между сторонами относительно существованія или юридическаго значенія этихъ фактовъ и в) основанное на такомъ разномысліи сторонъ различіе въ требованіяхъ ихъ относительно признанія за ними гражданскаго права, обуславливаемаго спорными фактами и ихъ юридическимъ значеніемъ. Всѣ эти элементы спора о правѣ гражданскомъ заключались въ исковомъ прошеніи Матвѣева, предъявленномъ къ Рейнеке, а имено: а) факты, служащіе основаніемъ правоотношеній между нимъ и Рейнеке или имѣющіе на нихъ вліяніе, состояли въ заключеніи Матвѣевымъ и съ прежнимъ владѣльцемъ дома, пріобрѣтеннаго Рейнеке, договора объ имущественномъ наймѣ и въ уплатѣ прежнему владѣльцу сего дома условленныхъ по договору наемныхъ денегъ за треть года, съ 1 го августа по 1-ое декабря 1880 года; б) хотя ни договоръ найма, ни фактъ уплаты этихъ денегъ прежнему владѣльцу не отвергались новымъ владѣльцемъ Рейнеке, но разномысліе между сторонами существовало относительно юридическаго значенія факта

уплаты означенныхъ денегъ прежнему владѣльцу: Матвѣевъ находилъ, что, за уплатою ихъ, онъ уже не долженъ вновь вносить Рейнеке наемную плату за время съ 1 го августа по 1-ое декабря 1880 года, Рейнеке же находилъ, что полученіе этихъ денегъ прежнимъ владѣльцемъ для Рейнеке не имѣетъ никакого значенія и посему не обязательно, вслѣдствіе чего Матвѣевъ долженъ внести ему уплату за занятое помѣщеніе вновь, за время съ 1 августа по 1 декабря 1880 года, и в) вслѣдствіе сего возникло между сторонами разномысліе и въ требованіяхъ относительно признанія за ними гражданскаго права, обуславливаемаго спорнымъ юридическимъ значеніемъ внесенія Матвѣевымъ наемной платы за время съ 1 го августа по 1-ое декабря 1880 года прежнему владѣльцу: Рейнеке въ заявленіи 4 сентября 1880 года чрезъ нотаріуса требовалъ отъ Матвѣева внесенія, не позже 3 дней со времени врученія ему заявленія, наемной платы за время съ 1 го августа по 1 ое декабря 1880 года, предупреждая, что въ противномъ случаѣ, Рейнеке обратится въ судъ съ ходатайствомъ объ уничтоженіи договора имущественнаго найма; а Матвѣевъ, получивъ такое заявленіе чрезъ нотаріуса, предъявилъ искъ „о признаніи произведеннаго имъ прежнему владѣльцу платежа за срокъ съ 1 августа по 1 декабря 1880 г., по означенному договору обязательнымъ для Рейнеке по отношенію къ Матвѣеву“. То обстоятельство, что Рейнеке не лишилъ Матвѣева пользованія нанятымъ помѣщеніемъ и что Рейнеке свое требованіе, обращенное къ Матвѣеву, нарушавшее права Матвѣева, по мнѣнію послѣдняго, обратилъ къ Матвѣеву не въ судъ, а чрезъ нотаріуса, не могло препятствовать Матвѣеву обратиться въ судъ съ искомъ о разрѣшеніи спорнаго между ними права, такъ какъ правонарушенія, дающія поводъ къ иску, могутъ быть не только положительныя, но и отрицательныя. Право Матвѣева, какъ нанимателя по договору, состояло въ пользованіи нанятымъ помѣщеніемъ за единичный, а не вдвойнѣ взносъ наемной платы сполна, исправно по договору, въ каждый условленный договоромъ срокъ; отрицаніемъ же платежа, разъ уже произведеннаго за срокъ съ 1 августа по 1 декабря 1880 года, и требованіемъ новаго платежа за этотъ же срокъ, очевидно, нарушалось право Матвѣева. Законъ не только не стѣснялъ его въ обращеніи къ суду для защиты его права, но въ ст. 693 ч. I Т. X положительно предоставлялъ ему право искать удовлетворенія, т. е. требовать, чтобы юридическое значеніе разъ произведеннаго имъ за извѣстный срокъ по договору платежа было окончательно признано, чтобы, такимъ образомъ, спорное до разрѣшенія суда отношеніе его къ Рейнеке по этому платежу изъ неопредѣленнаго состоянія было приведено въ безспорное и чтобы онъ засимъ уже не самовольно, а по праву, утвержденному за нимъ судомъ, могъ отвергнуть требованіе Рейнеке. Посему, находя, что Судебная Палата не нарушила 1 ст. Уст. Гражд. Суд. принятіемъ къ своему обсужденію такового иска Матвѣева и что этому не противорѣчитъ указываемое повѣреннымъ Рейнеке рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1875 года № 246, такъ какъ въ рѣшеніи этомъ выражено только, что если судебное мѣсто установляетъ лишь какой либо извѣстный фактъ, послѣдствіемъ котораго можетъ быть право на новый самостоятельный искъ, то такое судебное рѣшеніе, не присуждающее никакого требованія, подлежащаго исполненію, не можетъ считаться рѣшеніемъ о правѣ гражданскомъ, въ предлежащемъ же дѣлѣ установленъ не одинъ фактъ для новаго иска, а установлено юридическое значеніе факта для сторонъ и присуждено истцу его требованіе о признаніи разъ произведеннаго имъ платежа, такъ что засимъ никакого иска о семъ платежѣ между сторонами быть не можетъ,—Правительствующій Сенатъ полагаетъ, что означенный первый поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія Палаты оказывается неосновательнымъ. 2) Второй поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія повѣренный Рейнеке усматриваетъ въ томъ, что Судебная Палата, обсуждая возникшій по спору тяжущихся вопросъ о томъ времени, до котораго владѣлецъ дома, назначеннаго въ продажу С. Петербургскимъ городскимъ кредитнымъ обществомъ, могъ считаться собственникомъ, и обратившись вслѣдствіе сего къ разрѣшенію вопроса о томъ, когда перешло къ Рейнеке право собственности на означенный домъ, пріобрѣтенный имъ въ кредитномъ обществѣ, неправильно признала Рейнеке

пріобрѣвшимъ домъ на переторжкѣ 4 августа, а не на торгѣ 30 іюля 1880 г., и этимъ нарушила ст. 69, 70, 71 устава С.-Петербугскаго городского кредитнаго общества и стат. 1343, 1346, 1348 и 1350 2 ч. X Т. Обсуждая этотъ поводъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ § 69—71 устава С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества нѣтъ собственно положительно выраженнаго правила о томъ, чтобы для продажи имѣній въ этомъ обществѣ назначалась двойная система торговъ, т.-е. торгъ и переторжка; равно въ 2089 ст. Т. X ч. 2 (по изд. 1876 года ст. 1300), на которую въ § 70 устава сдѣлана ссылка относительно того, что должно быть объявлено въ вѣдомостяхъ о продажѣ заложеннаго имѣнія, нѣтъ указанія на необходимость двойного торга; но какъ уставъ С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества Высочайше утвержденъ 4 іюля 1861 года (№ 37199), т.-е. до Судебныхъ Уставовъ 20 го ноября 1864 г., то Палатою установлено, и это не оспаривается никѣмъ изъ тяжущихся, что продажа заложенныхъ въ С.-Петербургскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ имѣній производится и нынѣ по правиламъ о публичной продажѣ недвижимыхъ имѣній, дѣйствующимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены Судебные Уставы. Въ силу же этихъ правилъ (Т. X изд. 1876 г. ч. 2 ст. 1343, 1346, 1348 и 1350), по окончаніи торга объявляется, что желающіе сдѣлать еще выгоднѣйшія предложенія могутъ явиться чрезъ 3 дня на переторжку, слѣдовательно, нельзя считать день торга окончательнымъ и имѣніе въ день торга нельзя считать проданнымъ, тѣмъ болѣе, что на переторжку допускается, по ст. 1346, даже тѣ, которые прежде не торговались; имущество, по 1348 ст., утверждается окончательно за тѣмъ, кто на переторжкѣ предложилъ высшую цѣну, и хотя, по 1350 ст., если на переторжкѣ не будетъ желающихъ возвысить цѣну за продаваемое имѣніе, то оно утверждается за тѣмъ, который предложилъ высшую послѣднюю цѣну на торгѣ, но и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ считать имѣніе проданнымъ не въ день торга, а въ день переторжки, при условіи, конечно, утвержденія за купившимъ имѣнія по взносѣ имъ всѣхъ установленныхъ 71 § устава С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества суммъ, или по переводѣ на него, по примѣчанію къ сему §, долга обществу. Допустить предположеніе повѣреннаго Рейнеке о томъ, что право собственности владѣльца заложеннаго въ кредитномъ обществѣ имѣнія прекращается наканунѣ торга и что право предложившаго за оное на торгѣ высшую цѣну возникаетъ въ день торга, невозможно потому, что наканунѣ торга неизвѣстно состоится ли даже торгъ; по окончаніи торга неизвѣстно, будутъ-ли желающіе явиться на переторжку, съ малѣйшею же надбавкою на переторжкѣ къ высшей цѣнѣ, предложенной на торгѣ, уже теряется всякое право предложившаго на торгѣ высшую цѣну; наконецъ, на покупку имѣнія желающихъ можетъ вовсе не явиться ни на торгъ, ни на переторжку, тѣмъ не менѣе, до окончательной продажи имѣнія, оно остается принадлежащимъ владѣльцу, хотя неисправному предъ кредитнымъ обществомъ, но подвергающемуся за то лишь такимъ ограниченіямъ, которыя постановлены въ законахъ или уставѣ кредитнаго общества (рѣш. Гражданскаго Кассаціоннаго Департ. 1880 года № 252 и друг.). Посему и второй поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія Судебной Палаты неоснователенъ. 3) Третій поводъ по 339 ст. Уст. Гражд. Судопроизв., и усматриваемый повѣреннымъ Рейнеке въ томъ, что Судебная Палата оставила безъ вниманія удостовѣреніе кредитнаго общества отъ 3 го октября 1880 г. за № 10369, неуважителенъ потому, что Палата не только привела оное въ своемъ рѣшеніи, но и обсуживала единственное утвержденіе, заключающееся въ ономъ, что въ день торга 30-го іюля имѣніе осталось за Рейнеке, предложившимъ высшую цѣну. 4) Четвертый поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія, по 480 ст. Уст. Гр. Суд., также не основателенъ, потому что Палата обсуживала подписку Матвѣева 21 іюня 1880 г. и установила, что надписи прежняго владѣльца о платежѣ, который былъ оспоренъ Рейнеке, уже существовали къ 21 іюля и что подписка эта не относилась къ тому, что имѣло мѣсто до выдачи оной; заключеніе же о томъ, есть ли въ объясненіи тяжущагося признаніе, относится къ существу дѣла, въ повѣрку котораго Прав. Сенатъ не входитъ, за силою 11 ст. Уст. Гр. Суд. и 12 ст. прил. къ стат. 3 Т. I Свод. Зак., ч. 2 по прод. 1876 г., и 5) равнымъ образомъ неоснователенъ

и пятый поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія Палаты по 1536 и 1547 ст. 1 ч. X Т., разъясненнымъ приводимымъ повѣреннымъ Рейнеке рѣшеніемъ Гр. Кассац. Департ. 1875 года № 467, и усматриваемый въ томъ, что Палата признала досрочный платежъ по контракту, произведенный прежнему владѣльцу, обязательнымъ для новаго владѣльца. Палата установила, что срокъ платежа по договору за треть съ 1 августа по 1 декабря 1880 года начинался съ 1-го августа 1880 года, Рейнеке же пріобрѣлъ право собственности на домъ 4-го августа 1880 года, т. е. уже послѣ того, какъ наступилъ срокъ по договору для взноса нанимателемъ наемной платы, и потому, какъ заключила Палата, Рейнеке не можетъ засимъ изъ фактовъ, предшествовавшихъ переходу къ нему права собственности, выводить нарушеніе нанимателемъ обязанностей своихъ по договору въ отношеніи къ Рейнеке; въ такомъ заключеніи Палаты,—основанномъ въ сущности на правѣ прежняго владѣльца такого имѣнія, которое при наступленіи уже по договору срока платежа не было еще продано, принять за этотъ срокъ, т. е. въ предѣлахъ договорнаго срока наемную плату или зачесть оную,— никакого нарушенія 1536 и 1547 ст. 1 ч. X Т. не оказывается. По этимъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: прошеніе повѣреннаго Рейнеке, Изенталя, на основаніи 793 ст. Уст. Гражд. Судопр., оставить безъ послѣдствій, возвративъ дѣло въ С.-Петербургскую Судебную Палату.

83.—1882 г. мая 5 го дня. *По прошенію крестьянки Матрены Елисѣевой объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Д. Г. фонъ-Дервизъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Повѣренный мѣщанки Александры Пуговишниковой предъявилъ въ Московскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ крестьянкѣ Матренѣ Елисѣевой объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія умершаго мѣщанина Александра Грузинцева, которое 15-го іюля было представлено для утвержденія въ Московскій Окружный Судъ повѣреннымъ Елисѣевой, и, объяснивъ въ исквомъ прошеніи, что Пуговишникова, какъ родная племянница и законная наслѣдница Грузинцева, доказательствомъ чего служитъ причисленіе ея къ семейству дяди своего Александра Грузинцева и названіе ея Грузинцевымъ въ его духовномъ завѣщаніи своей племянницей, имѣетъ право на настоящій искъ, что завѣщательное распоряженіе Грузинцева, которымъ онъ все свое имущество, перечисленное имъ въ 5-ти пунктахъ завѣщанія, завѣщалъ женѣ своей Аннѣ Грузинцевой съ тѣмъ, чтобы послѣ ея смерти оно перешло въ вѣчное и потомственное владѣніе Елисѣевой, должно считаться недѣйствительнымъ, какъ установляющее назначеніе наслѣдника наслѣднику; что Анна Грузинцева, умершая ранѣе завѣщателя, не могла воспользоваться правами, предоставленными ей завѣщаніемъ Грузинцева; что такъ какъ Елисѣева получаетъ имѣніе Грузинцева, по смыслу завѣщанія, какъ наслѣдница не его, а Анны Грузинцевой, Анна же Грузинцева сама этого имѣнія не наслѣдовала, то и Елисѣева не можетъ быть признана наслѣдницей по завѣщанію Грузинцева, и завѣщаніе Грузинцева остается безъ наслѣдниковъ; на этихъ основаніяхъ просилъ судъ пріостановить производство объ утвержденіи духовнаго завѣщанія Грузинцева до разрѣшенія настоящаго иска, и затѣмъ завѣщаніе Грузинцева признать недѣйствительнымъ и оставить безъ утвержденія. При прошеніи этомъ представлены: 1) свидѣтельство Московской мѣщанской управы отъ 24 іюня 1870 г., выданное Александрѣ Чернавкиной, по прошенію дяди ея Александра Грузинцева, въ которомъ сказано, что Чернавкина вѣры православной, по указу Московской казенной палаты отъ 30 октября 1858 г. изъ тульскихъ мѣщанокъ причислена къ семейству дяди, Александра Грузинцева, и на которомъ имѣется надпись священника Московскаго уѣзда, села Карачарова, о вступленіи Чернавкиной 29 го іюля 1870 г. въ бракъ съ мѣщаниномъ Николаемъ Пуговишниковымъ, и 2) копія съ духовнаго завѣщанія Грузинцева. Противъ этого иска повѣренный Елисѣевой возразилъ, что кровное родство съ Грузинцевымъ и наслѣдственное право на то имущество Пуговишниковой не доказано, потому что свидѣтель-

ство мѣщанской управы и названіе ея Грузинцевымъ своей племянницей въ духовномъ завѣщаніи не могутъ считаться доказательствами родства, требуемыми закономъ; поэтому и самое право Пуговишниковой на искъ не доказано; что усыновленія Грузинцевымъ Пуговишниковой не могло быть уже потому, что Грузинцевъ былъ раскольникъ, а Пуговишникова православная, и законъ, запрещающій раскольникамъ нанимать въ услуженіе православныхъ, не могъ допустить усыновленія православной раскольникомъ; что если допустить даже существованіе усыновленія, все таки Пуговишникова усыновленіемъ не получила наслѣдственныхъ правъ на имущество Грузинцева, а стало быть, и не можетъ отыскивать на судѣ это имущество; что въ духовномъ завѣщаніи Грузинцева нѣтъ назначенія наслѣдника наслѣднику, потому что Грузинцевъ свое имущество завѣщалъ въ собственность только довѣрительницѣ его, Елисѣевой, а женѣ своей Аннѣ Грузинцевой завѣщалъ въ пожизненное владѣніе. Окружный Судъ нашелъ, что, по смыслу 4 и 5 п.п. духовнаго завѣщанія Грузинцева, различіе употребленныхъ имъ выраженій для опредѣленія правъ на завѣщаемое имущество Аннѣ Грузинцевой и Маріи Елисѣевой указываетъ на то, что Грузинцевъ имѣлъ намѣреніе ограничить Анну Грузинцеву въ правѣ распоряженія его имѣніемъ и обязать ее передать все это имѣніе въ полномъ составѣ; что въ виду такого ограниченія владѣніе Анны Грузинцевой должно быть признано пожизненнымъ владѣніемъ, и потому, признавая, что имущество завѣщано въ собственность Маріи Елисѣевой, отказалъ въ искѣ Пуговишниковой. Въ принесенной на это рѣшеніе апелляціонной жалобѣ повѣренный Пуговишниковой, представляя въ доказательство родства Пуговишниковой свидѣтельство мѣщанской управы и ревизскія сказки, объяснилъ, что Анна Грузинцева, назначенная наслѣдницею по завѣщанію, умерла прежде завѣщателя, а потому не могла ни сама воспользоваться завѣщаннымъ имуществомъ, ни передать своего права кому-либо другому; что, за назначеніемъ Анны Грузинцевой наслѣдницей по завѣщанію, опредѣленіе дальнѣйшаго перехода имущества является незаконнымъ; что изъ сопоставленія различныхъ пунктовъ завѣщанія и употребленныхъ въ нихъ выраженій нельзя притти къ убѣжденію, будто бы завѣщатель желалъ ограничить права Грузинцевой и передать ей имѣніе только въ пожизненное владѣніе, и что такое ограниченіе нигдѣ въ завѣщаніи не выражено. Судебная Палата нашла, что Пуговишникова представленными документами доказала свое родство съ завѣщателемъ, такъ какъ видно, что она была причислена къ семейству Грузинцева, какъ его племянница, и что, слѣдовательно, имѣетъ полное право на предъявленіе спора противъ духовнаго завѣщанія; что затѣмъ, по буквальному смыслу завѣщанія, Александръ Грузинцевъ все свое движимое и недвижимое имущество завѣщалъ женѣ своей Аннѣ Грузинцевой, не дѣлая при этомъ никакой оговорки, чтобы онъ завѣщалъ ей то имущество не въ собственность а въ пожизненное только владѣніе, а потому дальнѣйшая выраженная имъ воля, что все имущество его должно перейти въ вѣчное и потомственное владѣніе племянницѣ ея, Елисѣевой, не даетъ законнаго основанія признавать это послѣднюю наслѣдницею по завѣщанію, а Анну Грузинцеву только пожизненною владѣлицею; напротивъ того, разъ все завѣщано Аннѣ Грузинцевой, какъ положительно выражено въ п.п. 1, 2, 3, 4 и 5 завѣщанія, указаніе на дальнѣйшій переходъ этого имущества, какъ противное ст. 1010 (примѣч.) 1 ч. X Т., не можетъ имѣть законной силы. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что назначенная по завѣщанію наслѣдница Анна Грузинцева умерла еще ранѣе завѣщателя, по отношенію же Елисѣевой завѣщательное распоряженіе недѣйствительно, Судебная Палата, отмѣнивъ рѣшеніе Окружнаго Суда, признала завѣщаніе Грузинцева недѣйствительнымъ. Въ принесенной на это рѣшеніе кассаціонной жалобѣ крестьянка Елисѣева указываетъ на нарушеніе Палатою 339, 366, 456, 706 и 711 стат. Уст. Гражд. Судопроизвод., ст. 155 и 156 Т. X ч. I Зак. Гражд., стат. 1679 и прилож. къ ней Т. IX Зак. о сост. и стат. 82 Т. XIV Уст. о пред. и прес. прест.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и словесныя объясненія повѣреннаго Елисѣевой, присяжнаго повѣреннаго Троицкаго, Прави-

тельствующій Сенатъ находитъ, что по содержанію кассаціонной жалобы главный вопросъ, подлежащій нынѣ разрѣшенію, заключается въ томъ, можетъ ли завѣщательное распоряженіе, по которому благопріобрѣтенное имѣніе оставлено въ собственность одному лицу съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти сего лица оно перешло въ собственность другого, быть признано недѣйствительнымъ, на основаніи примѣч. къ ст. 1011 Т. X ч. I Зак. Гражд., несмотря на то, что первое изъ этихъ лицъ оказалось уже умершимъ въ моментъ смерти завѣщателя. Основаніемъ къ разрѣшенію этого вопроса должно служить то соображеніе, что духовное завѣщаніе, какъ объявленіе воли на случай смерти (ст. 1010 Т. X ч. I), получаетъ силу и значеніе лишь съ момента смерти завѣщателя, а слѣдовательно, и законность или незаконность содержащихся въ немъ распоряженій должна обсуждаться и опредѣляться по тѣмъ обстоятельствамъ и по тѣмъ даннымъ, какія окажутся на лицо въ моментъ его кончины. А это соображеніе приводитъ къ заключенію, что если въ моментъ кончины завѣщателя первый изъ двухъ назначенныхъ имъ въ завѣщаніи наслѣдниковъ не находится уже въ живыхъ, то, съ отпаденіемъ завѣщательнаго распоряженія относительно его, не оказывается уже въ завѣщаніи никакого субститута или подназначенія наслѣдника, такъ какъ второй назначенный по завѣщанію наслѣдникъ является уже единственнымъ, наслѣдующимъ прямо и непосредственно послѣ самого завѣщателя. Въ справедливости этого заключенія убѣждаетъ и приведенный въ примѣч. къ ст. 1011 Т. X ч. I Зак. Гражд. примѣръ, изъ котораго видно, что завѣщательное распоряженіе Лопухиной, коимъ установлялся порядокъ наслѣдованія послѣ смерти ея дочерей имѣніемъ, которое ею имъ завѣщано въ собственность, признано было недѣйствительнымъ именно потому, что оно въ дѣйствительности уже поступило послѣ смерти завѣщательницы въ ихъ владѣніе. Поэтому, находя, что Московская Судебная Палата, признавъ завѣщательное распоряженіе Грузинцева въ пользу крестьянки Елисѣевой недѣйствительнымъ, несмотря на то, что первой назначенной имъ въ завѣщаніи наслѣдницы, Анны Грузинцевой, въ моментъ его кончины не было уже въ живыхъ, а слѣдовательно, она не получала и не могла получить въ собственность назначеннаго ей имѣнія, нарушила тѣмъ ст. 1010 Т. X ч. I Зак. Гражд. и допустила тѣмъ неправильное толкованіе примѣч. къ 1011 ст. того же тома, и не входя засимъ въ обсужденіе прочихъ указываемыхъ въ кассаціонной жалобѣ Елисѣевой поводовъ кассаціи,—Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе Московской Судебной Палаты, по нарушенію 1010 и примѣч. къ 1011 ст. I ч. X Т. Св. Зак., отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той-же Палаты.

84.—1882 г. мая 12 дня. *По прошенію дѣйствительнаго студента Александра Смольянинова объ отмѣнѣ опредѣленія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ: докладывалъ дѣло Сенаторъ А. О. Гаммъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ).

22 января 1855 года въ Тверской Гражданской Палатѣ совершена была отъ имени надворнаго совѣтника Константина Смольянинова на имя коллежскаго совѣтника Дениса Генике закладная въ суммѣ 300000 р. сер. на 21 годъ. Часть занятой суммы уплатилъ самъ Смольяниновъ, а остальная сумма уплачена его наслѣдниками. Вслѣдствіе сего повѣренный Александра Смольянинова, присяжный повѣренный Смирновъ, 21 го апрѣля 1881 года обратился къ старшему нотаріусу Тверскаго Окружнаго Суда съ просьбою уничтожить закладную, а запрещеніе съ имѣнія снять. При этомъ прошеніи Смирновъ приложилъ: 1) подлинную закладную, совершонную 22 го января 1855 года; 2) копію платежной расписки Дениса Генике, данной Смольянинову въ полученіи съ послѣдняго, въ уплату 300000 руб. сер. по закладной, 60000 руб.; 3) копію съ копіи духовнаго завѣщанія Дениса Генике, который полученіе съ Смольянинова денегъ по закладной предоставилъ по смерти своей сыновьямъ своимъ: Владимиру, Викгору и Александру и дочерямъ: Лаурѣ, Эльвирѣ и Констанціи, по равной части, 4) засвидѣтель-

ствованную копію платежной расписки коллежскаго секретаря Владимира Генике, выданной наслѣдникамъ Константина Смольянинова: Александру, Николаю и Владимиру Смольяниновымъ въ полученіи съ нихъ слѣдующей на его доли части денегъ по закладной и въ неимѣніи препятствій къ освобожденію отъ залога и снятію запрещенія съ недвижимаго ихъ, Смольяниновыхъ, имѣнія; 5) подлинную расписку коллежскаго ассесора Александра Генике, выданную наслѣдникамъ Смольянинова въ томъ-же; 6) копію заявленія Владимира Генике, сдѣланнаго имъ судебному приставу Минорскому 18 го апрѣля 1873 года, о томъ, что должныя имъ по исполнительному листу Тверскаго Окружнаго Суда отъ 8 января 1870 года за № 20 брату его Виктору Генике деньги сполна имъ уплачены чрезъ посредство Смольянинова, что доказывается письмомъ Виктора Генике, и что имущества у него никакого нѣтъ; 7) копію съ копіи письма Виктора Генике къ брату его Владимиру Генике отъ 15 мая 1872 года, въ коемъ изложено, что 15 того мая онъ, Викторъ Генике, покончилъ по закладной всѣ счеты съ Смольяниновымъ, получилъ отъ него по ней 40000 рублей сер., что расписки брата Владимира онъ утверждаетъ и никакой болѣе денежной претензіи ни къ нему, ни къ Смольянинову не имѣетъ; 8) засвидѣтельствованную расписку жены статскаго совѣтника Эльвиры Зедоргольмъ (рожденной Генике), данную наслѣдникамъ Константина Смольянинова 7 февраля 1876 года въ полученіи всѣхъ слѣдующихъ на ея долю денегъ по закладной; 9) такую же расписку, засвидѣтельствованную генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ, выданную 19 февраля 1876 года наслѣдникамъ Смольянинова Констанціею Вейплеръ (рожденной Генике); 10) копію съ копіи опредѣленія Московскаго Окружнаго Суда 29 октября 1876 года объ утвержденіи Николая Христіановича Розевича и Владимира Александровича Розевича въ правахъ наслѣдства къ имуществу Луары Розевичъ (рожденной Генике; 11) копію опредѣленія того же Суда отъ 3 мая 1877 года объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ тому же имѣнію дочерей Лауры Розевичъ, прусской подданной Антоніи Вышецкой и французской подданной Александры Мартенъ, и 12) засвидѣтельствованную расписку, выданную 5 января 1877 года дворянину Александру Смольянинову Владимиромъ Александровичемъ Розевичемъ, Николаемъ Христіановичемъ Розевичемъ, Антоніею Вышецкою и Александрою Мартенъ, въ томъ, что всѣ деньги, какія слѣдовало имъ получить, какъ наслѣдникамъ Лауры Денисовны Розевичъ, отъ Смольянинова по закладной 22 го января 1855 года ими получены сполна и никакихъ претензій къ Смольянинову они не имѣютъ. Старшій нотаріусъ въ ходатайствѣ повѣреннаго Смольянинова, Смирнова, постановленіемъ своимъ, состоявшимся 22 апрѣля 1881 года, отказалъ на томъ основаніи, что не соблюдены правила для уничтоженія закладныхъ, изложенныя въ 1650 ст. Т. X ч. I, а также въ 39, 40, 100 и 101 ст. Врем. Прав. по нотар. части, обративъ вниманіе на то обстоятельство, что Смирновымъ представлены лишь платежныя расписки, предусмотрѣнныя 2054 ст. Т. X ч. I, а не 40 ст. Времен. Прав., причемъ подпись на распискѣ или, точнѣе, на письмѣ Виктора Генике, никѣмъ не засвидѣтельствована, тогда какъ удостовѣреніе личности заимодавца существенно необходимо при уничтоженіи закладной. Кромѣ того, Владимиромъ Генике расписка дана не только отъ себя лично, но и какъ отъ душеприказчика по завѣщанію Дениса Генике, между тѣмъ, по завѣщанію Генике душеприказчиками значатся двое: Владимиръ Генике и купецъ Ѳеодоръ Щекъ, а отъ сего послѣдняго расписки или нотаріальнаго акта не представлено. Находя означенное выше постановленіе старшаго нотаріуса неправильнымъ, повѣренный Александра Смольянинова, присяжный повѣренный Смирновъ, просилъ Тверской Окружный Судъ, отмѣнивъ постановленіе старшаго нотаріуса, 22 апрѣля 1881 года состоявшееся, постановить новое опредѣленіе объ уничтоженіи закладной 22-го января 1855 года, дальнѣйшее существованіе которой при недѣйствительности закладной, изъятой изъ обладанія кредиторовъ выдачею по опредѣленію Рязанскаго Окружнаго Суда въ распоряженіе Смольянинова, было бы совершенно ненужнымъ ограниченіемъ права собственности Смольяниновыхъ. Разсмотрѣвъ настоящую жалобу, Окружный Судъ нашелъ,

что означенный выше отказъ старшаго нотаріуса основанъ на несоблюденіи заимодавцами и залогодателями—наслѣдниками Константина Смольянинова и Дениса Генике—правилъ, изложенныхъ въ 1650 ст. Т. X ч. I, относительно совершенія надписей на закладной о полученіи по оной денегъ сполна. Подобный отказъ представляется совершенно основательнымъ, потому что, хотя, по смыслу 1650 ст. Т. X ч. I, въ доказательство платежа и уплатъ по закладнымъ и могутъ быть принимаемы, кромѣ надписей на самыхъ актахъ, платежныя расписки, но, согласно 40 ст. Врем. Прав. для нотаріусовъ, надписи на такихъ распискахъ требуютъ непремѣннаго засвидѣтельствованія ихъ нотаріусомъ. Въ данномъ случаѣ надписи на платежныхъ распискахъ Дениса Генике и Констанціи Денисовны Вейцлеръ оказываются вовсе незасвидѣтельствованными установленнымъ въ законѣ порядкомъ, а со стороны Виктора Генике не только не представлено никакой платежной расписки, но приложенное при прошеніи повѣреннаго Смольянинова, Смирнова, письмо означеннаго Виктора Генике представлено не въ подлинникѣ, а въ копіи, свѣренной лишь судебнымъ приставомъ Минорскимъ. Принимая во вниманіе: 1) что подобное письмо не можетъ имѣть значенія доказательства полученія Викторомъ Генике слѣдующей ему части денегъ по закладной, совершонной 22 января 1855 года; 2) что ссылка просителя Смирнова на примѣч. къ 446 ст. Т. X ч. I (по продолж. 1876 г.) къ данному случаю не относится, ибо, согласно приведенному узаконенію, домашнимъ порядкомъ разрѣшено совершать акты о наймѣ имуществъ и объ отдачѣ оныхъ въ содержаніе, но не акты объ ограниченіи права собственности на недвижимыя имущества, къ числу коихъ относятся закладныя крѣпости, совершаемыя всегда нотаріальнымъ порядкомъ, и 3) что посему соображенія, руководствуясь которыми старшій нотаріусъ постановленіемъ своимъ отъ 22 апрѣля 1881 года отказалъ Смольянинову въ ходатайствѣ объ уничтоженіи закладной 22 января 1855 года и въ снятіи съ заложеннаго имѣнія запрещенія, нельзя не признать правильными и согласными съ законами,—Тверской Окружный Судъ постановилъ: жалобу повѣреннаго Александра Смольянинова на дѣйствія старшаго нотаріуса Тверского Окружнаго Суда оставить безъ послѣдствій. Московская Судебная Палата, разсмотрѣвъ настоящее дѣло по частной жалобѣ повѣреннаго Александра Смольянинова, присяжнаго повѣреннаго Смирнова, нашла, что, по несоблюденію въ данномъ случаѣ требованія закона о нотаріальномъ удостовѣреніи платежныхъ расписокъ и представленію письма Виктора Генике въ копіи, а не въ подлинникѣ, старшій нотаріусъ имѣлъ законное основаніе къ отказу просителю въ его требованіи. Посему и принимая во вниманіе, что, по совокупному смыслу примѣч. къ 446 ст. Т. X ч. I Закон. Гр., 1650 ст. сихъ законовъ и ст. 40 Времен. Правилъ по нотар. части, слѣдуетъ притти къ заключенію, что платежныя расписки объ уплатѣ по закладной должны быть засвидѣтельствованы у нотаріуса, а въ мѣстахъ, гдѣ Положеніе о нотаріальной части не введено еще въ дѣйствіе, полицейскимъ управленіемъ или мѣстнымъ нотаріусомъ, или маклеромъ, подобно тому, какъ сіе установлено закономъ (ст. 40 Врем. Правилъ о нотар. части) относительно надписи заимодавца объ уплатѣ по закладной на самомъ актѣ,—Судебная Палата опредѣлила: жалобу Смольянинова оставить безъ послѣдствій. Ходатайствуя объ отмѣнѣ сего опред. Палаты, Александръ Смольяниновъ въ жалобѣ своей объясняетъ: 1) что, по смыслу примѣч. къ 446 ст. Т. X ч. I (по продолжен. 1876 года), отмѣняющаго, по мнѣнію его, просителя, какъ законъ позднѣйшій, дѣйствіе ст. 1650 Тома X части I и 40 Временныхъ Правилъ о нотар. части, платежныя расписки по закладнымъ могутъ быть выдаваемы безъ засвидѣтельствованія ихъ нотаріусомъ, и 2) что затѣмъ Палата нарушила ст. 18 Полож. о нотар. части, на основаніи которой нотаріусъ обязанъ былъ уничтожить отмѣтку о залогѣ, въ виду изъявленнаго залогопріемщиками отказа отъ всякой претензіи по означенной закладной, за полученіемъ полнаго по оной удовлетворенія; вмѣстѣ съ тѣмъ судъ, въ нарушеніе ст. 4 Уст. Гр. Судопроизвод., принялъ на себя охраненіе права залогопринимателей, которые не только объ этомъ не просятъ, но даже прямо отказались отъ охраняемаго для нихъ судомъ права, причемъ онъ, проситель, не имѣетъ возможности предъявить къ наслѣд-

никамъ Генике искъ по сему предмету, такъ какъ они никакой претензіи по означенной закладной, за полученіемъ по оной полнаго удовлетворенія, не заявляютъ.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) указаніе просителя на необязательность засвидѣтельствованія платежныхъ расписокъ по закладнымъ, основанное на толкованіи имъ прим. къ 446 ст. Т. X ч. I по прод. 1876 г.), не можетъ быть признано правильнымъ, причемъ предположеніе просителя, что означенное примѣчаніе, какъ законъ позднѣйшій, отмѣняетъ дѣйствіе ст. 40 Врем. Прав. о нот. части, невѣрно: примѣчаніе это (какъ видно изъ цитаты подъ онымъ) есть лишь повтореніе постановленія, изданнаго въ 1866 году Положенія о нотаріальной части (ст. 66, 157 и 160); временныя же правила для руководства при примѣненіи Положенія о нотаріальной части, какъ изданныя въ 1867 году (распубликованы въ Сенатскомъ указѣ 1867 года ноября 3-го), являются закономъ позднѣйшимъ; по ст. 1650 Т. X ч. I, надпись объ уплатѣ по закладной должна быть учинена на самой закладной, по смыслу же Временныхъ Правилъ о нотаріальной части, допускаются, въ удостовѣреніе уплаты, и отдѣльныя расписки, но съ засвидѣтельствованіемъ подписи на оныхъ, причемъ таковое положеніе вполнѣ согласуется и съ общимъ смысломъ относящихся до сего предмета законоположеній, такъ какъ дозволеніе, вмѣсто надписей на самой закладной, выдачи отдѣльныхъ расписокъ отнюдь не имѣетъ въ виду допущенія отсутствія засвидѣтельствованія подписи на таковыхъ распискахъ, каковое засвидѣтельствованіе требуется даже на надписяхъ объ уплатѣ, дѣлаемыхъ на самой закладной, причемъ только подъ условіемъ надлежащаго засвидѣтельствованія подписи таковая отдѣльная расписка можетъ быть принимаема нотаріальнымъ учрежденіемъ за основаніе къ признанію погашеннымъ права, утвержденнаго на документѣ, совершонномъ крѣпостнымъ порядкомъ; 2) равнымъ образомъ не усматривается нарушенія ст. 187 Полож. о нот. части и 4 Уст. Гр. Суд., такъ какъ Палата отнюдь не отвергла въ своемъ рѣшеніи, что согласіе того лица, на чью пользу отмѣченъ въ реестрѣ залогъ, должно служить основаніемъ къ уничтоженію отмѣтки о залогѣ, но признала лишь, что означенное согласіе залогопріемщиковъ, доказываемое просителемъ, не удостовѣрено указаннымъ въ законѣ способомъ и что посему старшій нотаріусъ имѣлъ законное основаніе отказать въ просьбѣ объ уничтоженіи отмѣтки о залогѣ, и 3) наконецъ, не можетъ быть признано правильнымъ указаніе просителя на то, что онъ лишенъ возможности достигнуть осуществленія своего права въ порядкѣ исковомъ: если наслѣдники Генике дѣйствительно, какъ утверждаетъ проситель, получили полное удовлетвореніе по закладной, то онъ имѣетъ несомнѣнное основаніе и право требовать, чтобы они удостовѣрили это обстоятельсто въ надлежащемъ указанномъ въ законѣ порядкѣ, а при отказѣ съ ихъ стороны—предъявить къ нимъ искъ, съ представленіемъ тѣхъ документовъ и доводовъ, коими, по его мнѣнію, доказывается полученіе ими полной по закладной уплаты; причемъ, въ случаѣ признанія такового иска доказаннымъ, опредѣленіе суда и послужитъ, на основаніи ст. 187 Полож. о нот. части, законнымъ основаніемъ къ уничтоженію отмѣтки о залогѣ. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: просьбу Смольянинова, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

85.—1882 г. мая 12 дня. *По прошенію повѣреннаго жены почетнаго гражданина Тотеке Бабаджанъ и мѣщанина Аврама Эмина, въ качествѣ третьихъ лицъ, присяжнаго повѣреннаго Тихтина, объ отмѣнѣ рѣшенія Одесской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ М. Н. Сазоновъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ.)

Повѣренный опекуновъ надъ имуществомъ и малолѣтними дѣтьми штабъ ротмистра Николая Ингистова, присяжный повѣренный Исаакъ Бродскій, 9 ноября 1879 года предъявилъ въ Одесскомъ Окружномъ Судѣ къ

конкурсной массѣ несостоятельныхъ Анастасія Тамбунова и Константина Леониди, въ лицѣ кредиторовъ ихъ, Одесскихъ конторы государственнаго банка и таможни, искъ о признаніи недѣйствительнымъ, на основаніи 1692 и 1693 ст. I ч. X Т., контракта, заключеннаго Николаемъ Ингистовымъ 22 декабря 1867 г. на отдачу въ арендное содержаніе купцамъ Тамбунову и Леониди, на 25 лѣтъ, части родового имѣнія „Каролина“ (оно же Бугазу), доцедшей къ Ингистову по дарственной записи его матери 15 іюля 1866 г. Искъ этотъ, какъ указано при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла, основанъ на томъ: 1) что въ означенномъ имѣніи не было крестьянъ, состоящихъ съ владѣльцемъ въ отношеніяхъ, созданныхъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г.; 2) что правила, приложенныя къ 1691 ст. (прим. 2 по продолж. 1876 г.), не могутъ относиться къ настоящему случаю, что 2 прим. 1691 ст. (по Св. 1857 г.) замѣнено по продолж. 1876 г., а 1692 ст. осталась безъ измѣненія, и 3) что изъ приложенія къ 773 ст. Т. X ч. I по продолж. 1876 г. видно, что подъ помѣщичьимъ имѣніемъ разумѣется имѣніе съ крестьянскимъ надѣломъ и съ правомъ на крестьянскія на этотъ надѣлъ повинности. По резолюціи Окружнаго Суда, жена почетнаго гражданина Тотека Бабаджанъ и жена мѣщанина Эмина допущены къ участію въ настоящемъ дѣлѣ въ качествѣ 3 лицъ, совокупно съ отвѣтчиками. Противъ иска опекуновъ наслѣдниковъ Ингистова, повѣренные Одесской конторы государственнаго банка, Бабаджанъ и Эмина, во время производства дѣла возражали: 1) что отданная Ингистовымъ въ наемъ по договору 22 декабря 1867 г. земля была помѣщичья и потому срокъ найма могъ простираться до 36 лѣтъ; 2) что подъ упоминаемымъ въ прилож. къ примѣч. 2 ст. 1691 X Т. I ч., по продолж. 1876 г., слѣдуетъ разумѣть не только такое имѣніе, въ которомъ находились крѣпостные крестьяне до 1861 г., но и всякое другое имѣніе, принадлежавшее помѣщику. По прежде дѣйствовавшимъ законамъ помѣщикомъ считался не только владѣлецъ душъ, но и владѣлецъ земли безъ крестьянъ, лишь бы владѣлецъ этотъ принадлежалъ къ дворянскому состоянію; 3) что изъ статей 194, 203, 218 и 220 Т. IX (изд. 1857 г.) видно, что подъ помѣщичьими землями законъ разумѣетъ дворянскія земли. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Судебная Палата нашла, что изъ смысла законовъ объ отдачѣ помѣщичьихъ имѣній въ аренду (прил. къ ст. 1691 примѣч. 2) ясно видно, что подъ помѣщичьими имѣніями, которыя на основаніи 3 ст. упомянутыхъ законовъ, могутъ быть отдаваемы въ аренду на срокъ не свыше 36 лѣтъ, разумѣются лишь такія имѣнія, въ которыхъ поселены крестьяне, т.-е. населенныя имѣнія, и потому доводъ повѣреннаго отвѣтчиковъ, заключающійся въ томъ, что всякая земля, принадлежащая дворянину, можетъ быть отдана имъ, на основаніи приведенной выше 3 ст., въ аренду по контракту на срокъ свыше 12 лѣтъ, представляется лишеннымъ законнаго основанія. При недоказанности же со стороны отвѣтчиковъ того обстоятельства, что недвижимое имѣніе Ингистова, часть коего, именно 71 дес., отдана въ аренду на 25 лѣтъ, составляетъ населенное имѣніе, и, въ виду безспорности родового происхожденія этого имѣнія, признаніе Окружнымъ Судомъ договора объ отдачѣ части этого имѣнія въ аренду на 25 лѣтъ недѣйствительнымъ, въ силу ст. 1692 и 1693 Т. X ч. I, представляется вполнѣ правильнымъ. Вслѣдствіе сего Палата опредѣлила: рѣшеніе Одесскаго Окружнаго Суда 1 іюля 1880 г. о признаніи договора 22 декабря 1867 г. недѣйствительнымъ оставить въ силѣ. Въ принесенной кассаціонной жалобѣ повѣренный третьихъ лицъ, Бабаджанъ и Эмина, присяжный повѣренный Тиктинъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ этого рѣшенія, по нарушенію: во-1, 2 п. 711 ст. Уст. Гр. Суд. неприведеніемъ соображеній, по которымъ подъ помѣщичьими имѣніями слѣдуетъ понимать только населенныя имѣнія, и, во-2, ст. 194, 203, 218 и 220 IX Т. (по Св. 1857 г.) и ст. 1 прил. къ ст. 1691 Т. X ч. I (прим. 2) по продолж. 1876 г., изъ совокупнаго соображенія коихъ вытекаетъ, что подъ помѣстьемъ или помѣщичьимъ имѣніемъ слѣдуетъ разумѣть имѣніе, принадлежащее потомственному дворянину, независимо отъ того, имѣетъ ли онъ въ данное время бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ на своей помѣщичьей землѣ, или нѣтъ.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ разрѣшенію вопросъ о примѣненіи прилож. къ 1691 ст. I ч. X Т. по прод. 1876 г. По Своду 1857 г., отдѣлъ о наймѣ и отдачѣ въ содержаніе частныхъ имуществъ начинается 1691 ст., въ которой указываются условія, подлежащія опредѣленію въ договорахъ сего рода. Затѣмъ слѣдуютъ: ст. 1692, по которой запрещается отдавать недвижимыя имѣнія въ наемъ на срокъ свыше 12 л.; статьи 1693 и 1694, устанавливающія болѣе продолжительные арендные сроки для нѣкоторыхъ предусмотрѣнныхъ сими статьями случаевъ, и, наконецъ, ст. 1695, воспрещающая вообще отдачу въ аренду имѣній, населенныхъ состоящими въ помѣщичьемъ владѣніи крестьянами, кромѣ отдѣльныхъ въ нихъ участковъ, хозяйственныхъ заведеній и оброчныхъ статей. Послѣ изданія Полож. 19 февраля 1861 г. объ устройствѣ быта крестьянъ, въ приведенныхъ статьяхъ послѣдовали слѣдующія измѣненія по продолж. 1876 г. Ст. 1691 дополнена примѣчаніемъ 2, съ указаніемъ въ оном правилъ объ отдачѣ помѣщичьихъ имѣній въ аренду, изложенныхъ въ видѣ особаго прилож., на основаніяхъ особаго Высочайше утвержд. 19 февраля 1861 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ и аренду населенныхъ помѣщичьихъ земель, по изданіи Положенія о крест., вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Этими же правилами дополнена 1695 ст. I ч. X Т. Въ означенныхъ правилахъ, коими предоставлено помѣщикамъ отдавать по своему усмотрѣнію лицамъ всѣхъ сословій всѣ земли, угодья, оброчныя статьи, входящія въ составъ ихъ имѣній, кромѣ усадебныхъ и полевыхъ земель и другихъ угодій, отведенныхъ въ постоянное пользованіе крестьянъ, дозволяется заключать условія по сему предмету на срокъ до тридцати шести лѣтъ. Обсужденіе правилъ объ отдачѣ въ аренду земель, въ совокупности и въ связи съ указаніемъ, заключающимся въ Высочайше утвержд. мнѣніи Государственнаго Совѣта 19 февраля 1861 г., при которомъ оныя изданы, приводитъ къ заключенію, что правила эти относятся ко всѣмъ землямъ, принадлежавшимъ къ населеннымъ имѣніямъ, по которымъ послѣдовало надѣленіе крестьянъ землею, и что, за исключеніемъ сихъ надѣловъ, всѣ остальныя принадлежащія владѣльцу по документамъ и межеванію въ тѣхъ дачахъ (въ коихъ числились ревизскія души) и въ принадлежащихъ къ нимъ пустошахъ земли могутъ быть отдаваемы въ аренду на срокъ до 36 лѣтъ, и что земли эти при дальнѣйшемъ переходѣ къ другимъ владѣльцамъ сохраняютъ то же свойство частей населеннаго имѣнія, а слѣдовательно, могутъ быть отдаваемы въ аренду и этими владѣльцами всѣхъ сословій, на основаніи тѣхъ же правилъ. Вмѣстѣ съ симъ нельзя не замѣтить, что въ виду значительнаго числа земель, на арендованіе коихъ могутъ быть заключены контракты на 36 лѣтъ, срокъ сей пріобрѣлъ значеніе столь же общаго срока, какъ прежній, указанный въ 1692 ст. и считавшійся закономъ, въ прежнее время самымъ продолжительнымъ для сдѣлокъ объ арендѣ вообще, но нынѣ обратившійся также въ спеціальное правило для тѣхъ недвижимыхъ частныхъ имуществъ, къ которымъ не относится приложеніе къ предшествующей 1691 ст. При такихъ условіяхъ, при спорѣ противъ срока, означеннаго въ арендномъ договорѣ, въ большей части случаевъ не существуетъ законнаго предположенія о томъ, что срокъ этотъ долженъ былъ ограничиться 12 годами, и правила какъ о 36 лѣтнемъ срокѣ аренды, такъ и о 12 лѣтнемъ срокѣ имѣютъ одинаковое значеніе. Вслѣдствіе сего, въ случаѣ спора противъ дѣйствительности арендnаго договора, заключеннаго на срокъ болѣе продолжительный, нежели 12 лѣтній, истецъ согласно съ правилами состязательнаго процесса, долженъ подтвердить правильность требованія своего не только ссылкою на 1692 ст. Т X. ч. I, но обязанъ доказать, что имѣніе, по которому опровергается имъ арендный договоръ, не принадлежитъ къ числу имуществъ, подходящихъ подъ дѣйствіе правилъ, приложенныхъ къ 1691 ст. Переходя отъ сихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ рѣшеніи Судебной Палаты не заключается положительнаго разъясненія вопроса о

томъ, какія именно земли могутъ быть отдаваемы въ аренду на 36 лѣтній срокъ, и значеніе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1861 г. правилъ по сему предмету разсмотрѣно только въ связи съ возраженіемъ отвѣтчиковъ и третьихъ лицъ о томъ, что всякая земля, принадлежащая дворянину, можетъ поступить въ арендное содержаніе на срокъ свыше 12 лѣтъ. Равнымъ образомъ и въ утвержденномъ Палатою рѣшеніи Окружнаго Суда не только не содержится разъясненія тѣхъ же правилъ въ смыслѣ, указанномъ въ вышеприведенныхъ соображеніяхъ Правительствующаго Сената, но нѣкоторыя изъ употребленныхъ судомъ выраженій, а также доводы, принятые судомъ въ основаніе къ удовлетворенію иска наслѣдниковъ Ингистова, возбуждаютъ предположеніе о томъ, что судъ ограничиваетъ дѣйствіе правилъ, приложенныхъ къ 1691 и 1695 ст. Т. X ч. I, землями, принадлежащими въ моментъ отдачи въ аренду къ населенному имѣнію, т. е. къ землямъ владѣльца, съ которымъ состояли въ обязательныхъ отношеніяхъ крестьяне, получившіе надѣлъ. Такъ, напр., Окружный Судъ нашелъ, что на отвѣтчикахъ, оспаривавшихъ требованіе о признаніи недѣйствительнымъ аренднаго договора, заключеннаго на 25 лѣтъ, лежала обязанность доказать, что земля, сданная въ наемъ въ 1867 году умершимъ Николаемъ Ингистовымъ, принадлежала къ составу населеннаго имѣнія. Съ этимъ послѣднимъ доводомъ согласилась и Палата, признавшая правильнымъ заключеніе суда о недѣйствительности аренднаго договора 1867 года, по недоказанности отвѣтчиками вышеизложеннаго обстоятельства о принадлежности земли къ населенному имѣнію, но очевидно, что таковой выводъ не могъ бы имѣть мѣста, если бы Палата въ отношеніи толкованія правилъ 19 февраля 1861 года руководствовалась настоящимъ смысломъ оныхъ, такъ какъ обязанность доказать, что эти правила не могутъ быть примѣнены къ землямъ, по которымъ возникъ споръ, лежала на наслѣдникахъ Игнистова, какъ истцахъ, а не на отвѣтчикахъ и третьихъ лицахъ, къ отвѣтчикамъ присоединившихся. Въ виду сего, при обсужденіи значенія рѣшенія Палаты, въ связи съ приведенными ею соображеніями, слѣдуетъ притти къ заключенію, что или Палата неправильно разъяснила смыслъ приложенія къ 1691 ст. Т. X ч. I, или допустила въ своемъ рѣшеніи противорѣчащія соображенія, что составляетъ нарушеніе 711 ст. Уст. Гр. Суд. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Одесской Судебной Палаты, по нарушенію 711 ст. Уст. Гр. Суд. и прилож. къ 2 прим. 1691 ст. Т. X ч. I Свод. Зак. по продолж. 1876 года, отмѣнить и дѣло передать въ Харьковскую Судебную Палату.

86.—1882 года мая 12 дня. *По прошенію повѣреннаго опекуновъ надъ имѣніемъ умершаго дворянина Велиши Бея Яшлавскаго, дворянина Смаиля-Мурзы Идрисова и Кази-Бея Яшлавскаго, прис. пов. Гурова, объ отмѣнѣ рѣшенія Харьковской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ: докладывалъ дѣло Сенаторъ Ѳ. И. Проскуряковъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ).

Въ родѣ Мурзъ Яшлавскихъ имѣнія, заключающіяся въ землѣ Симферопольскаго уѣзда, при деревняхъ Ханышкой, Кочкаръ Эли, Черкезъ Эли, Бій Эли и Евпаторійскаго уѣзда при деревняхъ Кабанъ и Яшлавъ Отаръ, въ порядкѣ наслѣдства переходили, въ качествѣ „бейлыка“, къ старшему въ томъ родѣ, въ пожизненное владѣніе. 15 октября 1869 года дворянинъ Кемаль Бей Яшлавскій умеръ, оставивъ о бейлыкѣ завѣщаніе въ пользу старшаго въ родѣ Яшлавскихъ, Велиши Мурзы. Завѣщаніе это, за несоблюденіемъ 1048 статьи I ч. X Т., не было принято Окружнымъ Судомъ къ утвержденію, но Велиша Бей тотчасъ послѣ смерти завѣщателя вступилъ во владѣніе названными имѣніями, а въ декабрѣ 1871 года обратился въ Таврическое магометанское духовное правленіе съ просьбою о порученіи Симферопольскому уѣздному кадію произвести присяжный розыскъ въ подтвержденіе того, что означенныя имѣнія всегда переходили въ пожизненное владѣніе старшему по лѣтамъ въ родѣ Мурзъ Яшлавскихъ и что Велиша-Мурза

*

султанша Бей-Яшлавскій въ настоящее время есть старшій въ томъ родѣ, и затѣмъ, согласно существующимъ законамъ и магометанскому шаріату, выдать ему, Яшлавскому, на владѣніе упомянутыми имѣніями яфту. При розыскѣ спрошенные за присягою 16 человѣкъ, въ томъ числѣ несовершеннолѣтній (21 года безъ 17 дней) сынъ покойнаго Кемаль Бея Яшлавскаго, Мустафа, показали, что по древне существующему закону и магометанскому шаріату Велиша Мурза Яшлавскій, какъ старшій въ родѣ, въ правѣ принять на себя титулъ бея и владѣть пожизненно помянутыми Бейлыкскими имѣніями. На основаніи такового розыска, духовное правленіе 11 іюля 1872 г. выдало дворянину Велишѣ Мурзѣ Яшлавскому выпись (яфту), для владѣнія пожизненно Бейлыкскими имѣніями. 11 января 1874 г. старшій изъ сыновый Кемалъ-Бея Яшлавскаго, дворянинъ Мустафъ-Бей Яшлавскій, предъявилъ въ Симферопольскомъ Окружномъ Судѣ искъ въ Велишѣ Мурзѣ Яшлавскому и въ исковомъ прошеніи объяснилъ, что вышеозначенныя имѣнія перестали быть частнымъ вакуфомъ, вслѣдствіе неявки завѣщательнаго акта, коимъ Акъ-Мурзою Яшлавскимъ въ 1819 году учрежденъ этотъ частный вакуфъ; въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства истецъ представилъ рѣшеніе Правительствующаго Сената 1868 г., состоявшееся по иску Кемалъ-Бея Яшлавскаго къ сыновьямъ Айвазъ-Бея Яшлавскаго: Кази-Бею и Джантелиръ-Бею, за неправильную продажу ими въ 1857 году женѣ капитана Абдураманчиковой вакуфной земли 217 дес. 2052 саж. при д. Біюкъ-Кабанъ, Евпаторійскаго уѣзда; посему, находя, что имѣнія тѣ, находившіяся во владѣніи Кемалъ-Бея Яшлавскаго около 20 лѣтъ на правѣ собственности, должны слѣдовать, въ порядкѣ перехода, общимъ узаконеніямъ о правахъ наслѣдства по закону, Мустафа-Бей Яшлавскій просилъ: 1) изъять изъ незаконнаго владѣнія отвѣтчика 1488 десят., сколько причитается на долю истца, и 2) предоставить истцу искать убытки съ отвѣтчика, за незаконное владѣніе тою землею, въ исполнительномъ порядкѣ. Повѣренный Велиша Мурзы Яшлавскаго, коллежскій ассесоръ Кулаковъ, при словесномъ состязаніи въ Окружномъ Судѣ, не признавая за истцомъ права на искъ, объяснилъ, между прочимъ, что истецъ не доказалъ правъ собственности отца своего, такъ какъ бейлыкъ учрежденъ не Акъ-Мурзою Яшлавскимъ, а гораздо ранѣе—ханскимъ правительствомъ, существуетъ съ 1772 года, въ силу Ханскаго фирмана, и долженъ переходить къ старшему въ родѣ Яшлавскихъ, пока родъ этотъ не перестанетъ существовать; на этомъ правѣ онъ былъ и во владѣніи Кемалъ-Бея, который въ бумагахъ и арендныхъ договорахъ самъ сознавалъ какъ существованіе бейлыка, такъ и то, что онъ владѣетъ бейлыкскими землями не на правѣ собственности, а пожизненно, какъ старшій въ родѣ; это подтвердилъ подъ присягою самъ истецъ при производствѣ кадіемъ дознанія, признавая право отвѣтчика Велиша-Бея на владѣніе этими имѣніями. Кулаковъ утверждалъ, что хотя бейлыкское имѣніе есть имущество не предусмотрѣнное закономъ, но тѣмъ не менѣе онъ защищаетъ владѣніе вѣрителя своего на правѣ пожизненномъ и просилъ въ искѣ отказать. При этомъ Кулаковъ представилъ: а) фирманъ крымскаго хана Девлетъ Гирея на татарскомъ языкѣ, съ переводомъ на русскій, данный въ 1189 г., по магометанскому лѣтосчисленію, Катлушѣ Бею Эмиру Яшлавскому, на управленіе и владѣніе бейлыкомъ; б) копію аренднаго контракта, заключеннаго Кемалъ-Беемъ Яшлавскимъ съ Джанкличемъ 6 го марта 1867 года, в) выпись опредѣленія Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія 11 іюня 1872 г., за № 923, данную отвѣтчику на владѣніе имѣніями, составляющими бейлыкъ; г) выписку изъ докладной записки Евпаторійскаго Уѣзднаго Суда за № 375, завѣщательнаго акта Акъ Мурзы Яшлавскаго 1819 г., засвидѣтельствованнаго въ этомъ судѣ въ 1824 году; д) межевую книгу за № 115, сочиненную 27 сентября 1835 г., на дачу разоренной деревни Яшлавъ Бейлыкъ, Евпаторійскаго уѣзда, состоящую во владѣніи Айвазъ Бея Яшлавскаго, какъ старшаго въ родѣ; е) геометрическій спеціальный планъ, сочиненный 17 августа 1799 года, на отхожую землю Акмечетскаго уѣзда, называемую Бейлыкъ, при деревнѣ Біюкъ Яшлавъ, владѣнія Селимпши Бея и друг. Окружный Судъ, обратившись прежде всего къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли разсматривать это дѣло какъ искъ о возстановленіи нарушеннаго

владѣнія, или какъ споръ о правѣ на владѣніе недвижимымъ имуществомъ, нашелъ, что съ одной стороны, владѣніе Велиши Яшлавскаго до предъявленія настоящаго иска продолжалось съ согласія самого истца, а потому не имѣетъ свойства самовольнаго или насильственнаго, т. е. такого владѣнія, которое въ прежнемъ порядкѣ судопроизводства прекращалось мѣрами полиціи, а нынѣ прекращается судомъ, безъ всякаго разсмотрѣнія правъ собственности или права владѣнія истца на самовольно изъятсе изъ владѣнія его имѣніе (ст. 525 и 532 Т. X ч. I, 21, 22 и послѣдующія Т. X ч. 2, 4 п. 29 и 213 стат. Устава Гражд. Судопр.); съ другой стороны, главнымъ основаніемъ иска Мустафы Яшлавскаго служитъ преемство по наслѣдству права, пріобрѣтеннаго наслѣдодателемъ его на спорное нынѣ имѣніе посредствомъ давностнаго владѣнія таковымъ. Изъ сего слѣдуетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ разрѣшенію суда споръ о правѣ на владѣніе недвижимостью. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію существа доказательствъ истца по настоящему дѣлу Окружный Судъ нашелъ, что въ силу 366 ст. Уст. Гражд. Судопр., для удовлетворенія иска Мустафы Яшлавскаго, ему слѣдовало доказать сначала свое законное право на владѣніе спорнымъ имѣніемъ, а затѣмъ уже опровергать законность права отвѣтчика на спорное имѣніе. Находя, что истецъ отрицаетъ титулъ пожизненнаго владѣльца своего отца спорными имѣніями и, не требуя признанія права собственности своей на эти имѣнія, старается только доказать, что владѣніе оными въ указной долѣ должно перейти къ нему, какъ преемнику правъ наслѣдодателя, Окружный Судъ призналъ: что Кемалъ Бей Яшлавскій никогда не владѣлъ на правѣ собственности, а, напротивъ того, признавалъ за собою только право на пожизненное владѣніе имѣніями, перешедшими къ нему послѣ Айвазъ Бея Яшлавскаго, помимо сыновей его, какъ старшему въ родѣ; а обсуждая возникающій изъ сего вопросъ, можетъ ли посредствомъ давностнаго владѣнія недвижимостью не не правѣ собственности установляться право отдѣльнаго и потомственнаго владѣнія таковою, судъ, руководствуясь 514 ст. Т. X ч. I, пришелъ къ заключенію, что хотя по наслѣдству и переходитъ къ наслѣдникамъ право владѣнія ихъ наслѣдодателя, но, очевидно, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда владѣніе наслѣдодателя не было пожизненнымъ, а при срочномъ владѣніи—когда срокъ сему владѣнію еще не истекъ въ моментъ смерти наслѣдодателя. и что давностью владѣнія, въ силу 530 и 560 ст., пріобрѣтается право собственности въ цѣломъ составѣ онаго, когда оно происходило въ видѣ собственности и на правѣ собственности, а не исключительное отдѣльное право владѣнія; а слѣдовательно, спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе недвижимостью, происходившее не въ видѣ собственности и не на правѣ собственности, сколько бы земскихъ давностей оно ни продолжалось, не превращается въ самостоятельное право потомственнаго владѣнія недвижимымъ имѣніемъ. Посему и такъ какъ истецъ основываетъ свое требованіе на преемствѣ, по наслѣдству послѣ отца своего, права владѣнія сего послѣдняго спорнымъ имуществомъ, тогда какъ по наслѣдству переходятъ лишь принадлежавшія наслѣдодателю имущественныя права, Окружный Судъ призналъ, что истецъ не доказалъ своего права на настоящій искъ. Что касается засимъ недоказанности владѣнія отвѣтчика, то, по мнѣнію суда, хотя владѣніе Велиши Яшлавскаго дѣйствительно не оправдывается представленными съ его стороны документами, но, во 1-хъ) по 366 ст., при бездоказательности права истца на настоящій искъ отвѣтчикъ не обязанъ былъ оправдывать передъ нимъ свое владѣніе спорнымъ имѣніемъ, и во-2-хъ) собственно изъ незаконности владѣнія отвѣтчика не возникаетъ для истца никакого самостоятельнаго или наслѣдственнаго права на то имущество, каковой выводъ подтверждается 531 ст. и 691 ст. Т. X ч. I, по разуму коихъ неправильное владѣніе можетъ быть прекращено въ пользу лица, имѣющаго законное право на отыскиваемое имъ имущество. Отвергая затѣмъ требованія истца о предоставленіи ему права отыскивать убытки и не входя въ обсужденіе того, доказаны ли истцомъ точное пространство земли и размѣръ наслѣдственной доли истца. Окружный Судъ опредѣлилъ: въ искѣ Мустафы Яшлавскаго отказать. Въ апелляціонной жалобѣ повѣренный Мустафы Яшлавскаго, Фурсенко, возражалъ: 1) что завладѣніе Велиши-Мурзы

Яшлавскаго должно быть признано самовольнымъ, за непредставленіемъ съ его стороны доказательствъ, что оно послѣдовало съ согласія истца, такъ какъ обстоятельство это не доказывается выписью магометанскаго духовнаго правленія 1872 года, ибо завладѣніе и розыскъ произошли при несовершеннолѣтіи истца, показанія его записаны невѣрно и не сказано, чтобы онъ изъявилъ согласіе на завладѣніе въ 1869 году; наконецъ, выпись эта представляетъ собою опредѣленіе по такому ходатайству, которое, на основаніи 1196—1215 ст. Т. XI ч. I, выходитъ изъ предѣловъ власти того правленія, потому что опредѣленіемъ симъ Велиша-Мурза Яшлавскій возводится въ званіе бея (князя), съ правомъ пожизненнаго пользованія землями, а такъ какъ имъ доказана самовольность владѣнія отвѣтчика, то послѣдній, а не онъ, обязанъ доказать право владѣнія землями; 2) Велиша Мурза Яшлавскій этого не исполнилъ, ибо онъ самъ считаетъ это имѣніе не заповѣднымъ, и не доказалъ, чтобы спорныя земли составляли неупоминаемый въ законѣ „бейлыкъ“, по недѣйствительности же завѣщательнаго акта Акъ-Мурзы, коимъ учреждался частный вакуфъ, особый порядокъ наслѣдованія уничтожается,—посему искъ подлежитъ удовлетворенію; 3) указывая засимъ на то, что Окружный Судъ не имѣлъ основанія возбуждать вопросъ о свойствѣ владѣнія Кемалъ Бея Яшлавскаго, Фурсенко тѣмъ не менѣе входитъ, однако, въ разсмотрѣніе этого вопроса и находитъ, что оно должно быть опредѣлено не по представленію о семъ правѣ владѣльца, а по признакамъ, установленнымъ закономъ 513, 514 и 536 ст. I части X Тома, согласно коимъ для признанія особаго отдѣльнаго права владѣнія требуется существованіе акта, а также и собственника, отъ котораго оно отдѣляется; что, по разуму 1203 стат. I ч. XI Тома, соотвѣтствующей 514 ст. I части X Тома, пока завѣщательные акты, коими учреждаются частные вакуфы, дѣйствительны, право собственности принадлежитъ казнѣ, а право владѣнія и пользованія принадлежитъ роду, съ правомъ наслѣдованія въ опредѣленномъ тѣми актами порядкѣ, а по совершенномъ прекращеніи рода, казна осуществляетъ свое право собственности; если же актъ признанъ недѣйствительнымъ, по несоблюденію установленныхъ правилъ о частныхъ вакуфахъ (13 п. прилож. 1203 ст. Т. XI ч. I), то разрушается особый порядокъ наслѣдованія, казна утрачиваетъ свои отношенія къ частному вакуфу и имѣетъ лишь право на взысканіе убытковъ съ виновныхъ, послѣдній же владѣлецъ становится владѣльцемъ неограниченнымъ. Такъ какъ при вступленіи Кемалъ-Бея Яшлавскаго въ пятидесятыхъ годахъ во владѣніе спорными землями завѣщательный актъ Акъ-Мурзы Яшлавскаго былъ уже недѣйствительнымъ, по несоблюденію преподанныхъ въ законѣ правилъ о вакуфахъ, то означенное владѣніе, хотя и незаконное, но совершенно независимое и неограниченное въ пространствѣ и продолжительности, было не отдѣльнымъ отъ права собственности правомъ владѣнія, но самымъ правомъ собственности, и потому должно перейти къ законнымъ наслѣдникамъ Кемалъ Бея Яшлавскаго, а, слѣдовательно, и къ истцу, въ размѣрѣ предъявленнаго имъ требованія. При словесномъ состязаніи въ Судебной Палатѣ повѣренный Мустафы Яшлавскаго заявилъ, что предъявленный къ Велишѣ-Мурзѣ Яшлавскому Мустафою Яшлавскимъ въ качествѣ наслѣдника Кемалъ Бея Яшлавскаго, искъ имѣетъ предметомъ возстановленіе принадлежавшаго послѣднему фактическаго владѣнія, нарушеннаго отвѣтчикомъ, и подлежитъ удовлетворенію въ силу 1104 ст. ч. I Т. X, по которой всѣ права наслѣдодателя, а въ томъ числѣ его права фактическаго владѣнія, переходятъ къ наслѣднику. Отвѣтчикъ Велиша Мурза Яшлавскій чрезъ повѣренныхъ своихъ въ объясненіи на апелляціонную жалобу и въ засѣданіяхъ Палаты, отвергая искъ, утверждалъ, что искъ заключается не въ возстановленіи нарушеннаго владѣнія Кемалъ-Бея Яшлавскаго, а въ признаніи за истцомъ, его сыномъ Мустафою Яшлавскимъ, права владѣнія, и затѣмъ, не отрицая, что умершій Кемалъ-Бей Яшлавскій владѣлъ 17 лѣтъ спорнымъ имѣніемъ и что оно, за отсутствіемъ въ законѣ особаго вида владѣнія подъ названіемъ „бейлыкъ“, не можетъ быть разсматриваемо какъ бейлыкъ, находилъ, однако, что оно равнымъ образомъ не составляетъ завѣщательнаго вакуфа, такъ какъ таковаго не было учреждено завѣщаніемъ Акъ-Мурзы Яшлавскаго, въ которомъ

онъ только восполнялъ часть проданныхъ имъ бейлыкскихъ земель своими имѣніями; что „бейлыкъ“ есть установленный въ Крыму фирманами татарскихъ хановъ особаго вида незасвидѣтельствованный частный вакуфъ, нераздѣльный и неотчуждаемый, заключающійся въ томъ, что земля принадлежитъ государству и находится въ пользованіи эмировъ, переходя къ вновь назначаемымъ всегда въ пожизненное владѣніе, по особымъ фирманамъ; такимъ образомъ, и въ родѣ Яшлавскихъ бейлыкъ оставался только по милости хана, фирманами котораго назначались эмиры постоянно изъ рода Яшлавскихъ, по прекращеніи же рода сего, долженъ обратиться въ казну; что такого вида частный вакуфъ не отрицается правительствомъ и сохраняется во всей цѣлости до настоящаго времени, судя по содержанію Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1804 г. дополненія къ начертанію правилъ комиссіи, учрежденной въ Крыму для разбора споровъ по землямъ, коимъ запрещалось доискиваться казенной собственности у кого бы то ни было, а въ случаѣ открытія таковыхъ самихъ собою въ дѣлѣ, предписывалось ограничиться сообщеніемъ межевой конторѣ. Бейлыкъ могъ переходить отъ одного старшаго въ родѣ Яшлавскихъ къ другому и безъ завѣщательнаго акта, такъ какъ законъ не отрицаетъ возможности частнаго вакуфа и безъ завѣщательнаго акта; важно, что самъ Кемалъ Бей сознавалъ всегда, что онъ пользуется по праву старшаго въ родѣ, и что такое право Велиши-Мурзы подтверждено и произведеннымъ, по распоряженію Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія въ 1872 году, присяжнымъ дознаніемъ и признано не только покойнымъ Кемалъ Беемъ Яшлавскимъ въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ и духовномъ завѣщаніи, но при помянутомъ дознаніи, подъ присягою, даже его двадцатилѣтнимъ сыномъ Мустафою Яшлавскимъ. Бейлыкъ наслѣдовался по магометанскому обычаю старшимъ въ родѣ и этотъ порядокъ, существовавшій до мнѣнія Государственнаго Совѣта 22-го марта 1829 г., долженъ быть соблюдаемъ и нынѣ, на основаніи 12 п. прил. къ 1203 ст. Тома XI части I; утвержденный по генеральному межеванію внесеніемъ въ межевые книгу 1835 г. и планъ 1799 г. бейлыкскій частный вакуфъ рода Яшлавскихъ долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ, за силою 563 ст. ч. I Т. X, 12 п. прилож. къ 1203 стат. Т. XI ч. I, правилъ о вакуфныхъ земляхъ въ Таврической губерніи, основанныхъ на вышеприведенномъ Высочайшемъ повелѣніи 22 марта 1829 г., и равно 130 ст. Уст. Гражд. Суд. Одесская Судебная Палата нашла, что истецъ, требуя отъ отвѣтчика доказательствъ его права на владѣніе спорнымъ имѣніемъ, домогается лишь возстановленія нарушеннаго отвѣтчикомъ дѣйствительнаго наличнаго владѣнія умершаго Кемалъ Бея Яшлавскаго. Въ смыслѣ иска о возстановленіи фактическаго владѣнія Кемалъ-Бея, нарушеннаго отвѣтчикомъ, искъ Мустафы Яшлавскаго лишенъ всякаго основанія, потому что требованіе о возстановленіи нарушеннаго владѣнія возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда проситель самъ владѣлъ имѣніемъ и владѣніе это нарушено дѣяніями другого лица. Затѣмъ обратившись къ обсужденію вопроса о томъ, кому въ дѣйствительности принадлежитъ право владѣть спорнымъ имѣніемъ, Судебная Палата нашла, что, на основаніи 531 ст. I ч. X Т., дѣйствительное наличное владѣніе отвѣтчика подлежитъ охраненію, такъ какъ истецъ не доказалъ, что имѣніемъ долженъ владѣть онъ, по принадлежащему ему на оное праву собственности, или вообще какому либо преимущественному праву. По симъ соображеніямъ Палата рѣшеніе Окружнаго Суда объ отказѣ въ искѣ оставила въ силѣ. По кассаціонной жалобѣ повѣреннаго Мустафы-Бея Яшлавскаго настоящее дѣло восходило на разсмотрѣніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената (Сб. рѣш. 1878 г. № 174), который по содержанію этой жалобы подвергъ своему обсужденію прежде всего вопросъ о томъ, правильно ли Палата, считающая настоящій искъ Мустафы Яшлавскаго искомъ о возстановленіи дѣйствительнаго наличнаго владѣнія умершаго его отца Кемалъ-бея Яшлавскаго, признала оный лишеннымъ всякаго основанія потому, что требованіе о возстановленіи нарушеннаго владѣнія возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда проситель самъ владѣлъ имѣніемъ и владѣніе это нарушено дѣяніями другого лица. Не отвергая правильности означеннаго начала въ примѣненіи его къ

тѣмъ случаямъ, когда истецъ не представляетъ собою преемника правъ лица, владѣвшаго имѣніемъ, Правительствующій Сенатъ нашелъ, однако жъ, что начало это не можетъ быть примѣнено въ тѣхъ случаяхъ, когда о возстановленіи владѣнія проситъ такое лицо, на которое въ отношеніи подвергшагося завладѣнію имѣнія перешли всѣ права бывшаго владѣльца онаго, какъ, наприм., наслѣдника умершаго владѣльца. По силѣ 1104 ст. Т. X ч. I, наслѣдство по закону есть совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго безъ завѣщанія; посему не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что къ составу наслѣдства принадлежитъ и право судебной защиты отъ посторонняго завладѣнія, причемъ совершенно безразлично, послѣдовало ли завладѣніе еще при жизни наслѣдодателя, или же по смерти его, до принятія наслѣдникомъ наслѣдственнаго имѣнія, ибо на основаніи 1254 ст. X Т. ч. I, право на открывшееся наслѣдство, а, слѣдовательно, и право на подвергшееся завладѣнію имѣніе и на судебную защиту отъ этого завладѣнія, принадлежитъ наслѣднику съ самой кончины владѣльца. Правильность этого взгляда подтверждается вполнѣ и 531 ст. Т. X ч. I, по которой „всякое, даже и незаконное, владѣніе охраняется правительствомъ отъ насилія и самоуправства дотолѣ, пока имущество не будетъ присуждено другому и сдѣланы надлежащія, по закону, о передачѣ онаго распоряженія“, такъ какъ невозможно предположить, чтобы имущество охранялось отъ насилія и самоуправства только пока владѣлецъ онаго будетъ живъ, а чтобы по смерти его оно представлялось произволу всякого посторонняго лица. Изъ сего слѣдуетъ, что наслѣдникъ умершаго владѣльца, несмотря на то, что онъ самъ не владѣлъ еще наслѣдственнымъ имѣніемъ, имѣетъ безспорное право на предъявленіе иска о возстановленіи владѣнія этимъ имѣніемъ, какъ нарушеннаго при жизни наслѣдодателя, такъ и нарушеннаго по смерти сего послѣдняго, до принятія имъ, наслѣдникомъ, наслѣдства. Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что искъ Мустафы-Бея Яшлавскаго предъявленъ имъ къ Велишѣ Мурзѣ Яшлавскому, въ качествѣ прямого наслѣдника отца своего Кемалъ Бея въ части оставшагося послѣ него и завладѣннаго отвѣтчикомъ имѣнія, между тѣмъ, Палата высказанному ею выше сего началу о возможности требованія возстановленія нарушеннаго владѣнія лишь самими владѣвшими имѣніемъ подчинила истца, не установивъ вмѣстѣ съ тѣмъ при обсужденіи права его на этотъ именно искъ, чтобы онъ не могъ считаться наслѣдникомъ правъ отца своего по спорному имѣнію; вопроса этого Палата прямо не коснулась даже и впослѣдствіи, при обсужденіи ею самаго права Мустафы Яшлавскаго на владѣніе спорною землею по существу; поэтому нельзя не признать, что безусловное примѣненіе означеннаго начала къ Мустафѣ Яшлавскому, при такихъ обстоятельствахъ, составляетъ очевидное нарушеніе вышеприведенныхъ 1104, 1254 и 531 ст. Т. X ч. I. По симъ основаніямъ и не касаясь ни вопроса о томъ, слѣдуетъ ли на настоящій искъ Мустафы-Бея Яшлавскаго смотрѣть какъ на требованіе о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, или же какъ на искъ о правѣ владѣнія спорнымъ имѣніемъ, ни вопроса о томъ, можетъ ли вообще искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія быть предъявленъ однимъ наслѣдникомъ къ другому наслѣднику, вступившему уже въ этомъ качествѣ во владѣніе спорнымъ имѣніемъ, Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Одесской Судебной Палаты, по нарушенію 1104, 1254 и 531 ст. ч. I Т. X, отмѣнилъ и дѣло передалъ на разсмотрѣніе Харьковской Судебной Палаты. Въ этой Палатѣ вступили въ дѣло, за смертію отвѣтчика Велиши Мурзы Яшлавскаго, опекуны надъ имѣніями его, дворяне Кази Бей Яшлавскій и Смаилъ Мурза Идрисовъ, въ лицѣ повѣреннаго своего, присяжнаго повѣреннаго Гурова. При производствѣ дѣла въ Харьковской Судебной Палатѣ представлены къ дѣлу: а) со стороны истца: выданная изъ Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія выпись изъ магометанск. закона, книги, называемой „фараизъ“, въ которой о раздѣлѣ имѣній сказано: „если послѣ смерти магометанина останутся наслѣдники сынъ и дочь, то по шаріату оставшееся послѣ смерти отца имѣніе раздѣляется слѣдующимъ образомъ: сыну двѣ части, а дочери одна часть; 2) выданная изъ Таврическаго губернскаго правленія выпись изъ алфавита генеральнаго межеванія Симферополь-

скаго уѣзда, въ коей значится: дер. „Ханишъ“ помѣщика Сельваша Бея-Мурзы съ прочими, 28 душъ мужскаго пола, въ коей земли удобной 3051 десятина 928 саженъ, неудобной 57 десятинъ 2100 саженъ, всего 3109 десятинъ 628 саженъ; межи оной утверждены 1799 г. августа 11 землемѣромъ Буткевичемъ, и 3) удостовѣреніе Таврической губернской чертежной въ томъ, что въ дачѣ Симферопольскаго уѣзда дер. „Ханышѣ“, поселенной на отхожей землѣ, при дер. „Біюкъ Яшлавъ“, называемой „Бейлыхъ“, какъ значится по планамъ генеральнаго межеванія, состоитъ земли 3109 десят. 628 саж. и въ дачѣ Евпаторійскаго уѣзда дер. „Яшлавъ-Бейлыкъ“ 2514 десят. 1425 саженъ, и б) со стороны отвѣтчика: 1) удостовѣреніе Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія въ томъ, что какъ при ханскомъ владычествѣ существовали, такъ и по сіе время существуютъ въ Крыму недвижимыя имѣнія, учрежденныя бейлыками, по магометанскому закону (шаріату), называемыми Эбнай Вакуфъ Біюкъ тень Біюкъ, то есть принадлежащія къ такому разряду имѣній, которыя, въ силу того же шаріата, переходятъ въ пользованіе только старшему въ родѣ мужскаго пола, безъ участія меньшихъ сыновей и братьевъ и безъ участія женскаго пола вообще, и что имѣнія эти называются бейлыками, потому что учреждены ханомъ, или беемъ, то-есть послѣднее беемъ, значитъ княземъ, въ княжескій же или дворянскій родъ; 2) удостовѣреніе управленія государственныхъ имуществъ Таврической губерніи отъ 21 іюня 1875 года въ томъ, что по переданнымъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 5 іюля 1874 года, изъ Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія описямъ, составленнымъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 22 апрѣля 1829 года, о частныхъ вакуфахъ, записаны въ числѣ таковыхъ вакуфовъ слѣдующіе: а) Евпаторійскаго уѣзда при деревнѣ „Кобанъ“ названіемъ „Яшлавъ Отаръ“, пахатной и сѣнокосной земли 2514 десят. Этотъ же вакуфъ значится и по вѣдомости, присланной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 20 мая 1875 года, за № 1817, составленной особою комиссіею, назначенною г. генералъ губернаторомъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; по этой послѣдней вѣдомости вакуфъ записанъ подъ № 9 такъ: „Кучукъ Кобанъ“ и „Отаръ-Яшлавъ“, владѣнія старшаго въ родѣ; владѣетъ нынѣ Велиша Бей Яшлавскій, и б) Симферопольскаго уѣзда, при деревнѣ „Біюкъ-Яшлавъ“ и смежныхъ съ оною деревняхъ, пахатной и сѣнокосной земли 3109 десятинъ; а въ вѣдомости министерства внутреннихъ дѣлъ вакуфъ этотъ значился подъ № 3 такъ: „Ханышъ Кой“, бейлыкъ, принадлежащій къ „Біюкъ Яшлаву“ 3109 десятинъ 628 саженъ. По плану межеванія 1799 года 17 августа обмежеванъ во владѣніе старшаго въ родѣ, на правахъ частнаго вакуфа, и 3) удостовѣреніе того же управленія отъ 25 августа 1879 года, въ томъ, что въ Крыму существовало учрежденіе „бійлика“, какъ это доказывается: во 1 хъ) присланною въ управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ вѣдомостью, составленною предсѣдателемъ бывшей въ Крыму комиссіи о частныхъ вакуфахъ, гдѣ подъ № 3 показанъ слѣдующій вакуфъ: при деревнѣ „Ханышъ-Кой“, бійликъ; 3109 десятинъ 628 саженъ, по плану межеванія 1799 года 17 августа, обмежеванъ во владѣніе старшаго въ родѣ Яшлавскихъ, и во 2 хъ) принятіемъ въ казну, за уходомъ за границу Мурзы Мансурскаго, 1800 десятинъ земли при деревнѣ „Аджи-Баканъ“, составлявшихъ бійликъ рода Мансурскихъ; другихъ частныхъ вакуфовъ подъ названіемъ „бійликъ“ въ настоящее время не существуетъ и изъ дѣлъ, переданныхъ магометанскимъ духовнымъ правленіемъ, о существованіи бійлика Яшлавскихъ болѣе ничего не видно. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и выслушавъ объясненія повѣреннаго тяжущихся сторонъ, Харьковская Судебная Палата нашла, что истецъ Мустафа Бей Яшлавскій ходатайствуетъ объ изъятіи изъ владѣнія Велиши Мурзы Яшлавскаго слѣдующей ему части отцовскаго имѣнія и о взысканіи понесенныхъ имъ отъ невладѣнія убытковъ, такъ какъ имѣніемъ тѣмъ отвѣтчикъ завладѣлъ неправильно; сей же послѣдній, называя это имѣніе „бейлыкомъ“, утверждаетъ, что такого рода имѣнія по ханскимъ грамотамъ давались въ родъ извѣстныхъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы оныя переходили въ мужскомъ колѣнѣ къ старшему въ родѣ, и что на этомъ основаніи спорное нынѣ имѣніе, какъ бейлыкъ, принадлежитъ въ собственность казнѣ и перешло къ

нему, Велишѣ Яшлавскому, въ пожизненное владѣніе, какъ старшему въ родѣ, отъ Кемалъ Бей Яшлавскаго. Истецъ, Мустафа-Бей Яшлавскій, представленными документами, а именно: описью имѣнія покойнаго отца своего, Кемалъ Бея Яшлавскаго, и метрическими свидѣтельствами, доказываетъ какъ владѣніе сказаннымъ имѣніемъ покойнымъ его родителемъ, такъ и то, что онъ есть законный сынъ его, а, слѣдовательно, наслѣдникъ спадающей ему части отцовскаго имѣнія, о возстановленіи владѣнія которымъ онъ въ настоящее время ходатайствуетъ, такъ какъ имѣніе это находится во владѣніи отвѣтчика, Велиши Мурзы Яшлавскаго, чего послѣдній и не отрицаетъ. Принимая во вниманіе, что, по точному разуму 531 ст. Т. X ч. I, разъясненной Кассаціоннымъ Сенатомъ по настоящему дѣлу, всякое, даже незаконное, владѣніе защищается правительствомъ отъ насилія и самоуправства дотолѣ, пока имущество не будетъ присуждено другому, Судебная Палата не можетъ не признать за истцомъ права на искъ о возстановленіи нарушеннаго отвѣтчикомъ владѣнія имѣніемъ, коимъ владѣлъ покойный отецъ его и владѣніе коимъ принадлежитъ наслѣдникамъ на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ владѣлъ тѣмъ имѣніемъ наслѣдодатель, ибо законъ, говоритъ Кассаціонный Сенатъ въ рѣшеніи по сему дѣлу, изображенный въ 531 ст. Т. X ч. 1, защищаетъ всякое, даже незаконное, владѣніе отъ самоуправства и насилія; допустить противное, т.-е. воспретить наслѣднику право иска о возстановленіи владѣнія имѣніемъ наслѣдодателя, значило бы лишить наслѣдника судебной защиты по завладѣнію и допустить, что законъ охраняетъ имущество только пока владѣлецъ онаго живъ, а по смерти его оно предоставляется произволу всякаго посторонняго лица. Переходя засимъ къ самому требованію истца объ изъятіи изъ владѣнія отвѣтчика части слѣдующаго на его долю отцовскаго имѣнія, владѣемаго нынѣ отвѣтчикомъ, и имѣя въ виду, что представленные документы съ одной стороны вполнѣ подтверждаютъ владѣніе отцомъ его, Кемалъ-Беемъ Яшлавскимъ, сказаннымъ имѣніемъ, а съ другой—доказываютъ, согласно 122 ст. X Т. ч. I, наслѣдственныя права его, какъ законнаго сына, Судебная Палата остановилась на документахъ, коими отвѣтчикъ опровергаетъ искъ Мустафы Яшлавскаго и доказываетъ право свое на владѣніе спорнымъ имѣніемъ. Всѣ эти документы, а именно: фирманъ крымскаго хана Девлетъ Гирея; копія опредѣленія магометанскаго духовнаго управленія объ отдачѣ ему, отвѣтчику, спорнаго имѣнія, какъ старшему въ родѣ Яшлавскихъ, согласно существующимъ на сей предметъ законамъ шаріата о бейлыкскихъ имѣніяхъ, равно какъ и представленныя въ Палату удостовѣренія управленія государственныхъ имуществъ Таврической губерніи и магометанскаго духовнаго правленія, не могутъ, по мнѣнію Палаты, имѣть того значенія, какое имъ придаетъ отвѣтчикъ, и давать ему право на владѣніе сказаннымъ имѣніемъ, по слѣдующимъ основаніямъ: если фирманъ Девлетъ Гирея 1772 года и данъ былъ роду Яшлавскихъ на владѣніе старшимъ въ ихъ родѣ спорнымъ нынѣ имѣніемъ, названнымъ бейлыкомъ, и если въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 24 января 1829 года сказано, чтобы при размежеваніи земель въ Таврическоя губерніи главнымъ основаніемъ при разрѣшеніи споровъ принимать наличность доказаннаго владѣнія, бывшаго до 1783 года, или то, въ какомъ спорные участки находились и въ которомъ русское правительство ихъ застало, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы означенный фирманъ имѣлъ силу закона и въ настоящее время, такъ какъ въ существующихъ нынѣ узаконеніяхъ для Таврической губерніи, относительно нѣкоторыхъ правъ для магометанъ, о бейлыкскихъ имѣніяхъ не говорится ни слова, а всѣ имѣнія, принадлежащія роду и переходящія старшему изъ онаго, называются частными „вакуфами“ и переходятъ не иначе, какъ въ установленномъ въ 1203 ст. Тома XI ч. I порядкѣ, совершеніемъ завѣщанія и запискою о переходѣ того имѣнія въ магометанскомъ духовномъ правленіи; правила, изложенныя въ Высочайше утвержденномъ 24 го января 1829 года мнѣніи Государственнаго Совѣта, относятся до споровъ о земельныхъ участкахъ, при межеваніи возникающихъ, нисколько не касаясь сущности этихъ правъ и порядка наслѣдованія владѣемыми имѣніями; три же удостовѣренія управленія государственныхъ имуществъ и магометан-

скаго духовнаго правленія доказываютъ лишь, что спорное имѣніе Яшлавскихъ, извѣстное подъ именемъ бейлыкъ, по описямъ, составленнымъ согласно Высочайшему повелѣнію 22 апрѣля 1829 года, значится въ числѣ частныхъ вакуфовъ. А какъ частные вакуфы, по 1203 ст. Т. XI ч. I прилож. п.п. 12 и 14, переходятъ не иначе, какъ по завѣщанію, установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствованному, и по явкѣ онаго въ теченіе 6 ти мѣсяцевъ въ магометанскомъ духовномъ правленіи, актъ же 1819 года, по коему долженъ былъ совершиться переходъ вакуфнаго имѣнія Яшлавскихъ къ старшему въ родѣ, отъ Акъ Мурзы къ Кемалъ Бею Яшлавскому, не былъ явленъ гдѣ слѣдуетъ, и переходъ имѣнія не записанъ въ магометанскомъ духовномъ правленіи, и Правительствующій Сенатъ въ указѣ 21 марта 1868 года не призналъ имѣнія, владѣемаго Кемалъ Беемъ Яшлавскимъ, частнымъ вакуфомъ, слѣдовательно, и Кемалъ Бей Яшлавскій не имѣлъ права считать это имѣніе частнымъ вакуфомъ и передавать его старшему въ родѣ по духовному завѣщанію, которое, впрочемъ, по несоблюденіи формальности, осталось безъ засвидѣтельствованія. Отсюда ясно видно, что Велиша Мурза Яшлавскій владѣетъ нынѣ спорнымъ имѣніемъ неправильно, безъ всякихъ на оное документовъ. Хотя отвѣтчикъ въ подтвержденіе своего права на владѣніе сказаннымъ имѣніемъ и ссылается на опредѣленіе магометанскаго духовнаго правленія 11 іюля 1872 года, коимъ имѣніе это названо „бейликомъ“ и на пожизненное владѣніе которымъ признано право его, Велиши Яшлавскаго, какъ старшаго въ родѣ Яшлавскихъ, но опредѣленіе это, несмотря на подпись онаго самимъ истцомъ, Мустафою Беемъ Яшлавскимъ, неимѣвшимъ тогда совершеннаго возраста и подтвердившимъ лишь то, что Велиша Яшлавскій есть старшій въ родѣ, не можетъ имѣть никакого значенія, въ виду приведеннаго выше указанія на то, что въ законахъ нашихъ ни слова не упоминается о „бейликахъ“, а говорится лишь о частныхъ „вакуфахъ“, къ числу коихъ, какъ это видно изъ дѣла, относили это имѣніе и сами владѣльцы, Акъ Мурза и Кемалъ-Бей Яшлавскіе, желавшіе передать это имѣніе по правиламъ, указаннымъ въ упоминаемой выше 1203 ст. Т. XI ч. I, прил., п. 14, но по несоблюденію этихъ правилъ совершонные ими акты остались безъ утвержденія, а, слѣдовательно, владѣніе Велиши Яшлавскаго послѣ Кемалъ Бея Яшлавскаго является незаконнымъ и должно быть признано подлежащимъ въ законной части отдачѣ прямому, по закону, наслѣднику Кемалъ-Бея Яшлавскаго, настоящему истцу, Мустафѣ Яшлавскому, съ предоставленіемъ ему права, согласно точному смыслу 626 ст. X Т. ч. I, отыскивать убытки, такъ какъ цыфру оныхъ онъ нынѣ не доказалъ въ порядкѣ исполнительнаго производства, по 986 ст. Устава Гражд. Суд., со дня врученія отвѣтчику повѣстки о предъявленіи къ нему настоящаго иска, т. е. съ 15 апрѣля 1874 года. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, признавая всѣ приведенные отвѣтчикомъ доводы, при наличности данныхъ, представленныхъ истцомъ, неизмѣняющими обстоятельствъ дѣла и переходя къ опредѣленію слѣдующей истцу части изъ отцовскаго имѣнія, Судебная Палата усмотрѣла, что означенное имѣніе, находящееся нынѣ во владѣніи Велиши Яшлавскаго, заключается въ 3109 д. 628 квадр. саж. земли, при дер. „Ханышкой“, Симферопольскаго уѣзда, да при деревнѣ Отаръ-Яшлавъ“, (Кучукъ-Кабанъ) Евпаторійскаго уѣзда— 2514 десятинъ 2053 квадр. сажени, а всего 5623 десятины 2053 кв. сажени; наслѣдниками же къ этому имѣнію по представленнымъ документамъ состоять три сына, жена и дочь. А какъ жены магометанъ, сколько бы ихъ ни было, при дѣтяхъ, получаютъ $^1/_8$ часть имѣнія умершаго мужа, согласно 1161 стат. Т. X ч. I, то остальные $^7/_8$ имѣнія умершаго Кемалъ Бея Яшлавскаго, въ силу ст. 109 Т. IX, ст. 1161, 1338 и 1340 Т. X ч. I и ст. 1471, 1472 Т. X ч. II и истребованной выписки изъ книги магометанскихъ законовъ, подъ названіемъ „Фараизъ“, по коимъ дочь получаетъ вдвое менѣе брата, подлежали бы раздѣлу слѣдующимъ образомъ: дочери выдѣлена $^1/_8$ ч., а $^6/_8$ раздѣлены между братьми поровну, т. е. каждому по $^1/_4$, но какъ истцомъ по настоящему дѣлу является только одинъ сынъ Кемалъ-Бея Яшлавскаго, Мустафа Бей Яшлавскій, то ему должна быть присуждена $^1/_4$ часть всей упомянутой выше земли, т. е. 1406 десят., кои и подлежатъ

изъятію изъ владѣнія Велиши Яшлавскаго. По всѣмъ симъ соображеніямъ и приведеннымъ законамъ, а равно и 366 и 870 ст. Уст. Гр. Суд., Судебная Палата, признавая рѣшеніе Окружнаго Суда неправильнымъ и съ указанными узаконеніями несогласнымъ, опредѣлила: 1) изъять изъ владѣнія Велиши Мурзы Яшлавскаго 1406 дес. спорной земли, въ уѣздахъ Евпаторійскомъ и Симферопольскомъ при деревняхъ „Кучукъ Кабанъ“ (Отаръ Яшлавъ) и „Ханышъ Кой“, и передать оную во владѣніе Мустафы Бея Яшлавскаго; 2) предоставить Мустафѣ-Бею Яшлавскому право искать съ Велиши Мурзы Яшлавскаго доходы съ означеннаго количества земли, въ порядкѣ исполнительнаго производства, съ 15 апрѣля 1874 г. по день передачи истцу присужденной земли; 3) судебныя издержки по всему производству возложить въ $^{18}/_{20}$ на отвѣтчика и въ $^{2}/_{20}$ на истца, и 4) рѣшеніе Симферопольскаго Окружнаго Суда отмѣнить. Повѣренный опекуновъ надъ имѣніями Велиши Мурзы Яшлавскаго, присяжный повѣренный Гуровъ, проситъ Правительствующій Сенатъ объ отмѣнѣ изложеннаго рѣшенія Харьковской Судебной Палаты.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго истца, присяжнаго повѣреннаго Бѣлецкаго, и заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ останавливается прежде всего на указаніи повѣреннаго отвѣтчика, присяжнаго повѣреннаго Гурова, на нарушеніе Судебною Палатою 339 ст. Уст. Гр. Суд. оставленіемъ безъ разсмотрѣнія возраженій его какъ о неправильномъ именованіи истцомъ своего иска искомъ о возстановленіи принадлежавшаго наслѣдодателю его, Кемалъ Бею Яшлавскому, фактическаго владѣнія спорнымъ имѣніемъ, нарушеннаго отвѣтчикомъ, такъ и о характерѣ владѣнія Кемалъ Бея и послѣдствіяхъ онаго. Изъ подлиннаго производства усматривается, что дѣйствительно въ объясненіи противъ апелляціонной жалобы истца и при словесныхъ состязаніяхъ въ Судебной Палатѣ отвѣтчикъ оспаривалъ сдѣланную истцомъ въ апелляціонной жалобѣ квалификацію иска, утверждая, что искъ Мустафы-Бея Яшлавскаго заключается не въ возстановленіи нарушеннаго владѣнія Кемалъ-Бея Яшлавскаго, а въ признаніи за истцомъ, какъ его сыномъ, права владѣнія; кромѣ сего, отвѣтчикъ доказалъ, что Кемалъ Бей Яшлавскій, несмотря на 17 лѣтнее владѣніе спорнымъ имѣніемъ на правѣ зависимомъ и срочномъ, не могъ, да и не желалъ пріобрѣсти на него самостоятельное право, которое онъ могъ бы затѣмъ передать своимъ нисходящимъ. Но сіи доводы отвѣтчика, имѣющіе существенное значеніе въ дѣлѣ, такъ какъ отъ той или другой квалификаціи иска вполнѣ зависѣло распредѣленіе между сторонами обязанности доказыванія, оставлены Судебною Палатою безъ всякаго обсужденія, вопреки требованію 339 ст. Уст. Гр. Суд. Необсужденіе судомъ возраженій отвѣтчика противъ иска Правительствующій Сенатъ постоянно признавалъ поводомъ къ кассаціи рѣшенія. Посему, находя въ данномъ дѣлѣ, что, по нарушенію 339 ст. Уст. Гр. Суд., постановленное Судебною Палатою рѣшеніе не имѣетъ силы судебнаго рѣшенія и подлежитъ отмѣнѣ, Правительствующій Сенатъ при этомъ, по содержанію обжалованнаго рѣшенія и дальнѣйшихъ объясненій кассатора, не можетъ оставить безъ разсмотрѣнія вопросъ о примѣнимости въ семъ дѣлѣ правилъ о вакуфныхъ имѣніяхъ въ Таврической губерніи (прил. къ 1203 ст. Т. X ч. I). Судебною Палатою установленъ фактъ существованія въ Симферопольскомъ и Евпаторійскомъ уѣздахъ „бейлыкскаго“ имѣнія, которое, въ силу ханскаго фирмана 1772 г., принадлежитъ роду Мурзъ Яшлавскихъ и переходитъ къ старшему въ этомъ родѣ и которое, по присоединеніи Крыма въ Россійской Имперіи, значится по правительственнымъ описямъ въ числѣ частныхъ вакуфовъ; но Палата полагаетъ, что по отсутствію въ существующихъ нынѣ для Таврической губерніи узаконеніяхъ постановленій о „бейлыкскихъ“ имѣніяхъ, къ спорнымъ имѣніямъ Яшлавскихъ должны быть примѣнены правила о частныхъ „вакуфахъ“, учреждаемыхъ въ пользу частныхъ родовъ завѣщаніями. Въ виду такого заключенія Палаты, представляется необходимымъ для провѣрки правильности его обозрѣть законодательныя мѣропріятія русскаго правительства относительно поземельнаго владѣнія въ Крыму. По принятіи Крымскаго полуострова подъ Россійскую державу жителямъ его Высочайшимъ манифестомъ 8 апрѣля 1783 г.,

исходившимъ отъ Верховной Власти Имперіи, было обѣщано охранять и защищать ихъ лица и имущество (Полн. Собран. Закон. 1783 года апрѣля 8 го № 15708). Во исполненіе сей Высочайшей воли Сенатскимъ указомъ 9 го ноября 1794 года, послѣдовавшимъ по Высочайше утвержденному докладу, владѣльцы новоучрежденной Таврической области оставлены въ свободномъ распоряженіи ихъ помѣстьями, вотчинами и т. п. дворянскими имѣніями, съ распространіемъ права сего и на ихъ наслѣдниковъ (Полн. Собр. Закон., 1794 г. ноября 9, № 17265). Въ предисловіи къ Именному указу отъ 21 февраля 1833 г. о поземельномъ правѣ въ Таврическомъ полуостровѣ и облегченіи въ ономъ межеванія (Полн. Собрн. Зак. № 5994), законодательная дѣятельность Россійскаго правительства по этому предмету очерчена слѣдующимъ образомъ: „со времени присоединенія Таврическаго полуострова къ Россіи, пріемлемы были правительствомъ разныя мѣры, чтобы неясное поземельное право сей страны привести сколько можно къ опредѣленнымъ началамъ. Съ сею цѣлью въ 1794 году утверждены за владѣльцами, безъ различія состояній, земли и другія дворянскія имѣнія въ потомственномъ владѣніи; въ 1802 году мая 19 изданы были, а въ 1804 году апрѣля 23 дополнены особыя правила для разбора о земляхъ споровъ, возродившихся изъ смѣшенія древняго права съ новымъ. Но правила сіи, обнимавшія только главные роды владѣній, не могли служить полнымъ и постояннымъ руководствомъ, а, между тѣмъ, и самое межеваніе, предпринятое въ Крыму на общихъ межевыхъ началахъ, не могло разрѣшить всѣхъ спорныхъ случаевъ, возникающихъ отъ особеннаго свойства тамошнихъ владѣній. Все сіе побудило правительство обратиться къ новымъ мѣрамъ. Вслѣдствіе чего издано, между прочимъ, въ 1827 году сентября 28 особое положеніе о правахъ поземельнаго владѣнія“. Что русское законодательство, по разсматриваемому предмету, въ своемъ постепенномъ развитіи не исчерпывало всѣхъ родовъ владѣнія землями въ Крыму, подтвержденіемъ тому служатъ узаконенія о вакуфахъ. Полож. 28 сентября 1827 г. (Полн. Собр. Зак. № 1417) упоминаетъ лишь о вакуфахъ въ пользу мечетей и училищъ, т. е. о томъ родѣ вакуфовъ, которому придано названіе духовныхъ, долженствующихъ навсегда оставаться неприкосновенною собственностью мечетей и училищъ. А положеніе 22-го марта 1829 года о вакуфныхъ въ Крыму имѣніяхъ (Полн. Собран. Закон. № 2761) содержитъ въ себѣ узаконенія и о другомъ родѣ вакуфовъ, о вакуфахъ частныхъ, которые повелѣно оставить въ томъ положеніи, въ какомъ они до того времени находились, и съ тѣми правами, коими доселѣ пользовались владѣльцы оныхъ. Правила о вакуфныхъ имѣніяхъ въ Таврической губерніи вошли въ Сводъ Законовъ, въ видѣ приложенія къ статьѣ 1203 Т. XI ч. 1. По мысли законодателя, выраженной въ I й статьѣ сего приложенія постановленія нашихъ законовъ о частныхъ вакуфахъ относятся къ тѣмъ вакуфамъ, кои учреждены въ пользу частныхъ родовъ завѣщаніями. Приведенные законодательные акты ясно показываютъ, что, нормируя представлявшіеся виды поземельнаго владѣнія въ Крыму, русскій законодатель не придавалъ своимъ опредѣленіямъ исчерпывающаго значенія и не затруднялся узаконять и другіе виды владѣнія, коль-скоро они дѣлались ему извѣстными изъ общаго теченія дѣлъ. Посему въ данномъ случаѣ, какъ непредусмотрѣнномъ законодателемъ, изъ отсутствія закона нельзя выводить заключенія объ отсутствіи права и не слѣдуетъ тѣ свойства владѣнія Мурзъ Яшлавскихъ, съ которыми оно существовало донынѣ, отрицать единственно потому, что они не имѣютъ прямого подтвержденія въ законѣ. Отсутствіе положительныхъ постановленій со стороны русской законодательной власти объ этомъ родѣ имѣній объясняется малочисленностью такихъ имѣній, единственнымъ примѣромъ которыхъ, по свѣдѣніямъ управленія государственныхъ имуществъ, за принятіемъ въ казну бейлика рода Мансурскихъ, служитъ нынѣ имѣніе Яшлавскихъ, вслѣдствіе чего законодательная власть могла считать излишнимъ изданіе особливыхъ законоположеній на единичный случай. Изъясненныя соображенія приводятъ къ убѣжденію, что Судебная Палата допустила явное нарушеніе приложенія къ ст. 1203 Т. XI ч. I, примѣнивъ правила этого закона къ спорному имѣнію, которое составляетъ частный вакуфъ рода Мурзъ Яшлавскихъ не въ силу завѣщательнаго акта

частныхъ лицъ, а въ силу фирмана, выданнаго до присоединенія Крыма къ Россіи отъ бывшаго тамъ правительства и которое въ такомъ качествѣ признается русскимъ правительствомъ, согласно съ тѣмъ, какъ разумѣли свое право на владѣніе спорнымъ имѣніемъ члены рода Яшлавскихъ до возникновенія настоящаго процесса. На основаніи вышеизложеннаго и не входя затѣмъ въ разсмотрѣніе прочихъ объясненій кассатора, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Харьковской Судебной Палаты, по нарушенію 339 ст. Уст. Гр. Суд. и прилож. къ 1203 ст. I ч. XI Т. Свода Зак., отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты.

87.—1882 года мая 12 го дня. *По прошенію повѣреннаго мѣщанки Елены Филипогорской, частнаго повѣреннаго Стакіева, объ отмѣнѣ рѣшенія С. Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; заключеніе давалъ Товарища Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ).

По дѣлу, производившемуся въ Новгородской Палатѣ гражданскаго суда о взысканіи Аничковымъ съ Максима Филипогорскаго 1000 р. по распискѣ, наложено было въ обезпеченіе упомянутаго взысканія запрещеніе на имѣніе жены его, Елены Филипогорской, и затѣмъ по опредѣленію Петербургской Палаты, въ которую переданы были дѣла упраздненной Новгородской Палаты, состоявшемуся 14 августа 1868 г., долгъ присужденъ былъ Аничкову, и на взысканіе его выданъ истцу исполнительный листъ отъ 12 сентября того же г., съ указаніемъ въ немъ упомянутаго обезпеченія. Вслѣдствіе сего обезпеченіе это описано было 9 января 1869 г., а 29 сентября того же г. оно продано съ публичнаго торга крестьянину Завьялову, за которымъ и укрѣплено 7 октября того же г.; 1 декабря 1869 г. выдана данная, а 2 мая 1876 г. Завьяловъ введенъ имѣніемъ во владѣніе. Между тѣмъ, по жалобѣ Филипогорской, Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ опредѣленіе С. Петербургской Палаты отъ 14 августа 1868 г., какъ неправильное, со всѣми послѣдствіями, о чемъ для объявленія Филипогорской далъ знать указомъ отъ 7 апрѣля 1872 г. Филипогорская 29 сентября 1879 г. предъявила искъ къ Завьялову, прося объ уничтоженіи описи, продажи, данной и ввода во владѣніе и о признаніи имѣнія ея собственностью. С. Петербургская Судебная Палата признала, что право истицы было нарушено обращеніемъ взысканія на имѣніе, составленіемъ описи и назначеніемъ имѣнія въ продажу, и что съ этихъ дѣйствій въ виду 1197 ст. Уст. Гр. Суд., должна исчисляться давность для истицы; такъ какъ повѣстка объ исполненіи вручена Филипогорской 19 октября 1868 года, а опись составлена въ январѣ 1879 г., то искъ долженъ быть признанъ предъявленнымъ по истеченіи давности. Независимо отъ сего, отвѣтчикъ пріобрѣлъ имѣніе и по давности владѣнія, такъ какъ оно пріобрѣтено имъ 29 сентября 1869 г., а повѣстка о вызовѣ его къ суду по иску Филипогорской вручена ему въ маѣ 1880 г., а слѣдовательно, онъ провладѣлъ имѣніемъ болѣе 10 ти лѣтъ, безъ всякаго сторонняго вмѣшательства, ибо владѣніе нарушается только судебнымъ рѣшеніемъ, отчуждающимъ имѣніе, а не предъявленіемъ иска (рѣш. 1874 года № 899), и самое предъявленіе иска, т. е. возникновеніе спора объ имѣніи, можетъ быть признано имѣющимъ мѣсто только съ момента извѣщенія о семъ установленнымъ порядкомъ отвѣтчика (626 ст. X Т. I ч). По этимъ соображеніямъ Палата отказала въ искѣ. На это рѣшеніе повѣреннымъ Филипогорской принесена кассаціонная жалоба, въ которой указывается на неправильное опредѣленіе Палатою начальнаго момента какъ погашающей, такъ и пріобрѣтательной давности.

Сообразивъ настоящую жалобу съ законами [illegible]ительствующій Сенатъ находитъ, что рѣшеніе Судебной Палаты объ отказѣ Филипогорской въ искѣ основано на двухъ соображеніяхъ: Палата признала, что истица пропустила исковую давность на отыскиваніе своихъ правъ на имѣніе, проданное съ публичнаго торга, и что купившій имѣніе съ торговъ Завьяловъ пріобрѣлъ

право собственности на оное не только по законному акту, но и по давности владѣнія. Оба эти основанія не могутъ быть признаны правильными. Хотя Палата, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, и имѣла основаніе признать, что моментомъ для отыскиванія права слѣдуетъ считать время нарушенія сего права, но засимъ, неправильно установила тотъ способъ, которымъ Филипогорская обязана была защищать свое право на имѣніе послѣ обращенія взыскателемъ требованія на это имѣніе и послѣ описи онаго судебнымъ приставомъ; взыскатель обратилъ свое взысканіе на имѣніе Филипогорской вслѣдствіе того, что въ выданномъ ему С. Петербургскою соединенною палатою исполнительномъ листѣ было написано, что искъ его обезпеченъ означеннымъ имѣніемъ Филипогорской. Чтобы оградить свое право и освободить имѣніе отъ описи и продажи, Филипогорская не имѣла возможности предъявлять искъ къ взыскателю, дѣйствовавшему на основаніи судебнаго рѣшенія; она могла только жаловаться на распоряженіе соединенной палаты и добиваться отмѣны ея постановленія, что ею и сдѣлано, и Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 7 апрѣля 1872 года отмѣнилъ опредѣленіе палаты, по которому выданъ исполнительный листъ, со всѣми онаго послѣдствіями. Съ этого именно времени открылась для Филипогорской возможность и право искать возвращенія имѣнія въ ея владѣніе, и потому только съ этого времени могла быть исчисляема для нея исковая давность; въ этомъ же смыслѣ состоялись и рѣшенія Правительствующаго Сената: 1872 г. № 890; 1876 года № 501; 1879 г. №№ 45, 291 и друг., а такъ какъ настоящій искъ Филипогорской предъявленъ 29 сентября 1879 года, т.-е. ранѣе десяти лѣтъ со времени отмѣны опредѣленія соединенной палаты о выдачѣ исполнительнаго листа, съ припискою объ обезпеченіи иска взыскателя имѣніемъ Филипогорской, то слѣдуетъ признать, что рѣшеніе Судебной Палаты о пропускѣ истицею исковой давности постановлено съ нарушеніемъ истиннаго смысла 692 и 694 ст. Т. X ч. I. Къ выводу о томъ, что исковая давность должна исчисляться со времени обращенія взыскателемъ своего требованія на имѣніе Филипогорской, палата пришла, кромѣ того, и по неправильному примѣненію 1092 и 1197 ст. Устава Гражданскаго Судопроизв., признавъ, что Филипогорская могла оградить свое право отъ притязанія взыскателя и независимо отъ ходатайства объ отмѣнѣ опредѣленія соединенной палаты, воспользовавшись для сего правомъ, указаннымъ въ упомянутыхъ статьяхъ; но 1092 и 1197 ст. имѣютъ въ виду тотъ случай, когда описано имѣніе, состоящее во владѣніи должника, а, между тѣмъ, третье лицо находитъ, что оно принадлежитъ не должнику, а ему; въ настоящемъ же дѣлѣ на удовлетвореніе взыскателя по иску его къ Филипогорскому описано было не имѣніе, въ его владѣніи находящееся, а имѣніе его жены, Филипогорской, съ сознаніемъ, что оно принадлежитъ ей, а не должнику, и потому для огражденія своего права Филипогорская не могла по обстоятельствамъ даннаго дѣла обратиться къ порядку, указанному въ 1092 и 1197 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства. Другое основаніе палаты, о пріобрѣтательной давности Завьялова, выведено изъ того, что Завьяловъ былъ фактическимъ безспорнымъ владѣльцемъ купленнаго имъ съ публичнаго торга имѣнія въ продолженіе болѣе 10 лѣтъ; начало сего срока палата исчисляетъ съ 29 сентября 1869 г., т. е. со дня публичнаго торга, не установивъ, однако, чтобы въ этотъ же день послѣдовала и фактическая передача имѣнія во владѣніе Завьялова; между тѣмъ, укрѣпленіе имѣнія за покупателемъ совершается постановленіемъ судебной власти объ укрѣпленіи и выдачею крѣпостного акта, каковой порядокъ ясно указанъ въ 1164 и 1165 ст. Уст. Гражд. Судопроизводства (рѣш. Сената 1874 года № 316); постановленіе Окружнаго Суда объ укрѣпленіи имѣнія за Завьяловымъ состоялось 7 октября, а данная совершена 1 декабря 1869 года. Затѣмъ, исчисляя начало давностнаго владѣнія съ 29 сентября 1869 г., палата нашла, что предъявленіе Филипогорскою настоящаго иска 29 сентября 1879 г. не могло прервать давностнаго владѣнія, ибо по сему иску наложено запрещеніе на спорное имѣніе только въ мартѣ 1880 года, а повѣстка о вызовѣ отвѣтчика къ суду вручена ему въ маѣ того же года, до того же времени исковое прошеніе, составляя одно оглашеніе правъ истицы, можетъ остаться въ безызвѣстности для отвѣтчи-

ка, и возникновеніе спора объ имѣніи можетъ быть признано имѣющимъ мѣсто, по мнѣнію палаты, только съ момента извѣщенія о семъ установленнымъ порядкомъ отвѣтчика (626 ст. Т. X ч. I); притомъ владѣніе нарушается судебнымъ рѣшеніемъ, отчуждающимъ имѣніе, а не предъявленіемъ иска, причемъ палата сослалась на рѣшеніе Сената 1874 г. № 899. Но и это соображеніе палаты основано на выводахъ невѣрныхъ: рѣшеніемъ Сената за № 899 установлено, что для потери права, основаннаго на фактическомъ обладаніи имуществомъ, недостаточно одного предъявленія иска о правѣ собственности, но необходимо для сего судебное рѣшеніе; точно также и 626 ст. Т. X ч. I опредѣляетъ лишь время, съ котораго добросовѣстный владѣлецъ обязанъ возвратить доходы при возвращеніи спорнаго имущества законному владѣльцу, но ни на законъ этотъ, ни рѣшеніе Сената не касаются того, съ какого времени фактическое владѣніе перестаетъ быть безспорнымъ, и потому не могли имѣть примѣненія при опредѣленіи правъ Завьялова на имѣніе по давностному владѣнію. Владѣніе считается, на основаніи 558 ст. Т. X ч. I, безспорнымъ, когда нѣтъ на оное притязаній отъ постороннихъ лицъ; притязанія же сіи, по 559 ст. тѣхъ же законовъ, дѣлаютъ владѣніе спорнымъ, когда поступили въ судебныя мѣста исковыя прошенія; такимъ образомъ, для того, чтобы владѣніе перестало быть безспорнымъ, достаточно, чтобы противу онаго предъявленъ былъ искъ, и нигдѣ въ законѣ не указано, чтобы спорность владѣнія признавалась не со времени предъявленія иска, а со времени извѣщенія отвѣтчика о предъявленномъ искѣ, или со времени наложенія по сему иску запрещенія на спорное имущество. На основаніи всѣхъ сихъ соображеній Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе С.-Петербургской Судебной Палаты, по нарушенію 559, 692 и 694 ст. Т. X ч. I Св. Зак., отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты.

88.—1882 г. мая 12 дня. *По прошенію жены штабсъ-капитана Екатерины Андріевичъ объ отмѣнѣ рѣшенія Кіевскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ).

Жена штабсъ капитана Андріевичъ предъявила у Мирового Судьи 8 уч. г. Кіева, на основаніи 30 ст. Уст. Гр. Суд., искъ противъ своего мужа за невыдачу имъ ей крѣпостного акта на имѣніе Полтавской губ. с. „Рудяково", пріобрѣтенное имъ съ публичныхъ торговъ. Изъ протокола засѣданія названнаго Мирового Судьи 1 октября 1877 года видно, что на судъ явились обѣ стороны. Мировой Судья предложилъ имъ вопросъ: „выражаютъ ли они согласіе на рѣшеніе дѣла ихъ по 30 ст. Уст. Гражд. Судопр." Они отвѣчали изъявленіемъ полнаго согласія и подписались на протоколѣ. Затѣмъ Мировой Судья опредѣлилъ: принадлежащее штабсъ-капитану Андріевичу, показанное въ выданной ему Лубенскимъ старшимъ нотаріусомъ 26 октября 1876 года данной крѣпости, недвижимое имѣніе дворянина Василія Павлова и корнета Алексѣя Ѳеодорова Шіяновыхъ, оставшееся послѣ смерти штабсъ-капитана Александра Николаева Шіянова, состоящее Полтавской губ., Переяславскаго уѣзда, въ селѣ „Рудяковѣ" и дачахъ онаго, съ хуторами „Литвиновкою", „Старымъ заводомъ" и подсельемъ „Чумаковщиною", все въ полномъ онаго составѣ, а также и со всѣми пріобрѣтеннымъ Андріевичемъ отъ Романа Андріевича какъ съ публичныхъ торговъ, такъ и по частнымъ сдѣлкамъ, на срубъ, произрастающими на земляхъ онаго имѣнія всякаго рода строевыми, дровяными и лозовыми лѣсами, исключая урочища „Поповъ-Гай", признать принадлежащимъ на правѣ полной собственности женѣ штабсъ-капитана Екатеринѣ Андріевичевой, и ввести ее, Андріевичеву, по установленному порядку во владѣніе этимъ недвижимымъ Рудяковскимъ имѣніемъ. На это рѣшеніе со стороны третьихъ лицъ, вдовы коллежскаго ассесора Ольги, дочери ея Маріи и дворянина Василія Павловыхъ Шіяновыхъ, 19 декабря 1877 года принесена Кіевскому Мировому Съѣзду жалоба. Съѣздъ этотъ изъ представленныхъ къ дѣлу рѣшеній Лубенскаго Окружнаго Суда 2 ноября и 4 декабря 1876 года усмотрѣлъ, что по иску

Шіяновыхъ къ Андріевичу о Рудяковскомъ имѣніи, въ виду обезпеченія иска Шіяновыхъ, наложено было 2 ноября 1876 г. запрещеніе на спорное имущество, съ воспрещеніемъ рубки лѣса въ имѣніи, а по опредѣленію 4 декабря того же года Судъ въ ходатайствѣ Андріевича о вводѣ во владѣніе Рудяковскимъ имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ имъ по данной крѣпости, въ виду предъявленныхъ къ нему со стороны Шіяновыхъ исковъ, отказалъ; затѣмъ тотъ же Судъ, разсматривая претензіи Шіяновыхъ къ Андріевичу, опредѣленіемъ 7 декабря 1877 г. отказалъ въ искахъ Шіяновымъ. Такимъ образомъ, оказывается, что Андріевичъ въ періодъ времени съ 2 ноября 1876 г. по 7 декабря 1877 г., т.-е. того времени, когда онъ съ женой своей разбирался у Мирового Судьи 8 участка по совѣсти, не былъ фактическимъ владѣльцемъ этого имѣнія, и на ономъ состояло запрещеніе, да и въ настоящее время, какъ видно изъ представленныхъ документовъ, не усматривается, чтобы наложенное запрещеніе было снято и онъ введенъ имъ во владѣніе, такъ какъ на рѣшеніе 7 декабря 1877 г. со стороны Ольги и Марьи Шіяновыхъ подана частная жалоба въ Харьковскую Судебную Палату, и дѣло еще окончательно не разрѣшено; изъ этого Мировой Съѣздъ заключилъ, что постановленное Мировымъ Судьей рѣшеніе 1 октября 1877 г. нарушаетъ права Шіяновыхъ, которые не участвовали въ дѣлѣ, а потому опредѣлилъ: рѣшеніе Мирового Судьи 1 октября 1877 г., состоявшееся по сему дѣлу, отмѣнить, признать его недѣйствительнымъ и производство по немъ прекратить. На это опредѣленіе, состоявшееся 10 апрѣля 1878 г., жена штабсъ капитана Андріевичъ принесла кассаціонную жалобу. Противъ жалобы Андріевичевой конкурсное управленіе по дѣламъ несостоятельнаго Алексѣя Шіянова прислало объясненіе.

Разсмотрѣвъ это дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что одно изъ основаній, по коимъ Екатерина Андріевичъ жалуется на опредѣленіе Кіевскаго Мирового Съѣзда отъ 10 апрѣля 1878 года, заключается въ томъ, что Шіяновы, обратившіеся въ этотъ Съѣздъ съ просьбою объ отмѣнѣ рѣшенія Мирового Судьи 1 октября 1877 года о Рудяковскомъ имѣніи, не имѣютъ никакихъ личныхъ и имущественныхъ существующихъ правъ на это имѣніе, а имѣли только исковое право. Изъ опредѣленія Мирового Съѣзда, обжалованнаго Екатериною Андріевичъ, видно, что Съѣздомъ установлено, что Шіяновымъ въ искѣ ихъ противъ Петра Андріевича о Рудяковскомъ имѣніи рѣшеніемъ Лубенскаго Окружнаго Суда 7 декабря 1877 года было отказано и что на это рѣшеніе Шіяновыми подана частная жалоба Харьковской Судебной Палатѣ. Такимъ образомъ, Съѣздомъ признано, что Шіяновы на спорное имущество имѣли исковое право. Правительствующій Сенатъ неоднократно разъяснялъ, что, на основаніи 795 ст. Уст. Гр. Судопроизвод. (а слѣдовательно, и на основаніи 188 ст. того же Устава, какъ повторяющей первую), не могутъ просить объ отмѣнѣ рѣшенія тѣ лица, кои имѣли только исковыя права на спорное имущество, но не имѣли признаннаго и существующаго права на оное, такъ какъ въ сей статьѣ разумѣются права личныя или имущественныя, пріобрѣтенныя и существующія (рѣш. 1869 года № 499 и друг.). Слѣдовательно, Кіевскій Мировой Съѣздъ, признавъ, что Шіяновы, имѣвшіе лишь исковое право на Рудяковское имѣніе, могутъ просить объ отмѣнѣ рѣшенія объ этомъ имуществѣ по дѣлу, въ которомъ они не участвовали, поступилъ вопреки разъясненіямъ Правительствующаго Сената и нарушилъ 188 ст. Уст. Гр. Судопроизводства. То обстоятельство, что по иску Шіяновыхъ было наложено запрещеніе на Рудяковское имѣніе, не измѣняло правъ Шіяновыхъ на это имѣніе и не дѣлало ихъ существующими уже, вслѣдствіе сего запрещенія, вещными правами на это имущество, а потому и не могло служить основаніемъ для принятія отъ нихъ жалобы по 188 или 795 ст. Уст. Гр. Судопроизвод., ибо наложеніемъ запрещенія на имущество, состоящее въ спорѣ, обезпечивается лишь возможность для истца получить то самое имущество, когда оно ему будетъ окончательно присуждено судомъ, а получить это обезпеченное запрещеніемъ имущество въ случаѣ присужденія его судомъ, истецъ можетъ не только отъ своего противника, но и отъ его преемниковъ, для которыхъ рѣшеніе, вступившее въ законную силу, такъ же обязательно, какъ и для самихъ тяжущихся, какъ это неодно-

кратно разъяснялъ Правительств. Сенатъ (рѣш. 1879 г. № 312 и др.). Вслѣдствіе сего и не находя нужнымъ входить въ разсмотрѣніе другихъ поводовъ, приводимыхъ въ жалобѣ Екатерины Андріевичъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Кіевскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію 188 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и дѣло передать въ Васильковскій Мировой Съѣздъ.

89.—1882 года мая 19-го дня. *По прошенію вдовы губернскаго секретаря Александры Гриневой объ отмѣнѣ рѣшенія Карачаевскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Р. Отмарштейнъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. В. Домерниковъ).

Карачевскій Мировой Съѣздъ присудилъ съ Каленіуса въ пользу Зыкова 165 руб., на взысканіе которыхъ и выданъ былъ Зыкову исполнительный листъ. По нотаріальному акту 19 го декабря 1879 года Зыковъ продалъ этотъ листъ Гриневой, пояснивъ въ актѣ, что 165 руб. съ Гриневой сполна имъ получены и что въ силу этой продажи право взысканія по листу переходитъ къ покупщицѣ онаго. Гринева получила въ свою очередь слѣдующія съ Каленіуса по исполнительному листу деньги. Но затѣмъ рѣшеніе Карачевскаго Съѣзда вслѣдствіе кассаціонной жалобы Каленіуса, Правительствующимъ Сенатомъ отмѣнено и дѣло передано въ Брянскій Мировой Съѣздъ, который въ искѣ Зыкову отказалъ. Тогда Каленіусъ предъявилъ у Мирового Судьи искъ къ Гриневой о возвратѣ означенныхъ 165 рубл. Повѣренный Гриневой объяснялъ у Мирового Судьи, что искъ Каленіуса долженъ относиться всецѣло къ Зыкову, а не къ Гриневой. Но Мировой Судья, признавъ возраженіе это незаслуживающимъ уваженія, такъ какъ деньги получены съ Каленіуса не Зыковымъ, а Гриневою, удовлетворилъ исковое требованіе Каленіуса. Повѣренный Гриневой принесъ на это рѣшеніе апелляціонную жалобу, въ которой, повторяя, что настоящій искъ долженъ относиться во всей цѣлости къ Зыкову, а не къ Гриневой, просилъ въ искѣ Каленіусу отказать. Въ засѣданіи Съѣзда повѣренный Гриневой указывалъ на то, что она купила у Зыкова не право на искъ, а лишь право на полученіе присужденныхъ денегъ, и что сдѣлка эта была не что иное, какъ продажа движимаго имущества, не состоящаго ни подъ какимъ запрещеніемъ, и если впослѣдствіи Зыковъ проигралъ дѣло, въ которомъ Гринева не участвовала, то требованіе Каленіуса и должно относиться къ Зыкову. Мировой Съѣздъ нашелъ: а) что въ случаѣ отмѣны судебнаго рѣшенія, по коему выданъ исполнительный листъ, лицо, получившее деньги по этому исполнительному листу, обязано возвратить оныя; б) что Зыковъ, если бы получилъ деньги по исполнительному листу самъ, обязанъ былъ бы возвратить ихъ Каленіусу, и в) что передача Зыковымъ Гриневой права взысканія по исполнительному листу ставитъ Гриневу на мѣсто Зыкова въ отношеніи къ Каленіусу. Посему Съѣздъ опредѣлилъ: рѣшеніе Мирового Судьи утвердить. Въ принесенной Правительствующему Сенату кассаціонной жалобѣ Гринева объясняетъ, что Съѣздъ нарушилъ: а) 4 п. 142 ст. Устава Гражд. Суд. неуказаніемъ закона, обязывающаго отвѣтчицу возвратить полученныя ею съ Каленіуса деньги, а также 707, 1348—1389, 1408—1410, 1415, 1510 и 1536 ст. Т. X ч. I, на основаніи которыхъ, по мнѣнію просительницы, купленное ею у Зыкова право на полученіе денегъ, т. е. движимое имущество, ни въ какомъ случаѣ, возврату не подлежитъ; б) 105, 129 и 173 ст. Устава Граждан. Судопроизв., такъ какъ Съѣздъ не вошелъ въ обсужденіе договора Гриневой съ Зыковымъ, и в) 3 п. 69, 105, 129 и 173 стат. Устава Гражданскаго Судопроизводства и 609 стат. Тома X ч. I, тѣмъ, что, несмотря на указанія повѣреннаго Гриневой, что она пріобрѣла одно право на полученіе присужденныхъ денегъ, безъ права на искъ и безъ отвѣтственности предъ Каленіусомъ, и что при производствѣ дѣла въ Правительствующемъ Сенатѣ и въ Брянскомъ Съѣздѣ она никакого участія въ немъ не принимала, а принималъ таковое Зыковъ, Съѣздъ, не обсудивъ этого отвода, присудилъ взысканіе съ нея просительницѣ.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что лицо, получившее отъ суда исполнительный листъ на денежной съ обвиненной стороны взысканіе, въ правѣ произвести таковое, хотя бы на рѣшеніе суда принесена была кассаціонная жалоба (184 и 814 ст. Уст. Граждан. Судопр.); но, въ случаѣ кассаціи сего рѣшенія и постановленія новымъ судомъ другого, отмѣняющаго присужденіе показанной къ означенномъ листѣ суммы, получившій таковую обязывается возвратить ее сторонѣ, оправданной новымъ рѣшеніемъ. Такимъ образомъ, одно только полученіе отъ суда исполнительнаго листа не даетъ еще взыскателю права на безповоротное полученіе слѣдующаго по оному денежнаго взысканія; а такъ какъ никто не можетъ передать другому болѣе тѣхъ правъ, какія онъ самъ имѣетъ, то лицо, пріобрѣвшее отъ предшествующаго взыскателя исполнительный листъ, становиться въ равное по отношенію къ должнику положеніе, т.-е. лицо это также не пріобрѣтаетъ, вслѣдствіе передачи ему исполнительнаго листа, правъ на безповоротное по оному взысканіе, а обязывается въ случаѣ кассаціи прежняго рѣшенія и постановленія другимъ судомъ новаго, отмѣняющаго присужденное, взысканіе, возвратить взысканную сумму оправданной новымъ рѣшеніемъ сторонѣ. Примѣняя соображенія эти къ данному дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя Каленіусъ и могъ предъявить настоящій искъ Зыкову, какъ непосредственному участвовавшему въ дѣлѣ, по которому присуждено было въ пользу его взысканіе и выданъ былъ судомъ на имя его исполнительный листъ, но онъ, Каленіусъ, не лишенъ былъ права съ исковымъ требованіемъ о возвратѣ взысканной съ него суммы обратиться и къ Гриневой, какъ преемницѣ правоосновавія, принадлежавшаго по исполнительному листу Зыкову. Засимъ заявленіе просительницы о томъ, что присужденіемъ ея къ возврату полученной по исполнительному листу суммы нарушены законы, опредѣляющіе способъ пріобрѣтенія права на движимое имущество, не заслуживаетъ уваженія, ибо, хотя исполнительный листъ на денежное взысканіе, какъ и всякій другой актъ, удостовѣряющій существованіе долга (Сборн. рѣш. 1871 г. № 956; 1875 года № 876 и друг.), причисляется къ движимому имуществу (сб. рѣш. 1880 года № 278), но покупкою листа Гринева пріобрѣтала не сумму, въ немъ означенную, а лишь извѣстное правооснованіе ко взысканію этой суммы съ должника. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе: 1) что обращеніе Съѣзда на Гриневу взысканія, составляющаго предметъ иска Каленіуса, не противорѣчитъ закону, а потому неприведеніе Съѣздомъ другихъ, кромѣ 129 ст. Уст. Гражд. Судопроиз., законовъ въ своемъ рѣшеніи не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ онаго (сб. рѣш. 1868 года № 779 и мног. друг.); 2) что полученіе Зыковымъ отъ Гриневой по договору, денегъ за переданный ей исполнительный листъ не имѣетъ обязательнаго для Каленіуса значенія, такъ какъ въ сдѣлкѣ ихъ онъ не участвовалъ, почему въ рѣшеніи Съѣзда нѣтъ указываемаго просительницею нарушенія 1536 ст. Т. X ч. I, и 3) что Съѣздъ обсуждалъ при разрѣшеніи настоящаго дѣла какъ упомянутый выше договоръ, такъ и всѣ возраженія повѣреннаго отвѣтчицы противъ предъявленнаго къ ней иска; приводить же въ рѣшеніи отдѣльный критическій разборъ каждаго заявленнаго стороною довода Съѣздъ не былъ обязанъ (сб. рѣш. 1879 г. № 224 и др.), а засимъ жалоба просительницы на необсужденіе договора ея съ Зыковымъ и представленныхъ ею возраженій оказывается неосновательною,—Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: просьбу Гриневой, за силою 186 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

90.—1882 года мая 19-го дня. *По прошенію повѣреннаго священника Михаила Богуславскаго, присяжнаго повѣреннаго Пеше, объ отмѣнѣ рѣшенія Харьковской Судебной Палаты*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. А. Кнримъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. В. Домерниковъ).

Присяжный повѣренный Пеше, по довѣренности священника Михаила Богуславскаго, предъявилъ искъ къ Глуховскому уѣздному земству, причемъ

*

объяснилъ, что земство съ 10 декабря 1868 года и по настоящее время добывать фарфоровую глину изъ нѣдръ земли подъ большою Кіевскою дорогою, между прочимъ, и изъ тѣхъ мѣстъ большой дороги, которыя прилегаютъ къ землѣ, составляющей собственность его довѣрителя; что право собственности на землю подъ большою Кіевскою дорогою, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога эта прилегаетъ къ землѣ его довѣрителя, принадлежитъ сему послѣднему; что приведеніемъ дороги чрезъ землю его довѣрителя было лишь ограничено право собственности правомъ участія общаго; что, слѣдовательно, право собственности на нѣдра земли подъ полотномъ дороги въ означенныхъ мѣстахъ принадлежитъ его довѣрителю и что Глуховское уѣздное земство, произведя выемку глины въ этихъ мѣстахъ, нарушаетъ права его довѣрителя; посему повѣренный Богуславскаго, ссылась на 434 ст. Т. X части I, просилъ Судъ признать за его довѣрителемъ право собственности на участокъ земли подъ большою Кіевскою дорогою въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога эта прилегаетъ къ его землѣ и гдѣ Глуховское уѣздное земство производило и производитъ выемку фарфоровой глины, и предоставить его довѣрителю право требовать въ исполнительномъ порядкѣ возврата прибылей и доходовъ, полученныхъ земствомъ отъ выемки глины. Нѣжинскій Окружный Судъ, принявъ во вниманіе, что истецъ не представилъ доказательствъ принадлежности ему права собственности на спорный участокъ земли, находящійся подъ большою Кіевскою дорогою, и что, на основаніи 406 статьи X Т. I ч., большія дороги принадлежатъ къ составу имуществъ государственныхъ, призналъ искъ священника Богуславскаго недоказаннымъ и неподлежащимъ удовлетворенію. Въ апелляціонной жалобѣ на это рѣшеніе повѣренный Богуславскаго, Пепе, между прочимъ, объяснилъ, что Окружный Судъ оставилъ безъ разсмотрѣнія приведенную имъ въ подтвержденіе правъ его довѣрителя, 434 ст. Т. X ч. I, изъ которой ясно, что большія дороги, проходя чрезъ земли, составляющія собственность частныхъ владѣльцевъ, лишь ограничиваютъ ихъ право собственности на отходящіе подъ дороги участки правомъ прохода и проѣзда по нимъ, составляя общее пользованіе всѣхъ безъ изъятія. Окружный Судъ основалъ свое рѣшеніе на одной 406 ст. Т. X ч. I, не принявъ въ соображеніе никакихъ другихъ законовъ, вслѣдствіе чего и впалъ въ ошибку. Изъ буквальнаго смысла ст. 406 Т. X ч. I очевидно, что къ имуществамъ государственнымъ принадлежатъ имущества, на принадлежащія никому въ особенности, наприм., пустопорожнія и дикія поля, лѣса, оброчныя статьи, большія дороги, заводы и проч. Если смотрѣть на эту статью, какъ Окружный Судъ, то придется признать, что государство—единственный собственникъ лѣсовъ, заводовъ и т. д., что противорѣчитъ дѣйствительности. Еще болѣе очевидна ошибка Суда при разсмотрѣніи ст. 406 совмѣстно съ другими, наприм., съ 434 ст. Окружный Судъ, отказавъ въ искѣ, призналъ, что дорога составляетъ собственность государства, чѣмъ самымъ показалъ, что онъ подъ дорогою понимаетъ полосу земли съ ея поверхностью и нѣдрами, что совершенно невѣрно, такъ какъ подъ дорогою должно разумѣть лишь поверхность земли, право прохода и проѣзда по которой составляетъ пользованіе общее всѣхъ безъ изъятія. Такое опредѣленіе понятія о дорогѣ, пути, согласно со взглядомъ нашего законодательства, потому что только при такомъ опредѣленіи дѣлается понятнымъ кажущееся противорѣчіе статей 406 и 434 Тома X ч. I. Въ самомъ дѣлѣ, если подъ дорогою понимать, согласно 434 статьѣ Т. X части I, полосу земли, полное право собственности частнаго владѣльца на которую ограничено правомъ прохода, проѣзда и прогона скота, предоставленнымъ всѣмъ и каждому, то дѣлается понятнымъ, почему статья 406 X Тома I части причисляетъ большія дороги къ собственности государственной, такъ какъ одному государству можетъ принадлежать и принадлежитъ право и власть проводить и уничтожать большія дороги по землямъ, находящимся въ предѣлахъ государства, независимо отъ того, чью собственность эти земли составляютъ. Но, признавая за государствомъ право повсемѣстно для общихъ нуждъ прокладывать дороги и уничтожать таковыя, апелляторъ не можетъ согласиться, что государство можетъ безвозмездно отнять у владѣльца участки земли, по которымъ проводится большая дорога, со всѣми правами его, какъ полнаго

собственника. Подтвержденіе всѣхъ изложенныхъ соображеній апелляторъ видитъ въ ст. 432, 433 и 434 Т. X ч. I, говорящихъ о неполныхъ правахъ собственности. Изъ приведенныхъ статей ясно, что одно лишь проведеніе дороги по землѣ собственника, безъ отчужденія полнаго права собственности отъ владѣльца государству, не уничтожаетъ вполнѣ права собственности владѣльца, но лишь ограничиваетъ его, превращая изъ полнаго въ неполное. Полная же передача всѣхъ правъ собственника государству можетъ произойти лишь посредствомъ отчужденія за вознагражденіе, и притомъ согласно ст. 575 и послѣд. X Т. I части, хотя несомнѣнно, что на практикѣ примѣненіе этого принципа встрѣтитъ не малыя затрудненія, которыхъ, по мнѣнію апеллятора, два: первое, какъ и въ настоящемъ дѣлѣ, заключается въ томъ, когда дорога не пересѣкаетъ землю одного собственника, а прилегаетъ одной стороной къ одному, а другой къ другому владѣльцу, и нѣтъ возможности, за отдаленностью времени проложенія ея, доказать, кто изъ этихъ владѣльцевъ былъ собственникомъ земли до проложенія по ней дороги; между тѣмъ, земля подъ дорогу не была отчуждена государствомъ отъ частныхъ собственниковъ; но, придерживаясь строго разъ установленнаго принципа, что неотчужденная отъ владѣльца земля продолжаетъ оставаться его собственностью, и не имѣя прямого отвѣта въ законѣ, будетъ совершенно справедливо обратиться къ аналогичнымъ постановленіямъ закона, причемъ онъ, апелляторъ, полагаетъ, что законъ, начертанный въ стат. 427 и 428 Т. X части I, относительно рѣкъ, можетъ быть цѣликомъ отнесенъ и къ дорогамъ, составляющимъ какъ бы сухія русла. Болѣе серьезно второе затрудненіе, состоящее въ томъ, что большая часть большихъ дорогъ проложена въ неизвѣстномъ, весьма отдаленномъ прошломъ, когда еще не появлялось и намековъ о законахъ объ отчужденіи, за вознагражденіе, земель отъ частныхъ владѣльцевъ государствомъ на общественныя нужды, а потому и является возможность предположенія, что въ отдаленныя времена государство при надобности прямо отбирало у частныхъ владѣльцевъ ихъ земли; но такое предположеніе ни на чемъ не основано и ничѣмъ не можетъ быть подкрѣплено и опровергается даже взглядомъ древнѣйшихъ русскихъ законодателей, который усматривается въ узаконеніяхъ ихъ о дорогахъ. Ссылаясь на Уложеніе Алексѣя Михайловича, указы Императрицъ Анны Іоанновны (5 іюля 1737 г. № 6600, и 4), Елисаветы Петровны (указъ 1743 г.) и Екатерины II (16 сентября 1765 года № 1247), апелляторъ выводитъ, что русскіе законодатели смотрѣли на проложеніе дорогъ не какъ на отнятіе права собственности у частныхъ владѣльцевъ на землю, отходящую подъ дорогу, но какъ на ограниченіе полнаго права собственности правомъ участія въ пользованіи и выгодахъ чужого имущества. Хотя вопросъ этотъ впервые предсталъ на рѣшеніе судебныхъ установленій, но административнымъ властямъ многократно приходилось сталкиваться съ нимъ, а все высказанное администраціей вполнѣ согласно съ проводимымъ принципомъ, въ доказательство чего апелляторъ указалъ два примѣра: а) Чернскаго, Тульской губерніи, земства, возбудившаго въ 1866 году вопросъ о правѣ собственности на участки земли, оставшіеся отъ упраздненныхъ дорогъ, и б) крестьянъ села „Зимницъ“, Жиздринскаго уѣзда, Калужской губерніи, о разрѣшеніи добывать руду изъ подъ полотна Мещевской большой транспортной дороги, на полуверстномъ разстояніи, съ проведеніемъ для проѣзда дороги на время добыванія руды, по новому направленію. Наконецъ, вопросъ этотъ не обойденъ молчаніемъ и въ юридической литературѣ (Журналъ уголовнаго и гражданскаго права за 1873 г., кн. 4, ст. Н. Селифонтова). Авторъ этой статьи приходитъ къ заключенію, что полоса земли подъ большою дорогою, образовавшаяся до установленія у насъ законовъ объ отчужденіи частной собственности, за вознагражденіе, для государственной надобности, составляетъ собственность мѣстныхъ замлевладѣльцевъ. Посему апелляторъ просилъ Судебную Палату: обжалованное имъ рѣшеніе Суда отмѣнить, признать за его довѣрителемъ право собственности на землю подъ большою Кіево-Московскою дорогою, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога эта пересѣкаетъ и гдѣ прилегаетъ къ его землѣ, всего въ количествѣ 18000 кв. саж., и предоставить Богуславскому право отыскивать въ исполнительномъ порядкѣ съ Глуховскаго уѣзд-

наго земства прибыли и доходы, полученные имъ отъ пользованія исключительнымъ участкомъ земли, составляющимъ собственность его довѣрителя. Харьковская Судебная Палата нашла: по силѣ 406 ст. X Тома I ч., большія дороги, къ которымъ слѣдуетъ отнести почтовыя дороги, отнесены къ имуществамъ государственнымъ, т.-е. непринадлежащимъ ни частнымъ лицамъ, ни сословіямъ лицъ, ни дворцовому вѣдомству, ни вѣдомству удѣловъ, ни установленіямъ. Точный смыслъ этого узаконенія показываетъ, что прежняя неопредѣленность закона относительно права распоряженія и владѣнія дорогами устранена и въ настоящее время не представляется сомнѣнія, что всѣ большія почтовыя дороги составляютъ имущество казны, государства, а такъ какъ онѣ устроены для общаго пользованія, то законодательство, опредѣляя въ законахъ гражданскихъ предметъ и широту имущественныхъ правъ частныхъ лицъ и разныхъ установленій, въ томъ числѣ и имущественныхъ правъ казны, выразило въ 434 ст. X Тома I ч., что и право собственности казны на большія дороги ограничено правомъ участія общаго. Законныя основанія права собственности казны на большія дороги образовались или изъ правъ государства на всѣ земли, въ то время, когда не сложилось еще понятія о частной собственности и существовало преимущественно помѣстное право частныхъ лицъ, или въ порядкѣ, изложенномъ въ 1 отдѣленіи гл. шестой, разд. II, X Т. I ч., въ которомъ указаны правила о вознагражденіи за имущества, отходящія изъ частнаго владѣнія по распоряженію Правительства (сравни 550 ст. XII Т. ч. I Уст. Пут. Сообщ.). Судя по объясненію повѣреннаго Богуславскаго, право собственности казны на большую почтовую дорогу, проходящую мимо земли его довѣрителя и пересѣкающую одну изъ его пахатныхъ нивъ, образовалось первымъ изъ поименованныхъ способовъ, ибо проложеніе Московско Кіевской дороги, по сознанію апеллятора, относится къ незапамятнымъ временамъ. Къ тому же повѣренный Богуславскаго не представилъ никакихъ доказательствъ, чтобы предмѣстники его пользовались нѣдрами этой дороги и распоряжались ими на правѣ собственности; онъ ничѣмъ не доказалъ, что дорога проложена правительствомъ чрезъ образовавшуюся уже частную собственность на земли, безъ соотвѣтственнаго удовлетворенія собственниковъ; слѣдовательно, примѣненіе второй части 434 ст. къ данному дѣлу не имѣетъ мѣста. Напротивъ, въ виду, существованія этой дороги съ незапамятныхъ временъ, слѣдуетъ заключить, что частная собственность образовалась, по сторонамъ дороги, послѣ проложенія ея правительствомъ по государственнымъ землямъ. Указаніе апеллятора на случаи административнаго распоряженія упраздненными дорогами доказываетъ только, что казна въ качествѣ собственника, распорядилась ими, какъ желалось, отдавала участки дороги владѣльцамъ, чрезъ чьи земли она проходила или къ чьимъ землямъ она примыкала. Признавая, такимъ образомъ, что рѣшеніе Суда объ отказѣ въ искѣ правильно и что, за отказомъ въ существѣ главнаго предмета иска, не подлежитъ удовлетворенію и просьба о предоставленіи права въ исполнительномъ порядкѣ искать съ отвѣтчика доходы, полученные имъ отъ пользованія глиною съ искомаго участка дороги, Судебная Палата утвердила рѣшеніе Нѣжинскаго Окружнаго Суда. Повѣренный Богуславскаго, присяжный повѣренный Пеше, проситъ объ отмѣнѣ рѣшенія Судебной Палаты по слѣдующимъ основаніямъ: 1) заключеніе Палаты, что, по силѣ 406 стат. Тома X части I, всѣ большія почтовыя дороги составляютъ имущество казны, государства, по мнѣнію просителя, очевидно, неправильно, такъ какъ въ этой статьѣ вовсе не говорится о почтовыхъ дорогахъ, а лишь о большихъ дорогахъ, и притомъ изъ смысла этой статьи вовсе нельзя вывести, что большія дороги составляютъ исключительную собственность государства, такъ какъ наряду съ большими дорогами статья эта причисляетъ къ собственности государства также лѣса, озера и проч., которые весьма часто составляютъ собственность частныхъ лицъ. А потому, по мнѣнію просителя, возможны и случаи принадлежности частнымъ лицамъ права собственности на большую дорогу; 2) признавъ, что, по ст. 434 Тома X части I, право собственности казны на большія дороги ограничено правомъ участія общаго, Палата неправильно истолковала приведенную статью закона, такъ какъ въ

ней вовсе не говорится объ ограниченіи права собственности казны на большія дороги, а наоборотъ, ясно выражено, что владѣльцы земель, чрезъ которыя большія дороги пролегаютъ, не должны препятствовать проходу и проѣзду по онымъ, откуда вполнѣ очевидно, что большія дороги пролегаютъ чрезъ земли различныхъ владѣльцевъ, а не одной казны, и лишь ограничиваютъ права собственности этихъ владѣльцевъ на землю; 3) выводъ Палаты, что законныя основанія права собственности казны на большія дороги образовались или изъ права государства на всѣ земли, въ то время, когда не сложилось еще понятія о частной собственности и существовало преимущественно помѣстное право частныхъ лицъ, или въ порядкѣ, изложенномъ въ ст. 575 и слѣд. Т. X ч. I. ни на чемъ не основанъ и совершенно неправиленъ. По объясненію просителя, нѣтъ нигдѣ указанія на то, чтобы большая Кіево Московская дорога была проложена въ то доисторическое время, когда не сложилось даже и понятія о частной собственности, да и не могла она въ то время возникнуть, потому что не было въ ней тогда и надобности; 4) соображенія Палаты, что истецъ не представилъ доказательствъ, что предмѣстники его пользовались нѣдрами этой дороги и распоряжались ими на правѣ собственности и что дорога проложена правительствомъ чрезъ образовавшуюся уже частную собственность на земли, безъ соотвѣтственнаго удовлетворенія, противорѣчатъ существующимъ указаніямъ и рѣшеніямъ Сената, признавшаго, что нельзя требовать отъ стороны доказательства отрицательныхъ обстоятельствъ 5) равнымъ образомъ, неправильно заключеніе Палаты, что приведенные апелляторомъ случаи административнаго распоряженія упраздненными дорогами указываетъ только, что казна, въ качествѣ собственника, распоряжались ими по своему усмотрѣнію, отдавая участки дороги владѣльцамъ прилегающихъ земель. По объясненію просителя, изъ точнаго смысла приведенныхъ имъ административныхъ распоряженій и заключенія II отдѣленія собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА канцеляріи можно лишь вывести, что администрація считаетъ земли подъ дорогами собственностью владѣльцевъ земель, чрезъ которыя дороги тѣ проходятъ, и 6) Палата въ нарушеніе существующихъ узаконеній и разъясненій Сената, оставила безъ разсмотрѣнія приведенныя просителемъ въ апелляціи узаконенія Царя Алексѣя Михайловича и Императрицъ Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II, а равно доводы изъ статьи Н. Н. Селифонтова, написанной спеціально по спорному вопросу.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ настоящемъ дѣлѣ возникаетъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ земля подъ большими дорогами, государству—или собственникамъ тѣхъ имѣній, чрезъ которыя пролегаютъ большія дороги. По заключенію Судебной Палаты, большія дороги, на основаніи 406 ст. Т X ч. I, отнесены къ государственнымъ имуществомъ. Онѣ принадлежатъ казнѣ, причемъ право собственности казны, по силѣ 434 ст. Т. X ч. I, ограничено правомъ участія общаго. Эти соображенія Палаты не могутъ быть признаны правильными. Въ ст. 496 Т. X ч. I сказано: „всѣ имущества, не принадлежащія никому въ особенности, т.-е. ни частнымъ лицамъ, ни сословіямъ лицъ, ни дворцовому вѣдомству, ни удѣламъ, ни установленіямъ, принадлежатъ къ составу имуществъ государственныхъ. Таковы суть: казенныя земли, населенныя и не населенныя, пустопорожнія и дикія поля, лѣса, оброчныя статьи, морскіе берега, озера, судоходныя рѣки и ихъ берега, большія дороги, зданія какъ публичныя, такъ и казенныя, заводы и другія тому подобныя, также и движимыя имущества, къ нимъ принадлежащія“. Первая половина приведенной статьи признаетъ государственными имуществами лишь такія имущества, которыя не принадлежатъ никому въ особенности. Затѣмъ очевидно, что, по буквальному смыслу первой половины статьи, не всѣ имущества, поименованныя во второй ея половинѣ, могутъ быть признаны собственностію государства, а только тѣ изъ нихъ, которыя не принадлежатъ никому въ особенности. Такъ, во второй половинѣ статьи упоминаются лѣса, срочныя статьи, озера и заводы, изъ которыхъ самая большая часть принадлтжитъ не казнѣ, а частнымъ лицамъ, обществамъ, разнымъ установленіямъ, дворцовому и удѣльному вѣдом-

ствамъ (ст. 411—415 Т. X ч. I). Вслѣдствіе сего соображеніе Судебной Палаты, что, на основаніи 406 ст. Т. X ч. I, всѣ большія дороги составляютъ имущество казны, представляется несогласнымъ съ точнымъ смысломъ этой статьи. Судебная Палата также неправильно понимаетъ 434 ст. Т. X ч. I, которая, по заключенію Палаты, содержитъ въ себѣ ограниченіе права собственности казны на большія дороги правомъ участія общаго. Въ статьѣ этой сказано: „право прохода и проѣзда по большимъ дорогамъ и по водянымъ сообщеніямъ составляетъ общее пользованіе всѣхъ безъ изъятія. Владѣльцы земель, чрезъ которыя большія дороги пролегаютъ, не должны препятствовать никакимъ образомъ проходу и проѣзду по онымъ". Приведенная статья говоритъ о владѣльцахъ земель, чрезъ которыя пролегаютъ большія дороги. Слѣдовательно, она имѣетъ въ виду не одну казну, не одного владѣльца, а всѣхъ владѣльцевъ, чрезъ имѣнія коихъ проходятъ большія дороги. Затѣмъ, подъ землями, чрезъ которыя пролегаютъ большія дороги, очевидно, слѣдуетъ понимать не полосу земли подъ большими дорогами, а имѣнія, чрезъ которыя проходятъ дороги и которыя въ огромномъ большинствѣ случаевъ не принадлежатъ казнѣ. Наконецъ, если бы казна была единственною собственницею большихъ дорогъ, то не было бы основанія въ ст. 434 Т. X ч. I постановлять, что владѣльцы сосѣднихъ земель не должны препятствовать проходу и проѣзду по большимъ дорогамъ, такъ какъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что никто не въ правѣ препятствовать собственнику предоставлять всѣмъ и каждому проходить и проѣзжать по принадлежащей ему землѣ. Точно также не было бы основанія въ ст. 435 Тома X части I запрещать владѣльцамъ дачъ, прилегающихъ къ большой дорогѣ, скашивать и вытравлять траву, растущую на пространствѣ мѣрной дороги, ибо, очевидно, никто не въ правѣ пользоваться растущею на чужой землѣ травою. Если съ одной стороны изъ 406 ст. Т. X ч. I нельзя сдѣлать того вывода, что всѣ большія дороги составляютъ собственность казны, то, съ другой стороны, совокупное разсмотрѣніе 387, 406, 432—435, 575—593 ст. Т. X ч. I и Устава Путей Сообщенія Т. XII показываетъ, что земля подъ большими дорогами, составляя часть имѣній, чрезъ которыя проходятъ дороги, принадлежитъ собственникамъ этихъ имѣній; что дорога есть принадлежность земли, т. е. имѣнія (ст. 387); что въ отношеніи земли подъ большими дорогами право собственности представляется неполнымъ, ограниченнымъ въ пользованіи, владѣніи и распоряженіи—правомъ участія общаго (ст. 433), заключающимся въ правѣ всѣхъ безъ изъятія проходить и проѣзжать по большимъ дорогамъ (ст. 431), прогонять по нимъ скотъ и пользоваться для прогоняемаго скота растущею по дорогѣ травою (ст. 435); что въ силу неполнаго права собственности владѣльцы имѣній не въ правѣ пользоваться землею подъ большими дорогами, если пользованіе это въ чемъ-либо стѣсняетъ право участія общаго, если оно нарушаетъ неприкосновенность большой дороги, какъ пути сообщенія; что казна, какъ собственница казенныхъ земель, представляется также собственницею земли подъ большими дорогами, проходящими чрезъ казенныя земли, причемъ право ея собственности ограничено правомъ участія общаго (ст. 432, 435); что, кромѣ того, казнѣ принадлежитъ земля, отчужденная при проведеніи большихъ дорогъ изъ частнаго владѣнія въ порядкѣ, установленномъ въ ст. 575—593 Тома X части I, для отчужденія имуществъ для государственной или общественной пользы, и что государству, какъ власти, охраняющей общественные интересы, принадлежитъ завѣдываніе большими дорогами, какъ путями сообщенія, подобно тому, какъ оно завѣдываетъ судоходными рѣками; но права государства по завѣдыванію путями сообщенія не относятся къ области гражданскихъ правъ. Вообще въ нашемъ законодательствѣ можетъ быть проведена аналогія между большими дорогами и судоходными рѣками. Такъ, въ статьѣ 406 Тома X части I, наряду съ предметами, могущими составлять собственность государства, какъ казны,—напр., землями, лѣсами, зданіями и проч.,—поименованы судоходныя рѣки и ихъ берега и большія дороги. Между тѣмъ, судоходныя рѣки принадлежатъ казнѣ только въ томъ случаѣ, если онѣ находятся въ предѣлахъ казенныхъ земель, всѣ же прочія судоходныя рѣки состоятъ лишь въ завѣдываніи государства, какъ пути сообщенія.

Что судоходныя рѣки, ихъ берега, находящіеся въ предѣлахъ частныхъ имѣній, принадлежатъ не казнѣ, а собственникамъ имѣній, это доказывается 387, 424—429 и 464 ст. Т. X ч. I. По смыслу приведенныхъ статей, рѣки составляютъ принадлежность земель; береговымъ владѣльцамъ принадлежитъ право рыбной ловли, право перевоза и вообще право пользоваться рѣкою отъ своего берега до середины, если рѣка составляетъ границу имѣнія; имъ принадлежатъ также вновь появившіеся на рѣкѣ острова и земля, образовавшаяся вслѣдствіе уклоненія рѣки. Но право собственности на судоходныя рѣки и ихъ берега ограничивается въ общественномъ интересѣ, требующемъ предоставленія всѣмъ безъ изъятія пользоваться судоходными рѣками, какъ водяными сообщеніями. Эти ограниченія указаны какъ въ законахъ гражданскихъ (434, 437—440 Т. X ч. I), такъ и въ Уст. Пут. Сообщ. (Т. XII). Законы межевые, подобно законамъ гражданскимъ, также одинаково смотрятъ на большія дороги и на судоходныя рѣки. На основаніи 542—544, 551, 552, 579 и 876 ст. X Т. 3 ч., земля подъ дорогами, какъ большими, такъ и малыми, подъ бечевниками и рѣками, не причисляется къ числу удобныхъ земель, не полагается въ пространство крѣпостныхъ дачъ и относится, наравнѣ съ оврагами, болотами, водороинами и песками, къ неудобной землѣ, которая оставляется владѣльцамъ, въ чьихъ дачахъ окажется, сверхъ надлежащей по крѣпостямъ пропорціи; вмѣсто земли, отрѣзанной отъ владѣльцевъ подъ большія и малыя дороги и бечевниками, имъ нарѣзается такое же количество изъ примѣрныхъ земель; большія и малыя дороги и бечевники означаются въ межевыхъ планахъ и межевыхъ книгахъ подлежащихъ дачъ. Приведенныя правила также подтверждаютъ то положеніе, что земля подъ большими дорогами принадлежитъ собственникамъ имѣній, чрезъ которыя проходятъ дороги. Такъ, въ этихъ правилахъ не дѣлается различія между большими и малыми дорогами, а, между тѣмъ, въ отношеніи малыхъ дорогъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что земля подъ ними принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ, а не казнѣ, земля подъ большими дорогами относится къ неудобной землѣ, которая оставляется у владѣльцевъ, сверхъ принадлежащей имъ по крѣпостямъ пропорціи; на большія дороги не составляется отдѣльныхъ межевыхъ плановъ и вообще большія дороги сравнены съ бечевниками, которыми владѣльцы, согласно яснымъ постановленіямъ закона, могутъ пользоваться, не стѣсняя лишь потребностей судоходства (ст. XII Уст. Пут. Сообщ. 358 и 362). Руководствуясь изложенными соображеніями, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Судебная Палата не имѣла законнаго основанія признавать казну единственною собственницею земли подъ всѣми большими дорогами, а потому о п р е д ѣ л я е т ъ: рѣшеніе Харьковской Судебной Палаты, по нарушенію 406 и 434 ст. I ч. X Т. Св. Зак, отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты.

91.—1882 г. мая 19 дня. *По прошенію пов. кол. ассесора Александра Володимерова, прис. пов. Думашева, объ отмѣнѣ рѣшенія Харьковской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. А. Книримъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. В. Домерниковъ).

Присяжный повѣренный Думашевъ, по довѣренности Александра Володимерова, предъявилъ искъ къ Ивану Додонову, причемъ объяснилъ, что по смерти Семена Володимерова, дѣда его довѣрителя, осталось 89 дес. земли въ дачѣ д. Кишкиной. Къ имѣнію этому довѣритель его утвержденъ въ правахъ наслѣдства, а, между тѣмъ, онымъ завладѣлъ Додоновъ и владѣетъ до настоящаго времени, около 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Додоновъ пользовался пашенной и сѣнокосной землей, а строевой лѣсъ въ количествѣ 25 дес. 609 саж. вырубилъ въ свою пользу, вслѣдствіе чего Думашевъ просилъ Окружный Судъ признать за Володимеровымъ право собственности на 89 дес. 1800 кв. саж. въ дачѣ д. Кишкиной и признать за Володимеровымъ право на отысканіе съ Додонова убытковъ за провладѣніе и пользованіе означенною землею и количество этихъ убытковъ предоставить Володимерову доказывать въ порядкѣ исполнительнаго производ-

ства. При исковомъ прошеніи Думашевъ представилъ: 1) копію съ опредѣленія Орловскаго Окружнаго Суда 30 мая 1878 года объ утвержденіи Володимерова въ правахъ наслѣдства къ имѣнію полковника Семена Володимерова заключающемуся въ 89 дес. 1800 кв. саж. въ дачѣ дер. „Кишкиной“, и 2) полюбовную сказку, утвержденную Болховскимъ уѣзднымъ судомъ 2 мая 1845 года между владѣльцами дачи дер. „Кишкиной“, по которой означенному полковнику Володимерову досталась земля, нынѣ спорная. Повѣренный Додонова, Поповъ, объяснилъ, что истецъ Володимеровъ не владѣлъ спорной землей болѣе 10 лѣтъ, въ доказательство чего сослался на свидѣтелей, которые были допрошены на мѣстѣ, при бытности повѣренныхъ сторонъ, и подъ присягой дали слѣдующія показанія: священникъ Феноменовъ—что съ 1854 года спорная земля въ количествѣ 89 дес. 1800 кв. саж. въ дачѣ дер. „Кишкиной“ находилась во владѣніи генеральши Бѣлявцевой, а затѣмъ въ 1867 и 1868 г.г. земля эта перешла къ Додонову по купчей крѣпости. Спорную землю у Бѣлявцевой купили 2 брата Николай и Иванъ Додоновы, а затѣмъ они раздѣлились, и эта земля отошла къ Ивану Додонову по истеченіи со дня купли приблизительно около двухъ лѣтъ. Дьячекъ Булгаковъ—что лѣтъ 25 тому назадъ землей владѣла Бѣлявцева, а затѣмъ вступили во владѣніе Додоновы, которые владѣютъ съ 1868 г. апрѣля мѣсяца. Пркчетникъ Генерозовъ показалъ, что онъ поступилъ въ село на службу въ 1867 г. и слышалъ отъ управляющаго Бѣлявцевой, что спорной землей при д. „Кишкиной“ владѣла Бѣлявцева, а въ 1868 г. купили ее Додоновы, которые въ этомъ году и сѣяли яровое. Дмитрій Винокуровъ, крестьянинъ села „Однолукъ“, показалъ, что земля спорная, лѣтъ 30 или больше назадъ, была дана Володимеровымъ въ приданое дочери Екатеринѣ Семеновнѣ, при выходѣ ея замужъ за Бѣлявцева, и затѣмъ Бѣлявцева все время ею владѣла, а потомъ, лѣтъ 10 или 11 назадъ, продала Додонову на Ѳоминой недѣлѣ, такъ что онъ уже сѣялъ яровое. Артамонъ Павлюхинъ показалъ, что сперва спорная земля была у Володимеровыхъ, а потомъ, когда при выходѣ замужъ Екатерины Семеновны за Бѣлявцева она была отдана ей, владѣла съ тѣхъ поръ Бѣлявцева, но какъ приданымъ, или еще какъ, онъ не знаетъ. Было это еще до воли. Послѣ Бѣлявцевой спорной землей владѣютъ Додоновы, сколько же лѣтъ, онъ не знаетъ. Иванъ Исаевъ показалъ, что въ 1867 и 1868 г.г. онъ былъ управляющимъ у генерала Бѣлявцева и въ это время, по довѣренности, онъ управлялъ спорной землей, а до этого времени слышалъ только, что владѣлъ тоже Бѣлявцевъ ею—положительно извѣстно съ 1865 года, а раньше этого—вѣрно онъ не знаетъ, но также слышалъ, что земля эта принадлежитъ Бѣлявцевой, что, по довѣренности Бѣлявцева, онъ распоряжался всѣми имѣніями—при Насѣдкинѣ, Синцѣ, Володимировкѣ, Лыковѣ, Однолукахъ и собираемые доходы съ нихъ передавалъ Бѣлявцеву; что онъ завѣдывалъ имѣніемъ Бѣлявцева съ 1 апрѣля 1868 года отъ имени Додоновыхъ. Разсмотрѣвъ апелляціонную жалобу Думашева на рѣшеніе Орловскаго Окружнаго Суда, отказавшаго въ искѣ, Харьковская Судебная Палата нашла, что указаніе Думашева на то, что Окружный Судъ неправильно допустилъ свидѣтельскія показанія въ доказательство продолжительности владѣнія, лишено законнаго основанія, такъ какъ, по силѣ 3 п. 409 ст. Уст. Гр. Суд., право на имѣніе, пріобрѣтенное въ силу давности владѣнія, можетъ быть доказываемо показаніями свидѣтелей (рѣш. Гражд. Кассац. Департ. 1876 г. № 321). Настолько же неосновательно указаніе во 2 п. жалобы, ибо, допрашивая, по ссылкѣ отвѣтчика, свидѣтелей въ удостовѣреніе того, что истецъ не владѣлъ спорнымъ имѣніемъ болѣе 10 л., и, получая отвѣты свидѣтелей, что спорною землею владѣла Бѣлявцева, Судъ не могъ не занести этихъ отвѣтовъ въ протоколъ, такъ какъ ими разрѣшается возбужденный вопросъ о томъ, не владѣлъ ли истецъ спорною землею въ теченіе 10 лѣтъ. Таковыми же представляются возраженія апеллятора, указанныя въ 3 и 4 п.п. жалобы Думашева, потому что Додоновъ противъ иска, предъявленнаго къ нему Володимеровымъ, защищался тѣмъ, что истецъ въ теченіе 10 лѣтъ не заявилъ законнымъ порядкомъ своихъ правъ собственности на отыскиваемое имъ имѣніе и чрезъ то потерялъ право на предъявленіе иска (ст. 692 Т. X ч. I). При такомъ возраженіи такъ

какъ свидѣтельскими показаніями, вполнѣ ясными, точными и потому заслуживающими полнаго довѣрія, установлено, что истецъ спорною землею никогда не владѣлъ, въ силу 692 ст. Т. X ч. I и 4 ст. Уст. Гр. Суд., устраняется законное основаніе для повѣрки правъ собственности противной стороны; засимъ суду и не предстояло надобности входить въ разсмотрѣніе, какого свойства было владѣніе Додонова, доказывается-ли его право купчею крѣпостью, имъ представленною, и дѣйствительно ли по онымъ ему продана спорная земля (рѣш. Гр. Кас. Деп. 1874 г. № 269). Наконецъ, переходя къ обсужденію ходатайства истца о производствѣ дознанія чрезъ окольныхъ людей о томъ, что Бѣлявцева не владѣла спорною землею на правѣ собственности, а лишь распоряжалась имѣніемъ по разрѣшенію владѣльца, Палата находитъ, что и это домогательство лишено законныхъ основаній, такъ какъ Семенъ Володимеровъ, послѣ котораго Александръ Володимеровъ, отыскиваетъ наслѣдство, умеръ еще въ 1856 году, а истецъ утвержденъ въ правахъ наслѣдства лишь въ 1878 году, изъ чего при сопоставленіи съ свидѣтельскими показаніями о владѣніи Бѣлявцевой само собою вытекаетъ, что послѣдняя владѣла какъ собственница, ибо о томъ, что имѣніе принадлежало кому-либо другому, отъ котораго Бѣлявцева могла получить разрѣшеніе, никакихъ указаній нѣтъ. По симъ соображеніямъ Судебная Палата отказала Володимерову въ искѣ. На это рѣшеніе повѣренный Володимерова присяжный повѣренный Думашевъ, принесъ кассаціонную жалобу, въ которой указываетъ на нарушеніе Судебною Палатою 366, 409, 412, 589 и 706 ст. Уст. Гр. Суд. и 533, 557—560, 567, 694 и п.п. 1 и 6 прил. къ ст. 694 Т. X ч. I по прод. 1876 г.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по объясненію Думашева, на основаніи 6 п. прил. къ 694 ст. Т. X ч. I по прод. 1876 г., пропущеніе срока на вызовъ наслѣдниковъ не лишаетъ ихъ права на отысканіе наслѣдства, если они со времени припечатанія о вызовѣ наслѣдниковъ въ вѣдомостяхъ не пропустили десятилѣтней давности; что въ настоящемъ дѣлѣ споръ шелъ о недвижимомъ имуществѣ, на основаніи наслѣдственнаго права; что третья публикація о вызовѣ наслѣдниковъ къ имуществу дѣда истца Семена Володимерова была припечатана въ С. Петербургскихъ Сенатскихъ Объявленіяхъ 13 сентября 1876 года; что Александръ Володимеровъ былъ утвержденъ въ правахъ наслѣдства къ спорному имуществу 30 мая 1878 года и въ томъ же 1878 году предъявилъ искъ къ Додонову, и что затѣмъ Судебная Палата совершенно неправильно признала Александра Володимерова пропустившимъ десятилѣтнюю давность на отысканіе земли изъ владѣнія Додонова по наслѣдственному праву. Эти объясненія Думашева не могутъ быть признаны правильными. По закону отсутствующимъ наслѣдникамъ производится вызовъ въ вѣдомостяхъ (1239 ст. Т. X ч. I). Буде отсутствующіе наслѣдники не явятся въ теченіе полугода со дня послѣдняго припечатанія въ публичныхъ вѣдомостяхъ, то на-лицо находящіеся наслѣдники вступаютъ по истеченіи сего срока во владѣніе оставшимся наслѣдствомъ; но симъ отсутствующіе наслѣдники не теряютъ своего права на открытіе спора, установленнымъ порядкомъ и въ опредѣленные сроки (1241 ст. Т. X ч. I). Пропущеніе положеннаго срока на вызовъ наслѣдниковъ не лишаетъ ихъ права къ отысканію наслѣдства, буде они со времени припечатанія о томъ въ вѣдомостяхъ не пропустили десятилѣтней давности (п. 6 прилож. къ ст. 694 Т. X ч. I по продолж. 1876 года). Кто въ теченіе десятилѣтняго срока не явится для полученія наслѣдства, тотъ лишается онаго навсегда (ст. 1246 Т. X ч. I). Изъ приведенныхъ статей видно, что правило объ исчисленіи исковой давности со дня публикаціи въ вѣдомостяхъ о вызовѣ наслѣдниковъ установлено только для наслѣдственныхъ исковъ, т.-е. для отысканія имущества отъ лицъ, вступившихъ во владѣніе онымъ въ качествѣ наслѣдниковъ умершаго и оспаривающихъ наслѣдственныя права истцовъ, и что оно не примѣняется къ искамъ о правѣ собственности, къ отысканію имущества отъ посторонникъ лицъ, нарушившихъ владѣніе истца, или же его умершаго родственника, послѣ котораго истецъ состоитъ наслѣдникомъ. Настоящій искъ Александра Володимерова къ Додонову не можетъ быть признанъ наслѣдствен-

нымъ, такъ какъ Додоновъ не представляется наслѣдникомъ Семена Володимер ва и не оспариваетъ наслѣдственныхъ правъ Александра Володимерова, а утверждаетъ, что онъ купилъ имѣніе отъ Бѣлявцевой, дочери Семена Володимерова, и что Александръ Володимеровъ пропустилъ десятилѣтнюю давность на предъявленіе иска. Вслѣдствіе сего Судебная Палата, не примѣнивъ къ настоящему дѣлу 6 п. прил. къ 694 ст. X Т. ч. I по прод. 1876 г., поступила вполнѣ правильно. Затѣмъ Думашевъ объясняетъ, что Судебная Палата нарушила 409 ст. Уст. Гражд. Суд., допущеніемъ свидѣтельскихъ показаній, вмѣсто дознанія чрезъ окольныхъ людей, въ доказательство давности по дѣлу, производившемуся въ состязательномъ порядкѣ, и 412 ст. Уст. Гр. Суд., и 567 ст. X Т. I ч.—отказомъ истцу въ производствѣ дознанія чрезъ окольныхъ людей, въ подтвержденіе того, что Володимеровъ, а не Бѣлявцева, пользовался доходами со спорной земли. Эти объясненія Думашева также не заслуживаютъ уваженія. Ст. 409 Уст. Гражд. Суд. помѣщена въ кн. 2 Уст. о порядкѣ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и, очевидно, допускаетъ свидѣтельскія показанія по вопросу о давности по исковымъ дѣламъ, производящимся въ состязательномъ порядкѣ, а не по дѣламъ охранительнаго производства, о которыхъ говоритъ книга 4 Устава. Кромѣ того самое дознаніе чрезъ окольныхъ людей, допускаемое по вопросу о продолжительности поземельнаго владѣнія, есть тоже допросъ свидѣтелей, съ тою лишь разницею, что свидѣтели окольные люди, выбираются изъ мѣстныхъ старожиловъ, по соглашенію обѣихъ тяжущихся сторонъ, или же по жребію (ст. 412—437 Уст. Гр. Суд.). Наконецъ, заключеніе Судебной Палаты о томъ, что дознаніе чрезъ окольныхъ людей по обстоятельствамъ дѣла представляется излишнимъ, относится къ фактической сторонѣ дѣла, и за силою 12 ст. Учр. Касс. Д—товъ Сената, не подлежитъ повѣркѣ Сената въ кассаціонномъ порядкѣ. Думашевъ далѣе объясняетъ что Судебная Палата, признавъ, что, Додоновъ не обязанъ доказывать пріобрѣтеніе спорной земли владѣніемъ въ теченіе земской давности и что ему достаточно доказать непредъявленіе Володимеровымъ иска о правѣ собственности въ продолженіе десяти лѣтъ, нарушила 533, 557—560, 569 и 694 ст. I ч. Т. X и 366, 587 и 706 ст. Уст. Гражд. Судопр., такъ какъ отвѣтчикъ, ссылаясь на давность, долженъ доказать: 1) что онъ пріобрѣлъ право по давности, т.-е. владѣлъ спорною землею, безспорно, непрерывно и на правѣ собственности, и 2) что истецъ не владѣлъ спорною землею, не пользовался и не распоряжался оною въ теченіе десяти лѣтъ. Но Судебная Палата установила, что истецъ спорною землею никогда не владѣлъ, что Семенъ Володимеровъ, къ коему въ правахъ наслѣдства Александръ Володимеровъ утвержденъ въ 1878 г., умеръ еще въ 1856 г., и что Бѣлявцева, у которой Додоновъ купилъ спорную землю, владѣла этою землею, какъ собственница. Въ виду сего заключенія, относящагося къ фактической сторонѣ дѣла и неподлежащаго повѣркѣ Сената въ кассаціонномъ порядкѣ, Судебная Палата, руководствуясь 691 и 692 ст. Т. X ч. I, по коимъ непредъявившій въ теченіе десяти лѣтъ иска объ отысканіи имущества изъ чужого неправильнаго владѣнія теряетъ свое право, имѣла законное основаніе признать Александра Володимерова пропустившимъ десятилѣтнюю давность на отысканіе спорной земли и ни въ чемъ не нарушила указанныхъ Думашевымъ статей закона. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: прошеніе повѣреннаго коллежскаго ассесора Володимерова, присяжнаго повѣреннаго Думашева, за силою 793 ст. Уст. Гражд. Суд., оставить безъ послѣдствій.

92.—1882 года мая 19 дня. *По прошенію казака Ивана Хоменка объ отмѣнѣ постановленія Гадячскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Я. Голубевъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. В. Домерниковъ).

Казакъ Иванъ Хоменко, представляя исполнительный листъ Мирового Судьи, выданный на взысканіе денежной суммы съ крестьянина Еремѣя Даценка, просилъ Мирового Судью, въ случаѣ неуказанія должникомъ

средствъ къ уплатѣ долга, отдать его, Даценка, въ отработки постороннимъ лицамъ, согласно 400—406 ст. Уст. о благ. въ казен. зеленіяхъ, и передавать просителю заработанныя деньги. Вызванный Мировымъ Судьею Даценко не изъявилъ желанія поступить къ постороннимъ лицамъ для отработка неуплаченныхъ имъ Хоменку денегъ. Мировой Судья отказалъ въ просьбѣ Хоменка. Гадячскій Мировой Съѣздъ нашелъ, что въ числѣ способовъ исполненія судебныхъ рѣшеній въ Уставѣ Гражд. Судопроизв. не помѣщена отдача должника въ заработки; указываемыя же просителемъ ст. Устава о благостр. въ казен. селен. относятся до приведенія въ исполненіе приговоровъ волостныхъ судовъ и не могутъ касаться исполненія рѣшеній Мировыхъ Судей. Посему Гадячскій Мировой Съѣздъ оставилъ жалобу Хоменка безъ послѣдствій. Хоменко просилъ о кассаціи этого постановленія, по нарушенію 400—406 ст. Уст. о благ. въ казен. сел. и указа Правительствующаго Сената отъ 23 іюля 1871 г.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ Уст. о благ. въ каз. сел. (Т. XII ч. 2 Св. Зак. изд. 1876 г.) установленъ особый порядокъ исполненія приговоровъ сельской и волостной расправъ (ст. 380 и слѣд.) и рѣшеній судебныхъ мѣстъ (ст. 406), указывающій постепенность способовъ исполненія и исключающій изъ публичной продажи такое имущество, отчужденіе котораго повлекло бы разстройство хозяйства и остановило бы земледѣльческія и промышленныя занятія должника. Въ случаѣ неимѣнія у должника движимаго и недвижимаго имущества, достаточнаго на удовлетвореніе долга, ст. 400—404 сего устава дозволяютъ обществу употреблять должника крестьянина въ общественныя работы, или отдавать его въ заработокъ другимъ крестьянамъ, съ обращеніемъ заработной платы въ пользу истца. Эти правила, существовавшія для бывшихъ государственныхъ крестьянъ, распространены въ 1861 г. на всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и въ прим. 3 къ 24 ст. Общ. Пол. о кр. выражено, что денежныя взысканія съ крестьянъ производятся примѣняясь къ ст. 384—407 Уст. о благ. въ каз. сел Послѣ сего, при изданіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., по которымъ рѣшеніями мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій денежныя взысканія могутъ быть присуждаемы и съ крестьянъ, тѣмъ не менѣе, въ Уст. Гр. Суд. (ст. 159, 184, 933, 934—936), въ числѣ способовъ исполненія рѣшеній, не указана отдача въ общественныя работы или въ заработокъ частнымъ лицамъ. Если бы имѣлось въ виду сохраненіе такого способа взысканія при исполненіи рѣшеній, постановленныхъ по Уставамъ 20 ноября 1864 г., то въ сихъ Уставахъ былъ бы несомнѣнно указанъ порядокъ примѣненія этого способа исполненія судебными установленіями или исполнительными судебными органами. Отсутствіе въ семъ позднѣйшемъ законоположеніи указанія на такой способъ исполненія и на порядокъ его примѣненія свидѣтельствуетъ, что при денежныхъ взысканіяхъ по рѣшеніямъ судебныхъ установленій, образованныхъ по Уставамъ 20 ноября 1864 г., нельзя обращаться къ понудительной отдачѣ должника въ заработки. Этотъ выводъ не находится въ противорѣчіи съ разъясненіемъ въ указѣ 1 Д та Правительствующаго Сената 23 іюля 187і г., распубликованномъ въ № 65 Собр. Узак. и расп. прав. 1871 г., подъ статьею 631. Указъ этотъ, какъ видно изъ сего содержанія, послѣдовалъ по вопросу о примѣненіи ст. 384—407 Уст. о благ. въ каз. сел. въ продажѣ крестьянскаго имущества въ мѣстностяхъ, гдѣ введены Судебные Уставы. Но какъ продажа имущества причислена и въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства къ способамъ исполненія рѣшенія (п.п. 2 и 3 ст. 933), то изъ того, что при примѣненіи этого способа сохраняютъ силу особыя правила о порядкѣ обращенія взысканія на крестьянское имущество, нельзя заключить, чтобы къ исполненію судебныхъ рѣшеній, постановленныхъ по Уставамъ 20 ноября 1864 г., примѣнялся и такой способъ взысканія, который въ сихъ Уставахъ не предусмотрѣнъ. Хотя, на основаніи приведеннаго указа 1 Д мента Правительствующаго Сената, въ продолженіи 1876 года подъ ст. 384—407 Устава казен. сел. пояснено, что правила о порядкѣ исполненія судебныхъ рѣшеній касательно денежныхъ взысканій съ крестьянъ, изложенныя въ этомъ Уставѣ,

должны считаться сохранившими свою силу и за изданіемъ Судебн. Уст., но и это поясненіе можетъ быть понимаемо также только въ вышеупомянутомъ ограниченномъ смыслѣ, т.-е. въ отношеніи сохраненія сими правилами силы по способамъ взысканія, предусмотрѣннымъ и Судебн. Уст. Подтвержденіемъ сему служитъ то, что въ Уст. Гр. Суд. изданія 1876 г., обнародованнаго одновременно съ поименованнымъ продолженіемъ, разъясненіе 1 Д та Сената послужило основаніемъ къ дополненію ст. 973 объ арестѣ движимости новымъ, десятымъ пунктомъ о движимости крестьянъ, но ст. 933 о способахъ исполненія не дополнена указаніемъ на отдачу крестьянъ въ заработки. Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія и того, что въ указѣ 1 Д та Правительствующаго Сената 11 января 1878 г., распубликованномъ въ № 16 Собр. узак. и расп. прав. 1878 г. подъ ст. 62 и послѣдовавшемъ по вопросу о порядкѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, и въ правилахъ по сему предмету, составленныхъ на основаніи этого указа и помѣщенныхъ въ прил. къ ст. 24 Общ. Пол. о кр. по прод. 1879 г., при разъясненіи порядка исполнительныхъ дѣйствій судебныхъ приставовъ по Уст. Гр. Суд. и вышеуказаннымъ стат. Уст. о благ. въ каз. сел., не упомянуто объ отдачѣ крестьянъ въ заработки для удовлетворенія взысканія. На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что при исполненіи судебныхъ рѣшеній мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій, образованныхъ по Уставамъ 20 ноября 1864 г., о денежномъ взысканіи съ крестьянъ, взыскателю не принадлежитъ право требовать понудительной отдачи должника въ общественныя работы или въ заработокъ частнымъ лицамъ, для пополненія присужденной суммы заработанными деньгами. Посему, признавая, что отказъ Гадячскаго Мирового Съѣзда въ просьбѣ Хоменка объ отдачѣ Даценка въ заработки, для удовлетворенія взысканія по исполнительному листу Мирового Судьи, не нарушаетъ приведенныхъ въ кассаціонной жалобѣ Хоменка статей 400—406 Уст. о благ. въ каз. сел. и указа 1 Д та Сената 23 іюля 1871 г.,—Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: просьбу казака Хоменка, за силою 186 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

93.—1882 г. мая 26 дня. *По прошенію повѣреннаго статскаго совѣтника Гетца, присяжнаго повѣреннаго Шифера, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующій Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. К. Фриде; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. Н. Грешищевъ).

Повѣренный статскаго совѣтника Петра Гетца предъявилъ искъ къ обществу Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, объясняя, что при крушеніи поѣзда 29 ноября 1878 года въ числѣ пострадавшихъ пассажировъ находился довѣритель его, тогда главный врачъ Кавказскаго военно-временнаго № 29 госпиталя, Гетцъ, который получилъ контузіи лѣваго голеностопнаго сустава и всей лѣвой стопы, съ особенно сильнымъ ушибомъ лѣвой стороны груди; вслѣдствіе означенныхъ поврежденій Гетцъ принужденъ былъ съ 29 ноября по 19 декабря оставаться и пользоваться въ гостиницѣ въ Ростовѣ на Дону, а 19 декабря отправиться для дальнѣйшаго лѣченія въ С.-Петербургъ и долженъ былъ лѣчиться по 16 февраля 1879 года на дому и съ этого числа по половину іюля продолжать пользоваться въ институтѣ врачебно механической гимнастики доктора Дьяковскаго, причемъ не могъ заниматься врачебной практикой. Будучи въ началѣ декабря 1878 года отчисленъ отъ должности главнаго врача, единственномъ для Гетца источникомъ доходовъ могла быть частная врачебная практика, каковою онъ пользоваться не могъ. Вслѣдствіе изложеннаго Гетцъ понесъ ущербъ, выразившійся въ утратѣ доходовъ отъ врачебной практики, въ продолженіе 7½ мѣсяцевъ, считая по 300 р. въ мѣсяцъ, 2250 руб., въ расходѣ на пребываніе въ Ростовѣ въ гостиницѣ 86 р. 40 коп., платѣ прислужнику и за медикаменты въ Ростовѣ 22 руб. 60 коп., на телеграммы, отосланныя начальству и род-

нымъ, 28 руб. 20 коп. и за пользованіе массажемъ на дому и въ институтѣ 115 руб., а всего 2502 руб. 20 коп. По этимъ основаніямъ повѣренный истца просилъ взыскать съ отвѣтчика 2502 руб. 20 коп., съ % со дня предъявленія иска, и возложить судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла на общество. Со стороны повѣреннаго отвѣтчика письменнаго возраженія противъ иска не послѣдовало, но въ разъясненіе дѣла представлены: сообщенія технически инспекторскаго комитета желѣзныхъ дорогъ министерства путей сообщенія отъ 29 го октября 1879 года, изъ котораго видно, что наиболѣе вѣроятною причиною крушенія поѣзда, происшедшаго 29 ноября 1879 г. на станціи Батайскъ, былъ лопнувшій правый рельсъ № 14, и удостовѣреніе и д. судебнаго слѣдователя Таганрогскаго Окружнаго Суда отъ 25 марта 1880 года, а въ засѣданіи Суда повѣренный отвѣтчика, указывая на то, что рельсы кладутся въ дѣло послѣ испытанія ихъ годности, что посему правленіе дороги не можетъ быть отвѣтственнымъ въ непредвидимой порчѣ рельса, лопнувшаго по неизвѣстной причинѣ, просилъ въ искѣ Гетца отказать; но если-бы Судъ призналъ, что крушеніе поѣзда близъ станціи Батайскъ произошло отъ непредусмотрительности лицъ, служащихъ у общества Ростово Владикавказской желѣзной дороги, то и въ такомъ случаѣ общество не обязано отвѣчать за утрату истцомъ доходовъ отъ врачебной практики и посылку телеграммъ къ начальству и роднымъ, а только за тѣ убытки, которые имъ понесены на лѣченіе и уходъ за собою; въ виду сего, не оспаривая размѣра иска, онъ просилъ Судъ въ искѣ Гетцу отказать. Разсмотрѣвъ дѣло, Окружный Судъ нашелъ, что, по точному смыслу 683 ст. I ч. X Тома, нѣтъ основаній къ освобожденію отвѣтчика отъ обязанности вознаградить истца за убытки, причиненные ему крушеніемъ поѣзда. Переходя къ разсмотрѣнію количества убытковъ, Окружный Судъ нашелъ, что, на основаніи 657, 658, 659 (по продолж. 1863 года), 660—662 и 675 ст. (по прод. 1864 г.) I ч. X Тома, размѣръ вознагражденія долженъ зависѣть исключительно отъ понесеннаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ущерба; хотя въ законахъ гражданскихъ нѣтъ точнаго опредѣленія самаго понятія ущерба, но изъ сопоставленія отдѣльныхъ статей закона, а именно: 657, 658, 660, 661 и 671 ст. I ч. X Тома, подъ понятіемъ ущерба слѣдуетъ разумѣть всякое уменьшеніе средствъ въ экономическомъ положеніи лица потерпѣвшаго. Вслѣдствіе сего и въ виду того, что, по объясненіямъ повѣреннаго истца, не оспореннымъ отвѣтчикомъ, истецъ Гетцъ, получивъ 28 го ноября 1878 года поврежденіе въ здоровьѣ, въ продолженіе 7 1/2 мѣсяцевъ лишенъ былъ возможности заниматься частною врачебною практикою; кромѣ того, принужденъ былъ въ продолженіе этого времени пользоваться лѣченіемъ и, наконецъ, долженъ былъ уплатить за пребываніе свое въ Ростовѣ на Дону въ гостиницѣ, слѣдуетъ признать, что на обязанности отвѣтчика лежитъ вознаградить истца за вышеуказанные убытки. По симъ основаніямъ и имѣя въ виду, что противъ размѣра убытковъ, показанныхъ истцомъ, отвѣтчикъ не споритъ; что истецъ, въ качествѣ врача, получалъ до причиненія ему поврежденія жалованья по 250 р. въ мѣсяцъ; что за пребываніе въ гостиницѣ и за лѣченіе истцу причитается, по силѣ 660 ст. Т. X ч. I, 224 руб.; что требованіе истца о взысканіи съ отвѣтчика 28 руб. 20 коп. за телеграммы не заслуживаетъ удовлетворенія, Окружный Судъ 7 апрѣля 1880 г. постановилъ: на удовлетвореніе Гетца взыскать съ общества Ростово Владикавказской желѣзной дороги 2099 р., съ проц. съ 6 ноября 1879 г., и судебныхъ издержекъ и за веденіе дѣла 155 р. 75 к. Въ принесенной на это рѣшеніе жалобѣ повѣренный отвѣтчика указывалъ, что Судъ не принялъ въ соображеніе его объясненій о томъ, что доброкачественность рельса, прежде чѣмъ оный будетъ уложенъ на полотно дороги, изслѣдуется правительственной комиссіей и только по признаніи комиссіей, что рельсъ удовлетворяетъ техническимъ требованіямъ, онъ допускается къ употребленію при эксплоатаціи дороги. Далѣе понятію ущерба придано Судомъ значеніе, несогласное съ буквальнымъ смысломъ закона. Такъ, по 657 ст. Т. X ч. I, виновный въ лишеніи жизни лица, содержавшаго своими трудами семью, обязанъ вознаградить не всякое уменьшеніе средствъ лица, а только доставить по возможности приличное и достаточное содержаніе семьѣ потерпѣвшаго, при-

чемъ размѣръ сего содержанія соразмѣряется съ имуществомъ обязаннаго. Точно также понятіе ущерба, какъ оно установлено судомъ, несогласно съ содержаніемъ 658 ст. X Т. I ч. По этой статьѣ виновный обязанъ вознаградить издержки, въ ней указанныя, но не потерянныя выгоды. Косвенный вредъ, если и можетъ быть признанъ судомъ, то только въ случаяхъ имущественнаго ущерба (67 ст. Т. X ч. I). Судъ же эту особенность закона упустилъ изъ вида. Наконецъ, неправиленъ выводъ, сдѣланный Судомъ изъ 661 ст. Т. X ч. I. Изъ обязанности виновнаго доставлять опредѣленное вознагражденіе не вытекаетъ, чтобы лицо, лишенное возможности временно, по чьей-либо винѣ, получать обычный свой заработокъ, въ правѣ было искать этотъ заработокъ съ виновнаго. По приведеннымъ основаніямъ онъ находилъ неправильнымъ признаніе судомъ за истцомъ Гетцемъ права на вознагражденіе за неполученное имъ жалованье, въ теченіе $7^1/_2$ мѣсяцевъ, по 250 рублей въ мѣсяцъ, и просилъ Палату: а) назначить экспертизу для опредѣленія причинъ крушенія поѣзда и б) рѣшеніе Окружнаго Суда отмѣнить, возложивъ на истца издержки. Выслушавъ объясненія повѣреннаго истца и сообразивъ обстоятельства дѣла, Судебная Палата нашла возраженіе апеллятора, что причину крушенія поѣзда нельзя отнести къ отвѣтственности управленія дороги, недоказаннымъ, а посему признала, что требованіе истца о возмещеніи понесеннаго имъ убытка по винѣ дороги не можетъ быть отвергнуто, но, переходя къ обсужденію убытковъ, которые истецъ считаетъ себя въ правѣ отыскивать съ отвѣтчика, Судебная Палата нашла, что, въ силу 683 ст. I ч. X Т. (по прод. 1879 г.), вознагражденіе за убытки въ подобныхъ случаяхъ назначается на основаніи 657, 658, 659 (по прод. 1876 г.), 660—662 и 675 ст. (по продолж. 1876 года). Изъ числа этихъ законовъ къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла надлежитъ примѣнить 660 ст., по которой виновный въ причиненіи кому либо вреда въ здоровьѣ обязанъ вознаградить за расходы по лѣченію и на попеченіе о немъ во время болѣзни, а если онъ имѣетъ семейство и содержитъ его собственными трудами, то возвратить суммы, употребленныя на содержаніе семьи до выздоровленія. Точный смыслъ этого закона показываетъ, какіе именно расходы, понесенные пострадавшимъ, могутъ быть предметомъ иска, подлежащимъ возмещенію лицомъ, причинившимъ другому поврежденіе въ здоровьѣ; въ числѣ этихъ расходовъ законъ не упоминаетъ о заработной платѣ, составляющей предметъ иска Гетца, въ суммѣ 2250 руб., и удовлетворенной судомъ въ размѣрѣ 1875 руб. Въ виду ясности этого законоположенія, Окружный Судъ не могъ удовлетворить это требованіе; но рѣшеніе суда въ этомъ отношеніи неправильно еще и потому, что истецъ даже не представилъ доказательствъ правильности заявленнаго имъ размѣра этой суммы, тогда какъ количество получаемаго имъ содержанія по службѣ до болѣзни и указаніе имъ же, что онъ оставилъ службу вовсе не по болѣзни, не могло служить мѣриломъ того дохода, который онъ могъ бы получить отъ частной практики, а также потому, что эта сумма не могла быть пріурочена къ расходамъ по содержанію семьи, тѣмъ болѣе, что истцомъ даже не разъяснено, чтобы онъ содержалъ во время своей болѣзни семью, или чтобы онъ былъ человѣкъ семейный. Независимо отъ сего, выводъ суда изъ общаго смысла законовъ, опредѣляющихъ понятіе объ ущербѣ, по которому онъ пришелъ къ заключенію, что и временное лишеніе возможности снискивать себѣ пропитаніе даетъ право на вознагражденіе, неправиленъ потому, что для временнаго поврежденія здоровья есть спеціальная статья 660, установляющая обязанность виновнаго вознаградить за расходы по лѣченію и попеченію больного и по содержанію семьи и недопускающая поэтому установленія еще какой-либо обязанности, не упомянутой въ этомъ законѣ. Признавая по этимъ основаніямъ, что изъ числа заявленныхъ истцомъ суммъ могутъ быть взысканы лишь указанныя имъ издержки на лѣченіе, количество которыхъ онъ исчислилъ въ 224 р., и эта сумма не оспорена отвѣтчикомъ; что взыскиваемая имъ сумма за лишеніе врачебной практики не подлежитъ удовлетворенію, какъ требованіе противорѣчащее закону, и принимая во вниманіе, что съ присужденіемъ истцу части требованій издержки подлежатъ обращенію на тяжущихся по соразмѣрности признанныхъ и отвергнутыхъ требованій, С.-Петербургская Судебная Палата, руко-

водствуясь 773, 776 и 870 ст. Уст. Гр. Суд. (Т. X ч. 2 изд. 1876 г.) опредѣлила: присудить съ общества Ростово Владикавказской желѣзной дороги въ пользу статскаго совѣтника Петра Гетца 224 руб.; въ остальномъ требованіи отказать; судебныя по дѣлу издержки обратить въ 1/8 на общество желѣзной дорги и въ 7/8 на Гетца; рѣшеніе С. Петербургскаго Окружнаго Суда, 7 апрѣля 1880 г. состоявшееся, согласно съ симъ, измѣнить. Въ кассаціонной жалобѣ на означенное рѣшеніе повѣренный истца, присяжный повѣренный Шиферъ, проситъ объ отмѣнѣ онаго, по неправильному толкованію смысла 660 ст. Т. X ч. I и ст. 683 того же тома по прод. 1879 г., и, кромѣ того, указываетъ на то, что Палата нарушила и ст. 366, 367, 694 и 773 Уст. Гр. Суд. обсужденіемъ невозбужденнаго противною стороною вопроса о доказанности или недоказанности размѣра суммы, которой вѣритель его лишился вслѣдствіе причиненнаго ему поврежденія въ здоровьѣ, а посему проситъ объ отмѣнѣ рѣшенія Палаты.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора и обращаясь прежде всего къ указанію повѣреннаго истца на нарушеніе Палатою ст. 366, 367, 694 и 773 Уст. Гр. Суд. принятіемъ къ своему обсужденію вопроса о доказанности размѣра отыскиваемой статскимъ совѣтникомъ Гетцемъ суммы, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ возраженіи противъ первоначальнаго исковаго требованія отвѣтчикъ: во-1 хъ) отвергалъ вовсе право истца на полученіе какого либо вознагражденія съ общества Ростово-Владикавказской желѣзной дороги на томъ основаніи, что крушеніе поѣзда, вслѣдствіе котораго Гетцъ пострадалъ, произошло по причинамъ, не зависящимъ отъ управленія желѣзной дороги, и во-2 хъ) заявилъ, что если крушеніе поѣзда можетъ быть отнесено судомъ къ винѣ общества, то и въ такомъ случаѣ это послѣднее не обязано отвѣтствовать за утрату доходовъ отъ врачебной практики истца и за посылку телеграммъ къ начальству и роднымъ, а можетъ подлежать взысканію только за тѣ убытки, которые имъ понесены на лѣченіе или уходъ за собою. Такое возраженіе заключаетъ въ себѣ не только споръ противъ обязанности управленія дороги возмещать вообще убытки, причиненные истцу крушеніемъ поѣзда Ростово Владикавказской жел. дор., въ виду п.п. а и б 2 отд. ст. 683 Т. X ч. I (по прод. 1879 г.), но и споръ противъ размѣра исковаго требованія статскаго совѣтника Гетца, въ виду 660 ст. Т. X ч. I, на случай признанія судомъ права Гетца на вознагражденіе неподлежащимъ сомнѣнію. Хотя же въ концѣ своего возраженія повѣренный отвѣтчика въ засѣданіи Окружнаго Суда и присовокупилъ, что, прося, объ отказѣ въ искѣ, онъ не оспаривалъ размѣра иска, но это заявленіе подлежало обсужденію Суда въ связи съ предшествовавшимъ объясненіемъ отвѣтчика; а какъ, на основаніи содержанія всего заявленія повѣреннаго отвѣтчика въ Окружномъ Судѣ, а въ особенности, въ виду апелляціонной жалобы повѣреннаго общества Ростово Владикавказской желѣзной дороги въ Судебную Палату, эта послѣдняя пришла къ заключенію, что отвѣтчикъ, независимо отъ спора противъ истца на вознагражденіе вообще, возбудилъ въ частности и вопросъ о размѣрѣ вознагражденія на основаніи 660 ст. Т. X ч. I, то, войдя въ обсужденіе сего послѣдняго, Палата не допустила никакого нарушенія указанныхъ кассаторомъ статей закона. Вслѣдствіе сего, оставляя безъ послѣдствій вторую часть кассаціонной жалобы и приступая къ обсужденію той части, въ которой присяжный повѣренный Шиферъ указываетъ на неправильное толкованіе С. Петербургскою Судебною Палатою ст. 660, по соображеніи оной съ ст. 661 X Т. I ч., Правит. Сенатъ въ семъ отношеніи находитъ, что хотя ст. 660 и 661 X Т. ч. I имѣютъ въ виду два случая совершенно разнородные, такъ какъ въ первой предусматривается поврежденіе въ здоровьѣ, а во второй разстройство въ здоровьѣ, лишающее навсегда возможности снискивать пропитаніе обычными трудами; не менѣе того въ ст. 660 Т. X ч. I виновный въ причиненіи кому либо поврежденія въ здоровьѣ обязанъ вознаградить за расходы на лѣченіе того, кому онъ нанесъ сіе поврежденіе, и на попеченіе о немъ во время болѣзни, а если онъ имѣетъ семейство и содержитъ его собственными трудами, то и возвратить ему суммы, употребленныя на содержаніе семейства до самаго времени его совершеннаго выздоровленія. Не говоря уже о томъ, что, какъ правильно за-

являетъ повѣренный истца, Палатою въ рѣшеніи своемъ не указано, почему именно она признала, „что расходы на лѣченіе“ и „расходы на попеченіе о больномъ“ однозначащи, изъ содержанія ст. 660, кромѣ того, безъ всякаго сомнѣнія явствуетъ, что предметомъ искового требованія на основаніи означенной статьи могутъ быть не только расходы на лѣченіе и расходы на попеченіе о больномъ, но и издержки на содержаніе. Придерживаясь буквальнаго толкованія той части закона, въ которой помѣщено это послѣднее выраженіе, Палата пришла къ заключенію, что объ издержкахъ на содержаніе можетъ быть заявлено требованіе лишь въ томъ случаѣ, если у потерпѣвшаго есть семейство и если на содержаніе этого семейства имъ употреблены извѣстныя суммы; но истецъ, какъ указывала Палата, не только не заявлялъ, чтобы онъ издержалъ что либо во время своей болѣзни на содержаніе семейства, но даже и не заявлялъ, чтобы у него вообще было семейство. Такое толкованіе не можетъ быть, однако, признано согласнымъ съ смысломъ какъ ст. 660 Т. X ч. I, такъ и въ собственности съ закономъ 25 января 1878 года, ибо, коль-скоро законъ обезпечиваетъ содержаніе семьи пострадавшаго и поводомъ къ сему выставляетъ невозможность для самаго пострадавшаго снискивать обычными трудами пропитаніе, то не представляется правильнаго основанія отказывать въ содержаніи самому пострадавшему, такъ какъ поврежденіе въ здоровьѣ этого послѣдняго только и можетъ служить поводомъ для семьи къ возбужденію вопроса о правѣ на вознагражденіе. Хотя вопросъ о размѣрѣ сего вознагражденія долженъ быть во всякомъ случаѣ предоставленъ усмотрѣнію суда, тѣмъ не менѣе отказывать потерпѣвшему вовсе въ издержкахъ на содержаніе его до совершеннаго его выздоровленія представляется неправильнымъ, а посему, признавая въ семъ отношеніи толкованіе Палатою стат. 660 X Т. ч. I неправильнымъ, Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе С. Петербургской Судебной Палаты, по неправильному толкованію 660 ст. Т. X ч. I, въ части, относящейся къ отказу въ содержаніи потерпѣвшему, отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты на новое разсмотрѣніе при указѣ.

94.—1882 года мая 26-го дня. *По прошенію мѣщанина Берки Буданицкаго объ отмѣнѣ рѣшенія Уманскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. К. Фриде; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора П. Н. Грешищевъ).

Бобруйскій мѣщанинъ Берко Буданицкій обратился къ Мировому Судьѣ 2-го участа Уманскаго округа съ прошеніемъ отъ 21 го октября 1880 года, объясняя, что мѣщанинъ Гершъ Гершуновъ состоялъ должнымъ мѣщанину Рувину Бегельману 200 руб. по заемному письму отъ 5 мая 1875 года, явленному установленнымъ порядкомъ. По смерти какъ должника, такъ и кредитора вдова послѣдняго, Эстеръ Бегельманъ, состоящая опекуншее надъ имуществомъ Рувина Бегельмана, передала то заемное письмо ему, Буданицкому; но наслѣдники Гершунова, вдова его Двойра и дочь Хава Гершуновы, отъ уплаты долга уклоняются, и потому онъ, Буданицкій, просилъ о взысканіи съ нихъ 200 руб. съ процентами. Противъ означеннаго иска отвѣтчицы заявили, что Буданицкій по представленному имъ заемному письму не имѣетъ права искать, такъ какъ означенное заемное письмо пріобрѣтено имъ незаконно, ибо опекунша Эстеръ Бегельманъ, за силою ст. 1381 и 1384, а въ особенности, въ виду ст. 266 и п. 2 ст. 277 Т. X I ч., не имѣла права передавать оное Буданицкому, такъ какъ заемное письмо это составляетъ имущество состоящихъ у ней подъ опекою малолѣтнихъ дѣтей ея. Мировой Судья 18 марта 1881 года нашелъ, что указаніе отвѣтчицъ на 1371, 1384 и 266 ст. Т. X ч. I, а равно на пун. 2 ст. 277 того же Тома, по смыслу которыхъ онѣ признаютъ передачу заемнаго письма незаконною, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ обстоятельство это можетъ быть предметомъ обсужденія опекунскаго мѣста при разсмотрѣніи опекунскихъ отчетовъ опекунши Бегельманъ, но къ настоящему дѣлу не относится, если только не отвергается самый фактъ переуступки документа, послужившаго основаніемъ иска. Вслѣдствіе сего и руководствуясь ст. 81, 105, 133, 145 и 215 Уст. Гражд. Судопр.,

Мировой Судья опредѣлилъ: взыскать съ имущества умершаго мѣщанина Герша Гершунова въ пользу мѣщанина Берка Буданицкаго 265 руб., съ процентами съ 21 октября 1880 года по день уплаты, и судебныхъ издержекъ 3 руб. 25 к. и за веденіе дѣла 12 руб. На означенное рѣшеніе Двойра и Хава Гершуновы обратились съ апелляціонною жалобою въ Уманскій Мировой Съѣздъ, который, выслушавъ заключеніе Товарища Прокурора, нашелъ, что документъ, служащій Буданицкому основаніемъ иска, выданъ мѣщанином Гершуновымъ Рувину Бегельману и переданъ истцу по передаточной надписи опекуншею надъ дѣтьми и имуществомъ Бегельмана, вдовою его, Эстеръ Бегельманъ; хотя подпись ея, какъ безграмотный, совершена у нотаріуса, но, въ виду принадлежности этого документа къ разряду цѣнностей, неподлежащихъ порчѣ и уничтоженію, самая надпись опекунши Бегельманъ, которою переуступаются права по документу Буданицкому, не можетъ считаться дѣйствительною, а посему, по точному и буквальному содержанію п. 2 ст. 277 Т. X ч. I, а также ст. 81, 133, 105 и 129 Уст. Гражд. Суд., Мировой Съѣздъ 6 іюля 1881 г. въ искѣ Беркѣ Буданицкому отказалъ. На это рѣшеніе Буданицкій подалъ кассаціон. жалобу, въ которой проситъ объ отмѣнѣ, онаго по нарушенію Съѣздомъ ст. 268 Тома X части 1 и неправильному толкованію пункта 1 и 2 статьи 277 того—же Тома. Противъ означенной жалобы отвѣтчицы Двойра Гершунова и Хава Шнейдеръ подали 29 го января 1882 года въ Правительствующій Сенатъ объясненіе, въ которомъ просятъ объ оставленіи той жалобы безъ разсмотрѣнія, такъ какъ послѣ рѣшенія Съѣзда отъ 6 іюля 1881 г. Буданицкій черезъ нѣсколько дней взялъ изъ производства Съѣзда обратно заемное письмо, по которому имъ былъ предъявленъ искъ, и передалъ оное по передаточной надписи обратно вдовѣ Бегельманъ, а эта послѣдняя вновь предъявила къ просительницамъ искъ, и по этому иску дѣло уже вновь поступило на разсмотрѣніе Съѣзда, и просьба Буданицкаго, поданная 5 ноября 1881 г., не подлежала вовсе принятію. При означенномъ объясненіи просительницы представили удостовѣреніе Уманскаго Мирового Съѣзда отъ 29 го января 1881 года, изъ котораго видно, что заемное письмо, во взысканіи по которому Буданицкому отказано рѣшеніемъ отъ 6 го іюля 1881 года, взято имъ обратно и передано Эстеръ Бегельмановой, которая и представила оное вновь ко взысканію съ наслѣдницъ Гершунова, и дѣло по сему иску находится уже въ разсмотрѣніи Съѣзда, но еще не разрѣшено.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствущій Сенатъ находитъ, что первый вопросъ, подлежащій обсужденію, заключается въ томъ, подлежитъ ли уваженію ходатайство отвѣтчицъ, изложенное въ объясненіи на кассаціонную жалобу мѣщанина Берки Буданицкаго, объ оставленіи безъ разсмотрѣнія этой жалобы, въ виду новаго производства, возникшаго у Мирового Судьи вслѣдствіе передачи Буданицкимъ заемнаго письма, по которому во взысканіи съ отвѣтчицъ денегъ ему отказано, опекуншѣ Эстеръ Бегельмановой. Въ семъ отношеніи Правительствующій Сенатъ находитъ, что тяжущійся, противъ котораго въ Мировомъ Съѣздѣ постановлено рѣшеніе, за силою 186 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства, въ правѣ подавать жалосы о кассаціи рѣшенія въ одномъ изъ слмчаевъ, въ той статьѣ указанныхъ, и просьба, поданная установленнымъ въ законѣ порядкомъ, подлежитъ разсмотрѣнію Правительствующаго Сената. Хотя отъ лица, обратившагося въ Кассаціочный Департаментъ съ жалобою, всегда зависитъ просить объ оставленіи той же жалобы безъ разсмотрѣнія, но таковое ходатайство не можетъ быть предъявлено другою тяжущеюся стороною, на основаніи послѣдующихъ дѣйствій кассатора въ судебныхъ мѣстахъ, на рѣшеніе которыхъ жалоба принесена, если вмѣстѣ съ тѣмъ Правительствующему Сенату не будетъ предъявлено прямое заявленіе самого подавшаго жалобу о томъ, что онъ подчиняется послѣдствіямъ обжалованнаго [illegible] рѣшенія. Вслѣдствіе сего, имѣя въ виду, что, по заявленію отвѣтчи[illegible], Буданицкій, уже чрезъ нѣсколько дней послѣ рѣшенія Съѣзда отъ 6 го іюля 1881 года передалъ заемное письмо, о которомъ въ Съѣздѣ производилось дѣло, по надписи опекуншѣ Эстеръ Бегельмановой, а, между тѣмъ, несмотря на то, подалъ кассаціонную жалобу не ранѣе 5 го ноября 1881 года; что

*

вслѣдствіе сего въ означенной передачѣ заемнаго письма непремѣнный членъ не въ правѣ былъ усмотрѣть отказъ Буданицкаго отъ права, предоставленнаго ему ст. 186 Устава Гражд. Судопроизв., и что засимъ и въ настоящее время таковое дѣйствіе его не можетъ быть признано причиною къ неразсмотрѣнію поданной имъ установленнымъ порядкомъ жалобы, въ особенности въ виду того, что изъ представленной отвѣтчицами справки Мирового Съѣзда не видно, чтобы дѣло по иску самой опекунши Эстеръ Бегельмановой было разсмотрѣно Мировымъ Съѣздомъ по существу—Правительствующій Сенатъ, признавая объясненіе Двойры Гершуновой и Хавы Шнейдеръ незаслуживающими уваженія и приступая къ обсужденія кассаціонной жалобы Буданицкаго по существу, находитъ, что, на основаніи 262 и 268 ст. X Т. ч. 1, къ обязанностямъ опекуна относится, между прочимъ, своевременное взысканіе въ пользу состоящихъ у него подъ опекою малолѣтнихъ причитающихся имъ по долговымъ обязательствамъ суммъ. На учиненіи такового взысканія, по ст. 277 Т. X ч. I, разрѣшенія Правительствующаго Сената не требуется. А такъ какъ взысканіе по долговымъ обязательствамъ денегъ въ пользу малолѣтнихъ не ограничивается предъявленіемъ противъ должника по долговому документу иска, а можетъ быть достигнуто и полученіемъ по тому документу, безъ иска и сопряженныхъ съ нимъ издержекъ, денегъ отъ третьяго лица, соглашающагося принять тотъ долговой документъ по передаточной надписи, съ уплатою по оному въ пользу малолѣтнихъ суммы, которая будетъ признана опекуномъ и опекунскими мѣстами, наблюдающими за дѣйствіями опекуна, выгодною для малолѣтнихъ, и такъ какъ вопросъ о томъ, выгодна ли сдѣлка переуступки опекуномъ долгового обязательства состоящихъ у него подъ опекою лицъ для этихъ послѣднихъ, или нѣтъ, не можетъ никоимъ образомъ быть возбужденъ должникомъ по переуступленному долговому обязательству, а можетъ быть только предметомъ обсужденія опекунской инстанціи, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Мировой Съѣздъ, отказавъ Буданицкому въ искѣ, предъявленномъ имъ къ наслѣдникамъ Гершки Гершунова, по заемному письму, перешедшему къ истцу по передаточной надписи Эстеръ Бегельмановой, и ссылаясь при этомъ на п. 2 ст. 277 Тома X ч. I, въ которой о заемныхъ письмахъ и долговыхъ обязательствахъ не упомянуго, допустилъ неправильное толкованіе означеннаго закона, и потому опредѣляетъ: рѣшеніе Уманскаго Мирового Съѣзда, по неправильному толкованію 2 п. 277 ст. 1 ч. X Т. Свод. Зак., отмѣнить и дѣло передать въ Кіевскій Мировой Съѣздъ.

95.—1882 года мая 26-го дня. *По прошеніямъ: 1) купчихи Жозефины Эрнстъ и 2) повѣреннаго главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, присяжнаго повѣреннаго Альфреда Герке, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургскаго Столичнаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующаго Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Ф. Ф. Штакельбергъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. Н. Грешищевъ).

Повѣренный Эрнстъ, объяснивъ въ поданномъ Мировому Судьѣ исковомъ прошеніи, что въ іюнѣ 1871 года было отправлено по Николаевской желѣзной дорогѣ изъ С.-Петербурга въ Москву пиво, въ количествѣ 786 пудовъ, за провозъ котораго слѣдовало взыскать, по установленному совѣтомъ управленія главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 9-го февраля того же года пониженному тарифу, по 15 копеекъ съ вагона и версты, 127 рублей 80 коп., а, между тѣмъ, было взыскано желѣзною дорогою 168 рублей 99 копеекъ,—просилъ постановить рѣшеніе о присужденіи Эрнстъ съ означеннаго желѣзнодорожнаго общество 41 рубль 19 копеекъ перебора, съ процентами со дня предъявленія иска по день платежа. Отвѣтчикъ возражалъ, что тарифъ для пива по 13 копеекъ съ пуда, при нагрузкѣ его партіями въ 600 пудовъ, примѣняется лишь къ партіямъ пива, нагруженнымъ въ одномъ вагонѣ, причемъ нагрузка должна быть произведена средствами отправителя, за свой страхъ и рискъ, потому что при нагрузкѣ 600 пуд. пива необходимо грузить бочки въ 2 ряда, чего желѣз.

ная дорга принять на себя не можетъ. Между тѣмъ, изъ представленныхъ къ дѣлу документовъ видно, что пиво грузилось не отправителемъ, а желѣзною дорогою, и было гружено въ вагонъ партіями менѣе 600 пуд. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Мировой Съѣздъ нашелъ, что, въ силу постановленія совѣта управленія главнаго общества отъ 9 февраля 1871 г. за № 6, Эрнстъ имѣла право при извѣстныхъ условіяхъ отправить изъ С.-Петербурга въ Москву грузъ пива по пониженному тарифу, по 15 коп. съ версты и вагона. Отъ этого права Эрнстъ не отказалась, по крайней мѣрѣ къ дѣлу не представлено никакихъ тому доказательствъ. Нагрузка пива, отправленнаго въ Москву, не само Эрнстъ, какъ то требуется въ случаѣ примѣненія пониженнаго тарифа, а желѣзнодорожными средствами, не можетъ лишить Эрнстъ ея права на пониженый тарифъ, такъ какъ въ дѣлѣ нѣтъ доказательствъ, чтобы нагрузка эта производилась по просьбѣ или по желанію Эрнстъ, а потому нагрузка пива администраціей желѣзной дороги является съ ея стороны дѣяніемъ совершенно произвольнымъ. Признавъ на семъ основаніи право Эрнстъ на примѣненіе пониженнаго тарифа доказаннымъ и обращаясь затѣмъ къ суммѣ иска, Мировой Съѣздъ нашелъ, что она преувеличена и что желѣзной дорогой излишне взыскано не 41 рубль 19 к., а 29 руб. 40 коп. Посему Мировой Съѣздъ опредѣлилъ: рѣшеніе Мирового Судьи измѣнить, взыскать съ главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ пользу Жозефины Эрнстъ 29 р. 40 к. Объ отмѣнѣ этого рѣшенія просятъ обѣ тяжущіяся стороны. Эрнстъ указываетъ на нарушеніе Мировымъ Съѣздомъ ст. 82, 129, 131, 142, 339 и 694 Уст. Гр. Суд., повѣренный же главнаго общества—на нарушеніе 1536 и 1538 ст. Т. X ч. I и ст. 81 Уст. Гражд. Суд.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и обращаясь къ разсмотрѣнію кассаціонной жалобы Эрнстъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что указаніе просительницы на нарушеніе Мировымъ Съѣздомъ ст. 129 Уст. Гр. Суд. представляется заслуживающимъ уваженія. Изъ дѣла видно, что возраженіе отвѣтчика противъ иска Эрнстъ заключалось только въ томъ, что пониженный тарифъ, по 15 к. съ вагона и версты, за провозъ по Николаевской желѣзной дорогѣ пива не могъ быть примѣненъ при отправленіи въ 1871 году изъ С. Петербурга въ Москву пива истицы; но противъ правильности сдѣланнаго истицею расчета, по этому тарифу, претензіи ея со стороны отвѣтчика никакихъ возраженій не представлялось. Между тѣмъ, Мировой Съѣздъ, признавъ, что плата за провозъ пива Эрнстъ подлежала опредѣленію по упомянутому пониженному тарифу, возбудилъ вопросъ о преувеличеніи суммы иска Эрнстъ, несмотря на отсутствіе возраженій по сему предмету со стороны отвѣтчика, и, такимъ образомъ, нарушилъ 129 ст. Уст. Гр. Суд., по которой судъ не въ правѣ основывать рѣшеніе на усматриваемой имъ неправильности такихъ приводимыхъ истцомъ обстоятельствъ, противъ которыхъ отвѣтчикъ не заявляетъ никакого спора. Независимо отъ сего, Мировой Съѣздъ, вопреки той же 129 ст., оставилъ безъ всякаго обсужденія требованіе Эрнстъ о присужденіи ей процентовъ на взыскиваемую ею сумму. Переходя затѣмъ къ обсужденію кассаціонной жалобы повѣреннаго главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по заключенію Мирового Съѣзда, Эрнстъ имѣла право отправить пиво по пониженному тарифу только при извѣстныхъ условіяхъ, именно, при нагрузкѣ ею въ вагонъ бочекъ въ два ряда и при выдачѣ подписки объ освобожденіи общества отъ отвѣтственности за могущую произойти отъ такого рода нагрузки убыль въ товарѣ. Эти условія примѣненія къ пиву пониженнаго тарифа положительно опредѣлены въ самомъ семъ тарифѣ главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ отъ 9 февраля 1871 года. А потому Эрнстъ, основывая искъ свой на томъ, что, по ея мнѣнію, желѣзная дорога неправильно не примѣнила къ отправленному ею, Эрнстъ, пиву пониженнаго тарифа, обязана была доказать, что пиво было отправлено при наличности тѣхъ условій, при которыхъ примѣняется пониженный тарифъ за перевозку пива. Между тѣмъ, Мировой Съѣздъ, не установивъ, чтобы Эрнстъ доказала эти обстоятельства, оспариваемыя отвѣтчикомъ, призналъ искъ ея подлежащимъ удовлетворенію, по непредставленію отвѣтчикомъ до-

казательствъ правильности непримѣненія желѣзною дорогою пониженнаго тарифа. Такое распредѣленіе между тяжущимися сторонами обязанности доказывать спорныя по дѣлу обстоятельства не согласно съ 81 ст. Уст. Гр. Суд., возлагающею прежде всего на истца обязанность доказать тѣ обстоятельства, которыя составляютъ основаніе его исковыхъ требованій. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: рѣшеніе С. Петербургскаго Столичнаго Мирового Съѣзда отмѣнить: по жалобѣ Эрнстъ—по нарушенію 129 ст. Уст. Гр. Суд., а по жалобѣ повѣреннаго главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ—по нарушенію 81 статьи того же Устава, и дѣло передать въ С.-Петербургскій Уѣздный Мировой Съѣздъ.

96.—1882 года мая 26 дня. *По прошенію повѣреннаго генералъ маіора Александра Кирѣева, присяжнаго повѣреннаго Сергѣя Андреевскаго, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ В. И. Бартеневъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. Н. Грешищевъ).

Обсудивъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что въ первой и второй частяхъ касаціонной жалобы повѣренный Кирѣева приводитъ нарушенія закона, касающіяся непризнанія Судебною Палатою въ 1-й и во-2-й частяхъ ея рѣшенія права на искъ за Кирѣевымъ и непризнанія Палатою за постановленіемъ общаго собранія акціонеровъ Рыбинско Бологовской желѣзной дороги отъ 17 февраля 1870 г. значенія обязательства, каковое заключеніе Палатою выведеной во 2 й части рѣшенія изъ самаго содержанія этого акта, безъ обращенія къ законамъ (3 я часть рѣшенія) о правѣ общаго собранія акціонеровъ дѣлать подобныя постановленія. Нарушенія указываемыхъ по этому предмету законовъ (ст. 14, 15, 26, 456, 706, 711 Уст. Гр. Суд., 568, 1528, 1536 и 1538 ст. X Т. 1 ч.) въ рѣшеніи Палаты не оказывается, потому что: а Судебная Палата привела ссылку сторонъ на концессію, хотя она къ дѣлу представлена не была, но какъ законъ, вошедшій въ полное собраніе законовъ 1868 г. № 46,112, концессія по отношенію къ разсматривавшемуся предмету тождественна съ приведеннымъ Палатою въ соображеніяхъ постановленіемъ устава общества Рыбинско Бологовской жел. дор., В ы с о ч а й ш е утвержден. 29 января 1869 г., на которомъ основывалась Палата, а именно, какъ въ уставѣ этомъ, такъ и въ концессіи 12 іюля 1868 г., учредителями состояли не Кирѣевъ лично, а Кирѣевъ и Комп.; б) Палата имѣла основаніе разсмотрѣть вопросъ, представляется-ли Кирѣевъ одинъ учредителемъ означеннаго акціонернаго общества, такъ какъ этотъ вопросъ возбужденъ былъ противною стороною; в) толкованіе договора 10 апрѣля 1879 г., заключеннаго Кирѣевымъ съ великобританскимъ подданнымъ Бетлингомъ, и сдѣланный изъ него Судебною Палатою выводъ не подлежатъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ (рѣш. Гр. Д—та 1875 г. № 374 и др.); г) Судебная Палата, несмотря на непризнаніе ею за Кирѣевымъ исключительно права на вознагражденіе учредителей и даже несмотря на то, что Палата нашла, что въ дѣлѣ не представлено данныхъ для установленія размѣра долевого участія Кирѣева въ учредительскомъ вознагражденіи, тѣмъ не менѣе разрѣшила искъ Кирѣева какъ требованіе о признаніи за нимъ вообще права на учредительское вознагражденіе. Такимъ образомъ, всѣ возраженія Кирѣева противъ первой части рѣшенія Палаты о правѣ его на предлежащій искъ упадаютъ, такъ-какъ Палата вовсе не отказалась отъ разрѣшенія сего иска; по неоднократному же разъясненію Правительствующаго Сената (рѣш. Гражд. Кас. Депар. 1880 года № 18 и друг.), соображенія суда могутъ служить поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія лишь въ томъ случаѣ, если окончательный выводъ суда, на нихъ основанный и составляющій сущность рѣшенія, нарушаетъ право просителя; право же Кирѣева просить судебной защиты по отыскиваемому имъ учредительскому вознагражденію вовсе не нарушено Палатою, и д) по этому же основанію Кирѣевъ не имѣетъ основанія жаловаться на соображенія Судебной Палаты и по второй части ея рѣшенія, а именно той, въ кото-

рой Палата, не обращаясь еще къ соображенію съ законами, а лишь по содержанію самаго постановленія 17 февраля 1870 года, не признала его имѣющимъ силу обязательства, потому что Судебная Палата не остановилась на этомъ заключеніи своемъ, а, напротивъ, обратилась послѣ того, въ 3 ч. своего рѣшенія, и къ соображенію законовъ, а равно устава общества Рыбинско Бологовской желѣзной дороги, для разрѣшенія вопроса о законности означеннаго постановленія. При этомъ нельзя не замѣтить и того: а) что Палата привела во второй части своего рѣшенія тѣ соображенія, которыми она руководствовалась, и не извратила содержанія постановленія 17 февраля 1870 года, и б) подъ квалификацію договора, т. е. опредѣленіе судомъ юридическаго характера сдѣлки, по установленнымъ судомъ признакамъ, и отнесеніе, вслѣдствіе сего, сдѣлки къ тому или другому роду договоровъ, которая повѣряется Правительствующимъ Сенатомъ въ кассаціонномъ порядкѣ (рѣш. Гражд. Кас. Департам. 1880 года № 248 и др.), нельзя подводить, какъ это дѣлаетъ повѣренный Киряева, опредѣленіе судомъ силы акта (459 ст. Уст. Гр. Судопроизв.), заключеніе суда о томъ, заключается ли въ оном сдѣлка, окончательно состоявшаяся, или только предположеніе, проектъ сдѣлки. II) Вслѣдствіе сего, переходя къ существенной третьей части кассаціонной жалобы Киряева, т.-е. о законности опредѣленія вознагражденія учредителямъ по постановленію общаго собранія акціонеровъ, Правительствующій Сенатъ изъ установленныхъ Судебною Палатою фактовъ усматриваетъ, что въ уставѣ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, Высочайше утвержденномъ 29 января 1869 года, вознагражденія учредителямъ, отчисленіемъ какихъ либо суммъ изъ дивиденда, не было установлено, въ первомъ же экстренномъ общемъ собраніи акціонеровъ общества Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, 17 февраля 1870 года, было утверждено большинствомъ голосовъ предложеніе нѣкоторыхъ акціонеровъ „объ отчисленіи въ продолженіе существованія общества въ пользу учредителей 6 процентовъ съ суммы, которая будетъ назначаема къ выдачѣ акціонерамъ, въ такомъ случаѣ, когда эта сумма, т. е. дивидендъ, будетъ представлять не менѣе 8 кредитныхъ рубл. на акцію, и объ уполномочіи правленія ходатайствовать о дополненіи въ этомъ смыслѣ 35 § устава общества“. Въ 35-же § устава, который остался безъ всякаго измѣненія или дополненія, постановлено: весь чистый доходъ, то есть вся сумма, остающаяся за вычетомъ всѣхъ расходовъ по сооруженію, дѣйствію и ремонту дороги и всѣхъ заведеній ея, а равно и слѣдующихъ по §§ 30 и 31 суммъ для составленія погасительнаго фонда и запаснаго капитала, идетъ въ дивидендъ акціонерамъ“. Судебная Палата, обсуждая законность означеннаго постановленія 17 февраля 1870 года, нашла, что постановленіе это имѣетъ цѣлью установить вознагражденіе въ пользу не посторонних предпріятію лицъ, а именно учредителей, указаннымъ въ томъ постановленіи способомъ, посредствомъ отчисленія 6 процентовъ изъ денегъ, назначаемыхъ къ выдачѣ акціонерамъ. Поэтому при разрѣшеніи вопроса объ обязательности означеннаго постановленія, безъ внесенія его въ уставъ, прежде всего необходимо установить, что по закону общему собранію акціонеровъ принадлежитъ самостоятельное право разрѣшать вопросъ о вознагражденіи, тѣмъ или другимъ способомъ, учредителей. Но изъ соображенія относящихся къ этому предмету законовъ не только невозможно признать такое право за общимъ собраніемъ акціонернаго общества, но, напротивъ, изъ 2191 ст. Т. X ч. I слѣдуетъ притти къ тому заключенію, что указаніе на способъ, на порядокъ вознагражденія учредителей составляетъ необходимую принадлежность устава акціонернаго общества и что, слѣдовательно, когда, какъ въ данномъ случаѣ, по этому предмету въ уставѣ не содержится никакихъ правилъ, установленіе такого вознагражденія можетъ послѣдовать только путемъ дополненія самого устава. Поэтому, разъ общее собраніе акціонеровъ не могло постановить о вознагражденіи учредителей безъ соотвѣтствующаго въ установленномъ порядкѣ дополненія устава, то такое постановленіе само по себѣ не имѣетъ никакой силы. На этомъ существенномъ основаніи Судебная Палата, руководствуясь 2153, 2165, 2182 и 2191 ст. Т. X ч. I, отказала въ искѣ Киряеву. Такимъ образомъ, по существенному поводу, указываемому къ отмѣнѣ рѣшенія, на основаніи

2126—2198 и особенно 2169, 2184, 2191 ст. X Т. I ч., представляется къ разрѣшенію вопросъ: правильно ли заключеніе Палаты, что способъ и порядокъ вознагражденія учредителей акціонернаго общества отчисленіемъ въ пользу ихъ на все время существованія общества извѣстной части дивиденда должны основываться на уставѣ акціонернаго общества, а не на одномъ только постановленіи общаго собранія акціонеровъ? По закону (X Т. I ч. ст. 2139), компаніи на акціяхъ составляются посредствомъ соединенія извѣстнаго числа частныхъ вкладовъ, опредѣленнаго и единообразнаго размѣра, въ одинъ общій складочный капиталъ, которымъ и ограничивается кругъ дѣйствія и отвѣтственности каждой изъ сихъ компаній. Учрежденіе компаніи на акціяхъ разрѣшается правительствомъ (2141 ст.). Компанія, которой правила единожды утверждены правительствомъ, не можетъ простирать дѣйствій своихъ далѣе предназначенныхъ ей предѣловъ и не можетъ также допускать никакихъ въ правилахъ своихъ перемѣнъ, безъ новаго отъ правительства разрѣшенія, кромѣ, однако-же, тѣхъ статей, относящихся къ подробностямъ дѣлопроизводства и проч., которыя частнымъ ея уставомъ именно дозволено будетъ измѣнять, по ближайшимъ указаніямъ опыта, самому правленію компаніи или общему собранію ея акціонеровъ. Правленіе и общее собраніе акціонеровъ представляются, такимъ образомъ, органами компаніи, владѣльцемъ же имущества компаніи, какъ выражено и въ § 32 устава Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, является общество, а не общее собраніе акціонеровъ. Права общихъ собраній акціонеровъ посему не могутъ быть приравнены къ правамъ хозяина предпріятія; напротивъ, кругъ дѣйствій и предѣлы власти общихъ собраній ограничиваются уставами (§ 43 Уст. Рыб. Бол. ж. д.). Составъ и образъ дѣйствій каждой компаніи опредѣляются извѣстными условіями, подробности коихъ и дальнѣйшее приложеніе къ свойству и подробностямъ предпріятія составляютъ предметъ ея частнаго устава; уставъ этотъ ограждаетъ публику и акціонеровъ, которые измѣняются съ перепродажею акцій (ст. 2158 Т. X). Каждая компанія управляется сперва ея учредителями, а потомъ правленіемъ компаніи (ст. 2174). Учредители компаніи завѣдываютъ ея дѣлами до тѣхъ только поръ, пока она не будетъ приведена въ окончательное образованіе, то есть, пока не будутъ разобраны всѣ акціи, со взносомъ положенной за нихъ уплаты, полной или первоначальной, по срочной раскладкѣ; послѣ сего общее собраніе акціонеровъ назначаетъ членовъ правленія или директоровъ (2175 ст.). Правленіе распоряжается дѣлами и капиталами компаніи не иначе какъ на основаніи ея устава (2178 ст.), отвѣтствуя въ установленномъ порядкѣ предъ общимъ собраніемъ акціонеровъ (2179 ст.), давая общему собранію срочные и въ чрезвычайныхъ случаяхъ отчеты, согласно частному своему уставу (2185 ст. и 40, 43 §§ уст. Рыб. Бол. ж. д.). Затѣмъ ни въ правилахъ X Т. ч. I, ни въ уставѣ Рыбинско Бологовской желѣзной дороги не содержится постановленія о предоставленіи общему собранію акціонеровъ права по одному своему постановленію опредѣлять въ пользу учредителей на все время существованія компаніи извѣстную сумму изъ дивиденда. Обращаясь посему для разрѣшенія вопроса о томъ, можетъ-ли быть предоставлено такое право общему собранію акціонеровъ, къ общему смыслу законовъ, на основаніи 9 ст. Уст. Гр. Судопроизвод. Правительствующій Сенатъ находитъ, что если акціонерное право и уставы нѣкоторыхъ акціонерныхъ компаній и допускаютъ нѣсколько способовъ вознагражденія учредителей, предоставленіемъ имъ исключительнаго или преимущественнаго права на оставленіе за собою акцій, долевого участія въ прибыли предпріятія, или участія въ теченіе извѣстнаго времени въ управленіи дѣлами акціонернаго общества, то во всякомъ случаѣ способъ и размѣръ вознагражденія учредителей опредѣляются въ уставѣ каждаго общества. Общій гражданскій законъ (ст. 2165 Т. X) признаетъ за учредителями способъ вознагражденія, состоящій въ преимущественномъ правѣ отдѣлять въ свою пользу извѣстное количество акцій, причемъ законъ требуетъ, чтобы самый проектъ устава содержалъ въ себѣ точное опредѣленіе числа акцій, предоставленныхъ въ пользу учредителей (2191 ст. пунктъ д). Изъ тѣхъ же постановленій I ч. X Т., а равно изъ § овъ устава акціонернаго общества, въ которыхъ говорится о распредѣленіи дивиденда, объ утвержденіи размѣра

суммы, отчисляемой въ дивидендъ, каковое предоставляется общему собранію акціонеровъ (ст. 2169, 2182—2184 Т. X ч. 1 и § 43 уст. Рыб. Бол. жел. дор.), нельзя вывести заключенія, что общее собраніе акціонеровъ имѣетъ право по своему усмотрѣнію распоряжаться дивидендомъ или частью его въ пользу учредителей не за извѣстный годъ, а на будущіе годы. Смыслъ предоставленнаго въ 2169, 2182—2184 ст. Т. X и § 43 устава Рыб.-Бол. ж. д. общему собранію акціонеровъ права распредѣлять дивидендъ состоитъ, напротивъ, въ томъ, что общее собраніе, разсматривая составленные правленіемъ (§ 40 устава Рыб.-Бол. ж. д.) годовые отчеты, съ предварительнымъ исчисленіемъ правленіемъ и дивиденда, а равно суммъ, подлежащихъ отчисленію въ запасный капиталъ и на другіе предметы, по силѣ устава общества, утверждаетъ годовые отчеты и при этомъ утверждаетъ и размѣръ суммы, отчисляемый въ дивидендъ, т.-е., только распредѣленіе прибыли на каждый отдѣльный годъ, въ предѣлахъ порядка, указаннаго въ уставѣ, подлежитъ вѣдомству общаго собранія акціонеровъ, а не распоряженіе прибылью на будущее время, что было бы, очевидно, противно какъ смыслу приведенныхъ постановленій закона, такъ и въ особенности § 35 уст. Рыб. Бол. ж. д., въ которомъ ни о какомъ отчисленіи въ пользу учредителей и третьихъ лицъ изъ чистаго дохода общества не говорится, а постановлено, что весь чистый доходъ, за вычетомъ лишь слѣдующихъ по §§ 30 и 31 суммъ для составленія погасительнаго фонда и запаснаго капитала, идетъ въ дивидендъ акціонерамъ. Признавая посему, что заключеніе Судебной Палаты по разсматриваемому вопросу правильно и нарушенія приводимыхъ просителемъ ст. 2126—2198 Т. X ч. I, изъ числа коихъ особливо указываются 2169, 2184 и 2191 ст., не допущено и находя, что, за таковымъ разрѣшеніемъ всѣхъ существенныхъ доводовъ и требованій проиителя, Палата, какъ неоднократно уже разъяснялъ Правительствующій Сенатъ (рѣш. Гр. Кас. Деп. 1878 г. № 14, 1880 г. № 270 и друг.), не обязана была подвергать подробному критическому разбору всѣ доводы просителя, которые не вытекали вовсе изъ закона и положеннаго въ основу иска постановленія общаго собранія акціонеровъ 17 февраля 1870 г., Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: просьбу повѣреннаго генералъ-маіора Кирѣева, Андреевскаго, за силою 793 ст. Уст. Гражд. Суд., оставить безъ послѣдствій.

97.—1882 года мая 26-го дня. *По прошенію повѣреннаго мѣщанина Іосифа Фризеля, присяжнаго повѣреннаго Зайцева, объ отмѣнѣ рѣшенія Карачевскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ П. О. Тизенгаузенъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. Н. Грешищевъ).

За долгъ Аленина и Провакина Паниной по исполнительному листу было судебнымъ приставомъ описано у должниковъ движимое имущество, сданное для храненія онаго до продажи одному изъ нихъ, Аленину. Но послѣдній продалъ изъ этого имущества корову Фризелю. На требованіе судебнаго пристава возвратить означенную корову для продажи ея въ удовлетвореніе того взысканія, за которое она была описана, Фризель отвѣчалъ отказомъ, объясняя, что корова эта и къ нему поступила за долгъ Аленина. Судебный приставъ, составивъ обо всемъ этомъ 14 ноября 1880 года актъ, представилъ оный Мировому Судьѣ, который, разсмотрѣвъ вышеизложенное въ уголовномъ порядкѣ, приговорилъ Аленина къ пятидневному аресту при волостномъ правленіи, а Фризеля къ уплатѣ Паниной за корову 20 руб.; по отношенію же къ обвиненію, возникающему противъ Фризеля, какъ соучастника въ произведенной Алениным растратѣ арестованнаго имущества и сокрытіи онаго, постановилъ передать дѣло судебному слѣдователю, въ виду принадлежности Фризеля къ дворянскому сословію. Но этотъ приговоръ былъ по апелляціонному отзыву Фризеля отмѣненъ Карачевскимъ Мировымъ Съѣздомъ въ отношеніи обоихъ обвиняемыхъ, на основаніи статьи 207 Устава Уголов. Судопр. и 1700 Ул. о нак., съ передачею слѣдователю производства какъ о Фризелѣ, такъ и объ Алениніѣ. Когда же судебный слѣдователь, обнаруживъ, что Фризель не дворянинъ (какъ онъ называлъ себя

прежде), а мѣщанинъ, передалъ посланное къ нему производство обратно въ Съѣздъ, то послѣдній препроводилъ оное въ маѣ 1881 г. опять къ Мировому Судьѣ для постановленія новаго по дѣлу рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ тому же Судьѣ и повѣренный Паниной, ходатайствуя о присужденіи ей съ Фризеля стоимости упомянутой коровы, какъ симъ послѣднимъ уже въ свою очередь проданной, причемъ истецъ цыфры этой стоимости не опредѣлилъ. Мировой Судья 10 іюня 1881 года въ удовлетвореніе сего иска присудилъ Паниной съ Фризеля 20 руб. и таковое рѣшеніе свое объявилъ, съ объясненіемъ при этомъ тяжущимся 2 п. 156 ст. и 162 и 164 ст. Уст. Гр. Суд. (о рѣшеніяхъ Мировыхъ Судей, вступающихъ въ законную силу, о рѣшеніяхъ сихъ Судей, которыя подлежатъ апелляціи, и о порядкѣ принесеній апелляціонныхъ жалобъ Мировому Съѣзду). На это рѣшеніе Судьи Фризель принесъ Карачевскому Мировому Съѣзду апелляціонную жалобу, въ которой, ссылаясь на показанія допрошенныхъ Судьею свидѣтелей, на отсутствіе несостоятельности самого Аленина къ уплатѣ долга его Паниной и на то, что искъ послѣдней не могъ быть обращенъ къ нему, Фризелю, такъ какъ корова пріобрѣтена имъ отъ Аленина по приказанію собственника того имѣнія, которымъ онъ, Фризель, только управляетъ, просилъ: обжалованное рѣшеніе отмѣнить и въ искѣ Паниной отказать. Затѣмъ повѣренный Фризеля, Сибилевъ, въ дополненіе къ этой апелляціи своего довѣрителя подалъ въ Съѣздъ прошеніе, въ коемъ жаловался на распоряженія того же Мирового Судьи, сдѣланныя вслѣдствіе поступившаго къ нему вышеупомянутаго представленія судебнаго пристава объ отказѣ Фризеля отъ исполненія его требованія возвратить купленную послѣднимъ отъ Аленина корову. Но Съѣздъ, оставивъ сію дополнительную жалобу безъ разсмотрѣнія, какъ поданную по минованіи уже апелляціоннаго срока, а апелляціонную жалобу Фризеля разсмотрѣвъ какъ кассаціонную, и не найдя законныхъ поводовъ къ кассаціи вышеприведеннаго рѣшенія Мирового Судьи, на основаніи 186 ст. Уст. Гр. Судопроизвод. опредѣлилъ: оное „утвердить“. На таковое рѣшеніе повѣренный Фризеля, присяжный повѣренный Зайцевъ, жалуется нынѣ Правительствующему Сенату.

Правительствующій Сенатъ находитъ, что жалоба, поданная отвѣтчикомъ по настоящему дѣлу, Фризелемъ, Мировому Съѣзду на состоявшееся по этому дѣлу 10 іюня 1881 г. рѣшеніе Мирового Судьи, представляется апелляціонною, а не кассаціонною, не только по названію, которое присвоилъ ей проситель, но и по самому содержанію своему, ибо въ ней заявляется ходатайство объ отказѣ Паниной въ искѣ по существу, т.-е. какъ потому, что проситель не признаетъ онаго могущимъ относиться къ нему, такъ и на основаніи показаній, данныхъ допрошенными по сему дѣлу свидѣтелями. Подлежащими въ апелляціонномъ же порядкѣ обжалованію признавалъ означенное рѣшеніе свое и Мировой Судья, такъ какъ, объясняя тяжущимся, при объявленіи онаго, способъ перенесенія дѣла на разсмотрѣніе Мирового Съѣзда (Уст. Гражд. Суд. ст. 140), онъ указалъ имъ на 162 и 164 ст. этого Устава, опредѣляющія, въ какой срокъ, въ скольких экземплярахъ и кому подается апелляціонная жалоба, и ничего не упомянулъ о ст. 186, 189 и 191 того же Уст., говорящихъ о томъ, въ какихъ случаяхъ и въ какомъ порядкѣ подаются жалобы кассаціонныя. Противъ правильности такого указанія не сдѣлано также никакихъ-либо возраженій со стороны истицы Паниной, ни замѣчаній со стороны Съѣзда, хотя упомянутое рѣшеніе Судьи и состоялось по такому иску, относительно котораго истицею, не оцѣнившею его въ исковомъ прошеніи, не было, однако же, заявлено и о невозможности оцѣнить оный (Уст. Граж. Суд. ст. 54, п. 3 ст. 162), а Судьею постановлено рѣшеніе о взысканіи съ отвѣтчика только 20 руб. (тамъ-же стат. 134). Въ виду всего этого настоящее дѣло могло подлежать разсмотрѣнію Съѣзда въ порядкѣ лишь апелляціонномъ, т.-е. по тѣмъ относящимся къ существу дѣла доводамъ, которые изложены въ апелляціонной жалобѣ Фризеля, такъ какъ, кромѣ этой жалобы и дополнительной къ ней со стороны того-же просителя, никакой другой въ Съѣздъ по сему дѣлу не подано, а Фризелемъ ни въ этихъ жалобахъ, ни при словесномъ объясненіи въ засѣданіи Съѣзда, какъ

видно изъ протокола онаго, никакихъ такихъ доводовъ, которые имѣли бы характеръ кассаціонной жалобы, приводимо не было, какъ равно не было заявлено и просьбы о кассаціи обжалованнаго рѣшенія. Но Мировой Съѣздъ, несмотря на такое положеніе дѣла, обсудилъ оное въ кассаціонномъ порядкѣ и, такимъ образомъ, разрѣшилъ не тѣ обстоятельства, споръ о которыхъ по существу дѣла возникалъ изъ апелляціонной жалобы Фризеля (не изложивъ притомъ даже тѣхъ соображеній, по которымъ эта жалоба оставлена имъ вовсе безъ разсмотрѣнія), а вопросъ о томъ, не заключается ли въ обжалованномъ рѣшеніи Мирового Судьи какихъ-либо поводовъ къ кассаціи онаго, т. е. такой вопросъ, который никѣмъ изъ тяжущихся и возбуждаемъ не былъ. Посему и не входя, за непостановленіемъ Съѣздомъ никакого заключенія по апелляціи Фризеля, въ обсужденіе той части кассаціонной жалобы его повѣреннаго, Зайцева, въ которой онъ возражаетъ противъ оставленія Съѣздомъ безъ разсмотрѣнія и дополнительнаго къ этой апелляціи прошенія другого повѣреннаго Фризеля, Сибилева, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Карачевскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію 129 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и дѣло передать въ Брянскій Мировой Съѣздъ.

98.—1882 г. мая 26 дня. *По прошенію повѣреннаго Россійскаго общества страхованія и транспортированія кладей, присяжнаго повѣреннаго Перова, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ П. О. Тизенгаузенъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора П. Н. Грешищевъ).

Учрежденному въ 1844 году Россійскому морскому и рѣчному страховому обществу Высочайше разрѣшено въ 1852 году открыть особое отдѣленіе по страхованію и транспортированію кладей на сухомъ пути. Въ § 97 устава 1844 года, относящагося къ страхованію на водѣ, сказано: „въ случаяхъ злоумышленности, т. е. когда застрахованное имущество съ намѣреніемъ поведено будетъ на какую либо явную опасность, подводный камень, мель, косогоръ и тому подобную, правленіе общества, заплативъ весь ущербъ, отъ того причиненный, согласно условіямъ полиса, преслѣдуетъ виновнаго судомъ и взыскиваетъ съ него сколько можетъ". А статьею 8 правилъ 1852 года, утвержденныхъ для отдѣленія общества по страхованію клади, отправляемой сухимъ путемъ, постановлено: „въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, по внутреннему управленію дѣлами отдѣленія правленіе руководствуется Высочайше утвержденнымъ 26-го августа 1844 года уставомъ общества и существующими о товариществахъ или компаніяхъ на акціяхъ узаконеніями". Въ 1880 году купецъ Льгочиковъ отправилъ купцу Трифонову по Козлово-Воронежской желѣзной дорогѣ спиртъ, застрахованный въ означенномъ Россійскомъ обществѣ застрахованія и транспортированія кладей, но часть этого спирта при перевозкѣ утрачена или повреждена, вслѣдствіе того, что поѣздъ сошелъ съ рельсъ отъ лопнувшей рессоры вагона, и при крушеніи нѣсколько бочекъ со спиртомъ разбилось. Страховое общество заплатило поэтому страхователю Трифонову часть страховой преміи, а онъ надписью на полисѣ право свое на взысканіе съ желѣзной дороги вознагражденія за причиненный ему убытокъ передалъ означенному обществу. На этомъ основаніи послѣднее предъявило къ обществу Козлово-Воронежской желѣзной дороги искъ о такомъ вознагражденіи въ суммѣ 6528 руб. 50 коп. съ процентами. Повѣренный отвѣтчика возражалъ противъ этого иска, между прочимъ, тѣмъ, что Россійское общество застрахованія и транспортированія кладей, на основаніи устава своего, не имѣетъ вообще права пріобрѣтать чужія претензіи, по параграфу же 97 му этого устава можетъ пріобрѣсти таковое право лишь въ томъ случаѣ, если застрахованное имущество утрачено вслѣдствіе злоумышленія, при его перевозкѣ, со стороны лица или учрежденія, оную производившаго, а, между тѣмъ, страховая премія обществомъ страхователю уже выдана. С. Петербургскій Окружный Судъ удовлетворилъ означенный искъ страхового общества въ суммѣ лишь 6224 руб. 72 коп., но Судебная Палата отмѣнила таковое рѣшеніе и вовсе

отказала въ этомъ искѣ, признавъ: 1) что, на основаніи вышеприведенной 8 ст. правилъ 1852 года, параграфъ 97 й устава Россійскаго морского и рѣчного страхового общества остается въ своей силѣ и долженъ, по аналогіи, имѣть примѣненіе и къ сухопутному въ этомъ обществѣ страхованію; 2) что и по общему правилу право страховыхъ обществъ обратно требовать съ лица, виновнаго въ поврежденіи застрахованнаго имущества, уплаченное страхователю за таковое имущество вознагражденіе установлено только въ случаѣ доказаннаго по суду злого умысла со стороны этого лица, и 3) что въ настоящемъ случаѣ истецъ такого со стороны желѣзной дороги умысла не доказалъ. Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный Россійскаго общества страхованія и транспортированія кладей, присяжный повѣренный Перовъ, проситъ отмѣнить это рѣшеніе Палаты по нарушенію въ немъ, между прочимъ, 684 ст. 1 части X Т. и вышепрописаннаго § 97 устава означеннаго общества.

Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что вопросъ о томъ, подлежатъ ли виновные въ утратѣ или поврежденіи застрахованнаго имущества, въ томъ числѣ и желѣзнодорожныя общества, отвѣтственности передъ страховщикомъ въ томъ случаѣ, когда послѣдній уплатилъ страхователю вполнѣ или частью ту сумму, въ которой имущество это было застраховано, уже обсуждался Сенатомъ по дѣлу страхового общества „Якорь“ съ обществомъ Юго западныхъ желѣзныхъ дорогъ, и рѣшеніемъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, состоявшимся по этому дѣлу 13 января 1882 года, разъяснено слѣдующее: „договоромъ страхованія страховщикъ, по уплатѣ ему страхователемъ страховой преміи, обязывается вознаградить послѣдняго уплатою страховой суммы за вредъ или убытки, могущіе произойти для застрахованнаго имущества отъ предполагаемой опасности (2199 ст. Тома X ч. 1). Изъ сего слѣдуетъ, что договоръ страхованія по существу своему—возмездный. Эти общія положенія о существѣ договора страхованія приводятъ къ тому заключенію, что страховщикъ, уплативъ, въ случаѣ ущерба или порчи въ застрахованномъ имуществѣ, страхователю цѣнность того имущества, пріобрѣтаетъ право на все, что отъ него осталось, въ случаѣ же полной утраты его, для страховщика возникаетъ право на возмещеніе убытка, происшедшаго отъ сей утраты, посредствомъ иска, обращеннаго къ тому третьему лицу, которое является или непосредственнымъ виновникомъ утраты имущества, или виновнымъ въ томъ, что утрата имущества, произошла отъ обстоятельствъ, которыя хотя и не составляютъ преступленія, но могли быть имъ предотвращены. Непризнаніе за страховщикомъ права на искъ объ убыткахъ за порчу или утрату застрахованнаго имущества, послѣ уплаты имъ страхователю цѣнности того имущества, было бы равносильно установленію безотвѣтственности частныхъ лицъ въ случаѣ причиненія ими ущерба или вреда имуществу застрахованному и, очевидно, нарушало бы общее правило, выраженное въ 684 ст. 1 ч. X Тома Зак. Гражданск., по которому всякій обязанъ вознаградить за вредъ или убытокъ, причиненный кому либо его дѣяніемъ или упущеніемъ. Цѣлью всякаго страхованія является не обогащеніе, а лишь покрытіе дѣйствительнаго убытка; а потому представляется вполнѣ справедливымъ признать, что послѣ уплаты страховщикомъ страхователю суммы вознагражденія послѣдній не можетъ уже вторично требовать въ свою пользу вознагражденія за то же застрахованное имущество отъ лица, причинившаго вредъ или ущербъ; право это можетъ тогда принадлежать только страховщику, независимо отъ того, будетъ ли на передачу такого права составленъ между страховщикомъ и страхователемъ особый договоръ, или нѣтъ. Право же страхового общества на предъявленіе иска о вознагражденіи убытка отъ утраты товара на желѣзной дорогѣ могло бы быть отвергнуто лишь при условіи точнаго постановленія о семъ въ уставѣ этого страхового общества или общества желѣзной дороги“. Примѣняя эти высказанныя Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ общія соображенія и къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что заключеніе Судебной Палаты о томъ, будто право страховыхъ обществъ на полученіе вознагражденія съ виновнаго въ поврежденіи или утратѣ застрахованнаго въ нихъ имущества, за которое страхователь ими уже удовлетворенъ, во

всякомъ случаѣ обуславливается участіемъ злого умысла въ томъ дѣйствіи, отъ котораго поврежденіе или утрата произошли, не можетъ, какъ прямо противорѣчащее означеннымъ соображеніямъ, быть признано правильнымъ; что же касается до указанія Палаты на то, что уставъ Россійскаго общества страхованія и транспортированія кладей спеціально предусматриваетъ въ 97 параграфѣ своемъ только тотъ случай вознагражденія сего общества за убытокъ, понесенный имъ отъ уплаты страхователю страховой преміи за попорченное или потерянное въ пути застрахованное имущество, когда порча или потеря эта была послѣдствіемъ злого умысла перевозившаго означенное имущество, то упоминаніе названнаго устава о такомъ случаѣ само по себѣ не исключаетъ еще другихъ случаевъ, въ которыхъ, и при отсутствіи злоумышленія со стороны виновнаго въ причиненіи убытка, общество можетъ воспользоваться своимъ правомъ на вознагражденіе на общемъ основаніи 684 ст. Зак. Гражд. Посему Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: рѣшеніе С. Петербургской Судебной Палаты, по нарушенію 684 ст. 1 ч. X Т. Св. Зак., отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты.

99.—1882 г. мая 26 дня. *По прошенію повѣреннаго шемахинскаго жителя Мешади-Мамеда Гасанова, присяжнаго повѣреннаго Георгія Мелеги, объ отмѣнѣ рѣшенія Тифлисской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ-Н. И. Ягнъ; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора П. Н. Грешищевъ).

15 мая 1878 г. состоялось въ Тифлисской Судебной Палатѣ рѣшеніе по иску Ага Абдулъ Гусейна-Кербалай Мамеда Оглы съ Мешади Мамеда-Гасанова 8513 р. 80½ к. за товаръ, присвоенный себѣ отвѣтчикомъ; рѣшеніемъ этимъ признано, что спорный товаръ составлялъ общую принадлежность истца и отвѣтчика, но перешелъ въ руки кредиторовъ отвѣтчика исключительно за его долги, и потому присуждено взыскать съ отвѣтчика въ пользу истца 4256 р. 90¼ к. На рѣшеніе Палаты подана въ срокъ кассаціонная жалоба повѣреннымъ отвѣтчика, присяжнымъ повѣреннымъ Мелеги. Копія съ жалобы вручена была повѣренному истца, присяжному повѣреному Арцруни, 9 октября 1878 г. и о времени врученія объявлено повѣренному отвѣтчика, Мелеги, 11 октября того же года. Но вслѣдъ затѣмъ (12 окт. 1878 г.) Арцруни письменно заявилъ Палатѣ, что истецъ Абдулъ-Гусейнъ Кербалай Мамедъ-Оглы умеръ и что данное ему полномочіе прекратилось; вслѣдствіе сего онъ возвращаетъ въ Палату копію съ кассаціонной жалобы отвѣтчика. Судебная Палата 17 октября 1877 г. постановила: о смерти истца объявить подавшему кассаціонную жалобу присяжному повѣренному Мелеги, для указанія наслѣдниковъ, которымъ должна быть вручена копія съ поданной жалобы; до того же времени производство по дѣлу пріостановить. Постановленіе это объявлено Мелеги 31 октября 1878 г., но въ теченіе трехъ лѣтъ наслѣдники или представители правъ умершаго не указаны; посему Палата, въ силу постановленія своего отъ 1 декабря 1881 г., представила кассаціонную жалобу и подлинное производство въ Прав. Сенатъ, съ объявленіемъ о всемъ вышеизложенномъ.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по смыслу 762 и 801 ст. Уст. Гр. Судопроизв. (X Т. ч. II изд. 1876 г.), кассаціонная жалоба на рѣшеніе Судебной Палаты подается въ Палату, рѣшившую дѣло, которая отсылаетъ ее вмѣстѣ съ подлиннымъ производствомъ, а также вторые экземпляры повѣстокъ, при коихъ вручены участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ копіи съ кассаціонной жалобы, въ Правительствующій Сенатъ. Въ данномъ дѣлѣ Тифлисская Судебная Палата, имѣя въ виду свѣдѣнія о смерти истца и о томъ, что наслѣдники его или представители ихъ правъ не указаны и что копія кассаціонной жалобы, отвѣтчика противной сторонѣ не вручена, не имѣла никакого повода, въ силу приведенныхъ законовъ, представлять кассац. жалобу прис. повѣреннаго Мелеги въ Правит. Сенатъ, а должна была послѣ пріостановленія ею производства, не возобновленнаго въ теченіе 3 хъ лѣтъ, поступить на точномъ

основаніи 689 ст. Уст. Гр. Суд. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: дѣло возвратить въ Судебную Палату для поступленія по 689 ст. Уст. Гр. Суд.

100.—1881 г. марта 26 дня. *По прошеніямъ: 1) повѣреннаго Костромскаго городского общественнаго банка и купцовъ: Александра Карпачева, Ѳеодора Касаткина, Николая Ботникова и Ивана Аристова, кандидата правъ Соколова; 2) повѣреннаго Костромского коммерческаго банка, присяжнаго повѣреннаго Волкова, и 3) его же, Волкова, по довѣренности купца Василія Чернова объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ кн. Н. И. Шаховской: заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Е. Г. Милло).

Въ январѣ мѣсяцѣ 1862 года нерехтскій 2 й гильдіи купецъ Андрей Сыромятниковъ и его родныя дѣти, сыновья Рафаилъ и Михаилъ Сыромятниковы, заключили между собою договоръ на открытіе торговаго дома подъ фирмою „Андрей Сыромятниковъ и К⁰ на „слѣдующихъ условіяхъ: 1-е) складочный капиталъ долженъ быть равенъ капиталу, объявляемому на законномъ основаніи купцомъ 2-й гильдіи, 6000 руб., но можетъ быть впослѣдствіи увеличенъ въ томъ размѣрѣ, какой потребуютъ обороты дѣла; изъ этого капитала въ 6000 руб. или изъ вызваннаго впослѣдствіи оборотами дѣлъ и ими увеличеннаго въ своей пропорціи, отъ кого бы изъ нихъ капиталъ по конторскимъ книгамъ принятъ ни былъ, должно принадлежать Андрею Сыромятникову 50 процентовъ, Рафаилу Сыромятникову 25 процентовъ и Андрею Сыромятникову 25 процентовъ отъ каждаго рубля. Капиталъ этотъ долженъ быть не позже 15 сентября 1862 г. сбалансованъ, приведенъ въ надлежащія части и записанъ за каждымъ изъ нихъ въ размѣрѣ по упомянутому выше раздѣленію, принимая въ расчетъ капитала какъ наличныя суммы его, такъ и всѣ другія цѣнности движимыя и недвижимыя, векселя, расписки, товары, матеріалы и все прочее имущество, принадлежащее и записанное по книгамъ къ составу общаго владѣнія компанейскаго дома (пунк. 1, 2, 3 и 4 договора); 2) торговый домъ ихъ есть товарищество на вѣрѣ и подчиняется положеніямъ изображеннымъ въ Св. Зак. Т. XI ст. 772, 773, 774, 775 и 776. Контора товарищества должна находиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ сосредоточена одна изъ главныхъ дѣятельностей компанейскаго дома; она состоитъ подъ общимъ и непосредственнымъ ихъ наблюденіемъ, распоряжаясь всѣми вообще дѣлами; отдаетъ надлежащіе отчеты, хранитъ суммы, капиталы, товары, матеріалы и все имущество какъ движимое, такъ и недвижимое, ведетъ со всею исправностью закономъ опредѣленныя книги и, балансируя ихъ ежегодно, тѣмъ показываетъ изъ года въ годъ состояніе дѣлъ и изъ счета генеральнаго баланса снабжаетъ каждаго изъ нихъ открытыми листами или выписками съ означеніемъ въ нихъ капитала, принадлежащаго каждому компаньону порознь и всѣмъ вмѣстѣ; упомянутые листы должны быть подписаны бухгалтеромъ и, по ревизіи дѣлъ, ими своеручно зарукоприкладствованы (пунк. 5 и 6 договора); 3) Рафаилъ и Михаилъ Андреевы Сыромятниковы, состоя въ качествѣ вкладчиковъ и пользуясь выгодами дѣла (§§ 3, 8 и 13), хотя состоятъ и впредь будутъ состоять въ одномъ семейномъ капиталѣ родоначальника и учредителя торговаго дома, Андрея Ѳеодоровича Сыромятникова, не могутъ обязываться отъ имени компанейскаго дома векселями и другими актами иначе, какъ по довѣренности родоначальника и учредителя, подъ фирмою котораго состоитъ торговый домъ; въ вознагражденіе по управленію компанейскими дѣлами они положили выдавать отъ компанейскихъ дѣлъ жалованье, записывая его въ текущій по торговому дѣлу расходъ Андрею Сыромятникову съ сыновьями, при немъ живущими, Александромъ и Андреемъ 340 руб., Рафаилу Сыромятникову 170 руб. и Михаилу Сыромятникову 170 руб., ежемѣсячно; кромѣ того, каждый изъ нихъ съ своими семействами имѣетъ квартиру для жительства на счетъ общихъ компанейскихъ расходовъ, за смертью же кого-либо изъ нихъ, семейства ихъ получаютъ отъ общихъ дѣлъ ту же помѣсячную плату во все время существованія торговой фирмы; сверхъ сказаннаго

размѣра взятыя суммы относятся на счетъ каждаго участника въ ихъ товариществѣ и отчисляются изъ капитала, числящагося за товарищемъ (пун. 7 и 8 договора); 4) въ рѣшеніяхъ вопросовъ, возникающихъ о порядкѣ производства дѣлъ, или же о постройкахъ, заготовленіяхъ и о всемъ прочемъ, что только будетъ относиться къ компанейскому дѣлу и его интересамъ, они, участники, допускаютъ большинство голосовъ, по рѣшенію которыхъ дѣло исполняется какъ бы съ противной стороны никакого возраженія не было, причемъ Андрей Сыромятниковъ съ сыномъ Александромъ имѣетъ совѣщательныхъ 2 голоса, Рафаилъ Сыромятниковъ 1 голосъ и Михаилъ Сыромятниковъ 1 голосъ; при равномъ же раздѣленіи голосовъ для перевѣса допускается постороннее или родственное лицо, избранное учредителемъ дома. При несогласіи кого либо изъ нихъ на частное опредѣленіе большинства голосовъ, они предоставляютъ себѣ право обращаться къ медіаторскому суду, созванному или приглашенному временно изъ большаго числа постороннихъ лицъ или же къ узаконенному третейскому суду безъ права затѣмъ апеллировать на его рѣшеніе въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ. Каждый изъ нихъ, участниковъ въ компаніи, по простому письменному увѣдомленію въ контору можетъ право своего голоса передать другому товарищу или же иному родственному лицу на опредѣленное время (п. 9, 10, 11 и 12 договора); 5) при ежегодномъ заключеніи торговыхъ книгъ, отъ счета генеральнаго баланса, изъ пользы или дивиденда ежегодно отчисляется по 5% отъ рубля въ запасный капиталъ, остальная затѣмъ польза дѣлится на четыре равныя части, двѣ изъ нихъ поступаютъ учредителю дома, Андрею Ѳеодоровичу Сыромятникову, одна—Рафаилу Сыромятникову и одна—Михаилу Сыромятникову; въ томъ же размѣрѣ распредѣляется дефицитъ или убытки, послѣдовавшіе по какимъ-либо причинамъ, ежели бы упомянутые убытки сами по себѣ не покрылись бы счетомъ или суммою запаснаго капитала (пунктъ 13 договора); 6) срокъ существованія товарищества не назначался, дѣйствія его могли быть прекращены, когда компанѣйскій капиталъ уменьшится до половинной цыфры, въ суммѣ, какая зачислится за ними при первомъ годовомъ счетѣ по § 4, и ежели бы они не полагали болѣе на возможность его возстановленія (п. 14 договора); 7) для предохраненія разстройства ихъ торговаго предпріятія и для продолженія его, на случай смерти кого либо изъ нихъ, они вмѣсто себѣ вѣдать дѣлами—каждый назначаетъ лицо въ духовныхъ завѣщаніяхъ, въ которыхъ затѣмъ можетъ быть означено распоряженіе, кто наслѣдуетъ имуществомъ и въ какомъ размѣрѣ (пун. 15 договора); наконецъ, 8) въ случаѣ раздѣла компанейскаго дѣла или смерти учредителя фирмы, Андрея Ѳеодоровича, отъ дѣлъ общихъ должно выдаться женѣ его, Елисаветѣ Михайловнѣ Сыромятниковой, единовременно, для ея содержанія, 3000 р.; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, здѣсь не упомянутыхъ, положено руководствоваться общими правилами, въ законахъ гражданскихъ изложенными (пун. 16 договора). Договоръ этотъ явленъ 6 іюня 1862 года въ Нерехтскомъ городовомъ магистратѣ, а 8 іюня въ Нерехтской городовой ратушѣ. Послѣ того 16 ноября 1875 года заключенъ былъ между тѣми же Андреемъ, Рафаиломъ и Михаиломъ Сыромятниковыми дополнительный договоръ, которымъ учредителю торговаго ихъ дома, Андрею Сыромятникову, какъ непосредственному участнику въ компанейскихъ дѣлахъ и полному распорядителю ими, въ смыслѣ XI Тома Торговаго Устава стат. 35, 57, 772, 773, 774, 775 и 776, предоставлялось полное право на пріобрѣтеніе земельныхъ, какъ и вообще недвижимыхъ имуществъ на имя фирмы А. Сыромятникова и К°, на компанейскій капиталъ, какъ на наличныя деньги или же съ залогами сихъ имуществъ у частныхъ лицъ или въ банковыхъ учрежденіяхъ, такъ и на отчужденіе сихъ имуществъ посредствомъ продажи, а равно и залога, если бы требовали того интересы его фирмы. Затѣмъ 12 марта 1879 г. дѣйствіе договора о товариществѣ по обоюдному соглашенію Андрея, Рафаила и Михаила Сыромятниковыхъ прекращено, а 22 мая того же года Андрей Сыромятниковъ, объяснивъ въ поданномъ въ Костромской Окружный Судъ прошеніи, что по несчастному положенію его торговыхъ дѣлъ подъ фирмою „Андрей Сыромятниковъ и К°“, нынѣ имъ закрытыхъ, онъ не находитъ возможнымъ исполнить ликвидацію дѣлъ, принятыхъ имъ на себя, какъ лицомъ,

единственно отвѣтственнымъ по дѣламъ бывшаго компанейскаго дѣла, просилъ Судъ постановить опред. за силою ст. 1877, 1878, 1880, 1881, 1891 и 1892 Т. XI ч. 2 Устава Торгов. и сдѣлать распоряженіе о принятіи надлежащихъ мѣръ къ охраненію имущества его и интересовъ кредиторовъ. Вслѣдъ затѣмъ по довѣренности Костромскихъ общественнаго городского и коммерческаго банковъ и купца Чернова кандидатъ правъ Соколовъ и присяжный повѣренный Волковъ обратились въ Окружный Судъ съ просьбами о признаніи несостоятельными должниками вмѣстѣ съ Андреемъ Сыромятниковымъ и сыновей его, Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ, такъ какъ по содержанію правъ и обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ представленнымъ Андреемъ Сыромятниковымъ въ Окружный Судъ договоромъ, они всѣ трое должны считаться товарищами учрежденнаго ими торговаго дома. Съ своей стороны Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы, возражая противъ этого требованія, въ поданныхъ въ Окружный Судъ прошеніяхъ объяснили, что учрежденный отцомъ ихъ торговый домъ былъ, какъ это положительно постановлено въ самомъ договорѣ, товариществомъ на вѣрѣ, въ которомъ они были только вкладчиками, почему за долги товарищества могутъ отвѣчать только своимъ вкладомъ; что ежели они и принимали участіе въ распоряженіяхъ по дѣламъ товарищества, то не иначе, какъ въ качествѣ довѣренныхъ, какъ приказчики, и что одно участіе ихъ въ надзорѣ за дѣлами товарищества не можетъ служить еще основаніемъ къ признанію ихъ не вкладчиками, а товарищами, такъ какъ и въ товариществахъ на акціяхъ акціонеры имѣютъ право наблюденія за ходомъ дѣла; къ этому Рафаилъ присовокупилъ, что онъ не могъ быть товарищемъ уже потому, что, по закону (статья 702 Т. XI части 2), товарищами могутъ быть и договоры товарищества могутъ заключать только купцы одной гильдіи, а онъ, какъ видно изъ самаго договора, какъ при заключеніи его, такъ и послѣ—никогда купцомъ не былъ и ни въ какой гильдіи не состоялъ. При этомъ Михаилъ Сыромятниковъ въ подтвержденіе того, что дѣлами по товариществу онъ распоряжался не самостоятельно, а какъ повѣренный отца своего, и что обязательства были имъ выдаваемы также не лично отъ себя, а по его же довѣренности, представилъ вексель, выданный 15 ноября 1877 года купцу Чернову, копію съ довѣренности, данной ему въ декабрѣ 1878 года отцомъ его, Андреемъ Сыромятниковымъ, какъ учредителемъ торговаго дома подъ фирмою „А. Сыромятниковъ и К⁰“ и литографированный циркуляръ дополнительнаго извѣщенія, подписанный однимъ отцомъ его, Андреемъ Сыромятниковымъ. Въ засѣданіи Окружнаго Суда кандидатъ правъ Соколовъ, присяжный повѣренный Волковъ, коллежскій ассесоръ Бекеневъ и дворянинъ Ландсбергъ, явившіеся въ качествѣ повѣренныхъ: первый—Костромского городского общественнаго банка и купцовъ Ивана Аристова, Николая Ботникова и Ѳеодора Касаткина; Волковъ—Костромского коммерческаго банка и купца Василія Чернова; Бекеневъ—купцовъ Алексѣя Живущаго и Григорія Набатова; а Ландсбергъ—Ярославскаго отдѣленія Волжко Камскаго коммерческаго банка, ссылаясь на то, что Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы были полными хозяевами и распорядителями въ торговомъ домѣ подъ фирмою „А. Сыромятниковъ и К⁰“ и что поэтому они должны быть признаны товарищами торговаго дома, а не вкладчиками, просили Судъ о признаніи ихъ несостоятельными должниками вмѣстѣ съ отцомъ ихъ, Андреемъ Сыромятниковымъ, и о заключеніи ихъ подъ стражу. Коллежскій же секретарь Жуковъ, явившійся въ качествѣ самостоятельнаго кредитора, по передачѣ ему претензіи своей Анною Сыромятниковою, по вопросу о несостоятельности Сыромятниковыхъ никакихъ объясненій не представилъ. Костромской Окружный Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло и признавъ Андрея Сыромятникова впавшимъ въ несостоятельность, которая подлежитъ объявленію порядкомъ, указаннымъ въ 1880 и послѣд. статьяхъ ст. Т. XI ч. 2 Уст. о торговой несостоятельности, и перейдя къ обсужденію возбужденнаго нѣкоторыми изъ кредиторовъ торговаго дома „А. Сыромятниковъ и К⁰“ вопроса о несостоятельности остальныхъ членовъ того дома, Михаила и Рафаила Андреевыхъ Сыромятниковыхъ, нашелъ, что Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы, получивъ копію съ заявленія повѣреннаго Костромского городского общественнаго банка, Со-

колова, объ открытіи несостоятельности ихъ, сами въ судъ не явились, а въ присланныхъ отзывахъ не опровергаютъ ни факта неоплатности долговъ торговаго дома, ни прекращенія имъ платежей, ни недостаточности имущества на покрытіе долговыхъ претензій, ни, наконецъ, суммы долговъ, простирающихся до 284465 руб. 78 коп., а ограничиваются лишь указаніемъ на то, что они, состоя вкладчиками торговаго дома, отвѣтствуютъ только вкладомъ своимъ; что посему открытіе несостоятельности торговаго дома „А. Сыромятниковъ и К°“ влечетъ за собою отвѣтственность одного Андрея Сыромятникова, а не ихъ, Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ. Въ виду такого заявленія послѣднихъ двухъ лицъ Окружный Судъ, для разрѣшенія ходатайства повѣреннаго общественнаго банка, Соколова, поддержаннаго на судѣ всѣми кредиторами, призналъ нужнымъ опредѣлить родъ торговаго учрежденія, образованнаго подъ именемъ торговаго дома „А. Сыромятниковъ и К°“, степень участія въ немъ Рафаила и Михаила Сыромятниковыхъ, а засимъ ту отвѣтственность, которой они подлежатъ за дѣйствія свои по участію въ означенномъ промышленномъ предпріятіи. Обратившись съ этою цѣлью къ обсужденію содержанія договора, заключеннаго Андреемъ, Михаиломъ и Рафаиломъ Сыромятниковыми по образованію торговаго дома, а равно и тѣхъ законоположеній, которыми опредѣляется учрежденіе торговыхъ товариществъ, Окружный Судъ нашелъ, что образованный Сыромятниковыми торговый домъ, какъ они сами объясняютъ въ 5 § договора, есть товарищество на вѣрѣ. На основаніи ст. 772 Т. XI Уст. Торг. товарищество на вѣрѣ составляется изъ одного или нѣсколькихъ товарищей и вкладчиковъ. Различіе между тѣми и другими заключается въ томъ, что товарищи суть учредители фирмы, а вкладчики суть не болѣе, какъ простые капиталисты, ввѣряющіе первымъ извѣстныя суммы для торга. Являясь учредителями фирмы, товарищи въ силу этого становятся представителями ея, ибо именемъ одного или нѣсколькихъ изъ нихъ называется фирма, распорядителями по дѣламъ товарищества и, наконецъ, лицами, отвѣтственно солидарными за дѣйствія торговаго дома. Положенія эти непосредственно вытекаютъ изъ содержанія ст. 772 Т. XI Уст. Торг., въ которой говорится, что товарищество на вѣрѣ учреждается изъ одного или многихъ товарищей, что товарищество это именуется именемъ товарищей и компаніи, и, наконецъ, что товарищи отвѣтствуютъ за долги торговаго дома по правиламъ, установленнымъ для полнаго товарищества, т.-е. всѣмъ своимъ имуществомъ (ст. 763 Т. XI Уст. Торг.). Роль же вкладчика ограничивается передачей на вѣру опредѣленнаго капитала въ распоряженіе торговаго дома и полученіемъ извѣстной прибыли. Имя вкладчика не можетъ входить въ фирму, или, какъ выражается нашъ законъ, „качество вкладчика не опредѣляетъ рода жизни“ (ст. 773), онъ не можетъ совершать никакихъ распоряженій по управленію торговымъ домомъ (ст. 774 Т. XI ч. 2) и, наконецъ, отвѣтственность его, въ случаѣ разрушенія торгового дома, не простирается далѣе вклада, ввѣреннаго имъ торговому дѣлу. Изъ содержанія договора, заключеннаго Андреемъ, Михаиломъ и Рафаиломъ Сыромятниковыми, несомнѣнно явствуетъ: 1) что степень участія Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ опредѣлялась не однимъ денежнымъ вкладомъ, но и долевою принадлежностью имъ всего актива торговаго дома (пун. 4 договора); 2) что они принимали непосредственное участіе въ управленіи дѣлами торговаго дома и получали за это опредѣленное вознагражденіе. Такое заключеніе о свойствѣ распорядительной дѣятельности Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ вытекаетъ изъ 5, 8 и 9 пункт. договора, въ которыхъ говорится, что контора торговаго дома состоитъ подъ наблюденіемъ Андрея, Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ, что всѣ фирмовыя дѣла рѣшаются подачею голосовъ ихъ и, наконецъ, что за труды свои по управленію компанейскими дѣлами они получаютъ опредѣленное вознагражденіе. Такія права Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ по участію въ образованномъ ими торговомъ домѣ несовмѣстны съ тѣми указаніями закона, коими опредѣляется роль вкладчика въ торговомъ домѣ, а могутъ принадлежать исключительно фирмовымъ товарищамъ. Что Сыромятниковы и сами себя считали таковыми, это непосредственно явствуетъ изъ того, что въ 15 п. договора они, въ видахъ предупрежденія разстройства торговаго предпріятія,

указали способъ замѣщенія каждаго изъ нихъ, на случай смерти, для завѣдыванія дѣлами торговаго дома. Такое положеніе въ договорѣ настолько не совмѣстимо съ понятіемъ о вкладчикѣ, насколько существенно необходимо для фирмоваго товарища. Наконецъ, Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы дополнительнымъ договоромъ, заключеннымъ 16 ноября 1875 г., еще болѣе удостовѣряютъ существованіе активной дѣятельности по управленію торговымъ домомъ, такъ какъ въ договорѣ этомъ они уполномочили Андрея Сыромятникова на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній для торговаго дома. Такое полномочіе, очевидно, могутъ предоставлять только компаніоны торговаго дома, а не вкладчики. То обстоятельство, что фирмовой договоръ уничтоженъ Сыромятниковыми 12 мая, т.-е. за десять дней до открытія несостоятельности, Окружный Судъ призналъ неимѣющимъ никакого значенія, ибо пассивъ товарищества образовался за время существованія торговаго дома и, съ другой стороны, указываетъ лишь на существованіе у Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ преступнаго умысла—перенести имущественную и личную отвѣтственность за долги товарищества на одно лицо—Андрея Сыромятникова. Въ такой же степени неосновательнымъ призналъ Окружный Судъ и объясненія Рафаила Сыромятникова о томъ, что онъ не могъ быть участникомъ въ торговомъ домѣ и потому, что участники торговаго дома должны принадлежать къ одной и той же гильдіи, ибо правило это, какъ это непосредственно явствуетъ изъ содержанія 769 ст. Т. XI Уст. Торг. по прод. 1863 г., не распространяется на лицъ, имѣющихъ право состоять въ одномъ купеческомъ свидѣтельствѣ, а Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы, какъ сыновья Андрея Сыромятникова, имѣли полное право на такое причисленіе, въ силу 67 ст. Уст. пол. о пошл. за право торговли, изд. 1863 г. Указанія Сыромятниковыми на 7 пун. договора, въ коемъ Рафаилъ и Михаилъ Сыромятниковы именуютъ себя вкладчиками, по заключенію Суда, не измѣняютъ обстоятельствъ дѣла какъ потому, что въ другихъ пунктахъ договора (напр. 6-мъ) они называются компаніонами, такъ и потому, что качество участника въ промышленномъ предпріятіи опредѣляется степенью участія его въ дѣлѣ предпріятія, а не такимъ или инымъ наименованіемъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ Окружный Судъ, признавъ, что Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы состояли товарищами торговаго дома: „А. Сыромятниковъ и К°“; что посему, за открывшеюся несостоятельностью того дома, они, въ силу 772 и 763 ст. Т. XI Уст. Торг., должны за долги отвѣтствовать всѣмъ своимъ имуществомъ, нашелъ, что ходатайство кредиторовъ о признаніи Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ несостоятельными должниками должно подлежать удовлетворенію и потому, руководствуясь ст. 1877, 1880, 1881, 1882, 1884, 1885, 1887 и 1892 Т. XI Уст. Торг. и прав. 1 іюля 1868 г. о порядкѣ производства дѣлъ о несостоятельности, опредѣлилъ: потомственныхъ почетныхъ гражданъ Андрея, Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ, производившихъ торговлю подъ фирмою „торговый домъ А. Сыромятниковъ и К°“ признать несостоятельными должниками торговаго званія и заключить подъ стражу. На это рѣшеніе Окружнаго Суда Рафаилъ Сыромятниковъ подалъ Московской Судебной Палатѣ жалобу, въ которой, указавъ сперва на то, что Судъ, разрѣшенію котораго подлежалъ вопросъ только о томъ, представляются ли законныя основанія къ признанію его несостоятельнымъ должникомъ, неправильно вошелъ въ разсмотрѣніе значенія существовавшаго у его отца договора товарищества и тѣмъ предрѣшилъ вопросъ объ отвѣтственности его по тому договору, и на то, что торговая несостоятельность возможна только въ случаяхъ, точно опредѣленныхъ въ ст. 1588 прим. къ ней Т. XI 2 ч. по прод. 1876 г., онъ же купцомъ никогда не былъ; затѣмъ объяснилъ, что отказъ его отъ возлагаемой на него нѣкоторыми кредиторами отца его отвѣтственности за долги его, сдѣланные имъ именемъ его собственной фирмы, безъ всякаго его уполномочія кредитоваться за его счетъ, никакъ не давало суду право признавать его несостоятельнымъ должникомъ, такъ какъ для того, чтобы привлечь его къ отвѣту за долги отца, кредиторы сего послѣдняго должны прежде доказать передъ судомъ узаконеннымъ порядкомъ какъ отвѣтственность его, такъ и размѣръ сей послѣдней, и затѣмъ уже требовать осуществленія съ его

стороны этой отвѣтственности. Доказывая затѣмъ, что Судъ при разсмотрѣніи договора о товариществѣ принялъ въ соображеніе только нѣкоторыя части онаго, въ видахъ кредиторовъ его, и неправильно призналъ его отвѣтственнымъ за всѣ долги отца его потому только, что онъ принималъ участіе въ управленіи дѣлами товарищества; что при этомъ онъ упустилъ изъ виду то, что участіе это точно опредѣлено въ договорѣ, и именно такое, какое имѣетъ сынъ въ дѣлахъ отца, участіе приказчика, дѣйствующаго по довѣренности, приказчики же дѣлаютъ не даромъ, а за вознагражденіе, которое можетъ опредѣляться или назначенною платою, или извѣстнымъ процентомъ прибылей отъ торговли (2219 ст. X Т. ч. I) и о которомъ должны имѣться договоры, вслѣдствіе чего такъ и поступлено съ нимъ въ договорѣ товарищества, и что заключенный въ 1875 году договоръ на право покупки недвижимыхъ имѣній на общее ихъ имя можетъ относиться только до недвижимыхъ имѣній и до заключившихъ договоръ, Рафаилъ Сыромятниковъ просилъ, въ виду безусловнаго отсутствія законныхъ основаній къ признанію его должникомъ несостоятельнымъ, и притомъ торговаго званія, опредѣленіе Окружнаго Суда отмѣнить со всѣми послѣдствіями. Съ своей стороны и Михаилъ Сыромятниковъ въ принесенной Судебной Палатѣ жалобѣ, указавъ на то, что вслѣдствіе поданнаго отцомъ его, Андреемъ Сыромятниковымъ, прошенія, которымъ объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, Окружный Судъ долженъ былъ разсмотрѣть только признаніе неоплатности долговъ его отца, удостовѣриться въ этихъ признаніяхъ и объявить его несостоятельнымъ; затѣмъ объяснилъ: 1) что повѣренные Костромскихъ общественнаго банка, коммерческаго банка и купца Чернова только въ соображеніяхъ, изложенныхъ въ поданныхъ ими въ Судъ прошеніяхъ, привели голословныя разсужденія о томъ, что онъ и братъ его Рафаилъ состояли, будто бы, товарищами по учрежденному отцомъ ихъ товариществу на вѣрѣ, въ просительныхъ же пунктахъ тѣхъ прошеній они просили только о признаніи ихъ несостоятельными должниками вмѣстѣ съ отцомъ ихъ и что посему, при такомъ отсутствіи требованій о признаніи его и брата его Рафаила отвѣтчиками за ихъ отца, Судъ не могъ въ резолюціи своей о признаніи ихъ всѣхъ несостоятельными должниками разрѣшать предварительный и капитальный вопросъ, могутъ-ли онъ и братъ его Рафаилъ быть признаны товарищами и потому отвѣтственными за долги ихъ отца, и что посему постановленная Судомъ резолюція представляется также непостижимою, какъ и тѣ прошенія, по которымъ она послѣдовала; 2) что приведенныя Судомъ соображенія, въ которыхъ онъ призналъ его и брата его Рафаила товарищами товарищества на вѣрѣ или торговаго дома „А. Сыромятниковъ и К°“ и, за открывшеюся несостоятельностью сего дома, обязанными, по ст. 772 и 763 Т. XI ч. 2 Уст. Торг., отвѣтствовать своимъ всѣмъ имуществомъ, не могутъ ни замѣнить, ни въ чемъ-либо отмѣнить резолюцію суда, которою онъ и братъ его Рафаилъ признаны несостоятельными должниками по товариществу на вѣрѣ ихъ отца безъ всякаго даже намека на признаніе его и брата его Рафаила товарищами сей фирмы и потому отвѣтчиками за долги ихъ отца; 3) что, признавъ его и брата его Рафаила несостоятельными должниками по случаю разрѣшенія, на основаніи ст. 1881 Т. XI ч. 2 Уст. Торг., единственнаго вопроса о неоплатности долговъ ихъ отца, безъ разрѣшенія судомъ предварительнаго главнаго вопроса, могутъ ли онъ и братъ его Рафаилъ быть признаны отвѣтчиками за долги ихъ отца и даже безъ ходатайства о семъ кредиторовъ сего послѣдняго, Окружный Судъ уничтожилъ въ отношеніи его и брата его Рафаила ст. 1 п. 1, 718, 725, 727, 731, 892 и 924 Уст. Гр. Суд., по смыслу коихъ они въ правѣ были получить изъ Суда копіи съ заочнаго противъ нихъ рѣшенія и принести тому же Суду отзывъ о новомъ разсмотрѣніи дѣла, и что вмѣстѣ съ тѣмъ Судъ не имѣлъ права обращать свое рѣшеніе къ предварительному исполненію; 4) что Окружный Судъ, подтверждая въ своихъ соображеніяхъ фактъ существованія именно товарищества на вѣрѣ изъ одного товарища, отца ихъ, Андрея Сыромятникова, а его, Михаила и брата его Рафаила въ качествѣ вкладчиковъ, и признавая затѣмъ, что они всѣ были товарищами такого товарищества на вѣрѣ, допустилъ въ своемъ рѣшеніи противорѣчіе, такъ какъ существованіе товари-

*

щества на вѣрѣ немыслимо безъ вкладчиковъ или съ вкладчиками, и ими же въ качествѣ товарищей; что такое противорѣчіе не оправдывается и дальнѣйшими соображеніями Суда, будто бы по смыслу договора, составленнаго въ январѣ 1872 года, и дополнительнаго къ оному договора 16 ноября 1875 года онъ, Михаилъ, и братъ его Рафаилъ должны быть признаны товарищами, а не вкладчиками въ виду того, что сими договорами имъ предоставлялось право распоряженія дѣлами того товарищества, ибо и при существованіи яснаго закона, запрещающаго положительно вкладчикамъ имѣть какое-нибудь распоряженіе по дѣламъ товарищества на вѣрѣ, хотя бы и по довѣренности учредителя или товарища такого торговаго дома, Судъ не могъ бы вкладчиковъ означеннаго дома превратить въ товарищей, отвѣтствующихъ за долги онаго всѣмъ своимъ имуществомъ, когда въ самомъ договорѣ о томъ товариществѣ они не только признаны именно вкладчиками, но и указанъ самый законъ, ограничивающій ихъ отвѣтственность только наличнымъ вкладомъ; въ противномъ случаѣ судъ представлялся бы участникомъ въ составленіи и измѣненіи договоровъ по желанію заинтересованныхъ въ томъ лицъ, тогда какъ по закону, ст. 700 и 1528 Т. X ч. I, договоры вообще могутъ быть составляемы и измѣняемы только по непринужденному произволу и согласію лишь договорившихся лицъ; что разсужденіе суда о томъ, что качество участника въ промышленномъ предпріятіи опредѣляется степенью участія его въ дѣлахъ предпріятія, а не такимъ или инымъ наименованіемъ, произвольно, такъ какъ значеніе всякаго договора должно быть опредѣляемо не по побочнымъ обстоятельствамъ или по касающимся ихъ указаніямъ въ договорѣ, а по главнымъ его предметамъ или положеніямъ, которые для договоровъ о товариществѣ указаны въ ст. 766, 767 и 776 Т. XI части 2 Уст. Торг. и при несоблюденіи коихъ торговый домъ, въ видѣ товарищества полнаго или товарищества на вѣрѣ, подлежитъ уничтоженію, а виновные сверхъ того подвергаются взысканію, опредѣленному въ ст. 1197 Уложен. о наказаніяхъ, что названіе ихъ компаніонами въ договорѣ о товариществѣ на вѣрѣ, въ которомъ въ главныхъ и оповѣщенныхъ положеніяхъ одинъ отецъ его названъ товарищемъ, а онъ, Михаилъ, и братъ его Рафаилъ наименованы именно вкладчиками, съ заявленіемъ количества вносимаго ими обоими капитала, объясняется тѣмъ, что самое наименованіе товарищества на вѣрѣ „товарищества и К°“ давало имъ право называться компаніонами отца въ качествѣ не спеціальныхъ товарищей его, а только вкладчиковъ, и что это подтверждается еще тѣмъ, что въ договорѣ о товариществѣ содержится требуемое 1 пун. 767 ст. Уст. Торг. обозначеніе его именно договоромъ о товариществѣ на вѣрѣ, что онъ, Михаилъ, и братъ его Рафаилъ обозначены только вкладчиками, а одинъ отецъ ихъ учредителемъ или товарищемъ; что количество вкладовъ ихъ въ товарищество обозначено; что всѣ эти обозначенія представляются главными и существенными противъ всѣхъ другихъ обозначеній и условій въ томъ же договорѣ; что ни онъ, апелляторъ, ни братъ его Рафаилъ не уполномочены тѣмъ договоромъ непосредственно править и распоряжаться дѣлами товарищества на вѣрѣ ихъ отца; что какъ онъ, апелляторъ, такъ и братъ его Рафаилъ по дѣламъ того товарищества дѣйствовали въ качествѣ лишь вкладчиковъ, только по довѣренности ихъ отца; что сами кредиторы помянутаго товарищества оказывали имъ кредитъ только по довѣренности ихъ отца, и ежели они признавали для себя малонадежнымъ или недостаточно гарантирующимъ установленный договоромъ о товариществѣ составъ его изъ одного отца его, въ качествѣ отвѣтственнаго товарища, и его, апеллятора, съ братомъ Рафаиломъ, въ качествѣ только вкладчиковъ, то могли оградить свои интересы уклоненіемъ отъ всякихъ сдѣлокъ съ тѣмъ товариществомъ, и потому рѣшеніе Суда оказывается лишь такимъ обезпеченіемъ кредита, на которое кредиторы, дѣлавшіе кредитъ только ихъ отцу или непосредственно или по довѣренности его, чрезъ него, апеллятора, и брата его Рафаила, не расчитывали и ни по какому закону разсчитывать не могли; 5) что, по смыслу ст. 2132 Т. X. ч. I, къ договорамъ о товариществѣ и компаніи примѣняются всѣ общія правила о договорахъ, а по ст. 1530 Т. X ч. I всѣмъ договаривающимся предоставляется на волю включить въ договоръ, по обо-

юдному согласію и по ихъ усмотрѣнію, всякія законамъ непротивныя условія, которыя въ отношеніи договоровъ о товариществѣ ограждаются по той же ст. 2132 закономъ, ежели они имъ непротивны и не клонятся ко вреду, ущербу или убытку для общаго блага, и что при этомъ о благѣ частныхъ липъ или частныхъ учрежденій вовсе не упоминается, такъ какъ частныя лица и учрежденія могутъ сами своевременно ограждать свои денежные интересы; что самое существованіе ст. 774 XI Т. ч. 2, запрещающей вкладчику обязываться на лицо торговаго дома и несодержащей въ себѣ никакихъ другихъ запрещеній или ограниченій для вкладчиковъ, было бы совершенно излишне, ежели бы ст. 772 Т. XI ч. 2 ограничивала безусловно роль вкладчиковъ только взносомъ своего капитала учредителю товарищества на вѣрѣ и безмолвіемъ по дѣламъ такого товарищества; что посему и въ виду ст. 2294 Т. X ч. I и ст. 51 и 52 Устава Торговаго онъ, апелляторъ, и братъ его Рафаилъ, хотя и не могли сами лично быть распорядителями по дѣламъ товарищества на вѣрѣ ихъ отца, но по надлежащей довѣренности его, конечно, могли замѣнять вполнѣ его лицо во всѣхъ дѣлахъ и обязательствахъ, касающихся товарищества, какъ это признавали постоянно и кредиторы его, оказывая кредитъ той фирмѣ по векселямъ, за подписью его, апеллятора, или брата его Рафаила, въ качествѣ только повѣренныхъ оной; 6) что дополнительнымъ договоромъ 16 ноября 1875 года договоръ о самомъ учрежденіи товарищества на вѣрѣ не уничтожался и уничтожаться не могъ, а только прибавлялась къ оному, съ общаго согласія его, апеллятора, и брата его Рафаила и отца ихъ обоихъ общее ихъ, на основаніи ст. 2132 X Т. I ч., постановленіе о несомнѣнномъ правѣ отца ихъ, какъ учредителя торговаго дома, непосредственнаго участника въ компанѣйскихъ дѣлахъ и полнаго распорядителя ими, на пріобрѣтеніе вообще недвижимыхъ имуществъ на имя фирмы „А. Сыромятниковъ и К°“, и что такой договоръ не можетъ составлять даннаго имъ и братьямъ его Рафаиломъ уполномочія, которое совершается только въ видѣ довѣренности; 7) что высказанное въ рѣшеніи Суда предположеніе о преступномъ, будто-бы, умыслѣ его, Михаила, и брата его Рафаила—уничтоженіемъ 12 мая фирменнаго договора—перенести имущественную и личную отвѣтственность за долги товарищества на одного ихъ отца, не только не подтверждается, но еще опровергается вышеизложенными доказательствами и законами, по которымъ онъ, апелляторъ, и братъ его Рафаилъ, бывъ членами купеческаго семейства подъ начальствомъ отца и только вкладчиками его товарищества на вѣрѣ, безусловно не могли подлежать солидарной съ нимъ отвѣтственности по сему товариществу, почему не могло быть и нѣтъ никакого повода къ тому предположенному Судомъ преступному умыслу, и 8) что фирменный договоръ составленъ былъ въ январѣ 1862 года и явленъ въ Нерехтскомъ магистратѣ 6 іюня того же года, почему, за силою стат. 60 Тома I Основ. Законовъ, Окружный Судъ въ соображеніяхъ своего рѣшенія явно напрасно примѣнилъ къ тому договору ст. 769 Устава Торговаго и статьи 67 Положенія о пошл. за право торговли 1863 года. На основаніи всего вышеизложеннаго Михаилъ Сыромятниковъ просилъ рѣшеніе Окружнаго Суда о признаніи его несостоятельнымъ должникомъ и о заключеніи его подъ стражу, съ публикаціею о томъ и съ арестомъ его движимости, отмѣнить во всѣхъ частяхъ и со всѣми послѣдствіями, предписавъ Суду немедленно пріостановиться всякимъ исполненіемъ вышеприведеннаго рѣшенія въ отношеніи лично его и его имущества. Къ этому Михаилъ Сыромятниковъ въ подтвержденіе своей жалобы присовокупилъ: 1) что солидарная отвѣтственность договаривающихся лицъ никогда не предполагается, а признается лишь тогда, когда о ней именно постановлено въ самомъ договорѣ, такъ что по долговымъ актамъ отвѣтствуетъ только тотъ, кто ихъ подписалъ, и 2) что самое требованіе ст. 771 Т. XI ч. 2, подъ угрозок уничтоженія договора о товариществѣ, оповѣщенія для его кредиторовъ только главныхъ положеній онаго, исчисленныхъ именно въ ст. 767 и 776 XI Т. ч. 2, очевидно, удостовѣряетъ, что всѣ прочія положенія въ томъ договорѣ, какъ зависящія единственно отъ воли участвующихъ лицъ, по ст. 2132 и 1530 Т. X ч. I, могутъ имѣть лишь для сихъ лицъ какое либо значеніе, но отюдь не для кредиторовъ товарищества, а иначе то

оповѣщеніе не имѣло бы никакого значенія. Затѣмъ въ засѣданіи Судебной Палаты повѣренный Михаила Сыромятникова объяснилъ, что довѣритель его лично за собя не выдавалъ никакихъ обязательствъ никому изъ кредиторовъ по настоящему дѣлу, а выдавалъ ихъ только въ качествѣ повѣреннаго, не упоминая вовсе ни въ текстѣ, ни въ подписи ихъ, что выдаетъ ихъ лично за себя или какъ членъ торговаго дома, а какъ повѣренный онъ не можетъ быть признанъ отвѣтчикомъ по выданнымъ имъ обязательствамъ; что ст. 1881 Т. XI ч. 2 Уст. Торг. предоставляетъ суду разрѣшить только одинъ вопросъ о несплатности долговъ для признанія кого-либо несостоятельнымъ, а не даетъ суду права еще признавать какое либо лицо отвѣтственнымъ товарищемъ, и ежели можно добиться такого признанія вопреки фирменному договору, гдѣ лицо это названо лишь вкладчикомъ, то не иначе, какъ путемъ особаго иска въ общемъ судебномъ порядкѣ. Повѣренный же Рафаила Сыромятникова, поддерживая жалобу своего довѣрителя въ томъ, что Судъ совершенно правильно вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса въ отношеніяхъ довѣрителя его къ торговому дому А. Сыромятникова и затѣмъ, опровергая заключеніе Окружнаго Суда о томъ, что качество участника въ торговомъ домѣ опредѣляется степенью участія его въ предпріятіи, а не тѣмъ или другимъ названіемъ въ договорѣ, на которомъ основанъ торговый домъ, доказывалъ, что кто въ томъ или другомъ торговомъ домѣ и кто учредитель должно разрѣшаться по закону; что въ ст. 756 и 772 XI Т. ч. 2 Уст. Торг. точно опредѣлены, кто учредители торговыхъ домовъ, а имена ихъ не могутъ быть неизвѣстны, потому что именами ихъ должны называться и называются торговые дома; что имя учредителя безусловно объявляется потому, что именемъ его называется торговый домъ, а имена вкладчиковъ не объявляются, а скрываются подъ словомъ „компанія“; что договоръ учредителей товариществъ на вѣрѣ съ вкладчиками, въ чемъ бы онъ, и заключался, не касается кредиторовъ товарищества, какъ третьихъ лицъ, и что посему Суду не слѣдовало разсматривать, по просьбѣ кредиторовъ А. Сыромятникова, договоръ его, какъ учредителя, съ довѣрителемъ его, какъ вкладчикомъ; что въ оповѣщеніи, сдѣланномъ въ 1862 году и повторенномъ въ 1875 году, было прямо сказано, что открываетъ торговый домъ Андрей Сыромятниковъ и К°, что поэтому его только и должны были знать кредиторы и съ нимъ однимъ имѣли они дѣло; если же его довѣритель занимался дѣлами торговаго дома, то занимался какъ лицо, въ немъ заинтересованное и по довѣренности учредителя, А. Сыромятникова, въ подтвержденіе чего повѣренный Рафаила Сыромятникова представилъ двѣ его довѣренности, присовокупилъ, что, какъ вкладчикъ, довѣритель его не обязывался на счетъ торговаго дома своего отца и не уполномочилъ послѣдняго обязываться на свой счетъ, что было бы безусловно необходимо по 3-му пункту 767 ст. Т. XI ч. 2 Уст. Торг., ежели бы онъ былъ, какъ толковалъ Судъ, учредителемъ-товарищемъ. Московская Судебная Палата, обсудивъ вышеизложенныя обстоятельствамъ дѣла, нашла, что товарищество на вѣрѣ, къ числу которыхъ принадлежитъ договоръ Сыромятниковыхъ, составляется изъ одного или многихъ товарищей, именемъ которыхъ и называется образуемый товариществомъ торговый домъ, и изъ вкладчиковъ, участіе которыхъ въ дѣлѣ выражается присовокупленіемъ къ именамъ товарищей словъ: „и компанія“ (ст. 772 Т. XI ч. 2), причемъ указано, что вкладчикъ въ семъ качествѣ не можетъ ни съ кѣмъ обязываться на-лицо торговаго дома (ст. 774) и что количество вносимаго имъ капитала должно быть заявлено (ст. 776), самая же степень участія вкладчиковъ или компаніоновъ въ ходѣ предпріятія и въ дѣлахъ торговаго дома въ законѣ не опредѣлена и, слѣдственно, зависитъ отъ взаимнаго ихъ соглашенія съ товарищами. На основаніи же ст. 775, вкладчикъ, въ случаѣ разрушенія дома, отвѣтствуетъ только наличнымъ вкладомъ. Примѣняя эти законоположенія къ товарищескому договору Сыромятниковыхъ, Палата нашла, что въ силу онаго образованъ былъ торговый домъ подъ фирмою, „А. Сыромятниковъ и К°“, т.-е. подъ именемъ одного Андрея Сыромятникова, который, въ силу ст. 772 Тома XI части 2, долженъ быть признаваемъ единственнымъ товарищемъ и сыновья его Михаилъ и Рафаилъ, какъ непоименованные въ фирмѣ и входившіе въ нее

лишь подъ общимъ обозначеніемъ „компаніи“, въ силу той же статьи закона, только вкладчиками и компаніонами, каковыми они именуются въ договорѣ; въ виду сего, а равно и того, что, согласно вышеизложенной статьѣ закона, въ договорѣ точно опредѣлена и сумма ввѣренныхъ ими товариществу капиталовъ, Палата нашла, что буквальный смыслъ закона не даетъ основаній къ признанію Рафаила и Михаила Сыромятниковыхъ товарищами торговаго дома „А. Сыромятниковъ и К°“. Всѣ же прочіе доводы Суда о томъ участіи въ веденіи дѣлъ торговаго дома, которое товарищескимъ договоромъ предоставлено сыновьямъ Сыромятникова и которое, по мнѣнію Суда, не совмѣстимо, будто бы, съ званіемъ вкладчика, Палата признала неимѣющими законнаго основанія, такъ какъ размѣръ этого участія въ законѣ не опредѣленъ, а потому онъ и не можетъ служить основаніемъ для опредѣленія положенія ихъ въ составѣ товарищества, вопреки признакамъ, установленнымъ закономъ о товариществѣ. Руководствуясь сими соображеніями и принявъ засимъ во вниманіе, что Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы, за силою ст. 775 Тома XI ч. 2, могли отвѣтствовать, въ случаѣ разрушенія торговаго дома, только наличнымъ вкладомъ, Судебная Палата рѣшеніе Окружнаго Суда о признаніи Михаила и Рафаила Андреевыхъ Сыромятниковыхъ несостоятельными должниками торговаго званія съ заключеніемъ подъ стражу, отмѣнила со всѣми послѣдствіями. Въ кассаціонной жалобѣ Правительствующему Сенату повѣренный Костромского общественнаго городского банка и купцовъ Александра Кропачева, Ѳеодора Касаткина, Николая Ботникова и Ивана Аристова, кандидатъ правъ Соколовъ, проситъ постановленіе Московской Судебной Палаты отмѣнить: во-1-хъ) по нарушенію Палатою ст. 9 Уст. Гр. Судопроизвод., которою судебнымъ установленіямъ вмѣняется въ обязанность рѣшать дѣла по точному разуму законовъ; въ случаѣ же ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія,—основывать рѣшенія на общемъ смыслѣ законовъ, такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ Палата, признавая отсутствіе прямого закона, опредѣляющаго степень участія вкладчиковъ въ дѣлахъ торговаго дома, вмѣсто того, чтобы обратиться къ общему смыслу законовъ и опредѣлить, путемъ отысканія, разумныя основанія постановленій закона о товарищахъ и вкладчикахъ, въ чемъ заключаются сходныя и отличительныя черты тѣхъ и другихъ, ограничилась указаніемъ такого положенія, что роль вкладчика, его смыслъ и значеніе въ торговомъ домѣ вполнѣ зависятъ отъ произвола договаривающихся лицъ, о чемъ, однако жъ, нигдѣ въ законѣ не говорится; во 2-хъ) по нарушенію Палатою ст. 772—776 Тома XI части 2, которое проситель видитъ въ томъ, что Палата неправильно опредѣлила значеніе и степень участія вкладчиковъ въ дѣлахъ торговаго дома; причемъ объясняетъ, что, по мнѣнію Палаты, для избѣжанія отвѣтственности передъ кредиторами участнику въ товариществѣ достаточно наименовать себя вкладчикомъ, чтобы, несмотря на существо и предѣлъ самаго участія въ дѣлахъ товарищества, предоставляемаго этому лицу по фирменному договору, выйти совершенно невредимымъ изъ развалинъ разрушившагося дома, тогда какъ, по разуму закона и по неоднократно высказаннымъ Правительствующимъ Сенатомъ положеніямъ, значеніе сдѣлки и отношеніе контрагентовъ какъ между собою, такъ и къ третьимъ лицамъ разсматриваются и опредѣляются не по названію сдѣлки или контрагентовъ, а по содержанію самой сдѣлки, и что ежели признать правильнымъ, что законъ не опредѣляетъ участія вкладчиковъ въ торговомъ домѣ и что опредѣленіе этого участія зависитъ отъ взаимнаго соглашенія товарищей съ вкладчиками, то слѣдуетъ согласиться, что между тѣми и другими законодатель не полагаетъ различія ни въ юридическомъ, ни въ экономическомъ смыслѣ, и въ такомъ случаѣ самое постановленіе 775 ст. XI Т. ч. 2 Уст. Тор., по которой вкладчикъ, въ случаѣ разрушенія дома, отвѣтствуетъ только наличнымъ капиталомъ, являлось бы лишеннымъ разумнаго основанія. Ссылаясь, въ подтвержденіе существованія различія между товарищами и вкладчиками въ товариществѣ на вѣрѣ, на то, что при совершенномъ тождествѣ товарищества полнаго и товарищества на вѣрѣ какъ по способу учрежденія ихъ, по выраженію ихъ дѣятельности и прекращеніи ихъ существованія, такъ и по отвѣтственности товарищей за долги торговаго дома, товарищество на

вѣрѣ выдѣлено въ особый видъ товарищества вслѣдствіе присутствія въ немъ вкладчиковъ, каковой присоединенный элементъ долженъ имѣть весьма характерныя особенности, отличающія его отъ первоначальнаго основного элемента, каковымъ должны признаваться товарищи, какъ въ товариществѣ полномъ, такъ и на вѣрѣ, кассаторъ затѣмъ объясняетъ, что при вступленіи въ товарищество въ качествѣ товарища не уничтожается воля каждаго изъ участниковъ его, почему, въ виду полной возможности вліянія на ходъ общаго дѣла каждымъ изъ товарищей, законъ и повелѣваетъ оповѣщать объ имени, отчествѣ, прозваніи, жительствѣ и званіи товарищей (ст. 767 пун. 2 Устава Торг.), относительно же вкладчиковъ законъ предоставляетъ на ихъ волю открытіе ихъ именъ въ обвѣщеніи (ст. 776 Устава Торговаго), каковое постановленіе закона только и можно объяснить тѣмъ, что вкладчики не имѣютъ вліянія на ходъ и развитіе товарищества, или, иначе сказать, они не распоряжаются дѣлами торговаго дома; въ противномъ случаѣ законодатель безъ сомнѣнія предъявилъ бы къ нимъ то же требованіе, что и къ товарищамъ; что имена товарищей должны быть извѣстны купечеству, имена же вкладчиковъ могутъ быть сокрыты отъ него, притомъ вкладчики могутъ присоединиться къ товариществу, уже существующему, по особому акту, которымъ, по мнѣнію Палаты, право управленія дѣлами торговаго дома можетъ быть предоставлено вновь присоединеннымъ вкладчикамъ, тогда какъ, по смыслу закона, товарищество обязано лишь увѣдомить о количествѣ новаго вклада, не извѣщая при этомъ объ именахъ и условіяхъ участія въ дѣлахъ дома вновь присоединенныхъ лицъ, и тогда, при разрушеніи торговаго дома, могло бы оказаться, что, кредитуя товарищей, имена коихъ были объявлены, кредиторы на самомъ дѣлѣ передавали свои капиталы въ распоряженіе вкладчиковъ, можетъ быть, такихъ лицъ, которыя не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія; что то, что вкладчики не распорядители торговыми дѣлами товариществъ, подтверждается тѣмъ, что они не обязаны брать купеческихъ свидѣтельствъ или принадлежать къ торговому званію (примѣч. 2 къ ст. 769 и 773 Тома XI ч. 2 Устава Торговаго), что немыслимо при условіи распоряженія дѣлами торговаго дома; что роль вкладчиковъ въ товариществѣ вѣрнѣе всего опредѣляется тѣмъ названіемъ, какое присвоено закономъ товариществу съ участіемъ вкладчиковъ. Оно именуется товариществомъ на „вѣрѣ“, вкладчики „ввѣряютъ“ товарищамъ для торга извѣстныя суммы своихъ капиталовъ, какъ видно изъ ст. 772 Т. XI ч. 2 Уст. Торгов., буквальный смыслъ которой не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что активная роль въ товариществѣ принадлежитъ товарищамъ, роль же вкладчиковъ исчерпывается тѣмъ, что они участвуютъ въ товариществѣ своимъ капиталомъ, а не личными дѣйствіями, и что такой взглядъ на роль вкладчиковъ подтверждается и редакціею ст. 775 Устава Торговаго (Томъ XI ч. 2), въ которой послѣ слова „вкладчикъ“ помѣщено вводное предложеніе „дающій на вѣру свой капиталъ“, которымъ законодатель, очевидно, хотѣлъ выразить ту мысль, что было бы несправедливо возложить на вкладчика отвѣтственность передъ кредиторами въ суммѣ, превышающей размѣръ его вклада, въ виду именно того, что вина вкладчика состоитъ только въ томъ, что онъ, не принимая никакого участія въ завѣдываніи дѣлами товарищества, лишь ввѣрилъ свой капиталъ товарищамъ и самъ разсматривается какъ потерпѣвшій отъ дѣйствій товарищей. Указавъ, наконецъ, на то, что въ французскомъ законодательствѣ, изъ котораго, какъ можно съ достаточною вѣроятностью предположить, почерпнуты изложенныя въ манифестѣ 1 января 1807 года (Полное Собраніе Законовъ № 22418) и перешедшія въ нынѣ дѣйствующій Торговый Уставъ правила о вкладчикахъ и къ которому слѣдуетъ обратиться, за неимѣніемъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ прямого и точнаго опредѣленія степени и предѣловъ участія вкладчиковъ въ дѣлахъ торговаго дома, начало невмѣшательства вкладчика въ управленіе и завѣдываніе дѣлами торговаго дома проведено съ такою строгостью, что имѣется даже такое постановленіе, въ силу котораго, если вкладчикъ совершитъ какое либо дѣйствіе на имя торговаго дома, даже по довѣренности послѣдняго, то, въ случаѣ разрушенія дома, онъ подлежитъ уже солидарной отвѣтственности за долги дома вмѣстѣ со всѣми товарищами;

кассаторъ доказываетъ, что всѣ изложенныя имъ соображенія приводятъ къ тому заключенію, что вкладчикомъ въ товариществѣ можетъ быть признанъ только тотъ, кто участвуетъ въ товариществѣ лишь капиталомъ, и притомъ въ опредѣленномъ количествѣ, и что только такое лицо отвѣтствуетъ за долги фирмы однимъ своимъ капиталомъ, а что всѣ прочія лица, принимавшія участіе въ управленіи и въ завѣдываніи дѣлами торговаго дома, какъ бы они ни назывались въ фирменномъ договорѣ, обязаны отвѣтствовать всѣмъ своимъ состояніемъ на основаніи постановленій, относящихся до товарищей; въ 3-хъ) по нарушенію статьи 339 Устава Гражданскаго Судопроизводства, которое проситель видитъ: 1-е) въ томъ, что Палата, установивъ въ исторической части своего рѣшенія тотъ фактъ, что Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы участвуютъ въ товариществѣ не однимъ денежнымъ вкладомъ, но что участіе ихъ опредѣляется и долевою принадлежностью имъ всего актива торговаго дома, затѣмъ въ соображеніяхъ, въ числѣ другихъ доводовъ, приводитъ то, что, будто бы, въ договорѣ точно опредѣлена и сумма ввѣренныхъ Сыромятниковыми товариществу капиталовъ, тогда какъ объ опредѣленности суммы не можетъ быть и рѣчи, ибо этому противорѣчитъ буквальный смыслъ договора (п.п. 4 и 13), а также установленный самою Палатою фактъ о долевомъ участіи Сыромятниковыхъ въ активѣ торговаго дома, и во 2-хъ) въ томъ, что 13 п. договора, по которому Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы приняли на себя отвѣтственность за убытки торговаго дома въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ слѣдуетъ имъ и прибыль, т.-е. по 25% каждому, Палата оставила безъ обсужденія, ибо, вопреки буквальному смыслу означеннаго договора, признала, что Сыромятниковы отвѣчаютъ только своимъ вкладомъ. Независимо отъ этой жалобы, объ отмѣнѣ постановленія Московской Судебной Палаты по настоящему дѣлу поданы Правительствующему Сенату присяжнымъ повѣреннымъ Волковымъ двѣ просьбы: одна по довѣренности Костромского коммерческаго банка и другая по довѣренности купца Василія Чернова; въ жалобахъ этихъ присяжный повѣренный Волковъ ходатайство свое объ отмѣнѣ постановленія Судебной Палаты основываетъ на нарушеніи ст. 1536, 1538, 2130, 2133, 2134, 2135 Т. X ч. I., ст. 756, 757, 762, 763, 765, 769, 772, 775 и 776 Т. XI ч. 2 Уст. Торг. и ст. 456, 777, 1 пунк. 793 Устава Гражданскаго Судопроизводства. Нарушеніе означенныхъ узаконеній проситель видитъ въ томъ, что Палата при разсмотрѣніи настоящаго дѣла, имѣющаго въ основаніи разрѣшеніе вопроса, признать-ли фирменный договоръ, заключенный въ 1862 г. Сыромятниковыми и названный ими договоромъ о товариществѣ на вѣрѣ, согласно данному ему составителями наименованію, или договоромъ о товариществѣ полномъ, оставила безъ разсмотрѣнія взаимныя отношенія, установленныя въ этомъ договорѣ между лицами, заключившими его, не повѣрила, соотвѣтствуютъ-ли изложенныя въ немъ условія юридическихъ отношеній сторонъ тѣмъ законоположеніямъ I й части X Тома Св. Зак. Гражд. и XI Тома Уст. Торг., которыя, указывая свойства какъ договора о товариществѣ полномъ, такъ и о товариществѣ на вѣрѣ, опредѣляютъ непремѣнныя условія, при соблюденіи только которыхъ можетъ существовать тотъ или другой изъ этихъ договоровъ, и не опредѣлила въ своемъ рѣшеніи съ точностью юридическаго значенія договора, лежавшаго въ основаніи рѣшаемаго ею дѣла, тогда какъ, ежели бы Палата обратила вниманіе на условія, постановленныя Сыромятниковыми въ договорѣ, названномъ ими договоромъ о товариществѣ на вѣрѣ, и сравчила ихъ съ законоположеніями о договорѣ этого вида, изложенными во 2 части Т. XI Уст. Торг. въ ст. 772, во 2 примѣч. къ ст. 769 по прод. 1863 г., въ ст. 775 и въ ст. 776, то было бы ясно, что въ договорѣ о товариществѣ на вѣрѣ существуютъ два элемента договаривающихся, а именно: товарищи, подчиняющіеся правиламъ, постановленнымъ въ законѣ для договоровъ о полномъ товариществѣ и, слѣдовательно, отвѣтствующіе за всѣ долги торговаго дома всѣмъ своимъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, и вкладчики, участвующіе въ торговыхъ дѣйствіяхъ однимъ только опредѣленнымъ вкладомъ и не входящіе въ распоряженіе оными и которые въ обвѣщеніи купечества и копіи договора, хотя и могутъ быть не поименованы, но количество вносимаго ими вклада должно быть заявлено; въ настоящемъ же случаѣ въ заключенномъ въ 1862

году Сыромятниковыми договорѣ Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы, хотя и названы вкладчиками, но количество внесенныхъ каждымъ изъ нихъ вкладовъ съ точностью, вопреки ст. 776, не обозначено; затѣмъ, вопреки ст. 772 и 2 прим. къ ст. 769 Т. XI Уст. Торг., они, Сыромятниковы, называя себя вкладчиками, присваиваютъ себѣ распоряженіе дѣлами фирмы, съ назначеніемъ вознагражденія, названнаго ими жалованьемъ, изъ чего, по объясненію просителя, ясно видно, что договоръ, заключенный Сыромятниковыми въ 1862 г., хотя и названъ договоромъ о товариществѣ на вѣрѣ, но, на основаніи изложенныхъ въ немъ условій, обуславливающихъ взаимныя отношенія договаривающихся, всецѣло составляетъ договоръ о товариществѣ полномъ, такъ какъ условія этихъ взаимныхъ отношеній предусмотрѣны и лежатъ въ основаніи этого послѣдняго вида договора о товариществѣ, почему Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы должны быть признаваемы не вкладчиками, а товарищами. Въ объясненіяхъ противъ этихъ кассаціонныхъ жалобъ Рафаилъ и Михаилъ Сыромятниковы, возражая противъ приведенныхъ въ нихъ поводовъ къ отмѣнѣ постановленія Судебной Палаты, просятъ оставить оныя безъ послѣдствій, причемъ изъ нихъ Рафаилъ Сыромятниковъ указываетъ, относительно кассаціонной жалобы Соколова, на то, что она приносится имъ отъ пермскаго купца Кропачева, который, какъ неучаствовавшій въ производствѣ дѣла ни въ Судѣ, ни въ Палатѣ, не въ правѣ, согласно рѣшенію Правительствующаго Сената 1877 г. 3 февраля—16 марта по дѣлу Ремеръ, просить объ отмѣнѣ рѣшенія даже вмѣстѣ съ однимъ изъ тяжущихся, почему, и за подачею Соколовымъ одной жалобы отъ имени Кропачева вмѣстѣ съ другими лицами, она должна быть въ цѣломъ, нераздѣльномъ ея составѣ, оставлена вовсе безъ разсмотрѣнія. Михаилъ же Сыромятниковъ проситъ. въ случаѣ отмѣны постановленія Судебной Палаты по кассаціоннымъ жалобамъ противной стороны, отмѣнить оное и по его ходатайству, вслѣдствіе нарушенія Палатою 1, 256, 257, 694, 748, 1 п. 718, 725, 727, 731, 867, 868, 892, 924 и др. ст. Уст. Гр. Суд., 766, 767, 768 и 771 Т. XI ч. 2, оставленіемъ вовсе безъ заключенія по, очевидно, существеннымъ, капитальнымъ по дѣлу сему предметамъ или вопросамъ, какъ о начатіи и продолженіи онаго въ отношеніи его и брата его Рафаила, внѣ исковаго и тяжебнаго производства и даже безъ установленнаго 6 п. 257 ст. Уст. Гр. Суд. ходатайства, хотя бы въ частномъ порядкѣ, о признаніи ихъ товарищами товарищества полнаго или вовсе немыслимаго по закону товарищества на вѣрѣ безъ вкладчиковъ, такъ и о безусловной, совершенной невозможности превращенія гражданскимъ судомъ открытаго публично и офиціально, при участіи административной власти, товарищества на вѣрѣ „А. Сыромятниковъ и К°“ въ товарищество полное или въ товарищество вовсе безъ вкладчиковъ, т.-е. безъ указанной тою фирмою компаніи.

По выслушаніи словесныхъ объясненій, представленныхъ со сторны коммерческаго банка въ г. Костромѣ и Костромского городского общественнаго банка присяжнымъ повѣреннымъ Потѣхинымъ, и со стороны Рафаила и Михаила Сыромятниковыхъ присяжными повѣренными Богомоловымъ и Варѳоломеевымъ, а равно заключенія Товарища Оберъ-Прокурора, разсмотрѣвъ настоящее дѣло и останавливаясь прежде всего на заявленномъ Рафаиломъ Сыромятниковымъ, въ объясненіи на кассаціонную жалобу повѣреннаго Костромского городского общественнаго банка и купцовъ Александра Кропачева, Ѳеодора Касаткина, Николая Ботникова и Ивана Аристова, кандидата правъ Соколова, ходатайствѣ, объ оставленіи жалобы этой, въ цѣломъ и нераздѣльномъ ея составѣ безъ разсмотрѣнія, на томъ основаніи, что она подана по уполномочію, между прочими кредиторами торговаго дома „А. Сыромятникова и К°“, и купца Кропачева, который, какъ неучаствовавшій въ производствѣ настоящаго дѣла ни въ Окружномъ Судѣ, ни въ Судебной Палатѣ, не имѣетъ права просить объ отмѣнѣ постановленія сей послѣдней даже вмѣстѣ съ участвовавшею въ дѣлѣ тяжущеюся стороною, Правительствующій Сенатъ находитъ, что ходатайство это удовлетворенію подлежать не можетъ, такъ какъ, ежели даже и было бы признано, что Кропачевъ, какъ не принимавшій ни лично, ни чрезъ повѣреннаго участія въ производствѣ въ Окружномъ Судѣ и Судебной Палатѣ подлежащаго нынѣ разсмотрѣнію Правитель-

ствующаго Сената дѣла о несостоятельности торговаго дома „А. Сыромятниковъ и К°“, не можетъ пользоваться правомъ просить объ отмѣнѣ окончательнаго постановленія Палаты въ качествѣ участвовавшей въ дѣлѣ стороны, то и въ такомъ случаѣ жалоба кандидата правъ Соколова не могла бы быть оставлена вовсе безъ разсмотрѣнія, такъ какъ она принесена по уполномочію и такихъ кредиторовъ торговаго дома „А. Сыромятниковъ и К°“, которые и принимали участіе въ производствѣ настоящаго дѣла. Обращаясь вслѣдствіе сего къ обсужденію какъ означенной жалобы, такъ и жалобы повѣреннаго Костромского коммерческаго банка, Василія Чернова, и сообразивъ изложенныя въ нихъ объясненія съ законами, съ содержаніемъ постановленія Судебной Палаты и съ обстоятельствами дѣла, Правительствующій Сенатъ изъ сихъ послѣднихъ усматриваетъ, что въ настоящемъ случаѣ разрѣшенію Суда подлежалъ споръ со стороны кредиторовъ объявившаго себя несостоятельнымъ должникомъ Андрея Сыромятникова, доказывавшихъ, что сыновья сего послѣдняго, Михаилъ и Рафаилъ Сыромятниковы, должны считаться не вкладчиками въ товариществѣ на вѣрѣ открытаго отцомъ ихъ торговаго дома подъ фирмою „А. Сыромятниковъ и К°“, каковыми они названы въ товарищескомъ договорѣ объ учрежденіи означеннаго товарищества, а товарищами, такъ какъ въ договорѣ томъ имъ предоставлены были такія права по управленію торговымъ предпріятіемъ, какія по законамъ о купеческомъ товариществѣ могутъ принадлежать только товарищамъ, вслѣдствіе чего означенные кредиторы ходатайствовали о признаніи Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ несостоятельными должниками вмѣстѣ съ отцомъ ихъ, Андреемъ Сыромятниковымъ. Судебная Палата ходатайство это оставила безъ удовлетворенія и призна Андрея Сыромятникова, въ силу стат. 772 Т. XI ч. I Уст. Торг., единственнымъ товарищемъ торговаго дома подъ фирмою „А. Сыромятниковъ и К°“, а Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ—только вкладчиками и компаніонами, каковыми они себя именуютъ въ договорѣ о товариществѣ, на томъ, какъ это видно изъ состоявшагося по настоящему дѣлу постановленія Палаты, основаніи, что они не поименованы въ фирмѣ и входили въ нее лишь подъ обозначеніемъ „компаніи“ и что, согласно вышеизложенной ст. 772 Т. XI ч. 2 Уст. Торгов., въ договорѣ точно опредѣлена и сумма ввѣренныхъ ими капиталовъ, причемъ Палата признала, что участіе въ введеніи дѣлъ торговаго дома, которое товарищескимъ договоромъ предоставлено сыновьямъ Сыромятникова и размѣръ котораго въ законѣ не опредѣленъ, не можетъ служить основаніемъ для опредѣленія положенія ихъ въ составѣ товарищества, вопреки признакамъ, установленнымъ закономъ о товариществѣ. Такое заключеніе Судебной Палаты Правительствующій Сенатъ не можетъ признать согласнымъ съ дѣйствительнымъ смысломъ узаконеній, относящихся къ товариществу купеческому. Законами этими установлено, въ отношеніи степени участія въ управленіи и размѣровъ правъ и отвѣтственности между участниками въ общемъ торговомъ предпріятіи, существенное различіе, смотря по тому, состоялось ли между компаніонами товарищество полное или товарищество на вѣрѣ. При полномъ товариществѣ всѣ участники равноправны, они отвѣтствуютъ за всѣ долги торговаго дома вообще и порознь, всѣмъ своимъ имуществомъ; при товариществѣ же на вѣрѣ существуютъ совершенно иныя отношенія, такъ какъ, кромѣ товарищей, въ немъ принимаютъ участіе вкладчики: товарищи подчиняются тѣмъ же правиламъ, какія постановлены для полнаго товарищества, вкладчики же, имена которыхъ могутъ оставаться неизвѣстными и которые даютъ капиталъ свой на вѣру, не имѣютъ права обязываться на лицо торговаго дома, отвѣтствуютъ только наличнымъ вкладомъ и не участвуютъ въ управленіи предпріятіемъ (ст. 772—776 Т. XI ч. 2); какъ то, такъ и другое товарищество составляются посредствомъ договора, который заключается по содержанію постановленныхъ притомъ взаимныхъ между товарищами условій, причемъ какъ взаимныя обязательства между товарищами, такъ и обязательства съ посторонними, на общее имя дѣлаемыя, зависятъ отъ дѣйствія взаимнаго договора. Вслѣдствіе сего, въ случаѣ споровъ о размѣрѣ правъ и обязанностей участника въ бывшемъ, или существующемъ товариществѣ, судебныя мѣста обязаны споры эти разрѣшать сообразно тому участію, которое ему предоставлено въ торговомъ

предпріятіи договоромъ, по которому онъ вступилъ въ товарищество. Хотя въ ст. 756 и 772 XI Т. ч. 2 Уст. Торг. и постановлено, что товарищество полное составляется изъ двухъ или многихъ товарищей, положившихъ за едино торговать подъ однимъ общимъ названіемъ всѣхъ, и называется торговымъ домомъ подъ ихъ именемъ, а товарищество на вѣрѣ составляется изъ одного или многихъ товарищей, съ пріобщеніемъ одного или многихъ вкладчиковъ, и называется торговымъ домомъ подъ именемъ товарищей и компаніи, но изъ этого постановленія закона нельзя вывести того положенія, чтобы участникъ въ купеческомъ товариществѣ, которому договоромъ о товариществѣ предоставлены такія права по веденію торговаго предпріятія, которыя могутъ принадлежать только товарищу, не могъ быть признанъ въ этомъ качествѣ потому только, что имя его не значится въ числѣ товарищей, подъ именемъ которыхъ учрежденъ торговый домъ. То обстоятельство, на которое ссылается Палата въ своемъ постановленіи, что степень участія вкладчиковъ или компаніоновъ въ ходѣ предпріятія и въ дѣлахъ торговаго дома въ законѣ не опредѣлена и что поэтому размѣръ этого участія зависитъ отъ взаимнаго соглашенія ихъ съ товарищами, не можетъ также служить основаніемъ къ предоставленію вкладчикамъ въ товариществѣ на вѣрѣ такихъ правъ, которыя принадлежатъ только товарищамъ, такъ какъ подобному соглашенію участниковъ въ товариществѣ не можетъ быть предоставлено измѣнять по своему произволу то значеніе, которое законъ признаетъ за вкладчиками въ товариществѣ на вѣрѣ; вслѣдствіе сего, какъ свойство участія компаніоновъ въ дѣлахъ товарищества, такъ и размѣръ вытекающей изъ него отвѣтственности за долги товарищества, должны зависѣть не отъ того только, какими участниками они названы въ договорѣ о товариществѣ, но отъ того, какія имъ тѣмъ договоромъ предоставлены права въ дѣлахъ товарищества. Посему и въ виду стат. 9 Устава Гражд. Судопр., по которой, въ случаѣ неполноты, неясности, недостатки или противорѣчія въ законѣ, всѣ судебныя установленія обязаны основывать рѣшенія на общемъ смыслѣ законовъ, Палата, при отсутствіи въ законѣ точныхъ правилъ, опредѣляющихъ степень участія вкладчиковъ или компаніоновъ въ ходѣ предпріятія и торговаго дома, обязана была, для разрѣшенія спора, возникшаго со стороны кредиторовъ торговаго дома „А. Сыромятниковъ и К⁰“, доказывавшихъ, что условіями договора объ учрежденіи товарищества на вѣрѣ подъ фирмою „А. Сыромятниковъ и К⁰“ Михаилу и Рафаилу Сыромятниковымъ, названнымъ въ этомъ договорѣ только вкладчиками, предоставлено по завѣдыванію дѣлами торговаго дома „А. Сыромятниковъ и К⁰“ такія права, которыя могутъ принадлежать только товарищамъ, войти въ разсмотрѣніе содержанія договоровъ, заключенныхъ Андреемъ Сыромятниковымъ съ сыновьями своими, Михаиломъ и Рафаиломъ, и свойство участія сихъ послѣднихъ въ дѣлахъ торговаго дома подъ фирмою „А. Сыромятниковъ и К⁰“ опредѣлить на основаніи условій этихъ договоровъ и правъ, предоставленныхъ ими Михаилу и Рафаилу Сыромятниковымъ. Признавая поэтому, что Судебная Палата, уклонившись, вопреки ст. 711 Устава Гр. Судопроизвод., отъ подобнаго разсмотрѣнія заключеннаго Андреемъ Сыромятниковымъ съ сыновьями своими, Михаиломъ и Рафаиломъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1862 года договора объ открытіи торговаго дома подъ фирмою „А. Сыромятниковъ и К⁰“ и дополнительнаго къ оному договора 16-го ноября 1875 года и признавъ Андрея Сыромятникова единственнымъ товарищемъ, а Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ—вкладчиками, каковыми они себя именуютъ въ договорѣ о товариществѣ, на томъ основаніи, что они не поименованы въ фирмѣ и что въ договорѣ точно опредѣлена сумма ввѣренныхъ ими товариществу капиталовъ, допустила нарушеніе какъ вышеприведенной статьи, такъ и ст. 756, 772 Т. XI ч. 2 Уст. Торг.,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что засимъ постановленіе Судебной Палаты по настоящему дѣлу не можетъ быть оставлено въ силѣ окончательнаго по оному рѣшенія. Переходя засимъ къ заявленному Михаиломъ Сыромятниковымъ въ объясненіи на кассаціонныя жалобы противной стороны ходатайству объ отмѣнѣ постановленія Судебной Палаты по нарушенію приведенныхъ въ томъ объясненіи узаконеній, Правительствующій Сенатъ находитъ, что означенное свое ходатайство проситель основываетъ на томъ,

что Палата оставила безъ заключенія всѣ изложенныя имъ въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе Окружнаго Суда возраженія относительно неправильнаго начатія и продолженія дѣла въ отношеніи его и брата его, Рафаила Сыромятникова, внѣ исковаго и тяжебнаго судопроизводства, совмѣстно съ дѣломъ объ открытіи несостоятельности отца ихъ, Андрея Сыромятникова. Такое указаніе просителя Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать заслуживающимъ уваженія, такъ какъ Палата, ограничиваясь признаніемъ Михаила и Рафаила Сыромятниковыхъ вкладчиками въ торговомъ домѣ „А. Сыромятниковъ и К⁰ и отмѣнивъ со всѣми послѣдствіями рѣшеніе Окружнаго Суда о признаніи ихъ несостоятельными должниками, не привела, въ нарушеніе ст. 711 Уст. Гр. Суд., никакихъ соображеній относительно вышеприведенныхъ возраженій просителя и, такимъ образомъ, лишила Правительствующій Сенатъ возможности войти въ обсужденіе правильности объясненія просителя относительно нарушенія Палатою приведенныхъ имъ узаконеній, вслѣдствіе чего и въ этомъ отношеніи постановленіе Палаты не можетъ быть оставлено въ силѣ окончательнаго рѣшенія. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: постановленіе Московской Судебной Палаты отмѣнить, по нарушенію ст. 756 и 772 Т. XI ч. 2 и ст. 711 Уст. Гр. Суд., и дѣло передать въ другой департаментъ той-же Палаты.

101.—1881 года сентября 30 дня. *По прошенію повѣреннаго жены статскаго совѣтника Маріи Азаревичъ, по первому мужу Бѣгичевой, лично и въ качествѣ опекунши надъ малолѣтними дѣтьми ея: Степаномъ, Александромъ, Дмитріемъ и Маріею Никитиными Бѣгичевыми, объ отмѣнѣ рѣшенія Харьковской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ кн. Н. И. Шаховской; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора гр В А. Тизенгаузенъ).

По довѣренности дочери надворнаго совѣтника Екатерины Поповой, присяжный повѣренный Шайкевичъ 11 октября 1877 года предъявилъ въ Саратовскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ женѣ магистра Марьѣ Азаревичъ, лично и какъ опекуншѣ надъ малолѣтними ея дѣтьми: Степаномъ, Александромъ, Дмитріемъ и Маріею Бѣгичевыми, какъ наслѣдниками послѣ умершаго Никиты Степановича Бѣгичева, о признаніи за довѣрительницею его, какъ утвержденною Саратовскою Палатою Уголовнаго и Гражд. Суда наслѣдницею послѣ умершей Варвары Ивановой Бѣгичевой, права собственности на слѣдовавшую сей послѣдней указную 1/7 ч. въ имѣніи, доставшемся мужу ея, Дмитрію Степановичу Бѣгичеву, по раздѣльному акту, составленному въ 1850 г. между наслѣдниками полковницы Анны Бѣгичевой, Саратовской губ., Хвалынскаго уѣзда, при селѣ Покурлей, въ количествѣ 297 дес. 129 3/7 саж., при с. Никольскомъ, въ землѣ, обозначенной въ раздѣльномъ актѣ въ размѣрѣ 30 четвертей, со всѣми на этихъ земляхъ строеніями и обзаведеніемъ и въ одной третьей части водяной и мукомольной мельницы о 8 поставахъ, на рѣкѣ Избаликѣ, каковое имѣніе, за смертью дочери Варвары Бѣгичевой, Надежды, перешло къ коллежскому секретарю Никитѣ Бѣгичеву, послѣ котораго состоятъ наслѣдниками вышеуказанные имъ отвѣтчики; при этомъ, въ подтвержденіе того, что Варвара Бѣгичева при жизни своей просила о выдѣлѣ слѣдующей ей указной части, повѣренный истицы представилъ копію съ поданнаго ею, какъ опекуншею по имѣнію малолѣтней дочери своей Надежды, 24 октября 1869 года въ Хвалынскую дворянскую опеку рапорта, которымъ она просила опеку, на основаніи существующихъ законовъ, сдѣлать распоряженіе о выдѣленіи ей седьмой части послѣ покойнаго мужа, Дмитрія Степановича Бѣгичева; сверхъ того, при поданномъ въ Окружный Судъ исковомъ прошеніи присяжный повѣренный Шайкевичъ представилъ выданную ему истицею, Екатериною Поповою, довѣренность, которою она уполномочила его на ходатайство по дѣлу ея съ женою магистра правъ Маріею Платоновною Азаревичъ и дѣтьми ея Степаномъ, Александромъ, Дмитріемъ и Маріею Никитиными Бѣгичевыми, о землѣ Саратовской губерніи, Хвалынскаго уѣзда, при селѣ Покурлей, Александровское-тожъ. Про-

тивъ этого иска повѣренный отвѣтчиковъ, коллежскій секретарь Андреевъ, объяснилъ, что наслѣдники Варвары Бѣгичевой не имѣютъ права просить о выдѣлѣ указной части, слѣдовавшей ей изъ имѣнія мужа ея, такъ какъ она сама о выдѣлѣ ей этой части при жизни своей не просила, хотя же она и подала въ Хвалынскую дворянскую опеку о выдѣлѣ ей этой части, а опе ка вошла объ этомъ 3 ноября 1869 г. съ представленіемъ въ Саратовскую Палату Уголовнаго и Гражданскаго Суда, но Палата постановленіемъ 31-го марта 1870 года нашла ходатайство это неподлежащимъ удовлетворенію и предписала опекѣ, чтобы она на будущее время таковыми представленіями Палаты не обременяла и самое ходатайство ея о выдачѣ ей указной части, какъ начатое не въ надлежашемъ порядкѣ и не въ подлежащемъ судѣ, которому подсудны дѣла такого рода, не можетъ имѣть никакого значенія и замѣнить собою просьбу о выдѣлѣ, указанную въ ст. 1152 Т. X ч. I. Независимо отъ этого объясненія, повѣренный отвѣтчиковъ въ засѣданіи Окружнаго Суда предъявилъ противъ повѣреннаго истицы отводъ, такъ какъ довѣренностью Поповой онъ уполномоченъ предъявить искъ о землѣ, находящейся при селѣ Покурлей, Александровка тожъ, между тѣмъ какъ изъ раздѣльнаго акта видно, что Дмитрію Бѣгичеву досталось земли при селѣ Дмитріевскомъ и Никольскомъ и право на 1/3 часть мельницы на рѣкѣ Избаликѣ, въ Покурлей же ему ничего не досталось, поэтому повѣренный отвѣтчиковъ просилъ искъ, предъявленный Шайкевичемъ, по отношенію къ землѣ при селѣ Дмитріевскомъ и Никольскомъ и къ одной трети мельницы на рѣкѣ Избаликѣ, оставить безъ разсмотрѣнія. Противъ этого Шайкевичъ возразилъ, что онъ уполномоченъ на веденіе всѣхъ дѣлъ съ наслѣдниками Бѣгичевой касательно оставшихся послѣ нея имѣній, которыя въ довѣренности показаны вообще состоящими при селѣ Покурлей, и что, досталась ли земля Дмитрію Бѣгичеву собственно въ Покурлейской дачѣ или нѣтъ, Судъ самъ усмотритъ изъ раздѣльнаго акта. Окружный Судъ призналъ отводъ этотъ заслуживающимъ уваженія и вслѣдствіе того 17 марта 1878 г, постановилъ опредѣленіе о томъ, чтобы искъ относительно имѣній при селѣ Никольскомъ и водяной мельницы на рѣкѣ Избаликѣ оставить безъ разсмотрѣнія по существу. За необжалованіемъ этого опредѣленія со стороны истицы въ установленный на то закономъ срокъ, Окружный Судъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла по существу, причемъ въ засѣданіи суда 23 го іюня 1878 г. повѣренный истицы, подтверждая исковыя требованія, доказывалъ, что просьба Бѣгичевой о выдѣлѣ ей указной части, поданная хотя и не въ надлежащее судебное мѣсто, была достаточна для огражденія правъ наслѣдницы ея, Поповой, тѣмъ болѣе, что кромѣ того, Варвара Бѣгичева фактически владѣла наслѣдственнымъ имѣніемъ и потому, въ силу ст. 1254, 1241 и 1266 Т. X ч. I, не было для нея, какъ наслѣдницы по закону, надобности подавать особое прошеніе о выдѣлѣ ей указной части. Саратовскій Окружный Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло и принявъ въ соображеніе, что вдова, желающая получить выдѣлъ, обязана о томъ просить судъ, могущій дѣйствительно разрѣшить ея просьбу, просьба же, поданная въ дворянскую опеку, сама по себѣ не можетъ имѣть значенія, какъ поданная не въ надлежащее мѣсто, нашелъ, что какъ Варвара Бѣгичева не обращалась въ надлежащее мѣсто съ просьбою о выдѣлѣ и не искала причитавшейся ей указной части изъ имѣнія своего мужа, то и наслѣдница ея, Попова, не имѣетъ права на эту часть. Поэтому Окружный Судъ 30 іюня 1878 г. въ искѣ отказалъ. На это рѣшеніе повѣренный Поповой подалъ Саратовской Судебной Палатѣ апелляціонную жалобу, въ которой доказывалъ, что Варвара Бѣгичева, владѣя слѣдующею ей изъ имѣнія мужа седьмою частью, не имѣла надобности обращаться къ суду для утвержденія ея въ правахъ наслѣдства; что смыслъ ст. 1152 Т. X ч. I заключается въ томъ, что для устраненія всякаго сомнѣнія въ намѣреніи жены получить изъ имѣнія мужа указную часть законъ обязываетъ ее выразить свою волю несомнительно, офиціально, гласно, при отсутствіи же такого выраженія предполагаетъ ее отъ наслѣдства въ имѣніи мужа отрекшеюся въ пользу его родственниковъ, почему, при неустановленіи ни въ ст. 1152 Т. X ч. I, ни въ другой статьѣ закона никакой обязательной формы, въ которой вдова должна выразить волю свою пріобрѣсть

указную часть, всякое о семъ заявленіе жены, лишь бы оно не возбуждало сомнѣнія въ дѣйствительности ея воли, должно быть признаваемо достаточнымъ; поэтому повѣренный истицы просилъ рѣшеніе Окружнаго Суда, какъ неправильное, отмѣнить и признать искъ его довѣрительницы подлежащимъ удовлетворенію согласно исковому прошенію. Въ засѣданіи Судебной Палаты повѣренный со стороны отвѣтчиковъ просилъ рѣшеніе Окружнаго Суда утвердить. За отмѣною Правительствующ. Сенатомъ, по жалобѣ истицы Поповой, постановленнаго Саратовскою Судебною Палатою рѣшенія, дѣло это, при указѣ отъ 10 апрѣля 1880 г., поступило на разсмотрѣніе Харьковской Судебной Палаты, въ засѣданіи которой повѣренный истицы представилъ копію съ опредѣленія Саратовской палаты уголовнаго и гражданскаго суда 7 октября 1870 года по дѣлу объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства коллежскаго секретаря Никиты Степанова Бѣгичева къ имѣнію брата его, флота-лейтенанта Дмитрія Степанова Бѣгичева, заключающемуся въ удобной и неудобной землѣ и половинѣ водяной мукомольной мельницы, состоящихъ Саратовской губерніи, Хвалынскаго уѣзда, при селѣ Александровскомъ, Покурлей-тожъ, каковое дѣло началось, какъ видно изъ того опредѣленія, по поданной повѣреннымъ Никиты Бѣгичева просьбѣ, въ которой онъ объяснилъ, что послѣ смерти родного брата довѣрителя его, флота лейтенанта Дмитрія Степанова Бѣгичева, послѣдовавшей 5 января 1869 года, осталось имѣніе Саратовской губерніи, Хвалынскаго уѣзда, при с. Александровскомъ, Покурлей тожъ, заключающееся въ землѣ 2080 десят. 406 саж. и половинѣ водяной мукомольной мельницы на рѣкѣ Избаликѣ о 8 поставахъ съ одною обдирною, и неудобной одной половины изъ земли 119 дес. 235½ саж., доставшееся по наслѣдству послѣ смерти родительницы его довѣрителя, полковницы Анны Ивановой Бѣгичевой, и по раздѣльному акту, учиненному съ родителемъ его, полковникомъ Степаномъ Никитинымъ Бѣгичевымъ и сестрами, утвержденному Саратовскою гражданскою палатою 31 августа 1880 г. Харьковская Судебная Палата, по выслушаніи объясненія повѣренныхъ сторонъ, разсмотрѣвъ дѣло и остановившись прежде всего на вопросѣ о правѣ истицы на настоящій искъ, въ этомъ отношеніи нашла, что, по силѣ ст. 1148 Т. X ч. I, жена послѣ мужа получаетъ изъ недвижимаго его имѣнія седьмую часть, а по ст. 1152 того же Тома и части наслѣдники бездѣтно умершей вдовы лишаются правъ на принадлежащую ей указную часть лишь въ томъ случаѣ, когда сама вдова при жизни своей не просила о выдѣлѣ ей той части; изъ дѣла же сего видно, что послѣ смерти Дмитрія Бѣгичева вдова его, Варвара Бѣгичева, въ качествѣ опекунши надъ малолѣтнею дочерью ихъ, Надеждою, умершею въ ноябрѣ 1869 г., обращалась 29 октября того же года въ Хвалынскую дворянскую опеку съ просьбою о выдѣлѣ ей указной части изъ имѣнія мужа ея, о чемъ опека съ своей стороны входила съ представленіемъ въ Саратовскую палату уголовнаго и гражданскаго суда, но до разрѣшенія ея Палатою просительница, вдова Варвара Бѣгичева, скончалась 4 января 1870 г. При доказанности по дѣлу такихъ обстоятельствъ слѣдуетъ признать, что истица Попова, какъ наслѣдница Варвары Бѣгичевой, имѣетъ несомнѣнное право на пріобрѣтеніе въ свою собственность слѣдуемой послѣдней указной части изъ имѣнія ея мужа. Хотя же Саратовскій Окружный Судъ отказалъ въ искѣ Поповой, не придавъ никакого значенія заявленной Варварою Бѣгичевою въ Хвалынскую дворянскую опеку просьбѣ о выдѣлѣ ей указной части и найдя, что таковая просьба должна быть подана вдовою въ надлежащее судебное мѣсто, но такой выводъ несогласенъ съ 1152 ст. Т. X ч. I, разъясненною въ указѣ Правительствующаго Сената по настоящему дѣлу отъ 10 апрѣля 1880 г., въ томъ смыслѣ, что приведенная статья вовсе не содержитъ въ себѣ указанія, будто просьба вдовы о правѣ на вдовью часть должна быть подана непремѣнно въ [illegible]дъ. Притти къ иному заключенію не представляется основанія, какъ въ виду 813 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства, такъ и въ томъ соображеніи, что въ разсматриваемомъ дѣлѣ Варвара Бѣгичева могла ходатайствовать о выдѣлѣ ей указной части только чрезъ дворянскую опеку, потому что въ вѣдѣніи ея находилось въ то время самое имѣніе мужа ея, по малолѣтству умершей впослѣдствіи дочери ихъ, Надежды, что ею, Варварою Бѣ-

гичевою, и исполнено. Перейдя засимъ къ поддерживаемой въ апелляціонной жалобѣ просьбѣ Поповой объ удовлетвореніи вполнѣ ея искового требованія, Судебная Палата нашла, что отвѣтчики не возражаютъ ни противъ указаннаго истицею состава нсслѣдственнаго имѣнія, ни противъ апелляціоннаго ея требованія, относящагося къ наслѣдственному имѣнію не только при селѣ Покурлей, но и въ селѣ Никольскомъ, а также къ мельницѣ, и что посему такое требованіе, какъ неоспоренное противною стороною, подлежитъ удовлетворенію, тѣмъ болѣе, что представленная въ засѣданіи Судебной Палаты копія опредѣленія Саратовской палаты уголовнаго и гражданскаго суда отъ 7 октября 1870 года объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства Никиты Бѣгичева удостовѣряетъ, что все имѣніе послѣдняго, изъ коего требуется нынѣ Поповою указная седьмая часть, показывалась самимъ наслѣдодателемъ, отвѣтчикомъ Никитою Бѣгичевымъ, только при одномъ селѣ Покурлей, безъ особаго поименованія села Никольскаго, хотя принадлежащая сему послѣднему земля по количеству десятинъ и заключалась въ томъ имѣніи. По всѣмъ симъ соображеніямъ, признавъ апелляціонную жалобу Поповой заслуживающею уваженія, а рѣшеніе Окружнаго Суда подлежащимъ отмѣнѣ, Судебная Палата, руководствуясь 774 и 776 ст. Уст. Гр. Суд., опредѣлила: признать за Поповою право собственности на одну седьмую часть недвижимаго имѣнія Саратовской губерніи, Хвалынскаго уѣзда, доставшагося отставному флота-лейтенанту Дмитрію Степанову Бѣгичеву по раздѣльному акту, совершонному въ Саратовской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда 28 августа 1850 г., на наслѣдственное послѣ Анны Бѣгичевой имѣніе и въ размѣрѣ присуждаемой Поповой части ввести ее въ общее владѣніе сказаннымъ имѣніемъ съ отвѣтчиками; рѣшеніе Суда отмѣнила и судебныя издержки по всему производству возложила на отвѣтчиковъ. Въ кассаціонной жалобѣ Правительствующему Сенату повѣренный жены статскаго совѣтника Маріи Азаревичъ, по первому мужу Бѣгичевой, и въ качествѣ опекунши надъ дѣтьми ея отъ перваго брака Степана, Александра, Дмитрія и Маріи Никитиныхъ Бѣгичевыхъ, присяжный повѣренный Боровиковскій, проситъ рѣшеніе Судебной Палаты отмѣнить, какъ постановленное съ нарушеніемъ существенныхъ формъ судопроизводства, а равно съ нарушеніемъ прямого смысла и неправильнымъ толкованіемъ законовъ. Нарушеніе существенныхъ формъ судопроизводства проситель видитъ: во-1-хъ) въ томъ, что Палата, несмотря на то, что опредѣленіе Окружнаго Суда, которымъ признанъ заслуживающимъ уваженія заявленный повѣреннымъ отвѣтчиковъ отводъ о недостаткѣ полномочія повѣреннаго истицы на веденіе дѣла по всему иску Поповой и постановлено искъ Поповой относительно имѣній при селѣ Никольскомъ и водяной мельницы оставить безъ разсмотрѣнія по существу, осталось со стороны истицы необжалованнымъ, признала себя въ правѣ разсмотрѣть и присудить весь искъ на томъ основаніи, что отвѣтчики не возражаютъ противъ апелляціоннаго ея требованія, относящагося ко всему наслѣдственному имѣнію не только при селѣ Покурлей, но и въ селѣ Никольскомъ, а также къ мельницѣ, и такимъ образомъ, въ нарушеніе ст. 576 пункт. 3, 584 пункт. 4, 585, 586, 891, 783, 785 Уст. Гр. Судопроиз., не признала для себя обязательнымъ своевременно необжалованное опредѣленіе Суда отъ 17 марта 1878 года, тогда какъ отсутствіе со стороны отвѣтчиковъ спеціальныхъ по этому предмету возраженій не оправдываетъ допущеннаго Палатою нарушенія законовъ, ибо они считали себя гарантированными закономъ въ томъ, что Палата и безъ ихъ возраженій закона не нарушитъ; во 2) въ томъ, что Палата, въ нарушеніе ст. 12, 706, 747, 773 и 776 Уст. Гражданскаго Судопроизводства, разсмотрѣла и присудила часть иска, первою инстанціею не разсмотрѣнную, ибо если бы опредѣленіе Суда отъ 17 марта 1878 г. и было установленнымъ порядкомъ обжаловано или отмѣнено самимъ Судомъ, то и въ такомъ случаѣ должно было послѣдовать разсмотрѣніе первою инстанціею по существу той части иска, которая, согласно тому опредѣленію, была оставлена безъ разсмотрѣнія. Нарушеніе прямого смысла и неправильное толкованіе законовъ проситель видитъ въ томъ: 1-е) что Палата поданной Бѣгичевою при жизни ея дочери просьбѣ о выдѣлѣ ей изъ имѣнія мужа ея указной части придала значеніе просьбы вдовы

бездѣтной, тогда какъ истинный смыслъ 1152 ст. Т. X ч. I заключается, по объясненію просителя, въ томъ, что просьба вдовы о выдѣлѣ ей указной части сохраняетъ для родственниковъ ея право на полученіе невыдѣленной ей при жизни ея указной части, тогда какъ она не только умерла бездѣтною, но и при подачѣ той просьбы дѣтей не имѣла; 2) что Палата, въ нарушеніе той же ст. 1152 Т. X ч. I, просьбѣ Бѣгичевой, поданной въ качествѣ опекунши дочери своей Надежды, придала значеніе просьбы, предусмотрѣнной въ этой статьѣ, тогда какъ, въ качествѣ опекунши, она ни на какую часть права не имѣла, а лично, въ качествѣ вдовы, она такой просьбы не заявляла и, слѣдовательно, о выдѣлѣ вдовьей части не просила, и 3) въ томъ, что Палата, въ нарушеніе той же ст. 1152 Т. X ч. I, просьбу, поданную въ опекунское учрежденіе, признала равнозначащею той просьбѣ, о которой говорится въ этой статьѣ, тогда какъ законъ этотъ, ежели и не понимать, что онъ разумѣетъ подъ просьбою о выдѣлѣ обращеніе къ судебному порядку, то во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ быть распространенъ до той степени, какъ это дѣлаетъ Палата, а можетъ разумѣть лишь судебный порядокъ или подачу по крайней мѣрѣ явочнаго прошенія, но отнюдь не всякую просьбу, куда бы и въ какой формѣ она ни была подана. Въ объясненіи противъ этой кассаціонной жалобы повѣренный истицы Екатерины Поповой, присяжный повѣренный Шайкевичъ, возражая противъ приведенныхъ въ ней поводовъ къ отмѣнѣ рѣшенія Харьковской Судебной Палаты проситъ жалобу эту оставить безъ уваженія.

Выслушавъ словесныя объясненія, представленныя присяжнымъ повѣреннымъ Боровиковскимъ, со стороны жены статскаго совѣтника Маріи Азаревичъ, за нее лично и какъ опекунши надъ дѣтьми ея отъ перваго брака: Степаномъ, Александромъ, Дмитріемъ и Маріею Бѣгичевыми и самою истицею Екатериною Поповою, а также заключенія Товарища Оберъ Прокурора, разсмотрѣвъ настоящее дѣло и останавливаясь прежде всего на той части кассаціонной жалобы присяжнаго повѣреннаго Боровиковскаго, въ которой онъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ рѣшенія Харьковской Судебной Палаты по нарушенію ею 1152 ст. Т. X ч. I признаніемъ за истицею Поповою права на полученіе, въ качествѣ наслѣдницы послѣ умершей Варвары Бѣгичевой, слѣдовавшей ей изъ имѣнія умершаго мужа ея, Дмитрія Степанова Бѣгичева, указной части, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ этомъ отношеніи кассаціонная жалоба его не можетъ быть признана заслуживающею уваженія. Право истицы Поповой на полученіе этой указной части проситель отвергаетъ на томъ основаніи, какъ это видно изъ содержанія его кассаціонной жалобы, во 1-хъ) что изложенное въ ст. 1152 Т. X ч. I правило, по которому право на полученіе слѣдовавшей вдовѣ указной части переходитъ къ ея наслѣдникамъ, относится къ наслѣдникамъ только тѣхъ вдовъ, которыя не только умерли бездѣтными, но и не имѣли дѣтей при подачѣ просьбъ о выдѣлѣ имъ указной части, и во-2-хъ) что умершая вдова Варвара Бѣгичева при жизни своей о выдѣлѣ ей указной части просьбы въ установленномъ порядкѣ лично за себя не подавала, такъ какъ просьбѣ, поданной ею о томъ въ опекунское учрежденіе, не можетъ быть придано значеніе просьбы, упоминаемой въ ст. 1152 Т. X ч. I, тѣмъ болѣе, что она подала ее не лично въ качествѣ вдовы, а какъ опекунша надъ своею дочерью, въ каковомъ качествѣ она никакого права на указную часть не имѣла. Всѣ эти объясненія просителя Правительствующій Сенатъ не можетъ признать заслуживающими уваженія. Предоставляя женѣ указную часть изъ имѣнія умершаго ея мужа, законъ не дѣлаетъ никакого различія между женою, у которой остались въ живыхъ дѣти отъ умершаго ея мужа, и тою, у которой таковыхъ не было или въ живыхъ не осталось; напротивъ того, въ 1148 ст. Т. X ч. I положительно выражено, что законная жена послѣ умершаго мужа получаетъ изъ имѣнія его указную часть какъ при живыхъ дѣтяхъ, такъ и безъ оныхъ, причемъ полученное, такимъ образомъ, женою изъ имѣнія мужа на указную часть имущество законъ (п. 6 ст. 397 Т. X ч. I) признаетъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ, вслѣдствіе чего оно, какъ собственное имущество жены, въ случаѣ смерти ея безъ завѣщанія, должно переходить къ закон-

нымъ ея наслѣдникамъ. По общему, выраженному въ 1254 стат. Т. X ч. I, правилу, что право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ наслѣдникамъ съ самой кончины владѣльца, право жены на полученіе указной части изъ имѣнія умершаго мужа принадлежитъ и ей съ самой кончины сего послѣдняго; но осуществить это право законъ предоставляетъ ей въ теченіе всей ея жизни, не стѣсняя ее въ этомъ отношеніи общимъ срокомъ земской давности и не лишая ея этого права въ случаѣ вступленія въ новый бракъ (ст. 1152 Т. X ч. I), такъ что отказавшеюся отъ права своего на полученіе указной части можетъ быть признана та только жена, которая при жизни своей не просила о выдѣлѣ ей этой части. Ограничивая, такимъ образомъ, жену въ правѣ на требованіе выдѣла ей указной части изъ имѣнія умершаго мужа только временемъ ея жизни и предоставляя ей самой опредѣлить время для подачи просьбы о таковомъ выдѣлѣ, законъ не могъ не предвидѣть какъ тотъ случай, когда жена умретъ, не просивъ о выдѣлѣ ей указной части, такъ и тотъ, когда, подавъ о томъ просьбу, умретъ, не получивъ еще слѣдовавшаго ей на указную часть имущества, и для того въ 1152 ст. X Т. ч I опредѣляетъ, что если бездѣтная жена умретъ, не просивъ при жизни своей о выдѣлѣ ей указной части, то наслѣдники ея не имѣютъ права требовать сей части, и оная поступаетъ къ наслѣдникамъ мужа; если же просьба о томъ подана ею при жизни, то наслѣдники ея не лишаются этой части. Изъ сопоставленія содержанія этой статьи съ изложенными въ приведенныхъ выше узаконеніяхъ правилами, не дѣлающими въ отношеніи права на указную часть никакого различія между женою бездѣтною и такою, у которой остались въ живыхъ дѣти, очевидно, что употребленное въ этой статьѣ слово „бездѣтная“ не можетъ имѣть того значенія, которое придаетъ оному проситель, но что оно опредѣляетъ не то положеніе, въ которомъ находилась жена при кончинѣ мужа или во время вдовства своего, но то, въ которомъ она будетъ находиться въ то время, когда вслѣдствіе кончины ея откроется для наслѣдниковъ ея право на оставшееся послѣ нея наслѣдство, и что оно имѣетъ въ виду отсутствіе въ это время дѣтей отъ брака съ тѣмъ мужемъ, изъ имущества котораго слѣдовала женѣ указная часть; дѣлать же особое постановленіе объ указной части на тотъ случай, когда откроется наслѣдство по закону послѣ жены, не просившей при жизни своей о выдѣлѣ изъ имѣнія умершаго мужа ея указной части, или хотя подавшей о томъ просьбу, но неполучившей при жизни своей этой части и оставившей притомъ дѣтей отъ брака съ тѣмъ мужемъ, изъ имѣнія котораго ей слѣдовала та часть къ выдѣлу, законъ и основанія не имѣлъ, такъ какъ вмѣстѣ съ смертью жены слѣдовавшая ей указная часть должна слиться въ лицѣ тѣхъ дѣтей, какъ ближайшихъ наслѣдниковъ и послѣ отца и послѣ матери, въ одно имущество, изъ котораго не представлялось уже надобности выдѣлять то, что слѣдовало ихъ матери на указную, послѣ мужа ея, а ихъ отца, часть. Что же касается до указанія просителя на нарушеніе Судебною Палатою той же 1152 ст. Т. X ч. I тѣмъ, что поданному Бѣгичевою въ Хвалынскую дворянскую опеку, въ качествѣ опекунши надъ малолѣтнею своею дочерью, рапорту, въ которомъ она просила о выдѣлѣ ей указной части, Палата придала значеніе упомянутой въ той статьѣ просьбѣ, то и это указаніе просителя не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія, такъ какъ, въ виду того, что Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи, напечатанномъ въ Сборникѣ за 1878 г. подъ № 188, а также и въ послѣдовавшемъ по настоящему дѣлу, уже разъяснилъ, что 1152 ст. Т. X ч. I не указываетъ порядка, въ какомъ просьба о выдѣлѣ указной части должна быть заявлена, и что поэтому не представляется основанія выводить изъ этой статьи, что таковая просьба должна быть заявлена въ надлежащемъ судѣ, не представляется законнаго основанія ставить дѣйствительность просьбы о выдѣлѣ указной части въ зависимость отъ соблюденія формъ, установленныхъ для прошеній, подаваемыхъ въ судебное мѣсто и значеніе таковой просьбы опредѣлять не по сущности заявленнаго въ ней ходатайства, но потому, какъ назвала себя подававшая оную. Переходя затѣмъ къ той части кассаціонной жалобы просителя, въ которой онъ указываетъ на нарушеніе Судебною Палатою ст. 12, 3 п. 576, 4 п. 584, 585, 586, 706, 747,

773, 776, 785, 891 и 893 Уст. Гр. Суд., Правительствующій Сенатъ находитъ, что это указаніе просителя должно быть признано заслуживающимъ уваженія. Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи, напечатанномъ въ Сборникѣ за 1876 г. подъ № 182, разъяснилъ, что опредѣленія, на которыя дозволяется приносить частныя жалобы отдѣльно отъ апелляціи, вступаютъ въ процессуальномъ отношеніи въ силу закона и не подлежатъ разсмотрѣнію суда апелляціоннаго, если не были своевременно обжалованы въ частномъ порядкѣ, и что, слѣдовательно, все производство суда первой степени, основанное на такомъ частномъ его опредѣленіи, должно быть признаваемо законнымъ. Въ настоящемъ случаѣ въ засѣданіи Окружнаго Суда повѣреннымъ отвѣтчиковъ заявленъ былъ отводъ о неимѣніи повѣреннымъ истицы уполномочія на предъявленіе иска по отношенію къ землѣ при селѣ Дмитровскомъ и Никольскомъ и одной трети мельницы на рѣкѣ Избаликѣ. Отводъ этотъ Окружный Судъ призналъ заслуживающимъ уваженія и особымъ частнымъ опредѣленіемъ постановилъ искъ относительно имѣнія при селѣ Никольскомъ и водяной мельницы на рѣкѣ Избаликѣ оставить безъ разсмотрѣнія по существу. Между тѣмъ, Судебная Палата, несмотря на то, что на это опредѣленіе, подлежавшее, по ст. 586 Уст. Гр. Суд., обжалованію отдѣльно отъ апелляціи, не было со стороны истицы принесено такой жалобы въ установленный на это ст. 588 Уст. Гр. Суд. срокъ, разсматривая дѣло по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Поповой на рѣшеніе Окружнаго Суда, отказавшаго ей въ остальной части иска, вошла въ обсужденіе исковыхъ требованій истицы какъ относительно той части, въ которой ей рѣшеніемъ Окружнаго суда отказано, такъ и относительно той части, которая оставлена Судомъ безъ разсмотрѣнія по существу, и признала ихъ подлежащими удовлетворенію на томъ лишь основаніи, что отвѣтчики не возражаютъ ни противъ указанія истицы на то, что самимъ наслѣдодателемъ отвѣтчиковъ, Никитою Бѣгичевымъ, все имѣніе, изъ котораго требуется Поповою указная часть, показывалось при одномъ селѣ Покурлей, ни противъ апелляціоннаго требованія ея, относящагося къ наслѣдственному имѣнію не только при селѣ Покурлей, но и въ селѣ Никольскомъ, а также къ мельницѣ, тогда какъ въ силу вышеприведенныхъ разъясненій Правительствующаго Сената опредѣленіе Окружнаго Суда объ оставленіи иска Поповой въ отношеніи имѣній при селѣ Никольскомъ и мельницы на рѣкѣ Избаликѣ, за необжалованіемъ онаго со стороны Поповой въ установленный на то ст. 588 Уст. Гр. Суд. срокъ и въ порядкѣ, установленномъ ст. 586 того же Уст., не могло подлежать измѣненію Палатою, какъ вступившее въ процессуальномъ отношеніи въ законную силу, на что не давало Палатѣ права и непредставленіе отвѣтчикомъ возраженія противъ объясненій повѣреннаго истицы о составѣ наслѣдственнаго послѣ Бѣгичева имѣнія и противъ содержанія апелляціонныхъ его требованій, такъ какъ отвѣтчики и не были обязаны представлять возраженій противъ объясненій истицы, относившихся къ такимъ требованіямъ ея, отъ разсмотрѣнія которыхъ апелляціонная инстанція обязана была устранить себя въ силу самаго закона, а не вслѣдствіе возраженій противной стороны. По всѣмъ симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: рѣшеніе Харьковской Судебной Палаты отмѣнить, по нарушенію ст. 586 Уст. Гр. Суд., и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты.

102.—1880 года октября 15 и 1881 г. ноября 4 чиселъ. *По прошенію повѣреннаго полковника Василія Попова, присяжнаго повѣреннаго Герарда, объ отмѣнѣ рѣшенія Одесской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Ѳ. И. Проскуряковъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. А. Юреневъ).

Для разрѣшенія споровъ о правѣ на владѣніе землей въ Крымскомъ полуостровѣ, преисполненномъ между татарами разныхъ состояній, въ томъ краю оставшимися, и между помѣщиками, вновь тамъ поселившимися, въ 1797 году составлена была изъ тамошнихъ чиновниковъ особая на мѣстѣ комиссія. По неуспѣшности дѣйствій этой комиссіи, Именнымъ указомъ 19

мая 1802 года повелѣно учредить вмѣсто ея, новую комиссію, которой вмѣнено было въ обязанность вообще опредѣлить, какія именно земли въ Крыму надлежитъ признать принадлежащими кореннымъ владѣльцамъ и какія затѣмъ сочтены должны быть пустопорожними, и на семъ различіи основавъ права татаръ и новыхъ помѣщиковъ, возвратить каждому свое. Новой комиссіи, учрежденной для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ, были преподаны въ руководство слѣдующія правила: по присоединеніи Крыма къ Россіи, правила, принятыя правительствомъ на распредѣленіе земель его, состояли въ томъ, чтобы пустопорожнія изъ нихъ раздать желающимъ для заселенія и заведенія хозяйства, а тѣ, кои состояли во владѣніи обывателей, оставить имъ крѣпкими. Сіе доказывается: 1) манифестомъ 1793 года сентября 2, въ коемъ именно сказано: „порожжія земли, для населенія, размноженія хлѣбопашества и разныхъ хозяйственныхъ заведеній въ губерніи Екатеринославской и области Таврической розданныя, утвердить за тѣми, кому онѣ отданы и въ чьемъ безспорномъ владѣніи находятся“; 2) конфирмованнымъ въ 1794 году 19 октября Правительствующаго Сената докладомъ повелѣно: „всѣхъ Таврической области обитателей, какъ магометанскаго духовнаго званія, такъ разныхъ націй купцовъ, мѣщанъ, простыхъ татаръ и другихъ, кои нынѣ имѣютъ у себя помѣстья, вотчины и тому подобныя дворянскія имѣнія принадлежащія имъ въ собственность по наслѣдству, или по инымъ законнымъ правамъ, оставить въ свободномъ ихъ владѣніи, распространяя свободу сію и на наслѣдниковъ ихъ, за коимъ оныя и утвердить“. Наконецъ, 3) указомъ 1796 года сентября 17 бывшему тамъ генералъ губернатору кн. Зубову предписано: „что же касается до отдачи нѣкоторымъ владѣльцамъ подъ видомъ оставшихся послѣ вышедшихъ за-границу татарскихъ мурзъ и лежащихъ впустѣ земель, кои принадлежали татарскимъ поселянамъ, о семъ прикажите, чрезъ кого вы разсудите, учинить надлежащее разсмотрѣніе и неправильно взятое настоящему хозяину возвратить, или другимъ пристойнымъ образомъ сдѣлать удовлетвореніе“. Изъ сихъ постановленій явствуетъ, что правительство никогда не имѣло въ виду раздавать въ Крыму земли въ дѣйствительномъ владѣніи уже состоящія, но единственно пустопорожжія для заселенія. А посему и должно только опредѣлить, какія именно земли принадлежало признать принадлежащими кореннымъ владѣльцамъ и какія затѣмъ должны были сочтены быть пустопорожжими, и на семъ различіи основавъ права татариновыхъ помѣщиковъ, возвратить каждому свое; въ семъ состоитъ общее изображеніе должности комиссіи, правила же, коихъ должна она въ семъ разборѣ и опредѣленіи правъ держаться, суть слѣдующія: I. Всѣ земли, въ Крыму состоящія, въ отношеніи къ различнымъ правамъ ихъ владѣнія раздѣляются на четыре рода. Первый родъ составляютъ земли такъ называемыя ханскія; обитающіе на сихъ земляхъ татары могли ихъ продавать и отдавать въ наслѣдство; слѣдовательно, владѣли ими какъ собственностью, ибо чужого продавать нигдѣ не можно. При такомъ правѣ продажи подать десятинная и поземельная, которую съ земель сихъ татаръ и другихъ націй люди платили, съ присоединеніемъ Крыма, содѣлалась правомъ казны; но право владѣнія землею безъ всякаго противорѣчія должно остаться у тѣхъ селеній, кои Россійское правительство на земляхъ сихъ застало существующими. Отсюда происходитъ первое правило, коему при разборѣ правъ на земли должно слѣдовать комиссіи, что такъ называемыя земли ханскія принадлежатъ неотъемлемо тѣмъ татарамъ, коихъ Россійское правительство нашло на нихъ обитающими, и никто и никогда не имѣлъ никакого права раздавать ихъ въ видѣ земель постопорожжихъ помѣщикамъ. II. Второй родъ земель, въ Крыму находящихся, составляютъ земли, мурзамъ принадлежащія. Обитающіе на сихъ земляхъ жители состояли ко владѣльцамъ ихъ въ отношеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ каковыхъ были къ хану татары, сидѣвшіе на земляхъ его; они платили мурзамъ десятинную подать и работали на нихъ 5 дней въ году; но право сихъ земель отъ первыхъ то существенное имѣло различіе, что обитающіе на нихъ жители не могли ни продавать ихъ, ни отдавать въ наслѣдство, и что владѣльцы сихъ земель властны были ссылать

ихъ въ случаѣ несогласія. Слѣдовательно, при личной свободѣ жителей земли сіи составляли собственность мурзъ и поселянамъ, на нихъ живущимъ, никакъ не принадлежали. При таковомъ свойствѣ сихъ земель Россійское правительство могло застать ихъ въ трехъ различныхъ положеніяхъ: 1) когда владѣльцы, имѣвшіе на нихъ право, переселясь изъ Крыма, оставили ихъ, не продавъ и не уступивъ никому никакимъ законнымъ укрѣпленіемъ; 2) когда при переходѣ своемъ изъ той страны передали они право свое на нихъ законною сдѣлкою другимъ помѣщикамъ или самимъ татарамъ, на нихъ живущимъ; 3) когда сами они въ семъ краю неподвижно остались. Въ первомъ случаѣ земли сіи, очевидно, принадлежатъ казнѣ, и отъ правительства зависѣло ихъ раздать, но какъ правительство яснымъ образомъ означило тогда свою волю, чтобъ раздавать земли одни пустопорозжія, земли же, обитаемыя поселянами, не могутъ быть почтены таковыми, то хотя и не имѣютъ на нихъ права собственности, тѣмъ не менѣе, однако же, земли сіи не могли быть отданы помѣщикамъ подъ именемъ пустопорозжихъ. Изъ сего происходитъ второе правило комиссіи: поелико мѣстное начальство никогда не было уполномочено раздавать помѣщикамъ земли заселенныя, какого бы рода они ни были и на какомъ бы правѣ поселяне ихъ ни обрабатывали, то и раздачу земель, отъ мурзъ оставшихся, и при занятіи того края найденныхъ заселенными утвердить помѣщикамъ нѣтъ никакого основанія; и хотя селенія, на нихъ лежащія, не имѣютъ на сіи земли права собственности, но должны владѣть ими по праву казенныхъ поселянъ неотъемлемо, безъ всякаго платежа и отношенія къ помѣщикамъ. Второе положеніе, въ коемъ земли, мурзамъ принадлежащія, быть могутъ, есть, когда при переходѣ сихъ владѣльцевъ изъ Крыма или и при настоящемъ ихъ тамъ жительствѣ передали они свое право на тѣ земли помѣщикамъ, или и самимъ татарамъ, на нихъ живущимъ, поелику право таковой продажи не только мурзамъ, но и всѣмъ владѣющимъ въ Крыму землями торжественно при переселеніи ихъ было присвоено, то и несправедливо бы было нынѣ купли и уступки, на основаніи семъ сдѣланныя, отвергнуть; а потому и должно постановить третьимъ правиломъ, что земли, отъ мурзъ и другихъ владѣльцевъ частнымъ людямъ при переселеніи или и послѣ онаго проданныя или инымъ образомъ уступленныя, принадлежатъ неотъемлемо тѣмъ новымъ пріобрѣтателямъ, какого бы, впрочемъ, рода и состоянія они ни были; обитающіе на оныхъ жители при личной ихъ свободѣ должны по землямъ симъ или принять на себя тѣ же повинности къ новымъ помѣщикамъ, въ какихъ застало ихъ Россійское правительство къ прежнимъ владѣльцамъ, или просить начальство о назначеніи имъ другихъ земель свободныхъ, которое и обязано, отведя имъ на каждое семейство по 60 десятинъ въ плоской части полуострова, дать имъ всевозможные способы къ удобнѣйшему водворенію. Впрочемъ, не только укрѣплять сихъ жителей, но и возвышать подать, ими несомую, помѣщики никакъ не могутъ, ибо не могутъ они имѣть болѣе правъ, нежели сколько съ покупкою сихъ земель получили. Въ случаѣ же неудовольствія ихъ на поселянъ могутъ они просить правительство о сводѣ ихъ съ земель помѣщичьихъ, и правительство обязано сдѣлать имъ удовлетвореніе, ибо таковы были права, на коихъ земли сіи отъ первыхъ владѣльцевъ пріобрѣтены и кои не могутъ быть ни на ту, ни на другую сторону нарушены безъ несправедливости. Третье положеніе, въ коемъ земли, мурзамъ и прочимъ владѣльцамъ принадлежащія, быть могутъ состоитъ въ томъ, когда сами сіи владѣльцы нынѣ еще въ Крыму находятся. Въ семъ положеніи право ихъ на сіи земли по всей справедливости должно остаться въ тѣхъ же самыхъ предѣлахъ, въ каковыхъ оно до занятія Крыма было, и поселяне на сихъ земляхъ обитающіе, состоятъ въ тѣхъ же къ нимъ отношеніяхъ, въ какихъ они тогда были, а посему правило выше сего о земляхъ, отъ мурзъ проданныхъ, постановленное, и на сіи земли во всей его силѣ распространить должно. III. Третій родъ земель, въ Крыму состоящихъ, суть участки, сады и всякаго рода угодья, коими сами поселяне владѣли безъ всякаго платежа оброка и на точномъ правѣ собственности. Признавая право поселянъ на сіи земли, совершенно неоспоримымъ, постановляется изъ сего четвертое правило, что всѣ земли, татарами или другихъ націй людьми, какого бы состоянія они ни были, до времени Россійскаго правленія безоброчно и

на правѣ собственности владѣемыя или послѣ онаго куплею и законными сдѣлками пріобрѣтенныя отъ лицъ, имѣвшихъ право на продажу, оставить имъ и потомству ихъ крѣпкими по точной силѣ конфирмованнаго въ 19 день октября 1794 г. доклада Правительствующаго Сената. Въ удостовѣреніе сихъ правъ должно принимать за доводъ основательный не только купчія крѣпости и прочія формальныя укрѣпленія, но и показанія, присягою по обряду ихъ утвержденныя; понеже до временъ Россійскаго правительства не всегда существовали на сіи владѣнія письменныя укрѣпленія и съ теченіемъ времени при разныхъ того края преобращеніяхъ легко могли быть потеряны. IV. Четвертый родъ земель, въ Крыму находящихся, суть земли пустопорожжія. Свойство сіе могутъ они имѣть двоякимъ образомъ: 1) когда они не заселены были при ханскомъ владѣніи; 2) когда найдены были незаселенными, необитаемыми, никѣмъ не владѣемыми и отъ перехода ихъ владѣльцевъ безъ продажи и уступки оставленными при первомъ осмотрѣ и камеральномъ описаніи сего края или послѣ онаго. Сей родъ земель дозволено было мѣстному начальству раздавать подъ поселеніе и право помѣщиковъ, отъ казны или отъ первыхъ пріобрѣтателей ихъ получившихъ, яко право закономъ утвержденное, никакому сомнѣнію и спору подвержено быть не можетъ. Сіе должно быть четвертымъ правиломъ, опредѣляющимъ право владѣнія крымскими землями. V. Чтобъ правило сіе точнѣе ограничить, нужно еще дополнить, что земли, оставшіяся отъ перехода владѣльцевъ, какія бы они ни были, ханскія, мурзинскія, или простымъ татарамъ въ собственность принадлежащія, если при переходѣ проданы они не были, должны почитаемы быть пустопорожжими и въ раздачу помѣщикамъ по силѣ Манифеста 1793 г. и послѣдующихъ указовъ правильно отданными, даже и въ томъ случаѣ, когда бы земли сіи состояли въ общей округѣ и владѣнія цѣлаго селенія, изъ коего часть только изъ Крыму вышла, такъ, что ежели селеніе, изо ста душъ состоящее, владѣло, напримѣръ, 2000 десят. и, по присоединеніи Крыма 2 или 3 части его, край тотъ оставили и земель бы тѣхъ кому не продали, то сіи двѣ или три части изъ 2000 десятинъ, послѣ выходцевъ оставшіяся, должны быть считаемы пустопорожжими, оставшейся части селенія непринадлежащими, и если отданы онѣ помѣщикамъ, безспорно имъ крѣпкими. Но если бы за таковымъ распоряженіемъ у оставшихся поселянъ нашлось земли недостаточно, тогда правительство обязано будетъ нарѣзать имъ по 60 десятинъ изъ тѣхъ, коими владѣли вышедшіе поселяне, а затѣмъ уже оставшіяся считать пустопорожжими. VI. Постановивъ, такимъ образомъ, на самомъ существѣ сего дѣла ясныя и неоспоримыя правила, свойство хрымскихъ земель въ отношеніи къ ихъ владѣнію опредѣляющія, не трудно будетъ единымъ приложеніемъ ихъ къ спорамъ, между татарами и помѣщиками россійскими возникшимъ, разрѣшить ихъ образомъ столько же простымъ, какъ и на строгой справедливости основаннымъ. VII. По правиламъ симъ татары и прочіе того края обыватели имѣютъ право собственности: 1) на всѣ земли ханскія, во владѣніи ихъ до присоединенія Крыма бывшія; 2) на всѣ земли безоброчно до эпохи сей лично ими владѣемыя, или покупкою отъ первыхъ владѣльцевъ имъ дошедшія; 3) они имѣютъ право, какъ казенные поселяне, на всѣ земли, отъ мурзъ безъ продажи оставленныя и ими прежде на условіяхъ владѣемыя. VIII. Мурзы, помѣщики и всякаго рода люди имѣютъ неоспоримое право: 1) на всѣ отданныя имъ Россійскимъ правительствомъ или по куплѣ дошедшія земли пустопорожжія, найденныя при первомъ осмотрѣ незаселенными, и со всѣми тѣми свойствами, какіе выше для сего рода земель въ четвертомъ правилѣ изъяснены; 2) на всѣ земли, по покупкѣ отъ мурзъ и прочихъ древнихъ владѣльцевъ или по пожалованію отъ хана къ нимъ дошедшія. IX. Изъ сего опредѣленія правъ на владѣніе землею сами собою уже опредѣляются отношенія, въ коихъ могутъ быть татары къ помѣщикамъ, землями владѣющимъ. Отношенія сіи могутъ проистекать изъ трехъ только случаевъ: 1) когда земля, татарами населяемая, продана, или другимъ формальнымъ образомъ отъ мурзъ и бывшихъ владѣльцевъ уступлена была симъ помѣщикамъ; 2) когда сами мурзы и древніе владѣльцы нынѣ ею владѣютъ или ясное по пожалованію, или куплѣ имѣютъ на нее право; наконецъ, 3) когда на земли пустопорожжія, найден-

ныя дѣйствительно таковыми и отданныя помѣщикамъ или дошедшія по формальнымъ укрѣпленіямъ, перешли послѣ отдачи ихъ татарамъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ, поелику свобода и независимость татаръ остается неприкосновенною, то всѣ обязанности ихъ къ помѣщикамъ должны состоять именно въ тѣхъ предѣлахъ, въ каковыхъ они къ мурзамъ прежде были, и въ случаѣ неисполненія сихъ обязанностей, та и другая сторона властны уничтожить связь, между ими существующую, посредствомъ переселенія. Учрежденная указомъ 19 мая 1802 г. комиссія для разбора споровъ въ Крыму по землямъ, открывъ на мѣстѣ свое дѣйствіе, при исполненіи правилъ, ей данныхъ, встрѣтила разныя по мѣстному положенію того края затрудненія. Въ разрѣшеніе оныхъ и дабы доставить сей комиссіи новые способы къ скорѣйшему окончанію дѣлъ, ей порученныхъ, Именнымъ указомъ 23 апрѣля 1804 г. дополнено и пояснено данное ей начертаніе подробнѣйшими правилами. Сими правилами, между прочимъ, постановлено: 11. Вообще исполненіе по приговорамъ комиссіи, какъ то введеніе или отобраніе его, принадлежатъ дѣйствію губернскаго начальства. 15. Въ спорахъ между татарами и новыми помѣщиками предпочтительно принимать письменные документы. 16. Въ случаѣ равной ясности тѣхъ и другихъ документовъ, древніе предпочитаются новымъ, и владѣніе утверждается по древнимъ. 23. Въ начертаніи комиссіи, 19 мая 1802 г. данномъ, подробно означено, какія земли почитать должно собственностью татаръ и какія затѣмъ отдавать, яко пустопорожжія, новымъ помѣщикамъ. Держась неуклонно сихъ началъ, въ дополненіе и вящее поясненіе оныхъ постановляются слѣдующія правила: 26. Земли ханскія, оставшіяся послѣ выѣхавшихъ мурзъ и простыхъ татаръ, никому неотданныя и во владѣніи татаръ находящіяся, должны оставаться въ ихъ собственности. 27. Участки земель, сады и прочее, въ срединѣ другихъ имѣній простыми татарами владѣемые, по точнымъ доказательствамъ права собственности, пріобрѣтеннаго куплею, древнимъ пожалованіемъ, или мѣною, остаются въ ихъ неотъемлемой собственности и могутъ ими располагать по произволу. 28. Земли ханскія или мурзинскія, во владѣніе новыхъ помѣщиковъ отданныя, по точнымъ доказательствамъ сихъ послѣднихъ, что онѣ точно были ханскія и мурзинскія, а не простыхъ татаръ, и по пожалованію, или по куплѣ помѣщикамъ симъ достались, имѣютъ остаться въ ихъ владѣніи, и татары, на нихъ поселенные, по точному разуму и словамъ начертанія 19 мая 1802 г., имѣютъ остаться точно въ томъ положеніи, въ которомъ состояли они въ разсужденіи владѣльцевъ земель сихъ при татарскомъ владѣніи. Отношенія сіи состоять могутъ въ слѣдующемъ: 1) татары должны быть свободны. 2) Земли, на коихъ находятся усадьба ихъ, какъ-то: дома, дворы, сады и огороды, къ какому бы роду земель они ни принадлежали, составляютъ ихъ собственность, которою они и могутъ раполагать по своему произволу. 3) Прочія затѣмъ земли, коими татары не владѣли въ собственность, а пользовались только ими, должны остаться въ пользованіи ихъ неотъемлемо до тѣхъ поръ, пока они въ томъ имѣніи остаться пожелаютъ и будутъ исправлять тѣ самыя повинности, какія прежнимъ владѣльцамъ отбывали, а именно: давать со всего десятинную подать и работать условленные дни отъ 5 до 8 дней въ году. Споры между помѣщикомъ земель и татарами, или пользующимися, въ исправленіи повинностей, должны быть разбираемы въ присутственныхъ мѣстахъ. И для сего комиссія, между прочими ея учрежденіями, не оставитъ, на основаніи сихъ главныхъ началъ, опредѣливъ точнѣе повинности, постановить порядокъ, коимъ дѣла сіи на будущее время должны быть производимы, и представить на Высочайшее утвержденіе. 29. Правила, въ предыдущихъ статьяхъ постановленныя, о правѣ собственности, пользованія и повинностяхъ простыхъ татаръ въ отношеніи къ помѣщикамъ, распространяются и на мурзъ въ отношеніи ихъ къ татарамъ, на земляхъ ихъ живущимъ. 30. Земли пустопорожжія вообще, какого бы онѣ названія ни были, за исключеніемъ тѣхъ, кои въ собственности или пользованіи татаръ находятся, какъ въ предыдущихъ статьяхъ означено, если онѣ помѣщикамъ отданы, имѣютъ остаться въ полномъ и произвольномъ ихъ распоряженіи. Въ новую комиссію, учрежденную для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ,

было передано, въ числѣ другихъ, дѣло, производившееся по прошеніямъ татаръ, мурзъ и казенныхъ поселянъ разныхъ деревень о завладѣніи якобы собственныхъ ихъ земель и другихъ угодій дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Поповымъ. По этому дѣло въ комиссіи состоялось 19 іюня 1808 г. рѣшеніе слѣдующаго содержанія. Изъ онаго дѣла явствуетъ: I) Въ доставленныхъ отъ таврическаго губернатора Каховскаго къ областному землемѣру, за скрѣпою бывшаго при немъ секретаря Белухи, сдѣланныхъ изъ описей, въ 1784 году учиненныхъ, посыланными отъ него, Каховскаго, вслѣдствіе предписанія генералъ-губернатора князя Потемкина, чиновниками Караценовымъ и бывшимъ при ханѣ сборщикомъ Гамитъ-Агою вѣдомостяхъ о поступившихъ въ казенное вѣдомство имѣніяхъ показано: въ 1-й) о оставшемся послѣ переселившихся изъ Крыма въ Турцію магометанъ: Акмечетскаго Каймаканства подъ № 32 деревни Яникой, подъ № 36 деревни Тавъ Эли и подъ № 14 при дер. Яникой, что на вершинѣ Салгира, Колга Султанши земли: первая именуется Акметенъ-гимазы, а вторая—Султанъ-жи. Противъ сихъ статей объяснено, что оныя имѣнія состоятъ во владѣніи Попова. Во 2-й) о оставшемся послѣ выведенныхъ христіанъ: № 58 дер. Аянъ (прописаны имѣнія разныхъ лицъ); противъ всѣхъ тѣхъ имѣній отмѣчено, что оныя вошли въ дачу Попова. II) Отъ генералъ губернатора князя Потемкина ордеромъ отъ 9 января 1787 г. губернатору Каховскому предписано: „Тавельскую долину, на которой имѣетъ теперь расположеніе свое Таврическо-Егерскаго корпуса 3-й баталіонъ, съ принадлежащею окрестностью отдать во владѣніе полковнику (что нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ) и кавалеру Попову, снабдя его на оную планомъ и межевыми книгами“. Вслѣдствіе сего губернаторъ Каховской 21 апрѣля того-же года сообщилъ въ Таврическое областное правленіе снятый всему тому мѣстоположенію землемѣромъ Струковымъ проектный планъ, показывающій въ той окрестности округи казенныхъ земель, принадлежащихъ къ деревнямъ Біюкъ Яникой, Біюкъ и Кучукъ-Тавъ Эли, и земли нѣкоторыхъ мурзъ, съ тѣмъ, чтобы областное правленіе распорядилось о формальномъ отмежеваніи по назначенному на планѣ подъ оттушевкой оранжевой краски съ исключеніемъ мурзинскихъ земель. Объ исполненіи этого сообщенія губернатора таврическое областное правленіе тогда же предписало указомъ землемѣру Струкову. Онымъ губернатора Каховского проектомъ сколько назначено къ отмежеванію во владѣніе Попову десятинъ земли и въ какихъ мѣстахъ, о томъ, за неотысканіемъ въ оставшихся послѣ смерти Акмечетскаго уѣзднаго землемѣра Карабцева дѣлахъ помянутаго проекта, неизвѣстно, кромѣ, что найдено описаніе, никѣмъ не подписанное. Въ ономъ описаніи сказано: подъ оттушевкой синей краски округи всей дачи полковника Василія Степановича Попова съ состоящими внутри оной мурзинскими и татарскими землями вообще подъ садами 15 десятинъ, сѣнныхъ покосовъ 200 дес., пахотной земли 1900 дес., подъ заселеніемъ деревень 14 дес., лѣсу дровяного 3595 дес., неудобныхъ мѣстъ 2146 дес., итого удобной 4920 дес. и неудобной 2146 дес., а всего удобной и неудобной 6941 дес. Сія дача имѣетъ въ окружности 33 версты. Внутри дачи порознь принадлежатъ: казнѣ пахатной земли и сѣнокосныхъ луговъ 804 дес., лѣсу дровяного 2571 дес., а всего удобной 3375 дес., неудобной 1967 дес.; принадлежащихъ татарамъ земель и садовъ удобной 1015 дес., неудобной 15 дес., да по горамъ лѣсу, удобной 200 дес., неудобной 15 дес.; подъ оттушевкою красной краски, земель, принадлежащихъ мурзамъ, удобныхъ 330 дес., неудобныхъ 24 десятины. По предписанію областного правленія землемѣръ Струковъ сочинилъ и 14 мая 1787 года представилъ планъ съ межевою книгою о вымежеваніи имъ по вышеупомянутому проекту, въ пользу Попова, включая туда и чрезполосныя владѣнія мурзъ, удобной земли 2800 дес. и неудобной 1060 дес. 807 саж., а всего вмѣстѣ 3860 дес. 807 саж. По этому плану, повѣренному землемѣромъ Мухинымъ, резолюціею областного правленія отъ 1 іюня того-же года показанная Тавельская дача была утверждена въ вѣчное владѣніе Попова. Но затѣмъ, по поводу рапорта уѣзднаго землемѣра Затуровскаго о происшедшей при отмежеваніи дачи Попову ошибкѣ противъ проекта губернатора Каховскаго, областное правленіе, въ отмѣну прежняго своего опредѣленія, поручило 13-го

марта 1789 г. уѣздному землемѣру Мухину передѣлать планъ съ межевою книгою, а 10 апрѣля слѣдующаго года утвердило планъ, составленный Мухинымъ, по коему во владѣніе Попова отмежеваны были 4462 десят. 574 саж. III). Въ вѣдомости землемѣра Чуйки о дачахъ Крымскаго полуострова, между прочимъ, показано: дача Тавъ-Эли тайнаго совѣтника Попова и частью казенныхъ татаръ; на оной село Владимирское и деревни татарскія казенныя Біюкъ-Тавъ-Эли, Кучукъ Тавъ-Эли, Біюкъ Яниколь, Аянъ, Тязъ Конду и Хаджи-Агакой; въ нихъ мужского пола 288 душъ, земли подъ усадьбой 24 дес., пашни 1700 дес. и сѣнокосу 600 дес., подъ садами 16 дес., лѣсу 1170 дес., неудобныхъ мѣстъ 952 дес. 574 саж., всего 4462 дес. 574 саж. IV). Между тѣмъ, живущіе въ Тавельской долинѣ на землѣ, отведенной Попову, татары, жаловавшіеся первоначально по начальству за отнятіе отъ нихъ принадлежавшихъ имъ земель, въ апрѣлѣ 1799 г. предъявили по этому предмету къ Попову въ бывшемъ Акмечетскомъ уѣздномъ судѣ искъ судомъ по формѣ, вслѣдствіе чего судъ сей резолюціей 1800 г. затребовалъ свѣдѣнія по этому дѣлу и справки о дѣйствіяхъ землемѣровъ при отмежеваніи земли въ пользу Попова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уѣздный Судъ поручилъ Акмечетскому земскому суду произвести при уѣздномъ землемѣрѣ слѣдствіе, кому отыскиваемыя истцами имѣнія принадлежали до отмежеванія отвѣтчику, платили ли просители или ихъ предки за оныя хану или кому-либо другому оброкъ, кто оными имѣніями издревле владѣлъ и пользовался, и нѣтъ ли между оными имѣніями вымороченныхъ и оставшихся послѣ выѣхавшихъ за границу, казнѣ принадлежащихъ, а также изслѣдовать о томъ, осталось ли для истцовъ какое-либо количество казенныхъ или собственныхъ земель, сверхъ обмежеванія и отдачи во владѣніе отвѣтчику. Согласно требованію Уѣзднаго Суда, доставлены къ дѣлу копіи съ препровожденныхъ при предписаніи графа Каховского объ имѣніяхъ татарскихъ учиненныхъ муфтіемъ Сеитъ-Мегмедъ Эфендіемъ и Кознадаръ Агою отвѣтныхъ пунктовъ и съ приложенныхъ при оныхъ ханскаго повелительнаго листа и регистра, означающихъ, каковы города и деревни отдаваемы были ханомъ на откупъ, равно какъ съ учиненнаго противу того имѣнія предводителя дворянства и съ предписанія Каховскаго. Въ отвѣтныхъ пунктахъ изложено: на 1. На берегу Чернаго моря значащіяся къ приложенномъ при семъ регистрѣ земли, на коихъ изъ разныхъ націй поселены были народы, съ означеніемъ каждому селенію или деревнѣ особенной округи и границъ, принадлежатъ въ вѣчное и потомственное владѣніе тѣхъ селеній жителямъ, которые состояли подъ владѣніемъ турецкихъ султановъ, на такомъ правѣ, что жители тѣхъ деревень платили султану поземельныя деньги и ушуры, т.-е. изъ всѣхъ произрастеній десятую долю, и тѣхъ деревень жителямъ, когда кто желалъ, участковъ своихъ продавать ни отъ кого не возбранялось и при продажѣ таковыхъ участковъ отъ Казіаскеровъ и отъ Кадіевъ выдаваемы были худжеты, т. е. купчія крѣпости; притомъ же султаны во время владѣнія своего за отличную службу жаловали таковыя земли здѣшнимъ мурзамъ и прочимъ обитателямъ съ платежемъ, однако же, какъ выше значится, положенной суммы и съ выдачею на владѣніе имъ фирмановъ; относительно же таковыхъ земель и угодій, кои ни въ какую округу и владѣніе поселянъ не входили, то таковыя, какъ во время владѣнія турецкихъ султановъ, такъ и послѣ того, крымскихъ хановъ состояли въ вѣдомствѣ казны, и для надзиранія оныхъ навсегда опредѣляемы были лѣсничіе; что же принадлежитъ до послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея, то откуда именно и отъ кого каковые сборы собираемы были, прилагаются при семъ съ изданнаго повелительнаго листа и регистра копіи. На 2. Послѣ вывода изъ Крыма христіанъ, когда имѣнія ихъ остались хану Шагинъ Гирею, то отъ него къ тѣмъ имѣніямъ опредѣляемы были комиссіонеры съ таковымъ уполномочіемъ, то буде изъ оныхъ имѣній пожелаетъ кто купить, то оные комиссіонеры продавали съ выдачею на вѣчное и потомственное владѣніе письменныхъ видовъ, и, сверхъ того, изъ тѣхъ же имѣній самъ Шагинъ-Гирей ханъ за отличную къ нему службу жаловалъ въ таковое же владѣніе прочихъ крымскихъ обитателей и на то отъ себя утверждалъ повелительными листами, притомъ же изъ вышеописанныхъ вышедшихъ въ Россію христіанъ были и таковые жители, что, за неимѣніемъ собственныхъ своихъ зе-

мель, жительство имѣли на мурзинскихъ земляхъ, которые послѣ присоединенія Крыма къ Россіи комиссіонеры, вмѣсто казеннаго, непринадлежаще описали въ казну, и оттого многіе мурзы, лишась собственности, остаются безъ удовлетворенія донынѣ. На 3. На земляхъ, лежащихъ между Перекопомъ, Козловымъ и Бахчисараемъ, Кафою, Еникулемъ, Арабатомъ и Сивашемъ, назадъ тому уже 280 лѣтъ, или болѣе, татары поселены крымскимъ ханомъ Сагинъ Гиреемъ съ утвержденіемъ каждому селенію на вѣчное и потомственное владѣніе по урочищамъ границъ, а другимъ изъ нихъ, кто желалъ, отъ онаго хана Сагинъ Гирея и прочихъ послѣ того хановъ на владѣніе таковыхъ земель выданы грамоты. На 4. Всѣ крымскіе татары и разночинцы не только до присоединенія Крыма къ Россіи имѣли право продавать, покупать земли съ угодьями и на оныя совершать купчія крѣпости, но и послѣ того по представленію Таврической палаты гражданскаго суда генералъ-губернатору князю Зубову, а отъ него Правительствующему Сенату, на докладъ котораго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА блаженной памяти Екатерины II именнымъ повелѣніемъ таковое право подтверждено. На 5. По присоединеніи Крыма къ Россійской державѣ послѣ выѣхавшихъ за границу татаръ земли вступили въ казенное вѣдомство, и затѣмъ нѣкоторыя изъ онаго розданы во владѣніе разнымъ чинамъ, а прочія состоять въ казенномъ вѣдомствѣ, о количествѣ коихъ должны быть свѣдомы описатели сихъ земель; что же лежитъ до обитающаго въ 1771 году въ Крыму до полумилліона и болѣе народа, то изъ оныхъ во время прежней Турецкой войны большая часть находилась безъ всякой осѣдлости къ одному только убѣжищу россійскаго орудія изъ городовъ Хотина, Бендеръ, Аккермана, Смаила, Килій и изъ разныхъ націй жителей, осѣдлость имѣющихъ по лѣвую сторону рѣки Днѣстра, тоже цѣлая сильная орда Едижкольской и Киргизцовъ, которые по окончаніи войны всѣ кому куда слѣдовало вышли, а сверхъ того, при свирѣпствовавшей въ Крыму опасной болѣзни, многіе изъ здѣшнихъ жителей умерли и ихъ имѣнія отошли въ родъ ихъ оставшимся наслѣдникамъ, а потому въ казенное вѣдомство не поступали. На 6. Мурзы и другіе чиновники собственныя свои земли имѣли и нынѣ имѣютъ, нѣкоторые по жалованнымъ грамотамъ отъ крымскихъ хановъ и другіе по покупкѣ отъ татаръ и прочихъ разночинцевъ, тоже и по наслѣдству отъ предковъ. На 7. На тѣ земли грамоты хранились и нынѣ должны быть у тѣхъ хозяевъ или у ихъ наслѣдниковъ, буде во время бывшаго въ Крыму бунта не утеряны, кому тѣ земли пожалованы, купчія совершались на покупку и продажу имѣнія отъ Казіаскеровъ и Кадіевъ, и записывались въ сдѣланныя на то вотчинныя книги, которыя хранились въ Бахчисарайскомъ архивѣ, а, за сгорѣніемъ онаго назадъ тому 64 года, остальныя по уничтоженіи Таврической области поступили въ Новороссійское губернское правленіе. На 8. Мурзы и всѣ крымскіе обыватели съ собственныхъ ихъ земель никакихъ податей хану не платили, кромѣ, что изъ нѣкоторыхъ по способности деревень простые татары, по добровольному ихъ желанію, употребляемы были въ выволочкѣ, для хановъ и ихъ наслѣдниковъ, соли, однако же съ платежемъ за то отъ казны ханской денегъ; пользующіеся же мурзинскими землями татары съ посѣва давали хозяину десятину, а съ кошенія сѣна, кто какой съ хозяиномъ договоръ сдѣлаетъ, таковою частью всякъ за себя и отвѣчалъ, за пастьбу же скота и, кромѣ того, другихъ повинностей живущіе на мурзинскихъ земляхъ татары никогда имъ, мурзамъ, не приносили, а въ обыкновеніи было и нынѣ есть, что во время хлѣбопашества, сѣнокосовъ, жатвы, молотьбы и другихъ работъ по просьбѣ мурзъ татары безденежно изъ одной пищи, называемой толока, вспоможеніе дѣлаютъ. Повелительный листъ крымскаго хана Шагинъ-Гирея: „симъ нашимъ повелительнымъ листомъ въ вышеозначенныхъ городахъ и деревняхъ жительствующимъ магометанамъ и прочимъ объявляемъ, что отъ васъ намъ принадлежащіе ушуры и другіе сборы мы отдали на откупъ при нашемъ монетномъ дворѣ находящемуся г. директору Абдулъ-Хамидъ Агѣ, еще при немъ находящемуся Хаджи Мегмету-Омеру и Мулла-Ресулю съ означеніемъ порознь имъ, отъ чего и сколько взыскивать, какъ-то: отъ всякихъ посѣвовъ хлѣба и отъ разныхъ садовыхъ плодовъ по урожаю, не выключая тутъ баштановъ, улей и льну, взыскивать законный ушуръ,

то-есть, отъ всего десятую долю, да, кромѣ того, отъ каждой овцы деньгами по 2 пары, отъ рогатыхъ скотинъ, выключая магометанъ, отъ каждой взыскивать по 6 паръ; что принадлежитъ о поземельномъ сборѣ, то не выключая никакихъ народовъ, повелѣваемъ отъ каждой тягло взыскивать 340 акчи, считая, чтобы въ каждомъ грушѣ было по 108 акчи, буде же по сему положенію кто дерзнетъ быть ослушникомъ, ибо по сему положенію отъ давнихъ вѣковъ по закону магометанскому исполняемы были, тотъ быть имѣетъ наказанъ по закону безъ упущенія; также подтверждаемъ, дабы помянутые откупщики безъ злоупотребленія по сему положенію исполняли и должны вести записку, что именно въ которомъ городѣ и деревнѣ сколько тягло съ различеніемъ порознь магометанскихъ и другихъ, да гдѣ сколько и какія есть имѣнія, по окончаніи же оные откупщики должны таковыя записки доставить въ доходныя экспедиціи наши". Въ регистрѣ при семъ повелительномъ листѣ, какіе города и деревни отданы были на откупъ, между прочимъ, показаны Біюкъ Яникой, Кучукъ Яникой и Аянъ. По каждому изъ отвѣтныхъ пунктовъ предводитель дворянства Нотара высказалъ свое мнѣніе. А ордеромъ графа Каховскаго, даннымъ 19 августа 1799 года первоначальной комиссіи, учрежденной для разбора споровъ по землямъ, предписывались мѣры къ скорѣйшему исполненію возложеннаго на не порученія. 13 сентября 1800 г. Акмечетскій нижній земскій судъ, вслѣдствіе предписанія, рапортомъ Акмечетскому Уѣздному Суду донесъ, что по ревизскимъ сказкамъ 1795 г. поданныхъ показано въ деревнѣ Тавели на казенной землѣ духовенства мужеска—18, женска—15, татаръ мужеска—72, женска—74; Біюкъ-Яникой на казенной же и частью помѣщика Попова духовенства мужеска 27, женска—28, татаръ—396, женска—339 душъ. Потомъ вторымъ рапортомъ октября 12 донесъ, что отмежеванная тайному совѣтнику Попову земля, въ Тавельской долинѣ со всею къ ней принадлежащею окрестностью лежащая, на коей деревни Біюкъ Яникой и Тавель поселены, до отмеже анія оной, дѣйствительно находилась въ казенномъ вѣдомствѣ и принадлежала до присоединенія Таврической области въ Россійской державѣ дворцу послѣдняго крымскаго хана Шагинъ Гирея, съ коей и платима была жителями по тогдашнимъ обрядамъ десятина, называемая ими ушуры, а какія въ томъ округѣ земли были, принадлежащія мурзамъ, то оныя искуплены Поповымъ и въ межѣ его нынѣ никакихъ земель, другимъ владѣльцамъ принадлежащихъ, не имѣется; сверхъ того, и сами жители деревень Тавель и Яникой признаютъ, что за пользованіе ими землею, г. Попову отмежеванною, платили сначала по добровольному ихъ согласію нѣсколько лѣтъ десятину натурою, а наконецъ, деньгами, въ чемъ у нихъ были письменныя обязательства; сколько же именно состоитъ за межею принадлежащей изъясненнымъ татарамъ земли, оный судъ безъ землемѣра удостовѣрить не можетъ. Нерѣшенное въ Уѣздномъ Судѣ дѣло было прислано 30 апрѣля 1801 г. на разсмотрѣніе въ прежнюю комиссію, откуда передано въ новую комиссію, Высочайше утвержд. въ 1802 г. для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ. Сія комиссія, по выслушаніи вновь поступившихъ жалобъ татаръ, не усматривая изъ плана Тавельской дачи, въ какихъ мѣстахъ и въ какомъ количествѣ состоятъ оспариваемыя у Попова имѣнія, 16 февраля 1806 года поручила землемѣру Никифорову по отводамъ спорящихъ лицъ означить на планѣ какъ оспариваемыя имѣнія, такъ и прочія владѣнія, какія есть въ окружности Тавельской дачи, особыми линіями и красками, съ показаніемъ мѣры, границъ и владѣльца каждаго. Порученіе это передано было для исполненія землемѣру Юхарину, который въ 1807 г. представилъ въ комиссію планъ съ экспликаціею, гдѣ объяснилъ, что въ безспорномъ владѣніи Попова находится удобной и неудобной земли 2577 д. 2229 с., спорами же татаръ разныхъ деревень отведено изъ владѣнія Попова и состоитъ въ спорномъ владѣніи татаръ всего 1884 десят. 745 саж., включая въ это количество земли и 32 десят. 1293 саж., находящіяся подъ поселеніемъ деревни Біюкъ Яникой. Въ перечисленіи угодій, входящихъ въ составъ спорныхъ земель, въ экспликаціи плана и въ рѣшеніи комиссіи неоднократно употреблены выраженія: „огороженныя пашни и огороженные сѣнокосы". Признанія татаръ повѣренный Попова главнымъ образомъ опро-

вергалъ тѣмъ, что документы (кадіевскія записки, гуджеты), представленные ими въ доказательство правъ своихъ на отыскиваемую ими изъ владѣнія Попова землю, отчасти подложны, а отчасти обнаруживаютъ, что пользованіе татаръ нѣкоторыми изъ спорныхъ участковъ основано было не на правѣ собственности, но лишь на разрѣшеніи хановъ съ обязанностью отбыванія опредѣленныхъ повинностей. Съ другой стороны повѣренный Попова право собственности его довѣрителя основывалъ какъ на фактѣ пожалованія послѣднему земель Тавельской дачи княземъ Потемкинымъ, такъ и на 15 купчихъ крѣпостяхъ 1787 и 1788 г.г., изъ коихъ по 13 крѣпостямъ онъ пріобрѣлъ право собственности на принадлежащіе мурзамъ участки, заключающіе въ себѣ собственно земли 327¼ д. законами повелѣно: Манифестомъ 2 сентября 1793 года: „порожнія земли, для поселенія, размноженія хлѣбопашества и разныхъ хозяйственныхъ заведеній въ губерніи Екатеринославской, области Таврической, розданныя, утвердить за тѣми, кому оныя отданы и въ чьемъ безспорномъ владѣніи находятся“. Далѣе прописаны въ рѣшеніи изъ дополнительныхъ правилъ 23 апрѣля 1804 года статьи 11, 15 и 28. Приказали: по дѣлу сему поданными въ комиссію прошеніями жаловались деревень Біюкъ-Яникой, Тавели и другихъ татаръ, что г. Поповъ, при отмежеваніи въ округу свою казенныхъ мѣстъ, присоединилъ къ онымъ всѣ какъ родовыя, такъ и покупныя ихъ и мечетскія земли, сады, мельницы и другія угодія, а самихъ ихъ употребляетъ въ работу; при семъ еще просили и надѣленія, по недостатку земли, по 60 десятинъ на семейство. Истцы посланному изъ комиссіи землемѣру сдѣлали спорные отводы; изъ дачи обмежеванной за г. Поповымъ въ 1789 году въ числѣ удобной и неудобной 4462 дес. 574 квадр. саж., кои и показаны онымъ землемѣромъ на скопировкѣ плана. Далѣе въ рѣшеніи слѣдуетъ перечисленіе количества земли, отведенной отдѣльными жителями татарскихъ деревень съ показаніемъ номера, подъ которымъ эти участки значатся на планѣ. Въ общее владѣніе всѣхъ татаръ деревни Біюкъ Яникой отведено подъ № 97—319 д. 115 саж. и подъ поселеніемъ той деревни 32 дес. 1293 саж. Деревень Яникой и Тавели татаре чрезъ своего повѣреннаго по произвощившемуся въ бывшемъ Акмечетскомъ Уѣздномъ Судѣ по исковой ихъ просьбѣ на г. Попова дѣлу, которое поступило изъ того суда нерѣшеннымъ въ прежнюю, а изъ нея въ настоящую комиссію, при судныхъ рѣчахъ представили пять татарскихъ худжетовъ (крѣпостей), сдѣланныхъ въ Калга Султанскомъ судѣ Кадіями и Батырша, представилъ документъ, данный 1741 года, что Силемъ-Гирей-Султанъ пожаловалъ при Яникой казенныя земли по приписаннымъ границамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Агмедъ Адобаше, каковой подтвержденъ печатями и другихъ султановъ, а прочіе претендатели никакихъ документовъ не представили, за неимѣніемъ ихъ. Но какъ изъ прописанныхъ документовъ четыре, по древности ихъ, на отводчиковъ споромъ изъ дачи г. Попова земли не могутъ относиться, чтобы же они кому-либо изъ нихъ принадлежали по праву наслѣдства, того не доказано, и сверхъ того, къ опроверженію сихъ документовъ служитъ то, что по иску татаръ д. Біюкъ-Яникой и Тавели Уѣздный Судъ поручилъ земскому, при уѣздномъ землемѣрѣ, изслѣдовать, кому отыскиваемыя имѣнія до отмежеванія отвѣтчику принадлежали, платили ли просители или ихъ предки за оное хану или кому-либо другому оброкъ и кто оными имѣніями издревле владѣлъ и пользовался и нѣтъ ли между ними выморочныхъ и оставшихси послѣ выѣхавшихъ за границу казнѣ принадлежащихъ. На что земскій судъ рапортовалъ уѣздному, что отмежеванная г. Попову земля въ Тавельской долинѣ со всею къ ней принадлежащею окрестностью, до отмежеванія оной, дѣйствительно находилась въ казенномъ вѣдомствѣ и принадлежала, до присоединенія Таврической области къ Россійской державѣ, дворцу послѣдняго хана, съ коей и платима была жителями по тогдашнимъ порядкамъ десятина, какія же земли были принадлежащія мурзамъ, то оные искуплены и сіе донесеніе суда земскаго подтверждается имѣющимся въ комиссіи повелительнымъ листомъ хана Шагинъ Гирея о платежѣ съ значащихся по приложенному регистру деревень и городовъ, принадлежащихъ прежде султану турецкому, отданныхъ имъ на откупъ откупщикамъ, ихъ законнаго ушура, то-есть со

всего десятой доли и поземельныхъ денегъ, по которымъ значится, что въ ономъ реестрѣ помѣщена дер. Біюкъ Яникой, на имя коей нѣкоторыхъ татаръ оные документы относятся и еще деревни Кучукъ Яникой и Аянъ, слѣдовательно, земли сихъ деревень, яко отданныя на такомъ отношеніи не могли принадлежать въ собственность татарамъ въ такомъ отношеніи, какъ они ихъ нынѣ присвоютъ, т. е. безъ отбыванія помѣщику повинностей. О пятомъ документѣ на имя деревни Аянъ Исмаила, хотя и сказали истцы деревень Тавели и Яникой татары въ Уѣздномъ Судѣ, что ему наслѣдникъ есть Муслядинъ, дер. Аянъ, самъ отозвался при подписаніи выписки и прежде, что документа никакого не имѣетъ, слѣдовательно, сего представленнаго къ дѣлу Уѣзднаго Суда документа на имя Исмаила принять по иску Муслядина не можно, а въ разсужденіи представленнаго отъ Батырши документа даннаго Селимъ Гирей Султаномъ, комиссія согласно съ мнѣніемъ Таврическаго почтеннаго г. Муфтія, доставленнымъ въ комиссію на требованіе ея, полагаетъ, что такъ какъ Крымъ былъ управляемъ ханами подъ зависимостью Оттоманской Порты, послѣднее же время при ханѣ Шагинъ-Гиреѣ и независимо отъ нея, то кромѣ турецкаго султана и хана крымскаго никто изъ частныхъ людей земель казенныхъ жаловать не могъ, и если бы еще давшіе оный документъ и подтверждавшіе его были всѣ, или нѣкоторые изъ нихъ Калга султанами, что есть намѣстникъ хана, управляющій во время его отсутствія, то и ихъ документъ на пожалованіе земли казенной безъ подтвержденія самого хана долженъ быть недѣйствителенъ. Тайный совѣтникъ Поповъ на владѣніе землями и другими угодьями имѣетъ право, основанное, во-первыхъ, на предписаніи бывшаго генералъ губернатора, князя Потемкина-Таврическаго, данномъ въ 1787 году Таврическому губернатору Каховскому, въ коемъ именно сказано: Тавельскую долину съ принадлежащею окрестностью отдать во владѣніе г. Попова; во-вторыхъ, на отдачѣ начальствомъ оной долины и окрестностей ея, заключающихъ въ себѣ округи казенныхъ земель: деревни Яникой, Тавели и проч., и на обмежеваніи за нимъ сихъ земель, кои значатся по камеральному описанію, послѣ выѣхавшихъ изъ Крыма разныхъ татаръ, выведенныхъ въ Россію грековъ и калга султанскими, каковая раздача земель подтверждается Высочайшимъ Манифестомъ, состоявшимся 1793 года сентября 9 го дня, и, въ третьихъ, на покупки въ округѣ оныхъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ мурзамъ, на каковую покупку представлено отъ него, Попова, купчихъ 15 крѣпостей, для того: 1) иски татаръ деревни Біюкъ Яникой и другихъ деревень, и сдѣланные ими спорные отводы въ дачѣ г. Попова, кромѣ усадебныхъ мѣстъ №№ 101, 127 и 132, о коихъ ниже сего сказано будетъ, за неосновательностью представленныхъ одними документовъ и за непредставленіемъ другими никакихъ доказательствъ и по силѣ дополненія правилъ комиссіи 15 статьи уничтожить, въ разсужденіи же просимаго Біюкъ-Яникойскими и Тавельскими татарами надѣленія ихъ шестью-десятью десятинами земли на каждое семейство, комиссія, по силѣ 5 ст. дополненія къ начертанію правилъ ея, удовлетворить ихъ не можетъ, а предоставляется просить о надѣленіи ихъ узаконенною по числу душъ пропорціею Таврическаго губернскаго правительства въ казенной экспедиціи; 2) затѣмъ дачу Тавельскую, какъ она обмежевана, по силѣ дополненія правилъ 28 статьи, утвердить во владѣніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Попова, живущимъ же на сей дачѣ татарамъ по той статьѣ утвердить въ собственность усадебныя ихъ мѣста, какъ то дворы и огороды, въ томъ числѣ 127 и 132 №№, да разоренной деревни Біюкъ Тавели татарину Амету оспариваемой имъ подъ № 101 садъ и дворъ, а прочими землями дачи предоставить имъ пользоваться неотъемлемо съ исправленіемъ отъ нихъ повинностей помѣщику, какъ-то дачею со всего десятинной подати и работою условленныхъ дней — отъ 5 до 8 дней въ году, пока о сихъ повинностяхъ сдѣлано будетъ комиссіею особое положеніе, и удостоиться Высочайшаго утвержденія; 3) о исполненіи сего рѣшенія по 11 статьѣ дополненія правилъ сообщить съ него копію Таврическаго губернскаго правительства въ исполнительную экспедицію и скопировку плана дачи Тавельской съ различеніемъ утвержденныхъ участковъ, каковое сдѣлать и на планѣ, предста-

вленномъ повѣреннымъ г. Попова, а принятый въ комиссію отъ Екатеринославскаго губернскаго землемѣра Чуйки планъ, съ межевою книгою, по ненадобности въ немъ, отослать въ оной же правительство; наконецъ, 4) дѣло сіе производствомъ оконча, почесть рѣшеннымъ, а опредѣленіе сіе участвующимъ въ ономъ, когда явятся въ комиссію, объявить и, буде пожелаютъ, выдать имъ съ него за секретарскою скрѣпою копію съ возвращеніемъ повѣренному Попова подлинныхъ документовъ. Повѣренный полковника Василія Попова, Кулаковъ, въ поданномъ 12-го іюля 1876 года Симферопольскому Окружному Суду исковомъ прошеніи объяснилъ: что общество поселянъ татаръ деревни Біюкъ Яникой, Симферопольскаго уѣзда, расположенной въ срединѣ принадлежащей Попову Тавельской дачи, весною 1875 года распахали и заняли 7 хлѣбопахатныхъ и сѣнокосныхъ участковъ Попова, всего въ количествѣ примѣрно до 50 десятинъ и воспользовались собраннымъ съ урожая хлѣбомъ и сѣномъ, не отдавъ владѣльцу десятины. Возстановить въ мировыхъ учрежденіяхъ нарушенное татарами владѣніе не удалось, а потому они и въ 1876 году самовольно распахали и засѣяли всѣ названные участки. По плану генеральнаго межеванія 1802 года вся Тавельская дача съ поселенными на оной деревнями замежевана за отцомъ Попова, какъ доставшаяся дѣду его по Всемилостивѣйшему пожалованію, а по рѣшенію бывшей въ Крыму по разбору поземельныхъ споровъ комиссіи отъ 19-го іюня 1808 года, за татарами деревни Біюкъ Яникой признаны только усадьбы и огороды, вся же остальная земля дачи присуждена Попову, и если предоставлено татарамъ право пользованія оною, то не иначе, какъ за повинности, отъ какового пользованія татары, однако жъ, отказались, съ цѣлью избавиться отъ повинностей, и до 1875 года, если и пользовались землею Попова, то лишь нѣкоторые изъ нихъ, да и то не иначе, какъ за плату деньгами по взаимному соглашенію съ экономіею Попова. На основаніи изложеннаго и представляя копію съ рѣшенія комиссіи 1808 года, Кулаковъ просилъ Окружный Судъ постановить рѣшеніе объ изъятіи изъ владѣнія общества татаръ-поселянъ деревни Біюкъ Яникой 7 ми хлѣбопахатныхъ и сѣнокосныхъ участковъ. Въ отвѣтѣ противу означеннаго иска повѣренный общества поселянъ татаръ, Черевко, по существу настоящаго иска объяснилъ: что какъ полковникъ Поповъ право собственности своей на 7 поземельныхъ участковъ выводитъ изъ рѣшенія комиссіи 1808 года, такъ равно и они, отвѣтчики, основываютъ право собственности на тѣ-же участки на томъ же самомъ рѣшеніи, имѣющемъ обязательную силу и по настоящее время. Въ силу этого рѣшенія біюкъ яникойскіе поселяне считаютъ свою усадебную, дворовую и огородную землю той деревни своею общественною собственностью, владѣя оною понынѣ, а прочими землями въ Тавельской дачѣ пользовались съ 1808 по 1874 г. съ исправленіемъ въ пользу Попова установленныхъ въ рѣшеніи 1808 года повинностей, отъ отбыванія которыхъ они никогда не отказывались, между тѣмъ, какъ истецъ Поповъ сталъ самовольно принуждать ихъ за пользованіе этими землями платить наличными деньгами, а именно отъ каждаго двора по 1 рублю, отъ каждой десятины хлѣбопахатной земли по 5 ти рублей и отъ каждой десятины сѣнокосной и пастбищной земель по 1 руб. 50 коп. въ годъ. Когда же поселяне-татары произвольно назначенныхъ платежей производить не пожелали, то Поповъ землю, право пользованіе которою біюкъ янкойскіе татары пріобрѣли какъ въ силу рѣшенія комиссіи 1808 года, такъ и вслѣдствіе давностнаго владѣнія, отдалъ въ арендное содержаніе другимъ лицамъ. Далѣе Черевко доказывалъ, что за пользованіе біюкъ яникоискими татарами землею спорныхъ участковъ они не только не обязаны учинять въ пользу истца произвольно установленной имъ арендной платы, но даже и производить десятину и другія повинности, такъ какъ, во-1) оспариваемые истцомъ поземельные участки называются карами, означающими въ русскомъ переводѣ огороды, и состоятъ въ числѣ огородовъ, принадлежащихъ обществу деревни Біюкъ Яникой на правѣ полной собственности, по рѣшенію 1808 г.; во-2) огородные участки съ незапамятныхъ временъ состоятъ во владѣніи общества поселянъ на правѣ общественной собственности, и за нихъ общество поселянъ никогда не отбывало повинностей въ пользу Попова; въ-

3) упомянутая въ исковомъ прошеніи Попова денежная плата производилась, по соглашенію съ экономіею Попова, нѣкоторыми татарами взамѣнъ десятины и рабочихъ дней за владѣніе другими землями, не принадлежащими поселянамъ на правѣ полной собственности. Признавая затѣмъ, что отдачею другимъ лицамъ земли, состоящей въ пользованіи татаръ поселянъ, истецъ Поповъ нарушилъ право пользованія Біюкъ Яникойскаго общества землею въ Тавельской дачѣ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ таковое право принадлежало по рѣшенію комиссіи, Черевко предъявилъ по этому предмету къ Попову встрѣчный искъ и просилъ Судъ: а) въ искѣ Попова объ изъятіи изъ владѣнія Біюкъ-Яникойскаго общества поселянъ татаръ огородныхъ участковъ земли при деревнѣ Біюкъ Яникой отказать и б) признать за обществомъ поселянъ татаръ деревни Біюкъ Яникой неотъемлемое право пользованія въ Тавельской дачѣ землями въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это право принадлежитъ по рѣшенію комиссіи отъ 19 іюня 1808 года, а именно съ исправленіемъ помѣщику Попову повинностей, какъ то: дачею со всего десятины и работою отъ 5 до 8 дней въ году, и возстановить таковое право, нарушенное Поповымъ. Въ засѣданіи Суда 4 марта 1877 года повѣренный истца объяснилъ, что спорные участки не входятъ въ усадебную землю, принадлежащую татарамъ по рѣшенію комиссіи, въ количествѣ 32 десятинъ, и въ удостовѣреніе сего просилъ Судъ о производствѣ осмотра на мѣстѣ, утверждая, что этимъ путемъ должно обнаружиться, что спорными участками всегда владѣлъ Поповъ, что повинности, установленныя комиссіею, давно измѣнились, и самыя права татаръ въ этомъ отношеніи давно утрачены, что о давностномъ владѣніи спорною землею здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ свидѣтели могутъ удостовѣрить, что общество татаръ никогда не пользовалось спорною землею; что хотя, по рѣшенію комиссіи, татары имѣютъ право пользоваться землею Попова, но не на тѣхъ условіяхъ, которыя установлены были тѣмъ рѣшеніемъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ условія хозяйства измѣнились, земля вздорожала и уже болѣе 10 лѣтъ, какъ повинности за пользованіе землею существуютъ иныя съ обоюднаго согласія татаръ и Попова, и что, такимъ образомъ, татары утратили уже право пользованія землею за повинности, какія были установлены рѣшеніемъ комиссіи. Въ подтвержденіе всего сказаннаго Кулаковъ представилъ, между прочимъ: 1) актъ Симферопольскаго уѣзднаго исправника 18 апрѣля 1875 г. о самовольной запашкѣ татарами земли Попова и 2) отношеніе Симферопольскаго окружнаго начальника отъ 19 марта 1860 года за № 450 на имя экономіи Попова, въ коемъ говорится о контрактѣ между экономіею Попова и жителями деревень Біюкъ Яникой, Тавель и Аянъ относительно платы за пользованіе землею. Повѣренный же отвѣтчиковъ, подерживая съ своей стороны прежнія заявленія, представилъ списокъ свидѣтелей, могущихъ подтвердить тотъ фактъ, что спорные участки суть тѣ самые огороды, которые, по рѣшенію комиссіи, составляютъ собственность поселянъ-татаръ деревни Біюкъ Яникой. Противу изложенныхъ выше доводовъ Кулакова, повѣренный татаръ Черевко письменно возразилъ: 1) рѣшеніемъ комиссіи отъ 19 іюня 1808 года утверждены въ собственность поселянъ татаръ всѣ усадебныя ихъ мѣста, какъ то дворы и огороды, находящіеся подъ поселеніемъ деревни Біюкъ Яникой, неправильно же сдѣланный отводъ 32 десятинъ 1293 саж. земли тогда же комиссіею уничтоженъ; кромѣ того, указанные имъ, Черевко, свидѣтели подтвердятъ, что показываемые Поповымъ 7 участковъ земли, лежащей около Біюкъ Яникой, дѣйствительно съ 1808 года и до настоящаго времени считались карами, то-есть огородами, и состояли въ фактическомъ владѣніи общества поселянъ-татаръ на правѣ собственности; 2) принадлежащее обществу поселянъ-татаръ деревни Біюкъ-Яникой по рѣшенію 1808 года неотъемлемое право пользованія землями въ Тавельской дачѣ за исчисленныя въ томъ рѣшеніи повинности не могло быть утрачено и, основанныя на упомянутомъ рѣшеніи обязательныя отношенія поселянъ къ Попову до 1874 г. не прекращались и не могли прекратиться, потому что Поповъ никогда не заключалъ съ татарами контрактовъ, договоровъ и условій объ измѣненіи рѣшенія комиссіи и объ установленіи подворной платы навсегда, въ доказательство чего Черевко

представилъ копію опредѣленія Симферопольской полиціи отъ 7 марта 1874 года, изъ коей, по мѣнію просителя, видно, что въ прошеніи, поданномъ въ полицейское управленіе 18 февраля 1874 года, самъ Поповъ отрицалъ существованіе условій между нимъ и поселянами татарами деревни Біюкъ Яникой и, признавая, что означенные поселяне пользуются всякаго рода землями въ Тавельской дачѣ для своихъ надобностей въ хозяйственномъ отношеніи, предлагалъ заключить на будущее время условіе по начертанному имъ проекту, которымъ взамѣнъ причитающихся съ нихъ до того времени повинностей, требовалъ платежей наличными деньгами; 3) представленная Кулаковымъ копія сообщенія Симферопольскаго окружнаго начальника за № 450 вовсе не доказываетъ того, чтобы право поселянъ-татаръ на неотъемлемое пользованіе землями въ Тавельской дачѣ было утрачено или прекращено какими нибудь взаимными условіями, потому что въ этой копіи вовсе не поименованы тѣ поселяне, которые подавали окружному начальнику докладную записку, и не обозначено количество такихъ лицъ; но если бы въ числѣ ихъ и дѣйствительно состояли нѣкоторые изъ біюкъ яникойскихъ татаръ, то изъ самаго сообщенія окружнаго начальника видно, что они жаловались на требованіе экономіею Попова денежной за землю платы, отъ которой они отказались, ссылаясь на то, что они считаютъ себя обязанными дать только десятину съ урожаевъ и отъ своихъ дворовъ по 2 рубля 57¼ коп. въ годъ; эта послѣдняя денежная плата, если и производилась нѣкоторыми поселянами временно, то не болѣе, какъ взамѣнъ рабочихъ дней, слѣдовавшихъ Попову по рѣшенію комиссіи, и не могла считаться навсегда обязательною для всѣхъ вообще поселянъ; впрочемъ, взамѣнъ рабочихъ дней поселяне и въ настоящее время согласны дать Попову даже и больше, а именно по 2 руб. 60 коп. въ годъ отъ каждаго двора, и 4) требованіе Кулакова о допросѣ свидѣтелей не должно быть удовлетворено, такъ какъ по закону показанія свидѣтелей не допускаются въ удостовѣреніе существованія письменныхъ договоровъ, или учиненія платы наличными деньгами. По порученію Окружнаго Суда, членъ сего Суда въ ноябрѣ 1877 г. допросилъ на мѣстѣ свидѣтелей, выставленныхъ сторонами: истцомъ—въ удостовѣреніе того, что онъ владѣлъ спорными участками въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, а отвѣтчиками—въ разъясненіе факта владѣнія ихъ тѣми землями въ продолженіе того же времени въ качествѣ общественной біюкъ-яникойской собственности. Послѣ допроса свидѣтелей, повѣренный истца представилъ въ Окружный Судъ копіи съ постановленій Таврическаго губернскаго правленія отъ 20 января 1838 г., 13 февраля и 3 іюля 1840 года и 30 ноября 1850 года, въ доказательство того, что о землѣ, составляющей предметъ настоящаго дѣла, и прежде производились споры между владѣльцами Тавельской дачи и біюкъ яникойскими татарами, что принадлежащія отвѣтчикамъ, на правѣ собственности, усадебныя мѣста занимаютъ всего только 32½ десятины, въ составъ которыхъ не входятъ спорные нынѣ участки, и что татары въ заключенной въ 1851 г. мировой сдѣлкѣ лишили себя права имѣть какія бы то ни было притязанія на отыскиваемые Поповымъ изъ ихъ неправильнаго владѣнія поземельные участки. Затѣмъ Кулаковъ представилъ въ Судъ удостовѣреніе чертежной отъ 4 февраля 1878 г. № 111, изъ коего явствуетъ: что на дачу деревень: Владимировки, Біюкъ Яникой и Тавель, принадлежащую Попову, имѣется планъ генеральнаго межеванія, на коемъ усадебныхъ мѣстъ и огородовъ, принадлежащихъ біюкъ яникойскому обществу, въ количествѣ 32 десятинъ 1293 саж., особо не показано; въ числѣ же неутвержденныхъ документовъ межевого архива имѣется планъ деревни Біюкъ-Яникой, вымежеванной въ 1808 году землемѣромъ Томашевскимъ во владѣніе татаръ той деревни, въ количествѣ 32 десятинъ 1293 саженъ; а такъ какъ утвержденнаго плана на эту часть въ межевомъ архивѣ не имѣется и по алфавитамъ той дачи не значится, то и не представляется возможнымъ произвести по имѣющемуся плану возобновленіе межевыхъ признаковъ въ дачѣ, принадлежащей біюкъ-яникойскому обществу. А повѣренный отвѣтчиковъ, Черевко, въ поданномъ въ Судъ опроверженіи изложилъ, что изъ копіи рѣшенія комиссіи 1808 г. не видно, чтобы прелку истца была пожалована Тавельская дача по В ы с о ч а й ш е м у указу; что отмежеваніе въ его вла-

дѣніе сказаннаго имѣнія противорѣчитъ смыслу манифеста 2 сентября 1793 г., коимъ повелѣно раздать русскимъ помѣщикамъ лишь порожнія земли для размноженія хлѣбопашества, и что въ рѣшеніи комиссіи не значится ни тѣхъ личностей, которыя, будто бы, отводили 32 дес. 1293 саж. подъ поселеніе деревни Біюкъ Яникой, ни повѣренныхъ общества; но комиссія, не входя въ дальнѣйшую повѣрку правильности или неправильности спорныхъ отводовъ, прежде сдѣланныхъ и въ 1807 г. снятыхъ на планъ землемѣромъ Юхаринымъ, по рѣшенію 19 іюня 1808 года уничтожила всѣ тѣ отводы, а дачу Тавельскую хотя и утвердила во владѣніе Попова, но живущимъ на сей дачѣ татарамъ тоже признала въ собственность усадебныя ихъ мѣста, какъ то: дворы и огороды, прочими же землями означенной Тавельской дачи предоставила татарамъ пользоваться неотъемлемо, съ исправленіемъ въ пользу помѣщика Попова повинностей, подробно исчисленныхъ въ Высочайше утвержденныхъ 19 мая 1802 г. правилахъ, и какъ таковое рѣшеніе было совершенно окончательное, то засимъ комиссія и дѣло это зачислила рѣшеннымъ. Такимъ образомъ совершилось Высочайше повелѣнное 17 сентября 1796 г. пристойное удовлетвореніе татаръ, основанное на правилахъ, для сего предмета Высочайше утвержденныхъ 19 мая 1802 г., состоялась безъ воли Попова и татаръ понудительная и обязательная сдѣлка, выраженная въ рѣшеніи комиссіи, и на основаніи всего этого сложились на Тавельскую дачу три отдѣльныхъ и независимыхъ права, а именно: 1) принадлежащее Попову право владѣнія, ограниченнаго принадлежащимъ татарамъ отдѣльнымъ правомъ пользованія, и сообразно сему называемое въ 432 ст. Т. X ч. I правомъ неполной собственности; 2) принадлежащее всѣмъ поселянамъ татарамъ право пользованія, ограниченное принадлежащимъ Попову отдѣльнымъ правомъ владѣнія и потому считающееся правомъ неполной собственности, и 3) принадлежащее обществу поселянъ татаръ право владѣнія, пользованія и распоряженія всѣми усадебными, дворовыми, садовыми и огородными мѣстами, безъ всякаго посторонняго участія, и потому почитаемое въ 423 ст. Т. X ч. I правомъ полной собственности. А что ни одного изъ вышеозначенныхъ правъ, разъ навсегда Высочайше утвержденныхъ 19 мая 1802 г. и рѣшеніемъ комиссіи 1808 г. установленныхъ, стороны не могли лишить другъ друга, тому служитъ доказательствомъ, по мнѣнію Черевко, слѣдующее: 1) копія доклада Таврическаго губернскаго правленія отъ 13 февраля 1840 г., изъ которой видно, что еще въ 1837 и 1839 годахъ г. управляющій имѣніемъ Попова и опекунша Елена Попова въ прошеніяхъ своихъ земскому суду и губернскому правленію объяснили, что безъ ихъ дозволенія татары пашутъ землю въ Тавельской дачѣ, косятъ сѣно и что они имѣть въ Тавельской дачѣ татаръ и дозволять имъ пользоваться землями не желаютъ, а потому въ силу узаконеній, содержащихся въ IX Томѣ, просили о выселеніи оттуда татаръ, но земскій судъ и губернское правленіе, признавая, что пользованіе татаръ землями въ Тавельской дачѣ не зависитъ отъ желанія Поповыхъ, ибо оно основано не на тѣхъ узаконеніяхъ, которыми опредѣляется порядокъ поселенія татаръ на чужихъ земляхъ по особымъ условіямъ и выводъ ихъ оттуда, а на рѣшеніи комиссіи, не только отказали въ такомъ ходатайствѣ Поповыхъ, но даже обязали ихъ безотговорочно допускать татаръ къ пользованію землями въ Тавельской дачѣ по рѣшенію 1808 г., въ видахъ же прекращенія могущихъ повторяться обоюдныхъ недоразумѣній и жалобъ, означенныя присутственныя мѣста настоятельно совѣтовали Попову и татарамъ заключить общее условіе о ежегодномъ опредѣленіи мѣстности землямъ, въ пользованіи коими татары будутъ признавать для себя надобность, на что нѣкоторые изъ татаръ хотя и соглашались, однако жъ, по уклоненію Попова, такое общее условіе осталось незаключеннымъ, и всѣ производившіяся по этому предмету административныя переписки прекращены въ 1851 году, а пользованіе татаръ по рѣшенію комиссіи прололжалось до 1874 г.; 2) копія опредѣленія Симферопольской полиціи отъ 1 марта 1874 г., изъ которой видно, что самъ Поповъ въ своемъ прошеніи призналъ существованіе до 1874 г. пользованія поселянъ-татаръ землями Тавельской дачи безъ всякихъ условій и предлагалъ имъ заключить условіе объ измѣненіи повинностей, исчисленныхъ въ рѣшеніи 1808 г., и объ установленіи

для татаръ, вмѣсто натуральныхъ повинностей, болѣе тягостныхъ для нихъ денежныхъ платежей; 3) протоколъ Окружнаго Суда отъ 4 марта 1877 года, изъ коего видно, что повѣренный Попова, Кулаковъ, призналъ по рѣшенію комиссіи право поселянъ татаръ пользоваться землями Попова въ Тавельской дачѣ, но только не на тѣхъ условіяхъ, которыя установлены рѣшеніемъ комиссіи, а иныхъ какихъ то особыхъ договорахъ, измѣнившихъ, будто бы, отношенія татаръ съ Поповымъ, но имъ къ дѣлу не представленныхъ. Обратившись засимъ къ изложенію правъ своихъ довѣрителей на 7 участковъ земли, называемыхъ карами, т. е. огородами, Черевко доказывалъ, что право на эти огороды утверждено за поселянами татарами 2-мъ пунктомъ Высочайше утвержденныхъ 19-го мая 1802 года правилъ, постановленнымъ на основаніи этихъ-же правилъ рѣшеніемъ комиссіи 19 іюня 1808 года и вошедшимъ въ 924 и 925 ст. IX Т. закономъ, по коему состоящія внутри мѣщичьихъ дачъ земли, на которыхъ находятся огороды татаръ, къ какому бы роду земель онѣ ни принадлежали, составляютъ собственность татаръ и должны оставаться за ними навсегда крѣпкими; кромѣ того, право это утвердилось за татарами и спокойнымъ, безспорнымъ и непрерывнымъ владѣніемъ ихъ означенными огородами на правѣ полной собственности въ продолженіе нѣсколькихъ давностей, какъ это доказывается присяжными показаніями 10 человѣкъ свидѣтелей изъ старожилыхъ людей ближайшихъ деревень, въ настоящемъ дѣлѣ вовсе не заинтересованныхъ. На основаніи всего изложеннаго Черевко просилъ Судъ въ искѣ Попову объ изъятіи изъ владѣнія общества поселянъ татаръ 7 огородовъ, называемыхъ по татарски карами, отказать и удовлетворить ходатайство отвѣтчиковъ о признаніи за ними права пользованія землями въ Тавельской дачѣ по 3 пункту Высочайше утвержденныхъ 19 мая 1802 года правилъ и послѣдовавшему по нимъ рѣшенію комиссіи отъ 19 іюня 1808 года. Затѣмъ въ засѣданіи Суда 7 іюля 1878 года повѣренный истца просилъ о производствѣ дознанія на мѣстѣ о томъ, составляютъ ли спорные участки огородныя и усадебныя мѣста, или же только хлѣбопахатныя, а равно измѣренія какъ усадебныхъ мѣстъ татаръ, такъ и спорныхъ участковъ, ибо по рѣшенію комиссіи татарамъ отведено въ собственность лишь 32 десятины подъ усадьбы и огороды. Повѣренный же отвѣтчиковъ Черевко находилъ ходатайство истца объ осмотрѣ и измѣреніи неуважительнымъ, на томъ основаніи, что, по рѣшенію комиссіи, отведено татарамъ въ собственность не 32 десятины, а всѣ усадебныя и огородныя мѣста въ неопредѣленномъ количествѣ, понимая послѣднія не въ смыслѣ мѣстъ, служащихъ къ разведенію овощей, а въ смыслѣ угодій, огороженныхъ стѣною; при этомъ Черевко призналъ, что въ спорныхъ участкахъ заключается болѣе 32 десятинъ. Приступивъ къ обозрѣнію настоящаго дѣла и обратившись прежде всего къ обсужденію ходатайства Попова о производствѣ осмотра на мѣстѣ, въ удостовѣреніе того, что отыскиваемые имъ изъ владѣнія отвѣтчиковъ 7 участковъ земли занимаютъ пространство болѣе 32 десятинъ и что они, хотя и огорожены, но не служатъ для разведенія овощей, Симферопольскій Окружный Судъ нашелъ: что въ виду признанія повѣреннымъ противной стороны, что въ сказанной землѣ имѣется болѣе 32 десятинъ и такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ идетъ споръ не о правѣ собственности на эту землю, но лишь о правѣ пользованія оною, при разрѣшеніи какового спора количество десятинъ этихъ земель не имѣетъ значенія, провѣрка указанныхъ обстоятельствъ осмотромъ на мѣстѣ представляется излишнею. Войдя, затѣмъ, въ разсмотрѣніе настоящаго дѣла по существу, Судъ нашелъ, что разрѣшеніе иска полковника Попова объ изъятіи изъ владѣнія общества татаръ деревни Біюкъ Яникой поименованныхъ въ исковомъ прошеніи 7 ми поземельныхъ участковъ, расположенныхъ въ Тавельской дачѣ, а равно и выраженное во встрѣчномъ искѣ отвѣтчиковъ ходатайство о возстановленіи нарушеннаго Поповымъ права пользованія упомянутымъ недвижимымъ имуществомъ, зависятъ отъ силы и значенія состоявшагося 19 іюня 1808 года рѣшенія Высочайше утвержденной для разбора споровъ на землю въ Таврическомъ полуостровѣ комиссіи въ той части онаго, которая относится къ установленію повинностей, отбываемыхъ татарами деревни Біюкъ Яникой за присужденное имъ право пользованія землями Та-

вельской дачи Попова. Въ этомъ отношеніи изъ обстоятельствъ дѣла и изъ данныхъ на сей предметъ узаконеній усматривается, что по Высочайшему указу, послѣдовавшему 17 сентября 1796 года, учреждена была комиссія для окончательнаго разрѣшенія жалобъ разныхъ владѣльцевъ и татаръ на неправильное отобраніе и раздачу ихъ земель разнымъ чиновникамъ и о возвратѣ тѣхъ земель по принадлежности или объ удовлетвореніи татаръ другимъ пристойнымъ образомъ. Комиссія эта 19 іюня 1808 года окончательно разрѣшила споры, возникшіе между тайнымъ совѣтникомъ, дѣдомъ истца, Поповымъ, и живущими въ Тавельской долинѣ татарами различныхъ деревень на землѣ, отведенной во владѣніе Попова по распоряженію князя Потемкина 1787 года. Приведеннымъ рѣшеніемъ комиссіи окончательно утверждено было: а) за дѣдомъ истца Попова владѣніе Тавельскою дачею въ границахъ, оказавшихся при межеваніи 1707 года, произведенномъ землемѣромъ Юхаринымъ, и б) за поселенными въ этой дачѣ татарами, въ томъ числѣ и за татарами общества деревни Біюкъ Яникой, право собственности на усадебныя мѣста ихъ и неотъемлемое право пользованія землями, въ той дачѣ расположенными, на томъ основаніи и въ томъ объемѣ, какъ такое право пользованія осуществляемо было тѣми татарами до присоединенія къ Россіи Крымскаго полуострова, т.-е. съ платою десятины со всей земли и за совершеніе работы въ пользу помѣщика въ продолженіе 5—8 дней въ году. Право это было вещное и безсрочное, принадлежащее татарамъ поселянамъ непосредственно по отношенію къ находящимся въ ихъ пользованіи имѣніямъ и независящее въ продолжительности и въ своемъ объемѣ отъ усмотрѣнія владѣльцевъ этихъ земель. Непосредственность и безсрочность пользованія татаръ-поселянъ владѣльческими землями подтверждена была въ томъ узаконеніи, которымъ Высочайше утвержденная для разбора споровъ по землямъ въ Крыму комиссія обязана была руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ, а именно: манифестомъ 2 сентября 1793 г. и дополненіемъ къ правиламъ 19 мая 1802 года, а именно § 28 дополнительныхъ правилъ 23 апрѣля 1804 г. Соображаясь съ этими положеніями и усматривая изъ обстоятельствъ дѣла, что земля, отведенная во владѣніе Попова и бывшая прежде ханскою, послѣ завоеванія Крыма сдѣлалась казенною, комиссія и присудила татарамъ деревни Біюкъ Яникой право пользованія означенными имѣніями въ объемѣ и предѣлахъ, въ которыхъ такое право и прежде ими было осуществляемо. Между тѣмъ, опираясь на содержащееся въ рѣшеніи комиссіи постановленіе, что татары должны пользоваться землями Тавельской дачи неотъемлемо съ исправленіемъ перечисленныхъ ею повинностей, пока о сихъ повинностяхъ не сдѣлано будетъ комиссіею особое положеніе и удостоится Высочайшаго утвержденія, повѣренный истца доказываетъ, что, съ воспослѣдованіемъ 28 го сентября 1827 года Положенія для татаръ поселянъ и владѣльцевъ земель въ Таврической губерніи, главныя начала котораго вошли въ составъ Свода Законовъ (902 ст. IX Тома изданія 1857 года, помѣщики Таврическаго полуострова сдѣлались полными и неограниченными собственниками и тѣхъ находящихся въ ихъ владѣніи имѣній, которыми татары-поселяне пользовались въ объемѣ, опредѣленномъ рѣшеніями комиссіи для разборовъ споровъ на землю, и что потому опродѣленіе рода и размѣра вознагражденія, слѣдующаго съ татаръ поселянъ въ пользу владѣльцевъ-помѣщиковъ за пользованіе ими землями сихъ послѣднихъ, отнынѣ зависѣть отъ односторонняго усмотрѣнія помѣщиковъ. Вышеизложенное воззрѣніе свое на упомянутый предметъ повѣренный истца основываетъ; во 1 хъ) на 908 ст. IX Т., соотвѣтствующей § 18 Пол. 28 сентября 1827 г., въ коей постановлено, что повинности татаръ къ владѣльцамъ земли опредѣляются взаимнымъ согласіемъ договаривающихся сторонъ, и во 2) на § 29 того же Полож. о томъ, что земли, древнимъ и новымъ помѣщикамъ принадлежащія и бывшею крымскою комиссіею для разбора споровъ по землямъ за ними утвержденныя, составляютъ неотъемлемую ихъ собственность. Несостоятельность такого взгляда вполнѣ обнаруживается изъ слѣдующихъ соображеній: въ началѣ указа 28 сентября 1827 г. изложено, что съ учрежденіемъ комиссіи для разбора въ Крыму споровъ по землямъ возложено на нее въ 1803 году сверхъ разсмотрѣнія правъ на владѣніе землями и обязанность опредѣлить повинности

* *

татаръ-поселянъ, живущихъ на земляхъ помѣщичьихъ. Во исполненіе сей задачи комиссія представила на Высочайшее усмотрѣніе составленный ею проектъ Положенія, которое, будучи признано полезнымъ для татаръ поселянъ и владѣльцевъ земель въ Таврической губерніи, въ 1827 году получило Высочайшую санкцію. Матеріальная часть этихъ повинностей, т.-е. ихъ количество и родъ, опредѣлена была комиссіею въ рѣшеніи 1808 года, составленіемъ же Положенія 1827 года комиссія исполнила вторую часть возложенной на нее задачи, а именно формальную сторону. Въ этомъ отношеніи въ Положеніи 1827 г. выражено правило, чтобы помѣщики и живущіе на ихъ земляхъ татары облекали въ письменную форму установившіяся между ними по землѣ юридическія отношенія. Толкованіе истцомъ 908 стат. IX Т. противорѣчитъ, кромѣ того, и буквальному смыслу сихъ статей, ибо законъ этотъ говоритъ о заключеніи договора о повинностяхъ по взаимному согласію. Взаимность же въ совершеніи такихъ договоровъ сама собою устраняется предоставленіемъ одной сторонѣ исключительнаго права увеличивать, по своему усмотрѣнію, повинности, отбываемыя другою стороною за право пользованія ея землями. Напротивъ, Положеніемъ 1827 года и слѣдующими послѣ сего узаконеніями не уничтожено право пользованія татаръ, по то время принадлежавшее имъ подъ условіемъ исправленія повинностей, установленнымъ рѣшеніемъ комиссіи для разбора споровъ по землямъ; оно должно было служить лишь новымъ средствомъ для установленія ясности и опредѣленности въ поземельномъ владѣніи въ Крымскомъ полуостровѣ посредствомъ облеченія въ письменную форму правъ татаръ на помѣщичьи земли. Что именно цѣль, преслѣдуемая законодателемъ при изданіи Положенія 1827 года, была такова, въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ разсмотрѣніе мотивовъ къ воспослѣдовавшему 21 февраля 1833 года Высочайшему указу о поземельномъ правѣ въ Таврическомъ полуостровѣ и облегченію въ оном межеванія (Полн. Соб. Зак. 1833 г. № 5594). Въ указѣ этомъ буквально изображено, что со времени присоединенія Таврическаго полуострова къ Россіи пріемлемы были правительствомъ разныя мѣры, чтобы неясное поземельное право сей страны привести сколь можно къ опредѣленнымъ началамъ. Съ сею цѣлью въ 1794 году утверждены за владѣльцами, безъ различія состояній, земли и другія дворянскія имѣнія въ потомственномъ владѣніи; въ 1802 году мая 19-го изданы были, а въ 1804 году апрѣля 23 дополнены особыя правила для разбора о земляхъ споровъ, возродившихся изъ смѣшенія древняго права съ новымъ. Но правила сіи, обнимавшія только главные роды владѣній, не могли служить полнымъ и постояннымъ руководствомъ, а, между тѣмъ, и самое межеваніе, предпринятое въ Крыму на общихъ межевыхъ началахъ, но могло разрѣшить всѣхъ спорныхъ случаевъ, возникающихъ отъ особеннаго свойства тамошнихъ владѣній. Все сіе побудило правительство обратиться къ новымъ мѣрамъ. Вслѣдствіе чего издано, между прочимъ, въ 1827 году сентября 28 особое положеніе о правахъ поземельнаго владѣнія. Вышеизложенному выводу о томъ, что 908 ст. не касается существа права пользованія татаръ помянутыми землями, признаннаго обязательнымъ для владѣльцевъ этихъ земель рѣшеніемъ комиссіи, не противорѣчитъ и § 29 Положенія 1827 года, въ которомъ установлено, что земли, древнимъ и новымъ помѣщикамъ принадлежащія и бывшею комиссіею для разбора по землямъ споровъ за ними утвержденныя, составляютъ неотъемлемую ихъ собственность. Признаніе за татарами права безсрочнаго, а не временнаго, отъ произвола помѣщика зависящаго, и притомъ вещнаго, а не обязательственнаго права пользованія тѣми землями, которыя утверждены были въ неотъемлемую собственность помѣщиковъ, не уничтожаетъ права собственности помѣщиковъ, но ограничиваетъ его, установляя одинъ изъ видовъ неполной собственности, предусмотрѣнной 432 ст. X Т. I ч. Признавая такимъ образомъ, что право пользованія татаръ Крымскаго полуострова помѣщичьими землями въ объемѣ, признанномъ обязательнымъ въ рѣшеніи комиссіи для разбора споровъ по землямъ въ Крыму, не отмѣнено послѣдующими узаконеніями, и примѣняя это начало къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Окружный Судъ пришелъ къ выводу, что право пользованія татаръ деревни Біюкъ-Яникой земля-

ми, состоящими въ Тавельской дачѣ полковника Попова, за отбываніе повинностей, установленныхъ рѣшеніемъ комиссіи, 19 іюня 1808 г. состоявшимся, не уничтожено указанными истцомъ узаконеніями, и что таковое не утрачено, какъ доказываетъ повѣренный Попова ни вслѣдствіе неосуществленія онаго въ теченіе земской давности, ни въ силу особыхъ условій, заключенныхъ по этому предмету спорящими сторонами, такъ какъ съ одной стороны, не только спрошенные подъ присягою 10 свидѣтелей, представленныхъ отвѣтчиками, но и свидѣтелями со стороны истца, объяснили: первые—что татары по 1874 годъ непрерывно пользовались спорными нынѣ 7-ю участками безъ отбыванія какихъ-либо повинностей, а вторые—съ платою десятины, а съ другой стороны, истецъ не только не представилъ въ Судъ самыхъ актовъ, опредѣляющихъ новыя повинности, за отправленіе которыхъ владѣлецъ Тавельской дачи разрѣшаетъ татарамъ деревни Біюкъ-Яникой пользоваться его землями, но имѣющимися въ дѣлѣ документами, а именно, отношеніемъ Симферопольскаго окружнаго начальника отъ 1860 года и опредѣленіемъ Симферопольскаго уѣзднаго полицейскаго управленія 1 го марта 1874 года доказывается, что письменныхъ договоровъ объ этихъ повинностяхъ обществомъ татаръ деревни Біюкъ Яникой заключаемо не было. Такимъ образомъ явствуетъ, что за татарами деревни Біюкъ Яникой и въ настоящее время должно быть признано неотемлемое право пользованія землями Тавельской дачи въ предѣлахъ, въ корыхъ право это имъ принадлежало по рѣшенію комиссіи 19 іюня 1808 года, и что посему ходатайство отвѣтчиковъ о возстановленіи нарушеннаго истцомъ права пользованія, какъ вполнѣ законное, заслуживаетъ уваженія, искъ же полковника Попова объ изъятіи изъ владѣнія отвѣтчиковъ 7 участковъ земли въ Тавельской дачѣ, входящихъ въ составъ тѣхъ земель, которыми татары пользовались по рѣшенію комиссіи 1808 года, какъ противорѣчащій вышеизложеннымъ выводамъ, падаетъ самъ собою. По всѣмъ симъ соображеніямъ и руководствуясь 433, 514, 531 и 690 ст. Т. X ч. I, 339 и 366 ст. Уст. Гр. Суд., Симферопольскій Окружный Судъ опредѣлилъ: 1) въ искѣ Попова отказать; 2) признать за обществомъ поселянъ татаръ деревни Біюкъ-Яникой право неотъемлемаго пользованія землею въ Тавельской дачѣ истца Попова, съ платою ему повинностей на точномъ основаніи рѣшенія бывшей въ Крыму комиссіи для *разбора споровъ по землямъ, состоявшагося 19 іюня 1808 г., и возстановить* таковое право поселянъ означеннаго общества, нарушеннаго Поповомъ. Въ принесенной на это рѣшеніе апелляціонной жалобѣ истецъ Поповъ излагаетъ: что главное соображеніе, руководившее судъ въ постановленіи помянутаго рѣшенія, заключается въ томъ, что, по мнѣнію суда, рѣшеніе комиссіи 1808 г. окончательно установило на будущее время земельныя отношенія между помѣщикомъ, собственникомъ Тавельской дачи, и татарами деревни Біюкъ Яникой, и что такимъ образомъ татары имѣютъ право вѣчнаго пользованія землями этой дачи за повинности, въ томъ рѣшеніи установленныя. Это соображеніе кажется апеллятору неосновательнымъ по слѣдующимъ причинамъ: комиссія, разбирая споръ, возникшій между дѣдомъ истца какъ собственникомъ Тавельской дачи, и татарами деревень Біюкъ Яникой и Аянъ, рѣшеніемъ 19-го іюня 1808 года признала: 1) за Поповымъ право собственности на Тавельскую дачу; 2) за татарами право собственности на дома, дворы и огороды ихъ въ количествѣ (какъ оно впослѣдствіи опредѣлилось) 32 десятинъ 1293 саженъ по деревнѣ Біюкъ-Яникой и 16 десятинъ 1153 саженъ по деревнѣ Аянъ, и 3) предоставила татарамъ этихъ деревень неотъемлемо пользоваться остальными землями Тавельской дачи за опредѣленныя повинности, но при этомъ присовокупила: пока о сихъ повинностяхъ сдѣлано будетъ комиссіею особое положеніе и таковое удостоится Высочайшаго утвержденія. Это добавленіе, сдѣланное комиссіею къ своему рѣшенію 19 іюня 1808 года, ясно доказываетъ, что комиссія вовсе не установляла вѣчнаго, безсрочнаго пользованія для татаръ землями Тавельской дачи. Она установила лишь, чтобы право пользованія татаръ этими землями не могло быть по волѣ помѣщика отъ нихъ отнято и чтобы платимыя ими повинности не могли быть увеличены, доколѣ не состоится особое положеніе, которое должно было нормировать на будущее время отношеніе помѣщиковъ

къ татарамъ-поселянамъ. Такое именно положеніе состоялось 28 сентября 1827 года, и, слѣдовательно, дальнѣйшія отношенія между помѣщиками и татарами поселянами, въ случаѣ спора, должны быть разрѣшаемы на основаніи этого положенія, а не на основаніи рѣшенія комиссіи 1808 года. Изъ §§ 23, 18 и 19 Положенія 28 сентября 1827 года, очевидно, что сіе Положеніе точно также не имѣло въ виду установлять для татаръ права пользованія помѣщичьими землями на правахъ вѣчнаго, безсрочнаго арендованія съ разъ навсегда опредѣленными повинностями, какъ это полагаетъ Окружный Судъ. Напротивъ того, Положеніе это предоставило помѣщикамъ право вовсе не отдавать своихъ земель въ пользованіе татарамъ (§ 23), право же татаръ пользоваться землями помѣщиковъ не установлено ни въ какихъ заранѣе опредѣленныхъ условіяхъ, а предоставлено взаимному согласію обѣихъ сторонъ (§§ 18 и 19). Отсюда ясно слѣдуетъ: 1) что ходатайство татаръ деревни Біюкъ-Яникой о признаніи за ними права вѣчнаго пользованія принадлежащими апеллятору землями Тавельской дачи на условіяхъ платежа повинностей въ размѣрѣ, опредѣленномъ рѣшеніемъ комиссіи 1808 года, лишено законнаго основанія, и 2) что татары деревни Біюкъ Яникой не имѣютъ права пользоваться принадлежищами истцу землями Тавельской дачи, не заключивъ съ нимъ предварительно письменнаго условія по добровольному обѣихъ сторонъ согласію. Стало быть, встрѣчный искъ татаръ деревни Біюкъ-Яникой представляется вполнѣ неосновательнымъ, а, напротивъ того, требованіе апеллятора объ изъятіи изъ ихъ пользованія участковъ, которыми они завладѣли, не получивъ на то права по соглашенію съ апелляторомъ, должно быть удовлетворено. Независимо отъ сего, изъ представленныхъ со стороны апеллятора документовъ видно, что, начиная съ 30 хъ годовъ и по 1851 годъ, между собственниками Тавельской дачи и татарами деревни Біюкъ Яникой неоднократно возникали споры о пользованіи землями этой дачи, и споры эти всегда оканчивались не на основаніи рѣшенія комиссія 1808 года, а на основаніи временныхъ соглашеній, которыя и исполнялись татарами, пока они вновь не возбуждали споровъ. Такъ изъ отношенія Симферопольскаго окружнаго начальника отъ 19 марта 1860 года № 450 видно, что въ 1840 году существовалъ контрактъ на отдачу экономіею земли въ пользованіе татаръ. Такъ, затѣмъ, вслѣдствіе происходившихъ до 1851 года споровъ, татары дали 2 октября 1851 г. подписку, оплаченную мировою пошлиною, гдѣ они, прекративъ бывшіе до того времени споры, обязались не завладѣвать болѣе землею апеллятора. Съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени татары пользовались землями Тавельской дачи не иначе, какъ по указанію экономіи апеллятора, и всегда правильно отбывали повинности, которыя установлялись между ними и экономіею по взаимному согласію, и лишь въ 70-хъ годахъ возникли споры, подавшіе поводъ къ разнымъ искамъ, а въ томъ числѣ и къ настоящему процессу. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что и сами татары до послѣдняго времени вовсе не думали основывать правъ на рѣшеніи комиссіи 1808 года, которое имѣетъ въ настоящее время силу лишь настолько, насколько оно разграничило отдѣльную собственность татаръ отъ отдѣльной собственности помѣщика Тавельской дачи, но отнюдь не по отношенію къ условіямъ пользованія татаръ помѣщичьею землею, такъ какъ по этому предмету оно вполнѣ замѣнено Положеніемъ 1827 года. По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ Поповъ просилъ Судебную Палату: 1) отмѣнить рѣшеніе Окружнаго Суда; 2) во встрѣчномъ искѣ обществу татаръ-поселянъ деревни Біюкъ Яникой отказать и 3) постановить рѣшеніе объ изъятіи изъ владѣнія общества поселянъ деревни Біюкъ-Яникой семи участковъ земли. Въ объясненіи на эту апелляцію повѣренный отвѣтчиковъ, Черевко, развивая прежніе свои доводы и дѣлая историческій обзоръ всего хода настоящаго дѣла со времени присоединенія Крымскаго полуострова къ Россійской Имперіи, между прочимъ, присовокупляетъ: 1) что такъ какъ десятинная поземельная подать съ татаръ, прежде взимавшаяся ханомъ, съ поступленіемъ Крыма въ составъ Россіи, сдѣлалась достояніемъ казны и отъ нея никому никогда уступаема или дарима не была, то несомнѣнно, что оставленіемъ во владѣніи Попова перворазрядной ханской земли (I и VII ст. правилъ 19-го мая 1802 года) посредствомъ полученія за оную отъ татаръ десятинной по-

дати нарушаются права одной лишь казны, и отвѣтчикамъ нѣтъ въ настоящее время никакого интереса касаться этого вопроса, тѣмъ болѣе, что для нихъ безразлично, кому платить эту подать за земли, бывшія у нихъ въ пользованіи болѣе 60 ти лѣтъ послѣ рѣшенія комиссіи, кромѣ, конечно, огородовъ, которыми они владѣютъ понынѣ на правѣ собственности безъ всякихъ повинностей, ибо огороды эти устроены ихъ предками, прилегаютъ къ татарскимъ домамъ и дворамъ и сообщаются съ послѣдними входами, а на одномъ изъ нихъ издавна устроено и нынѣ существуетъ татарское кладбище, загроможденное памятниками, и по одному убѣжденію совѣсти, совершенно ненужное для Попова. Хотя же въ 1837 и 1838 годахъ управляющій имѣніемъ Попова и опекунша Елена Попова и поднимали въ земскомъ судѣ и губернскомъ правленіи вопросъ о выселеніи татаръ изъ Тавельской дачи, но какъ это ходатайство, такъ и дѣлавшаяся Поповымъ въ 1839 году попытка ограничить права татаръ по рѣшенію комиссіи 1808 года остались безуспѣшными, и татары продолжали пользоваться своимъ правомъ до 1874 года; 2) указываемое апелляторомъ Положеніе 28 сентября 1827 года не отмѣнило правилъ 19 мая 1802 года, на коихъ основано рѣшеніе комиссіи 1808 года, но даже не можетъ быть примѣнено къ настоящему дѣлу, ибо *прямой смыслъ сказаннаго Положенія показываетъ, что въ немъ изложены* правила, могущія относиться до новаго поселенія татаръ по обоюднымъ добровольнымъ съ ними условіямъ, и притомъ на такъ называемыхъ мурзинскихъ земляхъ, которыя отнесены въ 1802 году ко второму разряду крымскихъ земель и которыхъ пріобрѣтено Поповымъ въ Тавельской дачѣ около 213½ десятинъ. Толковать же означенное Положеніе 1827 года въ другомъ смыслѣ и допускать его примѣненіе къ настоящему дѣлу значило бы приходить къ убѣжденію, что отнесенныя, по правиламъ 1802 года, къ первому разряду ханскія земли слѣдуетъ считать, по § 10 Положенія 1827 г., общественными, казенными, долженствующими остаться въ пользованіи татаръ навсегда и приносящими Попову по рѣшенію 1808 г. пользу изъ возложенныхъ на татаръ повинностей, до тѣхъ только поръ, пока не послѣдуетъ о сихъ повинностяхъ особаго положенія, коимъ, можетъ быть, это пользованіе Попова будетъ прекращено и возвращено казнѣ, никогда ему такового не уступавшей и за нимъ онаго посредствомъ высшаго начальства до нынѣ не утвердившей; 3) предполагавшееся комиссіею въ 1808 году особое положеніе объ измѣненіи повинностей татаръ до настоящаго времени еще не послѣдовало, ожидать его въ такомъ смыслѣ, какъ полагаетъ апелляторъ, едва ли даже и возможно, если принять во вниманіе рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ послѣ того времени и свидѣтельствующихъ о попеченіяхъ его по предмету устройства сельскаго состоянія, какъ, напримѣръ, Высочайшій рескриптъ 9-го апрѣля 1804 г. о воспрещеніи крымскимъ дворянамъ пріобрѣтать ясыръ, изданный въ 1835 г. и вошедшій въ 960 ст. I ч. X Т., законъ о воспрещеніи отвода казенныхъ земель въ Новороссійскихъ губерніяхъ даже по пожалованію и объ оставленіи таковыхъ земель для надѣленія поселянъ, Высочайше утв. мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 9/21 іюня 1873 года объ оставленіи во владѣніи поселянъ даже и такихъ земель, которыя по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ были бы признаны собственностью постороннихъ лицъ, послѣдовавшее 28 іюля 1877 года Высочайшее повелѣніе о немедленномъ пріостановленіи исполненія рѣшеній судебныхъ мѣстъ по нарушенію правъ поселянъ на совершенно однородное настоящему дѣлу вѣчное чиншевое пользованіе землями и разныя другія; 4) ссылка Попова на контрактъ 1840 года и подписку татаръ отъ 2 октября 1851 года опровергается тѣмъ, что если бы рѣшеніе комиссіи 1808 года было отмѣнено для общества поселянъ-татаръ, то оно въ равной мѣрѣ было бы отмѣнено и для Попова, и послѣднему въ такомъ случаѣ не предстояло бы надобности представлять оное суду къ качествѣ основанія правъ его на землю въ Тавельской дачѣ; между тѣмъ, общество татаръ и уполномоченные отъ его лица, оставаясь при дарованныхъ имъ по рѣшенію 1808 года правахъ на землю, не только никакихъ договоровъ о пользованіи ею съ Поповымъ не заключали и подписокъ по этому предмету не выдавали, но даже не знали о существованіи подобныхъ документовъ, доказательствомъ чему служитъ непредставленіе Поповымъ къ сему

дѣлу ни приговоровъ общества о выданныхъ на основаніи ихъ довѣренностяхъ, ни даже удостовѣреній казенной палаты или другихъ мѣстъ о существовавшемъ когда-либо совершеніи таковыхъ, тогда какъ если бы таковые акты въ дѣйствительности существовали, то по нимъ можно было бы судить, насколько они касаются общества поселянъ и обязательны для нихъ, если обязательны, то до какого срока, причемъ, если срокъ еще не наступилъ, то истцу слѣдовало бы указать причины, по которымъ онъ не допускаетъ отвѣтчиковъ къ пользованію предметомъ договоровъ, а если условленный срокъ уже миновалъ, то апеллятору надлежало бы, въ силу приводимаго имъ Положенія 1827 года, просить судебное мѣсто о выселеніи татаръ изъ его земли, но не нарушать ихъ правъ самовольно, такъ какъ по закону всякое, даже и незаконное владѣніе, нарушаемое частнымъ лицомъ самовольно, возстановляется судомъ. По симъ обстоятельствамъ и въ виду всѣхъ прежде высказанныхъ объясненій Черевко просилъ Судебную Палату: утвердивъ рѣшеніе Окружнаго Суда, апелляціонную жалобу Попова оставить безъ уваженія. Въ засѣданіи Палаты 11 іюля 1879 г. повѣренный Попова, Герардъ, доказывалъ: что сущность настоящаго дѣла состоитъ въ разрѣшеніи поземельныхъ споровъ, возникшихъ въ Тавельской дачѣ между полковникомъ Поповымъ и обществомъ татаръ деревни Біюкъ Яникой, каковые споры заключаются не въ одномъ лишь требованіи Попова, но и во встрѣчномъ требованіи со стороны татаръ, претендующихъ не только на признаніе за ними правъ собственности на 7 поземельныхъ участковъ, составляющихъ, будто бы, ихъ усадебныя поля или огороды, но и на признаніе за ними права, въ силу рѣшенія комиссіи 1808 г., на вѣчное пользованіе остальными землями Тавельской дачи. Поэтому, если встрѣчныя требованія татаръ будутъ опровергнуты и обнаружится ихъ неосновательность, то тѣмъ самымъ будетъ доказанъ и искъ Попова. Встрѣчное требованіе татаръ по предмету признанія за ними права собственности на 7 земельныхъ участковъ, распаханныхъ ими еще въ 1875 г., опровергается: а) представляемою копіею рѣшенія Судебной Палаты отъ 12 января 1877 года, каковымъ рѣшеніемъ признано за татарами дер. Біюкъ-Яникой право собственности на 32 десятины съ саженями, между тѣмъ, какъ требуемые ими нынѣ 7 участковъ не входятъ въ составъ указанныхъ 32 десятинъ, что и было признано отвѣтчиками въ засѣданіи суда 7 іюля 1878 года, и б) неправильнымъ примѣненіемъ къ спорнымъ 7 участкамъ татарскаго слова „кара“, такъ какъ участки эти не составляютъ усадебныхъ мѣстъ, производящихъ овощи, а суть обыкновенныя сѣнокосныя и полевыя земли, къ коимъ названіе огородовъ принадлежать никакъ уже не можетъ. Другое требованіе татаръ, выводимое ими изъ рѣшенія комиссіи 1808 года, устраняется отмѣною положеній этой комиссіи силою закона 28 сентября 1827 года. Доказывая это обстоятельство рядомъ законодательныхъ мѣръ правительства по вопросу объ устройствѣ поземельныхъ отношеній на Крымскомъ полуостровѣ, а именно указомъ 19 октября 1796 года, правилами 19 мая 1802 года, дополнительнымъ къ нимъ закономъ 23 апрѣля 1804 г. и, наконецъ, Положеніемъ 28 сентября 1827 г., Герардъ выражалъ убѣжденіе, что такъ какъ этимъ послѣднимъ узаконеніемъ окончательно нормированы поземельныя отношенія въ трехъ видахъ: 1) въ признаніи за татарами права перехода; 2) въ признаніи за владѣльцами права держать или не держать татаръ и 3) въ признаніи за обѣими сторонами права на обоюдное письменное согласіе при пользованіи татарами землею помѣщика, то такой органическій законъ не могъ уже оставить въ силѣ временныхъ распоряженій комиссіи по вопросу о пользованіи татаръ землями Тавельской дачи. Повѣренный же татаръ, Черевко, продолжая настаивать на правильности сдѣланныхъ въ его объясненіи выводовъ, между прочимъ, присовокупилъ: а) что копія рѣшенія Палаты отъ 12 января 1877 года служитъ доказательствомъ въ пользу его вѣрителей, ибо тамъ признана законная сила за рѣшеніемъ комиссіи 1808 года, на которомъ собственно и основываются требованія татаръ, и б) что Положеніе 1827 года вовсе не касается случаевъ, гдѣ имѣется въ виду право неполной собственности, а потому и признавать его имѣющимъ какое бы то ни было вліяніе на рѣшеніе 1808 года нѣтъ ни малѣйшаго законнаго повода. Изъ предста-

вленныхъ Герардомъ документовъ видно: 1) изъ рѣшенія Судебной Палаты отъ 12 января 1877 г., что ею утверждено рѣшеніе Симферопольскаго Окружнаго Суда, который опредѣлилъ: значащіяся въ рѣшеніи комиссіи для разбора поземельныхъ споровъ въ Крыму, послѣдовавшемъ 19 іюня 1808 г., усадебныя земли подъ поселеніемъ д. Біюкъ-Яникой 32 дес. 1293 саж. и деревни Аянъ 16 дес. 1153 саж. признать собственностью общества гатаръ тѣхъ деревень; 2) изъ вводнаго листа отъ 17-го октября 1873 г., что истецъ Поповъ введенъ во владѣніе Тавельскою дачею по раздѣльному акту 1858 года, причемъ дача эта, простираясь на 4877 десятинъ 1645 саж., граничитъ въ одномъ мѣстѣ съ общественнымъ владѣніемъ аянскихъ татаръ, лѣсомъ и пастбищною землею біюкъ-яникойскихъ татаръ. Входя въ обсужденіе настоящаго дѣла, Судебная Палата усмотрѣла, что оно состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: а) изъ иска полковника Попова къ обществу татаръ-поселянъ д. Біюкъ Яникой объ изъятіи изъ владѣнія отвѣтчиковъ принадлежащихъ ему въ Тавельской дачѣ 7 разноименныхъ земельныхъ участковъ и б) изъ встрѣчной претензіи отвѣтчиковъ къ Попову о признаніи за ними неотъемлемаго права пользованія въ Тавельской дачѣ землями въ тѣхъ предѣлахъ, какіе установлены для нихъ рѣшеніемъ крымской комиссіи отъ 19 іюня 1808 г., а именно съ исправленіемъ Попову повинностей въ видѣ отдѣленія со всего десятинной подати и отбываніи личной работы отъ 5—8 дней въ году. Начатіе повѣреннымъ Попова, Кулаковымъ, въ 1876 г. перваго изъ сихъ исковъ вызвано было, судя по содержанію исковой просьбы его, тѣмъ исключительно обстоятельствомъ, что отвѣтчики, коимъ крымская комиссія присудила въ 1808 г. изъ Тавельской дачи истца въ собственность одни лишь усадьбы и огороды, а въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ всѣ остальныя земли, несмотря на то, что сіе послѣднее право оставлялось ими до 1875 г. или вовсе безъ осуществленія, съ цѣлью избѣжать отбыванія возложенныхъ на нихъ комиссіею повинностей, или же осуществлялось нѣкоторыми изъ татаръ, по взаимному согласію съ Тавельскою экономіею, за особую денежную плату, въ 1875 и 1876 гг. самовольно распахали и засѣяли 7 входящихъ въ составъ дачи участковъ и воспользовались собраннымъ съ нихъ хлѣбомъ и сѣномъ безъ выдачи ему, Попову, десятой части оныхъ. Защищаясь противу такого иска Попова содержаніемъ прописаннаго выше рѣшенія комиссіи, отвѣтчики не остановились на сгруппированіи обстоятельствъ, оправдывающихъ распашку и обсѣмененіе ими поименованныхъ Поповымъ участковъ, а стали еще доказывать право свое на подобное же пользованіе и прочими землями Попова въ Тавельской дачѣ, о чемъ предъявили въ судѣ особое ходатайство въ формѣ встрѣчнаго иска къ Попову. Подробное разсмотрѣніе основаній и доводовъ, которыми подкрѣпляетъ каждая изъ сторонъ заявленныя ими въ судѣ исковыя требованія, привело Палату къ необходимости обратиться прежде всего къ вопросу о томъ, сохранило ли донынѣ свою практическую силу рѣшеніе комиссіи 19 іюня 1808 г. и не должны ли считаться измѣнившимися установленныя имъ поземельныя отношенія біюкъ яникойскихъ татаръ въ Тавельской дачѣ Попова, въ виду изданныхъ послѣ того времени правительствомъ узаконеній. Положеніе, въ которомъ застала комиссія 1808 г. подлежавшій ея разбору споръ біюкъ-яникойскихъ татаръ-поселянъ съ тайнымъ совѣтникомъ Поповымъ было таково, что ей для одновременнаго соблюденія и закона, и распоряженія генералъ губернатора кн. Потемкина по раздачѣ земель необходимо было прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, которая бы, оставляя, по § 28 правилъ 23 апрѣля 1804 г., неприкосновеннымъ издавна укоренившійся въ Тавельской дачѣ поземельный бытъ тамошнихъ татаръ поселянъ, сообщала указанному русскими властями новому владѣльцу той дачи всѣ свойства преемника прежнихъ ея распорядителей. А такъ какъ преемство это влекло за собою обязанность принять отводимое имѣніе со всѣми прежде существовавшими на немъ ограниченіями, то, въ силу сего обстоятельства и имѣя въ виду распоряженіе правительства о составленіи правилъ по отбыванію татарами поселянами лежавшихъ на нихъ по прежнимъ магометанскимъ законамъ повинностей, комиссія установила: а) чтобы земли, которыя носятъ названіе

усадебныхъ и, по 28 § правилъ 23 апрѣля 1804 года, должны составлять собственность поселянъ, подлежащую ихъ неограниченному распоряженію, оставались и на будущее время въ томъ же положеніи, и б) чтобы на остальныя земли Тавельской дачи, утверждаемыя за Поповымъ, татары имѣли неотъемлемое право пользованія подъ условіемъ отбыванія помѣщику десятинной подати и личной работы отъ 5—8 дней въ году, пока о сихъ повинностяхъ не сдѣлано будетъ комиссіею особое положеніе и таковое удостоится Высочайшаго утвержденія. Эта послѣдняя оговорка комиссіи послужила для Попова и его повѣреннаго поводомъ къ утвержденію, что, съ изданіемъ 28 сентября 1827 года особаго положенія для татаръ-поселянъ и владѣльцевъ земель въ Таврической губерніи, прежнія отношенія отвѣтчиковъ къ Тавельской экономіи должны были уже прекратиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и онъ, Поповъ, получилъ всѣ права, предоставляемыя ему, какъ крымскому землевладѣльцу, новымъ положеніемъ. Но съ подобнымъ толкованіемъ истца Палата не можетъ согласиться, сколько потому, что, по общему правилу основныхъ законовъ, никакой вновь изданный законъ обратной силы не имѣетъ, если въ немъ не упомянуто, что дѣйстіе его распространяется и на предыдущее время, столько же и по той причинѣ, что въ этомъ новомъ положеніи, содержащемъ въ себѣ правила о порядкѣ заселенія татаръ на земляхъ полныхъ собственниковъ, ничего не говорится о лицахъ, вотчинныя права коихъ на землю ограничены какими либо условіями, и, стало быть, распространять эти правила на Попова послѣ того, какъ права его на владѣніе Тавельскою дачею съ самаго перваго момента утвержденія оныхъ комиссіею подвергались разнымъ въ пользу біюкъ яникойскихъ татаръ поселянъ ограниченіямъ, не предвидится ни малѣйшаго законнаго основанія, тѣмъ болѣе, что и самая оговорка комиссіи въ рѣшеніи 1808 года касалась не права татаръ на пользованіе Тавельскими землями Попова, окончаттельно за ними признаннаго и уменьшенію или измѣненію въ пользу новаго владѣльца не подлежавшаго, а только характера самыхъ повинностей, для него татарами по сему рѣшенію отбываемыхъ, измѣненіе какового характера во всякое время зависитъ отъ свободнаго соглашенія сторонъ, лишь бы таковое было выражено въ письменной формѣ и совершеніе его согласовалось съ установленными для сего въ законахъ правилами. Другое обстоятельство, которымъ истецъ пытается поколебать силу рѣшенія комиссіи 1808 года, состоитъ, по его объясненію, въ томъ, что татары поселяне дер. Біюкъ-Яникой дарованнаго имъ въ то время права до 1875 года вовсе не осуществляли, а если и были между ними желающіе пользоваться его землями въ Тавельской дачѣ, то за это пользованіе платились деньги по взаимному съ экономіею соглашенію, а не отбывались установленныя комиссіею повинности. Но и это объясненіе, подобно первому, тоже оказывается неосновательнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) контрактъ 1840 года, на который сдѣлана ссылка въ отношеніи окружнаго начальника за № 450, къ дѣлу сему не представленъ, и лица, его совершившія, остаются неизвѣстными, а потому и въ виду недоказанности, что въ совершеніи этого договора участвовало біюкъ-яникойское общество, а не отдѣльныя лица тамошнихъ татаръ поселянъ, контрактъ сей никакого вліянія на дѣло оказать не можетъ; 2) подобно сему нѣтъ никакого основанія распространять на біюкъ яникойское общество и послѣдствій мировой подписки какихъ то татаръ отъ 2 октября 1851 года, о которой упоминается въ постановленіи губернскаго правленія отъ 30 ноября того же года и которою, будто бы, прекращались всѣ возникавшіе до того времени поземельные споры біюкъ яникойскаго общества; 3) рядъ производствъ, возникшихъ въ Симферопольской полиціи и Таврическомъ губернскомъ правленіи послѣ 1837 года по вопросу о переселеніи татаръ деревни Біюкъ-Яникой, предложеніи имъ новыхъ условій пользованія землями Попова, также не можетъ имѣть для татарскаго общества никакого значенія, ибо обсужденіе о правахъ вообще, а слѣдовательно, и передача ихъ отъ одного лица къ другому, предоставлено закономъ исключительно судебной власти, а не административнымъ мѣстамъ, и, слѣдовательно, если бы со стороны сихъ мѣстъ и были сдѣланы какія-либо въ отмѣну рѣшенія комиссіи 1808 года распоря-

женія, то ими отнюдь не могли измѣниться взаимныя поземельныя отношенія сторонъ и самый характеръ владѣнія Попова Тавельскою дачею съ ея окружностью; 4) ссылка на свидѣтелей, какъ опровергнутая выставленными отъ отвѣтчиковъ лицами вполнѣ, а представленными самимъ истцомъ—только отчасти, тоже оказывается неоправдавшеюся. Наконецъ, 5) рѣшеніе Судебной Палаты 12 января 1877 г. и упоминаемый въ ономъ вводный листъ 1873 г. по содержанію своему составляютъ совершенно неидущіе къ настоящему дѣлу документы, а слѣдовательно, и подвергать ихъ сущность болѣе подробному разсмотрѣнію не представляется нынѣ для Палаты законнаго основанія. Въ виду всего изложеннаго, признавая, что Симферопольскій Окружный Судъ, отказавъ въ искѣ Попова и уваживъ встрѣчныя требованія отвѣтчиковъ, поступилъ вполнѣ правильно и согласно съ приведенными въ рѣшеніи его законами, Судебная Палата рѣшеніе Окружнаго Суда оставила въ силѣ. На рѣшеніе Одесской Судебной Палаты повѣренный полковника Попова, присяжный повѣренный Герардъ, принесъ кассаціонную жалобу, въ коей находитъ рѣшеніе это основаннымъ на неправильномъ толкованіи и неправильномъ примѣненіи законовъ и состоявшагося въ 1808 году рѣшенія комиссіи для разбора споровъ въ Крыму. I) Палата постановила признать за обществомъ поселянъ деревни Біюкъ Яникой право неотъемлемаго пользованія землею въ Тавельской дачѣ Попова съ платою ему повинностей на точномъ основаніи рѣшенія бывшей въ Крыму комиссіи для разбора споровъ по землямъ, состоявшагося 19 іюня 1808 года, и возстановить такое право поселянъ нарушенное Поповымъ. Право это, по заключенію суда, вѣчное, безспорное, принадлежащее поселянамъ, непосредственно по отношенію къ находящемуся въ ихъ пользованіи имѣнію, не зависящее въ продолжительности и объемѣ своемъ отъ воли владѣльца этого имѣнія. Такимъ образомъ, судъ установляетъ въ Тавельской дачѣ Попова (за исключеніемъ татарскихъ усадьбъ) право неполной собственности (ст. 432 и 514 Т. X ч. I) для Попова, которое заключается лишь въ правѣ полученія съ поселянъ, живущихъ на его дачѣ, десятины и личной работы 5—8 дней въ году, за татарами же признаетъ вещное право владѣнія и пользованія всею дачею по своему усмотрѣнію съ отбываніемъ лишь установленныхъ рѣшеніемъ комиссіи повинностей. Такого обширнаго и притомъ вещнаго права для татаръ, поселенныхъ въ Тавельской дачѣ, и ограниченнаго для Попова, рѣшеніе комиссіи отъ 19 іюня 1808 года никогда не установляло. Это очевидно по слѣдующимъ соображеніямъ: комиссія, учрежденная для разбора споровъ въ Крымскомъ полуостровѣ, при постановленіи рѣшенія по спорамъ татаръ съ Поповымъ, состоявшагося 19 іюня 1808 года, руководствовалась спеціально изданными для нея правилами, конфирмованными 19 мая 1802 года и дополненными 23 апрѣля 1804 года. Изъ точнаго смысла закона 19 мая 1802 г. совершенно ясно, что такого рода право, какъ устанавляетъ Симферопольскій Окружный Судъ и Одесская Судебная Палата за татарами дер. Біюкъ Яникой, слѣдуетъ отнести къ землямъ II рода I категоріи, т. е. къ тѣмъ землямъ, мурзамъ принадлежавшимъ и татарами заселеннымъ, которыя они при переселеніи изъ Крыма оставили непроданными и которыя поступили по выморочному праву въ казну. Всѣ же остальныя земли въ Крыму, согласно закону 19 мая 1802 года, составляли I и III рода собственность татаръ, II рода 2 и 3 разрядовъ и IV помѣщиковъ и мурзъ. Комиссія въ рѣшеніи 19 іюня 1808 года Тавельскую дачу къ категоріи земель I рода ханскихъ не причисляла, что очевидно изъ того, что искъ татаръ, требовавшихъ признанія за ними правъ собственности на часть Тавельской дачи, она признала неподлежащимъ удовлетворенію, а всю дачу въ количествѣ 4462 десятинъ комиссія утвердила во владѣніе Попова, какъ правильно ему отведенную. Не причисляла она земель Тавельской дачи и ко II роду I разряда, землямъ, принадлежавшимъ тѣмъ мурзамъ, которые при переселеніи не уступили ихъ никому по законнымъ актамъ укрѣпленія, ибо въ такомъ случаѣ, согласно второму правилу, комиссіи преподанному, онѣ подлежали бы возврату татарамъ, которые имѣли бы право пользоваться ими неотъемлемо на правахъ казенныхъ поселянъ безъ всякаго платежа и отношенія къ помѣщику. Присужденные комиссіею татарамъ усадьбы и огороды отнесены были, какъ отданные

въ ихъ собственность, къ III роду, а присужденныя Попову земли въ той части, какія достались ему по 15 купчимъ крѣпостямъ отъ разныхъ мурзъ, комиссія отнесла, очевидно, согласно второму правилу, къ землямъ II рода и 2 разряда; что же касается до земель, пожалованныхъ Попову въ Тавельской дачѣ, то она отнесла ихъ къ ханскимъ, о которыхъ упоминается въ §§ IV и V закона 1802 года. Это очевидно изъ того, что онѣ внесены были въ камеральное описаніе, составленное при первомъ осмотрѣ присоединеннаго къ Россіи Крымскаго полуострова. Въ это камеральное описаніе, какъ видно изъ содержанія рѣшенія комиссіи, внесены были земли переселившихся магометанъ и грековъ христіанъ подъ №№ 32, 36, 14, 61 и 58 и всѣ земли, принадлежавшія переселеннымъ изъ Крыма при послѣднемъ ханѣ Шагинъ-Гиреѣ грекамъ христіанамъ. Эти то земли, внесенныя въ камеральное описаніе и перешедшія въ вѣдомство казны, и были пожалованы Попову, какъ видно изъ отмѣтокъ на камеральномъ описаніи, о чемъ упоминается дважды въ рѣшеніи комиссіи. Далѣе, изъ свѣдѣній, собранныхъ комиссіею, а именно: изъ сообщенія, сдѣланнаго въ 1784 году таврическимъ муфтіемъ и бывшимъ казнедаромъ Агою (что значитъ министръ финансовъ, онъ же и 1 министръ) губернатору графу Каховскому видно, что земли грековъ христіанъ, вышедшихъ при послѣднемъ крымскомъ ханѣ Шагинъ Гиреѣ, обращены были въ его казну и продавались имъ чрезъ особыхъ комиссіонеровъ или жаловались чиновнымъ людямъ. Такого рода земли совершенно вѣрно признаны были комиссіею ханскими, но принадлежащими не къ I, а къ IV роду и 2 разряду, т.-е. пустопорожними и подлежащими утвержденію во владѣніи за тѣми помѣщиками, которымъ онѣ были уже пожалованы. Если даже допустить, что въ дачѣ Тавельской не всѣ поселяне вышли, а часть ихъ оставалась, и, слѣдовательно, имѣли право на полученіе части земли въ силу § V, то не слѣдуетъ забывать, что поселяне деревни Біюкъ Яникой и владѣютъ по сосѣдству землею въ количествѣ около 1850 десятинъ при деревнѣ Біюкъ-Яникой; земля эта и не вошла въ Тавельскую дачу, отмежеванную въ 1793 г. Попову. Вотъ почему комиссія рѣшеніемъ 19 іюня 1808 г. постановила Тавельскую дачу, какъ она замежевана, утвердить, за исключеніемъ татарскихъ усадьбъ и огородовъ, за Поповымъ. Установивши такимъ образомъ, что земли Тавельской дачи отнесены были въ части ко II роду и 2 разряду, въ части къ IV роду и 2 разряду и, наконецъ, усадьбы татаръ къ III роду, не представляется затруднительнымъ, на основаніи главъ VII, VIII и IX закона 19 мая 1802 г., установить отношенія татаръ, живущихъ въ Тавельской дачѣ, къ владѣльцу Попову. На основаніи гл. VII закона 19 мая 1802 г., татары, поселенные на земляхъ ханскихъ I рода и на усадьбахъ, коими безоброчно владѣли, т.-е. земли III рода, имѣютъ право полной собственности, слѣдовательно, въ отношеніи помѣщиковъ никакихъ обязанностей за пользованіе этой землей не несутъ, равно не несутъ они, согласно второму правилу и той же VII главѣ, никакихъ обязанностей въ отношеніи помѣщиковъ за земли II рода и 1 разряда, отъ мурзъ безъ продажи оставленныя, ибо они имѣютъ на нихъ право какъ казенные поселяне. Обязанность платить десятину и отбывать повинности личною работою помѣщику можетъ имѣть мѣсто только по силѣ IX главы того же закона: 1) когда земля, татарами заселенная, продана или другимъ формальнымъ образомъ отъ мурзъ уступлена помѣщикамъ; 2) когда сами мурзы ею владѣютъ и 3) когда на земли пустопорожнія перешли татары. Комиссія въ рѣшеніи 19 іюня 1808 года опредѣлила: 1) иски татаръ деревни Біюкъ Яникой, Тавели и прочихъ деревень, за исключеніемъ усадьбъ, какъ неосновательные, уничтожить; 2) дачу Тавельскую, какъ она обмежевана, утвердить во владѣніе Попова, живущимъ же на той же дачѣ татарамъ утвердить въ собственность дворы и огороды; прочими же землями дачи предоставить имъ только пользоваться неотъемлемо съ исправленіемъ отъ нихъ помѣщику повинностей, какъ-то: дачею со всего десятинной подати и работою условленныхъ дней отъ 5—8 дней въ году, пока о сихъ повинностяхъ сдѣлано будетъ комиссіею особое положеніе и таковое удостоится Высочайшаго утвержденія. Очевидно, что такое рѣшеніе могло быть постановлено, по силѣ IX главы закона 19 мая 1802 года, лишь въ отношеніи земель, отъ мурзъ по купчимъ

крѣпостямъ Попову уступленныхъ и пожалованныхъ ему ханскихъ пустопорожнихъ земель, ибо только такія земли утверждались во владѣніе помѣщиковъ, согласно второму и пятому правилу, начертанному для комиссіи, и только въ отношеніи этихъ земель татары обязаны были, по силѣ IX главы, платить за пользованіе ими помѣщикамъ повинности. Такимъ образомъ, рѣшеніе комиссіи вполнѣ и основательно разрѣшило вопросъ о происхожденіи земель Тавельской дачи. Остается разрѣшить, на основаніи правилъ 19 мая свойство того неотъемлемаго пользованія, какое предоставлено рѣшеніемъ комиссіи татарамъ біюкъ яникойскаго общества въ Тавельской дачѣ Попова. Свойство это опредѣляется: во 1-хъ) общимъ опредѣленіемъ, майскими правилами, земель II рода, мурзамъ принадлежащихъ; во-2) третьимъ правиломъ, преподаннымъ комиссіи, и въ 3) главою IX майскихъ правилъ. Изъ сопоставленія этихъ правилъ оказывается: во-первыхъ) что право собственности на эти земли имѣли мурзы, а затѣмъ помѣщики, ихъ купившіе; что поселенные на нихъ татары эт го права не имѣли; что хотя симъ послѣднимъ и предоставлено было неотъемлемо пользоваться этими землями за повинности, которыхъ мурзы и новые помѣщики не въ правѣ возвышать, однакожъ, предоставлено было мурзамъ и помѣщикамъ при несогласіи съ татарами выселять ихъ со своихъ земель, а симъ послѣднимъ уничтожать связь съ помѣщикомъ также посредствомъ переселенія. Очевидно, слѣдовательно, что право пользованія, предоставляемое татарамъ закономъ 19 мая 1802 г. и рѣшеніемъ комиссіи 1808 г., не было правомъ вещнымъ, принадлежащимъ поселянамъ непосредственно по отношенію къ имѣнію, коимъ они пользуются, не зависящимъ въ продолжительности и объемѣ своемъ отъ воли владѣльца (какъ признали Судъ и Палата), а имѣло характеръ права обязательственнаго, зависящаго отъ воли сторонъ. Такимъ образомъ, еслибъ и справедливы были соображенія Окружнаго Суда и Палаты, что споръ Попова съ татарами Біюкъ Яникой долженъ быть рѣшенъ единственно на основаніи комиссійскаго рѣшенія 1808 г. и предшествовавшихъ ему узаконеній, и что послѣдующія узаконенія, касавшіяся поземельнаго устройства Крыма, не могутъ имѣть примѣненія къ этому спору, то все же оказывается, что и Судъ и Палата неправильно истолковали рѣшеніе 1808 года и узаконенія, предшествовавшія ему, ибо ни узаконенія эти, ни рѣшеніе 1808 года, на нихъ основанное, не имѣли въ виду установленія для татаръ вѣчнаго пользованія землями Попова за разъ опредѣленныя повинности. II). По, сверхъ того, по мнѣнію кассатора, всѣ соображенія Суда и Палаты, по которымъ они пришли къ тому выводу, что къ дѣлу Попова не можетъ быть примѣнено Положеніе 28 сентября 1827 года для татаръ-поселянъ, владѣльцевъ земель въ Таврической губерніи, представляются вполнѣ неосновательными. 23 апрѣля 1804 года комиссіи, учрежденной для разбора земельныхъ споровъ въ Крыму, были преподаны дополнительныя правила. Правилами этими, ни въ чемъ не измѣняя закона 19 мая 1802 года, какъ это буквально выражено въ § 23, и держась неуклонно началъ, опредѣляющихъ поземельныя права по тому закону, въ дополненіе и вящее поясненіе онаго предписано комиссіи: во-1 хъ) опредѣлить точнѣе повинности и во 2) постановить порядокъ, какимъ подобныя дѣла на будущее время должны будутъ производиться; этотъ свой трудъ комиссія должна была представить на Высочайшее утвержденіе; до того же, пока этотъ трудъ комиссіи удостоится Высочайшаго утвержденія, комиссіи предписано установить status quo существовавшихъ отношеній, въ виду того, что повинности эти были не единообразны, не вытекали изъ экономическихъ условій страны и, постепенно возвышаясь, приближали поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ татаръ къ положенію крѣпостныхъ въ Россіи (чего правительство, какъ видно изъ закона 19 мая 1802 г. и 23 апрѣля 1804 г., особенно опасалось). Такое явленіе замѣчалось чаще въ дачахъ новыхъ россійскихъ помѣщиковъ. Такъ, напримѣръ, татары біюкъ-яникойскіе и тавельскіе жаловались комиссіи на чрезмѣрныя повинности, налагаемыя Поповымъ, которыя, по объясненіямъ ихъ, доходили до 60 дней работы въ году и, сверхъ того, еще состояли въ денежномъ налогѣ за пользованіе Тавельскою дачею. Такимъ образомъ, въ силу § 18 закона 23 апрѣля 1804 года, уже въ то время, какъ комиссія постановляла свои рѣшенія, имѣ-

лось въ виду, что та часть ея рѣшенія, которая установляла повинности, могла имѣть лишь временный характеръ, ибо предвидѣлось, что комиссія должна выработать положеніе о повинностяхъ. Потому то во всѣхъ рѣшеніяхъ комиссіи, въ томъ числѣ и въ разсматриваемомъ нынѣ рѣшеніи по дѣлу Попова отъ 19 іюня 1808 года, комиссія, опредѣляя повинности татаръ къ собственникамъ земли, присовокупила: „пока о сихъ повинностяхъ сдѣлано будетъ комиссіею особое положеніе и таковое удостоится Высочайшаго утвержденія“, положеніе такое состоялось и удостоилось Высочайшаго утвержденія, именно 28 сентября 1827 г.; это ясно видно изъ указа Сената, при которомъ положеніе это было распубликовано. Сентябрьское Положеніе не ограничилось установленіемъ повинностей, но коснулось личныхъ и имущественныхъ правъ казенныхъ татаръ, обитающихъ въ Таврической губерніи, а также имущественныхъ правъ помѣщиковъ дворянъ и другихъ состояній землевладѣльцевъ и отношеній ихъ къ татарамъ, на земляхъ ихъ поселенныхъ. Впрочемъ, Положеніе 1827 года въ отношеніи правъ владѣнія землями Крымскаго полуострова не представляетъ ничего новаго, а повторяетъ (§§ 11, 12, 15, 16, 10, 29, 30 и 31) только то, что установлено было закономъ 19 мая 1802 г. (п.п. I, III, II, VII и VIII) и 23 апрѣля 1804 года. Положеніе 28 сентября 1827 г. существенно дополняетъ узаконенія 19 мая 1802 г. и 23 апрѣля 1804 года только въ установленіи повинности за пользованіе татарами владѣльческими землями. На основаніи 3 правила и IX главы закона 19 мая 1802 г. повинности, отбываемыя татарами за пользованіе помѣщичьими землями, послѣдніе не имѣли права возвышать, тогда какъ по закону 1827 года § 18 эти повинности опредѣляются уже взаимнымъ соглашеніемъ; кромѣ того, послѣднимъ закономъ установляется форма этихъ соглашеній (§ 19), порядокъ разбирательства споровъ за отбываніе сихъ повинностей (§ 20), и, наконецъ, точнѣе опредѣляются способы выселенія татаръ съ помѣщичьихъ земель (§§ 21 и 23). Вотъ почему въ Сводѣ Законовъ Т. IX изданія 1876 г. въ ст. 793, единственно устанавляющей поземельныя отношенія татаръ Таврической губерніи какъ къ казнѣ, такъ и къ частнымъ владѣльцамъ, изъяснено, что они опредѣляются особыми правилами, на сей предметъ изданными, причемъ подъ текстомъ приведены правила только начиная съ 28 сентября, а о законахъ 19 го мая 1802 года и 23 апрѣля 1804 г. уже не упоминается. Такимъ образомъ, и по силѣ 793 стат. IX Т. Положен. 28 сентября 1827 г. обнимаетъ собою отношеніе всѣхъ казенныхъ татаръ къ помѣщикамъ, землями коихъ они пользуются, а не тѣхъ только, какъ полагаетъ Судебная Палата, которые впредь будутъ селиться на помѣщичьихъ земляхъ, что явствуетъ, впрочемъ, и изъ содержанія § 32 Полож. 28 сентября 1827 года. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, каковъ бы ни былъ взглядъ на законъ 28 сентября 1827 года, устанавливаетъ ли онъ тѣ же права по владѣнію землями въ Крымскомъ полуостровѣ, какія установлены были узаконеніями 1802 года и 23 апрѣля 1804 года, или же онъ измѣняетъ въ самомъ существѣ своемъ эти права, во всякомъ случаѣ рѣшеніемъ комиссіи 19 іюня 1808 г. право пользованія татаръ Біюкъ Яникой Тавельской дачей на отбываніе установленныхъ тѣмъ рѣшеніемъ повинностей постановлено подъ условіе наступленія момента утвержденія выработаннаго комиссіею Положенія о повинностяхъ; а таковое утвержденіе законодательною властью совершилось 28 сентября 1827 г. Слѣдовательно, съ этого времени пользованіе татаръ біюкъ-яникойскаго общества Тавельской дачей должно происходить уже на основаніи этого положенія. Такой выводъ очевиденъ изъ сопоставленія резолютивной части рѣшенія 19 іюня 1808 года комиссіи по спору татаръ съ Поповымъ за земли Тавельской дачи съ указомъ, предпосланнымъ Положенію 28 сентября 1827 года. Ш) Окружный Судъ, находя, что въ данномъ дѣлѣ споръ идетъ не о правѣ собственности на 7 участковъ, но лишь о правѣ пользованія ими, и что искъ Попова, какъ и встрѣчный общества, зависитъ отъ силы и значенія рѣшенія комиссіи 19 іюня 1808 г. и руководствуясь тою частью рѣшенія, которая устанавляетъ для татаръ повинности за пользованіе землею Тавельской дачи по точному смыслу § 28 Правилъ, служившихъ основаніемъ комиссіи для установленія тѣхъ повинностей, имѣлъ бы право признать за

обществомъ поселянъ деревни Біюкъ-Яникой право пользованія тѣми участками въ этомъ случаѣ и до тѣхъ поръ, цока они отбывали Попову установленныя рѣшеніемъ комиссіи и законовъ 23 апрѣля 1804 г. повинности. А такъ какъ поселяне-татары этого общества, по признанію повѣреннаго его, сдѣланному на судѣ, не отбывали и не отбываютъ до настоящаго времени никакихъ повинностей за владѣніе и пользованіе спорными 7 участками, то, слѣдовательно, пользованіе это татаръ является незаконнымъ и, слѣдовательно, отказывая Попову въ искѣ объ изъятіи этихъ участковъ изъ незаконнаго владѣнія татаръ, Судъ и Палата, утвердившая по тѣмъ же соображеніямъ рѣшеніе Суда, неправильно примѣнили рѣшеніе комиссіи 1808 г. и нарушили § 28 закона 23 апрѣля 1804 г., на основаніи которыхъ, по мнѣнію Суда и Палаты, настоящее дѣло подлежало разрѣшенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Судъ и Палата нарушили 339 ст. Уст. Гр. Суд., оставивъ вовсе безъ разсмотрѣнія требованія истца объ изъятіи изъ незаконнаго владѣнія татаръ 7 участковъ земли въ Тавельской дачѣ, въ виду того, что они никакихъ повинностей за пользованіе оной истцу Попову не платятъ и владѣютъ спорными участ. на правѣ полной собственности. На основаніи изложеннаго, считая рѣшеніе Одесской Судебной Палаты постановленнымъ съ явнымъ нарушеніемъ смысла узаконеній 19 мая 1802 г., 23 апрѣля 1804 г., 28 сентября 1827 г. и Свод. Зак. IX Т. Зак. о сост. ст. 793 Уст. Гр. Суд. ст. 339 и неправильнымъ толкованіемъ рѣшенія комиссіи по разбору поземельныхъ споровъ въ Крыму, состоявшемуся 19 іюня 1808 г., присяжный повѣренный Герардъ проситъ Правительствующій Сенатъ рѣшеніе это отмѣнить. Въ объясненіи противъ кассаціонной жалобы повѣренный общества поселянъ-татаръ деревни Біюкъ Яникой, титулярный совѣтникъ Черевко, опровергаетъ эту жалобу и проситъ объ оставленіи ея безъ послѣдствій.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣренныхъ Попова, присяжныхъ повѣренныхъ Герарда и Боровиковскаго, и повѣреннаго общества поселянъ деревни Біюкъ-Яникой, титулярнаго совѣтника Черевка, и заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ кассаціонной жалобѣ своей присяжный повѣренный Герардъ указываетъ на неправильное истолкованіе Судебною Палатою рѣшенія комиссіи отъ 19 іюня 1808 года и узаконеній, предшествовавшихъ ему, объясняя, что ни узаконенія сіи, ни рѣшеніе 1808 года, на нихъ основанное, не имѣли въ виду установить для татаръ вѣчное пользованіе землями Попова за разъ опредѣленныя повинности. Выводъ этотъ построенъ кассаторомъ на соображеніи рѣшенія комиссіи съ правилами 19 мая 1802 года. По мнѣнію просителя, комиссія присужденныя Попову земли въ той части, какая досталась ему по 15 купчимъ крѣпостямъ отъ разныхъ мурзъ, отнесла къ мурзинскимъ землямъ II рода и 2 разряда, а земли пожалованныя Попову въ Тавельской дачѣ, отнесла къ пустопорожнимъ (къ землямъ IV рода 2 разряда). Сообразно съ этимъ присяжный повѣренный Герардъ опредѣляетъ на основаніи правилъ 19 мая 1802 года свойства того неотъемлемаго пользованія, какое предоставлено рѣшеніемъ комиссіи татарамъ біюкъ яникойскаго общества въ Тавельской дачѣ Попова. Такъ какъ изъ сопоставленія правилъ 19 мая 1802 г. оказывается, что право собственности на эти земли имѣли мурзы, а затѣмъ помѣщики, ихъ купившіе, что поселенные на нихъ татары этого права не имѣли, что хотя симъ послѣднимъ и предоставлено было неотъемлемо пользоваться этими землями за повинности, которыхъ мурзы и новые помѣщики не въ правѣ возвышать, однако-жъ, предоставлено было мурзамъ и помѣщикамъ при несогласіи съ татарами, выселять ихъ со своихъ земель, а симъ послѣднимъ уничтожать связь съ помѣщиками также посредствомъ переселенія, то, по мнѣнію просителя, изъ сего слѣдуетъ, что право пользованія, предоставляемое татарамъ закономъ 19 мая 1802 г. и рѣшеніемъ комиссіи 1808 г., не было, какъ признали Окружный Судъ и Палата, правомъ вещнымъ, принадлежащимъ поселянамъ непосредственно по отношенію къ имѣнію, коимъ они пользуются, не зависящимъ въ продолжительности и объемѣ своемъ отъ воли владѣльца, а имѣло характеръ права обязательственнаго, зависящаго отъ воли сторонъ. Приведенный пунктъ кассаціонной жалобы присяжнаго повѣреннаго Герарда подлежитъ разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ лишь въ

отношеніи правильности юридической квалификаціи Судебною Палатою права пользованія татаръ землею въ Тавельской дачѣ, предоставленнаго имъ по смыслу рѣшенія комиссіи 1808 года, жалоба же просителя на неправильное истолкованіе Судебною Палатою рѣшенія комиссіи не можетъ быть предметомъ такового разсмотрѣнія, такъ какъ, по разъясненіямъ Правительствующаго Сената, толкованіе судомъ представленнаго въ основаніе иска вошедшаго въ законную силу судебнаго рѣшенія, въ связи съ обстоятельствами дѣла, по которому оно послѣдовало, относится къ установленію фактической стороны дѣла и не подлежитъ повѣркѣ Сената въ кассаціонномъ порядкѣ (Кас. рѣш. 1876 г. № 146; 1880 г. № 17). Установивъ, такимъ образомъ, предѣлы кассаціоннаго разсмотрѣнія по означенному пункту кассаціонной жалобы, Правительствующій Сенатъ изъ объясненій кассатора усматриваетъ, что исходною точкою его заключеній служатъ два положенія, а именно: что отмежеванныя Попову земли въ Тавельской долинѣ съ окрестностью были пустопорожнія и что въ основу рѣшенія комиссіи положены правила 19 мая 1802 года, преподанныя ей въ руководство при учрежденіи ея. Но ни то, ни другое положеніе не находятъ себѣ подтвержденія по дѣлу. По точному содержанію изложенныхъ въ рѣшеніи комиссіи событій дѣла и приведенныхъ въ немъ законовъ, на которыхъ оно основано, Судебная Палата установила, что Попову были отданы земли, на которыхъ были поселены татары деревень Біюкъ Яникой и Тавель, и что въ основу рѣшенія комиссіи положены дополнительныя правила 23 апрѣля 1804 года, именно § 28 сихъ правилъ. Такъ какъ сіи выводы Палаты изъ содержанія рѣшенія комиссіи, за силою вышеуказанныхъ разъясненій Правительствующаго Сената, не подлежатъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, то засимъ упадаютъ указанія кассатора, построенныя на противоположныхъ тѣмъ выводамъ заключеніяхъ его. Не заслуживаютъ уваженія и объясненія просителя относительно свойства пользованія татаръ землею въ Тавельской дачѣ. Выше уже замѣчено, что рѣшеніе комиссіи 1808 года основано не на первоначальныхъ правилахъ 19 мая 1802 года, преподанныхъ комиссіи въ руководство при учрежденіи ея, а на § 28 дополнительныхъ правилъ 23 апрѣля 1804 года. Въ этомъ параграфѣ постановлено: „земли ханскія или мурзинскія, во владѣніе новыхъ помѣщиковъ отданныя, по точнымъ доказательствамъ сихъ послѣднихъ, что онѣ точно были ханскія или мурзинскія, а не простыхъ татаръ, и по пожалованію, или по куплѣ помѣщикамъ симъ достались, имѣютъ остаться въ ихъ владѣніи и татары, на нихъ поселенные, по точному разуму и словамъ начертанія 19 мая 1802 года, имѣютъ остаться точно на томъ положеніи, въ которомъ состояли они въ разсужденіи владѣльцевъ земель сихъ при татарскомъ владѣніи. Отношенія сіи состоять могутъ въ слѣдующемъ: 1) татары должны быть свободны; 2) земли, на коихъ находится усадьба ихъ, какъ-то: дома, дворы, сады и огороды, къ какому бы роду земель они ни принадлежали, составляютъ ихъ собственность, которою они и могутъ располагать по своему произволу; 3) прочія затѣмъ земли, коими татары не владѣли въ собственность, а пользовались только ими, должны остаться въ пользованіи ихъ неотъемлемо до тѣхъ поръ, пока они въ томъ имѣніи остаться пожелаютъ и будутъ исправлять тѣ самыя повинности, какія прежнимъ владѣльцамъ отбывали, а именно: давать со всего десятинную подать и работать условленные дни, отъ 5 до 8 дней въ году. Споры между помѣщикомъ земель и татарами, ими пользующимися, въ исправленіи повинностей, должны быть разбираемы въ присутственныхъ мѣстахъ. И для сего комиссія, между прочими ея упражненіями, не оставить на основаніи сихъ главныхъ началъ, опредѣливъ точнѣе повинности, постановить порядокъ, коимъ дѣла сіи на будущее время должны быть производимы, и представить на Высочайшее утвержденіе“. Сопоставленіе приведеннаго § 28 съ первоначально преподаннымъ комиссіи начертаніемъ (правила 19 мая 1802 года), воспрещавшимъ утверждать за помѣщиками тѣ розданныя имъ земли, которыя при занятіи Крыма найдены заселенными, показываетъ, что этимъ параграфомъ въ дополненіе означеннаго начертанія установляется то правило, что совершившееся пожалованіе земель ханскихъ или мурзинскихъ новымъ помѣщикамъ не подлежитъ отмѣнѣ, хотя бы оказалось, что земли тѣ при пожалова-

ніи не были пустопорожними, но съ тѣмъ, что и татары, на сихъ земляхъ поселенные, имѣютъ остаться точно въ томъ положеніи, въ которомъ состояли они въ отношеніи владѣльцевъ сихъ земель при татарскомъ владычествѣ. На основаніи § 30 правилъ 23 апрѣля 1804 года, лишь дѣйствительно пустопорожнія земли, если онѣ отданы помѣщикамъ, имѣютъ остаться въ полномъ и произвольномъ ихъ распоряженіи, т. е. на правѣ полной собственности. Обращаясь къ опредѣленію свойства того неотъемлемаго пользованія, которое правилами 23 апрѣля 1804 года и рѣшеніемъ комиссіи 1808 г. предоставлено татарамъ въ Тавельской дачѣ съ исправленіемъ отъ нихъ повинностей помѣщику, Правительствующій Сенатъ находитъ, что такъ какъ право пользованія татаръ землею съ отбываніемъ отъ нихъ повинностей помѣщику возникло не изъ договора, а основано на законѣ, и такъ какъ оно безсрочное, то признаніе Судебною Палатою за такимъ пользованіемъ характера вещнаго права на недвижимое имущество представляется правильнымъ. Такое право пользованія аналогично съ правомъ сельскихъ обывателей на земли, отведенныя имъ въ пользованіе, отнесеннымъ въ общемъ законѣ къ правамъ, ограничивающимъ право собственности (примѣчаніе къ ст. 432 Т. X ч. I Зак. Гражд. по продолж. 1876 года). Въ виду сего жалоба кассатора на неправильность юридической квалификаціи помянутаго пользованія въ рѣшеніи Палаты оказывается также неосновательною. Во второмъ пунктѣ кассаціонной жалобы присяжный повѣренный Герардъ оспариваетъ правильность того вывода Судебной Палаты, что къ дѣлу Попова не примѣнимо Положеніе 28 сентября 1827 года, содержащее въ себѣ, по мнѣнію Палаты, правила о порядкѣ поселенія татаръ на земляхъ полныхъ собственниковъ, а не тѣхъ, чьи вотчинныя права на землю ограничены какими либо условіями. Проситель утверждаетъ, что та часть рѣшенія комиссіи 1808 года, которая установляла повинности татаръ къ помѣщику, могла имѣть лишь временное значеніе впредь до изданія о сихъ повинностяхъ особаго положенія, и что съ 28 сентября 1827 года пользованіе татаръ біюкъ-яникойскаго общества Тавельской дачей должно происходить уже на основаніи Положенія 1872 г., которое, по мнѣнію просителя, обнимаетъ собою отношеніе всѣхъ казенныхъ татаръ къ помѣщикамъ, землями коихъ они пользуются. Въ отношеніи того довода просителя, что рѣшеніе комиссіи 1808 года уже утратило свою практическую силу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, какъ установила Судебная Палата, по точному смыслу рѣшенія комиссіи, оговорка, въ немъ сдѣланная, касалась не права татаръ на пользованіе тавельскими землями Попова, а только характера самыхъ повинностей, для него татарами по сему рѣшенію отбываемыхъ. По толкованію Судебной Палаты, эта оговорка комиссіи предусматриваетъ лишь возможность иного опредѣленія повинностей за пользованіе землею, взамѣнъ того, которое принято въ рѣшеніи комиссіи, и не можетъ сама по себѣ распространять свое дѣйствіе на прочія части того рѣшенія, установившія, на основаніи дѣйствовавшихъ тогда законовъ, правоотношенія споривших сторонъ въ томъ видѣ, что вотчинное право Попова на землю ограничено правомъ безсрочнаго пользованія татаръ тою землею съ отбываніемъ отъ нихъ повинностей помѣщику. Посему, хотя и вѣрно указаніе кассатора, что проектъ Положенія 28 сентября 1827 года составленъ былъ комиссіею для разбора въ Крыму споровъ по землямъ во исполненіе возложеннаго на нее порученія (какъ это дѣйствительно видно изъ именного Высочайшаго указа отъ 28 сентября 1827 г., при которомъ было препровождено въ Правительствующій Сенатъ то Положеніе для обнародованія), но въ виду того, что по выводу Судебной Палаты, не подлежащему повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, въ рѣшеніи комиссіи, состоявшемся 19 іюня 1808 года по спору татаръ съ Поповымъ о земляхъ Тавельской дачи, поставлена въ зависимость отъ изданія будущаго закона лишь часть рѣшенія, касавшаяся повинностей татаръ къ владѣльцу земель, оказывается незаслуживающимъ уваженія объясненіе просителя о томъ, что съ изданіемъ Положенія 28 сентября 1827 года рѣшеніе комиссіи 1808 года во всемъ его составѣ потеряло силу. Обращаясь къ самому Положенію 1827 года, присяжный повѣренный Герардъ утверждаетъ, что оно обнимаетъ собою отношеніе всѣхъ казенныхъ татаръ къ помѣщикамъ, землями коихъ они пользуются, и что съ изданіемъ

Положенія прежнія права по владѣнію землями въ Крымскомъ полуостровѣ, какія установлены были узаконеніями 1802 и 1804 годовъ, прекратились. Такое толкованіе .проситель основываетъ на содержаніи § 32 Положенія 1827 г. и на томъ обстоятельствѣ, что въ цитатахъ подъ статьею 793 Т. IX Зак. о сост. издан. 1876 года, единственно установляющею поземельныя отношенія татаръ Таврической губерніи какъ къ казнѣ, такъ и къ частнымъ лицамъ, не упоминается о законахъ 1802 и 1804 годовъ. Но эти указанія не могутъ служить подтвержденіемъ выводамъ просителя. Параграфъ 32 Положенія 28-го сентября 1827 года опредѣляетъ права на земли, состоящія во владѣніи людей разныхъ націй и разнаго званія, не имѣющихъ дворянскаго достоинства: онъ постановляетъ, что „поелику на нѣкоторыхъ изъ сихъ земель находятся селенія татаръ, издревле тамъ водворившихся, то въ отношеніяхъ ихъ къ владѣльцамъ земель должны быть наблюдаемы тѣ же самыя правила, которыя постановлены въ семъ Положеніи для татаръ казеннаго вѣдомства, на земляхъ помѣщиковъ-дворянъ поселенныхъ". Между тѣмъ, въ томъ же отдѣлѣ Положенія 1827 года имѣется о правахъ на земли древнихъ и новыхъ помѣщиковъ дворянъ особое подраздѣленіе, составляющее § 29, въ коемъ сказано, „что земли, древнимъ и новымъ помѣщикамъ принадлежащія и бывшею крымскою комиссіею для разбора по землямъ споровъ за ними утвержденныя, составляютъ неотъемлемую ихъ собственность, за исключеніемъ, однако же, тѣхъ участковъ земли, которые, находясь внутри дачъ помѣщичьихъ, признаны отъ комиссіи личною собственностью татаръ, на оныхъ живущихъ". Изъ текста приведеннаго параграфа явствуетъ, что Положеніе 1827 года признаетъ за рѣшеніями бывшей крымской комиссіи по спорамъ о земляхъ законную силу, присвоенную судебнымъ рѣшеніямъ (X Т. ч. 2 изд. 1876 года, Уст. Гражд. Суд. ст. 893 и Зак. Суд. Гражд. ст. 516). Имѣя это въ виду и принимая во вниманіе, что въ Положеніи 1827 г. содержатся правила о порядкѣ заселенія татаръ на земляхъ полныхъ собственниковъ и что въ немъ ничего не говорится о лицахъ, вотчинныя права коихъ на землю ограничены какими либо условіями, Правительствующій Сенатъ съ своей стороны признаетъ, что нѣтъ законнаго основанія всецѣло распространять означенныя правила на Попова, права котораго на владѣніе Тавельскою дачею утверждены бывшею крымскою комиссіею съ ограниченіями въ пользу біюкъ-яникойскихъ татаръ поселянъ. Переходя къ объясненіямъ просителя о значеніи цитатъ подъ ст. 793 Тома IX Зак. о сост. издан. 1876 года, Правительствующій Сенатъ прежде всего не можетъ не замѣтить, что въ предъидущихъ изданіяхъ Свода Законовъ содержалась ссылка на правила 19 мая 1862 года подъ статьею о земляхъ, составляющихъ частную собственность татаръ (Т. IX Зак. Сост. статья 541 въ изд. 1832 года, она же статья 887 въ изд. 1842 года и стат. 925 изданія 1857 года). Въ статьѣ этой, соотвѣтствующей § 16 Положенія 28-го сентября 1827 года, сказано, что участки сіи (т.-е. участки земель, находящіеся внутри казенныхъ, общественныхъ и помѣщичьихъ дачъ и принадлежащіе въ частную собственность татарамъ), на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, данныхъ бывшей крымской комиссіи о разборѣ по землямъ споровъ, принадлежатъ татарамъ въ собственность, какимъ бы образомъ они имъ ни достались; а потому, если татары имѣютъ ясныя на принадлежность имъ тѣхъ участковъ доказательства, разсмотрѣнныя и утвержденныя помянутою комиссіею, то и должны они оставаться навсегда за ними крѣпкими. Это законоположеніе повторено въ вышеприведенномъ § 29 Полож. 1827 г., постановляющемъ о правахъ на земли древнихъ и новыхъ помѣщиковъ дворянъ. Постановленія параграфовъ 16 и 29 показываютъ, что при изданіи Положенія 28 сентября 1827 года въ намѣренія законодателя отнюдь не входило уничтожить права, основанныя на правилахъ, данныхъ бывшей крымской комиссіи о разборѣ по землямъ споровъ, и отмѣнить законную силу рѣшеній, постановленныхъ этою комиссіею. Хотя параграфы 16 и 29, по прямому ихъ смыслу и по толкованію, придаваемому послѣднему изъ нихъ (§ 29) самимъ истцомъ (д. Окружн. Суда л. 314), относятся къ двумъ родамъ владѣнія: къ землямъ, составляющимъ частную собственность татаръ (§ 16), и къ землямъ, принадлежащимъ помѣщикамъ на правѣ полной собственности (§ 29), но это обсто-

ятельство не даетъ повода утверждать, что вмѣсто неотмѣняемости пріобрѣтенныхъ имущественныхъ правъ и непоколебимости окончательныхъ судебныхъ рѣшеній законодатель подразумѣвалъ иное начало въ отношеніи того рода владѣнія (право собственности неполное), который какъ въ дѣлѣ Попова, также утвержденъ комиссіею, но о которомъ нѣтъ особливаго постановленія въ Положеніи 1828 года. Затѣмъ, что касается Свода Законовъ изданія 1876 года, то въ немъ подъ ст. 793 Т. IX Зак. Сост. перечень цитатъ, указывающихъ на особыя правила, которыми опредѣляются поземельныя отношеніи татаръ Таврической губерніи къ казнѣ и къ частнымъ лицамъ, начинается съ Положенія 28 сентября 1827 г. и уже не содержитъ въ себѣ ссылки на правила 19 мая 1802 г. и 23 апрѣля 1804 года; но это упущеніе, не вызванное никакою перемѣною въ законодательствѣ послѣдняго времени по предмету этой статьи и объясняющееся развѣ тѣмъ, что помянутыя правила были даны учрежденной 19 го мая 1802 года комиссіи въ руководство при разрѣшеніи споровъ по землямъ въ Крымскомъ полуостровѣ, а комиссія закрыта въ 1810 году (Пол. Собр. Зак., № 24,349, именной указъ Сенату 13 го сентября 1810 года), не можетъ также вести къ заключенію, что права имущественныя, на основаніи помянутыхъ узаконеній утвержденныя рѣшеніями бывшей комиссіи за спорившими сторонами, уничтожились вслѣдствіе изданія 28 сентября 1827 года Положенія для татаръ-поселянъ и владѣльцевъ земель въ Таврической губерніи, ибо если и справедливо, что въ настоящее время поземельныя отношенія крымскихъ татаръ въ казнѣ и къ частнымъ лицамъ опредѣляются Положеніемъ 1827 года съ позднѣйшими къ нему дополненіями, то тѣмъ не менѣе по содержанію этого закона несомнѣнно, что ему не придано обратной силы, а по общему правилу Основныхъ Законовъ (ст. 60) законъ дѣйствуетъ только на будущее время, не нарушая имущественныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ до изданія его, каковыя права, кромѣ добровольнаго отъ нихъ отказа тѣхъ, въ чью пользу они установлены, могутъ прекратиться лишь способами, зависящими отъ положительныхъ опредѣленій закона, а на такое прекращеніе поземельныхъ отношеній въ Крыму подобныхъ тѣмъ, какія существуютъ въ Тавельской дачѣ, нѣтъ ни въ Положеніи 1827 года, ни въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ никакого указанія. Что Положеніе 1827 года не объемлетъ всѣхъ родовъ поземельнаго владѣнія въ Крыму, подтвержденіемъ тому можетъ служить законъ 22 марта 1829 года о частныхъ вакуфахъ, дополняющій статьи Положенія 1827 года, упоминающій лишь объ однихъ духовныхъ вакуфахъ. На основаніи изложеннаго, признавая съ одной стороны, что рѣшеніе комиссіи 1808 года по спорамъ татаръ съ Поповымъ имѣетъ условное значеніе только въ отношеніи повинностей, лежащихъ на татарахъ за пользованіе землями помѣщика, а съ другой стороны, принимая на видъ, что въ Положеніи 28 сентября 1827 года, въ зависимости отъ котораго находится означенная часть рѣшенія 1808 года, опредѣленіе повинностей татаръ къ владѣльцамъ земель предоставлено взаимному согласію сторонъ (§ 18), Правительствующій Сенатъ, примѣняя это послѣднее правило и къ настоящему случаю въ предѣлахъ, обусловленныхъ характеромъ рѣшенія комиссіи 1808 года, приходитъ къ тому выводу, что по землямъ, на которыя, какъ въ Тавельской дачѣ Попова, права помѣщика ограничены, отсутствіе соглашенія сторонъ на новое опредѣленіе повинностей за пользованіе землею можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь оставленіе въ силѣ прежнихъ поземельныхъ отношеній между ними, а не прекращеніе этихъ правоотношеній въ силу права, предоставляемаго закономъ 1827 года единственно владѣльцамъ земель въ качествѣ полныхъ собственниковъ оныхъ. Такимъ образомъ, въ данномъ дѣлѣ, при установленныхъ событіяхъ онаго, Судебная Палата отказомъ въ искѣ Попова и удовлетвореніемъ встрѣчныхъ требованій отвѣтчиковъ не допустила нарушенія ни Положенія 1827 года, ни 793 ст. Тома IX Зак. Сост., изд. 1876 года, и противоположныя по сему предмету указанія. Наконецъ, прис[illegible]ный повѣренный Герардъ обвиняетъ Окружный Судъ и Судебную Палату въ томъ, что они нарушили принятыя въ основу ихъ рѣшеній рѣшеніе комиссіи 1808 года и § 28-й закона 23 апрѣля 1804 года, отказавъ Попову въ искѣ объ изъятіи изъ владѣнія татаръ 7 спорныхъ участковъ въ виду признанія повѣреннаго отвѣтчи-

*

ковъ, что поселяне татары не отбывали и не отбываютъ до настоящаго времени никакихъ повинностей за владѣніе и пользованіе спорными участками. Проситель присовокупляетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ Судъ и Палата нарушили 339 ст. Уст. Гражд. Судопроизводства, оставивъ вовсе безъ разсмотрѣнія требованія истца объ изъятіи изъ незаконнаго владѣнія татаръ 7 участковъ земли въ Тавельской дачѣ, въ виду того, что они никакихъ повиностей за пользованіе оной истцу Попову не платятъ и владѣютъ спорными участками на правѣ полной собственности. Изъ дѣла видно, что искъ Попова объ изъятіи изъ владѣнія общества татаръ поселянъ деревни Біюкъ-Яникой 7 хлѣбопахатныхъ и сѣнокосныхъ участковъ былъ предъявленъ въ силу присваиваемаго себѣ истцомъ права полной собственности на эти участки, будто бы, за отказомъ татаръ отъ своихъ правъ по рѣшенію комиссіи 1808 г. и за утратою этимъ рѣшеніемъ силы. Положивъ право полной собственности основаніемъ своего иска, истецъ, за силою 332 ст. Уст. Гражд. Судопр., не могъ уже измѣнить это основаніе при дальнѣйшемъ ходѣ процесса. Въ дѣйствительности же нѣтъ въ дѣлѣ никакого слѣда того, чтобы истецъ во время производства дѣла измѣнилъ исковое требованіе по существу; слѣдовательно, Суду и не было и повода разсматривать исковое требованіе въ измѣненномъ противъ первоначальнаго видѣ. Если же отвѣтчики дѣйствительно опровергали искъ тѣмъ, что спорные участки составляютъ ихъ собственность и что за нихъ общество поселянъ никогда не отбывало повинностей въ пользу Попова, тогда какъ Судомъ признано, что эти участки входятъ въ составъ тѣхъ земель, которыми татарамъ предоставлено пользоваться за извѣстныя повинности въ пользу помѣщика по рѣшенію комиссіи 1808 года, то это обстоятельство не могло привести къ удовлетворенію иска Попова, выводимому истцомъ изъ другого основанія. Вслѣдствіе сего нельзя признать уважительными ни жалобу просителя на оставленіе требованія истца безъ разсмотрѣнія, ни объясненія его о неправильномъ примѣненіи рѣшенія комиссіи 1808 г. и о нарушеніи § 28 правилъ 23 апрѣля 1804 г. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго полковника Попова, присяжнаго повѣреннаго Герарда, оставить, на основаніи ст. 793 Устава Гражданскаго Судопроизв., безъ послѣдствій.

103—1882 года марта 10-го дня. *По прошенію мѣщанина Ивана Буйлина объ отмѣнѣ рѣшенія Петровскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ М. В. Полѣновъ; додывалъ дѣло Сенаторъ П. О. Тизенгаузенъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора І. И. Карницкій).

Мѣщанинъ Михаилъ Трофимовъ Буйлинъ имѣлъ отъ первой жены своей Дарьи Буйлиной, дочь Авдотью и сына Степана и отъ второго брака съ Ириною Степановною, впослѣдствіи вышедшею замужъ за Грачева,—сына Ивана. По смерти Дарьи и Михаила Буйлиныхъ, была, по малолѣтству дѣтей ихъ Авдотьи и Степана, учреждена въ вѣдѣніи Петровскаго (Саратовской губер.) сиротскаго суда опека надъ оставшимся послѣ матери ихъ платьемъ, на сумму 168 рублей 71¼ коп. Въ 1869 году состоялось въ означенномъ сиротскомъ судѣ постановленіе, которымъ, вслѣдствіе прошенія Степана Буйлина, опредѣлено выдать ему, какъ достигшему уже совершеннолѣтія, изъ вышеупомянутой движимости, большею частью обращенной въ деньги, половину ея стоимости, т.-е. половину 168 рублей 71¼ коп., причемъ деньги эти названы капиталомъ, оставшимся послѣ смерти мѣщанина Михаила Буйлина, а наслѣдниками его—Степанъ и Иванъ Буйлины. Затѣмъ въ 1879 году, по просьбѣ матери Ивана Буйлина, Ирины Грачевой, былъ Мировымъ Судью произведенъ вызовъ наслѣдниковъ Михаила Трофимова Буйлина, вслѣдствіе чего въ 1880 году та же Грачева, по довѣренности сына, обратилась къ Мировому Судьѣ съ просьбою объ утвержденіи ея довѣрителя въ правахъ наслѣдства къ оставшемуся послѣ перваго ея мужа и хранящемуся въ сиротскомъ судѣ наличному капиталу „до 200 рублей“, причемъ представила между другими документами: 1) копію вышеупомянутаго прошенія Степана Буйлина, съ состоявшимся по оному постановлені-

емъ сиротскаго суда 1869 г., и 2) выданную ей тѣмъ же Судомъ справку изъ опекунскаго дѣла Буйлиныхъ, учиненную въ январѣ 1879 г., въ которой прописано, что изъ дѣла не видно, осталось ли какое-либо имѣніе послѣ смерти Михаила Трофимова Буйлина; денежный же капиталъ, вырученный продажею платья жены его, Дарьи, долженъ поступить въ наслѣдство роднымъ ея дѣтямъ, Авдотьѣ и Степану, а Иванъ Буйлинъ, рожденный не отъ нея, а отъ Ирины Степановой, по первому мужу Буйлиной, а по второму Грачевой, въ правахъ наслѣдства къ имѣнію Дарьи Буйлиной не утвержденъ. Въ виду этой послѣдней справки и по недоказанности факта нахожденія въ сиротскомъ судѣ капитала „до 200 р.“, оставшагося послѣ смерти мѣщанина Михаила Буйлина, Мировой Судья опредѣлилъ: просьбу Грачевой объ утвержденіи ея довѣрителя въ правахъ наслѣдства къ оному оставить безъ удовлетворенія. На это опредѣленіе Грачева принесла частную жалобу Петровскому Мировому Съѣзду, въ которой ходатайствовала какъ объ отмѣнѣ онаго, такъ и объ освобожденіи ея отъ взысканныхъ съ нея по настоящему дѣлу Мировымъ Судьею пошлины и сбора за бумагу. Съѣздъ нашелъ, что по смыслу 1104, 1254 и 1255 ст. Т. X ч. 1, всякое наслѣдство есть совокупность извѣстныхъ имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго лица, на каковое имущество наслѣдники и могутъ предъявить свои права, или отречься отъ него. Изъ смысла этихъ статей закона явствуетъ, что наслѣдники обязаны прежде всего доказать, что извѣстное имущество существуетъ и что оно принадлежало тому умершему лицу, въ правахъ наслѣдства послѣ котораго просители желаютъ быть утверждены. Изъ представленныхъ же довѣренною Буйлина, Грачевою, доказательствъ не видно, чтобы въ Петровскомъ сиротскомъ судѣ хранился капиталъ до 200 р., принадлежащій отцу ея довѣрителя, а потому рѣшеніе Мирового Судьи, при недостаточности доказательствъ, представленныхъ Грачевою о принадлежности капитала Михаилу Трофимову Буйлину, представляется совершенно правильнымъ. Равнымъ образомъ и взысканіе Мировымъ Судьею пошлинъ представляется точно также совершенно правильнымъ, такъ какъ утвержденіе въ правахъ наслѣдства производится не въ частномъ порядкѣ, а въ исковомъ, подлежащемъ установленной закономъ оплатѣ пошлинами. Соглашаясь затѣмъ со всѣми доводами Мирового Судьи, Съѣздъ Мировыхъ Судей постановилъ: рѣшеніе Мирового Судьи утвердить, оставивъ прошеніе довѣрительницы Ивана Буйлина, матери его Ирины Степановой Грачевой, безъ уваженія. Въ кассаціонной жалобѣ на таковое постановленіе Съѣзда мѣщанинъ Иванъ Михайловъ Буйлинъ проситъ объ отмѣнѣ онаго, какъ нарушающаго: 1) 1408 ст. Уст. Гр. Суд. признаніемъ настоящаго дѣла за производство исковое, а не частное; 2) 81 ст. сего Устава требованіемъ отъ него доказательствъ по отношенію къ тому движимому имуществу, объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ которому онъ ходатайствовалъ, тогда какъ доказательства требуются только по дѣламъ тяжебнымъ, и притомъ относительно предметовъ только спорныхъ; 3) ст. 105, 129, 173 и 773 того же Устава, такъ какъ означенныя доказательства, а именно: копія съ прошенія Степана Буйлина въ сиротскій судъ о томъ же наслѣдственномъ имуществѣ, къ половинѣ котораго и онъ, Иванъ Буйлинъ, предъявляетъ теперь свои права, и съ резолюціи сиротскаго суда 1869 года на это прошеніе, хотя и были представлены Мировому Съѣзду, но оставлены имъ безъ всякой оцѣнки; 4) Высочайше утвержденное 10 мая 1877 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта (*) признаніемъ, что оплатѣ пошлиною подлежатъ и хранительныя производства, и 5) ст. 1104, 1254 и 1255 Т. X ч. I примѣненіемъ ихъ къ настоящему дѣлу, къ которому онѣ не относятся, какъ къ имѣющему предметомъ имущество движимое, а не недвижимость, которая требовала бы акта укрѣпленія.

Правительствующій Сенатъ находитъ, что жалоба Буйлина на взысканіе съ него по настоящему дѣлу судебной пошлины прямо разрѣшается точнымъ смысломъ 200 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства по

(*) Уст. Гр. Суд. ст. 200 по прод. 1879 г.

продолженію 1879 года, въ которой указано, съ какихъ именно бумагъ и по какого рода дѣламъ, въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ производящимся, слѣдуетъ взыскивать таковую пошлину; къ бумагамъ, оплачиваемымъ судебною пошлиною, принадлежатъ прошенія только исковыя и третьихъ лицъ о вступленіи въ дѣло, отзывы на заочныя рѣшенія и апелляціонныя жалобы. А такъ какъ настоящее дѣло, возникшее по просьбѣ повѣренной *Ивана Буйлина, матери его Грачевой, объ утвержденіи его въ правахъ наслѣдства* по отцѣ, подлежало, въ силу стат. 1408 Устава Гражданскаго Судопроизводства, производству въ охранительномъ, а не общемъ исковомъ порядкѣ, то постановленіе Петровскаго Мирового Съѣзда, оставившее безъ послѣдствій возраженіе просительницы противъ распоряженія Мирового Судьи о взысканіи съ Буйлина по этому дѣлу судебной пошлины, должно быть признано неправильнымъ. Что же касается возраженій Буйлина противъ требованія отъ него Съѣздомъ доказательствъ въ подтвержденіе дѣйствительнаго существованія и принадлежности отцу его тѣхъ денегъ, объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ которымъ его, Буйлина, онъ ходатайствуетъ, то изъ этой части кассаціонной жалобы его возникаетъ общій вопросъ о томъ, должны ли судебныя мѣста при разсмотрѣніи такихъ ходатайствъ въ порядкѣ судопроизводства охранительнаго ограничиваться повѣркою только того, доказана-ли родственная связь просителя съ тѣмъ лицомъ, послѣ котораго наслѣдство открылось, служащая основаніемъ наслѣдственныхъ правъ перваго, и не оказалось ли по смерти означеннаго лица наличныхъ, или не явилось-ли по вызову, сдѣланному на основаніи 1401 ст. Устава Гражданскаго Судопроизв., отсутствующихъ наслѣдниковъ того же наслѣдодателя, имѣющихъ по закону одинаковое съ просителемъ, либо въ большей или меньшей противъ него долѣ, право на наслѣдованіе, или же на обязанности суда, дѣйствующаго въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, лежитъ, кромѣ того, опредѣлять въ своихъ постановленіяхъ еще и само то имущество, къ которому проситель утверждается въ правахъ наслѣдства. По ст. 1408 означеннаго Устава на судъ, въ порядкѣ охранительнаго производства, возлагается, въ случаѣ обращенія къ нему явившихся по вызовамъ наслѣдниковъ, оказывать имъ „содѣйствіе для опредѣленія правъ ихъ на наслѣдство“. Въ чемъ именно такое опредѣленіе должно заключаться, ни въ этомъ, ни въ какомъ иномъ законѣ прямо не указывается, но что подъ этимъ опредѣленіемъ разумѣется въ упомянутой ст. установленіе наслѣдственныхъ правъ лишь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, ограничивающемся только удостовѣреніемъ со стороны суда дѣйствительнаго въ данномъ случаѣ существованія такой именно между просителемъ и умершимъ наслѣдодателемъ родственной связи, которая на общемъ основаніи законовъ гражданскихъ даетъ первому право наслѣдовать во всякомъ вообще имуществѣ послѣдняго, или же, при наличности другихъ еще наслѣдниковъ, въ части онаго, съ указаніемъ притомъ, въ какой именно, и что при обсужденіи наслѣдственныхъ правъ съ этой стороны судъ не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, т. е. въ томъ же охранительномъ порядкѣ, или самъ опредѣлить и составъ подлежащаго переходу къ просителю наслѣдственнаго имущества, или утвердить своимъ постановленіемъ за нимъ, просителемъ, какъ за наслѣдникомъ, то именно имущество, которое онъ самъ въ своемъ прошеніи показываетъ принадлежавшимъ его наслѣдодателю, это явствуетъ изъ того, что въ кн. IV Устава Гражданскаго Судопроизводства, содержащей въ себѣ правила судопроизводства охранительнаго, нигдѣ не установлено ни того порядка, въ какомъ суду предоставлялось-бы, въ первомъ случаѣ, собирать какія либо свѣдѣнія объ имуществѣ лица, смертью котораго открылось наслѣдство, ни такихъ актовъ, которые въ послѣднемъ случаѣ, подобно тому, какъ это установлено, напр., ст. 1424 и 1425 той же книги, по отношенію ко вводу во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ, были бы для просителя обязательны къ представленію при просьбѣ объ утвержденіи его въ правахъ наслѣдства, а предъ судомъ имѣли-бы значеніе доказательства безспорнаго, не требующаго посему и сообщенія его кому либо для объясненія или возраженія, и несомнѣнно подтверждали бы, что лицо, оставившее наслѣдство, дѣйствительно обладало, фактически или по праву, тѣмъ именно имуществомъ, на которое указываетъ его наслѣдникъ. При отсутствіи же въ законѣ

всякаго указанія на тѣ способы, какими судъ, дѣйствуя въ порядкѣ судопроизводства охранительнаго, могъ бы, или непосредственно, или помощью данныхъ, представленныхъ просителемъ, удостовѣряться въ томъ, изъ совокупности какихъ именно правъ или имуществъ движимыхъ, либо недвижимыхъ, состоитъ въ данномъ случаѣ открывшееся наслѣдство, и самое утвержденіе просителя въ правахъ на таковое, по 1408 ст. Уст. Гр. Суд., можетъ относиться лишь вообще къ этому наслѣдству, а не отдѣльно и поименно къ тому или другому предмету, который былъ бы просителемъ указанъ въ качествѣ входящаго въ составъ онаго, вопросъ о правильности или неправильности такового указанія наслѣдника можетъ возникнуть и быть подвергнутъ судебному разсмотрѣнію не иначе, какъ только въ порядкѣ исковомъ, и слѣдовательно, быть возбужденъ, согласно основному началу состязательнаго процесса, лишь споромъ между двумя сторонами, истцомъ и отвѣтчикомъ, а не судомъ при одностороннемъ разсмотрѣніи дѣла въ охранительномъ порядкѣ. По примѣненіи же этихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла оказывается, что такъ какъ просьба повѣренной Ивана Михайлова Буйлина, Грачевой, Мировому Судьѣ была заявлена въ порядкѣ, установленномъ вышеупомянутою 1408 ст., то Петровскому Мировому Съѣзду при разсмотрѣніи жалобы Грачевой на опредѣленіе Судьи, отказавшаго въ этой просьбѣ ея, не слѣдовало стѣсняться тѣмъ, что въ оной былъ указанъ и самый капиталъ, въ сиротскомъ судѣ хранящійся, который просительница считаетъ наслѣдствомъ, по отцу ея довѣрителя оставшимся, а тѣмъ менѣе, встрѣтивъ сомнѣніе въ правильности такого указанія, требовать отъ нея доказательствъ въ подтвержденіе принадлежности означеннаго капитала Михаилу Буйлину, т. е. возбуждать споръ объ этомъ капиталѣ по собственному почину и разрѣшать оный въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства. Напротивъ, Съѣзду слѣдовало, отклонивъ отъ себя вовсе обсужденіе въ этомъ порядкѣ заявленія Грачевой о томъ, кому, по ея мнѣнію, принадлежитъ упомянутый капиталъ, установить только право Ивана Буйлина наслѣдовать своему отцу вообще во всемъ томъ имущеотвѣ, какое послѣднему дѣйствительно принадлежало или законно причиталось, а затѣмъ, съ требованіемъ такого имущества, предоставить Ивану Буйлину обратиться уже въ тѣ учрежденія или къ тѣмъ лицамъ, у коихъ оно находится. На основаніи всего вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе Петровскаго Мирового Съѣзда отмѣнить, по нарушенію ст. 1408 и 200 (по прод. 1879 г.) Уст. Гр. Суд., и дѣло передать въ Саратовскій Мировой Съѣздъ.

104.—1882 года апрѣля 21 дня. *По прошенію купца Якова Логвинскаго объ отмѣнѣ рѣшенія Сквирскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ П. О. Тизенгаузенъ; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора Ф. Д. Вартъ).

Уполномоченные отъ общества крестьянъ с. Почускъ въ исковомъ прошеніи объяснили, что Логвинскій, арендующій находящееся при этомъ селеніи имѣніе помѣщика Іотейки, окопалъ и отчасти обсѣменилъ состоящее въ общихъ границахъ съ крестьянскими землями пахатное поле, долженствовавшее оставаться на лѣто 1880 года въ толокѣ, чѣмъ лишилъ общество крестьянъ части пастбища, вопреки протоколу Съѣзда мировыхъ посредниковъ отъ 3-го марта 1866 года, по которому крестьянамъ предоставлено общее съ помѣщикомъ право пасти скотъ на поляхъ и въ лѣсахъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ впредь до разверстанія принадлежащихъ имъ угодій. А потому означенные уполномоченные просили воспретить Логвинскому таковое нарушеніе правъ крестьянъ и взыскать съ него за понесенные ими отъ сего нарушенія убытки 15 рублей. На это повѣренный Логвинскаго возразилъ, что хотя послѣдній и запахалъ часть экономическаго поля и окопалъ оное возобновленіемъ стараго рва, но имѣлъ на это полное право, такъ какъ означенное мѣсто не принадлежитъ къ составу земель, входящихъ въ общій сѣвооборотъ, а потому крестьяне не имѣютъ права пасти скотъ въ

этомъ мѣстѣ. Но Мировой Судья нашелъ таковое возраженіе отвѣтчика незаслуживающимъ уваженія, усмотрѣвъ изъ представленнаго крестьянами плана, что окопанное Логвинскимъ мѣсто лежитъ между крестьянскими полями; въ виду сего и принявъ во вниманіе, что по закону въ неразмежеванныхъ имѣніяхъ крестьяне имѣютъ право пользоваться владѣльческою толокою во время нахожденія полей въ пару, Мировой Судья, на основаніи 5 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд. и 18 ст. прил. къ 31 ст. Пол. о крест. учрежд. (по продолж. 1868 г.), опредѣлилъ: возстановить обществу крестьянъ сел. Почускъ право участія частнаго въ экономической толокѣ въ первой смѣнѣ на пахатныхъ поляхъ, арендуемыхъ Логвинскимъ, и возведенные имъ въ двухъ мѣстахъ въ этой смѣнѣ рвы срыть. Въ апелляціи на это рѣшеніе повѣренный Логвинскаго просилъ отмѣнить оное по неподсудности настоящаго дѣла мировымъ судебнымъ установленіямъ и нарушеніи Мировымъ Судьею тѣхъ самыхъ законовъ, которые имъ въ семъ рѣшеніи приведены; а въ засѣданіи Съѣзда тотъ же повѣренный ходатайствовалъ о допросѣ свидѣтелей и объ осмотрѣ спорной земли и представилъ планъ арендуемаго его довѣрителемъ имѣнія. Сквирскій Съѣздъ Мировыхъ Судей, допросивъ указанныхъ апелляторомъ свидѣтелей и выслушавъ словесныя объясненія сторонъ и заключенія Товарища Прокурора, утвердилъ, однако же, вышеприписанное рѣшеніе Мирового Судьи, найдя, что настоящее дѣло подсудно мировымъ судебнымъ установленіямъ по 5 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд., какъ заключающее въ себѣ искъ о правѣ участія частнаго, и что въ настоящемъ случаѣ таковой искъ крестьянъ подлежитъ удовлетворенію.

Разсмотрѣвъ принесенную отвѣтчикомъ Логвинскимъ кассаціонную на это рѣшеніе Съѣзда жалобу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по содержанію оной представляются къ обсужденію слѣдующіе три вопроса: 1) относится ли настоящее дѣло къ числу тѣхъ, которыя подлежатъ изъятію изъ подвѣдомственности вообще судебнымъ установленіямъ, на основаніи исключенія, указаннаго въ 1 п. приводимыхъ просителемъ Высочайше утвержд. 25 октября 1865 года правилъ о предоставленіи въ вѣдѣніе этихъ установленій нѣкоторыхъ судебныхъ обязанностей мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій; 2) можетъ ли споръ, возникающій между помѣщикомъ (или его арендаторомъ) и крестьянами о нарушеніи права на общее пастбище, установленнаго закономъ 4 го апрѣля 1865 года (особаго приложенія къ Тому IX Свода Законовъ, приложеніе къ статьѣ 31 Полож. объ учрежд. крест. пун. 18, примѣч.) быть признанъ неподходящимъ подъ дѣйствіе 5 пункта 29 ст. ст. Устава Гражданскаго Судопр. (относящаго къ подсудности мировымъ учрежденіямъ дѣла о правѣ участія частнаго), потому только, какъ указываетъ проситель, что въ статьяхъ Т. X ч. I Свода Зак. Гражд., на которыя въ этомъ пунктѣ сдѣлана ссылка, не упомянуто о взаимномъ правѣ помѣщика и крестьянъ на участіе въ пользованіи пастбищною землею того и другихъ, и 3) представляется ли уважительною ссылка просителя на то, что настоящее дѣло разрѣшено Съѣздомъ безъ судебнаго осмотра спорной земли, о производствѣ котораго повѣренный его заявилъ просьбу въ засѣданіи Съѣзда. Первый изъ этихъ вопросовъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно, такъ какъ, во первыхъ, въ Кіевской губерніи, гдѣ расположено арендуемое Логвинскимъ имѣніе Іотейки, уже послѣдовалъ обязательный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, и, слѣдовательно, какъ это и разъяснено уже въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1879 г. № 250,— тамъ вообще не могутъ уже имѣть мѣста тѣ „истекающіе изъ опредѣленныхъ Положеніями 19 февраля 1861 г. обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами споры“, о подсудности которыхъ не судебнымъ, а крестьянскимъ мировымъ установленіямъ, говорятъ вышеупомянутыя правила 25 октября 1865 г., а, во вторыхъ, настоящій споръ между крестьянами с. Почускъ и Логвинскимъ и по самому содержанію своему вовсе не истекаетъ изъ какихъ либо законоположеній о временно-обязанныхъ крестьянахъ, а заключается въ неодинаковомъ толкованіи сторонами того, касающагося нѣкоторыхъ изъ неразмежеванныхъ имѣній Юго Западныхъ губ., закона 4 го апрѣля 1865 г. объ общемъ для помѣщика и крестьянъ пастбищѣ, который

установленъ совершенно независимо отъ состоянія крестьянъ этихъ имѣній, во временно обязанныхъ ли отношеніяхъ къ своимъ помѣщикамъ по уставнымъ грамотамъ, или же въ отношеніяхъ самостоятельныхъ владѣльцевъ земли на право полной собственности по выкупнымъ сдѣлкамъ. По второму вопросу объясненіе Логвинскаго о томъ, будто споры о правѣ на пастбище, установленномъ означеннымъ закономъ 4 го апрѣля 1865 года, изъяты изъ подвѣдомственности мировымъ судебнымъ установленіямъ, какъ такіе, предметъ коихъ не соотвѣтствуетъ перечисленнымъ въ 442—451 стат. X Тома предметамъ права участія частнаго, также не заслуживаетъ уваженія, ибо съ одной стороны введеніе въ нѣкоторыхъ неразмежеванныхъ имѣніяхъ Юго-Западнаго края, временно, общей для помѣщика и крестьянъ толоки на свободныхъ отъ засѣва земляхъ того и другихъ, являясь ничѣмъ инымъ, какъ предоставленіемъ взаимнаго права пользованія крестьянамъ пастбищемъ помѣщика, а помѣщику пастбищемъ крестьянъ, должно, на основаніи 9 ст. Уст. Гр. Суд., быть признано за установленіе въ означенной мѣстности такого права, которое по существу своему вполнѣ совпадаетъ съ разумѣемымъ въ приводимыхъ просителемъ стат. закона понятіемъ „о правѣ участія частнаго въ пользованіи и выгодахъ чужого имущества“, такъ, съ другой стороны, невключеніе этого именно, установленнаго закономъ 4 го апрѣля 1865 года, вида участія въ пользованіи чужимъ имуществомъ въ Общій Сводъ Законовъ Гражданскихъ и Уставъ о Судопроизв. Гражд. объясняется, помимо временнаго характера сего закона, дѣйствующаго притомъ на пространствѣ весьма ограниченномъ, еще и самою цѣлью, съ которою онъ изданъ и которая заключается не въ томъ, чтобы изъять отношенія, этимъ закономъ устанавливаемыя изъ понятія о правѣ участія частнаго въ выгодахъ чужого имущества (значеніе какового права они имѣютъ по самому существу своему, какъ то замѣчено выше), и не въ исключеніи споровъ по таковымъ отношеніямъ изъ подвѣдомственности мировымъ судебнымъ установленіямъ, которымъ подсудны всѣ остальные виды означеннаго права, а только въ разъясненіи собственно того, что въ извѣстныхъ имѣніяхъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской пастьба крестьянскаго скота на толокѣ помѣщика и помѣщичьяго на толокѣ крестьянъ не признается потравою, почему упомянутый законъ и включенъ, въ видѣ примѣчанія, лишь въ правила „объ охраненіи полей и луговъ отъ потравъ и другихъ поврежденій“, т. е. въ положеніе о сельскомъ состояніи, составляющее особое приложеніе къ Тому IX Св. Зак. о состояніяхъ вообще, къ каковому положенію означенное примѣчаніе имѣетъ непосредственное отношеніе, а не въ Св. Зак. Гражд., на постановленія коего примѣчаніе это не имѣетъ въ сущности никакого вліянія. Что же касается третьяго изъ вышепоставленныхъ вопросовъ, т. е. вопроса о судебномъ осмотрѣ того поля, право на засѣвъ котораго Логвинскимъ оспаривается у него крестьянами села Почускъ, то изъ настоящаго дѣла видно, что отвѣтчикъ у Мирового Судьи возражалъ противъ этого спора именно тѣмъ, что означенное поле вовсе не принадлежитъ къ общему экономическому сѣвообороту, почему о пастьбѣ крестьянскаго скота на семъ полѣ не можетъ быть и рѣчи. Но Мировой Судья, признавъ таковое возраженіе Логвинскаго неуважительнымъ, основался въ этомъ случаѣ на представленномъ крестьянами-истцами планѣ, почему отвѣтчикъ, доказывая въ Съѣздѣ Мировыхъ Судей неправильность этого плана и представляя, съ своей стороны, планъ сего арендуемаго имъ имѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ подтвержденіе своихъ доводовъ, касающихся относительно положенія спорнаго участка и крестьянскихъ земель, просилъ объ осмотрѣ онаго въ натурѣ. При такомъ содержаніи спора сторонъ и возраженія апеллятора противъ правильности самаго основанія, на которомъ послѣдовало обжалованное имъ рѣшеніе первой инстанціи, вопросъ о точномъ опредѣленіи мѣстоположенія состоящаго въ спорѣ поля и о поставляемомъ сторонами и Мировымъ Судьею въ зависимость отъ сего правѣ Логвинскаго на обсѣмененіе этого поля, долженъ быть признанъ за одно изъ тѣхъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла, при обсужденіи которыхъ Съѣздъ не могъ ограничиться одними данными, бывшими въ виду первой инстанціи, такъ какъ сей послѣдней не были отвѣтчикомъ представлены ни вышеупомянутый планъ арендуемаго имъ

имѣнія, ни ходатайство о судебномъ осмотрѣ спорной земли для опроверженія плана, предъявленнаго Мировому Судьѣ истцами. Но Сквирскій Мировой Съѣздъ, вовсе не упомянувъ въ соображеніяхъ своихъ, на коихъ основана резолютивная часть постановленнаго имъ по настоящему дѣлу рѣшенія о новомъ документѣ, представленномъ въ оный апелляторомъ Логвинскимъ, оставилъ безъ всякаго обсужденія и просьбу его объ осмотрѣ, не указавъ даже, почему именно таковая признана неподлежащею удовлетворенію. Въ виду сего Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Сквирскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію 129 ст. Уст. Гражд. Суд., отмѣнить и дѣло передать въ Таращанскій Мировой Съѣздъ.

105.—1881 г. сентября 23 и 1882 г. мая 5 чиселъ. *По прошенію повѣреннаго Варшавской конторы Россійскаго общества морского, рѣчного и сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей, присяжнаго повѣреннаго Саула Соргенштейна, объ отмѣнѣ рѣшенія Варшавской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. А. Книримъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Присяжный повѣренный Соргенштейнъ, по довѣренности Варшавской конторы Россійскаго общества страхованія и транспортированія кладей, предъявилъ въ Варшавскомъ коммерческомъ судѣ искъ о взысканіи съ главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 1910 руб. съ процентами убытковъ, происшедшихъ вслѣдствіе похищенія, по винѣ управленія общества, изъ сданнаго по накладной Риго-Динабургской желѣзной дороги отъ 7 февраля 1877 г. шерстяного товара, двухъ мѣстъ, подъ №№ 2321 и 2322. Къ прошенію приложены: накладная, фактура торговаго дома „Гольмъ и К°“, собственника пропавшаго товара, и копія акта объ освидѣтельствованіи товара, составленнаго на Варшавской станціи С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги 14 февраля 1877 г. На лицевой сторонѣ накладной напечатано: „показанный ниже товаръ вы получаете на основаніи отпечатаннаго на оборотѣ объявленія“. Въ объявленіи этомъ, между прочимъ, сказано: „отправитель накладной этой подвергается распубликованнымъ провознымъ условіямъ, въ подлежащихъ уставахъ и тарифахъ изложеннымъ, и вниманіе его обращается въ особенности на слѣдующія условія . . . 2) за предметы, пропавшіе и поврежденные на Риго-Динабургской желѣзной дорогѣ, по сей накладной вознагражденіе назначается по торговой ихъ цѣнѣ, но ни въ какомъ случаѣ не выше 5 рубл. за пудъ, развѣ предметы застрахованы были на высшую цѣну“. Въ Варшавскомъ коммерческомъ судѣ состоялось 22 ноября (4 декабря) 1877 г. заочное рѣшеніе, присуждающее исковыя требованія, съ допущеніемъ предварительнаго исполненія рѣшенія. Въ апелляціонной жалобѣ на это рѣшеніе повѣренный отвѣтчика, Тиме, объяснилъ: похищеніе товара, составляющаго предметъ иска, произведено ночью на станціи „Варшава“ изъ вагона, съ отрѣзкою пломбы, о чемъ немедленно сообщено по принадлежности для возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Посему, и на основаніи 1784 ст. Граж. Код., 103, 97 и 98 Торг. Код., до постановленія надлежащимъ судомъ приговора о виновныхъ въ кражѣ настоящій искъ представляеся неосновательнымъ и во всякомъ случаѣ преждевременнымъ. Кромѣ того, по 1786 ст. Граждан. Код., для отправителя обязательны правила объ отвѣтственности общества, изданныя въ развитіе § 12 Высочайше утвержденнаго устава общества, по которымъ общество отвѣтствуетъ предъ отправителемъ за потерянный товаръ, въ размѣрѣ 5 руб. за пудъ. Правило это тѣмъ болѣе примѣнимо къ настоящему случаю, что оно внесено въ накладную, подписанную отправителемъ, а потому обязательно для него по 1134 ст. Гр. Код. Посему въ крайнемъ случаѣ истецъ могъ бы требовать вознагражденія за 16 пудовъ 21 фунтъ 82 рубля 50 копеекъ. Варшавская Судебная Палата нашла: 1) что истецъ доказываетъ свое право на утраченную во время провоза часть отправки представленною къ дѣлу накладною отъ 7 февраля 1877 г. за № 1152, противъ правильности которой отвѣтчикъ никакихъ возраженій не заявляетъ; 2) что, по стат. 103 Торг. Код., возчикъ отвѣчаетъ за утрату ввѣреннаго ему для провоза товара; 3) что ссылка отвѣт-

чика на то, что часть товара, отправленнаго истцомъ по накладной № 1152, утрачена вслѣдствіе насильственной кражи, совершенной ночью, съ отрѣзкою пломбы у вагона, подтверждаемая удостовѣреніемъ начальника жандармскаго отдѣленія, не освобождаетъ его отъ отвѣтственности за утраченный товаръ, такъ какъ, согласно 103 ст. Торг. Код., возчикъ освобождается отъ таковой отвѣтственности лишь тогда, когда утрата товара произошла отъ дѣйствія непреодолимой силы, между тѣмъ, насильственная кража, если она не совершена вооруженною силою, не можетъ быть отнесена къ случаямъ силы непреодолимой (1954 ст. Гр. Код.); 4) что, обращаясь засимъ къ опредѣленію размѣра отвѣтственности общества желѣзной дороги въ настоящемъ случаѣ и имѣя въ виду, что, согласно 2 пун. условій, изложенныхъ на накладной, составляющей договоръ между отправителемъ и желѣзною дорогою, сія послѣдняя отвѣчаетъ за пропажу товара въ размѣрѣ не свыше 5 р. за пудъ, если товаръ не былъ застрахованъ на высшую цѣну, слѣдуетъ признать, что истецъ имѣетъ право лишь на полученіе 82 рубл. 50 коп. за недостающіе 16 пудовъ 21 фунтъ и не можетъ взыскивать съ общества желѣзной дороги полной стоимости утраченнаго товара, опредѣленной имъ въ 1910 руб., такъ какъ, съ одной стороны, согласно 98 ст. Торг. Код., установленная закономъ отвѣтственность за утрату провозимыхъ вещей можетъ быть ограничив ема по соглашенію сторонъ, излагаемому въ накладныхъ, каковое ограниченіе до 5 руб. за пудъ и оговорено въ накладной № 1152, представленной въ основаніе сего иска; а съ другой—подобное ограниченіе теряетъ силу лишь тогда, когда утрата является послѣдствіемъ положительной вины возчика (анал. 1628 ст. Гр. Код.); между тѣмъ, истецъ не указываетъ, чтобы похищеніе его отправки было совершено кѣмъ либо изъ служителей общества желѣзной дороги, или чтобы судебное слѣдствіе было направлено противъ этихъ служителей, а не стороннихъ лицъ. По этимъ соображеніямъ Варшавская Судебная Палата отмѣнила рѣшеніе Варшавскаго коммерческаго суда и присудила главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ къ уплатѣ въ пользу Варшавской конторы Россійскаго общества страхованія и транспортированія кладей 82 руб. 50 коп. Въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе присяжный повѣренный Соргенштейнъ указываетъ на нарушеніе Палатою: 1) стат. 1784 Гр. Код., 103 Комм. Код. и 366 Уст. Гр. Суд. Для признанія возчика отвѣтственнымъ не требуется, чтобы истецъ доказалъ вину возчика. Послѣдній отвѣчаетъ въ силу приведенныхъ статей. Для того, чтобы освободиться отъ отвѣтственности, онъ долженъ доказать случайное событіе, или неопреодолимую силу. Между тѣмъ, Судебная Палата возложила на истца обязанность доказать, что похищеніе товара совершено кѣмъ-либо изъ служащихъ общества желѣзной дороги, а не посторонними лицами; 2) освобожденіе желѣзной дороги отъ отвѣтственности, на основаніи приведенныхъ обстоятельствъ, нарушаетъ, кромѣ того, 1783, 1953 и 1954 ст. Гражд. Код. По ст. 1783. возчикъ отвѣчаетъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и содержатели гостиницъ, т. е. даже и въ томъ случаѣ, когда похищеніе учинено посторонними лицами, если при этомъ не было вооруженной или непреодолимой силы. Въ настоящемъ случаѣ желѣзная дорога тѣмъ болѣе обязана возвратить полную стоимость товара, что кража учинена послѣ прибытія товара въ Варшаву, изъ пакгауза станціи, слѣдовательно, не въ пути. Похищеніе изъ запертаго пакгауза, находящагося подъ наблюденіемъ служащихъ желѣзной дороги, доказываетъ полную вину наблюдающихъ за пакгаузомъ, или, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ объ ихъ небрежности по отношенію къ ввѣренной имъ поклажѣ, за храненіе которой желѣзная дорога взимаетъ плату; 3) 1, 1382 и 1383 ст. Гр. Код. Палата приняла за основаніе ограниченной отвѣтственности утвержденныя и. д. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями правила (§§ 13, 14, 15 и 31). Но эти правила, какъ исходящія не отъ Верховной Власти, не имѣютъ силы закона, согласно 1 ст. Гражданск. Кодекса, и не могутъ освободить дорогу отъ отвѣтственности за убытки, причиненные ея дѣяніемъ, въ виду 1382 и 1383 ст. Гр. Код., по которымъ всякое дѣйствіе человѣка, причиняющее вредъ, обязываетъ вознаградить за оный, причемъ каждый отвѣчаетъ не только за вредъ, причиненный его личнымъ дѣйствіемъ, но и его небрежностью и неосторожностью; 4) 6, 1112, 1131, 1133 и 1338 ст.

Гр. Код.—Палата нашла, что условіе объ ограниченіи отвѣтственности желѣзной дороги, по 5 руб., изложено на накладной, составляющей договоръ, а потому обязательнс для отправителя. Но частными сдѣлками не могутъ быть нарушаемы законы, охраняющіе общественный порядокъ и добрую нравственность. Условіе о страхованіи имѣетъ въ виду лишь убытки, которые произошли бы случайно, но не убытки, происшедшіе по винѣ, небрежности и даже недобросовѣстности желѣзной дороги. Страхованіе этихъ послѣднихъ убытковъ не можетъ быть допущено, согласно 6 ст. Гражданскаго Кодекса. Хотя отправители и подписываютъ квитанціи о подчиненіи правиламъ желѣзной дороги, но эта подпись не должна имѣть обязательной силы, такъ какъ она дѣлается подъ вліяніемъ нравственнаго давленія—въ противномъ случаѣ не будетъ принятъ товаръ. Желѣзныя дороги пользуются монополіей, вслѣдствіе чего необходимо прибѣгать къ ихъ содѣйствію и выполнять тѣ требованія, коими обусловлено принятіе товара.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по заключенію Судебной Палаты, главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ обязано отвѣчать предъ Россійскимъ обществомъ страхованія и транспортированія кладей за утрату товара, такъ какъ насильственная кража, если она не совершена вооруженною силою, не можетъ быть отнесена къ случаямъ непреодолимой силы; что отвѣтственность желѣзной дороги за утраты провозимыхъ вещей можетъ быть ограничиваема по соглашенію сторонъ, излагаемому въ накладной, составляющей договоръ между отправителемъ и желѣзною дорогою; что по накладной, представленной въ основаніе иска, желѣзная дорога за пропажу незастрахованнаго товара отвѣчаетъ въ размѣрѣ не свыше 5 руб. за пудъ; что ограниченная отвѣтственность не имѣетъ мѣста лишь въ томъ случаѣ, когда утрата является послѣдствіемъ положительной вины возчика и что истецъ не объясняетъ, чтобы похищеніе его отправки было совершено кѣмъ-либо изъ служителей общества желѣзной дороги, или чтобы слѣдствіе было направлено противъ этихъ служителей. Вслѣдствіе сего Судебная Палата присудила истцу съ главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ не полную стоимость утраченнаго товара, а лишь по 5 руб. за пудъ. Такимъ образомъ, Судебная Палата, устранивъ возраженіе отвѣтчика о томъ, что желѣзная дорога не можетъ отвѣчать до постановленія надлежащимъ судомъ приговора о виновныхъ въ кражѣ, признала правильнымъ другое возраженіе, объ ограниченія отвѣтственности пятью рублями съ пуда. Опровергая это послѣднее заключеніе Палаты, проситель въ своей кассаціонной жалобѣ объясняетъ: 1) что, Палата приняла за основаніе ограниченной отвѣтственности утвержденныя министромъ путей сообщенія правила, которыя, какъ исходящія не отъ Верховной Власти, согласно 1 ст. Гражданскаго Кодекса, не имѣютъ силу закона и, въ виду 1382 и 1383 ст. Гражд. Кодекса, не могутъ освободить желѣзную дорогу отъ отвѣтственности за убытки, причиненные ея дѣяніемъ; 2) что по мнѣнію Палаты, условіе объ ограниченной отвѣтственности желѣзной дороги обязательно для отправителя, какъ изложенное въ накладной, составляющей договоръ; но частными сдѣлками не могутъ быть нарушаемы законы, охраняющіе общественный порядокъ и добрую нравственность, а, между тѣмъ, страхованіе убытковъ, происшедшихъ по винѣ, небрежности и даже недобросовѣстности желѣзной дороги, не можетъ быть допущено, въ виду 6 ст. Гражд. Кодекса, и 3) что похищеніе изъ запертаго пакгауза, находящагося подъ наблюденіемъ служащихъ желѣзной дороги, доказываетъ полную вину наблюдающихъ за пакгаузомъ, или, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ объ ихъ небрежности по отношенію къ ввѣренной имъ поклажѣ. Первое указаніе просителя представляется вполнѣ правильнымъ и согласнымъ съ разъясненіями Правительствующаго Сената, который неоднократно признавалъ, что министръ путей сообщенія не въ правѣ измѣнять опредѣленную гражданскими законами отвѣтственность желѣзнодорожнаго общества предъ частными лицами, въ случаѣ пропажи или поврежденія грузовъ, принятыхъ желѣзною дорогою для перевозки (рѣш. 1878 г. № 247; 1879 года № 83 и др.); но это указаніе не можетъ служить поводомъ кассаціи рѣшенія, такъ какъ Судебная Палата свое заключеніе объ ограниченіи

отвѣтственности желѣзной дороги основала не на утвержденныхъ министромъ путей сообщенія правилахъ, а исключительно на состоявшемся между сторонами договорѣ. Переходя затѣмъ къ обсужденію утвержденія просителя о томъ, что условіе объ ограниченной отвѣтственности желѣзной дороги за пропажу груза недѣйствительно, въ силу 5 ст. Гр. Код., какъ нарушающее законы, охраняющіе общественный порядокъ и добрую нравственность, Правительствующій Сенатъ находитъ, что пропажа и поврежденіе грузовъ, ввѣренныхъ возчикамъ, слѣдовательно, и желѣзнымъ дорогамъ, можетъ послѣдовать или отъ случайныхъ событій и непреодолимой силы, или отъ преступныхъ дѣяній какъ причастныхъ къ управленію желѣзной дороги, такъ и постороннихъ лицъ, или, наконецъ, отъ дѣйствій возчика, хотя и не преступныхъ, но причинившихъ убытки, будутъ ли эти дѣйствія положительныя, или выразятся только одною безпечностью или неосторожностью. Сообразно съ симъ, законъ въ первомъ случаѣ вовсе освобождаетъ возчика отъ вознагражденія вреда (1784 ст. Гр. Код.), въ двухъ-же остальныхъ возлагаетъ на него отвѣтственность за пропажу и поврежденіе грузовъ (1784 и 1382—1384 ст. Гр. Код.); причемъ, вслѣдствіе распоряженія на возчиковъ, касательно наблюденія и сохраненія ввѣренныхъ имъ вещей, тѣхъ же правилъ, какимъ подлежатъ хозяева гостиницъ, постоялыхъ дворовъ и т. п. (ст. 1782 Код.), они, т. е. возчики, подлежатъ отвѣтственности за пропажу вещей въ болѣе строгой степени, чѣмъ вообще принимателн поклажи, отвѣчая за нихъ одинаково, будетъ ли кража сдѣлана служащими у возчика или посторонними людьми, кромѣ случаевъ покражи, сдѣланныхъ вооруженною или другою непреодолимою силою. При такихъ условіяхъ отвѣтственности возчиковъ нельзя признать, чтобы всякое условіе между ними и хозяевами, касательно ограниченія отвѣтственности первыхъ предъ вторыми, за пропажу или порчу груза, всегда составляло соглашеніе, противное общественному порядку и доброй нравственности. Соглашеніе по этому предмету дѣйствительно представляется противнымъ закону, когда оно имѣетъ цѣлью освобожденіе возчика отъ отвѣтственности въ полной стоимости груза за пропажу, могущую послѣдовать отъ собственныхъ его, возчика, дѣйствій, ибо по общему началу, выраженному въ 1382 ст. Гражд. Код., всякое дѣйствіе, причиняющее вредъ, обязываетъ лицо, по винѣ коего онъ произошелъ, вознаградить потерпѣвшаго, и потому переносить эту отвѣтственность и ея послѣдствія, путемъ гражданской сдѣлки, на другое, и притомъ еще само же потерпѣвшее, лицо было бы несогласно съ постановленіемъ закона. Точно также условіе объ ограниченной отвѣтственности не можетъ имѣть законной силы и въ тѣхъ случаяхъ, когда пропажа или поврежденіе послѣдовали отъ дѣйствій лицъ, состоящихъ на службѣ возчика, ибо, по 1384 ст. Гражд. Код., всякій дѣлается отвѣтственнымъ не только за вредъ, причиненный своими личными дѣйствіями, но и за вредъ, нанесенный лицами, за которыхъ онъ долженъ отвѣчать, или предметами, находящимися въ его завѣдываніи. Что же касается утраты или поврежденія, могущаго произойти при другихъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, вслѣдствіе похищенія посторонними людьми, или непринятія надлежащихъ мѣръ предосторожности при перевозкѣ предметовъ особенно цѣнныхъ (драгоцѣнныхъ), хрупкихъ, подлежащихъ усушкѣ и скорой порчѣ, то договорныя въ сихъ случаяхъ соглашенія объ ограниченіи отвѣтственности возчика за пропажу или поврежденіе не могутъ быть признаваемы вообще противорѣчащими общественному порядку и доброй нравственности. Такъ, по отношенію къ случаямъ пропажи грузовъ, что собственно и подлежитъ обсужденію, возчикъ, какъ выше указано, хотя и отвѣчаетъ за покражу клади, сдѣланную постороннимъ лицомъ невооруженною силою, но нельзя не признать, что онъ при всей своей осмотрительности не въ состояніи иногда предупредить похищенія, какъ не въ состояніи сдѣлать этого и самъ хозяинъ; а потому въ предвидѣніи такого событія не можетъ быть отнято у договаривающихся сторонъ, возчика и хозяина груза, право заключать условія объ ограниченіи на этотъ случай отвѣтственности перваго за пропажу. Такое условіе, какъ регулирующее отношенія сторонъ при наступленіи приведеннаго особаго обстоятельства, не заключаетъ въ себѣ цѣли, закономъ воспрещенной, а потому и не можетъ быть признаваемо недѣйствительнымъ. Изъ буквальнаго

содержанія 1928 стат. Гр. Код. видно, что обязанность принявшаго поклажу стараться о сбереженіи оной не всегда одинакова и примѣняется съ большею строгостью, если принявшій поклажу или самъ на это вызвался, или выговорилъ себѣ вознагражденіе за сохраненіе поклажи, или кража произошла единственно въ интересѣ принявшаго поклажу, или, наконецъ, если было условлено, что принявшій поклажу отвѣчаетъ за всякое упущеніе. Если же законъ допускаетъ усугублять отвѣтственность за сбереженіе поклажи, то вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать и возможности соглашеній объ ограниченіи этой отвѣтственности, коль скоро такія соглашенія не простираются на случаи личныхъ дѣйствій одной стороны, или ея агентовъ, и заключены при соблюденіи тѣхъ существенныхъ условій, которыя опредѣлены для дѣйствительности договоровъ въ 1108—1133 ст. Гражд. Код., т.-е. когда въ такія сдѣлки вступаютъ лица правоспособныя, по взаимному между собою соглашенію, не будучи вовлечены въ нихъ путемъ ошибки, обмана или принужденія. При такихъ условіяхъ подобные договоры, на основаніи 1134 и 1135 стат. Граждан. Код., должны быть признаваемы имѣющими для договорившихся силу закона. Противными же общественному порядку и доброй нравственности могли бы являться такія лишь сдѣлки, заключеніе коихъ было бы поставлено въ условія, устраняющія возможность исполненія вышеуказанныхъ постановленій, опредѣляющихъ дѣйствительность договоровъ, т.-е. когда бы отправители были вынуждены соглашаться на ограниченную за утрату грузовъ отвѣтственность со стороны возчиковъ, желѣзныхъ дорогъ, не потому, что видѣли бы для себя въ этомъ какую либо выгоду, а только потому, что желѣзныя дороги, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, не допускающимъ никакой имъ конкуренціи со стороны другихъ возчиковъ, допускали бы пріемъ грузовъ къ отправленію не иначе, какъ при согласіи отправителей на такую ограниченную отвѣтственность. Но того, чтобы по Рижско-Динабургской желѣзной дорогѣ пріемъ грузовъ происходилъ подъ такимъ давленіемъ, проситель въ теченіе производства дѣла не указывалъ, а вслѣдствіе сего утвержденіе его о безусловной недѣйствительности вышеозначенныхъ сдѣлокъ, въ силу 6 ст. Гражд. Код,, не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія. Обращаясь, наконецъ, къ обсужденію утвержденія просителя о томъ, что на немъ, какъ на истцѣ, отыскивающемъ вознагражденія за пропавшій грузъ, не лежала обязанность доказать вину возчика, ибо таковая, въ силу закона, всегда предполагается, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по 1784 ст., возчики и перевозчики отвѣчаютъ за утрату и поврежденіе ввѣренныхъ имъ вещей, если только не докажутъ, что вещи тѣ утрачены или повреждены вслѣдствіе случайнаго событія или непреодолимой силы. Точное содержаніе этой статьи не оставляетъ сомнѣнія, что виновность возчика всегда предполагается. Такое предположеніе вытекаетъ изъ того, что обязанность возвращенія грузоотправителю принятыхъ отъ него для перевозки предметовъ вытекаетъ уже изъ существа договора перевозки тяжестей (1782 и 1942 ст. Гр. Код.), слѣдовательно, если возчикъ, несмотря на предъявленное къ нему требованіе, не возвращаетъ ввѣренныхъ ему вещей, то онъ, по силѣ 366 ст. Уст. Гр. Суд., долженъ доказать, что имѣетъ на это законное основаніе. Поэтому, и въ тѣхъ случаяхъ, когда заключено условіе объ ограниченной отвѣтственности за утрату груза, нѣтъ основанія освобождать возчика отъ упомянутой обязанности и тягость доказательства виновности возчика въ семъ случаѣ возлагать на грузоотправителя. Къ сему въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ тѣмъ менѣе представляется основанія, что обязанность стараться о сбереженіи поклажи, по 1927 ст. Гражданскаго Кодекса, возникаетъ со времени ея принятія, а какъ утрата груза можетъ послѣдовать на мѣстѣ отправленія, въ пути и въ мѣстѣ назначенія груза, грузоотправитель же можетъ объ этомъ узнать только въ мѣстѣ, обусловленномъ для полученія груза обратно, когда, по предъявленіи квитанціи, ему будетъ отказано въ выдачѣ по этой причинѣ клади, то требовать отъ грузоотправителя доказательствъ виновности желѣзной дороги въ утратѣ значило бы возлагать на него обязанность выяснить время, мѣсто и обстоятельства пропажи груза, что, по значительности расходовъ и по другимъ затрудненіямъ, для него можетъ быть совершенно невыполнимо.

Возложеніе на грузоотправителя такой обязанности было бы почти равносильно созданію полной безотвѣтственности въ сихъ случаяхъ желѣзной дороги. Напротивъ того, эта послѣдняя, имѣя на всемъ протяженіи не только своихъ агентовъ, но и особую желѣзнодорожную полицію, учрежденную именно съ цѣлью оказывать ей немедленное и всевозможное содѣйствіе въ нужныхъ случаяхъ (711 ст. Т. XII Уст. Пут. Сообщ. по продолж. 1876 г.), и препровождая грузы при своихъ служащихъ, поставлена въ полную возможность своевременно обнаружить пропажу, принять мѣры къ отысканію груза, а въ случаѣ похищенія онаго, къ обнаруженію какъ обстоятельствъ, при которыхъ это послѣдовало, такъ и виновныхъ въ томъ лицъ и къ привлеченію этихъ послѣднихъ къ законной отвѣтственности. Въ виду сего нельзя не признать, что приведенное утвержденіе просителя представляется правильнымъ. Сводя все сказанное, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію: 1) что договоры объ ограниченной отвѣтственности желѣзной дороги съ отправителями грузовъ, когда они заключены при соблюденіи условій 1108—1133 ст. Гр. Код., должны быть признаваемы дѣйствительными; что въ этихъ договорахъ желѣзная дорога можетъ ограничивать свою отвѣтственность за пропавшій грузъ въ извѣстной, условленной впередъ, суммѣ, на тотъ случай, когда эта утрата произойдетъ помимо ея вины, вслѣдствіе дѣяній постороннихъ лицъ, и 3) что въ случаѣ утраты груза желѣзная дорога: а) освобождается вовсе отъ отвѣтственности, когда она докажетъ, что утрата послѣдовала отъ случайнаго событія или непреодолимой силы; б) отвѣчаетъ въ предѣлахъ, условленныхъ съ отправителемъ, когда докажетъ, что утрата произошла вслѣдствіе дѣяній постороннихъ лицъ, помимо вины, безпечности или неосторожности ея служащихъ, и в) отвѣчаетъ въ полной суммѣ, когда она событій, указанныхъ въ первыхъ двухъ пунктахъ, не докажетъ. Установивъ эти начала и примѣняя ихъ къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Судебная Палата признала главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ обязаннымъ вознаградить Россійское общество страхованія и транспортированія кладей лишь по 5 рубл. съ пуда, на томъ основаніи, что истецъ не указывалъ, чтобы похищеніе груза было совершено кѣмъ либо изъ служащихъ общества, или слѣдствіе было направлено противъ этихъ служащихъ, а не постороннихъ лицъ. Между тѣмъ, виновность желѣзной дороги, какъ выше объяснено, всегда предполагается, а потому на истцѣ вовсе не лежало обязанности доказать, что похищеніе совершено кѣмъ либо изъ служащихъ общества желѣзной дороги, а, напротивъ, управленію желѣзной дороги слѣдовало, чтобы избавиться отъ уплаты всей стоимости груза, доказать, что похищеніе это совершено посторонними людьми, помимо вины общества. Вслѣдствіе сего нельзя не признать, что, присудивъ при такихъ обстоятельствахъ истцу вознагражденіе только по 5 руб. съ пуда, Палата нарушила 1382—1384 статьи, обязывающія каждое лицо вознаградить за весь вредъ, причиненный какъ личными его дѣйствіями, такъ дѣйствіями и упущеніями тѣхъ лицъ, за которыхъ оно должно отвѣчать. По таковымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе Варшавской Судебной Палаты отмѣнить, по нарушенію 1382—1384 ст. Граж. Код., и дѣло передать въ другой департаментъ той-же Палаты.

106.—1882 года сентября 22 го дня. *По прошенію повѣреннаго мѣщанина Дмитрія Посохова, присяжнаго повѣреннаго Кривцова, объ отмѣнѣ опредѣленія Одесской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ: докладывалъ дѣло Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора В. С. Лозино-Лозинскій).

25-го іюня 1876 года повѣренный Одесской [к]онторы государственнаго банка, присяжный повѣренный Зеленко, обратил[ся] въ Одесскій Окружный Судъ съ исковымъ прошеніемъ, коимъ заявилъ ходатайство о взысканіи съ одесскихъ купцовъ, братьевъ Логгина и Дмитрія Посоховыхъ, по протестованнымъ векселямъ, учтеннымъ въ этой конторѣ, 34,308 рублей 55 коп. съ процентами и судебными издержками. Дѣло это назначено было къ слушанію

на 7 е сентября 1876 года и изъ состоявшихся этого числа въ Окружномъ Судѣ—протокола, резолюціи и рѣшенія въ окончательной формѣ—видно: во-1 хъ) изъ протокола *), „что въ засѣданіе явился повѣренный банка Шмидтъ и представилъ довѣренность, копія оной передана одному отвѣтчику Посохову, явившемуся въ засѣданіе; Посоховъ не возражалъ противъ требованія Шмидта и просилъ отсрочить означенное взысканіе“; 2) изъ резолюціи, что Окружный Судъ присудилъ въ пользу банка съ Посоховыхъ по 26 векселямъ 34,308 рублей 55 коп. съ процентами и, кромѣ того, судебныя и за веденіе дѣла издержки, въ количествѣ 1149 рублей 33 коп., и положилъ рѣшеніе подвергнуть немедленному исполненію и объявить по 1292 стат. Устава Гражданскаго Судопроизводства, и въ 3 хъ) изъ рѣшенія въ окончательной формѣ (написаннаго на печатномъ бланкѣ), что въ засѣданіе Суда отвѣтчики не явились, а повѣренный истца просилъ о постановленіи заочнаго рѣшенія, и что „Окружный Судъ, выслушавъ заключеніе Товарища Прокурора, заочнымъ рѣшеніемъ опредѣлилъ“ (здѣсь повторяется содержаніе резолюціи, но также не упоминается объ объявленіи рѣшенія отвѣтчику, по правиламъ о заочныхъ рѣшеніяхъ). Изъ отмѣтки, сдѣланной на резолюціи, видно, что исполнительный листъ по сему рѣшенію выданъ 9-го сентября 1876 года. Копія съ рѣшенія отослана въ контору банка 9 октября того же года. Черезъ четыре года послѣ того, а именно 31 октября 1880 г., повѣренный Дмитрія Посохова, присяжный повѣренный Кривцовъ, и повѣренный Логгина Посохова, присяжный повѣренный Розенъ, вошли въ Одесскій Окружный Судъ съ двумя прошеніями одинаковаго содержанія (названными ими „отзывами на заочное рѣшеніе“), въ коихъ, объясняя, что рѣшеніе Суда 7 сентября 1876 г. было заочное, какъ это усматривается изъ рѣшенія въ окончательной формѣ; что копія съ него не была сообщена отвѣтчикамъ, а повѣстки объ исполненіи его вручены имъ судебнымъ приставомъ лишь 17 и 20 октября 1880 года, просили: на основаніи 727 и 728 стат. Уст. Гр. Судопр., настоящіе отзывы ихъ принять и затѣмъ заочное рѣшеніе признать недѣйствительнымъ, а дѣло возвратить въ то положеніе, въ какомъ оно было до рѣшенія. При этомъ Кривцовъ и Розенъ предъявили отводъ о подсудности настоящаго дѣла Одесскому коммерческому, а не Окружному Суду. Окружный Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что означенные отзывы повѣренныхъ Посоховыхъ не могутъ быть приняты къ разсмотрѣнію, какъ принесенные, вопреки 727 ст. Уст. Гражд. Судопр., на рѣшеніе не заочное, а потому опредѣлилъ: отзывовъ этихъ не принимать. На это опредѣленіе повѣренные Посоховыхъ принесли частныя жалобы Одесской Судебной Палатѣ, которая, по обсужденіи ихъ, нашла, что хотя въ изготовленномъ на письмѣ рѣшеніи сказано, что оно постановлено заочно, вслѣдствіе неявки отвѣтчиковъ, но въ резолюціи не выражено, что состоялось заочное рѣшеніе и что оно подлежитъ объявленію отвѣтчикамъ по 725 ст. Уст. Гражд. Судопр., а въ протоколѣ засѣданія даже совершенно положительно установлено, что копія довѣренности находившагося на лицо повѣреннаго банка, Шмидта, передана явившемуся отвѣтчику Посохову, который просилъ отсрочить взысканіе а, кромѣ того, копіи рѣшенія не были вручены, согласно приведенной 725 ст., отвѣтчикамъ. Въ виду этого и принимая во вниманіе: 1) что, на основаніи 337 ст. Учрежд. Судеб. Уст. ч. I Т. II общ. губ. учр. издан. 1876 года, 9 ст. Уст. Гр. Суд. ч. 2 Т. X изд. 1876 года и 836, 837 и 845 ст. Уст. Уголов. Судопр. Т. XV ч. 2 изд. 1876 года, протоколъ засѣданія долженъ быть составленъ такимъ образомъ, чтобы изъ него можно было видѣть все, что происходило на судѣ, причемъ все то, что записано въ протоколѣ, считается достовѣрнымъ; 2) что засимъ въ рѣшеніи все происходившее на судѣ можетъ быть изложено только совершенно согласно съ содержаніемъ протокола, хотя бы и въ сокращенномъ видѣ, а все помѣщенное въ рѣшеніи, касающееся происходившаго на судѣ, но не значащееся въ протоколѣ или противорѣчащее содержанію онаго, не можетъ считаться достовѣрнымъ и и должно быть отвергнуто до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ доказано, и 3) что, хотя повѣренные отвѣтчиковъ Посоховыхъ утверждаютъ, что ни ихъ

*) Протоколъ этотъ подписанъ только судьями и помощникомъ секретаря.

повѣренныхъ, ни вѣрителей ихъ, не было въ засѣданіи 7 сентября 1876 г., однако, ими не представлено доказательствъ въ опроверженіе протокола засѣданія, въ которомъ удостовѣрено, что одинъ изъ отвѣтчиковъ находился въ засѣданіи, получилъ копію довѣренности явившагося повѣреннаго банка и просилъ объ отсрочкѣ взысканія, вслѣдствіе чего нельзя не признать, что, на основаніи 724 ст. Уст. Гр. Суд. Т. X ч. 2 изд. 1876 г., означенное рѣшеніе не можетъ никоимъ образомъ считаться заочнымъ и подлежать отзыву, хотя и не обжаловано противною стороною въ томъ отношеніи, что ошибочно названо заочнымъ,—Судебная Палата, согласно съ заключеніемъ Товарища Прокурора, опредѣлила: частныя жалобы Посоховыхъ оставить безъ уваженія. На это опредѣленіе принесъ кассаціонную жалобу только повѣренный Дмитрія Посохова, присяжный повѣренный Кривцовъ. Въ жалобѣ этой Кривцовъ объясняетъ, что Палата нарушила 337 ст. Учр. Суд. Уст., 9, 718, 724, 727, 728, 730, 731, 891, 893 и 894 ст. Уст. Гр. Суд. и 836, 837 и 845 ст. Уст. Угол. Суд. тѣмъ, во-1-хъ) что придала силу достовѣрности протоколу судебнаго засѣданія Окружнаго Суда 7 сентября 1876 г., тогда какъ изъ протокола не видно, кто именно изъ отвѣтчиковъ, Дмитрій или Логгинъ Посоховы, являлся въ засѣданіе и давалъ объясненія и, кромѣ того, протоколъ этотъ противорѣчитъ рѣшенію Суда, составленному въ окончательной формѣ, въ коемъ сказано, что ни одинъ изъ отвѣтчиковъ въ засѣданіе 7 сентября 1876 г. не являлся, почему Судъ и разрѣшилъ это дѣло заочно; во 2-хъ) что Окружный Судъ и Судебная Палата признаютъ, что въ рѣшеніе Суда вкралась ошибка, причемъ Судъ объясняетъ ее тѣмъ, что рѣшеніе написано на печатномъ бланкѣ, но все это не болѣе какъ предположеніе, не подкрѣпленное никакими данными; къ тому же предпочтеніе должно быть дано рѣшенію (такъ какъ оно писано, хотя и по печатному бланку, но рукою члена докладчика), а не протоколу, который въ Одесскомъ Судѣ составляется и подписывается не въ самомъ засѣданіи, а впослѣдствіи, такъ что легко допустить, что составитель протокола, помощникъ секретаря, могъ позабыть и перепутать обстоятельства дѣла; въ 3 хъ) что придавать протоколу такое значеніе, какое даетъ Палата, можно было бы тогда только, если бы протоколъ этотъ составленъ былъ настолько ясно, что не внушалъ бы никакого сомнѣнія; въ протоколѣ же по настоящему дѣлу сдѣланы такія упущенія, что при отрицаніи обоихъ отвѣтчиковъ обстоятельства явки ихъ въ засѣданіе не представляется возможности убѣдиться, былъ ли кто изъ нихъ въ засѣданіи, и кто именно, и въ 4-хъ) что рѣшеніе 7 сентября 1876 г. не обжаловано истцомъ (банкомъ) и вошло для него въ законную силу, а такъ какъ въ рѣшеніи этомъ указано, что оно должно почитаться заочнымъ, то въ настоящее время допущеніе противъ этой части рѣшенія спора со стороны истца и признаніе судомъ, что оно не можетъ считаться заочнымъ, составляютъ нарушеніе 891, 893 и 894 ст. Уст. Гр. Суд.

По выслушаніи словесныхъ объясненій повѣреннаго Дмитрія Посохова, Берлина, и заключенія Товарища Оберъ Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ, что объясненіе повѣреннаго Посохова въ кассаціонной жалобѣ о томъ, что предпочтеніе должно быть дано рѣшенію Суда, а не протоколу, противорѣчитъ разъясненію Правительствующаго Сената, въ рѣшеніи 1877 года № 173, что протоколъ судебнаго засѣданія Суда долженъ составлять законное доказательство вѣрности всего того, что въ немъ записано. Само собою разумѣется, что признаніе за протоколомъ значенія законнаго доказательства вѣрности всего того, что въ немъ записано, не можетъ препятствовать заинтересованнымъ лицамъ въ дѣлѣ опровергать это доказательство точно такъ же, какъ и всякое другое; но опредѣленіе силы и значенія опроверженій, представленныхъ лицами, возражающими противъ вѣрности записаннаго въ протоколѣ, должно въ каждомъ дѣлѣ зависѣть отъ судовъ, разсматривающихъ эти опроверженія по существу. По настоящему дѣлу Одесская Судебная Палата пришла къ заключенію, что Посоховыми не представлено доказательствъ въ опроверженіе протокола засѣданія Окружнаго Суда. Такое заключеніе Палаты не можетъ, за силою 12 статьи Учрежден. Кассац. Департаментовъ по продолж. 1876 года, подлежать кассаціонной по

вѣркѣ. Другое возраженіе просителя противъ опредѣленія Одесской Судебной Палаты заключается въ томъ, что ею нарушены 891, 893 и 894 ст. Уст. Гр. Суд., такъ какъ, за необжалованіемъ конторою государственнаго банка указанія, сдѣланнаго въ рѣшеніи Окружнаго Суда, что оно постановлено заочно, указаніе это, по мнѣнію просителя, должно считаться вошедшимъ въ законную силу. Возраженіе это не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ неоднократно разъяснялъ (рѣш. 1877 г. № 277 и др.), что въ законную силу вступаетъ лишь резолюція Суда, составляющая существо рѣшенія о предметѣ спора, провозглашенная въ засѣданіи Суда, по разсмотрѣніи дѣла, и излагаемая въ исполнительномъ листѣ; а потому обжалованію можетъ подлежать рѣшеніе со стороны тѣхъ лицъ, права которыхъ нарушены именно этою резолютивною частью его, разрѣшающею предметъ спора такъ или иначе, а не со стороны тѣхъ, права которыхъ этою частью утверждены, хотя бы при этомъ и была въ изложеніи дѣла или въ соображеніяхъ предшествующихъ резолюціи допущена такая ошибка, которая не имѣла вліянія на окончательный выводъ относительно спорнаго предмета въ дѣлѣ (1875 г. № 636). Какъ въ самой резолюціи рѣшенія Окружнаго Суда по настоящему дѣлу, послѣ словъ: „Судъ опредѣлилъ“ не только нѣтъ указанія о томъ, что это рѣшеніе постановлено заочно, но, напротивъ того, относительно объявленія его сдѣлано распоряженіе на основаніи 1292 ст. Уст. Гр. Суд., а не на основаніи 725 ст., по которой слѣдовало бы объявить это рѣшеніе, если бы оно признавалось заочнымъ при самомъ постановленіи резолюціи, то само собою разумѣется, что контора государственнаго банка и не имѣла повода обжаловать эту резолюцію, ни въ чемъ не нарушавшую ея правъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: просьбу повѣреннаго мѣщанина Дмитрія Посохова, присяжнаго повѣреннаго Кривцова, на основаніи 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

107.—1882 года сентября 22 дня. *По прошенію повѣреннаго дворянина Владислава Левандовскаго, присяжнаго повѣреннаго Примо, объ отмѣнѣ рѣшенія Кіевской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. П. Талквистъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора В. С. Лозино-Лозинскій).

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ, что Судебная Палата отказала Левандовскому въ искѣ объ удаленіи Гурскаго изъ занимаемой симъ послѣднимъ въ принадлежащемъ Левандовскому, въ Сквирскомъ уѣздѣ, мѣстечкѣ Ходорковѣ усадебной земли; по встрѣчному же иску Гурскаго признала его право на вѣчно-чиншевое владѣніе въ сказанномъ мѣстечкѣ какъ усадебною землею, такъ и тѣми четырьмя участками полевой и сѣнокосной земли, на которые указывалъ Гурскій, съ уплатою за всю эту землю Левандовскому чинша въ постоянномъ размѣрѣ, по 16 руб. въ годъ, и съ предоставленіемъ Гурскому убытки, понесенные отъ неиспользованія полевою и сѣнокосною землею, доказывать въ исполнительномъ порядкѣ. Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный Левандовскаго, Примо, оставляя безъ обжалованія часть рѣшенія Палаты, состоявшуюся по иску Левандовскаго, доказываетъ неправильность этого рѣшенія въ отношеніи встрѣчнаго иска Гурскаго и потому проситъ: рѣшеніе Палаты въ сей опредѣленной части, какъ сказано въ кассаціонной жалобѣ, отмѣнить. Неправильность рѣшенія Палаты по встрѣчному иску, по объясненію Примо, состоитъ въ томъ: 1) что Палата не имѣла основанія по тѣмъ данным, которыя находились у нея въ виду, заключать, что со стороны Гурскаго не потеряно срока земской давности на предъявленіе иска о возвращеніи Левандовскимъ отобранной отъ него, Гурскаго, полевой и сѣнокосной земли, и посему неправильно отказала въ просьбѣ Левандовскаго о спросѣ въ доказательство пропуска Гурскимъ срока земской давности указанныхъ Левандовскимъ свидѣтелей и въ производствѣ о томъ дознанія чрезъ окольныхъ людей, и 2) что Палата неправильно пришла къ выводу,

что владѣніе Гурскаго землею въ имѣніи Левандовскаго происходило на чиншевомъ правѣ, и, слѣдовательно, неправильно утвердила спорную землю за Гурскимъ на этомъ правѣ. Такимъ образомъ, по содержанію жалобы Примо въ настоящемъ дѣлѣ подлежатъ обсужденію два вопроса: 1) дѣйствительно ли, какъ утверждаетъ Примо, по дѣлу не представляется данныхъ для сдѣланнаго Палатою вывода, что со стороны Гурскаго не пропущено срока земской давности на предъявленіе иска, и 2) правильно ли Палата разсудила, что Гурскій имѣетъ чиншевое право пользованія землею въ имѣніи Левандовскаго? По первому изъ этихъ вопросовъ, оказывается, что Палата нашла, что отобраніе Левандовскимъ земли отъ Гурскаго и отъ другихъ проживающихъ въ мѣстечкѣ Ходорковѣ лицъ послѣдовало въ концѣ 1868 года, а Гурскимъ искъ объ отобранной у него землѣ предъявленъ 26 октября 1877 г., т. е. до истеченія земской давности. Такое заключеніе Палата вывела: а) изъ протокола дознанія, произведеннаго, по просьбѣ Левандовскаго, 12 апрѣля 1877 г. Сквирскимъ становымъ приставомъ; б) изъ представленныхъ со стороны Гурскаго квитанцій, выданныхъ экономіею мѣстечка Ходоркова, въ полученіи за землю чинша отъ разныхъ лицъ, поселившихся въ сказанномъ мѣстечкѣ за время 1867 года и 1868 г.; в) изъ объясненій, данныхъ по докладѣ дѣла въ Палатѣ повѣреннымъ Левандовскаго, и, наконецъ, г) изъ показаній, отобранныхъ въ Палатѣ отъ двухъ свидѣтелей Гурскаго. При семъ Палата, хотя и нашла, что дознаніе, произведенное становымъ приставомъ 12 апрѣля 1877 года, состоялось внѣ установленнаго порядка, тѣмъ не менѣе признала, что содержащіяся въ протоколѣ этого дознанія свѣдѣнія пріобрѣтаютъ значеніе, въ виду того, что копія съ протокола дознанія представлена къ дѣлу самимъ Левандовскимъ и что эти свѣдѣнія находятъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ имѣющихся въ дѣлѣ доказательствахъ. Равнымъ образомъ Палата заключила, что въ представленныхъ со стороны Гурскаго квитанціяхъ, хотя и не имѣется квитанціи въ полученіи отъ самого Гурскаго чинша, но уплата чинша, какъ это видно, изъ квитанцій, выданныхъ въ 1867—1868 г.г. другимъ лицамъ, живущимъ на землѣ Левандовскаго, при имѣніи, въ виду объясненія повѣреннаго Левандовскаго, даннаго въ Палатѣ, что всѣ чиншевики находились относительно Левандовскаго въ одинаковомъ положеніи, а, слѣдовательно, по заключенію Палаты, и въ отношеніи времени отобранія отъ нихъ земель, доказываетъ, что земля и отъ Гурскаго отобрана не ранѣе этого времени. Оцѣнка доказательной силы вышеприведенныхъ данныхъ и окончательный выводъ, сдѣланный Палатою изъ совокупнаго оныхъ соображенія, а равно заключеніе о томъ, представляются ли необходимыми спросъ новыхъ свидѣтелей и производство дознанія чрезъ окольныхъ людей, составляютъ существо дѣла, не подлежащее въ своей правильности, въ силу ст. 12 прил. къ ст. 3 Т. I Учр. Сен. по прод. 1876 г., повѣркѣ при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ. На семъ основаніи не можетъ быть принято во вниманіе указаніе Примо какъ на то, что ни протоколъ дознанія станового пристава, ни квитанціи по усмотрѣннымъ Палатою обстоятельствамъ не должны были служить руководствомъ къ разрѣшенію вопроса о правѣ Гурскаго на предъявленіе иска, такъ и на то, что Палата неправильно отказала въ просьбѣ Левандовскаго о спросѣ его свидѣтелей и производствѣ дознанія чрезъ окольныхъ людей. Слѣдовательно, основанное на этомъ указаніи объясненіе Примо о послѣдовавшемъ со стороны Палаты нарушеніи, при разрѣшеніи вопроса о давности, ст. 4 и 694 Уст. Гр. Суд., должно быть оставлено безъ уваженія. По второму вопросу Палата признала, что пользованіе предковъ Гурскаго землями въ мѣстечкѣ Ходорковѣ возникло, по словесному договору съ прежними владѣльцами этого мѣстечка, еще до 1840 года, т. е. до времени введенія въ западномъ краѣ русскихъ законовъ, и что такое пользованіе этихъ лицъ и самого Гурскаго, до отобранія отъ него Левандовскимъ полевой и бенокосной земли, происходило при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыми въ [illegible]дномъ краѣ опредѣляются отношенія чиншеваго владѣльца земли къ собственнику таковой, и потому, согласно утвержденію Гурскаго, нашла, что земля, отобранная Левандовскимъ, была, по словесному договору, заключенному еще предками Гурскаго съ прежними владѣльцами мѣстечка Ходоркова, у первыхъ изъ

*

нихъ, а затѣмъ и у Гурскаго въ пользованіи на вѣчно-чиншевомъ правѣ. Хотя по производству дѣлъ со стороны Левандовскаго и утверждалось, что полевая и сѣнокосная земля какъ у Гурскаго, такъ и у прочихъ живущихъ въ его имѣніи лицъ, мѣнялась по волѣ владѣльцевъ имѣнія, изъ какого обстоятельства Левандовскій выводитъ, что владѣніе Гурскаго землею происходило на срочномъ правѣ и что, съ окончаніемъ срока, на который земля была взята отъ него Гурскимъ въ аренду, онъ имѣлъ право отобрать таковую, и въ доказательство того, что земля мѣнялась по волѣ владѣльцевъ, просилъ допросить указываемыхъ имъ свидѣтелей и произвести повальный обыскъ, но Палата не придала означенному утвержденію значенія и отклонила допросъ свидѣтелей и производство обыска. Въ семъ отношеніи, Палата, руководствовалась какъ тѣмъ, что представленныя по дѣлу доказательства положительно удостовѣряютъ, что пользованіе Гурскаго землями Левандовскаго происходило на вѣчно-чиншевомъ правѣ, такъ и тѣмъ въ особенности, что обстоятельство, касающееся замѣны однѣхъ землей другими, если бы и было удостовѣрено предлагаемыми съ стороны Левандовскаго способами, не можетъ вести къ заключенію о томъ, что между Гурскимъ и Левандовскимъ не существовало чиншевыхъ отношеній и что владѣніе перваго было срочное, т. е. происходило на арендномъ правѣ. Утвержденіе Левандовскаго о владѣніи какъ Гурскимъ, такъ и прочими живущими въ Ходорковѣ лицами, землею на срочномъ правѣ, по заключенію Палаты, не допустимо, потому что чиншевое право, разъ установившееся имѣетъ безсрочный характеръ и нисколько не можетъ измѣняться въ своемъ существѣ, если стороны по письменному или словесному соглашенію найдутъ, по соображеніямъ хозяйственнымъ или инымъ, для себя выгоднымъ произвести обмѣнъ земли. Въ кассаціонной жалобѣ Примо, объясняя, что чиншевое право есть право вещное, доказываетъ, что притязанія, на немъ основанныя, могутъ относиться только къ тѣмъ земельнымъ участкамъ, на которые при дѣйствіи мѣстныхъ законовъ оно возникло для лица, заявляющаго такое притязаніе; что изъ этого оказывается, что чиншевое право въ имѣніи вотчинника, безъ пріурочиванія его разъ навсегда къ опредѣленной части имѣнія, не вытекаетъ изъ законоположеній о чиншевомъ правѣ, между тѣмъ, Палата, придя къ заключенію, что чиншевое право остается въ своей неприкосновенной силѣ, несмотря на то, что участки, относительно которыхъ оно возникло, обмѣнены у чиншевика на другіе, и, не удовлетворивъ просьбы о приведеніи въ извѣстность, чрезъ спросъ свидѣтелей и повальный обыскъ, обстоятельства о томъ, что у чиншевиковъ въ имѣніи Левандовскаго земельные участки мѣнялись, тѣмъ самымъ нарушила законы, на которыхъ основано владѣніе на правѣ вѣчнаго чинша. Независимо отъ этого, если измѣняемость участковъ, бывшихъ во владѣніи Гурскаго, происходила, какъ признаетъ Судебная Палата, по волѣ обѣихъ сторонъ, то это соглашеніе указываетъ только на то, что стороны прекращали свой договоръ о пользованіи одними участками и заключали на другіе участки новый договоръ, который, въ смыслѣ закона, можетъ быть понимаемъ только какъ договоръ о срочномъ правѣ на недвижимое имѣніе, какъ договоръ найма недвижимости (ст. 1691 ч. I X Т.), и вовсе не указываетъ на владѣніе по праву вѣчнаго чинша. Всѣ эти приводимыя Примо соображенія въ доказательство того, что рѣшеніе Палаты по существу дѣла неправильно, не могутъ быть признаны основательными. Сущность чиншеваго права заключается, какъ это уже разъяснилъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніяхъ 1877 г. №№ 109—116, въ правѣ извѣстнаго лица на вѣчное и потомственное пользованіе опредѣленнымъ пространствомъ земли въ имѣніи другого лица, съ правомъ отчужденія такого пользованія и съ обязанностью на вѣчныя времена платить опредѣленный чиншъ. Такимъ образомъ, оказывается, что чиншевое право принадлежитъ къ числу гражданскихъ правъ. Каждое гражданское право можетъ быть предметомъ сдѣлокъ и договорныхъ отношеній. На семъ основаніи и чиншевое право, разъ установившееся, можетъ подвергаться, по взаимному соглашенію чиншевика съ владѣльцемъ имѣнія, въ своихъ частностяхъ измѣненію, нисколько не теряя чрезъ то коренного своего свойства, которое, какъ выше сказано, заключается въ вѣчномъ пользованіи за извѣст-

ное вознагражденіе чужою землею, съ правомъ передачи этого пользованія другому лицу. Оно остается тѣмъ же чиншевымъ владѣніемъ, хотя по взаимному согласію чиншевика и владѣльца обязанности перваго предъ послѣднимъ будутъ въ чемъ-либо измѣнены, или же, если отведенный подъ чиншевое пользованіе, при возникновеніи такового, участокъ земли впослѣдствіи, по волѣ владѣльца, а слѣдовательно, за отсутствіемъ спора чиншевика и съ согласія послѣдняго, будетъ замѣненъ другимъ участкомъ. Въ мѣстныхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ западномъ краѣ, до введенія въ 1840-мъ году въ оном общихъ гражданскихъ законовъ, нѣтъ запрещенія на такое измѣненіе существеннаго чиншеваго права въ его частностяхъ. Точно также и въ законѣ 24-го года, которымъ введены въ западномъ краѣ общіе законы, ни въ законахъ, состоявшихся послѣ этого Высочайшаго повелѣнія, нѣтъ указанія на то, что чиншевое право прекращается въ своемъ существѣ при всякомъ уклоненіи чиншевика и владѣльца имѣнія, по доброму между ними согласію, отъ тѣхъ первоначальныхъ условій, при которыхъ чиншевое право получило свое начало. Въ виду сего, для признанія судомъ, что чиншевое право перестало существовать, владѣльцу имѣнія необходимо представить законныя доказательства того, что чиншевикъ отказался отъ пользованія онымъ и согласился принять бывшій у него на этомъ правѣ въ пользованіи участокъ земли, или взамѣнъ онаго другой, въ силу состоявшагося договора объ арендѣ. Изъ сего слѣдуетъ, что для заключенія о томъ, что чиншевое право прекратилось недостаточно доказать, что у чиншевика бывшіе въ его пользованіи участки земли мѣнялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно подтвердить доказательствомъ и то, что таковая мѣна происходила вслѣдствіе возникшихъ новыхъ договорныхъ отношеній объ арендѣ. По ст. 1700 Тома X ч. I, договоръ о наймѣ или объ отдачѣ въ содержаніе недвижимыхъ имуществъ заключается, за исключеніемъ случаевъ, въ ст. 1702 указанныхъ, письменно. Въ виду сего существованіе арендныхъ отношеній при спорѣ, подобномъ тому, который представляетъ настоящее дѣло, можетъ быть доказываемо не иначе, какъ, письменнымъ актомъ. Такого акта со стороны Левандовскаго не представлено. Посему всѣ его утвержденія о томъ, что чиншевое право Гурскаго прекратилось и между нимъ и Гурскимъ возникли другія отношенія, представляются бездоказательными. Въ виду сего, какъ Левандовскимъ свидѣтели были выставлены въ подтвержденіе такого обстоятельства, которое, само по себѣ взятое, не можетъ, какъ выше сказано, если бы и было доказано, вести къ заключенію, что чиншевое право Гурскаго прекратилось, Палата правильно отказала въ спросѣ этихъ свидѣтелей. Точно также, при установленномъ обстоятельствѣ, что пользованіе Гурскаго землею возникло до 1840 года и постоянно продолжалось до 1868 года, при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя свойственны чиншевому пользованію, и при отсутствіи со стороны Левандовскаго закономъ требуемыхъ доказательствъ того, что это пользованіе происходило на арендномъ правѣ, Палата правильно и согласно съ закономъ признала искъ Гурскаго уважительнымъ, а споръ противъ онаго Левандовскаго неосновательнымъ. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: прошеніе Примо, повѣреннаго Левандовскаго, на основаніи 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

108.—1882 года сентября 22 го дня. *По прошенію повѣреннаго купца Саркисова, частнаго пов. Ивана Бакиновскаго, объ отмѣнѣ рѣшенія Астраханско-Красноярскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ: докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Б. Ѳ. Гойнингенъ-Гюне; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора В. С. Лозино-Лозинской).

Повѣренный купца Саркисова, предъявляя 17 декабря 1879 г. Мировому Судьѣ 2 участка г. Астрахани искъ къ купцу Богдану Попову о взысканіи за наемъ магазина 300 руб., указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ исковомъ прошеніи мѣсто жительства Попова въ 4 полицейскомъ участкѣ гор. Астрахани въ собственномъ домѣ. По этому адресу послана была повѣстка о явкѣ въ Судъ на 30 мая 1880 года отвѣтчику Попову, который и получилъ ее 27 того же мая, въ чемъ и расписался собственноручно. Но затѣмъ въ день, назначен-

ный для разбора дѣла, Поповъ не явился въ Судъ, вслѣдствіе чего Мировой Судья постановилъ 30 го мая противъ него заочное рѣшеніе о взысканіи 300 рублей. Копія съ этого рѣшенія была препровождена при повѣсткѣ по тому же адресу, для врученія Попову, но на этой повѣсткѣ священникъ Авраамъ Поповъ сдѣлалъ надпись, что Богданъ Поповъ выѣхалъ 4 го іюня 1880 года изъ Астрахани въ Россію по торговымъ дѣламъ. Въ виду этого полиція возвратила обратно Мировому Судьѣ оба экземпляра повѣстки съ копіи съ заочнаго рѣшенія, а Мировой Судья съ своей стороны сдѣлалъ 17 іюня на отзывѣ полиціи такую надпись: „къ дѣлу, впредь до заявленія истца о сообщеніи вновь копіи съ заочнаго рѣшенія". Послѣ того (25 іюля 1880 года) повѣренный истца Саркисова, Бакиновскій, обратился къ Мировому Судьѣ съ просьбой о выдачѣ ему исполнительнаго листа по упомянутому рѣшенію отъ 30 мая; когда же Судья отказалъ ему въ этомъ, то принесъ частную жалобу въ Астраханско Красноярскій Съѣздъ. Съѣздъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что статьями 61—66 Уст. Гражд. Судопр. опредѣленъ порядокъ вызова на судъ лицъ и врученія имъ повѣстокъ, порядокъ же врученія копіи заочнаго рѣшенія при повѣсткѣ не предусмотрѣнъ особыми статьями, а потому слѣдуетъ заключить, что онъ слѣдуетъ общему указанному вышеприведенными статьями порядку и именно въ данномъ случаѣ повѣстка и копія съ заочнаго рѣшенія обязательно должны были быть вручены или самому отвѣтчику Попову (ст. 63 Уст. Гражд. Судопр.). или его домашнимъ, живущимъ въ томъ же домѣ, или сосѣдямъ (ст. 64 Уст. Гражд. Судопр.), или, при неотысканіи кого либо изъ поименованныхъ лицъ, оставленіемъ повѣстки при участкѣ. Другихъ способовъ врученія повѣстокъ закономъ не предусмотрѣно, а потому предъявленіе повѣстки, съ копіею рѣшенія, родственнику отвѣтчика, какъ въ данномъ случаѣ, по неоставленіи таковыхъ въ мѣстѣ жительства его, а возвращеніе къ дѣламъ Мирового Судьи не можетъ собою замѣнить требуемаго стат. 150 и 151 Уст. Гражд. Суд. врученія таковыхъ самому отвѣтчику, какъ совершонное не въ порядкѣ, указанномъ ст. 61—66 Уст. Гр. Суд. Повѣренный Бакиновскій самъ признаетъ, что врученіе произведено несогласно закономъ установленному порядку; сознавая это, ему осталось настаивать на врученіи 1 инстанціею копіи рѣшенія закономъ указаннымъ способомъ, ибо до этого врученія, по точному смыслу ст. 151 Уст. Гр. Суд., заочное рѣшеніе въ законную силу войти не можетъ. Отвѣтчикъ, коему, хотя бы по ошибкѣ разсыльнаго, копія съ заочнаго рѣшенія не вручена, не можетъ быть лишенъ закономъ предоставленнаго ему права въ 2 недѣли со дня полученія копіи представить отзывъ о новомъ разсмотрѣніи дѣла. Другое заявленіе повѣреннаго, что отвѣтчикъ долженъ былъ знать о состоявшемся заочномъ рѣшеніи, лишено законнаго основанія, потому что стат. 151 Уст. Гражд. Суд. предоставляетъ отвѣтчику 2 хъ недѣльный срокъ на подачу отзыва не со дня вызова его на судъ и не со дня провозглашенія Судьею резолюціи, а со дня врученія ему копіи, т.-е. съ такого момента, который въ данномъ дѣлѣ еще но наступалъ. Въ виду изложеннаго Съѣздъ опредѣлилъ: частную жалобу повѣреннаго Саркисова, частнаго повѣреннаго Бакиновскаго, оставить безъ уваженія. На это опредѣленіе повѣренный Саркисова, Бакиновскій, принесъ кассаціонную жалобу, въ которой объясняетъ, между прочимъ, 1) что онъ, признавая рѣшеніе 30 мая вошедшимъ въ законную силу, не имѣлъ надобности просить о врученіи отвѣтчику копіи съ этого рѣшенія, тѣмъ болѣе, что въ Уставѣ Гр. Суд. не содержится указанія относительно обязанности истца напоминать Мировому Судьѣ о совершеніи тѣхъ дѣйствій, которыя обязательны для него въ силу самаго закона (какъ, напр., врученіе отвѣтчику копіи съ заочнаго рѣшенія); во 2 хъ) что ст. 151 Уст. Гр. Суд. не требуетъ врученія копіи съ заочнаго рѣшенія непремѣнно самому отвѣтчику, и выѣздъ его, какъ это разъяснялось неоднократно Кассац. Департам., не можетъ останавливать отправленія правосудія, такъ какъ судъ не обязанъ въ подобныхъ случаяхъ выжидать возвращенія тяжущихся, и въ 3 хъ) что, въ силу 311 ст. Уст. Гр. Суд., обязанность заявлять суду о перемѣнѣ отвѣтчикомъ мѣста жительства лежитъ не на истцѣ, а на самомъ отвѣтчикѣ. Въ виду этого, ссылаясь на неправильное толкованіе Съѣздомъ ст. 151 Уст. Гражд. Суд., и на нарушеніе

311 ст., Бакиновскій проситъ отмѣнить опредѣленіе Съѣзда и предписать ему о выдачѣ исполнительнаго листа.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что объясненіе просителя, что онъ не имѣлъ основанія хлопотать о врученіи отвѣтчику копіи съ заочнаго рѣшенія 30-го мая, такъ какъ онъ признавалъ рѣшеніе это вошедшимъ въ законную силу, не заслуживаетъ уваженія, ибо заочныя рѣшенія Мировыхъ Судей, по смыслу 3 п. 156 ст. Уст. Гр. Суд., признаются вошедшими въ законную силу только тогда, если въ установленный срокъ не принесено ни отзыва, ни апелляціи; для принесенія же отзыва, по силѣ 151 ст., опредѣленъ двухнедѣльный срокъ, исчисляемый именно со времени врученія копіи съ заочнаго рѣшенія отвѣтчику, каковой моментъ, какъ это установилъ Съѣздъ, въ настоящемъ дѣлѣ еще не наступалъ, слѣдовательно, признавать рѣшеніе 30 мая вошедшимъ въ законную силу раньше врученіи копіи съ онаго отвѣтчику, въ установленномъ для сего порядкѣ, и проситель не былъ въ правѣ; 2) хотя Мировой Судья и безъ просьбы истца обязанъ былъ принять мѣры для врученія копіи этой отвѣтчику, но неисполненіе съ его стороны этой обязанности давало истцу только право настаивать на этомъ врученіи, какъ это правильно призналъ Съѣздъ, или принести жалобу на бездѣйствіе Мирового Судьи, но не давало истцу права требовать выдачи исполнительнаго листа по рѣшенію, не вошедшему въ законную силу; 3) Мировой Съѣздъ не признавалъ вовсе, какъ полагаетъ проситель, что 151 ст. Уст. Гр. Суд. содержала въ себѣ требованіе о врученіи копіи съ заочнаго рѣшенія непремѣнно только самому отвѣтчику, или чтобы выѣздъ отвѣтчика могъ остановить отправленіе правосудія до его возвращенія, а, напротивъ того, нашелъ, что порядокъ врученія копіи заочнаго рѣшенія при повѣсткѣ слѣдуетъ общему порядку, опредѣленному для врученія повѣстокъ вызываемымъ лицамъ въ ст. 61—66 Уст. Гр. Судопроизв., изъ этихъ же постановленій 64 и 65 ст., въ случаѣ отсутствія вызываемаго лица, а въ данномъ случаѣ отвѣтчика, предписываютъ оставлять повѣстку у его домашнихъ или у завѣдывающаго имѣніемъ, либо домомъ, или у кого либо изъ сосѣдей, или, наконецъ, въ случаѣ неотысканія означенныхъ лицъ,—у полицейскаго чиновника, волостного или сельскаго начальства или полицейскаго служителя, слѣдовательно, Съѣздъ указывалъ даже на необходимость врученія копіи съ заочнаго рѣшенія другимъ лицамъ, а не самому отвѣтчику, въ случаѣ отсутствія сего послѣдняго. Но заключеніе это, вполнѣ согласное съ рѣшеніемъ Правительствующаго Сената 1874 г. № 24, разъяснившимъ, что заочное рѣшеніе объявляется отвѣтчику тѣмъ же способомъ, посредствомъ коего дѣлаются всѣ сношенія съ тяжущимися, т. е. посредствомъ повѣстокъ, посылаемыхъ при соблюденіи правилъ, установленныхъ 62—65 ст. Устава Гражданскаго Судопроизвод., не препятствовало Съѣзду признать, съ другой стороны, что требуемое ст. 150 и 151 Уст. Гр. Суд. врученіе повѣстки съ копіею заочнаго рѣшенія самому отвѣтчику не можетъ быть замѣнено (иначе) только предъявленіемъ ихъ родственнику отвѣтчика и возвращеніемъ къ дѣламъ Мирового Судьи, безъ оставленія ихъ въ мѣстѣ жительства отвѣтчика, какъ это было въ данномъ случаѣ, ибо въ приведенныхъ 64 и 65 ст. требуется именно оставленіе повѣстокъ у означенныхъ въ нихъ лицъ, а не одно только предъявленіе ихъ симъ послѣднимъ, и лишь при оставленіи ихъ у сихъ лицъ повѣстки должны считаться отвѣтчику врученными; указаніе просителя, что истецъ не обязанъ слѣдить, дома ли отвѣтчикъ во время врученія копіи заочнаго рѣшенія, или же перемѣнилъ мѣсто жительства, и заявлять объ этомъ суду, и что, напротивъ того, на обязанности отвѣтчика, въ силу 311 (должно быть 310) ст. Уст. Гр. Суд., лежало подобное заявленіе, представляется неумѣстнымъ, такъ какъ Съѣздъ таковой обязанности на истца и не возлагалъ, а призналъ только, какъ выше сказано, несоблюденіе въ данномъ случаѣ установленнаго въ 64 и 65 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства порядка, на каковое несоблюденіе указывалъ самъ проситель. За признаніемъ же этого порядка неисполненнымъ, Съѣздъ уже не могъ примѣнить къ отвѣтчику 310 ст. Уст. Гр. Суд., ибо, по смыслу сего закона, тяжущійся, не извѣстившій судъ о перемѣнѣ мѣста жительства, лишенъ права отговариваться невѣдѣніемъ,

очевидно, только о тѣхъ повѣсткахъ и бумагахъ, кои были ему посланы, по первоначальному означенію, съ соблюденіемъ установленнаго законами порядка. Тѣмъ менѣе Съѣздъ могъ примѣнить 311 ст. того же Устава, предписывающую оставлять въ канцеляріи суда бумаги и повѣстки на имя только тяжущагося, не заявившаго въ канцеляріи объ избранномъ имъ вмѣстѣ пребыванія въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ, такъ какъ, за признаніемъ, что повѣстка съ заочнымъ рѣшеніемъ подлежала оставленію у означенныхъ въ 64 и 65 ст. Уст. лицъ, Съѣздъ не могъ въ то же время требовать оставленія ихъ въ канцеляріи Мирового Судьи, на основаніи 311 ст.; притомъ, къ избранію временнаго жительства въ мѣстѣ пребыванія Мирового Судьи и къ заявленію объ этомъ тяжущіяся стороны вовсе не обязаны правилами судопроизводства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ (рѣш. 1874 г. № 95), и 5) указанныя просителемъ въ кассаціонной жалобѣ рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента состоялись по дѣламъ, не совсѣмъ съ настоящимъ дѣломъ однороднымъ. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: просьбу повѣреннаго Саркисова, Бакиновскаго, за силою 186 ст. Уст. Гр. Суд. (2 ч. X Т. изд. 1876 года), оставить безъ послѣдствій.

109.—1882 г. сентября 29 дня. *По прошенію повѣреннаго членовъ правленія Поддубинскаго ссудо сберегательнаго товарищества, частнаго повѣреннаго Гинцбурга, объ отмѣнѣ рѣшенія Шавельскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. К. Фриде; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора Н. Е Вельцинъ).

Членъ правленія Поддубинскаго ссудо-сберегательнаго товарищества Минкевичъ, предъявилъ у Мирового Судьи 3 участка Шавельскаго мирового округа искъ въ 300 рублей къ мѣщанамъ Шмуйлову и Барклаю, въ качествѣ поручителей за неисправнаго должника Роберта Штеренберга. На засѣданіе Мирового Судьи 23 іюня 1881 г. явился повѣренный товарищества частный повѣренный Гинцбургъ, представившій на хожденіе по настоящему дѣлу довѣренность, которою онъ уполномоченъ на подачу во всѣ присутственныя мѣста и къ должностнымъ лицамъ всякаго рода прошеній, объясненій и донесеній, разсматривать самыя производства и дѣлать по онымъ всякаго рода подробно въ той довѣренности исчисленныя заявленія, какъ во время производства дѣлъ, такъ и имѣющія цѣлью прекращеніе и окончаніе тѣхъ производствъ. Одинъ изъ отвѣтчиковъ, Барклай, на разбирательство Мирового Судьи не явился, а повѣренный другого отвѣтчика, Шмуйлова, Кречинъ, заявилъ, что членъ правленія, Минкевичъ, подавшій исковое прошеніе, не уполномоченъ на предъявленіе иска, такъ какъ довѣренности имъ никакой не представлено. Противъ сего Гинцбургъ возразилъ, что Минкевичъ, въ качествѣ члена правленія, уполномоченъ на предъявленіе иска § 59 мъ устава товарищества; но Мировой Судья, признавая отводъ правильнымъ, прекратилъ дѣло по исковому прошенію Минкевича производствомъ. На такое постановленіе Судьи Гинцбургъ принесъ въ Шавельскій Мировой Съѣздъ 9 іюня апелляціонную просьбу, указывая въ оной на 2181 ст. X Т. ч. I, разъясненную въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1875 года за № 521, на 26 и 27 ст. Уст. Гр. Суд. и на §§ 58 и 59 устава товарищества, нарушенныя судьею, почему и просилъ, отмѣнивъ опредѣленіе судьи, присудить товариществу отыскиваемую съ Шмуйлова и Барклая сумму. Въ подтвержденіе означеннаго своего ходатайства Гинцбургъ представилъ копію съ журнальнаго постановленія повѣреннаго совѣта Поддубинскаго ссудо-сберегательнаго товарищества отъ 3 іюня 1880 г., изъ котораго видно, что вслѣдствіе заявленія членовъ правленія, что нѣкоторые Мировые Судьи при вчинаніи однимъ изъ членовъ правленія исковъ требуютъ довѣренности отъ имени прочихъ членовъ, что очень затруднительно, постановилъ: на основаніи § 70 устава, предоставить каждому изъ трехъ членовъ правленія хожденіе въ судахъ по дѣламъ товарищества, по ст. 59-ой Устава, безъ особой на то довѣренности отъ прочихъ двухъ членовъ. Противъ означенной апелляціонной жалобы Гинцбурга повѣренный Шмуйлова, Кречинъ, по-

далъ въ Съѣздъ объясненіе, въ которомъ просилъ просьбу ту оставить безъ послѣдствій, на точномъ основаніи ст. 586 Уст. Гр. Суд., такъ какъ постановленіе Судьи подлежало обжалованію въ частномъ порядкѣ, а, между тѣмъ, просьба Гинцбурга подана имъ по истеченіи 7 ми дневнаго срока. Выслушавъ означенныя заявленія и личныя объясненія сторонъ, Мировой Съѣздъ нашелъ, что указываемая повѣреннымъ Кречинымъ ст. 586 Уст. Гр. Суд. предоставляетъ только, но не обязываетъ приносить частныя просьбы; но таковыя частныя жалобы, по разъясненію Правительствующаго Сената, могутъ приноситься только на частныя опредѣленія Суда, а къ таковымъ опредѣленіямъ нельзя относить обжалованное опредѣленіе Судьи, а потому цѣло сіе подлежитъ апелляціонному разбору. Обращаясь же затѣмъ къ апелляціи Гинцбурга, Мировой Съѣздъ нашелъ, что жалоба это противорѣчитъ 58 ст. Устава Поддубинскаго товарищества, по которой правленіе (въ составѣ 3 хъ членовъ),—а не одинъ членъ его, не снабженный довѣренностью товарищей членовъ,—имѣетъ право вчинать иски, и что тѣмъ уставомъ не предоставлено повѣрочному совѣту или общему собранію измѣнять ст. устава (§§ 68, 70 и 77), а потому, руководствуясь ст. 162 Устава Гражд. Судопроизводства, Мировой Съѣздъ утвердилъ рѣшеніе Мирового Судьи, оставивъ жалобу Гинцбурга. безъ послѣдствій. На постановленіе Съѣзда повѣренный Гинцбурга обратился съ кассаціонною жалобою въ Правительствующій Сенатъ, въ которой, ссылаясь на ст. 26, 27, 105 и 129 Устава Гр. Судопроизв., на ст. 2181 X Т. I ч. и на §§ 56, 58, 59 и 62 устава товарищества, проситъ объ отмѣнѣ того постановленія,—Въ объясненіи, поданномъ противъ означенной жалобы, мѣщанинъ Шмуйловъ, доказывая неосновательность заявленій повѣреннаго Гинцбурга, проситъ объ оставленіи жалобы его безъ послѣдствій.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что неоднократными рѣшеніями Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента (1872 г. №№ 189, 433; 1875 г. № 521; 1878 г. № 100; 1880 г. № 137 и др.) уже разъяснено, что правленія товариществъ и компаній, хотя и завѣдываютъ всѣми дѣлами обществъ, но являться въ судебныя мѣста, учрежденныя по Уставамъ 20 го ноября 1864 года, въ качествѣ истцовъ и отвѣтчиковъ могутъ не иначе, какъ въ лицѣ особо уполномоченныхъ повѣренныхъ, и всѣ судопроизводственныя дѣйствія ихъ въ судебныхъ мѣстахъ должны быть совершаемы не иначе, какъ этими особо на то уполномоченными лицами; доказательствомъ же существованія уполномочія можетъ быть признана только довѣренность, установленнымъ порядкомъ совершонная (1875 года № 521). Между тѣмъ, въ настоящемъ дѣлѣ первоначальная бумага, по которой возникло все производство въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, т. е. исковое прошеніе, подано лицомъ, не представившимъ, въ противность ст. 27. Устава Гражданскаго Судопроизводства, никакого уполномочія отъ правленія ссудо-сберегательнаго товарищества, и хотя въ мировыя учрежденія для защиты дѣла по исковому прошенію члена правленія Минкевича и явился частный повѣренный Гинцбургъ, но самый искъ предъявленъ не имъ и нораго искова прошенія имъ не подано,—напротивъ того, означенный повѣренный, ссылаясь на §§ устава ссудо-сберегательнаго товарищества и на постановленіе повѣрочнаго совѣта, изъ содержанія устава и означеннаго постановленія выводилъ для члена правленія Минкевича право на самостоятельную подачу искового прошенія отъ имени правленія, безъ особаго уполномочія сего послѣдняго. Такое заявленіе Гинцбурга, поддерживаемое имъ и въ кассаціонной жалобѣ, представляется вполнѣ неосновательнымъ, ибо, независимо отъ того, что въ уставѣ товарищества, въ тѣхъ постановленіяхъ онаго, на которыя ссылается Гинцбургъ, не содержится никакого правила, не согласнаго съ стат. 27 Устава Гражданскаго Судопроизводства, постановленіе повѣрочнаго совѣта, на которое указываетъ Гинцбургъ, не могло предоставить ни правленію товарищества, ни члену правленія Минкевичу въ данномъ случаѣ никакихъ правъ, не согласныхъ съ закономъ. Посему и имѣя въ виду, что Мировой Съѣздъ, признавъ исковое прошеніе Минкевича, поданное безъ довѣренности,

установленнымъ порядкомъ совершонной, неподлежащимъ разсмотрѣнію поступилъ вполнѣ правильно, и съ 27 ст. Уст. Гр. Суд. согласно,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ за силою 186 ст. Уст. Гр. Суд. касаціонную жалобу повѣреннаго членовъ правленія Поддубинскаго ссудо-сберегательнаго товарищества оставить безъ послѣдствій.

110.—1882 г. сентября 29 дня. *По прошенію уполномоченнаго Харьковской казенной палаты статскаго совѣтника Носова объ отмѣнѣ рѣшенія Харьковской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Р. Отмарштейнъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора Н. Е. Вельцинъ).

Крестьянинъ Радченко предъявилъ въ Харьковскомъ Окружномъ Судѣ искъ Харьковской казенной палатѣ о признаніи за нимъ права собственности на участокъ земли въ 18 дес. 400 саж., внесенный во владѣнную запись, но принадлежащій ему на правѣ собственности, какъ унаслѣдованный имъ отъ своихъ предковъ, въ числѣ старозаимочныхъ казачьихъ земель, и о взысканіи съ казны внесенной имъ за ту землю оброчной подати, за время съ 1853 по 1879 г., въ количествѣ 591 р. 96 к., съ процентами на всякій изъ платежей, со дня взноса таковыхъ въ волостное правленіе. Харьковскій Окружный Судъ призналъ за истцомъ право собственности на упомянутую землю и, имѣя въ виду, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго 13 ноября 1878 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, оброчная подать за утвержденныя крестьянамъ въ собственность земли возвращается со времени первоначально сдѣланнаго заявленія надлежащей власти о правѣ собственности истца на эту землю, а о такомъ правѣ Радченка стало извѣстно казнѣ еще съ 1853 г., такъ какъ по измѣрительнымъ таблицамъ кадастровой комиссіи она значится частною собственностью, въ числѣ старозаимочныхъ земель, почему земля эта не подлежала ни оброчной подати, ни внесенію во владѣнную запись, присудилъ истцу право на обратное полученіе внесеннаго оброка, въ количествѣ 591 руб. 96 к. На это рѣшеніе истецъ принесъ апелляціонную жалобу, въ которой, между прочимъ, ходатайствовалъ о присужденіи ему еще и процентовъ на оброчные платежи, составляющихъ 510 р. 30 к. Уполномоченный отвѣтчика также обжаловалъ рѣшеніе Окружнаго Суда. Находя, что означенная земля, за силою 2 прим. къ 783 ст. Т. X ч. I, не могла быть признана собственностью истца по одному давностному владѣнію, уполномоченный казны просилъ отвергнуть всецѣло искъ Радченка. Харьковская Судебная Палата признала апелляціонные доводы отвѣтчика незаслуживающими уваженія и, основываясь на § 272 данной кадастровымъ комиссіямъ въ 1851 г., по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, инструкціи и 610 ст. X Т. ч. I, признала казну недобросовѣстнымъ владѣльцемъ спорной земли и присудила истцу, сверхъ возврата оброчной суммы, еще проценты на вносившіеся имъ ежегодно, начиная съ 1853 г., платежи. Въ принесенной на это рѣшеніе кассаціонной жалобѣ уполномоченный казны находитъ рѣшеніе Судебной Палаты въ отношеніи присужденія процентовъ на оброчные платежи нарушающимъ смыслъ §§ 53 и 272 инструкціи, данной кадастровымъ комиссіямъ, 610 ст. Т. X ч. I и Высочайше утвержденное 13 ноября 1878 г. мнѣніе государственнаго Совѣта о порядкѣ возврата поступившихъ въ казну съ крестьянъ поземельныхъ сборовъ.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора и разсмотрѣвъ рѣшеніе Судебной Палаты въ предѣлахъ кассаціонной жалобы, Правительствующій Сенатъ находитъ, что присужденіе съ казны въ пользу Радченка процентовъ на внесенные имъ, начиная съ 1853 года, оброчные платежи основано Судебною Палатою на слѣдующихъ двухъ выводахъ: 1) что, по 272 § данной кадастровымъ комиссіямъ инструкціи, оброчные платежи за земли, которыя присваивались бывшими государственными крестьянами въ собственность, подлежали отсылкѣ въ кредитныя установленія для приращенія процентами, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи обращать сіи деньги или

въ пользу тѣхъ частныхъ владѣльцевъ, коимъ земли будутъ присуждены въ собственность, или въ пользу казны, если земля признана будетъ казенною, и 2) что, по измѣрительнымъ таблицамъ кадастровой комиссіи земля Радченка значится частною собственностью, о чемъ извѣстно было казнѣ еще съ 1853 года. Проситель не возражаетъ собственно противъ правильности объясненнаго вывода Палаты изъ содержанія 272 § инструкціи. Онъ объясняетъ только, что Палата неправильно примѣнила означенный § инструкціи къ настоящему дѣлу, такъ какъ въ семъ дѣлѣ рѣчь идетъ о землѣ, которая, по мнѣнію просителя, подлежала занесенію, на основаніи 53 § помянутой инструкціи, въ разрядъ казенно общественныхъ земель, а не въ число тѣхъ сомнительныхъ земель, о коихъ говорится въ 272 § той же инструкціи. Но такое объясненіе просителя не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія, какъ потому, что правильность фактическаго относительно спорной земли вывода суда изъ содержанія измѣрительныхъ таблицъ кадастровой комиссіи не подлежитъ, за силою 12 ст. Учр. Касс. Д товъ, повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ и потому, что объясненія и соображенія просителя о непринадлежности спорнаго участка къ разряду тѣхъ земель, о коихъ говорится въ 272 § инструкціи, приведены впервые въ кассаціонной жалобѣ и не были предъявлены суду, разрѣшавшему дѣло по существу (Сб. рѣш. 1873 г. № 595 и мн. др.). Кромѣ сего, проситель указываетъ на то, что Судебная Палата, присудивъ истцу проценты на возвращаемую ему оброчную подать, нарушила точный смыслъ 2 п. Высочайше утвержд. 13 ноября 1878 года мнѣн. Государственнаго Совѣта (дополненіе къ 394 стат. Т. VIII общ. сч. уст. по прод. 187э г.), такъ какъ въ этомъ законѣ не говорится ни слова объ обязанности казны при возвращеніи оброчной подати платить еще на оную какіе бы то ни было проценты. Но и это указаніе просителя представляется неправильнымъ. Приведенный выше законъ по буквальному содержанію своему относится къ возврату поземельныхъ сборовъ, въ томъ числѣ и оброчныхъ платежей, неправильно или излишне поступившихъ уже въ казну; въ настоящемъ уже дѣлѣ рѣчь идетъ о такихъ оброчныхъ взносахъ, которые, на основаніи спеціальнаго распоряженія, выраженнаго въ 272 § инструкціи кадастровымъ комиссіямъ, подлежали предварительно отсылкѣ въ кредитныя установленія, для приращенія процентами, и могли поступить въ казну только въ томъ случаѣ, если бы спорная земля признанана была по суду казенною собственностью. Основываясь на изложенныхъ выше соображеніяхъ и принимая во вниманіе: 1) что заключеніе о недобросовѣстности владѣнія казны спорною землею, какъ выведенное Палатою изъ обстоятельствъ дѣла, составляющихъ фактическую его сторону, не подлежитъ, за силою 12 ст. Учр. Касс. Д-товъ, повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, и 2) что проценты съ капитала, подлежавшаго, какъ объяснено выше, обращенію въ кредитномъ установленіи, составляютъ въ сущности не что иное, какъ доходъ съ этого капитала (Сб. рѣш. 1876 г. № 9), а потому заявленіе просителя о неправильности ссылки Палаты въ данномъ случаѣ на 610 ст. X Т. ч. 1 представляется неосновательнымъ, тѣмъ болѣе, что присужденіе въ пользу Радченка процентовъ на означенный капиталъ является вполнѣ согласнымъ и съ 641 ст. X Т. I ч.,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: просьбу уполномоченнаго Харьковской казенной палаты, Носова, оставить, на основаніи 793 ст. Уст. Гражд. Суд., безъ послѣдствій.

111.—1882 года сентября 29 го дня. *По прошенію мѣщанина Аркадія Андрющенкова объ отмѣнѣ рѣшенія Острогожскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. П. Ягнъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Вельцинъ).

У Острогожскаго Мирового Судьи 1 участка производилось уголовное дѣло о нарушеніи Питейнаго Устава въ ренсковомъ погребѣ, содержимомъ въ городѣ Острогожскѣ купцомъ Васильевымъ, по патенту на право продажи питей на вынось. Обвиненіе заключалось въ продажѣ вина распивочно и вдобавокъ низкопробнаго. Отвѣтственною сидѣлицею въ погребѣ была крестьянка Тюрина. Мировой Судья приговорилъ Васильева по совокупности про-

ступковъ къ высшему наказанію, которое приходилось за первый проступокъ, т.-е. къ штрафу въ 45 руб. и къ обязанности взять патентъ на право продажи питей въ ренсковыхъ погребахъ распивочно, стоющій 90 руб. Острогожскій Съѣздъ Мировыхъ Судей утвердилъ приговоръ Мирового Судьи. Исполнивъ приговоръ, Васильевъ предъявилъ искъ къ Тюриной, на основаніи 684 ст. Т. X ч. I, о возмещеніи убытковъ, понесенныхъ имъ по ея винѣ въ суммѣ 164 руб., а впослѣдствіи передалъ право иска мѣщанину Андрющенкову. Мировой Судья присудилъ искъ; Мировой же Съѣздъ, въ который Андрющенковъ представилъ копію съ протокола помощника акцизнаго надзирателя отъ 15 ноября 1880 года, въ которомъ упоминалось, что отвѣтственною сидѣлицею въ ренсковомъ погребѣ была Тюрина, и въ которомъ описывались допущенные ею разные безпорядки и распитіе вина, не войдя въ разсмотрѣніе сего документа, отказалъ въ искѣ, руководствуясь тѣми соображеніями, что Васильевъ понесъ наказаніе по суду, что наказаніе, которому онъ подвергся, не можетъ быть перенесено на другое лицо, иначе наказаніе это не было бы понесено виновнымъ; что уплаченный по суду штрафъ не можетъ быть приравненъ къ убыткамъ, предусмотрѣннымъ 684 ст. I ч. X Т., и что засимъ искъ Андрющенкова не имѣетъ законнаго основанія. Андрющенковъ проситъ отмѣнить рѣшеніе Съѣзда по слѣдующимъ кассаціоннымъ поводамъ. По его мнѣнію, нарушены: 1) 142 ст. Уст. Гражд. Судопр. тѣмъ, что Съѣздъ не упомянулъ въ рѣшеніи своемъ о документѣ, представленномъ въ засѣданіи Съѣзда, именно о копіи съ протокола помощника акцизнаго надзирателя, доказывающемъ, что убытокъ причиненъ дѣяніемъ, или упущеніемъ Тюриной; 2) 129 ст. Уст. Гражд. Судопр. тѣмъ, что Съѣздъ основалъ рѣшеніе свое на побочныхъ требованіяхъ, не бывшихъ въ разсмотрѣніи суда первой степени, именно на объясненіи повѣреннаго Тюриной въ засѣданіи Съѣзда; 3) 684 ст. I ч. X Т. тѣмъ, что Съѣздъ подъ дѣйствіе ея не подвелъ штрафа, уплаченнаго Васильевымъ по винѣ Тюриной, которая была причиною убытка. Развивая этотъ поводъ кассаціи, проситель объясняетъ, что хотя за нарушеніе 438 ст. Пит. Уст. (о распивочной торговлѣ виномъ въ ренсковыхъ погребахъ) отвѣчаетъ хозяинъ заведенія, а не отвѣтственный сидѣлецъ, тѣмъ не менѣе хозяинъ заведенія не теряетъ права требовать вознагражденія гражданскимъ порядкомъ съ отвѣтственнаго сидѣльца, вовлекшаго хозяина въ отвѣтственность, въ силу 684 ст. Т. X ч. I, разъясненной Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1872 года № 830; 1875 года № 502 и 1876 года № 62, въ томъ смыслѣ, что приведенная 684 ст. относится и къ такимъ случаямъ, когда искъ касается убытковъ съ лицъ, не сдѣлавшихъ въ отвращеніе убытковъ того, что обязаны были сдѣлать въ силу самаго закона, и своимъ дѣйствіемъ или бездѣйствіемъ причинили тотъ убытокъ; 4) 4 п. 142 ст. тѣмъ, что Съѣздъ не объяснилъ, почему именно штрафъ, уплаченный за дѣяніе Тюриной, не можетъ быть отнесенъ къ убыткамъ; 5) 437 ст. Уст. Пит. тѣмъ, что вывелъ заключеніе, что наказаніе, понесенное Васильевымъ, не можетъ быть перенесено на другое лицо, иначе наказаніе сіе не было бы понесено виновнымъ, въ нарушеніе интересовъ казны; подобное заключеніе, по мнѣнію просителя, неумѣстно, ибо а) Васильевъ штрафъ уплатилъ, и б) для казны все равно, кто нарушилъ 438 ст. Пит. Уст.—сидѣлецъ или хозяинъ,—такъ какъ во всякомъ случаѣ отвѣчаетъ хозяинъ заведенія, и 6) 131 ст. Уст. Гр. Суд. тѣмъ, что Тюрина въ апелляціонной жалобѣ просила возложить судебныя издержки на Васильева, а Съѣздъ возложилъ ихъ на просителя, несмотря на то, что повѣренный Тюриной въ засѣданіи Съѣзда не просилъ Съѣздъ о семъ, зная, однако же, что истецъ Васильевъ замѣненъ истцомъ Андрющенковымъ.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ: Мировой Съѣздъ заключилъ, что содержатель ренсковаго погреба въ Острогожскѣ, Васильевъ, обвиненный уголовнымъ судомъ, не можетъ перенести наказаніе на другое лицо и что присужденный съ него штрафъ не можетъ быть приравненъ къ убыткамъ, предусмотрѣннымъ въ 684 стат. I ч. X Т. Подобный выводъ Съѣзда, безъ установленія факта участія Васильева въ нарушеніи Питейнаго Устава, допущенномъ отвѣтственною сидѣлицею Тюриною, производившею распивочную продажу питей въ ренсковомъ

погребѣ, на право которой не имѣлось особаго патента (примѣч. къ 328 ст. Уст. Пит.), оказывается невѣрнымъ. Изъ коренного начала уголовнаго судопроизводства (15 ст. Уст. Угол. Суд.), состоящаго въ томъ, что всякій несетъ отвѣтственность только самъ за себя, Питейный Уставъ (347 ст.) допускаетъ, въ видахъ фискальныхъ интересовъ казны, исключеніе, въ силу коего за нарушеніе правилъ о питейной продажѣ отвѣчаетъ хозяинъ заведенія. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, положительно въ законѣ опредѣленныхъ (напр., 442 ст. Пит. Уст.), повѣренные и другія служащія у содержателя питейнаго заведенія лица подвергаются и денежнымъ взысканіямъ. Къ такимъ исключительнымъ случаямъ распивочная продажа питей въ ренсковомъ погребѣ безъ установленнаго на то патента не относится. Отсюда слѣдуетъ: а) что въ дѣлахъ по нарушеніямъ Питейнаго Устава, сопровождающимся денежными въ пользу казны взысканіями, за немногими исключеніями, нисколько невиновный фактически хозяинъ питейнаго заведенія несетъ на себѣ отвѣтственность за вину другого; б) въ дѣлахъ сихъ чисто уголовнаго элемента нѣтъ и в) что возлагаемая на содержателей питейныхъ заведеній денежная отвѣтственность въ возмещеніе казенныхъ убытковъ не составляетъ наказанія, какъ и разъяснено это въ рѣшеніи Гражданскаго Кассац. Департ. 1870 года № 1236 и друг. Засимъ выводъ Съѣзда о значеніи наказанія въ данномъ дѣлѣ долженъ быть устраненъ. Если же вопросъ сводится къ тому, что хозяинъ питейнаго заведенія подвергается расходамъ за дѣйствія или упущенія своего отвѣтственнаго сидѣльца, къ которымъ онъ нисколько не причастенъ, то, въ силу 574 и 684 ст. X Т. I ч., онъ въ правѣ требовать вознагражденія за причиненные ему вредъ и убытки, а лицо, виновное въ нанесеніи ихъ, обязано отвѣтствовать за тѣ вредъ и убытки, хотя бы дѣйствія и упущенія его не составляли ни преступленія, ни проступка. Слѣдовательно, и второй выводъ Съѣзда, что присужденный по уголовному суду съ Васильева штрафъ не можетъ быть приравненъ къ убыткамъ, упоминаемымъ въ 684 ст. X Т. I ч., не подкрѣпляется достаточными основаніями. Прежде чѣмъ остановиться на подобномъ выводѣ, Съѣзду надлежало выяснить, въ какой мѣрѣ дѣйствія или упущенія Тюриной были независимы отъ участія въ нихъ Васильева, и потомъ уже разрѣшить, въ правѣ ли былъ Васильевъ искать съ Тюриной возмещенія имущественной потери, Андрющенковъ, правопреемникъ Васильева, по иску представлялъ къ дѣлу копію съ протокола помощника акцизнаго надзирателя, въ доказательство фактической виновности Тюриной въ нарушеніи Питейнаго Устава, но Съѣздъ оставилъ безъ обсужденія этотъ документъ. Изъ вышеизложеннаго неизбѣжно слѣдуетъ, что Съѣздъ неосновательно устранилъ въ данномъ положеніи дѣла примѣненіе къ оному 684 ст. X Т. I ч. и тѣмъ нарушилъ ее, кромѣ того, нарушилъ 105 ст. Уст. Гр. Суд., не войдя въ обсужденіе вышеозначеннаго документа, имѣющаго существенное въ дѣлѣ значеніе. Вслѣдствіе сего, не касаясь остальныхъ поводовъ кассаціи, Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе Острогожскаго Съѣзда Мировыхъ Судей, по нарушенію 105 ст. Уст. Гр. Суд. и 684 ст. X Т. ч. I, отмѣнить и дѣло для новаго рѣшенія передать въ Коротоякскій Съѣздъ Мировыхъ Судей.

112.—1882 года сентября 29 дня. *По прошенію повѣреннаго потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя Попова, присяжнаго повѣреннаго Кудряшева, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. П. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. К. Фриде; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. Е. Вельцинъ).

Изъ дѣла видно, что въ 1870 г. потомственный почетный гражданинъ Алексѣй Поповъ купилъ съ публичныхъ торговъ домъ министерства финансовъ, бывшій Кокорева, въ Москвѣ за 1625000 руб., съ разсрочкою платежа сихъ денегъ на 28 лѣтъ. Въ счетъ этой суммы Поповъ внесъ при покупкѣ дома сто тысячъ рублей и въ теченіе слѣдующихъ засимъ 1871—1873 г.г. по 91500 руб. Въ 1874 году Поповъ обратился въ министерство финансовъ съ прошеніемъ, въ которомъ объяснилъ, что онъ желаетъ унла-

тить всю остальную за упомянутый домъ капитальную сумму, а потому ходатайствуетъ о дозволеніи ему внести оную, съ учетомъ 6% за остающееся время разсрочки. На означенное прошеніе Попову, по приказанію министра финансовъ, было объявлено отъ 12 го февраля 1874 года, что со стороны министерства препятствія къ удовлетворенію его ходатайства не встрѣчается и что если онъ согласенъ внести единовременно въ казну за купленный имъ домъ всего 856485 руб. 58 к., то прислалъ бы о семъ особое прошеніе. Между тѣмъ, когда по исполненіи Поповымъ сего требованія, министерство вошло по сему предмету съ представленіемъ въ комитетъ министровъ, то послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе означеннаго комитета отъ 14 го іюня 1874 г., коимъ постановлено: 1) дозволить Попову внести въ казну не позже 31 го августа 1874 года причитающуюся съ него за домъ сумму съ учетомъ $4^1/_4$% по 25 лѣтней разсрочкѣ, а именно 959561 р. 7 к.; 2) по уплатѣ Поповымъ въ вышеозначенный срокъ упомянутой суммы, считать всѣ расчеты по покупкѣ имъ дома оконченными и домъ тотъ отъ запрещенія освободить. Вслѣдствіе сего Поповъ обратился въ министерство финансовъ съ прошеніемъ о дозволеніи ему перезаложить пріобрѣтенный имъ съ торговъ домъ министерства финансовъ въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ и въ то же время обратился и въ означенное общество съ такимъ же ходатайствомъ. Правленіе Московскаго городского кредитнаго общества 20 августа 1874 г. за № 5099 дало знать Попову, что постановленіемъ общества опредѣлено: выдать ему, Попову, ссуду подъ купленный имъ домъ облигаціями общества на 960000 р.; но министерство финансовъ отъ 24 августа 1874 г. за № 377 дало знать Попову на его прошеніе о дозволеніи ему перезаложить домъ въ Московскомъ кредитномъ обществѣ, что оно на таковой перезалогъ препятствія не встрѣчаетъ, съ тѣмъ: 1) чтобы предварительно перезалога внесена была въ казну за этотъ домъ сумма не менѣе 135000 руб.; 2) чтобы при самомъ перезалогѣ дома пополнена была недостающая засимъ сумма наличными деньгами, а именно 824,591 руб. 7 к. и 3) чтобы вся операція по уплатѣ обѣихъ этихъ суммъ была окончена не позже 31 августа 1874 г., согласно Высочайше утвержденному Положенію комитета министровъ. Засимъ Поповъ, уплативъ въ указанный выше срокъ всю причитающуюся съ него сумму, обратился въ министерство финансовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему, взамѣнъ уплаченныхъ имъ 959591 руб. наличными деньгами, внести на означенную сумму облигацій Московскаго городского кредитнаго общества по нарицательной цѣнѣ, а таковое ходатайство основывалъ на томъ, что 31 мая 1874 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, коимъ дозволено при перезалогѣ въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ имуществъ, на коихъ числятся долги по ссудамъ изъ государственнаго казначейства, принимать въ уплату капитальныхъ долговъ по этимъ ссудамъ облигаціи сего общества по нарицательной цѣнѣ, и что таковая льгота была уже дарована покупщику дома министерства финансовъ въ С. Петербургѣ, Лохвицкому, которымъ покупная сумма за этотъ домъ внесена въ казну облигаціями С.-Петербургскаго кредитнаго общества по нарицательной ихъ цѣнѣ. На означенное ходатайство министерство финансовъ 15 мая 1876 за № 100 дало знать Попову, что оно не подлежитъ удовлетворенію, потому что причитавшаяся съ него сумма уплачена имъ въ казну, по особому съ нимъ соглашенію, не въ полномъ количествѣ оставшейся за нимъ въ долгу недоимки, а со скидкою съ оной $4^1/_4$% по 25 лѣтней разсрочкѣ, составлявшихъ 470200 руб. 13 коп., между тѣмъ, Лохвицкимъ была произведена уплата облигаціями городского кредитного общества по нарицательной цѣнѣ всего числившагося на немъ за купленный у казны домъ капитальнаго долга. Вслѣдствіе такового отказа Поповъ чрезъ повѣреннаго своего 4 іюня 1979 г. обратился въ Московскій Окружный Судъ съ исковымъ прошеніемъ, ходатайствуя въ ономъ о взысканіи съ казны 135 т. съ 6% съ 31 августа 1874 г. по день платежа и съ судебными издержками, и основаніемъ къ такому ходатайству выставилъ слѣдующее: При продажѣ казною въ 1870 г. дома бывшаго Кокорева объявлено было чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ, что покупщикъ въ число предложенной цѣны обязанъ внести немедленно 30 т., а чрезъ три мѣсяца 70 т., а остальныя сумма

разверстывается на 28 лѣтъ, съ платежемъ 4% въ видѣ роста, а 2% въ уплату капитала. Уплативъ казнѣ въ три года 374500 рубл., Поповъ чрезъ три года просилъ дозволить ему внести всю капитальную сумму разомъ съ учетомъ 6%; но комитетъ министровъ согласился сдѣлать учетъ только 4¼% и при этомъ принялъ въ соображеніе, что казна, получивъ отъ Попова 959591 рубл. 7 коп. разомъ, пріобрѣтетъ выгоду въ 111477 рублей 67 коп. Отсюда, по мнѣнію истца, слѣдуетъ, что министерство финансовъ, ссылаясь на сдѣланную Попову уступку и отказавъ ему на этомъ основаніи въ принятіи отъ него облигацій Московскаго кредитнаго общества по нарицательной цѣнѣ въ уплату долга въ 959591 рубл. 7 коп., поступило неправильно и несогласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 31 мая 1874 г., которое должно быть признано закономъ обязательнымъ къ исполненію для всѣхъ лицъ и мѣстъ въ Имперіи. При означенномъ исковомъ прошеніи, кромѣ бумагъ, содержаніе которыхъ изложено выше, представлено въ копіи отношеніе министра финансовъ въ правленіе Московскаго городского кредитнаго общества отъ 17 іюня 1874 года за № 8137, въ коемъ изложено, что вслѣдствіе представленія означеннаго общества отъ 14 мая того года министръ финансовъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о разрѣшеніи при перезалогѣ въ Московскомъ кредитномъ обществѣ имуществъ, на коихъ числятся долги по ссудамъ изъ государственнаго казначейства, въ уплату капитальныхъ долговъ по симъ ссудамъ принимать по нарицательной цѣнѣ облигаціи сего общества, къ выдачѣ таковыхъ имуществъ назначаемыхъ, на что и послѣдовало въ 31 день мая 1874 года Высочайшее разрѣшеніе. Увѣдомляя о семъ правленіе, министръ считаетъ нужнымъ присовокупить, что вмѣстѣ съ тѣмъ предложено Московской казенной палатѣ принимать отъ общества облигаціи онаго по нарицательной цѣнѣ въ уплату капитальнаго долга по ссудамъ изъ государственнаго казначейства, остающагося на перезакладываемыхъ въ означенномъ обществѣ строеніяхъ. Согласно сему правленіе Московскаго городского кредитнаго общества, въ случаѣ перехода строеній, обезпечивающихъ долги по ссудамъ изъ государственнаго казначейства, въ залогъ сего общества, имѣетъ доставлять въ Московскую казенную палату слѣдующія на погашеніе капитальнаго долга по симъ ссудамъ облигаціи. Въ засѣданіи Московскаго Окружнаго Суда, происходившемъ 15 октября 1880 г., повѣренный Попова, повторяя изложенное имъ въ исковомъ прошеніи, присовокупилъ, что онъ пріобрѣлъ съ публичныхъ торговъ домъ министерства финансовъ за 1625000 рубл., съ разсрочкою платежа на 28 лѣтъ, и эта разсрочка состоялась потому, что домъ былъ тотчасъ же заложенъ казнѣ. Такимъ образомъ, юридическія отношенія его къ казнѣ были отношенія залогодателя къ залогодержателю. Очевидно, что онъ, какъ должникъ, могъ выплатить казнѣ долгъ во всякое время раньше 28 лѣтъ безъ особаго на то разрѣшенія, но таковая уплата была для него выгодна только при учетѣ, и таковой учетъ ему былъ разрѣшенъ съ условіемъ уплаты 960000 рубл. не позже 31 августа 1874 г., причемъ въ Высочайшемъ повелѣніи, послѣдовавшемъ по его ходатайству, не обозначено вовсе, какими именно представителями онъ долженъ внести указанную выше сего сумму, а такъ какъ выборъ представителей зависѣлъ отъ его усмотрѣнія, тѣ же представители, которые имъ избраны, т. е. облигаціи Московскаго кредитнаго общества, должны быть принимаемы въ казну по нарицательной цѣнѣ, то отказъ министерства отъ принятія ихъ по номинальной стоимости, имѣвшей послѣдствіемъ убыточную для него реализацію, и даетъ ему право взыскивать съ казны понесенные имъ убытки, а потому, повторяя просьбу о присужденіи ему означенныхъ убытковъ, причиненныхъ въ 135000 рубл., истецъ просилъ, на случай непризнанія возможнымъ уважить въ настоящее время искъ его вполнѣ, выдать ему свидѣтельство на представленіе документовъ, которыми цыфра иска его должна будетъ подтвердиться. Противъ означеннаго иска повѣренный Московской казенной палаты возражалъ [illegible] основаніе иска Попова неправильно, ибо Высочайшее повелѣніе отъ 31 мая 1874 г., на которое истецъ ссылается, относится лишь къ лицамъ, получившимъ ссуды изъ государственнаго казначейства, каковой Попову выдаваемо не было. Отношенія его къ казнѣ были отношенія обыкновеннаго должника, а порядокъ

уплаты казнѣ 960000 рубл. опредѣлялся особымъ соглашеніемъ между Поповымъ и казною и въ этомъ соглашеніи не только не выражено право Попова вносить долгъ облигаціями, но прямо на него возложена министерствомъ финансовъ обязанность вносить наличныя деньги, и это условіе исполнено Поповымъ къ сроку, указанному въ Высочайшемъ повелѣніи, почему нынѣ не можетъ быть рѣчи о взысканіи съ казны какой бы то ни было суммы, а въ особенности 135000 руб., въ подтвержденіе каковой суммы Поповымъ даже не представлено никакихъ данныхъ. Признавая съ своей стороны основаніе къ иску недоказаннымъ, а потому неподлежащимъ и удовлетворенію, ходатайство повѣреннаго Попова объ отсрочкѣ засѣданія для предоставленія ему возможности представить дополнительные документы, указанные въ засѣданіи отъ 15 октября 1880 года, Московскій Окружный Судъ опредѣлилъ, не допуская отсрочки засѣданія для полученія документовъ и свѣдѣній, такъ какъ указанныя свѣдѣнія не могутъ имѣть вліянія на разрѣшеніе дѣла, отказать Попову въ искѣ съ казны 135000 руб. и взыскать съ него въ вознагражденіе Московской казенной палаты 1662 р. 22 к. и судебныхъ въ казну пошлинъ 202 рубл. 50 коп. Жалуясь на означенное рѣшеніе Окружнаго Суда и доказывая прежними доводами право Попова на взысканіе съ казны убытковъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе того, что выданныя ему изъ Московскаго городского кредитнаго общества облигаціи не были приняты Московскою казенною палатою въ уплату долга казнѣ и подлежали реализаціи для внесенія въ казну наличныхъ денегъ, повѣренный Попова по вопросу о количествѣ причитающагося ему изъ казны вознагражденія изложилъ, что выданныя ему облигаціи на 960000 р. подлежали реализаціи при посредствѣ кредитнаго общества и Московскаго купеческаго банка и при семъ имъ понесено убытка на 135000 р.; эта цыфра можетъ быть провѣрена и доказана справками изъ кредитнаго общества и Московскаго купеческаго банка о томъ, сколько именно выручено наличными деньгами отъ реализаціи облигацій для платежа 824591 руб. 7 коп., платежъ коихъ по неправильному распоряженію министерства финансовъ произведенъ не облигаціями, а деньгами. А потому, возобновляя передъ Палатою ходатайство о присужденіи Попову 135000 руб., повѣренный истца просилъ, предварительно разрѣшенія дѣла сего по существу, выдать ему свидѣтельство на представленіе подлиннаго производства министерства финансовъ и комитета министровъ, предшествовавшаго утвержденію положенія комитета о разрѣшеніи Попову выкупа изъ казны дома. Разсмотрѣвъ вышеизложенное, а равно объясненіе повѣреннаго отъ министерства финансовъ, Московская Судебная Палата 27 августа 1881 г. нашла: хотя апелляторъ и указываетъ на нарушеніе министерствомъ финансовъ законовъ, изложенныхъ въ Высочайшихъ повелѣніяхъ 31 мая и 7 іюня 1874 г., усматривая въ нихъ обязанность казны принять отъ Попова облигаціи по номинальной цѣнѣ, но съ основнымъ доводомъ иска согласиться нельзя. По поводу покупки дома Кокорева въ 1870 году между продавцомъ—казною и покупщикомъ—Поповымъ установилось соглашеніе, по которому послѣдній обязался въ теченіе 28 лѣтъ выплатить стоимость дома, равную 1625000 рубл. серебромъ. Затѣмъ въ 1874 году обѣ стороны согласились на измѣненіе договора въ томъ смыслѣ, что казна уступаетъ Попову $4^1/_4$ % по 25 ти лѣтней разсрочкѣ, что составитъ 470200 рублей, а Поповъ, единовременно уплатитъ не позже 31 августа, 959591 рубл.,—тогда „всѣ расчеты по покупкѣ дома будутъ покончены“. Состоявшееся въ такомъ смыслѣ положеніе комитета министровъ Высочайше утверждено 7 іюля. Выводъ апеллятора, что законъ этотъ давалъ ему право уплатить казнѣ долгъ всѣми денежными знаками и бумагами, принимаемыми казною, а потому облигаціями Московскаго кредитнаго общества, представляется несогласнымъ съ точнымъ и буквальнымъ содержаніемъ приведеннаго узаконенія, въ коемъ ни объ облигаціяхъ, ни о какихъ другихъ денежныхъ знакахъ, кромѣ общепринятой монеты „рубль“, ничего не сказано. Что эта сдѣлка долженствовала совершиться на наличныя деньги, видно съ одной стороны изъ распоряженія министра финансовъ о взносѣ 959591 р. наличными деньгами, а съ другой—изъ исполненія Поповымъ означеннаго требованія. Если же Поповъ въ настоящее время, спустя пять лѣтъ, и утверждаетъ, что онъ желалъ внести

облигаціи кредитнаго общества, что именно по его просьбѣ министръ финансовъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе 31 мая, дававшее право вносить облигаціи вмѣсто наличныхъ денегъ, что онъ и кредитное общество оспаривали распоряженіе министра финансовъ и что апелляторъ вынужденъ былъ подчиниться ему и что такимъ дѣйствіемъ министра финансовъ причиненъ ему убытокъ, произошедшій отъ продажи облигацій на биржѣ для превращенія въ наличныя деньги,—то всѣ эти заявленія, не говоря уже о ихъ бездоказательности, представляются незаслуживающими уваженія еще потому, что отъ доброй воли Попова зависѣло или исполнить первоначальное условіе, по которому онъ долженъ былъ заплатить казнѣ въ теченіе 28 лѣтъ 1625000 руб., или воспользовавшись уступкою, внести остальные 959591 рубль тѣми цѣнностями и къ тому сроку, какіе ему были указаны другой стороной, входившей съ нимъ въ соглашеніе. Согласившись на эту сдѣлку добровольно, Поповъ не можетъ требовать съ противной стороны убытковъ, если они дѣйствительно и возникли для него изъ соглашенія, имъ же самимъ добровольно вызваннаго и въ точности имъ исполненнаго. Переходя затѣмъ къ указаніямъ апеллятора на нарушеніе министромъ финансовъ закона 31 мая, Судебная Палата тоже не можетъ согласиться со взглядомъ повѣреннаго Кудряшева на этотъ законъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 31 мая разрѣшено „при перезалогѣ въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ имуществъ, на коихъ числятся долги по ссудамъ изъ государственнаго казначейства, въ уплату капитальнаго долга по симъ ссудамъ, принимать по нарицательной цѣнѣ облигаціи сего общества". Буквальный смыслъ означеннаго закона заключается въ томъ, что облигаціями разрѣшается погашать ссуду изъ государственнаго казначейства, слѣдовательно, истецъ, желающій доказать, что онъ имѣлъ право этими цѣнностями погасить свой долгъ казнѣ, обязанъ былъ (366 ст. Уст.) удостовѣрить Судъ въ томъ, что дѣйствительно государственное казначейство выдало ему ссуду и что ее онъ желалъ погасить облигаціями, но министръ ему въ этомъ отказалъ. За непредставленіемъ же апеллляторомъ доказательствъ существованія ссуды, вопросъ о примѣненіи къ настоящему дѣлу закона 31 мая не можетъ имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что законъ этотъ, какъ изъятіе изъ общаго правила, по которому всѣ денежныя сдѣлки совершаются съ казною на наличныя деньги, не можетъ быть толкуемъ распространительно. Не усматривая, на основаніи изложеннаго, въ распоряженіяхъ министерства финансовъ такихъ дѣйствій, которыя нарушали бы Высочайшее повелѣніе 31 мая и 7 іюня и тѣмъ причинили Попову убытокъ, Судебная Палата, не входя въ обсужденіе просьбы о выдачѣ свидѣтельства на собраніе данныхъ, между прочимъ, о количествѣ убытковъ, опредѣляетъ: рѣшеніе Окружнаго Суда оставить въ силѣ, а апелляціонную жалобу Кудряшева безъ уваженія, возложивъ на Попова отвѣтственность въ платежѣ судебныхъ издержекъ и вознагражденія за веденіе дѣла по апелляціонному производству. На рѣшеніе Палаты повѣренный истца Попова обратился въ Правительствующій Сенатъ съ кассаціонною жалобою, въ которой ходатайствуетъ объ отмѣнѣ того рѣшенія по слѣдующимъ основаніямъ: 1) если, какъ то правильно признала Палата, въ Высочайшемъ повелѣніи 7 іюня 1874 года, не указано денежныхъ знаковъ, которыми Поповъ могъ учинить расчетъ съ казною, то отсюда ясно, что расчетъ этотъ могъ быть произведенъ всѣми тѣми знаками, которые по общимъ и частнымъ законамъ казна обязана принимать по расчетамъ съ нею; а такъ какъ за силою Высочайше утвержденнаго Полож. комитета министровъ отъ 31 мая 1874 года, казна обязана была въ данномъ случаѣ принимать и облигаціи Московскаго кредитнаго общества, то Поповъ могъ учинить расчетъ и таковыми облигаціями; 2) соображенія Палаты о томъ, что расчетъ съ казною все-таки долженъ былъ почему то быть произведенъ на наличныя деньги, и указаніе, какъ на основаніе къ таковому выводу, на сдѣлку Попова съ казною несогласно съ закономъ. Сдѣлка истца съ казною оканчивалась Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 7 іюня въ разрѣшеніе его ходатайства; это повелѣніе подлежало точному исполненію со стороны министерства и не могло быть нарушаемо никакими сдѣлками съ Поповымъ; а какъ именно

оно должно было быть исполнено—о томъ видно изъ другого Высочайшаго повелѣнія отъ 31 мая того же года; 3) признавая заявленіе истца о томъ, что по его иниціативѣ и послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 31 мая 1874 г., бездоказательнымъ и отказавъ ему въ то же время въ выдачѣ свидѣтельства на представленіе производствъ министерства финансовъ и комитета министровъ, Палата нарушила 452 и 453 ст. Уст. Гр. Суд. и, наконецъ, 4) въ рѣшеніи соображеніе о томъ, что Поповъ долженъ былъ доказать, что онъ получилъ ссуду изъ государственнаго казначейства, Палата приняла въ основаніе къ отказу Попову въ искѣ такіе мотивы, которые противною стороною указаны не были, чѣмъ и нарушила 2 и 3 пп. 793 ст. Уст. Гр. Суд. Противъ означенной кассаціонной жалобы уполномоченный отъ министерства финансовъ представилъ объясненіе, въ которомъ, повторяя прежнія возраженія противъ иска и апелляціи Попова, присовокупляетъ, что просьба истца о выдачѣ ему свидѣтельства на представленіе производствъ министерства финансовъ и комитета министровъ не подлежала удовлетворенію со стороны Палаты, какъ потому, что она заявлена въ первый разъ въ Палатѣ, такъ и потому, что повѣренный Попова не указалъ, какіе именно документы онъ желаетъ получить изъ дѣла министерства и комитета; что же касается указанія на то, что Палата сама возбудила вопросъ о существованіи ссуды, то оно не согласно съ производствомъ по настоящему дѣлу, изъ котораго видно, что какъ въ Окружномъ Судѣ, такъ и во время производства дѣла въ Палатѣ однимъ изъ основаній къ ходатайству уполномоченнаго отъ министерства финансовъ къ признанію иска Попова незаслуживающимъ уваженія было именно то, что истецъ ссуды изъ государственнаго казначейства никогда не получалъ, а потому не можетъ ссылаться на Высочайшее повелѣніе 31 мая 1874 г., которое къ нему примѣненія не имѣетъ. Вслѣдствіе сего повѣренный отъ министерства финансовъ проситъ объ оставленіи кассаціонной жалобы повѣреннаго Попова безъ послѣдствій.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что первый кассаціонный поводъ повѣреннаго Попова представляется незаслуживающимъ уваженія, ибо, если и безспорно то, что казна не можетъ отказываться отъ пріема въ уплату частныхъ долговъ такихъ денежныхъ представителей, которые по общимъ законамъ установлено принимать по расчетамъ съ казною, то и эти общіе законы, однако, не установляютъ для казны обязанности принимать бумаги эти не по биржевому курсу, или по курсу, установленному казною въ публикаціяхъ министерства финансовъ, или, наконецъ, по добровольному соглашенію министерства въ данномъ случаѣ съ должникомъ, а по нарицательной цѣнѣ ихъ. Обязывать министерство принимать бумаги по расчетамъ съ казною не иначе, какъ по номинальной стоимости ихъ, можетъ только спеціальный законъ, на этотъ случай изданный, и хотя повѣренный Попова и указывалъ на то, что этотъ спеціальный законъ именно и изданъ 31 мая 1874 г., но министерство финансовъ отвергаетъ означенное толкованіе истца и указываетъ на то, что законъ 31 мая относится, какъ именно сказано въ немъ, къ вопросу о покрытіи взносомъ облигацій Московскаго городского кредитнаго общества ссудъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ изъ государственнаго казначейства, между тѣмъ какъ Попову таковой ссуды никогда выдаваемо не было. Точный смыслъ означеннаго Высочайшаго повелѣнія не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно не разрѣшаетъ покрытія всякаго рода долговъ казнѣ посредствомъ облигацій кредитнаго общества, и при указаніи министерства финансовъ на то, что въ данномъ случаѣ судебное мѣсто должно руководствоваться буквальнымъ смысломъ означеннаго Высочайшаго повелѣнія, имѣющаго въ виду совсѣмъ иной случай, ни Окружный Судъ, ни Судебная Палата, какъ въ виду сего требованія отвѣтчика, такъ равно и при отсутствіи въ Высочайшемъ повелѣніи 7 іюня 1874 г. указанія на право Попова представлять въ уплату долга казнѣ облигаціи Московскаго городского кредитнаго общества не имѣли права толковать оба сіи повелѣнія распространительно въ томъ смыслѣ, въ какомъ домогался того истецъ. Соображенія Палаты, основанныя на томъ, что не только по смыслу

двухъ Высочайшихъ повелѣній, но и по свойству сдѣлки Попова съказною истецъ не имѣетъ правильнаго основанія ко взысканію съ казны какой-бы то ни было суммы, представляются также не подающими повода къ отмѣнѣ рѣшенія Палаты, ибо министерство финансовъ не возлагало на Попова никакой обязанности, вмѣсто погашенія долга въ 1635000 р. еще въ 25 лѣтъ, вносить единовременно какую бы то ни было сумму, а Поповъ самъ ходатайствовалъ предъ правительствомъ о дозволеніи ему окончить расчеты съ министерствомъ финансовъ единовременнымъ взносомъ такой суммы, которая, за учетомъ, какой признано будетъ возможнымъ достичь, съ него причтется. Хотя расчетъ, который указанъ былъ Поповымъ и на который первоначально и согласилось министерство финансовъ, не былъ принятъ комитетомъ министровъ, но отъ Попова засимъ и не отнималось права не соглашаться на окончательный расчетъ и просить объ оставленіи всего дѣла по расчетамъ его съ казною въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось до предъявленія имъ ходатайства о единовременномъ взносѣ въ казну долга за купленный имъ домъ; не сдѣлавъ подобнаго заявленія и согласившись уплатить къ 31 августа 1874 года 959591 руб. 7 коп., Поповъ вошелъ съ казною въ соглашеніе относительно количества подлежащаго съ него ко взысканію долга и относительно срока, къ которому этотъ долгъ подлежитъ взносу. Когда затѣмъ эти два вопроса установились взаимнымъ соглашеніемъ или сдѣлкою кредитора казны и должника Попова, то этотъ послѣдній обратился въ казну съ новымъ ходатайствомъ: о дозволеніи ему внести причитающуюся съ него безспорно къ извѣстному сроку сумму не наличными деньгами, а извѣстными, указанными имъ представителями цѣнности. Заявленіе этого ходатайства доказываетъ, съ одной стороны, что внесеніе долга тѣми или другими представителями оказывалось для Попова не безразличнымъ, а представлялось для него въ одномъ случаѣ выгоднымъ, а въ другомъ убыточнымъ; но то, что было не безразлично для него, какъ для должника, не могло быть безразличнымъ и для кредитора, а потому, сознавая правильность сего довода, Поповъ самъ и признавалъ необходимымъ просить согласія министерства финансовъ на ту комбинацію, которая представлялась для него наиболѣе выгодною. Само то обстоятельство, что Поповъ безъ испрошенія согласія министерства не признавалъ за собою права вносить прямо въ уплату долга казнѣ облигаціи Московскаго кредитнаго общества, указывало уже на то, что онъ призналъ возможнымъ несогласіе министерства на таковой порядокъ уплаты казнѣ 959591 руб., и поэтому въ соображеніи Палаты о томъ, что и въ перепискѣ Попова съ министерствомъ по сему предмету заключается сдѣлка, не усматривается никакого нарушенія закона; а такъ какъ по таковой сдѣлкѣ министерство выразило то, что оно требуетъ отъ Попова, и Поповъ по означенному заявленію не настаивалъ вновь на оставленіи всего ходатайства его о взносѣ денегъ единовременно безъ послѣдствій, а, напротивъ того, внесъ всю сумму, причитающуюся съ него по Высочайше утвержденному Положенію комитета министровъ, въ указанные министерствомъ финансовъ сроки и тѣми денежными представителями, на полученіе которыхъ министерство изъявило согласіе, то заключеніе Палаты о томъ, что Поповъ, войдя въ сдѣлку съ казною и исполнивъ эту сдѣлку добровольно, не можетъ уже предъявлять къ казнѣ никакого требованія объ убыткахъ, отъ таковой сдѣлки для него истекающихъ, представляется также согласнымъ съ закономъ. Обращаясь къ третьему кассаціонному поводу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что отказъ Палаты въ выдачѣ повѣренному Попова свидѣтельства на полученіе производства министерства финансовъ и комитета министровъ представляется также основательнымъ, ибо, не говоря уже о томъ, что въ Окружномъ Судѣ Поповъ просилъ о выдачѣ ему свидѣтельства на представленіе справокъ изъ Московскаго кредитнаго общества, изъ биржевого комитета и отъ старшаго нотаріуса, Палата имѣла права отказать просителю въ выдачѣ свидѣтельства по такой просьбѣ, въ которой не указано, какіе именно документы изъ производствъ министерства и комитета министровъ ему необходимы. Но, независимо отъ сего, даже при указаніи положительно этихъ документовъ Палата въ данномъ случаѣ не была обязана признавать требованіе повѣреннаго

*

Попова подлежащимъ удовлетворенію, такъ какъ самое основаніе иска отвергнуто Палатою, потому что Высочайшее повелѣніе отъ 7 іюня 1874 года признано Палатою вполнѣ яснымъ и неподлежащимъ толкованію, а въ смыслѣ Высочайшаго повелѣнія отъ 31 мая 1874 года Палата также никакого сомнѣнія не встрѣтила; а, между тѣмъ, только при сомнѣніи въ смыслѣ и значеніи того или другого изъ сихъ повелѣній въ данномъ случаѣ представлялось бы необходимымъ прибѣгнуть къ разсмотрѣнію тѣхъ производствъ, по которымъ означенныя повелѣнія были испрошены и послѣдовали. Наконецъ, обращаясь къ четвертому кассаціонному поводу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что указаніе повѣреннаго Попова на нарушеніе Палатою 2 и 3 п.п. ст. 793 Уст. Гр. Суд. разрѣшеніемъ невозбужденнаго, будто бы, сторонами вопроса о томъ, что обязательныя отношенія Попова къ министерству финансовъ возникли не изъ ссуды, выданной государственнымъ казначействомъ, а изъ долга Попова казнѣ по покупкѣ дома, представляется несогласнымъ съ подлиннымъ производствомъ, ибо этотъ доводъ къ отказу Попову въ искѣ былъ приведенъ уполномоченнымъ отъ казны какъ въ Окружномъ Судѣ, такъ и въ Палатѣ, и, независимо отъ сего, ссылка Попова на Высочайше утвержденное Положеніе комитета министровъ отъ 31 мая 1874 года возлагала на Палату обязанность войти въ разсмотрѣніе того, разрѣшался ли означеннымъ повелѣніемъ тотъ именно вопросъ, который возбужденъ исковымъ прошеніемъ Попова. Вслѣдствіе сего, признавая всѣ указанные въ жалобѣ повѣреннаго Попова кассаціонные поводы незаслуживающими уваженія, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., кассаціонную жалобу повѣреннаго коммерціи-совѣтника Попова, оставить безъ послѣдствій.

113.—1182 г. октября 6 дня. *По прошенію купца Абрама Мушнштейна объ отмѣнѣ опредѣленія Оргѣевскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Ѳ. Ѳ. Штакельбергъ; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора гр. В. А Тизенгаузенъ).

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по требованію купца Абрама Мушнштейна продавалось при Оргѣевскомъ Мировомъ Съѣздѣ недвижимое имущество умершаго мѣщанина Ивана Медвѣдева, но произведенный 10 сентября 1881 г. торгъ былъ признанъ несостоявшимся, такъ какъ мѣщанинъ Гольцманъ, предложившій на торгѣ высшую цѣну и внесшій задатокъ, не уплатилъ въ срокъ остальной покупной суммы. Вслѣдствіе сего купецъ Мушнштейнъ обратился къ непремѣнному члену съ просьбою объ оставленіи за нимъ имѣнія въ оцѣночной суммѣ; но непремѣнный членъ Съѣзда въ этомъ ходатайствѣ Мушнштейна отказалъ, а Оргѣевскій Мировой Съѣздъ оставилъ жалобу послѣдняго безъ послѣдствій, признавъ, что хотя первые торги и не состоялись, но засимъ, на основаніи ст. 1171 и 1063 Уст. Гражд. Судопр., другіе кредиторы Медвѣдева, общая сумма долговъ коихъ превышаетъ долгъ Мушнштейна, имѣютъ право просить о производствѣ новыхъ торговъ, и только въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ этого права, можетъ быть рѣшенъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ преимущественное право на оставленіе за нимъ имущества. Такое заключеніе Мирового Съѣзда вовсе не вытекаетъ изъ смысла ст. 1171 Уст. Гражд. Судопр. Въ статьѣ этой выражено, что если торгъ не состоится, то кредиторы имѣютъ право просить о производствѣ новаго, или удержать имѣніе за собою; но въ ней вовсе не постановлено, чтобы кредиторъ, заявляющій желаніе оставить имѣніе за собою въ то время, когда остальные кредиторы не являются и не просятъ о производствѣ новаго торга, обязанъ былъ доказать, что они отказались отъ этого права. Законъ не установляетъ срока, ранѣе котораго кредиторъ не имѣлъ бы права просить объ оставленіи за нимъ имущества. Право сіе, какъ и право просить о производствѣ новаго торга, наступаетъ съ момента признанія торга несостоявшимся, причемъ вопросъ о производствѣ новаго торга разрѣшается, на основаніи ст. 1174 Уст. Гражд. Судопроизвод., наличными кредиторами. Почему и принимая во вниманіе, что приведенное заключеніе Мирового

Съѣзда не подтверждается и ст. 1063 того же Устава, которая притомъ, относясь въ продажѣ движимыхъ имуществъ, къ настоящему дѣлу не примѣнима,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Оргѣевскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію 1171 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и дѣло для новаго рѣшенія передать въ Кишиневскій Мировой Съѣздъ.

114.—1882 года октября 6-го дня. *По прошенію повѣреннаго княгини Анны Абамелекъ, Пуриса, объ отмѣнѣ рѣшенія Староконстантиновскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ В. И. Бартеневъ; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ).

Управляющій княгини Абамелекъ, по праву ея, какъ владѣлицы города Староконстантинова, взыскалъ въ ея пользу, сверхъ чинша, особый сборъ въ количествѣ 35 руб. съ Горинштейна за утвержденіе купчей сдѣлки, по которой Горинштейнъ пріобрѣлъ каменный домъ въ этомъ владѣльческомъ городѣ. Горинштейнъ предъявилъ вслѣдствіе сего искъ къ княгинѣ Абамелекъ и объяснивъ, что съ него при засвидѣтельствованіи купчей сдѣлки управленіе владѣлицы города взяло неправильно и произвольно какой то сборъ сверхъ чинша; что сборъ этотъ, на основаніи 574, 691 и 687 ст. Т. X ч. I, подлежитъ возвращенію ему, просилъ о взысканіи съ княгини Абамелекъ 35 руб. Повѣренный отвѣтчицы возражалъ противъ иска, ссылаясь на то, что Горинштейнъ добровольно уплатилъ сборъ и что владѣльцы городовъ и мѣстечекъ въ западныхъ губерніяхъ имѣютъ право взыскивать сборъ за утвержденіе ими купчихъ сдѣлокъ на дома и строенія, находящіеся въ принадлежащихъ имъ городахъ и мѣстечкахъ на основаніи Свода Законовъ Т. V Уст. о пошл. ст. 386 и примѣч. къ этой статьѣ. Мировой Судья призналъ, что уплата Горинштейномъ означеннаго сбора была вынужденная, а не добровольная; что владѣльцы городовъ и мѣстечекъ не имѣютъ права взимать какіе-либо сборы сверхъ годичной чиншевой платы; что посему княгиня Абамелекъ взыскала съ истца, безъ всякаго права, 35 руб. и что никто не можетъ безъ законнаго основанія обогащаться на счетъ другого (рѣш. Гражд. Кассац. Департ. 1876 г. № 253; 1878 г. № 85; 1880 г. № 84); а потому рѣшилъ: взыскать съ княгини Абамелекъ въ пользу Горинштейна 35 руб. Въ апелляціонной жалобѣ повѣренный княгини Абамелекъ объяснялъ, что если бы Горинштейнъ не соглашался на уплату 35 руб., то онъ долженъ былъ посредствомъ суда понудить владѣльца города къ утвержденію купчей сдѣлки и не входить въ соглашеніе о вознагражденіи за утвержденіе ея, что княгиня Абамелекъ дѣйствовала по законному праву, на основаніи 386 ст. Т. V Уст. о пошл. примѣч. 1; что по этой статьѣ отъ владѣльцевъ городовъ и мѣстечекъ зависитъ утвержденіе купчихъ сдѣлокъ, совершаемыхъ владѣльцами домовъ въ сихъ городахъ и мѣстечкахъ при переуступкѣ своихъ правъ на дома и строенія другимъ лицамъ и что за это утвержденіе сдѣлокъ владѣльцы имѣютъ право взимать особый сборъ. Староконстантиновскій Съѣздъ Мировыхъ Судей нашелъ: 1) что Горинштейнъ уплатилъ 35 р. не вслѣдствіе свободно выраженнаго желанія, а вслѣдствіе требованія управленія помѣщицы, подчиненіе которому не есть еще достаточное соглашеніе, а лишь подчиненіе требованію, правильность или неправильность котораго можетъ быть обсуждена и опредѣлена судомъ, независимо отъ исполненія самаго требованія, и 2) что право требовать вознагражденія за утвержденіе купчей сдѣлки на отчуждаемыя чиншевиками владѣнія 386 ст. V Тома Устава о пошлинахъ не установлено и не можетъ быть выведено изъ права утверждать или не утверждать купчую, такъ какъ, если этимъ закономъ совершеніе купчихъ обусловлено согласіемъ владѣльцевъ, то тѣмъ самымъ на владѣльцевъ возложена прямая обязанность давать свое согласіе, если не встрѣтилось законныхъ препятствій, а требованіе вознагражденія за исполненіе обязанностей, установленныхъ закономъ, представляется установленіемъ незаконныхъ поборовъ, если законъ прямо на это не уполномачиваетъ. Поэтому Съѣздъ утвердилъ рѣшеніе Судьи. Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный княгини

Абамелекъ, Пурисъ, находитъ, что Съѣздъ нарушилъ 386 ст. Т. V Устава о пошл., прим., такъ какъ смыслъ этого закона тотъ, что для присвоенія условіямъ о переуступкѣ правъ на дома, построенные на владѣльческой землѣ, юридической силы законъ требуетъ, чтобы эти условія были снабжены согласіемъ вотчинника; утверждать сдѣлки между частными лицами законъ предоставляетъ усмотрѣнію владѣльца земли; это составляетъ его право, и владѣльца города нельзя обязать къ утвержденію купчихъ сдѣлокъ безъ взиманія за сіе вознагражденія.

Обсудивъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что княгиня Абамелекъ право свое на взятіе съ Гориштейна особаго въ ея пользу сбора съ купчей сдѣлки на пріобрѣтенный имъ въ принадлежащемъ ей городѣ Староконстантиновѣ домъ основываетъ на ст. 386 Т. V Уст. о пошл. и прим. 1 къ сей статьѣ; Съѣздъ же Мировыхъ Судей не призналъ за нею права взимать подобный сборъ, потому что этимъ закономъ не установлено права владѣльца города требовать вознагражденія за изъявленіе согласія на совершеніе купчей сдѣлки. Обращаясь къ происхожденію этого закона, по мнѣнію просительницы нарушеннаго Съѣздомъ, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что какъ *самая ст. 386, такъ и 1 примѣч. къ ней возникли по вопро*самъ о томъ, необходимо ли совершать крѣпостные акты, со взиманіемъ крѣпостныхъ пошлинъ, на домъ и строенія во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній. Такъ, въ Высочайше утвержденномъ 31 мая 1828 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта (Полное Собр. Зак. № 2071), на 16 пун. котораго основана 386 ст., Государственный Сов тъ обсуждалъ лишь вопросъ объ обязанности „владѣльцевъ недвижимыхъ въ городахъ имуществъ имѣть на оныя акты“, и при этомъ въ пун. 16 относительно перехода безъ земли домовъ и строеній во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній постановилъ, что „съ владѣльцевъ такихъ домовъ и другихъ строеній никакихъ крѣпостныхъ актовъ, кромѣ условій, помѣщиковъ утвержденныхъ, не требовать и съ продаваемыхъ ими означенныхъ домовъ и строеній никакихъ пошлинъ не взыскивать“. Примѣчаніе же 1 ст. къ 386 образовалось изъ Высочайше утвержденнаго 31 мая 1852 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта (Полное Собр. Зак. № 26322), коимъ утвержденъ былъ всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія 1-хъ 3-хъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената по вопросу о домашнихъ сдѣлкахъ совершаемыхъ въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній, на переходъ недвижимыхъ имѣній отъ одного лица къ другому. Государственный Совѣтъ, согласно съ заключеніемъ Сената, положилъ: въ поясненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановить, что „въ западныхъ губерніяхъ, во владѣльческихъ городахъ и мѣстекахъ, съ владѣльцевъ домовъ и другихъ строеній, если съ симъ владѣніемъ не соединено или не переуступается права собственности на землю, на которой находится строеніе, не требуется, кромѣ условій, помѣщикомъ утвержденныхъ, другихъ какихъ либо крѣпостныхъ актовъ и при продажѣ означенныхъ домовъ и строеній или переходѣ инымъ образомъ къ другому лицу не взыскивается никакихъ пошлинъ; условія эти должны быть писаны на надлежащей крѣпостной гербовой бумагѣ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній пріобрѣтается кѣмъ либо въ собственность домъ или другое строеніе съ землею, или одна земля, то на пріобрѣтеніе сего рода имѣній должны быть совершаемы крѣпостные актты, съ платежемъ въ казну пошлинъ, на общемъ основаніи о пріобрѣтеніи и переходахъ права собственности на недвижимыя имѣнія“. Это постановленіе и вошло буквально въ Св. Зак., притомъ помѣщено въ главѣ 1 раздѣла II Т. V Уст. о пошл., содержащей постановленія „о существѣ крѣпостныхъ пошлинъ и случаяхъ ихъ взиманія“. Такимъ образомъ, ни происхожденіе этого закона, ни содержаніе его, ни самое мѣсто, занимаемое имъ въ системѣ Св. Зак., не даютъ вовсе основанія заключать о томъ, чтобы этотъ законъ установилъ привилегированное для владѣльцевъ городовъ и мѣстечекъ въ западныхъ губерніяхъ право утверждать сдѣлки въ сихъ городахъ и мѣстечкахъ на дома и строенія, придавать этимъ утвержденіемъ сдѣлкамъ особую юридическую силу,

какъ полагаетъ повѣренный отвѣтчицы, и взимать за утвержденіе сдѣлокъ сборъ. Означенный законъ, стремясь единственно къ тому, чтобы владѣльцы недвижимостей имѣли акты безъ уклоненія отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ, если и земля подъ домомъ или строеніемъ принадлежитъ владѣльцу, и имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній существуютъ и такіе переходы владѣнія домовъ и строеній, съ которыми не уступается право собственности на самую землю и что собственно на такіе переходы владѣнія домами и строеніями безъ земли совершались домашнія сдѣлки, не нашелъ нужнымъ требовать крѣпостныхъ актовъ на такія уступки строеній безъ земли и платежа крѣпостныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ, законъ токмо допустилъ домашніе акты о переходѣ покупкою, или инымъ образомъ домовъ и строеній безъ земли отъ прежнихъ владѣльцевъ къ другимъ лицамъ, во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губ., при этомъ законъ потребовалъ относительно актовъ только одного: написанія оныхъ на надлежащей крѣпостной гербовой бумагѣ. Особаго же порядка составленія этихъ домашнихъ актовъ законъ не касался, а равно не установилъ никакого сбора въ пользу владѣльца города или мѣстечка за переходъ строеній отъ одного владѣльца къ другому. Вслѣдствіе сего и принимая въ соображеніе, что изъ содержанія указываемаго просителемъ закона нельзя вывести никакого имущественнаго права для собственника мѣстечка или владѣльческаго города, Правительствующій Сенатъ признаетъ, что Мировой Съѣздъ, отказавъ владѣлицѣ гор. Староконстантинова во взиманіи особаго сбора при переходѣ отъ одного владѣльца къ другому дома безъ земли, находящагося въ семъ городѣ, не нарушилъ 386 ст. и 1 прим. къ сей ст. Т. V Уст. о пошл. А потому Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: оставить жалобу повѣреннаго княгини Абамелекъ, Пуриса, на основаніи 186 Уст. Гражданск. Судопроизв., безъ послѣдствій.

115.—1882 г. октября 6 дня. *По прошенію повѣреннаго купца Ѳеодора Свѣшникова, надворнаго совѣтника Тихомандрицкаго, объ отмѣнѣ рѣшенія С. Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. Г. Принтцъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ).

Купецъ Свѣшниковъ 7 декабря 1860 г. заключилъ съ надворнымъ совѣтникомъ Сергѣемъ Орловымъ договоръ объ отдачѣ этимъ послѣднимъ ему на срубъ лѣса срокомъ на 10 лѣтъ, съ тѣмъ, что если Свѣшниковъ пожелаетъ, то можетъ продолжать рубку и вывозку лѣса еще 10 лѣтъ, до 1880 г. За нахожденіемъ имѣнія Орлова подъ запрещеніемъ и затѣмъ подъ опекою за расточительность, рубка и вывозка лѣса были пріостановлены, что и подало основаніе опекуну надъ имѣніемъ Орлова, князю Эристову, заключить съ Свѣшниковымъ 23 сентября 1870 г. условіе о возобновленіи первоначальнаго договора еще на 10 лѣтъ, т. е. по 23 сентября 1880 г. Но еще ранѣе этого обнаружилась несостоятельность Орлова, такъ что 31 іюля 1863 г. въ С.-Петербургской управѣ благочинія состоялось постановленіе о познаніи его долговъ, а 31 августа 1865 г. бывшій С. Петербургскій надворный судъ опредѣлилъ и свойство его несостоятельности. Вслѣдствіе сего, когда былъ образованъ по дѣламъ Орлова конкурсъ, то въ засѣданіи 15 марта 1873 г. конкурсное управленіе возбудило вопросъ: слѣдуетъ ли сохранить въ силѣ контрактъ, заключенный съ купцомъ Свѣшниковымъ. Принявъ, между прочимъ, во вниманіе, что въ случаѣ прекращенія договора не только уничтожится право Свѣшникова на рубку лѣса, но что со стороны этого послѣдняго не могутъ быть даже преъявлены какія-либо къ массѣ требованія, такъ какъ контрактъ послѣдній разъ совершонъ безвозмездно и притомъ неправильно, ибо онъ заключенъ однимъ опекуномъ, когда ихъ было трое, конкурсное управленіе, найдя прекращеніе дѣйствій этого договора выгоднымъ для массы, на основаніи 3 п. 1949 ст. Т. XI Уст. Торг., постановило: признать контрактъ купца Свѣшникова на арендованіе 264 дес. 1200 саж. въ пустоши Говядинка и 303 дес. 1200 саж. въ пустоши Кишкина неимѣющимъ болѣе силы, а купцу Свѣшникову предоставить предъявить свою

претензію къ массѣ. Вслѣдствіе этого повѣренный Свѣшникова, Тихомандрицкій, 8 мая 1881 г. предъявилъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ къ конкурсному управленію по дѣламъ Орлова, за прекращеніемъ силы контракта, искъ о взысканіи неустойки и убытковъ, всего на сумму 38956 руб. С.-Петербургская Судебная Палата, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, остановилась на вопросѣ о томъ, правильно ли требованіе, составляющее продметъ настоящаго иска, предъявлено Свѣшниковымъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства, помимо заявленія этой претензіи въ конкурсное по дѣламъ Орлова управленіе и безъ разсмотрѣнія ея въ порядкѣ конкурснаго процесса. Въ семъ отношеніи Палата, основываясь на 1888, 3 п. 1969, 3 п. 1960 и 1981 ст. XI Т. Уст. Торг., нашла, что до тѣхъ поръ, пока претензія, на какомъ бы актѣ она ни была основана, не будетъ предъявлена въ конкурсное управленіе, и пока конкурсъ не опредѣлитъ родъ и разрядъ, къ которымъ должна быть отнесена эта претензія, судебному мѣсту не предстоитъ возможности входить въ обсужденіе правъ, на той претензіи основанныхъ. Примѣняя эти узаконенія къ настоящему иску, Палата признала, что требованіе 1888 и 1963 ст. Уст. Торг. исполнены не были, несмотря на то, что обстоятельства возникновенія этой претензіи вовсе не устраняли такой необходимости, а потому и руководствуясь рѣшеніями Правительствующаго Сената 1878 г. №№ 238 и 293, Палата въ искѣ Свѣшникова, по преждевременности предъявленія сего иска, отказала. Въ принесенной на это рѣшеніе кассаціонной жалобѣ повѣренный Свѣшникова проситъ объ отмѣнѣ рѣшенія Палаты, по нарушенію 813, 574, 684, 693 X Т. I ч., 1888, 1963, 1910 (по прод. 1876 г.), 1930, 1931, 3 п. 1949, 1959—1962, 1975—1982 ст. Т. XI Уст. Торг., 339, 694, 711 и 813 ст. Уст. Гр. Суд.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ, что, на основаніи 1888 ст. XI Т. Уст. Торг., по объявленіи кого либо несостоятельнымъ должникомъ, всѣ имѣющіе на немъ какіе-либо иски по имуществу и тѣ, кои состоятъ ему чѣмъ либо должными, всѣ заимодавцы его и должники, по какому бы то праву ни было и не взирая на то, что сроки обязательствъ еще не наступили, обязаны въ тотъ судъ, гдѣ открылась несостоятельность, предъявить права свои и обязанности въ сроки, указанные въ той же статьѣ; въ мѣстностяхъ же, гдѣ введены Судебные Уставы и гдѣ нѣтъ коммерческаго суда—въ одинъ общій четырехмѣсячный срокъ; 3 й же пунктъ 1949 ст. Т. XI Уст. Торг. относитъ къ имуществу несостоятельнаго договоры, несостоятельнымъ учиненные, но съ той и другой стороны еще неисполненные, давая конкурсному управленію на выборъ или привести такіе договоры въ дѣйствіе, если исполненіемъ ихъ имущество несостоятельнаго можетъ получить какое либо приращеніе, или предохранено быть отъ ущерба, или же уклониться отъ исполненія такихъ договоровъ, съ предоставленіемъ въ семъ случаѣ сторонамъ, въ ономъ участвующимъ, искать на массѣ наравнѣ съ другими заимодавцами. Изъ сопоставленія этихъ узаконеній оказывается, что первое изъ нихъ имѣетъ своимъ предметомъ опредѣленіе обязанностей всѣхъ лицъ, имѣвшихъ дѣла съ несостоятельнымъ, въ видахъ обезпеченія имъ въ той или другой мѣрѣ удовлетворенія изъ его имущества; второе же указываетъ порядокъ дѣйствій конкурснаго управленія по отношенію къ одному изъ видовъ этого имущества, именно заключеннымъ до несостоятельности договоромъ, не приведеннымъ, однако, еще въ дѣйствіе. На семъ основаніи не подлежитъ сомнѣнію, что контрагенты несостоятельнаго по этимъ послѣднимъ договорамъ наравнѣ съ остальными его заимодавцами должны предъявить въ опредѣленные 1888 ст. Тома XI Устава Торг. сроки суду, гдѣ открылась несостоятельность, о своихъ по онымъ правахъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, подвергнуться послѣдствіямъ, опредѣленнымъ въ 4 п. 1997 и 1 п. 1982 ст. Уст. Торг. несост., т. е. отнесенію ихъ къ четвертому разряду долговъ по удовлетворенію изъ могущихъ оказаться остатковъ отъ полнаго удовлетворенія трехъ предшедшихъ разрядовъ долговъ. Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что, что, соблюдая этотъ порядокъ, означенные контрагенты несостоятельнаго не могутъ быть признаны обязанными вторично оглашать конкурсу свои по упомянутымъ договорамъ претензіи въ томъ случаѣ, когда конкурсъ,

пользуясь предоставленнымъ ему 3 п. 1949 ст. правомъ, отказался бы отъ исполненія оныхъ. Опредѣленіе особаго срока для заявленія всѣхъ правъ къ лицу несостоятельнаго и его имуществу установлено именно въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать въ непродолжительное время возможною ликвидацію его дѣлъ; слѣдовательно, предъявленіе конкурсу вторично уже извѣстной ему претензіи было бы безцѣльнымъ, да и не могло бы быть и выполнено. Конкурсное управленіе организуется обыкновенно только чрезъ нѣкоторое время по объявленіи несостоятельности; на немъ прежде всего лежитъ обязанность разыскать имущество и долги несостоятельнаго, послѣ чего оно только и приступаетъ къ выясненію свойствъ этихъ послѣднихъ. Въ 1959 статьѣ Устава Торговаго прямо говорится, что всѣ долги несостоятельнаго, въ положенный срокъ предъявленные, раздѣляются конкурснымъ управленіемъ на роды: а) 1975 ст., хотя и допускаетъ составленіе общаго счета долговъ и предположенія о количествѣ ихъ удовлетворенія, не ожидая полнаго истеченія сроковъ, но только въ томъ случаѣ, когда по собраннымъ свѣдѣніямъ остальная часть долговъ можетъ быть съ основательностью отнесена къ своему роду впредь до явки истцовъ. Такимъ образомъ, обсужденіе конкурснымъ управленіемъ того, слѣдуетъ ли привести въ дѣйствіе неисполненные договоры, до объявленія несостоятельности должникомъ заключенные (3 пун. ст. 1949), по самому ходу конкурснаго производства можетъ послѣдовать или предъ самымъ окончаніемъ сроковъ, установленныхъ въ 1888 ст. Т. XI Устава Торговаго, или уже по истеченіи оныхъ; а потому, въ случаѣ отказа конкурснаго управленія отъ исполненія такихъ договоровъ, другая договорившаяся сторона была бы лишена всякой возможности предъявить свою претензію снова конкурсу въ положенные 1888 ст. сроки, а вслѣдствіе сего вышеупомянутый односторонній отказъ повлекъ бы за собою безвозвратную для нея потерю права на удовлетвореніе. Но 3 п. 1949 ст. вовсе не предполагаетъ такого послѣдствія, ибо, давая конкурсному управленію свободу выбора, —выполнить ли договоръ, или отъ сего отказаться,—въ то же время предоставляетъ другой сторонѣ искать на массѣ наравнѣ съ другими заимодавцами. Какъ въ Уставѣ о торговой несостоятельности, кромѣ установленныхъ въ 1888 ст., для заявленія претензіи къ несостоятельному, другихъ какихъ-либо сроковъ въ отношеніи заявленія претензій не установлено, то, въ виду непримѣнимости къ случаю, предусмотрѣнному въ 3 п. 1949 ст., срока, указаннаго въ 1888 ст., съ очевидностью слѣдуетъ, что всякому лицу, которому будетъ отказано конкурсомъ въ исполненіи его довора, заключеннаго съ лицомъ, признаннымъ затѣмъ несостоятельнымъ, не постановлено никакихъ законныхъ преградъ обратиться къ защитѣ своихъ правъ общимъ порядкомъ; а потому такое лицо въ правѣ предъявить въ этихъ случаяхъ искъ къ конкурсному управленію въ теченіе всего срока исковой давности. Принимая все вышеизложенное во вниманіе и имѣя въ виду, что С.-Петербургская Судебная Палата отказала въ искѣ Свѣшникова по преждевременности, вслѣдствіе невыполненія въ отношеніи онаго требованія 1888 и 1963 ст. Тома XI Устава Торговаго, Правительствующій Сенатъ находитъ, что такимъ своимъ заключеніемъ Палата неправильно истолковала 1888 и 3 п. 1949 ст. Тома XI Устава Торговаго. Хотя Палата, постановляя свое рѣшеніе, сослалась на рѣшенія Правительствующаго Сената 1878 года №№ 238 и 293, но ссылка на нихъ сдѣлана неправильно. Въ первомъ изъ этихъ рѣшеній прямо высказано, что 3 п. 1949 ст. Устава Торговаго установляетъ право контрагентовъ-кредиторовъ искать на массѣ возмещенія убытковъ, причиненныхъ имъ неосуществленіемъ заключенныхъ съ несостоятельнымъ договоровъ. Во второмъ же рѣшеніи, обсуждая вопросъ о томъ, подлежитъ ли состоявшееся противъ конкурснаго управленія судебное рѣшеніе приведенію въ исполненіе въ общемъ установленномъ порядкѣ, или же требованіе о томъ должно быть предъявлено въ конкурсное управленіе, Правительствующій Сенатъ, между прочимъ, высказалъ, что „опредѣленный въ Уставѣ Торговомъ порядокъ предъявленія претензій въ конкурсное управленіе установленъ только для такихъ претензій, которыя возникли до объявленія несостоятельности лица, по дѣламъ котораго учрежденъ конкурсъ и которыя основываются или на долговыхъ обязательствахъ, выданныхъ несостоятельнымъ должникомъ, или на не-

исполненіи имъ договоровъ, съ кѣмъ либо заключенныхъ, или вообще которыя являются послѣдствіемъ дѣйствій самого несостоятельнаго должника; но порядокъ этотъ не можетъ имѣть примѣненія къ такимъ претензіямъ, которыя возникли уже послѣ объявленія должника несостоятельнымъ изъ дѣйствій конкурснаго управленія, ибо въ противномъ случаѣ конкурсному управленію принадлежало бы право въ сферѣ гражданскихъ правоотношеній судить, вопреки 1 ст. Уст. Гр. Суд., о своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ". Какъ несостоятельность Орлова открылась въ 1863 г., искъ же Свѣшникова возникъ вслѣдствіе отказа ему въ 1873 году конкурснымъ управленіемъ исполнить договоры о вырубкѣ лѣса, заключенные съ Орловымъ 7 декабря 1860 года и съ опекуномъ надъ его имуществомъ 23 сентября 1870 года, то, сославшись на приведенныя рѣшенія Правительствующаго Сената въ подтвержденіе того, что этотъ искъ Свѣшникова не могъ миновать конкурснаго управленія, Палата придала заключающимся въ этихъ рѣшеніяхъ соображеніямъ, очевидно, превратное значеніе. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ и не входя въ обсужденіе прочихъ кассаціонныхъ поводовъ, Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе С.-Петербургской Судебной Палаты, по нарушенію 1888 и 3 п. 1949 ст. Т. XI Уст. Торг., отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же Палаты.

116.—1882 года октября 6 дня. *По прошенію крестьянина собственника Якова Андреева Фаренбруха, за себя и по довѣренности своего родного брата Андрея Андреева Фаренбруха, объ отмѣнѣ рѣшенія Саратовской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Ѳ. И. Проскуряковъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ).

По условію, заключенному между повѣреннымъ князя Сергѣя Викторовича Кочубея, французскимъ подданнымъ Іосифомъ Паскалемъ, и саратовскимъ купцомъ Андреемъ Кондратьевымъ Фаренбрухомъ 14 марта 1879 г. и явленному 24 того же марта у нотаріуса, Фаренбрухъ снялъ въ арендное содержаніе принадлежащую князю Кочубею Атаевскую пошвенную водяную мукомольную мельницу на рѣкѣ Медвѣдицѣ срокомъ на 24 года, съ 1 апрѣля 1879 года, причемъ обязался, разобравъ прежнюю поврежденную мельницу, на томъ же мѣстѣ выстроить на свой счетъ новую мельницу съ пособіемъ со стороны князя Кочубея деньгами и лѣсомъ по особому договору. Годичная арендная плата за мельницу, за исключеніемъ перваго года, назначеннаго на перестройку, опредѣлена въ 2400 рублей, уплачиваемыхъ съ 1 апрѣля 1880 года по четвертямъ года впередъ. За нарушеніе въ чемъ либо сего условія контрагентъ подвергается платежу 15000 рублей неустойки въ пользу противной стороны. Условіе это обязательно для наслѣдниковъ или вообще преемниковъ обѣихъ сторонъ. Передать право аренды другому лицу Фаренбрухъ можетъ не иначе, какъ съ согласія князя Кочубея и на точномъ основаніи контракта и дополнительнаго договора. По особому дополнительному договору, заключенному между тѣми же повѣреннымъ князя Кочубея, Паскалемъ, и Фаренбрухомъ 24 марта 1879 года и тогда же явленному у нотаріуса, князь Кочубей въ пособіе Фаренбруху на постройку мельницы обязался: выдать деньгами 10000 рублей и отпустить изъ Тюрсайской лѣсной дачи дубоваго лѣса на 5000 рублей подъ условіемъ возврата ему, князю Кочубею, суммы 25000 рублей въ теченіе 23 лѣтъ по 1200 рублей ежегодно, полагая въ этой цыфрѣ % интереса и погашенія капитала. 2 іюля 1879 года Андрей Фаренбрухъ, съ согласія повѣреннаго князя Кочубея, Паскаля, контрактъ по арендѣ мельницы со всѣми правами, обязанностями и отвѣтственностью, изложенными въ изъясненныхъ двухъ договорахъ, передалъ сыновьямъ своимъ, поселянамъ Кондратію, Андрею и Якову Фаренбрухамъ, о чемъ сдѣлана на контрактѣ надпись, явленная тогда же у нотаріуса. Между тѣмъ, 1 го апрѣля 1880 года саратовскій купецъ Андрей Кондратьевъ Фаренбрухъ, умершій 5 го іюля 1879 года, объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Учрежденное по дѣламъ его конкурсное

управленіе чрезъ повѣреннаго своего, присяжнаго повѣреннаго Ровинскаго, 16 го февраля 1881 года предъявило въ Саратовскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ сыновьямъ несостоятельнаго Фаренбруха: къ Андрею Фаренбруху (къ которому перешли также права и обязанности по арендѣ мельницы отъ брата его Кондратія) и къ Якову Фаренбруху. Въ исковомъ прошеніи, объясняя, что передача арендnаго договора отъ 14 марта 1879 года, составлявшаго цѣнное имущество умершаго (п. 3 ст. 1949 Тома XI части 2 Уст. Торг.),—передача безмездная роднымъ своимъ дѣтямъ, совершена Фаренбрухомъ съ противозаконною цѣлью, для избѣжанія платежа долговъ, а потому должна быть признана недѣйствительною, повѣренный Ровинскій просилъ Окружный Судъ постановить: 1) признать недѣйствительною и для конкурса необязательною передачу несостоятельнымъ должникомъ Андреемъ Кондратьевымъ Фаренбрухомъ сыновьямъ своимъ правъ по договору 14—24 марта 1879 г. о снятіи имъ въ арендное содержаніе у кн. Кочубея Атаевской водяной мукомольной мельницы, и 2) означенную мельницу изъять изъ владѣнія отвѣтчиковъ Фаренбруховъ и передать въ пользованіе и завѣдываніе конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго Фаренбруха. По апелляціонной жалобѣ истца на рѣшеніе Окружнаго Суда, отказавшаго въ въ искѣ, настоящее дѣло доходило до Саратовской Судебной Палаты, которая нашла, что по существу исковыхъ требованій, заявленныхъ въ исковомъ прошеніи, и возраженій противной стороны, разрѣшенію Окружнаго Суда подлежали, а нынѣ подлежатъ разрѣшенію Судебной Палаты, слѣдующіе вопросы: а) арендный договоръ извѣстныхъ лицъ составляетъ ли такое имущество, которое можетъ служить источникомъ удовлетворенія кредиторовъ несостоятельнаго контрагента (арендатора), в) если арендный договоръ составляетъ указанное въ 1 вопросѣ имущество, то примѣнимы ли къ дѣлу указанные истцомъ законы и доказано ли истцомъ, что арендаторъ Фаренбрухъ безмездно передалъ права и обязанности по арендѣ мельницы кн. Кочубея своимъ неотдѣленнымъ дѣтямъ, и притомъ съ противозаконною цѣлью —для избѣжанія платежа своихъ долговъ, и с) какое значеніе при разрѣшеніи требованія истца о передачѣ предмета аренды въ его распоряженіе имѣютъ фактъ долгосрочности аренды и вопросъ—чьими трудами и средствами выстроена означенная въ договорѣ аренды мельница. По 1 вопросу, т. е. что арендный договоръ составляетъ движимое имущество лицъ, его заключившихъ, т. е. представляетъ собою такой предметъ, который имѣетъ въ гражданскомъ оборотѣ извѣстную цѣнность, Судебная Палата нашла, что это положительно явствуетъ изъ буквальнаго смысла закона, 402 ст. X Т. I ч., а что такое имущество можетъ быть обращено на удовлетвореніе извѣстнымъ порядкомъ кредиторовъ несостоятельнаго арендатора, равнымъ образомъ подтверждается точнымъ смысломъ 3 п. 1949 ст. Уст. о торг. несост. Только за разрѣшеніемъ въ положительномъ смыслѣ 1 вопроса Окружному Суду слѣдовало, не касаясь содержанія арендnаго договора Фаренбруха съ кн. Кочубеемъ, обратиться прямо къ разрѣшенію 2 го, а именно: примѣнимы ли къ настоящему случаю указанные истцомъ законы и доказаны ли указанные имъ факты дѣла. По этому вопросу Судебная Палата нашла, что примѣненіе къ настоящему дѣлу ст. 1935 и 1937 Уст. о торг. несост. возможно и правильно, если доказано, что отыскиваемое конкурсомъ имущество несостоятельнаго поступило къ неотдѣленнымъ дѣтямъ его, потому что законы эти точно устанавливаютъ, какое именно имущество неотдѣленныхъ дѣтей несостоятельнаго отца составляетъ собственное ихъ имѣніе, а не имѣніе отца, яко имъ нажитое, слѣдовательно, не могущее поступить въ конкурсную массу. Такъ какъ то обстоятельство, что арендный договоръ отъ 11/24 марта 1879 г. съ дополнительнымъ къ нему былъ переданъ арендаторомъ со всѣми правами и обязанностями своимъ сыновьямъ Кондратію, Андрею и Якову Фаренбрухамъ безмездно, по нотаріальной надписи отъ 2 іюля 1879 г., т.-е. за два дня до смерти отца, подтверждается самими отвѣтчиками, представившими этотъ договоръ съ передаточной надписью; поэтому и въ виду разрѣшенія вопроса о томъ, что арендный договоръ вообще есть имущество, Судебная Палата остановилась на разсмотрѣніи доказательствъ о томъ, были ли Кондратій, Андрей и Яковъ Фаренбрухи 2-го іюля 1879 года отдѣленными

дѣтьми или же неотдѣленными. Въ этомъ отношеніи Судебная Палата нашла, что, по закону 182 и 190 ст. X Т. I ч.), дѣти признаются отдѣленными отъ родителей, когда имъ будетъ выдѣлена законная или какая либо другая часть изъ родительскаго имущества, и, наоборотъ, неотдѣленными дѣтьми считаются собственно тѣ, которымъ изъ родительскаго имѣнія не выдѣлено еще никакой части. При этомъ въ 192 ст. X. Т. I ч. сказано, что ограниченія правъ неотдѣленныхъ дѣтей въ пользованіи и распоряженіи имуществомъ, лично ими пріобрѣтеннымъ, въ отношеніи къ торговому состоянію указаны въ стат. 1935 и 1936 Уст. Торгов. Чтобы дѣти несостоятельнаго Фаренбруха, Кондратій, Андрей и Яковъ, получили изъ родительскаго имѣнія выдѣлъ какой-либо части, этого изъ дѣла не видно, а, напротивъ, конкурснымъ производствомъ установленъ тотъ фактъ, котораго не отвергаютъ и отвѣтчики, что отецъ Фаренбрухъ при жизни своей не имѣлъ ни движимаго, ни недвижимаго имѣнія, а жилъ однимъ кредитомъ, на который и производилъ свои торговыя операціи (см. выписку конкурса объ имѣніи). Кромѣ сего, справкой мѣстнаго волостного правленія удостовѣряется, что упомянутыя дѣти несостоятельнаго по книгамъ волостного правленія значатся въ одномъ семействѣ отца и нераздѣленными. Что же касается до того обстоятельства, что сынъ Кондратій бралъ въ 1878 году изъ Камышинской городской управы свидѣтельство и 4 билета 2 гильдіи 4 го класса, а сынъ Андрей назывался въ 1879 году царицынскимъ купцомъ, то одни эти факты еще не доказываютъ утвержденія отвѣтчиковъ объ отдѣленіи этихъ дѣтей, а наоборотъ, въ виду факта несостоянія отца Фаренбрухъ въ обществѣ постоянныхъ саратовскихъ купцовъ и производства имъ хлѣбной торговли чрезъ своихъ сыновей, слѣдуетъ признать правильными объясненія истца, что взятіе сыновьями Кондратіемъ и Андреемъ купеческихъ свидѣтельствъ было необходимо по закону для производства торговли отца въ разныхъ мѣстахъ государства (ст. 3, 12, 42, 60, 64, 69 и 84 Пол. о пошл.). Послѣднее соображеніе подтверждается и представленнымъ самими отвѣтчиками договоромъ ихъ съ дядею Кондратіемъ Фаренбрухомъ, явленнымъ 18 іюля 1879 года, слѣдовательно, послѣ смерти отца, гдѣ они сами называютъ себя просто поселянами собственниками селенія Медвѣдицкаго, Аткарскаго уѣзда, а не купцами, имѣющими отдѣльный капиталъ. Такимъ образомъ, признавая, что дѣти несостоятельнаго должника Андрея Фаренбруха, Кондратій, Андрей и Яковъ, не были отдѣлены при жизни отца, и обращаясь къ послѣдствіямъ этого обстоятельства, Судебная Палата нашла, что, по смыслу 1935—1937 ст. Уст. Торг., въ связи съ ст. 1934 того же Уст., обращается въ конкурсную массу несостоятельнаго отца все то имущество неотдѣленныхъ его дѣтей, которое законъ не называетъ собственнымъ ихъ имѣніемъ. По закону же собственнымъ имѣніемъ неотдѣленныхъ дѣтей несостоятельнаго признается все дошедшее къ нимъ: 1) по наслѣдству, но только не отъ отца; 2) по разнаго рода актамъ, но опять только не отъ отца; 3) капиталы, дошедшіе къ дѣтямъ означеннымъ выше порядкомъ и отданные несостоятельному, и 4) наконецъ, платье и бѣлье, служащее для употребленія дѣтей. Въ данномъ случаѣ къ отвѣтчикамъ, не отдѣленнымъ дѣтямъ Фаренбруха, безденежно поступилъ отъ ихъ отца, признаннаго несостоятельнымъ должникомъ, арендный договоръ съ княземъ Кочубеемъ относительно выстройки и содержанія водяной мукомольной мельницы, исполненіемъ котораго конкурсное управленіе надѣется получить приращеніе конкурсной массы несостоятельнаго. Слѣдовательно, къ нимъ дошло, хотя бы и законнымъ порядкомъ, такое имущество, которое законъ считаетъ подлежащимъ возвращенію въ конкурсную массу, яко нажитое несостоятельнымъ, въ силу одного послѣдовавшаго факта несостоятельности отца. А что несостоятельность отца въ моментъ передачи имъ дѣтямъ аренднаго договора, заключеннаго въ мартѣ 1879 г., была именно такого свойства, какъ это указано въ 1932 стат. Уст. Торг., то это вполнѣ доказывается представленными истцомъ документами, изъ коихъ видно, что ко 2 му іюля 1879 г. долговъ у Фаренбруха было на сумму 49215 рубл., а имущества только на 1744 руб. 50 коп. По симъ соображеніямъ Судебная Палата пришла къ заключенію, что настоящій искъ конкурснаго управленія подлежитъ удовлетворенію, какъ истекающій изъ

законнаго основанія. Независимо отъ изложеннаго, искъ этотъ подлежитъ удовлетворенію и по силѣ 1529 ст. Т. X I ч., потому что за неимѣніемъ у Фаренбруха отца 2 іюля 1879 года на удовлетвореніе его многочисленных кредиторовъ ни недвижимаго, ни движимаго имущества, за исключеніемъ, какъ это видно изъ дѣла, членскихъ взносовъ въ обществѣ взаимнаго кредита въ количествѣ 1741 рубл. 50 коп., арендный его договоръ съ княземъ Кочубеемъ составлялъ въ это время единственный цѣнный источникъ для удовлетворенія долговъ. Поэтому безденежная передача имъ и этого послѣдняго имущества своимъ дѣтямъ не могла имѣть иной цѣли, какъ противозаконной, а именно, для избѣжанія платежа своихъ долговъ. Подобные же договоры и обязательства законъ считаетъ ничтожными. Вслѣдствіе сего должна быть признана ничтожною сдѣланная 2 іюля 1879 года на арендномъ договорѣ несостоятельнаго передаточная надпись, а засимъ права и обязанности по этому договору или предметъ договора, на основаніи 1931 ст. Уст. Торгов., должны перейти къ конкурсному управленію, о чемъ именно послѣднее нынѣ и ходатайствуетъ. Наконецъ, что, касается до возраженій отвѣтчиковъ о томъ, что, будто, въ виду ст. 1518 Уст. Торг. (п. 4), распоряженіе долгосрочной арендой со стороны конкурснаго управленія невозможно и что, будто, предметъ договора—мельница построена трудами и средствами отвѣтчиковъ, то возраженія эти Судебная Палата нашла неимѣющими въ настоящемъ дѣлѣ рѣшающаго значенія, какъ обстоятельства совершенно побочныя, а потому входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ, въ виду изложенныхъ выше соображеній, не представляется надобности. Достаточно сказать, что какъ поступитъ конкурсное управленіе съ арендным контрактомъ при окончаніи своихъ дѣлъ по конкурсу—неизвѣстно, а если отвѣтчики, вслѣдствіе передачи имъ означеннаго контракта и исполненія его, понесли убытки, въ смыслѣ обогащенія конкурсной массы произведенными ими постройками, то это составляетъ предметъ особаго иска къ конкурсу. На основаніи всего изложеннаго, находя, что апелляціонная жалоба истца заслуживаетъ уваженія, а всѣ возраженія отвѣтчиковъ неосновательны Судебная Палата, руководствуясь при этомъ 366, 706, 722—777 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства, опредѣлила: 1) признать недѣйствительною передачу купцомъ Андреемъ Кондратьевымъ Фаренбрухомъ сыновьямъ его Кондратію, Андрею и Якову Фаренбрухамъ правъ по договору отъ 24 марта 1879 года объ арендѣ мельницы князя Кочубея; 2) означенную мельницу изъять изъ владѣнія отвѣтчиковъ Андрея и Якова Фаренбруховъ и передать въ распоряженіе конкурснаго управленія по дѣламъ умершаго несостоятельнаго купца Андрея Кондратьева Фаренбруха на правахъ, установленныхъ тѣмъ арендным договоромъ, и 3) рѣшеніе Саратовскаго Окружнаго Суда отмѣнить. Въ кассаціонной жалобѣ поселянинъ собственникъ Яковъ Фаренбрухъ, за себя лично и по довѣренности своего брата Андрея, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ изъясненнаго рѣшенія Судебной Палаты по слѣдующимъ основаніямъ: 1) по мнѣнію просителя, Палата неправильно примѣнила къ настоящему дѣлу стат. 1949 пунктъ 3 Тома XI Уст. Торгов. Статья эта относится до тѣхъ договоровъ, которые остаются на несостоятельномъ контрагентѣ въ моментъ признанія его несостоятельности и гдѣ, такимъ образомъ, конкурсъ является прямымъ, непосредственнымъ преемникомъ правъ и обязательствъ, но ни въ ст. 1949, ни въ другихъ, въ которыхъ подробно указываются всѣ роды имуществъ, несостоятельному принадлежащихъ (1932—1958 ст. Уст. Торгов.), нигдѣ не содержится ни малѣйшаго указанія на то, чтобы арендный договоръ, прекращенный въ отношеніи лица, впослѣдствіи объявленнаго несостоятельнымъ, можно было бы вновь на него переводить, съ него на конкурсъ. Договоръ, какъ обязательство, считается имуществомъ, но это имущество въ сущности заключаетъ въ себѣ лишь право на имущество и нерѣдко для осуществленія этого права контрагентъ не пользу получаетъ первоначально, а выдерживаетъ громадные расходы. А потому договоры, какъ имущества, нельзя приравнивать къ имуществу реальному, существующему въ вещи. Лицо, принявъ на себя договоръ по передачѣ, и не зная, что передатчикъ можетъ впослѣдствіи оказаться несостоятельнымъ, сдѣлаетъ по исполненію этого договора громадныя затраты, и когда дѣло

поставить въ порядокъ, вдругъ предъявится конкурсъ, какъ законный претендентъ, съ ходатайствомъ о возвратѣ въ конкурсную массу договора, безмездно отчужденнаго и еще неоконченнаго исполненіемъ. Допустить такой порядокъ значило бы, по словамъ просителя, установить законное право безнравственнаго обогащенія на чужой счетъ; 2) по тѣмъ же причинамъ проситель находитъ неправильнымъ примѣненіе ст. 1935 Уст. Торг., которая и для неотдѣленныхъ дѣтей вовсе не исключаетъ права трудиться за своей счетъ и получать за свой трудъ вознагражденіе. Въ данномъ случаѣ представлена къ дѣлу масса документовъ—долговыхъ обязательствъ лично на имя сыновей несостоятельнаго; 3) проситель видитъ нарушеніе 339 ст. Уст. Гражд. Суд. въ томъ, что Палата, будто бы, оставила безъ разсмотрѣнія и обсужденія, какъ обстоятельство побочное, установленный Окружнымъ Судомъ фактъ выстройки мельницы трудами и средствами отвѣтчиковъ; 4) сверхъ того, предоставленіе конкурсу такого имущества, принадлежность котораго несостоятельному должнику въ судебномъ рѣшеніи не установлена и которое ему дѣйствительно не принадлежитъ, проситель считаетъ нарушеніемъ ст. 1931 Т. XI Уст. Торг. и 699 Т. X ч. I; наконецъ, 5) такъ какъ, по соображеніи съ ст. 1868 п. 4 и 1985 Уст. Торг., нормальный срокъ для конкурснаго производства полагается $1^1/_2$ года и отсрочка допускается лишь въ крайнихъ случахъ и по уважительнымъ причинамъ, то, по ограниченности конкурснаго дѣлопроизводства во времени, ст. 1949 п. 3 едва ли можетъ распространяться на столь продолжительные договоры, какъ настоящій, срокомъ на 24 года, и потому предоставленіе конкурсному управленію договора 24 марта 1979 г. является, по мнѣнію просителя, нарушеніемъ ст. 1868 и 1985 Уст. Торг.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ Прокурора, разсмотрѣвъ дѣло по предметамъ кассаціонной жалобы просителя, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) Въ первомъ пун. этой жалобы Яковъ Фаренбрухъ правильность примѣненія Судебною Палатою въ данномъ дѣлѣ 3 п. 1949 ст. XI Т. 2 ч. Уст. Торг. оспариваетъ лишь въ томъ отношеніи, что, по мнѣнію его, статья та относится только къ тѣмъ договорамъ, которые остаются на несостоятельномъ контрагентѣ въ моментъ признанія его несостоятельности, но что она не распространяется на договоры, переданные отъ несостоятельнаго другимъ лицамъ до объявленія о несостоятельности. Для разрѣшенія возникающаго по настоящему дѣлу вопроса: какое вліяніе имѣетъ на примѣненіе указаннаго закона передача договора неотдѣленнымъ дѣтямъ несостоятельнаго обращаясь къ содержащимся въ Уставѣ о торговой несостоятельности постановленіямъ о розысканіи имущества несостоятельнаго (ст. 1932—1958), Правительствующій Сенатъ усматриваетъ: что къ составу имуществъ несостоятельнаго считается принадлежащимъ не токмо все наличное его имущество, но и все, что изъ недвижимаго, по ст. 1933, въ продолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ до несостоятельности, заложено или отчуждено безденежно и тогда, какъ долги, по коимъ несостоятельность оказалась, превышали уже въ половину имѣніе несостоятельнаго, и послѣ того, до самого отрытія несостоятельности, дѣла его уже не поправлялись (ст. 1932), что недвижимое имѣніе считается безденежно отчужденнымъ, если оно при обстоятельствахъ, въ 1932 ст. означенныхъ, переведено по купчей крѣпости, дарственной, рядной, отдѣльной или раздѣльной записи, или же другимъ актомъ, на имя дѣтей или родственниковъ несостоятельнаго во вредъ заимодавцевъ (ст. 1933), что въ случаяхъ, означенныхъ въ ст. 1932 и 1933, противозаконное отчужденіе должно быть прежде доказано надлежащимъ порядкомъ въ судебныхъ мѣстахъ, и не иначе, какъ по окончательному ихъ рѣшенію, акты дарственные, рядные, отдѣльные и раздѣльные, также купчія и закладныя крѣпости считаются ничтожными, и имѣніе, если состоитъ на лицо, обращается въ массу (ст. 1934); что если неотдѣленныя дѣти несостоятельнаго не участвовали въ торгахъ, то собственное ихъ имѣніе не поступаетъ въ составъ массы (ст. 1935); собственнымъ же имѣніемъ дѣтей несостоятельнаго признается все дошедшее къ нимъ: 1) по наслѣдству отъ матери, родственниковъ или и постороннихъ, а не отъ отца; 2) по дарственнымъ, рядным и инымъ записямъ, но опять не отъ несостоятельнаго родителя: 3) все пріобрѣтенное ими

на капиталы, дошедшіе къ нимъ также не отъ отца, и, наконецъ, 4) платье и бѣлье, служащее для употребленія дѣтей; все прочее имущество, какъ недвижимое, такъ и движимое, найденное въ домѣ несостоятельнаго, считается принадлежащимъ ему, яко имъ нажитое (ст. 1935 и 1937). Принимая засимъ во вниманіе: 1) что, по 402 ст. Т. X ч. I, къ имуществамъ (движимымъ) принадлежатъ обязательства всякаго рода; 2) что, по 3 пун. 1949 ст. Т. XI ч. 2 Уст. Торг., къ имуществу несостоятельнаго принадлежатъ договоры, несостоятельнымъ учиненные, но съ той или другой стороны еще не исполненные; если исполненіемъ договора имущество несостоятельнаго можетъ получить какое либо приращеніе или предохранено быть отъ ущерба, то конкурсное управленіе приводитъ договоръ въ исполненіе, въ противномъ случаѣ предоставляетъ сторонамъ, въ ономъ участвующимъ, искать на массѣ наравнѣ съ другими заимодавцами, и 3) что по содержанію приведенныхъ выше 1935 и 1937 ст. Уст. Торг. все дошедшее къ дѣтямъ несостоятельнаго отъ отца, не причисляясь къ тому имуществу, которое признается собственнымъ имѣніемъ ихъ, считается принадлежащимъ самому несостоятельному, слѣдуетъ притти къ заключенію, что договоръ на аренду недвижимаго имущества лицомъ, впослѣдствіи объявленнымъ несостоятельнымъ должникомъ, въ случаѣ передачи договора, до объявленія несостоятельности, безвозмездно, неотдѣленнымъ дѣтямъ, долженъ быть признаваемъ имуществомъ несостоятельнаго, и что упомянутая передача договора, послѣдовавшая при обстоятельствахъ, въ ст. 1932 Уст. Торг. означенныхъ, не препятствуетъ конкурсному управленію требовать въ судебномъ порядкѣ уничтоженія таковой передачи (ст. 1934), для приведенія договора въ исполненіе со стороны конкурснаго управленія (3 п. 1949 ст.). Примѣняя этотъ выводъ къ данному дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Судебная Палата въ обжалованномъ рѣшеніи, установивъ, что сыновья несостоятельнаго Андрея Фаренбруха не были отдѣлены при жизни отца и что этимъ сыновьямъ Фаренбрухъ, находившійся уже въ неоплатныхъ долгахъ, за 9 мѣсяцевъ до объявленія его несостоятельности, передалъ безвозмездно договоръ свой объ арендѣ мельницы князя Кочубея, составлявшій въ то время единственный цѣнный источникъ для удовлетворенія долговъ его, правильно признала искъ конкурснаго по дѣламъ его управленія, о признаніи этой передачи недѣйствительною, подлежащимъ удовлетворенію. Изложенными разъясненіями точнаго смысла узаконеній объ имуществѣ нестоятельнаго опровергается объясненіе просителя Фаренбруха объ отсутствіи въ сихъ узаконеніяхъ указаній о возможности поворота въ составъ имущества несостоятельнаго аренднаго договора, чрезъ передачу другимъ лицамъ прекращеннаго въ отношеніи первоначальнаго контрагента, впослѣдствіи объявленнаго несостоятельнымъ. Что касается другого объясненія Якова Фаренбруха, состоящаго въ томъ, что принятое Судебною Палатою примѣненіе 3 пун. 1949 ст. Т. XI ч. 2 Уст. Торг. можетъ повести къ несправедливому обогащенію конкурсной массы на счетъ принимателя аренднаго договора, сдѣлавшаго большія затраты по исполненію его, то такое опасеніе устраняется, какъ правильно замѣтила Судебная Палата, тѣмъ соображеніемъ, что за принимателемъ остается право искать понесенныхъ имъ затратъ на конкурсной массѣ. 2) Указаніе просителя на неправильное примѣненіе Судебною Палатою ст. 1935 Уст. Торг., которая не лишаетъ неотдѣленныхъ дѣтей права трудиться и пріобрѣтать собственность, оказывается неосновательнымъ, ибо Палата въ обжалованномъ рѣшеніи вовсе не отрицаетъ возможности неотдѣленнымъ дѣтямъ имѣть собственное имѣніе. 3) Жалоба просителя на неразсмотрѣніе Палатою объясненій отвѣтчиковъ о томъ, что мельница выстроена ихъ средствами, опровергается содержаніемъ обжалованнаго рѣшенія, изъ коего видно, что Палата не оставила этого предмета безъ разсмотрѣнія, но обсудила его лишь въ той мѣрѣ, въ какой это представлялось нужнымъ по данному дѣлу. 4) Не заслуживаетъ уваженія и указаніе просителя на нарушеніе 1931 ст. Т. XI ч. 2 Уст. Торг. и 699 Т. X ч. I, выводимое изъ того, что Палата предоставила конкурсу такое имущество, принадлежность котораго несостоятельному должнику въ судебномъ рѣшеніи не установлена и ему дѣйствительно не принадлежитъ. Какъ изъ ссылки въ рѣшеніи палаты на ст. 1934 Уст. Торг., постановляющую, что противозаконно

отчужденное имѣніе несостоятельнаго обращается къ конкурсную массу не иначе, какъ по признаніи, по окончательному судебному рѣшенію, актовъ отчужденія ничтожными, такъ и изъ самаго содержанія резолютивной части рѣшенія Палаты несомнѣнно явствуетъ, что, по мнѣнію Палаты, совершенно правильному, рѣшеніе, постановленное ею по иску конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго Фаренбруха, составляетъ то окончательное судебное рѣшеніе, которое требуется 1934 статьею для уничтоженія противозаконной передачи Андреемъ Фаренбрухомъ аренднаго договора своимъ сыновьямъ. Наконецъ, 5) нельзя усмотрѣть какое либо нарушеніе законовъ въ томъ, что въ примѣненіи въ данномъ дѣлѣ 3 п. 1949 ст. Уст. Торг. Палата не стѣснилась долгосрочностью аренднаго договора, ибо, по силѣ этого послѣдняго закона, право конкурснаго управленія принять на себя исполненіе договора, несостоятельнымъ заключеннаго, не поставлено въ зависимость отъ большой или меньшей продолжительности такого договора, и потому Палата имѣла основаніе не признать за долгосрочностью аренды рѣшающаго значенія для исхода настоящаго дѣла. По всѣмъ симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: просьбу Фаренбруха оставить, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

117.—1882 г. октября 6 дня. *По прошенію повѣреннаго конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго должника штабъ-ротмистра Александра Макшеева, купца Моисея Града, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ П. О. Тизенгаузенъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ).

Макшеевъ, купивъ въ 1867 г. у помѣщика Чудовскаго недвижимое имѣніе Низки, Чириковскаго уѣзда, Могилевской губерніи, принялъ на себя при этомъ уплату лежащихъ на семъ имѣніи частныхъ долговъ около 40000 р., но таковыхъ не уплатилъ, вслѣдствіе чего означенное имѣніе было продано съ публичнаго торга, на которомъ выручено за оное, по вычетѣ издержекъ продажи и казенной недоимки, 17407 руб. По недостаточности этой суммы на полное удовлетвореніе упомянутыхъ долговъ, Могилевское губернское правленіе въ 1876 году, на основаніи 1005—1009 ст. X Т. ч. 2 изд. 1857 г., напечатало публикацію (въ третій разъ 18 октября) о повсемѣстномъ розысканіи принадлежащаго Макшееву имѣнія и вызовѣ его кредиторовъ, а въ 1878 году учредило конкурсное по дѣламъ его управленіе, которое въ свою очередь опубликовало въ Сенатскихъ объявленіяхъ 1880 г. (въ третій разъ 27 марта) объ открытіи своихъ дѣйствій 25 февраля сего года. Между тѣмъ, Макшеевъ въ 1878 г. по купчей крѣпости, утвержденной старшимъ нотаріусомъ Смоленскаго Окружнаго Суда, пріобрѣлъ отъ губернскаго секретаря Алексѣя Повало-Швейковскаго недвижимое имѣніе при селѣ Глинкахъ, Рославльскаго уѣзда, о чемъ не заявилъ ни Могилевскому губернскому правленію, ни вышеупомянутому конкурсному управленію; въ 1880 же году 9 мая, т.-е. уже послѣ публикаціи объ открытіи дѣйствій этого управленія, Макшеевъ заложилъ послѣднекупленное имъ имѣніе Суходольскому въ занятыхъ у него, срокомъ по 28 апрѣля 1881 года, 5000 руб. по закладной крѣпости, утвержденной тѣмъ же старшимъ нотаріусомъ. Но залогодержатель Суходольскій прежде еще истеченія срока этой закладной представилъ копію съ оной въ 1880 же году 2 августа въ конкурсное по дѣламъ Макшеева управленіе при прошеніи, въ коемъ ходатайствовалъ о зачисленіи и его кредиторомъ Макшеева. Но конкурсное управленіе постановленіемъ своимъ, состоявшимся 10 января 1881 года, въ виду 1630 ст. Т. X Св. Закон. Гражд. и ст. 1887, 1949, 1950, 1962 и 1971 Тома XI Уст. о торг. несостоятельн., признавъ заложенное Макшеевымъ Суходольскому имѣніе подлежащимъ включенію въ конкурсную массу перваго изъ нихъ и продажѣ съ публичнаго торга, а закладную на оное, какъ совершонную несостоятельнымъ должникомъ послѣ публикаціи (27 марта 1880 года) о его несостоятельности, недѣйствительною, опредѣлило объявить объ этомъ Суходольскому, а 14 февраля того же года предъявило къ нему въ Смоленскомъ

Окружномъ Судѣ искъ чрезъ повѣреннаго своего, купца Моисея Града, который въ исковомъ прошеніи ходатайствовалъ о признаніи отвѣтчика неимѣющимъ залогового на сельцо Глинки права, въ виду 770, 1381, 1627 и 1630 ст. Т. X ч. I, такъ какъ заложившій ему оное Макшеевъ не имѣлъ уже въ это время права располагать своимъ имуществомъ, которое, силою публикацій, послѣдовавшихъ о розыскѣ такового и объ открытіи конкурса по дѣламъ его собственника, должно было почитаться состоящимъ подъ запрещеніемъ. Противъ этого иска повѣренный отвѣтчика Суходольскаго, присяжный повѣренный Верховскій, возражалъ, что запрещенія на заложенное его довѣрителю Макшеевымъ имѣніе наложено не было (какъ это подтверждается представленнымъ свидѣтельствомъ объ этомъ старшаго нотаріуса), что публикація объ открытіи конкурснаго по дѣламъ Макшеева управленія и не могла имѣть тѣхъ же послѣдствій, какія, по 1337 ст. Т. XI Уст. о торгов. несостоят., влечетъ за собою указанное въ 1885 ст. того же Уст. объявленіе, дѣлаемое на основаніи судебнаго опредѣленія о признаніи должника несостоятельнымъ, такъ какъ губернское правленіе, по п. 45 ст. 716 Т. II Общ. Учр. Губ., не имѣло права объявлять Макшеева таковымъ должникомъ, публикація же, сдѣланная губернскимъ правленіемъ въ 1876 г. для познанія всѣхъ имуществъ и долговъ Макшеева, хотя вполнѣ соотвѣтствуетъ требованію закона (Т. X ч. 2 изд. 1857 г. ст. 1005 и 1006, а по изд. 1876 г. 676 и 677), но по самому содержанію своему вовсе не представляется имѣющею значенія признанія кого-либо несостоятельнымъ должникомъ, и что въ виду всего этого оспариваемая конкурснымъ управленіемъ закладная крѣпость должна остаться въ своей силѣ. Окружный Судъ въ настоящемъ искѣ конкурснаго управленія отказалъ. Въ засѣданіи Московской Судебной Палаты, разсматривавшей настоящее дѣло по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго этого управленія, Града, сей послѣдній представилъ засвидѣтельствованную копію съ прошенія Макшеева предсѣдателю Смоленскаго Окружнаго Суда отъ 23 октября 1881 г., въ которомъ онъ, ходатайствуя объ исключеніи его изъ списка присяжныхъ засѣдателей, ссылается на имѣющееся въ дѣлахъ того суда свѣдѣніе о признаніи его, просителя, Могилевскою соединенною палатою несостоятельнымъ должникомъ. Но Московская Судебная Палата утвердила означенное рѣшеніе Окружнаго Суда на основаніи слѣдующихъ соображеній въ публикаціяхъ 1876 г. Могилевскаго губернскаго правленія не содержится объявленія Макшеева должникомъ несостоятельнымъ, но заключается лишь оглашеніе о розыскѣ капиталовъ и имѣній должника, а засимъ одна публикація конкурснаго управленія, послѣдовавшая уже въ мартѣ 1880 г. объ открытіи дѣйствій конкурса, не можетъ почитаться равносильною объявленіямъ должника несостоятельнымъ и имѣть такое же обязательное значеніе, какое придаетъ законъ симъ послѣднимъ силою 1887 ст. Уст. Торг. За отсутствіемъ же объявленія Макшеева несостоятельнымъ должникомъ, доводы апеллятора о неправоспособности Макшеева къ совершенію крѣпостного акта залога своего имѣнія Суходольскому не могутъ быть уважены. Что касается до ссылки повѣреннаго конкурса на правила 1529 ст. Зак. Гр. X Т. I ч. Свод. 1857 г., что Судебная Палата не можетъ отвергнуть того вывода Окружнаго Суда, то въ дѣлѣ нѣтъ никакого доказательства существованія противозаконной цѣли при совершеніи означеннаго акта, и всѣ доводы апеллятора, что Суходольскій, въ качествѣ ближайшаго сосѣда, не могъ не знать о несостоятельности Макшеева при совершеніи акта 9 мая 1880 г., какъ ничѣмъ неподкрѣпляемые, остаются голословными, указаніе же на то, что Суходольскій самъ обращался въ конкурсное управленіе почти чрезъ три мѣсяца послѣ совершенія закладной крѣпости, а именно 2 августа того же года, не имѣетъ никакого значенія. Наконецъ, представленіе на судоговореніи въ Судебной Палатѣ заявленія Макшеева 18 декабря 1881 г. Окружному Суду, ни по содержанію своему, ни по времени подачи, не доказываетъ точно также, что во время совершенія акта и Макшееву, и Суходольскому было извѣстно постановленіе Могилевской соединенной палаты уголовнаго и гражданскаго суда о признаніи Макшеева несостоятельнымъ должникомъ.

Разсмотрѣвъ кассаціонную жалобу, принесенную на это рѣшеніе Московской Судебной Палаты тѣмъ же повѣреннымъ конкурснаго по дѣламъ Макшеева управленія, Градомъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что означенное рѣшеніе не можетъ быть признано правильнымъ, какъ основанное главнѣйше на томъ, что въ публикаціи, произведенной Могилевскимъ губернскимъ правленіемъ по поводу оказавшейся недостаточности суммы, вырученной продажею съ публичнаго торга имѣнія Макшеева на удовлетвореніе его долговъ, не содержится опредѣленія о признаніи Макшеева должникомъ несостоятельнымъ, а засимъ нѣтъ основанія и для признанія его необладавшимъ послѣ такой публикаціи надлежащею правоспособностью къ залогу Суходольскому того недвижимаго имѣнія, которое Макшеевъ пріобрѣлъ послѣ оной отъ Повало Швейковскаго, не извѣстивъ о томъ губернское правленіе. Въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не дѣйствуютъ Судебные Уставы 20 го ноября 1864 года, принятіе мѣръ къ удовлетворенію кредиторовъ такихъ должниковъ неторговаго званія, извѣстные по дѣлу долги которыхъ превышаютъ сумму извѣстнаго ихъ имѣнія, возложено на обязанность мѣстнаго, по жительству должника, губернскаго правленія, но въ ст. 1005—1011 Т. X ч. 2-ой Св. Зак. о судопр. и взыск. гражд. изд. 1857 года (по изд. 1876 года ст. 676—682), въ коихъ излагаются правила этихъ мѣропріятій, вовсе не установлено, чтобы губернское правленіе должно было, кромѣ публикаціи, указанной въ 1006 (677) ст. означенныхъ законовъ, опубликовывать еще и о томъ, что должникъ, котораго имѣніе, должники и кредиторы розыскиваются на основаніи этой ст., признанъ должникомъ несостоятельнымъ. Напротивъ, изъ содержанія предшествующей 1005 ст., очевидно, явствуетъ, что такая публикація, какая сдѣлана въ настоящемъ случаѣ по отношенію къ Макшееву Могилевскимъ губернскимъ правленіемъ, и не могла бы послѣдовать, если бы то лицо, розыска имущества котораго она касается, не было уже признано губернскимъ правленіемъ за несостоятельное къ платежу своихъ долговъ, ибо къ публикаціи этой приступается по закону не прежде, какъ „когда должникъ покажетъ, или же и безъ того извѣстны сдѣлаются многія на немъ незаплаченныя взысканія, превосходящія все извѣстное его имѣніе“, такъ что одно припечатаніе, въ установленномъ порядкѣ, объявленія, указаннаго въ 1006 (по изд. 1876 года—677) стат. Тома X части 2-ой о взыск. гражд., единственнаго, какое законами требуется отъ губернскаго правленія въ случаѣ признанія недостаточности имѣнія должника на полное удовлетвореніе его долговъ, какъ то замѣчено выше, уже само по себѣ достаточно свидѣтельствуетъ и объ имущественной несостоятельности того, чье имущество означеннымъ объявленіемъ розыскивается. Посему, признавая, что Судебная Палата не имѣла законнаго основанія отказывать въ составляющемъ предметъ настоящаго дѣла искѣ конкурснаго по дѣламъ Макшеева управленія въ виду того собственно, будто по законамъ о судопр. и взыск. гражд., дѣйствующимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены еще Судебные Уставы 1864 г., для признанія несостоятельности лица неторговаго званія должно о томъ быть публиковано губернскимъ правленіемъ особо, независимо отъ публикаціи о розыскѣ имущества по 677 ст. Тома X ч. 2 изд. 1876 г. (ст. 1006 по изд. 1857 г.), и засимъ, не входя въ обсужденіе прочихъ объясненій, изложенныхъ въ кассаціонной жалобѣ повѣреннаго означеннаго конкурснаго управленія, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Московской Судебной Палаты отмѣнить по нарушенію онымъ 677 ст. Т. X ч. 2 Зак. о судопр. и взыск. гражд. (изд. 1876 г.), и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же Палаты.

118.—1882 года октября 6 го дня. *По прошенію повѣреннаго общества крестьянъ села Малой-Знаменки, прис. пов. Мечникова, объ отмѣнѣ рѣшенія Одесской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Д. Г. фонъ-Дервизъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора графъ В. А. Тизенгаузенъ).

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что настоящій искъ возникъ изъ того, что по предъявлен-

ному крестьянами села Большой Знаменки спору о 614 десятинахъ земли, по рѣшенію Одесской Судебной Палаты, основанному на владѣнной записи, земля эта передана была въ ихъ владѣніе 9 ноября 1876 года. Затѣмъ въ маѣ 1878 г. упомянутая владѣнная запись была уничтожена губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, что и подало крестьянамъ села Малой Знаменки поводъ ходатайствовать передъ Правительствующимъ Сенатомъ о пересмотрѣ означеннаго рѣшенія Одесской Палаты. По отмѣнѣ Сенатомъ этого рѣшенія и по передачѣ дѣла въ Харьковскую Палату, эта послѣдняя отсудила спорную землю въ пользу крестьянъ села Малой Знаменки, которымъ она и была передана въ октябрѣ 1879 года, вслѣдствіе чего эти послѣдніе и предъявили къ крестьянамъ села Большой Знаменки искъ о возвратѣ доходовъ за время нахожденія земли въ ихъ владѣніи и уплаченной ими за нее въ то время въ казну оброчной подати, съ процентами и неустойкою. Разрѣшая этотъ искъ, Палата нашла, между прочимъ: 1) что владѣніе отвѣтчика, какъ основанное на окончательномъ рѣшеніи Судебной Палаты, должно быть признано добросовѣстнымъ до того времени, когда отвѣтчику сдѣлалось извѣстнымъ объ отмѣнѣ этого рѣшенія Сенатомъ, а потому, по силѣ ст. 530 и 626 Т. X ч. I Зак. Гражд., истецъ не имѣетъ права на доходы по день объявленія ему рѣшенія Сената, коимъ отмѣнено рѣшеніе Палаты, и 2) что равнымъ образомъ не имѣетъ онъ права на проценты и неустойку съ суммы, внесенной имъ въ счетъ оброчной подати за время нахожденія земли во владѣніи отвѣтчиковъ, на томъ основаніи, что таковые проценты и неустойка опредѣляются, по ст. 641 Т. X ч. I, за неправое владѣніе чужимъ капиталомъ, а упомянутая сумма, какъ внесенная въ казначейство, не находилась во владѣніи отвѣтчика. Оба эти соображенія Палаты не могутъ быть признаны правильными. Ст. 626 X Т. ч. I Зак. Гражд. опредѣляетъ, что добросовѣстный владѣлецъ обязанъ возвратить законному владѣльцу доходы лишь со дня объявленія ему установленнымъ порядкомъ объ открытіи спора противъ его владѣнія, или же, если сіе будетъ доказано, съ того времени, когда неправость его владѣнія сдѣлалась ему съ достовѣрностью извѣстна. Соображеніе этого закона со ст. 530 того же Тома и части приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что возвращеніе доходовъ со времени объявленія добросовѣстному владѣльцу о возникшемъ противъ его владѣнія спорѣ составляетъ общее правило, изъ котораго допускается одно только изъятіе: когда истецъ можетъ доказать, что неправость владѣнія была съ достовѣрностью извѣстна отвѣтчику и прежде начатія спора, въ каковомъ случаѣ доходы возвращаются съ этого послѣдняго срока, т.-е. со времени предшествующаго объявленію о возникшемъ спорѣ. Такимъ образомъ, это объявленіе о возникшемъ спорѣ является по закону самымъ позднѣйшимъ срокомъ, съ котораго добросовѣстный владѣлецъ обязанъ возвратить законному владѣльцу собранные съ отсужденной земли доходы. Между тѣмъ, Палата, какъ выше объяснено, присудила обществу крестьянъ села Малой Знаменки доходы не только не съ какого либо срока, предшествующаго объявленію отвѣтчикамъ о возникшемъ противъ ихъ владѣнія спорѣ, но и не съ этого послѣдняго срока, а лишь со времени объявленія отвѣтчикамъ о послѣдовавшемъ уже рѣшеніи Сената, коимъ отмѣнено было рѣшеніе Палаты, служившее основаніемъ ихъ владѣнія, чѣмъ нарушила прямой смыслъ приведенныхъ узаконеній. Относительно процентовъ на сумму, внесенную въ казну въ счетъ оброчной подати, слѣдуетъ замѣтить, что, по силѣ ст. 638 X Т. I ч. Зак. Гражд., исправны, взносъ податей остается на попеченіи и отвѣтственности добросовѣстнаго владѣльца по самый день прекращенія его владѣнія. Не исполняя этой обязанности, владѣлецъ пользуется незаконно тѣми деньгами, которыя онъ долженъ бы былъ уплатить въ казну, и пользуется ими въ ущербъ законному собственнику имѣнія, который, уплачивая эти деньги за него, лишенъ ихъ пользованія. Вслѣдствіе сего одно то обстоятельство, что деньги эти внесены въ казну, не освобождаетъ незаконнаго владѣльца отъ отвѣтственности по ст. 741 Т. X ч. I Зак. Гражд., такъ какъ, за взносомъ ихъ въ казну со стороны истца, отвѣтчикъ продолжалъ незаконно владѣть ими. По всѣмъ симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе Одесской Судебной Палаты,

нарушенію 530, 626 и 641 ст. X Т. ч. I Зак. Гр., отмѣнить и передать дѣло на новое разсмотрѣніе въ Харьковскую Судебную Палату.

119.—1882 года октября 13 дня. *По частной жалобѣ священника Іоанна Симонейскаго на непринятіе непремѣннымъ членомъ Сердобскаго Мирового Съѣзда кассаціонной его жалобы на рѣшеніе означеннаго Съѣзда по иску просителя къ землевладѣльцамъ Верковымъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ М. Н. Сазоновъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Ф. Д. Бартъ).

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и принимая во вниманіе: 1) что по дѣлу о возстановленіи нарушеннаго владѣнія землею Троицкой, села Мещерскаго, церкви непремѣнный членъ Сердобскаго Мирового Съѣзда возвратилъ кассаціонную жалобу священника Іоанна Симонейскаго, за непредставленіемъ уполномочія, требуемаго 1285 ст. Уст. Гр. Суд.; 2) что установленное въ означенной статьѣ правило не распространяется на дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, по которымъ, на основаніи 1313 ст. Уст. Гр. Суд., возбужденіе дѣла, а слѣдовательно, и дальнѣйшее веденіе онаго, предоставлено мѣстамъ и лицамъ, въ непосредственномъ завѣдываніи коихъ состоитъ имущество, по которому послѣдовало завладѣніе, и 3) что, на основаніи 400 и 403 ст. IX Т., церковныя земли состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи наличныхъ, при церкви состоящихъ, священнослужителей и церковныхъ причетниковъ (рѣш. Прав. Сен. 1870 г. № 1374),—Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: предписать Сердобскому Мировому Съѣзду, съ препровожденіемъ въ оный кассаціонной жалобы священника Симонейскаго, въ принятіи и дальнѣйшемъ направленіи той жалобы поступить по законамъ.

120.—1882 года октября 20-го дня. *По прошенію жены губернскаго секретаря Протопоповой объ отмѣнѣ рѣшенія Казанской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Я. В. Есиповичъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

27-го ноября 1880 года повѣренный опекуновъ надъ Азовымъ, Орловъ, предъявилъ въ Сарапульскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ Протопоповой, объяснивъ, что почетные гражданъ братья Казаковы купили у Екатерины Протопоповой въ г. Великомъ Устюгѣ домъ, который и поступилъ въ дѣйствительное владѣніе покупателей. Но вслѣдствіе отказа Гражданской Палаты въ утвержденіи на эту продажу купчей крѣпости, домъ этотъ былъ присужденъ обратно во владѣніе Протопоповой по иску, предъявленному ею въ 1873 г. Вслѣдствіе сего опекуны надъ имѣніемъ и малолѣтнимъ купеческимъ внукомъ Азовымъ, Марія Яковлева Казакова и Иванъ Петровъ Азовъ, 22 сентября 1877 г. предъявили къ женѣ губернскаго секретаря Екатеринѣ Протопоповой въ Вологодскомъ Окружномъ Судѣ искъ въ суммѣ 3506 р. 25 коп., уплаченныхъ за проданный Протопоповою наслѣдодателямъ малолѣтняго Петра Азова, Лаврентію и Платону Казаковымъ, домъ, купчая крѣпость на который совершена не была; но это дѣло, вслѣдствіе предъявленнаго отвѣтчицею Протопоповою отвода, основаннаго на проживаніи ея не въ Вологодской губерніи, а въ г. Сарапулѣ, разрѣшено было въ Вологодскомъ Окружномъ Судѣ тѣмъ, что по опредѣленію Суда, состоявшемуся 6 октября 1878 г., оно было признано подсуднымъ не Вологодскому, а Сарапульскому Окружному Суду, каковое опредѣленіе было найдено правильнымъ и со стороны Правительствующаго Сената. Въ виду изложенныхъ данныхъ Орловъ, опредѣляя цѣну иска въ 6642 руб. 59 к., въ томъ числѣ 3506 руб. 25 коп. капитальной суммы и 3136 руб. 34 коп. процентовъ съ 1 го января 1866 года по день предъявленія иска,—просилъ Окружнный Судъ: 1) взыскать съ отвѣтчицы Протопоповой въ пользу опеки надъ малолѣтнимъ Азовымъ, неправильно и незаконно удерживаемые отвѣтчицею до настоящаго времени за непроданное ею имущество, 3506 руб. 25 коп., съ узаконенными процентами съ 1 го января 1866 года по день удовлетворенія, возложивъ на отвѣтчицу уплату су-

дебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ въ суммѣ 383 руб. 78 коп., и 2) настоящій искъ обезпечить: а) наложеніемъ ареста на присланные при отношеніи Вологодскаго Окружнаго Суда отъ 5 ноября 1880 года въ Сарапульское уѣздное полицейское управленіе, для выдачи Протопоповой, 3498 р. 30 коп. и поступившіе депозитомъ того управленія въ Сарапульское уѣздное казначейство, по статьѣ прихода за № 4434, и б) въ остальной затѣмъ суммѣ (3144 руб. 29 коп.) наложеніемъ запрещенія на принадлежащей отвѣтчицѣ Протопоповой домъ, состоящій въ городѣ Сарапулѣ. Отвѣтчица Протопопова обратилась въ Окружный Судъ съ прошеніемъ, въ которомъ объяснила, что предъявленіе опекунами Азова, Казаковою и Азовымъ, иска къ ней, Протопоповой, въ Вологодскомъ Окружномъ Судѣ вынудило довѣреннаго ея представить въ тотъ Судъ 14 го іюня 1878 года 3506 руб. 25 коп. въ обезпеченіе иска, и такъ какъ деньги эти не принесли ей никакой пользы, то она лишилась на нихъ процентовъ, полагая по 6% въ годъ, всего за два года и 5 мѣсяцевъ 462 руб. 80 коп., а потому Протопопова, предъявляя къ опекѣ Азова встрѣчный искъ въ означенной суммѣ, просила Окружный Судъ присудить въ ея пользу съ опеки Азова 462 руб. 80 коп. съ процентами. Искъ же предъявленный противъ нея опекунами Азова, отвѣтчица оспаривала на томъ, между прочимъ, основаніи, что истцы пропустили 10 ти лѣтнюю давность на предъявленіе иска. Казанская Судебная Палата признала требованіе опекуновъ Азова о взысканіи съ Протопоповой капитальной суммы 3506 руб. 25 коп. подлежащимъ удовлетворенію, причемъ по вопросу о давности разсуждала слѣдующимъ образомъ: основаніемъ иска опеки малолѣтняго Азова служитъ съ одной стороны фактъ полученія отвѣтчицею Протопоповою отъ наслѣдодателей истца, братьевъ Казаковыхъ, 5100 руб. за проданный имъ и поступившій въ дѣйствительное владѣніе ихъ домъ въ городѣ Великомъ Устюгѣ, хотя Вологодская гражданская палата и отказала въ утвержденіи на эту продажу купчей крѣпости, а съ другой стороны—фактъ изъятія Протопоповою этого дома путемъ судебнаго рѣшенія изъ владѣнія Маріи Казаковой, которая въ то время являлась вмѣстѣ съ дѣтьми своими преемницею имущественныхъ правъ братьевъ Казаковыхъ. При такихъ обстоятельствахъ становится очевиднымъ, что право покупщиковъ Казаковыхъ, а затѣмъ и ихъ наслѣдниковъ, на купленный у Протопоповой домъ могло почитаться нарушеннымъ не съ того момента, когда послѣдовалъ отказъ гражданской палаты въ утвержденіи купчей (по объясненію повѣреннаго Протопоповой---съ 1865 года), а съ того времени, когда Протопопова выразила нежеланіе свое оставить проданный ею домъ во владѣніи Казаковыхъ, осуществивъ таковую свою волю предъявленіемъ къ Марьѣ Казаковой иска въ Вологодскомъ Окружномъ Судѣ. Искъ этотъ предъявленъ въ 1873 году, стало быть, съ этого только времени и возникъ для наслѣдниковъ Казаковыхъ законный поводъ требовать отъ Протопоповой возвращенія полученныхъ ею за домъ денегъ. Согласно съ симъ, заявленіе апеллятора о пропускѣ истцомъ Азовымъ давностнаго срока на предъявленіе настоящаго иска (694 ст. Т. X ч. I) подлежитъ устраненію. Что же касается встрѣчнаго иска Протопоповой къ Азову о 462 руб. 80 копейкахъ, то Палата нашла, что Окружный Судъ отказалъ въ этомъ искѣ правильно, ибо Протопопова не доказала, чтобы причиненный ей убытокъ отъ неполученія процентовъ на капиталъ былъ послѣдствіемъ неправильныхъ дѣйствій истца (684 ст. I части X Тома); изъ дѣла усматривается, что Протопопова замѣнила обезпеченіе иска, въ видѣ наложенія запрещенія на недвижимое ея имѣніе, внесеніемъ наличныхъ денегъ по доброй своей волѣ, а при этомъ условіи вопросъ о какой-либо отвѣтственности Азова за понесенные Протопоповою убытки не можетъ имѣть мѣста, не говоря уже о томъ, что и требованіе истца объ обезпеченіи иска, какъ оказывается нынѣ, было совершено правильно. На рѣшеніе Палаты принесена Протопоповою кассаціонная жалоба, въ которой она доказываетъ, что Палата неправильно отнесла начало давностнаго срока къ предъявленію ею иска въ 1873 году; что Палата не разсмотрѣла свидѣтельства Устюгской городской управы, изъ котораго она усмотрѣла бы, что продаваемый ею Казаковымъ домъ въ дѣйствительномъ ихъ владѣніи никогда не находился; что Палата, присуждая въ пользу опеки Азова и доли

другихъ наслѣдниковъ, нарушила рѣшеніе Правит. Сената 1877 года по иску Маріи Казаковой и что Палата неправильно отказала ей, просительницѣ, во встрѣчномъ искѣ.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что жалоба Протопоповой на оставленіе безъ разсмотрѣнія свидѣтельства Устюгской городской управы, изъ котораго она должна была, будто бы, усмотрѣть, что продаваемый ею домъ Казаковымъ никогда въ ихъ владѣніи не находился, опровергается рѣшеніемъ Палаты, въ которомъ именно сказано, что повѣреннымъ Протопоповой было предъявлено удостовѣреніе Велико-Устюгской городской думы въ доказательство того, что домъ всегда находился въ пользованіи наслѣдниковъ Казаковыхъ и что ими получено доходовъ 4040 рублей. Слѣдовательно, документъ этотъ упомянутъ въ рѣшеніи Палаты, а потому нельзя обвинять ее въ томъ, что она не имѣла его въ виду; сужденіе же о томъ, какое заключеніе должно сдѣлать на основаніи этого документа, принадлежитъ мѣсту, рѣшающему дѣло по существу, и Палата сдѣлала это заключеніе, признавъ, что домъ находился во владѣніи Казаковыхъ. Объясненія Протопоповой, что Палата, присуждая полную сумму взысканія въ пользу Азова, нарушила рѣшеніе Сената, послѣдовавшее въ 1877 году по иску между Казаковою и Протопоповою, и что Палата неправильно отказала ей во встрѣчномъ искѣ, не подлежатъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ заключеніе Палаты по симъ предметамъ относится также къ существу дѣла, ибо во встрѣчномъ искѣ Палатою отказано, потому что она признала, что Протопопова сама причинила себѣ убытокъ, отыскиваемый ею съ опеки Азова, а упомянутое рѣшеніе Сената 1877 года было представлено какъ доказательство по дѣлу, правильность же опредѣленія Судомъ смысла и значенія представленныхъ тяжущимися доказательствъ не подлежитъ кассаціонной повѣркѣ (рѣш. 1876 года № 275 и друг.). Наконецъ, что касается возраженія Протопоповой противъ того, что Палатою неправильно опредѣлено начало давностнаго срока для предъявленія опекою Азова иска о взысканіи съ нея, просительницы, денегъ за проданный Казаковымъ домъ, то изъ рѣшенія Палаты видно, что ею установлено, что проданный Протопоповою Казаковымъ домъ поступилъ въ дѣйствительное ихъ владѣніе, въ которомъ оставался до изъятія его изъ ихъ владѣнія по иску, предъявленному Протопоповою въ 1873 году. Установивъ, что домъ находился въ дѣйствительномъ владѣніи Казаковыхъ, Палата могла притти къ заключенію, что Казаковы, или ихъ наслѣдникъ, имѣли основаніе только тогда считать свои интересы нарушенными и деньги, переданныя за этотъ домъ Протопоповой, уплаченными ей напрасно, когда она стала судомъ требовать этотъ домъ изъ ихъ владѣнія. Принимая въ соображеніе, что дѣйствительно покупщикъ какого либо предмета, переданнаго продавцомъ въ его владѣніе, не можетъ быть лишенъ права считать свои интересы нарушенными, если продавецъ, не возвращая ему уплаченныхъ денегъ, начинаетъ домогаться объ изъятіи изъ его владѣнія и того предмета, который былъ проданъ имъ за эти деньги, и что съ этого именно времени возникаетъ для него и право иска о возвращеніи денегъ, а съ моментомъ возникновенія этого права совпадаетъ и начало давностнаго срока для погашенія этого права, нельзя въ этомъ отношеніи не признать, что рѣшеніе Палаты не нарушаетъ приводимыхъ Протопоповою узаконеній. А потому Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: просьбу жены губернскаго секретаря Протопоповой, на основаніи 793 ст. Уст. Гражд. Судопр. изд. 1876 года, оставить безъ послѣдствій.

121.—1882 г. октября 20 го дня. *По прошенію повѣреннаго Тифлисской городской управы, присяжнаго повѣреннаго Степанова, объ отмѣнѣ рѣшенія Тифлисской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. К. Фриде; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И Барковскій).

Изъ дѣла видно, что до разсмотрѣнія 1 департамента Правительствующаго Сената восходило въ 1868 г. дѣло о вознагражденіи титулярнаго совѣт-

ника Дмитрія, титулярнаго совѣтника Гавріила и прапорщика Константина Колубанскихъ за принадлежащій имъ участокъ земли, отошедшій подъ улицу и площадь города Тифлиса. Имѣя въ виду, что Колубанскіе требуютъ вознагражденія за 525 кв. саж., что, между тѣмъ, мѣстное начальство согласилось вознаградить Колубанскихъ только за 51 квадр. саж., по оцѣнкѣ, при производствѣ которой имѣютъ право присутствовать Колубанскіе; что затѣмъ Колубанскіе, буде считаютъ себя въ правѣ получить вознагражденіе за отобранную, будто бы, у нихъ свыше означеннаго количества землю, то обязаны сперва доказать право собственности на отыскиваемую ими землю и затѣмъ только просить, гдѣ и какъ слѣдуетъ, установленнаго въ законѣ вознагражденія, Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 23 марта 1868 года призналъ правильнымъ распоряженіе бывшаго главнаго совѣта управленія Закавказскаго края о вознагражденіи Колубанскихъ только за 51 сажень, съ тѣмъ, чтобы оцѣнка означеннаго участка земли была вновь произведена на точномъ основаніи 582, 584 и 585 ст. I ч. X Т. и чтобы Колубанскіе не лишены были права на вознагражденіе и за остальное количество отошедшей, будто, отъ нихъ земли, если они докажутъ, гдѣ и какъ слѣдуетъ, въ установленномъ порядкѣ, что земля эта составляетъ ихъ собственность и неправильно отведена была въ пользу города по распоряженію высшаго правительства. Вслѣдствіе сего указа Колубанскіе обратились съ исковымъ прошеніемъ въ Тифлисскій Окружный Судъ о признаніи за ними права на вознагражденіе за 474 кв. саж. земли, принадлежавшей имъ въ собственность и отошедшей подъ улицу и площадь гор. Тифлиса въ 1835 году. По означенному дѣлу Тифлисская Судебная Палата, на разсмотрѣніе которой искъ Колубанскихъ восходилъ, устранивъ всѣ отводы города о томъ, что искъ относится къ другому отвѣтчику, т. е. къ казнѣ, и о томъ, что на предъявленіе онаго пропущена земская давность, рѣшеніемъ отъ 30 ноября 1872 года признала за истцами Колубанскими право собственности на 474 квадр. саж. земли, и, не входя въ обсужденіе правильности объявленной истцами цѣны иска, предоставила имъ право ходатайствовать о полученіи вознагражденія за эту землю по установленному закономъ порядку. По воспослѣдованіи такового рѣшенія Колубанскіе обратились въ главное управленіе намѣстника Кавказскаго съ просьбою о вознагражденіи. Съ своей стороны Тифлисская городская дума вошла въ главное управленіе съ ходатайствомъ, не найдетъ ли оно возможнымъ обратить вознагражденіе Колубанскихъ на тѣ источники, изъ коихъ имъ уже выдано вознагражденіе за 51 квадратн. саж. земли, т. е. на суммы государственнаго казначейства. По выслушаніи доклада департамента главнаго управленія, совѣтъ намѣстника Кавказскаго нашелъ, что какъ по существу дѣла, такъ и по силѣ судебнаго рѣшенія обязанность вознаградить Колубанскихъ за отошедшую отъ нихъ въ 1835 г. подъ Николаевскую площадь землю принадлежитъ городу, а не казнѣ. Но съ другой стороны, приняъъ во вниманіе, что часть означенной земли въ количествѣ 390 саж., по распоряженію бывшаго намѣстника Кавказскаго, князя Воронцова, была передана частному лицу, князю Гагарину, совѣтъ въ приведенномъ обстоятельствѣ, усмотрѣлъ основаніе, заслуживающее уваженія, къ возбужденію ходатайства объ оказаніи городу пособія для расчетовъ съ Колубанскими за означенную часть земли. Что же касается до остальной земли, въ количествѣ 84 саж., отошедшей подъ Николаевскую улицу, то обязанность вознагражденія Колубанскихъ за эту землю принадлежитъ исключительно городу, безъ всякаго въ томъ содѣйствія со стороны правительства. По утвержденіи означенныхъ соображеній совѣта великимъ княземъ намѣстникомъ Кавказскимъ, о вышеизложенномъ 30 іюня 1878 года сообщено въ департаментъ главнаго управленія для извѣщенія Колубанскихъ и городской думы. Несмотря на означенное постановленіе совѣта, до августа 1879 года Колубанскіе изъ городского управленія удовлетворенія по ихъ претензіи не получили, и посему повѣренный ихъ вновь обратился съ прошеніемъ въ главное управленіе намѣстника, прося о производствѣ, въ силу 582 ст. Т. X ч. I, установленнымъ порядкомъ, оцѣнки земли. Главное управленіе, имѣя въ виду, что городъ, признанный судомъ отвѣтчикомъ по сему дѣлу, отказывается войти въ главное управленіе съ ходатайствомъ о воз-

награжденіи Колубанскихъ за 390 саж. земли изъ суммъ государственнаго казначейства, какъ это было предоставлено совѣтомъ намѣстника, нашло, что засимъ со стороны главнаго управленія не можетъ быть сдѣлано никакого распоряженія. Самое же ходатайство повѣреннаго Колубанскихъ о назначеніи оцѣнки земли, на которую за его довѣрителями признано право собственности не можетъ имѣть для нихъ никакого существеннаго значенія, такъ какъ главное затрудненіе встрѣчается собственно не въ отсутствіи опредѣленія о количествѣ вознагражденія, а въ неуказаніи Судебною Палатою способа полученія отыскиваемаго Колубанскими вознагражденія. Поэтому для опредѣленія сего послѣдняго имъ надлежитъ обратиться въ Тифлисскую Судебную Палату за разъясненіемъ постановленнаго ею рѣшенія относительно того законнаго порядка, которымъ имъ предоставлено ходатайствовать о полученіи слѣдуемаго имъ за ту землю вознагражденія. По объявленіи Колубанскимъ о таковомъ отзывѣ главнаго управленія, изложенномъ въ отзывѣ на имя исправляющаго должность Тифлисскаго губернатора отъ 31 августа 1879 года, Колубанскіе вновь обратились въ Тифлисскую Судебную Палату за указаннымъ въ постановленіи главнаго управленія разъясненіемъ, но Палата резолюціею отъ 16 ноября 1879 года постановила: согласно точному смыслу рѣшенія Палаты, предоставить Колубанскимъ обратиться съ ходатайствомъ объ оцѣнкѣ присужденной имъ земли и назначеніи за ту землю вознагражденія въ главное управленіе намѣстника кавказскаго по правиламъ въ ст. 575 Т. X ч. I. Что же касается отвѣтственности за это вознагражденіе предъ Колубанскими, то этотъ вопросъ не подлежитъ никакому разъясненію, ибо дѣло по иску Колубанскихъ производилось между ними и городомъ, и, по силѣ 895 ст. Уст. Гражданск. Судопроизводства, рѣшеніе вошло въ законную силу только относительно участвовавшихъ въ томъ дѣлѣ лицъ. Въ виду означенной резолюціи Палаты для производства оцѣнки земли Колубанскихъ, отошедшей подъ Бароновскую улицу и Николаевскую (нынѣ дворцовую) площадь, назначена была комиссія подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора, которая 24 апрѣля 1880 года произвела чрезъ городскихъ оцѣнщиковъ, оцѣнку земли Колубанскихъ и въ оцѣночной описи, за подписаніемъ вице губернатора, Тифлисскаго городского головы, уѣзднаго предводителя дворянства, губернскаго архитектора и трехъ присяжныхъ городскихъ оцѣнщиковъ изложено: что земля Колубанскихъ, отошедшая въ 1835 году подъ Николаевскую площадь и Бароновскую улицу, по плану, составленному уѣзднымъ землемѣромъ Вольскимъ 21 декабря 1840 г., заключаетъ въ себѣ 525 кв. саж., а за исключеніемъ изъ нихъ 51 кв. саж., за которыя уже выдано вознагражденіе въ 1869 г., подлежатъ нынѣ оцѣнкѣ 474 кв. саж. Осмотрѣвъ подлежащую оцѣнкѣ землю, границы которой указаны въ описи, комиссія нашла, что предложенная въ прошеніи Колубанскихъ, поданномъ начальнику главнаго управленія 20 ноября 1879 г., цѣна выражаетъ дѣйствительную стоимость ихъ земли и поэтому опредѣлила назначить Колубанскимъ въ вознагражденіе по 150 руб. за каждую квадратную сажень. По представленіи означенной оцѣночной описи на утвержденіе намѣстника Кавказскаго, департаментъ главнаго управленія при отношеніи отъ 11 іюня 1880 г. возвратилъ оную исправляющему должность Тифлисскаго губернатора для врученія Колубанскимъ, какъ нетребующую утвержденія намѣстника. Вслѣдствіе сего Колубанскіе 28 іюня 1880 г. обратились въ Тифлисскую городскую управу съ прошеніемъ, въ которомъ ходатайствовали о выдачѣ имъ, на основаніи оцѣночной описи, 71100 рубл. и въ то же время просили, буде городская управа не пожелаетъ удовлетворить ихъ, поставить ихъ о томъ въ извѣстность. Не получивъ до 11 сентября 1880 года по таковому прошенію не только удовлетворенія, но и никакого отзыва изъ управы, Колубанскіе чрезъ повѣреннаго своего, статскаго совѣтника Семенова, обратились означеннаго числа съ исковымъ прошеніемъ въ Тифлисскій Окружный Судъ о взысканіи съ управы 72723 руб. 45 коп. съ % на 71100 рубл. съ 11 сентября 1880 г. по день уплаты, возложивъ на управу и издержки судебныя и за веденіе дѣла. Разсмотрѣвъ все вышеизложенное и выслушавъ объясненія отвѣтчика, Тифлисскій Окружный Судъ 17 декабря 1880 г. нашелъ, что по законамъ, опредѣляющимъ

правила отчужденія отъ частныхъ лицъ недвижимыхъ имѣній на пользу государственную или общественную (575 и 609 ст. I ч. X Т.), размѣръ вознагражденія за отчужденное имѣніе разрѣшается въ безспорномъ порядкѣ, на основаніи ст. 577, 578 и 589 (примѣч. 1 и 2) Т. X ч. I. Въ подобныхъ случаяхъ то начальство, въ вѣдѣніе котораго отходитъ отчуждаемое отъ частнаго лица недвижимое имѣніе и подъ которымъ разумѣется подлежащее министерство, а на Кавказѣ главное управленіе намѣстника, назначаетъ оцѣнку имѣнія, причемъ сумма вознагражденія по состоявшейся оцѣнкѣ опредѣляется въ случаяхъ незначительности оной министрами по принадлежности, а на Кавказѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ намѣстникомъ, въ прочихъ же случаяхъ, превышающихъ власть означенныхъ должностныхъ лицъ, Государственнымъ Совѣтомъ съ Высочайшаго утвержденія. Правила эти распространяются и на тѣ случаи, когда имущество отчуждено въ пользу города, въ которомъ введено Городовое Положеніе. Это видно какъ изъ того, что въ Городовомъ Положеніи 1870 г. никакихъ особыхъ правилъ по сему предмету не заключается, такъ и изъ 3 прим. къ 582 ст. I ч. X Т., изъ котораго слѣдуетъ заключить, что правила 575 по 609 ст. X Т. ч. I имѣютъ въ виду и города, въ которыхъ введено означенное положеніе. Этотъ порядокъ вознагражденія частныхъ лицъ за имѣніе, отчуждаемое отъ нихъ на пользу государственную или общественную, долженъ быть примѣненъ и къ настоящему случаю, какъ по закону, такъ и по смыслу рѣшенія Тифлисской Судебной Палаты отъ 30 ноября 1872 г. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что въ законахъ нѣтъ никакого различія ни въ порядкѣ отчужденія отъ частныхъ лицъ имѣній на пользу государственную или общественную, ни относительно опредѣленія въ обоихъ этихъ случаяхъ тѣмъ лицамъ вознагражденія, ибо, по силѣ 577—589 ст. I ч. X Т., и въ томъ и въ другомъ случаѣ вознагражденіе должно опредѣляться административнымъ порядкомъ, причемъ въ случаяхъ важныхъ, когда сумма слѣдующаго вознагражденія не можетъ быть назначена властью министра, а на Кавказѣ намѣстника, вопросъ о вознагражденіи съ мнѣніемъ по оному начальства поступаетъ на уваженіе Государственнаго Совѣта, на основаніи 23 ст. сего учрежденія, а потомъ восходитъ на окончательное Высочайшее утвержденіе, порядкомъ, для сего установленнымъ (ст. 589). Окружный Судъ призналъ, что до разрѣшенія въ вышеобъясненномъ порядкѣ вопроса о количествѣ вознагражденія Колубанскихъ за отчужденную отъ нихъ въ 1835 г. на пользу г. Тифлиса, землю въ 474 кв. саж. не можетъ быть предъявляемо Колубанскими къ городу Тифлису, въ лицѣ городской управы, требованія о взысканіи вознагражденія за ту землю въ опредѣленной суммѣ. Вслѣдствіе сего Окружный Судъ отказалъ истцамъ въ означенномъ искѣ, какъ преждевременномъ. По апелляціонной жалобѣ, принесенной на означенное рѣшеніе повѣреннымъ Колубанскихъ, Тифлисская Судебная Палата съ своей стороны нашла, что право Колубанскихъ на вознагражденіе за 474 кв. саж. земли, отчужденной отъ нихъ въ пользу города Тифлиса, признано рѣшеніемъ Палаты 30 ноября 1872 года, затѣмъ оцѣнка земли произведена особою комиссіею съ участіемъ городского головы, согласно 582—585 ст. Т. X, засимъ остается только разрѣшить вопросъ, требуется ли утвержденіе этой оцѣнки высшею административною властью, согласнс 588 и 589 ст. Т. X. Самъ департаментъ главнаго управленія, какъ видно изъ отношенія его къ Тифлисскому губернатору отъ 18 іюня 1880 г. № 6355, разрѣшилъ вопросъ этотъ отрицательно, но и Судебная Палата признаетъ таковой совершенно правильнымъ. Заявленіе или незаявленіе возраженія противъ оцѣнки, на основаніи 586 ст. Т. X, вопреки мнѣнію Степанова, не имѣетъ никакого значенія и даже при отсутствіи всякаго спора заинтересованныхъ лицъ, дѣла объ экспропріаціи слѣдуютъ порядку, указанному въ ст. 588 и 589 Т. X, который, съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ, распространенъ на Закавказскій край закономъ 23 октября 1867 года (примѣч. къ ст. 589 по прод. 1876 г.). Но, по введеніи въ дѣйствіе въ городѣ Тифлисѣ Городового Положенія въ 1870 году, означенныя статьи закона, сохраняя свою силу въ отношеніи имуществъ, отчуждаемыхъ въ чертѣ города на пользу государственную, утратили ее въ отношеніи имуществъ, отчуждаемыхъ въ пользу

самаго города, ибо, на основаніи ст. 2087 и 2088 Т. II (изд. 1876 г.). города, получивъ самоуправленіе, за покрытіемъ указанныхъ въ ст. 2086 обязательныхъ для нихъ расходовъ, могутъ свободно распоряжаться остальными своими суммами, не испрашивая на то, ни разрѣшенія, ни утвержденія высшаго правительства. Въ данномъ случаѣ, хотя отвѣтная сторона и указываетъ, что изъ числа 474 кв. саж.—390 отошло въ пользу казны, а лишь 84 въ пользу города, но указаніе это является несвоевременнымъ, за разрѣшеніемъ уже вопроса объ исключительной отвѣтственности города, судебнымъ рѣшеніемъ, вступившимъ въ законную силу (893 и 895 ст. Уст. Гр. Суд.). Разрѣшая съ этой же точки зрѣнія вопросъ необходимой въ данномъ случаѣ административной процедуры, слѣдуетъ признать, что таковая уже закончена оцѣнкою оцѣночной комиссіи, не требующею, согласно изложенному, утвержденія высшей власти. Получитъ ли городъ пособіе отъ казны, или нѣтъ—это безразлично для Колубанскихъ, которыхъ городская управа обязана была удовлетворить оцѣночною суммою въ 71100 р. въ самый день производства оцѣнки, за уклоненіемъ же управы отъ исполненія этой обязанности, нынѣ слѣдуетъ присудить истцамъ всю отыскиваемую ими сумму съ % съ 24 апрѣля 1880 г. и судебными издержками по слѣдующему расчету: за веденіе дѣла въ двухъ инстанціяхъ (съ цѣны иска 72723 руб. 45 коп.) по таксѣ—1967 руб. 23 коп., исковыхъ пошлинъ 363 руб. 75 коп., апелляціонныхъ пошлинъ также 363 р. 75 коп., за 40 гербовыхъ марокъ 24 руб., на пристава 7 руб., итого 2725 руб. 73 коп. По симъ соображеніямъ и на основаніи ст. 774 и 776 Уст. Гр. Суд., Судебная Палата опредѣлила: взыскать съ Тифлисской городской управы въ пользу Гавріила, Дмитрія и Константина Колубанскихъ 71100 руб., съ % съ 24 апрѣля 1880 года по день уплаты. Судебныя издержки, въ размѣрѣ 2725 рублей 73 коп., возложить на отвѣтную сторону. Рѣшеніе Тифлисскаго Окружнаго Суда отмѣнить. На означенное рѣшеніе повѣренный Тифлисской городской управы, присяжный повѣренный Степановъ, обратился въ Правительствующій Сенатъ съ кассаціонною жалобою слѣдующаго содержанія: по иску Гавріила, Дмитрія и Константина Колубанскихъ съ бывшимъ Тифлисскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ о землѣ въ Тифлисской Судебной Палатѣ въ 1872 году состоялось рѣшеніе, коимъ за Колубанскими признано право собственности на спорную землю и предоставлено имъ ходатайствовать о полученіи за оную вознагражденія, гдѣ и какъ слѣдуетъ, порядкомъ, указаннымъ въ 575 и послѣдующихъ ст. Т. X ч. I Св. Зак. Гражд. По силѣ этого рѣшенія и по распоряженію начальства была образована комиссія, которая оцѣнила стоимость отчужденной для общественной надобности изъ владѣнія Колубанскихъ земли и опредѣлила сумму слѣдующаго имъ за оную вознагражденія. Заключеніе этой комиссіи никакой надлежащей властью еще не утверждено, а, между тѣмъ, Колубанскіе, основываясь на этой оцѣнкѣ, предъявили къ Тифлисской городской управѣ искъ о взысканіи съ нея 71100 руб. Въ качествѣ повѣреннаго города, Степановъ, противъ этого иска возражалъ, что въ случаяхъ этого рода судебные иски, какъ то неоднократно разъяснено и Сенатомъ, возможны лишь тогда, когда количество слѣдующаго вознагражденія опредѣлено уже въ административномъ порядкѣ, и мѣсто, назначенное плательщикомъ, произвольно задерживаетъ платежъ, что въ данномъ случаѣ количество вознагражденія, слѣдующаго Колубанскимъ, еще не можетъ считаться опредѣленнымъ, такъ какъ дѣйствія оцѣночной комиссіи сами по себѣ не имѣютъ окончательной силы и должны быть, по силѣ 588 и слѣдующихъ статей X Тома 1 части Свода Законовъ, утверждены подлежащею властью; что въ настоящемъ дѣлѣ такое утвержденіе необходимо тѣмъ болѣе, что представляются серьезныя сомнѣнія какъ въ отношеніи размѣра слѣдующаго Колубанскимъ вознагражденія, такъ и относительно источника, на счетъ котораго вознагражденіе это должно быть отнесено. Вопросъ о томъ, по какому расчету должны быть удовлетворены Колубанскіе, по стоимости ли земли въ настоящее время, или по стоимости ея въ моментъ отчужденія, т. е. въ 40 хъ годахъ, равно какъ и вопросъ о томъ, кто долженъ вознаградить Колубанскихъ, городъ или казна, въ виду того, что большая часть отчужденной земли перешла въ вѣдомство казны,—оба эти вопроса подлежатъ разрѣшенію той власти, которой предоста-

влено утверждать оцѣнку. По этимъ основаніямъ Степановъ находитъ искъ Колубанскихъ преждевременнымъ. Окружный Судъ согласился съ правильностью этихъ соображеній, но Тифлисская Судебная Палата рѣшеніемъ, постановленнымъ 20—26 мая 1881 г., постановила взыскать съ управы въ пользу истцовъ 71000 р. съ % и судебными издержками. Палата признала при этомъ, что дѣйствіе 588 ст. и слѣд. Т. X ч. I не распространяется на случаи отчужденія недвижимыхъ имуществъ въ пользу городовъ, въ коихъ введено Городовое Положеніе, такъ какъ, на основаніи 2087 и 2088 ст. II Т. Св. Зак., города, получивъ самоуправленіе, за покрытіемъ обязательныхъ для нихъ расходовъ, могутъ свободно распоряжаться остальными своими суммами, не испрашивая на то ни утвержденія, ни разрѣшенія начальства. Это рѣшеніе Палаты постановлено съ нарушеніемъ 60 ст. Основ. Зак., 588 и слѣд. Т. X ч. I, и 2087—2088 Т. II Св. Зак. 1) Земля Колубанскихъ отчуждена изъ ихъ владѣнія еще въ то время, когда въ Тифлисѣ не было введено Городовое Положеніе, и, слѣдовательно, порядокъ вознагражденія ихъ долженъ быть опредѣленъ по тѣмъ законамъ, которые, по мнѣнію Палаты, дѣйствовали до предоставленія городамъ самоуправленія; 2) но и независимо отъ того, самое толкованіе Палатою 588 ст., а равно и 2087 ст. II Т. представляется явно неправильнымъ; 588 ст. и прим. 1 къ ст. 589 относятся безразлично какъ къ случаямъ отчужденія недвижимостей на государственную, такъ и на общественную потребность. Никакихъ исключеній изъ правилъ, въ этихъ статьяхъ указанныхъ, для городовъ не сдѣлано ни въ нихъ самихъ, ни въ продолженіяхъ къ нимъ. Статья же 2087 Т. II установляетъ только право городовъ располагать своими суммами, напримѣръ, для покупки какого-нибудь имущества, или для другого употребленія, но, очевидно, вовсе не имѣетъ въ виду случая экспропріаціи, предпринимаемой всегда не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. По симъ основаніямъ Степановъ проситъ Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Палаты отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой ея департаментъ

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ, что, присуждая рѣшеніемъ отъ 20|26 мая 1881 года Колубанскимъ съ Тифлисской городской управы 71000 руб., въ видѣ вознагражденія за землю, отошедшую изъ владѣнія истцовъ въ 1835 году, на основаніи оцѣнки, произведенной въ 1880 г., не утвержденной порядкомъ, указаннымъ въ 588 и 589 ст. Т. X ч. I, Тифлисская Судебная Палата, хотя признала, что дѣла объ экспропріаціи слѣдуютъ порядку, указанному въ означенныхъ статьяхъ, который съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ распространенъ и на Закавказскій край закономъ 23 октября 1867 г., но въ то же время нашла, что, по введеніи въ дѣйствіе въ городѣ Тифлисѣ Городового Положенія 16 іюня 1870 года, означенныя статьи закона, сохраняя свою силу въ отношеніи имуществъ, отчуждаемыхъ въ чертѣ города на пользу государственную, утратили ее въ отношеніи имуществъ, отчуждаемыхъ въ пользу самаго города, за силою ст. 2087 и 2088 Т. II ч. I Св. Учр. Губ. изд. 1876 г. Таковое заключеніе Палаты не можетъ быть признано правильнымъ, ибо приводимыя оною ст. 2087 и 2088 Т. II ч. I по продолж. 1876 года установляютъ лишь порядокъ распоряженія городомъ своими суммами, свободными за удовлетвореніемъ тѣхъ потребностей, которыя за силою 2086 ст. Т. II, обязательно отнесены на городскія средства. Но ни означенная статья, ни ст. 582, 588 и 589 X Т. I ч. не даютъ городу съ одной стороны права разрѣшать, безъ утвержденія, въ порядкѣ указанномъ какъ означенными статьями, такъ и Высочайшими повелѣніями отъ 23 октября и 9 декабря 1867 г. (№№ 45088 и 45265), вопроса объ изъятіи изъ частнаго владѣнія недвижимости на городскія надобности, а съ другой стороны—не возлагаютъ и на городъ обязанности удовлетворять частное лицо какою либо суммою за отошедшую изъ его владѣнія въ пользу города недвижимость, если размѣръ этой суммы не установленъ въ порядкѣ, указанномъ закономъ. Этотъ указанный въ прим. къ ст. 577 по продолж. 1876 г., въ ст. 582, 588 и 589 Т. X ч. I и прим. къ ней по продолж. 1876 года, порядокъ есть исключительно порядокъ административный, и хотя по исполненіи онаго вопросъ объ уклоненіи города отъ выдачи частному лицу опредѣленной установлен-

нымъ порядкомъ суммы и можетъ дойти до обсужденія суда, но самая оцѣнка отходящго изъ частнаго владѣнія имущества, опредѣленіе на основаніи оной собственнику вознагражденія въ томъ или другомъ размѣрѣ и ассигнованіе потребной на оное сумы—не составляютъ предмета вѣдомства суда. То обстоятельство, что въ данномъ случаѣ весь установленный указанными выше ст. I ч. X Т. порядокъ не могъ быть нынѣ исполненъ, въ виду того, что принадлежавшая Колубанскимъ земля выбыла изъ ихъ владѣнія еще въ 1835 г., при дѣйствіи прим. 3 къ 582 ст. и прим. къ 589 ст. I ч. X Т. по прод. 1876 г., не давало все же и въ 1881 г. Тифлисской Судебной Палатѣ права разрѣшать вопросъ о взысканіи съ города въ пользу Колубанскихъ указанной въ рѣшеніи Палаты суммы, на основаніи такой послѣдовавшей въ 1880 г. оцѣнки, которая административнымъ начальствомъ въ порядкѣ, указанномъ 588 и 589 ст. Тома X ч. I и прим. къ 577 ст. по прод. 1876 г. (рѣшеніе Правительствующаго Сената 1873 г. № 24; 1876 г. №№ 24 и 551), не утверждена. Рѣшеніе Тифлисской Судебной Палаты 20/26 мая 1881 г. въ данномъ случаѣ представляется тѣмъ болѣе неправильнымъ, что въ рѣшеніи 30 ноября 1872 г., вошедшемъ въ окончательную законную силу, сама же Палата, разсматривая вопросъ о правѣ собственности Колубанскихъ на 474 кв. саж. земли, признанныхъ 1 мъ Департаментомъ Правительствующаго Сената спорными, ограничилась постановленіемъ рѣшенія о признаніи за истцами права собственности на означенную землю и при этомъ устранила отъ своего обсужденія вопросъ о правильности объявленной Колубанскими цѣны иска, предоставивъ имъ право ходатайствовать о полученіи вознагражденія за землю по установленному порядку. Вслѣдствіе сего, признавая, что изложенное въ рѣшеніи 1881 г. заключеніе Палаты о томъ, что 588 и 589 ст. 1 ч. X Т. утратили свою силу со введеніемъ въ городѣ Тифлисѣ Городового Положенія 1870 г., представляется неправильнымъ, что означенное рѣшеніе, сверхъ того, несогласно и съ рѣшеніемъ Палаты отъ 30 ноября 1872 г. Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе Тифлисской Судебной Палаты, по нарушенію 588 и 589 ст. I ч. X Т. Зак. Гр. и 893 стат. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той-же Палаты.

122.—1882 г. октября 20 го дня. *По прошенію повѣреннаго Іосифа Пржездзецкаго и Максимиліана Рогозинскаго, присяжнаго повѣреннаго Киршрота, объ отмѣнѣ рѣшенія Варшавской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Р. Отмарштейнъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

По нотаріальному договору отъ 14 іюня 1869 г. Редлихъ отдалъ Млошевскому въ 12 лѣтнюю аренду, которая по особому нотаріальному акту отъ 15 октября 1876 г. продолжена была еще на 6 лѣтъ, имѣніе свое Близановъ, съ находящимся въ немъ винокуреннымъ заводомъ и принадлежащимъ къ сему послѣднему аппаратомъ, машиною Писторія. Въ XVII п. договора 1869 г. постановлено, что для избѣжанія „устраненія“ (такъ сказано въ представленномъ къ дѣлу переводѣ договора) изъ мѣста означенной винокуренной машины должна быть сдѣлана свѣдущими людьми, указанными въ договорѣ, оцѣнка какъ машины, такъ и сосудовъ, принадлежащихъ къ винокуренному заводу, а при истеченіи аренды они же (свѣдущіе люди) такимъ же образомъ установятъ стоимость „оставленныхъ“ (машины и сосудовъ), и если бы „оказалась какая нибудь разница, то одна сторона вознаградитъ другую“; что означенная машина не можетъ быть увеличена на большій заторъ и что если бы Млошевскій во время аренды не пожелалъ пользоваться дольше винокуреннымъ заводомъ, то онъ въ такомъ случаѣ долженъ увѣдомить объ этомъ владѣльца имѣнія, а сей послѣдній обязанъ взять обратно винокуренный аппаратъ. Нотаріальнымъ актомъ отъ 13 января 1877 г. Редлихъ и Млошевскій по добровольному соглашенію уничтожили упомянутые арендные контракты, и Млошевскій обязался имѣніе Близановъ съ его принадлежностями и всѣми сданными ему въ аренду предметами

возвратить Редлиху въ его владѣніе. Въ актѣ этомъ не заключается болѣе никакихъ условій относительно винокуренной машины. Затѣмъ по нотаріальному договору, совершонному того же 13 января 1877 г., Редлихъ отдалъ въ аренду имѣніе Близановъ другому лицу, Демелю. Въ 1 § этого договора, между прочимъ, сказано, что имѣніе это отдается въ аренду съ винокуренным заводомъ и „машиною Писторія“, со всѣми приборами и снарядами, въ томъ заводѣ находящимися; а въ 14 § относительно оцѣнки винокуренной машины говорится то же самое, что сказано было въ XVII п. аренднаго договора Редлиха съ Млошевскимъ, и, сверхъ того, прибавлено: „впрочемъ, Редлихъ изъясняетъ Демелю, что часть помянутой машины составляетъ собственность Ренгана, которому арендаторъ таковую часть машины долженъ выдать по первому его востребованію“. Послѣ того, а именно: 11 апрѣля 1877 г. означенный винокуренный аппаратъ, безъ деревянныхъ и чугунныхъ приборовъ, проданъ былъ судебнымъ приставомъ съ публичнаго торга на удовлетвореніе, какъ сказано въ журналѣ пристава, претензіи Рогозинскаго къ Млошевскому, въ суммѣ 973 рубля, съ процентами, по исполнительному листу Калишскаго Окружнаго Суда отъ 4 марта 1877 года за № 2382. На торгахъ машина осталась за Пржездзецкимъ, въ суммѣ 1926 рублей. Она продавалась, какъ это видно изъ того же журнала, въ качествѣ движимаго имущества, принадлежащаго Млошевскому, который самъ при производствѣ сей продажи не находился. Тогда Редлихъ, въ лицѣ своего повѣреннаго Ляндау, предъявилъ въ апрѣлѣ же 1877 года искъ къ Рогозинскому (взыскателю), Пржездзецкому (покупщику) и Млошевскому (бывшему арендатору имѣнія Близановъ и отвѣтчику по претензіи Рогозинскаго) о признаніи проданнаго судебнымъ приставомъ аппарата собственностью Редлиха и объ уничтоженіи этой продажи. Искъ Редлиха построенъ былъ главнымъ образомъ на томъ основаніи, что винокуренный аппаратъ, по силѣ аренднаго контракта 1869 г., заключеннаго Редлихомъ съ Млошевскимъ, не могъ быть тронутъ изъ завода и, ссставляя по 524 стат. Граж. Код., недвижимость по назначенію, принадлежалъ владѣльцу имѣнія, т. е. Редлиху, а потому продажа означеннаго аппарата должна быть признана, согласно 1599 ст. Граждан. Код., недѣйствительною. Млошевскій къ отвѣту противъ иска Редлиха въ Судъ не явился. Рогозинскій же и Пржездзецкій защищались противъ сего иска главнѣйше тѣмъ, что первоначально находившійся на заводѣ винокуренный аппаратъ дѣйствительно принадлежалъ Редлиху и составлялъ часть завода; но впослѣдствіи аппаратъ сей былъ проданъ, съ согласія Редлиха, арендаторомъ Млошевскимъ, который поставилъ затѣмъ на свой счетъ новый аппаратъ; что засимъ проданный судебнымъ приставомъ аппаратъ составлялъ собственность не Редлиха, а Млошевскаго, и, какъ помѣщенный на заводѣ не собственникомъ имѣнія, а арендаторомъ онаго, Млошевскимъ, не могъ почитаться, за силою 524 стат. Гражданскаго Кодекса, недвижимостью по назначенію; что Рогозинскій и Пржездзецкій изготовляли и починяли этотъ аппаратъ по заказу Млошевскаго, оставшагося должнымъ тому и другому за произведенныя ими работы, и что принадлежность этого аппарата Млошевскому доказывается, по мнѣнію отвѣтчиковъ, и тѣмъ, что въ актѣ объ уничтоженіи состоявшагося между Редлихомъ и Млошевскимъ арендныхъ договоровъ объ аппаратѣ ничего уже не говорится, что новый арендаторъ имѣнія Демель и владѣлецъ его Редлихъ хорошо знали о производившихся судебнымъ приставомъ торгахъ, но ни тотъ, ни другой не заявляли тогда приставу о принадлежности аппарата Редлиху, и что послѣдній при уничтоженіи заключенныхъ съ Млошевскимъ арендныхъ договоровъ воспользовался бы оцѣнкою аппарата, если бы онъ былъ тотъ самый, о которомъ говорилось въ арендныхъ условіяхъ. Въ подтвержденіе же того, что прежній аппаратъ былъ проданъ и что затѣмъ спорный аппаратъ составлялъ собственность Млошевскаго, отвѣтчики сослались на свидѣтелей. Окружный Судъ 23 іюня 1877 года опредѣлилъ: признать аппаратъ, находящійся на винокуренномъ заводѣ въ деревнѣ Близановѣ, за владѣльцемъ сего имѣнія, Редлихомъ, какъ составляющій неотъемлемую часть недвижимости, и потому продажу онаго, произведенную судебнымъ приставомъ 11 апрѣля 1877 года, считать неправильною. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло по апелляціоннымъ

жалобамъ отвѣтчиковъ, Судебная Палата нашла, что арендным договоромъ, заключеннымъ въ 1869 году между Редлихомъ и Млошевскимъ, стороны условились, чтобы находящійся на Близановскомъ заводѣ винокуренный аппаратъ не былъ увеличенъ на большій заторъ и не былъ устраненъ изъ мѣста, почему аппаратъ сей, и по закону (524 ст. Гр. Код.), и по волѣ договаривавшихся сторонъ, слѣдуетъ признать недвижимостью по назначенію. Ссылка апелляторовъ на актъ отъ 13—25 января 1877 года о прекращеніи арендnаго договора 1869 г. и на новый арендный договоръ Редлиха съ Демелемъ, изъ которыхъ они выводятъ, что Редлихъ впослѣдствіи пересталъ считать аппаратъ принадлежностью завода, не оправдывается содержаніемъ сихъ актовъ, такъ какъ умолчаніе въ первомъ изъ сихъ актовъ объ установленной договоромъ 1869 г. переоцѣнкѣ винокуреннаго аппарата не доказываетъ отреченія Редлиха отъ права, въ случаѣ измѣненія или ухудшенія аппарата, требовать вознагражденія; что же касается второго договора, то и по оному вмѣстѣ съ заводомъ поступалъ въ арендное содержаніе Демеля и винокуренный аппаратъ, въ видѣ принадлежности недвижимаго имѣнія, причемъ предвареніе арендатора Демеля о правахъ третьяго лица, Ренгана, на часть сего аппарата ни въ чемъ не можетъ измѣнить основного положенія, что аппаратъ по закону и по волѣ договаривавшихся лицъ составляетъ недвижимость по назначенію. Возраженія апелляторовъ сводятся къ тому, что *хотя винокуренный аппаратъ первоначально и принадлежалъ Редлиху и* составлялъ часть завода, но впослѣдствіи былъ проданъ, съ согласія Редлиха, арендаторомъ Млошевскимъ, который на свой счетъ поставилъ новый аппаратъ, причемъ на оный пріобрѣли права апелляторы Пржездзецкій и Рогозинскій. Засимъ права ихъ на спорный аппаратъ могли бы быть осуществлены лишь настолько, насколько Млошевскій состоялъ владѣльцемъ сего аппарата. Между тѣмъ, изъ представленнаго къ дѣлу журнала судебнаго пристава видно, что продажа аппарата произведена 11 апрѣля 1877 года на удовлетвореніе претензіи Рогозинскаго къ Млошевскому по исполнительному листу Калишскаго Окружнаго Суда отъ 4 марта 1877 г. Такимъ образомъ, предварительныя дѣйствія по обращенію взысканія Рогозинскаго на аппаратъ, принадлежавшій, по мнѣнію взыскателя, Млошевскому, не могли быть произведены раньше 4 марта 1877 г., т.-е. послѣ прекращенія аренднаго договора Млошевскаго и вступленія во владѣніе винокуреннымъ заводомъ съ находящимся въ ономъ аппаратомъ новаго арендатора Демеля. При такомъ положеніи дѣла судебный приставъ, въ виду указанія закона, что орудія, необходимыя для заводовъ, составляютъ недвижимость по назначенію (524 ст. Гражд. Кодекса), и не находя винокуреннаго аппарата во владѣніи должника Млошевскаго, не имѣлъ никакого основанія приступать къ описи и продажѣ сего предмета по правиламъ, установленнымъ для движимостей. Вслѣдствіе сего Редлихъ неправильною продажею аппарата, почитаемаго закономъ недвижимостью по назначенію, будучи лишенъ права собственности на этотъ предметъ, имѣетъ полное право, на основаніи I пун. 1180 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства, оспаривать дѣйствительность состоявшейся публичной продажи аппарата; а такъ какъ право собственности Редлиха на винокуренный заводъ, часть котораго составлялъ спорный аппаратъ, не подлежитъ сомнѣнію, то посему искъ его представляется доказаннымъ. Что же касается объясненія апелляторовъ, что Млошевскій соорудилъ спорный аппаратъ на свои собственныя средства и что Рогозинскій и Пржездзецкій, по отношеніямъ, въ какія они вступили съ Млошевскимъ по поводу сооруженнаго имъ аппарата, имѣютъ на таковой свои самостоятельныя права, то права эти могли бы быть осуществлены лишь путемъ иска отъ лица Млошевскаго или вступающихъ въ его право кредиторовъ Рогозинскаго и Пржездзецкаго къ Редлиху; за непредъявленіемъ же такого иска, возраженія эти въ настоящемъ положеніи дѣла не подлежатъ разсмотрѣнію Палаты, а потому и ходатайство апелляторовъ о допросѣ свидѣтелей, коими они желаютъ доказать эти возраженія, не подлежитъ удовлетворенію. По изложеннымъ соображеніямъ Судебная Палата опредѣлила рѣшеніе Калишскаго Окружнаго Суда утвердить. Въ принесенной Правительствующему Сенату кассаціонной жалобѣ повѣренный отвѣт-

чиковъ Пржездзецкаго и Рогозинскаго объ отмѣнѣ рѣшенія Палаты по нарушенію 1166 ст. Гражд. Код., 1 пун. 1180, 665, 1092 и 366 ст. Уст. Гр. Суд.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя въ 524 ст. Гр. Код. и выражено: „предметы помѣщенные въ имѣніи самимъ собственникомъ для потребностей имѣнія и для его хозяйства (exploitation) суть недвижимости по ихъ назначенію“, но употребленныя въ текстѣ этого закона слова „самимъ *) собственникомъ“ вовсе не придаютъ ему того тѣснаго значенія, что только предметы, помѣщенные въ имѣніи для объясненной выше цѣли непосредственно и исключительно самимъ собственникомъ и на его личныя средства, должны быть почитаемы недвижимостью по ихъ назначенію. Истинный разумъ приведеннаго закона состоитъ въ томъ, что для признанія означенныхъ предметовъ недвижимостью по ихъ назначенію требуется, чтобы они помѣщены были въ имѣніи для его потребностей и эксплоатаціи, по волѣ самого собственника. Такимъ образомъ, 524 ст. Гражд. Кодекса не исключаетъ возможности признанія и такихъ предметовъ недвижимостью по ихъ назначенію, кои помѣщены въ имѣніи, для его потребностей и эксплоатаціи, хотя и другимъ лицомъ, напримѣръ, арендаторомъ—но по соглашенію его съ собственникомъ имѣнія, ибо въ такомъ соглашеніи, очевидно, выражается и воля самого собственника имѣнія на помѣщеніе въ ономъ упомянутыхъ предметовъ, для потребностей и эксплоатаціи имѣнія. Примѣняя положенія эти къ данному дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по заключенному между Редлихомъ, собственникомъ завода, и Млошевскимъ, его арендаторомъ, договору, помѣщенный на заводѣ, для дѣйствія его, винокуренный аппаратъ не можетъ быть увеличенъ на большій заторъ и тронутъ съ мѣста. Вслѣдствіе сего Судебная Палата признала, что означенный аппаратъ и по закону (524 ст. Гражд. Кодекса), и по волѣ договаривавшихся сторонъ, составляетъ недвижимость по его назначенію. Проситель и самъ не отрицаетъ правильности этого положенія. Засимъ то, утверждаемое отвѣтчиками, обстоятельство, что, вмѣсто упомянутаго аппарата, поставленъ на заводѣ арендаторомъ Млошевскимъ на свой счетъ новый аппаратъ, не можетъ, если бы даже фактъ этотъ являлся вполнѣ достовѣрнымъ, измѣнять въ данномъ случаѣ свойство вновь поставленнаго аппарата, какъ предмета, составляющаго недвижимость по его назначенію, ибо изъ установленныхъ Палатою обстоятельствъ дѣла видно, что состоявшееся между Редлихомъ и Млошевскимъ соглашеніе относительно положенія и назначенія аппарата оставалось неизмѣннымъ въ теченіе всей аренды Млошевскаго и что, по переходѣ затѣмъ винокуреннаго завода къ новому арендатору, находившійся въ немъ аппаратъ оставался по прежнему въ тѣхъ же условіяхъ, при коихъ подобные предметы должны быть почитаемы недвижимостью по ихъ назначенію. Заключеніе Судебной Палаты о томъ, что соглашеніе по сему предмету Редлиха, какъ съ первымъ арендаторомъ Млошевскимъ, такъ и съ послѣдующимъ арендаторомъ Демелемъ, оставалось неизмѣннымъ, основано на толкованіи содержанія совершенныхъ сторонами договоровъ, въ связи съ обстоятельствами дѣла, почему заключеніе это и не можетъ, за силою 12 статьи Учрежден. Кассаціонныхъ Департаментовъ, подлежать повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ. Засимъ представляется несомнѣннымъ, что продажа судебнымъ приставомъ означеннаго аппарата, въ качествѣ движимости должника отвѣтчиковъ, Млошевскаго, произведенная въ апрѣлѣ 1877 года, т. е. тогда, когда аппаратъ сей, перешедшій уже съ винокуреннымъ заводомъ къ новому арендатору Демелю, составлялъ въ имѣніи Редлиха недвижимость по своему назначенію, должна быть признана, за силою 1 п. 1180 статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства, недѣйствительною. Поэтому рѣшеніе Судебной Палаты объ уничтоженіи таковой продажи и признаніи спорнаго винокуреннаго аппарата за владѣльцемъ имѣнія Редлихомъ, какъ составляющаго неотъемлемую часть недвижимости, ни въ

---

*) Во французскомъ текстѣ 524 ст. Код. Нап. не содержится слова, соотвѣтствующаго слову „самимъ“, имѣющемуся въ русскомъ текстѣ.

чемъ не нарушаетъ приводимаго просителемъ 1 пун. 1180 ст. Уст. Гр. Суд. Проситель объясняетъ далѣе, что Палата нарушила 366 ст. Уст. Гр. Суд., и 1166 ст. Гр. Код., признавъ, между прочимъ, что Пржездзецкій и Рогозинскій могли бы осуществить свои права на спорный аппаратъ отдѣльнымъ искомъ къ Редлиху, а не путемъ возраженій противъ настоящаго иска къ нимъ Редлиха. Такое объясненіе просителя основано главнымъ образомъ на томъ обстоятельствѣ, что спорный аппаратъ во время продажи онаго составлялъ, по его мнѣнію, движимую собственность должника отвѣтчиковъ, Млошевскаго, а не предметъ, остававшійся въ имѣніи Редлиха недвижимостью по своему назначенію. Но такъ какъ выше сего установлено, что спорный аппаратъ во время продажи онаго судебнымъ приставомъ оставался на заводѣ Редлиха именно недвижимостью по своему назначенію, то засимъ приведенное объясненіе просителя о нарушеніи 366 ст. Уст. Гр. Суд. и 1166 ст. Гражд. Код. теряетъ всякое значеніе, „ибо если бы отвѣтчиками и было доказано, что спорный аппаратъ дѣйствительно поставленъ былъ на заводѣ Редлиха должникомъ отвѣтчиковъ, Млошевскимъ, на свой счетъ, то обстоятельство это не могло бы, какъ выше объяснено, измѣнить положенія дѣла по отношенію къ вопросу о дѣйствительности торговъ, произведенныхъ на продажу аппарата въ качествѣ движимости, принадлежавшей Млошевскому. Руководствуясь изложенными выше соображеніями и принимая во вниманіе: 1) что проситель ссылается на 1092 и 665 ст. Уст. Гр. Суд. въ подтвержденіе того, что Редлихъ права свои на спорный аппаратъ могъ осуществить, по мнѣнію просителя, искомъ только до публичной продажи сего аппарата; 2) что, между тѣмъ, предъявленіе иска, по 1092 ст., какъ это ясно видно изъ буквальнаго смысла сего закона, могло бы имѣть цѣлью лишь предотвращеніе публичной продажи аппарата или полученія вырученныхъ уже за оный денегъ; настоящій же искъ Редлиха состоитъ въ требованіи о признаніи аппарата его собственностью и объ уничтоженіи произведенной судебнымъ приставомъ продажи онаго; 3) что 655 ст. Уст. Гр. Суд., опредѣляющая порядокъ вступленія въ дѣло третьяго лица, не имѣетъ никакого отношенія къ положенію истца Редлиха въ настоящемъ дѣлѣ, и 4) что засимъ объясненіе просителя о нарушеніи Палатою 1092 и 665 ст. Уст. Уг. Суд. оказывается совершенно неосновательнымъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: просьбу повѣреннаго Киршрота оставить, на основаніи 793 ст. Уст. Гражд. Судопр., безъ послѣдствій.

123.—1882 г. октября 20 дня. *По прошенію купца Адольфа Кунце объ отмѣнѣ рѣшенія Петроковскаго 1 округа Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ, докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Р. Отмарштейнъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

25 декабря 1880 года Лейба Розенбергъ выдалъ Корну простой вексель на 200 рублей, срокомъ на 4 мѣсяца, обязавшись въ немъ уплатить деньги по приказу Корна. Послѣдній 28 того же декабря передалъ означенный вексель, по надписи, Намбургу, который 1 января 1881 года, по надписи же, переступилъ оный Адольфу Кунце. Въ августѣ 1881 года повѣренный Кунце предъявилъ у Мирового Судьи искъ къ Розенбергу объ уплатѣ по упомянутому векселю, представивъ при исковомъ прошеніи какъ подлинный долговой документъ, такъ и удостовѣреніе нотаріуса отъ 23 іюля—4 августа 1881 года, о томъ, что онъ ходилъ къ Розенбергу съ цѣлью заявить должнику о требованіи уплаты по векселю и что, не заставъ должника Розенберга дома, нотаріусъ сообщилъ объ упомянутомъ требованіи женѣ должника словесно и посредствомъ письменной повѣстки, оставленной ей на-руки, для передачи мужу. Отвѣтчикъ возразилъ противъ иска, что значащійся по векселю долгъ сполна имъ уплаченъ, въ подтвержденіе чего онъ представилъ платежную расписку, выданную ему Корномъ—первымъ векселедержателемъ. Въ распискѣ этой числомъ написанія ея выставлено 24 апрѣля 1881 года. Мировой Судья нашелъ, что представленный истцомъ вексель,

какъ непротестованный, потерялъ силу вексельнаго права и сохранилъ лишь значеніе заемнаго обязательства; что представленная отвѣтчикомъ расписка удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ платежной расписки по простому заемному обязательству и что расписка эта по содержанію своему относится къ упомянутому векселю и составляетъ, на основаніи 1332 ст. Гр. Кодекса, доказательство уплаты по оному. Вслѣдствіе сего Мировой Судья 6 октября 1881 г. опредѣлилъ: Адольфу Кунце въ искѣ отказать. Мировой Съѣздъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло по апелляціи истца, нашелъ также, что истецъ представилъ въ доказательство иска непротестованный простой вексель, утративший силу вексельнаго права вслѣдствіе упущенія формальностей (162, 163 и 187 ст. Торговаго Кодекса), и что требованіе платежа по оному по всей строгости вексельнаго права могло бы имѣть мѣсто лишь послѣ протеста векселя, съ соблюденіемъ при этомъ установленныхъ Торговымъ Кодексомъ сроковъ. Поэтому, принимая означенный долговой документъ, согласно съ рѣшеніемъ Мирового Судьи, въ значеніи простого долгового обязательства, погашеннаго въ настоящемъ случаѣ представленною со стороны отвѣтчика платежною распискою, Мировой Съѣздъ 4 декабря 1881 г. опредѣлилъ: рѣшеніе Мирового Судьи отъ 6 октября 1881 года утвердить. Въ принесенной Правительствующему Сенату кассаціонной жалобѣ Адольфъ Кунце проситъ объ отмѣнѣ рѣшенія Съѣзда, по нарушенію 165, 168 и 169 ст. Торг. Код. и 1328 ст. Гражд. Код.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора и разсмотрѣвъ рѣшеніе Мирового Съѣзда въ предѣлахъ кассаціонной жалобы, Правительствующій Сенатъ находитъ, что приведенныя въ рѣшеніи Съѣзда 162 и 163 ст. Торг. Код. установляютъ порядокъ удостовѣренія отказа должника въ платежѣ по переводному векселю въ день срока; отказъ сей долженъ быть удостовѣренъ актомъ, называемымъ протестомъ въ неплатежѣ. Но не упомянутыя статьи закона, ни другія постановленія Торговаго Кодекса вовсе не содержатъ въ себѣ указанія на то, чтобы неучиненіе означеннаго протеста имѣло послѣдствіемъ превращеніе векселя въ простое заемное обязательство. Вообще, по правиламъ Торговаго Кодекса вексель не можетъ превращаться въ простое долговое обязательство. Исключеніе изъ сего можетъ являться лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ 112 и 113 ст. Торг. Код.; но въ рѣшеніи Мирового Съѣзда не установлено, чтобы какой либо изъ этихъ случаевъ имѣлъ мѣсто по настоящему дѣлу. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе: 1) что векселедержатель переводнаго векселя, въ случаѣ неучиненія упомянутаго выше протеста, лишается, какъ это явствуетъ изъ соображенія 168 и 170 ст. Торг. Код., всѣхъ правъ только по отношенію къ надписателямъ, и 2) что правило это, за силою 187 ст. того же Кодекса, примѣняется и къ простому векселю, каковымъ представляется въ данномъ дѣлѣ долговой документъ, служащій основаніемъ иска, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Мировой Съѣздъ нарушилъ приведенныя выше постановленія (168, 170 и 187 ст. Торг.), признавъ за упомянутымъ документомъ значеніе простого заемнаго обязательства на томъ лишь основаніи, что онъ не былъ протестованъ въ порядкѣ, предписанномъ 162 ст. Торг. Код. Что же касается заключенія Мирового Съѣзда о погашеніи помянутаго документа представленною со стороны отвѣтчика платежною распискою, выданною ему Корномъ, первоначальнымъ векселедержателемъ, то Правительствующій Сенатъ въ этомъ отношеніи считаетъ нужнымъ лишь замѣтить, что векселя могутъ переходить въ собственность другихъ лицъ по надписямъ, совершоннымъ въ установленномъ порядкѣ (136—139 ст. Торг. Код.). Въ виду сего, подписывая вексель, въ которомъ выражается обязательство уплатить деньги по приказу кредитора, векселедатель принимаетъ уже на себя въ самый моментъ подписанія векселя отвѣтственность по оному не только передъ первымъ, но и передъ послѣдующими векселедержателями, къ коимъ вексель тотъ можетъ перейти въ собственность по установленной закономъ передаточной надписи. А изъ сего вытекаетъ несомнѣнно тотъ выводъ, что при предъявленіи подобнаго векселя ко взысканію послѣдующимъ векселедержателемъ должникъ не въ правѣ уже отъ уплаты по оному отказываться по какимъ бы то ни было расчетамъ съ предшествующимъ векселедержателемъ, ибо рас-

четы сіи не могутъ быть признаваемы обязательными для послѣдующаго векселедержателя, какъ собственника векселя по установленной закономъ надписи. Руководствуясь изложенными соображеніями и считая излишнимъ входить засимъ въ обсужденіе объясненія просителя относительно нарушенія Съѣздомъ 1328 ст. Гражд. Кодекса признаніемъ за платежною распискою, не имѣющей по отношенію къ истцу достовѣрнаго числа, преимущественнаго значенія передъ нотаріальнымъ актомъ,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Петроковскаго 1 округа Мирового Съѣзда отмѣнить, по нарушенію 168, 170 и 187 ст. Торг. Код., и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ Петроковскій 2 округа Мировой Съѣздъ.

124.—1882 г. октября 20 дня. *По прошенію архитектора Густава Шрейбера объ отмѣнѣ рѣшенія Ялтинскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. К. Фриде; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Повѣренный крестьянина Григорія Жернова, Соломонъ Беркингофъ, въ исковомъ прошеніи, поданномъ Мировому Судьѣ 1 го участка Ялтинскаго мирового округа 13 апрѣля 1879 г., изложилъ, что жительствующій въ городѣ Ялтѣ архитекторъ Густавъ Шрейберъ въ 1876 г. договорилъ Жернова произвести каменныя работы по постройкѣ князя Оболенскаго, которою онъ, Шрейберъ, завѣдывалъ, и заключилъ съ нимъ, Жерновымъ, о томъ письменное условіе. Окончивъ работу на 356 р., онъ выдалъ Шрейберу, по требованію его, условіе и получилъ отъ него счетъ. Хотя въ этомъ послѣднемъ и сказано, что деньги по оному слѣдуетъ получить отъ князя Оболенскаго, но Жерновъ съ этимъ послѣднимъ никакихъ дѣлъ не имѣлъ, и посему Беркингофъ, представляя означенный выданный ему Шрейберомъ счетъ, просилъ о взысканіи съ отвѣтчика означенной въ оном суммы, т. е. 356 р. 31 к. съ издержками судебными и за веденіе дѣла. Изъ приложеннаго при исковомъ прошеніи „счета камнотеса Григорія Евдокимова Жернова по работамъ, произведеннымъ при постройкѣ князя Дмитрія Дмитріевича Оболенскаго на дачѣ Изокасъ Карадачъ, въ Ялтинскомъ уѣздѣ, близъ гор. Ялты“, на 356 р. 31 к., видно, что въ оном по сведеніи итогамъ работамъ сказано: и того, согласно сему счету, слѣдуетъ Григорію Евдокимову Жернову за имъ произведенныя работы, согласно вышесказанному, на дачѣ князя Оболенскаго при постройкѣ князя Дмитрія Дмитріевича Оболенскаго, близъ г. Ялты, 356 руб. 31 коп. сер. отъ князя Дмитрія Дмитріевича Оболенскаго; затѣмъ, когда Григорій Евдокимовъ Жерновъ уложитъ на мѣсто имъ сдѣланную перекрышку для тумбъ каменныхъ лѣстницъ, значащихся въ счетѣ семъ въ 3 п., то ему, Жернову, будетъ еще слѣдовать отъ его сіятельства, князя Дмитрія Дмитріевича Оболенскаго, по два рубля за погонную сажень перекрышъ, какъ въ 3 п. показано, а именно двадцать руб. 28 к. По порученію князя Оболенскаго, архитекторъ Г. Шрейберъ ноября 13 дня 1876 г. Послѣ подписи Шрейбера въ томъ же счетѣ имѣется слѣдующая надпись: „по сему счету довѣряю получить, крестьянинъ Воронцовской волости, деревни Близенцова, Григорій Евдокимовъ Жерновъ крестьянину той же волости, деревни Ларіоновой, Тимоѳею Силяеву, за неумѣніемъ его грамотѣ, по его личной просьбѣ, расписался Ефимъ Силяевъ; подпись руки свидѣтельствую, Воронцовскій волостной старшина Александръ Ивановъ Соколовъ (м. п.)“. Заочнымъ рѣшеніемъ отъ 20 апрѣля 1879 г. Мировой Судья присудилъ Жернову отыскиваемую имъ сумму, а когда на означенное рѣшеніе Шрейберъ подалъ отзывъ и дѣло вновь было назначено къ разбирательству, то, не дѣлая возраженія по существу искового требованія, отвѣтчикъ Шрейберъ предъявилъ отводъ на томъ основаніи, что искъ всецѣло относится къ другому отвѣтчику, т. е. къ князю Оболенскому. На это Беркингофъ возразилъ, что работы хотя и произведены Жерновымъ на дачѣ князя Оболенскаго, но договорился онъ съ Шрейберомъ, который завѣдывалъ дачею и расписался на счетѣ, а поэтому отвѣтчикомъ долженъ быть признанъ онъ, Шрейберъ, а не князь Оболенскій. Противу сего Шрейберъ изложилъ, что онъ не нанималъ Жернова

и не поручалъ ему производить работы на дачѣ князя Оболенскаго; съ своей же стороны истецъ, въ доказательство того, что Шрейберъ нанялъ Жернова и заключилъ съ нимъ домашній письменный договоръ, который впослѣдствіи, по окончаніи работъ, былъ возвращенъ Жерновымъ Шрейберу, выдавшему вмѣсто условія счетъ, представленный къ дѣлу повѣреннымъ, просилъ Мирового Судью допросить свидѣтелей Тимоѳея Силяева и Михаила Благушина. Въ удовлетвореніе означеннаго ходатайства Мировой Судья отложилъ разборъ дѣла для допроса указанныхъ Беркингофомъ свидѣтелей Силяева и Благушина чрезъ Покровскаго Мирового Судью 2 участка, по полученіи же отзыва Мирового Судьи 2 участка съ протоколомъ допроса свидѣтелей, назначилъ засѣданіе по настоящему дѣлу на 5 іюня 1879 года. Въ означенный день явились повѣренный истца Жернова, Беркингофъ, и отвѣтчикъ Шрейберъ и послѣдній, не представляя объясненій по существу дѣла, просилъ разборъ онаго отложить, въ виду того, что онъ, по болѣзни, не можетъ оставаться въ засѣданіи, въ удостовѣреніе же сего своего заявленія представилъ свидѣтельство частнаго врача отъ 12 мая 1880 г. о томъ, что Шрейберъ четыре дня тому назадъ заболѣлъ корью и страдаетъ лихорадочнымъ состояніемъ и кашлемъ, и по совѣту его, доктора, не можетъ выходить изъ квартиры по крайней мѣрѣ три дня. Мировой Судья, признавая ходатайство объ отсрочкѣ засѣданія незаслуживающимъ уваженія, постановилъ приступить къ разбору дѣла; когда же вслѣдствіе сего Шрейберъ ушелъ изъ засѣданія, не представивъ никакого объясненія, то Мировой Судья, руководствуясь ст. 81, 105, 129, 133 и 153 Уст. Гр. Суд., опредѣлилъ: на удовлетвореніе крестьянина Григорія Евдокимова Жернова взыскать съ архитектора Густава Ѳедорова Шрейбера 356 руб. 31 коп. по счету за работу, три руб. 84 к. судебныхъ издержекъ и 30 руб. за веденіе дѣла. Означенное рѣшеніе, признавъ вторымъ заочнымъ, считать неокончательнымъ. На рѣшеніе Мирового Судьи отвѣтчикъ Шрейберъ обратился въ Ялтинскій Мировой Съѣздъ съ апелляціонною жалобою, въ которой изложилъ: повѣренный Жернова въ исковомъ прошеніи отъ 13 апрѣля 1879 г. объяснилъ, что онъ, Шрейберъ, еще въ 1876 г. договорилъ его произвести работы на дачѣ князя Оболенскаго, за которыя отвѣтчикъ, будто, остался должнымъ 356 руб. 31 к. по счету, имъ подписанному. Между тѣмъ, истецъ, употребившій эти выраженія, что Шрейберъ договорилъ его произвести работы, долженъ былъ знать, что существеннымъ основаніемъ его иска есть договоръ подряда и поставки; а таковой договоръ, соотвѣтствующій требованіямъ ст. 1738—1744 Т. X ч. I, къ дѣлу не представленъ и не могъ быть представленъ, потому что его никогда не существовало, и онъ, Шрейберъ, былъ только лицо, надзирающее за правильностью работъ на дачѣ кн. Оболенскаго въ качествѣ архитектора и уполномочія на заключеніе какихъ бы то ни было договоровъ не имѣлъ, дачею же завѣдывалъ особый повѣренный князя Оболенскаго. При отсутствіи договора подряда, этотъ послѣдній не могъ быть замѣненъ Мировымъ Судьею счетомъ, выданнымъ имъ, Шрейберомъ, въ которомъ заключается не признаніе за собою какого-либо долга, а просто удостовѣреніе о произведенныхъ Жерновымъ работахъ и о правѣ его, какъ именно сказано въ томъ счетѣ, на полученіе съ князя Оболенскаго 356 руб. 31 коп. Поэтому въ судебномъ засѣданіи у Мирового Судьи Шрейберомъ и былъ предъявленъ отводъ, основанный на п. 3 ст. 69 Устава Гражданскаго Судопроизводства, но Мировой Судья, въ нарушеніе ст. 409 Уст. Гр. Суд., разъясненной рѣшеніемъ Кассаціоннаго Департамента 1870 г. № 1866 по дѣлу Шаталова, заключилъ: допросить Тимоѳея Силяева и Благушина о такомъ обстоятельствѣ, которое, за силою 94 ст. Уст. Гр. Суд., разъясненной рѣшеніемъ Прав. Сената 1874 г. № 217 по дѣлу Шапиры, не могло быть доказываемо свидѣтельскими показаніями. При этомъ Судья, уваживъ требованіе истца о допросѣ свидѣтелей, не предложилъ даже ему, Шрейберу, вопроса, не желаетъ-ли онъ, чтобы свидѣтели тѣ были бы о чемъ-либо допрошены, а затѣмъ отнесся къ Мировому Судьѣ Петровскаго участка о предложеніи свидѣтелямъ Силяеву и Благушину такого вопроса, которымъ прямо выражалось уже направленіе дѣла. Будучи допрошены безъ бытности на допросѣ какъ истца, такъ и отвѣтчика, свидѣтели эти и дали показаніе, которое привело Судью

*

къ убѣжденію объ обязанности Шрейбера уплатить истцу 356 рублей 31 копейку. Но такое показаніе неправильно принято Мировымъ Судьею въ доказательство иска, ибо, не говоря уже о томъ, что свидѣтели не показали, какой договоръ былъ между Шрейберомъ и Жерновымъ, что тѣмъ не менѣе они удостовѣряютъ что Шрейберъ остался должнымъ истцу именно 356 руб. 31 коп. Мировой Судья не обратилъ вниманія и на то, что тотъ счетъ, по которому предъявленъ искъ, перешелъ къ Тимоѳею Силяеву, а онъ же является по дѣлу сему свидѣтелемъ, и, такимъ образомъ, далъ свидѣльское показаніе по собственному дѣлу. Что же касается существа показанія Силяева, даннаго у Мирового Судьи Покровскаго округа, то оно несправедливо, ибо никакого договора между нимъ и Жерновымъ никогда не было совершено, а Жерновъ представлялъ ему, отвѣтчику, справочныя цѣны, и согласно съ тѣмъ онъ, Шрейберъ, выдалъ ему счетъ. Независимо отъ сего, Мировой Судья, признавъ его, апеллятора, обязаннымъ удовлетворить Жернова по такому счету, который и по содержанію его, и по формѣ, въ которой онъ изложенъ, къ нему, Шрейберу, не относится, допустилъ и нарушеніе ст. 153 Уст. Гражд. Суд., признавъ свое рѣшеніе вторымъ заочнымъ, и тѣмъ самымъ лишилъ апеллятора права на подачу отзыва о вторичномъ разсмотрѣніи дѣла. Вслѣдствіе сего, признавая рѣшеніе Мирового Судьи по, становленнымъ съ нарушеніемъ ст. 1738—1744 Т. X ч. I п. 3 ст. 69, ст. 81, 82, 102, 150, 153 и 409 Уст. Гр. Судопр., Шрейберъ просилъ объ отмѣнѣ онаго и объ отказѣ Жернову въ искѣ, возложивъ на истца судебныя и за веденіе дѣла издержки. При означенной жалобѣ апеллляторъ приложилъ копію съ бумаги князя Оболенскаго отъ 20 мая 1876 года на имя Шрейбера, названной имъ „меморандумъ“, и справочныя цѣны каменнымъ работамъ, по которымъ Жерновъ согласился работать. Разсмотрѣвъ вышеизложенное, Мировой Съѣздъ нашелъ: что 1-е) отвѣтчикомъ по настоящему иску, основанному на счетѣ слѣдуемыхъ истцу за работы денегъ, можетъ быть лишь лицо, подписавшее счетъ, т. е. г. Шрейберъ, такъ какъ онъ, нанимая Жернова по письменному условію для производства работъ на порученной ему княземъ Оболенскимъ постройкѣ и замѣнивъ это условіе, по окончаніи работъ, счетомъ, не доказалъ, что онъ дѣйствовалъ отъ имени хозяина постройки, имѣя на то законное полномочіе. Наоборотъ, представленное имъ, апеллляторомъ, письмо князя Оболенскаго (меморандумъ) скорѣе можетъ служить указаніемъ на то, что для уплаты нанимаемымъ г. Шрейберомъ рабочимъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи извѣстныя суммы. Что 2) представленная апеллляторомъ записка о справочныхъ цѣнахъ не опровергаетъ факта существованія между нимъ и истцомъ письменнаго условія на работы,—факта, доказаннаго свидѣтельскими показаніями. Что 3) эти показанія касались обстоятельства, которое, въ противность мнѣнію, высказанному въ апелляціи, можетъ быть доказываемо такими показаніями, и что 4) обжалованное въ срокъ апеллляторомъ рѣшеніе Мирового Судьи есть дѣйствительно второе заочное рѣшеніе, на которое отзыва не допускается, а лишь апелляціонная жилоба. А потому и руководствуясь 81, 105, 129, 123, 153, 181 и 868 ст. Уст. Гр. Суд., Съѣздъ опредѣлилъ: 1) рѣшеніе Мирового Судьи, по сему дѣлу состоявшееся, утвердить; 2) апелляціонную жалобу оставить безъ послѣдствій и 3) возложить на г. Шрейбера уплату судебныхъ издержекъ въ пользу истца г. Жернова въ размѣрѣ десяти рублей сер. за веденіе дѣла во второй инстанціи. На рѣшеніе Мирового Съѣзда отвѣтчикъ Шрейберъ обратился въ Правительствующій Сенатъ съ кассаціонною жалобою, въ которой, повторяя заявленія, изложенныя въ апелляціонной жалобѣ, указываетъ, что Мировой Съѣздъ съ своей стороны нарушилъ тѣ же статьи закона, которыя и нарушилъ Мировой Судья, а, кромѣ того, не вошелъ вовсе въ обсужденіе означенной жалобы, ибо, если бы Съѣздъ разсмотрѣлъ дѣло внимательно, то не могъ бы не обратить вниманія на то, что свидѣтель Силяевъ далъ показаніе по собственному дѣлу и, очевидно, кромѣ того, назвалъ договоромъ тѣ справочныя цѣны, которыя представлены имъ въ Съѣздъ, а, кромѣ того, хотя имъ, по неопытности, на это въ жалобѣ Съѣзду не указано, самъ Съѣздъ имѣлъ полное основаніе обратить вниманіе и на то, что Беркингофъ по довѣренности Жернова не могъ даже начинать дѣла, ибо Жерновъ передалъ

счетъ, по которому искъ предъявленъ, Силяеву, а этотъ послѣдній иска не предъявлялъ, и не предъявлялъ онаго потому, что зналъ, что счетъ на сумму свыше 50 р., не обращенный въ заемное обязательство, не имѣетъ значенія долгового документа, а независимо отъ сего, тотъ документъ, который предъявленъ въ настоящее время, и не можетъ быть признанъ за счетъ, а есть не болѣе какъ удостовѣреніе о произведенныхъ работахъ и не имѣетъ силы долгового документа.

Выслушавъ заключенія Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что указаніе Шрейбера на то, что Мировой Съѣздъ не уважилъ ходатайства его о признаніи рѣшенія Мирового Судьи первымъ заочнымъ рѣшеніемъ, представляется неоснованнымъ на законѣ, такъ какъ первое заочное рѣшеніе по дѣлу просителя состоялось 20 апрѣля 1879 года, а другое рѣшеніе отъ 5 іюня 1879 г. во всякомъ случаѣ, за силою 153 ст. Уст. Гр. Суд., только и могло подлежать обжалованію въ порядкѣ апелляціи. Столь же мало представляется правильнымъ и заявленіе Шрейбера, что Съѣздъ не обратилъ вниманія на то, что по счету, представленному съ него ко взысканію, Жерновъ не могъ быть истцомъ, такъ какъ счетъ этотъ переданъ имъ Силяеву, ибо такого отвода отвѣтчикомъ не заявлено ни во время производства дѣла у Мирового Судьи, ни въ апелляціонной жалобѣ, ни во время разсмотрѣнія дѣла на Съѣздѣ; а потому Правительствующій Сенатъ, въ качествѣ кассаціонной инстанціи, не можетъ входить въ обсужденіе такого вопроса, который не былъ возбужденъ отвѣтчикомъ во время производства дѣла въ судебныхъ мѣстахъ и не могъ поэтому быть разъясненъ истцомъ, а вслѣдствіе сего правильно не разсмотрѣнъ и Съѣздомъ. Не менѣе того неуважительно и указаніе Шрейбера на неправильность производства допроса свидѣтелей, такъ какъ правомъ своимъ, предоставленнымъ ему ст. 94 Уст. Гр. Суд., Шрейберъ въ свое время не воспользовался, а посему на допросъ свидѣтелей безъ бытности его нынѣ жаловаться не можетъ. Что же касается, наконецъ, указанія на то, что Мировой Съѣздъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній установилъ существованіе договора его, Шрейбера, съ Жерновымъ о личномъ наймѣ, то не говоря уже о томъ, что Шрейберъ признавалъ то условіе, на существованіе котораго указываетъ отвѣтчикъ, договоромъ не личнаго найма, а подряда и поставки, подлежащимъ обсужденію по ст. 1738—1744 Т. X ч. I, и что таковой доводъ представляется неправильнымъ,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что Мировой Съѣздъ вовсе не руководствовался одними свидѣтельскими показаніями, для установленія обязанности Шрейбера удовлетворить исковое требованіе Жернова, а имѣлъ въ виду, независимо отъ счета послужившаго основаніемъ къ иску, и письмо князя Оболенскаго, представленное самимъ Шрейберомъ, и изъ совокупности сихъ документовъ и обстоятельствъ дѣла вывелъ заключеніе, которое, въ виду рѣшенія Правит. Сената 1873 г. за № 1078, не находится въ противорѣчіи ни съ рѣшеніемъ 1870 г. № 1866, ни съ рѣшеніями 1874 г. №№ 217 и 713. Вслѣдствіе сего, признавая кассаціонную жалобу архитектора Густава Шрейбера незаслуживающею уваженія во всѣхъ частяхъ, Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: за силою 186 ст. Уст. Гр. Суд., кассаціонную жалобу Шрейбера оставить безъ послѣдствій.

125.—1882 года октября 20 дня. *По прошенію: а) повѣренныхъ: 1) отставного генералъ маіора Михаила Вонлярлярскаго, присяжнаго повѣреннаго Головина, 2) жены генералъ лейтенанта Надежды Жуковской и жены надворнаго совѣтника Граве, присяжнаго повѣреннаго Коврайскаго; 3) вдовы штабсъ капитана Натальи Мессаровичъ, присяжнаго повѣреннаго Гурчанинова; 4) полковника Дмитрія Бутурлина, надворнаго совѣтника Константинова, и б) жены купца Бернштейнъ объ отмѣнѣ опредѣленія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. И. Ягнъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Въ общемъ собраніи кредиторовъ произведены были 20 октября 1880 г. выборы кураторовъ и предсѣдателя конкурснаго управленія по дѣламъ не-

состоятельнаго должника князя Голицына графа Остермана и большинство голосовъ по суммѣ претензій было подано за избраніе въ кураторы присяжныхъ повѣренныхъ Новосильскаго, Спиро, Свиридова и присяжнаго стряпчаго Мамонтова и въ предсѣдатели—присяжнаго повѣреннаго Андреева. Но С.-Петербургскій Окружный Судъ, въ который представлено было постановленіе общаго собранія на утвержденіе и въ который поступили также по этому поводу заявленія, между прочимъ, повѣренныхъ кредиторовъ Вонляр-лярскаго и Бернштейнъ, доказывавшихъ, что голоса кредиторовъ, получившихъ документы отъ князя Голицына графа Остермана послѣ объявленія его несостоятельности, не могли быть приняты въ счетъ, выборовъ не утвердилъ по тѣмъ соображеніямъ, что общее собраніе прежде всего должно было избрать себѣ предсѣдателя, который и руководилъ бы (1911 ст. Уст. Торгов.) дальнѣйшими дѣйствіями по избранію предсѣдателя и членовъ конкурснаго управленія; что въ числѣ избранныхъ оказался присяжный повѣренный Московской Судебной Палаты Свиридовъ и что изъ счета голосовъ не исключены тѣ кредиторы, претензіи которыхъ основаны на документахъ, выданныхъ должникомъ по возникновеніи дѣла о несостоятельности и послѣ того, какъ состоялось въ Окружномъ Судѣ рѣшеніе о признаніи князя Голицына графа Остермана должникомъ несостоятельнымъ. Затѣмъ Окружный Судъ, находя возможнымъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему 1907 ст. Уст. Торг., и исключивъ изъ числа избирателей помянутыхъ кредиторовъ, назначилъ получившихъ при избраніи наибольшее число голосовъ—предсѣдателемъ конкурснаго управленія надворнаго совѣтника Константинова и кураторами—присяжныхъ повѣренныхъ Аршеневскаго, Абрамовича, Берендса и надворнаго совѣтника Тихомандрицкаго. Въ Судебную Палату подали частныя жалобы противъ и объясненія въ пользу опредѣленія Окружнаго Суда кредиторы несостоятельнаго: купеческій сынъ Муратовъ, губернскій секретарь Колышкевичъ, повѣренный прапорщика Давыдова, присяжный повѣренный Рогалинъ, купецъ Губкинъ, повѣренный кредиторовъ Павлова, Никитина и Ходнева, присяжный повѣренный Кудряшевъ, повѣренный отставного гвардіи—поручика Глѣбова, присяжный повѣренный Свиридовъ, и повѣренный полковницы Волгиной, присяжный повѣренный Абрамовичъ. Изъ нихъ послѣдній утверждалъ, что соображенія Окружнаго Суда о сомнительности претензій кредиторовъ, основанныхъ на документахъ, выданныхъ послѣ объявленія князя Голицына несостоятельнымъ, представляется вполнѣ правильными. Въ судебномъ засѣданіи Палаты, происходившемъ 5 іюня 1881 года, повѣренный Ребекки Бернштейнъ, присяжный повѣренный Берендсъ, доказывалъ, что опредѣленіе Окружнаго Суда, согласно съ указаніями Правительствующаго Сената по дѣлу Мясникова, Судебная Палата нашла: 1) по закону (1903, 1904, 1993 ст. Уст. Торг.), избраніе лицъ въ составъ конкурснаго управленія предоставлено кредиторамъ несостоятельнаго, и судъ, провѣряя выборы, имѣетъ право назначить отъ себя членовъ конкурснаго управленія лишь тогда, когда кредиторы въ назначенный срокъ не изберутъ ихъ (1907 ст. Уст. Торг.), или когда лица, вступившія въ составъ конкурса, выбыли изъ онаго по распоряженію суда (1918, 1920 ст. Уст. Торг.); 2) въ настоящемъ случаѣ выборы состоялись, и примѣненіе 1907 ст. Уст. Торг. не оправдывается положеніемъ дѣла. Если же Судъ считалъ что нарушенія при выборахъ столь существенны, что не признавалъ возможнымъ утвердить ихъ, то обязанъ былъ распорядиться о новомъ общемъ собраніи кредиторовъ; 3) отсутствіе предсѣдателя собранія въ общемъ собраніи кредиторовъ не составляетъ такого нарушенія закона, которое влекло бы за собою недѣйствительность выборовъ, потому что приводимая Судомъ 1905 ст. Уст. Торг., въ которой сдѣлана ссылка на 1904, 1925, 1989 и 1991 ст. Уст. Торг., показываетъ лишь, какъ слѣдуетъ руководствоваться при счетѣ голосовъ, но не устанавливаетъ необходимости избранія, до выборовъ членовъ конкурса, еще особаго предсѣдателя для собранія, такъ какъ въ этомъ собраніи никакихъ сужденій не происходитъ, а подаются лишь голоса объ избранныхъ лицахъ, а затѣмъ производится счетъ голосовъ присяжными попечителями; 4) неправильно исключилъ Окружный Судъ изъ счета голосовъ претензіи лицъ, заявившихъ свои требованія по документамъ, выданнымъ послѣ разрѣшенія дѣла о не-

состоятельности кн. Голицына графа Остермана; въ рѣшеніи Правительствующаго Сената по дѣлу Мясникова сказано, что лица, заявившія суду о своихъ претензіяхъ, а равно допускаемыя въ общее собраніе, созываемое для выбора членовъ конкурса, должны имѣть на несостоятельномъ какія либо претензіи, иски по имуществу, состоять его заимодавцами, и такими лицами признаются тѣ, которые въ точности указали основанія своихъ правъ. Слѣдовательно, на обязанности суда, повѣряющаго и утверждающаго выборы лежитъ удостовѣриться, имѣютъ ли избиратели основанія считать себя заимодавцами, кредиторами, но не входить въ оцѣнку ихъ правъ и достоинства ихъ претензій и указывать, какія требуются доказательства, чтобы претензія могла быть признана дѣйствительною, такъ какъ подобныя оцѣнка и указанія предрѣшали бы вопросъ о дѣйствительности претензіи, подлежащей предварительному обсужденію конкурснаго управленія. Вслѣдствіе сего, не находя законныхъ основаній къ тому, чтобы считать выборы несостоявшимися и принимать къ дѣлу 1907 ст. Устава Торгов., Палата, руководствуясь 18 ст. правилъ, приложенныхъ къ 223 и 74 ст. Уст. Гражд. Судопроизвод., 5 іюня 1881 года опредѣлила: признать опредѣленіе Окружнаго Суда по отношенію къ неутвержденію состава конкурса неправильнымъ, а затѣмъ, отмѣнивъ оное, утвердить предсѣдателемъ и кураторами конкурса тѣхъ лицъ, которыя выбраны въ общемъ собраніи кредиторовъ, бывшемъ 20 октября 1880 года. На опредѣленіе Судебной Палаты подана кассаціонная жалоба повѣренными: 1) отставного генералъ маіора Михаила Вонлярлярскаго—присяжнымъ повѣреннымъ Головинымъ; 2) жены генералъ лейтенанта Надежды Жуковской и жены надворнаго совѣтника Екатерины Граве—присяжнымъ повѣреннымъ Коврайскимъ; 3) вдовы штабсъ капитана Натальи Мессарошъ—присяжнымъ повѣреннымъ Гурчаниновымъ; 4) полковника Дмитрія Бутурлина—надворнымъ совѣтникомъ Константиновымъ и 5) женою купца Ребеккою Бернштейнъ. Въ жалобѣ указывается на слѣдующія нарушенія законовъ: 1) 711 ст. Уст. Гражд. Судопроизводства нарушена тѣмъ, что Палата, признавъ распоряженіе Окружнаго Суда, утвердившее конкурсное управленіе въ иномъ составѣ, несогласнымъ съ законами, не указываетъ, почему оно несогласно съ законами и какими именно; 2) Палата, опираясь на 1904, 1905, 1925, 1989 и 1991 ст. Уст. Торгов., нашла, что законъ не устанавливаетъ необходимости избранія предсѣдателя въ общемъ собраніи, въ которомъ лишь подаются голоса объ избранныхъ лицахъ и производится счетъ голосовъ присяжнымъ попечителемъ. Но, по мнѣнію просителей, а) если нѣтъ закона, разрѣшающаго извѣстный вопросъ, судъ обязанъ разрѣшить его по общему смыслу законовъ (9 ст. Устава Гражд. Судопр.); по общему смыслу законовъ, ни одно собраніе лицъ, имѣющее официальный характеръ, не имѣетъ мѣста безъ распорядителя, т. е. безъ предсѣдателя; присвоеніе же званія предсѣдателя присяжному попечителю не оправдывается закономъ (1903 ст. XI Т. Устава Торгов.), и б) первое собраніе вовсе не имѣетъ того автоматическаго характера, который придаетъ ему Палата и который противорѣчитъ 1903 и 1904 ст. Уст. Торгов., ибо, созванное для выбора личнаго состава конкурснаго управленія, оно обсуждаетъ и входящіе сюда вопросы: о способѣ избранія, о количествѣ членовъ, подлежащихъ избранію, о правѣ лицъ, именующихъ себя кредиторами, на участіе въ общемъ собраніи кредиторовъ и т. п. Въ семъ отношеніи Палата нарушила 9 ст. Уст. Гр. Судопроиз., 1903, 1904 и 1989 ст. Уст. Торгов.; 3) Палата нашла, что Окружный Судъ неправильно исключилъ изъ счета голосовъ претензіи лицъ, заявившихъ свои требованія на основаніи документовъ, выданныхъ кн. Голицынымъ графомъ Остерманомъ послѣ открытія Окружнымъ Судомъ его несостоятельности, такъ какъ въ общее собраніе, созываемое для избранія членовъ конкурса, допускаются заимодавцы, т.-е. лица, указавшія въ точности основанія своихъ правъ. Но, не говоря уже о томъ, что до открытія несостоятельности князя Голицына графа Остермана сумма его долговъ составляла около 800 тысячъ рублей, а послѣ того она возросла до 2,500,000 руб., и что, становясь на точку зрѣнія Палаты, пришлось бы притти къ заключенію, что открытіе несостоятельности извѣстнаго лица представляется не ограниченіемъ его имущественныхъ правъ, а стимуломъ къ усиленію его кредита, слѣдуетъ упомянуть, что со-

ображенія Палаты идутъ въ разрѣзъ со смысломъ 1888 ст. и 1904 ст. Уст. Торг. и съ данными Правительствующимъ Сенатомъ разъясненіями. Такъ, по дѣлу Мясникова Гр. Кас. Департ. Правительствующаго Сената (рѣш. 1880 г. № 224) разъяснилъ, что если изъ заявленія лица, именующаго себя заимодавцемъ, судъ усмотритъ, что къ должнику предъявлены требованія, основанныя на документахъ недѣйствительныхъ, или такія, на которыя по самому свойству указанныхъ основаній предъявители въ моментъ предъявленія, очевидно, не имѣли никакихъ правъ, то судъ не долженъ принимать такихъ претензій въ расчетъ при исчисленіи голосовъ заимодавцевъ, участовавшихъ въ избраніи членовъ конкурснаго управленія. Если допустить порядокъ вещей, установленный положеніемъ Палаты, то Окружный Судъ, не имѣя права входить въ оцѣнку достоинства документа, обязанъ допустить къ участію въ общемъ собраніи заимодавцевъ всякое лицо, которое предъявило претензію къ должнику, лишь бы былъ указанъ документъ, подтверждающій заявленіе претензіи. Очевидно, такія лица, составляя обыкновенно подавляющее большинство, явились бы рѣшителями судьбы конкурсной массы, и конкурсный процессъ изъ способа удовлетворенія кредиторовъ обратился бы въ легальный по формѣ своей способъ уклоненія должника отъ исполненія своихъ обязанностей. Кромѣ того, въ рѣшеніи Правительствующаго Сената по дѣлу Мясникова разъяснено еще, что если судъ обязанъ не допускать къ участію въ избраніи безусловно всѣхъ лицъ, именующихъ себя заимодавцами, то еще болѣе естественно, что когда при утвержденіи избраннаго состава конкурса возникаетъ со стороны кредиторовъ споръ относительно нѣкоторыхъ претензій, то судъ не въ правѣ уклоняться отъ разсмотрѣнія такого спора. Въ данномъ случаѣ въ виду Палаты были жалобы и заявленія многихъ кредиторовъ, предъявившихъ споръ противъ правильности значительнаго большинства претензій, заявленныхъ по документамъ, выданнымъ кн. Голицынымъ графомъ Остерманомъ послѣ открытія его несостоятельности, и доказывавшихъ, что такія лица не имѣли права на участіе въ общемъ собраніи заимодавцевъ. Но споръ этотъ оставленъ Палатою безъ разрѣшенія. По этимъ предметамъ, какъ полагаютъ просители, Палата нарушила 1888, 1902 и 1904 ст. Уст. Торг. и 339 и 813 ст. Уст. Гр. Суд.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) Судебная Палата, въ томъ пунктѣ соображеній своихъ, въ которомъ дѣлаетъ оцѣнку выборовъ предсѣдателя и членовъ конкурснаго управленія, хотя не приводитъ законовъ, по которымъ она отвергаетъ заключеніе Окружнаго Суда о недѣйствительности ихъ, но этотъ пунктъ вытекаетъ изъ другихъ соображеній, въ коихъ указаны законы, не подтверждающіе, по мнѣнію Пататы, правильности опредѣленія Суда. Посему указаніе просителей на нарушеніе 711 ст. Уст. Гр. Суд. не подкрѣпляется достаточными основаніями; 2) не могутъ также считаться основательными объясненія просителей о нарушеніи 9 ст. Уст. Гр. Суд. и 1903, 1904 и 1989 ст. XI Т. Уст. Торг. по вопросу объ опущеніи выбора особаго предсѣдателя для общаго собранія кредиторовъ. Палата правильно заключила, что такого предсѣдателя не требуется по закону и что неизбраніе предсѣдателей не можетъ служить поводомъ къ признанію выборовъ недѣйствительными. Къ настоящему выводу Правительствующій Сенатъ приходитъ по слѣдующимъ соображеніямъ: а) 1989 ст. Уст. Торг. установляетъ избраніе заимодавцами предсѣдателя для особаго общаго собранія кредиторовъ, назначаемаго для повѣрки дѣйствій конкурснаго управленія по исполненію имъ своихъ обязанностей (1985 ст. Уст. Торг.), и, слѣдовательно, сама по себѣ не примѣняется къ первоначальному общему собранію кредиторовъ (1904 ст.), созываемому для выбора предсѣдателя и кураторовъ конкурснаго управленія; б) если въ 1905 ст. Уст. Торг. есть ссылка, въ числѣ другихъ статей (1904, 1923, 1925, 1991), и на 1989 ст., то изъ сего нельзя вывести заключенія о примѣнимости ихъ къ первоначальному общему собранію, какъ состоящихъ внѣ всякой внутренней связи съ 1905 ст. ибо, въ виду ссылки и на 1923, 1925 и 1991 ст., пришлось бы допустить, что кредиторы въ первоначальномъ общемъ собраніи могутъ повѣрять дѣйствія конкурснаго управленія и просить о переводѣ его

въ другое мѣсто, тогда какъ конкурсное управленіе не только еще не дѣйствовало, но и сформировано не было. Напротивъ, сличеніе текстовъ 1905 и 1989 ст., изъ коихъ въ первой есть ссылка на послѣднюю и на другія статьи, показываетъ только, что во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ сихъ законахъ, большинство голосовъ должно быть исчисляемо тѣмъ же порядкомъ, какъ предписано въ 1905 ст., т. е. не по числу лицъ, а по количеству долговыхъ претензій, какъ это подтверждается и ссылкою въ 1989 ст. на 1905 ст. Такимъ образомъ, толкованіе Палатою грамматическаго смысла 1905 стат. Уст. Торг. представляется вѣрнымъ, и в) и логическое толкованіе приводитъ къ тому же взгляду. Умолчаніе въ 1904 ст. Уст. Тор. объ избраніи предсѣдателя въ первоначальное общее собраніе кредиторовъ доказываетъ, что избраніе его представляется излишнимъ. Различіе, дѣлаемое закономъ между первоначальнымъ и окончательнымъ общими собраніями, объясняется какъ ролью, усвоенною присяжному попечителю въ дѣлахъ о несостоятельности до учрежденія конкурса, такъ и задачею обоихъ собраній. Цѣль окончательнаго собранія заключается въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, возникающихъ изъ дѣла о несостоятельности, и въ этомъ смыслѣ оно составляетъ высшую повѣрочную инстанцію надъ конкурснымъ управленіемъ, предсѣдатель которой вступаетъ въ права предсѣдателя конкурснаго управленія (1989 и 1911 ст. Уст. Торг.), тогда какъ дѣйствія первоначальнаго общаго собранія состоятъ только въ выборѣ членовъ конкурснаго управленія и ограничиваются подачею голосовъ. Въ послѣднемъ собраніи присяжный попечитель, дѣйствуя, вмѣстѣ съ заимодавцами, въ качествѣ хозяина конкурсной массы до открытія конкурса (1950 ст.), распоряжается дѣйствіями заимодавцевъ, назначаетъ день собранія (1903 ст.), т. е. дѣлаетъ то, что, по 1989 и 1911 ст., присвоено предсѣдателю конкурснаго управленія и окончательнаго общаго собранія; въ силу распорядительной власти, онъ открываетъ и закрываетъ собраніе кредиторовъ и охраняетъ порядокъ въ собраніи, каковая власть тѣмъ менѣе можетъ быть предоставлена кому либо изъ кредиторовъ, по ихъ выбору, что присяжный попечитель, какъ должностное лицо, опредѣленное судомъ (1892), представляетъ болѣе гарантій для охраненія порядка; 3) послѣднее указаніе просителей на нарушеніе 1888 и 1904 ст. Т. XI ч. 2 Уст. Торг. и 339 ст. Устава Гражд. Судопр. оказывается заслуживающимъ уваженія. Палата полагаетъ, что Окружный Судъ, повѣряя и утверждая выборы, обязанъ лишь удостовѣриться, имѣютъ-ли избиратели основаніе считать себя кредиторами, но не входить въ оцѣнку ихъ правъ и достоинства ихъ претензій, такъ какъ подобная оцѣнка предрѣшала бы вопросъ о дѣйствительности претензій, подлежащій предварительному обсужденію конкурснаго управленія. Но Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1880 года № 224 по дѣлу о несостоятельности Мясникова разъяснилъ 1888 и 1904 ст. Уст. Торгов. въ томъ смыслѣ, что къ участію въ общемъ собраніи кредиторовъ, созываемомъ для выбора членовъ конкурснаго управленія, допускаются заимодавцы, а не всякій выдающій себя за такового, и что заимодавцами слѣдуетъ считать такихъ лицъ, которыя въ точности указали основанія своихъ правъ, требованія же, основанныя на документахъ явно недѣйствительныхъ, или такія, на которыя по самому свойству указаннаго основанія предъявители не имѣютъ, очевидно, никакого права, судъ не долженъ принимать въ расчетъ при исчисленіи голосовъ по избранію членовъ конкурснаго управленія. Палата не отвергаетъ, что въ числѣ избирателей находились заимодавцы по документамъ, выданнымъ кн. Голицынымъ гр. Остерманомъ по его несостоятельности, и не утверждаетъ, чтобы претензіи подобныхъ заимодавцевъ имѣли значеніе для конкурсной массы, но задается лишь мыслью, что избирателямъ достаточно указать основанія своихъ претензій. Очевидно, что, по толкованію Правительствующаго Сената, не такія основанія претензій, по которымъ сами предъявители считаютъ себя кредиторами, имѣются въ виду при опредѣленіи правъ на избраніе членовъ конкурса, а такія, которыя судъ признаетъ для того достаточными. Слѣдовательно, выводъ Палаты, что судъ не долженъ входить въ оцѣнку правъ кродиторовъ и достоинства ихъ претензій, представляется несогласнымъ съ вышеизложеннымъ разъясненіемъ Правительствующаго Сената. Предположеніе Палаты, что Судъ войдетъ въ роль конкурснаго управле-

нія и предрѣшитъ вопросъ о дѣйствительности претензій, неосновательно. Въ данномъ дѣлѣ рѣчь шла не о взысканіи по документамъ и не о разрѣшеніи спора по нимъ, а объ утвержденіи или неутвержденіи выборовъ; посему опредѣленіе Суда могло получить законную силу только по предстоявшему разрѣшенію его предмету. Если бы Судъ въ соображеніяхъ и высказалъ положительно свое мнѣніе объ одномъ изъ спорныхъ пунктовъ, касающихся права или факта, но ничего не постановилъ о немъ въ резолюціи, то безъ всякаго сомнѣнія спорный вопросъ могъ быть возбужденъ въ новомъ спорѣ и устраненъ законною силою рѣшенія. Такимъ образомъ, опредѣленіе судомъ законности или незаконности по свойству документовъ, послужившихъ основаніемъ претензій, нисколько не могло стѣснить конкурсное управленіе при оцѣнкѣ достоинства тѣхъ же самыхъ документовъ. Обращаясь къ выводу Палаты, упомянутому въ 3 пун. настоящихъ соображеній Правительствующаго Сената, слѣдуетъ сказать, что ею нарушенъ точный смыслъ 1888 и 1904 ст. Т. XI ч. 2 Уст. Тор., и 4) Палата оставила вовсе безъ обсужденія возраженія кредиторовъ противъ избирательскихъ правъ тѣхъ кредиторовъ, которые основывали свои претензіи на документахъ, выданныхъ кн. Голицинымъ гр. Остерманомъ послѣ признанія его несостоятельности. Въ семъ отношеніи Палата поступила вопреки 339 ст. Уст. Гр. Суд. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: рѣш. С.-Петербургской Судебной Палаты, по нарушенію 339 ст. Уст. Гр. Суд. и 1888 и 1904 ст. Т. XI Уст. Торгов., отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ другой департаментъ той же Палаты.

126.—1882 г. октября 27 дня. *По прошенію повѣреннаго мѣщанина Павла Волкова, лично и какъ опекуна надъ имуществомъ и малолѣтними дѣтьми умершаго брата его Флегонта Волкова, присяжнаго повѣреннаго Потѣхина, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Ѳ. Ѳ. Штакельбергъ; заключеніе давалъ исп. обяз. Товарища Оберъ-Прокурора И. Н. Николаевъ).

По договору 6 го сентября 1875 года купецъ Ѳеодоръ Першинъ отдалъ свой пароходъ „Механикъ Бѣляевъ“ въ пользованіе мѣщанамъ Флегонту и Павлу Волковымъ съ тѣмъ, что если они уплатятъ ему 11,000 р. въ Нижегородскую ярмарку 1876 года, то пароходъ переходитъ въ ихъ собственность, а если уплаты не послѣдуетъ, то онъ возвращается ему обратно. За неуплатою Волковыми условной суммы, Першинъ обратился 3 го сентября 1877 года въ Нижегородскій Окружный Судъ съ ходатайствомъ объ истребованіи парохода, и 23 того же сентября дѣло разрѣшено было въ его пользу. Между тѣмъ, Першинъ, не дождавшись рѣшенія, 9 того же сентября заключилъ съ Волковыми новый договоръ, по которому пароходъ „Механикъ Бѣляевъ“ вновь поступилъ въ ихъ пользованіе срокомъ съ 9 сентября 1877 г. по 25 августа 1880 года, съ принятіемъ на себя Волковыми и обязательства уплатить Першину за пользованіе пароходомъ въ теченіе означеннаго срока и затѣмъ за пріобрѣтеніе онаго въ собственность на Нижегородской ярмаркѣ 25-го августа 1879 года 10,000 рубл. и 25-го августа 1880 года 5000 рубл., а Першинъ обязался, по уплатѣ ему всѣхъ денегъ въ узаконенные въ договорѣ сроки, сдѣлать на пароходномъ свидѣтельствѣ установленную надпись о переходѣ его въ ихъ собственность. При неуплатѣ денегъ въ какой либо срокъ договоръ прекращается, и принятый уже Волковыми пароходъ возвращается Першину, а сей послѣдній получаетъ право удержать пароходъ за собой или продать кому заблагоразсудитъ (п. 3). По силѣ 9 пун., до уплаты Волковыми всѣхъ денегъ они не имѣютъ права безъ письменнаго согласія Першина пароходъ „Механикъ Бѣляевъ“ ни запродать, ни заложить, ни отдать въ аренду и никакимъ другимъ образомъ ни отчуждать, такъ какъ до уплаты всѣхъ денегъ пароходъ „Механикъ Бѣляевъ“ составляетъ неотъемлемую собственность Першина. Эти договорныя отношенія вновь нарушены были Першинымъ тѣмъ, что 23 апрѣля 1879 г., воспользовавшись исполнительнымъ листомъ, онъ привелъ рѣшеніе Нижегородскаго Окружнаго Суда въ исполненіе, отобралъ пароходъ у Волковыхъ и продалъ его купцу Федоровскому.

Вслѣдствіе сего возникло второе исковое дѣло, восходившее на разсмотрѣніе Московской Судебной Палаты. Волковы требовали признанія договора 9 сентября 1877 г. для Першина обязательнымъ и возвращенія парохода; Першинъ же, наоборотъ, путемъ встрѣчнаго иска требовалъ признанія договора для него необязательнымъ. Палата въ рѣшеніи 6 го мая 1880 года признала, что по точному содержанію послѣдне заключеннаго тяжущимися сторонами контракта Першинъ отдалъ свое судно Волковымъ въ пользованіе 9 сентября 1877 года по 25 августа 1880 года, съ тѣмъ, что, по уплатѣ Волковыми за пользованіе пароходомъ въ теченіе означеннаго срока Першину условленныхъ въ договорѣ суммъ, судно поступало въ собственность Волковыхъ, и потому платежъ обусловливался дѣйствительнымъ пользованіемъ Волковыми судномъ въ теченіе всего договорнаго срока, за отобраніемъ же Першинымъ парохода весною 1879 г., Волковымъ не за что было платить, и, слѣдовательно, вся вина несоблюденія условій договора лежитъ на Першинѣ, который, за силою 569 и 570 стат. Т. X ч. I Св. Зак. Гр. изд. 1857 г., и долженъ исполнить основанное на томъ договорѣ требованіе другого контрагента. Такимъ образомъ, искъ объ обязаніи Першина передать судно въ пользованіе Волковыхъ представляется вполнѣ основательнымъ и подлежащимъ удовлетворенію. Между тѣмъ, удовлетвореніе сего въ настоящее время, по винѣ того же Першина, оказывается невозможнымъ, за отчужденіемъ имъ парохода въ руки 3 го лица, не участвующаго въ дѣлѣ семъ, и затѣмъ, оставаясь въ предѣлахъ настоящаго иска, приходится ограничиться признаніемъ лишь иска Волковыхъ уважительнымъ, въ виду чего встрѣчный искъ Першина является неосновательнымъ и неподлежащимъ удовлетворенію. Согласно сему Московская Судебная Палата опредѣлила: 1) рѣшеніе Нижегородскаго Окружнаго Суда, въ той части, въ коей договоръ, заключенный Першинымъ съ Волковыми 9-го сентября 1877 года о пароходѣ „Механикъ Бѣляевъ“, признанъ во время постановленія Судомъ рѣшенія неподлежащимъ исполненію и въ искѣ Волковымъ отказано, отмѣнить; 2) за продажею означеннаго парохода Першинымъ купцу Ѳедоровскому, требованіе Волковыхъ о признаніи обязательнымъ къ исполненію въ настоящее время договора 9 сентября 1877 г. и объ истребованіи парохода „Механикъ Бѣляевъ“ отъ Першина, для передачи Волковымъ, признать неподлежащимъ удовлетворенію; 3) рѣшеніе Окружнаго Суда объ отказѣ Першину во встрѣчномъ искѣ утвердить. Затѣмъ повѣренный Волковыхъ, присяжный повѣренный Шубинскій, ссылаясь на рѣшеніе Палаты, предъявилъ искъ къ Першину о вознагражденіи его довѣрителя на основаніи 574 и 684 ст. X Т. ч. I Закон. Гражд. за убытки, понесенные отъ нарушенія договора 9 сентября 1877 года. Размѣръ убытковъ Шубинскій опредѣлилъ разницею между суммою договорныхъ правъ Волковыхъ и обязательными съ ихъ стороны платежами, которые были бы произведены, если бы договоръ не былъ нарушенъ, права же ихъ заключались, по мнѣнію его, въ правѣ пользованія пароходомъ съ 9 сентября 1877 года по 25 августа 1880 года и въ правѣ получить, по истеченіи договорнаго срока, пароходъ въ свою собственность; второе право оцѣнено, по стоимости парохода, въ 50,000 руб., а первое исчислено въ 40,000 руб., по годовой арендной платѣ въ навигаціи 1879 и 1880 г. за такіе пароходы, какимъ былъ пароходъ Першина, полагая по 20,000 руб. въ годъ; такимъ образомъ, сумма правъ Волковыхъ простирается на 90,000 руб., а за вычетомъ 15,000 руб., составляющихъ обязательные съ ихъ стороны платежи, получится сумма 75,000 р., которая и составляетъ цѣну всего иска. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и выслушавъ объясненія сторонъ, Московская Судебная Палата, признавъ, что искъ объ убыткахъ, понесенныхъ Волковыми отъ неиспользованія по винѣ Першина пароходомъ, подлежитъ удовлетворенію по предмету другого искового требованія, заявленнаго Волковыми, а именно стоимости парохода, нашла, что хотя въ рѣшеніи отъ 6 го мая 1880 года Першинъ и признанъ нарушившимъ договоръ съ Волковыми отобраніемъ парохода отъ послѣднихъ, но въ то время Палатѣ, по существу искового требованія повѣреннаго Волковыхъ, подлежало обсужденію не право собственности на пароходъ той или другой стороны, а лишь разрѣшеніе вопроса о томъ, имѣлъ ли Першинъ право отбирать пароходъ у Волковыхъ и тѣмъ нарушать, какъ выразился повѣрен-

ный Шубинскій въ исковомъ прошеніи по дѣлу, разрѣшенному Палатой въ 1880 году, ихъ право аренды. Разрѣшеніе сего вопроса Палатой въ отрицательномъ смыслѣ не предрѣшало возбужденнаго по настоящему дѣлу иска о взысканіи Волковыми съ Першина, въ видѣ убытковъ, стоимости парохода. По мнѣнію Палаты, на означенное взысканіе не даетъ права Волковымъ и условіе 9 сентября 1877 года, которое не можетъ быть отнесено къ куплѣ-продажѣ въ кредитъ, а представляетъ собой сложный договоръ аренды и запродажи, не обезпеченный задаткомъ и неустойкой, причемъ, къ какому бы роду договоровъ ни относить условіе 9-го сентября 1877 г., во всякомъ случаѣ, въ силу 569, 570, 1536 и 1538 ст., оно должно быть исполнено по точному разуму и по словесному смыслу, а по разуму и смыслу договора Волковы могли пріобрѣсти право собственности на пароходъ „Механикъ Бѣляевъ“ лишь по уплатѣ всѣхъ установленныхъ за оный денегъ, по неплатежу же ими таковыхъ по какой бы то ни было причинѣ пароходъ оставался и долженъ былъ оставаться собственностью Першина, а засимъ и требованіе ими съ Першина, въ видѣ убытковъ, стоимости парохода, ему принадлежащаго, представляется неуважительнымъ. На основаніи сего Судебная Палата постановила: признать Першина обязаннымъ вознаградить Волковыхъ за убытки, понесенные ими отъ непользованія пароходомъ съ 24 апрѣля 1879 г., предоставивъ Волковымъ количество сихъ убытковъ доказывать въ порядкѣ, установленномъ въ 896 ст. Уст. Гр. Судопр., въ остальныхъ же требованіяхъ Волковымъ отказать. Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный мѣщанина Павла Волкова лично и какъ опекуна надъ имуществомъ и малолѣтними дѣтьми умершаго Флегонта Волкова, присяжный повѣренный Потѣхинъ, просить объ отмѣнѣ этого рѣшенія въ части, касающейся иска о вознагражденіи за убытки; опредѣленные разницею между цѣною, условленною въ договорѣ, и дѣйствительною стоимостью парохода, по нарушенію ст. 339, 706, 711 и 893 Уст. Гр. Суд., ст. 68 Т. I Зак. Осн., ст. 569, 570 и 1681 Тома X части 1 и п. 1 таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ.

Выслушавъ заключеніе исполняющаго обязанности Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Судебная Палата, признавъ договоръ Першина съ Волковыми отъ 9 сентября 1877 года сложнымъ договоромъ аренды и запродажи и удовлетворивъ часть иска Волковыхъ объ убыткахъ понесенныхъ ими отъ непользованія пароходомъ „Механикъ Бѣляевъ“ съ 25 го апрѣля 1879 года по 25 августа 1880 года, относительно требованія Волковыхъ объ убыткахъ, опредѣленныхъ ими разницею между дѣйствительною стоимостью парохода и условленною по договору покупною цѣною за этотъ пароходъ, нашла, что такъ какъ по упомянутому договору Волковы могли пріобрѣсти право собственности на пароходъ лишь по уплатѣ за оный денегъ, по неплатежу коихъ, по какой бы то ни было причинѣ, пароходъ оставался собственностью Першина, то требованіе Волковыхъ съ Першина, въ видѣ убытковъ, стоимости парохода представляется, въ силу ст. 569, 570, 1536 и 1538 Т. X ч. 1, незаслуживающимъ уваженія. Такое заключеніе Судебной Палаты вовсе не вытекаетъ изъ точнаго смысла тѣхъ законовъ, коими подвергшееся въ этомъ отношеніи спору право опредѣлено и ограждено. На основаніи ст. 569 и 570 Т. X ч. 1, всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ на договаривающіяся стороны обязанность ихъ исполнить, а въ случаѣ неисполненія производятъ право требовать удовлетвореніе во всемъ томъ, что постановлено въ оныхъ; по статьѣ же 684 Т. X ч. 1, всякое дѣяніе или упущеніе, причинившее кому-либо вредъ и убытки, даетъ право на полученіе вознагражденія, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе не составляло ни преступленія, ни проступка, исключая случаевъ, въ этой статьѣ предусмотрѣнныхъ. Согласно сему, если по договору контрагентъ отдалъ въ пользованіе другого лица, на опредѣленный срокъ, какую-либо вещь, съ предоставленіемъ этому лицу пріобрѣсти, по мииованіи сего срока, означенную вещь въ собственность, за условленную въ договорѣ какъ за пользованіе вещью, такъ и за пріобрѣтеніе ея въ собственность, сумму, то подобный договоръ не только возлагаетъ на сказаннаго контрагента обязанность передать вещь въ пользованіе другой изъ договаривающихся сторонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лишаетъ его, до наступленія опредѣленнаго до-

говоромъ срока, права свободнаго распоряженія таковою вещью. Онъ можетъ продать оную постороннему лицу не ранѣе, какъ послѣ неплатежа въ условленный срокъ другимъ соконтрагентомъ опредѣленной въ договорѣ суммы. Но если онъ не исполнитъ принятаго на себя обязательства и, отобравъ вещь ранѣе срока, продастъ оную третьему лицу, то засимъ онъ обязанъ отвѣчать за всѣ послѣдствія такого нарушенія договора, то есть возместить своему соконтрагенту всю потерю, которую тотъ понесъ, или цѣнность убытка, послѣдовавшаго отъ неисполненія обязательства. Въ настоящемъ случаѣ Судебная Палата установила, что по договору 9 сентября 1877 г. Першинъ передалъ пароходъ „Механикъ Бѣляевъ“ въ пользованіе Волковымъ срокомъ съ 9 сентября 1877 г., по 25 августа 1880 г. съ принятіемъ на себя Волковыми обязательства уплатить Першину за пользованіе пароходомъ и затѣмъ за пріобрѣтеніе онаго въ собственность на Нижегородской ярмаркѣ 25 августа 1879 г. 10,000 р. и 25 августа 1880 г. 5000 р., а Першинъ обязался, по уплатѣ ему всѣхъ денегъ, сдѣлать на пароходномъ свидѣтельствѣ установленную надпись о передачѣ его въ ихъ собственность; при неуплатѣ же денегъ въ какой либо срокъ договоръ прекращается, и пароходъ возвращается Першину, который получаетъ право удержать пароходъ за собою, или продать оный кому заблагоразсудитъ. Въ силу вышеприведенныхъ ст. 569 и 570 Т. X ч. I, договоръ этотъ не только возлагалъ на Першина обязанность передать пароходъ въ пользованіе Волковыхъ, но лишалъ его и права продать тотъ пароходъ кому либо другому. Право это возникло для него лишь въ томъ случаѣ, если-бы Волковы не уплатили, въ какой либо изъ опредѣленныхъ въ договорѣ сроковъ, условленныхъ за этотъ пароходъ и за пользованіе имъ денегъ. Но Першинъ нарушилъ этотъ договоръ, продавъ пароходъ, какъ сіе далѣе установила Судебная Палата, постороннему лицу, до наступленія опредѣленныхъ въ договорѣ сроковъ, именно 23 апрѣля 1879 г. Вслѣдствіе сего онъ обязанъ отвѣчать за всѣ послѣдствія такого нарушенія, то-есть возместить Волковымъ не только убытки, понесенные ими отъ непользованія пароходомъ, но и всякій ущербъ, причиненный имъ неисполненіемъ принятаго на себя Першинымъ обязательства. По разъясненію Гражд. Кас. Д—та Сената въ рѣш. 1879 г. № 317, упомянутый ущербъ опредѣляется прежде всего разницею между условленною цѣною и дѣйствительною стоимостью вещи въ моментъ наступленія назначеннаго въ договорѣ срока. А такъ какъ, на основаніи ст. 693 Т. X ч. I, каждый имѣетъ право, въ случаѣ неисполненія по договорамъ и обязательствамъ, а также въ случаѣ обидъ, ущербовъ и убытковъ, искать удовлетворенія и вознагражденія посредствомъ суда, то засимъ и въ виду всего вышеизложеннаго признаніе Палатою сей части иска Волковыхъ неподлежащею удовлетворенію представляется несогласнымъ съ точнымъ смысломъ указанныхъ ст. 569, 570 и 693 Т. X ч. I. По симъ основаніямъ,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Московской Судебной Палаты, по нарушенію 569, 570 и 693 ст. Т. X ч. I Св. Зак. Гр., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же Палаты.

127.—1882 г. октября 27 дня. *По прошенію повѣреннаго Симбирскаго общества взаимнаго кредита, присяжнаго повѣреннаго Боровиковскаго, объ отмѣнѣ опредѣленія Казанской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. Д. Принтцъ; заключеніе давалъ и. о. Товарища Оберъ-Прокурора Н. Н. Николаевъ).

Симбирское общество взаимнаго кредита, принявъ 3 ноября 1876 года купца Григорія Скорнякова въ свои члены, открыло ему кредитъ на сумму 30 тыс. рублей, съ обязательствомъ, въ случаѣ займовъ въ счетъ означенной суммы, обезпечить долгъ или особыми залогами, или векселями другихъ лицъ, причемъ отъ Скорнякова принятъ десятипроцентный взносъ въ суммѣ 3000 руб. Открытый на семъ основаніи кредитъ Скорняковъ обезпечилъ принадлежащимъ ему имуществомъ, означеннымъ въ свидѣтельствахъ старшаго нотаріуса за №№ 59, 64 и 73, вслѣдствіе чего отъ Симбирскаго обще-

ства взаимнаго кредита и было наложено запрещеніе на принадлежавшіе Скорнякову: лавки въ 14 т. руб., домъ въ 9 т. руб. и на землю въ 11,700 р. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, общество взаимнаго кредита предъявило въ Симбирскомъ Окружномъ Судѣ къ Скорнякову два иска по векселямъ, по которымъ 27 мая и 14 іюня 1877 г. Окружный Судъ присудилъ съ Скорнякова капитальной суммы 34,700 р. Между тѣмъ, по другимъ взысканіямъ домъ Скорнякова и лавки были проданы съ публичнаго торга и, за недостаткомъ вырученныхъ денегъ на полное удовлетвореніе всѣхъ претензій, деньги эти представлены въ Симбирскій Окружный Судъ, куда правленіе Симбирскаго общества взаимнаго кредита и обратилось первоначально съ ходатайствомъ о выдачѣ ему изъ числа вырученныхъ денегъ полностью тѣхъ 9000 р., въ которыхъ на домъ Скорнякова было наложено запрещеніе въ обезпеченіе открытаго ему подъ этотъ домъ кредита. Симбирскій Окружный Судъ по опредѣленію 19 декабря 1878 г., отчисливъ отъ денегъ, вырученныхъ за домъ, 9 т. р. въ обезпеченіе этого запрещенія, отказалъ въ ходатайствѣ правленію Симбирскаго общества взаимнаго кредита о немедленной выдачѣ оныхъ, и принесенная на это опредѣленіе частная жалоба Казанскою Судебною Палатою, по постановленію 19 марта 1879 г., оставлена была безъ разсмотрѣнія. Вслѣдъ затѣмъ повѣренный общества возобновилъ прошеніемъ 26 іюня 1879 г. то же ходатайство, а 4 іюля того же года заявилъ просьбу о выдачѣ ему полностью изъ числа вырученныхъ за лавки денегъ еще 14 т., сообразно суммѣ кредита, обезпеченнаго этою частью имущества Скорнякова. По опредѣленію 24 іюня, Симбирскій Окружный Судъ, оставивъ ходатайство о выдачѣ 9 т. руб., за силою 891 ст. Уст. Гражд. Судопроизводства, безъ послѣдствій, отчислилъ изъ суммы, вырученной продажею лавокъ, 14 т. руб. на покрытіе кредита Скорнякова по запрещенію въ ст. 9766 сенат. объявленій 1877 года, но въ немедленной выдачѣ ихъ обществу взаимнаго кредита отказалъ. Основаніемъ къ этому отказу послужило то соображеніе, что, по смыслу 5 ст. устава общества, взысканія какъ казенныя, такъ и частныя, могутъ быть обращены на обезпеченія, представленныя обществу его членами, на основаніи 8 и 9 ст. того устава, между прочимъ, не иначе, какъ по предварительномъ пополненіи изъ нихъ всѣхъ долговъ обществу, числящихся на выбывающемъ членѣ, но лишь по произведеннымъ ему ссудамъ, или по отвѣтственности за убытки общества; что общество взаимнаго кредита не производило взысканія съ Скорнякова по свидѣтельствамъ старшаго нотаріуса, замѣняющимъ, согласно 8 ст. устава, закладныя, и что, слѣдовательно, при такомъ положеніи дѣла остается недоказаннымъ, что Скорняковъ не оправдалъ открытаго ему по свидѣтельствамъ кредита. На это опредѣленіе повѣренный общества взаимнаго кредита, Веселовъ, принесъ частную жалобу Казанской Судебной Палатѣ, въ которой, ходатайствуя объ отмѣнѣ онаго и о выдачѣ означенныхъ денегъ 23 т. руб., право общества на эти деньги основалъ на томъ, что, по 5 и 8 ст. Устава сего общества, представленное членомъ общества въ обезпеченіе открытаго ему кредита недвижимое имѣніе должно служить преимущественнымъ предъ прочими кредиторами обезпеченіемъ по всѣмъ вообще займамъ члена, совершоннымъ имъ въ предѣлахъ открытаго кредита, и что такъ какъ открытый Скорнякову кредитъ по выданнымъ обязательствамъ выбранъ имъ подъ векселя, учтенные въ обществѣ взаимнаго кредита и на взысканіе по которымъ общество имѣетъ исполнительные листы Окружнаго Суда за №№ 2408 и 3222, представленные къ дѣлу о распредѣленіи денегъ, то посему повѣренный общества считаетъ вполнѣ основательнымъ и законнымъ требованіе общества о выдачѣ ему денегъ для преимущественнаго предъ прочими кредиторами удовлетворенія по означеннымъ выше исполнительнымъ листамъ. Казанская Судебная Палата, разсмотрѣвъ эту жалобу, нашла, что всѣ эти доводы не могутъ быть приняты въ уваженіе по слѣдующимъ соображеніямъ: а) полученные обществомъ на взысканіе съ Скорнякова исполнительные листы за №№ 2408 и 3222 вовсе не установляютъ того факта, что векселя, по коимъ состоялось рѣшеніе Окружнаго Суда о взысканіи съ Скорнякова денегъ, составляютъ тотъ именно кредитъ, который былъ открытъ Скорнякову по выданнымъ отъ него обществу обязательствамъ, съ залагом

ему недвижимаго имѣнія, а посему нѣтъ основанія полагать, что открытый Скорнякову изъ общества взаимнаго кредита по свидѣтельствамъ старшаго нотаріуса кредитъ не былъ имъ оправданъ; б) независимо отъ сего, изъ содержанія ст. уст. общества нельзя вывести и того утверждаемаго повѣреннымъ общества положенія, что по учтеннымъ членами общества векселямъ общество имѣетъ изъ представленнаго членомъ обезпеченія право на преимущественное удовлетвореніе по всѣмъ вообще займамъ, а не по тѣмъ только, кои обезпечиваются залогомъ; но такъ какъ по закону преимущественному удовлетворенію подлежатъ только займы, совершонные съ залогомъ имущества (45 ст. 2 ч. X Т.), въ данномъ же случаѣ взысканіе съ Скорнякова по претензіи общества производилось по векселямъ, то и нѣтъ основанія признавать за обществомъ право на преимущественное удовлетвореніе по представленнымъ къ распредѣленію денегъ исполнительнымъ листамъ общества, и в) если допустить даже, какъ это утверждаетъ повѣренный общества, что векселя, принятые отъ Скорнякова къ учету, составляютъ только выраженіе полученнаго кредита, открытаго ему съ залогомъ недвижимаго имѣнія, то и въ этомъ случаѣ право общества на деньги, отчисленныя судомъ въ виду запрещеній на имѣніе Скорнякова, наложенныхъ по свидѣтельствамъ старшаго нотаріуса за №№ 59 и 64, можетъ быть признано за обществомъ только при доказанности въ исковомъ порядкѣ того, что выдача Скорнякову денегъ подъ вексель составляла кредитъ, обезпеченный залогомъ. Но такъ какъ изъ представленныхъ обществомъ исполнительныхъ листовъ усматривается, что искъ къ Скорнякову былъ предъявленъ обществомъ не на основаніи залогового права, а самостоятельно по векселямъ, то и самое право на преимущественное удовлетвореніе по означеннымъ исполнительнымъ листамъ можетъ быть установлено судомъ путемъ состязательнаго искового производства, а не въ частномъ порядкѣ, задача котораго, какъ въ данномъ случаѣ, состоитъ въ распредѣленіи денегъ по предъявленнымъ исполнительнымъ листамъ. По этимъ соображеніямъ, признавъ опредѣленіе Окружнаго Суда правильнымъ, Судебная Палата частную жалобу Симбирскаго общества взаимнаго кредита оставила безъ послѣдствій. Въ принесенной кассаціонной жалобѣ повѣренный Симбирскаго общества взаимнаго кредита, присяжный повѣренный Боровиковскій, проситъ объ отмѣнѣ постановленія Палаты по нарушенію 2, 5, 7, 8, 9, 12, 22—24 ст. уст. означеннаго общества, 45 ст. Т. X ч. 2 и 1, 891—895 и 962—964 ст. Уст. Гр. Суд.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора, останавливаясь прежде всего на указанномъ Боровиковскимъ нарушеніи Палатою 1, 891—895 и 962—984 стат. Уст. Гр. Суд., Правительствующій Сенатъ изъ кассаціонной жалобы усматриваетъ, что нарушеніе этихъ статей проситель видитъ въ томъ, что право Симбирскаго общества взаимнаго кредита на деньги, отчисленныя по запрещеніямъ, наложеннымъ симъ обществомъ на имѣніе Скорнякова по выданнымъ ему старшимъ нотаріусомъ свидѣтельствамъ Палата поставила въ зависимость отъ признанія предварительно, въ исковомъ порядкѣ судопроизводства, того, что выдача Скорнякову изъ означеннаго общества денегъ подъ векселя составляла кредитъ, обезпеченный залогомъ, тогда какъ, въ виду уже послѣдовавшаго присужденія обществу иска, способъ удовлетворенія по исполнительному листу, по мнѣнію просителя, только и могъ быть предметомъ частнаго, а не искового судопроизводства. Входя въ обсужденіе этого кассаціоннаго повода, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, на основаніи 1214 и 1215 ст. Уст. Гр. Суд., если взысканная сумма недостаточна для полнаго удовлетворенія всѣхъ предъявленныхъ ко взысканію претензій, то судебный приставъ представляетъ ее въ мѣстный Окружный Судъ, который немедленно по особому своему опредѣленію обязанъ распорядиться объ уплатѣ претензій, обезпеченныхъ залогомъ, по старшинству закладныхъ, а остатокъ затѣмъ обращаетъ на удовлетвореніе прочихъ претензій, по соразмѣрности, на основаніи правилъ, въ слѣдующихъ 1216—1222 ст. изложенныхъ. Изъ этихъ постановленій оказывается, что въ порядкѣ понудительнаго исполненія удовлетвореніе по соразмѣрности можетъ коснуться только претензій, не обезпеченныхъ залогомъ. Претензіи же, обез-

печенныя залогомъ, выдѣляются изъ остальныхъ и удовлетворяются немедленно и преимущественно. Но поступленіе въ судебное мѣсто взысканной продажею имущества должника суммы не всегда застигаетъ претензіи этого послѣдняго рода въ одномъ и томъ же положеніи. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ въ этомъ случаѣ оказаться уже утвержденными судебными рѣшеніями и даже состоять въ числѣ тѣхъ, по которымъ производилась продажа; другія же, по непредставленію ко взысканію или по ненаступленію сроковъ, не будутъ еще имѣть въ это время судебной санкціи. Самыя претензіи, обезпеченныя залогомъ, не всегда одинаковы: однѣ являются въ видѣ закладныхъ, совершонныхъ по правиламъ нотаріальнаго положенія, другія выражаются въ свидѣтельствахъ старшаго нотаріуса о свободности означенныхъ въ нихъ имѣній къ залогу, третьи обнаруживаются въ видѣ запретительныхъ статей, наложенныхъ по распоряженію разныхъ мѣстъ и лицъ, по различнымъ случаямъ, принятіе которыхъ въ соображеніе, при производствѣ о распредѣленіи, согласно разъясненіямъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніяхъ №№ 1448—79 г., 185—80 г., обязательно, однако, для суда. Наконецъ, особою своеобразностью отличаются обезпеченія, принимаемыя банками и обществами взаимнаго кредита по открытымъ кредитамъ, ибо, съ одной стороны, кредиты эти въ извѣстное время могутъ быть не вполнѣ исчерпаны лицами, которымъ они разрѣшены, а съ другой—въ банковыхъ учрежденіяхъ, основанныхъ на круговой порукѣ, тѣ же обезпеченія являются по нѣкоторымъ уставамъ отвѣтственными, сверхъ взятыхъ подъ оныя суммъ, еще и за убытки общества, а въ случаѣ выбытія члена—и за всѣ долги его въ предѣлахъ того кредита, какъ личнаго, такъ и подъ обезпеченіе, который былъ ему открытъ при принятіи въ общество. Очевидно, что достоинство всѣхъ этихъ претензій, обезпеченныхъ залогомъ, не всегда одинаково, а потому не всякая изъ нихъ налагаетъ на судъ обязанность немедленнаго ея удовлетворенія. Въ отношеніи каждой судъ долженъ войти въ разсмотрѣніе, представляется ли она настолько достовѣрною, чтобы къ ней могло быть примѣнено постановленіе 1215 ст. Уст. Гр. Судопр. Если при такомъ разсмотрѣніи судъ встрѣтитъ по тѣмъ или другимъ основаніямъ сомнѣніе, то ему неопровержимо принадлежитъ право отказать въ удовлетвореніи претензіи до того времени, когда сомнѣніе это разъяснится. Такое постановленіе суда, касаясь фактическихъ обстоятельствъ, не можетъ подлежать повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, въ силу 12 ст. прил. къ ст. 3 Т. I Учр. Правит. Сен. по прод. 1876 г., и потому, если извѣстная претензія, предъявляемая въ качествѣ обезпеченной залогомъ, по признанію суда, требуетъ удостовѣренія такого ея качества путемъ судебнаго о томъ рѣшенія, то заитересованныя лица должны сему безусловно подчиниться, ибо только въ этомъ порядкѣ, въ силу I ст. Уст. Гражд. Суд., можетъ быть устранено сомнѣніе въ безспорной принадлежности этой претензіи къ категоріи сего рода. Утвержденіе Боровиковскаго, что способъ удовлетворенія по исполнительному листу только и можетъ быть предметомъ частнаго, а не искового производства, нельзя признать основательнымъ уже потому, что признаніе претензіи обезпеченною или необезпеченною залогомъ вовсе не составляетъ одного изъ способовъ исполненія рѣшенія, указанныхъ 933 ст. Уст. Гражд. Судопр., а возбуждаетъ вопросъ права, разрѣшеніемъ котораго заинтересованы всѣ кредиторы должника. Примѣняя эти соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла и имѣя въ виду, что Казанская Судебная Палата, усмотрѣвъ изъ дѣла, что Симбирскому обществу взаимнаго кредита присуждено съ Скорнякова 34,700 руб. по векселямъ, встрѣтила затрудненіе отнести это взысканіе къ кредиту, разрѣшенному ему означеннымъ обществомъ подъ обезпеченіе его недвижимаго имущества, и вслѣдствіе сего впредь до опредѣленія въ исковомъ порядкѣ правъ общества отказала въ выдачѣ денегъ, отчисленныхъ по запрещеніямъ, наложеннымъ симъ обществомъ въ обезпеченіе открытаго въ ономъ Скорнякову подъ залогъ проданнаго дома и лавокъ кредита, Правительствующій Сенатъ, основываясь на вышеизложенномъ признаетъ, что Казанская Судебная Палата, поступила вполнѣ соотвѣтственно съ обстоятельствами дѣла и не нарушила тѣмъ указываемыхъ просителемъ узаконеній Устава Гражд. Судопр. За призна-

ніемъ-же постановленія Палаты неподлежащимъ въ разсмотрѣнномъ отношеніи отмѣнѣ, въ настоящее время представляется излишнимъ входить въ обсужденіе того, правильно ли Палата истолковала уставъ Симбирскаго общества взаимнаго кредита, ибо даже при признаніи сужденій Палаты по сему предмету несоотвѣтствующими постановленіямъ сего устава обжалованное опредѣленіе оной въ окончательномъ его выводѣ тѣмъ не менѣе осталось бы правильнымъ; а потому, не входя въ обсужденіе остальныхъ указываемыхъ просителемъ поводовъ къ отмѣнѣ постановленія Палаты, Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго Симбирскаго общества взаимнаго кредита, присяжнаго повѣреннаго Боровиковскаго, на основаніи 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

128.—1882 г. октября 27 дня. *По прошенію повѣреннаго Царицынскаго отдѣленія Волжско Камскаго коммерческаго банка, присяжнаго повѣреннаго Нестора Лѣскова, объ отмѣнѣ рѣшенія Саратовской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; додывалъ дѣло Сенаторъ В. И. Бартеневъ; заключеніе давалъ и. о. Товар. Оберъ-Прокурора И. Н. Николаевъ).

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Саратовская Судебная Палата по иску опекунши Лятошинской, разсмотрѣвъ вопросъ о томъ, *правильно ли Царицынское отдѣленіе Волжско-Камскаго коммерческаго банка* отказало въ выдачѣ ей денегъ опекаемаго ею малолѣтняго, хранившихся въ банкѣ, нашла, что, на основ. 3 прим. къ 267 ст. Т. X ч. I по прод. 1876 года, опекуны для получ нія денегъ малолѣтнихъ изъ государственнаго банка и другихъ казенныхъ кредитныхъ установленій должны представлять банку удостовѣреніе опеки, утвержденное губернаторомъ; но такое ограниченіе опекуновъ не распространяется на частные банки, а потому признала искъ Лятошинской о выдачѣ ей денегъ малолѣтняго, хранившихся въ банкѣ, безъ разрѣшенія опеки, подлежащимъ удовлетворенію. Повѣряя правильность примѣненія Судебною Палатою означеннаго закона въ предѣлахъ кассаціонной жалобы и въ отношеніи хранившихся въ банкѣ денегъ, какъ постановлено въ рѣшеніи Палаты, а не въ отношеніи текущаго счета, о которомъ Палата вовсе не упоминаетъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что о порядкѣ выдачи изъ кредитныхъ установленій капиталовъ, принадлежащихъ малолѣтнимъ, въ Т. X 1 ч. Св. Зак. до 1874 года не было постановленія (1 примѣч. къ 267 ст. Т. X ч. I), въ 1200 же ст. ч. 2 Т. XI Уст. Кред., также 279 ст. прим., ст. 659 было правило о выдачѣ капиталовъ малолѣтнихъ, не достигшихъ 17 лѣтняго возраста, по требованію дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ. По возникшему вслѣдствіе сего вопросу и соображеніи ст. 266—276, 286 и 288 I части X Тома, Государствен. Совѣтъ мнѣніемъ; В ы с о ч а й ш е утвержден. 7 мая 1874 года положилъ: капиталы, принадлежащіе малолѣтнимъ и обращающіеся какъ въ сохранной казнѣ, такъ равно и въ другихъ кредитныхъ установленіяхъ, выдаются, сполна или въ части, и прежде достиженія малолѣтними 17 лѣтняго возраста, по требованіямъ дворянскихъ опекъ или сиротскихъ судовъ, признаннымъ уважительными и утвержд. начальникомъ губерніи. Этотъ законъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ въ Собраніи Узаконеній 1874 г. № 54, ст. 725, и вошелъ въ такомъ же видѣ, безъ измѣненія, въ Полное Собр. Зак. 1874 года № 53488; но въ продолженіе 1876 г. къ Т. X ч. I Свода Зак. законъ этотъ вошелъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно, въ 3 прим. къ 267 ст. Т. X ч. I, вмѣсто словъ закона: „какъ въ сохранной казнѣ, такъ равно и въ другихъ кредитныхъ установленіяхъ“, изложено: „въ государственномъ банкѣ“; въ цитатѣ же подъ этимъ примѣчаніемъ приведено только одно вышеозначенное законоположеніе 7 мая 1874 г. Имѣя въ виду: 1) что, на основ. 65, 72 и 73 ст. Св. Зак. Т. 1 Зак. Осн., законъ не можетъ быть перемѣняемъ, но сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силою новаго закона, причемъ отмѣна закона совершается тѣмъ же порядкомъ, какой опредѣленъ для составленія законовъ (ст. 49 и 50 Зак. Осн.), и что Правительствующій Сенатъ уже разъяснялъ (рѣш. Гр. Кас. Деп. 1880 г. № 252 и др.), что изъ одного кодификаціоннаго измѣненія нельзя выводить перемѣны за-

кона; 2) что никакого закона объ измѣненіи законоположенія 7 мая 1874 г. ограниченіемъ примѣненія его только къ государственному банку не послѣдовало, подъ словами же этого закона „и въ другихъ кредитныхъ установленіяхъ“, въ виду ст. 1, 5, 7 Т. XI ч. 2 Уст. Кред., нельзя не разумѣть и частныхъ кредитныхъ установленій, и 3) что цѣль изданія закона 7 мая 1874 г. состояла въ огражденіи цѣлости капиталовъ малолѣтнихъ отъ растраты не со стороны кредитныхъ установленій, а со стороны опекуновъ,— Правительствующій Сенатъ признаетъ, что Судебная Палата, придя къ заключенію, что ограниченіе опекуновъ въ отношеніи полученія хранящихся въ банкѣ денегъ, принадлежащихъ малолѣтнимъ, установленное въ 3 прим. къ 267 ст. Т. X ч. I по прод. 1876 г., не распространяется на частныя кредитныя установленія, нарушила этотъ законъ. А потому Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Саратовской Судебной Палаты, по неправильному толкованію 3 прим. къ 267 ст. Т. X ч. I Св. Зак. Гр. по прод. 1876 г., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ Московскую Судебную Палату.

129.—1882 г. октября 27 дня. *По прошенію повѣреннаго Харьковскаго земельнаго банка, Михаила Журавлева, объ опредѣленіи Богодуховскаго Мирового Съѣзда по дѣлу съ поручикомъ Мягковымъ о судебныхъ издержкахъ.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ В. И. Бартеневъ; заключеніе давалъ и. о. Товарища Оберъ-Прокурора И. Н. Николаевъ).

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Богодуховскій Мировой Съѣздъ, въ видахъ установленія мѣръ для наблюденія за частными повѣренными, въ распорядительномъ засѣданіи 1 апрѣля 1876 г. постановилъ общія правила, по которымъ „каждый, желающій ходатайствовать предъ Мировыми Судьями Богодуховскаго округа по чужимъ дѣламъ, безъ установленнаго свидѣтельства, обязанъ заявить о томъ особымъ прошеніемъ Мировому Съѣзду и просить разрѣшенія о предоставленіи ему такого права; это прошеніе должно быть разсмотрѣно въ распорядительномъ засѣданіи Съѣзда, причемъ главнымъ образомъ должно быть обращаемо вниманіе на нравственную сторону просителя; затѣмъ Съѣздъ постановляетъ свое опредѣленіе объ удовлетвореніи или объ отказѣ въ ходатайствѣ и въ первомъ случаѣ выдаетъ повѣренному свидѣтельство съ купонами для трехъ дѣлъ“. Руководствуясь этимъ общимъ постановленіемъ Съѣзда, Мировой Судья 1 го участка Богодуховскаго округа 18 ноября 1881 г. не принялъ къ разсмотрѣнію иска повѣреннаго Харьковскаго земельнаго банка, частнаго повѣреннаго (при Харьковскомъ Окружномъ Судѣ) Радомскаго, къ поручику Мягкову, такъ какъ Радомскій не представилъ ни свидѣтельства на веденіе дѣлъ по ст. 1104 Св. Зак. Т. II ч. I въ Богодуховскомъ округѣ, ни свидѣтельства съ купонами для трехъ дѣлъ (ст. 1119 Т. II ч. I). Съѣздъ 12 января 1882 г., руководствуясь тѣмъ же общимъ своимъ постановленіемъ, оставилъ безъ уваженія частную жалобу на это распоряженіе Судьи, принесенную повѣреннымъ означеннаго банка, Журавлевымъ, который въ кассаціонной жалобѣ проситъ отмѣнить опредѣленіе Съѣзда, по нарушенію 1119 ст. II Т. Обращаясь къ этой статьѣ закона, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что въ ней постановлено: „по дѣламъ, производящимся у Мировыхъ Судей, допускаются къ ходатайству, въ качествѣ повѣренныхъ, и такія лица, которыя не имѣютъ установленнаго правилами 25 мая 1874 г. (ст. 1102—1118 Т. II) свидѣтельства, но не болѣе какъ по тремъ дѣламъ въ теченіе года, въ предѣлахъ того же мирового округа. Предъ допущеніемъ къ судебному разбирательству сіи лица спрашиваются Судьею, не ходатайствовали ли они уже въ томъ году, въ предѣлахъ мирового округа, по чужимъ дѣламъ, и если ходатайствовали, то сколько разъ. За ложное по сему предмету показаніе виновные подвергаются отвѣтственности по ст. 945 Улож. о наказ. Но если Мировой Судья признаетъ, что кто либо изъ лицъ, воспользовавшихся хотя одинъ разъ правомъ ходатайства у него безъ свидѣтельства, не соотвѣтствуетъ условіямъ, необходимымъ для частнаго повѣреннаго, то предста-

вляетъ Мировому Съѣзду, по постановленію коего такое лицо можетъ не быть допускаемо болѣе въ предѣлахъ округа къ ходатайству по дѣламъ. Независимо сего, къ вышеозначеннымъ лицамъ примѣняются статьи 1115—1117". Точный смыслъ этого закона показываетъ, что Мировому Съѣзду не предоставлено право: а) установлять порядокъ предварительнаго обращенія къ Съѣзду тѣхъ лицъ, которыя желаютъ безъ свидѣтельства ходатайствовать до трехъ разъ въ теченіе года по чужимъ дѣламъ; б) разсматривать таковыя ходатайства и отказывать въ оныхъ, по вниманію къ нравственнымъ или другимъ качествамъ просителя, и в) выдавать свидѣтельства на ходатайство по тремъ дѣламъ. Законъ достаточно гарантируетъ: а) спросомъ означенныхъ лицъ Мировымъ Судьею о томъ, ходатайствовали ли они, и сколько разъ, угрожая за ложное показаніе уголовною отвѣтственностью, и б) установленными въ послѣдней части 1119 ст. мѣрами наблюденія Мирового Судьи. Государственный Совѣтъ имѣлъ въ виду при составленіи этого закона вопровъ, не слѣдуетъ ли допускать къ ходатайству до 3 хъ разъ у Мировыхъ Судей только такихъ лицъ, благонадежность коихъ судьямъ извѣстна, но нашелъ, что, такъ какъ тутъ разумѣются главнымъ образомъ такія лица, которыя не занимаются въ извѣстномъ округѣ постояннымъ ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ, въ видѣ промысла, а принимаютъ на себя защиту чьихъ либо интересовъ въ томъ или другомъ дѣлѣ, вслѣдствіе особыхъ отношеній своихъ къ тяжущемуся, то предоставленіе Мировымъ Судьямъ допускать или не допускать такихъ лицъ къ судебному разбирательству, не оправдываясь настоятельною въ томъ необходимостью, открывало бы слишкомъ широкій просторъ личному усмотрѣнію судей и было бы сопряжено для тяжущихся, имѣющихъ надобность прибѣгать къ мировой юстиціи, съ важными неудобствами и затрудненіями; поэтому Государственный Совѣтъ и счелъ болѣе соотвѣтственнымъ постановить только тѣ правила, которыя содержатся въ 1119 ст. I ч. II Т. Имѣя въ виду: 1) что установленіемъ, такимъ образомъ, означеннаго порядка въ Богодуховскомъ Мировомъ Съѣздѣ, не согласно съ закономъ, и отказомъ Мирового Судьи и Съѣзда, по неисполненію сего порядка, въ принятіи къ разсмотрѣнію иска Харьковскаго земельнаго банка отъ повѣреннаго банка, Радомскаго, нарушена 1119 ст. I ч. II Т., имѣющая примѣненіе и въ мировыхъ съѣздахъ (рѣш. Гр. Кассац. Деп. 1880 г. № 176), и 2) что Правительствующій Сенатъ признавалъ (рѣш. Гр. Кас. Деп. 1869 г., № 305 и др.), что общія правила, установленныя судебными мѣстами несогласно съ закономъ, хотя бы и внесенныя въ наказы (ст. 168, 170 Учр. Суд. Уст. по Св. Зак., изд. 1876 года, Т. II ч. I ст. 340), не могутъ служить основаніемъ къ лишенію тяжущихся ихъ законныхъ правъ,—Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: опредѣленіе Богодуховскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію ст. 1119 Т. II ч. I Св. Зак., отмѣнить и передать дѣло въ Харьковскій Мировой Съѣздъ.

130.—1882 года октября 27-го дня. *По прошенію повѣреннаго жены полковника Елены Керсновской, жены капитана Наталіи Андріашъ и жены штабъ-ротмистра Аристіи Александры, прис. пов. Франца Ломинскаго, объ отмѣнѣ рѣшенія Одесской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Соломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Д. Г. фонъ-Дервизъ; заключеніе давалъ исп. об. Товарищъ Оберъ-Прокурора И. Н. Николаевъ).

Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго истицъ, присяжнаго повѣреннаго князя Урусова, и повѣреннаго отвѣтчика, присяжнаго повѣреннаго Саранчова, и заключеніе исполняющаго обязанности Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что истицы, въ качествѣ племянницъ и законныхъ наслѣдницъ завѣщателя, предъявили искъ о недѣйствительности завѣщанія къ отвѣтчику Константину Риттеръ фонъ-Бухенталь-Добровольскому, какъ къ лицу, назначенному въ завѣщаніи первымъ наслѣдникомъ, причемъ оспаривали это завѣщаніе какъ съ формальной стороны, такъ и по существу самыхъ завѣщательныхъ распоряженій. Въ первомъ отношеніи, повѣренный ихъ указывалъ на несоблюденіе 4 п. 1-й ст. и 52-й ст. прил. къ 2319 ст. Т. I Учр. Мин. по продол. 1876 г. 16 и 4 пун.

*

12 ст. прилож. къ 2025 ст. Т. X. ч. II Уст. Торг. по продолж. 1876 г., 739, 1079 и 915 ст. X Т. ч. I Зак. Гражд., по силѣ коихъ завѣщаніе, совершонное иностранцемъ за границею, по тамошнимъ законамъ о недвижимомъ имуществѣ въ Россіи, должно быть, по его мнѣнію, прежде всего удостовѣрено русскимъ консульствомъ въ подлинности и снабжено надписью консула о томъ, что оно составлено по законамъ той страны, и затѣмъ явлено въ Россіи въ полугодичный срокъ. По существу же распоряженій, завѣщаніе недѣйствительно, по мнѣнію повѣреннаго истицъ, потому, что онымъ устанавляется особый порядокъ наслѣдованія послѣ смерти Константина—въ мужскомъ его колѣнѣ, а затѣмъ—послѣдовательно также въ мужскихъ колѣнахъ другихъ родственниковъ завѣщателя. Одесская Судебная Палата нашла, между прочимъ: 1) что 4 п. 1 ст. прилож. къ ст. 2319 Тома I Учрежд. Минист. обязываетъ министерство иностранныхъ дѣлъ оказывать содѣйствіе исключительно иностранцамъ, проживающимъ въ Россіи, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ завѣщатель проживалъ за-границею, а приложенный къ ст. 2025 Тома XI ч. 2 Устава Торгов. консульскій уставъ обязываетъ консуловъ быть покровителями и посредниками лишь въ отношеніи своихъ соотечественниковъ, между тѣмъ какъ Добровольскій—иностранецъ; что въ данномъ случаѣ должна быть примѣнена ст. 1060 Тома X части I, именно *о завѣщаніяхъ, а не ст. 915 объ актахъ вообще, и что, по 16 и 17 ст. Времен.* Правилъ о духов. завѣщ. 5 апрѣля 1869 года, для дѣйствительности духовнаго завѣщанія, совершоннаго иностранцемъ за границею на недвижимое имущество въ Россіи, требуется лишь удостовѣреніе консульства о составленіи завѣщанія по законамъ того государства, гдѣ оно совершено (причемъ ст. 465 Уст. Гр. Суд. не назначаетъ для такого удостовѣренія никакого срока), предъявленіе такого завѣщанія въ надлежащее судебное мѣсто, въ установленный ст. 1063 Т. X ч. I, срокъ, каковыя условія въ отношеніи завѣщанія Добровольскаго исполнены; 2) что хотя распоряженія 2 и 3 п.п. завѣщанія о порядкѣ перехода завѣщанныхъ имѣній послѣ смерти Константина Добровольскаго назначеннаго первымъ наслѣдникомъ, представляются незаконными, въ виду примѣч. къ ст. 1011 Т. X ч. I, однако, обстоятельство это, въ силу ст. 1029 Тома X части I, не можетъ вліять на права Константина Добровольскаго, по отношенію къ которому завѣщательныя распоряженія не представляютъ ничего законопротивнаго, и могло бы повлечь за собою лишь признаніе недѣйствительными этихъ двухъ пунктовъ, по иску, обращенному къ тѣмъ лицамъ, правъ которыхъ пункты тѣ касаются и которыя въ настоящемъ дѣлѣ вовсе не участвуютъ, и 3) что указаніе повѣреннаго истицъ на то, что удостовѣреніе консула о совершеніи завѣщанія по законамъ Австріи сдѣлано на такой копіи онаго, въ которой допущены разныя измѣненія и ошибки, не имѣетъ прямого отношенія къ завѣщанію, представленному въ судъ для утвержденія, и во всякомъ случаѣ не доказываетъ недѣйствительности сего послѣдняго съ формальной стороны. Въ кассаціонной жалобѣ на это рѣшеніе повѣренный истицъ указываетъ прежде всего на неправильности вывода, сдѣланнаго Палатою изъ 4 п. 1 ст. и 52 ст. прил. къ ст. 2319 Тома I Учрежд. Мин. и прилож. къ ст. 2025 Тома XI ч. 2 Устава Торговаго по продолж. 1876 г. Хотя указаніе это и оказывается справедливымъ, такъ какъ выводъ Палаты о томъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ оказываетъ содѣйствіе лишь тѣмъ иностранцамъ, которые проживаютъ въ Россіи, а консулы—лишь своимъ соотечественникамъ, представляется неоснованнымъ на точномъ содержаніи приведенныхъ узаконеній и лишеннымъ всякаго основанія, но тѣмъ не менѣе таковое неправильное разсужденіе Палаты не можетъ само по себѣ служить основаніемъ къ отмѣнѣ ея рѣшенія, такъ какъ это разсужденіе, не имѣя никакого вліянія на разрѣшеніе настоящаго дѣла, является совершенно излишнимъ, притомъ сама Палата отступаетъ отъ него, признавая совершенно правильно въ дальнѣйшихъ своихъ соображеніяхъ, что для завѣщанія иностранца, совершоннаго за границею на недвижимое имущество въ Россіи, требуется удостовѣреніе русскаго консульства о соотвѣтствіи его законамъ того иностраннаго государства, гдѣ оно составлено; слѣдовательно, сама Палата признаетъ нашихъ консуловъ, служащихъ органами министерства иностранныхъ дѣлъ

за границею, обязанными дѣлать подобнаго рода удостовѣренія и тѣмъ оказывать въ потребныхъ случаяхъ содѣйствіе и иностранцамъ, проживающимъ за границею, по дѣламъ ихъ объ имуществѣ въ Россіи. Далѣе по содержанію кассаціонной жалобы Ломинскаго представляется къ разрѣшенію вопросъ: обязательна ли явка у русскаго консула духовнаго завѣщанія, составленнаго иностранцемъ за границею по законамъ той страны, объ имуществѣ, въ Россіи находящемся, и обязательно ли затѣмъ представленіе его къ старшему нотаріусу, по ст. 915 Тома X ч. I Зак. Гражд., въ полугодичный срокъ со времени присылки въ Россію. По силѣ ст. 1078 Т. X ч. I Зак. Гражд., явка въ Россійской миссіи или консульствѣ духовныхъ завѣщаній, совершаемыхъ за границею, замѣняетъ совершеніе духовыхъ завѣщаній у крѣпостныхъ дѣлъ, и сіи завѣщанія, если они установленнымъ порядкомъ явлены въ миссіи или консульствѣ, признаются въ силѣ крѣпостныхъ актовъ, а по ст. 914 и 915 того же Тома и части, помѣщенныхъ въ главѣ о совершеніи актовъ крѣпостныхъ и свидѣтельствѣ актовъ явочныхъ и во время пребыванія за границею, акты лицъ, за границею пребывающихъ, утверждаются скрѣпою и печатью Россійкихъ консуловъ, и всякій актъ, внѣ предѣловъ Россіи о недвижимомъ имѣніи, въ оной находящемся, на основаніи вышеизложеннаго правила совершонный, для полученія силы крѣпостного акта долженъ быть явленъ, по возвращеніи давшаго оный или присылкѣ самаго акта въ Россію, въ полугодичный срокъ, для вписанія въ крѣпостную книгу, въ гражданскую палату или уѣздный судъ, или въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено Положеніе о нотар. части 14 апрѣля 1866 года, къ нотаріусу. Соображеніе смысла приведенныхъ узаконеній не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что явка у Россійскихъ консуловъ за границею обязательна лишь для актовъ крѣпостныхъ и явочныхъ или нотаріальныхъ (ст 79 Пол. о нотар. части); въ ст. 1078, относящейся спеціально къ духовнымъ завѣщаніямъ, прямо постановлено, что такая явка замѣняетъ составленіе завѣщанія крѣпостнымъ порядкомъ, а ст. 914 и 915, относящіяся вообще ко всякаго рода актамъ, помѣщены въ главѣ о совершеніи актовъ крѣпостныхъ и свидѣтельствѣ актовъ явочныхъ, слѣдовательно, также несомнѣнно относятся къ однимъ нотаріальнымъ актамъ. На этомъ же основаніи слѣдуетъ признать, что и установленный въ ст. 915 полугодичный срокъ для представленія въ судъ или къ нотаріусу относится также единственно къ актамъ крѣпостнымъ, какъ это, впрочемъ, и выражено въ самой статьѣ, установляющей подобную явку для полученія актомъ силы крѣпостного и для вписанія его въ крѣпостную книгу. А такъ какъ законъ предоставляетъ на волю завѣщателя совершеніе завѣщаній крѣпостнымъ (нотаріальнымъ) или домашимъ порядкомъ и не требуетъ непремѣнно крѣпостной (нотаріальной) формы даже для завѣщаній о недвижимомъ имуществѣ, въ Россіи находящемся (исключая случая, въ ст. 1068 Т. X ч. I Зак. Гражд. указаннаго), то изъ сего слѣдуетъ, что для подобныхъ завѣщаній, совершонныхъ за границею, явка у консула и предъявленіе въ установленный въ 915 ст. срокъ въ русскомъ судебномъ мѣстѣ или у нотаріуса не обязательны, а обязательны только, какъ это совершенно правильно признала Судебная Палата; а) согласно ст. 16 и 17 прил. къ ст. 1012 (примѣч.) X Т. ч. I Зак. Гражд. по продолж. 1876 года и ст. 1063 того же Тома и части изд. 1857 года, представленіе къ утвержденію въ надлежащее судебное мѣсто въ двухгодичный срокъ со дня кончины завѣщателя, и б) если завѣщаніе составлено по законамъ иностраннаго государства, то и удостовѣреніе, согласно ст. 465 Уст. Гражданск. Суд. нашего консульства о соотвѣтствіи завѣщанія этимъ законамъ, причемъ для этого послѣдняго удостовѣренія никакого срока закономъ не установлено. Указаніе кассатора на оставленіе Палатою безъ обсужденія возраженія его о томъ, что засвидѣтельствованіе о согласности завѣщанія Добровольскаго съ законами Австріи сдѣлано нашимъ консуломъ не отъ своего имени, а отъ имени австрійскаго суда, также не заслуживаетъ уваженія. Палата признала лишь, что требованіе ст. 465 Уст. Граждан. Судопроизвод. въ данномъ случаѣ исполнено, т.-е. что удостовѣреніе русскаго консула о томъ, что, по отзыву Черновицкаго гражданскаго суда, завѣщаніе составлено по всѣмъ формальностямъ, требуемымъ австрійскими законами, вполнѣ соотвѣтствуетъ

требованію упомянутой статьи. Такое заключеніе Палаты представляется совершенно правильнымъ, ибо дѣйствительно приведенная статья 465 Уст. Гражданскаго Судопроизводства вовсе не требуетъ, чтобы въ удостовѣреніи русскаго консульства изложено было непремѣнно личное мнѣніе консула. Удостовѣреніе это можетъ быть изложено и въ видѣ сообщеннаго консульству отзыва мѣстнаго иностраннаго суда о сообразности акта съ законами того государства, и если консулъ, прописывая такой отзывъ, самъ противъ него не возражалъ, то слѣдуетъ признать, что онъ его раздѣляетъ и только подкрѣпляетъ свое мнѣніе ссылкою на авторитетъ мѣстной судебной власти. Что же касается показанія просителя на оставленіе безъ разсмотрѣнія другого его возраженія, о томъ, что удостовѣреніе это сдѣлано не на подлинномъ завѣщаніи, а на копіи, съ онымъ не вполнѣ согласной, то это указаніе опровергается рѣшеніемъ Палаты, изъ котораго видно, что оно было Палатою обсуждено и признано неимѣющимъ прямого отношенія къ самому завѣщанію, объ утвержденіи котораго шла въ дѣлѣ рѣчь. Обращаясь, наконецъ, къ послѣднему указанію кассатора, заключающемуся въ томъ, что Палата, признавъ незаконнымъ установленный завѣщателемъ послѣдовательный порядокъ наслѣдованія послѣ смерти Константина Добровольскаго, назначеннаго имъ первымъ наслѣдникомъ, и оставивъ въ силѣ завѣщательное распоряженіе относительно сего послѣдняго, тѣмъ самымъ нарушила ст. 467, 493, 1192—1413 и 1029 Тома X части 1 Закон. Гражд., Правительствующій Сенатъ находитъ, что Палата поступила въ этомъ случаѣ вполнѣ согласно съ статьей 1029, по силѣ которой, если въ завѣщаніи допущены распоряженія, законамъ противныя, то сіи распоряженія не дѣйствительны, но при семъ всѣ другія распоряженія, законамъ не противныя, остаются въ своей силѣ. Установивъ изъ смысла завѣщанія, что имѣніе завѣщано прежде всего Константину Добровольскому, а послѣ его смерти опредѣленъ дальнѣйшій порядокъ наслѣдованія, правильность какового толкованія завѣщанія не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, Палата имѣла право, и, за признаніемъ незаконнымъ установленія дальнѣйшаго порядка наслѣдованія, оставить, согласно ст. 1029 Т. X ч. I, въ силѣ распоряженіе о назначеніи перваго наслѣдника, Константина Добровольскаго, какъ не заключающее въ себѣ ничего противнаго закону, и такимъ заключеніемъ, очевидно, ни въ чемъ не нарушила также и ст. 467—493 и 1192—1213 Т. X ч. I Зак. Гр., говорящихъ объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній и о порядкѣ наслѣдованія въ оныхъ. Что же касается до ст. 1214—1314 тѣхъ же Тома и части, то ссылка на нихъ въ кассаціонной жалобѣ сдѣлана, вѣроятно, по ошибкѣ, такъ какъ онѣ не имѣютъ уже совершенно никакого отношенія къ настоящему дѣлу. По всѣмъ симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: вышеозначенную кассаціонную жалобу оставить, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

131.—1882 года октября 27 дня. *По прошенію мѣщанъ Давида Островскаго и Ѳеодора Голубова, объ отмѣнѣ рѣшенія Харьковской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Ѳ. И. Проскуряковъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора И. Н. Николаевъ).

Управляющій акцизными сборами Херсонской губерніи 9 апрѣля 1879 г предъявилъ въ Полтавскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ бывшимъ оцѣнщикамъ дома купца Ѳеодора и жены его Эмиліи Шиндлеръ, мѣщанамъ Ѳеодору Голубову и Давиду Островскому, о взысканіи съ нихъ 5310 рублей 86 коп. Въ исковомъ прошеніи истецъ объяснилъ, что купецъ Ѳеодоръ Шиндлеръ 8 декабря 1869 г. представилъ въ Херсонское акцизное управленіе выданное ему и женѣ его Эмиліи Шиндлеръ отъ старшаго нотаріуса Полтавскаго Окружнаго Суда свидѣтельство отъ 28 ноября 1869 года на 6 лѣтъ, съ 5 сентября 1869 года по 5 сентября 1875 года, на принадлежащія имъ въ г. Полтавѣ на Кладбищенской улицѣ каменный домъ, оцѣненный для залога по акцизымъ сборамъ въ суммѣ 12 т. руб., прося акцизное управленіе при-

нять этотъ домъ залогомъ по разсрочкѣ платежа акциза за соль. Согласно ходатайству Шиндлера, залогъ его принятъ въ Херсонскомъ губернскомъ управленіи и выданы ему 8 и 13 декабря 1869 года разрѣшенія на вывозъ изъ Корунцовско Андреевскаго соляного промысла соли въ количествѣ 40000 п., за которую акцизъ 12000 руб. Шиндлеръ долженъ былъ уплатить 5 декабря 1870 года. По наступленіи сего срока, Шиндлеръ означенной суммы въ казну не уплатилъ, и потому взысканіе ея обращено на принятый отъ Шиндлера залогъ, т. е. на принадежащій ему и женѣ его домъ, который на публичныхъ торгахъ, состоявшихся въ присутствіи Полтавскаго губернскаго правленія 24 апрѣля 1875 года, проданъ Полтавской городской думѣ за 5100 р. и торги тѣ утверждены указомъ Правительствующаго Сената отъ 4 декабря 1875 года. Въ счетъ слѣдующей съ Шиндлера суммы 12000 руб. разновременно поступило отъ Полтавскаго сиротскаго суда въ Полтавское губернское казначейство 1797 р. 88½ к. и выручено отъ продажи дома, за исключеніемъ употребленныхъ на публикаціи, 4891 р. 25½ к., всего 6689 р. 14 к., а затѣмъ осталось за Шиндлеромъ въ недоимкѣ 5310 р. 86 к., которые, на основаніи 18 п. 13 ст. Положенія о закладахъ, залогахъ и поручительствѣ по разсрочкамъ въ платежѣ акциза за вино и 1230 ст. Т. X ч. 2 Зак. Суд. Гражд., изд. 1876 г., должны быть обращены ко взысканію на оцѣнщиковъ дома Шиндлеровъ, Голубова и Островскаго. При исковомъ прошеніи приложены въ копіяхъ оцѣночное свидѣтельство на домъ Шиндлеровъ, выданное старшимъ нотаріусомъ 28 ноября 1869 года, довѣренность отъ Эмиліи Шиндлеръ мужу своему на представленіе ихъ общаго дома въ залоги, срокомъ на 6 лѣтъ, и журналъ присутствія Полтавскаго губернскаго правленія 22 января 1876 года. Въ отвѣтѣ противъ иска Голубовъ и Островскій объяснили: 1) что, на основаніи 1235 ст. Зак. Суд. Гр., взысканіе съ оцѣнщиковъ производится тогда только, когда по несостоятельности владѣльцевъ описанныхъ имѣній произвести оное съ сихъ самыхъ лицъ невозможно, почему казна прежде всего должна доказать признанную несостоятельность Шиндлеровъ въ порядкѣ, указанномъ въ 1880 и послѣдующихъ статьяхъ Т. XI ч. 2 Уст. Торг.; 2) что, на основаніи 2 п. 1230 ст. Зак. Суд. Гражд., оцѣнщики не подлежатъ отвѣтственности, если они получили невѣрныя свѣдѣнія и затѣмъ вовлечены въ заблужденіе: они, отвѣтчики, при составленіи оцѣнки руководствовались правилами 13 статьи Положенія о залогахъ по разсрочкѣ акциза (прил. къ ст. 258 Уст. о питейн. сборѣ), и потому оцѣнка домовъ Шиндлеровъ произведена ими не по собственному ихъ соображенію, а на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ имъ городовымъ архитекторомъ, удостовѣрившимъ прочность зданій и цѣнность матеріаловъ: несгораемыхъ (8000 рубл.), сгораемыхъ (2000 рубл.) и за работы по постройкѣ (1200 р.); цѣнность земли подъ дворомъ и постройками (1000 р.), и доходность построекъ (2000 р.) опредѣлены на основаніи показаній сосѣдей и назначены по 6 лѣтней сложности, слѣдовательно, оцѣнка произведена ими съ крайней осторожностью, и если исчисленные матеріалы и доходы преувеличены архитекторомъ и сосѣдями, то это не можетъ быть поставлено имъ въ вину; 3) что строенія Шиндлеровъ взяты въ распоряженіе казны въ 1871 г. и съ того времени по 8 марта 1875 г. отъ недосмотра казеннаго вѣдомства пришли въ ветхость и потому проданы за дешевую цѣну; 4) что, независимо сего, полиція еще въ 1871 году оцѣнила то имѣніе въ 8275 руб., слѣдовательно, оно тогда еще было цѣною выше той суммы, за которую продано. По симъ основаніямъ и имѣя въ виду, что срокъ оцѣнки назначенъ былъ 6 лѣтній съ 5 сентября 1869 г., а продажа домовъ утверждена Сенатомъ 4 декабря 1875 г., т. е. по истеченіи срока, и посему отвѣтственность оцѣнщиковъ сама собою прекратилась, отвѣтчики просили Окружный Судъ въ искѣ отказать. При отвѣтѣ представлены въ копіяхъ: актъ 5 сентября 1869 г. объ оцѣнкѣ дома Шиндлеровъ съ флигелемъ и другими постройками; удостовѣреніе сосѣдей о количествѣ дохода съ того имѣнія; вѣдомость домовладѣльцевъ о годовомъ доходѣ и расходѣ по дому; опись Полтавскаго городского архитектора матеріаламъ, употребленнымъ на постройку дома Шиндлеровъ, съ показаніемъ цѣнъ оныхъ и за работы по постройкѣ, и актъ, составленный 8 марта 1875 г. городскимъ архитекторомъ, двумя членами

сиротскаго суда и опекунами о положеніи дома Шиндлеровъ при передачѣ онаго изъ казеннаго владѣнія въ вѣдѣніе сиротскаго суда Окружный Судъ нашелъ, что на основаніи законовъ объ отвѣтственности лицъ, производящихъ оцѣнку, лица, производящія оцѣнку для залога по казеннымъ откупамъ, подрядамъ, поставкамъ и ссудамъ, отвѣтствуютъ въ тѣхъ случаяхъ, тогда залогъ проданъ будетъ дешевле оцѣнки, но въ сей отвѣтственности постановлены нѣкоторыя ограниченія (1230 и 1235 ст. Зак. Суд. Гражд.), Обратившись къ разсмотрѣнію правильности оцѣнки построекъ Шиндлеровъ для залога оныхъ по разсрочкѣ платежа акциза, Окружный Судъ усмотрѣлъ, что таковая оцѣнка произведена 5 сентября 1869 г. присяжными оцѣнщиками Голубовымъ и Островскимъ въ присутствіи Полтавскаго городового архитектора, полицейскаго пристава, чиновника акцизнаго управленія и гласнаго городской думы. При этомъ архитекторъ удостовѣрилъ, что матеріаловъ несгораемыхъ въ этихъ постройкахъ имѣется на 8047 р., сгораемыхъ на 2000 р., за работу по постройкѣ 1200 р., за землю опредѣлилъ цѣну 1000 руб., всему же опредѣлилъ цѣну 12247 руб., и при этомъ удостовѣрилъ, что зданія прочны и стоятъ означенной цѣны. Годовой доходъ опредѣленъ: съ дома съ пристройкою 1200 р., съ флигеля и съ прочихъ построекъ съ землею 1000 р.; расходъ по дому исчисленъ въ 200 р. Вычитая эту сумму изъ годового дохода 2200 р., получится чистаго дохода 2000 р., что по 6 лѣтней сложности составитъ 12000 руб. На основаніи этихъ данныхъ оцѣнщики опредѣлили цѣнность означенныхъ построекъ съ землею въ 12000 рублей. Противъ цѣнности тѣхъ построекъ, опредѣленной архитекторомъ и лицами, уполномоченными городскою думою, оцѣнщики Голубовъ и Островскій оцѣнки своей тому имуществу не увеличили и, слѣдовательно, установленныхъ законовъ правилъ для оцѣнки имуществъ они не нарушили, а если составленная такимъ образомъ оцѣнка имуществу Шиндлеровъ оказались выше дѣйствительной стоимости онаго, то таковая ошибка, очевидно, произошла вовсе не по винѣ оцѣнщиковъ (2 п. 1230 ст. Зак. Суд. Гражд.). Кромѣ этого, изъ акта освидѣтельствованія означенныхъ построекъ, составленнаго 8 марта 1875 г. опекунами Роведеромъ и Шевченкомъ, видно, что постройки тѣ въ 1871 г. взяты въ казенное вѣдомство и находились въ ономъ по 1875 г.; въ теченіе всего этого времени онѣ вовсе не были исправляемы и потому приведены въ запущеніе, вслѣдствіе чего съ іюня 1873 по 1875 г., по день передачи оныхъ въ опекунское завѣдываніе, оставались незанятыми, кромѣ одной кухни, отдаваемой въ наемъ по 8 р. 66 к. въ мѣсяцъ; слѣдовательно, пониженіе цѣнности оныхъ, очевидно, послѣдовало отъ недостатка въ надзорѣ за оными, т.-е. по причинамъ, не зависящимъ отъ оцѣнщиковъ (3 п. 1230 ст. Зак. Суд. Гражд.); независимо всего этого, акцизное управленіе не представило никакихъ доказательствъ о несостоятельности владѣльцевъ описаннаго имущества, Шиндлеровыхъ, къ уплатѣ недовзысканныхъ денегъ, такъ какъ, на точномъ основаніи 1235 ст. Зак. Суд. Гр., означенное взысканіе производится съ оцѣнщиковъ только тогда, когда по несостоятельности владѣльцевъ описанныхъ имѣній произвести оныхъ съ сихъ самыхъ лицъ невозможно. Такимъ образомъ, въ виду вышеизложеннаго, исковыя требованія акцизнаго управленія представляются недоказанными. По всѣмъ этимъ основаніямъ. Окружный Судъ рѣшеніемъ 25 октября 1879 г. въ искѣ управляющаго акцизными сборами отказалъ. Въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе Окружнаго Суда управляющій акцизными сборами Херсонской губерніи просилъ объ отмѣнѣ этого рѣшенія по слѣдующимъ основаніямъ: порядокъ оцѣнки зданій, представляемыхъ въ залоги по акцизнымъ сборамъ, опредѣленъ не общими, а спеціальными правилами, изложенными въ приложеніи къ 258 ст. Уст. о пит. сборѣ; тѣми же правилами установлена и отвѣтственность цѣновщиковъ въ случаѣ продажи зданій ниже оцѣнки. По этому спеціальному закону участіе архитектора предписывается только для удостовѣренія, что нельзя ожидать уменьшенія цѣнности строенія въ отношеніи прочности самаго строенія и матеріаловъ онаго въ теченіе времени, на которое сдѣланъ актъ оцѣнки; слѣдовательно, опредѣленіе цѣнности матеріаловъ и прочія цыфровыя данныя архитектора, на которыя обратилъ вниманіе Окружный Судъ, не имѣютъ никакого значенія; важно только удостовѣреніе о прочности

строенія и его матеріаловъ, а уменьшеніе такой прочности за время со дня оцѣнки (5 сентября 1869 г.) по день перваго торга (24 апрѣля 1872 г.), когда уже никто не пожелалъ торговаться, всего по истеченіи нѣсколько болѣе полутора года, и неестественно, и ничѣмъ не доказано. Затѣмъ остается опредѣленіе дохода, который зависитъ лично отъ цѣновщиковъ и опредѣляется на основаніи п.п. 5, 6 и 7 ст. 13 приложенія къ ст. 258 Уст. о пит. сборѣ. На основаніи этого дохода, а не соображеній архитектора, опредѣляется и оцѣнка строенія согласно п. 8 ст. 13 того же приложенія. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что оцѣнка всецѣло зависитъ отъ опредѣленія дохода, а это послѣднее зависитъ отъ цѣновщиковъ. При такихъ условіяхъ ссылка на п. 2 ст. 1230 Зак. Суд. Граж. не можетъ имѣть никакого лначенія, такъ какъ всѣ свѣдѣнія по опредѣленію дохода и оцѣнки собираются самими цѣновщиками. Равнымъ образомъ не можетъ имѣть значенія и п. 3 той же 1230 стат., такъ какъ никакихъ случайныхъ и въ то же время необыкновенныхъ поврежденій (отъ пожара, наводненія и т. п.) въ строеніи не было. Невѣрность въ опредѣленіи дохода была немедленно замѣчена мѣстнымъ акцизнымъ надзоромъ: къ сожалѣнію, сообщенія его по этому предмету пришли поздно, уже послѣ отпуска Шиндлеру соли. Что же касается до непредставленія суду доказательствъ о несостоятельности Шиндлера, то хотя представленіе таковыхъ и не установлено правилами о залогахъ по разсрочкѣ акциза, тѣмъ не менѣе имъ, управляющимъ, своевременно были приняты мѣры къ разысканію имущества должника Шиндлера и взысканію съ него акцизной недоимки, но по розыску ничего принадлежащаго Шиндлеру не оказалось. Кромѣ всего этого, отношеніемъ отъ 12 го апрѣля 1880 г. за № 776 онъ, управляющій, вновь просилъ Полтавское городское полицейское управленіе дознать, не проживаетъ-ли въ настоящее время въ Полтавѣ Шиндлеръ и нѣтъ ли тамъ принадлежащаго ему имущества, съ котораго можно было бы взыскать числящуюся за нимъ казенную недоимку; но изъ полученнаго увѣдомленія видно, что Шиндлеръ имущества не имѣетъ и уплатить взыскиваемыхъ съ него денегъ по бѣдности не можетъ. При апелляціи представлены въ копіяхъ: отношеніе управляющаго акцизными сборами Полтавской губ. отъ 16 января 1870 г. за № 156 съ увѣдомленіемъ, что по повѣркѣ оцѣнки дома Шиндлеровъ оцѣнка эта оказалась преувеличенною по отношенію флигеля, въ которомъ помѣщается семейство домовладѣльца; отношенія управляющаго акцизными сборами Херсонской губ. отъ 1 декабря 1875 г. за № 2481 въ Сенатскую типографію о напечатаніи запретительной статьи на имущество купца Ѳеодора Шиндлера; отъ того же числа за № 2484 въ Полтавское губернское правленіе о разысканіи капиталовъ и имѣнія Ѳ. Шиндлера; отношеніе по тому же предмету въ Полтавское городское полицейское управленіе отъ 12 апрѣля 1880 г. за № 776 и отвѣтный рапортъ полицейскаго пристава 1 части г. Полтавы отъ 18 апрѣля № 2990. Въ объясненіи противъ апелляціи отвѣтчики Голубовъ и Островскій, повторяя свои прежнія возраженія противъ иска, утверждали, что ими доказано существованіе тѣхъ условій, при наличности которыхъ цѣновщики не отвѣчаютъ; при этомъ они присовокупляли, что во всякомъ случаѣ искъ является преждевременнымъ при недоказанности даже фактической несостоятельности Шиндлера въ виду недостовѣрности полицейскаго дознанія, произведеннаго уже послѣ предъявленія иска. Выслушавъ обстоятельства настоящаго дѣла, Харьковская Судебная Палата признала всѣ возраженія отвѣтчиковъ противъ иска незаслуживающими уваженія, а рѣшеніе Окружнаго Суда, основанное главнымъ образомъ на сихъ возраженіяхъ, неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) несостоятельность Шиндлера вполнѣ обнаружена, и по наложеніи на все его имѣніе запрещенія, по розыску полиціи, у него, Шиндлера, никакого имущества не оказалось; признанія же его несостоятельнымъ по суду вовсе, для обращенія взысканія недостающей въ казну суммы съ цѣновщиковъ, не требуется, такъ какъ судомъ опредѣляется лишь, согласно ст. 691 Тома X ч. 2 изд. 1876 года (ст. 1019 Тома X ч. 2 изд. 1857 года), свойство несостоятельности, т. е. должникъ признается должникомъ несостоятельнымъ, несчастнымъ, или неосторожнымъ, или, наконецъ, злостнымъ. Опредѣленіе о доходности имѣнія всѣцѣло возлагается на цѣновщиковъ, согласно ст. 258 Уст. о питейн. сборѣ, и указаніе

архитектора, призываемаго лишь для удостовѣренія прочности зданія, о стоимости матеріаловъ, употребленныхъ для постройки, ни въ какомъ случаѣ не можетъ освободить цѣновщиковъ отъ отвѣтственности въ случаѣ продажи залога ниже оцѣнки, такъ какъ они освобождаются отъ отвѣтственности лишь въ опредѣленныхъ ст. 1230 Тома X ч. 2 изд. 1876 года (1, 2, 3 и 4 п.п.) случаяхъ, къ числу коихъ ссылка на архитектора, оцѣнившаго матеріалъ постройки дома Шиндлера, вовсе не относится; 2) неправильно и невѣрно указаніе цѣновщиковъ на пониженіе цѣны дома отъ того, что домъ этотъ, взятый въ распоряженіе казны въ 1871 году, до 1875 года оставаясь безъ надзора, пришелъ въ упадокъ, такъ какъ изъ дѣла видно, что означенный домъ, оцѣненный въ сентябрѣ 1869 г. и продаваемый 24 го апрѣля 1872 года (первая продажа), не можетъ въ полтора года притти въ такую ветхость и негодность, чтобы стоимость его уменьшилась въ два раза; 3) указаніе отвѣтчиковъ на то, что правила оцѣнки имущества вообще и объ отвѣтственности цѣновщиковъ относятся и къ спеціальной оцѣнкѣ для залога по питейнымъ откупамъ, подрядамъ, поставкамъ, акцизнымъ сборамъ, не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ въ означенныхъ статьяхъ и ст. 258 Уст. пит. сбора изд., 1876 г. особенность отвѣтственности цѣновщиковъ положительно опредѣлена. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго и имѣя въ виду, что въ счетъ 12 тыс. рублей, въ которые былъ оцѣненъ домъ Шиндлера, поступило всего лишь 6689 р. 14 к., и въ недоимкѣ за нимъ акцизнаго сбора остается 5310 руб. 86 к., чего не оспариваютъ отвѣтчики, Судебная Палата, руководствуясь приведенными выше узаконеніями и соображеніями, признала рѣшеніе Окружнаго Суда подлежащимъ отмѣнѣ, а цѣновщиковъ Голубова и Островскаго подлежащими предъ акцизнымъ управленіемъ Херсонской губ. отвѣтственности въ означенной выше суммѣ; посему и опредѣлила: взыскать съ нихъ въ пользу акцизнаго управленія 5310 рублей 86 коп. и рѣшеніе Полтавскаго Окружнаго Суда отмѣнить. Объ отмѣнѣ изъясненнаго рѣшенія Судебной Палаты просятъ Островскій и Голубовъ, причемъ, представляя два означенные приговора сословнаго общества полтавскихъ мѣщанъ отъ 29 го января 1882 г. и свидѣтельство Полтавскаго мѣщанскаго сословнаго старосты въ удостовѣреніе своей бѣдности, ходатайствуютъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ, въ случаѣ оставленія кассаціонной жалобы ихъ безъ удовлетворенія, о возвращеніи имъ кассаціоннаго залога согласно примѣчанію къ 800 ст. Устава Гражд. Судопроизв. Въ объясненіи противъ кассаціонной жалобы отвѣтчиковъ управляющій акцизными сборами Херсонской губерніи проситъ Правительствующій Сенатъ утвердить обжалованное рѣшеніе во всѣхъ частяхъ.

В

По содержанію объясненій просителей Островскаго и Голубова, утверждающихъ, что къ отвѣтственности городскихъ цѣновщиковъ, призываемыхъ для оцѣнки зданій, принимаемыхъ въ залогъ для обезпеченія разсроченнаго платежа акциза за вино или за соль, примѣняются всецѣло общія правила объ отвѣтственности лицъ, производящихъ оцѣнку имуществъ (ст. 1229—1236 Тома X ч. 2 Зак. Суд. Гражд. изд. 1876 года), и что, въ силу этихъ правилъ (ст. 1235), впредь до объявленія формальной несостоятельности контрагента—казны, взысканіе съ цѣновщиковъ за пониженіе цѣны залога представляется преждевременнымъ, разрѣшенію Правительствующаго Сената подлежитъ прежде всего вопросъ тотъ: для обращенія а цѣновщиковъ взысканія не довырученной до оцѣнки суммы, при публичной продажѣ строенія подвергшагося оной по обезпеченію платежа акциза, требуется ли, какъ необходимое условіе, несостоятельность владѣльцевъ описанныхъ имуществъ, дѣлающая невозможнымъ производство взысканія съ сихъ самыхъ лицъ. Въ общихъ гражданскихъ законахъ изложены какъ правила о пріемѣ въ залогъ недвижимыхъ имуществъ, въ обезпеченіе договоровъ съ казною по подрядамъ и поставкамъ и по содержанію казенныхъ оброчныхъ статей (ст. 1588 и слѣд., 1626, 1833—1842, 1992, 1993, 1995, 1997—1999 Т. X ч. I Зак. Гражд. изд. 1857 г.), такъ и правила о производствѣ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, представляемыхъ залогомъ по обязательствамъ частныхъ лицъ съ казною (1202, 1223—1225, 1230, 1233, 1235 и 1236 ст. Тома X ч. 2 Зак. Суд. Гражд.

изд. 1876 г.). Въ отношеніи пріема залоговъ, при разсрочкѣ акциза съ соли подъ залоги, Высочайше утвержденнымъ 30 мая 1867 года Положеніемъ Комитета Министровъ (Пол. Собр. Зак. № 44,641) предписано руководствоваться правилами, установленными въ Положеніи 2 октября 1862 года о закладахъ, залогахъ и поручительствѣ по разсрочкамъ въ платежѣ акциза за вино и составляющими нынѣ приложеніе къ ст. 258 Устава о питейномъ сборѣ, изд. 1876 года. Въ помянутомъ положеніи о залогахъ по разсрочкѣ платежа акциза въ однѣхъ статьяхъ содержатся указанія на правила общихъ гражданскихъ законовъ, которыми предписывается руководствоваться, въ другихъ излагаются постановленія, составляющія повтореніе или видоизмѣненіе общихъ правилъ. Въ 18 мъ пунктѣ 13 ст. Положенія 2 го октября 1862 года (прилож. къ ст. 258 Устав. о пит. сборѣ) постановляется, что при публичныхъ торгахъ на продажу строенія, подвергшагося оной по обезпеченію платежа акциза, могутъ участвовать, наравнѣ съ прочими явившимися къ торгамъ, и тѣ лица, которыя участвовали въ составленіи оцѣнки для пріобрѣтенія сего дома покупкою, и въ случаѣ, если бы на торгахъ, законнымъ порядкомъ произведенныхъ, не было предложено той суммы, въ которой оцѣненъ залогъ, то упомянутыя лица имѣютъ право оставить заложенное строеніе за собою, съ уплатою казнѣ слѣдующей по ихъ оцѣнкѣ суммы; въ противномъ-же случаѣ взысканіе должно падать на цѣновщиковъ, а при несостоятельности ихъ остальная сумма взыскивается съ присутствовавшихъ при оцѣнкѣ лицъ, со всѣхъ поровну, и затѣмъ съ членовъ думы, утверждавшихъ оцѣнку; если бы имущество всѣхъ этихъ лицъ не могло удовлетворить ущерба казны, то взысканіе обращается на общество, избравшее цѣновщиковъ. Буквальный смыслъ приведеннаго § 18 не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что для обращенія на цѣновщиковъ взысканія недовырученной до оцѣнки суммы при публичной продажѣ строенія, подвергшагося оной по обезпеченію платежа акциза, достаточно одного факта недовыручки. Этотъ выводъ подтверждается постановленіями дальнѣйшихъ 38 и 40 стат. Положенія о залогахъ по разсрочкамъ въ платежѣ акциза. Въ первомъ изъ нихъ (38 ст.), при указаніи статей Законовъ Гражданскихъ, коими акцизныя управленія должны руководствоваться по пріему, освобожденію и отвѣтственности залоговъ, не показаны 1622 и 1992 стат. Тома X ч. I, по указанію которыхъ всякое взысканіе, возникающее съ неисправнаго контрагента казны, производится первоначально съ него самого, и только въ случаѣ несостоятельности его обращается уже на залоги. А изъ 40 ст. Положенія 2 го октября 1862 г., опредѣляющей порядокъ, въ какомъ должны слѣдовать способы взысканія съ неисправнаго плательщика казны, явствуетъ, что взысканіе съ залоговъ предшествуетъ взысканію съ прочаго имущества неисправнаго плательщика. Такимъ образомъ, по смыслу положенія о залогахъ по разсрочкамъ въ платежѣ акциза, взысканіе съ лицъ, участвовавшихъ въ производствѣ оцѣнки залога, представляется продолженіемъ взысканія съ самаго залога, взысканіе же на прочее имущество неисправнаго плательщика можетъ быть обращено лишь тогда, когда акцизное управленіе посредствомъ предшествующаго способа не достигнетъ полнаго удовлетворенія казны тою суммою, въ которую былъ оцѣненъ залогъ. Къ тому же заключенію приводитъ содержаніе 19 п. 13 ст. Положенія 2 октября 1862 года, которымъ на цѣновщиковъ, производившихъ оцѣнку домовъ для залога по платежу акциза, распространяются правила 1230 ст. Т. X ч. 2 Зак. Суд. Гр. (изд. 1876 г.) о неотвѣтственности цѣновщиковъ за упадокъ цѣнъ на дома въ случаяхъ, тою статьею опредѣленныхъ (1—4 п.п.). Сдѣланныя въ такихъ предѣлахъ ссылка на стат. 1230 ясно показываетъ, что къ означеннымъ цѣновщикамъ помянутая стат., установляющая какъ отвѣтственность цѣновщиковъ въ случаѣ продажи залога дешевле оцѣнки, такъ и ограниченія въ сей отвѣтственности (п.п. 1—4), примѣняется лишь въ отношеніи этихъ ограниченій, т.-е. въ той части, которая не находится въ зависимости отъ постановленій ст. 1235 Зак. Суд. Гражд. Т. X ч. 2 изд. 1876 г., по силѣ коей вообще взысканія, въ ст. 1229—2234 Тома X ч. 2 опредѣленныя, производятся съ оцѣнщиковъ тогда только, когда, по несостоятельности владѣльцевъ описанныхъ имѣній, произвести оныя съ сихъ самыхъ лицъ невозможно. Отъ этихъ общихъ соображеній, на

основаніи которыхъ поставленный выше вопросъ разрѣшается отрицательно, обращаясь къ данному дѣлу и принимая во вниманіе, что, согласно выше-изъясненному точному смыслу 18 пун. 13 ст. Положенія о залогахъ по разсрочкамъ въ платежѣ акциза, отвѣтственность цѣновщиковъ за упадокъ цѣны возникаетъ уже вслѣдствіе недовыручки при продажѣ залога противъ сдѣланной оцѣнки, Правительствующій Сенатъ находитъ, что при наличности установленнаго Судебною Палатою и неотвергаемаго просителями Островскимъ и Голубовымъ факта продажи залога Шиндлера дешевле оцѣнки, нельзя считать основанный на этомъ обстоятельствѣ искъ акцизнаго управленія предъявленнымъ къ отвѣтчикамъ преждевременно, какъ это они неправильно утверждаютъ, ссылаясь на то, что Шиндлеръ не признанъ несостоятельнымъ въ порядкѣ, указанномъ въ 1880 и слѣдующихъ статьяхъ Устава Торговаго, и засимъ оспариваемое кассаторами заключеніе Судебной Палаты относительно несостоятельности Шиндлера и опредѣленія значенія этой несостоятельности, не требуетъ со стороны Сената особаго обсужденія, какъ безразличное для разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности цѣновщиковъ Островскаго и Голубова, обуславливающейся не тѣмъ или другимъ родомъ несостоятельности должника казны, Шиндлера, а самымъ фактомъ продажи его залога дешевле оцѣнки. Переходя затѣмъ къ объясненіямъ просителей Островскаго и Голубева относительно освобожденія ихъ за произведенную ими оцѣнку дома Шиндлеровъ отъ всякой отвѣтственности, на основаніи 2 и 3 пунктовъ 1230 ст. Т. X ч. 2 Зак. Суд. Граж. изъ 1876 года, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что просители ходатайство свое, основанное на 2 пун. 1230 ст., выводятъ изъ того, что при оцѣнкѣ дома Шиндлеровъ они были введены въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями архитектора и другихъ лицъ и что имѣніе Шиндлеровъ потеряло свою цѣну вслѣдствіе опустошенія, которому оно подвергалось, находясь съ 1871 г. въ распоряженіи казны безъ присмотра. Относя къ винѣ архитектора доставленіе несправедливыхъ свѣдѣній, просители при производствѣ дѣла объясняли и теперь повторяютъ, что по закону составленіе описи оцѣняемаго имѣнія лежитъ на обязанности одного архитектора, который и долженъ удостовѣрить не только прочность строенія, но и всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя служатъ способомъ для исчисленія цѣнности имѣнія, цѣновщики же составляютъ актъ оцѣнки, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ описи архитектора. По мнѣнію просителей, дѣйствія архитектора имѣютъ главное значеніе, дѣйствія же оцѣнщиковъ по составленію акта оцѣнки, какъ основанныя на свѣдѣніяхъ архитектора, являются дополнительными и вспомогательными; они не могутъ имѣть самостоятельнаго значенія и въ виду того, что они подвергаются повѣркѣ городской думы, отъ которой вполнѣ зависитъ утвержденіе или неутвержденіе акта оцѣнки. Судебная Палата нашла, что, согласно приложенію къ ст. 258 Уст. о пит. сборѣ, опредѣленіе доходности имѣнія всецѣло возлагается на цѣновщиковъ, и указаніе архитектора, призываемаго лишь для удостовѣренія прочности зданія, о стоимости матеріаловъ, употребленныхъ для постройки, ни въ какомъ случаѣ не можетъ освободить цѣновщиковъ отъ отвѣтственности, въ случаѣ продажи залога ниже оцѣнки. Для повѣрки правильности сего заключенія Судебной Палаты обращаясь къ дѣйствующимъ узаконеніямъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что на цѣновщиковъ, призываемыхъ для оцѣнки строеній, предназначаемыхъ въ залогъ для обезпеченія акцизныхъ сборовъ, 19 пунктъ 13 статьи Положенія о залогахъ 2 го октября 1862 года распространяетъ дѣйствіе общаго закона (ст. 1230 Т. X ч. 2 Зак. Суд. Гр.) объ ограниченіяхъ въ отвѣтственности цѣновщиковъ за упадокъ цѣнъ на дома. По 2-му пункту ст. 1230 Зак. Суд. Гражд., если цѣновщики получили невѣрныя свѣдѣнія о справочныхъ цѣнахъ, о пробѣ, вѣсѣ или мѣрѣ, несходные образцы и т. п., то отвѣтственность ихъ слагается на виновныхъ въ доставленіи несправедливыхъ свѣдѣній. Сопоставленіе съ текстомъ этого законоположенія правилъ для оцѣнки строеній, содержащихся въ 13 ст. (п.п. 4—10) Положенія о залогахъ 2-го октября 1862 года, подтверждаетъ выводъ Палаты о томъ участіи, какое должны принимать въ производствѣ оцѣнки архитекторъ и цѣновщики. Хотя, въ силу 4 п. ст. 13, прежде оцѣнки архитекторъ обязанъ повѣрить планъ

строенія, удостовѣриться въ исправномъ положеніи его и составить опись, съ показаніемъ положенія строенія, количества матеріаловъ и разныхъ принадлежностей, сообразно положенію о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи имуществъ, но какъ, по 5—10 пунктамъ той-же ст. 13, цѣновщики оцѣнку каменнымъ жилымъ домамъ въ губернскихъ городахъ дѣлаютъ по 6 лѣтней сложности чистаго годового дохода, при опредѣленіи котораго представленныя владѣльцемъ вѣдомости о доходѣ и расходѣ принимаются лишь въ соображеніе, оцѣнка же должна основываться на несомнѣнныхъ контрактахъ или на другихъ положительныхъ фактахъ, то отсюда ясно, что содержащаяся въ п. 4 ссылка на общія законоположенія о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи имуществъ относится единственно къ статьямъ 1119 и 1120 Т. X ч. 2 Зак. Суд. Гр., изд. 1876 года, опредѣляющимъ, что должно показывать при описи домовъ и строеній, но не объемлетъ постановленій ст. 1148—1157 Зак. Суд. Гражданск. относительно помѣщенія въ описи свѣдѣній о доходахъ съ описываемыхъ имѣній. Такъ какъ, по точнымъ словамъ второй половины 4 пун. 13 ст. Положенія о залогахъ 2 октября 1862 года, дѣйствія архитектора при составленіи описи подлежащихъ оцѣнкѣ строеній имѣютъ своею цѣлью засвидѣтельствовать о положеніи строенія въ отношеніи прочности его и матеріаловъ, то включеніе архитекторомъ въ опись необязательныхъ для него свѣдѣній о стоимости матеріаловъ и работъ по постройкѣ не освобождаетъ цѣновщиковъ отъ лежащей на нихъ обязанности держаться въ опредѣленіи чистаго годового дохода оцѣниваемаго строенія того порядка, который указанъ въ 5—8 пунктахъ 13-ой статьи Положенія 1862 года, и не можетъ, какъ правильно признала Судебная Палата, служить цѣновщикамъ основаніемъ къ сложенію на архитектора своей отвѣтственности за преувеличенную оцѣнку въ случаѣ продажи залога дешевле оцѣнки. Что касается 3 пункта 1230 ст. Зак. Суд. Гражданскаго, въ силу котораго цѣновщики не отвѣтствуютъ за упадокъ цѣны, происшедшей отъ случайныхъ и необыкновенныхъ поврежденій, какъ то: отъ пожара, наводненія и т. п., то въ данномъ дѣлѣ кассаторы къ числу случайныхъ и необыкновенныхъ поврежденій, причинившихъ упадокъ цѣны оцѣненнаго ими для залоговъ дома Шиндлеровъ, относятъ опустошеніе того дома, происшедшее отъ недосмотра казеннаго вѣдомства, въ продолженіе четырехъ лѣтъ распоряжавшагося домомъ. Если даже и согласиться съ просителями въ томъ, что оставленіе зданія безъ должнаго надзора можетъ быть равнозначаще съ случайными и необыкновенными поврежденіями, происходящими отъ пожара или наводненія, то объясненія просителей по этому предмету не могутъ повести къ отмѣнѣ обжалованнаго рѣшенія, въ виду того, что Судебная Палата по фактическимъ соображеніямъ, не подлежащимъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ (12 ст. Учр. Кассаціон. Департамент.), не признала возможнымъ пониженіе цѣны дома Шиндлеровъ приписать недостаточности надзора во время нахожденія дома въ завѣдываніи казны. Заявляемая, въ связи съ послѣднимъ кассаціоннымъ поводомъ, жалоба Островскаго и Голубова на оставленіе Палатою безъ разсмотрѣнія журнала губернскаго правленія отъ 22 января 1876 года и акта опекуновъ отъ 8 марта 1875 года оказывается неосновательною, такъ какъ объ этихъ документахъ упоминается въ рѣшеніи Палаты, слѣдовательно, они были въ виду ея при разрѣшеніи дѣла. По всѣмъ симъ соображеніямъ, признавая кассаціонную жалобу просителей неподлежащею удовлетворенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ находя, на основаніи примѣчанія къ 800 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства, возможнымъ во вниманіе къ удостовѣренной общественною властью бѣдности Голубова и Островскаго и въ виду обстоятельствъ настоящаго дѣла, возвратить просителямъ представленный ими кассаціонный залогъ, Правительствующій Сенатъ, по выслушаніи заключенія исполняющаго обязанности Товарища Оберъ Прокурора, ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: вышеозначенную кассаціонную жалобу оставить, за силою 793 ст. Уст. Гражд. Судопр., безъ послѣдствій, возвративъ залогъ.

132.—1882 г. ноября 3 дня. *По прошенію Евгеніи Марковой объ отмѣнѣ опредѣленія Путивльскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ кн. Н. И. Шаховской; заключеніе давалъ исп. обяз. Товарища Оберъ-Прокурора П. В. Домерниковъ).

Принимая во вниманіе: 1) что, по ст. 189 и 801 Уст. Гр. Суд. Т X. ч. 2, при подачѣ прошеній объ отмѣнѣ вступившихъ въ законную силу рѣшеній мировыхъ съѣздовъ примѣняются правила, установленныя въ ст. 744, 746, 755, 757– 760, 62 и 764 того же Устава; 2) что означенныя прошенія, по опредѣленію суда, объявленному просителю, оставляются безъ движенія въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 269 пункта 3, 756 пун. 1 и 3 и ст. 800 Уст. Гражд. Суд.; 3) что посему, примѣняясь къ статьѣ 746 означеннаго Устава, при просьбѣ объ отмѣнѣ рѣшенія должны быть приложены копіи ея по числу лицъ, состоявшихъ съ кассаторомъ въ спорѣ, въ случаѣ же неприложенія къ ней копій въ надлежащемъ числѣ экземпляровъ, прошенія эти должны быть оставляемы, по 3 пун. 756 ст. Уст. Гр. Суд., безъ движенія, съ назначеніемъ просителю установленнаго закономъ срока на представленіе недостающихъ копій; 4) что въ настоящемъ дѣлѣ, возникшемъ вслѣдствіе спора о дѣйствительности продажи съ публичнаго торга имѣнія, находившагося во владѣніи Марьи Кореневой, на удовлетвореніе присужденнаго съ нея въ пользу Евгеніи Марковой взысканія Марья Коренева не можетъ не считаться участницею въ оном; 5) что, между тѣмъ, изъ представленнаго Мировымъ Съѣздомъ подлиннаго производства и доставленныхъ дополнительныхъ къ оному свѣдѣній видно, что копіи съ прошенія Евгеніи Мирковой объ отмѣнѣ постановленія Путивльскаго Съѣзда Мировыхъ Судей по настоящему дѣлу представлено не было, вслѣдствіе чего таковая копія и не была сообщена, въ противность вышеприведеннымъ узаконеніямъ, Кореневой, и признавая невозможнымъ приступить въ настоящемъ положеніи дѣла къ разрѣшенію прошенія Евгеніи Марковой,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: кассаціонную жалобу Евгеніи Марковой вмѣстѣ съ подлиннымъ производствомъ возвратить въ Путивльскій Съѣздъ Мировыхъ Судей, для поступленія по 3 пун. 756 и 801 ст. Уст. Гражд. Суд. (Т. X ч. 2 изд. 1876 года).

133.—1882 года ноября 3 го дня. *По прошенію повѣреннаго гражданина Сано Хизанова, присяжнаго повѣреннаго Карабегова, объ отмѣнѣ рѣшенія Тифлисской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ М. Н Сазоновъ; заключеніе давалъ и. о. Товарища Оберъ-Прокурора И. Н. Николаевъ).

Повѣренный вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Наталіи Аршакуни, присяжный повѣренный Алексѣй Карабеговъ, обратился 24 августа 1878 года въ Тифлисскій Окружный Судъ съ прошеніемъ, въ которомъ объяснилъ, что надворный совѣтникъ Григорій Измировъ, не имѣя довѣренности отъ Аршакуни, находившейся въ психическомъ разстройствѣ съ начала 1871 по 1877 г. включительно, обратился 28 сентября 1871 года въ Закавказскій приказъ общественнаго призрѣнія съ просьбою о выдачѣ ссуды подъ залогъ дома Аршакуни, каковая ссуда и выдана въ 1873 г. Независимо отъ сего, Измировъ, завладѣвъ означеннымъ домомъ и собирая самовольно доходы съ 1871 г., оказался неисправнымъ въ платежѣ процентовъ по означенному залогу, вслѣдствіе чего домъ Аршакуни подвергнутъ былъ продажѣ и на производившихся въ 1875 году торгахъ, съ переводомъ долга по закладной, остался за Измировымъ и Сергѣемъ Молиловымъ, на имя которыхъ совершена данная 9 марта 1876 г[illegible] ссылаясь на 1 п. 1629 ст. Т. X ч. I и на то, что означенный выше до[illegible]стоитъ въ залогѣ по первоначальному займу отъ имени его довѣрительницы, Карабеговъ предъявилъ настоящій искъ къ Измирову, Молилову и Закавказскому приказу общественнаго призрѣнія и просилъ: 1) признать залогъ дома его довѣрительницы со всѣми послѣдствіями недѣйствительнымъ; 2) имѣніе это возвратить его довѣри-

тельницѣ, и 3) признавъ недобросовѣстными владѣльцами означеннаго дома Измирова съ 1871 года, а Молилова съ 1876 года, предоставить право требовать съ нихъ доходы за означенное время. Противъ этого искового требованія Измировъ, опровергая ссылку на психическое разстройство Аршакуни, возразилъ, что при залогѣ дома Аршакуни дѣйствовалъ на основаніи довѣренности, засвидѣтельствованной у нотаріуса 26 мая 1871 года, которую и представилъ къ дѣлу, причемъ присовокупилъ, что желаетъ дать отчетъ. Затѣмъ Карабеговъ, объясняя, что представленная Измировымъ довѣренность должна быть признана недѣйствительною съ формальной стороны вслѣдствіе того, что подпись свидѣтелей сдѣлана на грузинскомъ языкѣ, вопреки 147, 83, 84 и 87 ст. Нотар. Полож., а также по неозначенію, вопреки 1620 ст. Т. X ч. I, срока, на который она выдана, предъявилъ споръ о подложномъ составленіи означенной довѣренности и просилъ направить дѣло въ порядкѣ, установленномъ 655—662 ст. Уст. Гр. Судопр., причемъ въ подкрѣпленіе этого спора сослался на разныя доказательства и свидѣтелей, которые и допрошены. Заявленіе о подлогѣ устранено Окружнымъ Судомъ по опредѣленію, въ которомъ приведены подробныя соображенія по сему предмету. При дальнѣйшемъ производствѣ сего дѣла Карабеговъ вновь повторилъ свои возраженія относительно недѣйствительности довѣреноости, какъ съ формальной стороны, по указаннымъ выше двумъ основаніямъ, а также и вслѣдствіе нахожденія Аршакуни въ психическомъ разстройствѣ, и ходатайствовалъ о допросѣ въ подтвержденіе сего послѣдняго обстоятельства указанныхъ имъ свидѣтелей и экспертовъ. Ходатайство это было удовлетворено, и затѣмъ Окружный Судъ, выслушавъ показанія свидѣтелей и заключеніе экспертовъ и разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, въ искѣ Наталіи Аршакуни по приведеннымъ имъ подробнымъ соображеніямъ отказалъ. Въ апелляціонной жалобѣ, принесенной на это рѣшеніе, по довѣренности наслѣдника Аршакуни, Сано Хазнова, присяжный повѣренный Карабеговъ, во первыхъ, повторилъ объясненія по спору о подлогѣ довѣренности и просилъ, если доказательствъ, бывшихъ въ виду суда, недостаточно для признанія доказаннымъ спора о подлогѣ и отмѣны опредѣленія суда по сему предмету, то допросить новыхъ указанныхъ свидѣтелей и исключить довѣренность изъ числа доказательствъ; во-вторыхъ, возражалъ противъ заключенія экспертовъ и, представляя рецептъ, просилъ, если Палата не признаетъ факта помѣшательства Аршакуни, то передопросить свидѣтелей, допросить новыхъ указанныхъ свидѣтелей, а также экспертовъ, въ качествѣ свидѣтелей, и передать обстоятельства дѣла на разсмотрѣніе другихъ психіатровъ; въ-третьихъ, указывалъ на то, что Окружный Судъ неправильно оставилъ безъ уваженія розраженіе его относительно недѣйствительности довѣренности, за неозначеніемъ срока, на который оная выдана, и, въ-четвертыхъ, жаловался на Окружный Судъ за оставленіе безъ удовлетворенія требованія о представленіи Измировымъ отчета. Ходатайство о допросѣ свидѣтелей повторено и въ засѣданіи Палаты, какъ видно изъ протокола онаго. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, признавая фактическую сторону дѣла достаточно выясненною безъ допроса новыхъ свидѣтелей и экспертовъ и раздѣляя соображенія Окружнаго Суда по вопросамъ о подложности довѣренности 26 мая 1871 г. и психическомъ разстройствѣ Наталіи Аршакуни, Палата признала, однако, оба эти обстоятельства неимѣющими существеннаго въ дѣлѣ значенія. Истецъ не доказалъ подложности и недѣйствительности залога дома Аршакуни въ приказъ, каковой залогъ вообще подлежалъ оспариванію лишь пока онъ существовалъ и не превратился въ другія юридическія отношенія. Но если бы и признать подложность или недѣйствительность залога, то это могло бы породить для истицы, какъ потерпѣвшей стороны, лишь право требовать вознагражденія за убытки съ виновныхъ (свидѣтелей, подписавшихся на довѣренности, нотаріуса или чиновъ приказа), съ привлеченіемъ ихъ даже къ уголовной отвѣтственности по мѣрѣ вины ихъ (см. ст. 2311 I ч. X Т.), но ни въ какомъ случаѣ не могло бы повлечь признаніе недѣйствительнымъ самаго торга, которой хотя и составляетъ послѣдствіе залога, но въ виду особенной важности своей и связанныхъ съ нимъ интересовъ третьихъ лицъ—покупщиковъ, и, наконецъ, общественнаго интере-

са, требующаго возможно большей твердости права, пріобрѣтеннаго съ публичнаго торга, поставленъ закономъ независимо отъ основанія, по которому онъ производился и можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 1264, 1357 и 1266 2 ч. X Т. (изд. 1876 г.), соотвѣтствующихъ 1180 ст. Уст. Гр. Судопр. Въ данномъ случаѣ, гдѣ отвѣтчикамъ Измирову и Молилову выданъ уже крѣпостной актъ—данная, возможенъ былъ бы искъ о признаніи торга недѣйствительнымъ развѣ на томъ основаніи, если бы проданное имѣніе оказалось непринадлежащимъ самой должницѣ Наталіи Аршакуни, тогда какъ настоящій искъ, наоборотъ, имѣетъ предметомъ требованіе о возвращеніи проданнаго имѣнія ей или наслѣднику ея. Что же касается указаній Карабегова на формальные недостатки самаго торга (неуказанные имъ, впрочемъ, въ исковомъ прошеніи въ качествѣ основаній иска), то, помимо изложеннаго выше, они сами по себѣ не заслуживаютъ уваженія. Вслѣдствіе сего Палата опредѣлила: рѣшеніе Окружнаго Суда утвердить, оставивъ апелляціонную жалобу Сано Хизанова безъ послѣдствій. Въ кассаціонной жалобѣ присяжный повѣренный Карабеговъ проситъ объ отмѣнѣ этого рѣшенія, между прочимъ, по нарушенію: во первыхъ, ст. 339, 369 и 1180 Уст. Гр. Суд., 574, 690, 691, 700 I ч. X Т., 1266 ст. 2 ч. X Т. оставленіемъ безъ допроса указанныхъ имъ въ апелляціонной жалобѣ свидѣтелей и признаніемъ несущественными для дѣла, по приведеннымъ Палатою соображеніямъ, вопросовъ о подложности довѣренности отъ 26 мая 1871 г. и о психическомъ разстройствѣ Наталіи Аршакуни, и, во вторыхъ, 339 и 711 ст. Уст. Гр. Суд. оставленіемъ безъ обсужденія жалобы его на неудовлетвореніе Окружнымъ Судомъ искового требованія о представленіи Измировымъ отчетности въ доходахъ съ дома Аршакуни.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго Хизанова, присяжнаго повѣреннаго Карабегова, и заключеніе исполняющаго обязанности Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что Тифлисская Судебная Палата отказала въ допросѣ свидѣтелей, указанныхъ въ апелляціонной жалобѣ, въ доказательство подложности довѣренности 26 мая 1871 г. и психическаго разстройства Наталіи Аршакуни, и признала, что приведенныя обстоятельства не имѣютъ существеннаго въ дѣлѣ значенія, на томъ основаніи, что, во первыхъ, залогъ недвижимаго имѣнія подлежитъ оспариванію лишь когда онъ существуетъ и не превратился въ другія юридическія отношенія, и, во-вторыхъ, что публичный торгъ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 1264, 1357 и 1266 2 ч. X Т. изд. 1876 года, соотвѣтствующихъ 1180 ст. Уст. Гр. Судопроиз.; 2) что оба эти соображенія не могутъ быть признаны правильными: первое изъ приведенныхъ Палатою соображеній противорѣчитъ 691, 692 и 493 ст. I ч. X Т., на основаніи которыхъ право обращенія къ суду по поводу послѣдовавшихъ правонарушеній пресѣкается лишь истеченіемъ 10-ти лѣтней давности; право это заключается именно въ оспариваніи и въ устраненіи тѣхъ дѣйствій, въ коихъ выразилось нарушеніе. Согласно съ симъ и въ виду 1 пун. 1629 ст. I ч. X Т., признающей недѣйствительнымъ залогъ чужого имущества, безъ надлежащаго къ тому законнаго уполномочія, споръ о незаконности или подложности залога можетъ быть заявленъ собственникомъ имѣнія въ предѣлахъ срока давности, даже послѣ продажи заложеннаго имѣнія, послѣдовавшей вслѣдствіе взысканія по закладной. Состоявшійся вслѣдствіе таковой продажи переходъ имѣнія къ новому пріобрѣтателю, оставляя въ сущности безъ измѣненія юридическія отношенія между прежнимъ собственникомъ имѣнія и лицомъ, заложившимъ оное, не можетъ служить къ ограниченію права иска по поводу неправильнаго залога, тѣмъ болѣе, что самая продажа въ подобномъ случаѣ составляетъ лишь послѣдствіе того дѣянія, которое и послужило основаніемъ къ иску. Независимо отъ сего, разсмотрѣніе по существу возраженій наслѣдника Аршакуни противъ залога дома ея, т. е. разрѣшеніе вопроса о дѣйствительности довѣренности 1871 года и о психическомъ состояніи ея, представляется необходимымъ и при производствѣ тѣхъ исковъ, къ которымъ отсылаетъ Палата Хизанова и въ возбужденіи коихъ, помимо настоящаго процесса, для него можетъ от-

крыться надобность лишь по окончаніи настоящаго дѣла; 3) что равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и второй доводъ Палаты, имѣвшій также ближайшимъ послѣдствіемъ отказъ въ допросѣ указанныхъ апелляторомъ свидѣтелей. Какъ видно изъ соображеній, принятыхъ при установленіи, согласно съ постановленіями прежняго судопроизводства (ст. 1264, 1357 и 1266 2 ч. X Т.), правила о безповоротности публичной продажи недвижимыхъ имѣній внѣ случаевъ, поименованныхъ въ 1180 ст. Уст. Гр. Суд., имѣлось въ виду, что уничтоженіе публичной продажи вообще нарушаетъ права третьихъ лицъ, положеніе коихъ, такимъ образомъ, признано заслуживающимъ вниманія преимущественно передъ правомъ прежняго собственника. Но очевидно, что по общему смыслу законовъ такое сохраненіе правъ обуславливается добросовѣстностью пріобрѣтателей имѣній съ публичнаго торга, въ отношеніи къ которымъ ограниченіе числа случаевъ уничтоженія публичной продажи представляется вполнѣ справедливымъ. Но соединеніе въ лицѣ отвѣтчика, противъ котораго предъявленъ искъ о недѣйствительности публичнаго торга, совиновника въ совершеніи неправильныхъ дѣйствій, имѣвшихъ послѣдствіемъ публичную продажу имѣнія, и лица, за которымъ осталось это имѣніе, устраняетъ примѣненіе вообще 1180 ст. и правилъ, изложенныхъ въ ст. 1264, 1357 и 1266 X Т. 2 ч., и очевидно, что такой пріобрѣтатель не можетъ воспользоваться тѣми преимуществами, тѣми гарантіями, которыми законъ обуславливаетъ понятіе о правильномъ переходѣ имѣнія къ новому пріобрѣтателю. Согласно съ симъ, послѣдовавшая, вслѣдствіе взысканія по закладной, публичная продажа подложно заложеннаго имѣнія можетъ быть признана недѣйствительною, если имѣніе это пріобрѣтено съ торговъ тѣмъ лицомъ, которое само участвовало въ недобросовѣстномъ или подложномъ залогѣ имѣнія; 4) что вслѣдствіе сего, отказавъ въ искѣ наслѣдника Аршакуни единственно по обстоятельствамъ, бывшимъ въ виду суда 1 инстанціи, и отказавъ въ допросѣ новыхъ свидѣтелей, Палата разрѣшила настоящее дѣло не на основаніи всѣхъ бывшихъ въ виду ея данныхъ и представленныхъ сторонами доказательствъ и тѣмъ нарушила 339 ст. Уст. Гр. Судопр., и 5) что Палата нарушила ту же статью и 711 ст. Уст. Гражд. Суд. оставленіемъ вовсе безъ обсужденія той части апелляціонной жалобы, въ которой присяжный повѣренный Карабеговъ жаловался на неудовлетвореніе Окружнымъ Судомъ искового требованія о представленіи Измировымъ отчета въ доходахъ съ дома Аршакуни. По всѣмъ симъ соображеніямъ и не касаясь прочихъ приводимыхъ кассаціонныхъ поводовъ, Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: рѣшеніе Тифлисской Судебной Палаты, по нарушенію 339 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же Судебной Палаты.

134.—1882 г. ноября 3 дня. *По прошенію Тихона Щербинина объ отмѣнѣ рѣшенія Ростовскаго на-Дону Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. В. Ѳ. Гойнингенъ-Гюне; заключеніе давалъ Тов. Обер-Прокурора П. В. Домерниковъ).

Въ 1876 году мѣщанинъ Тихонъ Щербининъ пріобрѣлъ покупкою отъ мѣщанина Дмитрія Долинскаго недвижимое имѣніе, состоящее въ гор. Ростовѣ на-Дону и заключающееся въ постройкахъ и надворной землѣ, а 20 декабря 1880 года введенъ тѣмъ имѣніемъ во владѣніе. 8 октября 1881 года Щербининъ чрезъ повѣреннаго своего, присяжнаго стряпчаго Дьяченка, предъявилъ къ Долинскому у Мирового Судьи 2 уч. Ростовскаго округа искъ, объясняя, что въ домѣ его незаконно и безъ согласія Щербинина живетъ бывшій владѣлецъ дома, Долинскій, а посему онъ проситъ удалить Долинскаго съ семействомъ изъ упомянутаго дома и рѣшеніе подвергнуть предварительному исполненію Къ дѣлу сему представлено было и находится въ производствѣ Мирового Судьи, кромѣ вводнаго листа 20 декабря 1880 г., выданное Щербинину нотаріусомъ удостовѣреніе № 2267 о томъ: 1) что онъ, нотаріусъ, 1881 г. августа 11, по порученію Щербинина, заявлялъ Долинско-

му: въ купленномъ имъ, Щербининымъ, отъ мѣщанина Дмитрія Долинскаго имѣніи, состоящемъ по Малой Садовой улицѣ, близъ церкви св. Димитрія, проживаетъ съ семействомъ вышеупомянутый Долинскій, на что Щербининъ до сего времени, какъ владѣлецъ того имѣнія, изъявлялъ свое согласіе, но въ настоящее время, желая самъ занять то помѣщеніе, проситъ нотаріуса заявить надлежащимъ образомъ ему, Долинскому, чтобы онъ въ теченіе семи дней съ сего числа освободилъ занимаемыя имъ въ его имѣніи помѣщенія, на что проситъ его отвѣта въ теченіе трехъ дней, и 2) что на означенное заявленіе отъ Долинскаго послѣдовалъ отвѣтъ, что никогда онъ, Долинскій, въ домѣ мѣщанина Тихона Щербинина не жилъ, живетъ же въ своемъ собственномъ домѣ, слѣдовательно, срокъ объ очисткѣ дома его ему Щербининъ назначать не можетъ, тѣмъ болѣе, что онъ съ нимъ ни въ какое соглашеніе не входилъ, согласія до сего времени на жительство въ своемъ домѣ Щербинина не спрашивалъ и спрашивать не имѣетъ никакой надобности; что же касается сомнительныхъ его правъ на его имѣніе, то до разсмотрѣнія Одесскою Судебною Палатою его жалобы, принесенной имъ на заочное рѣшеніе Таганрогскаго Окружнаго Суда, Щербининъ не имѣетъ никакого права дѣлать подобныхъ заявленій, потому что онъ доказываетъ уже и домогается по суду мнимыхъ своихъ правъ на имѣніе, принадлежащее ему, Долинскому, слѣдовательно, Одесская Судебная Палата своимъ рѣшеніемъ опредѣлить, кому должно принадлежать имѣніе: ему или Щербинину, до разрѣшенія же Палатой его жалобы желаніе Щербинина является преждевременнымъ. Мировой Судья, разобравъ это дѣло заочно, за неявкою отвѣтчика, и разсмотрѣвъ представленный къ дѣлу вводный листъ, нашелъ, что въ данномъ случаѣ Долинскій является не жильцомъ за опредѣленную плату, а владѣльцемъ, нарушающимъ права собственности болѣе полугода, а потому и на основаніи 4 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд., признавая искъ Щербинина неподсуднымъ мировымъ учрежденіямъ, опредѣлилъ въ искѣ его къ Долинскому по неподсудности отказать. Въ принесенной на это рѣшеніе апелляціонной жалобѣ повѣренный Щербинина, присяжный стряпчій Дьяченко, объяснилъ, что онъ предъявилъ искъ не о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, предусмотрѣнный въ 4 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд., а обыкновенный—объ удаленіи Долинскаго изъ принадлежащаго Щербинину имѣнія. Предъявленіе иска по 4 п. 29 ст. въ настоящемъ случаѣ не имѣло бы мѣста, потому что Долинскій былъ прежде владѣльцемъ того самаго имѣнія, жилъ въ немъ съ дозволенія Щербинина вслѣдствіе словесныхъ условій, пока жительство это могъ выносить Щербининъ, а при такомъ положеніи дѣла предъявленіе иска въ Окружномъ Судѣ лишено смысла и повело бы къ дачѣ Долинскому возможности и долѣе продолжать свое незаконное и несогласное съ желаніемъ дѣйствительнаго хозяина квартированіе. На этомъ основаніи апелляторъ просилъ Съѣздъ отмѣнить рѣшеніе Мирового Судьи. Въ объясненіи на эту жалобу Долинскій возражалъ, что онъ живетъ въ своемъ собственномъ домѣ, а не Щербинина, что въ Одесской Судебной Палатѣ производится дѣло его съ Щербининымъ по апелляціонной его, Долинскаго, жалобѣ на заочное рѣшеніе Таганрогскаго Окружнаго Суда о присвоеніи Щербининымъ принадлежащаго ему дома и объ уничтоженіи купчей крѣпости на этотъ домъ и что по просьбѣ повѣреннаго Щербинина объ удаленіи его, Долинскаго, изъ принадлежащаго ему дома уже 31 августа 1881 г. состоялось рѣшеніе Мирового Судьи объ отказѣ Щербинину въ искѣ по неподсудности, вошедшее въ законную силу. Изъ приложеннаго при семъ рѣшенія Мирового Судьи 2 участка 31 августа 1881 года, соображеніе и резолютивная часть коего совершенно тождественна съ рѣшеніемъ Мирового Судьи по настоящему дѣлу, видно, что оно состоялось по просьбѣ повѣреннаго Щербинина о возстановленіи нарушеннаго владѣнія Щербинина удаленіемъ Долинскаго изъ дома, предъявленной 21 августа 1881 года. Въ засѣданіи Мирового Съѣзда повѣренный Щербинина представилъ копію съ исполнительнаго листа Одесской Судебной Палаты по рѣшенію ея 16 декабря 1881 года, коимъ Палата по иску, предъявленному Щербининымъ къ Долинскому и керченскому жителю Феогности объ освобожденіи отъ продажи имѣнія истца, описаннаго за долгъ Долинскаго Феогности, опредѣлила: оставить въ силѣ рѣшеніе Таганрогскаго Окружнаго Суда 4 мая 1881 года,

коимъ постановлено: означенное имѣніе признать принадлежащимъ Щербинину и освободить отъ описи и продажи. Выслушавъ объясненія сторонъ и заключеніе Товарища Прокурора и разсмотрѣвъ копію рѣшенія Судьи 31 августа 1881 г., Ростовскій на Дону Мировой Съѣздъ, не касаясь вопроса о томъ, что дѣло это разъ уже было рѣшено мировымъ судьею, и то рѣшеніе вошло въ законную силу, нашелъ, что и по существу искъ Щербинина не подлежитъ удовлетворенію по слѣдующимъ основаніямъ: Щербининъ предъявилъ искъ объ удаленіи изъ его дома Долинскаго, прежняго хозяина дома, живущаго не на основаніи договора объ арендѣ, а, какъ объясняетъ Долинскій, на томъ основаніи, что домъ принадлежитъ ему; такой искъ долженъ быть признанъ искомъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, а какъ Щербининъ введенъ во владѣніе 20 декабря 1880 г., а искъ объ удаленіи Долинскаго предъявленъ имъ только 8 октября 1881 г., Долинскій же во все это время продолжаетъ фактически владѣть имѣніемъ, то, слѣдовательно, со времени нарушенія владѣнія Щербинина прошло болѣе 6 мѣсяцевъ, а такого рода нарушенія, на основаніи 4 пун. 29 ст. Уст. Гр. Суд., не подлежатъ разбирательству мировыхъ учрежденій. Поэтому Съѣздъ утвердилъ рѣшеніе Мирового Судьи. На это рѣшеніе Щербининъ принесъ кассаціонную жалобу, въ которой проситъ отмѣнить оное потому: во 1 хъ) что настоящее дѣло заключало требованіе его о простомъ удаленіи Долинскаго изъ дома, который ранѣе принадлежалъ Долинскому, а не о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, о которомъ онъ вопроса не возбуждалъ; что если кто либо продалъ свое имѣніе и не желаетъ уходить изъ него, несмотря на то, что новый владѣлецъ введенъ во владѣніе, причемъ былъ свидѣтелемъ прежній, то отъ новаго владѣльца зависитъ или удалить его собственною властью, или обратиться въ Мировой Судъ, и подобное право его не можетъ быть ограничено 6 мѣсячнымъ срокомъ, если прежнимъ не доказано обратное пріобрѣтеніе имѣнія. Право собственности на имѣніе, въ которомъ жилъ Долинскій въ силу его, Щербинина, простого согласія, доказано имъ купчей крѣпостью и вводнымъ листомъ, которыхъ Долинскій не оспариваетъ; оно разсматривалось при томъ же Таганрогскимъ Окружнымъ Судомъ и Судебною Палатою, въ доказательство чего имъ былъ представленъ исполнительный листъ Судебной Палаты. Не разсмотрѣвъ этого листа и признавъ дѣло искомъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, Мировой Съѣздъ нарушилъ 29 и 456 ст. Уст. Гр. Суд.; рѣшеніе же Мирового Судьи 31 августа 1881 г. не могло лишить Съѣздъ права разсмотрѣть настоящее дѣло по существу, потому что дѣло, по которому оно состоялось, начато его повѣреннымъ по ошибкѣ и не имѣетъ по формулированію исковыхъ требованій въ немъ ничего общаго съ настоящимъ искомъ. Въ объясненіи на эту жалобу Долинскій указываетъ главнымъ образомъ на то, что рѣшеніе Мирового Судьи по первой просьбѣ Щербинина вошло въ законную силу, что Щербининъ долженъ обратиться въ Окружный Судъ съ просьбою о возстановленіи владѣнія, если онъ признаетъ его нарушеннымъ, что домъ принадлежалъ и принадлежитъ ему, а не Щербинину, который никогда имъ не владѣлъ, купчую крѣпость Щербининъ совершилъ обманнымъ образомъ, и подписана она повѣреннымъ его, Долинскаго, Денисовымъ, въ отсутствіе его безъ полученія денегъ; посему Щербининъ боится предъявлять искъ въ Окружномъ Судѣ, зная, что онъ, Долинскій, будетъ доказывать незаконность пріобрѣтенія имѣнія, и явится споръ противъ ввода, такъ какъ съ тѣхъ поръ еще не прошло двухъ лѣтъ; посему Долинскій проситъ кассаціонную жалобу оставить безъ уваженія.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по неоднократнымъ разъясненіямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента искъ о прекращеніи владѣнія и пользованія отвѣтчика недвижимымъ имуществомъ можетъ быть подсуденъ Мировому Судьѣ или на основаніи пункта 4 го, или же на основаніи пункта 1 го ст. 29 Уст. Гражданъ. Судопр. Предусмотрѣнный въ п. 4 ст. 29 Устава сего искъ о возстановленіи владѣнія недвижимымъ имуществомъ установленъ для храненія владѣнія отъ насилія и самоуправства (ст. 531 Т. X ч. I) и можетъ быть предъявленъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ дѣйствительно владѣлъ

*

имѣніемъ, владѣніе это нарушено самовольнымъ дѣйствіемъ отвѣтчика и со времени завладѣнія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ (рѣш. 1873 года №№ 703, 1347; 1874 года №№ 585, 612; 1875 г. №№ 51, 824; 1876 г. № 234; 1877 г. №№ 107, 111; 1879 г. № 89 и друг.). Въ дѣлахъ подобнаго рода на обязанности Мирового Судьи лежитъ удостовѣриться по представленнымъ тяжущимися доказательствамъ только въ томъ, дѣйствительно ли недвижимое имѣніе состояло во владѣніи истца, было ли это владѣніе нарушено самовольнымъ дѣйствіемъ отвѣтчика и когда именно послѣдовало нарушеніе владѣнія; затѣмъ, не входя ни въ какое разсмотрѣніе правъ собственности той или другой стороны, постановить опредѣленіе, въ чьемъ владѣніи должно находиться спорное имущество (рѣш. 1868 г. № 773; 1872 г. № 399 и др.). Но пунктъ 4 ст. 29 Уст. Гражд. Суд. не можетъ быть примѣняемъ къ иску о прекращеніи такого пользованія отвѣтчика имѣніемъ истца, которое возникло не вслѣдствіе самовольнаго владѣнія, а въ силу юридическихъ между сторонами отношеній, установленныхъ договоромъ; искъ, изъ такихъ отношеній возникшій, можетъ подлежать разсмотрѣнію Мировыхъ Судей не на основаніи п. 4 го, а на основаніи п. 1 ст. 29 Уст. Гражд. Суд., и въ томъ лишь случаѣ, когда онъ по цѣнѣ не изъятъ изъ ихъ вѣдомства (рѣш. 1873 года № 1497; 1874 г. №№ 698, 227; 1875 г. №№ 189, 613, 1059; 1877 г. №№ 72, 107, 111, 301; 1879 г. № 89 и др.). Какъ тѣ, такъ и другіе иски не должны быть смѣшиваемы съ упомянутыми въ п. 1 мъ ст. 31 й Уст. Гражд. Суд., неподсудными мировымъ судебнымъ установленіямъ, исками о самомъ правѣ собственности или правѣ на владѣніе недвижимостью, утвержденномъ на формальномъ актѣ, въ каковыхъ разсматривается вопросъ о томъ, кому изъ двухъ тяжущихся сторонъ должно быть предоставлено владѣть недвижимостью на правѣ собственника, пожизненнаго или временнаго владѣльца, въ силу извѣстнаго формальнаго акта (рѣш. 1872 г. №№ 467, 759). Собственно же къ искамъ, подсуднымъ мировымъ судьямъ на основаніи п. 1-го 29 й ст. Уст. Гр. Суд., Правительствующимъ Сенатомъ постоянно относились кромѣ исковъ по договору найма недвижимаго имѣнія, иски, возникающіе изъ сдѣлки о предоставленіи собственникомъ кому-либо безмездно пользоваться его имѣніемъ, или только по цѣнѣ своей иски эти подлежали вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій (рѣш 1869 г. № 645; 1872 г. № 467; 1873 г. №№ 1047, 1258, 1493; 1875 г. №№ 347, 914). Такъ, напр., въ рѣшеніи 1875 года № 347 по иску Залѣсской къ Косьмину Правительствующій Сенатъ нашелъ, что истица предъявила искъ о прекращеніи самовольнаго пользованія отставнымъ солдатомъ Косьминымъ принадлежащимъ ей усадебнымъ мѣстомъ и выстроеннымъ на немъ изъ экономическаго матеріала домомъ, которымъ онъ пользовалсь прежде съ согласія на то владѣльца; что требованіе это, подлежащее, какъ разъяснено Сенатомъ (рѣш. 1872 года № 467), вѣдѣнію мировыхъ судебныхъ установленій, не можетъ быть признано выходящимъ изъ предѣловъ ихъ вѣдомства ни вслѣдствіе заявленія отвѣтчикомъ Косьминымъ спора противъ права собственности Залѣсской на застроенную имъ землю, такъ какъ подсудность иска опредѣляется исковыми требованіями истца, а не возраженіями отвѣтчика, ни равнымъ образомъ выведеннымъ Съѣздомъ изъ прошенія Залѣсской сознаніемъ истицы въ томъ, что усадебнымъ мѣстомъ отвѣтчикъ владѣлъ 4 года или 5 лѣтъ, безъ обсужденія тѣхъ указанныхъ истицею обстоятельствъ, при которыхъ возникло и продолжалось владѣніе Косьминымъ усадебнымъ мѣстомъ, объ очищеніи котораго предъявлено нынѣ требованіе, и безъ опредѣленія самаго свойства этого владѣнія, и что посему Мировой Съѣздъ признаніемъ требованія истицы Залѣсской неподсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ и подлежащимъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ установленій допустилъ нарушеніе 31 ст. Уст. Гражд. Судопр. Разсмотрѣніе настоящаго дѣла показываетъ, что повѣренный истца Щербинина ни въ исковомъ прошеніи, ни при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла не указывалъ на то, чтобы истецъ когда-либо владѣлъ спорнымъ имуществомъ и чтобы отвѣтчикъ завладѣлъ имъ самовольно,—напротивъ того, заявивъ лишь требованіе объ удаленіи изъ дома истца прежняго владѣльца дома, съ его семействомъ, Долинскаго, живущаго въ немъ безъ согласія истца, и представивъ вводный листъ

о вводѣ истца во владѣніе купленнымъ имъ у Долинскаго имуществомъ, онъ на документъ сей не указывалъ вовсе, какъ на доказательство фактическаго владѣнія истца этимъ имуществомъ, а въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе Мирового Судьи, отказавшаго ему въ искѣ по неподсудности, за пропускомъ со времени ввода во владѣніе шестимѣсячнаго срока, прямо указывалъ на то, что предъявленный имъ искъ не есть искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и что Долинскій жилъ въ домѣ томъ съ дозволенія Щербинина, вслѣдствіе словесныхъ условій, пока могъ выносить Щербининъ. Изъ этого оказывается, что искъ Щербинина къ Долинскому Мировымъ Съѣздомъ неправильно отнесенъ къ искамъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, такъ какъ по дѣлу не представляется существеннаго признака такого рода исковъ, а именно утвержденіе со стороны истца, что имущество было въ его владѣніи и что это владѣніе нарушено отвѣтчикомъ. Основаніемъ къ тому не могло служить и то указанное Съѣздомъ обстоятельство, что искъ этотъ предъявленъ къ прежнему владѣльцу, живущему не на основаніи договора аренды, а, какъ объяснилъ Долинскій, на томъ основаніи, что домъ ему принадлежитъ, ибо иски о выселеніи или объ очищеніи помѣщеній могутъ возникать не только изъ договора найма недвижимаго имѣнія и самовольнаго нарушенія владѣнія, но, какъ выше указано, и изъ предоставленія истцомъ отвѣтчику безмездно пользоваться имуществомъ его, истца. Засимъ и такъ какъ подсудность иска опредѣляется исковыми требованіями, а не возраженіями отвѣтчика, на обязанности Съѣзда лежало провѣрить именно тѣ указанныя истцомъ обстоятельства, при которыхъ возникло и продолжается владѣніе домомъ, объ очищеніи коего предъявлено нынѣ требованіе. Признавъ же искъ Щербинина искомъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и утвердивъ рѣшеніе Мирового Судьи объ отказѣ въ искѣ, за пропускомъ шестимѣсячнаго срока, Съѣздъ нарушилъ точный смыслъ 4 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд. Вслѣдствіе сего и признавая объясненіе Долинскаго объ обманномъ совершеніи Щербининымъ купчей крѣпости, какъ заявленное впервые при кассаціонномъ производствѣ, неподлежащимъ своему разсмотрѣнію, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: отмѣнить рѣшеніе Ростовскаго на-Дону Мирового Съѣзда, по нарушенію 4 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд. (Т. X ч. 2 изд. 1876 г.), и дѣло передать въ Черкасскій Мировой Съѣздъ (области войска Донского).

135.—1882 г. ноября 3 дня. *По прошенію мѣщанъ Николая Ермолаева, Исаака Шишкова и Гордѣя Кожевникова объ отмѣнѣ рѣшенія Днѣпровскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Б. Ѳ. Гойнингенъ-Гюне; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора П. В. Домерниковъ).

Владѣлецъ м. Каховки, Овсяннико Куликовскій, въ 1857 г. напечаталъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“: 1) объявленіе, которымъ предоставилъ всякому желающему селиться въ этомъ имѣніи, и 2) правила для желающихъ тамъ поселиться. Первымъ пунктомъ этихъ правилъ предоставляется желающему поселиться получить по своему избранію удобное мѣсто для постройки дома и службы, а въ 5 пун. объясняется, что „всякій, кто изъ живущихъ въ м. Каховкѣ пожелаетъ производить торговлю, устроить для этого лавки, складочные магазины, или кто пожелаетъ содержать трактирныя заведенія, заѣзжіе дворы, или устроить какіе заводы,—словомъ, заняться какою либо торговлею, ремесленною или мануфактурною промышленностью въ м. Каховкѣ, тотъ обязанъ на все это сдѣлать особое условіе или контрактъ съ конторою“. Управляющій экономіею нынѣшняго владѣльца Каховки, Панкѣева, Шперлингъ, предъявилъ Мировому Судьѣ искъ къ Ермолаеву, Шишкову и Кожевникову, объясняя, что они, живя въ Каховкѣ на квартирахъ у разныхъ лицъ и занимаясь колеснымъ и кузнечнымъ мастерствомъ, не заключаютъ съ экономіею условія на взносъ, согласно вышеприведеннымъ правиламъ, налога съ 1 января 1881 г., а потому просилъ воспретить отвѣтчикамъ всякаго рода занятія мастерствами въ Каховкѣ. Отвѣтчики объясняли, что они не могутъ платить по 75 рублей въ годъ, какъ требуетъ экономія; они живутъ въ чу-

жихъ домахъ и имѣютъ свидѣтельство отъ земской управы. Мировой Судья опредѣлилъ: обязать отвѣтчиковъ закрыть принадлежащія имъ мастерскія. Мировой Съѣздъ, выслушавъ дѣло и объясненія повѣренныхъ: апелляторовъ—Якова Конторера и Панкѣева—Пейсаха Бунцельмана, нашелъ, что отношенія владѣльца м. Каховки къ поселившимся на землѣ его лицамъ и сихъ послѣднихъ къ владѣльцу опредѣляются представленными къ дѣлу правилами, распубликованными въ газетахъ и по 1536 ст. X Т. ч. I обязательными для обѣихъ сторонъ (рѣшеніе Гражд. Кассац. Д та Правительствующаго Сената 1871 г. № 114); что посему представляется неосновательнымъ указаніе апелляторовъ о проживательствѣ ихъ въ м. Каховкѣ на правахъ чиншевиковъ и о необходимости разрѣшенія подлежащаго спора на основаніи началъ, преподанныхъ въ рѣшеніяхъ Гражд. Кассац. Департам. Правительствующаго Сената 1877 года №№ 106—120, тѣмъ болѣе, что въ Днѣпровскомъ уѣздѣ вообще не существовало и не существуетъ владѣній, основанныхъ на чиншевомъ правѣ; что по точному разуму 5 пункта означенныхъ выше правилъ (л. д. 24—26), а равно и по словесному онаго смыслу, не представляющему никакихъ сомнѣній, владѣлецъ м. Каховки взимаетъ плату съ лицъ, поселяющихся въ означенномъ мѣстечкѣ съ цѣлью заняться какою-либо торговлею или промыслами, не за право торговли или промысловъ, каковое право, по 464 ст. V Т. Устава о пошл. по прод. 1876 г., принадлежитъ казнѣ, а какъ собственникъ имѣнія, коему, въ силу 420, 5 п. 432 и 514 ст. Т. X ч. I, принадлежитъ власть, удержавъ за собою право собственности, отдѣлить отъ него въ другія руки право владѣнія и установить условія и пространство сего послѣдняго по отношенію къ лицамъ, вступающимъ въ таковое; что объясненія апелляторовъ касательно размѣра требуемой съ нихъ платы, приводимыя въ 5 п. апелляціонной жалобы, не находятъ подтвержденія въ обстоятельствахъ дѣла, имѣющаго предметомъ своимъ не требованіе о взысканіи съ отвѣтчиковъ денегъ, а искъ о воспрещеніи имъ нарушать 5 пунктъ правилъ для заселенія м. Каховки, каковые иски, по смыслу 29 и 31 статей Уст. Гр. Суд., и рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената 1873 года № 1322, подсудно мировому суду. На основаніи приведенныхъ соображеній, признавая рѣшеніе Мирового Судьи правильнымъ, Съѣздъ, руководствуясь 129 и 81 ст. Уст. Гр. Судопр., опредѣлилъ: рѣшеніе Мирового Судьи оставить въ силѣ, а жалобу апелляторовъ безъ уваженія. Въ кассаціонной жалобѣ отвѣтчики объясняютъ, что 1) искъ Панкѣева заключается, очевидно, въ требованіи съ нихъ налога собственно за право занятія ихъ въ Каховкѣ колеснымъ и кузнечнымъ мастерствами, что воспрещено 464 ст. Уст. о пошлинахъ (рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1877 года №№ 109—120, особенно № 110); 2) если опубликованное Куликовскимъ приглашеніе считать за договоръ и если признать, что оно предоставляетъ владѣльцу право взимать налогъ собственно за право занятія ремесломъ, то въ этомъ отношеніи договоръ сей, за силою 464 статьи V Тома о пошлинахъ, долженъ считаться недѣйствительнымъ и ничтожнымъ, какъ несогласный съ 1529 ст. X Т. I ч.; 3) заключеніе Съѣзда о томъ, что въ м. Каховкѣ не дѣйствуетъ чиншевое право, несогласно съ рѣшеніемъ Правительствующаго Сената 1877 г. № 119, по которому вышеприведенныя разъясненія Сената должны быть примѣняемы и въ Новороссійскомъ краѣ; 4) Съѣздъ нарушилъ 131 и 339 стат. Уст. Гр. Суд., признавая, что искъ Панкѣева заключается въ требованіи Палаты не за право занятія ремесломъ, а за пользованіе его имуществомъ, тогда какъ истецъ прямо говоритъ, что требуетъ закрытія мастерскихъ, потому что считаетъ себя въ правѣ требовать налога за право заниматься мастерствомъ, да и требовать съ нихъ платы за пользованіе имуществомъ Панкѣевъ не могъ, такъ какъ они никакимъ имуществомъ не пользуются, а нанимаютъ помѣщенія у мѣстныхъ домовладѣльцевъ, и 5) Съѣздъ нарушилъ 420, 5 п. 432 и 514 ст. Т. X ч. I, такъ какъ, по разъясненію Правит. Сената 1877 г. № 110, приведенныя статьи къ настоящему случаю не относятся. Въ поданномъ противъ этой жалобы объясненіи владѣлецъ мѣстечка Каховки, Панкѣевъ, опровергаетъ доводы просителей, указывая главнымъ образомъ на рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента по однородному дѣлу жителя м. Каховки,

Нечитовскаго, 1873 г. № 1322 на то, что по кассаціонной практикѣ и чиншевики пользуются владѣльческими землями, хотя и потомственно, съ правомъ залога и продажи, но далеко не независимо, а въ предѣлахъ ограниченій, установленныхъ привилегіями (условіями), изданными отъ владѣльдѣльцевъ и утвержденными королевскою властью, что то же самое установлено и отечественнымъ законодательствомъ въ 514 ст. Т. X ч. I, что закономъ *о пошлинахъ за право торговли* (18 ст. прилож. къ 464 ст. Т. V по прод. 1876 г.) воспрещется владѣльцамъ мѣстечекъ облагать торговцевъ сборами собственно за право торговли, но въ то же время подтверждается ихъ право заключать съ торгующими условія о платѣ за наемъ у нихъ лавокъ, домовъ и земель, и что ему, просителю, какъ владѣльцу м. Каховки, въ которомъ устроены постоянные ряды для торгующихъ, не можетъ быть безразлично, чтобы всякій, кому вздумается, заводилъ кузницы, бондарни, слесарни, кабаки, или располагался съ товарами своей торговли, гдѣ и какъ попало, стѣсняя свободный проѣздъ и проходъ для другихъ или причиняя безпокойство своимъ шумнымъ сосѣдствомъ, и угрожая опасностью въ пожарномъ отношеніи. Посему Панкѣевъ проситъ кассаціонную жалобу просителей оставить безъ послѣдствій.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ, что Мировой Съѣздъ утвердилъ рѣшеніе Мирового Судьи, обязавшаго просителей Ермолаева, Шишкова и Кожевникова закрыть принадлежащія имъ колесныя мастерскія въ мѣстечкѣ Каховкѣ, основываясь главнымъ образомъ на непримѣняемости къ настоящему дѣлу разъясненій Правительствующаго Сената 1877 г. №№ 106—120, послѣдовавшихъ по чиншевымъ дѣламъ, и на распубликованныхъ въ газетахъ обязательныхъ для обѣихъ сторонъ правилахъ 1857 г., по смыслу 5 пун. коихъ не представляется сомнѣнія, что владѣлецъ м. Каховки взимаетъ плату съ лицъ, поселяющихся въ означенномъ мѣстечкѣ съ цѣлью заняться какою либо торговлею или промыслами, не за право торговли или промысловъ, каковое право, по 464 ст. V Т. Уст. о пошл. по прод. 1876 г., принадлежитъ казнѣ, а какъ собственникъ имѣнія, кому, въ силу 420, 5 п. 432 и 514 ст. Т. X ч. I, принадлежитъ власть, удержавъ за собою право собственности, отдѣлить отъ него въ другія руки право владѣнія и установить условія и пространство сего послѣдняго по отношенію лицамъ, вступающимъ въ таковое. Но заключеніе это не можетъ быть признано правильнымъ, хотя просители проживаютъ въ мѣстечкѣ Каховкѣ собственно не на чиншевомъ правѣ въ томъ видѣ, какъ оно установилось съ давняго времени въ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края (рѣш. Гражд. Кассац. Департ. 1877 г. № 119), а на правахъ, установленныхъ лишь правилами 1857 г., распубликованными владѣльцемъ м. Каховки, съ цѣлью заселенія этого мѣстечка, но уже изданнымъ въ 1863 и 1865 гг. Положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, изложеннымъ въ приложеніи къ 464 ст. Т. V Уст. о пошл. (прод. 1876 г.) и обязательнымъ для всѣхъ мѣстностей Имперіи, постановлено было, въ 18 ст., что дѣйствіе сего приложенія распространяется и на тѣ владѣльческіе города, мѣстечки и селенія, владѣльцамъ коихъ принадлежитъ право о платѣ за наемъ у нихъ лавокъ, домовъ и земель заключать съ торгующими условія на основаніи законовъ гражданскихъ, но что таковые владѣльцы не имѣютъ права облагать торговцевъ никакими сборами собственно за право торговли. На этомъ же основаніи циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 27 октября 1869 года разъяснено губернаторамъ, что во владѣльческихъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ не могутъ болѣе имѣть мѣста существовавшіе въ прежнее время торговые сборы въ пользу владѣльцевъ) рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1877 г. № 110). Отсюда слѣдуетъ, что владѣльцы мѣстечекъ вообще не должны имѣть никакого участія въ выгодахъ, извлекаемыхъ жителями мѣстечекъ изъ производимыхъ ими торговли или промысловъ, и что жители мѣстечекъ въ принадлежащихъ имъ или нанимаемыхъ ими на владѣльческой землѣ строеніяхъ или участкахъ имѣютъ право производить торговлю или промыслы на общемъ основаніи, не испрашивая на

то дозволенія владѣльцевъ мѣстечекъ. Затѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что владѣльцы мѣстечекъ не въ правѣ облагать лицъ, живущихъ въ нихъ, какими либо сборами собственно за занятіе торговлею, ремесленною или мануфактурною промышленностью, хотя бы они и не носили названія сборовъ за право торговли; что они не въ правѣ установлять такіе сборы и въ качествѣ собственниковъ, путемъ договоровъ или условій, заключаемыхъ съ самими жителями, и что подобныя условія или договоры, какъ противные закону, не могутъ быть признаваемы дѣйствительными. Въ виду сего и такъ какъ искъ о воспрещеніи отвѣтчикамъ занятія всякаго рода мастерствомъ въ мѣстечкѣ Каховкѣ, какъ это видно изъ самаго исковаго прошенія, истцомъ по настоящему дѣлу былъ предъявленъ именно потому, что они, отвѣтчики, отказались войти въ соглашеніе и заключить условіе о взносѣ налога съ 1 января 1881 г., согласно правиламъ, распубликованнымъ въ 1857 г., Правительствующій Сенатъ находитъ, что Мировой Съѣздъ признаніемъ 5 пункта означенныхъ правилъ обязательнымъ для просителей, а собственника мѣстечка Каховки имѣющимъ право, въ силу 420, 432 и 514 ст. Т. X ч. I, установлять условія даже о взиманіи особой платы съ поселяющихся съ цѣлью заняться какою либо торговлею и промысломъ, нарушилъ точную силу 18 ст. Полож. о пошл. за право торговли; что же касается приводимаго Съѣздомъ и Панкѣевымъ рѣш. Гражд. Кассац. Департ. 1873 г. № 1322, то оно послѣдовало по дѣлу жителя м. Каховки, Нечитовскаго, не совсѣмъ съ настоящимъ дѣломъ однородному, такъ какъ изъ рѣшенія того не видно, чтобы въ виду Сената былъ прямой споръ собственно противъ незаконности и обязательности самыхъ правилъ 1857 г., или условій, на основаніи которыхъ предоставлено было Нечитовскому воспользоваться извѣстнымъ участкомъ земли въ м. Каховкѣ, каковой споръ по настоящему дѣлу возбужденъ какъ въ апелляціонной, такъ и кассаціонной жалобахъ. По симъ основаніямъ и не входя въ разсмотрѣніе прочихъ приводимыхъ просителями поводовъ кассаціи рѣшенія, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: отмѣнить рѣшеніе Днѣпровскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію 18 ст. Уст. о пошл. за право торговли и др. промысловъ (прил. къ 464 ст. V Т. Уст. о пошл. по прод. 1876 г.), и передать дѣло въ Херсонскій Мировой Съѣздъ.

136.—1882 года ноября 3 дня. *По прошенію мѣщанина Пинхуса Нау (или Нахъ) объ отмѣнѣ опредѣленія Шавельскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ М Н. Сазоновъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора П. В. Домерниковъ).

Мѣщанинъ Пинхусъ Нау обратился въ Шавельскій Мировой Съѣздъ съ частною жалобою на Мирового Судью 2 участка за возвращеніе ему, вслѣдствіе неприложенія судебныхъ пошлинъ, отзыва на заочное рѣшеніе по иску къ просителю мѣщанина Хаима Рязанскаго, объясняя, что Мировой Судья, на основаніи 5 пун. 269 и 279 ст. Уст. Гражд. Судопр., долженъ былъ назначить семидневный срокъ на представленіе пошлинъ, а до тѣхъ поръ оставить отзывъ безъ движенія. Мировой Съѣздъ нашелъ, что въ законѣ нѣтъ указанія, какимъ способомъ поступать съ отзывами на заочныя рѣшенія, присланными безъ пошлинъ, т. е. оставлять ли такіе отзывы безъ дѣйствія, подобно исковымъ прошеніямъ (5 п, 269 и 270 ст. Уст. Гр. Суд.), или же подобно апелляціоннымъ жалобамъ (ст. 765), назначать срокъ для представленія пошлинъ. Мировой Съѣздъ считаетъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ: по 151 и 731 ст. Уст. Гр. Суд., „съ принятіемъ отзыва, заочное рѣшеніе признается недѣйствительнымъ и дѣло возвращается въ то положеніе, въ которомъ находилось до рѣшенія“, т.-е. послѣ помѣты судьею отзыва принятымъ заочное рѣшеніе уничтожается. Послѣдствія такого принятія отзыва не могутъ быть сравниваемы съ послѣдствіемъ принятія, даже безъ пошлинъ, не только исковаго прошенія, но даже апелляціи. Практика установила, что отзывъ при возможности послать его по почтѣ, безъ пошлинъ, безъ обозначенія мѣста жительства, или же при возможности перемѣнить таковое служитъ началомъ длинной про-

волочки дѣла въ скоромъ судѣ отвѣтчикомъ, при перспективѣ повторить тоже при апелляціи, или кассаціи, безъ приложенія пошлинъ, и уѣхать, ожидая извѣщенія о семидневномъ срокѣ на взносъ пошлинъ. Поэтому и въ виду сроковъ, указанныхъ 727 и 728 ст., не признавая основаній распространять на отзывы широкаго, неуказаннаго закономъ права, въ ущербъ справедливости и интересамъ истцовъ, Съѣздъ, руководствуясь 166—169 ст. Уст. Гр. Суд. и закономъ 1877 г. о судебныхъ сборахъ, опредѣлилъ: частную жалобу Пинхуса Нау оставить безъ послѣдствій. Въ кассаціонной жалобѣ Нау проситъ объ отмѣнѣ этого рѣшенія, по нарушенію 269, 270 и 756 ст. Уст. Гр. Суд.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что за отсутствіемъ положительнаго указанія о томъ, какъ поступить съ отзывами на заочныя рѣшенія (151 и 727 ст. Уст. Гр. Суд.), въ случаѣ неприложенія къ онымъ судебныхъ пошлинъ Съѣзду, на основаніи 9 ст. Устава Гражд. Суд., надлежало руководствоваться (рѣш. 1880 г. № 182 и др.) общимъ смысломъ законовъ относительно вліянія этого обстоятельства вообще на производство дѣла. Изъ относящихся къ сему предмету узаконеній и соображеній Государственнаго Совѣта, принятыхъ при установленіи правилъ, содержащихся въ 269 и 756 ст. Уст. Гр. Суд., видно, что неприложеніе исковыхъ пошлинъ не составляетъ нарушенія тѣхъ существенныхъ условій, которыхъ необходимо требовать отъ всякой подаваемой суду жалобы, что нѣтъ основанія возвращать апелляціонную жалобу, за несоблюденіемъ такихъ правилъ, которыя не составляютъ существенныхъ принадлежностей судопроизводства, а устанавливаются собственно съ фискальною цѣлью. Означенное общее начало, очевидно, относится не только къ поименованнымъ въ приведенныхъ выше статьяхъ бумагамъ, но и вообще ко всякимъ подаваемымъ въ судъ прошеніямъ, съ которыхъ на основаніи законовъ, дѣйствовавшихъ при изданіи Судебныхъ Уставовъ или позднѣйшихъ узаконеній, установленъ налогъ въ пользу казны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе такого налога не имѣетъ исключительно фискальнаго характера, а признается существенною принадлежностью процесса, въ законахъ положительно выражено, какъ, напримѣръ, въ Высочайше утвержден. 1 іюня 1868 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта о залогахъ при кассаціонныхъ жалобахъ (Полн. Собр. Зак. № 46066), что непредставленіе пошлинъ имѣетъ послѣдствіемъ непринятіе самаго прошенія. По всѣмъ симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что, на основаніи 756 ст. Уст. Гражд. Суд., апелляціонныя жалобы, при которыхъ не приложено судебныхъ пошлинъ, оставляются безъ движенія; что, возвративъ Нау отзывъ на заочное рѣшеніе, вмѣсто объявленія ему объ оставленіи онаго безъ движенія, съ назначеніемъ для представленія судебныхъ пошлинъ семидневнаго срока, Съѣздъ поступилъ неправильно,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Шавельскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію 9 и 756 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ Поневѣжскій Мировой Съѣздъ.

137.—1882 года ноября 3 дня. *По прошенію Наталіи Гогиджановой объ отмѣнѣ рѣшенія Тифлисской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ дывалъ дѣло Сенаторъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. П. Саломонъ; докладъ Н. П. Талквистъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. В. Домерниковъ.)

Наслѣдники по боковой линіи Евгенія Гогиджанова, умершаго въ 1878 году, въ томъ числѣ и принесшая нынѣ кассаціонную жалобу Наталья Гогиджанова, въ 1879 г. предъявили къ наслѣдникамъ скончавшейся въ 1875 г. жены Евгенія Гогиджанова Анастасіи Гогиджановой, по отцу Коркашвили, сестрамъ сей послѣдней, искъ по заемному письму Анастасіи Гогиджановой въ 6 т. р., срокомъ до востребованія, совершонному на имя ея мужа, Евгенія Гогиджанова, и засвидѣтельствованному нотаріальнымъ порядкомъ. Наслѣдники Анастасіи Гогиджановой возразили, что они отвергаетъ искъ по означенному заемному письму на томъ основаніи, что таковое не было Анастасіею Гогиджановою передано при жизни мужу, а нашлось въ числѣ другого движи-

маго ея имущества и послѣ ея смерти взято незаконно Евгеніемъ Гогиджановымъ и поэтому должно признаваться недѣйствительнымъ. Въ доказательство правильности своего объясненія о томъ, какимъ путемъ заемное письмо дошло къ Евгенію Гогиджанову, отвѣтчики сослались на свидѣтелей. Кутаисскій Окружный Судъ, по спросѣ свидѣтелей, опредѣлилъ: взыскать съ наслѣдниковъ Анастасіи Гогиджановой 6 т. р. съ процентами. Это рѣшеніе было обжаловано въ Тифлисскую Судебную Палату. Судебная Палата нашла: что при спорѣ отвѣтчицъ противъ правильности перехода къ истцевой сторонѣ заемнаго обязательства показанія свидѣтелей, разъясняющихъ обстоятельства, сопровождавшія совершеніе и передачу обязательства, могутъ имѣть значеніе и могутъ быть приняты въ соображеніе при рѣшеніи. Спрошенные свидѣтели всѣ, кромѣ одного (Гиго Тохадзе), показывали со словъ самого кредитора Евгенія Гогиджанова, а потому показанія ихъ, по мнѣнію Палаты, не могутъ имѣть особаго значенія; но свидѣтель Гиго Тохадзе удостовѣряетъ фактъ, имъ самимъ видѣнный, фактъ отысканія заемнаго обязательства уже послѣ смерти Анастасіи Гогиджановой въ ея сундукѣ. Нашедшій обязательство мужъ умершей, Евгеній Гогиджановъ, самъ не зналъ о существованіи того обязательства, что видно изъ того же показанія Тохадзе, удостовѣряющаго, что Евгеній Гогиджановъ тутъ же разспрашивалъ свою невѣстку о томъ, когда составлено это обязательство. Такимъ образомъ, это показаніе, которому Палата даетъ полную вѣру, доказываетъ, что обязательство, написанное Анастасіею Гогиджановою при жизни ея, не было передано мужу ея и оставалось въ ея сундукѣ, о чемъ мужъ ея до самаго отысканія обязательства вовсе не зналъ. По закону актъ займа совершается передачей изъ рукъ въ руки, отъ должника заимодавцу, долгового обязательства, точно также какъ при исполненіи обязательства актъ займа возвращается должнику (2050 ст. X Т. 1 ч.). Такимъ образомъ, заемное обязательство, возвращенное ли должнику или вовсе не переданное имъ кредитору, и находящееся въ рукахъ самого должника, не составляетъ доказательства долга и не влечетъ за собою обязанности удовлетворить по оному то лицо, на имя котораго обязательство написано. Исходя изъ этого правила и примѣняя его къ дѣлу, окажется, что Анастасія Гогиджанова, написавъ на имя мужа заемное обязательство, оставила его при себѣ и при жизни своей сама его мужу своему не передала, и оно отыскано въ ея же собственномъ сундукѣ. Не переданное, такимъ образомъ, заемное письмо ея не составляетъ и нынѣ доказательства ея долга и не влечетъ за собою обязанности ея или ея наслѣдниковъ удовлетворить это обязательство, которое не состоялось и не передано кредитору. По симъ основаніямъ Судебная Палата, руководствуясь 366, 456 и 868 ст. Уст. Гр. Суд., опредѣлила: въ искѣ наслѣдникамъ Евгенія Гогиджанова отказать. Одна изъ наслѣдницъ Евгенія Гогиджанова, Наталья Гогиджанова, въ кассаціонной жалобѣ проситъ рѣшеніе Палаты, по нарушенію 409 ст. Уст. Гражданск. Судопроизводства и 2057 ст. Т. X ч. I Свод. Зак., отмѣнить. Гогиджанова, объясняя, что она согласна съ заключеніемъ Палаты, что заемное письмо воспринимаетъ свою силу лишь со времени поступленія онаго въ руки кредитора, доказываетъ, что, въ виду 2057 ст. Т. X ч. I, заемное письмо Анастасіи Гогиджановой могло быть признано недѣйствительнымъ лишь при соблюденіи означеннаго въ этой статьѣ порядка, а какъ сего сдѣлано не было, то Палата не могла разрѣшать дѣла на основаніи одного свидѣтельскаго показанія Тохадзе, какъ въ силу того значенія, которое придаетъ законъ документу, совершонному нотаріальнымъ порядкомъ, такъ и потому, что показанію Тохадзе нельзя придать вѣры по изложеннымъ въ кассаціонной жалобѣ обстоятельствамъ.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ 2057 ст. I ч. X Т. указывается только порядокъ, въ какомъ крѣпостное или домашнее заемное письмо, если оно зачѣмъ-либо не состоится, можетъ быть подвергнуто уничтоженію, но ни въ этой статьѣ, ни въ другихъ статьяхъ Гражданскихъ Законовъ нѣтъ указанія на то, чтобы заемное письмо, относительно котораго этотъ порядокъ уничтоженія не былъ соблюденъ, признавалось безусловно обязательнымъ для лица,

отъ имени котораго оно составлено и которымъ подписано, и чтобы это лицо или его правопреемники по имуществу, несмотря на имѣющіяся у нихъ доказательства о недѣйствительности заемнаго акта, лишались по одному несоблюденію предписанной 2057 ст. Т. X ч. I формальности права доказывать предъ судомъ необязательность такого рода акта. Напротивъ, по 1 ст. Уст. Гр. Суд., всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разбирательству судебныхъ мѣстъ. На семъ основаніи, и споръ о необязательности, по какимъ бы то ни было причинамъ, заемнаго акта подлежитъ разсмотрѣнію суда, и отъ сего послѣдняго зависитъ, по обсужденіи приведенныхъ въ подкрѣпленіе такого спора доказательствъ, произнести сужденіе о степени основательности спора. Изъ сего слѣдуетъ, что Судебная Палата, войдя, несмотря на то, что относительно заемнаго письма Анастасіи Гогиджановой не былъ соблюденъ предписанный въ ст. 2057 порядокъ для его уничтоженія, въ разсмотрѣніе того, можетъ ли это заемное письмо, на основаніи обнаружившихся по дѣлу данныхъ, признаваться дѣйствительнымъ и для наслѣдниковъ Анастасіи Гогиджановой обязательнымъ, ни въ чемъ не нарушила 2057 ст. Т. X ч. I. Палата допустила, согласно просьбѣ наслѣдниковъ Анастасіи Гогиджановой, спросъ указаннаго имъ свидѣтеля, Тохадзе, не въ опроверженіе содержанія заемнаго письма, а въ разъясненіе того, когда и какимъ путемъ этотъ документъ перешелъ къ мужу Анастасіи Гогиджановой, Евгенію Гогиджанову. Приведеніе въ извѣстность такого рода обстоятельства, по 409 ст. Уст. Гр. Суд., допустимо чрезъ свидѣтелей, и посему ст. 409 равнымъ образомъ не представляется нарушенною Палатою. Опредѣленіе достовѣрности показанія свидѣтелей, а равно окончательный выводъ, дѣлаемый судомъ изъ этихъ показаній, составляетъ существо дѣла, которое, за силою 12 ст. Учр. Кас. Д въ, не подлежитъ повѣркѣ при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ. Посему указаніе просительницы на то, что Палата не должна была давать вѣры показанію свидѣтеля Тохадзе по описываемымъ въ кассаціонной жалобѣ обстоятельствамъ, не можетъ быть предметомъ обсужденія Правительствующаго Сената. Вслѣдствіе сего и въ виду того, что сама просительница признаетъ, что заемное письмо, по закону, воспринимаетъ силу лишь съ переходомъ къ тому лицу, на имя котораго оно писано, и что Палатою установлено, что такого перехода заемнаго письма Анастасіи Гогиджановой къ Евгенію Гогиджанову при жизни Анастасіи Гогиджановой не было, Правительствующій Сенатъ не находитъ законныхъ основаній къ отмѣнѣ рѣшенія Палаты, а потому ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: кассаціонную жалобу Натальи Гогиджановой, оставить, на основаніи 793 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

138.—1882 г. ноября 10 дня. *По прошенію повѣреннаго голландскаго подданнаго Готлиба Теодора фонъ Оверклитъ Брауэра и коллежскаго ассесора Августа Бибера, прис. повѣр. Вершина, объ отмѣнѣ опредѣленія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. П. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора П. Н. Грешищевъ).

6 мая 1880 года въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ состоялось рѣшеніе по иску Вильгельма и Карла Геккеровъ къ французскому подданному Карлу Биберу о недѣйствительности духовнаго завѣщанія французскаго подданнаго Альфонса Бибера о домѣ въ С.-Петербургѣ 8 іюня 1880 г. отвѣтчикъ Карлъ Биберъ умеръ, а 17 іюля повѣренный Геккеровъ обратился въ Окружный Судъ съ прошеніемъ объ объявленіи рѣшенія Суда, состоявшагося упомянутаго 6 го мая, французскому консулу. Вслѣдствіе сего прошенія, была послана французскому консулу повѣстка С. Петербургскаго Окружнаго Суда съ копіею рѣшенія 6 мая, которая 5 августа принята для передачи консулу, Францемъ Рутле. Между тѣмъ, въ С. Петербургскій Окружный Судъ было представлено духовное завѣщаніе Карла Бибера, которое утверждено Судомъ 28 ноября, послѣ чего наслѣдники по этому завѣщанію, Августъ Биберъ и Готлибъ Брауверъ, принесли 20 декабря того же го-

да апелляціонную жалобу на рѣшеніе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 6 мая по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Альфонса Бибера. Вслѣдствіе возбудившагося въ С. Петербургской Судебной Палатѣ вопроса о принятіи этой апелляціонной жалобы, Палата нашла: 1) что 751 ст. Уст. Гр. Судопр. пріостанавливаетъ теченіе апелляціоннаго срока до объявленія рѣшенія опекуну или наслѣднику, какъ представителямъ умершаго тяжущагося; 2) что 751 ст. выражаетъ собою общее правило, примѣнимое лишь настолько, насколько оно не измѣняется особыми правилами, спеціально для извѣстныхъ случаевъ и дѣлъ установленными; 3) что для наслѣдствъ, остающихся послѣ французскихъ подданныхъ въ Россіи, установлены особыя правила въ заключенной между Россіею и Франціею 20 марта 1874 г. конвенціи; 4) что въ силу 6 и 9 ст. этой конвенціи французскій консулъ принимаетъ всѣ мѣры охраненія имущества умершаго французскаго подданнаго, вступаетъ въ завѣдываніе онымъ, есть представитель наслѣдниковъ, является для защиты ихъ интересовъ по всякому относящемуся до открывшагося наслѣдства дѣлу, отыскивая ихъ права и отвѣчая по простираемымъ къ нимъ искамъ; 5) что, по 4 и 11 ст. конвенціи, мѣстная власть обязана передать консульской власти все наслѣдство, и это дѣлается немедленно (ст. 2); 6) что въ конвенціи не постановлено, чтобы эти права и обязанности консула не имѣли мѣста и чтобы всѣ дѣйствія консула теряли свое значеніе и обязательность, если наслѣдникомъ умершаго французскаго подданнаго окажется не его соотечественникъ, а подданный другого государства; 7) что устраненіе мѣстной власти отъ распоряженія наслѣдствомъ, оставшимся послѣ француза, дѣлаетъ невозможнымъ учрежденіе надъ этимъ имуществомъ опекунскаго управленія; 8) что посему французскій консулъ Баяръ до вступленія наслѣдниковъ на Карла Бибера въ свои права является законнымъ представителемъ правъ умершаго, а слѣдовательно, Судъ имѣлъ полное основаніе объявить ему свое рѣшеніе по 751 ст. Уст. Гр. Суд., съ цѣлью возстановить теченіе апелляціоннаго срока; 9) что принятіе французскимъ консуломъ Баяромъ повѣстки, съ приложенными къ оной копіями съ рѣшенія Суда и съ прошенія повѣреннаго Геккеровъ объ объявленіи этого рѣшенія, свидѣтельствуетъ о томъ, что ему, консулу, по крайней мѣрѣ 5 августа 1880 г. стало извѣстно о смерти Карла Бибера и о томъ, что онъ, какъ консулъ, становится хранителемъ имущества умершаго и представителемъ его наслѣдниковъ и обязанъ отвѣчать по иску Геккеровъ; 10) что всѣ дѣйствія консула, а въ томъ числѣ и принятіе повѣстки Окружнаго Суда, какъ обязательныя по отношенію къ наслѣдству, обязательны и для наслѣдниковъ Бибера, независимо отъ способа и времени полученія ими наслѣдства; 11) что посему теченіе пріостановившагося для Карла Бибера апелляціоннаго срока возобновилось съ 5 августа 1880 г. и затѣмъ четырехмѣсячный, по 748 ст., срокъ истекъ 17 ноября, апелляціонная же жалоба повѣреннаго наслѣдниковъ Бибера принесена 20 декабря 1880 г. А потому С. Петербургская Судебная Палата оставила апелляціонную жалобу Августа Бибера и Готлиба Теодора фонъ-Оверклитъ Браувера безъ разсмотрѣнія. На это опредѣленіе С. Петербургской Судебной Палаты повѣреннымъ Августа Бибера и Готлиба Браувера, присяжнымъ повѣреннымъ Веригинымъ, принесена кассаціонная жалоба, а противъ этой кассаціонной жалобы повѣреннымъ Геккеровъ, присяжнымъ повѣреннымъ Шванебахомъ, представлено письменное объясненіе.

По разсмотрѣніи этого дѣла и по выслушаніи словесныхъ объясненій повѣренныхъ сторонъ и заключенія Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по закону (751 ст. Устава Гражд. Суд.), въ случаѣ смерти тяжущагося до окончанія принадлежащаго ему апелляціоннаго срока, теченіе сего срока пріостанавливается, до объявленія рѣшенія, по просьбѣ противной стороны, опекуну, назначенному къ оставшемуся имѣнію, или же лицамъ, утвержденнымъ въ правахъ наслѣдства послѣ умершаго. Изъ настоящаго производства видно, что рѣшеніе С. Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 6 мая 1880 г., на которое принесена апелляціонная жалоба наслѣдниками французскаго подданнаго Карла Бибера, было объявлено 6 августа того года, по случаю смерти сего послѣдняго, французскому консулу. Слѣдо-

вательно, для опредѣленія того, подана ли эта жалоба въ установленный законами срокъ, или по истеченіи онаго, необходимо разрѣшить, какое значеніе для наслѣдниковъ Карла Бибера, изъ коихъ одинъ русскій, а другой голландскій подданные, должно имѣть объявленіе рѣшенія 6 мая 1880 г. французскому консулу, т.-е. слѣдуетъ ли признать время этого объявленія французскому консулу началомъ возстановленія теченія апелляціоннаго срока для означенныхъ наслѣдниковъ Карла Бибера, одного русскаго, а другого голландскаго подданныхъ. Въ 9 статьѣ конвенціи о наслѣдствахъ, заключенной между Россіею и Франціею 20 марта—1 апрѣля 1874 г., сказано: во всѣхъ дѣлахъ по открытію, завѣдыванію и ликвидаціи наслѣдствъ, остающихся въ одномъ изъ договаривающихся государствъ послѣ подданнаго другого, генеральные консулы, консулы и вице консулы той и другой державы суть, въ силу своего званія, представители наслѣдниковъ и официально признаются за повѣренныхъ этихъ наслѣдниковъ, не будучи обязаны удостовѣрить такое полномочіе особымъ актомъ. Поэтому они могутъ или лично, или чрезъ повѣренныхъ, избранныхъ ими изъ лицъ, имѣющихъ на то, по законом страны, право, являться предъ подлежащими властями для защиты, по всякому относящемуся до открывшагося наслѣдства дѣлу, интересовъ наслѣдниковъ, отыскивая ихъ права или отвѣчая по простираемымъ къ нимъ искамъ. Само собою разумѣется, однако, что генеральные консулы, консулы и вице консулы, признаваемые за повѣренныхъ своихъ соотечественниковъ, отнюдь не могутъ быть привлекаемы лично, въ качествѣ стороны, къ дѣлу, касающемуся наслѣдства. Изъ буквальнаго смысла этого международнаго акта, не возбуждающаго никакого сомнѣнія, очевидно, что консулы признаются за повѣренныхъ своихъ соотечественниковъ и что, слѣдовательно, именно въ виду этого ихъ значенія предоставляется имъ являться предъ подлежащими властями для защиты, по всякому относящемуся до открывшагося наслѣдства дѣлу, интересовъ наслѣдниковъ, отыскивая ихъ права или отвѣчая по простираемымъ къ нимъ искамъ. Само собою разумѣется, что повѣренный можетъ защищать права и интересы только тѣхъ лицъ, права и интересы которыхъ ему ввѣрены, а не постороннихъ для него лицъ, слѣдовательно, и консулъ, признаваемый за повѣреннаго своихъ соотечественниковъ, можетъ защищать, въ силу своего званія, права и интересы лишь сихъ послѣднихъ, а не права и интересы постороннихъ для него подданныхъ другихъ государствъ. Поэтому и объявленіе консулу рѣшенія суда можетъ имѣть значеніе только для тѣхъ лицъ, повѣреннымъ которыхъ онъ признается, но не можетъ и не должно имѣть никакого значенія для постороннихъ ему и несостоящихъ съ нимъ ни въ какихъ юридическихъ отношеніяхъ иностранныхъ подданныхъ. Въ виду сего объявленіе рѣшенія С. Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 6 мая 1880 г. о духовномъ завѣщаніи Альфонса Бибера французскому консулу не можетъ имѣть никакого значенія для постороннихъ этому консулу русскаго поданнаго Августа Бибера и голландскаго подданнаго Браувера и, слѣдовательно, для нихъ объявленіемъ симъ вовсе не возстановлялось теченіе апелляціоннаго срока, пріостановленнаго смертію Карла Бибера. Вслѣдствіе сихъ соображеній, признавая противное сему сужденіе С. Петербургской Судебной Палаты несогласнымъ съ 9 статьею конвенціи о наслѣдствахъ, заключенной между Россіею и Франціею 20 марта—1 апрѣля 1874 г., Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: означенное опредѣленіе С.-Петербургской Судебной Палаты, по нарушенію 9 ст. конвенціи о наслѣдствахъ, заключенной между Россіею и Франціею 20 марта—1 апрѣля 1874 г., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой д тъ той же Судебной Палаты.

139.—1882 года ноября 10 го дня. *По прошенію повѣреннаго князя Николая Мингрельскаго, присяжнаго повѣреннаго Бодина Якулова, объ отмѣнѣ опредѣленія Тифлисской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. П. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. К. Фриде; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. Н. Гречищевъ).

Повѣренный князя Николая Мингрельскаго 23 октября 1879 г. подалъ въ Кутаисскій Окружный Судъ исковое прошеніе, въ коемъ объяснилъ, что

въ Кутаисской губерніи, по линіи Поти-Тифлисской желѣзной дороги, между г. Поти и станціей Ново Сенаки, по обѣимъ сторонамъ полотна желѣзной дороги, находится громадное пространство лѣса, принадлежащее князю Николаю Мингрельскому. До постройки дороги лѣса эти составляли одну изъ крупныхъ доходныхъ статей; съ проведеніемъ полотна желѣзной дороги почти все упомянутое пространство лѣса залилось водою, вслѣдствіе чего образовались сплошныя болота, уничтожающія всякую возможность эксплоатировать лѣса, не говоря уже о міазмахъ, которые заражаютъ всѣ окрестныя города и селенія. До проведенія полотна дороги всѣ снѣговыя и дождевыя воды стекали съ одной стороны въ рѣку Циву, съ другой въ Ріонъ, съ устройствомъ же насыпи для полотна, вслѣдствіе недостаточнаго числа трубъ, вода задерживается и, застаиваясь на цѣлые десятки квадратныхъ верстъ, превращаетъ всю мѣстность въ непроходимыя болота. Большая часть строевыхъ деревьевъ высохла, а остальныя высыхаютъ и вмѣстѣ съ землею дѣлаются негодными къ употребленію; вывозка сдѣлалась совершенно невозможною; жители, проживавшіе на болѣе высокихъ мѣстахъ, принуждены были оставить свои дома и переселиться въ другія мѣста; до сего времени насчитывается переселившихся 8 дымовъ крестьянъ, платившихъ арендной платы по 100 руб. въ годъ; затопленіе усиливается еще тѣмъ, что по берегу рѣки Ріона устроена проѣздная дамба, почему дождевыя воды не имѣютъ въ рѣку Ріонъ стока, даже старый Цивскій каналъ забитъ насыпью, помимо того, что въ полотнѣ дороги не сдѣлано ни трубы, ни лотка. Предъявляя къ обществу Поти Тифлисской желѣзной дороги искъ, повѣренный имѣлъ въ виду лишь участокъ, безспорно принадлежащій князю Мингрельскому, который начинается съ четвертой версты отъ г. Поти и продолжается сплошь до стараго Цивскаго канала. На основаніи § 1 го Высочайше утвержденныхъ 7 апрѣля 1870 года дополнительныхъ условій къ концессіи на Поти-Тифлисскую желѣзную дорогу, компанія дороги является отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ работы, которыя могутъ нарушить чьи бы то ни было интересы. На основаніи изложеннаго и руководствуясь 213, 220 ст. Уст. Гр. Судопр., 574, 684 и 685 ст. Т. X. ч. I, повѣренный просилъ, признавъ отвѣтственнымъ общество Поти-Тифлисской желѣзной дороги: во-1 хъ) произвести осмотръ мѣстности и потребовать заключенія свѣдущихъ людей какъ о причинахъ затопленія имѣнія князя Мингрельскаго, такъ и о мѣрахъ для устраненія причинъ затопленія и о томъ, нанесено ли и наноситъ ли затопленіе это ущербъ имѣнію; во-2 хъ) обязать общество, для устраненія причинъ затопленія, устроить какъ въ проѣзжей дамбѣ по берегу Ріона, такъ и въ полотнѣ желѣзной дороги по всему протяженію, начиная съ четвертой версты отъ г. Поти до Цивскаго канала, необходимое количество трубъ, лотковъ и другихъ сооруженій; въ 3-хъ) опредѣлить срокъ, въ теченіе котораго должны быть произведены работы, предоставивъ кн. Мингрельскому право работы эти произвести на счетъ общества, ели таковыя не будутъ выполнены къ сроку; въ 4 хъ) признать за кн. Мингрельскимъ право на требованіе вознагражденія за убытки, предоставивъ ему, на основаніи ст. 896 Уст. Гр. Суд., размѣръ таковыхъ доказывать въ порядкѣ исполнительнаго производства. Противъ иска повѣренный общества Закавказской желѣзной дороги, присяжный повѣренный Даниловъ, подалъ отвѣтъ, въ коемъ объяснилъ, что требованія истца должны во всей цѣлости относится къ другому отвѣтчику, къ правительству, такъ какъ земляное полотно построено бывшимъ управленіемъ Закавказской дороги, т.-е. правительствомъ, по проекту и профилямъ, утвержденнымъ министерствомъ путей сообщенія, и сдано обществу въ совершенной готовности. Дамба на рѣкѣ Ріонѣ построена по распоряженію Кутаисскаго губернскаго начальства, т. е. правительства, для предохраненія окружающей мѣстности отъ постоянныхъ наводненій, и если кн. Мингрельскому нанесены воображаемые убытки проведеніемъ полотна и устройствомъ дамбы, то съ искомъ своимъ онъ долженъ обратиться не къ обществу, а къ правительству. Общество приняло на себя отвѣтственность за работы и сооруженія въ техническомъ отношеніи, но не принимало на себя отвѣтственности за убытки, причиненные проведеніемъ полотна желѣзной дорги. Въ § 2 Высочайше утвержд. 16 ноября 1873 г. устава общества, между прочимъ, значится, что общество

обязуется производить улучшенія дороги, какія правительствомъ будутъ признаны нужными; подъ правительствомъ же уставъ разумѣетъ министерство путей сообщенія; по § 12 всѣ работы по сооруженіямъ на дорогѣ подчиняются надзору министерства, для чего и учреждается особая инспекція; разъ дорога открыта—никакая отвѣтственность за существованіе ея не можетъ быть возложена на общество. Князь Мингрельскій въ свое время получилъ удовлетвореніе за занятіе его земель подъ дорогу въ порядкѣ экспропріаціи; иного вознагражденія ему не можетъ уже причитаться, кромѣ возмещенія убытковъ, наносимыхъ неправильною эксплоатаціею дороги, если при этомъ не были соблюдены требуемыя закономъ (683 ст. Т. X ч. I) мѣры предосторожности; претензія на образованіе болотъ уже и потому суду неподсудна, что судъ не имѣетъ средствъ ни къ устраненію, ни къ осушенію ихъ; всякое новое сооруженіе можетъ быть возведено ни самимъ кн. Мингрельскимъ на счетъ общества, ни обществомъ по собственному почину, а исключительно министерствомъ путей сообщенія въ порядкѣ, опредѣленномъ концессіею и уставомъ. На основаніи изложеннаго Даниловъ просилъ уважить отводы, въ противномъ же случаѣ въ искѣ кн. Мингрельскому отказать. Въ засѣданіи Суда повѣренный истца, поддерживая исковое требованіе и представивъ копію съ отношенія управленія Закавказской желѣзной дороги отъ 30 ноября 1870 г. за № 1350, на имя Кутаисскаго Окружнаго Суда и подлинное отношеніе правленія общества Поти-Тифлисской желѣзной дороги отъ 24 февраля 1876 г. № 162, на имя кн. Николая Мингрельскаго, объяснилъ, что начальникъ управленія Закавказской желѣзной дороги, по подобному дѣлу Бердзеновыхъ и кн. Кочакидзе, признавалъ что оно болѣе не касается правительства, всѣ обязанности котораго прекратились, и что правленіе общества Поти Тифлисской дороги нашло, что лѣсъ кн. Мингрельскаго совершенно высохъ чрезъ неправильную постройку полотна. Повѣренный общества, представивъ: копію съ рѣшенія Тифлисской Судебной Палаты 25 мая 1877 года по дѣлу Когана, концессію на линію желѣзной дороги отъ Поти до Тифлиса 25 іюня 1867 года съ дополнительными условіями къ ней, объяснилъ, что земляное полотно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится лѣсъ кн. Мингрельскаго и значительно далѣе къ Тифлису, строилось въ 1865 и 1866 годахъ и окончено къ 1870 году по проекту и профилямъ, утвержденнымъ намѣстникомъ Кавказскимъ, каковое полотно при передачѣ правительствомъ обществу работъ было въ готовности; что земляныя дамбы по берегамъ рѣкъ Ріона и Цивы устроены въ 1867 и 1868 годахъ правительствомъ; что Тифлисская Судебная Палата по дѣлу Когана нашла, что общество не можетъ отвѣчать за работы, произведенныя по желѣзной дорогѣ до 1 ноября 1869 года,—посему, настаивая на отводѣ, просилъ признать таковой уважительнымъ. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Окружный Судъ нашелъ, что общество Поти Тифлисской желѣзной дороги, принявъ на себя за извѣстную сумму довершеніе земляныхъ работъ и искусственныхъ сооруженій, приняло на себя и полную отвѣтственность за работы и сооруженія, какъ произведенныя, такъ и остающіяся къ производству. Отвѣтствовать за произведенныя работы не значитъ отвѣтствовать за послѣдствія и результаты этихъ работъ, но подъ этимъ слѣдуетъ понимать техническую сторону дѣла. Отвѣтственность же общества за убытки и ущербъ передъ третьими лицами не вытекаетъ ни изъ буквальнаго смысла, ни изъ существа условій. Переходя къ даннымъ, представленнымъ повѣреннымъ общества въ доказательство основательности отвода, Судъ нашелъ, что, по § 4 концессіи 25 іюня 1867 года, всѣ работы по устройству земляного полотна, мостовъ и искусственныхъ сооруженій дороги должны быть совершенно окончены правительствомъ къ 1 января 1870 года, по § 30 концессіи, до открытія всей дороги или части оной, общество входитъ съ прошеніемъ къ намѣстнику Кавказскому объ освидѣтельствованіи готоваго участка, для удостовѣренія, произведены ли работы согласно утвержденнымъ проектамъ. Наконецъ изъ удостовѣренія Поти Тифлисской дороги видно, что полотно по проекту и поперечнымъ профилямъ, утвержденнымъ намѣстникомъ Кавказскимъ, было въ совершенной готовности при передачѣ правительствомъ обществу работъ на протяженіи 118 верстъ отъ гор. Поти до станціи Квирилы, между тѣмъ, имѣніе князя

Мингрельскаго отстоитъ отъ г. Поти не болѣе 20 верстъ. По симъ основаніямъ, руководствуясь 3 п. 571 ст. Уст. Гр. Суд., Окружный Судъ 5 сентября 1880 г. опредѣлилъ: признавъ уважительнымъ отводъ, предъявленный повѣреннымъ общества Поти Тифлисской желѣзной дороги, настоящее дѣло прекратить производствомъ. Въ частной жалобѣ, принесенной въ Судебную Палату, повѣренный истца повторилъ прежніе свои доводы, объясняя, что, на основаніи ст. 574 и 684 X Т., всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные его дѣяніемъ или упущеніемъ; общество пользуется и владѣетъ желѣзною дорогою, а потому обязано устроить свое пользованіе такъ, чтобы оно никому не наносило ущерба, а въ противномъ случаѣ вознаградить за ущербъ. Отвѣтственность общества опредѣлена § 1 дополнительныхъ правилъ къ концессіи, гдѣ вовсе не сказано, что таковая не существуетъ лишь въ техническомъ отношеніи, какъ выводятъ отвѣтчикъ и Окружный Судъ. Наконецъ, Судъ упустилъ изъ виду представленную къ дѣлу копію отношенія правленія общества Закавказской желѣзной дороги отъ 30 ноября 1870 г. № 1350, въ которомъ само правленіе признало себя отвѣтственнымъ передъ княземъ Мингрельскимъ за ущербъ, причиненный затопленіемъ лѣсовъ его. По симъ основаніямъ жалобщикъ просилъ предписать Суду войти въ разсмотрѣніе иска по существу. Выслушавъ словесныя объясненія повѣренныхъ обѣихъ сторонъ и обращаясь прежде всего къ отводу о неподсудности настоящаго дѣла вообще судебнымъ установленіямъ на томъ основаніи, что кн. Мингрельскій при отчужденіи части лѣсовъ подъ полотно желѣзной дороги получилъ еще $^1/_5$ долю таковой въ видѣ вознагражденія за причиненные ему убытки (ст. 590 X Т.), Палата нашла, что приведенная статья закона имѣетъ въ виду нормальные убытки, причиняемые вообще экспропріаціею, къ категоріи которыхъ не подходитъ непредвидѣнный убытокъ отъ затопленія лѣсовъ, вслѣдствіе стѣсненія полотномъ желѣзной дороги естественнаго стока водъ. Переходя къ отводу, заявленному на основаніи 3 пун. 571 ст. Уст. Гражд. Судопр., Палата находитъ, что ссылка жалобщика на отношеніе 30 ноября 1870 года за № 1350 основана на явной ошибкѣ: означенная бумага исходила отъ главнаго управленія намѣстника Кавказскаго по управленію Закавказскою желѣзною дорогою, а не отъ правленія общества Поти-Тифлисской желѣзной дороги, которое поэтому и не могло сдѣлать въ ней никакого признанія; независимо того, главное управленіе въ означенномъ отношеніи, устраняя отъ себя отвѣтственность по иску Бердзеновыхъ и кн. Кочакидзе, не упоминало о настоящемъ дѣлѣ. Остается предположить, что жалобщикъ хотѣлъ сослаться на отношеніе правленія къ кн. Мингрельскому отъ 24 февраля 1876 года № 162, коимъ предписано управляющему дорогою произвести осмотръ и оцѣнку лѣса кн. Мингрельскаго, по заявленію его, высохшаго вслѣдствіе неправильной постройки полотна дороги. Но съ одной стороны и въ этой бумагѣ не усматривается никакого прямого признанія, съ другой же—признаніе имѣетъ значеніе доказательства къ вопросамъ фактическимъ и не можетъ служить основаніемъ къ разрѣшенію вопросовъ юридическихъ. По существу жалоба истца не заслуживаетъ уваженія, ибо убытокъ, если причиненъ кн. Мингрельскому, то первоначально правительствомъ при постройкѣ полотна дороги отъ Поти до Квирилъ чрезъ лѣса истца, каковое полотно сдано обществу готовымъ на протяженіи 118 верстъ. Затѣмъ, хотя, на основаніи § 1 дополнительныхъ правилъ къ концессіи 7 апрѣля 1870 года, общество и приняло на себя довершеніе земляныхъ работъ, мостовъ и другихъ сооруженій съ отвѣтственностью за таковыя, но эта отвѣтственность, очевидно, относилась лишь къ технической сторонѣ сооруженій, то-есть къ соотвѣтствію ихъ утвержденнымъ планамъ и профилямъ. Правильность этого толкованія подтверждается тѣмъ, что правленіе общества было стѣснено въ своей свободѣ дѣйствій преподанными ему образцами и не имѣло права производить никакихъ новыхъ сооруженій, хотя бы въ огражденіе интересовъ частныхъ лицъ, безъ разрѣшенія министерства путей сообщенія, на точномъ основаніи ст. 705 I ч. XII Т., подтвержденной министерскимъ циркуляромъ 1871 года № 735, вошедшимъ въ предъявленный Даниловымъ сборникъ министерскихъ постановленій. Засимъ и на основаніи общаго закона (ст. 684 X Т.) общество

подлежитъ освобожденію отъ отвѣтственности за убытки, причиненные частнымъ лицамъ такими сооруженіями его, которыя сдѣланы имъ по требованію правительства. По симъ соображеніямъ, признавая опредѣленіе Суда правильнымъ, Палата опредѣлила: частную жалобу кн. Николая Мингрельскаго оставить безъ послѣдствій. Въ кассаціонной жалобѣ на означенное опредѣленіе повѣренный кн. Мингрельскаго указываетъ: во 1) на то, что постановленіе Палаты подлежитъ обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ онымъ довѣрителю его окончательно преграждается возможность предъявленія иска къ обществу Закавказской желѣзной дороги, а потому, признавая во-2-хъ) опредѣленіе Палаты постановленнымъ съ нарушеніемъ § 1 Высочайше утвержденныхъ дополнительныхъ условій къ концессіи Поти-Тифлисской дороги, а равно съ нарушеніемъ ст. 684 X Т. ч. I и ст. 705 Т. XII Св. Зак. и ходатайствуя на этомъ основаніи объ отмѣнѣ частнаго опредѣленія Палаты, повѣренный истца указываетъ нарушеніе 1 § въ томъ, что Палата признала, что отвѣтственность общества ограничивается лишь отвѣтственностью за техническую часть работъ, тогда какъ въ приведенномъ параграфѣ ясно сказано, что общество принимаетъ на себя полную отвѣтственность за всѣ работы и сооруженія, какъ произведенныя, такъ и остающіяся къ производству, и затѣмъ всѣ обязанности по нимъ правительства прекращаются, кромѣ инспекторскаго надзора за правильнымъ и прочнымъ производствомъ сихъ работъ обществомъ. Толкованіе Палаты не оправдывается 705 ст. I ч. XII Т., такъ какъ законъ, установляя надзоръ правительства за правильностью и прочностью сооруженій желѣзной дороги, не исключаетъ возможности устраненія въ существующемъ полотнѣ и дамбѣ причинъ затопленія лѣсныхъ участковъ кн. Мингрельскаго устройствомъ надлежащаго количества трубъ для стока воды, и въ этомъ случаѣ правительство, по праву инспекторскаго надзора, можетъ слѣдить и требовать, чтобы трубы или другія сооруженія для стока воды были устроены такъ, чтобы сооруженія эти не вредили полотну дороги. Вопросъ же о томъ, возможны ли подобныя сооруженія безъ ущерба для дороги—вопросъ факта, который долженъ быть разрѣшенъ экспертизою. Неправильность толкованія 1 § дополнительныхъ условій и неправильное примѣненіе къ дѣлу 705 ст. Т. XII ч. I повело и къ нарушенію 684 ст. I ч. X Т., выразившемуся въ томъ, что планы и проекты желѣзной дороги, по которымъ должна была строиться дорога, приравнены къ требованіямъ правительства, о которыхъ упоминается въ 684 ст. Т. X ч. I

Выслушавъ объясненія повѣренныхъ: истца, кн. Мингрельскаго—присяжнаго повѣреннаго кн. Мачабели и отвѣтчика общества Закавказской желѣзной дороги—присяжнаго повѣреннаго Михайлова, а равно заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію, заключается въ томъ, принадлежитъ ли опредѣленіе Тифлисской Судебной Палаты, на которое принесена кассаціонная жалоба, къ числу тѣхъ частныхъ опредѣленій, которыя, на основаніи 792 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства, могутъ быть обжалованы въ кассаціонномъ порядкѣ. Въ семъ отношеніи Правительствующій Сенатъ находитъ, что опредѣленіемъ Правительствующаго Сената отъ 1-го ноября 1874 года за № 696 по дѣлу Кирьянова съ Степанниковой, а затѣмъ и многими другими, уже разъяснено, что всякое постановленіе апелляціонной инстанціи, хотя-бы оно не принадлежало къ числу рѣшеній, можетъ быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ, если этимъ постановленіемъ разрѣшенъ окончательно вопросъ о чьемъ-либо правѣ и тѣмъ заканчивается судебное производство по данному вопросу. Прилагая это правило къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, не отказавъ постановленіемъ отъ 15 и 19-го мая 1881 года князю Мингрельскаго вообще въ судебной защитѣ и въ правѣ предъявить искъ, Судебная Палата не менѣе того отказала повѣренному истца въ правѣ предъявленія иска къ тому отвѣтчику, который указанъ въ исковомъ прошеніи, и, такимъ образомъ, устранивъ отъ обсужденія Суда по существу то исковое прошеніе, которое подано въ Кутаисскій Окружный Судъ 23 го октября 1879 года, разрѣшила производство, возникшее вслѣдствіе того прошенія, окончательно

такъ-что если означенное опредѣленіе Судебной Палаты вошло бы въ окончательную законную силу, то единственный способъ къ полученію удовлетворенія по тѣмъ убыткамъ, которымъ князь Мингрельскій подвергался вслѣдствіе проведеніи Поти Тифлисской, а нынѣ Закавказской желѣзной дороги, заключался бы въ предъявленіи новаго исковаго прошенія къ другому отвѣтчику; опредѣленія-же Суда, которыя должны имѣть подобное послѣдствіе, не могутъ быть изъяты отъ разсмотрѣнія Правительствующаго Сената въ кассаціонномъ порядкѣ. Если засимъ указаніе повѣреннаго Закавказской желѣзной дороги на то, что повѣренный князя Мингрельскаго обжаловалъ частное опредѣленіе Палаты, не подлежащее обсужденію Правительствующаго Сената, не заслуживаетъ уваженія, то, приступая къ разсмотрѣнію опредѣленія Тифлисской Судебной Палаты для разрѣшенія вопроса о томъ, правильно ли Тифлисская Судебная Палата отказала повѣренному князя Мингрельскаго въ принятіи къ своему разсмотрѣнію иска, предъявленнаго къ обществу Поти-Тифлисской, а нынѣ Закавказской желѣзной дороги, за обезцѣненіе его владѣнія, вслѣдствіе отсутствія въ полотнѣ и въ дамбахъ означенной дороги сооруженій для стока воды въ рѣки Циву и Ріонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что главнымъ основаніемъ къ признанію отвода, предъявленнаго повѣреннымъ отвѣтчика на основаніи 3 п. стат. 571 Устава Гражд. Судопроизв., заслуживающимъ уваженія послужило для Палаты то, что князь Мингрельскій въ исковомъ прошеніи заявилъ, что участокъ земли, безспорно принадлежащій ему, обезцѣненіе котораго и подало поводъ къ начатію дѣла, простирается отъ 4 версты отъ города Поти на протяженіи болѣе 10 квадратныхъ верстъ; между тѣмъ, Поти Тифлисская желѣзная дорога до станціи Квирилы, на протяженіи 118 верстъ, проведена, между прочимъ, чрезъ лѣса князя Мингрельскаго и устроена не обществомъ, къ которому предъявленъ искъ, а казною, и сдана обществу готовою на означенномъ протяженіи правительствомъ. Изъ сего положенія Палата выводитъ, что если князю Мингрельскому проведеніемъ дороги и устройствомъ полотна насыпи и дамбъ причинены убытки, то онъ можетъ взыскивать таковые только съ правительства, общество же Поти Тифлисской желѣзной дороги, какъ въ виду стат. 705 ч. 1 Т. XII, такъ равно и по § 1 дополнительныхъ условій къ концессіи, Высочайше утвержденной, можетъ отвѣтствовать по той части желѣзной дороги, которая устроена правительствомъ передана послѣднимъ обществу, только за несоотвѣтствіе техническихъ сооруженій, имъ предпринятыхъ, съ утвержденными правительствомъ и переданными, на основаніи § 2 дополнительныхъ условій, обществу планами и профилями. Таковое соображеніе Палаты, однако, оказывается неправильнымъ, ибо изъ буквальнаго смысла § 1 дополнительныхъ условій къ концессіи нельзя вывести того, чтобы общество Поти Тифлисской, а нынѣ Закавказской желѣзной дороги освобождалось правительствомъ отъ всякой отвѣтственности предъ частными лицами, имуществу которыхъ причиненъ ущербъ; изъ п. 2-го означеннаго §, напротивъ того, видно, что общество принимаетъ на себя полную отвѣтственность за всѣ работы и сооруженія какъ произведенныя, такъ и остающіяся къ производству, а затѣмъ всѣ обязанности по нимъ правительства прекращаются, кромѣ инспекторскаго надзора за правильнымъ и прочнымъ производствомъ сихъ работъ обществомъ. Независимо отъ сего, признаніе правильнымъ отвода, предъявленнаго повѣреннымъ общества на основаніи 3 п. ст. 571 Уст. Гр. Суд., представляется несогласнымъ и съ общими началами судопроизводства. Изъ дѣла видно, что князь Мингрельскій въ исковомъ прошеніи доказывалъ, что линіею Поти Тифлисской желѣзной дороги имуществу его причиняется убытокъ, и поэтому ходатайствовалъ предъ судомъ какъ объ установленіи этого факта, такъ и объ обязаніи общества принять мѣры къ устраненію того убытка на будущее время, а засимъ признать за нимъ право отыскивать убытки съ владѣльца желѣзной дороги. Таковой искъ, въ подтвержденіе правильности котораго истецъ сослался на ст. 213 Устава Гражданскаго Судопроизводства, не могъ быть устраненъ отъ разсмотрѣнія Суда, на основаніи п. 3 ст. 571 Уст. Гр. Суд., коль-скоро отвѣтчикомъ не заявлено, что не онъ состоитъ владѣльцемъ желѣзной дороги, проведеніе или существованіе которой признается княземъ Мингрельскимъ единственною при-

чиною приведенія принадлежащей ему недвижимости въ то положеніе, въ которомъ она нынѣ находится. Всякій искъ о возстановленіи владѣнія, вызванный, по мнѣнію истца, существованіемъ на чужой землѣ сооруженій, причиняющихъ истцу вредъ и убытки, независимо отъ того, будутъ ли при разсмотрѣніи дѣла по существу убытки и причина этихъ убытковъ доказаны или нѣтъ, только и можетъ быть предъявленъ къ настоящему владѣльцу имущества, причиняющаго вредъ и убытокъ. Устранять себя отъ отвѣта подъ тѣмъ предлогомъ, что въ томъ видѣ, въ какомъ имущество, причиняющее вредъ, существуетъ нынѣ, оно существовало и прежде и доведено до настоящаго положенія прежнимъ собственникомъ или владѣльцемъ, отъ котораго права собственности или владѣнія перешли къ настоящему хозяину, представляется несогласнымъ съ ст. 213 Уст. Гр. Суд., и ежели, на основаніи сдѣлокъ съ прежнимъ владѣльцемъ, новый владѣлецъ признаетъ, что вредныя для истца послѣдствія произошли отъ дѣйствія лица или учрежденія, которое передало ему свои права на извѣстную недвижимость, то ему, за силою 653 ст. Уст. Гр. Суд., не возбраняется привлечь это виновное, по его мнѣнію, лицо къ участію въ дѣлѣ, не устраняя себя отъ прямого отвѣта по иску, который только и могъ быть предъявленъ къ настоящему владѣльцу. Указаніе повѣреннаго Поти Тифлисской желѣзной дороги, а засимъ и Судебной Палаты, какъ на основаніе къ отказу князю Мингрельскому въ искѣ по смыслу п. 3 ст. 571 Уст. Гр. Суд., на ст. 684 Т. X ч. I, во время частнаго производства по отводу, представляется неосновательнымъ, ибо то обстоятельство, что всѣ тѣ сооруженія, которыя существуютъ на Поти Тифлисской желѣзной дорогѣ и наносятъ, по мнѣнію истца, ущербъ его имуществу, устроены правительствомъ или устроены обществомъ по требованію правительства независимо отъ того, что могло подать поводъ къ привлеченію правительства въ качествѣ третьяго лица, не освобождаетъ настоящаго владѣльца отъ обязанности устранить тѣ изъ сихъ сооруженій, которыя будутъ признаны судомъ наносящими и въ настоящее время частному лицу или сосѣднему владѣльцу убытокъ, и если при разрѣшеніи дѣла по существу судебное мѣсто и можетъ притти къ заключенію, что либо самый убытокъ, либо причина убытка не доказаны, либо что существующій и доказанный убытокъ относится къ числу такихъ убытковъ, которые неминуемо сопряжены съ устройствомъ подобнаго и всѣхъ подобныхъ разрѣшенныхъ правительствомъ сооруженій, то тѣмъ не менѣе таковой выводъ суда есть уже выводъ по существу дѣла, который съ вопросомъ о правѣ на предъявленіе иска къ владѣльцу извѣстнаго имущества не имѣетъ ничего общаго, ибо отказъ въ принятіи къ разсмотрѣнію подобнаго иска, на основаніи п. 3 ст. 571 Уст. Гр. Суд., равносиленъ отказу въ принятіи къ разсмотрѣнію всякаго вообще иска, по той же ст. 571 Уст. Гр. Суд., на томъ основаніи, что въ подтвержденіе исковыхъ требованій не представлено доказательствъ.

Всѣ вышеизложенныя соображенія приводятъ къ заключенію, что, отказавъ князю Мингрельскому въ принятіи къ разсмотрѣнію иска, предъявленнаго къ Поти Тифлисской, а нынѣ Закавказской желѣзной дорогѣ, и признавъ правильнымъ отводъ, предъявленный повѣреннымъ отвѣтчика по п. 3 ст. 571 Уст. Гр. Суд., на основаніи п. 1 дополнительныхъ условій къ концессіи желѣзной дороги и ст. 684 Т. X ч. I, Палата допустила неправильное примѣненіе означенныхъ законовъ къ настоящему дѣлу; а посему Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: обжалованное повѣреннымъ князя Мингрельскаго опредѣленіе Тифлисской Судебной Палаты, по нарушенію § 1 дополнительныхъ условій къ концессіи Поти Тифлисской желѣзной дороги и 684 ст. Т. X ч. I Св. Зак. Гр., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же Судебной Палаты.

140.—188? г. ноября 10 дня. *По прошенію повѣрен. графа Николая Потоцкаго, присяжн. пов. Ольшамовскаго, объ отмѣнѣ опредѣленія С. Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ: докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. И. Ягнъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. Н. Грѣшищевъ).

8 марта 1873 года состоялось въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ

*

заочное рѣшеніе о взысканіи съ графа Михаила Потоцкаго (вызывавшагося черезъ публикацію и неявившагося въ засѣданіе) въ пользу Александры Абазы, пріобрѣвшей право взысканія отъ Виктора Абазы, 75000 рублей, съ процентами съ 15 го января 1869 года по день платежа, неустойкою въ 2250 рублей и судебными и за веденіе дѣла издержками въ количествѣ 1790 руб. 27 коп. Рѣшеніе это было объявлено въ публикаціяхъ. 14 декабря того же года выданъ былъ Александрѣ Абазѣ исполнительный листъ. 27-го іюня 1874 года Алєксандра Абаза подала предсѣдателю гражданскаго суда департамента Сены, въ Парижѣ, прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, объяснила, что рѣшеніе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда 8 марта 1873 г. вошло въ законную силу, что оно подлежитъ исполненію во Франціи, такъ какъ графъ Потоцкій поселился во Франціи и перевелъ туда все свое состояніе и что поэтому она проситъ уполномочить ее на вызовъ гр. Потоцкаго въ судъ Сены, чтобы признать подлежащимъ исполненію означенное рѣшеніе во Франціи. Гражданскій судъ департамента Сены нашелъ, что рѣшенію не предшествовалъ личный вызовъ гр. Потоцкаго, но вызывался онъ тремя публикаціями; что рѣшеніе С.-Петербургскаго Суда состоялось вслѣдствіе умышленнаго и разсчитаннаго умолчанія истца о мѣстѣ жительства отвѣтчика, что противно какъ народному праву, такъ и русскому закону, а также противно главнымъ принципамъ французскаго закона относительно дѣйствительности судебныхъ рѣшеній, и что посему исполненіе рѣшенія С.-Петербургскаго Окружнаго Суда не можетъ быть допущено во Франціи. Вслѣдствіе сего 21-го іюня 1875 года постановилъ: признать исковое требованіе Александры Абазы неосновательнымъ, въ ономъ ей отказать и присудить ее къ издержкамъ. Въ мартѣ 1880 г. повѣренный Виктора Абазы, получившій обратно отъ Александры Абазы право взысканія съ гр. Потоцкаго присяжный повѣренный Кедринъ, просилъ С.-Петербургскій Окружный Судъ сообщить, согласно 281 ст. Уст. Гр. Судопроизводства, гр. Потоцкому чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ: а) копіи съ искового прошенія Абазы и со всѣхъ приложеній, по коему состоялось заочное рѣшеніе Окружнаго Суда отъ 8 го марта 1873 года, и б) копію съ его рѣшенія. Согласно резолюціи предсѣдательствующаго въ отдѣленіи, послана была повѣстка гр. Потоцкому въ Парижъ, въ которой значилось, что, на основаніи 310 ст. Уст. Граждан. Судопр., препровождается къ нему копія съ прошенія Кедрина и приложеній. Послѣ врученія ихъ гр. Потоцкому въ Парижѣ, повѣренный его, присяжный повѣренный Ольшамовскій, въ прошеніи, поданномъ въ Окружный Судъ 3 го апрѣля 1881 года, объяснилъ, что заочное рѣшеніе 8 марта 1873 года, объ исполненіи коего истецъ не просилъ въ установленномъ порядкѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, на основаніи 735 ст. Уст. Гр. Судопроизв., потеряло всякую силу, и потому просилъ въ искѣ Абазы отказать. С-Петербургскій Окружный Судъ нашелъ: 1) въ распоряженіи предсѣдательствующаго о сообщеніи гр. Потоцкому копій со всѣхъ состязательныхъ бумагъ и приложеній и копіи съ заочнаго рѣшенія, не основаннаго на 725 ст. Уст. Гр. Судопр., нельзя видѣть такого дѣйствія, которое давало бы право отвѣтчику на подачу отзыва на заочное рѣшеніе, да если бы предсѣдательствующимъ и была сдѣлана ссылка на 725 ст. Устава Гражданскаго Судопроизвод., то и тогда не могли для отвѣтчика возродиться права, не вытекающія изъ закона. Права эти опредѣлялись закономъ, дѣйствовавшимъ до обнародованія указа 17 го февраля 1878 года (новая редакція 725 и 728 ст. Уст. Гр. Судопроизвод., по продолж. 1879 г., на основаніи котораго заочное рѣшеніе, оглашенное чрезъ публикацію, считалось вступившимъ въ законную силу, если на него не было подано отвѣтчикомъ въ законный срокъ отзыва или апелляціи; 2) сообщеніе отвѣтчику копіи съ заочнаго рѣшенія не могло возвратить дѣло въ положеніе, предшествующее постановкѣ рѣшенія, ибо такой порядокъ вовсе не установленъ, и, само собою разумѣется, такое положеніе не могло возникнуть ни вслѣдствіе распоряженія предсѣдательствующаго, ни вслѣдствіе ходатайства истца о передачѣ отвѣтчику копій съ состязательныхъ бумагъ и заочнаго рѣшенія, и 3) ходатайство Абазы о приведеніи рѣшенія въ исполненіе во Франціи, заявленное въ установленномъ въ законѣ порядкѣ, должно считаться прерывающимъ означенный срокъ, несмотря на отказъ въ томъ

Сенскаго трибунала, ибо Абаза сдѣлалъ все, что требуется по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ для выраженія своего желанія о приведеніи заочнаго рѣшенія въ исполненіе, и ему никакъ нельзя поставить въ вину того обстоятельства, что французскій судъ не разрѣшилъ ему осуществить права, признанныя русскимъ судомъ. Вслѣдствіе сего Окружный Судъ призналъ заочное рѣшеніе 8-го марта 1873 года неутратившимъ силу и всѣ заявленія Потоцкаго незаслуживающими уваженія. Въ частной жалобѣ повѣренный гр. Потоцкаго присяжный повѣренный Ольшамовскій, противъ опредѣленія Окружнаго Суда приводилъ слѣдующіе доводы: 1) на ходатайство истца о врученіи копіи съ исковаго прошенія (281 ст. Устава Гражд. Судопр.) и на врученіе ея отвѣтчику судомъ (310 ст.) нужно смотрѣть не иначе, какъ на признаніе истцомъ и судомъ заочнаго рѣшенія потерявшимъ всякую силу, а дѣло возвратившимся въ то положеніе, въ которомъ оно находилось до рѣшенія; что вообще безцѣльнаго, безразличнаго для послѣдствій, вручения одной сторонѣ чрезъ судъ бумагъ отъ другой стороны допустить нельзя; что если и сообщена была отвѣтчику вмѣстѣ съ исковой и копія съ заочнаго рѣшенія, то, безъ сомнѣнія, послѣдняя не была сообщена съ цѣлью объявленія такового отвѣтчику (725 ст. Уст. Гр. Судопр.), ибо для этой цѣли она посылается непосредственно отъ суда, а не чрезъ судъ отъ истца и, согласно правилам'ъ, существовавшимъ до изданія новаго закона о заочныхъ рѣшеніяхъ (17 января 1878 г.), заочное рѣшеніе по данному рѣшенію сочтено уже было вступившимъ въ законную силу; 2) рѣшеніе 8 го марта 1873 года потеряло законную силу потому, а) что трехгодичный срокъ прерывается подачею судебному приставу соотвѣтственнаго заявленія и врученіемъ отвѣтчику повѣстки объ исполненіи (735, 926, 938 и 940 ст. Уст. Гражд. Судопр.), ходатайство же Абазы въ гражданскомъ департаментѣ Сены не приравнивается къ дѣйствіямъ, упоминаемымъ въ 942 ст. Уст. Гр. Суд., и не можетъ имѣть никакого вліянія на вопросъ о теченіи 3-хъ годичнаго срока, тѣмъ болѣе оставленное безъ послѣдствій, ибо, по 546 ст. Французск. Кодекса и ст. 2123 Кодекса Наполеона, для обращенія къ исполненію во Франціи рѣшеній заграничныхъ судовъ необходимо исходатайствовать предъ французскимъ судомъ признанія такого рѣшенія подлежащимъ исполненію; понятно, что просьба Абазы объ исполненіи рѣшенія могла быть заявлена только послѣ признанія судомъ самаго рѣшенія подлежащимъ исполненію, но сего признанія не было, и 3) вопросъ объ утратѣ заочнымъ рѣшеніемъ своей силы, какъ полагаетъ проситель, можетъ быть разрѣшенъ въ частномъ порядкѣ, ибо здѣсь разрѣшается не споръ о правѣ гражданскомъ, а только съ формальной стороны обсуждается сила рѣшенія по отношенію къ его исполненію, т.-е. споръ объ исполненіи рѣшенія, требующій разсмотрѣнія въ частномъ порядкѣ (1 и 966 ст. Уст. Гр. Судопроизв.). Посему Ольшамовскій просилъ признать заочное рѣшеніе отъ 8 марта 1873 года потерявшимъ всякую силу. С. Петербургская Судебная Палата нашла: 1) ни въ прошеніи повѣреннаго Абазы, присяжнаго повѣреннаго Кедрина отъ 4 марта 1880 года, ни въ распоряженіи товарища предсѣдателя нѣтъ указанія на то, чтобы они считали сообщеніе копій гр. Потоцкому послѣдствіемъ утраты рѣшеніемъ 8-го марта 1873 года силы не только по французскимъ законамъ, но и по 735 ст. Уст. Гражд. Судопр., за необращеніемъ его къ исполненію; также нѣтъ основанія считать то прошеніе Кедрина возобновленіемъ дѣла, такъ какъ Кедринъ не говоритъ, что вновь предъявляетъ искъ къ гр. Потоцкому и самое прошеніе не соотвѣтствуетъ правиламъ объ исковыхъ прошеніяхъ; оно подлежало-бы или возвращенію (4 и 5 п.п. 266 ст.), или, если содержаніе его возможно разсматривать въ совокупности съ первымъ исковымъ прошеніемъ, оставлению по крайней мѣрѣ безъ движенія (5 п. 269 ст.). Самъ Кедринъ въ засѣданіи Палаты пояснилъ, что прошеніемъ отъ 4 марта онъ имѣлъ цѣлью доставить отвѣтчику возможность подать отзывъ на заочное рѣшеніе и доказать французскимъ судамъ, что отвѣтчикъ имѣлъ возможность защищаться противъ иска и вовсе не касался силы рѣшенія по 735 ст. Уст. Гр. Суд., и 2) что при оспариваніи Кедринымъ самаго факта истеченіемъ 3 хъ годичнаго срока разрѣшеніе вопроса о силѣ рѣшенія 8 марта 1873 года требуетъ не простого примѣненія закона къ обстоятельствамъ дѣла (735 ст.), но устра-

нія спора объ обстоятельствѣ, безъ котораго не можетъ имѣть мѣста самое примѣненіе закона; споръ этотъ касается права истца на исполненіе рѣшенія, слѣдовательно, права гражданскаго, и поэтому можетъ быть разрѣшенъ только въ исковомъ порядкѣ. Вслѣдствіе сего и въ виду того, что Окружный Судъ неправильно вошелъ въ разсмотрѣніе просьбы Ольшамовскаго, предъявленной въ частномъ порядкѣ, Палата постановила: отмѣнить частное опредѣленіе Окружнаго Суда. Повѣренный гр. Потоцкаго, присяжный повѣренный Ольшамовскій, проситъ объ отмѣнѣ опредѣленія Судебной Палаты по слѣдующимъ кассаціоннымъ поводамъ: 1) заключеніемъ Палаты, что вопросъ о значеніи заочнаго рѣшенія въ данномъ положеніи дѣла подлежитъ разсмотрѣнію въ исковомъ, а не частномъ порядкѣ, нарушена 1, 966, 728, 732 и 735 стат. Уст. Гражд. Судопр., и 140 ст. X Т. ч. II изд. 1876 года о суд. и взыск. гражд. По смыслу первой и послѣдней статей, истецъ въ своемъ искѣ долженъ искать что-либо на отвѣтчикѣ, отыскивать свое право, если же онъ проситъ судъ признать только извѣстное обстоятельство, или проситъ признать ранѣе постановленное противъ него рѣшеніе, за наступленіемъ извѣстнаго обстоятельства, потерявшимъ значеніе (735 ст. Уст. Гражд. Судопр.), то онъ ничего не ищетъ и не выставляетъ предметомъ своего искового требованія споръ о правѣ гражданскомъ. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ возникалъ лишь вопросъ о потерѣ заочнымъ рѣшеніемъ своей силы, а не споръ между гр. Потоцкимъ и Абазою о гражданскомъ правѣ. Слѣдовательно, оно подлежало разсмотрѣнію не въ исковомъ, а въ частномъ порядкѣ. Подобный выводъ подтверждается 966 ст. Устава Гражд. Судопр. и по аналогіи 728 и 732 ст.; такъ, наприм., если бы на заочное рѣшеніе съ предварительнымъ исполненіемъ поданъ былъ отзывъ, а оно приводилось бы въ исполненіе, то, понятно, нѣтъ надобности обращаться въ судъ съ новымъ искомъ о признаніи заочнаго рѣшенія и выданнаго по оному исполнительнаго листа недѣйствительными, а достаточно подать о томъ частное прошеніе или жалобу на судебнаго пристава (966 ст. Уст. Гражд. Суд.). То же слѣдуетъ сказать о случаѣ, предусмотрѣнномъ въ 735 стат. Уст. Гражд. Судопр. Хотя въ дѣлѣ Миллеръ и Афендикъ (рѣш. 1880 г. № 298) вопросъ о потерѣ заочнымъ рѣшеніемъ своей силы разсматривался въ исковомъ порядкѣ, но противъ такого порядка никто не спорилъ и въ кассаціонной жалобѣ онъ не затрагивался, слѣдовательно, и Правительствующему Сенату касаться его было нечего. Сама Палата не указываетъ, въ чемъ состоялъ споръ о правѣ гражданскомъ,—напротивъ, устанавливаетъ такія данныя, которыя удостовѣряютъ отсутствіе подобнаго спора; 2) Палата неправильно вывела заключеніе, что прошеніе повѣреннаго Абазы, присяжнаго повѣреннаго Кедрина, отъ 4 марта 1880 года имѣло смыслъ вызова гр. Потоцкаго на подачу отзыва на заочное рѣшеніе. Кедринъ въ своемъ прошеніи сослался на 281 ст. Уст. Гражд. Суд., а повѣстка отъ Суда была послана по 310 ст.; эти же статьи помѣщены въ V главѣ Устава, говорящей о производствѣ до слушанія дѣла; гр. Потоцкому вручена была не одна копія съ заочнаго рѣшенія, но и копія съ прошенія Кедрина отъ 4 марта 1880 года, копія съ рѣшенія препровождена была притомъ не въ видѣ выписки, какъ требуетъ того 725 ст. Уст. Гр. Суд., и не на простой бумагѣ, а на гербовой, и не при особой повѣсткѣ, въ которой обозначались бы послѣдствія врученія (6 п. 276 ст.), т. е. послѣдствія, указанныя въ 727 и 728 ст. Уст. Гр. Суд.; наконецъ, въ подтвержденіе правъ своего довѣрителя Кедринъ представилъ не исполнительный листъ, а договоръ, послужившій основаніемъ иска. Все это удостовѣряетъ, что какъ Кедринъ, такъ и Окружный Судъ смотрѣли на настоящее дѣло, какъ вернувшееся, за потерею заочнымъ рѣшеніемъ силы (735 ст.), въ періодъ до постановленія судебнаго рѣшенія. Палата же высказала иной взглядъ и тѣмъ нарушила 276, 725, 727 и 728 статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства и 60 ст. Зак. Осн.; 3) редакція опредѣленія Палаты (слова—что повѣренный гр. Потоцкаго утверждалъ, что Абаза не просилъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ объ исполненіи рѣшенія) наводитъ на мысль, что Палата, подобно Окружному Суду, обращеніе Абазы въ парижскій судъ съ просьбою о допущеніи къ исполненію во Франціи заочнаго рѣшенія, приравниваетъ къ просьбѣ объ исполненіи рѣш нія въ томъ смыслѣ, какъ о ней говорится въ 735 статьѣ Устава

Гражданскаго Судопроизводства. Такимъ взглядомъ Палата нарушила 735, 926, 938, 939, 940, 1273—1281 ст. Уст. Гражд. Суд., 156, 159, 545, 546, 556 и 673 ст. Франц. Кодекса Гр. Суд. и 2123 ст. Франц. Кодекса. Передача судебному приставу исполнительнаго листа составляетъ моментъ, прерывающій теченіе 3 лѣтняго срока (рѣш. 1880 г. № 298), т. е. моментъ, о которомъ говорится въ 939 и 940 ст. Уст. Гр. Суд. Обращеніе Абазы въ гражданскій судъ департамента Сены съ просьбою о допущеніи къ исполненію во Франціи заочнаго рѣшенія не можетъ представлять такого момента: а) потому, что согласно 546 ст. Код. Суд. и 2123 ст. Гр. Код., приведеніе въ исполненіе рѣшеній заграничныхъ судовъ не можетъ послѣдовать иначе, какъ вслѣдствіе разрѣшенія на то французскаго суда; скорѣе таковое можетъ быть приравнено къ производству, существующему у насъ по отношенію къ рѣшеніямъ заграничныхъ судовъ (1273—1281 ст. Уст. Гр. Суд.); б) во Франціи существуютъ тоже особыя лица, officiers de justice (545 и 556 и 673 ст. Код. Суд.), коимъ подаются просьбы объ исполненіи рѣшеній, и только просьба, къ нимъ обращенная, можетъ пріостановить потерю заочнымъ рѣшеніемъ силы (156 и 159 ст. Код. Суд.); Абаза же не представлялъ исполнительнаго листа ни въ Россіи, ни во Франціи лицу, исполняющему рѣшенія, и в) гражданскій судъ департамента Сены призналъ заочное рѣшеніе 8 марта 1873 г. неподлежащимъ приведенію въ исполненіе, и 4) Окружный Судъ призналъ заочное рѣшеніе неутратившимъ силы. Палата согласно ходатайству просителя отмѣнила это опредѣленіе, слѣдовательно, Палата отвергла силу заочнаго рѣшенія. Между тѣмъ, оказывается, что въ мотивахъ своего опредѣленія Палата ходатайство его, Ольшамовскаго, оставила безъ послѣдствій, а въ резолютивной части постановила: опредѣленіе Суда отмѣнить. Очевидно, допущено противорѣчіе мотивовъ съ резолюціею. Въ семъ отношеніи нарушены 9, 791, 774, 701, 891 и 892 ст. Уст. Гр. Суд. Резолютивная часть выражена въ слѣдующей формѣ: Палата отмѣняетъ опредѣленіе Окружнаго Суда. Спрашивается, что же дальше. Палата не указываетъ, что дѣлать дальше съ ходатайствомъ просителя, тогда какъ каждый вопросъ, дошедшій до разсмотрѣнія Палаты въ исковомъ ли, частномъ ли порядкѣ, она должна разрѣшить по существу и выразить это въ своей резолюціи. Здѣсь проситель видитъ нарушеніе 791, 774 и 792 ст. Уст. Гр. Суд.

По выслушаніи словесныхъ объясненій повѣренныхъ гр. Потоцкаго, присяжнаго повѣреннаго Ольшамовскаго, и Абазы, присяжнаго повѣреннаго Кедрина, и заключенія Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ считаетъ необходимымъ прежде всего обсудить: подлежитъ ли состоявшееся по настоящему дѣлу опредѣленіе С.-Петербургской Судебной Палаты обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ. Отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Правительствующій Сенатъ неоднократно разъяснялъ, что кассаціонныя жалобы могутъ быть приносимы на такія частныя опредѣленія, которыми заканчивается производство по данному вопросу (рѣш. 1872 года № 1137, 1879 года № 258 и мн. др.). Въ настоящемъ дѣлѣ возбужденъ былъ между сторонами споръ о томъ, въ какомъ порядкѣ,—частномъ или исковомъ, отвѣтчикъ долженъ былъ предъявить ходатайство о признаніи заочнаго рѣшенія потерявшимъ силу (735 ст. Уст. Гр. Суд.). Споръ этотъ разрѣшенъ окончательно частнымъ опредѣленіемъ Судебной Палаты, признавшей, что требуется исковый, а не частный порядокъ. Такимъ образомъ, производство по означенному вопросу заканчивается. Дѣйствительно, гр. Потоцкій, подчинившись опредѣленію Палаты и прибѣгнувъ къ исковому ходу дѣла, не въ правѣ былъ бы впослѣдствіи выставлять кассаціоннымъ поводомъ то обстоятельство, что Палата дала исковое направленіе дѣлу, ибо постановленіе Палаты осталось въ свое время необжалованнымъ. Безъ сомнѣнія, предлежащій вопросъ былъ бы разрѣшенъ и въ исковомъ порядкѣ, но для лица, нуждающагося въ содѣйствіи суда, не безразлично, какимъ путемъ обратиться къ суду—исковымъ или частнымъ, въ виду различія тяжести ихъ по условіямъ денежныхъ затратъ и потери времени. Покончивъ положительнымъ утвержденіемъ, что жалоба присяжнаго повѣреннаго Ольшамовскаго подлежитъ разсмотрѣнію Правительствующаго Сената, надлежитъ разрѣшить затѣмъ другой вопросъ, вытекаю-

щій изъ содержанія кассаціонной жалобы: правильно ли заключила Судебная Палата, что признаніе заочнаго рѣшенія потерявшимъ всякую силу, при наличности условій, въ 735 ст. Уст. Гр. Суд. указанныхъ, можетъ быть достигнуто лишь исковымъ производствомъ. Здѣсь отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Послѣ состоявшагося судебнаго рѣшенія, коимъ разрѣшенъ вопросъ о матеріальномъ правѣ, наступаетъ періодъ исполненія рѣшеній (кн. 2, разд. 5, гл. 3 Уст. Гр. Суд.). По 735 ст. Уст. Гр. Суд., заочное рѣшеніе, объ исполненіи коего истецъ не просилъ въ теченіе трехъ лѣтъ, теряетъ всякую силу. Очевидно, вопросъ о силѣ заочнаго рѣшенія находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о дѣйствіяхъ истца въ означенный періодъ,—другими словами, вопросъ—подлежитъ рѣшеніе исполненію, или не подлежитъ, зависитъ отъ того, просилъ истецъ объ исполненіи въ теченіе трехъ лѣтъ, или не просилъ. Отвѣтчикъ, возражая противъ права истца на исполненіе рѣшенія, за потерею имъ всякой силы, долженъ доказать пропускъ истцомъ трехгодичнаго срока. Возникающій отсюда споръ относится къ процессуальному праву и входитъ въ сферу споровъ по исполненію рѣшенія. Такой выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ прежней практикѣ Правительствующаго Сената. Такъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи по дѣлу Барышниковой съ Майковой (Сб. рѣш. 1880 г. № 298) разъяснилъ, что трехгодичный срокъ, установленный для сохраненія заочнымъ рѣшеніемъ силы, есть срокъ процессуальный; споры же по исполненію рѣшеній и о пропускѣ, или непропускѣ процессуальныхъ сроковъ, составляютъ предметъ частныхъ производствъ (962, 966, 755, 757, 779, 796, 837). Выводъ Палаты, что споръ о силѣ рѣшенія касается матеріальнаго права истца, т.-е. права на исполненіе рѣшенія, ни на чемъ не основанъ. Право на исполненіе рѣшенія, вошедшаго въ законную силу, опредѣляется и ограждается процессуальнымъ закономъ (892 и 924 ст. Уст. Гр. Суд.); слѣдовательно, и возраженіе противъ такого права должно опираться на тѣ же законы, нисколько не колебля сущности исполняемаго рѣшенія, установившаго матеріальное право. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что споръ о потерѣ заочнымъ рѣшеніемъ силы, за истеченіемъ 3-хъ годичнаго срока, долженъ быть заявленъ въ частномъ порядкѣ. Если подобный споръ по дѣлу Барышниковой съ Майковой разрѣшался въ исковомъ порядкѣ и доходилъ до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената (рѣш. 1880 г. № 298), то изъ этого нельзя заключить, что Правительствующій Сенатъ подтвердилъ правильность искового хода дѣла, такъ какъ оно началось искомъ, и о томъ или другомъ направленіи дѣла стороны вовсе не спорили; Правительствующій же Сенатъ ограничился разрѣшеніемъ кассаціонной жалобы въ ея предѣлахъ. Переходя послѣ означенныхъ общихъ соображеній къ обсужденію кассаціонной жалобы и обращаясь къ указанію просителя на нарушеніе, между прочимъ, 966 ст. Уст. Гр. Суд. тѣмъ, что Палата нашла неумѣстнымъ частное производство по спору, возникшему въ настоящемъ случаѣ, Правительствующій Сенатъ признаетъ указаніе это совершенно правильнымъ и считаетъ одного такого нарушенія достаточнымъ для отмѣны обжалованнаго опредѣленія. Тѣмъ не менѣе Правительствующій Сенатъ полагаетъ необходимымъ указать Судебной Палатѣ и на неполноту и неопредѣленность резолютивной части ея опредѣленія, изложенной въ слѣдующей формѣ: „Палата отмѣняетъ частное опредѣленіе С. Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 4 мая 1881 г.“ Такая форма не удовлетворяетъ требованіямъ 712, 791, 777, 4 п. 701 и 774 ст. Уст. Гр. Суд., по смыслу коихъ Палата, отмѣнивъ опредѣленіе Окружнаго Суда, обязана изложить свое постановленіе, которое замѣняло бы постановленіе Суда. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ, не касаясь остальныхъ поводовъ кассаціи, приводимыхъ въ кассаціонной жалобѣ присяжнаго повѣреннаго Ольшамовскаго, ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: обжалованное повѣреннымъ графа Потоцкаго опредѣленіе С.-Петербургской Судебной Палаты, по нарушенію 966 ст. Уст. Гр. Судопр., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой д-тъ той же Судебной Палаты.

141.—1882 г. сентября 29 и ноября 17 чиселъ. *По прошенію пов. инженеръ-полковника Владислава Янушковскаго, прис. стряпчаго Краевскаго, объ отмѣнѣ опредѣленія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. И. Ягнъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. Е. Вельцинъ).

Имѣніе Ромейко Гурко, находящееся въ Тарусскомъ уѣздѣ и состоящее въ различныхъ участкахъ, всего въ количествѣ 724 дес. 1116 саж., заложено было по двумъ закладнымъ: по первой, отъ 11 декабря 1877 года, инженеръ-капитану (нынѣ инженеръ-полковнику) Янушковскому въ суммѣ 28 т. и по второй, отъ 12 января 1878 г., женѣ залогодателя Натальѣ Ромейко-Гурко въ суммѣ 30 т. рублей. По неисправности должника, имѣніе это назначено было въ продажу и оцѣнено по взаимному согласію сторонъ въ 53200 руб. сер. Первый торгъ, происходившій 13 октября 1879 года, не состоялся по неявкѣ желающихъ торговаться. Въ тотъ же день повѣренный Янушковскаго подалъ заявленіе судебному приставу о назначеніи вторичныхъ торговъ. Новая продажа назначена была на 28 января 1880 года, но Янушковскій заявилъ приставу объ отмѣнѣ оной и о назначеніи новой въ сентябрьской трети 1880 г. Слѣдующій торгъ былъ назначенъ на 4 октября 1880 г. Вслѣдствіе жалобы залогодателя на дѣйствіе судебнаго пристава, не исполнившаго правила (1148 ст. Уст. Гр. Суд.) о выставкѣ объявленій, Окружный Судъ отмѣнилъ назначеніе продажи на 4 октября. 13 октября 1880 года Янушковскій заявилъ судебному приставу, что онъ отсрочиваетъ взысканіе до октября будущаго года, а 17 октября того же года подалъ прошеніе предсѣдателю Окружнаго Суда о томъ, что у него съ Ромейко-Гурко состоялось соглашеніе объ отсрочкѣ торговъ. Далѣе, согласно заявленію Янушковскаго, новые торги назначены были на 14 октября 1881 г., на которыхъ Янушковскій предложилъ высшую цѣну 28 т. рублей. 17 октября 1881 г. повѣренный Натальи Ромейко Гурко заявилъ Окружному Суду, что довѣрительница его желаетъ оставить продаваемое имѣніе за собой съ уплатою долга Янушковскаго, но съ тѣмъ, чтобы былъ произведенъ вторичный торгъ, и просилъ: а) не утверждать торговъ 14 октября 1881 года, такъ какъ предложенная на нихъ цѣна 28 т. не покрываетъ закладной второй залогодержательницы въ 30000 р. сер. (1187 ст. Уст. Гр. Суд.), и б) считать торгъ 14 октября 1881 г. первымъ. Самъ Ромейко Гурко тоже просилъ Судъ считать торгъ 14 октября первымъ и, слѣдовательно, долженствовавшимъ начаться съ полной оцѣнки въ 53200 руб., ибо самый первый торгъ (13 октября 1879 года) не состоялся по неявкѣ покупателей; второй (28 января 1880 г.) отсроченъ самимъ взыскателемъ; третій (4 октября 1880 года) отмѣненъ Окружнымъ Судомъ,—и, такимъ образомъ, прошло послѣ описи и оцѣнки, составленной въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1879 г., слишкомъ 2 года. Между тѣмъ, торгъ 14 октября 1881 года начался съ первой предложенной цѣны ниже оцѣнки, а потому, какъ неправильный, долженъ быть отмѣненъ. Янушковскій возразилъ, что ходатайство повѣреннаго Натальи Ромейко-Гурко представляется неопредѣленнымъ: нѣтъ сомнѣнія, что оставить имѣніе за собой значитъ не подвергать его продажѣ, и, наоборотъ, если подвергнуть продажѣ, то нельзя оставить за собой; что торгъ 14 октября во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать вторымъ и что г жа Ромейко Гурко не внесла денегъ на покрытіе по закладной и даже не выражаетъ къ тому готовности. 24/25 ноября 1881 г. состоялись въ Окружномъ Судѣ три опредѣленія: 1) по прошенію Ромейко-Гур о, 2) по прошенію его жены и 3) по прошенію Янушковскаго объ утвержденіи за нимъ купленнаго имѣнія. По первому прошенію Судъ постановилъ: ходатайство Ромейко Гурко о признаніи торга 14 октября 1881 года недѣйствительнымъ оставить безъ послѣдствій, такъ какъ оно не подходитъ ни подъ одинъ изъ случаевъ, приведенныхъ въ 1180 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизвод.; этотъ торгъ долженъ быть признанъ вторымъ, потому что такъ было объявлено въ вѣдомостяхъ 7 іюля 1881 г. судебнымъ приставомъ, и распоряженіе его не было обжаловано въ установленный 1204 ст. Уст. Гражд. Суд. срокъ; предшествовавшіе три торга не

состоялись въ порядкѣ, указанномъ въ 1170 ст. Уст. Гр. Суд., послѣ чего, въ силу 1175 ст., кредиторы обязаны были или удержать имѣніе за собой, или обратить взысканіе на другое имущество. По второму: хотя продававшееся имѣніе оставлено Янушковскимъ за собою въ цѣнѣ менѣе той, въ которой оно заложено было по второй закладной, но это не даетъ второму залогодержателю права требовать назначенія второго торга, какъ потому, что, по смыслу 1215 ст., онъ получаетъ удовлетвореніе изъ остатковъ послѣ удовлетворенія взыскателя по первой закладной, такъ и потому, что Янушковскій оставилъ имѣніе за собой (1068 статья). Относительно признанія торга 14 октября первымъ Судъ привелъ тѣ же соображенія, какъ и по прошенію самого залогодателя. По третьему (прошенію Янушковскаго) имѣніе Ромейко-Гурко укрѣпить за покупателемъ Янушковскимъ. По этому послѣднему опредѣленію была выдана Янушковскому копія съ онаго, потомъ данная крѣпость и совершонъ вводъ во владѣніе. На опредѣленіе Окружнаго Суда подали частныя жалобы какъ Ромейко Гурко, такъ и жена его: первый высказалъ тѣ же соображенія, какія высказывалъ Окружному Суду; послѣдняя объяснила: 1) торгъ 14 октября долженъ былъ быть первымъ, а не вторымъ, ибо послѣ перваго торга прошло два года, и въ промежуткѣ была отсрочка даже по волѣ самого взыскателя, да и въ составѣ имѣнія должника (ея мужа) произошли измѣненія: открыты залежи каменнаго угля, несомнѣнно увеличивающія цѣнность имѣнія; 2) о послѣдствіяхъ торга она, какъ вторая залогодержательница, не была увѣдомлена, вопреки 1186 статьѣ; 3) сопоставляя ст. 1187 и 1068 Уст. Гражд. Судопр., слѣдуетъ убѣдиться, что второй залогодержатель въ правѣ требовать вторичнаго торга, или оставить имѣніе за собой, если предложенная на торгахъ цѣна не будетъ покрывать всѣхъ взысканій залогодержателей, 4) въ ожиданіи извѣщенія о послѣдствіяхъ торга и не зная, будетъ ли предстоять возможность оставить имѣніе за собой, она изъ двухъ правъ, предоставленныхъ ей 1187 и 1068 статьями Уст. Гражд. Судопроиз., заявила только о первомъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ отказа, воспользоваться и вторымъ правомъ. Поэтому просила: а) торгъ 14 октября признать первымъ; б) признать, что торгъ этотъ не подлежитъ утвержденію и съ формальной стороны, за неизвѣщеніемъ ея о послѣдствіяхъ торга; в) предписать о назначеніи новаго торга, на основаніи 1187 статьи и 1068 ст. Уст. Гр. Суд., и г) въ случаѣ невозможности назначенія новаго торга, признать за ней право на оставленіе имѣнія за собой какъ на первомъ, такъ и на второмъ торгѣ, и назначить, согласно 816 и 817 ст. Уст. Гр. Суд., срокъ для взноса причитающейся по 1173 ст. Уст. Гр. Суд. суммы. Московская Судебная Палата нашла (опредѣленіе 15|21 января 1882 года), что и въ публикаціяхъ, и въ торговомъ листѣ торгъ 14 октября 1881 года былъ назначенъ вторымъ и что жалобы на несоблюденіе формальностей при описи и оцѣнкѣ имущества подаются въ двухнедѣльный срокъ со дня совершоннаго дѣйствія (1202 ст. Уст. Гр. Судопр.), а жалобы на несоблюденіе правилъ при обнародованіи объявленій о публичной продажѣ имѣній подаются не позже, какъ за двѣ недѣли до дня, назначеннаго для торга (1204 статья). Посему Судебная Палата признаетъ жалобы Ромейко-Гурко на Окружный Судъ, не уважившій ходатайства его о признаніи торга 14 октября первымъ, незаслуживающими уваженія. Что касается жалобы Натальи Ромейко-Гурко о нарушеніи 1186 ст. Уст. Гражд. Судопроизв. и на неправильное утвержденіе имѣнія за Янушковскимъ, Судебная Палата, руководствуясь разъясненіемъ Гражд. Кассац. Департ. Правит. Сената въ рѣшеніи 1876 г. за № 93, усматриваетъ: 1) что Наталья Ромейко Гурко, какъ залогодержательница по второй закладной, не обращавшая взысканія на проданное имѣніе, по силѣ 1185 и 1186 статей, должна была быть извѣщена особымъ объявленіемъ о назначеніи въ публичную продажу заложеннаго ей имѣнія и о послѣдствіяхъ торга, чего сдѣлано не было; 2) что торгъ, какъ первый, такъ и второй, считается несостоявшимся не только въ случаяхъ, въ 1170 ст. Уст. Гр. Судопр. поименованныхъ, но и тогда, когда на торгу объявлена высшая цѣна ниже той суммы, въ которой имѣніе заложено; 3) что вслѣдствіе сего залогодержательница, г-жа Ромейко-Гурко, имѣетъ право удержать имѣніе за собой съ обязанностью удовлетворить, по силѣ 1215 ст. Уст. Гр. Суд., перваго залого-

держателя, Янушковскаго; 4) что, примѣняясь къ 1164 ст. Уст. Гражд. Суд., ей долженъ быть предоставленъ семидневный срокъ со дня объявленія о послѣдствіяхъ торга на доставленіе отзыва о желаніи или нежеланіи удержать за собой имѣніе, причемъ въ первомъ случаѣ она обязана въ назначенный срокъ внести всю сумму, причитающуюся на покрытіе долга по закладной Янушковскаго и всѣхъ расходовъ по продажѣ имѣнія, въ противномъ случаѣ должно быть поступлено на основ. 1187 и 1068 ст. Уст. Гр. Суд., причемъ при назначеніи новаго торга таковой долженъ быть произведенъ съ соблюденіемъ порядка, указаннаго въ 1070, 1185 и 1186 ст. Уст. Гр. Суд. Вслѣдствіе сего Судебная Палата 15/21 января 1882 г. опредѣлила: 1) жалобу Александра Ромейко Гурко оставить безъ уваженія; 2) по жалобѣ Натальи Ромейко Гурко признать торгъ 14 октября несостоявшимся, предписавъ Окружному Суду, на основаніи 1186 ст. Уст. Гр. Суд., поставить Наталью Ромейко Гурко въ извѣстность о послѣдствіяхъ торга, съ назначеніемъ ей семидневнаго срока со времени полученія извѣщенія суда для заявленія о томъ, желаетъ ли она оставить за собой продаваемое имѣніе, съ удовлетвореніемъ сполна перваго залогодержателя; 3) опредѣленіе суда объ укрѣпленіи имѣнія за Янушковскимъ отмѣнить со всѣми послѣдствіями. Затѣмъ Палата въ распорядительномъ засѣданіи 4 февраля 1882 г. обсуждала прошеніе Ромейко Гурко о выдачѣ исполнительнаго листа на обратную отдачу ему имѣнія и, принявъ во вниманіе, что опредѣленіе суда объ укрѣпленіи того имѣнія за Янушковскимъ отмѣнено со всѣми послѣдствіями, и оно должно быть возвращено въ прежнее положеніе, постановила выдать Ромейко Гурко исполнительный листъ по опредѣленію 15/21 января 1882 г. На опредѣленіе Палаты принесена кассаціонная жалоба повѣренным Янушковскаго, присяжнымъ стряпчимъ Краевскимъ. Въ жалобѣ приводятся слѣдующіе кассаціонные поводы къ отмѣнѣ обжалованнаго опредѣленія: 1) Наталья Ромейко Гурко въ частной жалобѣ на опредѣленіе Окружнаго Суда заявила цѣлый рядъ новыхъ требованій, не бывшихъ въ виду Окружнаго Суда. Палата удовлетворила ихъ, чѣмъ нарушила 747 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства; 2) кромѣ того, новыя требованія выражены условно, ибо г-жа Ромейко-Гурко излагала ихъ такъ: „если Палата найдетъ возможнымъ, то Ромейко-Гурко проситъ объ одномъ предметѣ, если нѣтъ—то о другомъ“; подобное формулированіе требованій нарушаетъ 3 пунктъ 745 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства; 3) Палатѣ слѣдовало обсудить, было ли извѣстно судебному приставу мѣстожительство г жи Ромейко Гурко, такъ какъ она, проживая въ отдаленной мѣстности отъ Калужской губерніи, не заявляла о своемъ мѣстѣ пребыванія. Не обсудивъ сихъ обстоятельствъ, Палата нарушила 1185 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства. Независимо отъ того, она, Ромейко Гурко, знала о послѣдствіяхъ торга, что выразила подачею въ Окружный Судъ чрезъ три дня послѣ торга прошенія о признаніи торга 14 октября первымъ. Палата отмѣною опредѣленія Окружнаго Суда объ утвержденіи торговъ, по неисполненію 1186 ст. Устава Гражд. Судопроизводства, тѣмъ самымъ нарушила эту статью; 4) если и признать 1186 ст. Уст. Гр. Судопр. нарушенною, то Палатѣ слѣдовало ограничиться предписаніемъ суду объ исполненіи ея, но Палата пошла дальше: а) она признала торгъ несостоявшимся; б) назначила г жѣ Ромейко Гурко семидневный срокъ для заявленія суду о своихъ желаніяхъ, в) выразила въ мотивахъ то положеніе, что если Ромейко Гурко не желаетъ оставить имѣніе за собой, то долженъ быть новый торгъ. Такое положеніе нарушаетъ 1175 ст. Уст. Гр. Судопроизв., постановленную въ видахъ избѣжанія многократнаго повторенія торговъ. Рѣшеніе Правительствующаго Сената 1876 года № 93, которое послужило руководствомъ для опредѣленія Судебной Палаты, проводитъ ту мысль, что залогодержатель въ правѣ удержать имѣніе за собой, если на первыхъ или вторыхъ торгахъ предложенная цѣна не покрываетъ его взысканій. Изъ сего рѣшенія вовсе не слѣдуетъ, чтобы залогодержатель имѣлъ и отрицательное право, т. е. могъ заявить о нежеланіи удержать имѣніе за собою, и чтобы слѣдовало затѣмъ назначеніе новаго торга даже и тогда, когда были произведены два торга. Таковое право принадлежитъ кредитору послѣ первыхъ торговъ (1068 ст. Устава Гражданскаго Судопроизв.),

но никакъ не послѣ вторыхъ; при иномъ пониманіи закона приходилось бы назначать по желанію залогодержателя третьи, четвертые и т. п. торги, и, такимъ образомъ, открывалась бы возможность второму залогодержателю лишить перваго всякаго удовлетворенія. Кромѣ того, Палата стѣснила Окружный Судъ въ будущемъ его опредѣленіи, указавъ ему впередъ, какъ поступить въ случаѣ нежеланія Ромейко Гурко оставить имѣніе за собой, чѣмъ нарушила: 1) 706 стат. Уст. Гражданск. Судопроизв. и 2) 1068 ст. того же Устава, ибо при нежеланіи г жи Ромейко-Гурко оставить имѣніе за собой долженъ послѣдовать новый торгъ, тогда какъ, въ силу 1068 ст., первый залогодержатель имѣетъ преимущественное на то право, какъ выразившій не только юридически, но и фактически желаніе удержать за собой имѣніе; 5) признавая торгъ 14 октября несостоявшимся безусловно, хотя бы г жа Ромейко-Гурко и не заявила желанія удержать имѣніе за собой, Палата нарушила 1170 ст. Устава Гражданскаго Судопроизв. и поступила вопреки рѣшенію Сената по дѣлу Овсянникова (рѣш. 1876 г. № 93); 6) назначивъ срокъ для г-жи Ромейко Гурко, закономъ не установленный, Палата нарушила 816 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизв.; притомъ Палата не обратила вниманія на мнѣніе Сената по дѣлу Овсянникова о томъ, что заявленія о срокѣ могутъ быть дѣлаемы лишь до укрѣпленія имѣнія за покупателемъ, а не послѣ того, и въ особенности не послѣ состоявшагося уже ввода во владѣніе; 7) послѣ утвержденія торговъ за Янушковскимъ онъ введенъ былъ во владѣніе купленнымъ имѣніемъ. Между тѣмъ, Палата постановила опредѣленіе о возвратѣ имѣнія прежнему владѣльцу, Ромейко Гурко, и по сему опредѣленію выдала исполнительный листъ. Опредѣленіе это состоялось въ распорядительномъ засѣданіи, безъ сообщенія копіи съ просьбы г-жи Ромейко-Гурко Янушковскому и безъ вызова его къ слушанію дѣла. Развивая ту мысль, что Янушковскій могъ лишиться имѣнія, на которое онъ имѣлъ данную крѣпость и которымъ былъ введенъ во владѣніе, не иначе, какъ по рѣшенію, состоявшемуся въ исковомъ порядкѣ, проситель видитъ въ настоящемъ распоряженіи Палаты нарушеніе 924, 1209, 1431 и 1432 ст. Устава Гражданскаго Судопроизв., 168 ст. Нотаріальн. Полож. и 531 и 532 ст. Тома X ч. I. На кассаціонную жалобу Краевскаго поданы объясненія со стороны Александра Ромейко-Гурко и жены его, Натальи Ромейко-Гурко. Первый объясняетъ, что по поводу поворота имѣнія въ его владѣніе нѣтъ нарушенія приводимыхъ кассаторомъ законовъ. Палата опредѣленіемъ $^{15}/_{21}$ января 1882 г. отмѣнила укрѣпленіе имѣнія за Янушковскимъ со всѣми послѣдствіями, т. е. съ данной и вводомъ, и тѣмъ самымъ Палата признала права его, Ромейко-Гурко, на то имѣніе. Присужденіе ему имѣнія есть прямое послѣдствіе признанія торга неправильнымъ, а жалобы на неправильное производство торга разсматриваются въ частномъ порядкѣ; частное опредѣленіе въ сихъ случаяхъ имѣетъ значеніе рѣшенія по существу, и нигдѣ въ законахъ не указано, чтобы права, признанныя частнымъ опредѣленіемъ, напримѣръ, по утвержденію или отмѣнѣ торга, требовали вторичнаго признанія ихъ исковымъ порядкомъ, 926 и 928 статьями Устава Гражданскаго Судопроизводства не вмѣняется суду въ обязанность сообщать противной сторонѣ копій съ прошеній другой стороны о выдачѣ исполнительнаго листа. Напротивъ, исполнительный листъ можетъ быть выданъ предсѣдателемъ суда и по словесной просьбѣ желающаго получить его. Наталья Ромейко-Гурко объясняетъ, что доводы кассаціонной жалобы повѣреннаго Янушковскаго не убѣдительны. Такъ: 1) нарушенія 747 ст. Уст. Гр. Судопр. нѣтъ, ибо она въ частной жалобѣ Палатѣ не предъявляла никакихъ новыхъ требованій, а развивала только заявленныя въ Окружномъ Судѣ; 2) нѣтъ также нарушенія 3 п. 745 ст. Уст. Гр. Суд., такъ какъ въ законѣ нѣтъ запрещенія заявлять въ одномъ прошеніи два законныхъ требованія, послѣдовательно возникающихъ одно изъ другого; 3) судебному приставу было извѣстно мѣстожительство ея, ибо онъ послалъ ей повѣстки съ извѣщеніемъ ей о назначеніи въ продажу имѣнія мужа ея, слѣдовательно, 1185 ст. Уст. Гр Суд. не нарушена; 4) въ дѣлѣ она была третьимъ лицомъ, какъ залогодержательница, не обращавшая взысканія на имѣніе; поэтому, въ силу 1186 ст. Уст. Гр. Суд. и согласно разъясненію Сената въ рѣшеніи 1876 г. № 93, ее, Ромейко Гурко, неизбѣжно

слѣдовало извѣстить о послѣдствіяхъ торговъ; во всякомъ случаѣ, срокъ для предъявленія желанія оставить имѣніе за собой могъ начаться послѣ извѣщенія ея о послѣдствіяхъ торговъ, а продолжительность сего срока въ данномъ случаѣ зависѣла отъ усмотрѣнія суда (816 ст. Уст. Гр. Суд.); такимъ образомъ, нарушенія указываемыхъ въ кассаціонной жалобѣ законовъ, къ сему вопросу относящихся, не усматривается. Если Окружнымъ Судомъ было постановлено опредѣленіе объ утвержденіи торговъ безъ соблюденія 1186 стат., то это дѣйствіе и всѣ его послѣдствія не могли стѣснять правъ ея, Ромейко Гурко, почему Палата, отмѣнивъ ихъ, ничѣмъ не нарушила 706, 1186, 1187 и 1068 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизвод.; 5) такъ какъ послѣ второго торга обращеніе взысканія на другое имущество должника залогодержателю не предоставлено, то законъ не могъ лишить его права, въ случаѣ нежеланія оставить имѣніе за собой послѣ второго торга, требовать новаго торга на то единственное имѣніе, которымъ искъ его обезпеченъ, иначе залогодержатели имѣли бы менѣе права, чѣмъ простые кредиторы. Да и употребленное въ 1187 ст. Уст. Гр. Суд. выраженіе „на торгахъ“ указываетъ, что законъ имѣлъ въ виду относительно залогодержателей не одинъ торгъ, а болѣе; во всѣхъ другихъ статьяхъ Уст. Гр. Суд., касающихся публичной продажи, употреблено выраженіе „торгъ“, а не „торги“, въ отличіе отъ 1187 ст. Подобная мысль подтверждается мотивами, изданными государственною канцеляріею, подъ 1175 стат. Уст. Гр. Судопроиз., трактующей о продажѣ имѣній незаложенныхъ; относительно же имѣній заложенныхъ, въ числѣ другихъ исключеній, выражено особенное исключеніе въ 1187 стат., и 6) опасенія кассатора, что при подобномъ толкованіи 1187 стат., какъ понимаетъ Палата, приходилось бы назначать третьи, четвертые и т. д. до безконечности торги, лишены основанія, ибо законъ устанавливаетъ только два общихъ для всѣхъ кредиторовъ торга, а въ случаѣ неудовлетворенія ихъ претензій послѣ второго торга, предоставляется однимъ право требовать торга на другое имущество должника, а залогодержателю, взамѣнъ того, равное право требовать еще одного торга на то же заложенное имѣніе, иначе 1187 ст. не была бы выставлена въ числѣ исключеній для заложенныхъ имѣній, или ссылалась бы на ст. 1171 и 1175, а не на ст. 1068. При иномъ пониманіи закона въ такихъ случаяхъ, какъ настоящій, когда на первомъ торгѣ не объявлено никакой цѣны, за неявкою покупателей, залогодержатель былъ бы лишенъ права даже единожды заявить по своему выбору одно изъ двухъ правъ, предоставленныхъ ему 1187 и 1068 ст. Уст. Гр. Суд., т. е. или требовать новаго торга, или оставить имѣніе за собою, если высшая, предложенная на торгахъ цѣна будетъ ниже той, въ которую имѣніе заложено; право это оказалось бы для залогодержателя мнимымъ, а помѣщеніе его въ числѣ исключеній, при продажѣ по закладнымъ, лишнимъ, если оно ничѣмъ не отличается отъ правъ прочихъ кредиторовъ по 1171 и 1175 ст. Поэтому Александръ и Наталья Ромейко-Гурко просятъ кассаціонную жалобу Краевскаго оставить безъ послѣдствій.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора и словесныя объясненія повѣреннаго Янушковскаго, присяжнаго стряпчаго Краевскаго, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) указаніе просителя на нарушеніе 747 и 3 п. 745 ст. Уст. Гр. Суд. тѣмъ, что Палата приняла къ разсмотрѣнію новыя требованія Натальи Ромейко Гурко, не заявленныя въ Окружномъ Судѣ, и притомъ условныя, не заслуживаетъ уваженія. Изъ сличенія частной жалобы Натальи Ромейко Гурко съ прошеніемъ, поданнымъ повѣреннымъ ея въ Окружный Судъ 17 октября 1881 года, оказывается, что требованія какъ въ прошеніи, такъ и въ жалобѣ были въ сущности одни и тѣ же, только въ послѣдней изложены они подробнѣе и обстоятельнѣе, что не лишало апелляціонную инстанцію права принять ихъ къ разсмотрѣнію и не вызывало нарушенія 747 ст. Уст. Гр. Суд.; объ условности же требованій не заявлялось Палатѣ; поэтому проситель не можетъ обвинять ее въ нарушеніи 3 п. 745 ст. Уст. Гр. Суд.; 2) также неуважительно указаніе присяжнаго стряпчаго Краевскаго на нарушеніе 1185 и 1186 ст. Уст. Гр. Суд. тѣмъ, что Палата за одно изъ основаній къ отмѣнѣ опредѣленія Окружнаго Суда, утвердившаго торги, при-

няла то обстоятельство, что залогодержательница Наталья Ромейко-Гурко не была увѣдомлена о послѣдствіяхъ торга 14 октября 1881 года, тогда какъ Судъ, не имѣя свѣдѣній о мѣстѣ жительства ея, и не могъ ее увѣдомить. По 1186 стат., частное лицо (или кредитное установленіе) коему заложено продаваемое имѣніе, непремѣнно должно быть увѣдомлено о послѣдствіяхъ торга, а по 1187 и 1068 ст., залогодержатель въ правѣ удержать имѣніе за собою, если высшая предложенная на торгѣ цѣна будетъ ниже той суммы, которую слѣдуетъ уплатить залогодержателю. Янушковскій, производившій взысканіе по своей закладной, въ виду 1186, 1187 и 1068 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства, долженъ былъ, если домогался укрѣпленія купленнаго имѣнія за нимъ, указать мѣсто жительства Натальи Ромейко-Гурко, какъ дѣлается это и во всѣхъ случаяхъ, когда ходатайство одной стороны, возбужденное въ исковомъ или частномъ порядкѣ, затрагиваетъ права или интересы другой (257, 568 и 786 ст. Уст. Гражд. Суд.). Посему проситель неосновательно ссылается, въ подкрѣпленіе указаній своихъ на нарушеніе 1185 и 1186 статьи Устава Гражд. Судопр., на то, что мѣстожительство Натальи Ромейко Гурко не было извѣстно Суду. А затѣмъ Судебная Палата, придавъ нарушенію Окружнымъ Судомъ 1186 ст. особенно значеніе, поступила совершенно правильно; 3) далѣе не заслуживаетъ уваженія указаніе просителя на нарушеніе 816 ст. Уст. Гр. Суд. тѣмъ, что Палата назначила семидневный срокъ на подачу Натальею Ромейко Гурко отзыва о желаніи или нежеланіи ея оставить имѣніе за собою. Законъ не устанавливаетъ для подобныхъ отзывовъ срока; поэтому Палата, руководствуясь 816 ст., въ правѣ была опредѣлить его по своему усмотрѣнію. Притомъ Палата избрала самый короткій срокъ, указанный въ законѣ для постановленій суда, касающихся послѣдствій торговъ, и примѣнилась къ 1164 ст. Уст. Гр. Суд. При неизбѣжности назначенія срока, въ видахъ удостовѣренія въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ залогодержателей и сознательнаго подчиненія ихъ тому или другому исходу дѣла, назначеніе кратчайшаго срока клонится къ пользѣ покупателя имѣнія, состоящаго въ залогѣ; посему повѣренный Янушковскаго и возражать противъ такого срока не имѣетъ никакихъ основаній (рѣш. 1871 года № 473; 1880 года № 224; 4) затѣмъ проситель указываетъ на нарушеніе 1187, 1068, 1070 и 1175 статьи Уст. Гр. Судопроизвод. тѣмъ: а) что въ мотивахъ своего опредѣленія Палата выразила положеніе, что при не желаніи залогодержательницы Ромейко Гурко удержать имѣніе за собою долженъ послѣдовать новый торгъ, и б) что признала второй торгъ (14 октября 1881 года) безусловно несостоявшимся. Настоящее указаніе нельзя не признать основательнымъ. Дѣйствительно, сущность соображеній Палаты такова, что въ томъ случаѣ, когда высшая объявленная на вторыхъ торгахъ цѣна не покрываетъ суммы, обезпеченной залогомъ продаваемаго имѣнія и когда второй залогодержатель не желаетъ оставить имѣніе за собою съ обязанностью удовлетворить перваго залогодержателя въ полной суммѣ, то долженъ быть произведенъ новый торгъ (1187 и 1068 ст.), то-есть третій. Между тѣмъ, соображенія эти не могутъ быть признаны правильными. Третій публичный торгъ закономъ не допускается: 1175 ст. Устава Гражд. Судопр. и мотивы къ ней, по изданію государственной канцеляріи, ясно указываютъ, что второй торгъ есть окончательный. Хотя 1175 ст. говоритъ о недвижимыхъ имѣніяхъ незаложенныхъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что эта статья относится и къ имѣніямъ, заложеннымъ частнымъ лицамъ. Изъ мотивовъ изданія государственной канцеляріи видно, что при установленіи 1175 стат. имѣлись въ виду ст. Т. X ч. 2 изд. 1857 г. (2063, 2090—2164), относившіяся къ публичнымъ продажамъ имѣній какъ по личнымъ долговымъ обязательствамъ, такъ и по просроченнымъ закладнымъ; между тѣмъ, въ 1175 ст. выражено правило одно, и для заложенныхъ имѣній не сдѣлано какого-либо исключенія; слѣдовательно, она обнимаетъ случаи продажи имѣній и незаложенныхъ, и заложенныхъ и устраняетъ возможность третьихъ торговъ. Хотя во 2 п. резолютивной части своего опредѣленія Палата постановила лишь: „предписать Окружному Суду поставить Наталью Ромейко-Гурко въ извѣстность о послѣдствіяхъ торга, съ назначеніемъ ей семидневнаго срока для заявленія о желаніи оставить за собою продаваемое имѣніе, съ удовле-

твореніемъ сполна перваго залогодержателя", причемъ не упомянула прямо о назначеніи третьихъ торговъ, въ случаѣ неисполненія Натальею Ромейко-Гурко предлагаемыхъ ей условій, но предшествующія резолюціи соображенія Палаты предрѣшаютъ дальнѣйшее направленіе дѣла. Окружный Судъ, опредѣленіе котораго 3 пунк. резолюціи Палаты, отмѣнено со всѣми послѣдствіями, будучи обязанъ подчиниться указаніямъ Палаты, долженъ былъ бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ назначить третьи торги, что было бы, какъ объяснено выше, несогласно съ закономъ. Такимъ образомъ, оказывается, что Судебная Палата неправильно истолковала смыслъ 1175, 1187 и 1068 ст. Уст. Гр. Суд.; а затѣмъ, при невозможности испытанія третьихъ торговъ, 1070 ст., на которую также есть ссылка въ опредѣленіи Палаты, никакого примѣненія къ дѣлу имѣть не можетъ, и, 4) наконецъ, проситель указываетъ на неправильныя распоряженіе Палаты о возвратѣ имѣнія прежнему владѣльцу Александру Ромейко-Гурко, на основаніи постановленія своего, состоявшагося въ распорядительномъ засѣданіи, тогда какъ Янушковскій введенъ уже былъ во владѣніе купленнымъ имъ имѣніемъ, и на нарушеніе въ семъ отношеніи 924, 1209, 1431 и 1432 ст. Уст. Граждан. Суд., 168 ст. Нотар. Полож. и 531 и 532 ст. Т. X ч. I. Настоящее указаніе тоже не лишено основаній. Палата, по особому постановленію, состоявшемуся въ распорядительномъ засѣданіи, выдала Александру Ромейко Гурко исполнительный листъ на вводъ во владѣніе имѣніемъ, купленнымъ Янушковскимъ, по которому онъ введенъ во владѣніе, причемъ Палата постановила выдать тотъ листъ по опредѣленію $^{15}/_{21}$ января 1882 года. Но опредѣленіе $^{15}/_{21}$ января 1882 года состоялось лишь въ пользу Натальи Ромейко-Гурко; всѣ же ходатайства Александра Гурко оставлены безъ послѣдствій; стало быть, оно не могло дать ему какія либо права. Во всякомъ случаѣ, отобраніе отъ Янушковскаго имѣнія затрагивало его интересы. Безъ защиты ихъ со стороны Янушковскаго въ установленномъ порядкѣ и безъ выслушанія его объясненій противъ требованія Александра Ромейко Гурко о поворотѣ имѣнія въ его владѣніе не могло состояться никакого постановленія противъ Янушковскаго (4, 13, 570 ст. Уст. Гражд. Суд.); поэтому означенное ходатайство Ромейко-Гурко никоимъ образомъ не могло быть разсмотрѣно въ распорядительномъ засѣданіи, происходящемъ при закрытыхъ дверяхъ (152 ст. Учрежд. Суд. Уст., 277 ст. Тома II ч. I изд. 1876 года). Допустивъ разрѣшеніе его въ распорядительномъ засѣданіи, Палата нарушила 276 ст. II Т. ч. I изд. 1876 года. По вышеизложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: опредѣленіе Московской Судебной Палаты отъ $^{15}/_{21}$ января 1882 года, равно какъ и частное ея постановленіе отъ 4 февраля 1882 года, по нарушенію 1175, 1187 и 1068 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства и 276 ст. I части II Тома Св. Общ. Губ. Учрежд., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же Палаты.

142.—1882 г. ноября 17 дня. *По прошенію крестьянина Гавриллы Мокѣева объ отмѣнѣ рѣшенія Сызранскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. П. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ В. И. Бартеневъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора В. С. Лозино-Лозинскій).

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что требованіе Мокѣева (онъ же Моисеевъ), составляющее предметъ настоящаго дѣла, о присужденіи ему суммы, составляющей стоимость рекрутской квитанціи, полученной помѣщицею Лазаревою, вслѣдствіе отдачи отца его въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, и переданной ею обществу крестьянъ дер. Жихаревки при введеніи въ дѣйствіе уставной грамоты, основано было на рѣшеніи Рѣпьевскаго волостного суда, послѣдовавшемъ 1 іюня 1881 г., по спору просителя съ означеннымъ крестьянскимъ обществомъ, о принадлежности помянутой рекрутской квитанціи; 2) на основаніи 203 ст. Общ. Полож. о крест. по прод. 1863 г. (особое прилож. къ IX Т. Св. Зак.), рекрутскія кви-

танціи, выданныя помѣщикамъ въ зачетъ будущихъ наборовъ, принадлежатъ сельскимъ обществамъ, или отдѣльнымъ семействамъ; если же возникнутъ сомнѣнія о томъ, кому должна принадлежать квитанція,—обществу или семейству, то сіи сомнѣнія рѣшаются волостнымъ судомъ съ утвержденія мирового посредника; по ст. же 98 Общ. Пол. о крест. (особ. прил. къ IX Т. изд. 1876 г.), независимо отъ дѣлъ, указанныхъ въ 96 и 97 ст. Общ. Полож., окончательному рѣшенію волостного суда подлежатъ всѣ, безъ ограниченія цѣною иска, между крестьянами споры и тяжбы, которые тяжущіяся стороны предоставятъ рѣшенію волостного суда (рѣш. Гр. Кас. Деп. 1870 г. № 744 и др.); 3) Рѣпьевскій волостной судъ въ рѣшеніи своемъ 1 іюня 1881 г., оставленномъ въ силѣ Сызранскимъ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, разсматривавшимъ кассаціонную на оное жалобу, призналъ спорную рекрутскую квитанцію принадлежащею Мокѣеву, и 4) Сызранскій Съѣздъ Мировыхъ Судей, несмотря на то, что имѣлъ въ виду такое рѣшеніе волостного суда, и повѣренчый просителя заявлялъ въ засѣданіи Съѣзда, что рѣшеніе это обязательно, по 893 ст. Уст. Гражд. Суд., перевершилъ вопросъ о принадлежности квитанціи, вопреки рѣшенію волостного суда. Сообразивъ изложенное и обсудивъ указаніе просителя Мокѣева на нарушеніе 893 ст. Уст. Гр. Суд., Правительствующій Сенатъ находитъ, что 893 ст. Уст. Гр. Суд. нельзя считать относящеюся только до общихъ судебныхъ установленій, образованныхъ по Уставамъ 20 ноября 1864 года,—напротивъ, буквальный смыслъ этой статьи показываетъ, что сила ея распространяется не только на рѣшенія мировыхъ судебныхъ установленій (рѣш. Гр. Кас. Деп. 1869 г. № 525 и др.) и на рѣшенія судовъ прежняго устройства (рѣш. 1875 г. № 356 и др.), но и на всѣ учрежденія, имѣющія судебную власть (прим. къ 2 ст. Учр. Суд. Уст., а по изд. Св. Зак. 1876 г. прим. къ 402 ст. I ч. II Т.); какъ сіе разъяснено уже въ отношеніи судовъ духовныхъ въ рѣш. Гр. Кас. Деп. 1880 г. № 79. Волостнымъ судамъ, по ст. 95 и слѣдующимъ Общ. Пол. о крест., также ввѣрена судебная власть по спорамъ и тяжбамъ между крестьянами. По 31 ст. Уст. Гр. Суд. (п. 3), изъяты изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій иски между сельскими обывателями, подлежащіе вѣдомству ихъ собственныхъ судовъ, развѣ на представленіе такого иска разбору Мирового Судьи послѣдовало взаимное между истцомъ и отвѣтчикомъ соглашеніе. Въ отношеніи обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ и отмѣны ихъ установленъ особый порядокъ (прил. къ 109 ст. Общ. Пол. о крест. въ особ. прил. къ IX Т. Св. Зак. изд. 1876 г.), по которому рѣшенія волостного суда по такому дѣлу, которое не подлежитъ его разбору, или постановленныя безъ соблюденія установленныхъ въ законѣ правилъ, отмѣняются мѣстными уѣздными съѣздами мировыхъ посредниковъ, или, по упраздненіи оныхъ, уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями (ст. 133 Пол. учр. крест. въ особ. прил. къ IX Т.), причемъ и въ правилахъ о предоставленіи въ вѣдѣніе судебныхъ установленій нѣкоторыхъ судебныхъ обязанностей мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій (прил. къ ст. I Пол. учр. крест. въ особ. прил. къ IX Т. изд. 1876 года) не установлено, чтобы судебныя мѣста, образованныя на основаніи Судебныхъ Уставовъ, могли пересматривать и перевершать дѣла, рѣшенныя волостными судами. Поэтому и имѣя въ виду прежнія свои рѣшенія (рѣш. Гр. Кас. Деп. 1868 г. №№ 490, 800, 1869 г. №№ 67, 484; 1870 г. № 744; 1872 г. № 1172), Правительствующій Сенатъ признаетъ и за рѣшеніями волостныхъ судовъ, постановленными въ кругѣ предоставленной имъ власти, такую же силу, какъ и за рѣшеніями другихъ судовъ. Вслѣдствіе сего, находя, что, постановивъ рѣшеніе, отмѣняющее приговоръ волостного суда по дѣлу, ему подвѣдомственному, Мировой Съѣздъ нарушилъ предѣлы предоставленной ему закономъ власти, такъ какъ, по 893 ст. Уст. Гр. Суд., рѣшеніе, вступившее въ законную силу, обязательно не только для тяжущихся, но и для судебныхъ мѣстъ, Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: отмѣнивъ рѣшеніе Сызранскаго Мирового Съѣзда, по нарушенію 893 ст. Уст. Гр. Суд., передать дѣло въ Кузнецкій Мировой Съѣздъ.

143.—1882 года ноября 17-го дня. *По прошенію уполномоченнаго Херсонско-Бессарабскаго губернскаго управленія государственныхъ имуществъ чиновника особыхъ порученій Михаила Орженцкаго, объ отмѣнѣ рѣшенія Одесскаго Уѣзднаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. П. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Ѳ. И. Проскуряковъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора В. С. Лозино Лозинскій).

Повѣренные общества поселянъ с. Чорбучъ, поселяне Пахомій Гратій и Иванъ Каушняпъ, въ исковомъ прошеніи, поданномъ Мировому Судьѣ 3 уч. Аккерманскаго мирового округа 19 сентября 1880 года, изложили, что во владѣнной записи общество поселянъ села Чобручъ получило отъ казны въ надѣлъ землю около рѣки Днѣстра со всѣми угодьями. Земля эта ежегодно весною, а иногда и лѣтомъ, заливается водою, вслѣдствіе чего сюда заплываетъ рыба, которую поселяне ловятъ для своего употребленія. Между тѣмъ, арендаторъ рыбной ловли въ р. Днѣстрѣ, Фишманъ, весною и лѣтомъ 1880 г. выловилъ на тѣхъ угодьяхъ рыбу. Дѣйствуя такимъ образомъ произвольно, Фишманъ причинилъ обществу убытокъ въ 90 руб. Не желая на будущее время подвергаться самовольнымъ вторженіямъ со стороны Фишмана во владѣніе общества, послѣднее, на основаніи изложеннаго и согласно 684, 387, 390, 423—425, 442 и 446 ст. X Т. I ч., а также 4 пун. 29, 1289 и 1310 стат. Уст. Гр. Суд., просило: 1) воспретить арендатору Фишману ловить на надѣлѣ поселянъ во время разлива рыбу и 2) взыскать съ Фишмана за причиненные имъ обществу убытки 90 рублей. Отвѣтчикъ Фишманъ, въ поданномъ имъ встрѣчномъ прошеніи отвергая исковыя требованія общества поселянъ села Чобчуръ, изложилъ, что по контракту, заключенному имъ 27 іюня 1880 года съ Херсонско Бессарабскимъ губернскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ срокомъ на 12 лѣтъ, считая съ 1-го января 1880 г., онъ пріобрѣлъ исключительное право ловить рыбу какъ въ водахъ, исчисленныхъ въ томъ контрактѣ, какъ и въ Чобручскомъ лиманѣ съ гирломъ; за это право онъ ежегодно уплачиваетъ казнѣ по 2150 руб.; между тѣмъ, Чобручское сельское общество, въ лицѣ своихъ сочленовъ, указанныхъ въ прошеніи, въ теченіе болѣе 5 ти мѣсяцевъ ловило рыбу на пространствѣ всего Чобручскаго лимана, отчего онъ, Фишманъ, въ это время улова рыбы вовсе не имѣлъ и потерпѣлъ убытковъ на 441 руб. На основаніи изложеннаго Фишманъ просилъ: 1) въ главномъ искѣ, предъявленномъ къ нему Чобручскимъ сельскимъ обществомъ, отказать, по неосновательности онаго, и 2) по встрѣчному его иску взыскать съ Чобручскаго общества въ его пользу 441 рубль. По выслушаніи объясненій сторонъ, показаній свидѣтелей и по разсмотрѣніи представленныхъ документовъ, Мировой Судья нашелъ, что, по смыслу контракта, представленнаго Фишманомъ, не предоставлено ему право ловить рыбу на земляхъ поселянъ, а лишь въ мѣстахъ, указанныхъ въ контрактѣ, о которыхъ въ немъ и ясно говорится; что посему ходатайство общества села Чобручъ о воспрещеніи Фишману ловить рыбу на землѣ, принадлежащей поселянамъ, подлежитъ удовлетворенію, и что взаимныя требованія тяжущихся сторонъ объ убыткахъ не подлежатъ удовлетворенію по бездоказательности, а потому опредѣлилъ: на основаніи 81, 82, 112, 102, 105 и 129 стат. Устава Гражд. Судопроизв. и 1536 ст. Т. X ч. I, воспретить арендатору рыбныхъ ловель, Фишману, ловить рыбу на надѣлѣ поселянъ села Чобручъ, а въ убыткахъ обществу села Чобручъ отказать, равно какъ и во встрѣчномъ искѣ Фишмана къ обществу. По апелляціонной жалобѣ Фишмана дѣло восходило въ Аккерманскій Мировой Съѣздъ, который рѣшеніе Мирового Судьи утвердилъ. По воспослѣдованіи рѣшенія Съѣзда, уполномоченный Херсонско Бессарабскаго управленія государственныхъ имуществъ, чиновникъ Орженцкій, въ качествѣ 3 го лица, не участвовавшаго въ дѣлѣ, подалъ въ Правительствующій Сенатъ просьбу объ отмѣнѣ сего рѣшенія Съѣзда, какъ нарушающаго интересы неучаствующаго въ дѣлѣ казеннаго управленія. Принявъ во вниманіе: 1) что Фишманъ при производствѣ сего дѣла права свои на рыбную ловлю въ спорныхъ мѣстахъ основывалъ на контрактѣ объ отдачѣ ему означен.

ныхъ ловель въ аренду Херсонско Бессарабскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ; 2) что Мировой Съѣздъ, расматривая дѣло вслѣдствіе апелляціи Фишмана, согласно съ рѣшеніемъ Мирового Судьи, не призналъ за Фишманомъ права на рыбную ловлю въ спорныхъ мѣстахъ, и 3) что, между тѣмъ, вопросъ о пространствѣ правъ Фишмана, пріобрѣтенныхъ имъ отъ Херсонско Бессарабскаго управленія государственныхъ имуществъ, касается и правъ сего управленія, Правительствующій Сенатъ вслѣдствіе сего, признавъ заслуживающимъ уваженія ходатайство уполномоченнаго означеннаго управленія объ отмѣнѣ обжалованнаго рѣшенія, какъ нарушающаго интересы неучаствующаго въ дѣлѣ казеннаго управленія, на основаніи 795, 807 и 809 ст. Устава Граждан. Судопроизв., опредѣлилъ: рѣшеніе Аккерманскаго Мирового Съѣзда, по дѣлу сему постановленное, въ отношеніи отказа Фишману въ правѣ ловли рыбы въ спорныхъ мѣстахъ отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія въ этомъ отношеніи передать въ Одесскій Уѣздный Мировой Съѣздъ. Въ судебномъ засѣданіи этого Съѣзда уполномоченный Херсонско Бессарабскаго управленія государственныхъ имуществъ, чиновникъ Орженцкій, объяснилъ, что казна, давая въ надѣлъ обществу села Чобручъ землю, оставилъ за собою право на рыбныя ловли, что, такимъ образомъ, по мнѣнію его, не лишается права казна или лицо, заключившее съ нею контрактъ, производить ловлю рыбы и въ надѣлахъ, отведенныхъ поселянамъ, причемъ сослался на владѣнную запись. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и выслушавъ заключеніе Товарища Прокурора, Съѣздъ Мировыхъ Судей нашелъ, что изъ представленныхъ къ дѣлу: контракта, заключеннаго Фишманомъ съ Херсонско Бессарабскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ 27-го іюня 1880 года, и постановленія Бессарабскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отъ 5 го сентября того же года усматривается, что Фишману предоставлено право ловить рыбу лишь въ прибыляхъ водъ, поименованныхъ въ томъ контрактѣ, но изъ смысла такового не видно, чтобы право это распространялось и на ту часть прибыли водъ, которая охватываетъ собою на нѣсколько верстъ земли крестьянскихъ надѣловъ общества села Чобручъ, каковое, по силѣ 424 и 425 ст. Т. X ч. I, по праву собственности на землю, какъ владѣлецъ ея, имѣетъ право на всѣ произведенія на поверхности, на все, что заключается въ нѣдрахъ ея, на воды, въ предѣлахъ ея находящіяся, и, словомъ, на всѣ ея принадлежности; а такъ какъ въ данномъ случаѣ показаніями спрошенныхъ на судѣ у Мирового Судьи свидѣтелей установлено, что крестьяне ловили рыбу на собственно имъ принадлежащихъ земляхъ, то и исковыя требованія Фишмана къ обществу села Чобручъ являются лишенными всякаго основанія. Въ виду этого, признавая соображенія Мирового Судьи и основанное на нихъ рѣшеніе его вполнѣ правильными и согласными съ обстоятельствами дѣла и приведенными имъ законами, Одесскій Уѣздный Мировой Съѣздъ, руководствуясь 81 и 129 ст. Устава Гражд. Судопроизводства, 424 и 425 ст. Т. X ч. I, опредѣлилъ: рѣшеніе Мирового Судьи утвердить. По уполномочію третьяго лица—Херсонско Бессарабскаго управленія государственныхъ имуществъ, чиновникъ особыхъ порученій того управленія, коллежскій ассесоръ Орженцкій подалъ въ Правительствующій Сенатъ на рѣшеніе Одесскаго Уѣзднаго Мирового Съѣзда кассаціонную жалобу, въ коей ходатайствуетъ объ отмѣнѣ этого рѣшенія по слѣдующимъ основаніямъ: 1) со вступленіемъ въ дѣло, въ качествѣ 3 го лица, казеннаго вѣдомства, дѣло это, какъ сопряженное съ казеннымъ интересомъ, перестало быть подсуднымъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ. Изъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересомъ казны, вѣдомству мировыхъ судебныхъ учрежденій подсудны исключительно дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія (2 п. 31 и 1310 стат. Уст. Гражд. Суд.); всѣ же прочія дѣла, въ которыхъ участвуютъ казенныя управленія изъяты изъ вѣдомства мировыхъ установленій (1289 ст. того же Устава). Въ настоящемъ случаѣ обществомъ крестьянъ села Чобручъ былъ предъявленъ искъ о признаніи за нимъ права на рыбную ловлю, и состоявшимся рѣшеніемъ Съѣзда разрѣшается вопросъ о правахъ казны и крестьянъ на рыбныя ловли. Такимъ образомъ, сущность дѣла составляетъ споръ о правѣ угодій въ чужомъ имуществѣ,

какого рода дѣла не подходятъ подъ указанные въ 1310 стат. Устава Гражд. Суд., случаи и должны быть признаны неподсудными мировымъ судебнымъ учрежденіямъ. Хотя о неподсудности дѣла Мировому Съѣзду не было заявлено отвода со стороны участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, но такъ какъ дѣло это является по роду своему неподсуднымъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ то, согласно 80, 1 п. 584 ст. Устава Гражд. Суд., Съѣздъ, допустивъ казенное вѣдомство къ участію въ настоящемъ дѣлѣ въ качествѣ третьяго лица, обязанъ былъ самъ возбудить вопросъ о подсудности дѣла; 2) разрѣшая настоящее дѣло, Съѣздъ упустилъ въ виду, что оно заключаетъ въ себѣ споръ о правѣ угодій въ чужомъ имуществѣ. Предъявленнымъ къ арендатору казенной оброчной статьи Фишману искомъ общество крестьянъ оспариваетъ, правильно ими неправильно присваиваемое себѣ казною, въ правахъ которой является Фишманъ, право рыбной ловли въ предѣлахъ крестьянскихъ владѣній, т. е. право угодій въ чужомъ имуществѣ (452, 463 и 464 ст. I ч. X Т.). Всякіе споры о таковомъ правѣ, какъ самостоятельномъ, не зависящемъ отъ воли собственника правѣ на недвижимость, неподсудны мировымъ судебнымъ учрежденіямъ (1 пун. 31 ст. Уст. Гр. Судопр.); 3) хотя, по 424 ст. I ч. X Т., собственнику земли принадлежитъ право на ея поверхность, нѣдра и воды, но возможны ограниченія права собственности, устанавливаемыя закономъ или договоромъ, и именно послѣдняго рода случаи предусмотрѣны 463 ст. I ч. X Т., по которой возможны отдѣльныя и независимыя отъ правъ собственника земли права на рыбныя ловли. Такъ какъ казна, въ лицѣ своего представителя, въ засѣданіи Съѣзда основывала свои права на оставленномъ за нею по владѣнной записи правѣ на рыбныя ловли, тотъ споръ этотъ могъ быть разрѣшенъ Съѣздомъ лишь на основаніи содержанія владѣнной записи. Между тѣмъ, Съѣздъ при рѣшеніи настоящаго дѣла, оставивъ безъ всякаго вниманія указанія уполномоченнаго казны на владѣнную запись, не вошелъ въ разсмотрѣніе ея въ нарушеніе 339 и 456 ст. Уст. Гр. Суд.

По выслушаніи словесныхъ объясненій уполномоченнаго отъ министерства государственныхъ имуществъ, коллежскаго ассесора Любимова, и заключенія Товарища Оберъ Прокурора, обращаясь прежде всего къ жалобѣ уполномоченнаго Херсонско Бессарабскаго управленія государственныхъ имуществ., Орженцкаго, на то, что Одесскій уѣздный Мировой Съѣздъ, допустивъ казенное управленіе къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ третьяго лица, не возбудилъ вопроса о подсудности этого дѣла, какъ сопряженнаго съ казеннымъ интересомъ,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по силѣ 1289 ст. Уст. Гр. Суд., дѣла казенныхъ управленій, за исключеніемъ положительно означенныхъ въ законѣ случаевъ, не подлежатъ вѣдомству мировыхъ установленій. Изъ сопоставленія этой статьи съ предыдущими статьями 1287 и 1288, равно какъ изъ содержанія 2-го пункта 31 ст. Уст. Гражд. Суд., явствуетъ, что правило, въ ст. 1289 изложенное, изъемлетъ отъ подсудности мировыхъ установленій тѣ дѣла, въ которыхъ казенное управленіе является истцомъ или отвѣтчикомъ. Но въ приведенныхъ статьяхъ не содержится указанія на то, чтобы сіе изъятіе распространялось и на тѣ случаи, когда казенное управленіе выступаетъ на судѣ въ качествѣ 3-го лица, не участвовавшаго въ дѣлѣ, и утверждаетъ, что рѣшеніе, постановленное въ разрѣшеніе спора тяжущихся, нарушаетъ права казеннаго управленія. По силѣ 799 и 807 ст. Уст. Гр. Суд., по жалобѣ 3-го лица, рѣшеніе суда можетъ быть отмѣнено лишь въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся до правъ 3-го лица, подавшаго просьбу объ отмѣнѣ рѣшенія, развѣ бы другія части того рѣшенія состояли съ ними въ неразрывной связи. Точный смыслъ этой статьи несомнѣнно показываетъ, что законъ, предоставляя 3-му лицу означенный способъ обжалованія судебнаго рѣшенія, допускаетъ отмѣну рѣшенія лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для огражденія правъ 3-го лица, и вовсе не имѣетъ въ виду вслѣдствіе просьбы 3-го лица уничтожатъ все предшествовавшее производство, въ коемъ разрѣшенъ споръ первоначальныхъ тяжущихся сторонъ. По 1283 ст. Уст. Гр. Суд. дѣла казеннаго управленія производятся по общимъ правиламъ Гражданскаго Судопроизводства, съ изъятіями, въ дальнѣйшихъ статьяхъ указанными. Такъ какъ въ

*

числѣ этихъ изъятій не содержится постановленія, въ силу котораго устранялось бы примѣненіе общихъ правилъ гражданскаго судопроизводства при *производствѣ дѣлъ по просьбамъ казенныхъ управленій въ качествѣ третьихъ* лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ, то изъ сего слѣдуетъ, что вступленіе въ дѣло казны, въ качествѣ третьяго лица, не участвовавшаго въ дѣлѣ, не можетъ въ силу лишь наличности вносимаго ею въ дѣло казеннаго интереса измѣнить подсудность того дѣла, первоначально опредѣлившуюся содержаніемъ искового требованія, сообразно съ общими правилами о подсудности, равно какъ не можетъ повлечь за собою безусловно уничтоженіе всего предшествовавшаго производства по дѣлу, въ которое казна вступаетъ третьимъ лицомъ. Допустить противное сему толкованіе невозможно, при отсутствіи въ *Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства точныхъ правилъ въ разрѣшеніе тѣхъ* затрудненій, которыя вслѣдствіе того возникли бы для истца, обратившаго свой искъ не противъ казеннаго управленія, а противъ отвѣтчика, не пользующагося на судѣ тою особенною подсудностью, которая предоставлена казеннымъ управленіямъ. Въ подчиненіи казенныхъ управленій по этому предмету дѣйствію общихъ правилъ нельзя видѣть ослабленія защиты правъ казны на судѣ, ибо казеннымъ управленіямъ не перегораждается возможность охранять свои права самостоятельнымъ искомъ противъ нарушителей оныхъ; избирая же вмѣсто сего способъ обжалованія судебнаго рѣшенія подачею *просьбы въ качествѣ третьяго лица, не участвовавшаго въ дѣлѣ, казенное* управленіе тѣмъ самымъ выражаетъ, что оно не встрѣчаетъ неудобствъ защиту своихъ правъ, какой-бы подсудности ни подлежало требованіе казны по существу своему, предоставить тому же суду, который уполномоченъ на разборъ дѣла, подавшаго поводъ къ нарушенію правъ казны состоявшимся по дѣлу рѣшеніемъ. Примѣняя эти общія соображенія къ данному дѣлу и принимая во вниманіе: что въ Одесскій Уѣздный Мировой Съѣздъ дѣло общества поселянъ сел. Чобручъ съ мѣщаниномъ Фишманомъ было передано для новаго разсмотрѣнія не въ цѣломъ его составѣ, а лишь въ отношеніи *отказа Фишману въ правѣ ловли рыбы въ спорныхъ мѣстахъ, прочія же* части взаимныхъ исковъ тяжущихся не подлежали пересмотру; что при производствѣ дѣла въ Одесскомъ Мировомъ Съѣздѣ уполномоченный Херсонско-Бессарабскаго управленія государственныхъ имуществъ не возбуждалъ вопроса о подсудности дѣла и что правила объ особенной подсудности для дѣлъ казенныхъ управленій не могутъ имѣть примѣненія къ производствамъ по просьбамъ казенныхъ управленій, какъ третьихъ лицъ, слѣдуетъ притти къ заключенію, что, вопреки объясненію просителя, Мировой Съѣздъ не имѣлъ основанія признать, что подсудность дѣла измѣнилась вслѣдствіе *вступленія въ дѣло, въ качествѣ третьяго лица,—казеннаго управленія* (2 п. 31 ст. Устава Гражд. Судопр.), и что, независимо отъ отводовъ со стороны тяжущихся, дѣло не подлежало разсмотрѣнію Съѣзда, какъ изъятое отъ подсудности мировому суду по роду своему (1 п. 584 ст. Уст. Гражд. Судопроизв.). Переходя засимъ къ обсужденію другого, возбужденнаго просителемъ, вопроса о неподсудности мировому суду настоящаго дѣла по предмету его, какъ заключающаго въ себѣ споръ о правѣ угодій въ чужомъ имуществѣ или о правѣ участія частнаго, подводимый кассаторомъ подъ дѣйствіе 1-го п. 31 ст Уст. Гражданск. Судопр., Правительствующій Сенатъ усматриваетъ изъ обжалованнаго рѣшенія, что общество поселянъ сел. Чобручъ для огражденія своего земельнаго надѣла отъ самовольныхъ вторженій со стороны Фишмана предъявило къ нему искъ, въ смыслѣ 4 п. 29 ст. Устава Гражд. Судопр., о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Рѣшеніемъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1879 года № 302 разъяснено, что „иски о возстановленіи нарушеннаго права участія частнаго (пун. 5 ст. 29 Уст. Гражд. Судопр.), имѣющіе предметомъ огражденіе права посторонняго участія въ выгодахъ чужого имущества, могутъ быть вчинаемы только тѣми именно лицами, которыя въ тѣхъ или другихъ предѣлахъ (ст. 442 и послѣд. Тома X ч. I й) пользовались и считаютъ себя въ правѣ и впредь пользоваться означеннымъ правомъ, къ дальнѣйшему осуществленію коего они встрѣчаютъ препятствіе со стороны собственника имѣнія. Посему въ подобнаго рода дѣлахъ собственникъ имѣнія можетъ принимать участіе не иначе,

какъ въ качествѣ отвѣтчика, ибо правонарушенія, предусмотрѣннаго въ п. 5 ст. 29 Уст. Гражд. Судопроиз., въ отношеніи къ собственнику имѣнія со стороны лица посторонняго послѣдовать не можетъ. Въ свою очередь собственникъ, владѣющій имѣніемъ по праву собственности (ст. 420 и послѣд. Т. X ч. 1-й), въ случаѣ, если онъ сочтетъ владѣніе нарушеннымъ какимъ бы то ни было образомъ, можетъ ограждать свое владѣніе только путемъ иска о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, по п. 4 ст. 29 Уст. Граждан. Судопр.“ Изъ приведенныхъ разъясненій въ примѣненіи ихъ къ настоящему дѣлу явствуетъ, что общество поселянъ села Чобручъ, какъ собственникъ земли, въ предѣлахъ которой арендаторъ казенныхъ рыбныхъ ловель, Фишманъ, дозволялъ себѣ самовольно ловить рыбу, поступило совершенно правильно, предъявивъ къ Фишману искъ по 4 п. 29 ст. Уст. Гр. Суд., и что Мировой Съѣздъ не имѣлъ законнаго основанія къ признанію дѣла себѣ неподсуднымъ, ибо подсудность иска опредѣляется существомъ искового требованія, а не содержаніемъ возраженій отвѣтчика (Сб. рѣш. 1873 г. № 1497; 1874 г. № 380; 1877 г. № 107 и др.), и хотя Фишманъ, не ограничиваясь опроверженіемъ исковыхъ требованій общества поселянъ села Чобручъ, со своей стороны предъявилъ къ обществу встрѣчный искъ объ убыткахъ на сумму 441 р., но и этотъ послѣдній искъ, по силѣ 2 п. 29 ст. Уст. Гр. Судопр., подсуденъ мировымъ судебнымъ установленіямъ. Затѣмъ, такъ какъ изъ дѣлъ казенныхъ управленій подсудны мировымъ судебнымъ установленіямъ, по силѣ п. 2 ст. 31, 1289 и 1310 ст. Уст. Гр. Суд., дѣла о завладѣніи или о нарушеніи владѣнія (Сб. рѣш. 1872 г. № 63 и др.), то первоначальный искъ общества поселянъ с. Чобручъ по предмету своему не переставалъ и со вступленіемъ въ дѣло казеннаго управленія быть подсуднымъ мировому суду. Въ виду этихъ соображеній противоположныя имъ указанія просителя не заслуживаютъ уваженія. Наконецъ, что касается жалобы уполномоченнаго Херсонско-Бессарабскаго управленія государственныхъ имуществъ на оставленіе Мировымъ Съѣздомъ безъ разсмотрѣнія владѣнной записи на землю, отведенную въ надѣлъ обществу поселянъ села Чобручъ, то эта жалоба лишена всякаго основанія, ибо упомянутой владѣнной записи не представлено къ дѣлу ни первоначальными тяжущимися сторонами, ни уполномоченнымъ третьяго лица—казеннаго управленія, ссылавшимся на этотъ документъ. Въ настоящемъ дѣлѣ Одесскій Уѣздный Мировой Съѣздъ постановилъ рѣшеніе о воспрещеніи Фишману ловли рыбы на надѣлѣ поселянъ, установивъ по обстоятельствамъ дѣла, что предоставленное казеннымъ управленіемъ арендатору Фишману право рыбной ловли не распространяется на ту часть прибыли водъ, которая охватываетъ собою земли крестьянскихъ надѣловъ общества крестьянъ села Чобручъ, и этотъ выводъ, какъ относящійся къ фактической сторонѣ дѣла, не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ (12 ст. Учр. Кас. Деп.). Но чтобы по владѣнной записи села Чобручъ казна оставила за собою право рыбной ловли въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, того въ обжалованномъ рѣшеніи Мирового Съѣзда не установлено; посему упадаютъ сами собою всѣ тѣ указанія просителя на нарушеніе законовъ, которыя онъ выводитъ изъ факта, голословно имъ утверждаемаго. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: прошеніе уполномоченнаго Херсонско-Бессарабскимъ губернскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ оставить, за силою 186 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

144.—1882 года декабря 15-го дня. *По прошенію повѣреннаго полковника Штутцера, присяжнаго повѣреннаго Пашковича, объ отмѣнѣ рѣшенія Варшавской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Р. Отмарштейнъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Умершая 19/31 марта 1880 г. въ г. Варшавѣ австрійско подданная Юзефа Тржцинская оставила собственноручное завѣщаніе, въ коемъ она отказала все свое движимое имущество полковнику Штутцеру, обязавъ его, между про-

чимъ, выдать изъ завѣщаннаго ему наслѣдства 1000 руб. ксендзу Невядомскому (Невяровскому) съ тѣмъ, чтобы на проценты отъ означенной суммы онъ поддерживалъ горѣніе лампады въ костелѣ кармелитовъ и отправлялъ одинъ разъ въ году богослуженіе. На завѣщаніи имѣется подпись Юзефы Тржцинской и затѣмъ выставлено число „2 августа“, но года не обозначено. Завѣщаніе это представлено было Штутцеромъ въ Варшавскій Окружный Судъ, и по опредѣленію товарища предсѣдателя этого Суда отъ 29 марта—10 апрѣля 1880 г. Штутцеръ введенъ былъ во владѣніе наслѣдствомъ. Затѣмъ въ августѣ того же 1880 г. братъ завѣщательницы, Станиславъ Тржцинскій, и сестра ея, вдова Антонина Коль, оба австрійско подданные, предъявили въ Варшавскомъ Окружномъ Судѣ, въ качествѣ наслѣдниковъ Тржцинской по закону, искъ къ Штутцеру о признаніи помянутаго завѣщанія, за силою 970 ст. Гр. Код., недѣйствительнымъ на томъ основаніи, что оно помѣчено лишь числомъ мѣсяца, безъ обозначенія года. Отвѣтчикъ возражалъ, что хотя завѣщаніе помѣчено только числомъ мѣсяца и въ немъ недостаетъ обозначенія года, но представленное къ дѣлу свидѣтельство викарнаго священника костела удостовѣряетъ, что упоминаемая въ завѣщаніи лампада устроена въ 1879 году; а какъ завѣщательница умерла 19/31 марта 1880 года, то ясно, что завѣщаніе было писано 2 го августа 1879 года. На этомъ основаніи отвѣтчикъ, ссылаясь и на свидѣтелей въ подтвержденіе времени устройства лампады, просилъ въ искѣ отказать. Окружный Судъ нашелъ, что хотя, согласно мнѣніямъ комментаторовъ кодекса и практикѣ французскихъ судовъ, неполнота числа составленія завѣщанія можетъ быть восполнена, если въ самомъ духовномъ завѣщаніи указаны обстоятельства, въ силу которыхъ можно было бы сдѣлать такое восполненіе, но въ данномъ случаѣ, если бы даже согласиться съ такимъ толкованіемъ 970 ст. Гр. Код., въ завѣщаніи Тржцинской не содержится именно обстоятельствъ, по коимъ можно было бы восполнить приведенный выше недостатокъ въ обозначеніи времени написанія завѣщанія; что, по объясненной выше теоріи и основанной на ней практикѣ судовъ, въ самомъ завѣщаніи должны быть помѣщены несомнѣнные и общеизвѣстные факты, пополняющіе число составленія завѣщанія, но ни въ какомъ случаѣ для удостовѣренія дѣйствительнаго числа нельзя прибѣгать къ свидѣтельскимъ показаніямъ или къ письменнымъ документамъ, исходящимъ отъ постороннихъ лицъ, и что за изложенными соображеніями завѣщаніе Юзефы Тржцинской слѣдуетъ признать недѣйствительнымъ. На послѣдовавшее въ этомъ смыслѣ рѣшеніе Окружнаго Суда повѣренный Штутцера принесъ Варшавской Судебной Палатѣ апелляціонную жалобу, въ которой апелляторъ, между прочимъ, объяснилъ, что для полноты числа составленія завѣщанія достаточно, если завѣщатель обозначитъ это число какимъ либо фактомъ, совершившимся въ извѣстный моментъ времени, хотя бы этотъ моментъ и не былъ извѣстенъ лицамъ, читающимъ впослѣдствіи завѣщаніе, лишь бы была возможность положительно доказать, когда именно фактъ совершился. Въ дополненіе къ сему апелляторъ въ засѣданіи Палаты указывалъ и на то: 1) что настоящій искъ предъявленъ къ одному только Штутцеру неправильно, такъ какъ по поводу сдѣланнаго въ завѣщаніи отказа въ пользу церкви въ дѣлѣ заинтересована и прокураторія; 2) что истица Коль не доказала своего вдовства; по законамъ же Австр. Гражд. Код. мужъ есть глава семьи: онъ управляетъ имуществомъ ея и безотчетно пользуется доходами съ онаго; 3) что завѣщательница, будучи австрійско подданною, жила въ Варшавѣ временно и засимъ къ оставшемуся послѣ нея наслѣдству, по силѣ 8 ст. Высочайше утвержденнаго 5 іюля 1844 года мнѣнія Государственнаго Совѣта и 19 ст. трактата Россіи съ Австріей отъ 2/14 го сентября 1860 года, должны быть примѣнены постановленій Австрійскаго кодекса, а по этимъ постановленіямъ наслѣдникъ не имѣетъ права на наслѣдство въ силу самаго закона: онъ долженъ исходатайствовать вводъ во владѣніе и для сего представить суду свою легитимацію и заявленіе о принятіи наслѣдства; до того же наслѣдство по ст. 798 Австр. Код. считается собственностью наслѣдодателя, и наслѣдники не имѣютъ права отыскивать наслѣдственное имущество; 4) что, кромѣ сего, истцы должны, по ст. 735 Австр. Код., для полученія наслѣдства доказать, что родители ихъ сконча-

лись, а такъ какъ это не исполнено, то слѣдуетъ признать, что истцы не имѣютъ легитимаціи; 5) что Тржцинская, какъ австрійско подданная, обязана была при составленіи завѣщанія подчиняться лишь австрійскимъ законамъ, а по этимъ законамъ (578 статья Австрійскаго Кодекса) требуется только, чтобы завѣщаніе было написано и подписано завѣщателемъ; в) что по австрійскому закону (ст. 35) къ завѣщанію, составленному иностранцемъ въ пользу австрійско-подданнаго, примѣняется или австрійскій законъ, или иностранный, смотря по тому, который изъ нихъ выгоднѣе для австрійца, на основаніи же этого правила, примѣненіе котораго разрѣшено и 11 ст. Гр. Улож. 1825 года, отвѣтчикъ по настоящему дѣлу, какъ русскій подданный, въ пользу коего сдѣлано завѣщаніе австрійско подданною, имѣетъ право ссылаться на болѣе выгодный для него австрійскій законъ, и 7) что истцы потеряли право на предъявленіе иска за необжалованіемъ въ установленномъ порядкѣ опредѣленія товарища предсѣдателя Варшавскаго Окружнаго Суда о вводѣ Штутцера во владѣніе завѣщаннымъ имуществомъ. Затѣмъ, развивая соображенія свои о способахъ восполненія недостатка въ означеніи числа составленія завѣщанія, апелляторъ ссылался вновь на возможность такого восполненія указанными имъ фактами, на письменные документы, удостовѣряющіе ихъ дѣйствительность, и на допросъ свидѣтелей. Противъ изложенныхъ возраженій повѣренные истцовъ представили также свои соображенія, прописанныя въ протоколѣ судебнаго засѣданія. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что отвѣтчикъ нарушилъ 745 и 765 ст. Уст. Гр. Суд. представленіемъ въ апелляціонной инстанціи такихъ возраженій, о которыхъ не заявлялось имъ въ 1 инстанціи; что указаніе отвѣтчика на предъявленіе иска къ одному только Штутцеру, безъ привлеченія къ дѣлу прокураторіи, противно 653 ст. Уст. Гражд. Судопр.; что вдовстро истицы Кноль удостовѣряется официальнымъ засвидѣтельствованіемъ нотаріуса, имѣющимся на довѣренности истицы; что, на основаніи 3 ст. Гр. Улож. 1825 г., 707 и 464 ст. Уст. Гр. Судопр., къ вопросу о соблюденіи формы въ составленіи завѣщанія должны примѣняться законы мѣстные, а не австрійскіе, въ виду начала „locus regit actum“, и что отвѣтчикъ не можетъ доказывать свидѣтельскими показаніями дѣйствительность фактовъ, чуждыхъ завѣщанію. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Судебная Палата нашла, что по общему правилу всякій актъ для того, чтобы быть дѣйствительнымъ, долженъ удовлетворять въ отношеніи формы тѣмъ требованіямъ, которыя предписаны закономъ, дѣйствующимъ въ мѣстѣ составленія акта. Начало это проведено и въ Судебныхъ Уставахъ 20 ноября 1864 года, какъ непосредственно вытекающее изъ содержанія 707 и 464 ст. Уст. Гражд. Судопр. Непримѣнимость этого общаго правила къ настоящему случаю апелляторъ основываетъ главнымъ образомъ на § 8 Высочайше утвержден. 5 іюля 1844 года мнѣнія Государственнаго Совѣта и на ст. 19 трактата Россіи съ Австріей отъ 2/14 сентября 1860 года. Между тѣмъ, въ § 8 упомянутаго мнѣнія Государствен. Совѣта сказано лишь, что дѣло о движимомъ имуществѣ, оставшемся послѣ проживавшаго въ Россіи иностранца, не бывшаго русскимъ подданнымъ, рѣшается по общимъ объ иностранцахъ законамъ того мѣста, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе; что же касается 19 ст. трактата, то таковая указываетъ лишь на мѣры охраненія имущества, оставшагося послѣ русскаго подданнаго, умершаго въ Австріи, или австрійскаго подданнаго, умершаго въ Россіи. Законы эти ни сами по себѣ, ни въ связи со статьями мѣстнаго и Австрійскаго Гражданск. Кодексовъ, указанными апелляторомъ, не приводятъ къ тому выводу, что при оцѣнкѣ дѣйствительности духовнаго завѣщанія Тржцинской должны быть приняты въ соображеніе не мѣстные законы, а Австрійскій Гражданскій Кодексъ, и что истцы для пріобрѣтенія права на искъ были обязаны предварительно принять наслѣдство по правиламъ, предписаннымъ австрійскими законами. Перейдя засимъ къ другимъ возраженіямъ апеллятора, Палата нашла, что хотя вдова Кноль и не представила свидѣтельства о смерти своего мужа, но изъ засвидѣтельствованія нотаріусомъ довѣренности видно, что Антонина Кноль вдова; что истцы имѣли право предъявить искъ къ одному Штутцеру, какъ къ общему легатарію; что то обстоятельство, что истцы не обжаловали постановленія о вводѣ Штутцера во владѣніе наслѣдственнымъ имуще-

ствомъ, не имѣетъ значенія для дѣла, такъ какъ постановленіе это, съ удовлетвореніемъ исковыхъ требованій въ томъ объемѣ, какъ они предъявлены истцами, само собою утрачиваетъ свою силу. Что же касается вопроса о дѣйствительности спорнаго духовнаго завѣщанія по мѣстнымъ законамъ, то Палата нашла, что, согласно 970 ст. Гр. Код., собственноручное духовное завѣщаніе дѣйствительно только тогда, когда оно помѣчено числомъ, т. е. когда на немъ обозначены годъ, мѣсяцъ и день составленія. Между тѣмъ, въ духовномъ завѣщаніи Тржцинской годъ вовсе не указанъ и изъ содержанія завѣщанія нельзя извлечь такихъ точныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ, которыя могли бы пополнить этотъ недостатокъ, пополнить же число данными, почерпнутыми внѣ духовнаго завѣщанія, противорѣчило бы точному смыслу 970 ст., очевидно, требующей, чтобы число было означено въ самомъ духовномъ завѣщаніи. По изложеннымъ соображеніямъ Варшавская Судебная Палата утвердила рѣшеніе Окружнаго Суда, признавъ апелляціонную жалобу отвѣтчика незаслуживающею уваженія. Въ принесенной на это рѣшеніе кассаціонной жалобѣ повѣренный отвѣтчика, присяжный повѣренный Пашковичъ, проситъ объ отмѣнѣ онаго по нарушенію 457, 4, 332, 333, 464, 707, 339 ст. Уст. Гр. Суд., 3 и 11 ст. Гр. Улож. 1825 г., 970 и 999 ст. Гр. Код. и 19 ст. трактата Россіи съ Австріей отъ 2/14 сентября 1860 г.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго вдовы Кноль, присяжнаго повѣреннаго Эндена, и повѣреннаго полковника Штутцера, присяжнаго повѣреннаго Пашковича, а равно заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, и разсмотрѣвъ рѣшеніе Варшавской Судебной Палаты въ предѣлахъ кассаціонной жалобы, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) Судебная Палата въ правѣ была заключеніе о вдовствѣ истицы Кноль вывести изъ содержанія представленнаго къ дѣлу документа, а именно изъ нотаріальнаго засвидѣтельствованія довѣренности вдовы Кноль; указаніе же просителя на то, что Палата нарушила 457 и послѣдующія ст. Уст. Гр. Суд. установленіемъ означеннаго факта, безъ представленія со стороны Кноль особаго акта гражданскаго состоянія, оказывается незаслуживающимъ уваженія, тѣмъ болѣе, что во время производства настоящаго дѣла въ обѣихъ инстанціяхъ отвѣтникъ самъ вовсе не утверждалъ того, что мужъ истицы Кноль находится еще въ живыхъ) II) Указывая на то, что настоящій искъ предъявленъ къ одному только Штутцеру, тогда какъ въ данномъ дѣлѣ заинтересована и церковь, въ пользу коей учиненъ въ завѣщаніи Тржцинской отказъ, проситель объясняетъ, что принятіемъ настоящаго иска къ разсмотрѣнію Палата нарушила 4 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства, въ силу коей никакой споръ гражданскій не можетъ быть разрѣшенъ безъ предоставленія заинтересованной сторонѣ права защиты. Такое указаніе просителя въ кассаціонной его жалобѣ представляется неумѣстнымъ, потому что всякій можетъ ходатайствовать предъ судомъ лишь самъ за себя и въ просьбѣ объ отмѣнѣ рѣшенія указывать лишь на такія неправильности, коими нарушается его право (сб. рѣш. 1873 года № 975 и мн. др.); проситель же вовсе не заявляетъ того, чтобы предъявленіемъ настоящаго иска къ одному только Штутцеру и принятіемъ онаго къ разсмотрѣнію безъ привлеченія къ дѣлу представителя интересовъ церкви, нарушалось въ чемъ либо право отвѣтчика Штутцера. III) Судебная Палата нашла, что необжалованіе истцами постановленія о вводѣ Штутцера во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ не имѣетъ значенія для настоящаго дѣла, такъ какъ постановленіе это, съ удовлетвореніемъ исковыхъ требованій въ томъ объемѣ, въ какомъ они предъявлены, утрачиваетъ свою силу. Проситель же, признавая помянутое постановленіе дѣйствіемъ самостоятельнымъ, подлежавшимъ обжалованію въ состязательномъ порядкѣ, и считая просьбу объ отмѣнѣ сего постановленія также требованіемъ самостоятельнымъ, которое не подлежало бы принятію, если бы было предъявлено въ теченіе настоящаго процесса, говоритъ, что приведеннымъ выше заключеніемъ Палаты нарушены 332 и 333 ст. Уст. Гр. Судопроизвод. Но законы эти, касающіеся увеличенія и измѣненія исковыхъ требованій по существу или предъявленія новыхъ требованій, не имѣетъ, очевидно, никакого отношенія къ предмету, по которому постановлено Палатою приведенное выше заключеніе,

а потому и не могли быть ею нарушены. IV) Изъ буквальнаго смысла приводимыхъ просителемъ 19 ст. трактата Россіи съ Австріей отъ 2/14 сентября 1860 г. и 3 ст. Гр. Улож. 1825 года вовсе не вытекаетъ утверждаемаго присяжнымъ повѣреннымъ Пашковичемъ положенія, что движимость, остающаяся въ Царствѣ Польскомъ по смерти австрійско подданнаго, должна подлежать дѣйствію австрійскихъ законовъ и распоряженію тамошнихъ судовъ. Что же касается жалобы просителя на оставленіе Палатою, вопреки 339 ст. Уст. Гр. Суд., безъ разсмотрѣнія указанія отвѣтчика на то, что истцы для пріобрѣтенія права на предъявленіе настоящаго иска должны были, согласно австрійскимъ законамъ, доказать дѣйствительность кончины ихъ родителей и принятіе передъ австрійскими судами наслѣдства, оставшагося въ Варшавѣ послѣ Юзефы Тржцинской, то указаніе это, какъ видно изъ рѣшенія Палаты и протокола судебнаго засѣданія, было въ виду ея при разсмотрѣніи дѣла, но, на основаніи изложенныхъ въ рѣшеніи законовъ и соображеній, найдено неправильнымъ: Палата вообще отвергла выводъ отвѣтчика, что при оцѣнкѣ дѣйствительности духовнаго завѣщанія Тржцинской должны быть приняты въ соображеніе не мѣстные законы, а Австрійскій Гражданскій Кодексъ, и что истцы для пріобрѣтенія права на искъ обязаны были предварительно принять наслѣдство по правиламъ, предписываемымъ австрійскими законами. Такимъ образомъ, объясненія просителя о нарушеніи Палатою 19 статьи упомянутаго трактата, 3 ст. Гражд. Улож. 1825 года и 339 ст. Уст. Гражд. Судопр. представляются также неосновательными. V) Во время производства настоящаго дѣла въ обѣихъ инстанціяхъ отвѣтчикъ вовсе не утверждалъ того, что завѣщаніе Тржцинской писано было ею въ Австріи. Онъ дѣлаетъ впервые такое заявленіе въ кассаціонной жалобѣ. Засимъ какъ заявленіе это, такъ и дѣлаемый просителемъ изъ него выводъ, что къ завѣщанію Тржцинской слѣдуетъ, согласно указаннымъ самою Палатою 464 и 707 стат. Уст. Граж. Суд., примѣнить, по правилу „locus regit actum“, австрійскій законъ, не требующій обозначенія числа составленія завѣщанія, не могутъ подлежать, за силою 12 стат. Учр. Кассац. Департ., разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ (Сб. рѣш. 1873 г. № 595 и мн. др.). VI) Проситель говоритъ далѣе, что если бы спорный актъ былъ писанъ и въ Варшавѣ, то завѣщательница вовсе не была обязана соблюдать мѣстныя формы, и что это положеніе вытекаетъ, по мнѣнію просителя, изъ 3 пунк. ст. 999 Гражд. Кодекса (a contrario). Но, во первыхъ, въ 999 ст. Граждан. Код. вовсе не содержится какихъ либо отдѣльныхъ пунктовъ, а во вторыхъ, по буквальному смыслу и этого закона, собственноручное завѣщаніе Тржцинской, какъ писанное въ Варшавѣ, должно удовлетворять требованіямъ 970 ст. Гр. Код.; и VII) Проситель указываетъ, что Палата нарушила 339 ст. Уст. Граж. Суд. оставленіемъ безъ вниманія требованія Штутцера о примѣненіи, на основаніи 11 ст. Граж. Улож. 1825 года, къ завѣщанію Тржцинской, какъ австрійско-подданной, по правилу взаимности закона, выраженнаго въ 35 стат. Австрійскаго Гражд. Код., изъ коего, по мнѣнію просителя, явствуетъ, что къ Австріи къ актамъ, составляемымъ русскими въ пользу австрійцевъ, примѣняется либо русскій законъ, либо австрійскій, смотря по тому, который изъ нихъ выгоднѣе для австрійца. Но объясненное требованіе отвѣтчика внесено въ протоколъ судебнаго засѣданія, и, слѣдовательно, было въ виду Палаты при разрѣшеніи дѣла; отвѣтомъ же на это требованіе служитъ заключеніе Палаты о томъ, что завѣщаніе Тржцинской для дѣйствительности своей должно удовлетворять относительно формы тѣмъ требованіямъ, кои предписаны закономъ, дѣйствующимъ въ мѣстѣ составленія акта. На основаніи изложенныхъ соображеній Правительствующій Сенатъ признаетъ жалобу присяжнаго повѣреннаго Пашковича по всѣмъ приведеннымъ выше пунктамъ незаслуживающею уваженія. Но, принимая во вниманіе: 1) что во время производства настоящаго дѣла отвѣтчикъ подробно объяснялъ, что при отсутствіи всякаго сомнѣнія въ правоспособности завѣщательницы Тржцинской недостатокъ въ завѣщаніи ея, заключающійся въ неозначеніи года составленія онаго, можетъ согласно съ установившеюся судебною практикою быть восполненъ сличеніемъ времени устройства лампады, о которой упоминается въ завѣщаніи, со днемъ смерти завѣщательницы; 2) что въ подтвержденіе

времени устройства означенной лампады отвѣтчикъ ссылался какъ на представленные къ дѣлу письменные документы, такъ и на свидѣтелей; 3) что Судебная Палата, вопреки 339 и 711 ст. Уст. Гр. Суд., оставила объясненія и доводы отвѣтчика по сему предмету безъ обсужденія, не изложивъ въ рѣшеніи своемъ соображеній, изъ коихъ можно было бы видѣть, почему именно указываемое отвѣтчикомъ восполненіе недостатка въ означеніи числа составленія завѣщанія Тржцинской не могло въ данномъ случаѣ имѣть мѣста, и 4) что засимъ для Правительствующаго Сената не представляется возможности повѣрить правильность жалобы присяжнаго повѣреннаго Пашковича на оставленіе безъ удовлетворенія требованія отвѣтчика о восполненіи упомянутаго выше недостатка указаннымъ имъ способомъ,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: обжалованное повѣреннымъ полковника Штутцера рѣшеніе Варшавской Судебной Палаты, по нарушенію 339 и 711 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и передать дѣло, для новаго разсмотрѣнія, въ другой департаментъ той же Судебной Палаты.

145.—1882 г. декабря 15 дня. *По прошенію пов. бар. Брюнинга, какъ главнаго опекуна надъ несовершеннолѣтнимъ Викторомъ Ронде, и помѣщика Ланевскаго, какъ опекуна блюстителя того же несовершеннолѣтняго, прис. пов. Михаила Бѣдлицкаго объ отмѣнѣ рѣшенія Варшавской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ И. Р. Отмарштейнъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Помѣщикъ Евстафій Дзержбицкій въ собственноручномъ духовномъ завѣщаніи 1875 года сдѣлалъ, какъ приведено въ рѣшеніи по настоящему дѣлу Варшавской Судебной Палаты, слѣдующій отказъ: „Виктору Ронде, сыну Артура Дзержбицкаго, Лаура (дочь наслѣдодателя, которой по завѣщанію отказано имѣніе Поморжаны) уплатитъ 50 тыс. зл. польск., когда онъ достигнетъ 25 ти лѣтняго возраста; во всякомъ случаѣ, дареніе это зависитъ отъ моей жены, которая можетъ утвердить его или взять назадъ и раздѣлить поровну между сестрами“. Въ 1880 году одна изъ дочерей завѣщателя, Юлія Григовичъ, предъявила въ Варшавскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ барону Брюнингу, какъ главному опекуну несовершеннолѣтняго Виктора Ронде, къ Адаму Ланевскому, какъ опекуну блюстителю того же несовершеннолѣтняго, къ вдовѣ Евстафія Дзержбицкаго, Терезѣ Дзержбицкой, какъ „исправляющей добровольную опеку“ надъ названнымъ выше несовершеннолѣтнимъ, и къ Аннѣ, урожденной Ронде, а по мужу Радванской, какъ матери поименованнаго Виктора Ронде, о признаніи приведеннаго выше завѣщательнаго отказа недѣйствительнымъ, между прочимъ, на томъ основаніи, что онъ поставленъ въ зависимость отъ воли третьяго лица. Возражая противъ этого иска, повѣренный опеки надъ Викторомъ Ронде представилъ, въ числѣ разныхъ документовъ, нотаріальный актъ отъ 19 ноября—1 декабря 1880 года, въ удостовѣреніе того, что Тереза Дзержбицкая, вдова завѣщателя, означенный отказъ въ пользу Виктора Ронде утвердила. Окружный Судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, между прочимъ, нашелъ, что родные Артура Дзержбицкаго боялись вліянія на несовершеннолѣтняго Виктора со стороны матери его и старались устранить это вліяніе; что Евстафій Дзержбицкій, завѣщая Виктору Ронде 7500 рублей, имѣлъ въ виду устранить возможность перехода этой суммы въ распоряженіе матери несовершеннолѣтняго; что этимъ стремленіемъ завѣщателя и объясняется то, что дѣйствительность отказа онъ поставилъ въ зависимость отъ жены своей, Терезы Дзержбицкой, и что засимъ на это обстоятельство слѣдуетъ смотрѣть не какъ на условіе, зависящее отъ воли третьяго лица, а какъ на способъ выраженія воли завѣщателя, вызванный особенностью обстоятельствъ, окружавшихъ завѣщателя и легатарія. По симъ, между прочимъ, соображеніямъ Окружный Судъ въ искѣ Юліи Григовичъ отказалъ. Варшавская Судебная Палата, разсмотрѣвъ настоящее дѣло по апелляціи повѣреннаго истицы и выслушавъ объясненія сторонъ, нашла, что духовное завѣщаніе

по самому свойству этого акта должно выражать самостоятельную волю завѣщателя и что въ завѣщательномъ распоряженіи, исполненіе котораго поставлено въ зависимость отъ произвола третьяго лица, нельзя видѣть самостоятельной воли завѣщателя и потому такое распоряженіе не можетъ быть признано дѣйствительнымъ. Примѣнивъ это общее положеніе къ данному случаю, Палата нашла, что Дзержбицкій обязалъ свою дочь Лауру уплатить Виктору Ронде, по достиженіи имъ 25 лѣтняго возраста, 7500 руб., съ тѣмъ, что отказъ этотъ зависитъ вполнѣ отъ жены завѣщателя, которая, какъ сказано въ завѣщаніи, можетъ дареніе подтвердить, или же взять назадъ и раздѣлить сумму между дочерьми завѣщателя. Такимъ образомъ, завѣщатель поставилъ исполненіе выраженной имъ въ завѣщаніи воли въ полную зависимость отъ усмотрѣнія третьяго лица. Подобный отказъ противорѣчитъ, по заключенію Палаты, общему положенію, вытекающему изъ самаго свойства духовнаго завѣщанія, какъ акта, выражающаго самостоятельную волю завѣщателя, и потому не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ. Обратившись засимъ къ указанію повѣреннаго отвѣтчиковъ на 900 ст. Гр. Кодекса, Палата нашла, что ссылка эта не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ указанная статья упоминаетъ объ условіяхъ невозможныхъ, противныхъ законамъ или доброй нравственности, а, между тѣмъ, условіе, поставленное завѣщателемъ Дзержбицкимъ, не имѣетъ такого характера; но оно тѣмъ не менѣе несовмѣстимо съ завѣщательнымъ распоряженіемъ и по своему содержанію дѣлаетъ его недѣйствительнымъ. По изложеннымъ соображеніямъ Судебная Палата отмѣнила рѣшеніе Окружнаго Суда и признала завѣщательное распоряженіе Дзержбицкаго относительно отказа Виктору Ронде 7500 руб. недѣйствительнымъ. Въ принесенной Правительствующему Сенату кассаціонной жалобѣ повѣренный отвѣтчиковъ, присяжный повѣренный Бедлицкій, проситъ объ отмѣнѣ рѣшенія Судебной Палаты по нарушенію 895, 900 и 1157 ст. Гр. Кодекса, а равно 711 и 456 ст. Уст. Гр. Суд.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго бар. Брюнинга, присяжнаго повѣреннаго Заборовскаго, и заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Окружный Судъ отказалъ въ искѣ Юліи Григовичъ о признаніи приведеннаго выше завѣщательнаго распоряженія Евстафія Дзержбицкаго недѣйствительнымъ, основавъ свое рѣшеніе на изъясненіи воли завѣщателя въ связи съ обстоятельствами, окружавшими его и легатарія; Судебная же Палата удовлетворила исковое требованіе, построивъ рѣшеніе свое исключительно на опредѣленіи юридическаго значенія условія, подъ которымъ завѣщатель поставилъ, какъ сказано въ рѣшеніи Палаты, исполненіе выраженной имъ въ завѣщаніи воли. Посему и въ виду содержащихся въ кассаціонной жалобѣ указаній, обсужденію Правительствующаго Сената предлежитъ прежде всего вопросъ о томъ, правильно ли сдѣланное Судебною Палатою опредѣленіе значенія упомянутаго условія. По словамъ 895 ст. Гражд. Код., завѣщаніе есть актъ, посредствомъ котораго завѣщатель распоряжается на время, имѣющее наступить, когда уже не будетъ его въ живыхъ, всѣмъ своимъ имуществомъ или частью онаго и который онъ можетъ отмѣнить. На основаніи 967 ст. того же Кодекса, всякое лицо можетъ распорядиться своимъ имуществомъ посредствомъ завѣщанія, въ видѣ ли назначенія наслѣдника, или въ видѣ отказа, или же подъ всякимъ другимъ наименованіемъ (denomination), служащимъ для изъявленія его воли. За силою приведенныхъ законовъ, постановляющихъ общія правила относительно природы и формы завѣщательнаго акта, распоряженіе завѣщателя, коимъ онъ безусловно переноситъ на другое лицо право отмѣны выраженной имъ въ завѣщаніи воли и отдаетъ, такимъ образомъ, на полное усмотрѣніе или произволъ этого лица судьбу завѣщаннаго имущества, не можетъ почитаться дѣйствительнымъ, ибо въ подобномъ завѣщательномъ распоряженіи нельзя видѣть выраженія завѣщателемъ своей собственной самостоятельной, относительно завѣщаннаго имущества, воли, которая по закону могла бы быть отмѣнена или измѣнена только имъ самимъ (895 и 1035 ст. Гр. Код.). Но въ данномъ дѣлѣ представляется иной случай. По приведенному въ рѣшеніи Судебной Палаты содержанію завѣщательнаго распоряженія Дзержбицкаго,

съ сдѣлалъ въ пользу Виктора Ронде отказъ 7500 рублей, предоставивъ однако, женѣ своей утвердить или отмѣнить это дареніе съ тѣмъ, что бы въ послѣднемъ случаѣ, т. е. въ случаѣ отмѣны даренія, означенная сумма раздѣлена была поровну между дочерьми завѣщателя. Въ такомъ завѣщательномъ распоряженіи, взятомъ въ полномъ его объемѣ, нельзя отрицать присутствія самостоятельной воли завѣщателя относительно завѣщанной имъ суммы. Воля его требуетъ, чтобы сумма эта выдана была Виктору Ронде или дочерямъ завѣщателя, причемъ поступленіе ея въ пользу перваго или послѣднихъ завѣщатель поставилъ въ зависимость отъ извѣстнаго обстоятельства или условія, а именно отъ утвержденія или отмѣны женою завѣщателя назначеннаго Виктору Ронде даренія. Очевидно, что въ подобномъ случаѣ упомянутое условіе не составляетъ перенесенія на полное усмотрѣніе или произволъ другого лица судьбы завѣщаннаго имущества, ибо, какъ выше объяснено, воля завѣщателя состоитъ въ томъ, чтобы сумма 7500 рублей поступила въ пользу Виктора Ронде или дочерей завѣщателя, т. е. въ пользу назначенныхъ имъ самимъ легатаріевъ; а засимъ содержащееся въ завѣщательномъ распоряженіи Дзержбицкаго условіе относительно назначенія отказанной суммы должно быть разсматриваемо лишь какъ указаніе со стороны завѣщателя на способъ, коимъ воля его относительно даннаго имущества должна быть приведена въ исполненіе въ то время, когда его уже не будетъ въ живыхъ (895 и 967 ст. Гр. Код.). Признавая вслѣдствіе сего заключеніе Судебной Палаты о несовмѣстимости въ данномъ случаѣ приведеннаго условія съ природою завѣщательнаго акта неправильнымъ и принимая во вниманіе, что, по точному смыслу 900 ст. Гражд. Кодекса, поставленныя въ завѣщательномъ распоряженіи условія признаются ничтожными и какъ бы несуществующими (non écrites) въ такомъ только случаѣ, когда они оказываются невозможными, противными законамъ или доброй нравственности; въ рѣшеніи же самой Палаты установлено, что помѣщенное въ завѣщательномъ распоряженіи Дзержбицкаго условіе не имѣетъ такого характера,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что Палата нарушила точный смыслъ упомянутаго закона, признавъ, что означенное условіе по содержанію своему дѣлаетъ завѣщательное распоряженіе Дзжербицкаго недѣйствительнымъ. Основываясь на изложенныхъ выше соображеніяхъ и считая излишнимъ входить въ обсужденіе другихъ, содержащихся въ кассаціонной жалобѣ, указаній, Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: рѣшеніе Варшавской Судебной Палаты, по нарушенію 900 ст. Гражд. Кодекса, отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же Судебной Палаты.

146.—1882 года декабря 15-го дня. *По прошенію уполномоченнаго Самарскаго управленія государственныхъ имуществъ, Малыгина, объ отмѣнѣ рѣшенія Саратовской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. П. Талквистъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій)

Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ ст. 35 В ы с о ч а й ш е, утвержд. правилъ 10 го марта 1869 года сказано, что дѣла, начатыя по искамъ и требованіямъ казенныхъ вѣдомствъ, кромѣ прекращенныхъ по ст. 213 этихъ правилъ, предварительно отсылки, согласно ст. 24 и 25, къ мировымъ судьямъ или въ Окружный Судъ, передаются въ подлежащія управленія дабы, въ случаѣ желанія продолжать дѣло, оно препроводило его въ надлежащее судебное установленіе, съ опредѣленнымъ заявленіемъ своихъ требованій и доказательствъ; такое заявленіе принимается въ теченіе девяти мѣсяцевъ со времени полученія казеннымъ или правительственнымъ управленіемъ дѣла и должно быть предъявлено отвѣтчику. Въ примѣчаніи же къ этой 35 ст. изъяснено, что назначеніе срока для продолженія дѣла, по случаю упраздненія судебныхъ мѣстъ прежняго устройства, не лишаетъ права начать искъ въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ въ теченіе установленныхъ закономъ сроковъ земской давности. Содержаніе какъ сказанной ст. 35 правилъ, такъ и примѣчанія къ оной, показываетъ, что ими опредѣляется

только срокъ, въ который казенное вѣдомство, предъявившее какой либо искъ въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ, должно сдѣлать заявленіе о желаніи продолжать въ судебныхъ мѣстахъ новаго устройства начатое по такому иску дѣло, а равно и то, что на судебное мѣсто возлагается обязанность, въ случаѣ непослѣдованія такого заявленія въ назначенный закономъ срокъ, прекратить производствомъ это начатое извѣстнымъ вѣдомствомъ дѣло, съ оставленіемъ за нимъ права начать таковое новымъ искомъ, въ судѣ новаго устройства, въ теченіе земской давности. Но ни въ этой ст. 35, ни въ прим. къ ней, а равно и въ другихъ статьяхъ правилъ 10 марта 1869 г., нѣтъ никакого указанія на то, чтобы для исчисленія срока земской давности на начатіе вновь дѣла по такому предмету, по которому производство дѣла въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ было за открытіемъ судебныхъ мѣстъ по учрежденію 20 ноября 1864 года, прекращено, установлялся какой либо другой порядокъ, чѣмъ тотъ, который опредѣленъ уже существующимъ общимъ закономъ о земской давности. Въ виду такого отсутствія въ правилахъ 10 марта 1869 г. какого-либо изъятія въ семъ отношеніи изъ общаго закона, вопросъ о томъ, прерываетъ или нѣтъ бывшее въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ производство теченіе земской давности, начавшееся со времени нарушенія какого либо права, для предъявленія, послѣ окончанія установленнаго ст. 35 правилъ 10 марта 1869 г. срока, вновь иска объ этомъ нарушеніи въ судебныхъ мѣстахъ новаго устройства, долженъ быть разрѣшенъ силою ст. 1 прилож. къ ст. 694 Т. X ч. I по изд. 1876 г. Посему Саратовская Судебная Палата, въ виду такого существующаго положительнаго закона, не имѣла никакого основанія для разрѣшенія сказаннаго вопроса обращаться, на основаніи ст. 9 Уст. Гр. Суд., къ общему смыслу законовъ, а тѣмъ менѣе разрѣшать этотъ вопросъ силою ст. 718 этого Устава, относящейся къ совершенно другому случаю, не имѣющему ничего общаго съ возбужденнымъ Палатою вопросомъ. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Судебной Палаты, по нарушенію 35 статьи правилъ 10 марта 1869 г. о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ и приложенія къ 694 статьѣ Т. X ч. I Св. Зак. Гр. по продолж. 1876 г., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ Московскую Судебную Палату.

147.—1881 г. января 14 дня. *По прошенію купца Петра Бобикова за себя лично и какъ опекуна надъ имѣніемъ и малолѣтними дѣтьми мѣщанина Михаила Бобикова, Григоріемъ и Авдотьей Бобиковыми, опекунши тѣхъ же Бобиковыхъ, матери ихъ, мѣщанки Анны Бобиковой, и отставного солдата Аѳанасія Горбунова объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ В. Г. Коробьинъ; заключеніе давалъ исп. об. Товарища Оберъ-Прокурора А. Д. Смирновъ).

Въ составленной на селеніе Ягодное владѣнной записи показано, что земля состоитъ въ общинномъ уравнительномъ по числу душъ пользованіи и отчасти въ четвертномъ (наслѣдственномъ) нѣкоторыхъ отдѣльныхъ домохозяевъ; въ 1 мъ приложеніи къ записи объяснено, что 33,3 десятины выгона причитается изъ общаго владѣнія на 13 душъ 5 ти домохозяевамъ, владѣющимъ землями по четвертному праву, а въ 3 мъ приложеніи перечислены имена домохозяевъ, владѣющихъ землею по наслѣдственному праву, съ указаніемъ числа четвертей у каждаго изъ нихъ и количества оброчной подати, причитающейся за эту землю съ каждаго домохозяина; въ числѣ сихъ домохозяевъ показанъ, между прочимъ, Степанъ Зотовъ Рязановъ, съ числомъ земли 12½ четвертей и съ податнымъ окладомъ въ размѣрѣ 86 руб. 87½ к. На удовлетвореніе взысканія мѣщанина Михаила и купца Петра Бобиковыхъ означенная выше земля крестьянина Степана Рязанова, въ количествѣ 70 д. 980 саж., была описана и подвергнута публичной продажѣ и на торгахъ осталась за предложившимъ высшую цѣну отставнымъ солдатомъ Аѳанасьемъ Горбуновымъ. Мать же Степана Рязанова, крестьянка Арина Рязанова, и братья и сестра его, крестьяне Прокофій, Иванъ, Ѳеодоръ, Финогенъ и Анисья Рязановы, предъявили къ Бобиковымъ, Горбунову и Степану Рязанову искъ

о признаніи торга недѣйствительнымъ, объ уничтоженіи выданной Горбунову данной и о признаніи земли въ 1/7 и 1/14 частяхъ собственностью Арины и Анисіи Рязановыхъ и въ 44/70 частяхъ собственностью остальныхъ истцовъ. Право свое истцы основывали на томъ, что означенная земля принадлежала крестьянину Зоту Рязанову, мужу Арины и отцу прочихъ истцовъ и отвѣтчика Степана Рязанова, умершему въ 1860 году, и что послѣ смерти Зота Рязанова до самой продажи земля та находилась по наслѣдству въ общемъ владѣніи всѣхъ истцовъ и Степана Рязанова. Изъ отвѣтчиковъ Степанъ Рязановъ призналъ требованія и объясненія истцовъ справедливыми. Бобиковы-же и Горбуновъ возражали, что безспорное право собственности Степана Рязанова на проданную землю основывается на показаніи его владѣльцемъ земли по владѣнной записи, которая составляетъ какъ укрѣпленія, а, между тѣмъ, объ уничтоженіи сего акта истцы не просятъ. По апелляціи истцовъ дѣло это дошло до разсмотрѣнія Московской Судебной Палаты, которая для разрѣшенія своего поставила вопросъ: принадлежала-ли спорная земля четвертного владѣнія лично Степану Рязанову, или она составляла общую собственность его съ истцами? По закону, на основаніи 731 ст. IX Т. по прод. 1876 г. и примѣч. къ ней, государственные крестьяне принадлежатъ къ разряду крестьянъ-собственниковъ, причемъ участки, принадлежащіе отдѣльнымъ хозяевамъ, въ томъ числѣ подворные, составляютъ личную собственность ихъ, переходящую по наслѣдству согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ или общему закону (716 и 736 ст. тѣхъ же законовъ); этими подворными участками, къ которымъ отнесены и участки четвертного владѣнія, владѣльцы ихъ могутъ распоряжаться и отчуждать по правиламъ, изложеннымъ въ 5 п. 15 ст. Полож. о госуд. крест.; участки сіи включаются въ особое приложеніе къ владѣннымъ записямъ, въ которомъ прописываются всѣ имѣющіе отдѣльное наслѣдственное владѣніе домохозяева, съ показаніемъ количества состоящей во владѣніи каждаго изъ нихъ земли и причитающейся съ него оброчной подати (прил. къ ст. 17 Пол. о гос. крес., 7 п. и образецъ владѣнной записи № 1 и примѣч. къ § 5 оной). Имѣя въ виду эти законоположенія и принимая во вниманіе: 1) что послѣ Зота Рязанова при селѣ Ягодномъ осталась земля четвертного его владѣнія; 2) что послѣ него остались, кромѣ сына Степана, еще вдова его Арина, сыновья Прокофій, Иванъ, Ѳеодоръ и Финогенъ и дочь Анисья; 3) что всѣ эти лица, по общему закону, суть наслѣдники послѣ Зота Рязанова въ опредѣленныхъ закономъ частяхъ; 4) что помѣщеніе въ приложеніи къ владѣнной записи Степана какъ домохозяина, при наличности равноправныхъ съ нимъ сонаслѣдниковъ, не могло придать ему значенія исключительнаго собственника четвертной земли, какъ это неправильно утверждается со стороны отвѣтчиковъ, ибо самое юридическое понятіе о домохозяинѣ, какъ представителѣ дома или семьи, только тогда совпадаетъ съ понятіемъ о собственникѣ всего семейнаго достоянія, когда въ семьѣ или домѣ нѣтъ лицъ, имѣющихъ непосредственное право на сіе достояніе; 5) что посему владѣнная запись не представляется актомъ укрѣпленія четвертной земли, оставшейся послѣ Зота Рязанова, исключительно за Степаномъ Рязановымъ и не лишаетъ прочихъ сонаслѣдниковъ правъ ихъ на эту землю, въ законныхъ частяхъ,—Судебная Палата пришла къ заключенію, что спорная земля принадлежала на правѣ собственности не одному Степану Рязанову и что въ ней имѣли участіе въ законныхъ частяхъ и прочіе наслѣдники Зота Рязанова—настоящіе истцы. По симъ основаніямъ Палата признала торги недѣйствительными, выданную Горбунову данную уничтожила, признала означенную землю, въ количествѣ 70 д. 980 с., собственностью: Арины Рязановой—въ 1/7 части, Анисьи Рязановой—въ 1/14 части, Ѳеодора, Ивана, Прокофія и Финогена Рязановыхъ—въ 44/70 частяхъ и постановила землю, присужденную истцамъ, изъять изъ владѣнія Горбунова. Въ кассаціонной жалобѣ Бобы[illegible]ы и Горбуновъ просятъ отмѣнить рѣшеніе Судебной Палаты на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) несомнѣнно, что существенный въ дѣлѣ вопросъ заключался въ томъ, принадлежала ли спорная земля Зоту Рязанову въ личную собственность; Палата должна была разрѣшить этотъ вопросъ по законамъ, дѣйствовавшимъ при жизни Зота, умершаго въ 1860 г.; но Палата разрѣшила его, руководствуясь позднѣйшими

узаконеніями, вошедшими въ составъ IX Т. продол. 1876 г; 2) между тѣмъ, по смыслу 406, 560 ст. Т. X ч. I, 614, 653, 669, 670 ст. Т. IX, 104, 107, 113, 115—120 ст. Уст. сельск. благоустр. по изд. 1857 г., вся земля, населенная казенными крестьянами, принадлежала казнѣ, за исключеніемъ земель, пріобрѣтенныхъ въ личную собственность указанными въ законѣ способами; владѣніе крестьянъ было общинное, или четвертное, отдѣльными семейными участками; различіе сихъ двухъ способовъ владѣнія заключалось въ томъ, что въ первомъ случаѣ—земля надѣлялась цѣлому обществу, а во второмъ—каждый выдѣленный участокъ значился въ пользованіи одного хозяина; но ни тотъ, ни другой способъ владѣнія не давалъ владѣльцамъ права собственности на землю; слѣдовательно, Палата не имѣла основанія признать, что Зотъ Рязановъ, какъ владѣлецъ на четвертномъ правѣ, имѣлъ право собственности на спорную землю, бывшую въ то время собственностью казны; другого же основанія къ признанію за нимъ сего права Палата не приводитъ; 3) ко времени же введенія въ дѣйствіе правилъ о владѣнныхъ записяхъ положеніе государственныхъ крестьянъ измѣнилось: они сдѣлались собственниками земель, отведенныхъ имъ по владѣннымъ записямъ (ст. 16 Полож. о госуд. крест.); собственникомъ же надѣльной земли является то лицо, которое во владѣнной записи значится владѣльцемъ ея, и владѣнная запись, по 13 ст. того же Положенія, составляетъ единственный актъ укрѣпленія на ту землю; между тѣмъ, Палата отвергла значеніе владѣнной записи, какъ акта укрѣпленія на спорную землю, не объяснивъ, къ какому роду актовъ запись должна быть отнесена.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по смыслу прил. къ ст. 17 (прим. къ 7 ст., 30 ст. 1 п., 31 ст.), прил. къ ст. 17 (прим.) въ отд. V перваго образца и въ 3 образцѣ владѣнной записи Пол. о сельск. сост. изд. 1876 г., при подворномъ владѣніи участки земли составляютъ наслѣдственную принадлежность крестьянскаго двора или семьи, и въ приложеніи къ владѣнной записи означаются всѣ имѣющіе отдѣльное, наслѣдственное владѣніе домохозява, не какъ самостоятельные собственники земельнаго участка, а какъ старшіе представители, распорядители того двора, которому участокъ принадлежитъ; такое значеніе домохозяина явствуетъ какъ изъ смысла сего слова, выражающаго понятіе о хозяинѣ, а не собственникѣ дома, такъ и изъ 746 ст. IX Т. изд. 1876 г., изъ которой видно, что земля пріобрѣтается въ личную собственность, съ выдачею отъ правительства выкупленной ссуды, не домохозяиномъ, а крестьянскимъ дворомъ, т. е. всѣми лицами, принадлежащими къ составу сего двора, а домохозяинъ есть лишь лицо, на ближайшей отвѣтственности котораго лежитъ исправный взносъ выкупныхъ платежей, т. е. домохозяинъ есть представитель двора предъ обществомъ и правительствомъ. Отсюда становится яснымъ, что записка подворныхъ участковъ за домохозяевами при составленіи владѣнной записи не укрѣпляетъ за сими лицами отдѣльнаго личнаго права собственности на участокъ земли, который составляетъ принадлежность всего двора, и что Судебная Палата имѣла правильное основаніе признать, что владѣнная запись на с. Ягодное не составляетъ акта укрѣпленія земли, бывшей во владѣніи умершаго Зота Рязанова, за однимъ Степаномъ Рязановымъ. Засимъ, для разрѣшенія спорнаго вопроса не имѣетъ существеннаго значенія указаніе просителей на законы, дѣйствовавшіе до изданія Положен. о крестьянахъ, изъ которыхъ онъ выводитъ, что право собственности на участокъ четвертной земли принадлежалъ не Зоту Рязанову, а казнѣ; кому бы ни принадлежало право собственности, во всякомъ случаѣ участокъ этотъ составлялъ наслѣдственную принадлежность всего двора, домохозяиномъ котораго былъ Зотъ Рязановъ, а за его смертью—собственниками сдѣлались нынѣ оставшіеся послѣ него члены двора или семьи, а не одинъ показанный домохозяиномъ Степанъ Рязановъ; а потому Палата правильно признала, что весь наслѣдственный участокъ не могъ быть проданъ за личные долги одного Степана. На сихъ основаніяхъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: кассаціонную жалобу Бобиковыхъ и Горбунова оставить, на основаніи 793 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

148.—1881 года марта 26-го и ноября 4 чиселъ. *По прошенію повѣреннаго жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Екатерины Лытиковой, присяжнаго повѣреннаго Николая Павлинова, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургскаго Столичнаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ М. В. Полѣновъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. Н. Салькovъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Е. Г. Милло).

Повѣренный Екатерины Лытиковой, Синявинъ, въ прошеніи, поданномъ Мировому Судьѣ 23 участка, 29 января 1880 года объяснилъ, что въ Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената 1 го августа 1879 года состоялось, вслѣдствіе кассаціонной жалобы Лытиковой на рѣшеніе Московской Судебной Палаты, по дѣлу о взысканіи съ купца Серебрякова 5364 руб. 18½ к. съ процентами съ 1 января 1864 года, рѣшеніе, коимъ означенное рѣшеніе Московской Судебной Палаты отмѣнено; посему повѣренный Лытиковой, исчисляя цѣну иска съ процентами по 1 августа 1879 года въ суммѣ 10,379 руб. 68 коп., просилъ присудить съ Серебрякова за ходатайство въ кассаціонной инстанціи сто шестьдесятъ три рубля 75 к. При прошеніи представлены: а) довѣренность, данная Синявину повѣреннымъ Литикой, Павлиновымъ; б) копія резолюціи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената отъ 1 августа 1879 года объ отмѣнѣ по жалобѣ Лытиковой рѣшенія Московской Судебной Палаты по вышеупомянутому дѣлу Лытиковой съ Серебряковымъ; в) справка, выданная изъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената о томъ, что искъ Екатерины Лытиковой и сестры ея, Татьяны Путилиной, къ Серебрякову былъ уменьшенъ ими до 5364 руб. 18½ коп. съ % съ 1 января 1864 года; г) справка канцеляріи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената о томъ, что со стороны Путилиной кассаціонной жалобы подаваемо не было; д) копія рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената по вышеназванному дѣлу съ Серебряковымъ по кассаціонной жалобѣ Лытиковой, состоявшагося 11 августа 1776 года. Отвѣтчикъ въ отзывѣ на заочное рѣшеніе указывалъ на пропускъ Лютиковой срока для предъявленія иска, на несогласіе послѣдняго съ правилами о вознагражденіи присяжныхъ повѣренныхъ; при разборѣ же дѣла у Мирового Судьи повѣренный Серебрякова, присяжный повѣренный Майзель, представилъ довѣренность и просилъ въ искѣ отказать, ибо Сенатъ три раза отмѣнялъ рѣшенія Судебныхъ Палатъ, и 17 марта въ 4 разъ дѣло рѣшено въ Судебной Палатѣ въ пользу Серебрякова, добавивъ, что цѣна иска не можетъ быть выше 116 руб. 92 коп. Мировой Судья, признавая искъ подлежащимъ удовлетворенію, опредѣлилъ: взыскать съ Серебрякова въ пользу Лытиковой 163 руб. 75 коп., судебныхъ издержекъ 2 рубля 24 коп. и за веденіе дѣла 11 руб. На это рѣшеніе повѣренный Серебрякова подалъ апелляціонную жалобу, вслѣдствіе которой Съѣздъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что истецъ не отрицаетъ полученія имъ дважды съ отвѣтчика издержекъ кассаціоннаго производства; что это обстоятельство подтверждено и расписками повѣреннаго Лытиковой, Моисеева, отъ 12 іюня 1875 г. и 15 сентября 1876 года; что, предъявляя искъ на общемъ основаніи, Лытикова обязана доказать какъ право свое на судебныя издержки, такъ и размѣръ ихъ; что права на полученіе отъ Серебрякова въ 3 разъ издержекъ 3 кассаціоннаго производства по одному и тому же дѣлу и между одними и тѣми же лицами Лытиковой судебнымъ рѣшеніемъ не предоставлено; что законъ (ст. 867, 868 и 921 Устава Гражд. Судопр., Высочайше утвержденное 3 іюля 1868 года мнѣніе Государственнаго Совѣта) не содержитъ никакихъ постановленій относительно права взыскивать по одному и тому же дѣлу нѣсколько разъ издержки кассаціоннаго производства; что, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 го іюля 1868 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о таксѣ вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ, таковое взыскивается за производство дѣла въ двухъ инстанціяхъ и кассаціонномъ Сенатѣ безъ указанія на то, что въ случаяхъ отмѣны рѣшенія новыя производства подлежатъ оплатѣ новымъ вознагражденіемъ за веденіе дѣла; что

изъ справки, выданной канцеляріею Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, видно, что рѣшеніе Палаты, отмѣненное Сенатомъ, было постановлено и относительно Путилиной, кассаціонной жалобы не принесшей, почему размѣръ причитающихся Лытиковой издержекъ, если даже признать за нею право на таковыя, представляется, въ виду участія другихъ лицъ и отсутствія мѣры этого участія, неопредѣленнымъ; что въ виду изложеннаго искъ Лытиковой долженъ быть признанъ недоказаннымъ и удовлетворенію неподлежащимъ; что прочіе документы, истцомъ представленные, удостовѣряя обстоятельства, сторонами не оспоренныя, значенія для настоящаго дѣла не имѣютъ. На основаніи изложенныхъ соображеній, признавая рѣшеніе Мирового Судьи неправильнымъ и руководствуясь ст. 81, 105, 129, 871 и 921 Уст. Гр. Суд., Съѣздъ опредѣлилъ: рѣшеніе Мирового Судьи отмѣнить, въ искѣ Лытиковой съ Серебрякова 163 р. 75 к. отказать. Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный Лытиковой, Павлиновъ, объясняетъ: 1) что ни въ одномъ изъ пунктовъ Высочайше утвержденной таксы (Сб. узак. 1868 г. № 69), ни въ другихъ законахъ не ограничены права тяжущихся на вознагражденіе за веденіе дѣла, установленныя 868 ст. Уст. Гр. Суд., несмотря на то, что законъ, очевидно, допускаетъ возможность отмѣны два, три и болѣе разъ рѣшеній по одному и тому же дѣлу, а по общему правилу исключеніе или ограниченіе само собою не предполагается, и 2) что изъ представленныхъ имъ къ дѣлу копіи съ рѣшенія Сената 11 августа 1876 г. и справки видно, что Путилина выбыла совсѣмъ изъ дѣла еще въ 1873 г. и что цѣна иска одной Лытиковой простирается на сумму 5364 р. 18½ к. съ % съ 1 января 1864 г., почему Съѣздъ, отозвавшись объ этихъ документахъ, что они для настоящаго дѣла не имѣютъ значенія, нарушилъ 81 и 871 ст. Уст. Гр. Суд. (изд. 1876 г.), а также 105, 129 и 456 ст. и рѣш. Сената 1875 г. № 612. Вслѣдствіе чего Павлиновъ проситъ рѣшеніе Столичнаго Мирового Съѣзда отмѣнить.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по силѣ 868 ст. Уст. Гражд. Судопроизв., обязанность вознаградить противную сторону за веденіе дѣла, какъ въ апелляціонномъ, такъ и въ кассаціонномъ порядкѣ, возлагается на того изъ тяжущихся, противъ котораго постановлено будетъ окончательное рѣшеніе (рѣш. 1875 года № 619; 1878 г. №№ 37, 138). Поэтому, въ случаѣ отмѣны Сенатомъ рѣшенія апелляціоннаго суда, ходатайство тяжущагося о вознагражденіи его за веденіе дѣла въ Сенатѣ (8 п. таксы Сборн. узак. 1868 г. № 69) не можетъ подлежать немедленному удовлетворенію, а должно быть заявлено лишь по воспослѣдованіи новаго рѣшенія суда, и притомъ въ установленные 899 и 921 ст. Уст. Гр. Суд. сроки (рѣш. 1879 г. № 149), такъ какъ до этого времени неизвѣстно, кто изъ тяжущихся будетъ признанъ обвиненною по дѣлу стороною. Въ виду сего заключеніе Съѣзда о томъ, что Лытикова обязана была доказать право свое на взысканіе судебныхъ издержекъ, согласно 868 ст. Устава Гражданскаго Судопроизв., и правильность вывода Съѣзда о томъ, что это обстоятельство ею не доказано, не подлежатъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ относятся до установленія фактической стороны дѣла (рѣш. 1878 г. №№ 16, 62, 274, 289 и др.). Равнымъ образомъ и другое соображеніе Съѣзда, что издержки кассаціоннаго производства по одному и тому же дѣлу и между одними и тѣми же лицами не могутъ быть взыскиваемы по нѣскольку разъ, представляется правильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: размѣръ установленнаго 867 и 868 ст. Уст. Граждан. Судопр. вознагражденія за веденіе дѣла опредѣляется Высочайше утвержденною 3 іюля 1868 года таксою (Сборн. узакон. 1868 г. № 69), и выше этого размѣра за производство дѣла вообще тяжущійся, выигравшій тяжбу, не въ правѣ требовать съ своего противника, хотя по Уставу Гражданскаго Судопроизводства одно и то же дѣло можетъ доходить до разсмотрѣнія Сената и нѣсколько разъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи въ таксѣ (п. 8) не сдѣлано никакого различія; и дѣйствительно, по силѣ 793 ст. Уст. Гражд. Судопр., просьбы о кассаціи рѣшеній допускаются лишь въ случаѣ нарушенія судебными мѣстами прямого смысла закона, обрядовъ и формъ судопроизводства или предѣловъ вѣдомства, а потому въ этихъ случаяхъ было бы несправед-

ливо увеличивать расходы тяжущихся по веденію дѣла, происходящіе не по ихъ винѣ, а отъ ошибки или неправильныхъ дѣйствій судебныхъ мѣстъ. Кромѣ того, Сенатомъ было разъяснено, что отмѣненное окончательное судебное рѣшеніе теряетъ всякое значеніе, почему и взысканіе судебныхъ издержекъ, въ томъ числѣ и вознагражденія за веденіе дѣла, составляющихъ послѣдствіе отмѣненнаго рѣшенія, не должно уже имѣть мѣста (рѣш. 1872 г. № 404; 1873 г. № 409; 1875 г. № 998; 1877 г. № 91). Если Сенатъ признавалъ, такимъ образомъ, невозможнымъ увеличивать опредѣленное 1 и 5 пун. таксы вознагражденіе за веденіе дѣла въ 2 хъ инстанціяхъ, то нѣтъ достаточнаго повода установленное 8 п. таксы вознагражденіе за веденіе дѣла въ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената ставить въ зависимость отъ того, сколько разъ доходило извѣстное дѣло по кассаціоннымъ жалобамъ тяжущихся до разсмотрѣнія Сената. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго Лытиковой, присяжнаго повѣреннаго Павлинова, оставить, на основаніи 186 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

149.— 1882 года октября 13 дня. *По прошенію Сперанскаго, повѣреннаго общества крестьянъ Зафорштадтской слободы гор. Саратова, объ отмѣнѣ рѣшенія Саратовской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. П. Талквистъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Ф. Д. Бартъ).

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ, что повѣренный общества крестьянъ Зафорштадтской гор. Саратова слободы, Сперанскій, въ настоящемъ прошеніи ходатайствуетъ о признаніи какъ частнаго опредѣленія Судебной Палаты отъ 19 ноября 1880 года, такъ и рѣшенія оной отъ 28 октября 1881 года, въ чемъ сіе послѣднее служитъ къ ущербу правъ его довѣрителей, неправильными, по нарушенію въ оныхъ указываемыхъ имъ законовъ. Такимъ образомъ, содержаніе этого прошенія, а равно и наименованіе онаго Сперанскимъ кассаціонною жалобою, показываетъ, что оно составляетъ просьбу о кассаціи частнаго опредѣленія и рѣшенія Палаты и, слѣдовательно, не можетъ быть причислено ни къ просьбамъ о пересмотрѣ рѣшеній по новымъ обстоятельствамъ, ни къ просьбамъ третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ. Въ ходатайствѣ же Сперанскаго о признаніи опредѣленія и рѣшенія Палаты по приведеннымъ имъ причинамъ неправильными заключается и просьба объ отмѣнѣ того и другого. Изъ сего слѣдуетъ, что сдѣланное въ объясненіи, поданномъ на кассаціонную жалобу Сперанскаго повѣренными общества крестьянъ деревни Усть Курдюма, Пономаревымъ и Нефедовымъ, указаніе на то, что Сперанскій, вопреки 792 и 798 ст. Уст. Гр. Судопр., не обозначилъ съ точностью, къ какому роду просьбъ принадлежитъ его прошеніе, а равно не высказалъ, что онъ проситъ объ отмѣнѣ частнаго постановленія и рѣшенія, не можетъ быть признано основательнымъ, а потому и просьба этихъ повѣренныхъ объ оставленіи, по вышеприведеннымъ обстоятельствамъ, кассаціонной жалобы Сперанскаго безъ разсмотрѣнія представляется неподлежащею удовлетворенію. Изъ обсужденія затѣмъ жалобы Сперанскаго по существу оказывается, что по оной подлежатъ разрѣшенію два вопроса: 1) могутъ ли иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія подлежать предъявленію въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и 2) можетъ ли по закону быть оставлено въ силѣ рѣшеніе Палаты 28-го октября 1881 года въ той его части, въ которой Палата, признавъ по встрѣчному иску зафорштадтскихъ крестьянъ право ихъ на общее владѣніе съ другими обществами въ Пристанской дачѣ, отказала въ приведеніи этого права въ надлежащее дѣйствіе. По первому изъ этихъ вопросовъ оказывается, что Сперанскій въ настоящей кассаціонной жалобѣ отвергаетъ право на предъявленіе въ общихъ судебныхъ мѣстахъ иска о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, по истеченіи установленнаго п. 4 ст. 29 Устава Гражд. Судопр. шестимѣсячнаго срока для начатія дѣла по такого рода искамъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. По мнѣнію Сперанскаго, иски о возстановленіи нарушеннаго вла-

дѣнія подсудны лишь мировымъ судебнымъ установленіямъ. Такое заключеніе онъ выводитъ изъ самаго понятія объ этихъ искахъ, изъ существа ихъ и цѣли, съ какою они установлены. Цѣль ихъ заключается въ охраненіи или защитѣ наличнаго владѣнія противъ самовольныхъ дѣйствій посторонняго лица. На семъ основаніи и въ виду того, что иски эти требуютъ принятія немедленныхъ мѣръ, дѣла по онымъ до введенія въ дѣйствіе Уставовъ 1864 года были, по объясненію Сперанскаго, предоставлены исключительно полиціи, и срокъ на начатіе дѣла ограничивался десятью недѣлями (ст. 10 ч. 2 Тома X Свода Зак. изд. 1876 года), а съ введеніемъ Уставовъ, дѣла сего рода, хотя и изъяты изъ владѣнія полиціи, но предоставлены только мировымъ судебнымъ установленіямъ, причемъ срокъ на вчинаніе такого рода исковъ опредѣленъ въ шесть мѣсяцевъ со времени послѣдовавшаго нарушенія владѣнія. При такомъ предоставленномъ исключительно мировымъ судебнымъ установленіямъ правѣ на производство дѣлъ о нарушенномъ владѣніи опредѣленный по Уставу Гражданскаго Судопроизводства шестимѣсячный срокъ, подобно какъ и прежній десятинедѣльный, составляетъ срокъ давности, такъ что неохранившій своего права, путемъ обращенія въ эти сроки съ жалобою въ полицію или съ искомъ къ Мировому Судьѣ, можетъ, по утвержденію Сперанскаго, въ общихъ судебныхъ мѣстахъ предъявить искъ уже не о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, а о правѣ своемъ на владѣніе захваченною недвижимостью, о правѣ собственности на оную. Изъ соображенія вышеприведеннаго вопроса съ дѣйствующими законами оказывается, что по законамъ о судопроизводствѣ и взыск. гражд., изложеннымъ въ ч. 2 Т. X Свода Зак. изд. 1876 года, иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія послѣ пропущенія срока, опредѣленнаго на предъявленіе оныхъ въ полиціи, допускаются въ судебныхъ мѣстахъ. Это положительно доказывается содержаніемъ какъ вышеприведенной ст. 10 ч. 2 Тома X, такъ и ст. 600 этой же части изд. 1876 года. Въ этой послѣдней статьѣ сказано: дѣла объ обидахъ, ущербахъ, самоуправномъ завладѣніи и объ убыткахъ начинаются въ судебныхъ мѣстахъ: 1) въ случаѣ подачи искового прошенія прямо въ судебное мѣсто; 2) въ случаѣ, когда для принесенія жалобы въ полицію о самоуправномъ завладѣніи пропущенъ будетъ десятинедѣльный срокъ и 3) въ случаѣ объявленія неудовольствія на производство полиціи и подачи о томъ жалобы въ четырехнедѣльный срокъ. Точно также начатіе въ общихъ судебныхъ мѣстахъ дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія послѣ пропущенія срока на предъявленіе о томъ иска у Мирового Судьи допускается и Уставомъ Гражданскаго Судопроизводства 1864 года. Въ ст. 202 Уст. Граждан. Судопроизв. сказано, что окружнымъ судамъ подсудны всѣ иски, не подлежащіе вѣдомству мировыхъ судей. Поэтому, какъ вѣдомству мирового судьи подлежатъ иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, когда со времени нарушенія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ, то изъ сего необходимо слѣдуетъ, что искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, когда такое нарушеніе послѣдовало болѣе чѣмъ за шесть мѣсяцевъ, подлежитъ разбору общихъ судебныхъ мѣстъ. Что такого рода иски не изъяты изъ вѣдомства общихъ судебныхъ мѣстъ, а, напротивъ, подвѣдомы онымъ въ извѣстномъ случаѣ (п. 4 ст. 29 Уст. Гражд. Судопроизвод.), то подтверждается и другими статьями Устава. Такъ, въ ст. 213, помѣщенной въ той части Устава, въ которой опредѣляется порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, сказано: «иски по нарушенію владѣнія недвижимымъ имуществомъ и о причиненныхъ сему имуществу убыткахъ и ущербахъ предъявляются по мѣсту нахожденія сего имущества. Очевидно, что если съ истеченіемъ со времени нарушенія владѣнія шестимѣсячнаго срока утрачивалось бы всякое право на предъявленіе о томъ иска, то не предстояло бы надобности опредѣлять въ Уставѣ подсудность такого рода исковъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Статьями 1310 и 1312 Устава Гражд. Судопроизв. еще яснѣе доказывается, что наше законодательство ограничиваетъ иски о нарушенномъ владѣніи не шестимѣсячнымъ срокомъ, а земскою давностью. Въ этихъ статьяхъ, которыми опредѣляется подсудность дѣлъ между казною и частными лицами, сказано, что дѣла частныхъ лицъ съ казенными управленіями о завладѣніи недвижимымъ имуществомъ или о нарушеніи владѣнія подлежатъ вѣдомству миро-

*

выхъ судей, когда со времени завладѣнія или нарушенія владѣнія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ, по миновании-же этого срока дѣла о завладѣніи или нарушеніи владѣнія могутъ быть вчинаемы не иначе, какъ въ Окружномъ Судѣ. Наконецъ, и приложеніе къ ст. 694 (прим.) ч. I Т. X Свода Зак. по продолж. 1876 года вполнѣ опровергаетъ утвержденіе Сперанскаго о томъ, что опредѣленный п. 4 ст. 29 Устава Гражданскаго Судопроизводства шестимѣсячный срокъ имѣетъ значеніе давностнаго срока, съ истеченіемъ котораго прекращается, будто бы, всякое право на предъявленіе иска о нарушенномъ владѣніи. Въ п. 1 этого приложенія сказано, что срокъ, опредѣленный для начатія тяжбы или иска о недвижимомъ или движимомъ имѣніи, есть десятилѣтній и съ истеченіемъ этого срока право на искъ уничтожается. Случаи, въ которыхъ право на извѣстный искъ прекращается въ сроки болѣе краткіе, чѣмъ десятилѣтній, въ подробности исчислены въ законахъ, но въ нихъ нѣтъ указанія на то, чтобы на иски о нарушенномъ владѣніи не распространялся опредѣленный означеннымъ пунктомъ десятилѣтній срокъ и что для этого рода исковъ существуетъ особый кратчайшій срокъ. Все вышесказанное показываетъ, что Палата въ опредѣленіи 19 ноября 1880 г. правильно и вполнѣ согласно съ существующими законами заключила, что иски о нарушенномъ владѣніи подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ по миновании срока на предъявленіе ихъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Въ виду сего несогласное съ этимъ заключеніемъ утвержденіе Сперанскаго, какъ не оправдываемое положительнымъ закономъ, представляется неосновательнымъ, и потому просьба о признаніи опредѣленія Палаты 19 ноября 1880 г. неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ не можетъ быть уважена. По второму вопросу изъ дѣла видно, что общество крестьянъ Зафорштадтской слободы во встрѣчномъ исковомъ прошеніи противу иска Усть-Курдюмскаго общества, доказывая, что Зафорштадтское общество, какъ причисленное къ Пристанской дачѣ, имѣетъ право на общее по числу душъ владѣніе въ этой дачѣ оставшеюся, за выдѣломъ по полюбовнымъ сказкамъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, землею, просило о допущеніи его впредь до полюбовнаго размежеванія къ такому общему владѣнію въ Пристанской дачѣ сказанною землею и рыбными на р. Волгѣ ловлями. Палата признала, что зафорштадтскіе крестьяне причислены къ Пристанской дачѣ, а посему имѣютъ право на надѣлъ въ этой дачѣ землею, но тѣмъ не менѣе требованіе этихъ крестьянъ о надѣлѣ землею, ими указываемою, нашла неподлежащимъ удовлетворенію. Отказъ въ уваженіи этого требованія Палата основала на томъ, что спорная земля, по удостовѣренію управленія государственныхъ имуществъ, подлежитъ еще въ будущемъ включенію во владѣнную запись, что посему крестьянамъ нынѣ принадлежитъ не право владѣнія, а лишь право пользованія, а слѣдовательно, какъ между крестьянами Пристанской дачи вообще установилось право фактическаго пользованія въ томъ видѣ, въ какомъ оно нынѣ происходитъ, то они и должны оставаться при этомъ видѣ пользованія, потому что, если удовлетворить требованіе зафорштадтскихъ крестьянъ о допущеніи къ общему владѣнію всѣхъ крестьянъ Пристанской дачи намежеванною по полюбовной сказкѣ землею, то окажется, что зафорштадтскіе крестьяне останутся исключительно при владѣніи тою землею, которая имъ была отмежевана по указу Правительствующаго Сената, безъ участія въ этомъ владѣніи другихъ крестьянъ, а въ спорномъ участкѣ прежде установившееся фактическое пользованіе усть курдюмскихъ крестьянъ замѣнится общимъ пользованіемъ съ отвѣтчиками (т. е. съ зафорштадтскими крестьянами). Независимо отъ этого соображенія, Палата такой отказъ зафорштадтскимъ крестьянамъ въ приведеніи въ дѣйствіе признаннаго за ними права на общее владѣніе спорною землею подкрѣпила и тѣмъ, что въ настоящее время неизвѣстно, будетъ-ли выдана на всѣ земли Пристанской дачи общая владѣнная запись, или-же каждое селеніе получитъ отдѣльную запись. Эти соображенія, принятыя Палатою въ основаніе къ отказу зафорштадтскимъ крестьянамъ въ осуществленіи признаннаго за ними настоящимъ рѣшеніемъ права на общее владѣніе съ другими обществами спорною землею, представляются неосновательными. Первое изъ этихъ соображеній составляетъ лишь предположеніе о тѣхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, которыя могутъ возникнуть отъ приведенія въ

дѣйствіе принадлежащаго зафорштадтскимъ крестьянамъ, въ силу рѣшенія Палаты, права и. слѣдовательно, бывъ однимъ предположеніемъ о томъ, что можетъ произойти, не могло быть положено въ основаніе къ устраненію зафорштадтскихъ крестьянъ отъ признаннаго за ними права, и это тѣмъ болѣе, что, по ст. 962 Устава Гражданскаго Судопроизводства и послѣдующихъ за нею статей, всѣ споры по исполненію рѣшенія, а слѣдовательно, и возбуждаемые такими спорами вопросы, составляютъ предметъ особаго производства, и посему означенное предположеніе Палаты, если бы оно дѣйствительно, возникло, можетъ подлежать обсужденію при исполненіи рѣшенія. Въ ст. 6 прилож. къ ст. 17 Пол. гос. крест. (особе прил. къ Т. IX Св. Зак. изд. 1876 г.) въ точности указанъ порядокъ, въ которомъ составляются владѣнныя записи на выдѣляемыя такого рода крестьянамъ земли. По этой статьѣ владѣнныя записи составляются по каждому селенію особо, но въ тѣхъ случаяхъ, когда селенія, образуя одну общую дачу, не разграничены между собою и владѣютъ сообща и нераздѣльно или чрезполосно всѣми угодьями, или частью ихъ допускается составленіе для нѣсколькихъ селеній одной владѣнной записи. Далѣе въ этой же статьѣ сказано, что если бы крестьяне замежеванныхъ въ одну общую дачу и неразграниченныхъ между собою селеній, при составленіи владѣнной записи, окончательно раздѣлили между селеніями общія и чрезполосныя угодья, составивъ установленнымъ порядкомъ приговоръ о такомъ раздѣлѣ, по большинству двухъ третей домохозяевъ селеній, участвующихъ въ пользованіи сими землями, то на каждое селеніе составляется отдѣльная владѣнная запись. Содержаніе этой статьи закона показываетъ, что разрѣшеніе вопроса о томъ, будетъ ли на Пристанскую дачу каждому обществу крестьянъ, владѣющему въ этой дачѣ, выдана отдѣльная запись или же всѣ общества получатъ одну общую владѣнную запись, зависитъ исключительно отъ взаимнаго соглашенія крестьянъ этихъ обществъ. Если крестьянскія общества не пожелаютъ размежеваться землями, составляющими Пристанскую дачу, то они должны, въ силу приведеннаго закона, получить на эту дачу общую владѣнную запись, въ противномъ же случаѣ каждое изъ обществъ получитъ отдѣльную запись на то количество земли, которое ему по полюбовному раздѣлу достанется. Изъ сего слѣдуетъ, что приведеніе въ дѣйствіе признаннаго настоящимъ рѣшеніемъ Палаты права зафорштадтскихъ крестьянъ на общее владѣніе съ другими крестьянами въ Пристанской дачѣ нисколько не зависитъ отъ того, будетъ ли на эту дачу выдана одна или нѣсколько владѣнныхъ записей, а, напротивъ, отъ приведенія въ дѣйствіе рѣшенія Палаты и отъ того, какъ, въ силу рѣшенія, устроится владѣніе всѣхъ обществъ въ этой дачѣ, т.-е. останется ли оно общимъ или-же сдѣлается, по взаимному соглашенію, для каждаго селенія отдѣльнымъ, будетъ зависѣть выдача на эту дачу владѣнныхъ записей въ томъ или другомъ видѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что и другое соображеніе, по которому Палата отказала зафорштадтскимъ крестьянамъ въ приведеніи въ исполненіе признаннаго за ними права, представляется неправильнымъ. Находя посему, что рѣшеніе Палаты объ отказѣ зафорштадтскимъ крестьянамъ въ просьбѣ о допущеніи ихъ къ общему владѣнію въ Пристанской дачѣ, несмотря на признаніе за ними права на такое владѣніе, не можетъ быть оставлено въ силѣ въ виду того, что соображенія, на которыхъ Палата основала этотъ отказъ, представляются, вопреки пункту 2 ст. 711 Уст. Гр. Суд., лишенными законнаго основанія,—Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: рѣшеніе Саратовской Судебной Палаты, по нарушенію 711 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ Казанскую Судебную Палату.

150.—1882 года ноября 3-го дня. *По прошенію повѣреннаго дочери поручика Ларисы Козловской, присяжнаго повѣреннаго Верховскаго, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. О. Гаммъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. И. Домерниковъ).

По закладной, совершонной 22-го ноября 1873 года, срокомъ на одинъ

годъ, жена поручика Анна Козловская заняла у коллежскаго совѣтника Александра Познышева 3300 рублей, въ чемъ и заложила недвижимое имѣніе свое Ельнинскаго уѣзда, въ Дровеневской дачѣ, при сельцѣ Колодезѣ, Козловка, тожъ, заключающееся въ 350 десят. земли. По просрочкѣ закладной уплаты не послѣдовало. Затѣмъ 17 января 1877 года Анна Козловская заключила съ Антономъ Козловскимъ нотаріальный договоръ, по которому отдала Козловскому въ аренду то же самое недвижимое имѣніе срокомъ, на 12 лѣтъ цѣною за 50 рублей въ годъ, причемъ обязанность платить повинности по имѣнію возложена на собственницу; арендатору предоставлено право пользоваться лѣсомъ, какъ для домашняго обихода, такъ и на продажу, съ обязательствомъ уплатить владѣлицѣ за каждую проданную десятину по 5 рублей, и, наконецъ, за нарушеніе договора поставлена неустойка въ 6000 рублей. На другой день по заключеніи сего договора, т.-е. 18-го января, арендаторъ Козловскій передалъ свои права по договору дочери собственницы имѣнія, Ларисѣ Александровой Козловской, которая учинила 20 того же января на договорѣ надпись объ отказѣ отъ права продажи лѣса впредь до снятія запрещенія съ имѣнія по закадной. 28 апрѣля 1878 года по иску залогодержателя Познышева въ Окружномъ Судѣ состоялось рѣшеніе о присужденіи ему по закладной съ Анны Козловской 3300 рублей съ % и судебными издержками по закладной и 800 руб. съ % и судебными издержками по векселю и объ исполненіи сего рѣшенія повѣстка дана 20 мая 1878 года, а по случаю неуплаты денегъ произведена опись и публичная продажа имѣнія, которое и пріобрѣтено съ торговъ купцомъ Ильею Швейцеромъ за 5305 руб., по данной, совершонной старшимъ нотаріусомъ 18 декабря 1878 года, причемъ имѣлся въ виду при производствѣ торговъ и внесенъ въ данную вышеуказанный арендный договоръ. 19 го октября 1879 года Илья Швейцеръ предъявилъ въ Смоленскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ Ларисѣ Козловской, доказывая, что побудительною причиною къ заключенію аренднаго договора было достиженіе цѣли, законами запрещенной, и что договоръ этотъ можетъ быть причисленъ къ разряду лихоимственныхъ изворотовъ (3 пунктъ 1529 статьи), вслѣдствіе чего просилъ объ уничтоженіи совершоннаго 17-го января 1877 года аренднаго договора. 4 го декабря 1879 года повѣренный Ларисы Козловской, присяжный повѣренный Верховскій, предъявилъ къ Швейцеру встрѣчный искъ, въ коемъ, указывая, что арендный договоръ совершонъ за годъ до выдачи бывшей владѣлицѣ имѣнія повѣстки объ исполненіи, что договоръ этотъ имѣлся въ виду при торгахъ и былъ извѣстенъ покупателю Швейцеру, просилъ въ искѣ Швейцеру объ уничтоженіи аренднаго договора отказать, признать договоръ этотъ обязательнымъ для него до конца срока и, наконецъ, взыскать съ Швейцера въ пользу Козловской 6000 рублей неустойки за нарушеніе договора, выразившееся въ самовольныхъ рубкахъ лѣса, прегражденіи проѣзда по лугамъ и т. д. Окружный Судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, рѣшеніемъ состоявшимся 4 го января 1880 года, опредѣлилъ: арендный договоръ отъ 17 января 1877 года уничтожить и во встрѣчномъ искѣ Козловской отказать. Московская Судебная Палата, разсмотрѣвъ настоящее дѣло по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Ларисы Козловской, Верховскаго, рѣшеніемъ, состоявшимся 19-го мая 1880 года, опредѣлила рѣшеніе Окружнаго Суда оставить въ силѣ, а апелляціонную жалобу Верховскаго безъ уваженія. На это рѣшеніе Лариса Козловская подала кассаціонную жалобу, по разсмотрѣніи коей Правительствующій Сенатъ означенное рѣшеніе отмѣнилъ по нарушенію примѣчанія къ 1708 ст. Тома X части I по продолж. 1876 года, 541, 542 Тома X ч. I Свод. изд. 1857 года и ст. 1099 Устава Гражд. Судопороизводства. Московская Судебная Палата (по 2-му Департаменту), разсмотрѣвъ 5 го мая 1881 года настоящее дѣло по указу Правительствующаго Сената, нашла, что въ 1529 ст. Т. X. ч. I выражено то основное правило, что договоры признаются недѣйствительными и необязательными въ томъ случаѣ, если побудительная причина къ заключенію оныхъ есть достиженіе цѣли, законами запрещенной. Искъ, предъявленный Швейцеромъ къ Козловской, основанъ на этомъ законѣ, и потому Судъ нисколько не измѣнилъ существа исковыхъ требованій, под-

ведя это требованіе подъ дѣйствіе 2 п. ст. 1529, а не подъ дѣйствіе 3 п. той же статьи, на которую сослался истецъ въ исковомъ прошеніи своемъ. Судебная Палата не усматриваетъ въ этомъ дѣйствіи Суда произвольнаго измѣненія основанія иска и потому еще, что фактическія обстоятельства, побудившія Швейцера предъявить искъ, остались безъ измѣненія, и Швейцеръ во все время производства дѣла требовалъ уничтоженія договора на томъ основаніи, что Козловская, должница, посредствомъ этого договора стремилась укрѣпить пользованіе имѣніемъ за своими родственниками на продолжительное время и за низкую цѣну, во вредъ залогодержателя, или покупателя. Изъ настоящаго производства усматриваются слѣдующія несомнѣнныя обстоятельства: во время заключенія Козловской съ Козловскимъ договора аренды имѣнія с. Колодезь, имѣніе это находилось въ залогѣ у Познышева по закладной крѣпости, совершонной въ 1873 году, срокомъ на одинъ годъ; по случаю неплатежа долга по закладной крѣпости оно было продано съ публичнаго торга въ 1878 г., слѣдовательно, Козловская не могла не знать, что она должна по закладной крѣпости значительную сумму, что долгъ этотъ обезпечивается ея имѣніемъ и что она не имѣла наличныхъ денегъ заплатить долгъ по закладной. Далѣе изъ имѣющихся въ дѣлѣ документовъ видно, что имѣніе это состоитъ изъ 350 десят., въ томъ числѣ слишкомъ 243 дес. строевого и дровяного лѣса, остальная земля пахатная и сѣнокосная. Подъ залогъ этого имѣнія было дано въ ссуду 3300 рублей за указные проценты и, наконецъ, на публичномъ торгѣ за него было предложено слишкомъ 5000 р.; между тѣмъ, Козловская отдала это имѣніе въ аренду на 12 лѣтъ, всего за 50 руб. въ годъ, Козловскому, а сей послѣдній на другой день по заключеніи сего договора передалъ договоръ этотъ дочери вотчинницы, Ларисѣ Козловской. Всѣ эти обстоятельства вообще, а въ особенности слишкомъ низкая арендная плата по отношенію къ стоимости имѣнія, убѣждаютъ въ томъ, что договоръ этотъ заключенъ Козловскою съ цѣлью избѣжать платежа долговъ, и потому договоръ этотъ долженъ быть признанъ ничтожнымъ и необязательнымъ для Швейцера. Указаніе на то, что договоръ былъ извѣстенъ Швейцеру, нисколько не измѣняетъ характера договора, и обстоятельство это не можетъ служить опроверженіемъ искового требованія, ибо Швейцеръ, покупая имѣніе, могъ разсчитывать, что договоръ можетъ быть уничтоженъ въ силу 1529 статьи. При такомъ разрѣшеніи дѣла встрѣчный искъ уже не подлежитъ удовлетворенію. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Судебная Палата постановила: утвердить рѣшеніе Окружнаго Суда. Ходатайствуя нынѣ объ отмѣнѣ сего рѣшенія, повѣренный Ларисы Козловской, Верховскій, указываетъ, между прочимъ, на нарушеніе Палатою 1529 ст. Т. X ч. I.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ: что рѣшеніе Палаты, о признаніи недѣйствительнымъ заключеннаго Анною Козловскою арендnаго договора на имѣніе, пріобрѣтенное затѣмъ съ публичныхъ торговъ Швейцеромъ, основано на 2-мъ пунктѣ 1529 ст. Т. X ч. I, дѣйствительный смыслъ и значеніе которой подвергались уже неоднократному обсужденію въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената (Сб. рѣш. 1872 года №№ 1200 и 1915; 1873 г. №№ 1224, 1681; 1874 г. № 253; 1875 г. №№ 479, 542, 620; 1876 г. №№ 121 и 441; 1877 года № 264; 1878 года № 11), причемъ установлено, что признаніе сдѣлки подлежащею уничтоженію по 2 пун. 1529 ст. Т. X ч. I. какъ заключенной съ цѣлью передать имущество постороннему лицу для избѣжанія платежа долговъ предполагаетъ несостоятельность должника къ платежу долговъ и отсутствіе другого имущества, на которое кредиторы могли-бы обратить взысканіе, причемъ 2 пунктъ ст. 1529, какъ ограждающій собственно интересы кредиторовъ, можетъ служить основаніемъ къ уничтоженію сдѣлки по иску кредиторовъ, лишенныхъ этою сдѣлкою средствъ къ удовлетворенію ихъ взысканій; независимо отъ сего, залогодержателю, кромѣ предоставленнаго заимодавцамъ вообще права доказывать, на основаніи п. 2 ст. 1529, подложное переукрѣпленіе должникомъ своего имѣнія во избѣжаніе платежа долговъ, принадлежитъ также право оспаривать, въ силу того же закона, подложное переукрѣпленіе залогодателемъ доходовъ заложеннаго имѣнія, которыми

залогодержатель въ правѣ пользоваться по 1129 ст. Уст. Гр. Суд., и это особенное право, какъ вытекающее изъ вещнаго характера договора, обезпеченнаго исключительно заложеннымъ имѣніемъ, не можетъ быть ограничено временемъ полученія должникомъ повѣстки объ обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе, какъ это установлено для кредиторовъ вообще въ 1100 ст. Уст. Гр. Суд. Но затѣмъ по буквальному его содержанію 2 п. 1529 стат. не можетъ быть примѣняемъ къ искамъ покупщика имѣнія объ уничтоженіи аренднаго договора, какъ заключеннаго прежнимъ собственникомъ съ цѣлью лишить его извѣстной доли доходовъ съ имѣнія; съ другой-же стороны нельзя не признать за покупщикомъ, пріобрѣвшимъ имѣніе съ публичнаго торга, права требовать уничтоженія аренднаго договора, о которомъ на торгахъ ему извѣстно не было (ни изъ описи, ни изъ запрещеній) и который лишаетъ его доходовъ съ имѣнія; это право покупщика можно усмотрѣть и въ 1528 ст. Т. X ч. I, по содержанію которой цѣль договора не должна быть противна благочинію, т.-е. по разъясненію Сената, „понятіямъ нравственности“ (рѣш. 1867 г. № 411), и въ ст. 1104 (п. 4) и 1111 ст. Уст. Гр. Суд., на основаніи которыхъ въ опись имѣнія для продажи его съ публичнаго торга должны быть внесены вообще свѣдѣнія, объясняющія положеніе имѣнія, какъ то „заключенные по оному договоры“. Но засимъ надлежитъ признать, что покупщикъ имѣнія съ публичнаго торга, имѣвшій при покупкѣ въ виду заключенный прежнимъ собственникомъ арендный на имѣніе контрактъ, не въ правѣ оспаривать этотъ контрактъ на основаніи его невыгодности для новаго собственника, такъ какъ пунктъ 2 ст. 1529 Т. X ч. I ограждаетъ, какъ выше указано, интересы кредиторовъ, а не правопреемниковъ прежняго собственника. Обращаясь отъ сихъ общихъ, изъ точнаго смысла закона вытекающихъ, положеній къ обстоятельствамъ даннаго дѣла, оказывается, какъ установлено въ рѣшеніи Палаты, что оспариваемый нынѣ арендный договоръ заключенъ былъ не только до публичной продажи имѣнія, но и до обращенія на это имѣніе взысканія по закладной Познышева, а именно: договоръ явленъ у нотаріуса 17-го января 1877 года, рѣшеніе же о присужденіи съ Анны Козловской по закладной въ пользу Познышева послѣдовало 28 апрѣля 1878 года, а повѣстка объ исполненіи дана 20 мая 1878 года, и что при этомъ означенный договоръ не только имѣлся въ виду при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга и былъ внесенъ въ опись и торговый листъ, но затѣмъ внесенъ и въ данную, выданную пріобрѣтателю имѣнія, истцу по настоящему дѣлу, Швейцеру, причемъ залогодержатель Познышевъ, въ виду продажи имѣнія за цѣну, высшую противъ суммы обращеннаго на оное взысканія, получилъ полное удовлетвореніе по присужденнымъ ему съ Анны Козловской взысканіямъ какъ по закладной, такъ и по векселю. При таковыхъ обстоятельствахъ сего дѣла примѣненіе къ оному Палатою 2 пункта ст. 1529 Т. X ч. I, составляетъ прямое нарушеніе означеннаго закона; а посему и считая засимъ уже излишнимъ входитъ въ разсмотрѣніе другихъ указанныхъ въ кассаціонной жалобѣ нарушеній, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Московской Судебной Палаты, по нарушенію 1529 ст. X Т. ч. I Св. Зак. Гр., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ С. Петербургскую Судебную Палату.

151.—1882 г. апрѣля 14 и ноября 17 чиселъ. *По прошенію повѣреннаго торговаго дома въ Лондонѣ „Форбесъ, Форбесъ и Ко, присяжнаго повѣреннаго Ланина, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ баронъ Б. Ѳ. Гойнингенъ-Гюне; заключеніе давалъ исп. об. Товарища Оберъ-Прокурора И. Н. Николаевъ).

6 августа 1871 г. былъ Высочайше утвержденъ уставъ акціонерной компаніи для перевозки пассажировъ и грузовъ по рѣкамъ Камѣ, Волгѣ и Окѣ и Каспійскому морю, подъ названіемъ „Камско-Волжское пароходное общество“. Относительно управленія дѣлами общества въ уставѣ этомъ, между прочимъ, постановлено слѣдующее: § 20. Управленіе распредѣляется между главною конторою, правленіемъ и общимъ собраніемъ акціонеровъ. § 27.

Правленіе состоитъ изъ трехъ директоровъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ акціонеровъ срокомъ на три года. § 29. Директоры и кандидаты исполняютъ свои обязанности на основаніи общихъ законовъ и постановленій, въ семъ уставѣ заключающихся. § 30. Правленіе дѣйствуетъ въ качествѣ уполномоченнаго общества. § 32. Изъ состава правленія выбываетъ ежегодно одинъ директоръ. § 33. Директора ежегодно избираютъ изъ среды своей предсѣдателя. § 34. Правленіе собирается по приглашенію предсѣдателя, когда потребуютъ этого дѣла общества но не менѣе одного раза въ недѣлю. Въ правленіи, для дѣйствительности рѣшенія, должны присутствовать всѣ три директора, или заступающіе мѣсто ихъ кандидаты. Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, когда же не состоится большинство, то спорный предметъ переносится на рѣшеніе общаго собранія. § 35. Правленію ввѣряется наблюденіе за дѣйствіями мѣстнаго управленія . . . Правленіе производитъ расходы по смѣтамъ, ежегодно утверждаемымъ общимъ собраніемъ акціонеровъ . . . Ближайшій порядокъ дѣйствій правленія, предѣлы правъ и обязанности его опредѣляются инструкціею, утверждаемою и измѣняемою общимъ собраніемъ. § 44. Къ кругу дѣйствій общаго собранія принадлежитъ утвержденіе годовыхъ отчетовъ правленія, равно смѣты и планы дѣйствій на наступающій годъ, избраніе директоровъ, кандидатовъ ихъ и членовъ ревизіонной комиссіи, ассигнованіе суммъ въ распоряженіе правленія на годовые и непредвидѣнные расходы, а также опредѣленіе суммы, не свыше которой правленіе имѣетъ право кредитоваться, разрѣшеніе дѣлъ по предметамъ, превышающимъ власть правленія. § 49. Для рѣшенія вопросовъ о расширеніи предпріятія, увеличеніи складочнаго капитала, измѣненіи устава и ликвидаціи дѣлъ требуется въ общемъ собраніи участіе владѣльцевъ акцій, представляющихъ двѣ трети общаго числа акцій. Съ цѣлью содержанія нѣсколькихъ новыхъ пароходовъ, между прочимъ, въ видахъ заключенія съ военнымъ министерствомъ договора о перевозкѣ войскъ по р. Волгѣ и ея притокамъ, Камско Волжское пароходное общество ходатайствовало разрѣшить ему произвести заемъ денегъ около милліона рублей посредствомъ выпуска облигацій. Ходатайство это было уважено правительствомъ. Вслѣдствіе этого и въ видахъ обезпеченія облигаціоннаго займа, уставъ Камско Волжскаго общества былъ дополненъ 16 іюня 1872 года, между прочимъ, слѣдующими правилами: Примѣч. 4 къ § 12. Для сооруженія новыхъ пароходовъ обществу предоставляется выпустить облигаціи въ сто десять тысячъ фунтововъ стерлинговъ нарицательнаго капитала, съ тѣмъ . . . : 2) чтобы уплата процентовъ по означеннымъ облигаціямъ и капитала по облигаціямъ, вышедшимъ въ тиражъ, была обезпечена преимущественно предъ всѣми долгами общества, кромѣ правъ страхователей на вознагражденіе по выданнымъ имъ полисамъ: а) всѣми прибылями общества; б) всѣмъ какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ общества, какъ уже имъ пріобрѣтеннымъ, такъ и тѣмъ, которое имъ впредь будетъ пріобрѣтено, для чего облигаціи могутъ быть выпущены только по наложеніи на все недвижимое имущество общества запрещенія въ полной суммѣ выпускаемыхъ облигацій, и при самомъ выпускѣ оныхъ должны быть очищены всѣ могущіе быть на обществѣ долги; 3) чтобы, въ случаѣ продажи пароходовъ и баржъ общества, вырученная сумма была обращаема на усиленіе погашенія облигацій, и 4) чтобы размѣръ процентовъ, уплачиваемыхъ по облигаціямъ, условія ихъ выпуска, форма, сроки и способъ погашенія, предварительно самаго выпуска облигацій, были представлены на утвержденіе министра финансовъ. § 40. Изъ прибылей отъ заработковъ общества, т. е. изъ суммы, остающейся за вычетомъ всѣхъ расходовъ по управленію, содержанію, дѣйствію и ремонту пароходовъ и судовъ, а таже по заведеніямъ и сооруженіямъ при нихъ и убытковъ, отчисляется прежде всего: а) сумма, потребная для уплаты процентовъ и погашенія по выпущеннымъ обществомъ облигаціямъ, и б) не менѣе пяти процентовъ этой прибыли въ запасный капиталъ до тѣхъ поръ, пока капиталъ этотъ не будетъ равняться одной пятой складочнаго и облигаціоннаго капиталовъ общества. Примѣчаніе. Запасный капиталъ назначается на уплату той суммы процентовъ и погашенія по облигаціямъ, которая остается непокрытою по случаю недостатка на сіе чистой прибыли, а равно на уплату непредвидимыхъ расходовъ; но расходованіе се-

го капитала на сіи послѣдніе расходы не иначе можетъ быть производимо, какъ по опредѣленію общаго собранія и лишь когда уплата процентовъ и погашенія по облигаціямъ обезпечена вполнѣ чистою прибылью общества. Въ тѣ годы, когда чистой прибыли общества будетъ недостаточно для уплаты процентовъ и погашенія по облигаціямъ онаго и недостающая сумма не можетъ быть покрыта изъ имѣющагося запаснаго капитала общества, для удовлетворенія владѣльцевъ облигацій слѣдующими имъ суммами, обращается въ продажу сначала движимое, а потомъ недвижимое имущество общества. Примѣчаніе къ § 52. Въ случаѣ несостоятельности общества, или ликвидаціи его дѣлъ, владѣльцы облигацій удовлетворяюттся преимущественно предъ прочими кредиторами общества, кромѣ правъ страхователей на вознагражденіе по выданнымъ имъ полисамъ. 17 іюня 1872 г. Камско Волжское общество заключило договоръ съ военнымъ министерствомъ о перевозкѣ войскъ въ теченіе девяти лѣтъ по Волгѣ и ея притокамъ. 9 апрѣля 1873 г. Камско-Волжское общество заключило съ купцомъ Жюлемъ Фердинандомъ Гилелемъ въ Лондонѣ договоръ, переуступленный имъ торговому дому въ Лондонѣ „Форбесъ, Форбесъ и К°“ по коему онъ, Гилель, обязался реализовать облигаціи общества изъ 85% на сто, всего на сумму 110000 фунтовъ стерлинговъ. Въ силу этого договора и вышеприведеннаго примѣчанія 4 къ § 12 устава общества, въ обезпеченіе облигаціоннаго долга на все недвижимое имущество общества было наложено запрещеніе. Въ обезпеченіе уплаты процентовъ и погашенія долга по облигаціямъ общество обязалось тѣмъ же договоромъ выдать заимодавцу довѣренности на полученіе вмѣсто общества причитающихся ему къ платежу денегъ: по одной отъ военнаго министерства въ годъ около 80000 р. по договору 17 іюня 1872 г. о перевозкѣ войскъ до 1880 г., а по другой—отъ Рагозина и Шипова всего 291000 руб. въ теченіе шести лѣтъ за проданные обществомъ пароходы и баржи по договору 14 января 1873 г. Къ договору 9 апрѣля 1873 г. приложена находящаяся въ дѣлѣ опись или инвентарь имущества Камско-Волжскаго общества; по этой описи имущество, заключающееся въ пароходахъ, баржахъ, пристаняхъ и различныхъ строеніяхъ, машинахъ, оцѣнено въ 1508729 рубл. 68 коп. 26 мая 1873 г. облигаціи, по утвержденіи министромъ финансовъ условій займа, были выпущены Камско Волжскимъ обществомъ, и первый срокъ уплаты процентовъ по нимъ наступилъ 15 сентября 1873 г. По истеченіи около десяти мѣсяцевъ по выпускѣ облигацій, именно 16 марта 1874 г., директоры правленій пароходныхъ обществъ „Дружины“ съ одной стороны и Камско-Волжскаго—съ другой заключили отъ имени правленій этихъ обществъ договоръ о веденіи дѣла соединенными средствами обоихъ обществъ, подъ фирмою „Соединенныя пароходныя общества „Дружина“ и „Камско-Волжское“ въ теченіе 12 лѣтъ, считая съ 1 декабря 1873 года, между прочимъ, на слѣдующихъ условіяхъ: § 1. Общества „Дружина“ и Камско-Волжское“ соединяютъ всѣ свои рабочія средства для совмѣстнаго дѣйствія, а потому всѣ принадлежащіе обществамъ пароходы и баржи, со всѣмъ инвентаремъ, на нихъ находящимся, поступаютъ въ общее дѣло. § 2. Доля участія въ прибыляхъ и убыткахъ каждаго общества опредѣляется количествомъ пароходовъ, причемъ за единицу мѣры принимается пароходъ въ 120 силъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ баржей. . . § 4. Для веденія дѣла, покупки пристаней и другого общаго имущества, необходимаго для соединеннаго дѣла, назначается оборотный капиталъ не менѣе 100000 руб., въ счетъ которыхъ каждое общество, сообразно своей долѣ участія, должно внести соотвѣтственную часть. Въ счетъ этого капитала соединенное дѣло принимаетъ отъ каждаго общества наличныя деньги въ конторахъ, выданные задатки по условіямъ за дрова и матеріалы, уплаченное съ 1 декабря 1873 года жалованье капитанамъ и другимъ лицамъ, всѣ наличные матеріалы, всѣ годныя пристани и береговыя постройки, нужныя для дѣла, съ инвентаремъ, на нихъ находящимся, и проч. § 14. Оборотный капиталъ, вложенный обоими обществами, впредь до окончанія срока договора, долженъ оставаться неприкосновеннымъ и служить взаимнымъ обезпеченіемъ платежей и неустоекъ, такъ что никакое постороннее взысканіе не можетъ быть имъ удовлетворено прежде, чѣмъ договоръ этотъ почему-либо не будетъ прекращенъ и расчеты

по немъ окончены. § 5. Все управленіе соединеннымъ дѣломъ предоставляется правленію общества „Дружины“, которое по своему усмотрѣнію или управляетъ дѣломъ само, или учреждаетъ особое управленіе, уполнамочивая его отъ себя довѣренностью. Для сего правленіе Камско Волжскаго общества съ своей стороны снабжаетъ правленіе общества „Дружины“ надлежащею довѣренностью. Правленію общества „Дружины“ присваиваются слѣдующія права: составленіе бюджета, заключеніе договоровъ по всѣмъ заготовкамъ топлива, матеріаловъ, имущества и покупка всего этого какъ за наличныя деньги, такъ и въ кредитъ, выдача и пріемъ векселей отъ имени общей фирмы, наемъ и увольненіе всѣхъ безъ исключенія служащихъ и назначеніе имъ жалованья... веденіе всѣхъ процессовъ, возникшихъ вслѣдствіе работъ соединеннаго дѣла, во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ и у административныхъ лицъ... право по своему усмотрѣнію вознаграждать грузоотправителей за порчу или подмочку грузовъ отъ несчастныхъ случаевъ, или отъ просрочки въ доставкѣ до 100,000 руб. на одно лицо, производство всѣхъ платежей по содержанію дѣла и пр.; составленіе годового отчета и распредѣленіе прибыли, согласно долямъ участія, выдача Камско Волжскому обществу какъ аванса, такъ и причитающейся на его долю прибыли и созывъ соединеннаго правленія. § 6. Правленію Камско Волжскаго общества предоставляется: право постояннаго контроля книгъ и документовъ всего соединеннаго дѣла, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы таковой контроль не отрывалъ служащихъ отъ срочной работы и не препятствовалъ веденію ими текущаго дѣла.... право чрезъ своихъ директоровъ, или чрезъ своего уполномоченнаго, принимать участіе съ совѣщательнымъ голосомъ во всѣхъ засѣданіяхъ правленія общества „Дружины“, касающихся соединеннаго дѣла... разсмотрѣніе и утвержденіе смѣтъ на предстоящій годъ... утвержденіе отчета за истекшій годъ... разрѣшеніе всѣхъ тѣхъ вопросовъ, какіе правленіе „Дружины“ найдетъ нужнымъ предложить правленію Камско-Волжскаго общества. Примѣчаніе къ § 6 По тѣмъ вопросамъ, вытекающимъ изъ сего договора, рѣшеніе которыхъ превышаетъ власть правленія Камско Волжскаго пароходнаго общества, требуется согласіе общаго собранія акціонеровъ. § 7. Для рѣшенія вопросовъ, по которымъ не послѣдовало соглашенія между правленіями обществъ, учреждается соединенное правленіе, въ составъ котораго входятъ отъ каждой изъ сторонъ не болѣе трехъ директоровъ... Предсѣдательство въ соединенномъ правленіи на весь срокъ договора присвояется одному изъ директоровъ общества „Дружины“, выбираемому каждый разъ составомъ членовъ соединеннаго правленія. Вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; въ случаѣ же раздѣленія голосовъ поровну, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Рѣшенія соединеннаго правленія считаются окончательными и безапелляціонными. § 8. На счетъ соединеннаго дѣла относятся всѣ расходы по веденію предпріятія, ремонтъ баржъ обоихъ обществъ, потеря отъ уплаты аварій, несостоятельности кладчиковъ и растраты служащихъ, за исключеніемъ нижеслѣдующихъ расходовъ: а) по содержанію затоновъ и всѣхъ служащихъ при нихъ; б) по ремонту и зимовкѣ пароходовъ каждаго общества; в) по возобновленію инвентаря, означеннаго въ прилагаемой вѣдомости; г) по содержанію правленій обоихъ обществъ и тѣхъ служащихъ, которые не участвуютъ непосредственно въ управленіи соединеннымъ дѣломъ, и д) по застрахованію судовъ и имущества. Примѣчаніе 2 къ § 8. На содержаніе управленія соединеннымъ дѣломъ отчисляется 5 процентовъ изъ чистыхъ прибылей отъ дѣла, подлежащихъ раздѣлу между обществами, но во всякомъ случаѣ не менѣе 25,000 руб. § 9. Ежегодно, не позже марта мѣсяца, правленіе общества „Дружины“ составляетъ отчетъ по всему дѣлу, заключая книги на 1 декабря предшествующаго года. Прибыль общаго дѣла опредѣляется вычетомъ изъ валовой заработки соединеннаго дѣла расходовъ, исчисленныхъ въ § 8, падающихъ, согласно тому §, на соединенное дѣло; затѣмъ остатокъ составляетъ чистую прибыль, которая распредѣляется между обществами пропорціонально долямъ ихъ участія въ тотъ годъ, причемъ изъ барыша, причитающагося на долю Камско-Волжскаго пароходнаго общества, удерживаются: а) авансы, выданные за тотъ годъ по § 11; б) въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ въ 50,000 руб. по силу § 10

и всѣ расходы, которые по смыслу этого договора должны быть отнесены на счетъ каждаго общества порознь, а не на соединенное дѣло: затѣмъ остатокъ, какой окажется, выплачивается правленію Камско Волжскаго общества не позже 15 дней по повѣркѣ и утвержденіи имъ отчета. § 10. Изъ прибылей, причитающихся на долю Камско Волжскаго общества, удерживается въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ въ пользу общества „Дружины“ по 50,000 руб., каковые и получаются имъ въ мартѣ по заключеніи отчета; если же, за выдачею авансовъ, остатокъ причитающейся на долю Камско Волжскаго общества прибыли не будетъ составлять 50,000 руб., то всю недостающую сумму Камско Волжское общество обязано немедленно доплатить. Въ обезпеченіе сего Камско-Волжское общество при подписаніи сего договора выдаетъ векселей на 200,000 руб. на имя наслѣдниковъ Д. Е. Бенардаки, которые съ отвѣтственнымъ своимъ бланкомъ передаютъ ихъ обществу „Дружины“. § 11. Общество „Дружина“ дѣлаетъ ежегодно Камско Волжскому обществу авансы, начиная съ апрѣля мѣсяца 1874 года по расчету, указанному въ особо отъ сего составленной вѣдомости, каковые авансы, а также слѣдующіе по предыдущему § 50,000 руб., выключаетъ изъ причитающейся Камско Волжскому обществу доли прибыли. § 12. Если сумма перебора, слѣдующаго въ возвратъ съ Камско Волжскаго общества, не будетъ превышать суммы причитающихся ему авансовъ за первые три мѣсяца слѣдующаго операціоннаго года, то переборъ удерживается изъ этихъ авансовъ; если же авансами за 3 мѣсяца этотъ переборъ не покрывается, то сумму, превышающую трехмѣсячные авансы, Камско Волжское общество обязано внести въ теченіе 30 дней со дня предъявленія отчета; въ противномъ случаѣ договоръ считается нарушеннымъ со стороны Камско Волжскаго общества, и тотчасъ же производится ликвидація соединеннаго дѣла слѣдующимъ порядкомъ: общество „Дружина“ изъ принадлежащаго Камско Волжскому обществу оборотнаго капитала, находящагося въ соединенномъ дѣлѣ, удерживаетъ: а) всѣ расходы навигаціонные по пароходамъ и судамъ, падающіе на счетъ Камско-Волжскаго общества, съ 1 декабря предшествовавшаго года; б) падающую на его долю часть расходовъ по управленію съ 1 декабря по день расчета, в) всю сумму, слѣдующую къ возврату за выданные авансы или на покрытіе убытковъ; г) всю сумму, какая недоплачена по переданнымъ отъ наслѣдниковъ Д. Е. Бенардаки векселямъ Камско Волжскаго общества, сроки коихъ еще не наступили; д) неустойку за нарушеніе контракта, согласно § 40, и затѣмъ остатокъ оборотнаго капитала возвращается Камско Волжскому пароходному обществу; если же на открытіе суммъ, исчисленныхъ въ пункт. а, б, в, г и д. этого §, недостанетъ оборотнаго капитала, то общество „Дружина“ недостающую сумму получаетъ съ имущества Камско Волжскаго общества. § 22. При подписаніи сего договора всѣ контракты и условія какъ на взятыя обѣими обществами поставки, такъ и по другимъ предметамъ, а также условія на купленные дрова, матеріалы, аренду судовъ и т. п. переходятъ въ соединенное дѣло, причемъ всѣ полученные задатки передаются соединенному дѣлу, а всѣ выданные задатки зачисляются въ оборотный капиталъ. § 36. При прекращеніи сего договора ранѣе срока, вслѣдствіе нарушенія его которою либо изъ сторонъ, ликвидація дѣла производится соединеннымъ правленіемъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 12 . . . . § 37. По истеченіи срока сего договора, ликвидація дѣла производится соединеннымъ правленіемъ, ... при этомъ оборотный капиталъ распредѣляется между обществами пропорціонально участію ихъ въ этомъ капиталѣ, ... суда же и пристани, въ случаѣ несогласія,—по жеребью. § 40. Прекращеніе сего договора которымъ либо изъ обществъ ранѣе опредѣленнаго срока . . . обязываетъ виновную сторону безпрекословно заплатить въ пользу другой стороны неустойку въ 200,000 руб. § 45. Ни одно изъ соединившихся обществъ во все время договора не въ правѣ устраивать отдѣльныя отъ соединеннаго дѣла пароходства по Волгѣ и ея притокамъ. № 46. Такъ какъ Камско-Волжское общество имѣетъ контрактъ съ военнымъ министерствомъ на перевозку по 1880 годъ включительно войскъ по р. Волгѣ и ея притокамъ, то соединенное дѣло со дня заключенія настоящаго договора принимаетъ на себя обязательную перевозку войскъ, согласно тому контракту. Договоръ 16-го марта

1874 г. исполнялся въ теченіе двухъ лѣтъ. Но въ 1875 году Камско-Волжское общество не уплатило торговому дому Форбесъ капитала и % по облигаціямъ. Вслѣдствіе этого домъ Форбесъ обратился съ искомъ въ С.-Петербургскій Окружный Судъ, который 1 декабря 1875 года постановилъ рѣшеніе о взысканіи съ Камско Волжскаго общества въ пользу Форбесъ 107613 фунт. стерлин. 2 шилл. и 5 пенсовъ по курсу, съ % съ 1 сентября 1875 г. и 7700 рублей судебныхъ издержекъ. Въ уплату этого взысканія отъ продажи пароходовъ и другого имущества общества поступило 485465 руб. 48 коп., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись на выданномъ дому Форбесъ С. Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ исполнительномъ листѣ. Въ мартѣ 1876 года Камско-Волжское общество заявило „Дружинѣ“ объ отказѣ отъ соединеннаго дѣла. 23 іюня 1878 года повѣренный банкирскаго дома „Форбесъ, Форбесъ и К°, присяжный повѣренный Плевако, обратился въ Нижегородскій Окружный Судъ съ исковымъ прошеніемъ, въ которомъ объяснилъ, что онъ проситъ уничтожить договоръ 16 марта 1874 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ истребовать отъ общества „Дружины“ удержанныя имъ въ пользу свою суммы оборотнаго капитала и прибыли Камско-Волжскаго пароходнаго общества, такъ какъ, по разъясненію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 13 марта 1875 г. по дѣлу Коренева и Гейденъ, нельзя обращаться къ суду не съ требованіемъ о присужденіи какого-либо взысканія или о понужденіи къ какому-либо дѣйствію или исполненію, а только съ требованіемъ о признаніи какого либо дѣйствія совершившимся, или какого либо отвлеченнаго права, неосуществимаго въ порядкѣ исполненія судебнаго рѣшенія; что для личнаго кредитора сдѣлки должника съ третьими лицами по имуществу, доколѣ есть средства получить долгъ изъ его состоянія, безразличны; для залогового кредитора, наоборотъ, всякая сдѣлка, касающаяся заложеннаго имѣнія и имѣющая цѣлью обезцѣнить его, прямо вредна, ибо онъ не имѣетъ права на прочее состояніе должника, кромѣ заложеннаго; что требованіе „Форбесъ, Форбесъ и Ко“ есть облигаціонный долгъ, условія и значеніе какового, не успѣвъ еще вступить въ разрядъ типовъ общихъ гражданскихъ договоровъ, нашелъ себѣ признаніе въ спеціальныхъ законахъ, какъ то въ 4 прим. къ 12 § устава Камско Волжскаго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что облигаціонный заемъ выведенъ въ разрядъ долговъ преимущественныхъ и что въ формѣ погашенія его допущена ипотека на недвижимое и движимое имущество, въ § 12 указанное; кредиторъ, подобно залоговому долгу, пріобрѣтаетъ и право на извѣстныя имущества должника, устраняющее всякихъ постороннихъ вступщиковъ въ смыслѣ кредиторовъ конкурентовъ, кромѣ страхователей; посему облигаціонеръ, обезпеченный въ своемъ правѣ силою спеціальнаго закона (§ 12 уст. Волжско Камск. общества), управомоченъ отыскивать вещи, служащія обезпеченіемъ его долга, изъ чужого владѣнія и ходатайствовать объ уничтоженіи договоровъ и о поворотѣ имущества, договорами отчужденнаго, если договоръ совершонъ въ нарушеніе закономъ обезпеченнаго права облигаціонера. Послѣ уже заключенія облигаціоннаго займа должникъ и „Дружина“ вступили въ договоръ, существенныя стороны коего таковы: 1) имъ учреждается соединенное дѣло, заправляемое „Дружиной“; 2) уничтожается право и обязанность правленія Камско-Волжскаго пароходнаго общества завѣдывать дѣлами и замѣняется соединеннымъ правленіемъ съ перевѣсомъ голосовъ за „Дружиной“; 3) къ „Дружинѣ“ переходятъ наивыгоднѣйшія обязательства Камско Волжскаго общества и безусловное право приглашать правленіе послѣдняго по своему усмотрѣнію; 4) „Дружинѣ“ въ руки передается оборотный капиталъ, котораго количество сама „Дружина“ опредѣляетъ въ 109500 руб. 92 коп. сер.; 5) изъ прибылей, т. е. изъ того имущества, которое должно по § 12 устава Камско Волжскаго пароходнаго общества итти облигаціонерамъ, „Дружина“ удерживаетъ 200000 руб.; 6) при окончательномъ расчетѣ Камско-Волжскаго пароходнаго общества и „Дружины“, послѣдняя, если имѣетъ по счетамъ за первымъ какую-либо сумму, можетъ снести ее съ цыфры оборотнаго капитала, т.-е. получить уплату долга преимущественно передъ всѣми, а слѣдовательно, и въ противность § 12 и преимущественно передъ облигаціонерами. Изъ производившагося въ Нижегородскомъ Окружномъ Судѣ дѣла Камско-Волжскаго общества съ „Дру-

жиной“ ясно, что оборотнаго капитала, удержаннаго „Дружиной“, имѣется въ рукахъ послѣдней свыше 60000 руб. Затѣмъ изъ отчетовъ „соединеннаго дѣла“ видно, что изъ прибылей, т. е. изъ имущества, составлявшаго преимущественный фондъ уплаты долга облигаціонеровъ, „Дружина“ удержала свыше 100000 руб. сер. Вотъ, слѣдовательно, тѣ имущественные ущербы, которые нанесены облигаціонерамъ существованіемъ и исполненіемъ договора 16 марта 1874 года. Объясняя затѣмъ, что впредь до приведенія въ извѣстность суммы оборотнаго капитала и прибылей Камско Волжскаго пароходнаго общества, удержанныхъ „Дружиною“, нельзя съ очевидностью выразить въ цыфрѣ мѣру ущерба, причиненнаго истцу „Дружиною“, что договоръ 16 го марта 1874 года, поражающій права облигаціонеровъ, основанныя на 4 примѣч. къ § 12 уст., и отмѣняющій дѣйствіе устава общества, противозаконенъ, почему облигаціонеры, интересы коихъ покоились на твердости устава, имѣютъ право отрицать всякое самовольное извращеніе правленіемъ общества и 3 лицомъ устава и сопряженные съ этимъ ущербы и требовать возстановленія нарушеннаго права и возмещенія ущербовъ, и что договоромъ этимъ отчуждено и находится въ рукахъ „Дружины“ свыше 150000 рублей имущества, составлявшаго фондъ погашенія облигаціоннаго долга, Плевако въ заключеніе просилъ признать договоръ 16-го марта 1874 года о соединеніи дѣлъ недѣйствительнымъ и признать „Дружину“ обязанною возвратить истцу удержанныя „Дружиною“ суммы изъ прибылей и оборотнаго капитала Камско Волжскаго пароходнаго общества до суммы понесеннаго торговымъ домомъ убытка, т. е. 127236 руб. При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла въ засѣданіи Окружнаго Суда Плевако объяснялъ, между прочимъ, что въ уплату за счетъ Камско-Волжскаго общества поступили нѣкоторые срочные платежи, какъ, напр., отъ Рагозина и Шипова, но въ то же время на взыскиваемую сумму причлись проценты, а потому въ долгу за этимъ обществомъ осталось 124000 руб.; что хотя въ исковомъ прошеніи и заявлено ходатайство о взысканіи съ „Дружины“ 127000 руб. и объ уничтоженіи договора 16 марта, но если судъ признаетъ договоръ законнымъ и, не уничтоживъ его, присудитъ искомую сумму, то это для истца будетъ безразлично; доказательствомъ того, что договоръ 16 марта не уничтоженъ, служитъ то, что въ маѣ 1878 года „Дружина“ предъявила къ Камско Волжскому обществу искъ въ С. Петербургскомъ коммерческомъ судѣ на основаніи 40 п. договора о взысканіи неустойки въ 200000 р., каковая сумма, по признаніи иска со стороны директора Камско Волжскаго пароходнаго общества, Шелькина, правильнымъ, и присуждена „Дружинѣ“, фактъ удержанія „Дружиной“ 100000 руб. изъ прибылей Камско Волжскаго общества подтверждается счетами, подписанными бухгалтеромъ „Дружины“, Касаткинымъ; фактъ удержанія „Дружиною“ оборотнаго капитала также подтверждается сознаніемъ самого общества этого; если бы дѣйствительно у Камско-Волжскаго общества и было имущество, кромѣ того, что удерживается „Дружиною“, то и тогда „Форбесъ, Форбесъ и К⁰“ могли обратить взысканіе на имущество, находящееся у „Дружины“; цѣнность вещи опредѣляется тѣмъ, что за нее выручено, а потому долгъ „Форбесъ, Форбесъ и К⁰“ долженъ быть признанъ уплаченнымъ въ той суммѣ, за которую пароходы приняты. „Дружина“ не могла удержать самовольно 100000 руб. на томъ только основаніи, что она давала авансы, ибо выдача денегъ авансомъ то же, что выдача денегъ въ долгъ, а если должникъ не платитъ долга, то это даетъ кредитору право обратиться къ суду, а не удерживать деньги самовольно. Довѣренность, выданная Камско Волжскимъ обществомъ „Дружинѣ“, незаконна, ибо довѣренность можетъ быть выдана только физическому, а не юридическому лицу. Повѣренный „Дружины“, Рагозинъ, получилъ изъ военнаго министерства тѣ суммы, которыя слѣдовали облигаціонерамъ. Притомъ Плевако представилъ, между прочимъ, и упомянутые имъ рѣшенія коммерческаго суда и счеты, подписанные Касаткинымъ. Повѣренный Камско-Волжскаго общества, Граве, въ объясненіи на исковое прошеніе при словесномъ состязаніи, подтверждая съ своей стороны правильность основаній иска и признавая незаконность договора 16 марта 1874 года, какъ отмѣнившаго на все время его существованія уставъ общества, разрушившаго об-

щество и повлекшаго за собою необходимость отдавать обществу „Дружинѣ“ всѣ деньги, которыя слѣдовало платить облигаціонерамъ, указывалъ, что „Дружина“, какъ это видно изъ ревизіи 1873 года, удержала у себя 22000 рублей и весь оборотный капиталъ и что еслибъ судъ присудилъ что либо съ Камско-Волжскаго общества, то оно поставлено было бы въ фактическую невозможность исполнить рѣшеніе суда, такъ какъ все оставшееся у общества имущество находится у „Дружины“; затѣмъ Граве просилъ договоръ этотъ уничтожить, но безъ возложенія какой либо отвѣтственности по остальному исковому требованію на Камско-Волжское общество. Повѣренный общества „Дружины“, присяжный повѣренный Исаковичъ, противъ иска возражалъ, что договоръ 16 марта 1874 года, вслѣдствіе односторонняго отказа отъ него Камско Волжскаго общества, фактически уже прекращенъ и не существуетъ уже слишкомъ два года, что въ остальной части исковое требованіе по исполнительному листу можетъ относиться только къ Камско-Волжскому обществу, но не къ третьему лицу, хотя бы и получившему что-либо отъ этого общества по договорамъ съ нимъ; что указываемаго истцомъ сходства права его по облигаціямъ съ залоговымъ на движимое имущество Камско-Волжскаго общества не существуетъ, такъ какъ оборотный капиталъ и прибыли общества, какъ несостоявшіе подъ запрещеніемъ, могли быть свободно отчуждаемы обществомъ; что хотя уставъ даетъ преимущество облигаціонному долгу передъ всѣми другими долгами общества и хотя долгъ этотъ обезпечивается всѣми прибылями, запаснымъ капиталомъ и всѣмъ имуществомъ общества, а по § 12 уст. общество можетъ продавать свои пароходы, баржи и проч., съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги обратить на усиленіе погашенія облигацій, но это не значитъ, чтобы облигаціонеры имѣли право на искъ о возвратѣ денегъ или движимыхъ вещей, отчужденныхъ обществомъ во время существованія облигаціоннаго долга, или о возвратѣ проданнаго въ томъ случаѣ, если общество употребитъ вырученныя деньги несогласно съ § 12, какъ это допускается въ залоговомъ правѣ; что договоръ о соединеніи обществъ Камско Волжскаго и „Дружины“ для достиженія тѣхъ же цѣлей, для которыхъ они были учреждены, не нарушилъ устава Камско Волжскаго общества, ибо уставъ этотъ не запрещалъ обществу послѣ выпуска облигацій входить въ договорныя отношенія въ предѣлахъ, предначертанныхъ уставомъ, т. е. по эксплоатаціи пароходнаго дѣла; договоръ этотъ не уничтожилъ и не ограничилъ тѣхъ органовъ, коими Камско-Волжское общество обязано управляться по уставу (§ 20 уст. и 5—8 §§ договора). Обществу договоромъ былъ предоставленъ контроль надъ „Дружиною“, а также право разсматривать и утверждать смѣты и планъ дѣйствій съ цѣлью повѣрки по нимъ бюджета; правленіе Камско Волжскаго общества обязано было снабжать правленіе „Дружины“ довѣренностью; указаніе истца на несогласіе съ уставомъ тѣхъ пунктовъ договора, по коимъ въ руки „Дружины“ передается оборотный капиталъ, изъ прибылей „Дружина“ удерживаетъ въ 4 года 200000 р., а при окончательномъ расчетѣ „Дружина“, если имѣетъ по счетамъ за Камско Волжскимъ обществомъ какую либо сумму, можетъ снести оную съ цыфры оборотнаго капитала, не имѣетъ значенія, ибо безъ оборотнаго капитала нельзя вести дѣла, запрещенія на оный не наложено, всѣ платежи на наемъ прислуги, покупку матеріаловъ и друг. дѣлались безспорно изъ прибылей Камско Волжскаго общества, такъ какъ у него особаго капитала на сей предметъ не было; посему „Дружина“, предоставляя Камско Волжскому обществу другія выгоды, давая ему авансы, могло пополнить свой интересъ не иначе, какъ изъ прибылей общества Камско Волжскаго; при томъ договоръ заключенъ на 12 лѣтъ и срокъ его оканчивался послѣ погашенія облигаціоннаго долга, слѣдовательно, оборотный капиталъ былъ или предполагался свободнымъ. Домъ „Форбесъ, Форбесъ и К°“, предъявляя искъ къ „Дружинѣ“, ничѣмъ не доказалъ, что у должника нѣтъ никакого имущества; изъ исполнительнаго листа, выданнаго С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ на обезпеченіе иска облигаціонеровъ къ Камско Волжскому обществу, видно, какое имущество и по какой оцѣнкѣ служило обезпеченіемъ этого иска; изъ журналовъ судебнаго пристава Дьякова при Нижегородскомъ Окружномъ Судѣ

отъ 8 и 9 мая 1876 г. оказывается, что только часть этого имущества, именно пароходы „Миссисипи“, „Бенардаки“ и „Колорадо“, въ суммѣ 456854 р. 82 коп., и имущество, находящееся въ Люлиховскомъ затонѣ, въ суммѣ 28610 рубл. 66 к., поступили къ облигаціонерамъ, гдѣ остальное имущество, служившее обезпеченіемъ иска, наприм., четыре парохода „Богатырь“, „Перетцъ“, „Орелъ“ и „Луна“, неизвѣстно, а, между тѣмъ, стоимость этихъ пароходовъ весьма значительная и существованіе ихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Далѣе изъ запретительной статьи, припечатанной по поводу выпуска облигацій, видно, что у Камско Волжскаго общества находится имѣніе въ Саратовской губерніи. Обращали ли облигаціонеры взысканіе на это имѣніе, служащее обезпеченіемъ долга,—неизвѣстно. Утверждая затѣмъ, что у Камско-Волжскаго общества есть еще имущество, на которое облигаціонеры могутъ обращать свое взысканіе, Исаковичъ заявилъ, что для „Форбесъ, Форбесъ и К°“ не насталъ еще срокъ на предъявленіе иска къ „Дружинѣ“, и если и можетъ быть предъявленъ искъ, то тогда только, когда послѣдуетъ ликвидація дѣлъ Камско Волжскаго общества и оно будетъ признано несостоятельнымъ должникомъ. Притомъ Исаковичъ представилъ копіи: 1) журнала судебнаго пристава Дьякова, въ которомъ прописаны: а) два исполнительныхъ листа С. Петербургскаго Окружнаго Суда о наложеніи въ обезпеченіе иска „Форбесъ, Форбесъ и К°“ ареста въ суммѣ 794681 рубл. 51 коп. на 9 пароходовъ (въ томъ числѣ 7 вышепоименованныхъ), 4 баржи, движимое имущество въ Алексѣевскомъ и Люлиховскомъ затонахъ и правленіи общества Камско Волжского пароходства и инвентарь на пароходахъ, а также б) распоряженіе пристава о наложеніи ареста на имущество, принадлежащее Камско Волжскому обществу въ Люлиховскомъ затонѣ въ суммѣ 28610 рубл. 66 коп.; 2) журналовъ того же пристава отъ 8 и 9 мая 1876 г., изъ коихъ видно, что судебный приставъ постановилъ имущество Камско-Волжскаго общества, заключающееся въ трехъ пароходахъ „Миссисипи“, „Бенардаки“ и „Колорадо“ съ принадлежностями къ онымъ, разномъ строеніи, находящемся въ Нижнемъ-Новгородѣ, на берегу рѣки Волги, на арендуемой землѣ, и прочихъ предметахъ, въ виду несостоявшихся торговъ, передать въ собственность лондонской фирмы „Форбесъ, Форбесъ и К°“, въ оцѣночной суммѣ 456854 р. 82 к., а имущество того общества, заключающееся въ разномъ строеніи, находящемся въ Люлиховскомъ затонѣ, на арендуемой землѣ, и прочихъ предметахъ, передать той же фирмѣ въ оцѣночной суммѣ 28610 рубл. 66 коп.; 3) копію запретительной статьи о наложеніи запрещенія, между прочимъ, на принадлежащее обществу недвижимое имущество, заключающееся въ деревянныхъ и каменныхъ строеніяхъ въ Саратовской губерніи, Хвалынскаго уѣзда, при селѣ Алексѣевкѣ, и 4) отчетъ правленія Камско Волжскаго общества за 1875 годъ. Далѣе Исаковичъ объясняетъ, что если къ облигаціонному займу примѣнять правила залогового права, то выходитъ, что залогодержатель, въ случаѣ несостоявшихся торговъ, можетъ оставить за собою заложенную вещь только въ суммѣ закладной, между тѣмъ, изъ журналовъ судебнаго пристава видно, что торга на продававшееся имѣніе Камско-Волжскаго общества не состоялось, а „Форбесъ, Форбесъ и К°“ оставили это имѣніе за собою, но не по той оцѣнкѣ, по которой имѣніе это было принято въ обезпеченіе, а гораздо ниже ея, вслѣдствіе чего и произошла неполная уплата облигаціоннаго долга. Хотя договоръ былъ заключенъ послѣ облигаціоннаго займа, но „Дружина“ не обязана была справляться, исполнены, или нѣтъ Камско Волжскимъ обществомъ всѣ принятыя имъ на себя обязательства (рѣш. Сената 1875 г. № 237). Изъ всего этого слѣдуетъ, что искъ является неправильнымъ, ибо „Дружина“ сама не знаетъ, есть ли у нея какой-нибудь капиталъ Камско-Волжскаго общества, такъ какъ расчеты между ними до сихъ поръ еще не окончены. Окружный Судъ нашелъ, что юридическія лица, какъ и лица физическія, въ правѣ вступать между собою въ договоры, что, слѣдовательно, и пароходныя общества Камско-Волжское и „Дружина“ имѣли право заключить договоръ 16 марта 1874 г. о соединеніи своихъ рабочихъ средствъ для взаимной эксплоатаціи ихъ; что этотъ договоръ не измѣнилъ опредѣленной въ уставѣ Камско Волжскаго общества цѣли его учрежденія и не отмѣнилъ назначенныхъ уставомъ органовъ управленія

дѣлами общества, которые существовали и при исполненіи договора; что если по договору управленіе соединеннымъ дѣломъ и было предоставлено правленію „Дружины“, то за правленіемъ Камско Волжскаго общества было признано право постояннаго контроля за дѣйствіями „Дружины“; что поэтому договоръ 16 марта 1874 года не можетъ быть признанъ незаконнымъ; что этимъ договоромъ „Дружина“ не обязывалась исполнять вмѣсто Камско-Волжскаго общества обязательства его предъ домомъ Форбесъ относительно облигаціоннаго долга, т.-е. не обязывалась уплачивать капиталъ и % по облигаціямъ, что деньги по 50 т. руб. въ годъ въ теченіе двухъ лѣтъ, или всего 100000 руб. изъ прибылей Камско Волжскаго общества были удержаны „Дружиною“ съ согласія самого общества; что Суду неизвѣстно, въ какихъ размѣрахъ были производимы авансы отъ „Дружины“ Камско-Волжскому обществу, т.-е. составляли ли они деньги, необходимыя для веденія пароходнаго дѣла, или въ нихъ заключалась вся прибыль, слѣдовавшая на долю Камско-Волжскаго общества, и притомъ прибыль въ такомъ размѣрѣ, что ее достаточно было для исполненія платежей по облигаціонному долгу; все это можетъ быть выяснено лишь по повѣркѣ всѣхъ дѣйствій, расчетовъ и отчетовъ соединеннаго дѣла; что требованіе о возвращеніи „Дружиною“ Камско-Волжскому обществу оборотнаго капитала могло бы быть признано или отвергнуто судомъ также лишь по учиненіи расчетовъ между обществами; что полученіе „Дружиною“ денегъ изъ военнаго министерства за перевозку войскъ не доказано и можетъ быть предметомъ иска независимо отъ договора; что если бы договора и не было заключено и Камско-Волжское общество не стало бы производить платежей по облигаціонному долгу, то торговый домъ долженъ былъ бы искать удовлетворенія изъ имущества общества, служившаго обезпеченіемъ сдѣланнаго кредита; слѣдовательно, искъ къ обществу „Дружинѣ“ неправильно удержанныхъ имъ у Камско-Волжскаго общества капиталовъ для „Форбесъ, Форбесъ и К°“ станетъ возможнымъ лишь тогда, когда они докажутъ, что, за обращеннымъ на имущество взысканіемъ и за поступленіемъ его въ продажу съ торговъ или заоставленіемъ его за собою при неуспѣшности торговъ, взысканіе останется непокрытымъ вполнѣ. Этого то доказательства не только не послѣдовало, но истцомъ и не объяснено, куда дѣвалась значительная часть принадлежавшаго Камско-Волжскому обществу и непродававшагося съ публичныхъ торговъ имущества, внесеннаго въ приложенный къ договору 9 апрѣля 1873 г. инвентарь и обезпечивавшаго облигаціонный долгъ, равно какъ и не доказано, чтобы этого имущества было недостаточно на удовлетвореніе настоящаго иска. Объясненіе повѣреннаго истца, что взыскатель не можетъ быть стѣсненъ въ выборѣ средствъ удовлетворенія и можетъ обратить взысканіе на имущество, находящееся въ неправильномъ владѣніи общества „Дружины“, неправильно, такъ какъ въ условіи займа, при несостоятельности Камско-Волжскаго общества или ликвидаціи его дѣлъ, прямо указанъ способъ удовлетворенія, т.-е. обращеніе взысканія на имущество должника, что въ началѣ и было исполнено. Посему Окружный Судъ не можетъ признать договоръ 16 марта преднамѣреннымъ переукрѣпленіемъ имущества должника съ цѣлью избѣжанія платежа долговъ, ни того, чтобы онъ нанесъ истцу вредъ или убытки и далъ ему право отыскивать ихъ на основаніи 684 ст. Т. X ч. I. Вслѣдствіе этого и признавая недоказанную и цыфру иска 127236 р., по непредставленію расчета, Окружный Судъ въ искѣ долга Форбесъ отказалъ. На это рѣшеніе принесли апелляціонныя жалобы повѣренный общества „Дружины“, присяжный повѣренный Исаковичъ, обжаловавшій рѣшеніе это только въ части, касающейся возложенія судебныхъ издержекъ въ пользу обоихъ отвѣтчиковъ, и повѣренный „Форбесъ, Форбесъ и К°“, Плевако, который, повторяя въ сущности прежніе доводы, присовокупилъ, что измѣненіе правленіемъ, до воспослѣдованія согласія общаго собранія акціонеровъ, правилъ своего устава незаконно и не могло быть законно даже при соглашеніи общаго собранія, которое въ правѣ лишь ходатайствовать объ измѣненіи устава, но не измѣнять; что истцы не обязаны доказать, что у Камско Волжскаго пароходнаго общества нѣтъ ничего болѣе, кромѣ средствъ, перешедшихъ къ „Дружинѣ“, ибо отрицательные факты не доказываются; еслибъ „Дружина“ получила имуще-

ство Камско Волжскаго общества по договору, заключенному повѣреннымъ, не имѣвшимъ законнаго полномочія, она бы вернула по праву незаконности прибыль, а также должно быть и въ настоящемъ случаѣ, гдѣ „Дружина“ пріобрѣла по договору, нарушающему законъ и интересы истцовъ. Посему Плевако просилъ Палату отмѣнить рѣшеніе Окружнаго Суда, признать договоръ 16 марта 1874 года недѣйствительнымъ и взыскать въ пользу истца оборотный капиталъ и прибыль Камско Волжскаго пароходства, удержанные „Дружиною“ по договору до суммы 127236 р. съ %. Противъ этихъ апелляціонныхъ жалобъ повѣренный учрежденнаго, между тѣмъ, конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго должника Камско-Волжскаго пароходнаго общества, предсѣдатель онаго, присяжный повѣренный и присяжный стряпчіи Густавъ Принтцъ, подалъ объясненіе, въ которомъ указывалъ, что, состоя должникомъ какъ истца, такъ и соотвѣтчика своего, Камско Волжское общество отъ „Форбесъ, Форбесъ и К°“ дѣйствительно получило деньги, часть коихъ не доплатило, отъ „Дружины“ же оно ничего не получало, а присуждено къ уплатѣ неустойки, т. е. такого капитала, котораго „Дружина“ никогда не давала; что изъ 5 счетовъ Камско Волжскаго общества, составленныхъ въ главной конторѣ обоихъ соединенныхъ обществъ, видно, что окончательный балансъ прихода и расхода сего общества выразился въ слѣдующихъ цыфрахъ: съ 1 декабря 1874 года по 26 марта 1876 года расходъ 451343 руб. 77 коп., приходъ 363743 руб. 9 коп., вслѣдствіе чего образовался долгъ „Дружинѣ“ 87600 руб. 68 коп.; если же изъ расходныхъ статей исключить удержанные ею въ три раза 200000 руб., окажется излишка 112397 руб. 32 коп.; кромѣ того, „Дружина“ удержала оборотнаго капитала 65748 руб. 38 коп. (изъ 109500 руб. 92 коп.) изъ суммъ, причитавшихся Камско-Волжскому обществу изъ военнаго министерства 20803 руб. 65 коп., такъ что всего въ обществѣ „Дружина“ осталось имущества и капиталовъ Камско Волжскаго общества на сумму 198951 руб. 35 коп., каковой суммы достаточно было бы на удовлетвореніе непополненнаго долга по облигаціямъ, и остатокъ могъ быть обращенъ на удовлетвореніе другихъ кредиторовъ; по объясненію же бывшихъ директоровъ сего общества, за „Дружиною“ состоитъ въ долгу до 300000 руб. Договоръ 16 марта заключенъ во вредъ не только владѣльцевъ облигацій, но и всѣхъ другихъ кредиторовъ общества, подходитъ прямо подъ 3 п. 1529 ст. I части X Тома и долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ. При объясненіи приложены были 5 счетовъ. На апелляціонную жалобу Плевако Исаковичъ подалъ объясненіе, въ которомъ доказывалъ подробно какъ общую законность договора 16 марта 1874 г., такъ и то, что онъ не нарушаетъ правъ третьихъ лицъ, облигаціонеровъ, которые по уставу общества не имѣютъ вещнаго права на движимое имущество, прибыль и оборотный капиталъ общества, остающіеся въ свободномъ его распоряженіи и обезпечивающіе обязательство по облигаціямъ,—представляющіе собою и не болѣе, какъ заемное обязательство, только въ смыслѣ указанія обществомъ на свою состоятельность, или на возможность полученія кредиторами своего капитала; указаніе такое извѣстно и общему гражданскому закону, какъ это видно изъ 612 ст. Уст. Гр. Судопр. Хотя въ договорѣ 16 марта не указано основанія выдачи въ пользу „Дружины“ 200000 руб. въ первые 4 года, но несомнѣнно, что выдачи эти вызваны и обусловлены выгодностью для Камско Волжскаго общества вступленія его въ товарищество съ обществомъ „Дружина“. Если же договоръ представляется законнымъ и если общество со времени выпуска облигацій ни въ чемъ не ограничено относительно своего предпріятія, то нѣтъ сомнѣнія, что оно могло заключить договоръ на условіяхъ вознагражденія за то общества „Дружины“, всякій же расходъ по эксплоатаціи предпріятія и всякій убытокъ падаетъ на прибыль, уменьшая ее. Облигаціонеръ имѣетъ право на прибыль, если она есть по уплатѣ всѣхъ расходовъ по предпріятію (§ 40 уст.), да и то только въ томъ случаѣ, если общество добровольно не уплатитъ срочныхъ платежей, хотя бы и изъ другихъ суммъ. Точно также, вступивъ въ товарищество, общество могло включить въ договоръ условіе о предоставленіи оборотнаго капитала „Дружинѣ“ для веденія дѣла пароходства. Относительно фактическихъ основаній иска Исаковичъ въ письменномъ

объясненія и при словесномъ состязаніи указывалъ, что изъ журналовъ судебнаго пристава 8 и 9 мая 1876 года видно, что облигаціонеры получили безъ торга по добровольной оцѣнкѣ пароходы „Колорадо“ (Переворотъ) за 150000 руб., „Миссисипи“—148257 руб. 77 коп., „Бенардаки“—146497 руб. 5 коп., домъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на берегу Волги—12100 руб., Люлиховскій затонъ со всѣмъ тамъ имуществомъ—28610 руб. 66 коп., всего за 485465 руб. 48 коп., тогда какъ пароходъ „Переворотъ“ по приложенному къ облигаціонному договору инвентарю оцѣненъ въ 210728 руб., а „Миссисипи“ и „Бенардаки“ по отчетамъ общества стоили болѣе 500000 руб.; затѣмъ неизвѣстно, куда дѣлись пароходы „Богатырь“, „Перетцъ“, „Лука“, „Орелъ“, 4 баржи, Алексѣевскій инвентарь, оцѣненные по облигаціонному договору въ 274019 руб. 47 коп., а при арестѣ въ 175000 руб., гдѣ имущество, полученное отъ общества „Дружины“, по удостовѣренію конкурса цѣнностью въ 43732 руб. 54 коп.; затѣмъ ни общество, ни конкурсъ не упоминаютъ о весьма крупной суммѣ, полученной облигаціонерами отъ Шипова и Рагозина по 19 векселямъ, именно 241250 руб. Такимъ образомъ, если сложить всѣ суммы, то окажется, что облигаціонеры получили болѣе 1200000 руб. Указаніе конкурснаго управленія на 1529 ст. Т. X ч. 1 является неуважительнымъ, если разсмотрѣть отчеты Камско Волжскаго общества за 1873, 1874 и 1875 г.г.; по отчету за 1873 г. убытка было 88715 руб. 38 коп., по отчету за 1874 г. (первый отъ соединенія) понесенъ убытокъ въ 111982 р., но при этомъ было уплачено 49 т. процентовъ облигаціонерамъ и 50 т. „Дружинѣ“ наконецъ, за 1875 годъ убытокъ не превышалъ 8 т. руб. Въ подтвержденіе вышеизложеннаго Исаковичъ представилъ три отчета правленія Камско Волжскаго общества за 1873, 1874 и 1875 г.г., а также 19 оплаченныхъ векселей, выданныхъ Шиповымъ и Рагозинымъ Камско Волжскому пароходному обществу и переданныхъ по бланку торговому дому „Форбесъ, Форбесъ и Ко“ на 241250 руб.; а обращая вниманіе Палаты, что вопросъ о дѣйствительности спорнаго договора разсматривался судомъ, онъ представилъ выписку изъ журнала засѣданія С.-Петербургскаго коммерческаго суда, въ коемъ прописанъ указъ Правительствующаго Сената по дѣлу о 200 т. руб. неустойки, коимъ утверждено рѣшеніе коммерческаго суда о присужденіи „Дружинѣ“ этой неустойки. При словесномъ состязаніи Плевако, представляя номеръ Сенатскихъ объявленій за 1873 г. въ подтвержденіе того, что Камско-Волжское общество воспользовалось облигаціями ранѣе заключенія договора съ обществомъ „Дружина“ и что объ этомъ должно быть извѣстно послѣднему, ходатайствовалъ объ уничтоженіи договора, какъ составленнаго вопреки 4 прим. къ 12 § уст. общ. и клонящагося къ уничтоженію одного изъ обществъ. Не отрицая того, что имущество Камско Волжскаго общества поступило къ его довѣрителямъ не по оцѣнкѣ, значащейся въ договорѣ, а по низшимъ цѣнамъ, Плевако находилъ, что въ договорѣ вовсе не постановлено о переходѣ имущества натурою по цѣнамъ, указаннымъ въ договорѣ. Въ заключеніе Плевако просилъ, въ случаѣ невозможности точно опредѣлить сумму убытковъ, признать за истцами право отыскивать оные въ порядкѣ исполнительнаго производства. Другой повѣренный „Форбесъ, Форбесъ и Ко“, Зевеке, представилъ нотаріальный договоръ уполномоченнаго Камско Волжскаго общества, Величко, съ гг. Шиповымъ и Рагозинымъ, отъ 3 го апрѣля 1873 г. о продажѣ имъ 7 пароходовъ и 20 баржъ за 250 т. руб. съ разсрочкою платежей подъ векселя (заключенный взамѣнъ домашняго договора, отъ 14 января 1873 года) и счетъ этому обществу отъ Форбесъ и Ко 16 марта 1879 года въ подтвержденіе факта продажи извѣстныхъ пароходовъ Камско Волжскаго общества и зачисленія въ кредитъ уплатъ по векселямъ Шипова и Рагозина. Разсмотрѣвъ дѣло, Московская Судебная Палата (по 2 му гражданскому департаменту) нашла: никакая компанія на акціяхъ не можетъ возникнуть безъ разрѣшенія правительства (2141 ст. Т. X ч. I), составъ и образъ дѣйствій компаніи опредѣляются уставомъ, который долженъ содержать въ себѣ существо и цѣль предпріятія, означеніе именованія компаніи, порядокъ составленія капитала и т. д., согласно указаніямъ, изображеннымъ въ 2191 ст. Т. X I ч. Изъ смысла этихъ статей слѣдуетъ заключить, что акціонерная компанія, какъ юридическое лицо, можетъ поль-

*

зоваться всѣми гражданскими правами, но только въ опредѣленной въ уставѣ сферѣ гражданской дѣятельности. Нѣтъ никакого основанія отрицать право юридическаго общества вступать въ договорныя отношенія, ибо обыкновенно только посредствомъ этого способа общество и можетъ достигать той цѣли, ради которой оно возникло, ради которой оно учреждено, т.-е. прибыли, пользы. Договоръ 16 марта 1874 года, заключенный законными органами пароходныхъ обществъ „Дружина“ и Камско-Волжскаго, по цѣли своей направленъ къ тому, чтобы посредствомъ соединенія своихъ рабочихъ силъ увеличить выгодность того промышленнаго предпріятія, ради котораго они были учреждены. Они не сливаются въ одно общество, ибо каждое изъ нихъ продолжаетъ существовать самостоятельно; у каждаго изъ нихъ есть имущество, которое не входитъ въ составъ соединеннаго дѣла. Ни одинъ органъ Камско-Волжскаго общества, ни собраніе, ни правленіе не уничтожены; они продолжаютъ дѣйствовать согласно соотвѣтствующимъ §§ устава. Веденіе общаго соединеннаго дѣла хотя и поручается правленію „Дружины“, но въ этомъ случаѣ „Дружина“ дѣйствуетъ въ качествѣ повѣреннаго общества Камско-Волжскаго по довѣренности послѣдняго и, какъ повѣренный, „Дружина“ обязана представлять отчеты и состоитъ подъ постояннымъ контролемъ Камско-Волжскаго общества, которое, слѣдовательно, какъ и всякій довѣритель, имѣло право уничтожить довѣренность и прекратить дѣйствіе договора,—право, которымъ оно впослѣдствіи и воспользовалось. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи договоръ не умаляетъ силы и одного изъ параграфовъ устава. Наконецъ и по смыслу 2152 ст. I ч. X Т. слѣдуетъ заключить, что компаніи, подобныя обществамъ Волжско Камскому и „Дружинѣ“, не получившія какой-либо исключительной привиллегіи, могутъ вступать въ товарищество съ другими компаніями и безъ особаго на то дозволенія правительства. Всѣ эти соображенія и обстоятельства убѣждаютъ, что требованіе истца объ уничтоженіи договора, по незаконности его, не можетъ быть уважено. Обращаясь затѣмъ къ обсужденію другого основанія иска, заключающагося въ томъ, что договоръ этотъ нарушаетъ права „Форбесъ, Форбесъ и К⁰“ и причиняетъ послѣднимъ ущербъ, Судебная Палата находитъ: прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что „Форбесъ, Форбесъ и К⁰“ не имѣютъ никакого вещнаго права на движимое имущество, въ томъ числѣ и на прибыль Камско-Волжскаго общества, такъ какъ никакого акта, установляющаго такое право, совершено не было, вслѣдствіе сего нѣтъ законнаго основанія отвергать право Камско-Волжскаго общества распоряжаться принадлежащимъ ему движимымъ имуществомъ и, слѣдовательно, вступать въ договорныя соглашенія объ этомъ имуществѣ. Далѣе, по смыслу примѣчанія къ § 52, преимущественное предъ другими кредиторами Камско Волжскаго общества право на удовлетвореніе, за исключеніемъ страхователей, „Форбесъ, Форбесъ и К⁰“, возникаетъ только въ случаѣ несостоятельности общества; преимущество это принадлежитъ ему и въ томъ случаѣ, когда общество не исполнитъ своего обязательства относительно ежегодныхъ платежей; такая неисправность даетъ „Форбесъ, Форбесъ и К⁰“ право обратить взысканіе на движимое имущество общества, и въ этомъ случаѣ, по смыслу какъ 4 примѣч. къ 12 ст., такъ и 40 ст. устава, преимущественное право на удовлетвореніе принадлежитъ „Форбесъ, Форбесъ и К⁰, но затѣмъ въ уставѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы движимое имущество общества, перешедшее въ собственность третьяго лица законнымъ способомъ, могло бы быть обращено на удовлетвореніе облигаціоннаго дѣла. Примѣчаніемъ 4 къ 12 § дѣйствительно устанавливается привилегированное положеніе кредитора по облигаціонному долгу предъ другими кредиторами Волжско-Камскаго общества тѣмъ, что уплата процентовъ и капитала по облигаціямъ производится преимущественно предъ другими долгами какъ изъ доходовъ, такъ и изъ другого движимаго и недвижимаго имущества; но этимъ правиломъ не устанавливается никакого вещнаго права въ пользу владѣльцевъ облигацій и не ограничивается право пароходнаго общества распоряжаться принадлежащимъ ему движимымъ имуществомъ „Форбесъ, Форбесъ и К⁰“, пока Камско-Волжское общество исполняетъ лежащія на немъ обязанности по облигаціонному долгу, не имѣетъ права вмѣшивать-

ся въ распоряженія послѣдняго, въ случаѣ же неисправности, для него наступаетъ право требовать удовлетворенія изъ всего имущества, которое находится во владѣніи общества, получить его преимущественно предъ всѣми другими долгами, за исключеніемъ вознагражденія страхователей (§§ 40 и 52 и примѣч. къ нимъ); при этомъ нельзя не обратить вниманія и на то, что страхователи получаютъ вознагражденія преимущественно даже предъ владѣльцемъ облигацій, что, конечно, было бы невозможно, если бы „Форбесъ, Форбесъ и К°“ имѣли вещное право на движимое имущество Камско-Волжскаго общества. Неисправность Камско Волжскаго общества передъ „Форбесъ, Форбесъ и К°“ послѣдній приписываетъ, между прочимъ, 10 пункту договора, въ силу коего общество „Дружина“ имѣло право удержать изъ прибылей, слѣдующихъ на долю Камско Волжскаго общества, по 50000 руб. въ годъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, причемъ указываетъ, что этотъ пунктъ договора нарушаетъ, будто бы, права владѣльцевъ облигацій, установленныя примѣчаніемъ къ 12 § устава. Но этотъ доводъ искового требованія опровергается вышеприведенными соображеніями. Кромѣ сего, въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для заключенія о томъ, чтобы договоръ 16 марта 1874 г. вообще и 10 п. его въ особенности были причиной неисправности Камско-Волжскаго общества. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Камско Волжское общество, заключивъ договоръ, намѣрено было этимъ способомъ избѣжать платежа долга, или имѣло бы въ виду какую нибудь незаконную цѣль. Одно то обстоятельство, что Камско-Волжское общество не получило тѣхъ выгодъ, на которыя оно, можетъ быть, расчитывало, соединивъ свои рабочія силы съ силами „Дружины“, не можетъ служить доказательствомъ злого умысла вообще, а въ особенности злого умысла со стороны „Дружины“. Независимо отъ сего, нельзя при этомъ не обратить вниманія и на слѣдующія обстоятельства. Изъ счетовъ правленія Камско Волжскаго общества за 1873, 1874 и 1875 гг. усматривается, что до соединенія обществъ, а именно въ 1873 г., дефицитъ Камско Волжскаго общества простирался до 88 тыс. р., затѣмъ въ 1874 г. дефицитъ увеличился дѣйствительно на 30 тыс. р., но такое явленіе нельзя еще приписать исключительно дѣйствію договора, такъ какъ онъ былъ заключенъ только въ мартѣ 1874 г.; наконецъ, въ 1875 г., т. е. за цѣлый годъ общаго дѣйствія соединенныхъ силъ, дефицитъ простирался всего на 8000 руб. т. е. уменьшился въ 10 разъ въ сравненіи съ суммою дефицита за 1873 г., когда Камско Волжское общество работало самостоятельно. Наконецъ, въ заключеніе всѣхъ соображеній слѣдуетъ имѣть въ виду и то еще, что со стороны истца ничѣмъ не доказано, чтобы онъ лишенъ былъ возможности получить полное удовлетвореніе. По всѣмъ симъ основаніямъ Судебная Палата постановила: рѣшеніе Окружнаго Суда объ отказѣ въ искѣ утвердить, а относительно возложенія отвѣтственности въ судебныхъ издержкахъ на истца въ пользу обоихъ отвѣтчиковъ означенное рѣшеніе отмѣнить и возложить судебныя издержки на торговый домъ „Форбесъ, Форбесъ и К°“ въ пользу общества „Дружины“. На это рѣшеніе повѣренный торговаго дома „Форбесъ, Форбесъ и К°“, присяжный повѣренный Ланинъ, принесъ кассаціонную жалобу, въ которой проситъ отмѣнить оное по нарушенію Палатою въ первой части рѣшенія: 1, 27, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 49 §§ устава Камско Волжскаго общества и 2132, 2139, 2148, 2152, 2153, 2158, 2175, 2178, 2180 и 2182 ст. X Т. ч. I, а во второй—4 примѣчанія къ 12 § и 40 § устава общества, 1529 и 2178 ст. Т. X ч. I и 9, и 339 ст. Уст. Гражданск. Судопроизводства.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго „Форбесъ, Форбесъ и К°“, присяжнаго повѣреннаго Ланина, повѣреннаго общества „Дружины“, присяжнаго повѣреннаго Исаковича, и заключеніе исполняющаго обязанности Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что рѣшеніе Судебной Палаты по существу иска распадается на двѣ главныя части: первая часть заключаетъ въ себѣ разборъ тѣхъ возраженій истца, которыя были направлены противъ законности и дѣйствительности заключеннаго между правленіями пароходныхъ обществъ Камско Волжскаго и „Дружины“ договора 16 марта 1874 г. вообще; вторая часть содержитъ въ себѣ обсужденіе дру-

гого основанія иска, заключающагося въ томъ, что договоръ этотъ нарушаетъ именно права облигаціонеровъ или ограждающія оныя спеціальныя постановленія устава Камско Волжскаго общества и причиняетъ имъ ущербъ. Разсмотрѣніе приводимыхъ въ кассаціонной жалобѣ противъ первой части рѣшенія доводовъ просителя показываетъ: 1) что проситель совершенно неправильно этой части рѣшенія придаетъ тотъ смыслъ, будто бы Палата договоръ 16 марта 1874 года признала безусловно законнымъ только потому, что онъ заключенъ законными органами, т. е. правленіями обоихъ обществъ, продолжающими существовать отдѣльно, и что по цѣли своей онъ направленъ къ увеличенію выгодности тѣхъ предпріятій, ради которыхъ общества учреждены. Палата дѣйствительно установила эти обстоятельства, но не въ видахъ исключенія затѣмъ всякой возможности доказывать незаконность договора въ другомъ отношеніи, а въ опроверженіе возраженій истцовъ, доказывавшихъ недѣйствительность договора съ формальной стороны и прекращеніе имъ существованія самаго общества для прежней цѣли. Затѣмъ въ рѣшеніи Палаты нигдѣ не выражено той мысли, чтобы законные органы обществъ не могли заключить и законныхъ договоровъ, чтобы существующія правленія не могли совершать такого рода дѣйствій, на которыя они не имѣютъ права по уставу, или чтобы правленія обществъ не обязаны были стѣсняться 2153, 2191, 2178 и 2132 ст. X Т. I ч., предписывающими, что компаніи не должны простирать своихъ дѣйствій далѣе предназначенныхъ имъ предѣловъ, не въ правѣ допустить измѣненія въ правилахъ своихъ безъ новаго разрѣшенія правительства, правленія же обязаны распоряжаться дѣлами и капиталами компаніи не иначе, какъ на основаніи ея устава и законовъ. Наконецъ, нигдѣ не сказано и того, чтобы выгодность предпріятія была равносильна его законности, какъ превратно объясняетъ проситель; 2) проситель находитъ, что договоромъ 16 марта 1874 г. отмѣнены были постановленія устава Камско-Волжскаго общества §§ 27, 29, 33, 34, 35 и 49 и нарушены ст. 2178, 2180—2182 X Т. I ч., согласно коимъ правленіе сего общества состоитъ изъ трехъ директоровъ, которые избираютъ ежегодно изъ среды своей предсѣдателя, собираются еженедѣльно для обсужденія текущихъ вопросовъ, разрѣшаютъ ихъ по большинству голосовъ; при несоставленіи большинства, переносятъ спорный вопросъ на обсужденіе общаго собранія, исполняютъ свои обязанности на основаніи общихъ законовъ и постановленій устава, наблюдаютъ за мѣстнымъ управленіемъ, за правильнымъ употребленіемъ принадлежащихъ обществу суммъ, рѣшеніе же вопросовъ о расширеніи предпріятія и тому подобное представляютъ также общему собранію. Но Палата, заключеніе коей въ этомъ отношеніи, за силою 12 ст. Учр. Кассац. Департ., не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, изъ смысла договора 16 марта 1874 года установила, что по договору сему оба общества не сливаются въ одно общество, ибо каждое продолжаетъ существовать самостоятельно, у каждаго изъ нихъ есть имущество, которое не входитъ въ составъ соединеннаго дѣла, ни одинъ органъ Камско Волжскаго общества: ни собраніе, ни правленіе не уничтожены; веденіе общаго соединеннаго дѣла хотя и поручается правленію „Дружины“, но въ этомъ случаѣ „Дружина“ дѣйствуетъ въ качествѣ повѣреннаго Камско-Волжскаго общества, обязана представлять ему отчеты и состоитъ подъ постояннымъ его контролемъ; 3) по мнѣнію просителя, довѣренность можетъ быть выдана только физическому лицу, а не органу юридическаго лица, возникшему лишь въ силу устава, для достиженія извѣстныхъ только цѣлей, и немогущему дѣйствовать самостоятельно или отдѣльно отъ общества; тѣмъ менѣе можно признать, что самое общество „Дружина“ чрезъ посредство своего органа—правленія можетъ быть повѣреннымъ другого общества. Но возраженіе это представляется неосновательнымъ, такъ какъ, по закону (2294 ст. X Т. I ч.) принимать довѣренности или быть повѣренными могутъ всѣ тѣ, коимъ по закону не воспрещено вступать въ договоры; изъ этого правила никакого изъятія въ отношеніи юридическихъ лицъ или ихъ органовъ, имѣющихъ полное право вступать въ договоры, закономъ не установлено. Объ отдѣльномъ же, самостоятельномъ отъ общества, дѣйствіи правленія, когда правленіе въ этомъ качествѣ своемъ само служитъ только

представителемъ и уполномоченнымъ своего общества, а общество иначе не дѣйствуетъ какъ чрезъ правленіе, рѣчи быть не можетъ (рѣш. Граж. Кас. Департ. 1876 г. № 245), особенно въ данномъ случаѣ, гдѣ довѣренность на управленіе соединеннымъ дѣломъ правленіемъ общества „Дружины“ отъ правленія Камско Волжскаго общества принята въ видахъ выгодности такого взаимнаго дѣйствія не только для сего послѣдняго общества, но и самого общества „Дружины“, и для осуществленія той именно цѣли, для которой оно само было учреждено. Измѣнчивость личнаго состава органа юридическаго лица и замѣна выбывающихъ членовъ по выбору общаго собранія акціонеровъ того общества, которое оно представляетъ, въ настоящемъ случаѣ общаго собранія акціонеровъ общества „Дружины“, не можетъ служить препятствіемъ къ выдачѣ таковому органу или правленію довѣренности другимъ обществомъ, такъ какъ довѣренность въ этомъ случаѣ выдается не опредѣленнымъ личностямъ, а учрежденію, представляющему чужое общество, независимо отъ лицъ, изъ коихъ оно состоитъ. Не заслуживаетъ уваженія возраженіе просителя и о томъ, что правленіе, дѣйствуя по довѣренности, должно разрѣшать всѣ вопросы по большинству голосовъ, тогда какъ, по мнѣнію просителя, нѣсколько повѣренныхъ, дѣйствующихъ по довѣренности одного лица, выданной на основаніи 2325 ст. X Т. ч. I, могутъ дѣйствовать только по общему согласію, ибо правленіе хотя и состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ, обязанныхъ по закону дѣйствовать по большинству голосовъ, представляетъ собою все-таки одно только юридическое лицо и одного только повѣреннаго, а не нѣсколькихъ повѣренныхъ, и, слѣдовательно, не обязано дѣйствовать преподаннымъ 2325 ст. для нѣсколькихъ повѣренныхъ способомъ —по общему согласію; 4) проситель находитъ, что договоръ 16 марта 1874 г. нарушаетъ 2191, 2153, 2175, 2178 ст. Т. X ч. I и потому, что правленіе Камско-Волжскаго общества въ засѣданіяхъ правленія „Дружины“ имѣетъ право участвовать только съ совѣщательнымъ голосомъ, а въ случаѣ несогласія его съ симъ послѣднимъ, дѣло переносится на разсмотрѣніе соединеннаго правленія, состоящаго изъ равнаго числа директоровъ отъ обоихъ обществъ и предсѣдателя, избираемаго непремѣнно изъ директоровъ общества „Дружины“, причемъ, въ случаѣ раздѣленія голосовъ, его голосъ даетъ перевѣсъ и рѣшенія соединеннаго правленія окончательны и безапелляціонны; таковой же порядокъ управленія дѣломъ установленъ на 12 лѣтъ; что въ договорѣ, такимъ образомъ, усматриваются: учрежденія двумя правленіями еще третьяго правленія, котораго составъ, полномочія, порядокъ дѣйствій и объемъ власти не имѣютъ ничего общаго съ уставомъ, замѣна опредѣленной уставами фирмы одною общею фирмою, отъ имени которой заключаются договоры и выдаются векселя (п. 45 договора), и прекращеніе перевозки пассажировъ и грузовъ отъ имени обществъ, т. е. упраздненіе устава въ самыхъ существенныхъ его частяхъ и такія измѣненія въ положеніи дѣла, которыя, по смыслу 2182 ст. Т. X ч. I, могло произвести только общее собраніе акціонеровъ, собранное спеціально для обсужденія такого вопроса, и притомъ не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства; что если даже признать, согласно съ мнѣніемъ Палаты, что, по 2152 ст. X Т. ч. I, акціонерныя компаніи, не получившія особыхъ привилегій, могутъ вступать между собою въ товарищество, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы такое товарищество могло возникнуть по волѣ одного правленія, безъ согласія общаго собранія акціонеровъ, выраженнаго въ установленномъ закономъ порядкѣ (2184 ст. Т. X ч. I), и что самое толкованіе Палатою 2152 стат. Т. X ч. I въ томъ смыслѣ, что компанія, не имѣющая никакихъ особыхъ привилегій, можетъ вступить въ товарищество безъ разрѣшенія правительства, неправильно, потому что статью эту слѣдуетъ брать не отдѣльно, а въ связи съ 2153 ст., по которой компанія, которой правила единажды утверждены правительствомъ, не можетъ допускать въ правилахъ своихъ никакихъ измѣненій безъ новаго отъ правительства разрѣшенія, а такъ какъ вступленіе компаніи въ договоръ товарищества необходимо должно повлечь за собою и измѣненіе въ правилахъ, какъ это видно и изъ договора 16 марта, то договоръ этотъ и не могъ быть признанъ Палатою законнымъ. Въ заключеніе возраженій своихъ противъ первой части рѣшенія Палаты проситель объ-

ясняетъ, что истцы суть кредиторы Камско Волжскаго общества, для кредитора же, юридическаго лица, имѣетъ большое значеніе, чтобы это лицо оставалось самимъ собою, т. е. тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по уставу, такъ какъ, соглашаясь вступить въ сдѣлку, кредиторъ довѣряетъ собственно не тому или другому акціонеру, или всѣмъ имъ вмѣстѣ, не тому или другому члену правленія, а лишь извѣстной организаціи извѣстныхъ лицъ, установленной правительствомъ и обязанной дѣйствовать въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, по правиламъ, предписаннымъ закономъ или спеціальнымъ уставомъ. Посему третье лицо, кредиторъ лица юридическаго, непосредственно заинтересовано въ неизмѣнности тѣхъ нормъ, по которымъ обязана дѣйствовать компанія, съ которою онъ вступилъ въ сдѣлку, и это подтверждается буквою закона, какъ то 2132, 2155, 2158 и 2193 ст. Т. X ч. I, изъ коихъ видно, что уставы компаній пишутся и издаются не только для огражденія правъ акціонеровъ, но и для огражденія правъ третьихъ лицъ. Правительствующій Сенатъ находитъ, что если условія, касающіяся учрежденія соединеннаго правленія, предѣловъ власти и круга дѣйствій его, помѣщенныя въ договорѣ безъ разрѣшенія общаго собранія акціонеровъ и правительства, дѣйствительно служили бы ограниченіемъ или уменьшеніемъ предѣловъ власти, значенія и круга дѣйствія, предоставленныхъ правленію Камско Волжскаго общества законами и уставомъ общества и, слѣдовательно, измѣненіемъ сего устава, а затѣмъ Палата заключеніемъ своимъ, будто-бы правленіе Камско-Волжскаго общества по договору 16 марта продолжаетъ дѣйствовать согласно соотвѣтствующимъ §§ устава, и, будто бы, договоръ этотъ не умаляетъ силы ни одного изъ параграфовъ устава, нарушила бы приведенные просителемъ выше сего законы и уставъ общества, то это не могло-бы служить поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія, ибо хотя право кредиторовъ компаніи на оспариваніе сдѣлокъ ея съ третьими лицами, клонящихся къ самовольному измѣненію порядка ея управленія и круга ея дѣйствія, не можетъ быть отвергаемо безусловно, но о дальнѣйшемъ существованіи именно опровергаемыхъ въ семъ отношеніи просителемъ условій въ данномъ случаѣ, за прекращеніемъ уже безъ того договора 16 марта 1874 г. и возстановленіемъ тѣмъ самымъ нарушаемой этими условіями силы устава общества, рѣчи быть не можетъ, и не указывается оно и просителемъ въ кассаціонной жалобѣ; доказывать же недѣйствительность всякаго договора должника своего съ третьимъ лицомъ, съ самаго начала его, въ видахъ поворота переданнаго по договору сему послѣднему незаконно движимаго имущества, личный кредиторъ во всякомъ случаѣ можетъ не иначе, какъ если онъ вслѣдствіе этого договора не можетъ получить слѣдующаго ему удовлетворенія отъ своего прямого должника. Между тѣмъ, Палата, заключеніе коей по сему предмету относится къ существу дѣла и не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, въ концѣ второй части рѣшенія своего установила, что со стороны истца ничѣмъ не доказано, чтобы онъ лишенъ былъ возможности получить полное удовлетвореніе, и что облигаціонеры не имѣютъ никакого вещнаго права на движимое имущество Камско Волжскаго общества, послужившее предметомъ договора и настоящаго иска, будетъ видно изъ нижеслѣдующихъ соображеній, приведенныхъ по поводу возраженій просителя противъ второй части рѣшенія Палаты. Изъ разсмотрѣнія означенныхъ возраженій, касающихся второй части рѣшенія Палаты по вопросу о томъ, нарушаетъ ли договоръ 16 марта 1874 г. права „Форбесъ, Форбесъ и К⁰“ и причиняетъ ли имъ ущербъ, разрѣшенному ею отрицательно, оказывается: 1) по объясненію просителя, въ силу 46 пункта договора сего, контрактъ, заключенный съ военнымъ министерствомъ, также перешелъ къ соединенному дѣлу, вслѣдствіе чего облигаціонеры были лишены возможности получить съ военнаго министерства тѣ суммы, которыя были уступлены по облигаціонному договору, и имъ дано другое назначеніе; деньги же эти, какъ видно изъ отчетовъ, получило общество „Дружина“, правленіе которой завѣдывало всѣмъ соединеннымъ дѣломъ. То обстоятельство, что деньги изъ военнаго министерства фактически получались „Дружиною“, упоминалось повѣреннымъ истцовъ въ Окружномъ Судѣ и подтерждалось повѣреннымъ Камско-Волжскаго общества, причемъ первый просилъ Судъ выдать

ему свидѣтельство на полученіе о томъ удостовѣренія изъ главнаго интендантства и представилъ отношеніе сего интендантства къ Камско Волжскому обществу, гдѣ спрашивается, кому передавать деньги, слѣдующія за перевозку войскъ; но Окружный Судъ призналъ, что полученіе „Дружиною“ денегъ изъ военнаго министерства за перевозку войскъ не доказано и что можетъ быть предметомъ иска независимо отъ договора; затѣмъ изъ дѣла не видно, чтобы противъ этого заключенія при апелляціонномъ производствѣ со стороны истцовъ сдѣлано было какое либо возраженіе и Палатою обстоятельство это не обсуждалось; посему возраженіе это не можетъ подлежать разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ; 2) проситель объясняетъ, что по уставу и контракту съ облигаціонерами все движимое имущество Камско-Волжскаго общества должно было служить преимущественнымъ обезпеченіемъ сихъ послѣднихъ; между тѣмъ, по 4-му пункту договора сего, къ „Дружинѣ“ поступаетъ, въ видѣ оборотнаго капитала, разнаго имущества, матеріаловъ и денегъ всего на 109000 рублей, а по пункту 14 его, оборотный капиталъ, вложенный обоими обществами впредь до окончаніи срока договора, долженъ оставаться неприкосновеннымъ и служить взаимнымъ обезпеченіемъ платежей и неустоекъ, такъ что никакое постороннее взысканіе не можетъ быть удовлетворено прежде, чѣмъ договоръ этотъ почему-либо не будетъ прекращенъ и расчеты по немъ окончены; въ дѣйствительности же „Дружина“ часть оборотнаго капитала и имущества на 65748 руб. удержала въ свою пользу, на покрытіе отыскиваемой нынѣ неустойки въ 200000 рублей, что доказывается изъ ея счетовъ. Возраженіе это не заслуживаетъ уваженія, ибо Палата признала, между прочимъ, что „Форбесъ, Форбесъ и Ко“ не имѣетъ никакого вещнаго права на движимое имущество Камско Волжскаго общества, такъ какъ никакого акта, устанавливающаго такое право, совершено не было, вслѣдствіе чего нѣтъ законнаго основанія отвергать право Камско Волжскаго общества распоряжаться принадлежащимъ ему движимымъ имуществомъ и, слѣдовательно, вступать въ договорныя соглашенія объ этомъ имуществѣ. Затѣмъ Палата признала преимущественное послѣ страхвоателей право облигаціонеровъ на удовлетвореніе, въ случаѣ несостоятельности или даже одной неисправности Камско-Волжскаго общества, не только изъ всего имущества, которое находится во владѣніи общества, такъ какъ въ уставѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы движимое имущество, перешедшее въ собственность третьяго лица законнымъ способомъ, могло бы быть обращено на удовлетвореніе облигаціоннаго долга. Заключеніе это въ отношеніи движимаго имущества и денегъ, переданныхъ обществу „Дружинѣ“ въ видѣ оборотнаго капитала и составляющихъ одинъ изъ предметовъ иска, представляется совершенно правильнымъ; примѣчаніемъ 4-мъ къ 12 § устава Камско Волжскаго общества обществу сему предоставлено право выпустить облигаціи въ 110000 фун. стерлинговъ нарицательнаго капитала, съ тѣмъ, чтобы уплата процентовъ по облигаціямъ и капитала по облигаціямъ, вышедшимъ въ тиражъ, была обезпечена преимущественно предъ всѣми долгами общества, кромѣ правъ страхователей на вознагражденіе по выданнымъ имъ полисамъ: а) всѣми прибылями общества, б) запаснымъ капиталомъ и в) всѣмъ какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ общества, какъ уже имъ пріобрѣтеннымъ, такъ и тѣмъ, которое имъ впредь будетъ пріобрѣтено, для чего облигаціи могутъ быть выпущены только по наложеніи на все недвижимое имущество запрещенія, въ полной суммѣ выпускаемыхъ облигацій, и при самомъ выпускѣ оныхъ должны быть очищены всѣ могущіе быть на обществѣ долги. Обезпеченіе какого-нибудь долга движимымъ имуществомъ безъ передачи онаго во владѣніе кредитора и совершенія въ установленномъ порядкѣ закладной или наложенія ареста по законамъ Россійской Имперіи не устанавливаетъ вещнаго права кредитора на это имущество, не даетъ ему права гребовать удовлетворенія изъ этого имущества отъ третьихъ лицъ, оное пріобрѣвшихъ, и не стѣсняетъ даже должника въ распоряженіи этимъ имуществомъ, а имѣетъ лишь значеніе указанія на возможность для кредитора покрыть данную имъ ссуду изъ представленнаго въ обезпеченіе имущества (сравни рѣшен. Гр. Кассаціон. Департамен. 1879 года № 325), или, другими словами, пред-

ставляетъ только гарантію въ общей состоятельности должника къ платежу долга. Другого значенія или дѣйствія при отсутствіи вышеупомянутыхъ условій не можетъ имѣть само по себѣ и простое означеніе въ уставѣ акціонернаго общества, что все движимое имущество или такіе-то капиталы и суммы служатъ обезпеченіемъ долга общества третьему лицу, такъ какъ законъ включенію подобнаго выраженія въ уставы обществъ нигдѣ не приписываетъ силы закладной или ареста, или же акта, ограничивающаго должника въ распоряженіи этимъ имуществомъ и установляющаго право кредиторовъ получить удовлетвореніе изъ этого имущества отъ всякаго третьяго лица, во владѣніи коего оно окажется, какъ то объясняетъ проситель. Это подтверждается въ нѣкоторой степени и самымъ уставомъ Камско-Волжскаго общества, въ которомъ прямо разрѣшается продажа пароходовъ и баржъ общества, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы вырученныя суммы были обращаемы на усиленіе погашенія облигацій (§ 12 примѣч. къ пун. 3), и въ который, для установленія вещнаго права облигаціонеровъ не недвижимое имущество общества или ограниченія общества въ правѣ распоряженія симъ послѣднимъ, не признано достаточнымъ включить одно постановленіе о томъ, что облигаціи обезпечиваются недвижимымъ имуществомъ, но, сверхъ того, установлено, что для обезпеченія такой облигаціи могутъ быть выпущены только по наложеніи на все недвижимое имущество запрещенія въ полной ихъ суммѣ (4 примѣч. къ 12 §), что и было приведено въ исполненіе. Что касается заключеннаго обществомъ съ облигаціонерами договора, на который указываетъ проситель, то въ немъ хотя и содержится, между прочимъ, условіе, что общество желаетъ сдѣлать заемъ посредствомъ выпуска облигацій, представляющихъ первую ипотеку, и что всякій актъ имѣетъ быть совершонъ и всякій документъ имѣетъ быть исполненъ, какіе окажутся необходимыми для выраженія того, что обезпеченіе, даваемое помянутыми облигаціями, распространяется и имѣетъ силу, согласно съ русскими законами, на всю вообще собственность общества, но условіе это въ отношеніи движимости общества, перешедшей во владѣніе общества „Дружины“ въ видѣ оборотнаго капитала, обращеннаго, согласно договору 16 марта, на покрытіе ея претензіи, также не имѣетъ значенія, такъ какъ понятіе ипотеки вообще чуждо дѣйствующему доселѣ русскому законодательству, а тѣмъ болѣе неизвѣстна ипотека въ движимомъ имуществѣ, и такъ какъ во исполненіе означеннаго договора въ дѣйствительности не было совершено никакого акта или документа, который по русскимъ законамъ установилъ бы на эту движимость вещное право облигаціонеровъ. Проситель объясняетъ въ кассаціонной жалобѣ, между прочимъ, что такъ какъ на движимое имущество, по русскимъ законамъ, формальное запрещеніе наложить было нельзя, то въ подтвержденіе §§ устава и условій облигацій, утвержденныхъ министромъ финансовъ, директоры Камско-Волжскаго общества выдали 26 мая 1873 года отъ себя еще облигаціонерамъ подписку за № 105, которою обязались со времени выпуска облигацій безъ согласія лицъ, принявшихъ на себя реализацію облигаціоннаго капитала, не продавать и не отчуждать какимъ либо инымъ способомъ принадлежащія обществу пароходы, баржи и другого рода движимое имущество; хотя же, по словамъ просителя, копія такой подписки прилагается при кассаціонной жалобѣ, но въ дѣйствительности документа такого къ жалобѣ сей не приложено; притомъ документъ этотъ, какъ не бывшій въ виду судебныхъ мѣстъ, не могъ бы быть принятъ въ соображеніе при кассаціонномъ производствѣ, да и судя по указанному просителемъ содержанію его, также не имѣетъ вещнаго, обязательнаго для третьихъ лицъ характера. Наконецъ, нельзя допустить и мысли, чтобы Камско-Волжское общество уставомъ своимъ лишено было всякаго права распоряжаться движимымъ своимъ имуществомъ, вступать о немъ въ договоры и зачитывать его въ оборотный капиталъ, по самому назначенію своему уже не имѣющій характера неотчуждаемости, ибо безъ этого права дѣлались бы невозможными даже всякія операціи общества, необходимыя для осуществленія самаго предпріятія, для котораго оно учреждено; 3) проситель указываетъ, между прочимъ, что Палата признала имущество Камско-Волжскаго общества перешедшимъ къ „Дружинѣ“ законнымъ способомъ,

вопреки установленнымъ ею самою смыслу 12 § устава общества и праву облигаціонеровъ на преимущественное ихъ удовлетвореніе, такъ какъ, по мнѣнію его, ни о какомъ законномъ переходѣ имущества въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть рѣчи, а поступило оно въ соединенное дѣло и по прекращеніи онаго самовольно удержано „Дружиною“ на удовлетвореніе своихъ претензій къ Камско Волжскому обществу, чѣмъ и нарушены признанныя самою Палатою права облигаціонеровъ; противорѣчіе же это въ рѣшеніи Палаты, по мнѣнію просителя, объясняется тѣмъ, что Палата не нашла нужнымъ войти въ подробное разсмотрѣніе представленныхъ истцами отчетовъ соединеннаго дѣла, изъ которыхъ видно, что 100000 рублей по векселямъ и 200000 рублей неустйки были дѣйствительно удержаны „Дружиною“ на основаніи 14 пункта договора; оставленіемъ же означенныхъ отчетовъ безъ разсмотрѣнія по отношенію къ самому существенному вопросу, указываему истцомъ, она нарушила 339 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства. Но указанія эти въ отношеніи имущества, поступившаго въ оборотный капиталъ, не заслуживаютъ уваженія, ибо Палата, какъ выше изложено, правильно признала право Камско Волжскаго общества распоряжаться своимъ имуществомъ и заключать о немъ договоры; если же она нашла, что имущество, поступившее въ оборотный капиталъ, дѣйствительно перешло къ „Дружинѣ“ въ собственность, согласно договору, и не находится уже во владѣніи Камско Волжскаго общества, какъ это слѣдуетъ вывести изъ рѣшенія ея, то это заключеніе, какъ относящееся къ истолкованію смысла договора и установленію фактической стороны дѣла, не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ. Въ виду сего и такъ какъ Палата признала право облигаціонеровъ на преимущественное удовлетвореніе только изъ имущества, находящагося во владѣніи Камско Волжскаго общества, а не изъ того, которое вышло уже изъ этого владѣнія, никакого противорѣчія въ рѣшеніи ея по этому предмету не усматривается. Что касается отчетовъ, на разсмотрѣніе коихъ указываетъ проситель, то изъ дѣла видно, что повѣреннымъ истцовъ, присяжнымъ повѣреннымъ Плевако, были представлены только два отчета соединеннаго дѣла, подписанные Касаткинымъ, которые упомянуты въ рѣшеніи Палаты (л. 100) и, слѣдовательно, были ею разсмотрѣны, притомъ эти счеты были представлены въ подтвержденіе факта удержанія „Дружиною“ 100000 руб. не изъ оборотнаго капитала, на основаніи 14 пун. договора, какъ это, между прочимъ, впервые объясняетъ проситель въ одномъ мѣстѣ кассаціонной жалобы, а собственно изъ прибылей общества, и притомъ вовсе не представлены въ подтвержденіе удержанія неустойки, о которой въ этихъ счетахъ, составленныхъ за 1874 и 1875 г.г., не могло быть и рѣчи. Затѣмъ при апелляціонномъ производствѣ конкурснымъ управленіемъ по дѣламъ Камско Волжскаго общества представлены были 5 счетовъ Камско Волжскаго общества, составленные, по объясненію сего управленія, въ главной конторѣ обоихъ соединенныхъ обществъ, а повѣреннымъ общества „Дружины“ представлены три отчета правленія Камско Волжскаго общества за 1873, 1874 и 1875 г.г. Изъ этимъ документовъ упомянутые 5 счетовъ при представленномъ въ Правительствующій Сенатъ производствѣ не находятся, но всѣ эти документы также упомянуты въ протоколѣ и рѣшеніи Палаты (л. л. 73 и 144) и, слѣдовательно, также были ею разсмотрѣны. Въ виду всего вышеизложеннаго Палата рѣшеніемъ своимъ по иску „Форбесъ, Форбесъ и Ко“ суммъ, удержанныхъ обществомъ „Дружина“ изъ оборотнаго капитала, не можетъ считаться нарушившею какую либо изъ статей устава Камско Волжскаго общества или Устава Гражданскаго Судопроизводства; 4) проситель находитъ, что, по 10 пун. договора съ „Дружиною“, этому обществу предоставляется право изъ прибылей, причитающихся на долю Камско-Волжскаго общества, удерживать въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ въ пользу общества „Дружина“ по 50000 руб., каковые и получаются имъ въ мартѣ, по заключенію отчетовъ. Изъ сихъ прибылей „Дружина“ получила въ 1874 и 1875 г.г., какъ доказываютъ ея отчеты, 100000 рублей, между тѣмъ какъ эти прибыли, по 40 § Камско-Волжскаго устава и по условіямъ, объясненнымъ въ облигаціяхъ, должны были поступить къ облигаціонерамъ. Палата, какъ это видно изъ ея рѣ-

шенія, соображенія свои, приведенныя выше сего, по поводу толкованія 4 прим. къ 12 § устава и права Камско Волжскаго общества на распоряженіе своимъ движимымъ имуществомъ и на заключеніе о немъ договоровъ, распространила и на 40 § устава и на прибыль общества, признавъ безусловно, что возраженіе истцовъ противъ 10 пун. договора, въ силу коего общество „Дружина“ имѣло право удержать изъ прибылей, слѣдующихъ на долю Камско Волжскаго общества, по 50000 рублей въ годъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, опровергается вышеприведенными Палатой соображеніями, т. е. „что „Форбесъ, Форбесъ и К⁰“ и на прибыль не имѣетъ никакого вещнаго права; что, по смыслу 52 § устава, преимущественное послѣ страхователей право облигаціонеровъ на оную возникаетъ только въ случаѣ несостоятельности общества или даже одной неисправности его, и что примѣчаніемъ 4 мъ къ 12 §, хотя и устанавливается преимущественная передъ другими долгами уплата процентовъ и капитала по облигаціямъ какъ изъ доходовъ, такъ и изъ другого движимаго и недвижимаго имущества, но не ограничивается права общества распоряжаться принадлежащимъ ему движимымъ имуществомъ, въ случаѣ же неисправности для облигаціонеровъ наступаетъ право требовать удовлетворенія изъ всего имущества, которое находится во владѣніи общества, за исключеніемъ вознагражденія страхователей, такъ какъ въ уставѣ нѣтъ указанія на то, чтобы движимое имущество общества, перешедшее въ собственность третьяго лица законнымъ способомъ, могло бы быть обращено на удовлетвореніе облигаціонеровъ“. Но въ отношеніи прибыли Камско-Волжскаго общества заключеніе это представляется не совсѣмъ правильнымъ: уставомъ Камско Волжскаго общества не только установлено, въ 4 примѣч. къ 12 § п. 2, что уплата процентовъ по означеннымъ облигаціямъ и капитала по облигаціямъ, вышедшимъ въ тиражъ, обезпечивается преимущественно передъ всѣми долгами общества, кромѣ правъ страхователей на вознагражденіе по выданнымъ имъ полисамъ: а) всѣми прибылями общества и запаснымъ капиталомъ, и б) всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ общества, какъ уже имъ пріобрѣтеннымъ, такъ и тѣмъ, которое имъ впредь будетъ пріобрѣтено, но въ 40 §, собственно въ отношеніи прибылей, установленъ совершенно точный и опредѣлительный порядокъ ихъ распредѣленія, отпечатанный даже на самыхъ облигаціяхъ общества. Въ силу этого параграфа, изъ прибылей отъ заработка общества, т. е. изъ суммы, остающейся за вычетомъ всѣхъ расходовъ по управленію, содержанію, дѣйствію и ремонту пароходовъ и судовъ, а также по заведеніямъ и сооруженіямъ при нихъ и убытковъ отчисляется прежде всего: сумма; потребная для уплаты процентовъ и погашенія по выпущеннымъ обществомъ облигаціямъ и не менѣе пяти процентовъ этой прибыли въ запасный капиталъ (согласно примѣчанію къ тому же § назначаемый на уплату суммы процентовъ и погашенія по облигаціямъ, остающейся непокрытою въ случаѣ недостатка на сіе чистой прибыли, а равно на уплату непредвидѣнныхъ расходовъ). Лишь въ случаѣ недостатка какъ чистой прибыли, такъ и запаснаго капитала, для удовлетворенія владѣльцевъ облигацій слѣдующими имъ суммами, параграфомъ этимъ положено обращать въ продажу сначала движимое, а потомъ недвижимое имущество общества. Изъ точнаго смысла этого постановленія оказывается, что отчисленіе изъ чистой прибыли прежде всего суммы, потребной на уплату процентовъ и погашенія по облигаціямъ, и не менѣе 5 процентовъ въ запасный капиталъ должно производиться не только въ случаѣ неисправности или несостоятельности общества, но совершенно безусловно и ежегодно въ опредѣленный срокъ, при составленіи годового отчета. Посему этимъ постановленіемъ, вопреки заключенію Палаты, прямо ограничивается право Волжско Камскаго общества на распоряженіе своею прибылью и запаснымъ капиталомъ, и всякое распоряженіе или всякое условіе, клонящіяся къ измѣненію даннаго онымъ назначенія и къ отчужденію годовой чистой прибыли и запаснаго капитала безъ удовлетворенія изъ оныхъ облигаціонеровъ и каждый соотвѣтствующій отчетный годъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ замѣны ихъ за тотъ годъ какимъ-либо эквивалентомъ, должны считаться несогласными не только съ договоромъ, заключеннымъ Камско Волжскимъ обществомъ съ облигаціонерами, но и съ

положительнымъ закономъ, каковымъ представляется приведенный 40 § уст. общества, а затѣмъ и основанный на такомъ условіи переходъ прибыли въ собственность третьяго лица безъ удовлетвовенія облигаціонеровъ не можетъ считаться законнымъ, каковымъ признаетъ его Палата. Мнѣніе Палаты, что облигаціонеры, пока Камско Волжское общество исполняетъ лежащія на немъ обязанности по облигаціонному долгу, не имѣютъ права вмѣшиваться въ распоряженія послѣдняго въ отношеніи распоряженій, касающихся распредѣленія будущей прибыли, также представляется невѣрнымъ, такъ какъ подобное распоряженіе или договоръ, если бы они клонились къ будущему ихъ вреду и противорѣчили бы порядку распредѣленія, установленному закономъ или уставомъ они имѣли бы право спорить даже и при исправности общества; если же, при исправности общества, они не въ правѣ были бы спорить противъ отчужденія прибыли за прошедшее время, то только потому, что они въ этомъ случаѣ, очевидно, изъ другого источника уже получили бы слѣдующіе имъ за то время платежи, т. е. получили бы удовлетвореніе, по качеству и количеству своему вполнѣ замѣняющее суммы, причитавшіяся имъ изъ прибыли или запаснаго капитала. Дѣйствительно, какъ правильно замѣтила Палата, „Форбесъ, Форбесъ и К°“ не имѣютъ и на прибыль Камско-Волжскаго общества никакого вещнаго права, такъ какъ одно назначеніе, хотя бы и самымъ закономъ, опредѣленныхъ срока, источника или средствъ удовлетворенія кредитора, безт передачи этихъ средствъ въ его владѣніе, совершенія закладной или наложенія ареста, по русскимъ законамъ, не устанавливаетъ вещнаго на нихъ права кредитора; но это значитъ только, что при отчужденіи ихъ третьему лицу кредиторъ не въ правѣ обратиться съ искомъ о поворотѣ ихъ къ этому третьему лицу непосредственно, помимо прямого должника своего, пока сей послѣдній самъ въ состояніи уплатить свой долгъ и вознаградить его за нарушеніе обязательства; при несостоятельности же прямого должника и невозможности получить отъ него удовлетвореніе третье лицо, получившее причитавшіеся кредитору платежи вопреки назначенію, указанному въ законѣ и во вредъ кредитору, право коего ограждено закономъ, обязано отвѣчать передъ нимъ, ибо законъ или уставъ общества, въ установленномъ порядкѣ обнародованный, не могъ остаться безызвѣстнымъ и для третьяго лица, которое, слѣдовательно, въ нарушеніи обязательственнаго права кредитора принимало участіе завѣдомо. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Палата, признавъ безусловное и неограниченное права Камско Волжскаго общества на распоряженіе прибылью и безусловную законность всякаго, основаннаго лишь на согласіи сего общества перехода прибыли въ собственность третьяго лица, нарушила прямой смыслъ 40 § устава Камско-Волжскаго общества и вслѣдствіе сего не вошла уже вовсе въ обсужденіе ни вопроса о соотвѣтствіи самаго содержанія касающихся прибыли условій договора 16-го марта 1874 года и установленнаго ими порядка распредѣленія прибыли означенному параграфу 40 му, какъ постановленію, въ силу 9 статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства, ограждающему обязательственное право облигаціонеровъ, ни вопроса о томъ, были ли и какимъ образомъ эти условія приведены въ исполненіе. Но и эта неправильность не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія, такъ какъ Палата, какъ выше сказано, въ заключеніе всѣхъ ея соображеній по этому предмету приняла на видъ еще и тотъ доводъ, что со стороны истца ничѣмъ не доказано, чтобы онъ лишенъ былъ возможности получить полное удовлетвореніе. Заключеніе же это, какъ выведенное изъ разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ дѣла объясненій сторонъ и представленныхъ ими доказательствъ, относится къ существу дѣла и не можетъ, за силою 12 статьи Учрежд. Кассац. Департ., подлежать повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ; 5) объясненіе просителя, что истецъ для исполненія сего послѣдняго требованія Палаты долженъ былъ бы доказать, что у Камско-Волжскаго общества нѣтъ никакого имущества, кромѣ того, которое уже продано, т. е. фактъ отрицательный, каковая обязанность закономъ на него не возлагается, не заслужизаетъ уваженія, такъ какъ фактъ сей, въ такомъ видѣ формулированный, составлялъ бы все таки лишь болѣе отдаленный выводъ изъ совершенно положительныхъ данныхъ о бывшемъ и о наличномъ составѣ всего иму-

щества Камско-Волжскаго общества, каковыя данныя могли быть представлены истцомъ или истребованы откуда слѣдуетъ по его о томъ ходатайству. Хотя проситель указываетъ на то, что истецъ даже исполнилъ невозлагаемую на него закономъ обязанность и представилъ счетъ капитала и имущества Камско-Волжскаго общества тога времени, когда прекратились дѣйствія соединеннаго правленія, въ каковомъ счетѣ значится, куда именно поступило означенное имущество, и что не вина истца, что Палата и этотъ счетъ оставила безъ разсмотрѣнія, но счеты, представленные истцомъ и отвѣтчиками, всѣ упомянуты въ протоколѣ и рѣшеніи Палаты, что служитъ подтвержденіемъ того, что они были ею разсмотрѣны; притомъ истцы во все время производства дѣла даже и не старались доказывать несостоятельности Камско-Волжскаго общества, основывая искъ свой къ „Дружинѣ“ на правѣ своемъ требовать удовлетворенія отъ сего послѣдняго общества непосредственно и независимо отъ состоятельности или нестоятельности перваго. По всѣмъ симъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что повѣренный общества „Дружина“ при словесномъ состязаніи заявилъ просьбу объ обращеніи на противную сторону издержекъ кассаціоннаго производства, Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго торговаго дома „Форбесъ, Форбесъ и К°“, присяжнаго повѣреннаго Ланина, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій, обративъ на этотъ домъ издержки кассаціоннаго производства.

152.—1882 г. декабря 15 дня. *По прошенію повѣреннаго жены потомственнаго почетнаго гражданина Маріи Трапезниковой, присяжнаго повѣреннаго Павлинова и присяжнаго стряпчаго Любимова, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ В. Г. Коробьинъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Жена потомственнаго почетнаго гражданина Марья Трапезникова въ исковомъ прошеніи и при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла объяснила, что умершій въ 1860 г. Константинъ Трапезниковъ оставилъ своимъ дѣтямъ, въ томъ числѣ и мужу ея Максиму Трапезникову, болѣе одного милліона капитала и богатые золотые пріиски въ Олекминскомъ округѣ, Якутской области, которые съ 1860 г. по 1879 г. дали дохода до 20 милліоновъ. Изъ этого состоянія на долю Максима Трапезникова принадлежало $^{5}/_{22}$ ч.; по малолѣтству же его онъ находился подъ опекою, и опекунами состояли братья его Сергѣй и Ѳеодоръ, изъ которыхъ Сергѣй 25 января 1872 г., за 5 дней до пришествія Максима въ совершеннолѣтіе, отобралъ отъ него подписку и расписку въ полученіи слѣдующихъ ему и находившихся въ завѣдываніи опеки капиталовъ и въ томъ, что онъ никуда на дѣйствія опекуна не будетъ жаловаться. Въ 1873 г. 24 февраля—28 марта Сергѣй и Ѳеодоръ Трапезниковы заключили съ братомъ Максимомъ договоръ, по которому они купили у него всѣ имущества и наличныя деньги за 720000 р. Дѣйствуя такъ, Сергѣй и Ѳеодоръ воспользовались начинавшимъ уже обнаруживаться разстройствомъ умственныхъ способностей Максима, который затѣмъ въ 1875 г. былъ признанъ въ состояніи умопомѣшательства, и имѣніе его поступило въ вѣдѣніе опеки съ назначеніемъ опекунами тѣхъ же Сергѣя и Ѳеодора, причемъ въ описи о принятіи еще ранѣе сего, а именно въ 1874 г., имѣнія въ опеку цѣнность онаго показана въ 771300 р. Будучи лишена возможности жить вмѣстѣ съ мужемъ Максимомъ, истица считаетъ себя въ правѣ получать отъ опеки на свое содержаніе, согласно 106 ст. и по аналогіи съ 1148 ст. Т. X ч. I, изъ доходовъ съ имѣнія ея мужа не менѣе $^{1}/_{4}$ части, между тѣмъ, опека назначила ей только 6000 р., т. е. сумму, далеко несоотвѣтствующую [illegible] этому состоянію ея мужа, которое, когда будутъ доказаны подложность и преступныя дѣйствія Сергѣя и Ѳеодора Трапезниковыхъ при отобраніи отъ Максима Трапезникова подписокъ 1872 г. и договора 1873 года, и сокрытіе ими доходовъ съ имѣнія брата по опекунскимъ отчетамъ, достигнетъ ежегоднымъ доходомъ болѣе 100000 руб. Однако, въ настоящее время точная цыфра дохода не можетъ быть опредѣлена, почему

Марья Трапезникова просила Судъ признать за нею право на полученіе для своего содержанія части доходовъ имѣнія ея мужа, опредѣлить размѣръ таковой долевымъ образомъ, а именно четвертую часть чистаго дохода, и передать чрезъ прокурора по принадлежности уголовный вопросъ о Сергѣѣ и Ѳеодорѣ Трапезниковыхъ, обвиняемыхъ въ растратѣ и присвоеніи опекунскихъ денегъ въ связи съ совершеніемъ ими акта 1873 г. Отвѣтчики, опекуны Максима Трапезникова, потомственный почетный гражданинъ Сергѣй и титулярный совѣтникъ Ѳеодоръ Трапезниковы, возражали какъ противу расчетовъ истицы относительно размѣра состоянія ея мужа и противу взводимыхъ ею обвиненій въ злоупотребленіи болѣзненнымъ состояніемъ Максима Трапезникова и присвоеніи части его имущества, такъ и противу права истицы на опредѣленіе ея содержанія долевымъ порядкомъ, и именно въ размѣрѣ четвертой части доходовъ мужа. Въ судебномъ засѣданіи С.-Петербургской Судебной Палаты 7 мая 1882 года повѣренный истицы, Павлиновъ, объяснилъ, что поддерживаетъ обвиненіе противъ отвѣтчиковъ, но характеристику этихъ дѣяній предоставляетъ иниціативѣ прокурора, и просилъ опредѣлить содержаніе въ извѣстной долѣ изъ доходовъ и передать дѣло прокурору, не пріостанавливая производства онаго. Дѣло это по апелляціи истицы поступило на разрѣшеніе С.-Петербургской Судебной Палаты, которая прежде всего установила право Марьи Трапезниковой на полученіе содержанія изъ имущества своего мужа, подвергшагося психическому разстройству, безъ всякаго отношенія къ факту раздѣльнаго ихъ жительства; затѣмъ по существу спора Палата отвергла возможность согласиться съ объясненіемъ истицы и признать, что на судѣ, рѣшающемъ дѣло по иску жены о назначеніи ей содержанія изъ имѣнія ея мужа, лежитъ обязанность установить размѣръ сего содержанія, по аналогіи 106 ст. съ 1148 ст. Т. X ч. I и другими указанными истицею законоположеніями, не иначе какъ долевымъ образомъ и притомъ въ размѣрѣ $^1/_4$ части доходовъ съ имѣнія мужа, а не опредѣленною разъ навсегда суммою. При существованіи уже одного того несомнѣннаго обстоятельства, что въ дѣйствующихъ законахъ не содержится правила, которое точно указывало бы суду, въ какомъ размѣрѣ должно быть назначаемо содержаніе женѣ, Судъ обязанъ принять въ соображеніе лишь преподанное въ законѣ (ст. 106) общее основаніе, съ приложеніемъ его къ обстоятельствамъ даннаго дѣла; относительно же указываемой истицею аналогіи слѣдуетъ, по мнѣнію Палаты, замѣтить, что вообще аналогія можетъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда отсутствіе точнаго постановленія въ законѣ на извѣстный случай происходитъ по причинѣ неясности, неполноты или пробѣла въ законодательствѣ, но въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, представляется вообще затруднительнымъ установить въ законѣ общее и точное правило, которое обнимало бы всѣ случаи о назначеніи содержанія женѣ долевымъ способомъ, почему законодатель преднамѣренно, установивъ въ 106 ст. общее начало, на которомъ должно быть основано принадлежащее женѣ право на содержаніе, самое опредѣленіе размѣра онаго предоставилъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ усмотрѣнію Суда, и, слѣдовательно, рѣшеніе даннаго дѣла, на основаніи 9 ст. Уст. Гражд. Суд., по общему смыслу законовъ, а равно и по аналогіи ст. 106 съ 1148 ст. X Т. ч. I, является совершенно излишнимъ. Но если и допустить на время возможность примѣненія въ данномъ случаѣ аналогіи, то оказывается, что между 106 и 1148 ст. Т. X ч. I и не существуетъ аналогіи, такъ какъ законы эти изданы на разные случаи и съ разными цѣлями; 106 ст. помѣщена въ отдѣлѣ Свода Законовъ о личныхъ правахъ супруговъ, а 1148 ст. опредѣляетъ наслѣдственныя ихъ права; первая статья основана на существованіи брачнаго союза, когда опредѣленіе мѣры пропитанія и содержанія мужемъ жены излишне и невозможно, ибо такая обязанность вытекаетъ изъ взаимныхъ чувствъ любви и привязанности супруговъ; статья-же 1148 безъ точнаго опредѣленія размѣра наслѣдственной доли жены утратила бы всякое значеніе. Но и историческое обозрѣніе истицею законодательныхъ актовъ, изъ которыхъ частью выработался текстъ упомянутыхъ статей закона, не приводитъ къ заключенію, чтобы законодательство наше признавало необходимость въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, назначать женѣ содержаніе въ одинаковомъ размѣрѣ

съ указными долями вдовы на случай смерти ея мужа, а Высочайше утвержденный 26 іюля 1774 г. докладъ Правительствующаго Сената по дѣлу Апухтина, какъ рѣшеніе сепаратное, не можетъ служить руководящимъ законодательнымъ постановленіемъ для разрѣшенія сего дѣла и по содержанію своему доказываетъ, напротивъ, что указываемые истицею историческіе акты не доказываютъ того, чтобы законодательство наше высказывало когда-либо принципъ назначенія содержанія женѣ въ смыслѣ, объясненномъ истицею, притомъ же это законоположеніе состоялось при особыхъ обстоятельствахъ дѣла; ст. 332 Т. IX изд. 1876 года и другіе указываемые истицею законы содержатъ въ себѣ узаконенія, изданныя на опредѣленные въ нихъ случаи, могутъ быть примѣняемы лишь къ подобнымъ же случаямъ безъ распространительнаго толкованія. Не оправдываетъ доводовъ истицы и ссылка на рѣшеніе Правительствующаго Сената 1873 года № 1666, въ которомъ разрѣшался главный вопросъ о томъ, имѣетъ ли вообще Трухина право просить о содержаніи изъ имѣнія ея мужа, причемъ Сенатъ не входилъ въ разсмотрѣніе того, долевымъ ли порядкомъ слѣдуетъ опредѣлить размѣръ сего содержанія или единожды опредѣленною суммою. Отвергнувъ, такимъ образомъ, требованіе о назначеніи содержанія долевымъ способомъ, Палата перешла къ обсужденію того, имѣетъ ли Марья Трапезникова основаніе жаловаться на назначеніе ей опекунскимъ управленіемъ содержанія по 6000 р. ежегодно, и нашла, что мѣриломъ для опредѣленія содержанія истицѣ изъ имѣнія мужа должны служить общія основанія, указанныя въ 106 ст. X Т. ч. I, и тѣ данныя, которыя представлены тяжущимися и заключаются въ настоящемъ дѣлѣ, но при этомъ Палата не можетъ согласиться съ выводимымъ истицею изъ содержанія 106 ст. правомъ получать содержаніе въ значительномъ размѣрѣ, соотвѣтственно доказываемой ею значительности состоянія и доходовъ ея мужа, иначе могли бы подвергнуться нарушенію другіе законы (109, 115 ст. X Т. ч I), по которымъ бракомъ не составляется общности владѣнія въ имуществѣ супруговъ. При этомъ возлагаемая 106 ст. на мужа обязанность должна быть разсматриваема и толкуема въ настоящемъ дѣлѣ въ связи съ положеніемъ имущества психически разстроеннаго ея мужа, которое по этому случаю находится въ вѣдѣніи опеки, и отвѣтчики опекуны обязаны, по 376 и 377 ст. X Т. I ч., остающіеся за законными издержками доходы сохранять въ цѣлости и представлять отчетность, установленную правилами для опекуновъ, избираемыхъ по малолѣтству владѣльцевъ; а въ сихъ правилахъ (ст. 273) на обязанности опекуна лежитъ пещись, чтобы расходы производились безъ излишества; для сего онъ отрѣшаетъ всѣ излишнія и роскошныя прихоти въ издержкахъ, употребляемыхъ на содержаніе малолѣтнихъ и опредѣленныхъ къ нему для воспитанія и услуженія людей. Такимъ образомъ, опекуны, соблюдая интересы собственника имѣнія, Максима Трапезникова, а не его жены, обязаны ограждать это имущество отъ излишнихъ расходовъ, вслѣдствіе чего и истица, хотя по состоянію имущества мужа ея въ опекѣ не лишается права требовать себѣ содержанія, но это требованіе должно быть ограничено предѣлами которые, съ одной стороны давали бы ей возможность удовлетворять необходимыя, соотвѣтственно ея положенію, потребности, а съ другой—не превышали бы средствъ мужа и не клонились къ излишней ихъ тратѣ безъ всякой въ томъ надобности. Право жены на содержаніе, по 106 ст., есть право личное и не можетъ быть смѣшиваемо съ правомъ супруги по имуществу уже по одному тому, что ст. 106 помѣщена въ отдѣлѣ 1-мъ о личныхъ правахъ, а не въ отдѣлѣ 2-мъ о правахъ на имущество; между тѣмъ, установленіе долевого способа назначенія содержанія женѣ ставило бы присужденную ей долю въ зависимость отъ всего имущества мужа, предполагало бы предоставленіе женѣ права провѣрять измѣненіе доходовъ мужа, требовать отъ него отчета въ его доходахъ и имущественныхъ оборотахъ, а это шло бы въ разрѣзъ съ духомъ нашего законодательства относительно полной имущественной раздѣльности и самостоятельности супруговъ, изображенной въ отдѣленіи 2 мъ главы IV книги I о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Законъ (ст. 106), обязывая мужа доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей, подъ состояніемъ не разумѣетъ совокупности имущественныхъ средствъ, именуемой въ общежитей

скомъ разговорномъ языкѣ состояніемъ; соображеніе 100—102, 106 ст. Т. X ч. I приводитъ къ тому, что подъ словомъ „состояніе“ слѣдуетъ разумѣть, согласно съ Т. IX Зак. о состояніяхъ, общественное положеніе и сословное званіе, сообщаемыя мужемъ женѣ; поэтому 106 ст. обязываетъ мужа доставлять женѣ своей содержаніе соотвѣтственно тому положенію, которое по сословнымъ своимъ правамъ, перешедшимъ отъ мужа, она занимаетъ въ обществѣ; во вторыхъ, законъ требуетъ доставленія мужемъ содержанія женѣ по возможности своей, т.-е. въ размѣрѣ, который представляется по имущественнымъ средствамъ мужа фактически осуществимымъ. Такимъ образомъ, при примѣненіи ст. 106 разрѣшенію суда подлежитъ главнѣйшимъ образомъ вопросъ о размѣрѣ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для жены, и о возможности для мужа выдавать ихъ, а не о размѣрахъ имущественныхъ средствъ сего послѣдняго вообще; причемъ на обязанности мужа лежитъ доказывать, что размѣръ просимой женою суммы превышаетъ его возможность, а на обязанности жены доказывать, что предлагаемая или неоспариваемая мужемъ сумма не соотвѣтствуетъ существеннымъ потребностямъ жизни, сообразно носимому ею званію и сословному состоянію ея. Между тѣмъ, со стороны Марьи Трапезниковой не представлено къ дѣлу никакихъ данныхъ, которыя могли бы служить доказательствомъ недостаточности назначенной ей опекунскимъ управленіемъ суммы 6000 руб. въ годъ на содержаніе; поэтому Палата признала, что эта сумма вполнѣ соотвѣтствуетъ требованію 106 ст. и имущественному положенію Максима Трапезникова на основаніи описи 23 марта 1874 года. За признаніемъ незаслуживающимъ уваженія ходатайства истицы объ опредѣленіи ей содержанія въ указанной ею долѣ частнаго дохода съ имущества ея мужа, Палата нашла неподлежащими ея обсужденію всѣ объясненія истицы и представленные ею въ подтвержденіе оныхъ документы о неправильности исчисляемаго опекунами капитала Максима Трапезникова и о сокрытіи и присвоеніи ими себѣ состоянія брата ихъ. Равнымъ образомъ не можетъ подлежать разсмотрѣнію Палаты и ходатайство Марьи Трапезниковой о передачѣ на усмотрѣніе прокурора заявленнаго ею обвиненія противъ опекуновъ о взятіи ими съ Максима Трапезникова подписки и расписки 25 и 31 января 1872 г. и о заключеніи съ нимъ договора 24 февраля—28 марта 1873 года въ состояніи его неправоспособности, такъ какъ повѣренный истицы, Павлиновъ, въ засѣданіи Палаты заявилъ, что онъ не поддерживаетъ просьбы довѣрительницы о направленіи дѣла по уголовнымъ предметамъ согласно 8 ст. Уст. Гр. Суд. Но, не отрицая фактовъ, послужившихъ къ возведенію сего обвиненія, характеристику дѣяній опекуновъ предоставляетъ прокурору и проситъ передать ему дѣло, не пріостанавливая производства такового въ судѣ гражданскомъ; но удовлетвореніе этой просьбы въ заявленной Павлиновымъ формѣ не лежитъ на обязанности Палаты, которая въ виду участія въ разсмотрѣніи сего дѣла лица прокурорскаго надзора, могла бы передать черезъ него дѣло въ уголовный судъ только при наличности обстоятельствъ, указанныхъ въ приведенной 8 ст., съ пріостановленіемъ притомъ производства въ порядкѣ суда гражданскаго; но обстоятельства эти, вслѣдствіе означеннаго заявленія Павлинова, устраняются. На сихъ главнѣйше основаніяхъ Палата признала за Марьей Трапезниковой право на полученіе отъ опекунскаго управленія, надъ мужемъ ея учрежденнаго, по 6000 рублей ежегодно, въ остальныхъ же исковыхъ требованіяхъ отказала. На это рѣшеніе присяжный повѣренный Павлиновъ и присяжный стряпчій Любимовъ, по довѣренности Марьи Трапезниковой, принесли кассаціонную жалобу, въ которой просятъ отмѣнить рѣшеніе Судебной Палаты по нарушенію 106, 107, 109 ст. Т. X ч. I, 8, 9, 339, 366, 456, 554 и 815 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизв., которое они усматриваютъ въ слѣдующемъ: 1) Палата нарушила буквальный смыслъ 106 ст. Т. X ч. I, придавъ упомянутому въ этомъ законѣ выраженію „состояніе“ значеніе сословнаго состоянія; ссылка Палаты на то, что во многихъ статьяхъ закона и, между прочимъ, въ ст. 100—102 Т. X ч. I выраженіе это употреблено въ смыслѣ сословія, еще ничего не доказываетъ, такъ какъ статьи эти имѣютъ своимъ предметомъ именно сословныя права; напротивъ, въ другихъ законахъ (661, 664, 666 ст. Т. X ч. I, 91 ст. Уст. Гр. Суд., 69 ст. Уст. Угол. Суд., 994 ст. Улож. о нак.) выраженіе это употребляется въ

смыслѣ имущественнаго состоянія; въ X Т, 2 ч., въ XI есть особый отдѣлъ о несостоятельности, очевидно, имущественной; въ томъ же смыслѣ употреблено это слово и въ рѣшеніи Сената 1873 г. № 1666 по дѣлу Трухиной, гдѣ сказано, что при спорѣ о состояніи (спора о званіи не можетъ быть) должны быть представлены суду данныя о состояніи мужа; въ 106 ст. выражено, что мужъ обязанъ давать женѣ содержаніе по состоянію и возможности своей, а въ источникѣ, изъ котораго заимствованъ этотъ законъ, слово „своей“ замѣнено словомъ „хозяина“, когда же рѣчь идетъ о хозяйствѣ, то состояніе хозяйства есть имущественное; притомъ же, вопреки содержанію 106 ст. по мнѣнію Палаты, въ законѣ этомъ разумѣется состояніе жены, а не мужа, и въ этомъ отношеніи Палата допустила нарушеніе 366 ст. Уст. Гр. Суд., требуя отъ жены доказательствъ, что предлагаемая сумма не соотвѣтствуетъ ея званію; въ дѣлѣ же Трухиной Правительствующій Сенатъ высказалъ, что должны быть представлены данныя о состояніи мужа; 2) Палата нарушила и внутренній смыслъ 106 и 107 ст. Т. X ч. I, высказывая, что обязанность мужа давать содержаніе женѣ есть не обязанность, предписываемая закономъ, а лишь обязанность нравственная, совѣтъ закона; между тѣмъ, изъ устава благочинія 1782 г., послужившаго основаніемъ 106 ст., видно, что это есть обязанность общественная, имѣющая судебную защиту, и что жена имѣетъ право на полученіе содержанія, и что въ 106 ст. заключается возлагаемая на мужа обязанность, а не совѣтъ закона; 3) Палата, находя 106 ст. законоположеніемъ неточнымъ, содержащимъ въ себѣ лишь общее начало, должна была, по 9 ст. Уст. Гр. Суд., обратиться къ общему смыслу законовъ; но Палата старательно устраняетъ толкованіе 106 ст. по аналогіи и общему смыслу законовъ и для сего утверждаетъ, что законъ этотъ самъ по себѣ ясенъ и полонъ, неточность же его вызывается самою природою отношеній между мужемъ и женою; тѣмъ не менѣе Палата признаетъ за собою право судейскаго усмотрѣнія, о которомъ въ 106 ст. ничего не говорится, и самое это усмотрѣніе основано не на общемъ смыслѣ законовъ, чѣмъ и нарушила 9 ст. Уст. Гр. Суд.; 4) но законъ сей нарушенъ Палатою и по поводу опасенія Палаты, что иное толкованіе 106 ст. находилось бы въ противорѣчіи съ занимаемымъ ею мѣстомъ въ Сводѣ Законовъ среди правъ личныхъ и съ ст. 109 и 115 Т. X ч. I; если право жены на содержаніе возникаетъ въ видѣ личнаго права, то оно обращается въ имущественное при его осуществленіи, а слѣдовательно, и при судебномъ его разрѣшеніи; Палата сама признаетъ это право не безсодержательнымъ, назначила Марьѣ Трапезниковой по 6000 рублей въ годъ, а слѣдовательно, возможенъ и другой способъ опредѣленія этого права—долевой, который будетъ въ принципѣ тоже осуществленіемъ по суду личнаго права. Но Палата не допускаетъ долевого способа и въ виду раздѣльности имуществъ супруговъ по 109 и 115 ст. X Тома I части; имущество супруговъ раздѣльное, но хозяйство ихъ общее, раздѣльность имуществъ не безусловная, а относительная, и допускаетъ множество изъятій (1486 ст. X Тома 2 ч. изд. 1876 года, 546 и 1937 ст. XI Тома, 2202 ст. X Т. I части); если 106 ст. не подтверждаетъ принципа раздѣльности, то, очевидно, она составляетъ изъятіе изъ этого принципа; всякое другое пониманіе этой статьи равносильно ея уничтоженію, поглощенію статьями 109 и 115. Притомъ же нельзя смѣшивать право получать свѣдѣнія о доходахъ съ имѣнія мужа, безъ чего не можетъ быть никакой организаціи въ семьѣ, съ правомъ требовать отчетъ и контролировать; содержаніе женѣ можетъ подвергнуться измѣненію съ измѣненіемъ имущественныхъ средствъ мужа (рѣшен. Сената 1868 года № 461); жена и на этомъ основаніи имѣетъ право получать свѣдѣнія о доходахъ мужа; 5) по 106 ст. содержаніе жены должно быть опредѣлено по соразмѣрности съ состояніемъ мужа, слѣдовательно, какъ часть цѣлаго, отсюда слѣдуетъ выводъ, что судъ долженъ назначить часть соразмѣрную съ цѣлымъ, а какъ цѣлое можетъ ежегодно измѣняться, то назначеніе это не можетъ опредѣляться иначе, какъ долевымъ порядкомъ; судъ не можетъ, слѣдовательно, назначить женѣ въ содержаніе весь доходъ мужа, а только часть онаго, не можетъ назначить и болѣе половины, ибо хозяйство составляютъ двое—мужъ и жена, не можетъ назначить $^1/_{20}$ или $^1/_{10}$ части, ибо жена, идя замужъ изъ другого рода, идетъ не въ долю хо-

зяйства мужа, а сама дѣлается по закону хозяйкой, притомъ же такая малая часть не указана ни въ одномъ законѣ; такимъ образомъ, содержаніе женѣ должно быть опредѣляемо извѣстною долею доходовъ, и притомъ, по аналогіи съ 1148 ст. X Т. I ч, 332 ст. IX Т. и 113 ст. III Т. Уст. Пенс., не менѣе какъ въ размѣрѣ 1/4 части доходовъ съ движимаго имущества; въ подтвержденіе сего просители ссылаются на проекты Гражданскаго Уложенія 1809 и 1814 годовъ и приходятъ къ заключенію, что Палата, признавъ, что законъ преднамѣренно не указалъ въ 106 ст. размѣра содержанія и что вообще такое указаніе въ законѣ затруднительно, нарушила не только 106 ст. Т. X ч. I, но и 9 ст. Уст. Гр. Суд., 6) въ подтвержденіе того, что содержаніе жены должно быть назначено по аналогіи съ 1148 ст. Т. X I ч. и другими законами просители ссылаются и на судебную практику, и въ особенности на мнѣнія Государственнаго Совѣта 26 іюня 1774 года по дѣлу Апухтина, 14-го марта 1814 г. по дѣлу кн. Кантемира и на рѣшеніе Сената 1873 г. № 1666 по дѣлу Трухиной, которое прямо и категорически разрѣшило дѣло, подобное настоящему; не подчинившись сему рѣшенію, Палата нарушила 106 ст. X Т. ч I въ связи съ 815 ст. Уст. Гр. Суд.; 7) Палата, вопреки 339 и 456 стат. Уст. Гражд. Судопроизвод., оставила безъ всякаго разсмотрѣнія представленные истицею документы, изъ которыхъ можно усмотрѣть, что состояніе Максима Трапезникова превышаетъ $2^1/_2$ милліона и что назначенное женѣ его содержаніе 6000 рублей далеко не соотвѣтствуетъ имущественнымъ средствамъ мужа, и 8) Палата нарушила 8 и 564 статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства въ томъ отношеніи, что отказала удовлетворить ходатайство истицы, отказалась передать противозаконныя дѣйствія отвѣтчикойъ въ уголовный судъ и продолжать вмѣстѣ съ тѣмъ производство гражданскаго дѣла; отказъ этотъ Палата основала не на отсутствіи наличности преступленія и не потому, чтобы разрѣшеніе гражданскаго дѣла зависѣло отъ уголовнаго суда, а на томъ невѣрномъ соображеніи, что законы не дозволяютъ гражданскому суду продолжать дѣло, передавши уголовный вопросъ суду уголовному.

Выслушавъ словесныя объясненія присяжныхъ повѣренныхъ: Павлинова, по довѣренности истицы, и Жуковскаго, по довѣренности отвѣтчиковъ, и заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что объясненіе просителя о нарушеніи Палатой буквальнаго смысла 106 ст. Т. X ч. I и о томъ, что подъ выраженіемъ „состояніе“, употребленнымъ въ этомъ законѣ, слѣдуетъ разумѣть имущественныя средства мужа, представляется лишеннымъ правильнаго основанія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ законахъ нашихъ выраженіе „состояніе“ употребляется и для опредѣленія имущественнаго состоянія и въ смыслѣ состоянія сословнаго, и потому въ каждомъ данномъ случаѣ значеніе сего выраженія можетъ съ достовѣрностью быть установлено по общему смыслу всей статьи закона, по логическому отношенію выраженія къ тому положенію, которые высказывается въ данномъ законѣ, по сравненію однородныхъ статей закона, въ которыхъ употребляется одно и то же выраженіе. Въ настоящемъ случаѣ ст. 106 и 107 имѣютъ въ виду опредѣлить взаимныя, личныя отношенія супруговъ, какъ членовъ одной семьи, въ которой при общности жизни и хозяйства мужъ является главою семейства, а жена—хозяйкою дома; жена пользуется сословнымъ и общественнымъ положеніемъ мужа, и хотя жена сохраняетъ права высшаго состоянія, если таковыя принадлежали ей до замужества, но не сообщаетъ оныхъ мужу, и общественное положеніе жены, какъ члена семьи, какъ части цѣлаго, сохраняетъ непосредственную зависимость отъ званія и положенія мужа. Въ числѣ личныхъ обязанностей мужа возлагается на него 106 стат. и обязанность доставлять женѣ содержаніе и пропитаніе по состоянію и возможности своей; въ виду того, что жена пользуется общественнымъ и сословнымъ положеніемъ мужа, нѣтъ сомнѣнія, что эта возложенная на мужа обязанность требуетъ отъ него содержать и пропитывать жену соотвѣтственно тому положенію, которое пріобрѣтаетъ жена въ семьѣ мужа, и потому подъ выраженіемъ закона по состоянію своему, слѣдуя общей цѣли и смыслу статьи, надо разумѣть то положеніе сословное и общественное, въ

которое жена поставлена супружествомъ; сословное же положеніе опредѣляется въ 1—14 ст. IX Т. изд. 1876 года и именуется правомъ состоянія и въ этомъ же смыслѣ употребляется выраженіе „состояніе“ въ ст. 100—102 Т. X ч. I, въ которыхъ точно также опредѣляется сословное положеніе жены, бракомъ устанавливаемое. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ содержаніе 118 ст. X Т. I ч., гдѣ устанавливается также правило объ обезпеченіи содержанія супруговъ, и при этомъ употреблено то же выраженіе, что содержаніе должно быть сообразное съ ихъ состояніемъ и доходами имѣнія; очевидно, что здѣсь имущественныя средства выражены въ словахъ: доходами имѣнія,— слѣдовательно, выраженіе состояніемъ употреблено въ иномъ смыслѣ, а именно въ смыслѣ сословнаго состоянія; иначе пришлось бы допустить, что законъ для выраженія одной и той же мысли употребилъ два однозначащихъ выраженія; законъ не повторяется, по крайней мѣрѣ сего не предполагается, и при интерпретаціи закона слѣдуетъ толковать его въ его естественномъ смыслѣ, устраняя мысль о выраженіяхъ излишнихъ, однозначащихъ или ничего незначащихъ. Точно также и въ 106 ст. сказано: по состоянію и возможности своей, причемъ въ послѣднемъ выраженіи несомнѣнно разумѣются средства мужа имущественныя или лично имъ добываемыя, и потому въ словѣ „состоянію“ слѣдуетъ усматривать цѣль опредѣленія иного положенія, а именно сословнаго состоянія мужа, сообщаемаго имъ и женѣ. Указаніе Павлинова и Любимова на употребленіе въ иныхъ случаяхъ въ законѣ выраженій однозначащихъ, и ссылка ихъ, для примѣра, на 100 ст. X Т. I ч., не опровергаетъ изложенныхъ выше соображеній, ибо употребленныя въ ст. 100 выраженіе права и преимущества или состояніемъ, чиномъ или званіемъ не суть выраженія однозначащія; каждое изъ нихъ имѣетъ свой отдѣльный смыслъ, свое самостоятельное значеніе. Точно также невѣрно и другое положеніе просителей, выводимое ими изъ того, что въ источникѣ, послужившемъ основаніемъ для 106 статьи, сказано „по состоянію и возможности хозяина“, и что, слѣдовательно, состояніе хозяйства есть состояніе имущественное; если-бы дѣйствительно въ законѣ говорилось о хозяйствѣ, то еще можно было-бы придать значеніе толкованію Павлинова и Любимова, но въ законѣ говорится о хозяинѣ какъ главѣ семьи, а такое лицо обладаетъ правами и отношеніями какъ по имуществу, такъ и по сословному своему положенію, семья его пользуется какъ тѣми, такъ и другими преимуществами хозяина, и потому въ 106 ст. опредѣлена обязанность мужа какъ со стороны его имущественнаго, такъ и со стороны сословнаго положенія. Хотя въ 106 ст. говорится о сословномъ состояніи мужа, а не жены, но сія послѣдняя пользуется тѣми же сословными правами, какъ и мужъ, и если жена, принадлежавшая до замужества къ высшему сословію, сохраняетъ права своего прежняго состоянія, то изъ сего нельзя еще заключить, чтобы мужъ былъ обязанъ содержать и продовольствовать жену сообразно ея прежнему высшему сословію; подобное предположеніе противорѣчило бы понятію о единствѣ семьи, о главенствѣ мужа, и потому употребленное Палатою выраженіе, что жена должна доказать несоотвѣтствіе содержанія съ ея званіемъ и состояніемъ, не заключаетъ въ себѣ нарушенія смысла закона, ибо относительно содержанія и пропитанія жена можетъ требовать лишь того, что соотвѣтствуетъ сословному и общественному положенію мужа ея, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи званіе и состояніе мужа и жены получаютъ одинаковое значеніе. Переходя засимъ къ доводамъ кассаціонной жалобы относительно нарушенія Палатой внутренняго смысла 106 ст. X Т. I ч., въ связи съ нарушеніемъ 9 и 815 ст. Уст. Гр. Суд., оказывается, что Палата никакой неточности въ 106 ст. не усмотрѣла; она нашла только, что въ законахъ не содержится правила, которое точно указывало бы суду, въ какомъ размѣрѣ назначать содержаніе женѣ, признала отсутствіе такого правила происходящимъ не отъ неполноты или неясности закона, а отъ затруднительности назначать содержаніе долевымъ образомъ, въ виду разнообразія случаевъ и различія обстоятельствъ, среди которыхъ такое правило могло-бы отозваться несправедливостью и стѣсненіемъ правъ того или другого изъ супруговъ, и пришла къ заключенію, что при существованіи въ 106 ст. общаго правила, на которомъ должно быть основано право жены на содержа-

ніе, нѣтъ повода обращаться къ толкованію сего закона по аналогіи съ другими законоположеніями, и самый размѣръ содержанія долженъ быть опредѣленъ въ каждомъ данномъ случаѣ по усмотрѣнію суда. И дѣйствительно, въ 106 ст. нельзя усмотрѣть никакой неполноты или неясности: указывая права и обязанности супруговъ, вытекающія изъ личныхъ отношеній ихъ въ силу брачнаго союза, законъ этотъ съ положительностью опредѣляетъ право жены получать отъ мужа содержаніе и пропитаніе и устанавливаетъ данныя, въ предѣлахъ которыхъ размѣръ содержанія жены, въ случаѣ спора, долженъ быть опредѣленъ; данныя эти заключаются въ томъ, что содержаніе должно соотвѣтствовать сословному и общественному состоянію мужа, а слѣдовательно, и жены, и не должно выходить изъ предѣловъ матеріальной возможности мужа; нѣтъ сомнѣнія, что долевой способъ назначенія содержанія не можетъ соотвѣтствовать тѣмъ даннымъ, которыя должны быть приняты въ соображеніе при опредѣленіи содержанія жены, ибо во многихъ случаяхъ между имущественнымъ и общественнымъ положеніемъ лица не существуетъ такого правильнаго соотношенія, чтобы извѣстная, заранѣе установленная часть дохода его соотвѣтствовала потребностямъ его сословнаго и общественнаго положенія; нерѣдко доля эта оказалась бы недостаточною, а иногда излишнею. Вслѣдствіе сего отсутствіе въ 106 статьѣ правила о долевомъ назначеніи содержанія женѣ происходитъ не отъ неполноты или неясности закона, а отъ несоотвѣтствія сего порядка съ положеніемъ супруговъ, соединенныхъ узами брака въ одну семью, и съ тѣми личными правами и обязанностями каждаго изъ нихъ, которыя для нихъ возникаютъ изъ сего положенія и которыя въ семъ законѣ опредѣлены. Поэтому установленіе долевого порядка назначенія содержанія по общему смыслу законовъ и по аналогіи съ другими, предусмотрѣнными въ законахъ, случаями не вызывается существомъ содержащагося въ 106 статьѣ правила, тѣмъ болѣе, что указываемая въ кассаціонной жалобѣ аналогія съ 1148 статей X Тома 1 ч., 332 ст. IX Т., 113 ст. III Т. Уст. о пенс. и дополненная въ словесныхъ объясненіяхъ Павлинова съ 1211 Т. X ч. I, въ дѣйствительности и не существуетъ, ибо въ сихъ законахъ предусмотрѣны случаи, когда цѣльность семьи, бракомъ установленная, разрушается или смертью, или преступленіемъ мужа; Высочайше же утвержденные 26 го іюня 1774 года докладъ Правительствующаго Сената по дѣлу Апухтиной и 14 марта 1814 года журналъ Государственнаго Совѣта по дѣлу князя Кантемира составляютъ законоположенія сепаратныя, состоялись въ виду особыхъ обстоятельствъ дѣла и къ руководству для даннаго дѣла служить не могутъ; точно также и въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1873 года № 1666 по дѣлу Трухиной не содержится указанія на необходимость назначенія содержанія женѣ извѣстною долею доходовъ съ имущества мужа; въ этомъ рѣшеніи разъяснялось только право жены получать содержаніе изъ имущества мужа, несмотря на отдѣльное жительство ея вслѣдствіе умопомѣшательства мужа и на нахожденіе имѣнія сего послѣдняго въ опекунскомъ управленіи, и обязанность суда опредѣлить размѣръ сего содержанія въ предѣлахъ, указанныхъ 106 ст., и по даннымъ, представленнымъ сторонами. Но если и возможно опредѣлить порядокъ назначенія содержанія женѣ по аналогіи съ другими статьями закона, то, конечно, ближе всего можно принять къ соображенію 194 ст. Т. X ч. I, въ которой указывается обязанность дѣтей доставлять родителямъ пропитаніе и содержаніе—обязанность, вытекающая точно также, какъ и обязанность мужа относительно жены; изъ личныхъ правъ родителей, но и въ 194 ст. долевой способъ назначенія содержанія не указанъ, а, слѣдовательно, въ случаѣ спора размѣръ содержанія долженъ быть опредѣленъ судомъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Всѣ остальныя соображенія повѣренныхъ истицы о долевомъ способѣ назначенія содержанія основаны на соотношеніи сего содержанія только съ имущественными средствами мужа и на невѣрномъ признаніи выраженія состоянія въ смыслѣ имущественнаго состоянія, безъ всякаго соображенія съ общественнымъ положеніемъ мужа; указаніе же ихъ на право жены имѣть свѣдѣнія о доходахъ мужа не составляетъ предмета исковыхъ требованій по дѣлу и потому не подлежитъ нынѣ разсмотрѣнію. Палата же высказала соображеніе о

невозможности предоставленія женѣ права требовать отъ мужа отчета въ его доходахъ и имущественныхъ оборотахъ только какъ доводъ, подтверждающій ея заключеніе о неосновательности требованія истицы назначить ей содержаніе извѣстною долею доходовъ мужа, такъ какъ предоставленіе женѣ означеннаго выше права шло бы въ разрѣзъ съ духомъ нашего законодательства относительно полной имущественной раздѣльности и самостоятельности супруговъ, изображенной въ 109 и 115 ст. I ч. X Т. Обращаясь вслѣдствіе сего къ указанію просителей на нарушеніе 109 и 115 ст., слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что Палата совершенно правильно отнесла эти статьи къ законамъ, опредѣляющимъ имущественныя права супруговъ, тогда какъ 106 ст. помѣщена въ отдѣлѣ о личныхъ правахъ супруговъ, и хотя по сему закону личное право жены на содержаніе отъ мужа и обезпечиваетъ за ней извѣстнаго рода матеріальное право, но не въ силу правъ жены на имущество мужа, а въ силу той личной обязанности мужа, вытекающей изъ обязанности супруговъ жить вмѣстѣ, изъ супружеской ихъ связи, изъ того, что мужъ обязанъ любить, уважать, защищать жену и доставлять ей пропитаніе и содержаніе. Но эта обязанность не устанавливаетъ общности имуществъ супруговъ, каждый изъ нихъ имѣетъ отдѣльную свою собственность, которою распоряжается самостоятельно и независимо одинъ отъ другого; слѣдовательно, 106 ст. не составляетъ противорѣчія или исключенія изъ правила, преподаннаго въ 109 и 115 ст., и имѣетъ своимъ предметомъ совсѣмъ иное право, право личное. Точно также и ссылка просителей на 1486 ст. X Т. 2 ч. изд. 1876 года и 1937 ст. XI Т. не доказываетъ, чтобы раздѣльность имуществъ супруговъ была небезусловная и допускаетъ исключенія; напротивъ, изъ этихъ статей видно, что даже движимость, находящаяся въ домѣ общаго жительства супруговъ, а слѣдовательно, служащая для общаго ихъ употребленія, при обращеніи на оную взысканія за долги одного изъ супруговъ, получаетъ видъ отдѣльной собственности каждаго изъ супруговъ, въ половинномъ ея количествѣ, и одна половина оной дѣлается неприкосновенною и не отвѣчаетъ за долги супруга несостоятельнаго; слѣдовательно, и здѣсь подтверждается принципъ раздѣльности имущественныхъ правъ супруговъ; 546 ст. XI Т. относится до неимѣнія у жены права выдавать на свое имя векселя безъ согласія мужа, если она сама отъ своего имени не производитъ торговли; но и эта статья не доказываетъ нераздѣльности имуществъ супруговъ, а объясняется особенностью торговаго состоянія, по которой семейный капиталъ составляетъ принадлежность купеческаго семейства; только одно лицо признается начальникомъ семейства, прочіе же члены онаго не могутъ обязываться векселями безъ довѣренности начальника семейства (ст. 14, 35, 40, 47, 48, 50, 51 Т. XI Уст. Торг.); наконецъ, 2202 ст. X Т. I ч., воспрещающая женѣ наниматься безъ позволенія мужа, относится до личнаго найма, а не до правъ супруговъ по имуществу, и объясняется тѣмъ, что мужъ есть глава семейства. Устранивъ домогательство истицы получать содержаніе отъ мужа извѣстною долею его доходовъ, Палатѣ не предстояло и надобности входить въ подробное разсмотрѣніе документовъ, представленныхъ со стороны истицы для доказательства имущественныхъ средствъ мужа, и потому въ оставленіи сихъ документовъ безъ разсмотрѣнія не заключается нарушенія 339 и 456 статей Устава Гражданскаго Судопроизводства. Наконецъ, и указаніе повѣренныхъ истицы на нарушеніе Палатой 8 и 564 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства оказывается липшеннымъ основанія; Палата не только не усмотрѣла въ дѣлѣ наличности обстоятельствъ, требующихъ уголовнаго преслѣдованія, но и не входила въ разсмотрѣніе объясненій истицы о сокрытіи и присвоеніи опекунами состоянія Максима Трапезникова, потому что объясненія эти были направлены къ опредѣленію дѣйствительныхъ размѣровъ имущества мужа истицы, для установленія доли сего имущества, долженствующей отдѣляться на содержаніе истицы, долевой же способъ назначенія сего содержанія Палатою устраненъ; равнымъ образомъ Палата оставила безъ разсмотрѣнія и обвиненіе противъ опекуновъ во взятіи ими отъ Максима Трапезникова различныхъ актовъ въ состояніи его неправоспособности, на томъ основаніи, что отъ сего обвиненія отказался повѣренный истицы, Павлиновъ; оцѣнка же объясненій

сторонъ, усмотрѣніе или неусмотрѣніе въ дѣлѣ обстоятельствъ, требующихъ уголовнаго преслѣдованія, по неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, зависитъ отъ суда, рѣшающаго дѣло по существу, и не подлежитъ повѣркѣ въ порядкѣ кассаціи. Мнѣніе повѣренныхъ истицы, что Палата признаетъ вообще невозможность продолжать производство гражданскаго дѣла, по передачѣ уголовныхъ обстоятельствъ на разсмотрѣніе суда уголовнаго, не оправдывается подлиннымъ рѣшеніемъ Палаты, изъ котораго видно только, что если бы Палата признала существованіе признаковъ возводимыхъ на отвѣтчиковъ обвиненій, то отъ разрѣшенія оныхъ въ уголовномъ порядкѣ могло бы зависѣть и разрѣшеніе гражданскаго дѣла, но сужденіе о сихъ обвиненіяхъ и передача дѣла въ уголовный судъ, съ пріостановленіемъ производства гражданскаго дѣла, устраняется вслѣдствіе заявленія повѣреннаго истицы. По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ не усматриваетъ въ рѣшеніи Палаты нарушенія законовъ, указываемыхъ просителями, и потому ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: прошеніе повѣренныхъ Маріи Трапезниковой оставить, за силою 793 ст. Уст. Гр. Судопроизв., безъ послѣдствій.

153.—1882 г. декабря 15 дня. *По прошенію повѣреннаго Михалины Лещевской, присяжнаго повѣреннаго Сильницкаго, объ отмѣнѣ рѣшенія Радомскаго 1 го округа Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. Н. Герардъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

По содержанію кассаціонной жалобы, поданной повѣреннымъ Михалины Лещевской на рѣшеніе Мирового Съѣзда 1 округа Радомской губерніи по настоящему дѣлу, подлежитъ разрѣшенію вопросъ: могутъ ли быть подаваемы въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа апелляціонныя жалобы на рѣшенія гминныхъ судовъ, писанныя на польскомъ языкѣ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ означеннымъ Мировымъ Съѣздомъ отрицательно, причемъ въ рѣшеніи Мирового Съѣзда высказано соображеніе, что хотя Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго объ употребленіи русскаго языка въ гминныхъ судахъ (распубликованнымъ указомъ Правительствующаго Сената 2 іюля 1876 г.), разъяснено, что при разбирательствѣ дѣлъ въ гминныхъ судахъ допускается употребленіе того языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе, тѣмъ не менѣе разрѣшеніе это не можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что апелляціонныя жалобы подлежащія разсмотрѣнію мировыхъ съѣздовъ, могутъ быть писаны на польскомъ языкѣ; посему апелляціонная жалоба Михалины Лещевской на рѣшеніе гминнаго суда оставлена мировымъ съѣздомъ безъ разсмотрѣнія. Въ кассаціонной жалобѣ своей повѣренный Лещевской, присяжный повѣренный Сильницкій, объясняетъ: 1) что изложенное рѣшеніе Мирового Съѣзда противорѣчитъ рѣшенію Гражданск. Кассаціон. Департ. Правительствующаго Сената отъ 7 ноября 1878 г., въ которомъ разъяснено, что прошенія, подаваемыя въ гминные суды, могутъ быть писаны на польскомъ языкѣ, также точно какъ могутъ быть представляемы на томъ же языкѣ словесныя объясненія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; 2) что законъ, требующій, чтобы прошенія, подаваемыя въ судебныя мѣста, были писаны по русски, заключается въ ст. 261 Уст. Гр. Суд., обязательный для производства дѣлъ въ общихъ, а не гминныхъ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; 3) наконецъ, что рѣшеніе Мирового Съѣзда несогласно и съ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ комитета по дѣламъ Царства-Польскаго, на которое ссылается Мировой Съѣздъ и которое допускаетъ употребленіе польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ гминныхъ судовъ, такъ какъ принятіе апелляціонной жалобы составляетъ послѣдній процессуальный актъ гминнаго суда.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что вопросъ о языкѣ для судопроизводства въ судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго судебнаго округа разрѣшенъ ст. 241 дополнительныхъ правилъ къ Высочайше утвержд. 19 февраля 1875 года

Положенію о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ въ Варшавскомъ округѣ, разъясненною Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ комитета по дѣламъ Царства-Польскаго, распубликованнымъ указомъ Правительствующаго Сената 2 іюля 1876 г. (Собр. узак. 1876 г. № 58). По смыслу сихъ узаконеній, судопроизводство въ Варшавскомъ округѣ должно производиться на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ гминныхъ судовъ, въ которыхъ допускается употребленіе и языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ приговоры, рѣшенія, постановленія и опредѣленія суда и всѣ вообще письменные акты, отъ суда исходящіе, были излагаемы на русскомъ языкѣ. Изъ сего очевидно, что прошенія, подлежащія разсмотрѣнію мирового съѣзда, въ томъ числѣ и апелляціонныя жалобы, должны быть писаны по русски. Такой выводъ вовсе не противорѣчитъ рѣшенію Гражданскаго Кассац. Департ. Правительствующаго Сената 1878 года за № 210, коимъ разрѣшенъ совершенно другой вопросъ, а именно о томъ, можетъ ли быть писано на польскомъ языкѣ исковое прошеніе, подаваемое въ гминный судъ; разсужденіе же просителя о томъ, что апелляціонныя жалобы на рѣшенія гминныхъ судовъ подаются въ эти же суды и что принятіе апелляціонной жалобы составляетъ для суда первой степени послѣдній процессуальный актъ по дѣлу, имъ разсмотрѣнному, не имѣютъ значенія въ настоящемъ вопросѣ, такъ какъ одна подача апелляціонной жалобы въ гминный судъ, тогда какъ разбирательство по этой жалобѣ производится въ мировомъ съѣздѣ, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ тѣмъ дѣйствіямъ, для коихъ установлено облегчительное правило, допускающее употребленіе въ судопроизводствѣ языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго Лещевской оставить, за силою 186 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

154.—1882 года декабря 15-го дня. *По прошенію Ивана Гацке объ отмѣнѣ рѣшенія Варшавскаго 1-го округа Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. Н. Герардъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Житель деревни Вульково-Нѣмецкое, Иванъ Гацке, обратился въ гминный судъ 2 округа Сохачевскаго уѣзда о выдѣлѣ въ натурѣ причитающейся ему половины усадьбы, находящейся во владѣніи жителя той же деревни, Фридриха Гацке, и о взысканіи съ послѣдняго въ его пользу 265 руб. сер., сверхъ присужденныхъ ему прежними гминными судами. Гминный судъ 2 округа Сохачевскаго уѣзда въ искѣ отказалъ по недоказанности. По обжалованіи этого рѣшенія истцомъ, Съѣздъ Мировыхъ Судей 1 округа Варшавской губ. оставилъ апелляціонную жалобу безъ послѣдствій, находя, что представленные истцомъ документы, на коихъ основанъ искъ, не могутъ быть приняты въ соображеніе, такъ какъ они писаны на польскомъ языкѣ и представлены въ Съѣздъ безъ перевода ихъ на русскій языкъ. На это рѣшеніе Иваномъ Гацке принесена кассаціонная жалоба, въ которой онъ объясняетъ, что Мировой Съѣздъ, принявъ документы, писанныя на польскомъ языкѣ, не назначилъ ему срока для представленія перевода, но, пріобщивъ къ дѣлу, оставилъ ихъ вовсе безъ разсмотрѣнія, чѣмъ нарушилъ существенныя формы судопроизводства. Въ объясненіи на кассаціонную жалобу Фридрихъ Гацке ходатайствуетъ объ оставленіи ея безъ послѣдствій, такъ какъ, не представивъ перевода къ документамъ, писаннымъ по польски, и не заявивъ въ Мировомъ Съѣздѣ просьбы объ отсрочкѣ засѣданія для представленія перевода, Иванъ Гацке самъ виноватъ въ несоблюденіи установленныхъ правилъ и затѣмъ не можетъ домогаться отмѣны рѣшенія, постановленнаго не въ его пользу.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ, что ни изъ рѣшенія Мирового Съѣзда, ни изъ подлиннаго его производства не видно, въ какое именно учрежденіе были представлены истцомъ Иваномъ Гацке документы, писанные по-польски: въ гминный ли судъ, разбиравшій дѣло въ первой инстанціи, или въ Мировой

Съѣздъ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ документы эти не могли быть оставлены безусловно безъ разсмотрѣнія, такъ какъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ при представленіи въ гминный судъ документовъ, писанныхъ на языкѣ, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе, не требуется приложенія перевода въ силу Высочайше утвержденнаго Полож. комитета по дѣламъ Царства-Польскаго по вопросу объ обязательномъ употребленіи русскаго языка въ гминныхъ судахъ, распубликованнаго указомъ Правительствующаго Сената 2 іюля 1876 года (Собр. узак. 1876 года № 58). Что же касается до представленія документовъ непосредственно въ мировые съѣзды безъ приложенія къ нимъ перевода или копіи, то они могутъ быть оставлены безъ разсмотрѣнія только въ томъ случаѣ, ежели такое представленіе документовъ сдѣлано въ самомъ засѣданіи суда, при словесныхъ объясненіяхъ (рѣш. Гр. Кас. Деп. Правительствующаго Сената 1878 г. № 292); если же документы представлены ранѣе, при особомъ прошеніи, то, согласно п. 5 ст. 269 Уст. Гр. Суд., такое прошеніе оставляется безъ движенія, и просителю назначается срокъ, установленный ст. 270 того же Уст., для доставленія недостающихъ приложеній. Засимъ, принимая во вниманіе, что въ рѣшеніи Мирового Съѣзда по настоящему дѣлу не разъяснено, какое именно изъ приведенныхъ постановленій закона нарушено истцомъ при представленіи документовъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Мирового Съѣзда 1 округа Варшавской губ. отмѣнить, за силою ст. 142 п. 4 Уст. Гр. Суд., и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ Мировой Съѣздъ 2 округа Варшавской губ.

155.—1882 г. декабря 15 дня. *По прошенію пов. дворянина Александра-Павла Вихерта, прис. пов. Домбровскаго, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Д. Г. фонъ-Дервизъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора Н. И. Барковскій).

Дворянинъ Александръ-Павелъ Вихертъ, предъявляя къ Іосифу Вихерту, утвержденному въ правахъ наслѣдства послѣ доктора Михаила Вихерта, въ качествѣ его законнаго сына, искъ объ этомъ наслѣдствѣ, основывалъ такой свой искъ на томъ, что отвѣтчикъ не есть законный сынъ наслѣдодателя, а записанъ таковымъ самимъ умершимъ Михаиломъ Вихертомъ подложно въ Пуньскомъ костелѣ, Виленской губерніи, въ 1863 году, и есть незаконорожденный сынъ мѣщанки Мурашкиной, родившійся въ 1859 г., т.-е. за три года до брака ея съ Михаиломъ Вихертомъ, и записанный въ церкви Трехъ-Святителей въ Москвѣ. Московская Судебная Палата, разрѣшая это дѣло, признала, между прочимъ, что присвоеніе себѣ непринадлежащаго имени и состоянія и пользованіе оными на основаніи подложнаго документа составляетъ уголовное преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1412 Улож. о нак., на которое, согласно 162 ст. того же Уложен., никакой давности не распространяется и которое должно быть преслѣдуемо уголовнымъ порядкомъ, и что для предъявленія спора противъ законности рожденія установлены особыя правила и сроки въ ст. 1346—1356 Уст. Гр. Суд.; а какъ истецъ съ одной стороны считаетъ излишнимъ привлекать Іосифа Вихерта къ уголовной отвѣтственности и не настаиваетъ на примѣненіи къ дѣлу 8 ст. Уст. Гр. Суд., а съ другой—не только не ставитъ отдѣльнаго искового требованія о признаніи Іосифа Вихерта незаконорожденнымъ, но прямо утверждаетъ, что настоящій его искъ не есть споръ противъ законности рожденія, то безъ наличности рѣшенія надлежащаго уголовнаго суда, признающаго метрическое свидѣтельство Пуньскаго костела подложнымъ, а Іосифа Вихерта—неправильно именующимся сыномъ Михаила Вихерта, или особаго рѣшенія гражданскаго суда о признаніи его рожденнымъ внѣ брака Михаила Вихерта съ Мурашкиною, Палата, въ виду 30 ст. Устава Угол. Судопр. и ст. 122, 136, 1121, 1122, 1127 и 1134 Т. X ч. I Зак. Гражд., не въ правѣ уничтожить наслѣдственныя права Іосифа Вихерта. Изъ вышеизложеннаго Правитель-

ствующій Сенатъ усматриваетъ, что Палата отказалась отъ разсмотрѣнія по существу вопроса о дѣйствительности или недѣйствительности метрическаго свидѣтельства Пуньскаго костела, необходимаго для разрѣшенія иска Александра-Павла Вихерта о наслѣдственныхъ его правахъ, за неимѣніемъ въ виду, съ одной стороны, постановленія уголовнаго суда о признаніи этого свидѣтельства подложнымъ, а Іосифа Вихерта неправильно именующимся сыномъ Михаила Вихтера, а съ другой—особаго рѣшенія гражданскаго суда, постановленнаго въ порядкѣ, указанномъ ст. 1346—1356 Уст. Гр. Суд., о признаніи Іосифа Вихерта рожденнымъ внѣ брака. Но если бы и дѣйствительно разрѣшеніе настоящаго иска зависѣло отъ разсмотрѣнія какого либо обстоятельства въ уголовномъ порядкѣ, то это не давало Палатѣ права уклониться вовсе отъ разсмотрѣнія гражданскаго иска, а обязывало ее лишь поступить по порядку, предписанному въ ст. 8 Уст. Гр. Суд., т. е. пріостановить производство гражданскаго дѣла до окончанія уголовнаго дѣла. Между тѣмъ, въ настоящемъ дѣлѣ не представлялось и такого случая, ибо, какъ сама Палата установила, ни со стороны истца и ни отъ кого не возникало никакого обвиненія противъ Іосифа Вихерта въ какомъ-либо уголовномъ преступленіи; а какъ самъ обвиняемый истцомъ въ подложной его записи своимъ законнымъ сыномъ, Михаилъ Вихертъ, умеръ до начатія противъ него уголовнаго преслѣдованія, то гражданскій искъ, проистекающій изъ такой записи, могъ быть, согласно ст. 16 и 18 Уст. Угол. Суд., начатъ не иначе, какъ въ гражданскомъ судѣ. Что же касается требуемаго Палатою особаго рѣшенія гражданскаго суда, постановленнаго по правиламъ, въ ст. 1346—1356 Уст. Гр. Суд. предписаннымъ, то требованіе это оказывается лишеннымъ также всякаго основанія. Правила, въ ст. 1346—1356 Уст. Гр. Суд. изложенныя, по точному и буквальному своему содержанію относятся лишь къ дѣламъ о законности или незаконности дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ. Въ этомъ убѣждаетъ и то, что правила эти, какъ выражено въ объяснительной запискѣ комиссіи къ проекту Устава Гражданскаго Судопроизводства, основаны на ст. 119—131 Т. X ч. I Зак. Гражд., говорящихъ о дѣтяхъ законныхъ, и нисколько не касаются до дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, о которыхъ говорится въ ст. 132 и слѣдующ. того же Тома. Между тѣмъ, настоящій искъ Александра Павла Вихерта основанъ именно на доказательствѣ рожденія отвѣтчика внѣ брака; слѣдовательно, упомянутый выше порядокъ и сроки, установленные въ ст. 1346—1356 Уст. Гр. Суд., къ этому иску не могутъ имѣть примѣненія. Посему, признавая, что Палата безъ законнаго основанія уклонилась, въ нарушеніе ст. 339 Уст. Гр. Суд., отъ разсмотрѣнія доводовъ истца, Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: рѣшеніе Московской Судебной Палаты отмѣнить, по нарушенію ст. 339 и 1346—1356 Уст. Гр. Суд., и передать дѣло на разсмотрѣніе другого департамента той-же Палаты.

156.—1882 года декабря 22 дня. *По прошенію повѣреннаго С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, присяжнаго повѣреннаго Герарда, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ М. Н Сазоновъ; заключеніе давалъ Оберъ-Прокуроръ А. В. Ивановъ).

19 го марта 1881 года повѣренный вдовы коллежскаго совѣтника Анны Бунаковой, присяжный повѣренный Штукенбергъ, предъявилъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ С.-Петербургско-Тульскому поземельному банку о взысканіи недополученныхъ ею 3402 руб., слѣдующихъ въ дивидендъ по 14 учредительскимъ свидѣтельствамъ. Въ исковомъ прошеніи Штукенбергъ объяснилъ, что, согласно § 95 устава С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка и помѣщенной въ отчетѣ сего банка за 1880 годъ таблицы о распредѣленіи чистой прибыли за этотъ годъ, въ пользу учредителей должно поступить всего 49165 рублей 24 коп., что составило бы по 409 рублей 71 коп. на каждое изъ учредительскихъ свидѣтельствъ С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка; между тѣмъ, вслѣдствіе до-

клада правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка очередному общему собранію акціонеровъ сего банка 26 февраля 1881 года, постановлено было выдать учредителямъ лишь по 166 рублей 71 коп. на каждое ихъ свидѣтельство. Изъ представленной при исковомъ прошеніи выписки: а) изъ отчета банка за 1880 годъ и б) изъ протокола общаго собранія акціонеровъ 26 февраля 1881 года видно, что въ пользу учредителей изъ чистой прибыли отчислено 49165 рублей 24 коп. и что утвержденъ докладъ правленія относительно выдачи акціонерамъ причитающейся имъ, на основаніи § 95 устава, прибыли, съ тѣмъ, чтобы остающійся дивидендъ по учредительскимъ свидѣтельствамъ откладывался въ особый резервъ. Противъ сего иска въ засѣданіи Окружнаго Суда повѣренный С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка, присяжный повѣренный Герардъ, объяснилъ, что учредители банка имѣютъ право на полученіе дивиденда, по 95 § устава, лишь на первоначальную сумму складочнаго капитала банка, по первому выпуску акцій, въ полученномъ уже истицею размѣрѣ, по 166 рублей 71 коп. за каждое учредительское свидѣтельство. Это положеніе подтверждается тѣмъ, что правило, изложенное въ § 95 устава, какъ часть устава Тульскаго поземельнаго банка, установлено вмѣстѣ съ утвержденіемъ устава этого банка 8 апрѣля 1872 года и дальнѣйшими по этому предмету правилами вовсе не расширено. Напротивъ того, 8 § Высочайшаго повелѣнія 31 мая 1872 г., предоставившій власти министра финансовъ утвержденіе и измѣненіе уставовъ банка, ограничиваетъ эту власть въ отношеніи представленія учредителямъ новыхъ правъ и преимуществъ. Расширеніе же территоріи и круга дѣятельности Тульскаго поземельнаго банка, при присоединеніи къ нему, по распоряженію министра финансовъ 27 іюня 1873 г., нѣсколькихъ губерній и при пресбразованіи его этимъ распоряженіемъ въ С.-Петербургско-Тульскій поземельный банкъ, еще недостаточно для того, чтобы учредители Тульскаго банка получили право, согласно § 95. на дивидендъ съ складочнаго капитала С.-Петербургско Тульскаго, а не Тульскаго поземельнаго банка. Окружный Судъ нашелъ, что, на основаніи § 95 Высочайше утвержденнаго 8 апрѣля 1872 года устава Тульскаго поземельнаго банка, въ пользу учредителей банка исчисляется и выдается 15% изъ излишка чистой годовой прибыли предпріятія, образующагося, за исчисленіемъ изъ этой прибыли 5% въ запасный капиталъ, и 8% съ складочнаго капитала въ дивидендъ по акціямъ. Означенный параграфъ устава, какъ неизмѣненный ни Высочайшимъ повелѣніемъ 31 мая 1872 года (пун. 8), ни распоряженіемъ министра финансовъ 27 іюня 1873 года, расширившимъ лишь объемъ операцій предпріятія, долженъ имѣть примѣненіе къ расширенному въ 1873 г. предпріятію подъ наименованіемъ „С. Петербургско Тульскій поземельный банкъ“, и, слѣдовательно, право учредителей на дивидендъ должно быть разсчитываемо со всего складочнаго капитала предпріятія, по чистой его прибыли, а не съ первоначальнаго его капитала. Примѣняя означенный выводъ къ настоящему дѣлу, Окружный Судъ опредѣлилъ: присудить Аннѣ Бунаковой съ С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка 3402 рубля съ процентами съ 19 марта 1881 года. Въ принесенной на это рѣшеніе апелляціонной жалобѣ повѣренный отвѣтчика, присяжный повѣренный Герардъ объясняетъ, что учредительскія свидѣтельства были выданы учредителямъ Тульскаго банка, учрежденнаго 8 апрѣля 1872 года; что 27 іюня 1873 года министръ финансовъ, по ходатайству акціонеровъ, а не учредителей, которые съ образованіемъ общества уже не дѣйствуютъ, измѣнилъ уставъ банка, причемъ увеличенъ и складочный капиталъ банка; что измѣненіе это состоялось на основаніи Высочайше утвержденнаго 31 мая 1872 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, по 8 п. коего отчисленіе особыхъ премій изъ прибылей банка на учредительскіе паи и акціи не допускается; что, такимъ образомъ, измѣненіе, сдѣланное въ 1873 году въ уставѣ банка, не могло служить источникомъ увеличенія преміи изъ прибылей банка на учредительскія свидѣтельства, и общее собраніе акціонеровъ поступило совершенно согласно съ первоначальнымъ уставомъ банка и Высочайше утвержденнымъ 31 мая 1872 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, сдѣлавъ расчетъ преміи по первому одному милліону складочнаго капитала, а

не на весь, увеличенный по измѣненіи устава, складочный капиталъ. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, С.-Петербургская Судебная Палата нашла, что на разрѣшеніе его вовсе не должно имѣть вліянія то обстоятельство, что уставъ Тульскаго банка былъ измѣненъ не при содѣйствіи учредителей, съ переименованіемъ самаго учрежденія въ С.-Петероургско-Тульскій поземельный банкъ и съ увеличеніемъ складочнаго капитала, а руководствомъ для сего разрѣшенія долженъ служить лишь точный смыслъ устава банка, независимо отъ цѣлесообразности и основательности содержащихся въ немъ правилъ, которыя должны считаться обязательными впредь до отмѣны или измѣненія устава. Въ примѣч. 1 къ § 1 устава опредѣлено, что почитаться учредителями С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, чего не отрицаетъ и отвѣтчикъ, должны тѣ же лица, которыя были учредителями банка въ первоначальномъ его видѣ подъ названіемъ Тульскаго поземельнаго банка. Право учредителей на дивидендъ, что также признаетъ отвѣтчикъ, удостовѣряется учредительскими свидѣтельствами, которыя были выданы еще до переименованія банка учредителямъ „Тульскаго поземельнаго банка“. Свидѣтельства эти могутъ быть передаваемы; слѣдовательно, кому принадлежитъ свидѣтельство, тотъ, въ качествѣ учредителя „С. Петербургско Тульскаго банка“, имѣетъ и право на дивидендъ по выписанному въ свидѣтельствѣ § 95-му устава. Затѣмъ остается лишь опредѣлить, слѣдуетъ ли въ пользу учредителей С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка отчислять 15 проц. изъ всего излишка прибыли, или только соразмѣрно складочному капиталу банка, существовавшему до переименованія его. Въ § 95, на которомъ основано отчисленіе этихъ 15 проц., въ основаніе для расчета распредѣленія прибыли и ея излишка принято процентное отношеніе прибыли къ складочному капиталу. Уставъ, не дѣлая различія между учредителями „С.-Петербургско Тульскаго банка“ и учредителями „Тульскаго банка“, не дѣлаетъ никакого указанія на то, чтобы слѣдовало, для чего бы ни было, имѣть въ виду, что первый складочный капиталъ Тульскаго банка равнялся одному милліону руб. О складочномъ капиталѣ въ одинъ милліонъ вовсе не упоминается въ уставѣ, а говорится по 2 §, что складочный капиталъ, который, какъ надо полагать, и имѣется въ виду въ § 95, опредѣляется первоначально въ два милліона руб. и можетъ впослѣдствіи быть увеличиваемъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ уставѣ нѣтъ никакихъ правилъ, которыя для опредѣленія части прибыли въ пользу учредителей предписывали бы дѣлать расчетъ не сообразно складочному капиталу банка въ томъ смыслѣ, какъ этотъ капиталъ понимается уставомъ (§ 2), а сообразно какому то другому складочному капиталу. Указаніе отвѣтчика на то, что отчисленіе прибыли въ пользу учредителей не по соразмѣрности съ первоначальнымъ складочнымъ капиталомъ „Тульскаго банка“ было бы нарушеніемъ 8 п. Высочайше утвержд. 31 мая 1872 г. мнѣнія Госуд. Совѣта (Собр. узак. № 51 ст. 451), не имѣетъ значенія, такъ какъ уставъ С.-Петербургско Тульскаго банка Высочайше утвержденъ ранѣе, а именно 8 апрѣля 1872 г., а затѣмъ, начиная съ 12 декабря 1872 г., лишь измѣнялся съ разрѣшенія министра финансовъ, и притомъ, надо полагать, въ установленномъ для того порядкѣ, при участіи, на основаніи § 87 и п. д § 88 правленія и общаго собранія акціонеровъ, которыя, слѣдовательно, имѣли возможность измѣнить правило, изложенное въ § 95, если считали его несправедливымъ или несогласнымъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 31 мая 1872 г., не предписывающимъ исключать изъ уставовъ уже существовавшихъ въ то время банковъ правила, несогласныя съ его 8 мъ параграфомъ. На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній С.-Петербургская Судебная Палата утвердила рѣшеніе Окружнаго Суда. Въ принесенной кассаціонной жалобѣ присяжный повѣренный Герардъ проситъ объ отмѣнѣ этого рѣшенія по нарушенію, во первыхъ, устава С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка изложеніемъ текста § 2 сего устава согласно частному изданію онаго вмѣсто офиціальнаго текста, распубликованнаго въ Собраніи узаконеній и расп. правит. 1872 г. ст. 323, и, во-вторыхъ, Высочайше утвержд. 3 мая 1872 г. мнѣнія Государ. Сов. (Собр. узак. и расп. правит. 1872 г. № 51 ст. 451) признаніемъ, что означечное Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд.

Совѣта не можетъ имѣть значенія для устава С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, между тѣмъ, какъ означенное законоположеніе должно имѣть примѣненіе не только ко вновь утверждаемымъ уставамъ банка, но и къ измѣненіямъ въ уставахъ существующихъ.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣренныхъ сторонъ, присяжныхъ повѣренныхъ Герарда и Штукенберга и заключеніе Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ относительно перваго приводимаго кассаціоннаго повода, что указаніе на неправильность изложенія Палатою въ своемъ рѣшеніи текста 2 § устава Тульскаго банка и на ошибочность вслѣдствіе сего вывода Палаты о томъ, что въ означенномъ уставѣ вовсе не упоминается о капиталѣ въ 1 милліонъ руб., не голько не подтверждается содержаніемъ обжалованнаго рѣшенія, но вполнѣ опровергается приведенными Палатою соображеніями. Изъ нихъ видно, что для разрѣшенія иска Бунаковой и для опредѣленія, что слѣдуетъ понимать подъ упоминаемымъ въ 95 § устава складочнымъ капиталомъ, Палата обратилась ко 2 §, въ томъ видѣ, въ которомъ оный изложенъ не въ уставѣ Тульскаго банка, а въ уставѣ С.-Петербургско Тульскаго банка; при этомъ Палата не только не отвергла того, что въ сихъ уставахъ, относящихся, впрочемъ, къ одному и тому же обществу, размѣръ складочнаго капитала опредѣленъ не одною и тою же цыфрою и что первоначальный капиталъ равнялся одному милліону, но, напротивъ, выразила это положительно, во первыхъ, въ постановкѣ самаго вопроса, предложеннаго къ ея разрѣшенію и заключающагося въ опредѣленіи, слѣдуетъ ли учредителямъ банка отчислять 15% изъ всего излишка прибыли, или только соразмѣрно складочному капиталу, существовавшему до переименованія банка, и, во-2-хъ, при обсужденіи значенія 95 §, такъ какъ въ этомъ пунктѣ рѣшенія Палаты упоминается, что первый складочный капиталъ Тульскаго банка равнялся одному милліону. Переходя затѣмъ, ко второму кассаціонному поводу, приводимому присяжнымъ повѣреннымъ Герардомъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Палата отвергла ссылку повѣреннаго С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка на 8 § Высоч. утвер. 31 мая 1872 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта на томъ основаніи, что уставъ С.-Петербургско-Тульскаго банка утвержденъ ранѣе изданія сего закона и что 95 § сего устава, и послѣ измѣненій, послѣдовавшихъ въ оном съ разрѣшенія министра финансовъ, остался въ томъ же видѣ. Не оспаривая собственно толкованія означеннаго выше § 95, въ связи со всѣмъ уставомъ 1872 г., присяжный повѣренный Герардъ опровергаетъ заключеніе Палаты тѣмъ, что, по его мнѣнію, если министромъ финансовъ въ дѣйствующемъ уставѣ банка, въ силу предоставленнаго ему права, сдѣланы какія либо измѣненія, то такое распоряженіе министра финансовъ должно имѣть послѣдствіемъ примѣненіе всѣхъ правилъ, установленныхъ въ Высочайше утвержд. 31 мая 1872 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта. Между тѣмъ, въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1879 г. № 300 уже разъяснено, что послѣ распубликованія 1 мъ Деп. Правительствующаго Сената распоряженій министра финансовъ, относящихся къ измѣненіямъ въ дѣйствующихъ уставахъ кредитныхъ установленій, ни судебныя мѣста, ни Правительствующій Сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ не въ правѣ входить въ обсужденіе вопроса о томъ, послѣдовали ли эти измѣненія въ предѣлахъ предоставленной ему, министру финансовъ, власти; согласно съ симъ, на точномъ основаніи 62 и 63 ст. Зак. Осн. и соображеній, изложенныхъ въ вышеприведенномъ рѣшеніи Сената, судебныя мѣста, при разрѣшеніи споровъ, относящихся къ кредитнымъ установленіямъ, уставы коихъ удостоены Высочайш. утвержд. до изданія правилъ 31 мая 1872 г., обязаны руководствоваться, во-первыхъ, текстомъ первоначальныхъ уставовъ во всемъ томъ, что не подверглось измѣненію, и, во вторыхъ, новымъ текстомъ, распубликованнымъ въ установленномъ порядкѣ, согласно съ представленными министромъ финансовъ измѣненіями пунктовъ устава, къ коимъ сіи измѣненія пріурочены. Оставленіе другихъ пунктовъ устава въ первоначальномъ ихъ видѣ доказываетъ, что ни министръ финансовъ, ни 1 Деп. Прав. Сената не признавали, чтобы допущенныя при точномъ соблюденіи правилъ, преподанныхъ министру финансовъ, измѣненія вызывали необходимость

разъясненія или измѣненія другихъ пунктовъ устава, о коихъ ни въ представленіи министра финансовъ Правительствующему Сенату, ни въ распубликованномъ указѣ Сената не упоминается. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: прошеніе повѣреннаго С.-Петербургско-Тульскаго земельнаго банка оставить, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

157.—1882 года декабря 22 дня. *По прошенію повѣреннаго С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, присяжнаго повѣреннаго Герарда, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Силомонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Б. Ѳ. Гойнингенъ-Гюне; заключеніе давалъ Оберъ-Прокуроръ А. В. Ивановъ).

8 апрѣля 1872 г. былъ Высочайше утвержденъ уставъ Тульскаго поземельнаго банка, учрежденнаго для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности въ губерніяхъ Тульской, Калужской и Рязанской. Въ прим. 1 къ § 1 сего устава значится: банкъ этотъ учреждаютъ землевладѣльцы, затѣмъ поименовано 11 лицъ и далѣе постановлено, что эти лица, равно какъ и лица, приглашенныя ими къ участію въ предпріятіи, признаются учредителями Тульскаго поземельнаго банка. Въ § 2 постановлено, что складочный капиталъ опредѣляется первоначально въ 1 мил. руб.; капиталъ сей, образуемый выпускомъ 5000 акцій, въ 200 руб. каждая, можетъ быть увеличиваемъ впослѣдствіи посредствомъ новыхъ выпусковъ акцій по той же нарицательной цѣнѣ. Выпуски эти производятся по постановленію общаго собранія акціонеровъ и съ разрѣшенія министерства финансовъ. Подписка на акціи, какъ перваго, такъ и послѣдующихъ выпусковъ, производится на точномъ основаніи 2163—2166 ст. I ч. X Т., съ тѣмъ, что учредители, согласно ст. 2165, могутъ оставить за собой, для раздѣла поровну, одну пятую часть всѣхъ акцій, съ уплатою нарицательной цѣны. Затѣмъ, въ томъ же § опредѣлены порядокъ и сроки взносовъ платы за акціи. Въ § 95, помѣщенномъ въ главѣ о распредѣленіи прибылей, между прочимъ, постановлено, что изъ излишка чистой годовой прибыли пятнадцать процентовъ отдѣляются въ пользу учредителей или ихъ наслѣдниковъ, или лицъ, пріобрѣвшихъ ихъ права. Отчисленіе означенныхъ пятнадцати процентовъ въ пользу учредителей продолжается лишь въ теченіе тридцати лѣтъ со дня утвержденія устава, и затѣмъ сіи пятнадцать процентовъ поступаютъ въ общій дивидендъ. Впослѣдствіи въ уставѣ этомъ были дѣлаемы, съ разрѣшенія министра финансовъ, измѣненія, изъ коихъ послѣднее сдѣлано 29 мая 1879 года, причемъ банкъ названъ „С.-Петербургско-Тульскимъ поземельнымъ банкомъ“ и въ § 1 постановлено, что онъ учреждается для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности въ С.-Петербургскомъ градоначальствѣ и въ 10 поименованныхъ въ немъ губерніяхъ. Содержаніе 1 примѣч. къ § 1 му и § 2 го осталось прежнее, только съ дополненіемъ въ примѣчаніи тому названія банка словомъ „С.-Петербургско“ и съ перемѣною въ § 2 размѣра складочнаго капитала съ одного милліона рублей на два милліона, а размѣра выпуска, изъ коего онъ обязуется, съ 5000 акцій на 10000. 27 ноября 1880 года министръ финансовъ разрѣшилъ пятый выпускъ акцій С. Петербургско Тульскаго банка, въ числѣ 2500 акцій по 200 рубл. каждая, причемъ въ пун. I сего разрѣшенія изъяснено: „изъ сего пятаго выпуска отдѣляется 1/5 часть акцій, которая можетъ подлежать выдачѣ учредителямъ, согласно § 2 устава; всѣ остальныя затѣмъ акціи, а также акціи, не выданныя правленіемъ учредителямъ, распредѣляются между акціонерами банка пропорціонально числу владѣемыхъ каждымъ изъ нихъ акцій первыхъ четырехъ выпусковъ“. 23 ноября 1880 года правленіе С. Петербургско Тульскаго банка помѣстило въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ объявленіе о томъ, что въ виду заявленій, поступившихъ отъ учредителей Тульскаго поземельнаго банка, о желаніи этихъ учредителей получить 1/5 часть акцій С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка предстоящаго 5 выпуска, правленіе проситъ учредителей Тульскаго поземельнаго банка заявить и доказать свои права на полученіе 1/5 части сихъ акцій до 1 го

декабря 1880 года. Затѣмъ повѣренный вдовы коллежскаго совѣтника Анны Владимировны Бунаковой, присяжный повѣренный Штукенбергъ, предъявилъ 30 января 1881 года въ С. Петербургскомъ Окружномъ Судѣ къ С.-Петербургско-Тульскому поземельному банку искъ объ убыткахъ въ 11890 рубл. съ 0/0 со дня предъявленія иска, объясняя въ исковомъ прошеніи, что 27-го ноября 1880 года министръ финансовъ разрѣшилъ пятый выпускъ акцій С. Петербургско Тульскаго банка съ тѣмъ, что учредительскія относительно оныхъ права были соблюдены, что Бунакова, состоя послѣ смерти мужа своего, Николая Ѳеодоровича Бунакова, бывшаго учредителемъ С. Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, о чемъ и напечатано въ уставѣ сего банка, единственною наслѣдницею и преемницею его учредительскихъ правъ и владѣя 14-тью учредительскими свидѣтельствами С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка за №№ 31, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 60, 64, 65, 66, 67 и 119, заявила 29 ноября 1880 года правленію С. Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка о желаніи ея оставить за собою, на основаніи § 2 устава банка, по нарицательной цѣнѣ столько акцій пятаго выпуска, сколько причлось бы по расчету на долю ея, соразмѣрно участію другихъ учредителей, но не менѣе 58 штукъ; въ доказательство правъ своихъ Бунакова представила того же 29 ноября 1880 года принадлежащія ей 14 учредительскихъ свидѣтельствъ, которыя съ тѣхъ поръ и находятся въ правленіи банка, и копію духовнаго завѣщанія ея мужа, утвержденнаго къ исполненію С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ 6 февраля 1876 года, но правленіе С.-Петербургско-Тульскаго банка журнальнымъ постановленіемъ отъ 1-го декабря 1880 года Бунаковой отказало, чѣмъ и нарушены законныя права Бунаковой и причиненъ ей убытокъ. Такъ какъ нарицательная цѣна акцій 5 го выпуска 200 руб., а первый взносъ, обязательный для подписчиковъ, составляетъ лишь сто рублей, между тѣмъ, акціи эти, какъ видно изъ представляемаго биржевого бюллетеня 27 января 1881 года, оплаченныя лишь ста рублями каждая, цѣнятся на С. Петербургской биржѣ въ 305 руб. штука, что составитъ разницу между нарицательною и биржевою цѣною акціи въ 205 р. на каждую, а по соразмѣрности общаго числа учредительскихъ свидѣтельствъ (120) съ числомъ, Бунаковой принадлежащихъ, на 58 акцій, разница эта достигаетъ 11890 руб., каковою суммою и опредѣляется наименьшій убытокъ, причиненный Бунаковой,—присяжный повѣренный Штукенбергъ просилъ взыскать въ пользу Анны Владимировны Бунаковой съ правленія С. Петербургско Тульскаго поземельнаго банка 11890 рублей съ 0/0 со дня предъявленія иска и судебныя издержки возложить на отвѣтчика. При этомъ исковомъ прошеніи въ числѣ прочихъ документовъ, подтверждающихъ изложенныя въ немъ обстоятельства, представлена копія съ опредѣленія С. Петербургскаго Окружнаго Суда (по 7 отд.) отъ 6 февраля 1876 г. объ утвержденіи къ исполненію нотаріальнаго духовнаго завѣщанія коллежскаго совѣтника Николая Ѳеодоровича Бунакова, коимъ онъ все свое имущество, въ чемъ бы таковое ни заключалось, и въ томъ числѣ всѣ принадлежащія ему права по участію во всѣхъ предпріятіяхъ, начатыхъ какъ имъ, Бунаковымъ, лично такъ и другими лицами, въ которыхъ онъ состоитъ участникомъ, пайщикомъ, товарищемъ или учредителемъ, отказалъ въ полную собственность супругѣ своей Аннѣ Владимировнѣ Бунаковой. Въ судебныхъ засѣданіяхъ 17 марта и 9 октября 1881 г. повѣренный С. Петербургско Тульскаго поземельнаго банка, присяжный повѣренный Герардъ, представивъ таблицу долгосрочныхъ ссудъ, выданныхъ съ открытія дѣйствій банка по 1 января 1881 г., объяснилъ, что учредительскія права не могутъ переходить по наслѣдству, что учредительскія свидѣтельства не даютъ Бунаковой правъ на $^1/_5$ часть акцій 5 го выпуска, такъ какъ учредители, на основаніи 2 § устава, имѣли право лишь на $^1/_5$ часть акцій перваго выпуска и по 95 § имѣютъ право на участіе въ прибыляхъ банка и что вообще учредители Тульскаго банка не могутъ претендовать на акціи С.-Петербургско Тульскаго банка, ибо послѣднее предпріятіе гораздо шире перваго и въ созданіи его учредители Тульскаго банка не принимали участія; что право учредителей Тульскаго банка на полученіе акцій по номинальной ихъ цѣнѣ есть личное, пожизненное ихъ право, непередаваемое по наслѣдству; что по буквальному

смыслу 2 § устава оно касается лишь до перваго выпуска акцій Тульскаго банка, до преобразованія сего послѣдняго въ С.-Петербургско-Тульскій банкъ; что неправильно и несправедливо право это распространять на 5-й выпускъ акцій С.-Петербургско Тульскаго банка, въ учрежденіи котораго они не участвовали, и что разрѣшеніе министромъ финансовъ въ благопріятномъ для учредителей смыслѣ вопроса о правѣ ихъ на полученіе 5-го выпуска акцій не стѣсняетъ судъ въ разрѣшеніи этого вопроса по смыслу 2 § устава, тѣмъ болѣе, что министромъ же финансовъ по подобному вопросу относительно новаго выпуска акцій Полтавскаго поземельнаго банка, какъ видно изъ представленнаго № „Голоса“, дано совершенно противоположное толкованіе. А посему присяжный повѣренный Герардъ просилъ въ искѣ Бунаковой отказать, возложивъ на нее судебныя и за веденіе дѣла издержки. Окружный Судъ, разсмотрѣвъ дѣло 9 октября 1881 года, присудилъ Аннѣ Бунаковой съ С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка 11890 руб. съ процентами съ 30 января 1881 г. и судебными издержками. Въ принесенной на это рѣшеніе апелляціонной жалобѣ повѣренный банка, присяжный повѣренный Герардъ, объяснилъ: 1) что распредѣленіе акцій должно дѣлаться не по числу учредительскихъ свидѣтельствъ, а по числу лицъ, бывшихъ учредителями, и это явствуетъ изъ надписи, сдѣланной на свидѣтельствахъ, гдѣ упомянуто лишь о правѣ на дивиденд; 2) что право на участіе въ подпискѣ на акціи принадлежитъ учредителю пожизненно и по наслѣдству переходить не можетъ; 3) что это право есть привилегія и потому должно быть толкуемо въ ограничительномъ смыслѣ, и учредителямъ первоначальнаго Тульскаго банка не должны быть предоставлены выгоды отъ расширенія дѣятельности банка; 4) что измѣненіе устава банка послѣдовало вслѣдствіе расширенія его дѣятельности въ 1873 году, на основаніи Высочайше утвержденнаго 31 мая 1872 г. мнѣнія Госуд. Совѣта (Собр. узак. 1872 года № 51 ст. 451), предоставившаго министру финансовъ утверждать новые уставы, но съ тѣмъ, чтобы впредь не допускать премій въ пользу учредителей; 5) что § 2 содержитъ въ себѣ правила временныя и постоянныя и право на подписку основано на временныхъ, ибо „оставить“ значитъ оставить одинъ разъ, и только акціи перваго выпуска учредители могли оставить за собой, потому что только этотъ выпускъ былъ въ ихъ распоряженіи. Поэтому Герардъ просилъ въ искѣ Бунаковой отказать. Въ поданномъ Палатѣ письменномъ объясненіи и въ судебномъ засѣданіи присяжный повѣренный Штукенбергъ поддерживалъ свои исковыя требованія. Повѣренный отвѣтчика въ засѣданіе Палаты не явился. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, С.-Петербургская Судебная Палата нашла, что повѣренный С.-Петербургско-Тульскаго банка не возражаетъ противъ того: 1) что истица Бунакова есть наслѣдница бывшаго учредителя банка, Николая Бунакова; 2) что ей, какъ наслѣдницѣ сего послѣдняго, принадлежатъ 14 учредительскихъ свидѣтельствъ; 3) что по числу принадлежащихъ истицѣ свидѣтельствъ ей слѣдовало бы изъ 5 выпуска акцій 58 штукъ и 4) что разница между подлежавшей уплатѣ за эти акціи суммой и цѣной ихъ на биржѣ составляетъ требуемую истицею сумму 11890 руб.; а засимъ, по содержанію представленныхъ отвѣтчикомъ объясненій обсужденію Палаты подлежатъ слѣдующіе вопросы: 1) можетъ ли право учредителя по подпискѣ на акціи переходить къ наслѣдникамъ; 2) могутъ ли учредители первоначальнаго Тульскаго банка пользоваться правами учредителей С.-Петербургско Тульскаго банка; 3) можетъ ли учредительское свидѣтельство быть признано за единицу при опредѣленіи размѣра всѣхъ учредительскихъ правъ; 4) имѣютъ ли учредители банка право на $^1/_5$ часть 5 выпуска акцій. Возраженіе, представленное отвѣтчикомъ по первому вопросу, представляется неосновательнымъ, такъ какъ находитъ себѣ опроверженіе въ § 95 устава, упоминающемъ о наслѣдникахъ и лицахъ, пріобрѣвшихъ права учредителей. По отношенію къ остальнымъ вопросамъ Судебная Палата остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ: уставъ С.-Петербургско Тульскаго банка говоритъ объ учредителяхъ этого банка и о ихъ правахъ; если же согласиться съ отвѣтчикомъ и признать, что лица, поименованныя въ примѣчан. 1 къ § 1 устава, въ томъ числѣ и Николай Бунаковъ, какъ учредители

не С.-Петербургско Тульскаго банка, а первоначально учрежденнаго Тульскаго банка, не могутъ пользоваться правами, опредѣленными уставомъ для учредителей банка, то оказалось бы, что лицъ, которымъ могли бы принадлежать учредительскія права, вовсе нѣтъ, потому что изъ устава видно, что только учредители Тульскаго банка и преемники ихъ правъ могутъ почитаться учредителями С.-Петербургско Тульскаго банка и преемниками ихъ правъ. Отвѣтчикъ не отрицаетъ, что уставъ называетъ и признаетъ учредителями С. Петербургско-Тульскаго банка тѣхъ же лицъ, которыя были учредителями Тульскаго банка. Обсужденіе правильности допущенія факта, признаваемаго уставомъ, не имѣетъ значенія до тѣхъ поръ, пока не измѣненъ самый уставъ, о чемъ банкъ имѣлъ полную возможность ходатайствовать (§ 88 и друг.). Установивъ, что учредители Тульскаго банка должны пользоваться правами учредителей С.-Петербургско-Тульскаго банка, слѣдуетъ обсудить, принадлежатъ ли истицѣ Бунаковой всѣ учредительскія права. Въ этомъ отношеніи отвѣтчикъ дѣлаетъ различіе между первоначальными учредителями и лицами, пріобрѣвшими права сихъ послѣднихъ, и утверждаетъ, что требованіе истицы основано на учредительскихъ свидѣтельствахъ, въ которыхъ упоминается только о правѣ на часть прибыли по § 95, а о правѣ на акціи не говорится. Но уставъ говоритъ не о переходѣ учредительскихъ свидѣтельствъ, а имѣетъ въ виду переходъ правъ учредителей, и притомъ всѣхъ правъ (§ 95), къ Бунаковой же, какъ наслѣдницѣ мужа, перешли всѣ права, ему по уставу принадлежавшія. Затѣмъ, если, какъ признаетъ отвѣтчикъ, при раздѣлѣ дивиденда, слѣдующаго по § 95, принимается за единицу учредительское свидѣтельство, то нѣтъ никакого основанія признавать, что при опредѣленіи прочихъ правъ учредителей нельзя принимать за единицу то же учредительское свидѣтельство. Упоминаніе въ надписи на свидѣльствѣ только о дивидендѣ не лишаетъ учредителей и ихъ преемниковъ принадлежащихъ имъ въ извѣстной долѣ прочихъ правъ, указанныхъ въ уставѣ. Обращаясь къ опредѣленію смысла § 2 устава, Судебная Палата нашла, что по этому параграфу учредители могутъ оставить за собой $^1/_5$ часть всѣхъ акцій. Нельзя не признать, что не дать учредителямъ $^1/_5$ части изъ акцій пятаго выпуска значитъ поступить вопреки буквальному смыслу вышеприведенныхъ словъ § 2. Отвѣтчикъ указываетъ на то, что сказано, что учредители имѣютъ право „оставить“ за собою $^1/_5$ часть акцій, т.-е. оставить одинъ разъ; но если исключить какой-либо выпускъ акцій, то учредители не получатъ $^1/_5$ части „всѣхъ акцій“, и этимъ будутъ нарушены ихъ права. Право на $^1/_5$ часть акцій всѣхъ выпусковъ вполнѣ согласно и съ общими законами, опредѣляющими права учредителей (§ 104 устава). По 2165 ст. Тома X ч. I учредители имѣютъ право отдѣлять въ свою пользу пятую часть общаго предназначеннаго къ выпуску числа акцій, а по уставу банка было предназначено неограниченное число акцій, выпускаемыхъ по частямъ. То обстоятельство, что учредители, имѣя въ своемъ распоряженіи только акціи перваго выпуска, изъ послѣдующихъ выпусковъ не могутъ сами оставить за собой $^1/_5$ части, не лишаетъ ихъ ни права на эту часть, ни возможности его осуществленія. Что касается ссылки отвѣтчика на Высочайше утвержденное 31 мая 1872 года мнѣніе Государствен. Совѣта по вопросу объ учрежденіи частныхъ кредитныхъ установленій (Собр. Узак. 1872 года № 51 ст. 451), то это мнѣніе, какъ послѣдовавшее позднѣе утвержденія первоначальнаго устава Тульскаго банка, не могло имѣть вліянія на правила, изложенныя въ этомъ уставѣ. Напротивъ, въ немъ на уставъ Тульскаго банка указано какъ на образецъ, которымъ министръ финансовъ долженъ руководствоваться при утвержденіи уставовъ подобныхъ банковъ (§ 3). Притомъ § 8, въ которомъ содержится запрещеніе, упоминаемое апелляторомъ, говоритъ о преміяхъ изъ прибылей, слѣдовательно, не касается права на $^1/_5$ часть акцій, отчисляемую по § 2 устава Тульскаго банка и согласно 2165 ст. Тома X ч. I. На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній С. Петербургская Судебная Палата признала искъ Бунаковой подлежащимъ удовлетворенію и потому, руководствуясь 366 и 868 ст. Уст. Гражд. Судопр., утвердила рѣшеніе С. Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 9 октября 1881 г. На это рѣшеніе повѣренный С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка,

присяжный повѣренный Герардъ, принесъ кассаціонную жалобу, въ которой проситъ отмѣнить оное по нарушенію 339 и 711 ст. Уст. Гр. Суд., ст. 2158, 2165, 2166 и 2191 Т. X ч. I Зак. Гражд. и §§ 1, 2, 7 и 95 устава С. Петербургско Тульскаго поземельнаго банка. Въ представленномъ на эту жалобу объясненіи повѣренный Бунаковой, присяжный повѣренный Штукенбергъ, опровергаетъ приведенные въ ней доводы, ходатайствуя объ оставленіи ея безъ послѣдствій и о возложеніи на отвѣтчика и кассатора издержекъ кассаціоннаго производства.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣренныхъ тяжущихся сторонъ, присяжныхъ повѣренныхъ Герарда и Штукенберга, и заключеніе Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) присяжный повѣренный Герардъ въ кассаціонной жалобѣ своей указываетъ на нарушеніе Палатою §§ 2 и 95 устава С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка, установленіемъ основаннаго на § 95 неправильнаго положенія о возможности перехода этого права по наслѣдству, тогда какъ права учредителей по подпискѣ на акціи опредѣляются не 95, а 2 § устава, въ которомъ ничего не говорится о возможности перехода права на акціи отъ учредителя къ его наслѣднику или какому-либо постороннему лицу. Но если въ § 2-мъ ничего не сказано о возможности перехода права учредителей на $^1/_5$ часть акцій къ наслѣднику или другому лицу, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы возможность перехода всякихъ правъ учредителей вообще, не исключая вышеупомянутаго, не могла быть признана въ какомъ нибудь другомъ постановленіи устава; объяснять употребленіе въ § 95 слова „право“ во множественномъ числѣ тѣмъ, что и объ учредителяхъ говорится во множественномъ числѣ, какъ это дѣлаетъ проситель, не представляется основанія, такъ какъ одно и то же право, принадлежащее нѣсколькимъ лицамъ, не превращается еще вслѣдствіе этого въ нѣсколько правъ; что же касается указанія просителя на то, что право учредителей на $^1/_5$ часть акцій есть именно право лицъ, создавшихъ извѣстное предпріятіе, вліять въ извѣстной мѣрѣ на его ходъ, а поэтому представляется прежде всего такимъ правомъ, обладаніе которымъ неизбѣжно связуется съ представленіемъ о личности учредителя, то оно не находитъ себѣ подтвержденія ни въ законахъ 1 ч. X Тома, ни въ уставѣ банка, не дающихъ ни малѣйшаго указанія, изъ коего можно было-бы притти къ выводу, чтобы право это предоставлялось учредителямъ въ видахъ сохраненія за ними личнаго вліянія на ходъ предпріятія, а не въ видахъ одного вознагражденія за первоначальную мысль и за трудъ по ея осуществленію (рѣш. Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1882 г. 22 декабря по дѣлу С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка съ Цеэ, Фере и др.); 2) нарушеніе 339 и 711 ст. Уст. Гражд. Судопроизв. проситель усматриваетъ въ томъ, что Палата уклонилась отъ разсмотрѣнія вопроса о томъ, представлялось ли при удовлетвореніи ходатайства акціонеровъ Тульскаго банка объ измѣненіи названіи и расширеніи операцій этого банка законное основаніе къ тому, чтобы учредителямъ первоначальнаго Тульскаго банка были присвоены права учредителей С.-Петербургско Тульскаго банка и что она оставила безъ всякаго обсужденія доводы, представленные сторонами по этому предмету, а именно указаніе просителя въ словесныхъ объясненіяхъ на то, что поименованіе въ уставѣ С. Петербургско-Тульскаго банка учредителями этого банка тѣхъ же лицъ, которыя учредили Тульскій банкъ, есть результатъ редакціоннаго недосмотра или ошибки, такъ какъ при измѣненіи названія банка вездѣ, гдѣ въ уставѣ стояли слова „Тульскій банкъ“, они были замѣнены словами „С. Петербургско-Тульскій банкъ“. Объясненіе это не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ повѣрять въ существѣ правильность и законность основаній, принятыхъ въ уставахъ для установленія чьихъ-либо правъ, никакой судъ не въ правѣ; сдѣлать это съ цѣлью установленія редакціоннаго недосмотра или ошибки Палата, при отсутствіи въ уставѣ С.-Петербургско-Тульскаго банка какого-либо противорѣчія или несообразности, сама не имѣла повода; затѣмъ изъ настоящаго дѣла не видно, чтобы со стороны банка было указываемо на редакціонный недосмотръ или ошибку, и, слѣдовательно, Палата входить въ обсужденіе этого обстоятельства не имѣла никакой надобности; притомъ въ рѣшеніи Правительствующаго

Сената 1879 г. № 300 уже разъяснено, что послѣ распубликованія 1-мъ Департаментомъ Правительствующаго Сената распоряженій министра финансовъ, относящихся къ измѣненіямъ въ дѣйствующихъ уставахъ кредитныхъ установленій, ни судебныя мѣста, ни Правительствующій Сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ не въ правѣ входить въ обсужденіе вопроса о томъ, послѣдовали ли эти измѣненія въ предѣлахъ предоставленной ему, министру финансовъ, власти; согласно съ симъ, на точномъ основаніи 62 и 63 ст. Зак. Осн. и соображеній, изложенныхъ въ вышеприведенномъ рѣшеніи Сената, судебныя мѣста при разрѣшеніи споровъ, относящихся къ кредитнымъ установленіямъ, уставы коихъ удостоены Высочайшаго утвержденія до изданія правилъ 31 мая 1872 года, обязаны руководствоваться: во-первыхъ, текстомъ первоначальныхъ уставовъ во всемъ томъ, что не подверглось измѣненію, и, во вторыхъ, новымъ текстомъ, распубликованнымъ въ установленномъ порядкѣ, согласно съ представленными министромъ финансовъ измѣненіями пунктовъ устава, къ коимъ сіи измѣненія пріурочены; 3) проситель объясняетъ, что ни въ законахъ Т. X ч. I, ни въ уставѣ банка ни единымъ словомъ не упоминается объ учредительскихъ свидѣтельствахъ и поэтому Палатѣ не представлялось никакого основанія принимать ихъ за единицу при распредѣленіи между учредителями всѣхъ ихъ правъ. Но, за установленіемъ въ законахъ гражданскихъ и въ уставѣ банка самыхъ правъ учредителей, ничто не препятствовало имъ распорядиться этими правами по своему усмотрѣнію, распредѣлить ихъ между собою по взаимному согласію и установить самый способъ удостовѣренія этихъ правъ и долей ихъ участія въ формѣ учредительскихъ свидѣтельствъ; напротивъ того, въ виду отсутствія въ законахъ и уставѣ банка по сему послѣднему предмету какихъ либо постановленій и при очевидной необходимости удостовѣрить права свои предъ банкомъ и между собою они имѣли на это полное право. Если затѣмъ Палата въ учредительскомъ свидѣтельствѣ усмотрѣла единицу при распредѣленіи всѣхъ учредительскихъ правъ, установленныхъ уставомъ банка, а не одного только права на дивидендъ, то выводъ этотъ, какъ относящійся къ оцѣнкѣ доказательной силы и значенія установленнаго по соглашенію учредителей акта, по его внутреннему содержанію, не можетъ подлежать повѣркѣ Правительствующаго Сената въ кассаціонномъ порядкѣ, и 4) проситель не указываетъ тѣхъ именно доводовъ апелляціонной его жалобы, которые, по его мнѣнію, остались неразсмотрѣнными Палатою; указаніе же его на неправильное истолкованіе Палатою §§ 1 и 2 устава банка, ст. 2165 въ связи съ статьями 2191, 2195, 2166 Т. X ч. I и § 7 устава банка, признаніемъ права учредителей на оставленіе за собой одной пятой части акцій не одного только перваго выпуска, но и пятаго выпуска, не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка съ Цеэ, Фере и др., состоявшимся 1882 г. 22 го декабря, разрѣшилъ однородный съ настоящимъ вопросъ о правѣ учредителей на оставленіе за собою одной пятой части акцій пятаго выпуска утвердительно, основываясь на буквальномъ смыслѣ § 2 устава банка. Въ виду же буквальнаго смысла означеннаго § 2, уже то приводимое просителемъ обстоятельство, что по тремъ губерніямъ: Тульской, Калужской и Рязанской выданныя ссуды не достигли еще дозволенной § 52 устава нормы, какъ это видно изъ представленной просителемъ таблицы ссудъ, выданныхъ изъ банка со времени его основанія; что посему предпріятіе, учрежденное учредителями Тульскаго банка, далеко еще не требовало бы не только 5-го, но и 2 го выпуска, и что 2-ой выпускъ потребовался только вслѣдствіе измѣненія устава и названія банка и расширенія его дѣятельности по ходатайству общаго собранія акціонеровъ, а не учредителей, окончившихъ уже свою дѣятельность, не можетъ имѣть никакого значенія; равно не можетъ по той же причинѣ быть принята во вниманіе и ссылка просителя на Высочайше утвержденное 31 го мая 1872 года мнѣнія Государственнаго Совѣта (Собр. узак. 1875 г. № 451), предоставившее министру финансовъ собственною властью утверждать новые уставы и измѣнять дѣйствующіе, тѣмъ болѣе, что въ означенномъ постановленіи нѣтъ рѣчи о правѣ учредителей на извѣстную часть акцій банковъ, а запрещает-

*

ся только установленіе въ будущемъ особыхъ премій изъ прибылей банка на учредительскія паи или акціи. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: прошеніе повѣреннаго С.-Петербургско-Тульскаго банка оставить, за силою 793 ст. Уст. Гражд. Суд., безъ послѣдствій.

158.—1882 г. сентября 22 дня. *По прошенію мѣщанина Ивана Моркален-кова, въ качествѣ третьяго неучаствовавшаго въ дѣлѣ лица, объ отмѣнѣ рѣшенія Харьковской Судебной Палаты (по 2-му гражд. д-ту).*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Б. Ѳ. Гойнингенъ-Гюне; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора В. С. Лозино-Лозинскій).

Въ 1876 году мѣщанинъ Филиппъ Желудковъ занялъ въ Елецкомъ городскомъ общественномъ банкѣ 800 рублей подъ залогъ принадлежащаго ему въ гор. Ельцѣ дома. Затѣмъ, на удовлетвореніе претензіи банка въ 100 рублей, а также предъявленныхъ къ дѣлу другихъ исполнительныхъ листовъ на взысканіе въ пользу банка 150 рублей, Вавиловой 1000 рублей, съ причитающимися на эти претензіи процентами, неустойками и судебными издержками, домъ этотъ съ дворовымъ мѣстомъ былъ проданъ въ 1877 году съ публичнаго торга, причемъ въ торговомъ листѣ было означено, что торгъ начнется съ оцѣночной суммы 99 рублей съ переводомъ банковаго долга 800 рублей, а затѣмъ пріобрѣтенъ мѣщанкою Маріею Вавиловою, за которою и укрѣпленъ по опредѣленію Елецкаго Окружнаго Суда отъ 1 ноября 1877 г. Послѣ того за долгъ Вавиловой рижскому гражданину Коминіусу означенный домъ вновь назначенъ былъ въ продажу и на торгахъ купленъ былъ мѣщанкою Вѣрою Желудковою, которая и введена была во владѣніе имъ 19 декабря 1878 года. Засимъ въ октябрѣ 1879 года банкъ сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи мѣста и дома этого, какъ заложеннаго Желудковымъ и укрѣпленнаго за Вавиловою, въ продажу за неплатежъ упомянутыхъ выше 800 рублей. Вслѣдствіе того Вѣра Желудкова въ ноябрѣ того же года обратилась въ Елецкій Окружный Судъ съ прошеніемъ, въ коемъ, предъявляя искъ къ означенному банку и къ Филиппу Желудкову и объясняя, что упомянутый домъ принадлежитъ ей на основаніи выданныхъ ей данной и вводнаго листа и нигдѣ не заложенъ, что на немъ запрещенія не числится и что потому распоряженія банка объ описи этого дома и назначеніи его въ продажу за долгъ Филиппа Желудкова неправильно, просила признать за нею право собственности на этотъ домъ и освободить его отъ описи и продажи. Повѣренный банка возражалъ, что истица могла пріобрѣсти домъ тотъ не иначе, какъ съ переводомъ долга банку, такъ какъ домъ Филиппа Желудкова продавался съ переводомъ долга банку въ 800 рублей, что видно изъ торговаго листа; что вводъ во владѣніе истицы Желудковой тѣмъ домомъ безъ перевода на нее запрещенія по залогу въ банкѣ произошелъ отъ того, что Марья Вавилова, за которою былъ укрѣпленъ тотъ домъ, не вводилась во владѣніе тѣмъ домомъ, а указала на него для удовлетворенія предъявленнаго къ ней взысканія, а какъ отъ имени Вавиловой запрещенія не числилось, то и Желудкова ввелась во владѣніе безъ перевода на нее запрещенія. Посему повѣренный банка просилъ отказать въ искѣ. Окружный Судъ отказалъ въ этомъ искѣ, но Харьковская Судебная Палата, разсмотрѣвъ это дѣло по апелляціи Желудковой 23 января 1881 года и принимая во вниманіе, что изъ представленныхъ истицею документовъ оказывается, что означенный домъ за долгъ Филиппа Желудкова банку на публичныхъ торгахъ былъ купленъ мѣщанкою Вавиловою, что за неплатежъ сею послѣднею долга Коминіусу домъ этотъ продавался съ публичнаго же торга и купленъ истицею Желудковою, причемъ, какъ въ публикаціи о продажѣ, такъ и въ опредѣленіи суда объ укрѣпленіи за Вавиловою купленнаго ею дома, въ данной и вводномъ листѣ, выданныхъ Желудковой, ни о какомъ лежащемъ на купленномъ ею имѣніи запрещеніи не упоминается, нашла ходатайство Желудковой о признаніи за нею права собственности на означенный домъ и объ освобожденіи онаго отъ описи и продажи по претензіи банка подлежащимъ удовлетворенію, такъ какъ данная и вводный листъ, согласно

ст. 726, 1507—1509 I ч. X Тома и ст. 457 Устава Гражд. Судопроизводства, укрѣпляютъ за нею право собственности на сказанное имущество, на коемъ при переходѣ къ ней отъ Вавилова наложеннаго запрещенія не значилось. Заявленіе банка и ссылка на представленные документы, въ виду наличности указанныхъ данныхъ, укрѣпляющихъ за Желудковою право полной собственности на купленное ею имѣніе, не могутъ заслуживать уваженія, тѣмъ болѣе, что переводъ лежащаго на имѣніи запрещенія на покупщика съ публичныхъ торговъ того имѣнія производится не при вводѣ его во владѣніе, а при утвержденіи судомъ торговъ и выдачѣ покупщику данной, согласно ст. 1507 I ч. X Тома, ст. 1184 Уст. Гражд. Судопроизв., ст. 23, 32 Врем. для нотар. правилъ, а также ст. 324—329 и 514 Устава Кред. Тома XI. По симъ основаніямъ, признавая рѣшеніе Окружнаго Суда съ указанными законами несогласнымъ и руководствуясь ст. 868 Устава, Судебная Палата опредѣлила: 1) признать за истицею Желудковою право собственности на спорное имѣніе и освободить таковое отъ описи и продажи по претензіи Елецкаго городского общественнаго банка; 2) судебныя издержки по всему производству возложить на Елецкій городской общественный банкъ; 3) рѣшеніе Елецкаго Окружнаго Суда, состоявшееся 30 ноября 1879 г., отмѣнить. Это рѣшеніе Палаты не было обжаловано никѣмъ изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ. Между тѣмъ, еще до воспослѣдованія сего рѣшенія, а именно 25 февраля 1880 г., упомянутый домъ проданъ былъ банкомъ съ торговъ мѣщанину Ивану Мархаленкову, который и получилъ на это имущество въ мартѣ того же года данную и вводный листъ. Въ виду этого Вѣра Желудкова въ іюлѣ 1881 года обратилась въ Елецкій Окружный Судъ съ исковымъ прошеніемъ, въ коемъ, привлекая, въ качествѣ отвѣтчиковъ, банкъ и Мархаленкова и ссылаясь на означенное выше рѣшеніе Судебной Палаты отъ 23 января 1881 г., просила признать данную на ея домъ, пріобрѣтенную Мархаленковымъ, недѣйствительною и таковую уничтожить со всѣми послѣдствіями. Копія съ этого рѣшенія вручена была 9 іюля 1881 г. Мархаленкову, который вслѣдствіе того 3-го августа того же года подалъ въ Харьковскую Судебную Палату для представленія въ Правительствующій Сенатъ просьбу, въ коей заявляетъ: 1) что рѣшеніе Палаты постановлено въ то время, когда онъ, проситель, былъ уже собственникомъ дома и введенъ во владѣніе имъ, между тѣмъ, во время производства дѣла, никѣмъ привлеченъ не былъ и, не участвуя въ дѣлѣ, не могъ оспаривать правильность исковыхъ требованій Желудковой въ защиту своихъ правъ на купленное въ банкѣ имѣніе; 2) что означенное рѣшеніе Судебной Палаты, вошедшее въ законную силу, нарушаетъ права собственности его, Мархаленкова, и 3) что рѣшеніе это сдѣлалось извѣстнымъ ему только изъ исковаго прошенія Желудковой, сообщеннаго ему 9 іюля 1881 г. Въ виду этого Мархаленковъ считаетъ себя въ правѣ, на основаніи 792, 795 и 3 п. 797 ст. Уст. Гр. Суд., просить объ отмѣнѣ того рѣшенія во всей его цѣлости, тѣмъ болѣе, что это рѣшеніе Палаты постановлено неправильно, съ прямымъ нарушеніемъ: а) 1509 ст. Т. X ч. I и рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департ. 1875 года № 304 и 1876 года № 141 и б) 1647, 1649 ст. I ч. X Т. и 37 ст. 2 ч. X Т. и рѣш. Гражд. Кассац. Д—та 1877 года № 59 по дѣлу Зафириди. Посему и основываясь на 796, 799 и 801 ст. Уст. Гражд. Судопр., Мархаленковъ проситъ объ отмѣнѣ упомянутаго рѣшенія Судебной Палаты отъ 23 января 1881 года и объ обращеніи дѣла къ новому разсмотрѣнію. При означенной просьбѣ Мархаленкова, въ доказательство приводимыхъ имъ обстоятельствъ дѣла и непропущенія имъ установленнаго 4 хъ мѣсячнаго срока, представлены засвидѣтельствованныя копіи рѣшенія Судебной Палаты, данной 5 марта и вводнаго листа 13 марта 1880 г. на пріобрѣтенное имъ имѣніе Желудкова, искового прошенія Вѣры Желудковой съ надписью судебнаго пристава Сергѣева о врученіи ему повѣстки 9 го іюля 1881 года. Противъ просьбы Мархаленкова мѣщанка Вѣра Желудкова представила возраженіе, въ которомъ ходатайствуетъ объ оставленіи ея безъ послѣдствій, объясняя: 1) что Мархаленковъ дѣйствительно не былъ привлеченъ при предъявленіи иска и не могъ быть привлеченъ во время сего производства дѣла, потому что этого пріобрѣтателя ея имущества во время начатія иска и производства дѣла еще не существовало; 2) что рѣшеніе Палаты 23 января

1881 г., вошедшее въ законную силу и никѣмъ въ срокъ необжалованное, приведено уже въ исполненіе, въ удостовѣреніе чего Желудкова прилагаетъ копію съ журнала судебнаго пристава Сомова отъ 18 іюня 1881 г. и повѣстку его на ея имя, и 3) что, вслѣдствіе упомянутаго рѣшенія Палаты по иску ея, данная, выданная Мархаленкову Елецкимъ Окружнымъ Судомъ 15 сентября 1881 г., уничтожена, въ удостовѣреніе чего прилагается засвидѣтельствованная копія съ резолюціи того суда; состоявшейся означеннаго числа.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и останавливаясь на вопросѣ о томъ, имѣетъ ли Мархаленковъ право просить объ отмѣнѣ рѣшенія Судебной Палаты, въ качествѣ третьяго неучаствовавшаго въ дѣлѣ лица, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по 795 ст. Уст. Гр. Суд., просьбы третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ, допускаются въ тѣхъ случаяхъ, когда вошедшее въ законную силу рѣшеніе нарушаетъ ихъ права. Рѣшеніемъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента по иску турецкоподданной Зильберманъ къ домовладѣльцу Рубель (1875 года № 335) уже было разъяснено, что отношенія тяжущихся по иску должны опредѣляться моментомъ предъявленія иска, а не послѣдующимъ положеніемъ спорнаго предмета; что послѣдовавшая во время производства дѣла передача отвѣтчикомъ имѣнія другому лицу не можетъ настолько измѣнить эти отношенія тяжущихся, безъ привлеченія къ дѣлу третьяго лица, чтобы по сей лишь причинѣ отвѣтчикъ пересталъ быть таковымъ передъ истцомъ, и что пріобрѣтатель имущества по отношенію къ этому имуществу является преемникомъ правъ и обязанностей отвѣтчика, съ которымъ онъ можетъ затѣмъ вѣдаться особо. Изъ сего послѣдняго положенія само собою слѣдуетъ: 1) что одна лишь перемѣна владѣльца имѣнія, составляющаго предметъ иска, уже послѣ предъявленія иска къ первоначальному владѣльцу, во время производства дѣла и до вступленія рѣшенія по дѣлу въ законную силу, не даетъ новому пріобрѣтателю имѣнія никакихъ особыхъ или новыхъ по отношенію къ производящемуся дѣлу процессуальныхъ правъ и средствъ защиты, отдѣльныхъ или независимыхъ отъ правъ или средствъ защиты самого первоначальнаго отвѣтчика; 2) что, замѣнивъ собою прежняго владѣльца имѣнія въ этомъ случаѣ и являясь только его преемникомъ, новый владѣлецъ долженъ считаться и принявшимъ всѣ обязанности и права, связанныя съ владѣніемъ, а слѣдовательно, и обязанность отвѣтствовать въ искахъ по этому имѣнію, и право вступить въ дѣло на сторону отвѣтчика (ст. 663 Устава Гражданскаго Судопроизводства),—подавать, въ качествѣ отвѣтчика, или совокупно съ нимъ, всякаго рода объясненія и жалобы, а въ томъ числѣ и просбы о кассаціи и о пересмотрѣ рѣшеній; но за всѣмъ тѣмъ новый пріобрѣтатель имѣнія, хотя бы и къ дѣлу не привлеченный или въ оное не вступившій на сторону отвѣтчика, не можетъ быть разсматриваемъ какъ такое третье лицо, которое вовсе въ дѣлѣ не участвовало и вслѣдствіе этого могло-бы просить объ отмѣнѣ рѣшенія, нарушающаго его права; 3) что право третьяго лица просить объ отмѣнѣ вступившаго въ законную силу рѣшенія, нарушающаго его права, опредѣляется моментомъ предъявленія иска, по которому рѣшеніе это состоялось, и 4) что только такое лицо можетъ просить объ отмѣнѣ рѣшенія, на основаніи 795 ст. Уст. Гражд. Суд., которое въ моментъ предъявленія иска должно было быть привлечено къ отвѣту по этому иску, но не было привлечено, или же такое, которое въ то самое время уже могло заявить на спорное имущество свои особыя права, независимыя отъ правъ истца или отвѣтчика, и которое, по 665 ст. Уст. Гр. Суд., должно было подать о томъ исковое прошеніе противъ того или другого тяжущагося или противъ обоихъ вмѣстѣ, но это не сдѣлало (рѣшеніе Гражд. Кассац. Департ. 1876 года № 264). Правильность такого изъясненія существа правъ третьихъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ вообще подтверждается рѣшеніемъ Гражданскаго Кассаціон. Департам. Правительствующаго Сената, состоявшимся 21 декабря 1872 и 10 января 1873 г. (Сборн. рѣш. Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1873 г. № 15), въ которомъ Правительствующій Сенатъ, между прочимъ (стр. сборн. 61), отвергъ жалобу общества г. Гори на признаніе Тифлисскою Судебною Палатою обязательнымъ

для сего общества указа Сената 1853 года, послѣдовавшаго, по объясненію уполномоченныхъ Горійскаго общества, по такому дѣлу, въ которомъ общество это не участвовало, которое возникло между Амировымъ и казною, такъ какъ спорныя земли еще не состояли въ распоряженіи города, и къ которому представители города, хотя впослѣдствіи земля и отведена городу, не были привлекаемы и имъ рѣшеніе Сената объявлено не было, ибо Гражданскій Кассаціонный Департаментъ призналъ всѣ эти объясненія неосновательными именно потому, что въ дѣлѣ семъ городъ являлся не третьимъ лицомъ, а преемникомъ казны, которая, передавая свои права на эти земли городу, очевидно, тѣмъ самымъ передала ему и всѣ обязанности, связанныя съ владѣніемъ этими землями, а слѣдовательно, примѣняясь къ ст. 176 2 ч. Т. X и 1259 (пун. 4) Т. X ч. I, и обязанность отвѣтствовать въ искахъ по этому имуществу, если противное не было выговорено въ актѣ передачи этихъ земель городу и если городъ въ установленный срокъ и установленнымъ порядкомъ не просилъ объ отмѣнѣ указа Сената 1853 г., въ случаѣ стѣсненія этимъ указомъ правъ города. По этимъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ нашелъ, что Палата, принявъ указъ Сената 1853 г. въ смыслѣ акта укрѣпленія за Амировымъ спорной земли, совершенно правильно признала, что онъ долженъ имѣть обязательное для города значеніе въ этомъ спорѣ. Вышеизложенныя положенія не будутъ противорѣчить и рѣшенію Гражданскаго Кассаціоннаго Д-та 1879 г. за № 298, по дѣлу конкурснаго управленія по дѣламъ графа Апраксина, коимъ было признано, что въ каждомъ данномъ случаѣ третье лицо, ходатайствующее объ отмѣнѣ рѣшенія, не освобождается отъ обязанности доказать несомнѣнное существованіе за нимъ въ то время, когда состоялось рѣшеніе, объ отмѣнѣ коего предъявлено требованіе, того права, которое проситель считаетъ нарушеннымъ означеннымъ рѣшеніемъ, такъ какъ въ дѣлѣ, по которому послѣдовало упомянутое рѣшеніе Гражд. Кассац. Д-та, оказывалось нарушеніе именно такого права конкурснаго управленія, которое даже въ то время, когда состоялось рѣшеніе Судебной Палаты, объ отмѣнѣ коего оно ходатайствовало, еще не существовало; затѣмъ означеннымъ рѣшеніемъ Правительствующаго Сената не разрѣшался вопросъ о томъ, должно ли третье лицо доказать существованіе своего права лишь во время постановленія рѣшенія, или же и во время предъявленія иска. Примѣняя установленныя выше сего начала къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что при предъявленіи Вѣрою Желудковою иска о правѣ собственности на имѣніе, описанное за долгъ Филиппа Желудкова Елецкому городскому общественному банку, по закладной, о существованіи какихъ-либо правъ на это имѣніе просителя Мархаленкова еще не было рѣчи, почему онъ и не могъ быть истицею привлеченъ къ отвѣту, а равно и не могъ въ то время заявить на это имѣніе свои особыя права, независимыя отъ правъ тяжущихся сторонъ; имѣніе это передъ описью за упомянутый долгъ Филиппа Желудкова, уже переходившее на торгахъ къ Вавиловой, а затѣмъ дошедшее къ истицѣ Желудковой, Мархаленковымъ было куплено лишь на торгахъ, произведенныхъ послѣ рѣшенія Елецкаго Окружнаго Суда объ отказѣ въ искѣ Желудковой, состоявшагося 30 ноября 1879 г., и послѣ подачи Желудковою 12 января 1880 г. апелляціи на это рѣшеніе въ Харьковскую Судебную Палату, а именно 25 февраля 1880 г. Въ виду сего Мархаленковъ, замѣнивъ собою, по отношенію къ пріобрѣтенному на торгахъ имѣнію, лицо первоначальнаго собственника, имѣлъ право участвовать въ дѣлѣ только въ качествѣ его преемника, обязаннаго отвѣтствовать во всякомъ искѣ по этому имѣнію, а слѣдовательно, и въ искѣ Вѣры Желудковой, направленномъ противъ Филиппа Желудкова, а затѣмъ на рѣшеніе Судебной Палаты, послѣдовавшее по апелляціи Желудковой, могъ въ установленный срокъ подать только кассаціонную жалобу, если онъ находилъ это рѣшеніе неправильнымъ, или просьбу о пересмотрѣ—въ случаѣ вновь открывшихся обстоятельствъ, но не имѣетъ права просить объ отмѣнѣ этого рѣшенія, какъ нарушающаго его права, на основаніи 795 ст. Уст. Гражд. Суд. А такъ какъ на принесеніе кассаціонной жалобы Мархаленковъ пропустилъ установленный 796 и 797 ст. Уст. Гр. Суд. четырехмѣсячный срокъ, въ виду того, что рѣшеніе Судебной Палаты со-

стоялось 23 января 1881 г. и въ окончательной формѣ подлежало изготовленію къ 7 февраля того же года; настоящая же просьба подана лишь 3 августа 1881 г., то и возраженія, приведенныя въ ней просителемъ собственно противъ самой правильности рѣшенія Палаты и указанія его на нарушеніе ею 1509, 1647 и 1649 ст. I ч. X Т. и 37 ст. X Т. 2 ч. не могутъ подлежать разсмотрѣнію Правительствующаго Сената. По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: просьбу мѣщанина Мархаленкова, за силою 795 ст. Уст. Гр. Суд. (X Т. 2 ч. изд. 1876 г.), оставить безъ послѣдствій.

159.—1882 года декабря 22 дня. *По прошенію повѣреннаго С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, присяжнаго повѣреннаго Герарда, объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ бар. Б. Ѳ. Гойнингенъ-Гюне; заключеніе давалъ Оберъ-Прокуроръ А. В. Ивановъ).

8 апрѣля 1872 года былъ Высочайше утвержденъ уставъ Тульскаго поземельнаго банка, учрежденнаго для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности въ губерніяхъ Тульской, Калужской и Рязанской. Въ прим. 1 къ § 1 сего Уст. значится: банкъ этотъ учреждаютъ землевладѣльцы, и затѣмъ поименовано 11 лицъ и далѣе постановлено, что эти лица, равно какъ и лица, приглашенныя ими къ участію въ предпріятіи, признаются учредителями Тульскаго поземельнаго банка. Въ § 2 постановлено, что складочный капиталъ опредѣляется первоначально въ 1 мил. рубл.; капиталъ сей, образуемый выпускомъ 5000 акцій, въ 200 руб. каждая, можетъ быть увеличиваемъ впослѣдствіи посредствомъ новыхъ выпусковъ акцій по той же нарицательной цѣнѣ. Выпуски эти производятся по постановленію общаго собранія акціонеровъ и съ разрѣшенія министерства финансовъ. Подписка на акціи, какъ перваго, такъ и послѣдующихъ выпусковъ, производится на точномъ основаніи ст. 2163—2166 Т. X ч. I, съ тѣмъ, что учредители, согласно ст. 2165, могутъ оставить за собой, для раздѣла поровну, одну пятую часть всѣхъ акцій, съ уплатою нарицательной цѣны. Затѣмъ въ томъ же § опредѣлены порядокъ и сроки взносовъ платы за акціи. Въ § 95, помѣщенномъ въ главѣ о распредѣленіи прибылей, между прочимъ, постановлено, что изъ излишка чистой годовой прибыли пятнадцать процентовъ опредѣляются въ пользу учредителей или ихъ наслѣдниковъ, или лицъ, пріобрѣвшихъ ихъ права. Отчисленіе означенныхъ пятнадцати процентовъ въ пользу учредителей продолжается лишь въ теченіе тридцати лѣтъ со дня утвержденія устава, и затѣмъ сіи пятнадцать процентовъ поступаютъ въ общій дивидендъ. Впослѣдствіи въ уставѣ этомъ были дѣлаемы, съ разрѣшенія министра финансовъ, измѣненія, изъ коихъ послѣднее сдѣлано 29-го мая 1879 г., причемъ банкъ названъ „С. Петербургско-Тульскимъ поземельнымъ банкомъ“ и въ § 1 постановлено, что онъ учреждается для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности въ С. Петербургскомъ градоначальствѣ и въ 10 поименованныхъ въ немъ губерніяхъ. Содержаніе 1 прим. къ § 1 му и § 2-го осталось прежнее, только съ дополненіемъ въ примѣчаніи томъ названія банка словомъ „С Петербургско“ и съ перемѣною въ § 2 размѣра складочнаго капитала съ одного милліона рублей на два милліона, а размѣра выпуска, изъ коего онъ образуется, съ 5000 акцій на 10000. 27 ноября 1880 г. министръ финансовъ разрѣшилъ пятый выпускъ акцій С.-Петербургско Тульскаго банка, въ числѣ 2500 акцій, по 200 руб. каждая, причемъ въ п. 1 сего разрѣшенія изъяснено: „изъ сего пятаго выпуска отдѣляется 1/5 часть акцій, которая можетъ подлежать выдачѣ учредителямъ, согласно § 2 устава; всѣ остальныя затѣмъ акціи, а также акціи, не выданныя правленіемъ учредителямъ, распредѣляются между акціонерами банка пропорціонально числу владѣемыхъ каждымъ изъ нихъ акцій первыхъ четырехъ выпусковъ“. 23 ноября 1880 года правленіе С. Петербургско Тульскаго банка помѣстило въ Правительственномъ Вѣстникѣ объявленіе о томъ, что въ виду заявленій, поступившихъ отъ учредителей Тульскаго поземельнаго банка о желаніи этихъ учредителей полу-

чить 1/5 часть акцій С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка предстоящаго 5 го выпуска, правленіе проситъ учредителей Тульскаго поземельнаго банка заявить и доказать свои права на полученіе 1/5 части сихъ акцій до 1 декабря 1880 г. Затѣмъ присяжный повѣренный Банкъ, по довѣренности сенатора Цеэ, полковника Фере, коллежскаго ассесора Николая и подпоручика Василія Крюковыхъ и коллежскаго совѣтника Михальцева, предъявилъ 10 января 1881 г. въ С. Петербургскомъ Окружномъ Судѣ къ С. Петербургско-Тульскому поземельному банку искъ объ убыткахъ въ суммѣ 17600 руб. съ % со дня предъявленія иска. Въ исковомъ прошеніи повѣренный истцовъ объяснилъ, что въ виду публикаціи правленія банка и разрѣшенія министра финансовъ, довѣрители его обратились 29 ноября 1880 г. въ правленіе съ представленіемъ учредительскихъ свидѣтельствъ, прося объ оставленіи за ними причитающагося количества акцій; но правленіе журнальнымъ постановленіемъ отъ 1 декабря 1880 г. отвергло ихъ требованіе и распредѣлило весь пятый выпускъ акцій между владѣльцами акцій первыхъ четырехъ выпусковъ. Этимъ отказомъ причиненъ истцамъ убытокъ, выражающійся въ противозаконномъ лишеніи ихъ отвѣтчикомъ выгоды, представляемой разницею между нарицательной и биржевой цѣнами причитающихся имъ акцій, по 160 руб. на каждую акцію, а такъ какъ имъ принадлежатъ 27 изъ числа всѣхъ выданныхъ 120 учредительскихъ свидѣтельствъ, то понесенный ими убытокъ опредѣляется разницею цѣнъ, причитающихся имъ за 110 акцій, изъ числа слѣдующихъ учредителямъ 500 акцій, т.-е. 17600 р., о взысканіи которыхъ съ отвѣтчика и просилъ повѣренный истцовъ. Противъ предъявленнаго иска повѣренный отвѣтчика, присяжный повѣренный Герардъ, возражалъ: 1) требованіе истцовъ представляетъ собою воспрещенное ст. 258 Уст. Гр. Суд. смѣшеніе пяти исковъ въ одномъ исковомъ прошеніи; 2) нынѣ существующій С.-Петербургско-Тульскій поземельный банкъ есть учрежденіе совершенно отличное отъ Тульскаго поземельнаго банка, учредителямъ котораго было предоставлено право на 1/5 часть акцій того банка; сохраненіе же въ §§ 1 и 2 измѣненнаго устава прежнихъ правилъ и именъ прежнихъ учредителей произошло вслѣдствіе неточностей редакціонной работы, при которой было обращено вниманіе лишь на измѣненіе названія банка; 3) § 2 устава заключаетъ въ себѣ правила временныя и постоянныя; правила о порядкѣ распредѣленія акцій, съ предоставленіемъ 1/5 части въ пользу учредителей, должны быть отнесены къ временнымъ, ибо въ этомъ § сказано, что учредители могутъ „оставить“, а не „оставлять“ 1/5 часть акцій за собою; притомъ-же учредители лишены фактической возможности оставить за собою акціи послѣдующихъ выпусковъ, не имѣя ихъ въ своемъ распоряженіи; 4) независимо отъ сего, § 2 устава, какъ предоставляющій учредителямъ привилегію, долженъ быть толкуемъ въ ограничительномъ смыслѣ; 5) распоряженіе министра финансовъ о выдачѣ учредителями 1/5 части акцій пятаго выпуска есть личное мнѣніе о правахъ учредителей, необязательное для банка, и не можетъ создавать правъ, имъ не принадлежащихъ; 6) согласно § 2 уст., акціи должны быть распредѣляемы поровну по числу учредителей, а не по числу учредительскихъ свидѣтельствъ; 7) въ этихъ учредительскихъ свидѣтельствахъ о правѣ на 1/5 часть выпускаемыхъ акцій вовсе не упоминается, и 8) трое изъ истцовъ, именно: Цеэ, Фере и Михальцевъ, не могутъ быть признаваемы учредителями, такъ какъ они не поименованы въ уставѣ. Въ судебномъ засѣданіи Окружнаго Суда повѣренный истцовъ, присяжный повѣренный Банкъ, представилъ для образца учредительское свидѣтельство Тульскаго поземельнаго банка, выданное подпоручику Василію Крюкову за № 94, и сослался на имѣющуюся въ Тульскомъ банкѣ книгу, гдѣ отмѣчается, кому принадлежатъ учредительскія свидѣтельства. Представленное свидѣтельство слѣдующаго содержанія: „Учредительское свидѣтельство Тульскаго поземельнаго банка для губерній Тульской, Рязанской и Калужской № 94. Выдано гвардіи подпоручику Василію Николаевичу Крюкову. Предсѣдатель правленія А. Яковлевъ. Члены правленія: князъ Д. Максутовъ, Ю. Фере (м. п.). Извлеченіе изъ Высочайше утвержден. 8 апрѣля 1872 г. устава Тульскаго поземельнаго банка § 95 (прописано содержаніе его)“. Протоколами собранія учредителей 18 ноября 1871 г. и 10 мая 1872 г. установлено

въ пользу ихъ сто двадцать учредительскихъ свидѣтельствъ, каждое свидѣтельство даетъ право на полученіе 1|120 части изъ чистой прибыли банка. Передача этихъ свидѣтельствъ отъ одного лица къ другому можетъ быть производима не иначе, какъ по записаніи о такой передачѣ въ особо заведенную для сего правленіемъ банка книгу, съ отмѣткою правленія на самомъ свидѣтельствѣ о передачѣ его въ другія руки. Окружный Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, присудилъ съ С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка въ пользу истцовъ 17,600 руб. съ процентами со дня предъявленія иска и судебными издержками. Въ принесенной на рѣшеніе Окружнаго Суда апелляціонной жалобѣ присяжный повѣренный Герардъ, повторяя доводы, приведенные въ объясненіи на исковое прошеніе, присовокупилъ: 1) упоминаемое въ 15 статьѣ Устава Граждан. Судопр. участіе нѣсколькихъ истцовъ въ одномъ производствѣ можетъ быть допущено лишь въ томъ случаѣ, если отыскиваемое ими право принадлежитъ имъ всѣмъ сообща; нарушеніе же правъ истцовъ по настоящему дѣлу не породило неразрывной связи между исковыми требованіями и притомъ является не основаніемъ, а поводомъ къ иску. Право однихъ доказывается уставомъ, а другихъ помимо сего документомъ о принадлежности имъ права; нельзя же допустить кредиторовъ предъявлять искъ по заемнымъ письмамъ, выданнымъ однимъ лицомъ; 2) объ учредительскихъ свидѣтельствахъ въ уставѣ не упоминается, а потому нѣтъ законнаго основанія дѣлить акціи по числу учредительскихъ свидѣтельствъ, и 3) въ § 95 устава упоминается лишь о передачѣ права на дивидендъ, а не права на 1/5 часть акцій; въ учредительскихъ же свидѣтельствахъ упомянуто только о правѣ на прибыль. Слѣдовательно, при передачѣ свидѣтельствъ имѣлись въ виду лишь уступка и пріобрѣтеніе одного права на прибыль. Въ засѣданіи Палаты присяжный повѣренный Герардъ, между прочимъ, сослался на Высочайше утвержденное 31-го мая 1872 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ (пунктъ 8-й) воспрещено устанавливать привилегіи въ пользу учредителей, и объяснялъ, что права учредителя были личными правами и настоящимъ истцамъ принадлежать не могутъ, а членъ правленія С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка, Кобылинскій, между прочимъ, объяснилъ, что „не признаетъ суммы иска, такъ какъ цѣна акцій на биржѣ зависѣла отъ количества ихъ, которое, въ случаѣ оставленія части ихъ за учредителями, измѣнилось бы на биржѣ“. Въ засѣданіи Палаты Герардъ представилъ слѣдующіе документы: 1) списки лицъ, получившихъ временныя, а затѣмъ и постоянныя, учредительскія свидѣтельства; 2) отчетъ правленія банка за 1872—1874 годы; 3) таблицу долгосрочныхъ ссудъ, 4) сообщенія министра финансовъ о разрѣшеніи первыхъ выпусковъ акцій; 5) книгу, въ которой обозначено, кому выданы учредительскія свидѣтельства и къ кому они перешли; 6) выписку изъ газеты „Голосъ“ объявленія Полтавскаго поземельнаго банка; 7) договоръ, заключенный 1 іюня 1871 г. между учредителями Тульскаго поземельнаго банка; 8) протоколъ засѣданія учредителей Тульско-Рязанско-Калужскаго поземельнаго банка 18-го ноября 1871 года, и 9) протоколъ общаго собранія учредителей Тульскаго банка 10 го мая 1872 года. Съ своей стороны повѣренный истцовъ, присяжный повѣренный Банкъ, въ письменномъ объясненіи противъ апелляціонной жалобы и при словесномъ состязаніи въ засѣданіяхъ Судебной Палаты представлялъ подробныя возраженія противъ доводовъ отвѣтчика, ссылаясь, между прочимъ, и на вышеупомянутые договоръ и протоколы учредителей, а также представилъ принадлежащія довѣрителямъ его свидѣтельства. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, С. Петербургская Судебная Палата нашла, что разрѣшенію ея подлежатъ слѣдующіе вопросы: 1) допущено ли со стороны истцовъ нарушеніе 258 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства; 2) могутъ ли истцы быть признаны за лицъ, которымъ принадлежатъ права учредителей С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка; 3) можетъ ли быть признано за учредителями С.-Петербургско-Тульскаго банка право на 1/5 часть акцій 5-го выпуска, и 4) доказанъ ли истицами размѣръ убытка, понесеннаго ими вслѣдствіе неполученія причитающихся на ихъ долю акцій. При обсужденіи этихъ вопросовъ Судебная Палата останавливается на слѣдующихъ соображеніяхъ:

по 1-му вопросу: 258 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства запрещаетъ смѣшивать въ одномъ исковомъ прошеніи иски, истекающіе изъ разныхъ основаній, но не соединять иски, истекающіе изъ одного общаго для нихъ основанія. Несомнѣнно, что если отвѣтчикъ въ настоящемъ дѣлѣ видитъ нарушеніе 258 ст. не въ томъ, что истцамъ принадлежитъ 27 учредительскихъ свидѣтельствъ, а въ томъ, что свидѣтельства эти раздѣлены между пятью истцами, то если бы всѣ 27 учредительскихъ паевъ принадлежали одному лицу и если бы одно это лицо явилось въ качествѣ истца, отвѣтчикъ не нашелъ бы повода къ сдѣланному имъ возраженію о смѣшеніи пяти исковъ. Такимъ образомъ, самъ отвѣтчикъ не представляетъ достаточныхъ указаній на то, чѣмъ именно истцы, по его мнѣнію, нарушили 258 стат. А такъ какъ 258 ст. содержитъ въ себѣ ограниченіе свободы гражданскаго лица при предъявленіи исковъ, то она должна быть примѣняема лишь къ случаямъ, соотвѣтствующимъ точному и буквальному ея смыслу. Признавая, что настоящій искъ возникъ по одному и тому же для всѣхъ истцовъ поводу, именно, по поводу доказываемаго истцами нарушенія общаго для истцовъ права на $^1/_5$ часть акцій С.-Петербургско Тульскаго банка, которое они выводятъ изъ смысла одного общаго для всѣхъ истцовъ акта, именно, устава этого банка, Судебная Палата признала, что настоящій искъ представляетъ собою допускаемое 15 ст. Уст. Гражд. Суд. соединеніе нѣсколькими лицами своихъ исковъ, имѣющихъ одно основаніе, но не смѣшеніе различныхъ по своимъ основаніямъ исковъ. По 2 вопросу: если уставъ С. Петербургско-Тульскаго банка говоритъ объ учредителяхъ этого банка, то слѣдуетъ признать, что таковые дѣйствительно существуютъ; если-же согласиться съ отвѣтчикомъ и признать, что учредители Тульскаго банка не должны быть признаваемы учредителями С.-Петербургско-Тульскаго банка, то оказалось-бы, что учредителей С.-Петербурско Тульскаго банка вовсе нѣтъ и не было, потому что изъ устава видно: что только учредители Тульскаго банка и преемники ихъ правъ могутъ почитаться и дѣйствительно почитались учредителями С.-Петербургско-Тульскаго банка и преемниками ихъ правъ. Уставъ С.-Петербургско Тульскаго банка называетъ учредителями этого банка тѣхъ-же лицъ, которыя были учредителями Тульскаго банка, а правленіе С.-Петербургско Тульскаго банка выдаетъ по § 95 своего устава часть прибылей С.-Петербургско Тульскаго банка представителямъ правъ учредителей Тульскаго банка, по свидѣтельствамъ, выданнымъ правленіемъ сего послѣдняго. Возраженіе отвѣтчика, что имена учредителей Тульскаго банка попали въ уставъ С.-Петербургско Тульскаго банка только вслѣдствіе небрежности редакторской работы, не заслуживаетъ уваженія, потому что основано на ничѣмъ недоказанномъ предположеніи о такихъ упущеніяхъ при составленіи устава С.-Петербургско Тульскаго банка, которыя невозможны безъ нарушенія своихъ обязанностей представителями власти, которою уставъ утвержденъ. Допустивъ, что помѣщеніе въ уставѣ 1-го примѣчанія къ § 1 произошло по ошибкѣ или небрежности, можно было-бы допустить предположеніе, что и другія правила въ этомъ уставѣ помѣщены неподлежаще и, наконецъ, отвергать обязательную силу всего устава только въ томъ, напримѣръ, основаніи, что онъ содержитъ въ себѣ рядъ несообразностей. Притомъ примѣчаніе 1-ое къ § 1-му устава уже и потому не можетъ считаться одною лишь редакціонною ошибкою, что, на основаніи п. д. § 88 устава, постановленія по вопросамъ объ измѣненіи или дополненіи устава, предварительно ходатайства о семъ предъ правительствомъ, подлежатъ непремѣнному вѣдѣнію общаго собранія акціонеровъ, въ каковое, согласно § 87, предложенія по этому предмету вносятся не иначе, какъ чрезъ правленіе и съ его заключеніемъ. Такимъ образомъ, измѣненіе устава банка явилось плодомъ не одной лишь дѣятельности учрежденія, въ коемъ, по предположенію повѣреннаго банка, могла произойти редакціонная ошибка. Засимъ надлежитъ признать, что поименованныя въ 1-мъ примѣчаніи къ § 1 устава С.-Петербургско-Тульскаго банка лица и лица, ими приглашенныя, суть дѣйствительно учредители С.-Петербургско-Тульскаго банка. Равнымъ образомъ представляется неосновательнымъ мнѣніе отвѣтчика, что было-бы неправильно учредителей Тульскаго банка считать учредителями С.-Петербургско-Тульскаго

банка, потому что сей послѣдній есть учрежденіе совершенно не то, что былъ Тульскій банкъ. Не говоря уже о томъ, что обсужденіе правильности допущенія факта, признаваемаго уставомъ, надлежащею властью утвержденнымъ, не имѣетъ никакого значенія до тѣхъ поръ, пока не измѣненъ самый уставъ, о чемъ банкъ имѣлъ полную возможность ходатайствовать (§ 88 и др.), означенное мнѣніе отвѣтчика не соотвѣтствуетъ несомнѣнному ходу преобразованія Тульскаго банка въ С.-Петербургско Тульскій. Изъ устава того банка, который является отвѣтчикомъ по настоящему дѣлу, видно, что этотъ уставъ Высочайше утвержденъ 8 апрѣля 1872 года и измѣненъ съ разрѣшенія министра финансовъ 12 декабря 1872 года, 27 іюня и 19 го сентября 1873 г., 25 іюля 1875 г., 18 октября 1876 г., 20 апрѣля 1877 г. и 29 мая 1879 г. Но 8 апрѣля 1872 г. былъ утвержденъ уставъ Тульскаго, а не С.-Петербургско Тульскаго банка, слѣдовательно, нынѣшній уставъ С.-Петербургско Тульскаго банка есть нечто иное, какъ измѣненный уставъ Тульскаго банка, а не новаго какого-либо учрежденія, каковое посредствомъ одного измѣненія чужого устава безъ соблюденія порядка, установленнаго для учрежденія акціонерныхъ банковъ, очевидно, и возникнуть не могло. Самъ отвѣтчикъ не отрицаетъ, что породившій настоящій искъ выпускъ акцій есть пятый выпускъ акцій С. Петербургско Тульскаго банка, слѣдовательно, признаетъ связь его съ первымъ выпускомъ акцій Тульскаго банка. Посему слѣдуетъ признать, что отвѣтчикъ по настоящему дѣлу, т.-е. С.-Петербургско-Тульскій банкъ, есть тотъ же Тульскій банкъ, но получившій въ своей дѣятельности болѣе широкое развитіе. При этомъ измѣненіе названія банка не представляется существеннымъ обстоятельствомъ, потому что въ это названіе могло быть постепенно включаемо перечисленіе хотя-бы всѣхъ губерній, на которыя распространялась дѣятельность банка, безъ всякаго вліянія на основныя начала его учрежденія. Установивъ, что учредители Тульскаго банка должны быть считаемы и учредителями С. Петербургско-Тульскаго банка, слѣдуетъ обсудить, принадлежатъ-ли истцамъ по настоящему дѣлу права учредителей Тульскаго банка. Въ этомъ отношеніи отвѣтчикъ дѣлаетъ различіе между первоначальными учредителями банка и лицами, пріобрѣвшими права отъ этихъ первоначальныхъ учредителей, въ удостовѣреніе чего они представляютъ учредительскія свидѣтельства, къ нимъ перешедшія. Отвѣтчикъ доказываетъ, что права учредителей суть права личныя, а не имущественныя, и не подлежатъ передачѣ, за исключеніемъ правъ на часть прибыли по § 95; что въ виду этого и въ учредительскихъ свидѣтельства упомянуто лишь о дивидендѣ, слѣдовательно, только право на этотъ дивидендъ и могло перейти отъ учредителей къ другимъ лицамъ посредствомъ передачи свидѣтельствъ. Но это мнѣніе отвѣтчика не можетъ быть признано правильнымъ. Въ § 95 упоминается о лицахъ, пріобрѣвшихъ „права“ учредителей, а не одно „право на дивидендъ“, слѣдовательно, уставъ предполагаетъ возможность передачи и другихъ учредительскихъ правъ. Учредительскія права принадлежатъ учредителямъ, которымъ должна быть предоставлена полная свобода въ распоряженіи этими правами до тѣхъ поръ, пока они, т.-е. учредители, не касаются чужихъ правъ. Поэтому для С.-Петербургско-Тульскаго банка должно быть безразлично, кому и въ какой долѣ принадлежитъ учредительское право, налагающее на банкъ опредѣленныя по отношенію къ учредителямъ обязанности. Обязанности свои банкъ долженъ исполнить предъ тѣмъ, кто докажетъ, что онъ учредитель или преемникъ правъ учредителя; въ способъ перехода учредительскихъ правъ никто посторонній, а слѣдовательно, и банкъ, вмѣшиваться не долженъ. По договору, заключенному 1 го іюля 1871 года, учредителями Тульскаго банка признаются какъ первоначальные учредители, подписавшіе этотъ договоръ и уставъ, такъ и лица, приглашенныя впослѣдствіи въ учредители и подписавшія настоящій договоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ обоихъ этихъ случаяхъ получившія учредительскія свидѣтельства. Въ пользу учредителей устанавливается договоромъ 100 учредительскихъ свидѣтельствъ, каждое свидѣтельство даетъ право на полученіе $^1/_{100}$ части изъ чистой прибыли банка, значащейся въ уставѣ, а также на участіе въ капиталахъ банка, тамъ же значащихся. Свидѣтельства могутъ быть во всякое время передава-

емы владѣльцами по ихъ усмотрѣнію и переходятъ къ преемникамъ ихъ правъ. Протоколомъ учредителей 18 ноября 1871 года положено увеличить число учредительскихъ свидѣтельствъ на двадцать. Протоколомъ общаго собранія учредителей 10 мая 1872 года постановлено, что извѣстное число учредительскихъ свидѣтельствъ даетъ право на извѣстное число голосовъ и что передача свидѣтельствъ можетъ производиться не иначе, какъ по занесеніи о томъ въ заведенную для сего въ правленіи книгу и по отмѣткѣ о семъ правленія на учредительскомъ свидѣтельствѣ. Изъ представленной отвѣтчикомъ книги видно, что дѣйствительно было выдано 120 учредительскихъ свидѣтельствъ и что изъ нихъ числятся, отчасти съ самаго начала выдачи, а отчасти по передачамъ свидѣтельствъ: за Цеэ—8, за Фере—3, за П. Крюковымъ—3, за В. Крюковымъ—4 и за Михальцевымъ—9. Согласно договору и протоколамъ учредителей, документомъ на всѣ учредительскія права въ $^1/_{120}$ долѣ должно было служить учредительское свидѣтельство, подлежавшее передачѣ, и кому принадлежитъ свидѣтельство, тому должны принадлежать и учредительскія права. Вопросъ о томъ, какія это права,—личныя или имущественныя, представляется несущественнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не порождаетъ спора между уступившимъ и пріобрѣвшимъ ихъ. При этомъ важно, чтобы представляемый въ удостовѣреніе принадлежности учредительскихъ правъ документъ былъ дѣйствительно учредительское свидѣтельство. Что бывшіе въ виду Палаты представленные повѣреннымъ истцовъ акты суть дѣйствительно учредительскія свидѣтельства, видно уже изъ той части текста ихъ, которая заканчивается подписью предсѣдателя и членовъ правленія. Все слѣдующее за этой подписью не имѣетъ значенія относительно дѣйствительныхъ правъ учредителей. Помѣщеніе въ свидѣтельствѣ § 95 не дѣлаетъ этого § болѣе обязательнымъ для банка, а непомѣщеніе § 2, дающаго учредителямъ право на участіе въ складочномъ капиталѣ банка, не уничтожаетъ его обязательности. Все, къ чему уставъ обязываетъ банкъ предъ учредителями, должно быть исполнено банкомъ передъ правильнымъ держателемъ учредительскаго свидѣтельства. Изъ вышеизложеннаго видно, что истцамъ принадлежитъ извѣстное число учредительскихъ свидѣтельствъ, слѣдовательно, они же—обладатели соотвѣтствующей части правъ учредителей Тульскаго или С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка. По 3 му вопросу. По § 2 ому устава учредители могутъ оставить за собою $^1/_5$ часть всѣхъ акцій. Нельзя не признать, что не дать учредителямъ $^1/_5$ части изъ акцій пятаго выпуска, значитъ поступить вопреки буквальному смыслу вышеприведенныхъ словъ § 2, потому что акціи, изъ числа которыхъ исключены акціи 5-го выпуска, уже не суть всѣ акціи. Иного толкованія Палата не признаетъ возможнымъ допустить. Отвѣтчикъ указываетъ на то, что не сказано, что учредители имѣютъ право „оставлять“ за собою $^1/_5$ часть акцій „всѣхъ выпусковъ“, но если исключить какой либо выпускъ акцій, то учредители не получатъ $^1/_5$ части „всѣхъ акцій“, слѣдовательно, необходимо отчислить $^1/_5$ часть изъ всѣхъ выпусковъ. По § 2 му подписка на акціи какъ перваго, такъ и послѣдующихъ выпусковъ, производится съ тѣмъ, что учредители могутъ оставить за собою $^1/_5$ часть, слѣдовательно, не только при первомъ, но и при послѣдующихъ выпускахъ учредители получаютъ $^1/_5$ часть акцій. Это право ихъ вполнѣ согласно съ общими законами, опредѣляющими права учредителей (§ 104 Устава). По 2165 ст. I ч. X Т., учредители имѣютъ право отдѣлять въ свою пользу пятую часть общаго предназначеннаго къ выпуску числа акцій, а по уставу Тульскаго банка было предназначено неограниченное число акцій, выпускаемыхъ по частямъ. Требованіе закона, чтобъ акціи, слѣдующія учредителямъ, были отдѣляемы. начиная съ номера перваго, также можетъ быть соблюдено, потому что каждый выпускъ можетъ начинаться съ № 1-го и во всякомъ случаѣ первымъ номеромъ каждаго выпуска будетъ номеръ, слѣдующій за послѣднимъ номеромъ предшествовавшаго выпуска. То обстоятельство, что учредители, имѣя въ своемъ распоряженіи только акціи перваго выпуска. изъ послѣдующихъ выпусковъ не могутъ сами остабить за собою $^1/_5$ части, не лишаетъ ихъ ни права на эту часть, ни возможности его осуществленія. Что касается

ссылки отвѣтчика на Высочайше утвержденное 31 мая 1872 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта по вопросу объ учрежденіи частныхъ кредитныхъ установленій (Собраніе Узак. 1872 г. № 51, ст. 451), то это мнѣніе, какъ послѣдовавшее позднѣе утвержденія устава Тульскаго банка, не могло имѣть вліянія на правила, изложенныя въ этомъ уставѣ. Напротивъ, въ немъ на уставъ Тульскаго банка указано какъ на образецъ, которымъ министръ финансовъ долженъ руководствоваться при утвержденіи уставовъ подобныхъ банковъ (§ 3), причемъ долженъ былъ вводить въ уставъ нѣкоторыя ограниченія (§ 4), къ числу которыхъ относится и помѣщенное въ § 8 запрещеніе отчисленія особыхъ премій изъ прибылей банковъ на учредительскіе паи и акціи. Изъ словъ § 8 видно, что онъ касается исключительно права учредителей на дивидендъ, который для учредителей Тульскаго банка опредѣленъ § 95 устава, но нисколько не касается права на отчисляемую по 2165 ст. Т. X ч. I, а для учредителей Тульскаго банка по 2 § устава, $^1/_5$ часть акцій. Если, несмотря на § 8 означеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, осталось въ силѣ правило 95 § устава Тульскаго банка, прямо ему противорѣчащее, то, очевидно, этотъ § 8 не долженъ имѣть вліянія на § 2 устава, согласный съ общимъ закономъ, до настоящаго времени дѣйствующимъ. По 4 вопросу. Отвѣтчикъ не возражаетъ ни противъ количества акцій, которое по соразмѣрности приходится на долю истцовъ, ни противъ того, что принятая въ расчетъ при опредѣленіи суммы иска биржевая цѣна акцій дѣйствительно была въ данное время на 160 р. выше ихъ нарицательной цѣны, слѣдовательно, расчетъ, сдѣланный повѣреннымъ истцовъ, опредѣляющимъ убытокъ ихъ въ 17,600 р., представляется ариѳметически правильнымъ. Но отвѣтчикъ представляетъ возраженіе противъ справедливости этого расчета. Повѣренный банка, Кобылинскій, полагаетъ, что удержаніе $^1/_5$ части акцій учредителями за собою понизило бы биржевую цѣну ихъ, такъ какъ измѣнилось бы количество предложенія. Но на чемъ основано предположеніе, что особенное вліяніе на предложеніе могла имѣть принадлежность акцій извѣстнымъ лицамъ, какъ учредителямъ, а не простымъ акціонерамъ, не выяснено, и намѣренія учредителей относительно того, что они сдѣлали бы съ причитавшейся имъ $^1/_5$ частью акцій, отвѣтчикомъ Палатѣ не указаны. На основаніи всѣхъ приведенныхъ выше соображеній. С.-Петербургская Судебная Палата, руководствуясь притомъ 366 и 868 ст. Уст. Гр. Судопр., утвердила рѣшеніе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда отъ 24 февраля—17 марта 1881 г.; судебныя издержки, возложила на отвѣтчика. На это рѣшеніе повѣренный С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, присяжный повѣренный Герардъ, принесъ кассаціонную жалобу, въ которой проситъ отмѣнить оное по нарушенію ст. 15, 258, 339, 366, 589, 711 Уст. Гражд. Суд., ст. 2158, 2165, 2166, 2191 Т. X ч. I Зак. Гр. и §§ 1, 2, 7 и 95 уст. банка. Въ представленномъ на эту жалобу объясненіи повѣренный истцовъ, присяжный повѣренный Банкъ, опровергаетъ приведенные въ ней доводы и ходатайствуетъ объ оставленіи ея безъ уваженія.

Выслушавъ словесныя объясненія повѣренныхъ обѣихъ, тяжущихся сторонъ, присяжныхъ повѣренныхъ Владимира Герарда и Эмануила Банка, и заключеніе Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что 1) въ кассаціонной жалобѣ своей Герардъ объясняетъ, что Судебной Палатѣ, кромѣ поставленныхъ ею вопросовъ, по содержанію спора тяжущихся сторонъ надлежало поставить и разрѣшить существенный вопросъ о томъ, должна ли $^1/_5$ часть акцій, согласно § 2 устава банка, дѣлиться между всѣми учредителями поровну, или же по числу находящихся въ распоряженіи каждаго изъ нихъ учредительскихъ свидѣтельствъ, какъ это призналъ Окружный Судъ; оставленіемъ же этого вопроса и доводовъ, приведенныхъ имъ противъ рѣшенія того суда въ апелляціонной жалобѣ безъ всякаго обсужденія, Палата нарушила 339 и 711 ст. Уст. Гр. Суд. Но ни въ приведенныхъ статьяхъ, ни въ другихъ законахъ Устава Гражданскаго Судопроизводства, не содержится правила, обязывающаго судъ по каждому отдѣльному приведенному сторонами доводу ставить отдѣльный же вопросъ. Напротивъ того, по многочисленнымъ разъясненіямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департа-

мента, судебныя мѣста, по 339 и 711 ст. Уст. Гр. Суд., должны обсуждать всѣ требованія тяжущихся; но имъ не вмѣняется въ обязанность непремѣнно излагать въ рѣшеніяхъ критическій разборъ каждаго довода (рѣш. 1867 г. № 125; 1870 г. № 1515; 1871 г. № 59; 1872 г. №№ 438, 834; 1875 г. № 511; 1879 г. №№ 204, 395; 1880 г. № 265 и мн. друг.). А что Палата обсудила и дала даже прямой отвѣтъ на указанный просителемъ вопросъ—это явствуетъ изъ тѣхъ приведенныхъ Палатою по второму вопросу соображеній, коими признано, что учредительскія права принадлежатъ учредителямъ, которымъ должна быть предоставлена полная свобода въ распоряженіи этими правами до тѣхъ поръ, пока они, то есть учредители, не касаются чужихъ правъ, и что поэтому для С.-Петербургско-Тульскаго банка должно быть безразлично, кому и въ какой долѣ принадлежитъ учредительское право, налагающее на банкъ опредѣленныя по отношенію къ учредителямъ обязанности; это видно также изъ подробной оцѣнки договора и протоколовъ учредителей, которая привела Палату къ заключенію о томъ именно, какимъ образомъ учредители распорядились своими правами. Палата установила, что, согласно тѣмъ договору и протоколамъ, документомъ на всѣ учредительскія права, въ $^1/_{120}$ долѣ, должно было служить учредительское свидѣтельство, подлежавшее передачѣ; что все, къ чему уставъ обязываетъ банкъ передъ учредителями, должно быть исполнено банкомъ передъ правильнымъ держателемъ учредительскаго свидѣтельства; что истцамъ принадлежитъ извѣстное число этихъ свидѣтельствъ и что, слѣдовательно, они же—обладатели соотвѣтствующей части правъ учредителей Тульскаго или С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка. Такимъ образомъ, Палата отвергла самое право банка возражать противъ неравномѣрнаго распредѣленія учредителями одной пятой части акцій между собою и признала за ними полное право по взаимному, выраженному въ договорѣ и протоколахъ, согласію распредѣлить ихъ иначе, нежели тѣмъ способомъ, который во 2 мъ § устава банка установленъ лишь на тотъ случай, когда такого взаимнаго согласія нѣтъ, и установленъ притомъ единственно въ видахъ разграниченія взаимныхъ правъ учредителей между собою, а не въ отношеніи къ банку; 2) нарушеніе Палатою тѣхъ же 339 и 711 ст., а также 589 ст. Уст. Граждан. Судопр., проситель вилитъ и по отношенію къ другому спорному въ дѣлѣ вопросу о томъ, представляется ли право учредителей на полученіе $^1/_5$ части акцій правомъ личнымъ, которое учредители могутъ осуществить лишь сами, или же это право есть имущественное, нисколько не связанное съ личностью учредителя и которое онъ можетъ передать всякому постороннему лицу. Вопросъ этотъ, признаваемый сторонами имѣющимъ серьезное значеніе, такъ какъ отъ разрѣшенія его зависѣло самое право на искъ тѣхъ изъ истцовъ, которые сами не были учредителями, а пріобрѣли лишь отъ учредителей свидѣтельства на полученіе дивиденда, Палата, по мнѣнію просителя, оставила безъ всякаго обсужденія, признавая его несущественнымъ, за неимѣніемъ въ виду ея спора между пріобрѣвшими учредительскія права и уступившими ихъ, тогда какъ споръ такой можетъ возникнуть въ теченіе давности, и отвѣтчикъ всегда въ правѣ оспаривать право на искъ, хотя-бы не существовало никакого спора со стороны первоначальнаго обладателя права, служащаго основаніемъ иска; притомъ Палата, признавая важнымъ лишь то, что представленные истцами документы суть дѣйствительно учредительскія свидѣтельства, не объяснила, почему это обстоятельство имѣетъ не только важное, но и какое-либо значеніе, а для опредѣленія значенія учредительскихъ свидѣтельствъ не обратилась ни къ общимъ гражданскимъ законамъ, ни къ уставу банка, которые опредѣляютъ учредительскія права, но не упоминаютъ даже о такихъ свидѣтельствахъ, и не привела въ своемъ рѣшеніи того закона, которымъ оправдывается важность учредительскихъ свидѣтельствъ, чѣмъ Палата нарушила 2 п. 711 ст. Уст. Гр. Суд. Указанія эти представляются неосновательными, такъ какъ Палата въ соображеніяхъ по второму вопросу не только прописала доводъ отвѣтчика о личномъ, а не имущественномъ характерѣ правъ учредителей, кромѣ ихъ права на дивидендъ, но прямо отвергла это мнѣніе отвѣтчика, находя, что въ § 95 устава банка упоминается о лицахъ, пріобрѣвшихъ „права“ учредителей, а не одно „право“ на

дивидендъ, и что, слѣдовательно, уставъ предполагаетъ возможность передачи и другихъ учредительскихъ правъ; что учредителямъ должна быть предоставлена полная свобода въ распоряженіи ихъ правами; что для банка должно быть безразлично, кому и въ какой долѣ принадлежитъ учредительское право; что обязанности свои банкъ долженъ исполнить предъ тѣмъ, кто докажетъ, что онъ учредитель, или преемникъ правъ учредителя; что въ способѣ перехода ихъ никто посторонній, а, слѣдовательно, и банкъ вмѣшиваться не долженъ; согласно же договору и протоколамъ учредителей, документомъ на всѣ учредительскія права, въ 1/120 долѣ, должно было служить учредительское свидѣтельство, подлежавшее передачѣ. Заключеніе Палаты о важности учредительскаго свидѣтельства объясняется вполнѣ изложеннымъ ею предъ тѣмъ содержаніемъ договора и протоколовъ учредителей, коими сіи послѣдніе установили не самыя права свои, изложенныя уже въ общихъ законахъ и уставѣ банка, а распредѣлили ихъ только между собою и установили лишь способъ удостовѣренія этихъ правъ и долей ихъ участія, въ формѣ учредительскихъ свидѣтельствъ, на что они именно въ виду отсутствія въ законахъ и уставѣ банка по этому предмету какихъ-либо постановленій и при очевидной необходимости удостовѣренія ихъ правъ предъ банкомъ и между собою имѣли полное право. Выводъ Палаты о важности учредительскихъ свидѣтельствъ объясняется и указаніемъ Палаты на то, что учредительскія свидѣтельства выдавались за подписью самого правленія банка и что въ представленной отвѣтчикомъ книгѣ отмѣчалась какъ выдача, такъ и послѣдующая передача этихъ свидѣтельствъ, изъ чего слѣдуетъ, что форма этого удостовѣренія правъ учредительскихъ освящена была самимъ правленіемъ банка, а посему для банка представляется обязательною. Если-же Палата въ рѣшеніи своемъ не привела закона, оправдывающаго важность и значеніе учредительскихъ свидѣтельствъ признанною 569 и 1536 ст. I ч. X Т. ненарушимостью договоровъ, то одно это обстоятельство, составляя лишь отступленія отъ формы, предписанной во 2 п. 711 ст. Уст. Гр. Суд., при неуказаніи просителемъ на нарушеніе Палатою въ этомъ отношеніи какого либо закона, не можетъ, по неоднократнымъ разъясненіемъ Правительствующаго Сената, служить поводомъ къ отмѣнѣ ея рѣшенія (рѣш. 1873 г. № 1485; 1876 г. № 264; 1878 г. №№ 116, 204 и др.); 3) возраженіе отвѣтчика о допущеніи со стороны истцовъ смѣшенія исковъ Палата разрѣшила примѣненіемъ не одной только 15 ст. Уст. Гр. Судопроизвод., но главнымъ образомъ примѣненіемъ точнаго смысла 258 ст. Уст. Гр. Суд., которая, по совершенно правильному мнѣнію Палаты, запрещаетъ смѣшивать въ одномъ исковомъ прошеніи иски, истекающіе изъ разныхъ основаній, но не запрещаетъ соединять иски, истекающіе изъ одного общаго для нихъ основанія (рѣш. 1872 г. № 1232; 1873 года №№ 62, 554; 1874 года № 511; 1880 года № 301 и др.). Установивъ же затѣмъ, что настоящій искъ возникъ по одному и тому же для всѣхъ истцовъ поводу, именно по поводу доказываемаго истцами, нарушенія общаго для истцовъ права на 1/5 часть акцій С.-Петербургско-Тульскаго банка, которое они выводятъ изъ смысла одного общаго для всѣхъ истцовъ акта, именно устава этого банка, Палата имѣла полное право признать, что настоящій искъ представляетъ собою соединеніе нѣсколькими лицами своихъ исковъ, имѣющихъ одно основаніе, но не смѣшеніе различныхъ по своимъ основаніямъ исковъ. Хотя 15 статья Уст. Гражданскаго Судопроизводства не разрѣшаетъ прямо этого вопроса, имѣя главнымъ образомъ въ виду установить право нѣсколькихъ истцовъ, участвующихъ въ одномъ дѣлѣ, представлять ходатайство одному общему повѣренному, но и изъ смысла 15 статьи Палата могла притти къ заключенію, что законъ допускаетъ вообще соединеніе нѣсколькими лицами своихъ исковъ, такъ какъ установляемое статьею этою право нѣсколькихъ участвующихъ въ одномъ дѣлѣ истцовъ искать чрезъ одного общаго повѣреннаго противопоставляется въ ней праву ихъ искать отдѣльно, т. е. самостоятельно. Посему указаніе кассатора, что въ данномъ случаѣ не было одного дѣла, въ которомъ участвовали нѣсколько истцовъ, а было напротивъ, соединеніе нѣсколькихъ самостоятельныхъ исковъ разныхъ лицъ, не заслуживаетъ уваженія, тѣмъ болѣе что нѣтъ закона, воспрещающаго соединеніе нѣсколькихъ, даже и

самостоятельныхъ, исковъ разныхъ лицъ, если только они проистекаютъ изъ одного и того же основанія; напротивъ того, изъ 3 пун. 373 ст. Уст. Гр. Суд., въ силу котораго цѣна иска въ искахъ нѣсколькихъ лицъ, отыскивающихъ слѣдующія имъ части изъ общаго цѣлаго, опредѣляется суммою всѣхъ отыскиваемыхъ частей (рѣш. 1867 г. № 87), оказывается, что иски разныхъ лицъ, отыскивающихъ не одно общее цѣлое, а причитающіяся каждому изъ нихъ части этого цѣлаго, могутъ быть соединяемы въ одинъ искъ, несмотря на то, что о каждой отдѣльной части общаго цѣлаго каждымъ истцомъ можетъ быть предъявленъ совершенно самостоятельный искъ, а такой именно случай представляется въ настоящемъ дѣлѣ, въ которомъ истцы отыскиваютъ каждый свою часть вознагражденія, причитающагося имъ за нарушеніе общаго ихъ права на пятую часть акцій банка. То указываемое просителемъ обстоятельство, что нѣкоторыя изъ истцовъ являются учредителями, а другія лицами, которымъ учредители передали свои учредительскія свидѣтельства, также не доказываетъ, чтобы Палата допустила смѣшеніе исковъ, вытекающихъ изъ разныхъ основаній, ибо основаніе иска, заключающееся, по выводу Палаты, въ нарушеніи установленнаго уставомъ права учредителей на $^1/_5$ часть акцій банка, очевидно, остается то же самое, какъ въ томъ случаѣ, когда право это удержано первоначальнымъ пріобрѣтателемъ его, такъ и въ томъ, когда оно передано другому лицу; 4) Палата не допустила указываемаго просителемъ нарушенія 366 ст. Уст. Гр. Суд. возложеніемъ, будто бы, на банкъ обязанности именно письменными документами или свидѣтелями доказать предположеніе о томъ, что учредители Тульскаго банка въ 1 мъ примѣчаніи къ § 1 му устава С.-Петербургско-Тульскаго банка названы учредителями сего послѣдняго банка вслѣдствіе редакціонной ошибки. Напротивъ того, заключеніе свое о недоказанности этого предположенія Палата подтвердила провѣркою въ существѣ, наличности именно того обстоятельства, которое просителемъ было указано какъ основаніе къ такому предположенію, т. е. что С. Петербургско-Тульскій банкъ образовался не дѣятельностью учредителей Тульскаго банка, а по почину его акціонеровъ: „Палата положительно отвергла мнѣніе отвѣтчика, что было бы неправильно учредителей Тульскаго банка считать учредителями совершенно иного учрежденія, каковымъ представляется С.-Петербургско Тульскій банкъ, установивъ изъ самаго устава банка, что 8 апрѣля 1872 года былъ утвержденъ уставъ Тульскаго банка, впослѣдствіи неоднократно измѣнявшійся съ разрѣшенія министра финансовъ, а не С. Петербургско-Тульскаго банка; что, слѣдовательно, нынѣшній уставъ С.-Петербургско Тульскаго банка есть не что иное, какъ измѣненный уставъ Тульскаго банка, а не новаго какого-либо учрежденія, каковое посредствомъ одного измѣненія чужого устава, безъ соблюденія порядка, установленнаго для учрежденія акціонерныхъ банковъ, очевидно, и возникнуть не могло; что, слѣдовательно, С.-Петербургско Тульскій банкъ есть тотъ же Тульскій банкъ, но получившій въ своей дѣятельности болѣе широкое развитіе; что измѣненіе названія банка представляется несущественнымъ обстоятельствомъ и что учредители Тульскаго банка должны быть считаемы и учредителями С.-Петербургско-Тульскаго банка. За установленіемъ же этихъ фактовъ, само собою устранялось предположеніе о томъ, что учредители эти въ уставѣ С.-Петербургско Тульскаго банка были поименованы по ошибкѣ. Проситель, между прочимъ, указываетъ на то, что, согласно Высочайше утвержденному 31 мая 1872 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, министръ финансовъ могъ измѣнять уставъ только при соблюденіи существующихъ объ акціонерныхъ обществахъ общихъ законовъ, по которымъ послѣ образованія компаніи учредительства не допускается, и при соблюденіи 8 й статьи этого мнѣнія, запрещающей давать учредителямъ вообще какія либо привилегіи, Палата же упустила это изъ виду, толкуя, вопреки 2158 ст. Т. X ч. I, что измѣненіе примѣчанія 1-го къ § 1 му устава С.-Петербургско-Тульскаго банка утверждено правительствомъ и притомъ по ходатайству акціонеровъ. Но указанія эти не идутъ вовсе къ настоящему дѣлу, такъ какъ о какомъ-либо новомъ учредительствѣ въ настоящемъ дѣлѣ, какъ это установила Палата, рѣчи нѣтъ, а 8-я статья приведеннаго мнѣнія Гос-су-

дарственнаго Совѣта запрещаетъ только установленіе въ будущемъ особыхъ премій изъ прибылей банка на учредительскіе паи или акціи; о правѣ же учредителей на извѣстную часть акцій банковъ ни въ 8, ни въ другихъ статьяхъ упомянутаго мнѣнія Государственнаго Совѣта никакихъ постановленій не содержится. Кромѣ этого, проситель видитъ нарушеніе 339 и 711 ст. Уст. Гражданск. Судопроизвод. въ томъ, что Палата, не на основаніи имѣвшихся въ дѣлѣ данныхъ, а по собственнымъ предположеніямъ, установила, что измѣненіе редакціи 1 го примѣчанія къ § 1-му устава Тульскаго банка произошло по ходатайству общаго собранія акціонеровъ, тогда какъ сіе послѣднее ходатайствовало объ измѣненіи лишь самаго § 1 го, а не примѣчанія къ нему. Но Палата признала примѣчаніе это не одною редакціонною ошибкою главнымъ образомъ потому, что постановленія по вопросамъ объ измѣненіи или дополненіи устава, согласно 87 и 88 ст. устава, предварительно ходатайства о семъ предъ правительствомъ, подлежатъ непремѣнному вѣдѣнію общаго собранія акціонеровъ, въ которое вносятся правленіемъ съ своимъ заключеніемъ, и что, такимъ образомъ, измѣненіе устава банка явилось плодомъ не одной дѣятельности учрежденія, въ коемъ, по предположенію повѣреннаго банка, могла произойти редакціонная ошибка. Слѣдовательно, Палата основала заключеніе свое не на одномъ своемъ предположеніи, а на выводѣ, вытекающемъ изъ предписаннаго уставомъ банка порядка; объясненіе просителя, что акціонеры въ дѣйствительности просили измѣнить лишь самый § 1, а не примѣчаніе къ нему, ничѣмъ по дѣлу не доказано, равно какъ и нѣтъ въ дѣлѣ указанія на то, чтобы проситель, какъ онъ утверждаетъ, просилъ Палату о выдачѣ ему свидѣтельства на полученіе изъ кредитной канцеляріи министерства финансовъ копіи съ представленія банка объ измѣненіи устава. Притомъ въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1879 г. № 300 уже разъяснено, что послѣ распубликованія 1-мъ Департаментомъ Правительствующаго Сената распоряженія министра финансовъ, относящихся къ измѣненіямъ въ дѣйствующихъ уставахъ кредитныхъ установленій, ни судебныя мѣста, ни Прав. Сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ не въ правѣ входить въ обсужденіе вопроса о томъ, послѣдовали ли эти измѣненія въ предѣлахъ предоставленной ему, министру финансовъ, власти; согласно съ симъ, на точномъ основаніи 62 и 63 ст. Зак. Осн. и соображеній, изложенныхъ въ вышеприведенномъ рѣшеніи Сената, судебныя мѣста при разрѣшеніи споровъ, относящихся къ кредитнымъ установленіямъ, уставы коихъ удостоены Высочайшаго утвержденія до изданія правилъ 31 мая 1872 года, обязаны руководствоваться, во первыхъ, текстомъ первоначальныхъ уставовъ во всемъ томъ, что не подверглось измѣненію, и, во-вторыхъ, новымъ текстомъ, распубликованнымъ въ установленномъ порядкѣ, согласно съ представленными министромъ финансовъ измѣненіями пунктовъ устава, къ коимъ сіи измѣненія пріурочены. Наконецъ, указаніе просителя на необсужденіе Палатою, вопреки 339 и 711 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства, доводовъ его о томъ, что расширеніе дѣятельности Тульскаго банка настолько существенно измѣнило природу первоначальнаго учрежденія, что оно должно почитаться переставшимъ существовать или сдѣлалось совсѣмъ другимъ учрежденіемъ, опровергается какъ вышеприведенными соображеніями Палаты о тождественности Тульскаго и С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка, такъ и тѣмъ ея соображеніемъ, коимъ признано, что въ измѣненное названіе банка могло быть постоянно включаемо перечисленіе хотя бы всѣхъ губерній, на которыя распространялась дѣятельность банка, безъ всякаго вліянія на основныя начала его учрежденія; 5) единственнымъ признакомъ личнаго, а не имущественнаго, характера учредительскаго права на полученіе одной пятой части акцій проситель во время производства дѣла въ судебныхъ инстанціяхъ выставлялъ невозможность передачи этого права другимъ лицамъ безъ объясненія тому причины, въ такомъ видѣ вопросъ этотъ, какъ это изложено выше, былъ обсужденъ Палатою, отвергнувшею личный характеръ этого права и недопустившею, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи нарушенія 339 ст. Уст. Гр. Судопроизв.; возраженіе же, что обладаніе правомъ учредителей на одну пятую часть акцій неизбѣжно связуется съ представленіемъ о личности учредителя по-

тому именно, что это есть право лицъ, создавшихъ извѣстное предпріятіе, вліять на его ходъ, является впервые въ кассаціонной жалобѣ и притомъ не находитъ себѣ подтвержденія ни въ законахъ I ч. X Т., ни въ уставѣ банка, не дающихъ ни малѣйшаго указанія, изъ коего можно было бы притти къ выводу, чтобы право это предоставлялось учредителямъ въ видахъ сохраненія за ними личнаго вліянія на ходъ предпріятія, а не въ видахъ одного вознагражденія за первоначальную мысль и за трудъ по ея осуществленію. Въ § 95 уст. С.-Петербургско Тульскаго банка сказано, между прочимъ, что изъ излишка чистой прибыли пятнадцать процентовъ отдѣляются въ пользу учредителей или ихъ наслѣдниковъ, или лицъ, пріобрѣвшихъ ихъ права; слѣдовательно, Палата совершенно правильно и согласно съ буквальнымъ изложеніемъ § 95 признала, что въ немъ упоминается о лицахъ, пріобрѣвшихъ „права“ учредителей, а не одно „право“ на дивидендъ, и что, слѣдовательно, уставъ предполагаетъ возможность передачи и другихъ учредительскихъ правъ; объясненіе же просителя, что о правѣ на полученіе акцій въ § 95 не могло быть рѣчи, такъ какъ это право устанавливается не въ § 95, а въ § 2 устава, и что Палата посему нарушила точный смыслъ означенныхъ постановленій, не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ право, устанавливаемое въ одномъ параграфѣ, очевидно, можетъ упоминаться и въ другомъ параграфѣ; 6) объясняя, что по § 2 му устава банка право учредителей на оставленіе за собою акцій является не безусловнымъ, а ограниченнымъ необходимостью сообразоваться съ требованіемъ 2165 ст. I ч. X Т., проситель указываетъ на неправильное толкованіе Палатою, по 3-му поставленному ею вопросу, §§ 1 и 2 устава, ст. 2165 въ связи съ статьями 2191, 2195, 2166 Т. X ч. I и § 7 устава банка, признаніемъ права учредителей на оставленіе за собою одной пятой части акцій не одного только перваго выпуска, но и пятаго выпуска. По мнѣнію просителя, подъ акціями, предназначенными къ выпуску, изъ общаго числа коихъ учредители въ правѣ отдѣлять въ свою пользу одну пятую часть, 2165 ст. разумѣетъ тѣ, о которыхъ говорится въ пунктѣ в. статьи 2191, и общее количество акцій или „всѣ акціи“ (какъ сказано въ уставѣ) есть также то ихъ количество, которое заранѣе опредѣлено при первоначальномъ изданіи устава; при противоположномъ толкованіи всѣ требованія закона, клонящіяся, конечно, къ ограниченію, а не расширенію привилегій учредителей, были-бы неисполнимы; такъ, напр., нельзя было бы опредѣлить числа акцій, отдѣляемыхъ въ пользу учредителей (ст. 2191 п. д.); нельзя было бы правительству обсудить при утвержденіи устава, давать ли учредителямъ одну пятую часть, или менѣе, и невозможно было бы при неограниченномъ правѣ на всѣ выпуски отдать учредителямъ лишь первые номера (§ 7 устава и ст. 2165 п. б. I ч. X Т.); а, между тѣмъ, правила эти существенны, ибо, согласно 2195 ст. I ч. X Т., размѣръ испрашиваемыхъ учредителями обществу и себѣ привилегій обсуждается правительствомъ и можетъ служить основаніемъ къ утвержденію устава съ болѣе умѣренными требованіями, почему при первоначальномъ ходатайствѣ учредители особенно запрашивать не станутъ, оставлять за собою первые номера приходится до предложенія акцій публикѣ (ст. 2166), слѣдовательно, также не безусловно еще выгодно, такъ какъ предпріятіе новое, и неизвѣстно, разберетъ ли остальныя акціи публика, а за всѣмъ тѣмъ закономъ даваемая учредителямъ привилегія не особенно велика; по толкованію же Судебной Палаты, привилегія эта разрастается до громадныхъ размѣровъ, и учредители избавляются отъ всякаго риска участія въ новомъ дѣлѣ, до установленія о немъ мнѣнія публики. Правительствующій Сенатъ не находитъ объясненія эти заслуживающими уваженія: по буквальному тексту § 2 устава С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка, который по ясности и опредѣлительности своей не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, „подписка на акціи какъ перваго, такъ и послѣдующихъ выпусковъ, производится на точномъ основаніи ст. 2163—2166 Т. X ч. I Свод. Зак. (изд. 1857 года), съ тѣмъ, во первыхъ, что учредители, согласно 2165 ст. Зак. Гражд., могутъ оставить за собою для раздѣла поровну одну пятую часть всѣхъ акцій, съ уплатою нарицательной ихъ цѣны въ установленные для подписки сроки.“ Толкованіе просителя, что общее ко-

личество акцій, или „всѣ акціи“, какъ сказано въ уставѣ, есть то ихъ количество, которое заранѣе опредѣлено, при первоначальномъ изданіи устава, противорѣчитъ предыдущимъ словамъ § 2, въ коихъ идетъ рѣчь о подпискѣ на акціи какъ первоначальнаго, такъ и послѣдующихъ выпусковъ, и притомъ не оправдывается вовсе сдѣланною въ параграфѣ этомъ ссылкою на 2165 ст. Тома X ч. I. Дѣйствительно, эта статья имѣетъ въ виду отдѣленіе учредителями въ свою пользу не болѣе одной пятой части акцій, выпускаемыхъ первоначально, при самомъ учрежденіи товарищества; но это происходитъ только оттого, что въ статьѣ сей, точно также какъ и во всемъ изданномъ въ 1836 г. Высочайше утвержд. Положеніи о компаніяхъ на акціяхъ (Полн. Собр. № 9763), вошедшемъ въ 1 ч. X Тома, не предусматривается еще вовсе образованія вкладочнаго капитала посредствомъ постепеннаго выпуска акцій, или дополнительныхъ выпусковъ, а это не значитъ еще, чтобы, за установленіемъ такихъ дополнительныхъ выпусковъ, уставами товариществъ, какъ въ данномъ случаѣ уставомъ С.-Петербургско Тульскаго поземельнаго банка (параграфъ 2), статья 2165 не могла бы быть распространяема и на эти выпуски, или чтобы подъ правомъ на одну пятую часть всѣхъ акцій, предоставляемыхъ учредителямъ тѣмъ же уставомъ, согласно 2165 статьѣ, но безъ оговорки, чтобы здѣсь понимались только всѣ акціи первоначальнаго выпуска, можно было разумѣть одно право на пятую часть сихъ послѣднихъ, съ исключеніемъ упоминаемыхъ въ одномъ и томъ-же параграфѣ акцій послѣдующихъ выпусковъ. Всякій законъ, на который дѣлается ссылка, долженъ быть примѣненъ только въ томъ отношеніи, въ которомъ на него сдѣлана ссылка, а не въ отношеніи того, что опредѣляется иначе самымъ тѣмъ постановленіемъ, въ коемъ ссылка эта сдѣлана: на 2165 статью уставъ С. Петербургско Тульскаго поземельнаго банка дѣлаетъ ссылку только въ отношеніи самаго порядка подписки на акціи, каковая, по словамъ § 2, должна производиться на основаніи 2163—2166 ст. I ч. X Т. (въ томъ числѣ и 2165), и въ отношеніи права учредителей на оставленіе за собою $^1/_5$ части акцій; но вопросъ о томъ, изъ какихъ именно акцій допускается отдѣленіе одной пятой части, разрѣшается текстомъ самаго устава словами „всѣхъ акцій“, каковое выраженіе, въ виду предыдущаго въ томъ-же предложеніи поименованія акцій какъ первоначальнаго, такъ и послѣдующихъ выпусковъ, по грамматическому своему смыслу обнимаетъ, очевидно, тѣ и другія. Въ виду такого буквальнаго смысла 2 устава, не можетъ имѣть никакого значенія то обстоятельство, что въ 2165 ст. говорится о пятой части общаго предназначеннаго къ выпуску числа акцій и что въ ст. 2191, пунктахъ в. и д. требуется означеніе уже въ самомъ проектѣ устава, вносимомъ на утвержденіе правительства, капитала компаніи, количества и цѣны акцій и числа акцій въ пользу учредителей. Обстоятельство это имѣетъ тѣмъ менѣе значенія, что самое число акцій послѣдующихъ выпусковъ не остается безъ точнаго опредѣленія, а предназначается, какъ и число акцій первоначальнаго выпуска, во время испрошенія и разрѣшенія ихъ, и что на 2191 ст. (изложенную въ отдѣлѣ о порядкѣ просьбъ объ учрежденіи компаній и порядкѣ ихъ разрѣшенія), на которую ссылается проситель, не сдѣлано ссылки ни въ уставѣ банка, ни даже въ самой 2165 ст. Наконецъ, указаніе просителя, будто-бы безъ точнаго опредѣленія, уже въ самомъ проектѣ устава компаніи, числа акцій, отдѣляемыхъ въ пользу учредителей, правительство при утвержденіи проектовъ будетъ лишено возможности обсудить степень умѣренности требованія учредителей, согласно 2195 ст. I ч. X Т., и что невозможно будетъ отдѣлить учредителямъ только первые номера акцій, согласно требованію 2165 ст. и § 7-му устава банка, не можетъ быть признано заслуживающимъ вниманія, ибо правительству для обсужденія выгодности или невыгодности проектовъ важно имѣть въ виду не цыфру отдѣляемыхъ въ пользу учредителей акцій, а отношеніе этой цыфры къ общему количеству выпускаемыхъ акцій, каковое опредѣляется достаточно ясно означеніемъ извѣстной части общаго количества безъ означенія цыфръ; а за совершенно яснымъ постановленіемъ въ § 2 устава банка, что подписка на акціи какъ перваго, такъ и послѣдующихъ выпусковъ производится на основаніи 2163—2166 ст. I ч. X Т., а въ томъ числѣ 2165 ст., заключающей въ себѣ пра-

вило объ отдѣленіи учредителямъ и запискѣ въ книгу акцій, начиная съ номера перваго по старшинству, не представляется никакого затрудненія примѣнять это правило не только при первомъ, но и при любомъ послѣдующемъ выпускѣ, путемъ отдѣленія въ пользу учредителей первыхъ номеровъ каждаго выпуска, независимо отъ того, что въ порядкѣ общей съ предыдущими выпусками нумераціи первыя акціи послѣдующаго выпуска и не назывались-бы первыми номерами; а также на нарушенъ § 7 устава банка, опредѣляющій только, что акціи должны имѣть послѣдовательный номеръ. Въ виду всего вышеизложен. и такъ какъ одно опасеніе просителя, что привилегія учредителей вслѣдствіе толкованія Судебной Палаты разростается до громадныхъ размѣровъ и что учредителей избавятся отъ риска, не доказываетъ еще, чтобы Палата отступила отъ буквальнаго смысла устава С. Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, слѣдуетъ притти къ заключенію, что Палата признаніемъ права учредителей на одну пятую часть акцій пятаго выпуска сего банка никакихъ законовъ не нарушила, и 7) проситель указываетъ, что Палата, обсуждая 4 вопросъ, о доказанности размѣра понесенныхъ истцами отъ неполученія одной пятой части убытковъ, и возраженіе повѣреннаго банка, Кобылинскаго, о зависимости цѣны акцій отъ ихъ количества на биржѣ и объ измѣненіи этого количества въ случаѣ оставленія пятой части за учредителями, нашла, что возможность вліянія на предложеніе принадлежности акцій извѣстнымъ лицамъ, какъ учредителямъ, а не простымъ акціонерамъ, не выяснена, и при этомъ допустила наруш. 339 ст. Уст. Гр. Суд., такъ какъ судъ не имѣетъ права не понятное имъ возраженіе, разъяснить которое онъ не пожелалъ и которое, между тѣмъ, не призналъ неимѣющимъ значенія въ дѣлѣ, на этомъ одномъ основаніи отвергнуть и основывать рѣшеніе на фактѣ, противъ котораго было направлено это возраженіе; но Палата отвергла возраженіе Кобылинскаго не только потому, что она считала возраженіе это невыясненнымъ, но и потому, что возможность вліянія на предложеніе принадлежности акцій извѣстнымъ лицамъ, какъ учредителямъ, а не простымъ акціонерамъ, она считала именно однимъ только предположеніемъ, каковой выводъ ея, относясь къ оцѣнкѣ представленныхъ отвѣтчикомъ объясненій, не подлежитъ, за силою 12 ст. Учр. Кас. Д—товъ, повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ; разъяснять же свои предположенія и подтверждать ихъ основательность, очевидно, лежитъ на обязанности самихъ тяжущихся, а никакъ не суда, который, за силою 367 ст. Уст. Гр. Суд., самъ не собираетъ справокъ, не принимаетъ никакого участія въ направленіи дѣла и взысканіи доказательствъ и отъ усмотрѣнія коего, по большей или меньшей ясности и основательности приводимыхъ сторонами доводовъ и ссылокъ, зависитъ и примѣненіе 368 ст. Уст. Гр. Суд. (р. 1868 г. № 760; 1869 г. № 48 1880 г. № 34 и др.). Засимъ, настоящія разъясненія просителя о томъ, что „при отдѣленіи въ пользу учредителей одной пятой части акцій 5 выпуска держатели акцій предшествовавшихъ выпусковъ получили бы при развертскѣ меньшее число акцій этого выпуска и что это именно не могло бы не вліять на цѣну акцій какъ предшествовавшихъ выпусковъ, такъ и 5 выпуска“, не могутъ подлежать обсужденію Правительств. Сената, такъ какъ въ этой формѣ они являются впервые въ кассаціонной жалобѣ, и притомъ относятся къ существу дѣла, не подлежащему разсмотрѣнію кассаціонной инстанціи. По всѣмъ симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: прошеніе повѣреннаго С. Петербургско-Тульскаго банка, оставить, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

160.—1882 года ноября 17-го дня. *По прошенію вдовы тайнаго совѣтника Надежды Муравьевой, за себя и какъ опекунши надъ дѣтьми своими: Валеріаномъ, Александромъ, Михаиломъ и Надеждою Муравьевыми, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ П. О. Тизенгаузенъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора В. С. Лозино-Лозинскій).

По дарственной записи отъ 10 января 1852 года статскій совѣтникъ Гожелинскій подарилъ имѣнія свои, находящіяся въ Серпуховскомъ и По-

дольскомъ уѣздахъ, дочери своей Еленѣ Муравьевой и малолѣтнему внуку своему Николаю Валеріановичу Муравьеву, съ тѣмъ, между прочимъ: во 1 хъ) чтобы имѣнія эти были раздѣлены между сими лицами на равныя части и во 2 хъ) чтобы впредь до достиженія Николаемъ Муравьевымъ 21 года часть его находилась в. полномъ управленіи и пользованіи отца его, Валеріана Муравьева, въ распоряженіе коего поступаютъ и всѣ получаемые съ сей части имѣнія „доходы“. На этомъ основаніи совершена между означенными Муравьевыми раздѣльная запись 4 мая 1856 года. Согласно съ этими цвумя документами, Серпуховская дворянская опека сдѣлала 18 іюня того же года распоряженіе о передачѣ имѣнія Николая Муравьева отцу и опекуну его Валері..ну Муравьеву для пользованія имъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ записи 1852 года. Послѣ того по письменнымъ условіямъ отъ 1 го іюля 1844 года, 30 октября 1866 года и 8 ноября 1867 г. Валеріанъ Муравьевъ продалъ разнымъ лицамъ изъ означеннаго имѣнія сына 394 дес. 550 саж. лѣса на срубъ за 49000 рублей. Изъ этихъ денегъ онъ получилъ 42000 руб., а остальные 7000 рублей получены были уже послѣ смерти его, послѣдовавшей въ 1869 г., собственникомъ имѣнія, самимъ Николаемъ Муравьевымъ. Между тѣмъ, въ правахъ наслѣдства къ оставшемуся послѣ Валеріана Муравьева имуществу утверждены были въ 1870 году тотъ же Николай Муравьевъ и дѣти отъ второго брака его отца, Валеріанъ, Александръ, Михаилъ и Надежда и мать ихъ Надежда Муравьевы. Въ апрѣлѣ 1871 г. Николай Муравьевъ обратился (чрезъ повѣреннаго своего) въ Новгородскій Окружный Судъ (по мѣсту нахожденія недвижимаго имущества отвѣтчиковъ) съ исковымъ прошеніемъ, въ которомъ, объясняя, что по записи 1852 года отецъ его могъ пользоваться только доходами съ имѣнія его, истца, что продижа имъ лѣса на срубъ на 49000 р. не составляетъ извлеченія дохода изъ имѣнія (620, 626, 434 и 635 ст. Тома X ч. I) .и что поэтому отецъ его не имѣлъ на нее права, а, слѣдовательно, неправильно получилъ въ свою пользу и вырученные этою продажею 42000 руб., которые принадлежатъ ему, истцу, просилъ: за вычетомъ изъ этихъ 42000 р. тѣхъ 7350 р., которые упадаютъ на его долю, какъ состоящаго также наслѣдникомъ отца, взыскать въ пользу его, истца, остальные 34650 рублей съ другихъ наслѣдниковъ тайнаго совѣтника Валеріана Муравьева, а именно—съ вдовы его Надежды и дѣтей ея Валеріана, Александра, Михаила и Надежды Муравьевыхъ. Новгородскій судъ постановилъ по сему дѣлу, за неявкою отвѣтчиковъ заочное рѣшеніе, но такъ какъ на это рѣшеніе отвѣтчики подали отзывъ *), заявивъ въ немъ просьбу о переводѣ этого дѣла въ С. Петербургскій Окружный Судъ по мѣсту ихъ жительства, то Новгородскій Судъ опредѣлилъ: настоящее дѣло для производства перевести въ С. Петербургскій Окружный Судъ, съ возвращеніемъ истцу исковаго прошенія. Тогда повѣренный истца, Николая Муравьева представилъ означенное рѣшеніе 2 сентября 1871 г. въ С.-Петербургскій Окружный Судъ, вслѣдствіе чего противная сторона была вызвана въ оный къ отвѣту. Въ засѣданіи сего суда 18 октября 1871 г. повѣренный отвѣтчиховъ, присяжный повѣренный Зубаревъ, заявилъ встрѣчный искъ и просилъ назначить ему срокъ для письменнаго изложенія сего иска. Окружный Судъ, разсмотрѣвъ въ томъ же засѣданіи упомянутое ходатайство Зубарева, отказалъ (по особому опредѣленію) въ удовлетвореніи его потому: во-1 хъ) что настоящее дѣло переведено для производства въ С.-Петербургскій Окружный Судъ изъ Новгородскаго Окружнаго Суда, причемъ изъ объясненій сторонъ видно, что Новгородскимъ Судомъ уже было постановлено по оному заочное рѣшеніе, противъ котораго Зубаревымъ поданъ былъ отзывъ, принятый Новгородскимъ Судомъ, постановившимъ затѣмъ о переводѣ дѣла въ С. Петербургскій Окружный Судъ; 2) что, по 340 ст. Уст. Гр. Судопр., встрѣчный искъ долженъ быть заявленъ въ первой отвѣтной бумагѣ, а если таковая подана не была, то въ первомъ засѣданіи по дѣлу; 3) что,. по 731 ст. Уст. Гр. Суд., съ принятіемъ отзыва противъ заочнаго рѣшенія, дѣло возвращается въ то положеніе, въ которомъ оно находилось до рѣшенія; 4) что, слѣдовательно, всѣ тѣ дѣйствія по производству дѣла, ко-

*) Ни этого рѣшенія, ни подлиннаго отзыва въ дѣлѣ не имѣется.

торыя предшествовали постановленію заочнаго рѣшенія, въ томъ числѣ и самое засѣданіе суда, имѣвшее послѣдствіемъ постановленіе сего рѣшенія остаются въ силѣ; 5) что посему въ настоящемъ дѣлѣ за отсутствіемъ отвѣтной бумаги, которая была бы подана до засѣданія, въ которомъ Новгородскій Окружный Судъ постановилъ заочное рѣшеніе, крайнимъ срокомъ для предъявленія встрѣчнаго иска должно быть признано это состоявшееся въ Новгородскомъ Судѣ засѣданіе, и 6) что въ этомъ засѣданіи встрѣчнаго иска заявлено не было и, слѣдовательно, предоставляемый на это закономъ срокъ отвѣтчиками пропущенъ, хотя бы даже оказалось, что о встрѣчномъ искѣ было сдѣлано заявленіе въ отзывѣ на заочное рѣшеніе. Обсудивъ засимъ настоящее дѣло по существу, С. Петербургскій Окружный Судъ рѣшеніемъ своимъ, состоявшимся того же 18 октября 1871 года, присудилъ истцу Николаю Муравьеву съ отвѣтчиковъ 34469 рублей 61 коп. На изложенное выше частное опредѣленіе Суда и на рѣшеніе его по существу повѣренный отвѣтчиковъ, Зубаревъ, принесъ въ С.-Петербургскую Судебную Палату апелляціонную жалобу, въ которой относительно встрѣчнаго иска заявилъ, между прочимъ: 1) что по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената 1868 г. № 724 и 762 встрѣчный искъ можетъ быть предъявляемъ въ отзывѣ на заочное рѣшеніе, если этотъ отзывъ есть первая отвѣтная бумага, подаваемая отвѣтчикомъ въ судъ; 2) что производство сего дѣла въ Новгородскомъ Окружномъ Судѣ должно считаться прекращеннымъ, а производство въ С. Петербургскомъ Судѣ должно быть признаваемо производствомъ вполнѣ самостоятельнымъ, а не продолженіемъ производства Новгородскаго Суда; вслѣдствіе чего слѣдуетъ считать, что засѣданіе С.-Петербургскаго Суда 18 октября 1871 г. было первымъ по настоящему дѣлу засѣданіемъ, въ которомъ поэтому онъ, Зубаревъ, имѣлъ право заявить встрѣчный искъ, и 3) что этотъ встрѣчный искъ основанъ на томъ, что довѣрителямъ его, Зубарева, должны быть возвращены всѣ деньги, издержанныя отцомъ ихъ, Валеріаномъ Муравьевымъ, на улучшеніе имѣнія истца Николая Муравьева. Послѣ того въ апрѣлѣ 1873 года отвѣтчики представили въ Палату копію съ подданнаго повѣреннымъ ихъ, Зубаревымъ, въ 1871 году въ Новгородскій Окружный Судъ отзыва на упомянутое выше заочное рѣшеніе того Суда. Изъ сего отзыва видно, что въ немъ Зубаревъ, прося о переводѣ сего дѣла въ С. Петербургскій Окружный Судъ и представляя возраженія по существу иска Николая Муравьева, предъявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и встрѣчный къ нему искъ: а) о признаніи за нимъ, Николаемъ Муравьевымъ, права требовать возврата лишь той суммы, вырученной отъ продажи лѣса, какая будетъ найдена судомъ превышающею обыкновенный доходъ, и б) объ обязаніи Николая Муравьева къ возврату вдовѣ тайнаго совѣтника Валеріана Муравьева и дѣтямъ ея всѣхъ денегъ, потраченныхъ покойнымъ отцомъ истца на содержаніе и улучшеніе его имѣнія, а равно и на содержаніе, воспитаніе и образованіе истца. Судебная Палата (по 2 му гражданскому департаменту), разсмотрѣвъ это дѣло 23 апрѣля 1873 года, утвердила упомянутое выше опредѣленіе и рѣшеніе Окружнаго Суда. По кассаціонной жалобѣ повѣреннаго вдовы тайнаго совѣтника Муравьевой и дѣтей ея Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 8 апрѣля 1875 года отмѣнилъ это рѣшеніе Палаты, по нарушенію 339 стат. Устава Гражд. Судопроизвод., и передалъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же Палаты. Изъ указа сего видно: во-1 хъ) что въ означенной кассаціонной жалобѣ, по которой онъ послѣдовалъ, основаніемъ таковой было жалобщикомъ выставлено нарушеніе Судебною Палатою только 514, 536, 554 ст. и примѣч. къ ст. 116 Тома X ч. I, и во 2-хъ) что усмотрѣнное Правительствующимъ Сенатомъ въ означенномъ указѣ его нарушеніе Палатою 339 статьи Устава Граж. Судопроизводства заключалось въ слѣдующемъ: по содержанію возраженія представленнаго отвѣтчиками по существу иска, Палатѣ для правильнаго разрѣшенія настоящаго дѣла предстояло установить, дѣйствительно ли продажа лѣса, которую Валеріанъ Муравьевъ дозволилъ себѣ произвести изъ имѣнія сына, превысила тотъ размѣръ, въ которомъ такая продажа принадлежала ему въ силу закона и акта Гежелинскаго, и если превысила, то въ виду того, что Николай Муравьевъ можетъ получить вознагражденіе только за такое пользованіе отца его лѣсомъ, ко-

торое переступило границы предоставленнаго ему права пользованія доходами съ имѣнія, опредѣлить размѣръ сказаннаго вознагражденія. Палата же эти вопросы, непосредственно вытекавшіе изъ требованія и возраженія сторонъ и, слѣдовательно, по статьѣ 694 Устава Гражданскаго Судопроизвод., подлежавшіе разрѣшенію, оставила безъ всякаго обсужденія. Но 1 й департаментъ С. Петербургской Судебной Палаты 3 октября 1875 г. также утвердилъ какъ частное опредѣленіе, такъ и рѣшеніе Окружнаго Суда. По новой кассаціонной жалобѣ вдовы Муравьевой и дѣтей ея на вторичное рѣшеніе Палаты настоящее дѣло опять поступило на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, изъ коего и послѣдовалъ затѣмъ указъ отъ 27 мая 1877 года за № 2517. Въ указѣ этомъ сказано, между прочимъ: „Въ принесенной Правительствующему Сенату жалобѣ повѣренный вдовы тайнаго совѣтника Надежды Муравьевой ходатайствуетъ объ отмѣнѣ, по нарушенію 813 и 366 ст. Устава Гражд. Судопроизвод., рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты, коимъ присуждено съ Надежды Муравьевой и ея малолѣтнихъ дѣтей 34650 р. въ пользу коллежскаго секретаря Николая Муравьева . . .“ „Обстоятельства дѣла, насколько они касаются кассаціонныхъ поводовъ, подлежащихъ нынѣ обсужденію, заключаются въ слѣдующемъ . . .“ и затѣмъ излагаются подробно лишь обстоятельства, относящіяся до первоначальнаго иска Николая Муравьева о 34650 руб., о встрѣчномъ же искѣ упомянуто только вкратцѣ, что онъ былъ заявленъ, что Окружный Судъ отказалъ въ ходатайствѣ объ отсрочкѣ засѣданія для изложенія его письменно и что искъ этотъ былъ направленъ къ принятію въ разсчетъ сдѣланныхъ Валеріаномъ Муравьевымъ улучшеній по имѣнію. Но засимъ далѣе въ этомъ указѣ Сената не говорится, чтобы часть рѣшенія Палаты, касающаяся встрѣчнаго иска, была обжалована кѣмъ либо изъ тяжущихся. Въ заключеніе означенный указъ Правительствующаго Сената содержитъ въ себѣ слѣдующее: „разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что Палата, установивъ, что умершій Валеріанъ Муравьевъ переуступилъ принадлежавшее ему право пользованія лѣсомъ въ имѣніи, составлявшемъ собственность его сына, разрѣшила вопросъ о размѣрѣ вознагражденія, на которое имѣетъ право Николай Муравьевъ, въ томъ смыслѣ, что только при обнаруженіи существованія въ имѣніи правильнаго лѣсного хозяйства представлялось бы возможнымъ принять въ соображеніе ходатайство отвѣтчиковъ объ исчисленіи суммы вознагражденія, причитающагося Николаю Муравьеву соразмѣрно ущербу, причиненному ему такимъ со стороны отца его пользованіемъ лѣсомъ, которое переступило границы предоставленнаго ему права пользованія доходами съ имѣнія, а въ томъ числѣ лѣснымъ производствомъ, и что затѣмъ не представляется надобности въ какихъ либо дополнительныхъ свѣдѣніяхъ по этому предмету. Этотъ выводъ Палаты не соотвѣтствуетъ буквальному содержанію состоявшагося по настоящему дѣлу указа Правительствующаго Сената (1875 года), силою котораго размѣръ вознагражденія, могущаго причитаться Николаю Муравьеву, поставленъ въ зависимость отъ иного обстоятельства, а именно отъ опредѣленія того, насколько Валеріанъ Муравьевъ могъ на дѣлѣ, на основаніи дарственной записи, законовъ о правѣ пожизненнаго владѣнія и хозяйственныхъ потребностей имѣнія, пользоваться лѣснымъ производствомъ онаго“. Признавъ посему, что и вторичное рѣшеніе С. Петербургской Палаты постановлено съ нарушеніемъ закона, а именно статья 813 Устава Гражданскаго Судопроизводства, Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ и это рѣшеніе и передалъ дѣло въ Московскую Судебную Палату. Въ засѣданіи Московской Судебной Палаты повѣренный отвѣтчиковъ, князь Анчабадзе, во-первыхъ, заявилъ, что такъ какъ для исполненія этого указа Правительствующаго Сената Палатѣ слѣдуетъ опредѣлить, насколько Валеріанъ Муравьевъ превысилъ свою власть въ пользованіи доходами съ имѣнія, то при разрѣшеніи сего вопроса Палатѣ предлежитъ вычесть изъ полученныхъ имъ, Муравьевымъ, за лѣсъ 42000 руб. какъ цѣнность того количества лѣса, на продажу котораго онъ имѣлъ право, такъ и цѣнность сонокосовъ, проданныхъ вмѣстѣ съ лѣсомъ, а для этого необходимо допросить экспертовъ и произвести осмотръ имѣнію, чтобы опредѣлить степень производительной силы почвы, качества лѣса и стоимости сѣнокосовъ, и, во-вторыхъ, повто-

рилъ сдѣланное еще въ предшествующихъ судебныхъ по настоящему дѣлу засѣданіяхъ указаніе свое на то, что вырученныя отъ продажи лѣса деньги употреблены Валеріаномъ Муравьевымъ не въ свою пользу, а на улучшеніе имѣнія своего сына, Николая, и на хозяйственныя постройки, каковыхъ тамъ прежде вовсе не было. Но Судебная Палата предварительно разрѣшенія вопроса о необходимости просимаго княземъ Анчабадземъ осмотра при участіи свѣдущихъ людей предоставила ему, на основаніи 368 ст. Устава Гражд. Судопроизв., представить доказательства въ разъясненіе того, что при поступленіи упомянутаго имѣнія въ управленіе Валеріана Муравьева никакой усадьбы въ ономъ не существовало, что послѣ сего въ имѣніи этомъ возведены Валеріаномъ Муравьевымъ хозяйственныя постройки, и какія именно, и что постройки эти поступили къ истцу, Николаю Муравьеву. Вслѣдствіе сего князь Анчабадзе, ссылаясь на то, что и самъ истецъ не станетъ отрицать возведенія всѣхъ въ его имѣніи построекъ отцомъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, въ подтвержденіе возведенія ихъ Валеріаномъ Муравьевымъ, на вышеупомянутые дарственную запись Гежелинскаго и раздѣльный актъ 4 мая 1856 г., на арендный договоръ истца съ купцомъ Муратовымъ, а также на указанныхъ имъ, просителемъ, свидѣтелей, вообще близко знающихъ всѣ подробности означеннаго имѣнія, которыхъ и просилъ допросить подъ присягою, и притомъ въ присутствіи экспертовъ, ради наилучшаго выясненія всѣхъ вопросовъ. Стоимость же построекъ съ меблировкою князь Анчабадзе опредѣлилъ въ 28000 руб., для удостовѣренія чего сослался на конторскія книги имѣнія и тоже на свидѣтелей, которые могутъ подтвердить вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что, кромѣ забратъ на постройки, произведены Валеріаномъ Муравьевымъ еще и другія по имѣнію его сына затраты, которыя кн. Анчабадзе и поименовалъ, сведя общій итогъ всему положенному Валеріаномъ Муравьевымъ въ это имѣніе капиталу, равняющійся 35854 р. 66 к., почему полагалъ, что не только Валеріанъ Муравьевъ ничего не долженъ сыну, но, по всей справедливости, еще ему слѣдовало бы выплатить болѣе 30 тыс. руб. Въ заключеніе кн. Анчабадзе добавилъ къ прежде указаннымъ имъ расходамъ Валеріана Муравьева еще 1000 р., уплаченные Вешнякову, и 5750 руб. Гежелинскому, въ подтвержденіе каковыхъ уплатъ представилъ письменныя доказательства. По выслушаніи возраженій со стороны истца противъ этихъ объясненій повѣреннаго отвѣтчиковъ, причемъ отъ перваго изъ нихъ тоже были представлены разные документы, Судебная Палата опредѣлила: 1) предоставить истцу представить расчетъ и доказательства утвержденія его, что право пользованія лѣсомъ, какое могло принадлежать Валеріану Муравьеву въ теченіе временнаго владѣнія его имѣніемъ сына, исчерпано размѣрами хозяйственной рубки дровъ и другихъ лѣсныхъ матеріаловъ, производившейся на потребности имѣнія и на продажу, и 2) поручить члену Судебной Палаты произвести, по предъявленіи означенныхъ расчета и доказательствъ, повѣрку расчета съ документами, на основаніи 534 ст. Уст. Гр. Судопр. По заключеніи повѣрки произведеннаго, вслѣдствіе сего расчета, другой повѣренный отвѣтчиковъ, присяжный повѣренный Алексѣевъ, объясняя въ судебномъ засѣданіи Палаты, что повѣрка эта не убѣдила его въ томъ, чтобы размѣры хозяйственнаго со стороны Валеріана Муравьева пользованія лѣсомъ исчерпывали тотъ размѣръ пользованія онымъ, на какой ему принадлежало право, настаивалъ на необходимости, для опредѣленія сего размѣра, произвести тотъ осмотръ съ участіемъ свѣдущихъ людей, о которомъ просилъ прежній повѣренный отвѣтчиковъ, и поддерживалъ вообще всѣ ходатайства, симъ послѣднимъ заявленныя. Съ своей стороны повѣренный истца доказывалъ безцѣльность означеннаго осмотра, утверждая, что имъ представлены къ настоящему дѣлу всѣ книги и документы, какіе только оказались въ имѣніи его довѣрителя при передачѣ ему онаго. Московская Судебная Палата, разсмотрѣвъ 14 мая 1881 года настоящее дѣло и остановясь прежде всего на частномъ вопросѣ объ отказѣ С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ въ принятіи къ своему разсмотрѣнію встрѣчнаго иска отвѣтчиковъ Муравьевыхъ, нашла: 1) что, по силѣ 340 ст. Уст. Гр. Суд., встрѣчный искъ предъявляется не позже, какъ въ первой отвѣтной бумагѣ, а если таковая не была подана, то въ первомъ засѣданіи по дѣлу; 2) что,

на основаніи разъясненій, преподанныхъ Правительствующимъ Сенатомъ (рѣш. Гражд. Кас. Департ. 1868 г. №№ 724, 762; 1869 г. № 1180; 1870 г. № 1286), встрѣчный искъ можетъ быть заявленъ и въ отзывѣ на заочное рѣшеніе, если отзывъ этотъ былъ первой отвѣтной бумагой, поданной въ судъ; 3) что посему, такъ какъ во время производства дѣла Муравьевыхъ въ Новгородскомъ судѣ первою отвѣтною бтмагою со стороны отвѣтчиковъ былъ отзывъ 16 іюня 1871 года, въ которомъ они и предъявили встрѣчный искъ, первымъ же по сему дѣлу засѣданіемъ было засѣданіе 21 мая 1871 года, въ которомъ Новгородскимъ Окружнымъ Судомъ постановлено заочное рѣшеніе, то повѣренный отвѣтчиковъ послѣ перевода дѣла въ С. Петербургскій Окружный Судъ, какъ воспользовавшійся уже 16 іюня 1871 года предоставленнымъ по закону правомъ предъявленія встрѣчнаго иска, не могъ просить вновь о назначеніи ему срока для письменнаго изложенія встрѣчнаго иска, а долженъ былъ взять изъ производства Новгородскаго Окружнаго Суда отзывъ 16 іюня 1871 г. (ст. 582 и 583 Уст. Гр. Суд.) и, представивъ этотъ отзывъ, а равно и другія бумаги по предъявленному встрѣчному иску суду, просить о дачѣ сему отзыву, въ которомъ былъ изложенъ встрѣчный искъ, дальнѣйшаго движенія, но повѣренный отвѣтчиковъ, вопреки 367 стат. Уст. Гражд. Суд. и несмотря на вызовъ отвѣтчиковъ еще 13 сентября 1871 года С. Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ, не исполнилъ сего ко времени засѣданія того Суда 18 октября 1871 года, а равно и не просилъ о предоставленіи отсрочки разсмотрѣнія дѣла по существу для дачи ему возможности представить отзывъ 16 іюня 1871 года. Хотя же повѣренный отвѣтчиковъ считалъ производство сего дѣла въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ отдѣльнымъ, не состоящимъ въ связи съ производствомъ Новгородскаго Окружнаго Суда, а потому признаетъ засѣданіе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда 18 октября 1871 г. первымъ по сему дѣлу засѣданіемъ, но такой взглядъ не согласуется съ самымъ понятіемъ о переводѣ дѣла изъ одного суда въ другой, дозволенномъ ст. 580—583 Уст. Гр. Суд., такъ какъ въ томъ судѣ, въ которомъ былъ первоначально предъявленъ главный искъ, дѣло не прекращается производствомъ съ предоставленіемъ истцу начать оный въ другомъ судѣ, а переводится, какъ сказано въ законѣ, причемъ судомъ, разрѣшающимъ переводъ, могутъ быть приняты мѣры къ обезпеченію иска. *Поэтому, такъ какъ засѣданіе 18 октября 1871 года въ С.-Петербургскомъ* Окружномъ Судѣ не можетъ быть признано, какъ доказываетъ повѣренный отвѣтчиковъ, первымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно разумѣется въ ст. 340 Уст. Гр. Суд., и такъ какъ въ законѣ не содержится правила о томъ, чтобы можно было бы два раза по одному и тому же дѣлу предъявлять встрѣчный искъ, какъ это произошло бы, если бы С. Петербургскій судъ удовлетворилъ требованіе повѣреннаго отвѣтчиковъ, заявленное въ засѣданіи 18 октября 1871 года, т-.е. предоставилъ бы ему предъявить не тотъ искъ, который былъ уже предъявленъ 16 іюня 1871 года, а вновь изложить искъ свой на письмѣ, то ходатайство апеллятора объ отмѣнѣ частнаго опредѣленія Окружнаго Суда отъ 18 го октября 1871 года, коимъ отказано въ принятіи къ разсмотрѣнію его встрѣчнаго иска, очевидно, представляется неосновательнымъ. Что же касается до дальнѣйшаго его требованія, о признаніи иска этого подлежащимъ разсмотрѣнію во второй инстанціи суда, то, при неуважительности приведенныхъ доводовъ противъ отказа Окружнаго Суда въ принятіи онаго, требованіе сіе не подлежитъ удовлетворенію, за силою 12 ст. Уст. Гражд. Суд. и въ виду разъясненія, преподаннаго Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1878 г. № 115 о томъ, что встрѣчный искъ, потому только, что онъ подлежитъ совокупному разсмотрѣнію съ главнымъ искомъ, не имѣетъ права на какія либо изъятія изъ общаго порядка судопроизводства. Перейдя засимъ къ обсужденію иска Николая Муравьева о 34650 рубл., Судебная Палата постановила слѣдующее: I. Отвѣтчики утверждаютъ, что Валеріанъ Муравьевъ продалъ лѣсъ на срубъ не только по праву пользованія, предоставленому временному владѣльцу, но и по праву распоряженія имѣніемъ опекаемаго, принадлежащему опекуну; со стороны же истца правильность этого довода отрицается и указывается на то, что Валеріанъ Муравь-

евъ продалъ лѣсъ на срубъ, какъ временный владѣлецъ имѣнія Николая Муравьева. Такое объясненіе истца представляется вполнѣ согласнымъ съ обстоятельствами настоящаго дѣла, утверждаемое же повѣреннымъ отвѣтчиковъ положеніе неосновательнымъ. Дѣйствительно, 1) изъ записи 10 января 1852 г. видно, что имѣніе Николая Муравьева было предоставлено Валеріану Муравьеву въ полное управленіе и пользованіе, а не для завѣдыванія онымъ въ качествѣ опекуна несовершеннолѣтняго собственника; 2) указъ Серпуховской дворянской опеки отъ 13 іюня 1856 г. удостовѣряетъ, что доставшееся по раздѣлу 4 мая того года на часть Николая Муравьева имѣніе Гежелинскаго, на основаніи дарственной записи 10 января 1852 года и согласно просьбѣ самого Валеріана Муравьева, передано сему послѣднему въ полное управленіе, на условіяхъ, изложенныхъ въ записи, т. е. несомнѣнно какъ временному владѣльцу, а не опекуну, и 3) въ условіяхъ о продажѣ лѣса Валеріаномъ Муравьевымъ Фомичеву и Прокину въ 1864, 1866 и 1867 годахъ значится, что лѣсъ проданъ изъ имѣнія, находящагося у Валеріана Муравьева „въ полномъ управленіи и распоряженіи“. Въ виду сего Судебная Палата признаетъ правильнымъ установить, что продажа лѣса на срубъ Фомичеву и Прокину совершена Валеріаномъ Муравьевымъ исключительно въ качествѣ временнаго владѣльца имѣнія. II. Сущность упомянутой записи Гежелинскаго отъ 10 го января 1852 года заключалась въ томъ, что Гежелинскій подаренное имъ Николаю Муравьеву имѣніе впредь до достиженія имъ совершеннолѣтія предоставилъ, какъ сказано въ записи, „въ полное управленіе и пользованіе Валеріану Муравьеву, съ тѣмъ, что всѣ получаемые съ имѣнія этого доходы поступаютъ въ его распоряженіе“. Такимъ образомъ, даритель, установивъ въ лицѣ Валеріана Муравьева управленіе имѣніемъ и ввѣривъ ему въ полное распоряженіе и пользованіе доходы, не предоставилъ ему, однако, права безусловно и неограниченно распоряжаться самымъ имѣніемъ, а слѣдовательно, не ввѣрилъ ему того распоряженія, которое по закону (541 и 542 ст. Т. X ч. I), въ соединеніи съ правомъ собственности (предоставленнымъ въ данномъ случаѣ Николаю Муравьеву), состоитъ, между прочимъ, во власти отчуждать имущество, въ предѣлахъ, закономъ означенныхъ. Отсюда надлежитъ установить, что по буквальному смыслу означенной записи Валеріанъ Муравьевъ получилъ только права управленія и пользованія имѣніемъ Николая Муравьева и распоряженія доходами съ онаго до совершеннолѣтія собственника; право же отчужденія, и притомъ въ свою пользу, самаго имѣнія и его принадлежностей ему не принадлежало (514 ст. Т. X ч. I), а слѣдовательно, не принадлежало право отчужденія лѣса въ имѣніи внѣ предѣловъ пользованія доходами съ онаго. За такимъ разрѣшеніемъ вопроса о правѣ, которое по записи 10 января 1852 года получилъ Валеріанъ Муравьевъ на лѣсъ, произраставшій въ имѣніи истца, и въ виду спора тяжущихся относительно того, входитъ ли и въ какой мѣрѣ въ предѣлы этого права продажа Валеріаномъ Муравьевымъ лѣса на срубъ Фомичеву и Прокину, т. е., другими словами, осуществилъ ли Валеріанъ Муравьевъ этою продажею только предоставленное ему право пользованія доходами съ лѣса, или онъ предѣлы этого права превысилъ, и если превысилъ, то въ чемъ именно заключается это превышеніе, за которое онъ долженъ отвѣтствовать предъ собственникомъ имѣнія, слѣдуетъ разрѣшить еще другіе вопросы, изъ которыхъ первый есть возбужденный тяжущимися о томъ, что понимать подъ доходомъ съ лѣса, принадлежащимъ пользователю безъ нарушенія права, на эту часть имѣнія собственника онаго, въ данномъ случаѣ Николая Муравьева. Истецъ доказываетъ, что по условіямъ имѣнія допущенная Валеріаномъ Муравьевымъ продажа лѣса представлялась не извлеченіемъ дохода съ имѣнія, а отчужденіемъ самаго имѣнія; отвѣтчики же утверждаютъ, что означенная продажа лѣса не превышала хозяйственныхъ силъ имѣнія и не нарушала правилъ лѣсного хозяйства, а слѣдовательно, была извлеченіемъ дохода съ онаго, а не отчужденіемъ имѣнія, какъ это домогается доказать истецъ. По закону, въ отношеніи частныхъ владѣльческихъ лѣсовъ Уставъ Лѣсной (561 ст. изд. 1876 г.) установляетъ то общее правило, что всѣ лѣса, растущіе въ дачахъ владѣльческихъ, состоятъ въ пользованіи и распоряженіи ихъ вла-

дѣльцевъ на правѣ полной собственности, а засимъ относительно этихъ лѣсовъ опредѣляетъ только нѣкоторыя полицейскія или фискальныя мѣры (562—619 ст. изд. 1876 г.), но не касается вопроса о томъ, въ чемъ заключается правильное лѣсное хозяйство и что можетъ быть признаваемо доходомъ съ онаго, входящимъ въ предѣлы пользованія, а не уничтоженія лѣса, въ качествѣ одной изъ доходныхъ статей имѣнія. Относительно собственно казенныхъ лѣсовъ, лѣсовъ въ поіезуитскихъ и конфискованныхъ имѣніяхъ и лѣсовъ, принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ, въ Уставѣ Лѣсномъ опредѣлены правила лѣсного хозяйства и извлеченія изъ онаго доходовъ (ст. 220—260, 328—333, 338—560, 620—659, прилож. къ стат. 138 Т. VIII Уст. Лѣсн. изд. 1876 г.), сущность которыхъ заключается въ снятіи лѣса на хозяйственный планъ, въ таксаціи онаго, составленіи ежегодныхъ смѣтъ, распредѣленіи на лѣсосѣки и участки сообразно съ свойствомъ и количествомъ лѣса и въ правильныхъ рубкахъ, предоставляющихъ возможность постояннаго возобновленія срубленныхъ пространствъ, при постоянномъ же пользованіи извѣстною частью лѣсного матеріала, составляющею, такимъ образомъ, нормальный лѣсной доходъ. Такого же правильнаго устройства лѣсного хозяйства законъ (п. 9 прил. къ 116 ст. Т. X ч. I по прод. 1876 г.) требуетъ и отъ пожизненнаго владѣльца родового имѣнія, обязывая его: лѣса, въ имѣніи состоящіе, раздѣлять по правиламъ лѣсного хозяйства на годовые лѣсосѣки, для соразмѣрной съ произрастаніемъ деревъ вновь вырубки, причемъ законъ этотъ, въ случаѣ, когда по незначительности и малоцѣнности лѣсовъ будетъ неудобно и невыгодно раздѣлять оные на лѣсосѣки, ограничиваетъ пользованіе лѣсами пожизненнаго владѣльца употребленіемъ изъ нихъ лѣсныхъ матеріаловъ единственно для отопленія и поддержанія жилыхъ и другихъ хозяйственныхъ строеній въ имѣніи. Наконецъ, въ ст. 634 I ч. X Т. опредѣляется, что добросовѣстный владѣлецъ имѣнія обязалъ заплатить законному цѣнность употребленнаго имъ для передачи, подарка или продажи, а не для надобностей имѣнія, лѣса, и присовокупляется, что въ тѣхъ имѣніяхъ, въ коихъ рубка лѣса на продажу дровъ составляетъ главнѣйшій или же и исключительный источникъ дохода, судъ при возвращеніи имѣнія законному владѣльцу обязанъ опредѣлить, по надлежащемъ въ томъ удостовѣреніи, какое именно количество изъ проданнаго добросовѣстнымъ владѣльцемъ лѣса должно быть признано собственно обыкновеннымъ съ имѣнія доходомъ, и за сіе количество лѣса не требуется съ добросовѣстнаго владѣльца никакой платы. Отсюда слѣдуетъ заключить: 1) что подъ понятіемъ лѣсного дохода законъ разумѣетъ такой доходъ, который извлекается изъ лѣса при условіяхъ правильнаго лѣсного хозяйства, не допускающаго уничтоженія и уменьшенія стоимости лѣса, какъ доходной статьи; 2) что, независимо отъ сего, въ имѣніяхъ, гдѣ продажа дровъ составляетъ главнѣйшій или исключительный доходъ, законъ допускаетъ обыкновенный лѣсной доходъ, которымъ пользуется владѣлецъ имѣнія, хотя и незаконный, и 3) что затѣмъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше 9 п. прилож. къ 116 ст. и ст. 634 Т. X ч. I, въ имѣніи, гдѣ лѣсного хозяйства не устроено, законъ, очевидно, признаетъ за пользованіе лѣсомъ (при отдѣленіи сего права отъ права собственности) употребленіе онаго на отопленіе и хозяйственныя нужды имѣнія. За такимъ заключеніемъ и принимая на видъ: а) что стороны не только не утверждаютъ, чтобы имѣніе Николая Муравьева принадлежало къ тѣмъ, въ которыхъ продажа дровъ составляла главнѣйшій или же исключительный доходъ, но изъ документовъ, предславленныхъ къ дѣлу,—дарственной записи, раздѣльнаго акта, уставной грамоты,—видно, что въ имѣніи этомъ были другія доходныя статьи, какъ-то: повинности крестьянъ, пашни и сѣнокосы; б) что засимъ для разрѣшенія вопроса, получался-ли въ имѣніи Николая Муравьева доходъ съ лѣса, которымъ въ силу дарственной записи могъ пользоваться Валеріанъ Муравьевъ, необходимо выяснить, было ли въ томъ имѣніи устроенное лѣсное хозяйство и въ чемъ въ такомъ случаѣ доходъ этотъ заключался сверхъ употребленія лѣса на хозяйственныя нужды имѣнія, и в) что хотя до производства настоящаго дѣла въ Московской Судебной Палатѣ тяжущіеся не утверждали положительно, чтобы въ имѣніи Николая Муравьева суще-

ствовало правильно устроенное лѣсное хозяйство, но затѣмъ истцомъ представлены хозяйственныя книги и другіе документы, до имѣнія его относящіеся, въ подтвержденіе того, что право пользованія лѣсомъ, какое могло принадлежать Валеріану Муравьеву въ теченіе временнаго его владѣнія имѣніемъ сына Николая, исчерпано размѣрами хозяйственной рубки дровъ и другихъ лѣсныхъ матеріаловъ, производившейся на потребности имѣнія и на продажу,—Судебная Палата находитъ, что этихъ данныхъ и результатовъ провѣрки оныхъ, съ участіемъ повѣренныхъ сторонъ, совершенно достаточно для разрѣшенія обозначеннаго выше вопроса. Дѣйствительно, не взирая на то, что со стороны истца представлены только нѣкоторыя хозяйственныя книги и бумаги, и притомъ за время съ 1856 по 1864 г., по имѣнію его, состоявшему во временномъ владѣніи Валеріана Муравьева, такъ какъ, кромѣ представленныхъ, по объясненію истца, онъ при передачѣ ему имѣнія другихъ книгъ и документовъ не получилъ,—тѣ книги и документы, которые нынѣ имѣются въ виду Палаты, и протоколы провѣрки сдѣланнаго на основаніи ихъ расчета, надлежащимъ образомъ уясняютъ, во первыхъ, то, что въ имѣніи Николая Муравьева со времени поступленія онаго, послѣ раздѣла (въ 1856 г.), во временное владѣніе Валеріана Муравьева и приблизительно до времени первой учиненной въ 1864 г. продажи Фомичеву лѣса существовало устроенное на опредѣленныхъ началахъ лѣсное хозяйство, и, во вторыхъ, что, согласно съ системою этого хозяйства, предѣлы и способъ пользованія лѣсомъ были съ достаточною точностью установлены. Первое изъ сихъ обстоятельствъ доказывается тѣмъ, что въ конторѣ имѣнія (какъ то видно изъ представленныхъ документовъ) велись расходу о продажѣ дровъ, а также суммамъ, отъ таковой ожидавшимся и выручавшимся, бюджеты и разныя книги и вѣдомости (слѣдуетъ перечисленіе ихъ подраздѣленій). Затѣмъ, что касается способа пользованія лѣсомъ и размѣровъ сего пользованія, то на основаніи представленныхъ и провѣренныхъ данныхъ слѣдуетъ съ полною достовѣрностью заключить, что пользованіе лѣсомъ временнаго владѣльца имѣнія за періодъ времени, за который представлены хозяйственные документы (съ 1856 по 1864 г.), заключалось въ употребленіи лѣса на хозяйственныя потребности имѣнія и отопленіе не только усадьбы, но и московскаго дома, и въ полученіи дохода за продаваемый въ Москвѣ и на мѣстѣ лѣсной матеріалъ, преимущественно дрова. Хотя точной цифры ежегодныхъ смѣтныхъ назначеній дровъ на отопленіе и продажу вывести нельзя, за неимѣніемъ, какъ сказано выше, всѣхъ бюджетныхъ вѣдомостей, и точно также невозможно вывести и точной цыфры дѣйствительно израсходованныхъ въ каждомъ году дровъ и полученныхъ отъ продажи оныхъ денегъ, также за недостаточностью книгъ, но тѣмъ не менѣе изъ данныхъ, въ имѣющихся книгахъ и вѣдомостяхъ содержащихся, можно вывести, что ежегодный расходъ дровъ простирался (слѣдуетъ исчисленіе этого расхода и количества дровъ, остававшихся неизрасходованными, а также исчисленіе дохода отъ продажи дровъ, и цыфры прихода и расхода другого лѣсного матеріала, какъ то: досокъ, бревенъ и проч.). Сообразивъ всѣ эти данныя, относящіяся до лѣсного хозяйства въ имѣніи Николая Муравьева за время отъ поступленія сего имѣнія въ исключительное завѣдываніе и пользованіе Валеріана Муравьева до первой продажи имъ лѣса Фомичеву, т. е. до 1864 г., Судебная Палата находитъ правильнымъ установить: 1) что хозяйство это велось Валеріаномъ Муравьевымъ на точно установленныхъ имъ основаніяхъ, и притомъ съ такимъ расчетомъ, вполнѣ согласованнымъ съ правами его, какъ временнаго владѣльца имѣнія, чтобы, извлекая изъ лѣса необходимые матеріалы на удовлетвореніе хозяйственныхъ нуждъ имѣнія и пользуясь, сверхъ сего, денежнымъ въ установленныхъ имъ самимъ размѣрахъ доходомъ отъ продажи лѣсныхъ матеріаловъ и дровами на отопленіе дома своего въ Москвѣ, не истреблять самаго лѣса, какъ составной доходной части имѣнія, и не уменьшать цѣнности онаго, что, какъ это справедливо указалъ повѣренный Муравьева въ представленномъ имъ расчетѣ, доказывается тѣмъ, что съ 1856 и по 1864 г. лѣсное производство, бывшее въ имѣніи, въ сущности не измѣнилось; 2) что самый размѣръ, въ какомъ производилось это пользованіе, т. е. значительность или

незначительность онаго, не имѣетъ никакого значенія въ данномъ случаѣ, ибо существеннымъ представляется для разрѣшенія настоящаго спора лишь то, что предѣлы и способъ пользованія лѣсомъ и его доходами были установлены, и притомъ самимъ Муравьевымъ, и что сіе, очевидно, сообразовалось, какъ это сказано выше, съ дѣйствительными, въ то время бывшими силами и состояніемъ лѣсного хозяйства въ имѣніи; 3) что въ виду сего оказывается вполнѣ согласнымъ съ обстоятельствами дѣла объясненіе повѣреннаго истца о томъ, что такимъ, установленнымъ самимъ Муравьевымъ, пользованіемъ лѣсомъ въ имѣніи сына его Николая вполнѣ исчерпывалось право его по отношенію къ сему предмету, предоставленное ему дарственною записью Гежелинскаго и законами; 4) что отсюда очевидно, что продажа Валеріаномъ Муравьевымъ въ теченіе 1864, 1866 и 1867 г.г. на срубъ лѣса Фомичеву и Прокину въ размѣрѣ 393 дес., даже со включеніемъ въ это пространство раскосныхъ полянъ, изъ общаго количества собственно лѣсного пространства, по плану составляющаго 533 дес. съ саженями, съ полученіемъ за сей лѣсъ 42000 р. въ свою пользу, представляется во всемъ ея объемѣ не пользованіемъ доходами съ лѣса, а отчужденіемъ въ свою личную прибыль составной части недвижимаго имѣнія, на которое онъ, Валеріанъ Муравьевъ, какъ временный владѣлецъ, не имѣлъ права, ибо право сіе, по силѣ 420, 541, 642 и 1384 ст. Т X. ч. I, въ данномъ случаѣ принадлежало только собственнику, Николаю Муравьеву, который посему и имѣетъ законное основаніе требовать возвращенія вырученныхъ такою продажею суммъ, ему не выданныхъ. III. За установленіемъ изложеннаго, на основаніи данныхъ, касающихся способа и предѣловъ пользованія Валеріаномъ Муравьевымъ лѣсомъ и доходами съ онаго въ имѣніи Николая Муравьева, не бывшихъ еще въ виду судебныхъ установленій, разсматривавшихъ предлежащее дѣло, домогательство отвѣтчиковъ о производствѣ осмотра на мѣстѣ и истребованіи заключенія свѣдущихъ людей для опредѣленія того, превысилъ ли Валеріанъ Муравьевъ учиненною имъ продажею лѣса на срубъ, по хозяйственному положенію, въ которомъ находилось лѣсное хозяйство въ имѣніи, право пользованія, ему предоставленное, и если превысилъ, то въ какомъ размѣрѣ, не подлежитъ удовлетворенію, какъ ненужное при настоящемъ положеніи дѣла, ибо предѣлы пользованія лѣсомъ, самимъ пользователемъ установленные, достаточно выяснены представленными со стороны истца данными, вслѣдствіе чего нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, на основаніи закона и правъ пользованія, предоставленныхъ Валеріану Муравьеву дарственною записью Гежелинскаго, продажею лѣса Фомичеву и Прокину онъ всецѣло, какъ это уже установлено, превысилъ власть, которую имѣлъ на пользованіе лѣсомъ въ имѣніи Николая Муравьева. IV. Не заслуживаетъ уваженія и то объясненіе повѣреннаго отвѣтчиковъ, которымъ онъ желаетъ доказать, что Валеріанъ Муравьевъ вмѣстѣ съ лѣсомъ продалъ и сѣнные покосы, имѣющіе большую цѣнность подъ Москвою, которая посему и должна быть вычтена изъ суммы, вырученной отъ продажи лѣса на срубъ. Изъ подлинныхъ условій о продажѣ, заключенныхъ съ Фомичевымъ и Прокинымъ въ 1866 и 1867 г.г., положительно видно, что Валеріанъ Муравьевъ продалъ одинъ лѣсъ на срубъ, а сѣнокосовъ не продавалъ, и право пользоваться ими осталось за нимъ относительно не только особыхъ сѣнокосныхъ полянъ, точно въ контрактахъ обозначенныхъ и не входившихъ въ расчетъ проданнаго лѣсного пространства, но и раскосныхъ полянъ, поступившихъ, по условіямъ, въ пользованіе покупщиковъ только на время рубки лѣса въ тѣхъ только участкахъ онаго, гдѣ они находились, для склада срубленнаго лѣса, а не для покоса, причемъ эти поляны возвращались въ пользованіе Муравьева весною слѣдующаго за рубкою года. Посему и такъ какъ въ условіи 1864 года о покосахъ даже не упоминается, требованіе повѣреннаго отвѣтчиковъ о разъясненіи возбужденнаго имъ вопроса и мѣстнымъ осмотромъ и заключеніе экспертовъ представляется неосновательнымъ. V. Не заслуживаетъ также уваженія другой доводъ отвѣтчиковъ, заключающійся въ томъ, что Николай Муравьевъ призналъ дѣйствительными договоры, заключенные Валеріаномъ Муравьевымъ съ Фомичевымъ и Прокинымъ, получивъ по нимъ остальныя деньги, потому что означенное дѣйствіе Николая Муравьева не имѣетъ зна-

ченія такого признанія, и притомъ настоящее дѣло имѣетъ предметомъ своимъ не уничтоженіе этихъ контрактовъ вслѣдствіе иска Николая Муравьева, а только взысканіе полученныхъ по нимъ Валеріаномъ Муравьевымъ въ свою пользу денегъ. VI. Наконецъ, возраженіе противъ иска, заключающееся въ томъ, что вырученныя отъ продажи лѣса деньги Валеріанъ Муравьевъ употребилъ не въ свою пользу, а на улучшеніе имѣнія и постройки въ ономъ, каковыхъ въ имѣніи прежде не было, каковое возраженіе впослѣдствіи развито въ требованіе вознагражденія за улучшенія и постройки, произведенныя Валеріаномъ Муравьевымъ въ имѣніи Николая Муравьева, и за суммы, употребленныя на уплаты за Николая Муравьева Гежелинскому и Вешнякову, можетъ подлежать въ настоящемъ положеніи дѣла, за устраненіемъ встрѣчнаго иска отвѣтчиковъ, разсмотрѣнію Палаты только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно представляется возраженіемъ противъ иска Николая Муравьева, т. е. въ смыслѣ, въ которомъ оно заявлено на засѣданіи 27 октября 1877 года, а не въ видѣ требованія вознагражденія отвѣтчиковъ вообще за улучшеніе по имѣнію и за издержки, сдѣланныя Валеріаномъ Муравьевымъ за счетъ Николая Муравьева, ибо таковое требованіе должно быть предъявлено въ формѣ иска, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ. Посему, входя въ обсужденіе этого возраженія исключительно съ точки зрѣнія выше установленной, Судебная Палата признаетъ, что, утверждая, что Валеріанъ Муравьевъ израсходовалъ полученныя имъ отъ продажи лѣса деньги на имѣніе и нужды Николая Муравьева, повѣренному отвѣтчиковъ прежде всего надлежало положительно доказать, что Валеріанъ Муравьевъ, получивъ деньги за проданный лѣсъ, сіи деньги, а не какія либо другія суммы, послѣ ихъ полученія употребилъ на улучшеніе имѣнія и др. потребности Николая Муравьева. Между тѣмъ, это существенное обстоятельство, отрицаемое истцомъ, осталось со стороны отвѣтчиковъ недоказаннымъ. Ссылка повѣреннаго ихъ на конторскія книги по имѣнію Муравьева, которыя, будто бы, находятся у истца, за представленіемъ симъ послѣднимъ книгъ и документовъ, полученныхъ имъ при передачѣ ему имѣнія (на содержаніе которыхъ, какъ на подтвержденіе своего возраженія, повѣренный отвѣтчиковъ, однако, не указываетъ), и за положительнымъ заявленіемъ Николая Муравьева, что другихъ еще книгъ и документовъ по имѣнію онъ представить не въ состояніи, ибо таковыхъ не получалъ, не можетъ, по силѣ 444 ст. Уст. Гр. Судопр., служить доказательствомъ означеннаго возраженія, тѣмъ болѣе, что повѣренный отвѣтчиковъ не указываетъ даже обстоятельно, какія еще, сверхъ представленныхъ, требуются конторскія книги и чѣмъ именно ими должно быть подтверждено то, что Валеріанъ Муравьевъ издержалъ на нужды имѣнія и сына своего деньги, полученныя имъ за лѣсъ, проданный на срубъ Ѳомичеву и Прокину (443 ст. Уст. Гр. Судопроиз.). Что же касается до представленныхъ повѣреннымъ отвѣтчиковъ документовъ: квитанціи во взносѣ денегъ за планы, копіи мировой записи, расписки почтовой конторы въ отсылкѣ пяти тысячъ рублей Гежелинскому и расписки Вешнякова, то, независимо отъ того, что изъ всѣхъ этихъ документовъ не видно, чтобы Валеріанъ Муравьевъ уплатилъ свои, а не принадлежавшія Николаю Муравьеву деньги, находившіяся въ его опекунскомъ управленіи и полученныя изъ доходовъ и вообще съ имѣнія сего послѣдняго (такъ какъ повѣреннымъ истца представлены доказательства, что таковыя деньги поступали въ распоряженіе Валеріана Муравьева), самая значительная уплата, а именно Гежелинскому, произведена въ 1863 году, слѣдовательно, очевидно, не изъ суммы, полученной за продажу лѣса на срубъ, ибо первая часть этой суммы поступила въ распоряженіе Валеріана Муравьева только въ 1864 году. По всѣмъ симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что, какъ это заключено выше, при настоящемъ положеніи дѣла не могутъ быть разсмотрѣны остальныя объясненія повѣреннаго отвѣтчиковъ по предмету требованія его о вознагражденіи за произведенныя Валеріаномъ Муравьевымъ улучшенія и издержки, а также, считая излишнимъ производить, для разъясненія обстоятельствъ, къ сему требованію относящихся, осмотръ на мѣстѣ, экспертизу и допросъ свидѣтелей, Московская Судебная Палата, за незаконностью продажи Валеріаномъ Муравьевымъ въ имѣніи Николая Муравьева лѣса на срубъ, съ полу-

ченіемъ въ свою пользу вырученныхъ отъ сей продажи денегъ въ количествѣ 42 тыс. рубл., не возвращенныхъ истцу ни при жизни Валеріана Муравьева, ни послѣ кончины его, и на основаніи 574, 691 (по прод. 1876 г.) и 1259 ст. Т. X ч. I, 14 мая 1881 года опредѣлила: рѣшеніе Окружнаго Суда оставить въ силѣ. На это рѣшеніе Палаты вдова тайнаго совѣтника Надежда Муравьева, за себя и въ качествѣ опекунши дѣтей своихъ, подала кассаціонную жалобу, въ корой указываетъ на слѣдующіе кассаціонные поводы: 1) что Палата не подчинилась сужденію и указаніямъ Правительствующаго Сената, изложеннымъ въ двухъ состоявшихся по сему дѣлу указахъ его (наруш. 813 и 815 ст. Уст. Гр. Суд.); 2) что рѣшеніе Палаты даже прямо противорѣчитъ этимъ указамъ, такъ какъ въ нихъ, а также въ другихъ рѣшеніяхъ Сената, разъяснено, что продажа лѣса на срубъ составляетъ извлеченіе дохода, а не отчужденіе части недвижимаго имѣнія, между тѣмъ какъ Палата признала, что продажа Валеріаномъ Муравьевымъ лѣса на срубъ въ размѣрѣ 393 дес. составляетъ во всемъ ея объемѣ не пользованіе доходомъ, а отчужденіе въ свою пользу составной части имѣнія; 3) что Палата, вопреки симъ указамъ, не установила, сколько вырубалось Валеріаномъ Муравьевымъ лѣса съ 1864 года до 1869 г.; 4) что Палата отступила отъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1867 г. № 204; 1871 г. № 1193; 1874 г. №№ 116, 375, 426 и 843 и 1875 г. № 781, коими разъяснено, что лѣсъ, проданный на срубъ, признается движимымъ имуществомъ; 5) что Палата отказала въ допросѣ свидѣтелей и въ производствѣ мѣстнаго дознанія; 6) что, въ нарушеніе 366 ст. Уст. Гр. Судопр., Палата возложила на обязанность отвѣтчиковъ доказать количество затратъ, понесенныхъ Валеріаномъ Муравьевымъ на улучшеніе имѣнія Николая Муравьева; наконецъ, 7 й кассаціонный поводъ заключается въ томъ, что Палата, вопреки 340—342 ст. Уст. Гр. Суд., нашла правильнымъ опредѣленіе Окружнаго Суда о непринятіи встрѣчнаго иска; признавъ совершенно справедливо, что срокъ на заявленіе встрѣчнаго иска не пропущенъ, Палата не имѣла затѣмъ законнаго основанія признавать отказъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда въ принятіи встрѣчнаго иска правильнымъ только потому, что повѣренный просительницы, Зубаревъ, заявивъ словесно въ первомъ засѣданіи Окружнаго Суда встрѣчный искъ, просилъ объ отсрочкѣ доклада дѣла для письменнаго изложенія этого иска. Этотъ доводъ Палаты неправиленъ потому, во-1 хъ) что первое засѣданіе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда 18 октября 1871 г., какъ то указано въ апелляціонной жалобѣ, должно считаться первымъ засѣданіемъ по дѣлу, и во 2 хъ) что если и признать противное, т. е. что, по смыслу 340—342 ст. Уст. Гр. Суд., встрѣчный искъ можетъ быть заявленъ словесно, и отсрочка доклада дѣла въ этомъ случаѣ, для письменнаго изложенія иска необязательна для суда, то и тогда судъ, хотя и можетъ отказать въ такой отсрочкѣ, но обязанъ разсмотрѣть въ томъ же засѣданіи встрѣчный искъ, словесно заявленный. Отказывать же въ принятіи и разсмотрѣніи словесно заявленнаго иска изъ опасенія, какъ полагаетъ Московская Судебная Палата, что этотъ искъ будетъ не тождественъ съ искомъ, изложеннымъ въ отзывѣ на заочное рѣшеніе, судъ безъ заявленія о томъ противной стороны, конечно, не имѣлъ никакого основанія.

Выслушавъ словесныя объясненія сторонъ и заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ останавливается прежде всего на заявленіи повѣреннаго истца Николая Муравьева, присяжнаго повѣреннаго Шайкевича, о томъ, что кассаціонная жалоба отвѣтчицы въ той части оной, которая касается неразсмотрѣнія по существу Московскою Судебною Палатою предъявленнаго Надеждою Муравьевою встрѣчнаго иска, не можетъ вовсе подлежать разсмотрѣнію; это заявленіе свое Шайкевичъ объясняетъ тѣмъ, что предшествовавшія настоящей кассаціонныя жалобы той же Муравьевой, по которымъ послѣдовала двукратная отмѣна состоявшихся по нынѣ обсуждаемому дѣлу рѣшеній С.-Петербургской Судебной Палаты, не касались, какъ видно изъ самыхъ указовъ Правительствующаго Сената, эти рѣшенія отмѣнившихъ, первоначальнаго заключенія С.-Петербургской Судебной Палаты объ оставленіи означеннаго встрѣчнаго иска безъ разсмотрѣнія, и что, слѣдовательно, заключеніе это, какъ своевременно необжалованное и потому

въ кассаціонномъ порядкѣ вовсе необсуждавшееся, остается и до сихъ поръ въ своей силѣ, хотя самыя рѣшенія означенной Палаты,—и первоначальное и вторичное,—были отмѣнены, какъ нарушавшія законъ въ выводахъ своихъ по другимъ изъ возникавшихъ въ дѣлѣ вопросовъ. Но такое объясненіе Правительствующій Сенатъ признаетъ незаслуживающимъ уваженія, сколько потому, что изъ вышеупомянутыхъ указовъ видно, что оба рѣшенія С. Петербургской Судебной Палаты по настоящему дѣлу были кассированы безусловно, во всемъ ихъ объемѣ, а не въ какой либо части, столько же и потому, что при постановленіи послѣдняго изъ этихъ рѣшеній, какъ равно и рѣшенія Московской Судебной Палаты, предлежащаго нынѣ разсмотрѣнію вопроса о томъ, чтобы изъ предметовъ сего дѣла, подвергнутыхъ Правительствующимъ Сенатомъ новому обсужденію второй инстанціи, долженъ былъ быть исключенъ встрѣчный искъ Надежды Муравьевой, на томъ собственно основаніи, что онъ устраненъ уже такимъ по оному рѣшеніемъ (а именно первоначальнымъ С. Петербургской Судебной Палаты), которое вошло, будто бы, въ законную силу, вовсе возбуждаемо не было, а слѣдовательно, правильно ли или неправильно Московская Судебная Палата въ настоящемъ своемъ рѣшеніи коснулась и означеннаго встрѣчнаго иска обсужденіемъ его по вопросу о степени законности того способа, коимъ онъ былъ заявленъ С.-Петербургскому Окружному Суду, во всякомъ случаѣ Николай Муравьевъ, какъ на сіе рѣшеніе вовсе кассаціонной жалобы не принесшій, не можетъ уже почитаться въ правѣ доказывать теперь, будто таковымъ обсужденіемъ этого иска Палата вышла изъ предѣловъ того круга дѣйствій, который предоставленъ ей послѣдовавшимъ по настоящему дѣлу указомъ Правительствующаго Сената отъ 27 мая 1877 г. за № 2517; при отсутствіи же законной для Николая Муравьева возможности доказывать это обстоятельство, право отвѣтчицы, какъ обжаловавшей означеннее рѣшеніе Московской Палаты во всѣхъ его частяхъ, возражать противъ самаго существа и того заключенія, къ которому Палата пришла по вопросу о ея, Надежды Муравьевой, встрѣчномъ искѣ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Обращаясь посему къ этой части ея кассаціонной жалобы, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Московская Судебная Палата, признавая встрѣчный искъ Надежды Муравьевой хотя и правильно заявленнымъ Новгородскому Окружному Суду въ отзывѣ ея повѣреннаго на заочное рѣшеніе этого Суда, однако же, не подлежавшимъ уже разсмотрѣнію С. Петербургскаго Окружнаго Суда, куда настоящее дѣло было переведено по ходатайству, изложенному въ томъ же отзывѣ, а засимъ неподлежащимъ обсужденію и Палаты по существу, основалась на томъ соображеніи, что означенный повѣренный не взявъ, вопреки 582 и 583 ст. Уст. Гр. Судопроиз., этого отзыва изъ Новгородскаго Суда и не представивъ онаго, вопреки 367 ст. того же Уст., въ С. Петербургскій, ограничился, въ первомъ засѣданіи онаго лишь заявленіемъ просьбы о назначеніи ему срока для изложенія вновь встрѣчнаго его иска—письменно, тогда какъ въ законѣ не содержится правила о томъ, чтобы можно было по одному и тому же дѣлу предъявлять встрѣчный искъ два раза. Но это соображеніе Палаты представляется несогласнымъ даже съ тѣми самыми законами, на которыхъ оно основано: такъ, 582 ст. Уст. Гр. Суд., вовсе не обязываетъ лицо, предъявившее искъ, который засимъ былъ переведенъ тѣмъ Окружнымъ Судомъ, гдѣ онъ предъявленъ, въ другой Окружный Судъ по просьбѣ отвѣтчика, а слѣдовательно, не обязываетъ и сего послѣдняго, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и встрѣчнымъ истцомъ ходатайствовать передъ судомъ, принявшимъ искъ, о возвращеніи: въ первомъ случаѣ истцу—искового прошенія его, а въ послѣднемъ отвѣтчику—либо отвѣта его, либо отзыва на заочное рѣшеніе, содержащихъ въ себѣ заявленіе встрѣчно искового требованія,—напротивъ, обязанность такового возвращенія лежитъ, по буквальному содержанію означенной статьи, на самомъ судѣ, постановляющемъ о переводѣ дѣла, и, слѣдовательно, исполненіе имъ оной ни въ какомъ случаѣ не могло бы представлять собою нарушенія указываемой Палатою 367 ст. Уст. Гр. Суд.; съ другой стороны, и уклоненіе суда отъ выполненія этой обязанности своей не должно, конечно, влечь за собою какихъ либо послѣдствій въ ущербъ той изъ тяжущихся сторонъ, интересы которой отъ сего зависятъ

По статьѣ же 583 того же Устава, за истцомъ (значитъ и встрѣчнымъ), предъявившимъ свое исковое прошеніе въ одномъ судѣ, право на дальнѣйшее веденіе иска по сему же прошенію и въ другомъ судѣ, въ который дѣло переведено по просьбѣ отвѣтчика, сохраняется въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, каковой срокъ считается со времени возвращенія изъ перваго суда истцу—исковаго его прошенія, а встрѣчному истцу—отвѣта его или отзыва на заочное рѣшеніе, въ коихъ заявляется встрѣчно-исковое требованіе; слѣдовательно, отъ истца, которому прошенія этого, либо заявленія, вовсе не возвращено, нельзя и требовать, чтобы онъ представилъ оное въ новый судъ, точно такъ же, какъ нельзя лишить встрѣчнаго истца и того права, какое онъ, по приведенной 583 ст., пріобрѣлъ на продолженіе производства дѣла въ семъ послѣднемъ судѣ по прежнему встрѣчно-исковому его заявленію, поданному въ порядкѣ, установленномъ 340 ст. Уст. Гр. Суд. Въ виду всего этого возобновленіе встрѣчнымъ истцомъ въ первомъ засѣданіи того суда, куда дѣло передано, того же заявленія, какъ вызванное предшествовавшимъ сему упущеніемъ самого суда, въ которомъ дѣло первоначально возникло, а не какимъ либо несогласнымъ съ закономъ дѣйствіемъ просителя, не можетъ быть признано неумѣстнымъ или несвоевременнымъ, а должно имѣть тѣ же послѣдствія, какія встрѣчный искъ, уже разъ законно предъявленный, имѣлъ бы при переводѣ дѣла изъ одного суда въ другой, въ томъ случаѣ, когда бумага, заявленіе этого иска въ себѣ заключающая, была бы возвращена истцу и затѣмъ предъявлена имъ послѣднему суду въ теченіе 3 мѣсяцевъ, т.-е. предоставленіе встрѣчному истцу, по 341 и 342 ст. Устава Гражд. Судопр., права изложить тотъ искъ письменно. Поэтому и въ настоящемъ дѣлѣ Московская Судебная Палата, въ виду невозвращенія Новгородскимъ Окружнымъ Судомъ повѣренному Надежды Муравьевой отзыва его на постановленное симъ Судомъ заочное рѣшеніе, заключавшаго въ себѣ заявленіе ею встрѣчнаго иска къ Николаю Муравьеву, не должна была утверждать того опредѣленія С. Петербургскаго Окружнаго Суда, которымъ онъ отказалъ сему повѣренному въ просьбѣ о дальнѣйшемъ направленіи такового заявленія по послѣдней изъ вышеприведенныхъ статей закона. Переходя засимъ къ рѣшенію Московской Палаты по иску Николая Муравьева, Правительствующій Сенатъ изъ вышеупомянутаго указа своего за № 2517 усматриваетъ, что имъ уже установлено то обстоятельство, что размѣръ вознагражденія, могущаго причитаться Николаю Муравьеву, съ прочихъ наслѣдниковъ его отца, Валеріана Муравьева, долженъ зависѣть отъ опредѣленія того, насколько сей послѣдній могъ, на основаніи дарственной записи Гежелинскаго отъ 10 января 1852 года, законовъ о правѣ пожизненнаго владѣнія и хозяйственныхъ потребностей имѣнія, по этой записи подареннаго Николаю Муравьеву, но предоставленнаго до его совершеннолѣтія въ управленіе и пользованіе Валеріану Муравьеву, пользоваться лѣснымъ съ сего имѣнія производствомъ. Для точнаго исполненія этого указа повѣренные Надежды Муравьевой съ своей стороны просили Судебную Палату, какъ это видно изъ протоколовъ ея засѣданій, произвести осмотръ означеннаго имѣнія при участіи свѣдущихъ людей, чтобы опредѣлить степень производительной силы его почвы и качества произрастающаго въ немъ лѣса и допросить при тѣхъ же экспертахъ указанныхъ сими повѣренными свидѣтелей, близко знакомыхъ со всѣми подробностями этого имѣнія. На необходимости таковыхъ осмотра, экспертизы и допроса свидѣтелей присяжный повѣренный Алексѣевъ настаивалъ и послѣ того, какъ по распоряженію самой Палаты былъ однимъ изъ ея членовъ провѣренъ основанный на хозяйственныхъ книгахъ упомянутаго имѣнія расчетъ, предоставленный со стороны истца въ подтвержденіе того, что право пользованія лѣсомъ, какое могло принадлежать Валеріану Муравьеву, какъ временному этого имѣнія владѣльцу, уже исчерпано имъ [illegible]олна тѣми размѣрами рубки лѣса, въ какихъ онъ производилъ таковую для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей имѣнія и для продажи лѣсныхъ матеріаловъ. Но Палата, отказавъ Муравьевой въ осмотрѣ имѣнія и допросѣ экспертовъ и свидѣтелей, ограничилась при разрѣшеніи вопроса о доходности лѣсного въ семъ имѣніи производства лишь одними тѣми данными, какія можно было извлечь изъ представленныхъ къ настоя-

щему дѣлу хозяйственныхъ книгъ, хотя сама же установила, что „точной цыфры ежегодныхъ смѣтныхъ назначеній дровъ на отопленіе и продажу вывести нельзя, за неимѣніемъ на-лицо всѣхъ бюджетныхъ вѣдомостей“ (ибо хозяйственныя книги имѣются только за время съ 1856 по 1864 г., а не до конца управленія Валеріана Муравьева имѣніемъ сына), „точно такъ-же какъ (по той-же причинѣ) невозможно вывести и точной цыфры дѣйствительно израсходованныхъ въ каждомъ году дровъ и полученной отъ продажи оныхъ суммы“. Опредѣливъ, однако же, затѣмъ всѣ эти цыфры въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ такое опредѣленіе оказалось возможнымъ при помощи того единственнаго источника (хозяйственныя книги, вѣдомости, бюджеты по 1864 г.), изъ котораго Палатою извлечены свѣдѣнія о количествѣ доходовъ съ лѣса, коими воспользовался Валеріанъ Муравьевъ изъ имѣнія Николая Муравьева, Палата нашла тѣмъ не менѣе нужнымъ оговорить при этомъ, что „самый размѣръ, въ какомъ производилось это пользованіе, т. е. значительность или незначительность онаго, не имѣетъ никакого значенія въ данномъ случаѣ, ибо существеннымъ представляется для разрѣшенія настоящаго спора лишь то, что предѣлы и способъ пользованія лѣсомъ и его доходами были установлены самимъ Валеріаномъ Муравьевымъ и что сіе, очевидно, сообразовалось съ дѣйствительными въ то время силами и состояніемъ лѣсного хозяйства въ имѣніи“, такъ какъ оно „велось Валеріаномъ Муравьевымъ съ такимъ расчетомъ, вполнѣ согласованнымъ съ правами его, какъ временнаго владѣльца имѣнія, чтобы, извлекая изъ лѣса необходимые матеріалы на удовлетвореніе хозяйственныхъ нуждъ имѣнія и пользуясь, сверхъ сего, денежнымъ, въ установленныхъ имъ самимъ размѣрахъ, доходомъ отъ продажи лѣсныхъ матеріаловъ и дровами на отопленіе дома своего въ Москвѣ, не истреблять самаго лѣса, какъ составной доходной части имѣнія, и не уменьшать цѣнности онаго, что доказывается тѣмъ, что съ 1856 по 1864 г. лѣсное пространство, бывшее въ имѣніи, въ сущности не измѣнилось“. Эти то именно соображенія, приведя Палату къ выводу, что Валеріанъ Муравьевъ въ сихъ предѣлахъ и симъ способомъ, пользуясь лѣсомъ въ имѣніи своего сына, дѣйствительно вполнѣ исчерпалъ, какъ то утверждаетъ истецъ, право свое по отношенію къ этому предмету, предоставленное ему дарственною записью Гежелинскаго и законами о пожизненномъ владѣніи, послужили Палатѣ и основаніемъ признать осмотръ имѣнія Николая Муравьева при участіи экспертовъ, о которомъ просили повѣренные Надежды Муравьевой, князь Анчабадзе и Алексѣевъ, за установленіемъ такого вывода, уже ненужнымъ. Такимъ образомъ, по сопоставленіи указа Правительствующаго Сената, даннаго по настоящему дѣлу Московской Судебной Палатѣ, и приведеннаго ходатайства, заявленнаго ей затѣмъ присяжными повѣренными кн. Анчабадзе и Алексѣевымъ, съ вышеизложеннымъ заключеніемъ ея о томъ, будто въ семъ дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія самый размѣръ, въ какомъ Валеріанъ Муравьевъ пользовался лѣсомъ въ имѣніи своего сына, какъ доходомъ съ онаго, оказывается, что, во-первыхъ, заключеніе это несогласно съ означеннымъ указомъ, которымъ исходъ настоящаго спора Муравьевыхъ поставленъ въ зависимость именно отъ разницы, имѣющей обнаружиться между размѣромъ, въ какомъ Валеріанъ Муравьевъ могъ по закону пользоваться лѣснымъ въ имѣніи сына своего производствомъ и суммою, какою онъ дѣйствительно воспользовался изъ доходовъ съ этого лѣса, а слѣдовательно, и размѣръ такового дѣйствительнаго пользованія не можетъ, вопреки означенному заключенію Судебной Палаты, не имѣть въ этомъ спорѣ никакого значенія; во вторыхъ, размѣръ этотъ, если бы онъ и былъ приведенъ въ точную извѣстность даже за все время, въ теченіе котораго Валеріанъ Муравьевъ распоряжался имѣніемъ своего сына, какъ срочный онаго владѣлецъ, а не за одинъ лишь періодъ съ 1856 по 1864 годы, какъ это сдѣлано Палатою, представлялъ бы собою и въ такомъ случаѣ только одно данное для разрѣшенія вопроса о количествѣ слѣдующаго Николаю Муравьеву съ мачехи его и съ ея дѣтей вознагражденія, такъ какъ на основаніи хозяйственныхъ книгъ его имѣнія можно установить только цыфру лѣсного дохода, на самомъ дѣлѣ полученную Валеріаномъ Муравьевымъ; другого-же даннаго, равно необходимаго, по смыслу упомянутаго ука-

*

за Правительствущаго Сената, для того, чтобы количество означеннаго вознагражденія могло быть установлено, т.-е. отвѣта на вопросъ о томъ, сколько Валеріанъ Муравьевъ могъ выручить съ лѣса дохода по закону въ рѣшеніи Палаты не содержится; наконецъ, въ третьихъ, какъ для приведенія въ извѣстность этого второго даннаго, такъ равно и для разъясненія тѣхъ по настоящему дѣлу обстоятельствъ, которыя самою Палатою найдены не вполнѣ выяснившимися съ документовъ, представленныхъ къ оному истцомъ, Палатѣ надлежало удовлетворить ходатайство отвѣтчицы объ осмотрѣ его имѣнія при экспертахъ и воспользоваться указаніемъ ея повѣренныхъ на свидѣтелей, имѣющихъ подробныя о томъ имѣніи свѣдѣнія, а не ограничиваться разсмотрѣніемъ однихъ вышеозначенныхъ документовъ, доходящихъ только до 1864 года, оставляя, вопреки домогательству Муравьевой, вовсе безъ изслѣдованія доходъ изъ лѣса, какимъ пользовался покойный мужъ ея за послѣдующіе годы владѣнія его имѣніемъ сына. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, признавая, что Судебная Палата не только неправильно устранила предъявленный повѣреннымъ Надежды Муравьевой встрѣчный по настоящему дѣлу искъ, но и искъ Николая Муравьева разсмотрѣла внѣ тѣхъ условій, въ которыя разрѣшеніе онаго поставлено указомъ Правительствующаго Сената, послѣдовавшимъ по этому дѣлу 27 мая 1877 года, отказавъ притомъ въ удовлетвореніи ходатайствъ повѣренныхъ Надежды Муравьевой о разъясненіи указанными ими законными способами такихъ обстоятельствъ сего дѣла, которыя имѣютъ существенное въ оном значеніе,—Правительствующій Сенатъ, не входя въ обсужденіе прочихъ приводимыхъ въ кассаціонной жалобѣ Муравьевой доводовъ, о п р е д ѣ л я е т ъ: рѣшеніе Московской Судебной Палаты,по нарушенію 582, 813 и 339 ст. Уст. Гр. Суд., отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же Палаты.

161.—1882 года декабря 1-го дня. *По прошенію повѣреннаго вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анны Безобразовой, прис. повѣр. Макалинскаго, объ отмѣнѣ опредѣленія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ Н. И. Ягнъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора гр. В. А. Тизенгаузенъ).

Послѣ второго несостоявшагося торга на имѣніе надворнаго совѣтника Севастьянова—базарную площадь съ деревянными лавками, лавочками и балаганами въ мѣстечкѣ Семеновкѣ, Новозыбковскаго уѣзда,—Балтійское желѣзодѣлательное, судостроительное и механическое общество, какъ единственный кредиторъ, подало 23 марта 1880 г. прошеніе въ Стародубскій Окружный Судъ объ укрѣпленіи того имѣнія за нимъ въ суммѣ взысканія. Взысканіе общества простиралось на 36183 руб. 10 копеекъ, а оцѣнено свѣдущими людьми имѣніе въ 60000 руб. Дѣло, возникшее по прошенію Балтійскаго общества, разсматривалось въ первый разъ въ Стародубскомъ Окружномъ Судѣ 4/11 апрѣля 1880 г. и Харьковской Судебной Палатѣ 9 сентября 1880 года, и второй—въ томъ же Судѣ 20 октября 1881 года и въ Кіевской Судебной Палатѣ 18 января 1882 года. Въ промежуткѣ времени, пока происходило производство въ судебныхъ мѣстахъ, обнаружились запрещенія на имѣнія Севастьянова, общихъ три: а) отъ 12 августа въ пользу Безобразовой; б) въ 25 т., и в) въ 70 т. и одно спеціальное—на площадь съ деревянными лавками и балаганами въ мѣстечкѣ Семеновкѣ въ пользу Безобразовой, въ 93437 руб. 50 копеекъ; кромѣ того, по требованію со стороны Безобразовой, обратившей взысканіе на площадь въ мѣстечкѣ Семеновкѣ, въ суммѣ 93437 руб. 50 к., судебный приставъ при Стародубскомъ Окружномъ Судѣ приступилъ къ исполнительнымъ дѣйствіямъ, именно вручилъ Севастьянову повѣстку объ исполненіи 11 мая 1881 года и назначилъ опись на 11 е декабря того же года. Въ первомъ производствѣ принимали участіе въ дѣлѣ чрезъ своихъ повѣренныхъ Балтійское общество и Севастьяновъ. Въ этомъ производствѣ Стародубскій Окружный Судъ обсуждалъ вопросъ: въ какой суммѣ можетъ быть укрѣплено имѣніе Севастьянова за обществомъ,—въ суммѣ ли оцѣнки,

нли долга обществу, и пришелъ къ заключенію, что не иначе, какъ въ суммѣ оцѣнки (1182 ст. Устава Гражд. Судопроизв.). Харковская Судебная Палата пришла къ противоположному заключенію. Она нашла, что оцѣнка при второмъ торгѣ не имѣетъ того обязательнаго по своимъ послѣдствіямъ значенія для кредиторовъ, на какое указывается въ 1171 статьѣ Устава Гражд. Судопроизводства, т. е. кредиторы, желающіе удержать имѣніе, не обязаны прянять его въ суммѣ оцѣнки, ибо, по 1182 ст. Уст. Гр. Судопроизводства, второй торгъ начинается не съ суммы оцѣнки, а можетъ начаться съ цѣны и ниже ея; если въ 1182 ст. сказано, что новый торгъ производится по правиламъ, установленнымъ для перваго торга, то подобное положеніе относится къ порядку производства торга (1151—1160 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства), а не къ послѣдствіямъ торга; что отказъ покупщика Греневецкаго отъ покупки, несмотря на внесенный задатокъ, ясно доказываетъ, что не только оцѣнка, но и предложенная имъ цѣна не можетъ служить указаніемъ цѣнности имѣнія; что въ 1182 ст. не опредѣлено нормы, ниже которой имѣніе не можетъ быть оставлено за кредиторами, и что посему при отсутствіи другихъ взыскателей, которые обратили бы взысканіе на продаваемое имѣніе Севастьянова, Окружный Судъ не имѣлъ основанія отказать Балтійскому обществу въ укрѣпленіи за нимъ базарной площади въ мѣстечкѣ Семеновкѣ, въ суммѣ погашенія его претензіи. Вслѣдствіе сего 9 сентября 1880 года Палата постановила: опредѣленіе Окружнаго Суда отъ 11 апрѣля 1880 г. отмѣнить. Такое постановленіе Палаты не было обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ. При второмъ производствѣ вошла въ участіе въ дѣло и Безобразова. Хотя въ семъ послѣднемъ производствѣ повѣренными Севастьянова и Безобразовой затронутъ былъ вопросъ о значеніи въ данномъ дѣлѣ обнаруженныхъ запрещеній, но Окружный Судъ ограничился разсмотрѣніемъ заявленія повѣреннаго Севастьянова о неправоспособности Балтійскаго общества къ пріобрѣтенію недвижимыхъ имѣній и, по соображеніи 3, 17 и 45 §§ уст. общ., призналъ, что оно не имѣетъ на то права. Въ частной жалобѣ въ Кіевскую Судебную Палату повѣренный Балтійскаго общества доказывалъ, что опредѣленіе Харьковской Судебной Палаты отъ 9 сентября 1880 г. имѣетъ смыслъ положительнаго укрѣпленія за обществомъ имѣнія Севастьянова. Поэтому ни о правѣ общества пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, ни о присоединеніи претензіи Безобразовой къ претензіи общества говорить нечего. Но если и понимать опредѣленіе Харьковской Судебной Палаты иначе, то Окружный Судъ истолковалъ 3, 17 и 45 §§ уст. общ. невѣрно: уставъ несомнѣнно даетъ право обществу пріобрѣтать недвижимыя имѣнія Но, независимо отъ устава общества, право общества охраняется Уставомъ Гражданскаго Судопроизводства, предоставляющимъ взыскателю обращать взысканіе на всякое имущество должника, а въ данномъ случаѣ базарная площадь въ мѣстечкѣ Семеновкѣ съ лавками и балаганами составляла единственный источникъ къ выполненію долга, и слѣдовательно, общество было вынуждено обратиться къ сему источнику. Далѣе въ частной жалобѣ говорилось, что претензія Безобразовой, заявленная несвоевременно, не можетъ быть принята во вниманіе, о чемъ представляется необходимымъ упомянуть, если бы, несмотря на умолчаніе Окружнымъ Судомъ о значеніи запрещеній, зашла рѣчь о томъ въ Палатѣ. Повѣренный Безобразовой возражалъ, между прочимъ, что имѣніе Севастьянова не укрѣплено еще за Балтійскимъ обществомъ и потому, какъ собственность должника, должно быть открытымъ для другихъ, кромѣ общества, кредиторовъ. Кіевская Судебная Палата постановила: 1) Харьковская Судебная Палата ограничилась обсужденіемъ вопроса о суммѣ, въ которой имѣніе Севастьянова можетъ быть укрѣплено за Балтійскимъ обществомъ, но не сдѣлала постановленія о самомъ укрѣпленіи, и потому Кіевская Судебная Палата считаетъ необходимымъ войти въ обсужденіе прочихъ частей жалобы повѣреннаго общества, касающихся неудовлетвореннаго Окружнымъ Судомъ ходатайства его объ укрѣпленіи за нимъ имѣнія Севастьянова и объ устраненіи другихъ кредиторовъ отъ участія въ удовлетвореніи. 2) По уставу Балтійскаго общества ему предоставлено право пріобрѣтать не только желѣзо судостроительные и механическіе заводы (3 § уст.), но и вообще недвижимыя имущества, какъ это явствуетъ изъ 17 и 45 §§ уст.

3) На пріобрѣтеніе обществомъ имѣнія Севастьянова имѣется и требуемое 45 § согласіе общаго собранія акціонеровъ, что подтверждается утвержденнымъ отчетомъ правленія общества, въ которомъ показанъ расходъ въ 1600 р. на крѣпостныя пошлины по предмету укрѣпленія имѣнія должника Севастьянова за обществомъ. 4) Началомъ установленнаго 1216 ст. Уст. Гр. Судопр. шестинедѣльнаго срока долженъ считаться день заявленія суду со стороны взыскателя о желаніи удержать непроданное имѣніе за собою, и такъ какъ со стороны Балтійскаго общества заявленіе было сдѣлано 28 марта 1880 г., а требованіе С.-Петербургскаго коммерческаго суда и Стародубскаго Окружнаго Суда о припечетаніи запрещеній послѣдовали значительно позже 6 ти недѣльнаго срока, тѣмъ болѣе—самое припечатаніе, то Палата признаетъ, что кредиторы Севастьянова, въ пользу коихъ наложены запрещенія, не имѣютъ права на полученіе удовлетворенія изъ имѣнія Севастьянова, составляющаго предметъ требованія Балтійскаго общества. Посему Палата опредѣлила: базарную площадь съ лавками и балаганами въ мѣстекѣ Семеновкѣ укрѣпить за Балтійскимъ обществомъ въ суммѣ 36618 рублей 10 коп. На опредѣленіе Кіевской Судебной Палаты принесъ кассаціонную жалобу повѣренный Безобразовой, присяжный повѣренный Макалинскій, и проситъ отмѣнить его, по нарушенію 699, 707, 728, 2 примѣч. къ 10 пун. 698 и 1509 ст. X Т. I ч., 3, 17 и 45 §§ уст. Балтійскаго общества, 2 пун. 711, 774, 892, 893, 894, 895, 933, 1171 и 1175 ст. Уст. Гражданскаго Судопроизводства. На кассаціонную жалобу подано объясненіе повѣреннымъ Балтійскаго общества, помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Малемомъ, опровергающимъ основательность жалобы и доказывающимъ правильность опредѣленія Кіевской Судебной Палаты.

По выслушаніи словесныхъ объясненій присяжнаго повѣреннаго Макалинскаго и помощника присяжнаго повѣреннаго Малема и заключенія Товарища Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) присяжный повѣренный Макалинскій видитъ нарушеніе 699, 707, 728 и 1509 ст. I ч. X Т. и 3 п. 933 ст. Уст. Гр. Суд. въ томъ, что Кіевская Судебная Палата признала имѣніе Севастьянова отвѣтственнымъ только по долгу Балтійскаго общества, тогда какъ до укрѣпленія имѣнія за обществомъ были заявлены претензіи его довѣрительницею, вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Безобразовою, которая въ правѣ была обратить взысканіе на то же имѣніе, какъ оставшееся собственностью должника, доколѣ оно не было укрѣплено за обществомъ обжалованнымъ нынѣ опредѣленіемъ Кіевской Судебной Палаты. Но съ мнѣніемъ просителя согласиться нельзя. При понудительномъ способѣ взысканія (948 и 1095 ст. Уст. Гр. Суд.) средствомъ къ пополненію долга служитъ имѣніе должника, на которое обращено взысканіе. будетъ ли оно продано съ публичнаго торга или нѣтъ. При состоявшейся продажѣ вырученныя деньги, какъ эквивалентъ имѣнія, поступаютъ въ пользу кредитора (954 и 955 ст.), а при несостоявшейся—самое имѣніе натурою (1063 и 1175), причемъ различаются случаи, смотря по тому, сколько кредиторовъ обратили взысканіе на имѣніе неисправнаго должника,—одинъ или нѣсколько; если одинъ, то вся взысканная или вырученная сумма отдается ему, за исключеніемъ остатка, превышающаго количество долга (954 въ связи съ 955 ст. Устава Гражд. Судопроизводства); если же взыскателей нѣсколько и вырученной суммы будетъ недостаточно для пополненія всѣхъ взысканій, то наступаетъ порядокъ распредѣленія суммъ по соразмѣрности претензій (956, 1215 и 1221 ст.). Только въ этомъ порядкѣ назначается закономъ шестинедѣльный срокъ для допущенія новыхъ взыскателей къ участію въ распредѣленіи суммъ (1222 ст.). Очевидно, когда взыскатель одинъ, не можетъ быть рѣчи объ удовлетвореніи претензій по соразмѣрности. То же положеніе примѣнимо и къ случаю покрытія долга самымъ имѣніемъ должника при несостоявшихся торгахъ. Совмѣстность претензій немыслима, когда взыскатель одинъ. Моментъ, съ котораго возникаютъ исключительныя права единственнаго взыскателя на имѣніе должника, оставшееся непроданнымъ, опредѣляется выраженнымъ формально со стороны кредитора желаніемъ укрѣпить имѣніе за собою заявленнымъ въ

прошеніи, поданномъ въ установленномъ порядкѣ и въ надлежащее судебное мѣсто. Онъ аналогиченъ съ моментомъ возникновенія правъ кредитора на полученіе денегъ, вырученныхъ отъ продажи. Какъ только вырученными отъ продажи имѣнія должника деньгами изъявилъ желаніе воспользоваться единственный взыскатель онѣ должны поступить въ его обладаніе, точно также, коль скоро единственный взыскатель выразилъ въ законномъ порядкѣ желаніе воспользоваться непроданнымъ имѣніемъ, оно должно быть укрѣплено за нимъ. Въ данномъ дѣлѣ жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Безобразова заявила свою претензію на базарную площадь съ лавками и балаганами въ мѣстечкѣ Семеновкѣ, принадлежавшую Севастьянову, послѣ подачи Балтійскимъ обществомъ прошенія объ укрѣпленіи за нимъ того имѣнія. Поэтому Кіевская Судебная Палата вполнѣ правильно признала, что кредиторы Севастьянова, въ пользу коихъ наложены запрещенія послѣ подачи обществомъ означеннаго прошенія, не имѣютъ права на полученіе удовлетворенія изъ имѣнія Севастьянова. Хотя Палата пришла къ подобному заключенію по инымъ соображеніямъ, но окончательный ея выводъ совершенно правиленъ, и потому опредѣленіе ея въ семъ отношеніи не подлежитъ отмѣнѣ (рѣш. 1879 г. № 6 и др.). Проситель указываетъ на нарушеніе 3, 17 и 45 §§ уст. общ. и 1 прим. къ 10 п. 698 ст. Тома X ч. I тѣмъ, что за обществомъ признано право пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ, и 45 § въ особенности—тѣмъ, что утвержденіе отчета правленія общества общимъ собраніемъ акціонеровъ приравнено къ предварительному разрѣшенію на пріобрѣтеніе. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что общество, заботясь о покрытіи неуплаченнаго Севастьяновымъ долга, въ правѣ было обратить взысканіе на принадлежащее должнику недвижимое имѣніе (938 и 948 ст. Уст. Гр. Суд.). Поэтому, не говоря о томъ, могло ли общество пріобрѣтать базарную площадь съ постройками въ силу своего устава, оно не могло лишиться права, принадлежащаго всякому кредитору, воспользоваться закономъ предоставленнымъ средствомъ къ погашенію долга. Далѣе правленіе общества уполномочено 30 § уст. ходатайствовать по дѣламъ общества безъ особой довѣренности отъ общаго собранія акціонеровъ; такъ оно и дѣйствовало въ настоящемъ дѣлѣ. Притомъ отчетъ правленія въ расходѣ 1600 руб. на пошлины по укрѣпленію имѣнія утвержденъ общимъ собраніемъ акціонеровъ. Такимъ образомъ, и начальныя, и заключительныя дѣйствія правленія удовлетворяютъ требованіямъ устава общества, а затѣмъ нарушенія §§ устава общества, о которыхъ говорится во 2 п. кассаціонной жалобы, не усматривается. 3) Присяжный повѣренный Макалинскій объясняетъ, что Кіевская Судебная Палата неясно высказалась, считаетъ-ли она обязательными для себя соображенія Харьковской Судебной Палаты о правѣ Балтійскаго общества оставить имѣніе за собою не по оцѣнкѣ, а въ суммѣ взысканія, или на разрѣшила вопросъ сама въ томъ-же смыслѣ. Въ первомъ случаѣ Палата, по мнѣнію просителя, нарушила 892— 895 ст. Уст. Гр. Суд., такъ какъ соображенія Палаты не входятъ въ законную силу (рѣш. 1874 г. № 685; 1875 г. № 651), а во второмъ—2 п. 711 ст. и 744 ст. Уст. Гр. Суд., ибо не подкрѣпила своего положенія никакими соображеніями. Но настоящее объясненіе просителя равнымъ образомъ неуважительно. Харьковская Судебная Палата разрѣшила окончательно вопросъ о суммѣ, въ какой имѣніе Севастьянова можетъ быть укрѣплено за Балтійскимъ обществомъ,—въ суммѣ ли оцѣнки или долга. Правда, въ самой резолютивной части опредѣленія Палаты не изложено положительнаго постановленія объ укрѣпленіи базарной площади съ лавками и балаганами, принадлежащей Севастьянову, за обществомъ въ суммѣ претензій, но смыслъ постановленія ясно вытекаетъ изъ соображеній, предшествующихъ резолюціи (рѣш. 1878 г. № 207). Стародубскій Окружный Судъ отказалъ въ ходатайствѣ общества о принятіи въ расчетъ не оцѣнки, а количества взысканія, придя къ заключенію, что имѣніе можетъ быть укрѣплено только въ суммѣ оцѣнки. Но Харьковская Судебная Палата отвергла заключеніе суда и привела свои соображенія, по которымъ пришла къ противоположному выводу; въ резолюціи Палаты, въ связи съ соображеніями, выразилось положительное постановленіе по предлежащему вопросу о правѣ, и, какъ таковое, оно не было обжаловано свое-

временно въ кассаціонномъ порядкѣ. Кіевская Судебная Палата вполнѣ основательно и согласно съ 893 ст. Уст. Гр. Суд. признала обязательнымъ для Окружнаго Суда и для себя опредѣленіе Харьковской Судебной Палаты, устраняющее необходимость соображеній по тому же предмету со стороны Кіевской Палаты (рѣш. 1877 г. № 60; 1880 г. № 161). Отсюда—указываемаго просителемъ нарушенія 2 п. 711, 774, 892—895 ст. Уст. Гр. Суд. видѣть нельзя, и 4) жалоба просителя на укрѣпленія Кіевскою Судебною Палатою имѣнія Севастьянова за Балтійскимъ обществомъ въ суммѣ взысканія и указаніе на нарушеніе въ семъ отношеніи 1171 и 1175 ст. Уст. Гражд. Суд. вовсе не подлежитъ разсмотрѣнію Правительствующаго Сената за силою 892 ст. Уст. Уг. Суд. Какъ сказано выше, Харьковская Судебная Палата разрѣшила споръ между кредиторами и должникомъ о суммѣ, въ какой кредиторъ можетъ пріобрѣсти имѣніе должника. Кіевская Судебная Палата исходила въ разрѣшеніи того же вопроса изъ опредѣленія Харьковской Палаты. Слѣдовательно, настоящая жалоба присяжнаго повѣреннаго Макалинскаго есть въ сущности жалоба на Харьковскую Палату. Но въ производствѣ дѣла до окончанія его въ Харьковской Палатѣ Безобразова, довѣрительница просителя, не принимала участія. А затѣмъ она не можетъ просить о кассаціи опредѣленія Кіевской Судебной Палаты, вытекающаго изъ опредѣленія Харьковской Палаты по данному предмету. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Безобразова оставить, за силою 793 ст. Уст. Гр. Суд., безъ послѣдствій.

162.—1882 года ноября 3 дня. *По прошенію крестьянъ Павла, Петра и Дмитрія Комаревыхъ объ отмѣнѣ рѣшенія Усманскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ, докладывалъ дѣло Сенаторъ А. О. Гаммъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора П. В. Домерниковъ).

Крестьянка Прасковья Мѣшкова заявила Мировому Судьѣ, что по раздѣлу учиненному отцомъ ея Корчагинымъ, ей досталось 8 дес. четвертной земли, которою она и владѣла съ 1860 г.; что крестьяне Комаревы 29 апрѣля 1880 г. засѣяли полторы десятины овсомъ и не допустили ея до распашки трехъ дес. пара изъ означенныхъ восьми дес., чѣмъ и нарушили ея владѣніе, а посему Мѣшкова просила возстановить нарушенное ея владѣніе. Отвѣтчики признали, что Мѣшкова владѣла землею одиннадцать лѣтъ, а въ февралѣ 1880 г. они, отвѣтчики, внесли подати за землю, по порученію общества четвертныхъ владѣльцевъ, и на этомъ основаніи начали владѣть землею Мѣшковой. По допросѣ свидѣтелей Мировой Судья опредѣлилъ возстановить нарушенное владѣніе Мѣшковой $4^1/_2$ дес. Въ апелляціонной жалобѣ Комаревы объяснили, что умершій дѣдъ ихъ, государственный крестьянинъ Корчагинъ, завѣщалъ при жизни своей, въ 1849 г., все движимое и недвижимое имѣніе, въ томъ числѣ $51^3/_{10}$ дес. четвертной земли родной дочери своей, а ихъ, просителей, матери Варварѣ Корчагиной и зятю своему, а ихъ, просителей, отцу Якову Комареву, а остальнымъ дочерямъ, въ томъ числѣ и Прасковьѣ Мѣшковой, ничего не отказалъ и приказалъ послѣднимъ не вступать во владѣніе землею, и съ того времени они, просители, владѣли землею безъ участія сестеръ ихъ матери, въ томъ числѣ и Прасковьи Мѣшковой 22 года, а затѣмъ мать ихъ, просителей, Варвара Комарева, въ теченіе 10 лѣтъ роздала своимъ сестрамъ частнымъ образомъ по нѣсколько десятинъ, но изъ нихъ Прасковья Мѣшкова возгордилась противъ ихъ, просителей, матери, почему ей съ 1 января 1880 г. отказано отъ владѣнія землею на томъ основаніи, что Прасковья Мѣшкова въ правахъ наслѣдства никѣмъ не утверждена и за ней земли нигдѣ не показано и не значится, слѣдовательно, съ Мѣшковой никто не можетъ взыскивать казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ; что Мѣшкова на владѣніе землею ихъ, просителей, никакихъ актовъ не имѣла и не имѣетъ; что, по 187 ст. Общ. Полож. о кр., каждое сельское общество

какъ при общинномъ, т.-е. душевомъ, такъ и при участковомъ или подворномъ наслѣдственномъ (т. е. четвертномъ) пользованіи землею отвѣчаетъ круговою порукою за каждаго изъ своихъ членовъ въ исправномъ отбываніи казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей. По 7 п. 51 ст. Общ. Полож. о крест. распоряженіе участками мірской земли какъ душевой, такъ и четвертной предоставляется сельскому сходу. На семъ основаніи сельскій сходъ приговоромъ, состоявшимся 27 января 1880 года, предоставилъ въ ихъ, просителей, распоряженіе и пользованіе $27^{3}/_{10}$ десят. изъ земли, принадлежавшей умершему дѣду ихъ, Корчагину, а теткамъ ихъ, просителей, по 8 десятинъ каждой, за исключеніемъ Прасковьи Мѣшковой, такъ какъ она выдана замужъ за крестьянина другого села и вслѣдствіе сего общество за нее не ручается въ исправномъ платежѣ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей; что, по 5 примѣч. къ 4 ст. Прав. о позем. устр. государствен. крестьянъ въ 36 губ., прил. IV по прод. 1868 года при раздробленіи участка по наслѣдству, распредѣленіе оброчной подати между частями раздробившагося участка производится по условію между наслѣдниками, правильность коего должна быть удостовѣрена мировымъ посредникомъ. На основаніи сей статьи закона вводъ во владѣніе четвертною землею наслѣдниковъ до мировыхъ судебныхъ установленій не относится, такъ какъ Мѣшкова во вводѣ во владѣніе ея судомъ землею не будетъ уплачивать казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ, и если сельскій сходъ за неплатежъ отберетъ отъ нея землю, то она, Мѣшкова, опять явится къ Мировому Судьѣ и будетъ просить о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, и, такимъ образомъ, Мѣшкова будетъ владѣть землею безъ платежа повинностей и можетъ на ней накопиться значительная недоимка, которую обязано будетъ платить сельское общество. Посему сельскій сходъ и отобралъ отъ Мѣшковой землю и отдалъ ее въ ихъ, просителей, распоряженіе. На семъ основаніи Комаревы просили рѣшеніе Судьи отмѣнить. При этомъ Комаревы представили копію съ духовнаго завѣщанія Корчагина и приговоръ общества крестьянъ четвертного владѣнія. Противъ этой апелляціи Мѣшкова объяснила, что духовное завѣщаніе отца ея, Корчагина, не было установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствовано послѣ смерти завѣщателя, посему она, на основаніи 1063 и 1065 ст. X Т. ч. I, должно считаться ничтожнымъ; что приговоръ четвертныхъ владѣльцевъ 27 января 1880 года о распредѣленіи земли, оставшейся послѣ смерти отца ея, Корчагина, не имѣетъ никакого юридическаго значенія, такъ какъ крестьянскимъ обществамъ принадлежитъ право распоряжаться только душевою землею, за которою не сохраняется наслѣдственнаго преемства; четвертныя же или помѣстныя земли находятся въ пользованіи не общества, а отдѣльныхъ членовъ его, по правамъ предковъ, и за этими землями удерживается характеръ наслѣдственнаго преемства, т.-е. послѣ смерти четвертного владѣльца состоящая въ его владѣніи помѣстная земля переходитъ къ его наслѣдникамъ, на основаніи существующихъ законовъ о наслѣдствѣ, изъ платежа за него установляемаго правительствомъ оброка, что видно изъ смысла 669, 670, 672, 755 и 756 ст. IX Т. Зак. о сост. изд. 1857 г. Поэтому четвертные владѣльцы, владѣющіе каждый изъ нихъ помѣстною землею по правамъ своихъ предковъ и въ опредѣленномъ и отдѣльномъ отъ другихъ количествѣ земли, не имѣли никакого права распредѣлять четвертную землю, оставшуюся послѣ смерти отца ея, между его наслѣдниками и лишать ея, просительницу, наслѣдственныхъ правъ по своему произволу. А посему Мѣшкова просила апелляціонную жалобу Комаревыхъ оставить безъ послѣдствій. Съѣздъ Мировыхъ Судей нашелъ, что объясненіями самихъ отвѣтчиковъ доказывается, что Мѣшкова въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, до весны 1880 года, владѣла спорною землею въ количествѣ 8 десятинъ, что весною 1880 г., на основаніи приговора своего сельскаго общества, братья Комаревы отобрали у Мѣшковой часть земли и засѣяли $1^{1}/_{2}$ дес. овсомъ, который и убрали; затѣмъ убрали еще 27 саж. овса, посѣяннаго съемщикомъ земли у Мѣшковой, а также вспахали 3 десят. паровой земли, которую послѣ рѣшенія дѣла сего Мировымъ Судьею засѣяла Мѣшкова. Что же касается до апелляціонныхъ доводовъ отвѣтчиковъ, то Съѣздъ находитъ ихъ незаслуживающими уваженія, такъ какъ 51 ст. Полож. о кр. относится лишь къ пре-

дѣламъ мірской общественной земли, а не четвертной наслѣдственной, почему общество и не имѣетъ права производить раздѣла и передѣла наслѣдственной четвертной земли, и что фактъ нарушенія владѣнія Мѣшковой братьями Комаревыми является вполнѣ доказаннымъ. А посему Съѣздъ рѣшеніе Мирового Судьи утвердилъ. Въ кассаціонной жалобѣ Комаревы объясняютъ, что въ настоящемъ дѣлѣ Съѣзду предстояло разрѣшить вопросъ: въ правѣ ли общество, за пресѣченіемъ у умершаго владѣльца Корчагина наслѣдниковъ мужскаго пола, принять на себя обязанность въ распредѣленіи его участка земли между наслѣдниками женскаго пола по своему усмотрѣнію. Вопросъ этотъ разрѣшается 187 ст. Общ. Пол. о кр., 117 ст. Мѣстн. Пол. о над. и польз. кр. землею, 3 и 5 п. 15 ст. прав. о поз. устр. госуд. кр., 5 п. прав. 23 ноября 1870 г. и X п. владѣнной записи. Эти законы приводятъ просителей къ убѣжденію, что на составленіе приговора 27 января 1880 г. общество четвертн. владѣльцевъ имѣло законное право, и если Мѣшкова считала приговоръ этотъ неправильнымъ, то имѣла право обжаловать его въ порядкѣ и срокѣ, указанныхъ Общ. Пол. о кр. и Пол. о губ. и уѣздн. присут. чрезъ мировыя по крест. дѣламъ учрежденія, а, за неисполненіемъ сего, приговоръ, какъ неуничтоженный подлежащею властью и вступившій въ законную силу, для мировыхъ судеб. установленій обязателенъ, почему Съѣздъ обязанъ былъ отказать въ искѣ Мѣшковой; выводъ же Съѣзда, что 51 ст. относится только къ предѣламъ общественной земли, противорѣчитъ буквальному смыслу выше приведеннаго закона и 7 п. 51, 54, 187 и 188 ст. общ. Пол. о крест.; затѣмъ Съѣздъ нарушилъ кассац. рѣш. 1868 г. № 287, принявъ къ своему разбирательству искъ о возвращеніи имущества, отобраннаго по распоряженію общества, подсудный крестьянскимъ учрежденіямъ; кромѣ того, мировымъ судебнымъ установленіямъ подсудны лишь дѣла о земляхъ крестьянъ, пріобрѣтенныхъ ими внѣ надѣла.

Обращаясь прежде всего къ возбужденному просителями вопросу о неподсудности иска Мѣшковой мировымъ судебнымъ установленіямъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по точному смыслу 96 ст. Общ. Пол. о крест. IX Т. Св. Зак. изд. 1876 г., крестьянскимъ учрежденіямъ подсудны лишь иски, по цѣнѣ своей не превышающіе ста рублей; иски же о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, какъ неподлежащіе оцѣнкѣ, вѣдаются, согласно 29 ст. Уст. Гр. Суд., мировыми, а не волостными судами; а такъ какъ Мѣшкова предъявила къ просителямъ искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, то Мировой Съѣздъ правильно принялъ его къ своему разсмотрѣнію. Затѣмъ, по существу дѣла просители какъ на Мировомъ Съѣздѣ, такъ и въ кассаціонной жалобѣ возражаютъ, что они завладѣли землею Мѣшковой не самовольно, а по постановленію сельскаго схода; въ подтвержденіе же того, что сельскій сходъ имѣлъ право распорядиться землею, находившеюся во владѣніи Мѣшковой, просители сослались на 51, 54, 187 и 188 стат. Общ. Полож. о крест., на 117 ст. Мѣстн. Полож. о польз. над., на 3 и 5 пункты 15 ст. прав. о позем. устр. государств. крест. и на 5 п. правилъ 23 ноября 1870 года (Т. IX Св. Зак. изд. 1876 г.). Но всѣ эти статьи не только не подтверждаютъ сдѣланной на нихъ ссылки, а, наоборотъ, положительно ей противорѣчатъ: такъ, по смыслу 7 п. 51 ст. Общ. Полож. о кр. и стат. 117 Мѣстн. Полож., сельскій сходъ имѣетъ право распоряжаться подворными участками, принадлежащими отдѣльнымъ лицамъ, лишь въ томъ случаѣ, когда эти участки остаются выморочными или безхозяйными; земля же, о которой идетъ настоящій споръ, находилась, какъ установилъ Съѣздъ, во владѣніи Мѣшковой на четвертномъ правѣ. Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи своемъ отъ 14 января 1881 года по дѣлу Бобиковой и Горбунова (Сб. рѣш. Пр. Сен. 1882 г. № 147) разъяснилъ, что четвертная земля составляетъ наслѣдственную принадлежность того двора, за которымъ она записана во владѣнной записи; слѣдовательно, она можетъ подлежать распоряженію сельскаго схода лишь въ томъ случаѣ, когда останется выморочною, чего въ данномъ дѣлѣ не было, такъ какъ послѣ Корчагина остались наслѣдницы его дочери. Равнымъ образомъ не можетъ быть признано за сельскимъ сходомъ право распоряжаться четвертною землею на основаніи

187 и 188 ст. Общ. Пол. и 5 пун. Правилъ 23 ноября 1870 г. Въ этихъ статьяхъ говорится лишь о порядкѣ исполненія крестьянами, принадлежащими къ сельскимъ обществамъ, повинностей и податей и о мѣрахъ для побужденія отдѣльныхъ членовъ общества къ уплатѣ податей; но въ числѣ такихъ побудительныхъ мѣръ о правѣ сельскаго общества отбирать отъ неисправныхъ плательщиковъ ихъ подворные участки не упоминается. Такимъ образомъ, заключеніе Мирового Съѣзда о томъ, что сельскій сходъ не имѣлъ права отбирать у Мѣшковой землю и что таковая должна быть обратно ей возвращена отъ Комаревыхъ, представляется вполнѣ правильнымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ сельскій сходъ являлся представителемъ не государственной власти, а лишь представителемъ частныхъ интересовъ общества. Въ виду приведенныхъ соображеній, не усматривая въ рѣшеніи Съѣзда указанныхъ просителями нарушеній, Правительствующій Сенатъ, по выслушаніи заключенія Товарища Оберъ Прокурора, о п р е д ѣ л я е т ъ: просьбу Комаревыхъ, на основаніи 186 ст. Уст. Гр. Суд. (Т. X ч. 2 Свод. Зак. изд. 1876 г.), оставить безъ послѣдствій.

163.—1882 г. декабря 22 дня. *По прошенію С.-Петербургскаго купца Николая Ковригина объ отмѣнѣ опредѣленія С. Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. О. Гаммъ; заключеніе давалъ Оберъ-Прокуроръ А. В. Ивановъ).

Купецъ Ковригинъ, ссылаясь на перестройки, произведенныя имъ въ своемъ домѣ, послѣ описи такого за долгъ его купеческому сыну Андрею Одноушевскому, просилъ судебнаго пристава Матусевича о производствѣ дополнительной описи и переоцѣнки описаннаго имущества. Отказъ судебнаго пристава въ означенной просьбѣ Ковригинъ обжаловалъ С. Петербургскому Окружному Суду, который, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашелъ: 1) что, по мнѣнію жалобщика, неправильность дѣйствій судебнаго пристава заключается въ томъ, что онъ отказалъ ему въ просьбѣ произвести дополнительную опись и переоцѣнку дома его, описаннаго на удовлетвореніе претензіи Одноушевскаго, несмотря на то, что домъ этотъ послѣ означенной описи возвысился въ цѣнѣ вслѣдствіе возведенія имъ, Ковригинымъ, новаго этажа, взамѣнъ прежде бывшаго мезонина; 2) что, между тѣмъ, по точному смыслу 1130 ст. Устава Гражд. Суд., касающейся порядка управленія описаннымъ недвижимымъ имѣніемъ, должникъ обязанъ принять таковое по описи и сдать въ томъ же устройствѣ, въ которомъ принялъ; 3) что посему никакое самовольное, по распоряженію должника, измѣненіе состава описаннаго имѣнія, хотя бы даже и увеличивающее стоимость онаго, не можетъ предоставлять должнику какихъ либо преимуществъ въ ущербъ интересамъ взыскателя; 4) что въ виду этого, требованіе Ковригина о производствѣ дополнительной описи и переоцѣнки дома его не могло быть уважено приставомъ безъ согласія взыскателя Одноушевскаго, такъ какъ совершеніе этихъ дѣйствій влекло бы за собою необходимость назначенія новаго срока продажи, и 5) что вообще признаніе за должниками права на такія требованія давало бы имъ возможность постепенно отдалять производство торговъ и тѣмъ самымъ ставить лицъ, обратившихъ взысканія на ихъ имущество, въ затрудненіе, а иногда, быть можетъ, и въ полную невозможность получить надлежащее удовлетвореніе. Исходя изъ приведенныхъ соображеній и признавая, что, по неимѣнію въ виду согласія Одноушевскаго, повѣренный котораго и въ настоящемъ засѣданіи возражалъ противъ домогательства купца Ковригина, судебный приставъ поступилъ правильно, отказавъ въ требованіи послѣдняго,—С. Петербургскій Окружный Судъ, руководствуясь 1130 ст. Уст. Граж. Судопр., постановилъ: принесенную Ковригинымъ жалобу на дѣйствія судебнаго пристава Матусевича оставить безъ послѣдствій. На означенное опредѣленіе Ковригинъ подалъ частную жалобу въ С.-Петербургскую Судебную Палату, которая нашла: 1) что, по 1130 ст. Т. X ч. 2 Уст. Гр. Судопр.,

должникъ, принявшій имѣніе по описи, долженъ сдать оное въ такомъ же устройствѣ, какъ оное принялъ, и, слѣдовательно, не въ правѣ безъ согласія взыскателя производить какія либо въ этомъ имѣніи видоизмѣненія, хотя бы и увеличивающія его цѣнность; если же тѣмъ не менѣе такія видоизмѣненія имъ произведены, то онъ не въ правѣ извлекать изъ этого какія либо для себя, въ ущербъ взыскателю, выгоды и замедлять производство взыскания требованіемъ новой описи; 2) что хотя въ настоящее время Ковригинъ и указываетъ на то, что произведенныя имъ постройки вызваны были происшедшимъ уже послѣ описи пожаромъ и что, слѣдовательно, имѣніе видоизмѣнилось по независѣвшимъ отъ него причинамъ, но указаніе это не можетъ заслуживать уваженія; въ поданной въ Окружный Судъ на судебнаго пристава жалобѣ онъ на пожаръ вовсе не ссылался и въ первый разъ упомянулъ о немъ лишь во второмъ засѣданіи Суда, причемъ, представляя удостовѣреніе полицейскаго пристава, что пожаръ имѣлъ мѣсто въ 1879 г., ничѣмъ не доказалъ, что опись была произведена до пожара; напротивъ того, повѣренный его, Ковригина, объяснилъ, что навѣрное не знаетъ, когда именно была произведена опись, но слышалъ, что она была произведена въ мартѣ 1879 г., а пожаръ произошелъ въ февралѣ или мартѣ; повѣренный же взыскателя Одноушевскаго объяснилъ, что опись ни въ какомъ случаѣ не могла быть произведена до 27 сентября 1879 г., ибо лишь въ этотъ день состоялось присужденіе самаго взысканія и противъ этого повѣренный Ковригина не представилъ возраженій, и 3) что, такимъ образомъ, опредѣленіе Окружнаго Суда, коимъ жалоба Ковригина на отказъ судебнаго пристава въ производствѣ новой описи и оцѣнки оставлена безъ послѣдствій, оказывается совершенно правильнымъ. По симъ основаніямъ Судебная Палата оставила частную жалобу Ковригина безъ послѣдствій. Ходатайствуя объ отмѣнѣ сего опредѣленія, Ковригинъ въ кассаціонной жалобѣ своей приводитъ слѣдующія къ тому основанія: 1) 1130 ст. Уст. Гр. Суд. имѣетъ въ виду охранить описанное имущество отъ разоренія и тѣмъ гарантировать интересы взыскателя, но не воспрещаетъ должнику производить въ описанномъ имѣніи измѣненія, увеличивающія его цѣнность, и не требуетъ на то согласія кредитора; 2) вопросъ о невозможности продажи имѣнія по описи и публикаціямъ, не соотвѣтствующимъ состоянію онаго въ моментъ продажи, долженъ быть разрѣшенъ на основаніи не 1130, а 3 пун. 1147 ст. Уст.; вопросъ этотъ, возбужденный въ частной жалобѣ на Окружный Судъ, оставленъ Палатою безъ обсужденія (711 и 774 ст. Уст. Гр. Суд.), и 3) придавая существенное значеніе выясненію времени описи и пожара дома и находя объясненія сторонъ по этому предмету недостаточными, Палата обязана была примѣнить 368 стат. Уст. Гражданск. Судопроизв.

По выслушаніи заключенія Оберъ-Прокурора Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) подлежащій разрѣшенію по существу настоящей жалобы вопросъ заключается въ томъ, въ правѣ ли должникъ, во владѣніи коего оставлено описанное имѣніе, производить въ семъ имѣніи, безъ согласія на то взыскателя, измѣненія, увеличивающія цѣнность имѣнія, и, по производствѣ таковыхъ, домогаться дополнительной описи и переоцѣнки имѣнія для публичной продажи. Изъ разсмотрѣнія сего вопроса оказывается, что по закону (1128 ст. Уст. Гр. Суд.), описанное имѣніе остается до публичной продажи во владѣніи прежняго владѣльца, который управляетъ онымъ, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ стат. 1097, т. е. лишается права отчуждать какъ самое имѣніе, такъ и вообще отчуждать или разрушать такіе предметы, которые считаются по закону принадлежностью имѣнія, причемъ смыслъ сего узаконенія заключается въ предупрежденіи уменьшенія цѣнности и доходности такового имѣнія, вслѣдствіе чего производство въ имѣніи измѣненій, увеличивающихъ цѣнность онаго, не являясь дѣяніемъ, воспрещеннымъ закономъ, не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ порождать такія для должника права, которыя клонились бы ко вреду или стѣсненію взыскателя. Посему требованіе должника о производствѣ, безъ согласія на то взыскателя, новой описи, въ виду того, что послѣ описи имѣніе имъ улучшено и увеличена цѣнность онаго, не можетъ заслуживать уваженія, такъ какъ затрагиваетъ интересы взыскателя, вызывая промедленіе въ полученіи имъ

присужденнаго ему судомъ взысканія,—промедленіе, не ограниченное и основанное на одностороннемъ желаніи должника, причемъ послѣдній, въ огражденіе своихъ интересовъ, въ смыслѣ предупрежденія продажи имѣнія по составленной описи ниже дѣйствительной новой его стоимости, можетъ, съ представленіемъ надлежащихъ документовъ, просить судебнаго пристава о пріобщеніи къ торговому листу свѣдѣній о послѣдовавшемъ послѣ составленія описи увеличеніи цѣнности продаваемаго имущества, и 2) равнымъ образомъ не заслуживаютъ уваженія и другіе приведенные просителемъ поводы къ отмѣнѣ опредѣленія Палаты; указаніе на нарушеніе ст. 711 и 774 Уст. Гр. Суд. оставленіемъ безъ разсмотрѣнія возбужденнаго въ частной жалобѣ вопроса о невозможности продажи имѣнія по описи, не соотвѣтствующей состоянію имѣнія въ моментъ его продажи, неосновательно, такъ какъ вопросъ этотъ, въ виду признанія Палатою незаконности составленія, при указанныхъ обстоятельствахъ, новыхъ описей съ соотвѣтственнымъ назначеніемъ новыхъ сроковъ продажи, не требовалъ уже особаго разсмотрѣнія и разрѣшенія; наконецъ, объясненіе просителя о томъ, что Палата, придавая существенное значеніе выясненію времени описи и пожара дома и находя объясненія сторонъ по этому предмету недостаточными, должна была примѣнить 368 ст. Уст. Гр. Суд., не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія, такъ какъ, по неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената (сб. рѣш. Гр. Касс. Д та 1867 г. № 171; 1868 г. №№ 108, 259 и др.), означенная ст. 368 не возлагаетъ на судъ обязанности, но предоставляетъ ему только право, если онъ найдетъ, что по нѣкоторымъ изъ приведенныхъ сторонами обстоятельствъ, существенныхъ для разрѣшенія дѣла, не представлено доказательствъ объявлять объ этомъ сторонамъ и назначать срокъ для разъясненія вышеозначенныхъ обстоятельствъ. Независимо отъ сего въ данномъ случаѣ изъ опредѣленія Палаты вовсе не усматривается, чтобы указанныя просителемъ обстоятельства признавались бы ею существенными для разрѣшенія дѣла. По всѣмъ симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: кассаціонную жалобу купца Николая Ковригина оставить,за силою 793 ст. Уст. Гражд. Суд., безъ послѣдствій.

164.—1882 г. ноября 10 дня. *По прошенію повѣреннаго Рязанской губернской земской управы, присяжнаго повѣреннаго Порозова, объ отмѣнѣ рѣшенія Московской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующій Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. Н. Сальковъ; заключеніе давалъ Тов. Оберъ-Прокурора П. Н. Гершищевъ).

Разянская губернская земская управа въ апрѣлѣ 1879 г. предъявила въ Рязанскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ правленію общества Рязанско-Козловской желѣзной дороги, между прочимъ, о признаніи отвѣтчика обязаннымъ передать въ завѣдываніе земства незаконно занятую правленіемъ дороги часть Михайловскаго почтоваго тракта свыше 1000 кв. саж., очистивъ оную въ назначенный судомъ срокъ отъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій. Въ основаніе иска земская управа приводила то, что при распространеніи желѣзнодорожныхъ сооруженій на Рязанской станціи занятіе означенной части почтоваго тракта, состоящаго въ вѣдѣніи земства, послѣдовало безъ утвержденія плановъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія. На возраженіе отвѣтчика, что необходимость расширенія сооруженій на станціи вызвана устройствомъ второго рельсоваго пути по особому, заключенному съ правительствомъ въ 1869 г., договору и что занятія при этомъ части почтоваго тракта нельзя считать самовольнымъ въ виду того, что оно послѣдовало на основаніи проекта и плана, утвержденныхъ, согласно уставу, правительственнымъ инспекторомъ, истецъ возразилъ, что этому инспектору не предоставлено права отчуждать землю безъ пріобрѣтенія оной въ собственность установленнымъ въ законѣ порядкомъ (9 и 15 §§ Высочайше утвержденнаго въ 1865 году устава общества Рязанско Козловской желѣзной дороги), т.-е. или по соглашенію съ собственникомъ земли, или же путемъ экспропріаціи посредствомъ оцѣнки, произведенной въ порядкѣ, предписанномъ 575

и послѣдующ. ст. Т. X ч. I, а такъ какъ общество при занятіи части Михайловскаго тракта не обратилось ни къ одному изъ сихъ способовъ и акта укрѣпленія не имѣетъ, то оно обязано, въ силу 609 ст. X Т. I ч., незаконно занятую землю возвратить земству. Окружный Судъ рѣшеніемъ 7 августа 1880 года, между прочимъ, опредѣлилъ: изъявъ изъ владѣнія общества Рязянско Козловской желѣзной дороги занятую имъ часть Михайловскаго почтоваго тракта, въ количествѣ 1093½ квад. саж., обязать общество передать эту землю въ завѣдываніе Рязанскаго губернскаго земства и снести находящіяся на оной сооруженія въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня вступленія рѣшенія въ законную силу. Московская же Судебная Палата отмѣнила это рѣшеніе по слѣдующимъ соображеніямъ: общество Рязанско Козловской желѣзной дороги, въ силу 9 и 15 §§ своего устава, а равно 2 ст. Высочайше утвержденнаго 7 октября 1869 года договора (объ устройствѣ второго рельсоваго пути), имѣетъ право при сооруженіи линіи и построекъ пользоваться льготными правами, государственнымъ работамъ присвоенными, и можетъ занимать подъ дорогу частныя и казенныя земли по правиламъ, указаннымъ какъ въ означенныхъ §§, такъ и въ 575 и послѣдующ. ст. X Тома I части. Заявленіе истца, что отвѣтчикъ самовольно, будто бы, завладѣлъ спорною землею, оказывается по заключенію Палаты, неосновательнымъ, ибо изъ представленнаго со стороны истца отзыва правленія общества Рязанско-Козловской желѣзной дороги отъ 4 іюля 1870 года и изъ имѣющагося въ дѣлѣ плана добавочнаго отчужденія земель при станціи „Рязань“ для устройства второго рельсоваго пути видно, что планъ этотъ утвержденъ къ исполненію правительственнымъ инспекторомъ дороги и что общество входило въ соглашеніе съ земскою управою относительно вознагражденія за отошедшую подъ дорогу землю, но между ними не послѣдовало соглашенія. При такихъ обстоятельствахъ и въ виду ст. 7 Высочайше утвержденнаго договора отъ 7 октября 1869 года и 3 примѣч. къ 575 ст. X Тома ч. I (по продолж. 1876 года), а равно того обстоятельства, что работа была срочная, откладывать передачу земли до разрѣшенія спора о вознагражденіи не слѣдовало. Если и допустить, что при занятіи Михайловскаго тракта подъ желѣзную дорогу не были соблюдены правила, указанныя въ 575 и послѣдующихъ ст. X Тома I ч., то изъ этого нельзя еще вывести заключенія, что земля должна быть изъята изъ владѣнія общества, въ особенности, если она необходима для дороги. Управа, признавая, что общество заняло излишнюю землю, должна была для разрѣшенія возникшаго по сему предмету спора обратиться къ административному вѣдомству, ибо, какъ разъяснено въ указѣ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената отъ 21 ноября 1877 года, послѣдовавшемъ по другому иску управы (объ убыткахъ), разрѣшеніе вопроса, какое именно количество земли требуется подъ дорогу и сооруженія, зависитъ не отъ суда, а отъ административнаго вѣдомства. Въ этомъ же порядкѣ слѣдуетъ управѣ обратиться и съ требованіемъ о вознагражденіи за отошедшую подъ дорогу землю, если она признаетъ, что общество не въ правѣ было воспользоваться безвозмездно этою землею. По изложеннымъ основаніямъ Судебная Палата 20/27 апрѣля 1881 года опредѣлила: въ искѣ Разанской губернской земской управы отказать. Повѣренный управы, присяжный повѣренный Порозовъ, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ рѣшенія Палаты, по нарушенію 575 и 609 ст. X Тома I части, 1, 367 и 706 стат. Устава Гражданскаго Суд., §§ 7, 9 и 15 устава общества и ст. 2 и 7 договора отъ 7 октября 1869 г., а также по неправильному, будто-бы, изложенію въ рѣшеніи Палаты обстоятельствъ дѣла и невѣрному толкованію приведеннаго выше указа Гражд. Касссаціоннаго Департамента отъ 21 ноября 1877 года.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по содержанію кассаціонной жалобы существенный вопросъ, подлежащій въ настоящемъ дѣлѣ разрѣшенію, состоитъ въ томъ, можетъ ли занятіе части Михайловскаго почтоваго тракта подъ сооруженія Рязанско-Козловской желѣзной дороги, по случаю устройства второго рельсоваго пути, признаваться при установленныхъ Судебною Палатою обстоятельствахъ дѣла и въ виду приводимыхъ просителемъ постановленій дѣйствіемъ

самовольнымъ, долженствующимъ имѣть послѣдствія, указанныя въ 609 ст. X Т. I ч. т.-е. возвращеніе истцу занятой желѣзнодорожными сооруженіями земли. По § 7 Высочайше утвержденнаго 12 марта 1865 г. устава общества Рязанско Козловской желѣзной дороги (Пол. Собр. Зак. за 1865 годъ № 41909), направленіе линіи и самый проектъ по оной подлежали прежде приступа къ работамъ утвержденію главноуправляющаго путями сообщенія. По силѣ 9 § уст., обществу предоставлено пользоваться при сооруженіи дороги всѣми правами, государственнымъ работамъ присвоенными, въ томъ числѣ и правомъ законнаго отчужденія и занятія земель, необходимыхъ подъ дорогу и ея принадлежности. Въ 15 же § того же устава говорится между прочимъ, о томъ, на какой гербовой бумагѣ должны быть писаны акты на пріобрѣтеніе отходящихъ подъ желѣзную дорогу земель. Затѣмъ, въ заключенномъ между обществомъ и правительствомъ 7 октября 1869 г. договорѣ объ устройствѣ на Рязанско Козловской линіи второго рельсоваго пути постановлено, между прочимъ, что общество (ст. 2) при устройствѣ этого пути пользуется вообще всѣми льготами, исчисленными въ 9 и 15 §§ уст. 1865 г., что оно обязывается (ст. 5) принять всѣ зависящія отъ него мѣры, дабы окончить требуемыя отъ него по договору устройства никакъ не позже 1870 года, и что (ст. 7) составныя части второго пути и другія сооруженія должны быть согласованы съ проектами, утвержденными правительствомъ при первоначальной постройкѣ Рязанско Козловской желѣзной дороги, и возводиться не иначе, какъ по одобреніи правительственнымъ инспекторомъ дороги, составленныхъ на упомянутыя сооруженія проектовъ и спесификацій. При этомъ необходимо замѣтить, что послѣ выполненія обществомъ работъ по устройству второго пути состоялось Высочайше утвержденное 16 іюня 1872 года Положеніе комитета министровъ (Пол. Собр. Закон. 1872 года № 51006), въ силу коего Уставъ 1865 года дополненъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „на основаніи договора, заключеннаго 7 октября 1869 года между правительствомъ и обществомъ Рязанско Козловской желѣзной дороги, общество сіе устроило второй рельсовой путь, со всѣми принадлежностями, на всемъ протяженіи дороги и усилило подвижной составъ въ размѣрѣ, указанномъ въ томъ же договорѣ. Договоръ сей составляетъ дополненіе къ Высочайше утвержденному 12 марта 1865 года уставу общества Рязанско Козловской желѣзной дороги и служитъ къ измѣненію тѣхъ §§ устава, съ которыми не согласны статьи договора“. Примѣняя изложенныя постановленія, имѣющія силу спеціальнаго закона (Сбор. рѣш. 1873 года № 1124 и друг.), къ установленной Судебною Палатою фактической сторонѣ дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя занятіе правленіемъ общества, подъ устройство второго рельсоваго пути, части состоящаго въ завѣдываніи земства Михайловскаго тракта послѣдовало прежде, чѣмъ могли состояться Высочайшее повелѣніе (576 ст. Т. X I ч.) объ отчужденіи имущества, а равно соглашеніе о вознагражденіи (575 и 577 ст. того же Тома и части) и выдача обществу надлежащаго акта укрѣпленія (если исполненіе всего этого требовалось по отношенію къ отошедшей подъ дорогу землѣ), но объясненное занятіе части почтоваго участка подъ желѣзнодорожныя сооруженія не можетъ быть признаваемо дѣйствіемъ со стороны общества самовольнымъ, предусмотрѣннымъ 609 ст. Т. X ч. 1, ибо утвержденіе правительственнымъ инспекторомъ по предоставленному ему праву (пун. 7 договора 1869 года), проекта устройства второго рельсоваго пути и точный смыслъ приведеннаго выше примѣчанія къ уставу 1865 года удостовѣряютъ, что занятіе упомянутой земли было необходимо для желѣзнодорожныхъ сооруженій на основаніи данной обществу концессіи и что выполненіе требовавшихся отъ общества по договору работъ ограничено было точно опредѣленнымъ срокомъ, а именно: „никакъ не позже 1870 года“. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что Судебная Палата поступила правильно и ни въ чемъ не нарушила приводимыхъ просителемъ 575 и 609 ст. X Т. I ч., §§ 7, 9 и 15 устава 1865 года и ст. 2 и 7 договора 1869 года, не признавъ въ занятіи спорной земли самовольнаго дѣйствія со стороны общества Рязанско Козловской желѣзной дороги и отказавъ на семъ основаніи губернской земской управѣ въ ея искѣ.

Нарушеніе 367 и 706 ст. Уст. Гр. Суд. проситель видитъ въ томъ, что Палата, говоря о правѣ общества занять землю, не выжидая окончанія возникшаго спора о вознагражденіи, разсуждала, будто бы, о предметѣ, о которомъ не было предъявлено требованія; нарушеніе же 1 ст. Уст. Гр. Суд. усматривается просителемъ въ томъ соображеніи Палаты, что земство должно было съ вопросомъ о количествѣ нужной для желѣзной дороги земли обратиться не въ судъ, а къ административному вѣдомству, причемъ Палата, по мнѣнію просителя, невѣрно истолковала указъ Гр. Кас. Деп. отъ 21 ноября 1877 г. Но всѣ эти заявленія не заслуживаютъ уваженія, ибо, если бы разсужденія и соображенія Палаты по объясненнымъ предметамъ дѣйствительно оказывались неумѣстными и не согласовались съ приведеннымъ указомъ Гражд. Кас. Деп., то обстоятельство это не могло бы имѣть никакого значенія по отношенію къ главному вопросу, на разрѣшеніи коего основанъ отказъ управѣ въ искѣ. Руководствуясь изложенными соображеніями и имѣя въ виду, что проситель, жалуясь на неправильное изложеніе въ рѣшеніи Палаты обстоятельствъ дѣла, не объясняетъ, въ чемъ именно заключается таковая неправильность,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: жалобу повѣреннаго Рязанской губернской земской управы, присяжнаго повѣреннаго Порозова, за силою 793 ст. Уст. Гражд. Судопр., оставить безъ послѣдствій.

165.—1882 г. ноября 10 дня. *По прошенію повѣреннаго общества Московско-Брестской желѣзной дороги, присяжнаго повѣреннаго Владимира Васильева, объ отмѣнѣ рѣшенія Гжатскаго Мирового Съѣзда.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. Н. Сальковъ; заключеніе давалъ Товар. Оберъ-Прокурора П. Н. Грешищевъ).

Повѣренный Иванова предъявилъ у Мирового Судьи Гжатскаго округа искъ къ обществу Московско Брестской желѣзной дороги о вознагражденіи убытковъ на сумму 150 р., причиненныхъ истцу пожаромъ, происшедшимъ въ постройкахъ его отъ искръ проходившаго мимо ихъ поѣзда желѣзной дороги. Повѣренный отвѣтчика предъявилъ отводъ противъ подсудности этого иска мировымъ судебнымъ установленіямъ Гжатскаго округа, находя, что, по нахожденію правленія общества въ Петербургѣ, настоящій искъ, въ силу 35 ст. Уст. Гр. Суд., подвѣдомственъ С. Петербургскому Мировому Суду; по существу же иска повѣренный отвѣтчика возражалъ, что оный представляется недоказаннымъ, между прочимъ, за отсутствіемъ удостовѣренія о томъ, что строенія истца удалены были отъ линіи желѣзной дороги на установленное разстояніе и покрыты надлежащимъ матеріаломъ. Мировой Съѣздъ, разсмотрѣвъ дѣло по апелляціи отвѣтчика на рѣшеніе Мирового Судьи, присудилъ исковое требованіе. По отводу о подсудности Съѣздъ нашелъ, что, на основаніи 213 ст. Уст. Гр. Суд., искъ объ убыткахъ, причиненныхъ недвижимому имуществу, предъявляется по мѣсту нахожденія имущества, а такъ какъ имущество, коему причиненъ ущербъ поѣздомъ Московско-Брестской желѣзной дороги, находится въ Гжатскомъ мировомъ судебномъ округѣ, то искъ о вознагражденіи сего ущерба подвѣдомственъ мировымъ установленіямъ этого округа. Что же касается приведеннаго объясненія повѣреннаго отв тчика по существу дѣла, то Съѣздъ нашелъ, что оно является возраженіемъ противъ иска и, какъ таковое, должно было быть доказано отвѣтчикомъ. Въ принесенной Правительствующему Сенату кассаціонной жалобѣ повѣренный отвѣтчика, присяжный повѣренный Васильевъ, проситъ объ отмѣнѣ рѣшенія Съѣзда, по нарушенію 34, 35 и 1 п. 69, 81 и 56 ст. Уст. Гражд. Судопроизводства.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора и разсмотрѣвъ рѣшеніе Съѣзда въ предѣлахъ кассаціонной жалобы, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по общему правилу о подсудности (32 ст. Уст. Гр. Суд.) искъ предъявляется у того Мирового Судьи, въ участкѣ коего имѣетъ жительство отвѣтчикъ. Этому общему правилу соотвѣтствуетъ и постановленіе,

изложенное въ 35 ст. того же Устава, относительно исковъ противъ компаній, обществъ и товариществъ. Но изъ помянутаго общаго правила допущено исключеніе для исковъ, въ ст. 34 означенныхъ, которые обыкновенно сопряжены съ мѣстными изслѣдованіями и потому несравненно удобнѣе могутъ быть разсматриваемы тѣмъ Мировымъ Судьею, въ участкѣ коего находится имѣніе, къ которому искъ относится. На семъ основаніи и искъ противъ компаніи, общества и товарищества, когда предметомъ его является требованіе о вознагражденіи убытковъ въ недвижимомъ имѣніи, долженъ быть предъявленъ по мѣсту нахожденія имѣнія. То же самое соображеніе, послужившее основаніемъ къ допущенію исключенія, постановленнаго въ 34 ст. Уст. Гр. Суд., имѣлось въ виду и при изданіи закона, выраженнаго въ 213 ст. Уст. Гр. Суд. (Т. X ч. 2 изд. 1876 г.). Признавая посему заключеніе Мирового Съѣзда о подсудности настоящаго иска Гжатскому Мировому Суду правильнымъ, а объясненіе просителя о нарушеніи 34 и 35 и 1 п. 69 ст. Уст. Граж. неосновательнымъ, и принимая во вниманіе: 1) что въ рѣшеніи Съѣзда приведено соображеніе, по коему онъ призналъ отвѣтчика обязаннымъ доказать заявленіе свое относительно разстоянія сгорѣвшихъ построекъ отъ линіи желѣзной дороги; проситель-же, жалуясь на нарушеніе въ данномъ случаѣ Съѣздомъ 81 ст. Уст. Гр. Суд., не объясняетъ, почему именно онъ находитъ соображеніе Съѣзда неправильнымъ; 2) что разрѣшеніе вопроса о томъ, доказалъ-ли истецъ свое требованіе, а отвѣтчикъ представленныя имъ возраженія, зависитъ, согласно многократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу, и 3) что упоминаемая въ 56 ст. Уст. Гр. Суд. повѣрка цѣны имущества производится не для опредѣленія дѣйствительнаго размѣра искового требованія, а для разрѣшенія, въ случаѣ спора, вопроса, о подсудности дѣла мировымъ установленіямъ по цѣнѣ иска (Сб. рѣш. 1872 г. № 27 и друг.); отвѣтчикъ же во время производства настоящаго дѣла подобнаго спора вовсе не возбуждалъ, а потому объясненіе его о нарушеніи Съѣздомъ 56 ст. Уст. Гр. Суд. оказывается незаслуживающимъ уваженія,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: означенное прошеніе общества Московско Брестской желѣзной дороги, за силою 186 ст. Уст. Гр. Суд., оставить безъ послѣдствій.

166.—1882 года мая 12 дня. *По прошенію дворянина Василія Войцеховича объ отмѣнѣ рѣшенія Городницкаго Мирового Съѣзда по иску объ отмѣнѣ продажи имѣнія малолѣтняго Ивана Гайденка, состоявшейся 31 августа 1881 г.*

(Предсѣдательствовалъ за Первоприсутствующ. Сенаторъ Я. Г. Есиповичъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. Н. Сальковъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора графъ В. А. Тизенгаузенъ).

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, на основаніи 1132 ст. Устава Гражд. Судопроизв., къ окончанію описи и оцѣнки недвижимаго имѣнія должникъ и взыскатель могутъ заявить судебному приставу о мѣстѣ, срокѣ и порядкѣ публичной продажи. Если по симъ предметамъ не послѣдуетъ соглашенія между должникомъ и взыскателемъ, то въ порядкѣ продажи безусловно должно руководствоваться правилами, въ слѣдующихъ затѣмъ статьяхъ изложенными. А какъ въ данномъ случаѣ Съѣздомъ установлено съ одной стороны, что соглашенія о мѣстѣ и срокѣ продажи между взыскателемъ и должникомъ не послѣдовало, а съ другой—что предположенное къ продажѣ имѣніе состоитъ частью въ Сосницкомъ, частью въ Черниговскомъ уѣздахъ, и притомъ оцѣнено въ 500 рублей, то заключеніе Съѣзда о томъ, что торги на это имѣніе могли быть произведены лишь при Черниговскомъ Окружномъ Судѣ, оказывается совершенно согласнымъ съ буквальнымъ смысломъ 1133 стат. Уст. Гражд. Судопр. (рѣш. Общ. Собр. 1 и Кассац. Департ. 1872 года № 58, 1874 г. № 18 и Гражд. Касс. Департ. 1877 года № 158). Равнымъ образомъ въ этомъ заключеніи Съѣзда нельзя видѣть нарушенія и указываемыхъ просителемъ 813 и 1180 ст. Устава Гражданск. Судопр., такъ какъ Сосницкій Мировой Съѣздъ въ разсмотрѣніе возбужденнаго нынѣ вопроса вовсе не

входилъ, и Сенатъ въ указѣ отъ 5 мая 1881 г. разъяснилъ только, что торгъ признается недѣйствительнымъ лишь въ случаяхъ, поименованныхъ въ 1180 ст. Уст. Гр. Суд., но, конечно, такой торгъ, который произведенъ при надлежащемъ судебномъ мѣстѣ. Если-же допустить, что публичная продажа недвижимаго имѣнія можетъ безъ согласія взыскателя или должника быть назначена не въ томъ судѣ, гдѣ слѣдуетъ по закону, то это повело-бы къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Что-же касается до объясненія просителя о пропускѣ заинтересованными въ дѣлѣ лицами установленныхъ въ 1202 и 1204 ст. сроковъ для принесенія жалобъ, то заявленіе это, какъ сдѣланное впервые въ кассаціонной жалобѣ, непосредственному обсужденію Сената подлежать не можетъ (рѣш. 1878 г. №№ 103, 145 и др.). По симъ основаніямъ Правит. Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: просьбу дворянина Войцеховича, за силою 186 ст. Устава Гражд. Суд., оставить безъ послѣдствій.

167.—1882 г. сентября 29 дня. *По прошенію маіора Ивана Самсонова объ отмѣнѣ рѣшенія С. Петербургской Судебной Палаты.*

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутствующ. Сенаторъ П. И. Саломонъ; докладывалъ дѣло Сенаторъ А. Н. Сальковъ; заключеніе давалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. Е. *Вельцинъ*).

Статскій совѣтникъ Дмитрій Князевъ въ исковомъ прошеніи объяснилъ, что 6 іюля 1877 года онъ передалъ маіору Ивану Самсонову 6000 руб. для уплаты выданныхъ имъ, Князевымъ, 2 хъ векселей въ 3000 руб. каждый на имя Екатерины Сороко, но обязанности этой Самсоновъ не исполнилъ, чѣмъ и причинилъ ему убытокъ въ 7300 р., который и просилъ взыскать съ Самсонова. При исковой представлена и подлинная расписка Самсонова отъ 6 іюля 1877 года. Отвѣтчикъ оспаривалъ, между прочимъ, этотъ искъ тѣмъ, что означенная расписка, какъ выданная во время его несостоятельности и своевременно не представленная въ существовавшее по дѣламъ его конкурсное управленіе, потеряла всякое значеніе, тѣмъ болѣе, что дѣло о его несостоятельности окончено мировою сдѣлкою. С. Петербургская Судебная Палата нашла, что дѣйствія Самсонова по представленной ко взысканію распискѣ должны были выразиться въ слѣдующемъ: Самсоновъ обязанъ былъ передать полученные имъ отъ Князева 6000 руб. Екатеринѣ Сороко на уплату долга Князева ей, Сороко, по двумъ векселямъ на означенную сумму и возвратить затѣмъ Князеву оплаченные векселя. Коль-скоро же расписка 6 іюля 1877 года устанавляетъ обязательство Самсонова въ указанныхъ лишь предѣлахъ, то затѣмъ дѣйствительность этой расписки по ея послѣдствіямъ не можетъ быть оспариваема, по мнѣнію Судебной Палаты, на томъ основаніи, что таковая выдана Самсоновымъ въ то время, когда онъ уже былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Безспорно, что сдѣлка, въ которую вступаетъ лицо, объявленное несостоятельнымъ должникомъ, въ томъ случаѣ, если этою сдѣлкою установляется имущественная отвѣтственность этого лица, должна быть признана недѣйствительною въ силу какъ приведенной отвѣтчикомъ 770 стат. I ч. X Тома, такъ и вообще общаго смысла законоположеній о несостоятельности. Но совершенно иначе представляются сдѣлки, подобныя настоящей распискѣ, въ которыхъ несостоятельный исключительно обязывается личными съ его стороны дѣйствіями, исполненіе коихъ не обусловлено, по существу самой сдѣлки, какою-либо отвѣтственностью его имуществомъ, то есть такимъ имуществомъ, которое за его несостоятельностью въ дѣйствительности принадлежитъ уже не ему, а его кредиторамъ. Къ признанію таковыхъ сдѣлокъ недѣйствительными при самомъ ихъ заключеніи не представляется никакого законнаго основанія, ибо несомнѣнно, что фактъ объявленія извѣстнаго лица несостоятельнымъ ограничиваетъ гражданскія права послѣдняго не безусловно, а лишь настолько, насколько пользованіе этими правами нарушаетъ имущественные интересы его кредиторовъ. Отсюда слѣдуетъ, что Самсоновъ, хотя и объявленный несостоятельнымъ должникомъ, въ правѣ былъ принять на себя исполненіе тѣхъ чисто личныхъ съ его стороны дѣйствій, которыя выражены имъ въ его распискѣ. То же обстоятельство, что выдача Самсоновымъ расписки 6 іюля 1877 года

вызвана была полученіемъ имъ отъ Князева денежной суммы, нисколько не ослабляетъ вышеприведеннаго вывода о дѣйствительности по послѣдствіямъ обязательства Самсонова, выраженнаго въ распискѣ 6 іюля 1877 года, ибо деньги были получены Самсоновымъ не въ свое распоряженіе, а для передачи ихъ Сороко, слѣдовательно, неисполненіе имъ этого порученія устанавливало обязанность его возвратить эти деньги Князеву, а таковая отвѣтственность, очевидно, не нарушала ни въ чемъ правъ кредиторовъ на имущество несостоятельнаго. Вопросъ о ненарушимости этихъ правъ могъ бы еще возникнуть въ томъ случаѣ, если-бы Князевъ возбудилъ искъ о возвратѣ ему Самсоновымъ непереданныхъ по назначенію денегъ еще при продолжающейся несостоятельности Самсонова и если бы обнаружилось тогда по дѣлу или при исполненіи послѣдовавшаго по этому дѣлу судебнаго рѣшенія о признаніи отвѣтчика обязаннымъ возвратить означенныя деньги, что у отвѣтчика этихъ денегъ нѣтъ. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ Князевъ не могъ бы простирать какое либо право на удовлетвореніе его изъ того имущества, которое въ силу законовъ о несостоятельности должно поступить на удовлетвореніе кредиторовъ несостоятельнаго. Но этотъ вопросъ и не можетъ быть возбужденъ при настоящихъ обстоятельствахъ, когда искъ о возвратѣ денегъ предъявленъ Князевымъ уже за прекращеніемъ несостоятельности Самсонова мировою сдѣлкою (14 марта 1878 г.), т.-е. когда Самсоновъ является полноправнымъ хозяиномъ своего имущества. Признавать же, что Князевъ ограниченъ былъ въ предъявленіи имъ настоящаго иска какимъ-либо инымъ срокомъ, кромѣ общаго давностнаго, не представляется никакихъ законныхъ основаній, ибо, какъ уже было выше замѣчено, вопросъ о правѣ Самсонова вступать въ установленныя распискою договорныя отношенія съ Князевымъ и о дѣйствительности означенной отвѣтственности перваго передъ вторымъ при неисполненіи этой сдѣлки долженъ быть разрѣшенъ совершенно независимо отъ установленныхъ закономъ послѣдствій объявленій извѣстнаго лица несостоятельнымъ. Въ силу же этихъ соображеній устраняется и указаніе отвѣтчика на то, что, будто-бы, размѣръ полученнаго кредиторами Самсонова дивиденда по мировой сдѣлкѣ долженъ быть принятъ въ соображеніе при разрѣшеніи судомъ иска Князева о возвратѣ 6000 р. Обращаясь въ заключеніе къ разсмотрѣнію другой части иска Князева—объ убыткахъ, понесенныхъ имъ отъ непередачи Самсоновымъ Екатеринѣ Сороко 6000 руб. на уплату по векселямъ Князева, Палата нашла, что убытки эти истецъ опредѣляетъ въ тѣхъ процентахъ и 2 хъ процентной неустойкѣ, которые присуждены съ него рѣшеніемъ коммерческаго суда отъ 15 февраля 1879 г. по иску Сороко, основанному на тѣхъ векселяхъ, каковое рѣшеніе обращено къ исполненію. По мнѣнію Судебной Палаты, связь этихъ убытковъ съ упущеніемъ отвѣтчика по предмету непередачи имъ Сороко денегъ Князева на уплату по векселямъ представляется несомнѣнною, т. е. что обязанность Князева удовлетворить Екатерину Сороко не только капитальною суммою, но и процентами со дня просрочки, и законною неустойкою вызвана неисполненіемъ отвѣтчикомъ обязанности своей передать Екатеринѣ Сороко 6000 рублей, полученные имъ отъ Князева еще до просрочки тѣхъ векселей, на ихъ удовлетвореніе. Въ виду этой связи право истца на возмещеніе тѣхъ убытковъ представляется основаннымъ на законѣ (статья 684 Т. X ч. I). Самый же размѣръ убытковъ опредѣляется истцомъ суммою процентовъ со времени, съ котораго они присуждены по рѣшенію коммерческаго Суда съ Князева въ пользу Екатерины Сороко, по день предъявленія настоящаго иска (1180 р) и 120 р. убытковъ, присужденныхъ тѣмъ же рѣшеніемъ въ видѣ двухпроцентной неустойки, каковой расчетъ представляется составленнымъ правильно. Наконецъ, такъ какъ самое право Князева отыскивать въ видѣ убытковъ съ Самсонова присужденные съ него, Князева, въ пользу Сороко проценты и неустойку должно быть признано возникшимъ только съ того времени, когда о взысканіи этихъ процентовъ и неустойки съ Князева состоялось судебное рѣшеніе, обращенное къ исполненію, а это послѣдовало уже въ то время, когда несостоятельность Самсонова уже была прекращена мировою сдѣлкою, то по отношенію настоящаго иска Князева къ Самсонову объ убыткахъ не можетъ быть и возбужденъ вопросъ о томъ, согласно-ли

*

съ законами о несостоятельности установленіе подобной имущественной отвѣтственности Самсонова предъ Князевымъ, независимо отъ той отвѣтственности Самсонова, которая разобрана выше и которая признана дѣйствительною и при несостоятельности Самсонова. По всѣмъ симъ соображеніямъ и не усматривая въ семъ дѣлѣ такихъ обстоятельствъ, которыя, помимо разрѣшенія въ гражданскомъ порядкѣ вытекающихъ изъ расписки 6 іюля 1877 г. правовыхъ отношеній сторонъ, вызывали бы необходимость передачи дѣла въ уголовный судъ, Судебная Палата, руководствуясь приведенными законами и 1, 8, 339, 366, 774, 776 и 868 ст. Уст. Гр. Суд. Т. X ч. 2 изд. 1876 года, опредѣлила: присудить Дмитрію Князеву съ маіора Ивана Самсонова 7300 р. Въ кассаціонной жалобѣ Самсоновъ объясняетъ: 1) признавъ расписку для него обязательною, несмотря на то, что выдача таковой послѣдовала во время его несостоятельности и что по содержанію своему она не можетъ быть причислена ни къ одному изъ договоровъ, указанныхъ въ законѣ, Палата нарушила 770, 1538, 1539 ст. X Т. I ч.; 2) неисполненіе имъ даннаго Князевымъ порученія сдѣлалось извѣстно послѣднему еще во время существованія по дѣламъ его конкурснаго управленія, въ которое и надлежало заявить Князеву о своей претензіи; признавъ же за Князевымъ больше правъ, чѣмъ онъ могъ имѣть по конкурсу, Палата нарушила 574, 684 ст. X Т. I ч., 1887, 1891, 1902, 1931 и 1950 ст. Т. XI Уст. Торг., и 3) присудивъ Князеву убытки въ полномъ размѣрѣ, а не согласно мировой сдѣлкѣ, Палата нарушила 2015 ст. Т. XI Уст. Торг.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, въ силу 770 ст. X Тома I ч., запрещается писать и совершать отъ имени банкротовъ и несостоятельныхъ должниковъ всякіе вообще акты объ имѣніи или займѣ; въ настоящемъ же случаѣ изъ содержанія расписки Палатою установлено, что Самсоновъ обязывался передъ Князевымъ только личными дѣйствіями, вовсе не касавшимися его имущества. Равнымъ образомъ то обстоятельство, что заключенное между тяжущимися условіе не подходитъ ни подъ одну изъ категорій договоровъ, не должно служить основаніемъ къ признанію того условія необязательнымъ для заключившихъ оное сторонъ, если оно состоялось по добровольному ихъ согласію и по содержанію своему не противно закону, чего Самсономъ и не оспариваетъ (рѣш. 1875 г. №№ 167, 810; 1878 г. № 288). Что же касается до объясненія Самсонова о томъ, что Князевъ утратилъ право на полученіе удовлетворенія по настоящей претензіи какъ вслѣдствіе незаявленія оной въ порядкѣ, указанномъ 1888 ст. Устава Торгов., такъ и потому, что дѣло о несостоятельности его, Самсонова, прекращено мировою сдѣлкою, то Правительствующій Сенатъ не можетъ не принять во вниманіе, что хотя 1888 ст. Уст. Торг. и обязываетъ всѣхъ кредиторовъ несостоятельнаго должника заявить о своихъ требованіяхъ въ предписанные тою же статьею сроки, но ни въ этой статьѣ, ни вообще въ Торговомъ Уставѣ не содержится постановленія, въ силу коего неисполненіе кредиторомъ помянутой обязанности влекло бы за собою, какъ необходимое послѣдствіе, окончательную утрату его права на полученіе удовлетворенія по его претензіи. Подобное постановленіе дѣйствительно существовало въ Банкротскомъ Уставѣ 1800 года, на основаніи 65 ст. коего кредиторы, не заявившіе своихъ претензій въ установленные сроки, лишались всѣхъ своихъ требованій; но законъ сей былъ впослѣдствіи измѣненъ мнѣніемъ Государств. Совѣта, Высочайше утвержден. 4-го декабря 1826 года, по которому въ разъясненіе ст. 65 было постановлено, что кредиторы, пропустившіе сроки для заявленія своихъ требованій, сохраняютъ, однако же, въ теченіе десяти лѣтъ право на полученіе удовлетворенія изъ имѣнія должника, оставшагося свободнымъ, за удовлетвореніемъ прочихъ кредиторовъ, причемъ самая статья 65 не была включена въ изданный взамѣнъ Банкротскаго Устава 1800 года Уставъ о торговой несостоятельности 1832 года. Съ другой стороны. нельзя не обратить вниманія на то, что дѣйствующее законодательство (Т. XI Уст. Торг.), опредѣляя послѣдствія признанія должника несостоятельнымъ, какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніяхъ, „поминаетъ лишь въ одномъ случаѣ, а именно, при несостоятельности несчастной (ст. 2000 Устава Торгов.), о пре-

кращеніи долговыхъ требованій къ будущему имуществу должника, но и то только по претензіямъ, въ конкурсъ вступившимъ. При этомъ, очевидно, законъ имѣлъ въ виду, что постановленіе конкурса о несчастной несостоятельности должника имѣетъ значеніе добровольнаго прощенія кредиторами недополученныхъ ими по конкурсу долговъ. Но изъ этого нельзя заключить, чтобы кредиторы, оставшіеся внѣ конкурснаго производства, были лишены права производить впослѣдствіи взысканіе изъ имущества, которое должникъ можетъ пріобрѣсти по закрытіи конкурса. При отсутствіи, такимъ образомъ, въ Торговомъ Уставѣ положительнаго правила, коимъ кредиторъ, не исполнившій требованія 1888 ст. и не предъявившій своей претензіи въ конкурсъ, навсегда и безусловно лишался бы права на взысканіе оной, нельзя не признать, что одно незаявленіе Князевымъ претензія его въ порядкѣ, указаномъ приведенною статьею, не уничтожаетъ права его по прекращеніи конкурса, домогаться взысканія съ Самсонова причиненныхъ неисполненіемъ договора убытковъ. Точно также не можетъ лишить Князева этого права и мировая сдѣлка Самсонова съ кредиторами, своевременно заявившими свои претензіи въ конкурсъ, ибо Уставъ о торговой несостоятельности, узаконяя, что мировыя сдѣлки прекращаютъ „конкурсъ и всѣ его послѣдствія“, вовсе не указываетъ, чтобы таковыя сдѣлки уничтожали тѣ претензіи, которыя не были предъявлены въ конкурсъ (ст. 2013—2017 Т. XI Уст. Торг.). Засимъ, хотя сіи послѣднія, не предъявленныя въ конкурсъ, претензіи, по точной силѣ ст. 2014 Уст. Торгов., не должны имѣть обратнаго дѣйствія на мировыя сдѣлки, вошедшія уже въ законную силу, но такъ какъ по настоящему дѣлу не усматривается, чтобы претензія Князева могла имѣть обратное дѣйствіе на мировую сдѣлку Самсонова съ прежними кредиторами и служить препятствіемъ къ ея осуществленію, то и приведенная ст. 2014 не можетъ служить основаніемъ къ лишенію Князева права на удовлетвореніе. По симъ основаніямъ и руководствуясь Высочайше утвержд. 13-го октября 1881 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта по дѣлу о денежной претензіи коллежскаго секретаря Тизенгаузена къ купцу Геллеру (Собр. узакон. и распоряж. Правит. за 1881 годъ № 130 ст. 838), Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: жалобу Самсонова, за силою 793 ст. Уст. Гр. Судопр., оставить безъ послѣдствій.

УКАЗАТЕЛЬ

рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената прежнихъ лѣтъ, напечатанныхъ въ XVII томѣ сборника

за 1882 годъ.

		стр. офиц. изд.	стр. неоф. изд.
1880 года 5 ноября 1881 года 4 ноября . . .	по дѣлу Гамермана	7	6 № 3
1880 года 16 января . .	„ „ Савицкаго	154	112 № 40
— „ 13 февраля и 30 апр.	„ „ Рейхмана	163	119 № 41
1881 „ *26 марта* . . .	„ „ *Костромского* гор. общ. банка	429	312 № 100
— „ 30 сентября . .	„ „ Азаревичъ	450	327 № 101
1880 г 15 октября 1881 г. 4 ноября . . .	„ „ Попова	459	333 № 102
— „ 14 января . .	„ „ Бобиковыхъ	693	503 № 147
— „ 26 марта и 4 ноября .	„ „ Лытиковой	697	506 № 148